

Годъ VII.—Книга 6.

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

ДУХОВНЫЙ

БОГОСЛОВСКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ

1905.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всероссийскій пер., д. военнаго вѣдомства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	<i>Стран.</i>
Грѣхи разслабляютъ душу и тѣло. Прот. о. Іоанна Ильича Сергіева. (Кроншт.)	5
Къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости. Профессора Юрьевскаго Университета. М. Е. Красножена	9
Добродѣтель и религія въ ихъ взаимоотношеніи между собою. С. В. Ястребцова	23
Патріотизмъ и христіанство	58

ОТДѢЛЪ II.

На могилѣ М. Н. Каткова. Прот. І. И. Соловьева.	81
Идеальное и реальное въ жизни Христіанина. Г. Добрякова	89
Изъ исторіи духовнаго обновленія одной души. Л. Оль	121

БИБЛІОГРАФІЯ.

Мнѣнія, отзывы и письма Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго по разнымъ вопросамъ. — Н. П. Гириловъ-Платоновъ. Вопросы Вѣры и Церкви. — Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. Арсеній, епископъ Пскоцскій. П. С. — Духовенство древней вселенской церкви. (Отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка). Историческіе очерки А. П. Лебедева профессора Московскаго Университета. М. В—въ.

Новыя книги.

Объявленія.

ВѢРА и ЦЕРКОВЬ.

1905.

ТОМЪ II.

Печатать дозволяется, Москва, 25 августа 1905 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Благоузовъ*.

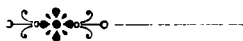
Годъ VII.—Книга 6.

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

ДУХОВНЫЙ

БОГОСЛОВСКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1905.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всеволожскій пер., д. военнаго вѣдомства.

Глагола́ имъ (ученикамъ Своимъ)
Иисъ: вы же когѡ Мѧ глаголете быти;
Ѹвѣщавъ же Сѧмънъ Петръ, рече:
Ты еси Хрѣстосъ, Снъ Бѧ живагъ.
И ѡвѣщавъ Иисъ рече ѣмъ: блженъ
еси Сѧмъне вѣръ Іѡна, ꙗкѡ плоть
и крѡвъ не ꙗви тебѣ, но Оцъ Мѡй,
Иже на нѣбъхъ. И азъ же тебѣ глголю,
ꙗкѡ ты еси Петръ, и на сѣмъ кѧмени
созиждѣ Црковь Мою, и врата ѧдова
не ѡдолѣютъ ѣй.

(Мѡ. XVI, 16—18).

Нѣсть стъ, ꙗкоже Ты, Гди Бже
мѡй, вознесый рѡгъ вѣрныхъ Твоихъ,
Блже, и оутвердивый насъ на кѧмени
исповѣданѧ Твоегъ.

*(Ирм. третьей пѣсни воскр.
канона шестого гласа).*

ГРѢХИ РАЗСЛАБЛЯЮТЪ ДУШУ И ТѢЛО.

Видя Иисусъ въру ихъ (носильщиковъ), сказалъ разслабленному: дерзай, чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои. (Мѡ. 9, 2).

Нынѣшнее (17 іюля) чтеніе изъ Евангелія, дорогіе братія, подастъ мнѣ поводъ побесѣдовать съ вами о томъ, сколь ужасно грѣхи наши разслабляютъ душу и тѣло и заражаютъ его болѣзнями. Слушайте.

Господь Иисусъ Христосъ, всемогущее и собезначальное Слово Бога Отца, создавшее отъ небытія міръ видимый и невидимый,—приходитъ въ городъ Капернаумъ.

И вотъ, принесли къ Нему разслабленнаго, положили на постели. И видя Иисусъ въру ихъ, сказалъ разслабленному: Дерзай, чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои.

При семъ нѣкоторые изъ книжниковъ сказали сами въ себѣ: Онъ богохульствуетъ.

Иисусъ же, видя помысленія ихъ, сказалъ: Для чего вы мыслите худое въ сердцахъ вашихъ? ибо что легче сказать: прощаются тебѣ грѣхи твои? или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сынъ Человѣческій имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи,—тогда говоритъ разслабленному: Встань, возьми постель твою и иди въ домъ твой.

И онъ всталъ (взявъ постель свою) и пошелъ въ домъ свой. Народъ же, видѣвъ это, удивился и прославилъ Бога, даващаго такую власть челоуѣкамъ (Мѡ. 9, 2—8).

Здѣсь конецъ дневнаго Евангелія.

Какой урокъ даетъ намъ эта евангельская повѣсть? Именно тотъ, что грѣхи расслабляютъ душу и тѣло чело-вѣка грѣшнаго; а потому Всевѣдущій Врачъ и Спаситель сначала исцѣляетъ душу больного, прощаетъ ему тайные грѣхи, а затѣмъ врачуетъ и тѣло его говоря: *встань, возьми постель твою и иди въ домъ твой* (Мѡ. 9, 6).

Видите, какая тѣсная связь между грѣхомъ и болѣзнию? А всѣ ли это знаютъ? Многіе совсѣмъ не знаютъ этой связи, и потому съ завязанными, такъ-сказать, глазами, увлекаются всякими грѣхами, а потомъ, какъ болѣзни начнутъ ихъ удручать,—ропщутъ на Бога, кака бы на виновника ихъ. Не сами ли виноваты въ своихъ болѣзняхъ?

Упоминаемый въ Евангеліи расслабленный изображаетъ собою всѣхъ людей. Всѣ люди грѣшны и расслаблены душою и тѣломъ въ большей или меньшей степени. Иного расслабляетъ крайне болѣзненное самолюбіе, иного лѣность вѣрить, молиться; иного — самомнѣніе, невѣріе, лукавство, сомнѣніе; иного—зависть, корыстолюбіе, тщеславіе, страсть къ играмъ, зрѣлищамъ, къ пустому чтенію; иныхъ—супружеская невѣрность, прелюбодѣйная страсть; иного—пьянство, своеволіе, самоуправство, непокорность; иныхъ—страсть къ стачкѣ, и иныхъ—стремленіе къ политическимъ переворотамъ, къ переоцѣнкѣ всякихъ цѣнностей религіозныхъ, семейныхъ, политическихъ, экономическихъ, нравственныхъ. Кто нынѣ не зараженъ тѣмъ или другимъ недугомъ нравственнымъ? Многіе стремятся едва не къ царству, хотя сами не умѣютъ управлять собою и господствовать надъ своими страстями.

Государственный организмъ колеблется: торговля и промышленность терпятъ большой уронъ, бѣдность и нищета увеличиваются. А въ наказаніе за тяжкіе грѣхи Богъ не даетъ побѣды надъ внѣшними врагами, и они побѣждаютъ насъ, и мы терпимъ поражение за поражениемъ.

Приведу здѣсь въ назиданіе слово одного древняго писателя Римскаго, блаженнаго Иеронима, находившагося въ обстоятельствахъ, подобныхъ нашимъ.

«Я оплакиваю несчастную судьбу нашу. Сердце содрогается, когда помотришь на гибельные слѣды разрушенія, постигшаго нашъ вѣкъ. Каждый день льется Римская кровь. Держава Римская колеблется, и только наша гордость заставляетъ насъ поднимать главу на развалинахъ своей имперіи; войны толпами отводятся въ плѣнъ. Еслибъ я имѣлъ тысячу языковъ и тысячу усть, я и тогда не могъ бы возвѣстить о всѣхъ казняхъ карающаго насъ Промысла».

«Но я пишу не исторію; я слегка коснулся только нашихъ бѣдствій съ тѣмъ, чтобы ихъ оплакать».

«Давно уже чувствуемъ надъ собою тяжесть гнѣва небеснаго, и однакоже не думаемъ преклонять на милость Бога. Что, какъ не наши преступленія сдѣлали дерзновенными варваровъ? За что, какъ не за наши беззаконія, поражается всюду римское воинство? Но какъ будто бы вражескій мечъ еще мало пилъ кровь нашу,—мы истребляемъ другъ друга внутренними междоусобіями, болѣе убійственными, нежели брани съ врагами внѣшними».

«Бѣдственна была участь Израиля, когда Богъ наказалъ его чрезъ раба—Навуходоносора. Несчастна и наша судьба, когда Онъ, во гнѣвѣ Своемъ, оставляетъ насъ свирѣпству варваровъ».

«Царь Езекія пролилъ нѣкогда слезы покаянія,—и сто-восемьдесятъ пять тысячъ Ассиріянъ пали въ одну ночь отъ руки Ангела (4 Цар. 19,35). Иосафатъ воспѣлъ священныя пѣсни Господу—и Господь былъ его поборникомъ. И Моисей побѣдилъ Амалика не мечомъ, но молитвою».

«А мы вездѣ мечтаемъ торжествовать своими силами,—и вездѣ падаемъ».

«Какой стыдъ! Какое неимовѣрное омраченіе ума! Римское побѣдоносное воинство, дававшее законы вселенной, разбито, бѣжить, трепещетъ одинаго взора враговъ своихъ. Мы не думаемъ удалить отъ себя причины болѣзней; потому-то болѣзнь и свирѣпствуетъ во всей силѣ; потому-то толпы варваровъ и торжествуютъ надъ благоустроеннымъ воинствомъ». (*Блаженнаго Иеронима письмо епископу Илюдору*).

Довольно. Какъ эти слава древняго писателя, жившаго полторы тысячи лѣтъ назадъ, оплакивавшаго беззаконія и

бѣдствія своего отечества, идутъ и къ намъ, Русскимъ! За умноженіемъ безвѣрія и беззаконій Господь умножилъ наши бѣдствія внутреннія и внѣшнія. Что нужно для отвращенія ихъ? Немедленное покаяніе усердное, смиренное, и общее исправленіе нравовъ.

Аминь.

Александръ Леонидовичъ Сергійевъ

КЪ ВОПРОСУ О СВОБОДѢ СОВѢСТИ И О ВѢРОТЕРПИМОСТИ.

„Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ: если увидишь кого-либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся дѣдствію — будетъ-ли то еретикъ, или латынянинъ, — всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь; и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется...“. Изъ посланія преп. Феодосія Печерскаго къ великому князю Изяславу (Макарій. Исторія русской церкви. Томъ II стр. 136).

„Совѣсть человѣческая единому Богу тожмо подлежитъ и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуживать“... (Грамота Петра Великаго польскому королю Августу II 9-го марта 1718 года).

„Поляки безвозбранно да чтутъ Господа Бога по латинскому обряду, рускіе же люди искони были и будутъ православными и вмѣстѣ съ Царемъ и Царицею выше всего чтутъ и любятъ родную Православную Церковь“. (Слова, собственноручно начертанныя нынѣ Царствующимъ Государемъ Императоромъ во 2-ой день іюля 1898 года).

Именной Высочайшій указъ отъ 17 апрѣля 1905 года о вѣротерпимости въ Россіи является однимъ изъ выдающихся событій въ жизни церковной и государственной.

Толкованіе означеннаго указа вызвало уже обширную литературу въ печати, какъ свѣтской, такъ и духовной.

Въ настоящее время, когда предстоитъ нелегкая задача согласовать нынѣ дѣйствующее законодательство—церковное и государственное—съ означеннымъ указомъ, своевременно указать тѣ основныя начала церковнаго права, которыми должны руководствоваться отдѣльныя вѣроисповѣданія въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, а также не будетъ излишнимъ представить рядъ историческихъ данныхъ по вопросу о вѣротерпимости въ Россіи.

Каждая церковь (Православная, римско-католическая, евангелическо-лютеранская, армяно-грегоріанская и друг.), считая только одну себя истинною христовою Церковью, принадлежность къ которой въ дѣлѣ спасенія является безусловно необходимою, объявляетъ только свое ученіе единственно истиннымъ, исключаяющимъ другія ученія, какъ ложныя и всѣхъ къ ней не принадлежащихъ называетъ иновѣрцами, относится къ этимъ послѣднимъ совершенно отрицательно, смотритъ на нихъ, какъ на лицъ, заблуждающихся въ истинѣ, и заботится обратить ихъ въ свое лоно. Иначе не можетъ и быть. Такъ какъ истина едина сама въ себѣ и двухъ противоположныхъ истинъ быть не можетъ, то не можетъ быть и двухъ истинныхъ, но различныхъ по существу своего ученія, христіанскихъ церквей; истинная Христова Церковь есть и должна быть едина.

Отсюда вытекають слѣдующіе выводы:

1) Ни одна церковь не можетъ имѣть внѣшней юрисдикціи надъ послѣдователями другихъ вѣроисповѣданій и не можетъ принудительнымъ образомъ распространять свои уставы и обряды на лицъ, къ ней не принадлежащихъ.

Это правило весьма строго соблюдала по отношенію къ неправославнымъ христіанамъ русская церковная и государственная власть. Такъ, на примѣръ, когда въ 1673 году лютеране представили на разрѣшеніе патріарха дѣло о

двоеженствѣ одного датчанина, то патриархъ отвѣтилъ имъ, что это дѣло не подлежитъ его суду. Далѣе, на просьбу посла англійской королевы Елизаветы — Елизара Флечера, — не дѣлать англійскимъ купцамъ, приѣзжающимъ для торговыхъ дѣлъ въ Россію, принужденія въ ихъ вѣрѣ, русское правительство (при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ), какъ видно изъ одного документа, сохранившагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отвѣчало: «а что написано въ рѣчехъ твоихъ (т. е. посла Флечера), чтобъ волно было тѣмъ гостемъ или ихъ прикащикамъ, или ихъ слугамъ, или хто учнетъ отъ нихъ торговати, и имъ бы волно было жить по своей вѣрѣ и въ своемъ законѣ, и къ иной бы вѣрѣ ихъ не велѣтъ принуживати, и на то отвѣтъ... до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ... хто какъ захочетъ, тотъ такъ и живетъ въ своей вѣрѣ». «Въ Московскомъ государствѣ, читаемъ мы въ другомъ актѣ, много разныхъ вѣръ, и мы ни у кого воли не отнимаемъ, живутъ, кто какъ хочетъ..., а что до лютеранъ, то въ Россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди много живутъ, и своимъ обыкновениемъ». Наконецъ, когда (30 августа 1721 г.) былъ заключенъ между Россіей и Швеціей Ништадтскій мирный трактатъ, по которому Швеція уступила Россіи всѣ свои права на Лифляндію, Эстляндію и островъ Эзелъ, всѣмъ жителямъ вновь присоединенныхъ къ Россіи земель оставлены права, привилегіи, обыкновения и преимущества, которыми они пользовались при Шведскомъ правительствѣ; въ частности, относительно дѣлъ религіозныхъ постановлено (статья 10): «въ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ быть введено принужденіе въ совѣсти, а напротивъ того Евангелическая вѣра, церкви и училища, и что къ тому принадлежитъ, на томъ основаніи, на которомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ правительствѣ были, оставлены и содержаны будутъ съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ нихъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства могла быть отправляема». Побѣдитель оставляетъ такимъ образомъ побѣжденнымъ полную свободу въ дѣлахъ религіозныхъ и лишь выговариваетъ такую же свободу въ отправленіи вѣры греческаго вѣроисповѣданія въ вновь приобрѣтенныхъ областяхъ самому себѣ.

И дѣйствующее наше законодательство строго запрещаетъ одному вѣроисповѣданію вмѣшиваться въ религіозныя дѣла другаго, а также духовнымъ лицамъ какого-либо вѣроисповѣданія исправлять духовныя требы для лицъ, къ нему непринадлежащихъ (Томъ XI. ч. I. Уст. иностр. исповѣд. стт. 256, 502, 779, 1110; Томъ XIV Уст. о предупр. и пресѣч. преступл. ст. 77; Томъ XI Улож. о наказ. ст. 195 и др.).

II) Ни одна церковь не можетъ быть обязана къ преподаванію своихъ духовныхъ благъ лицамъ, къ ней не принадлежащимъ.

Совершенно непонятною и неосновательною была бы поэтому, напимѣръ, жалоба на отказъ со стороны духовнаго лица православнаго исповѣданія совершать ту или другую потребу для лица неправославнаго. А между тѣмъ подобныя жалобы бывали. Припомнимъ, сколько жалобъ и нареканій на якобы обнаруженную Православною Церковью нетерпимость вызвало даже со стороны нѣкоторыхъ православныхъ недозволеніе покойнымъ литовскимъ и виленскимъ архіепископомъ Ювеналіемъ совершить торжественную панихиду въ кафедральномъ соборѣ по скончавшемся командующемъ войсками виленскаго военнаго округа генералѣ Гурчинѣ, который при своей жизни былъ, какъ извѣстно, ревностнымъ католикомъ! Сколько разговоровъ вызвалъ этотъ случай, не смотря на то, что виленскій архіепископъ поступилъ, съ точки зрѣнія каноническаго права, совершенно правильно! Между тѣмъ въ самой католической церкви такого вопроса по отношенію къ лицамъ православнымъ не можетъ даже и возникнуть ¹⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда за совершеніемъ религіознаго акта обращаются два лица, изъ которыхъ одно не принадлежитъ къ той церкви, къ которой обращена просьба (напр., при смѣшанныхъ бракахъ), церковная власть, если найдетъ возможнымъ совершеніе такого акта, можетъ по-

---

¹⁾ Надо при этомъ замѣтить, что домашнія молитвы и панихиды по неправославнымъ христіанамъ, при жизни относившимся съ уваженіемъ къ Православной Церкви, у насъ допускаются нѣкоторыми іерархами; такія молитвы допускалъ, между прочимъ, и знаменитый митрополитъ Филаретъ.

требовать отъ лица иновѣрнаго соблюденія извѣстныхъ условій (напримѣръ относительно крещенія и воспитанія дѣтей).

Такъ, по дѣйствующему русскому законодательству (Томъ X ч. I, ст. 67), «если женихъ или невѣста принадлежатъ къ Православному исповѣданію, въ семь случаевъ, вездѣ, кромѣ Финляндіи, требуется: 1) чтобы лица другихъ исповѣданій, вступающія въ бракъ съ лицами Православнаго исповѣданія, дали подписку, что не будутъ ни поносить своихъ супруговъ за Православіе, ни склонять ихъ чрезъ прельщеніе, угрозы или инымъ образомъ, къ принятію своей вѣры, и что рожденныя въ семь бракѣ дѣти крещены и воспитаны будутъ въ правилахъ Православнаго исповѣданія; 2) чтобы при вступленія въ сіи браки непременно исполнены и соблюдены были всѣ правила и предосторожности, для браковъ между лицами Православнаго исповѣданія вообще постановленныя; 3) чтобы сіи браки были вѣнчаны Православнымъ Священникомъ въ Православной Церкви» ²⁾ Въ крайности Церковь можетъ снизить до совершенія извѣстнаго акта (напр. погребенія) и для лица къ ней не принадлежащаго.

III) Признаніе церковною властью дѣйствительности религіознаго акта (напримѣръ рукоположенія, смѣшаннаго брака), совершеннаго въ другой церкви, зависитъ отъ отношенія къ нему этой власти, причемъ она въ своихъ сужденіяхъ руководствуется законами своей церкви.

Такъ, по дѣйствующему русскому законодательству, «когда въ числѣ брачныхъ лицъ одно принадлежитъ къ

---

²⁾ Правило объ обязанности давать подписки, отмѣненное по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ въ 1865 году, было вновь восстановлено въ 1885 году. Это составило одну изъ самыхъ благодѣтельныхъ и рѣшительныхъ мѣръ незабвеннаго императора Александра III къ огражденію Православія въ Прибалтійскомъ краѣ, ибо въ продолженіе почти 20 лѣтъ, послѣ того какъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ ослаблено было требованіе примѣненія этого закона, населенію края постоянно внушаемо было, что господствующею, если даже не единственною, вѣрою въ краѣ должна быть лютеранская вѣра, и что всѣхъ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ обязательно крестить въ лютеранство. (Состояніе отечественной церкви по всеподданѣйшему отчету Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1886 года. Христ. чтеніе 1889 г. ч. 1 стр. 105).

православному вѣроисповѣданію, то рассмотрѣніе вопроса о томъ, былъ-ли бракъ и законно-ли онъ совершенъ, равно опредѣленіе уважительности причинъ къ его расторженію, во всякомъ случаѣ подлежитъ рѣшенію духовнаго суда Православной Церкви. Рѣшеніе сіе имѣетъ быть твердо въ отношеніи къ обоимъ лицамъ». (Томъ XVI, ч. 2, Зак. о судопр. гражданск. ст. 454).

IV) Каждая Церковь, признавая принадлежность къ ней необходимою для спасенія, не можетъ поэтому относиться къ другимъ вѣроисповѣданіямъ равнодушно и допускать безразличіе (индифферентизмъ) въ дѣлахъ вѣры, а тѣмъ болѣе терпѣть прозелитизмъ, а также обязана заботиться о распространеніи своего ученія среди лицъ къ ней принадлежащихъ, избѣгая однако при этомъ средствъ, Христовой Церкви несвойственныхъ.

Совершенный индифферентизмъ мы находимъ у римлянъ, которые, оставляя покореннымъ народамъ ихъ мѣстное богопочитаніе, только переносили чужихъ боговъ въ Римъ и ставили ихъ въ рядъ своихъ.

Наши предки, напротивъ того, были необычайно привязаны къ своей вѣрѣ, т. е. Православію, считая одну Православную вѣру истинно-христіанскою и лучшею изъ всѣхъ вѣръ. Непоколебимую стойкость православныхъ въ своей вѣрѣ прекрасно характеризуетъ еще Гербиній: измучьте русскихъ 100, умертвите 1000, и изъ нихъ едва одинъ упадетъ отъ вѣры своихъ отцовъ. Съ полною вѣротерпимостью относились наши предки и къ послѣдователямъ прочихъ вѣръ, но до тѣхъ только поръ, пока послѣдніе не нарушали правъ Православной церкви и не соврацали въ свою вѣру лицъ православныхъ.—Такъ, на примѣръ, предки наши позволяли латинянамъ жить въ русскихъ городахъ и даже открыто исповѣдывать свою вѣру. Всего болѣе исповѣдниковъ римской вѣры жило въ Кіевѣ, вѣроятно, переселившихся изъ сосѣдственной Польши, Венгріи, Богеміи. Около 1231 года они основали, даже съ позволенія князя Владиміра Рюриковича, на оболонѣ близъ Кіева доминиканскій Богородицкій монастырь. Допуская, однакожъ, по отношенію къ латинянамъ такую вѣротерпимость, наши князья отнюдь не позволяли имъ распространять въ Россіи своей вѣры и соврацать православныхъ: и тотъ же князь Кіевскій,

Владиміръ Рюриковичъ, какъ только услышалъ, что пріоръ (Мартинъ-Сендомирскій) и братія доминиканскаго кievскаго монастыря начали порицать православную вѣру и восхвалять свою, немедленно выгналъ ихъ (1233) изъ обители и запретилъ туда возвращаться.

Излагая наставленія, какъ держать себя по отношенію къ чужой вѣрѣ (латинской) и ея послѣдователямъ, преподобный Θεодосій печерскій въ посланіи къ великому князю Изяславу даетъ рядъ слѣдующихъ наставленій: 1) надобно всѣми мѣрами блюстися чужой вѣры, особенно тѣмъ, которые живутъ посреди латинянъ, потому что только въ православной вѣрѣ можно спастись, а въ вѣрѣ латинской или сарацинской (магометанской) нельзя ³⁾; 2) не должно хвалить чужой вѣры, потому что, кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ хулитъ свою и есть двоевѣрецъ и близокъ къ ереси ⁴⁾; 3) если-бы кому пришлось и умереть за православную вѣру—долженъ умереть, не отрицаясь отъ того, по примѣру святыхъ; 4) съ послѣдователями варяжской (латинской) вѣры не должно имѣть общенія ни по дѣламъ брачнымъ, ни въ причастіи Христовыхъ таинъ, ни въ пищѣ — впрочемъ, когда они попросятъ пищи, накормить ихъ, только въ ихъ собственныхъ сосудахъ, а не въ своихъ; въ случаѣ же крайности,—и въ своихъ, которые потомъ вымыть и освятить молитвою ⁵⁾.—Кромѣ этихъ общихъ наставленій Тео-

---

³⁾ Нѣтъ, говорить препод. Θεодосій въ упомянутомъ посланіи къ великому князю Изяславу, иной вѣры лучше, какъ вѣра наша, едина чистая и честная, и святая, т. е. вѣра правовѣрная. Живущіе въ сей вѣрѣ могутъ и освободиться отъ грѣховъ и избѣгнуть вѣчной муки и быть причастниками вѣчной жизни и безъ конца радоваться со святыми. Макарій, т. II, стр. 324—325.

⁴⁾ Если кто скажетъ, тебѣ: ту и другую вѣру далъ Богъ,—ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь-ли что сказано: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе? И не сказалъ-ли апостолъ Павелъ: еще и ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстикомъ вамъ, анаѡема да будетъ“. Макарій, т. II, стр. 136.

⁵⁾ Христіаномъ же своихъ дочерей не достоинъ давати за нихъ, ни поймати у нихъ за себя, ни брататися съ ними, ни кумитися, ни цѣлованіи съ ними имѣти, и не ясти съ ними, ни пити изъ одинаго сосуда; тѣмъ же (т. е. латинянамъ), просящимъ у васъ, дайте имъ Бога ради ясти, но въ ихъ сосудѣхъ; еще ли не будетъ въ нихъ

досій, обращаясь собственно къ князю, говорить. . . . «Ты же, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ но и къ чужимъ; если увидишь кого-либо на немъ, или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію,—будетъ ли то еретикъ или латынянинъ,—всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь предъ Богомъ, Который питаетъ и православныхъ христіанъ и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется.

На сколько Русь берегла свою православную вѣру, видно, между прочимъ, изъ того, что въ смутное время, когда единственное спасеніе Россіи стали видѣть въ избраніи на русскій престолъ сына польскаго короля Сигизмунда — королевича Владислава, въ переговорахъ своихъ съ поляками русскіе послы не думали домогаться какихъ-либо политическихъ вольностей или же подтвержденія сословныхъ правъ, и всѣ усилія свои склоняли къ тому, чтобы Владиславъ принять греческую вѣру, обязался сохранять свято православіе, оберегать и умножать церкви и монастыри, принять помазаніе на царство отъ патріарха: говорятъ, что Салтыковъ заплакалъ, когда сталъ просить короля о сохраненіи греческой вѣры.

V) Ни одна церковь не можетъ допустить свободнаго выхода изъ своего состава и перехода въ другое религіозное общество. Такой переходъ и даже совершенный выходъ изъ церкви, безъ присоединенія къ другому религіозному обществу, даже право «ни во что не вѣрить» признаетъ на Западѣ государство, но никогда не признавала ни одна христіанская церковь.

Такъ, во Франціи государствомъ оффиціально признана свобода совѣсти внѣ религіи. Количество лицъ, не принявшихъ крещенія, и не принадлежащихъ ни къ какой религіи, все увеличивается; «sans religion» — звучитъ тамъ такъ же просто и естественно, какъ православный, католикъ, лю-

---

сосуда, въ своемъ дати и цотомъ, измывше сосудъ, молитву дати... Иже кто убидется отъ нихъ, чисту вѣру нося, и предъ Богомъ станеть одесную радуясь, аще же самоволіемъ приблизится къ нимъ, то съ ними станеть ошуюю плачася горько... Гр. А. Толстой. Римскій католицизмъ въ Россіи. СПб. 1876 г. Томъ I, стр. 11.

теранинъ и проч. Закона Божія, какъ предмета преподаванія, давно уже не существуетъ въ государственныхъ школахъ. вмѣсто катехизиса тамъ преподають la morale. Однако церковь такъ равнодушно относиться къ христіанской религіи не можетъ.

У насъ, въ Россіи, отступленіе отъ православія, даже вызванное неблагопріятными обстоятельствами, никогда не допускалось и строго наказывалось. Такъ, напримѣръ, въ казахъ, данныхъ посламъ о большомъ дѣлѣ, (т. е. о принятіи королевичемъ Владиславомъ греческой вѣры), сказано, что отступники отъ греческой вѣры должны были подвергаться смертной казни, а имущества ихъ отбираться въ казну, потому что въ Россіи никогда не дозволялось православнымъ переходить въ другую вѣру и напередъ этого быть не можетъ, безъ возмущенія всего государства; на этомъ велѣно было посламъ непремѣнно настоять.

И въ настоящее время Православная церковь, признавая одну себя единою истинною Церковью Христовою, принадлежность къ которой является необходимымъ условіемъ для спасенія, не допускаетъ для своихъ послѣдователей свободы перехода изъ Православія въ иное, хотя бы христіанское, исповѣданіе и рассматриваетъ лицъ, отпадшихъ отъ Православной вѣры, какъ заблуждающихся, заботясь о возвращеніи ихъ въ Православіе. Этотъ взглядъ Православной Церкви не является исключительнымъ: не только Православная, но и всякая иная, церковь не допускаетъ для лицъ, къ ней принадлежащихъ, свободы выхода и перехода въ другое вѣроисповѣданіе и не считаетъ такого выхода актомъ правомѣрнымъ ⁶⁾.

VI) Всякое принужденіе въ дѣлѣ вѣры недопустимо.

«Не свойственно, говоритъ Тертуллианъ, одной религіи дѣлать насиліе другой. Религія должна быть принимаема по свободному убѣжденію, а не насильственно, жертвы Богу должны быть приносимы отъ свободнаго сердца». «Богъ, Владыка міра, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, Онъ не

---

⁶⁾ О взглядѣ римско-католической церкви на выходъ изъ ея общества, какъ на одно изъ самыхъ тяжкихъ и отвратительныхъ преступленій, см. въ сочиненіи Dr. Artur 13. Schmidt *Der Austritt aus der Kirche* Leipzi. 2893. стр. 17.

нуждается въ вынужденномъ послушаніи; Онъ не требуетъ вынужденнаго исповѣданія: Онъ хочетъ не лицемѣрія, а истиннаго почитанія... Истина провозглашается не мечомъ, не копьемъ, не силою войска, но путемъ убѣжденія и назиданія... Исгинное благочестіе не понуждаетъ, а убѣждаетъ, ибо Господь никого не понуждалъ, но предоставлялъ выборъ свободной волѣ каждаго, говоря ко всѣмъ: «кто хочетъ послѣдовать за Мною?» — и вопрошая Своихъ учениковъ: «не хотите ли и вы отойти?»—Св. Ириней лѳонскій († 202) прямо выражаетъ мысль, что Церковь потому и несокрушима, что ничто не можетъ отнять у отдѣльнаго его члена того, что воспринято дѣйствіемъ личной свободы. «Богъ, писалъ св. Ириней, сотворилъ человѣка свободнымъ, имѣющимъ свою власть добровольно исполнять волю Божию, а не по принужденію отъ Бога, ибо у Бога нѣтъ насилія. Богъ внушаетъ совѣтъ, увѣщая насъ къ покорности, но не принуждая. Вѣра принадлежитъ человѣку, такъ какъ онъ имѣетъ свою собственную волю». — Въ сочиненіи о мученикѣ Вавилѣ св. Іоаннъ Златоустъ прямо высказываетъ, что христіанину не дозволено уничтожать заблужденій насиліемъ или понужденіемъ; они могутъ содѣйствовать спасенію людей только путемъ убѣжденія, разумнаго увѣщанія и оказанія услугъ любви. Оружіе борьбы съ заблужденіями должно быть духовнымъ, а не матеріальнымъ; единственный мечъ, которымъ Церковь можетъ пользоваться, есть слово: это оружіе — любовь, соединенная съ кротостію и терпѣніемъ, любовь, желающая всѣмъ спастися и въ разумъ истины прійти (1 Тим. 2, 4).—О свободѣ вѣры позаботился самъ Господь, говоритъ Блунчли, «такъ какъ Онъ облекъ внутреннюю жизнь духа защищающимъ покровомъ тѣла. Люди не видятъ насквозь внутренняго святилища мысли и чувства другъ друга, а потому нѣтъ у нихъ силы властвовать надъ вѣрой отдѣльныхъ лицъ».

Восточная, и въ частности, русская церковь строго слѣдовала этому примѣру и требовала отъ лицъ, къ ней присоединяющихся, свободной воли и ясно выраженнаго на то согласія (а отъ лицъ малолѣтнихъ согласія ихъ родителей). Вселенская Церковь, по выраженію восточныхъ патріарховъ, не принуждаетъ, не дѣлаетъ насилія, но призываетъ, увѣщаетъ, убѣждаетъ силою Духа Святаго. Въ

формулъ отреченія, принадлежащей XVI вѣку, католика, изъявившаго желаніе присоединиться къ Православію, читаемъ: *«Язъ, имрекъ, иже отъ латинскія вѣры днесъ прихожду ко истинному православному христіанскія, непорочныя вѣры закону, преданному отъ святыхъ апостолъ и утвержденному богоносными отцы святыхъ и великихъ всея вселенныя святыхъ седми соборовъ прихожду не отъ нужды нѣкія и бѣды, или тѣсноты, или страха, или налога, или нищеты, или долга, или нѣкоей вещи на мя подвизаемой, или чести ради мірскія и благодарованій нѣкихъ, обѣщаемыхъ нѣкими, или всякаго нѣкоего прибытка, или лестію, или лицемѣріемъ, но отъ всея души и сердца чиста и не блаженна, Христа любяци, и того истинныя непорочныя вѣры животнаго закона желяя получитьи».*

Совершенно согласно съ Православною Церковью въ этомъ отношеніи была и власть государственная: «совѣсть человѣческая, писалъ Петръ В. (въ грамотѣ польскому королю Августу II (9 марта 1718 года), по поводу насильственныхъ присоединеній православныхъ въ унію, единому Богу токмо подлежать, и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуждать».

И въ настоящее время, даже по свидѣтельству «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Православная церковь относится «вполнѣ правильно и благодушно не только къ инославнымъ христіанскимъ, но и къ нехристіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Католическіе и христіанскіе храмы, еврейскія синагоги и магометанскія мечети свободно строятся въ нашихъ городахъ, и богослуженіе, сообразно соотвѣтствующему культу, совершается въ нихъ безпрепятственно, съ единственнымъ условіемъ—не быть выносимымъ на улицу. Гуманнѣе, справедливѣе, вѣротерпимѣе поступить невозможно» ⁷⁾.

---

⁷⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости отъ 2 ноября 1901 года № 301. Границы вѣротерпимости. По поводу моей статьи: «Къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости», помѣщенной въ № 9204 „Новаго Времени“ отъ 18 октября 1901 г.—См. также статьи Н. А. Знаменскаго по означенному вопросу, подъ заглавіемъ „О христіанской вѣротерпимости“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 14 и 15 ноября 1901 г. №№ 314 и 315.

Къ сожалѣнію, не такъ поступали иные церкви, въ особенности церковь римско-католическая. «Двѣ разности, говоритъ архіепископъ Филаретъ,—отличали греческихъ миссіонеровъ отъ латинскихъ. Послѣдніе проповѣдывали вѣру съ мечомъ въ одной рукѣ и съ латинскою бібліею въ другой, а ни того, ни другого не было на Востокѣ. Въ Россіи евангелическая проповѣдь не опоясывала проповѣдниковъ мечемъ, не проливали крови, не зажигала костровъ; греческій проповѣдникъ приходилъ къ Владиміру не съ войсками, а съ картиною страшнаго суда Божія; онъ имѣлъ дѣло только съ душою; сила его заключалась только въ силѣ слова Божія; онъ вводилъ совѣсть въ права ея надъ страстями и заблужденіями, не требовалъ земныхъ выгодъ. (Филаретъ. Исторія русской церкви. Періодъ 1., стр. 60—61).

VII) Каждая церковь, признавая принадлежность къ ней необходимою для спасенія, не можетъ допустить общенія лицъ, къ ней принадлежащихъ, съ послѣдователями иныхъ вѣроисповѣданій въ таинствахъ, религиозныхъ обрядахъ и, вообще въ молитвахъ. И это совершенно справедливо, съ точки зрѣнія самой церкви; иначе допуская безразличіе въ церковномъ общеніи между людьми разныхъ вѣроисповѣданій, Церковь уничтожила бы сама себя.

Уже Апостоль Павелъ не позволялъ религиознаго общенія съ людьми, не послѣдующими апостольскому ученію; еще преподобный Θεодосій печерскій, а также митрополиты Георгій, Іоаннъ II и Никифоръ въ дошедшихъ до насъ посланіяхъ, излагая наставленія, какъ держать себя по отношенію къ вѣрѣ латинской и ея послѣдователямъ, между прочимъ, запрещаютъ православнымъ имѣть съ ними общеніе по дѣламъ брачнымъ. Наши русскіе архіереи предъ рукоположеніемъ давали обѣтъ, что они не позволяютъ никогда въ своихъ епархіяхъ никому изъ православныхъ ни брачнаго сочетанія, ни кумовства, ни братства какъ съ армянами, такъ и съ латинянами: «не оставити во всемъ своемъ предѣлѣ, говорилось въ клятвеннымъ обѣщаніи, даваемомъ епископомъ, ни единого отъ нашея православныя вѣры къ армянномъ свадьбы творити такожде и къ латиномъ, аще ли же, который попъ отай мене сотворитъ, мнѣ повѣдати о томъ господину моему митрополиту». Такое же обѣщаніе давали и сами митрополиты при своемъ поставленіи. О томъ же

напоминали и всякое отступленіе обличали пастыри—каждый въ своей епархіи.

Съ другой стороны наши великіе князья выдавали своихъ дочерей за иновѣрцевъ только подѣ условіемъ—не принуждать ихъ къ перемѣнѣ православной вѣры, и при томъ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда думали способствовать, при помощи такихъ брачныхъ союзовъ, выгодамъ государства, примѣромъ чего можетъ служить бракъ дочери великаго князя Ивана III Елены съ литовскимъ великимъ княземъ Александромъ.

Справедливо замѣчаютъ, даже поклонники новаго государства, что религіозная терпимость, проистекающая изъ безразличія къ дѣлу религіи, находится въ близкомъ родствѣ съ преслѣдованіемъ, что индифферентизмъ есть самая опасная форма враждебности религіи.

VIII) Ни одна церковь не можетъ относиться враждебно къ лицамъ, къ ней не принадлежащимъ, и не должна забывать, что всѣ люди суть братья и ближніе.

Евангеліе, которому собственно и принадлежитъ ученіе о вѣротерпимости, предписываетъ христіанамъ одинъ способъ дѣйствования по отношенію къ людямъ, принадлежащимъ къ ложнымъ религіознымъ или неправымъ христіанскимъ исповѣданіямъ: долготерпѣніе, любовное обращеніе, убѣжденіе, просвѣщеніе. Апостоль Павелъ тоже не допускаетъ нетерпимости въ христіанствѣ, религіозной вражды между разномыслящими, презрительнаго или злобнаго отчужденія отъ иномыслящихъ, а внушаетъ сохранять къ нимъ братскія чувства ⁸⁾. Такъ и относились къ неправославнымъ пастыри русской церкви (напримѣръ преподобный Феодосій печерскій), слѣдуя этому апостольскому завѣту. Православная церковь не только не питаетъ никакой ненависти или презрѣнія къ разномыслящимъ съ нею въ вѣрѣ, но любитъ ихъ, любитъ не только въ человѣчествѣ, а во Христѣ, какъ призванныхъ къ спасенію и могущихъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, получить Божественную благодать, а также и молится о соединеніи всѣхъ разномыслящихъ во единое стадо единаго Пастыря.

⁸⁾ Но не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата (II Фессал. III, 15).

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что лучшею формулою отношеній церковной и свѣтской власти къ живущимъ въ Россіи иновѣрцамъ, намъ кажется, можетъ служить слѣдующій завѣтъ, оставленный намъ въ Бозѣ почитающимъ незабвеннымъ Государемъ Александромъ III: *православной вѣрѣ господство; каждой вѣрѣ почитаніе; русской народности подобаетъ всеобъединяющая и всеподчиняющая сила; но каждой народности да будетъ свобода во всемъ, что этому объединенію и подчиненію не препятствуетъ.* Иной формулы, если наше отечество хочетъ и впредь остаться православнымъ русскимъ государствомъ, придумать нельзя.

М. Красноженъ.

ДОВОДЪТЕЛЬ И РЕЛИГІЯ ВЪ ИХЪ ВЗАИМНОТНОШЕНІИ МЕЖДУ СОБОЮ ¹⁾.

(Невозможность автономной морали).

Религіозное міровоззрѣніе человѣка и его частная и общественная жизнь, начиная съ семьи и кончая международными сношеніями, связаны между собою такимъ тѣснымъ внутреннимъ сродствомъ, что одно безъ вліянія на другое не мыслимо. Можно раздѣлить ихъ въ теоріи, отдѣльно разсматривать въ наукѣ, какъ два самостоятельныя явленія духовной жизни, но нельзя раздѣлять ихъ въ самомъ существѣ нашей души. Насколько въ глубинѣ своего духа человѣкъ искренно религіозенъ, настолько онъ благочестивъ въ своемъ поведеніи, во всѣхъ случаяхъ жизни руководясь ученіемъ вѣры; и тамъ, гдѣ мы видимъ неопустительное точное исполненіе религіозныхъ обязанностей, а между тѣмъ самые поступки такого человѣка далеко не соотвѣтствуютъ духу истиннаго благочестія, тамъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ истинной религіозности, тамъ—одно низкое ханжество и фарисейство. Общечеловѣческое сужденіе строго и справедливо клеймитъ такихъ людей названіемъ ханжей и пустосвятовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если религія налагаетъ на человѣка извѣстныя обязанности, исполненіемъ которыхъ онъ выражаетъ свою любовь и преданность Высшему Существу, свою любовь и уваженіе къ ближнимъ, то, само собою понятно, возвышенныя религіозныя чувства, истинное благочестіе не могутъ содержаться только въ глубинѣ души, не проявляясь въ самой

---

¹⁾ Публичное богословское чтеніе, произнесенное въ залѣ московскаго епархіальнаго дома 9 марта 1905 г.

жизни, въ сферѣ нашей свободной дѣятельности. Если насъ постигаетъ тяжкое горе по случаю потери родныхъ, близкихъ сердцу, друзей, сотоварищей, или по какимъ-либо причинамъ мы испытываемъ довольство, радость, — все это непремѣнно выражается въ нашихъ словахъ и дѣйствіяхъ: «отъ избытка сердца не могутъ не глаголати уста». Полнота религіозной настроенности вслѣдствіе тѣснаго взаимоотношенія души и тѣла не можетъ не выражаться въ добромъ поведеніи человѣка. Это ясно говоритъ о внутреннемъ сродствѣ истинной религіозности съ нравственностію человѣка. Но эта зависимость нравственности отъ религіи съ другой стороны указываетъ и на то, что нравственная жизнь, понимаемая въ истинномъ смыслѣ этого слова, не возможна безъ прочныхъ религіозныхъ основъ, безъ истиннаго ученія вѣры.

Между тѣмъ, далеко не всѣ согласны съ высказаннымъ положеніемъ. Было и есть направленіе мысли, не только отвергающее живую, внутреннюю связь религіи съ нравственностію, но, что всего удивительнѣе, всевозможными аргументами старающееся обосновать ту ложную мысль, что-де близкое соотношеніе религіи и нравственности будто бы даже вредитъ чистотѣ послѣдней, что на религію нужно смотрѣть поэтому, какъ на нѣчто несущественное для нашей жизни. Источникъ нравственного закона — самъ человѣкъ и потому въ сферѣ свободной дѣятельности онъ долженъ поступать самостоятельно, независимо отъ какого-либо высшаго авторитета.

Подобныя сужденія непрерывною нитью тянутся изъ далекаго прошлаго. Въ XV вѣкѣ нѣкто Петръ Помпонатъ разсуждалъ, что совершеніе добрыхъ дѣлъ ради достиженія вѣчнаго блаженства и избѣжанія вѣчныхъ мученій, неблагопріятно отражается на человѣческой нравственности, которая должна, по его мнѣнію, утверждаться на независимой отъ религіи основѣ. Съ наибольшею основательностію этотъ взглядъ высказывался потомъ многими послѣдователями классической древности въ концѣ XVI вѣка. Особенно-же горячо возставали противъ внутренней связи религіи и морали многіе изъ англійскихъ и французскихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ, по мнѣнію которыхъ даже полный рѣшительный атеизмъ не отвер-

гаетъ доброй нравственности. «Можно быть атеистомъ, говорить Шевстбери, и быть все-таки добродѣтельнымъ, потому что атеизмъ никогда не заставляетъ любить и уважать въ качествѣ прекраснаго, благороднаго и достойнаго что-нибудь такое, что на самомъ дѣлѣ отвратительно, неблагородно и достойно осужденія. Ложная-же религія можетъ увлекать ко злу, потому что тотъ, чье божество себялюбиво и мстительно, чрезъ могущество этого образа и самъ, наконецъ, будетъ считать самыя жестокія и несправедливыя дѣла не только справедливыми и дозволенными, но даже образцовыми и чисто божественными» ¹⁾.

Въ системѣ философа Канта независимая, автономная мораль получила уже научное обоснованіе. Единственный и исполнѣ достаточный источникъ нравственнаго закона, по его мнѣнію, это человѣческій разумъ. Достаточно обратиться къ послѣднему, чтобы признать нравственный законъ, какъ прирожденный и очевидный законъ нашего ума. Тотъ-же разумъ свидѣтельствуетъ и объ абсолютной обязательности для насъ требованій нравственнаго закона. Равнымъ образомъ и цѣль нравственной дѣятельности и побужденія къ ней указываются намъ тѣмъ-же самымъ разумомъ. А когда въ область нравственной жизни вторгаются постороннія начала, побужденія и цѣли, тогда эта жизнь не только лишается самостоятельности, но извращается въ самомъ корнѣ.

Далѣе всѣхъ простеръ отрицаніе религіозныхъ основъ нравственности философъ Фейербахъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ не только проводитъ ту мысль, что вѣра не внушаетъ человѣку никакихъ нравственныхъ расположеній, что часто становится она въ противорѣчіе съ нравственностію, но старается доказать, что религія, будто-бы, систематически и непремѣнно губить и отрицаетъ нравственность ²⁾.

И вотъ, когда въ наше время и въ наукѣ и въ обществѣ возникъ интересъ къ вопросамъ нравственнаго характера, вышеприведенныя мнѣнія уже въ достаточной степени подготовили почву для широкой пропаганды независимой

¹⁾ Гусевъ Религіозность, какъ основа нравственности, стр. 10.

²⁾ Ibidem.

морали. Въ разныхъ сферахъ общества—интеллигентныхъ и малообразованныхъ, къ сожалѣнію, довольно устойчиво держится теперь то воззрѣніе, что прогрессирующая культура мало-помалу вытѣснить религію, какъ нѣчто устарѣвшее и утратившее свое значеніе для жизни людей. Во Франціи такое воззрѣніе распространилось такъ широко, пустило такіе глубокіе корни въ современную жизнь, что представители народнаго просвѣщенія, какъ напр., бывший Поль—Бертъ, съ спокойною совѣстію публично выступали съ заявленіями о томъ, что народу религія болѣе не нужна. «Насколько мы, говоритъ онъ, удаляемся отъ Бога, настолько приближаемся къ истинной нравственности и становимся совершенными» ³⁾. Отвергая въ принципѣ значеніе религіи, тамъ постепенно дошли до того, что разрѣшили въ школахъ преподавать одну гражданскую нравственность внѣ всякой связи ея съ религіей. Не остались глухи къ такому направленію Англія и Германія, гдѣ, помимо многихъ статей, проникнутыхъ идеями моральнаго автономизма, образовались цѣлыя общества, преслѣдующія ту же самую цѣль. Въ Англіи напримѣръ, существуетъ общество съ цѣлію помочь людямъ освободиться отъ дурныхъ навыковъ, склонностей и страстей и содѣйствовать возстановленію повсюду падающихъ и разлагающихся добрыхъ нравовъ. По мнѣнію членовъ этого общества, религія не только не помогаетъ правильной нравственной дѣятельности, но скорѣе тормозитъ ее, раздѣляя людей на враждебные лагеря, отнимая у человѣка вѣру въ свои личныя силы, въ возможность самодѣятельнаго моральнаго и соціальнаго улучшенія и вселяя увѣренность, будто земная жизнь не даетъ полнаго вознагражденія добродѣтельному человѣку. Въ такомъ-же духѣ организовалось общество и въ Германіи, въ составъ котораго могутъ входить люди какихъ угодно положительныхъ и отрицательныхъ религіозныхъ убѣжденій, обязываясь только совсѣмъ отрѣшиться отъ нихъ въ сферахъ моральныхъ воззрѣній и въ своемъ служеніи задачамъ общества. Не безучастно къ упомянутымъ вопросамъ отно-

³⁾ Zeitschrift für Kirchliche Wissenschaft und Kirchschrliche Leben 1888 г. (Die Abhängigkeit der Sittlichkeit von der Religion).

сится и русское общество, внимательно прислушиваясь къ голосу западно-европейской цивилизаціи, и у насъ въ особенности за послѣднее время широко распространена мысль о совершенной независимости нравственности отъ религіи.

Что вообще духъ нашего времени стремится къ независимой нравственности, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ желаніе многихъ изъять изъ жизни употребленіе присяги, клятвы, а еще громче свидѣтельствуютъ событія послѣднихъ дней... Теперь уже большая рѣдкость услышать тотъ глубокій вопросъ, съ которымъ обратился нѣкогда богатый и знатный юноша къ Иисусу Христу: «Учителю благій, что сотворишь, животь вѣчный наслѣдствую» (Лк. 18, 18)? Современное поколѣніе, будто-бы, уже слишкомъ стало просвѣщено, чтобы заниматься такими мистическими бреднями; оно болѣе, чѣмъ равнодушно къ вопросамъ о Богѣ, безсмертіи души и вѣчной жизни. Если-бы въ немъ было прочно религіозное настроеніе, то какъ осмѣлились-бы социаллисты Карль Марксъ, Бакунинъ и проч. открыто предъявлять такія программы: «не нужно намъ никакой религіи; религіи помрачаютъ умъ, онѣ — опіумъ для народа». И, можетъ быть, только правила печати и другія практическія соображенія стѣсняють многихъ приверженцевъ независимой нравственности высказываться по этому вопросу съ такою откровенностію и рѣшительностію; съ какою онѣ нерѣдко трактуются на западѣ въ книгахъ, брошюрахъ, журнальныхъ или газетныхъ статьяхъ.

Не касаясь пока значенія религіозныхъ истинъ для нашей нравственности, замѣтимъ вообще, что существенное и важное значеніе религіи въ нашей жизни должно быть признано всѣми. Кто намѣренно не закрываетъ своихъ глазъ предъ житейскимъ круговоротомъ, тотъ не можетъ не видѣть, что, когда постигаютъ насъ тяжелыя печальныя обстоятельства, когда веселые дни счастья смѣняются днями скорби и слезъ и когда ничто не въ состояніи облегчить наше тяжелое положеніе, наши душевныя муки и страданія, тогда одна только вѣра въ Верховное Существо и утѣшаетъ и укрѣпляетъ нашъ унылый духъ. Въ ней одной не перестаетъ свѣтить намъ тогда живительный лучъ надежды, ободряющій насъ въ минуты страданій и помогающій намъ самоотвержно, безъ ропота жить и стра-

дать. Испытавъ безполезность всѣхъ средствъ, человѣкъ въ скорбныя минуты съ горячею молитвою обращается, наконецъ, къ милостивому Богу и въ этомъ находитъ для себя нравственное подкрѣпленіе и утѣшеніе. Даже такой мыслитель, какъ Максъ-Нордау, индеферентный вообще къ религіи и ея значенію для людей, тѣмъ не менѣе, наблюдая надъ неотразимымъ ея вліяніемъ на человѣка въ горестныя минуты его жизни, не могъ не сказать: «какое можно себѣ представить успокоеніе въ томъ, чтобы посреди опасныхъ житейскихъ волненій видѣть себя подъ особеннымъ покровительствомъ Божиимъ, и какая сила чувства возникаетъ изъ сознанія во всякомъ обстоятельствѣ жизни быть подкрѣпленнымъ могущественнымъ орудіемъ молитвы»⁴⁾. Но въ настоящемъ случаѣ у насъ рѣчь не о значеніи вообще религіозныхъ истинъ въ жизни каждаго человѣка, а о томъ частномъ вопросѣ,—нужна-ли религія для нашей нравственной дѣятельности? Можетъ-ли быть чистая добродѣтель безъ истинной религіи?

Чтобы отвѣтить на постановленный вопросъ яснѣе и возможно очевиднѣе показать органическую зависимость нравственности отъ религіознаго воззрѣнія, считаемъ необходимымъ предварительно, хотя кратко опредѣлить самое понятіе о нравственности человѣка. И такъ, что такое нравственность въ поведеніи человѣка? Какое понятіе соединяется съ самымъ словомъ «нравственность»?

По вопросу о позволительномъ и непозволительномъ, о хорошемъ и дурномъ въ поведеніи людей, одна изъ ярыхъ послѣдовательницъ извѣстнаго матеріалиста Молешота рассуждала такъ: нравственная норма для каждаго человѣка, говоритъ она, лежитъ въ его собственной природѣ и поэтому для каждаго — своя, особенная. Что такое само по себѣ распутство и страсть?—Ничто иное, какъ большій, или меньшій избытокъ естественнаго влеченія природы, и человѣкъ не можетъ его обуздывать. Онъ — только сумма механическихъ процессовъ, согласно съ которыми должны приходиться въ движеніе мозговые атомы, какъ это и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Рожденный быть воромъ приносить съ

---

⁴⁾ Die Abhängigkeit der Sittlichkeit von der Religion. (Zeitschrift für Kirchrliche Wissenschaft).

собою право развивать и совершенствовать свою природу въ воровствѣ и только въ этомъ образѣ дѣйствія можетъ быть полной силы нравственной природой. Равнымъ образомъ рожденный быть убійцей можетъ достигать совершенства своей природы въ томъ лишь случаѣ, если онъ удовлетворяетъ своей страсти»⁵⁾. Въ томъ-же циничномъ духѣ о позволительномъ и непозволительномъ въ дѣйствіяхъ человѣка разсуждаетъ матеріалистъ Р. Шурихтъ. Онъ говоритъ: «хорошо опьяненіе, хорошо наслажденіе, хороша любовь, хороша вѣрность, когда она цѣнится выше вѣроломства или обмана, но хорошъ и послѣдній, когда цѣнится выше вѣрности. Хорошъ бракъ, когда онъ доставляетъ наслажденія, но хорошо и прелюбодѣяніе для того, кому надоѣли брачныя узы и кто любитъ чужую женщину. Хороши плутня, воровство, клятвопреступленіе и убійство, когда они доставляютъ пользу и наслажденіе. Хороша жизнь, когда она составляетъ загадку, но хороша и смерть для того, кому наскучила жизнь и кто разгадалъ эту загадку» и т. д.⁶⁾. Подобныя циничныя сужденія съ очевидностію характеризуютъ задушевныя стремленія матеріалистовъ—открыть широкій путь свободѣ человѣка, ничѣмъ не стѣсняя ея въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Личная выгода, субъективное удовольствіе—вотъ единственная норма, опредѣляющая характеръ свободной дѣятельности послѣдователя матеріалистическихъ воззрѣній. При такомъ образѣ мыслей, само собою понятно, невозможно даже самый вопросъ о нравственности, какъ о чемъ-то постоянномъ, обязательномъ въ жизни каждаго человѣка; здѣсь напротивъ дается широкій просторъ усмотрѣнію каждаго въ отдѣльности, что считать для себя полезнымъ и потому позволительнымъ и что отвергать, какъ несоотвѣтствующее его личнымъ желаніямъ и стремленіямъ. Между тѣмъ, съ понятіемъ нравственности въ поведеніи человѣка соединяется совершенно иной смыслъ. На основаніи сродства съ глаголомъ «нравиться» (чѣмъ указывается на наше внутреннее пріятное состояніе послѣ совершенія извѣстнаго рода дѣйствій) и съ словомъ «нравъ»

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Гусевъ. Религія, какъ основа нравственности, стр. 111.

или-что тоже—обычай (чѣмъ указывается на нѣкоторое однообразіе и постоянство въ дѣйствіяхъ человѣка), нравственность нужно понимать, какъ твердое внутреннее настроеніе человѣка, выражающееся въ извѣстнаго рода дѣйствіяхъ или поступкахъ и возбуждающее въ немъ самомъ извѣстныя пріятныя чувствованія ⁷⁾. «По своему общему понятію, рассуждаетъ Мартенсенъ, нравственность есть норма для воли и дѣйствованія человѣка и свободное согласіе человѣческой воли съ этой нормой т. е. съ тѣмъ, что должно и можетъ быть» ⁸⁾.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе значеніе слова «нравственность» и опредѣленіе ея богословомъ Мартенсеномъ, подъ нравственностью человѣка, или его поведеніемъ въ семейной и общественной жизни, должно разумѣть опредѣленный, установившійся строй дѣятельности, согласный съ высшимъ правиломъ, обнимающимъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. И въ отношеніяхъ къ Богу, и ближнимъ, и государству и семейству, словомъ, всегда и вездѣ человѣкъ долженъ поступать согласно съ высшимъ руководственнымъ правиломъ жизни и съ требованіемъ отъ него нравственнаго долга. При этомъ неизбѣжно возникаетъ вопросъ, — какъ-же придти человѣку къ вѣрному направленію своей воли? Откуда почерпнуть ему истинное пониманіе цѣли своей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрное знаніе того, въ чемъ нужно полагать высшее правило, которымъ слѣдуетъ руководиться во всѣхъ случаяхъ жизни? Въ чемъ именно состоитъ добро и зло, чтобы всегда неуклонно стремиться къ первому и избѣгать послѣдняго?

Если за разрѣшеніемъ означенныхъ вопросовъ мы обратимся къ исторіи народовъ, насъ поразитъ тамъ удивительное, доходящее до противорѣчія, разнообразіе въ пониманіи хорошаго и дурнаго, позволительнаго и преступнаго, добродѣтели и порока. Мы тамъ увидимъ, что многіе считали не только позволительнымъ, но даже и добромъ убивать престарѣлыхъ мужей и слабыхъ дѣтей, считали справедливымъ всевозможными способами мстить своему врагу,

⁷⁾ Никитскій. Ученіе христіанской правосл. церкви о нравственности, стр. 6.

⁸⁾ Мартенсенъ. Ученіе о нравственности, т. 1-й, стр. 1.

безъ различія пользоваться всякими средствами, лишь-бы они приводили къ намѣченной цѣли, часто мѣнять одну жену на другую, или сразу имѣть нѣсколько женъ и проч. и проч. Разказы путешественниковъ о понятіяхъ мало-просвѣщенныхъ народовъ единогласно убѣждаютъ насъ въ крайнемъ ихъ нравственномъ заблужденіи, граничащемъ часто съ положительнымъ отсутствіемъ у нихъ самыхъ простыхъ, элементарныхъ нравственныхъ началъ. Пораженный крайне низкимъ уровнемъ нравственнаго развитія дикарей, Дж. Леббокъ приходитъ, напр., къ тому заключенію, что въ нравственномъ отношеніи они менѣе развиты, чѣмъ въ матеріальномъ и умственномъ. И въ самомъ дѣлѣ, такія грубо-безнравственныя дѣйствія, какъ каннибализмъ, принесеніе въ жертву людей, намѣренныя убійства слабыхъ дѣтей, больныхъ и хилыхъ родителей и многое другое въ томъ же родѣ у большинства дикихъ племенъ—обычныя явленія и притомъ одобряемыя ихъ совѣстію. Понятія-же о добродѣтели у нихъ крайне разнообразны, сбивчивы и, можно сказать, совершенно недоступны пониманію большинства. Вотъ, что онъ сообщаетъ намъ о нравственныхъ понятіяхъ дикарей: «вѣра, надежда и любовь, или милосердіе не принадлежатъ къ числу добродѣтелей дикаря. Сетуанскій языкъ (южной Африки) не имѣетъ словъ для выраженія благодарности, въ Альгонкинскомъ (у сѣверо-америк. индійцевъ) нѣтъ словъ для понятія «любить». Сѣверо-американскіе индійцы считали жалость порокомъ, а миръ—зломъ, воровство они называютъ добычей, а идея смиренія для нихъ совершенно непонятна. Прощать враговъ у кукуевъ считается большимъ грѣхомъ, а мстить имъ—наибольшею добродѣтелію. Лживая хитрость, какъ видно изъ примѣровъ Улисса у Гомера, у древнихъ Грековъ пользовалась одобреніемъ. Самая-же темная черта въ характерѣ дикарей, говоритъ тотъ-же авторъ, это ихъ грубое, что бы не сказать жестокое, обращеніе съ женщинами; оно присуще всѣмъ имъ. Всѣ они смотрятъ на болѣе слабый полъ, какъ на низкія существа, какъ на простыхъ домашнихъ животныхъ⁹⁾. Вотъ немногія, но характерныя свидѣтель-

⁹⁾ О нравств. прогрессѣ. Прав. обозр. 1887 г. т. 2-й стр. 479 и 483.

ства о нравственныхъ понятіяхъ современныхъ намъ дикарей! Но и у одного и того же народа въ разное время его историческаго существованія и развитія понятія о добрѣ и злѣ, хорошемъ и дурномъ, часто видоизмѣнялись соотвѣтственно его росту въ культурномъ отношеніи. Очевидно отсюда, что предоставленный самому себѣ, своимъ силамъ, человѣческій разумъ постоянно блуждалъ-бы во мракѣ невѣдѣнія относительно нравственныхъ вопросовъ и, при частой смѣнѣ нравственныхъ понятій, всегда находилъ-бы въ великомъ затрудненіи рѣшительно отвѣтить на вопросъ: «что есть истина»? Самъ человѣкъ собственнымъ разумомъ никогда не установилъ-бы правильнаго понятія о нравственномъ и безнравственномъ, такъ какъ никогда не могъ-бы вѣрно отвѣтить на вопросъ,—откуда онъ произошелъ, какова его природа, какое назначеніе его земнаго бытія и, согласно съ этимъ, какова должна быть его дѣятельность? Безсиліе его разума въ рѣшеніи этихъ вопросовъ съ очевидностію подтверждаетъ исторія развитія философской мысли. Каждый философъ отвѣчалъ на нихъ по своему, и то, что для одного казалось непогрѣшимой аксіомой, то самое подвергалось строгому критическому анализу другаго, державшагося иной точки зрѣнія *по даннымъ вопросамъ*; но и это новое ученіе рѣдко переживало своего автора и вскорѣ замѣнялось другимъ и т. д. А, между тѣмъ, отъ принципиальнаго рѣшенія этихъ вопросовъ непосредственно зависитъ весь строй и характеръ нашей жизни и дѣятельности. Сравните, напр., жизнь язычника, іудея и христіанина, и вы несомнѣнно замѣтите характерное различіе въ ихъ поведеніи соотвѣтственно различному ихъ теоретическому міросозерцанію. Не даетъ-ли все это намъ права утвердительно сказать, что самъ человѣкъ безъ помощи религіи никогда не пришелъ-бы къ истинному отвѣту на вопросъ о добрѣ и злѣ, а вмѣстѣ съ этимъ и къ правильному пониманію позволительнаго и предосудительнаго въ своей жизни?

Но допустимъ на время, что какимъ-бы то ни было образомъ онъ дошелъ до истиннаго рѣшенія вышеуказанныхъ насущныхъ вопросовъ, убѣдился, наконецъ, въ чемъ заключается добро и въ чемъ зло. Но вѣдь въ душѣ своей онъ чувствуетъ склонность къ тому и другому и даже

больше ко злу, чѣмъ къ добру. Что же заставить его слѣдовать только влеченіямъ къ добру и побѣждать влеченія ко злу? Гдѣ и въ чемъ найдетъ онъ силы къ борьбѣ съ дурными наклонностями природы, какія соображенія расположатъ его къ самоотверженію? Да и на какомъ, наконецъ, основаніи онъ не будетъ удовлетворять влеченій ко злу? Если нѣтъ ничего выше насъ, мы предоставлены самимъ себѣ, то, очевидно, всѣ влеченія нашей природы должны быть для насъ одинаково важны и священны; мы не имѣемъ тогда никакого основанія и права различать между ними худыя и добрыя, однимъ слѣдовать, а другія искоренять. Вотъ почему въ одной религіи человѣчество всегда искало внѣшняго авторитета для своей нравственной дѣятельности, ибо одна только религія (разумѣемъ богооткровенную христіанскую религію) сообщаетъ намъ истинное ученіе о происхожденіи человѣка, его природѣ и цѣли его жизни, только въ ней одной открыто намъ вѣрное понятіе о добрѣ и злѣ, добродѣтели и порокахъ, указанъ высшій идеаль нравственнаго совершенства и высшія побужденія къ возможному осуществленію его въ жизни; только изъ христіанскаго ученія мы узнаемъ, какъ нужно жить сообразно съ высокимъ достоинствомъ нашей природы, гдѣ и въ чемъ почерпать силы для борьбы съ закономъ грѣха, который «противоюетъ закону ума нашего». Отсюда видно, что одна христіанская, богооткровенная религія можетъ дать вѣрное направленіе волѣ человѣка и положить прочную основу его нравственной дѣятельности въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Но если мы отвергнемъ значеніе религіознаго ученія, какъ руководящаго начала въ области нравственной жизни, то что-же въ такомъ случаѣ могло-бы замѣнить его, откуда бы человѣкъ почерпнулъ тогда, какъ истинное понятіе о добрѣ и злѣ, такъ и необходимыя средства къ достиженію возможной степени нравственнаго совершенства? На этотъ принципиальный вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ самый строй жизни, представителями человѣческой мысли давался неодинаковый отвѣтъ. Философъ Локкъ, наприм., смотрѣлъ на жизнь человѣка, какъ на совокупность его личныхъ интересовъ. Личная польза, собственное благополучіе—вотъ единственно вѣрное руководственное начало

дѣятельности человѣка во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, другими словами, начало его нравственности. Какъ все живое инстинктивно стремится къ своему благополучію, такъ точно и у человѣка стремленіе къ благополучію есть высшая, сообразная съ его природою, цѣль существованія и высшая норма всѣхъ его дѣйствій. Но такъ какъ благо земной жизни не достижимо вполне каждымъ въ отдѣльности, то личное счастье каждаго изъ насъ побуждаетъ къ сближенію съ обществомъ, къ подчиненію своей свободы полезнымъ общественнымъ порядкамъ; такъ какъ неограниченный эгоизмъ каждаго неизбѣжно послужилъ - бы къ собственному вреду эгоиста, то благоразуміе требуетъ умѣрять его и уважать интересы ближнихъ. Правильное пониманіе собственнаго блага естественно побуждаетъ обращать вниманіе на благо другихъ и поступать съ ними нравственно. Вотъ и всѣ разсужденія философа о человѣческой нравственности; въ нихъ и помину нѣтъ о высшихъ какихъ-либо стремленіяхъ или побужденіяхъ къ добру и справедливости, да и не опредѣляется самое понятіе добра, къ осуществленію котораго всѣ должны стремиться въ своей жизни, все сводится къ достиженію однихъ узкихъ утилитарныхъ цѣлей. Но кто же не пойметъ, какъ низко будетъ уровень нравственности человѣка, въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣляющагося только личнымъ интересомъ и расчетомъ житейской выгоды, ничего не знающаго о томъ подъемѣ нравственнаго воодушевленія, когда собственное благо приносится въ жертву другому и цѣлому обществу?! Вѣдь коль скоро эгоистическій личный интересъ возводится на степень нравственнаго принципа, отъ котораго зависитъ исполненіе обязанностей къ обществу, тогда тѣмъ самымъ въ корнѣ уничтожается смыслъ и значеніе нравственнаго закона, требованіямъ котораго должна подчиняться наша воля безъ всякихъ соображеній о личной выгодѣ и пользѣ человѣка. Гдѣ исполненіе обязанностей къ ближнимъ и всему обществу вступаетъ въ компромиссъ съ моею индивидуальной выгодой, тамъ на самомъ дѣлѣ для меня нѣтъ никакого внутренняго побужденія послѣднюю подчинять первой; по крайней мѣрѣ, это предоставляется моему личному усмотрѣнію. Такимъ образомъ, при болѣе внимательномъ отношеніи къ моральнымъ воззрѣніямъ философа

Локка и его послѣдователей, нельзя не видѣть, что, при широкомъ развитіи и строгомъ примѣненіи къ жизни, теорія личной пользы, какъ правило поведенія челоуѣка, распатала-бы всѣ нравственные устои общественной жизни, изъ—за личныхъ выгодъ породила-бы неизбѣжную и упорную борьбу среди людей, произвела-бы ужасный хаосъ въ ихъ жизни, но отнюдь не установила-бы среди нихъ должныхъ нравственныхъ отношеній. Говоря библейскимъ языкомъ, тогда «руки одного были-бы на всѣхъ и руки всѣхъ на одного» (Быт. 16, 12). Поэтому нѣтъ никакихъ основаній за аксіому принимать вышеуказанное воззрѣніе и въ немъ полагать основы нравственнаго поведенія челоуѣка.

Отвергая значеніе религіи для жизни челоуѣка, другіе начало нравственнаго поведенія указываютъ въ его свободѣ. Челоуѣкъ обладаетъ свободою и потому въ своей дѣятельности, говорятъ, имѣетъ право собственнаго самоопредѣленія. Это неотъемлемое право всякій долженъ признавать и въ своемъ ближнемъ, если желаетъ, чтобы оно признавалось за нимъ. Вслѣдствіе этого на насъ возлагаются разнаго рода обязанности къ другимъ, между людьми устанавливаются должныя отношенія равенства и вырабатываются необходимыя въ жизни правила поведенія. Такое взаимное самоуваженіе и самоограниченіе не только вноситъ внѣшнюю законность, такъ сказать, деликатность въ отношенія другъ къ другу, но, будто-бы, служитъ иногда и достаточнымъ мотивомъ къ подвигамъ высшей нравственности, ради другихъ жертвующей личнымъ благомъ челоуѣка.

По поводу приведеннаго мнѣнія о нравственной дѣятельности челоуѣка, обратимъ вниманіе прежде всего на то, что если каждый изъ насъ, въ силу присущей намъ свободы, самъ для себя—высшее правило своей дѣятельности, то, понятно, онъ есть и господинъ этого правила. Сегодня онъ исполняетъ его, какъ весьма для него полезное, а измѣнились обстоятельства, измѣняется и характеръ его дѣятельности. Такимъ взглядомъ на дѣло, очевидно, уничтожается всякая мысль о нравственномъ законѣ, какъ одной опредѣленной нормѣ дѣятельности для всѣхъ и каждаго. Присущая намъ свобода развивается неодинаково и по характеру своего направленія бываетъ различна, вслѣд-

ствіе чего и правило нравственной дѣятельности слѣдовало бы понимать тогда, какъ нѣчто особенное у каждаго человѣка, соотвѣтственно сформировавшейся его нравственной природѣ. Это во первыхъ; а во 2-хъ, что касается того положенія, что взаимное уваженіе правъ другъ—друга можетъ иногда располагать къ совершенію высшихъ подвиговъ добродѣтели, то эта мысль является совершенно неожиданнымъ логическимъ выводомъ изъ вышеуказаннаго принципа нравственной дѣятельности. Того не отвергаемъ, что съ уваженіемъ достоинства своей личности должно соединяться уваженіе достоинства и правъ другихъ, насколько необходимо это для житейскаго порядка вообще; но вѣдь при этомъ обоюдномъ самоуваженіи никто не въправѣ требовать какого-либо самопожертвованія отъ другихъ въ отношеніи къ себѣ. Исторія народовъ напротивъ говоритъ намъ, что, уважая свою личность и во всемъ преслѣдуя свои выгоды, человѣкъ установилъ такія рѣзкія границы въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, въ которыхъ и помину нѣтъ не только о необходимости самопожертвованія, но даже и о равенствѣ духовной природы всего человѣчества. Мы знаемъ, люди раздѣлились по рассамъ, изъ которыхъ ни одна не признавала равнаго себѣ духовнаго достоинства въ другой; одинъ и тотъ-же народъ раздѣлился на касты, изъ которыхъ высшія не хотѣли видѣть одинаковаго равенства природы въ низшихъ; въ сѣмой семьѣ мужъ деспотически поработилъ свою жену, родители своихъ дѣтей и проч. Даже болѣе другихъ образованные древніе Греки, въ нѣкоторомъ родѣ выразители идеальныхъ человѣческихъ стремленій, въ своихъ воззрѣніяхъ не возвышались однако до идеи равенства и одинаковаго достоинства всѣхъ людей. На личность раба они смотрѣли, какъ на вещь, необходимую для цѣлей государства, не признавая въ немъ никакихъ общечеловѣческихъ правъ. Не очевидно-ли, что при такомъ воззрѣніи взаимная любовь, одушевляемая благожелательностію другъ къ другу, не мыслима тамъ, гдѣ непризнается равное достоинство людей, гдѣ уваженіе правъ другаго допускается только въ силу необходимости и ради собственной выгоды? И напрасно, при этой точкѣ зрѣнія на дѣятельность человѣка, искать въ его поступкахъ какого-то безкорыстія до забвенія собственныхъ интересовъ. Такая

безкорыстная самоотверженная дѣятельность возможна только въ христіанскомъ обществѣ, гдѣ «нѣсть еллинъ, ни іудей, рабъ и свободъ», гдѣ всѣ равны предъ Богомъ, гдѣ всѣхъ объединяетъ любовь, готовая положить душу свою за ближнихъ своихъ. Не полагая различія между людьми по ихъ духовной природѣ и по ихъ назначенію для вѣчной жизни въ единеніи со Христомъ, Евангеліе внушаетъ намъ любить всѣхъ и каждого, какое-бы ни занималъ онъ общественное положеніе и какими бы ни обладалъ личными качествами, и тѣмъ самымъ оно полагаетъ чистыя и прочныя нравственныя основы для семейнаго и общественнаго союза. Оно одно уничтожало рабство между побѣжденными и побѣдителями, богатыми и бѣдными, мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, словомъ, уничтожало унижительное рабство во всѣхъ его видахъ. Итакъ, одна присущая чело-вѣку свобода дѣятельности не возвысила-бы его нравственности безъ благотворнаго вліянія христіанской религіи.

Не можетъ быть признано состоятельнымъ и ученіе философа Канта о независимой или автономной морали. Отрицая связь религіи съ нравственностію, онъ допускаетъ автономность послѣдней, утверждая, что нравственный законъ свое послѣднее основаніе имѣетъ въ самой природѣ чело-вѣка. Благородный поступокъ чело-вѣка, по его мнѣнію, даже утратилъ-бы свое нравственное значеніе, характеръ добродѣтели, еслибы былъ совершенъ по какимъ-либо религіознымъ побужденіямъ, а не по требованію своей природы. Поступать нравственно должно исключительно ради самого нравственнаго закона, который — въ нашемъ разумѣ и прису-щъ всѣмъ людямъ, какъ разумнымъ существамъ. Его требованія для всѣхъ одинаково безусловны; всѣмъ онъ говоритъ: «ты долженъ», и каждый можетъ слѣдовать этому требованію, ибо законъ не можетъ обязывать насъ къ чему-либо непосильному. Если онъ говоритъ: «ты долженъ», то потому, что ты въ состояніи исполнить его требованіе. Отсюда слѣдуетъ, что не только законъ нравственной дѣятельности, но и побужденія къ ней положены въ самомъ чело-вѣкѣ, какъ существѣ разумномъ, а религія съ ея вѣроученіемъ и нравоученіемъ; по существу, является для него излишнею.

Но вдумавшись въ смыслъ философской системы, всякій пойметъ, какъ несовершенна на самомъ дѣлѣ нравственность человѣка, поступающаго нравственно потому только, что онъ долженъ такъ поступать, безъ внутренняго расположенія къ добру, а можетъ быть даже и съ отвращеніемъ къ нему! Мораль, проповѣдуемая Кантомъ, есть мораль не свободныхъ людей, а скорѣе — мораль рабовъ, которые всегда и все исполняютъ только по одному строгому приказанію своего господина. Всякій поступающій нравственно исключительно по требованію закона: «ты долженъ», представляется намъ простою маріонеткою, которая по командѣ въ тактъ двигаетъ своими членами, но не имѣетъ въ себѣ разумной души съ божественною искрой. Религіозный человѣкъ нравствененъ не потому только, что признаетъ въ себѣ присутствіе нравственнаго закона и уважаетъ его требованія, а главнымъ образомъ потому, что благоговѣетъ предъ верховнымъ Законодателемъ нравственности, вложившимъ въ него этотъ законъ. Этимъ и объясняется то воодушевленіе въ дѣятельности, то нравственное геройство и безразличное самоотверженіе, какими отличаются религіозные подвижники благочестія отъ всѣхъ другихъ дѣятелей въ области гражданской жизни и въ области науки. Даже для самого Канта была очевидна недостаточность его принципіальнаго положенія о независимой морали, въ виду того извѣстнаго факта, что противъ требованій нравственнаго закона громко возстаютъ низшія влеченія нашей природы, и что нужна высшая помощь для того, чтобы голосъ разума всегда имѣлъ господство надъ влеченіями плоти. Но коль скоро, помимо требованій нравственнаго закона, допускается мысль о необходимости другой опоры, другого авторитета для нравственной дѣятельности человѣка, тѣмъ самымъ подрывается то основное положеніе философа, что въ человѣческомъ духѣ есть нравственный законъ, значить должна быть въ немъ и возможность нравственнаго совершенства, ни въ чемъ постороннемъ, высшемъ человѣкъ не нуждается. Вѣдь нужно забыть объ ограниченности и нравственномъ поврежденіи человѣческой природы, нужно радикально измѣнить ее, чтобы въ самомъ только человѣкѣ сосредоточивать всѣ побужденія и цѣли нравственной жизни! Вотъ почему въ

одной религіи человѣчество всегда искало внѣшняго авторитета для своей нравственной дѣятельности и будетъ искать, такъ какъ ничто кромѣ ея не поддержитъ его въ борьбѣ съ худыми наклонностями природы.

Если и въ системахъ матеріализма проповѣдуется также свободная, независимая мораль, то строго говоря, эти воззрѣнія не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, такъ какъ вообще матеріализмъ не въ правѣ разсуждать о нравственности человѣка. Всякое дѣйствіе матеріализмъ выводитъ изъ механическихъ процессовъ, совершающихся въ нашей природѣ: онъ ничего не знаетъ, да и не можетъ знать о свободномъ самоопредѣленіи человѣка къ дѣятельности и объ отвѣтственности за нее. А гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и рѣчи объ истинной нравственности. Если наша душа со всѣми способностями—ничто иное, какъ функція мозга, и самъ человѣкъ—ничто иное, какъ высшее животное, то всѣ его дѣйствія должно разсматривать, какъ необходимый продуктъ отправления мозга и внѣшняго чувственнаго влеченія. Такъ называемые грѣхи и преступленія съ матеріалистической точки зрѣнія—только неизбѣжныя слѣдствія недостаточнаго питанія и ненормальной организаціи мозга. Нравственное превосходство одного предъ другимъ обуславливается свойствомъ его питанія; человѣкъ и есть то, что онъ ѣстъ. Упреки совѣсти, по мысли Ламетри, смѣшной предрасудокъ, такъ какъ нельзя раздражаться тѣмъ, что худо дѣйствуютъ пружины тѣлесной машины... Послѣ этого для всякаго, думаемъ, очевидно, что съ этой точки зрѣнія невозможна постановка самаго вопроса о нравственномъ и безнравственномъ въ поведеніи человѣка, а потому ученіе матеріализма о независимой нравственности, какъ противорѣчащее здравому смыслу, можетъ быть оставлено безъ особаго вниманія.

Болѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе, основу нравственной дѣятельности полагающее въ совѣсти человѣка, безъ всякой мысли о религіи. Совѣсть побуждаетъ насъ къ добру и предохраняетъ отъ зла; она награждаетъ насъ внутреннимъ миромъ и спокойствіемъ и наказываетъ душевными муками за нарушеніе ея требованій. Конечно, если совѣсть считать только естественнымъ обнаруженіемъ духовныхъ силъ человѣка, то согласно съ этимъ и нрав-

ственную дѣятельность его нужно разсматривать тогда, какъ вполнѣ самостоятельную дѣятельность, независимую отъ вліянія религіи. Но вопросъ въ томъ,— что такое совѣсть, какъ основа нашего поведенія? Можно-ли считать ее только проявленіемъ способностей нашей души, или-же въ ней и чрезъ нее открывается намъ воля Высшаго Существа, голосъ самого Бога?

По этому вопросу Шопенгауэръ разсуждаетъ такъ: «всякій удивился-бы, еслибы узналъ изъ какихъ элементовъ состоитъ совѣсть, «которая представляется ему совершенною въ нравственномъ смыслѣ слова, и именно: въ ней заключается $\frac{1}{5}$ страха предъ людьми, $\frac{1}{5}$ желанія блаженства, $\frac{1}{5}$ предразсудка, $\frac{1}{5}$ тщеславія и $\frac{1}{5}$ привычки»? Но ошибочность такого взгляда очевидна. Что совѣсть вліяетъ на насъ, имѣетъ власть надъ нашими свободными поступками, въ этомъ согласны всѣ моралисты. Располагая къ добру и удерживая отъ зла, она часто идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ произволомъ и повелительно съ авторитетомъ высшей власти возвышаетъ свой голосъ тогда, когда наша воля не согласуется съ ея требованіями. Она налагаетъ на насъ нелегкое бремя, не позволяя поступать, какъ-бы намъ хотѣлось, ограничиваетъ насъ въ погонѣ за удовольствіями и за непослушаніе наказываетъ внутренними укорами и страданіями. Ея голосъ безусловно господствуетъ надъ нашей волей, мы можемъ противиться ему, какъ свободныя существа, но никогда не въ состояніи отрѣшиться отъ него и тѣмъ болѣе—совершенно заглушить его. «Пусть человѣкъ, говоритъ св. Златоустъ, учинившій грѣхъ и совершившій беззаконное дѣло, успѣетъ скрыть его отъ всѣхъ людей, «но отъ этого судіи (совѣсти) скрыться онъ не можетъ, напротивъ всегда носить въ себѣ этого обличителя, который беспокоитъ его, мучитъ и никогда не утихаетъ» ¹⁰⁾... Но еслибы совѣсть была только проявленіемъ одной нашей духовной природы, тогда чѣмъ объяснить, что сама природа по какимъ-то невѣдомымъ намъ причинамъ стѣсняетъ саму себя въ своихъ потребностяхъ, побуждая къ одному и предостерегая отъ другого? Почему,

¹⁰⁾ Толк. Златоуста на кн. Бытія. (Бесѣда 17).

испытавъ на себѣ стѣснительность требованій совѣсти и тяжесть ея мученій, мы не стремимся видоизмѣнить характеръ ея требованій въ благопріятномъ для себя смыслѣ, или же отвернуть ихъ совсѣмъ, какъ стѣсняющія свободу нашихъ дѣйствій? Все это совершенно непонятно и еще болѣе подтверждаетъ вѣрное замѣчаніе Цоль-Жанэ, считающаго странною ту мысль, будто воля человѣческая сама для себя можетъ хотѣть закона ¹¹⁾. Итакъ, на основаніи всеобщности голоса совѣсти и его неподкупности не должны-ли мы понимать совѣсть, какъ что-то отличное отъ природы человѣка, какъ высшую силу, вложенную въ нашъ духъ самимъ Творцемъ и господствующею надъ разумомъ, волею и сердцемъ человѣка? Далѣе если требованія совѣсти, какъ показываетъ внутренній опытъ и наблюденіе надъ другими, всегда неизмѣнны, постоянны и всеобщы, то какимъ-же образомъ самъ человѣкъ можетъ быть ихъ виновникомъ, когда онъ—существо ограниченное, условное и измѣнчивое? Еслибы онъ самъ былъ виновникомъ тѣхъ явленій, которыя обнимаются понятіемъ «совѣсть», то несомнѣнно они всегда были-бы въ гармоніи съ наклонностями его природы, не вступая съ ними въ противорѣчіе. А все это не служить-ли твердымъ доказательствомъ того взгляда, что во всѣхъ своихъ проявленіяхъ совѣсть есть голосъ Божій въ человѣкѣ, а не голосъ самого человѣка, или цѣлой совокупности людей, что первоначальная ея основа положена въ святой волѣ Божіей? Правда, у разныхъ народовъ въ разное время ихъ исторической жизни, равно какъ и у отдѣльныхъ людей, показанія совѣсти бываютъ различны въ зависимости отъ ихъ нравственнаго развитія, а между тѣмъ, какъ откровеніе въ насъ высшей воли, совѣсть всегда и у всѣхъ должна быть одинакова, ибо воля Божія сама себѣ противорѣчить не можетъ; но этотъ наблюдаемый фактъ не колеблетъ справедливости высказаннаго сужденія о совѣсти; причина разнообразія обнаруженія совѣсти понятна. Голосъ Божій въ нашей совѣсти не выражается въ формѣ какихъ-либо опредѣленныхъ предписаній, а только въ формѣ темнаго, неяснаго

¹¹⁾ Гусевъ. Религіозность, какъ основа нравственности. стр. 88—89.

стремленія къ добру и предостереженія отъ зла, не опредѣляя точно, въ чемъ состоитъ то и другое. Еслибы мы обладали неповрежденными силами, и онѣ дѣйствовали и развивались въ насъ всегда нормально, то и дѣйствія совѣсти были-бы правильны, и у всѣхъ людей была-бы добрая совѣсть. Но вслѣдствіе грѣха человѣка и удаленія его отъ Бога и совѣсть не могла не утратить прежней чистоты своихъ обнаруженій; неизбѣжно появились ненормальныя уклоненія ея голоса отъ путей правды, обнаружались ея заблужденія. Грѣхъ ослабилъ въ человѣкѣ природное влеченіе къ добру, а потому и нравственное чувство теперь не отличается въ немъ должною степенью чистоты и энергіи, голосъ его часто слишкомъ слабо звучитъ и до нашего сознанія доходитъ въ измѣненномъ видѣ. Подъ вліяніемъ порочныхъ наклонностей и грѣховныхъ стремленій человѣкъ нерѣдко не въ состояннн разобратъся въ томъ хаосѣ и смятеніи, которыя царятъ въ его душѣ. Самая свобода человѣка поработана грѣхомъ и вноситъ безпорядочность въ душевную жизнь, что и служитъ причиною колебаній совѣсти и ея невѣрныхъ показаній о добрѣ и злѣ. Гордость, чувственность, самолюбіе, закоснѣніе въ грѣховныхъ привычкахъ искажаютъ голосъ совѣсти, какъ суди и мздовоздаятеля. Вообще, живущій въ насъ грѣхъ ослабляетъ природное влеченіе къ добру постояннымъ противодействіемъ со стороны зла; поэтому и сужденія совѣсти тѣмъ яснѣе и вѣрнѣе въ каждомъ человѣкѣ, чѣмъ болѣе очищается отъ дѣйствій грѣха при благотворномъ вліяніи на него христіанской религіи, просвѣщающей всякаго человека, грядущаго въ міръ. Вотъ чѣмъ и объясняется чистота и высота дѣйствій совѣсти у христіанина и сравнительная темнота и неопредѣленность ея указаній у непросвѣщеннаго язычника, пребывающаго въ похотѣхъ своего сердца. Такимъ образомъ, при болѣе глубокомъ размышленіи о совѣсти, какъ основѣ нравственной дѣятельности, мы неизбѣжно придемъ къ тому твердому рѣшенію, что въ ней открывается намъ высшая сила, слышится голосъ Самого Бога. Но этотъ голосъ въ нашемъ грѣховномъ состояннн часто заглушается громкими голосами худыхъ наклонностей и влеченій природы, вслѣдствіе чего дѣйствія совѣсти у людей бываютъ неодинаковы. Чѣмъ глубже падаемъ мы

въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ слабѣе и ненормальнѣе проявляются въ нашей душѣ и дѣйствія совѣсти. Вотъ почему сама совѣсть, чтобы быть вѣрной руководительницей человѣческой жизни, нуждается въ просвѣщеніи со стороны истинной религіи, которая разъяснила-бы, что такое на самомъ дѣлѣ добро и зло, указала-бы на всѣ побужденія къ добру и сообщила необходимыя средства для его осуществленія. Въ совершенной полнотѣ все это и открыто человѣку въ ученіи христіанской религіи, откуда неложно узнаеть онъ, «что истинно, что честно, что составляетъ добродѣтель и похвалу»... Она одна даетъ намъ вѣрное понятіе о добрѣ и злѣ, одна указываетъ намъ истинныя обязанности къ Богу и ближнимъ, одна въ лицѣ Христа представляетъ намъ совершеннѣйшій образецъ нравственной жизни, которому мы должны подражать и, наконецъ, одна въ Божественныхъ таинствахъ сообщаетъ намъ все потребное для возможнаго осуществленія въ самой жизни идеала христіанскаго совершенства.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ десять заповѣдей законодательства Моисея были краткимъ и въ тоже время точнымъ указаніемъ всѣхъ обязанностей человѣка къ Богу и ближнимъ. Но что предписывалось закономъ Моисея, то самое дополнилъ въ своемъ ученіи Іисусъ Христосъ и чрезъ это на такую высоту возвелъ духовное развитіе своихъ послѣдователей, что не только для языческаго міра, но даже и для избраннаго Израиля оно было неизвѣстнымъ до Его пришествія идеаломъ. Прочитавши внимательно наставленія Христа своимъ ученикамъ въ нагорной бесѣдѣ, всякій уразумѣеть, какаѣ чистота не только дѣйствій, но и всѣхъ сокровенныхъ помысловъ, и какое вообще совершенство духовной жизни изображается тамъ въ поведеніи истиннаго христіанина! Христосъ говоритъ: «вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду. А Я говорю вамъ, что всякій гнѣвающійся на брата своего напрасно подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему «рака» (пустой человѣкъ), подлежитъ синедріону; а кто скажетъ «безумный», подлежитъ гееннѣ огненной... Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй. А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вождельніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ...

Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злему. Но кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую и т. д. (Мѡ: 5, 21—44). Изъ приведенныхъ наставленій Спасителя кто не пойметъ, какое незлобіе должно быть въ отношеніяхъ христіанъ другъ къ другу, когда и одно чувство гнѣва по своей тяжести поставляется Христомъ на одинаковую степень съ дѣйствительнымъ убійствомъ своего ближняго?! Какое цѣломудріе, какая чистота должны быть въ отношеніяхъ христіанскихъ супруговъ, если и одинъ нескромный взглядъ на постороннюю личность поставляется наравнѣ съ дѣйствительнымъ нарушеніемъ супружеской вѣрности?! Какою горячею любовію и какимъ самоотверженіемъ долженъ быть воодушевленъ христіанинъ, чтобы, по заповѣди Спасителя, любить своихъ враговъ, благословлять проклинающихъ его и добро творить всѣмъ ненавидящимъ его?! Однимъ словомъ; Христосъ заповѣдуетъ воздерживаться не отъ однихъ худыхъ дѣлъ, но и отъ всякаго гнилаго и празднаго слова, всякихъ нечистыхъ мыслей и желаній. Въ жизни христіанъ Онъ цѣнитъ не дѣла, хорошія на видъ, но, главнымъ образомъ, чистоту сердца, какъ источника нравственной жизни, чистоту намѣренія и цѣли всякаго дѣйствія. Настанетъ нѣкогда день, когда, по ученію Спасителя, каждый дастъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ, словахъ и помышленіяхъ (Мѡ. 12, 36; 1 Кор. 4, 5). Но мы еще недостаточно полно сказали о христіанской любви къ ближнимъ, каковую заповѣдь Самъ Христосъ назвалъ заповѣдію новою (Іоан: 13, 34); ибо въ такой широтѣ и глубинѣ, какъ училъ о любви Христосъ и Его Апостолы, нетолько въ дѣйствительной жизни, даже въ теоріи она неизвѣстна была человѣческому міру. Любовь, которая, въ заботахъ о благѣ ближняго, не ищетъ своего, которая обнимаетъ всѣхъ людей, пригрѣваетъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ и не презираетъ заблуждающихся и павшихъ, которая за зло воздаетъ добромъ, которая вся покрываетъ и' вся терпитъ, которая не превозносится и не гордится, не раздражается и не мыслить зла, которая не радуется о неправдѣ, радуется-же о истинѣ, — такая всесовершенная, всеобъемлющая любовь безспорно всѣми должна быть признана высшимъ идеаломъ нравственнаго совершенства въ жизни людей. (Мѡ. 5, 44—45;

1 Кор. 13, 4—7). Итакъ въ ученіи Христа впервые указанъ намъ чистѣйшій идеаль нравственнаго поведенія, всѣхъ поражающій своимъ величіемъ. Даже Руссо, неприверженецъ вообще христіанскаго міровоззрѣнія, тѣмъ не менѣе о христіанской морали выражается такъ: «я не знаю, говорить онъ, какимъ образомъ высшую прекрасную мораль нашихъ книгъ желаютъ приписать успѣху философіи? Эта мораль заимствована изъ Евангелія и была христіанскою, прежде чѣмъ она стала философскою» ¹²⁾.

Если посмотримъ теперь на мотивы, располагающіе насъ ко всему доброму и предохраняющіе отъ худого, то неизбежно опять придемъ къ тому выводу, что главныя побужденія къ нравственному образу жизни заключаются для насъ въ религіозныхъ истинахъ. Въ самомъ дѣлѣ, что влечетъ насъ къ добродѣтельной жизни и удерживаетъ отъ порочной?—Это чистая горячая любовь къ Творцу и страхъ, какъ-бы чрезъ нарушеніе Его святой воли не оказаться недостойнымъ Его сыномъ; это мысль о безсмертіи души и праведномъ воздаяніи тамъ за гробомъ... Вотъ главные мотивы благочестивой жизни, ясно указанные намъ въ христіанской религіи! Отнимите ихъ отъ нашей дѣятельности, удалите на время изъ души человѣка,—и, несомнѣнно, какъ зданіе безъ прочнаго фундамента, рухнетъ тогда вся человѣческая нравственность. Кто слѣдитъ внимательно за текущею жизнію, тотъ глубоко убѣжденъ, что въ религіи даны всѣ побужденія къ безкорыстной нравственной дѣятельности человѣка; и чѣмъ болѣе ослабѣваетъ въ нашей душѣ религіозная настроенность, тѣмъ глубже падаемъ мы въ нравственномъ отношеніи. Примѣры, подтверждающіе нашу мысль, всегда предъ нами на лицо... И въ самомъ дѣлѣ, кто твердо вѣритъ въ вездѣсущаго, всемогущаго и правосуднаго Бога, вѣритъ, что за все содѣянное въ свое время потребуются должный отчетъ, тотъ всегда страшится, какъ бы своими грѣхами не прогнѣвать небеснаго Отца, не навлечь Его справедливаго гнѣва, и потому всегда старается избѣгать даже такихъ сокровенныхъ дѣлъ, за кото-

¹²⁾ Die Abhängigkeit der Sittlichkeit von der Religion. (Zeitschrift für Kirchliche Wissenschaft за 1888 г.

рыя не страшился бы провосудія челоѣческаго. Всѣмъ намъ извѣстенъ тотъ фактъ, какъ горячо любящія дѣти боятся огорчить своихъ родителей или непослушаніемъ, или другими поступками, и потому съ великою радостію исполняютъ ихъ волю даже тогда, когда никто изъ постороннихъ ихъ не видитъ и не слышитъ; такъ точно и для всякаго искренно вѣрующаго челоѣвка любовь къ Богу служить живымъ неизсякаемымъ источникомъ, откуда почерпаетъ онъ энергію и духовную бодрость при исполненіи воли Божіей; при этой любви его законъ является для него благимъ и бремя его легкимъ.

Неоспоримо и то, что въ мысли о страшномъ судѣ, о вѣчныхъ наградахъ для праведныхъ и наказаніяхъ для грѣшныхъ заключается одинъ изъ сильныхъ мотивовъ къ добродѣтельной жизни. Вѣра въ безсмертіе души и праведное воздаяніе по нашимъ дѣламъ тамъ—въ будущей жизни вселяетъ въ насъ самоотверженіе и мужество честно дѣлать свое дѣло среди всевозможныхъ житейскихъ затрудненій и тревогъ. Безъ этой вѣры, находясь подъ гнетомъ судьбы и всякихъ неожиданныхъ случайностей, челоѣчество не избѣгло-бы глубокаго паденія въ нравственномъ отношеніи. Мы съ дѣтства наставлены въ той истинѣ, что добродѣтельный челоѣкъ достоинъ счастливой жизни; но если и ему нерѣдко приходится переносить тяжкія страданія, а дурные поступки остаются безнаказанными, тогда что другое, кромѣ твердой вѣры въ правосудіе Божіе, можетъ поддержать и укрѣпить насъ на тернистомъ пути добродѣтельной жизни? Представимъ себѣ на одно мгновеніе, что во всемъ мірѣ не стало-бы вѣры въ Бога, безсмертіе души и загробную жизнь съ ея воздаяніемъ по заслугамъ добрымъ и грѣшнымъ, словомъ, не было-бы того, что обнимается самымъ понятіемъ религіи; что тогда, спросимъ мы, расположило бы челоѣчество жить нравственно, поступать по волѣ Божіей? Въ чемъ нашло бы оно главный импульсъ къ ограниченію себя ради высшаго совершенства? Если нѣтъ Высшаго Существа, въ которомъ созерцаемъ мы чистый идеаль нравственности и которому должны подражать, откуда возникнетъ тогда самое стремленіе къ какому-то неизвѣстному идеалу, притомъ требующему отъ челоѣвка самоотреченія отъ многихъ нажитыхъ

привычекъ и страстей? Безъ религіозныхъ вѣрованій нѣтъ пищи идеальнымъ стремленіямъ человѣческаго духа; они неизбѣжно заглохнутъ, уступивъ мѣсто низшимъ влеченіямъ плоти. Указаніе въ данномъ случаѣ на сравнительно высокой нравственный образъ жизни атеистовъ нисколько не ослабляетъ нашего положенія. Во первыхъ, возможность такихъ нравственно-чистыхъ людей вообще сомнительна. Мы никогда не можемъ знать, дѣйствительно ли у такихъ людей внутренняя жизнь; внутреннее настроеніе сердца всегда въ гармоніи съ ихъ внѣшними дѣйствіями? Всегда ли ихъ добрыя дѣла вытекаютъ изъ безкорыстныхъ благородныхъ побужденій, или, можетъ быть, тамъ, гдѣ они сокрыты отъ гласности, отъ сужденій общества, ихъ образъ мыслей и самыя поступки представляются совершенно въ другомъ свѣтѣ? Болѣе глубокое разсмотрѣніе ихъ, можетъ быть, привело бы тогда къ другому заключенію относительно нравственной цѣны ихъ поступковъ... Во вторыхъ, при разъясненіи указываемаго недоумѣнія никогда не слѣдуетъ забывать того важнаго обстоятельства, что атеисты родились и живутъ въ обществѣ, въ которомъ держится порядокъ, освященный именемъ религіи. Если отдѣльные лица чужды религіозныхъ воззрѣній, то вѣдь ими проникнуто все общество, съ которымъ они связаны тысячами духовныхъ и нравственныхъ узъ. Можетъ быть, въ раннемъ дѣтствѣ находились они подъ нравственнымъ воздѣйствіемъ христіанской религіи, которая своимъ духомъ такъ глубоко проникаетъ нашу внутреннюю жизнь и наши отношенія къ ближнимъ, что невозможно не подчиняться ея благотворному вліянію; очень можетъ быть, первоначальное христіанское воспитаніе въ семьѣ благочестивыхъ родителей оставило неизгладимый слѣдъ на всей ихъ будущей жизни, на всемъ строѣ ихъ нравственнаго мировоззрѣнія; а если такъ, то несомнѣнно религія была матерью, родившею въ нихъ нравственную чистоту, хотя неблагодарное дитя въ послѣдствіи отвергло свою родную мать... Съ удивительною выразительностію силу и значеніе, широту и глубину вліянія христіанства на всю вообще духовную жизнь христіанскихъ народовъ обрисовываетъ извѣстный апологетъ Николая. «Христіанство, говоритъ онъ, существуетъ не какъ нибудь случайно, поверхностно, но срослось съ самыми

основаніями жизни христіанскихъ обществъ; оно составляетъ душу ихъ цивилизаціи, нравовъ, законовъ, обычаевъ, установлений. Мы сами въ себѣ, волею или неволею выражаемъ его въ своей жизни, являемся его произведеніемъ, и оно ежедневно рождаетъ въ насъ новыя идеи, новыя стремленія, для которыхъ само служить началомъ и руководствомъ. Этотъ неизмѣримый и необъятный фактъ глубже всѣхъ историческихъ фактовъ пустилъ свои корни въ жизнь народовъ, предъ которыми всѣ другіе факты—только случайность»¹³). Но совсѣмъ иная получилась бы картина, еслибы все человѣчество состояло изъ однихъ безбожниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Это было бы скорѣе общество животныхъ, не знающихъ ни права, ни закона, ни какихъ бы то ни было нравственныхъ и идеальныхъ стремленій. На основаніи высказанныхъ соображеній мы приходимъ къ тому заключенію, что именно въ религіозныхъ мотивахъ,—въ любви къ Богу, въ сыновнемъ страхѣ предъ Нимъ, въ вѣрѣ въ безсмертіе души и будущее загробное воздаяніе лежитъ вся живая сила, двигающая человѣка къ безконечному развитію въ нравственномъ отношеніи.

Но противъ справедливости высказанныхъ нами сужденій о христіанствѣ, какъ единственно-вѣрномъ источникѣ, откуда почерпается нами истинное понятіе о добрѣ и злѣ и заимствуются главные мотивы добродѣтельной жизни, прежде всего выставляютъ на видъ то, что не христіанство, будто бы, впервые указало намъ высокій идеалъ нравственной жизни. Уже въ древнихъ языческихъ религіяхъ, въ особенности въ индійскомъ религіозномъ ученіи, равно какъ въ системахъ различныхъ языческихъ философовъ, можно находить, говорятъ, нравственныя воззрѣнія по высотѣ равныя христіанскимъ. Въ капитальномъ своемъ трудѣ «исторія цивилизаціи въ Англіи» Бокль проводитъ, на примѣръ, ту мысль, что моральный законъ весьма древень и что моральная система Новаго Завѣта не содержитъ,

---

¹³) Прот. Петропавловскій. Общед. статьи въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія, т. 1 стр. 101.

будто бы, ни одного положенія, которое не было бы высказано раньше. Просвѣщеннымъ людямъ; будто-бы, хорошо извѣстно, что прекраснѣйшія по глубинѣ и высотѣ мысли наставленія Апостольскія заимствованы изъ языческихъ писаній. Но крайняя тенденціозность такого взгляда, по нашему мнѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ нѣкоторомъ ограниченномъ смыслѣ можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, что и въ языческомъ мірѣ должны были быть и на самомъ дѣлѣ были отдѣльные проблески христіанскихъ истинъ, ибо и «во тьмѣ свѣтилъ Свѣтъ и тьма его не объяла» (Іоан. 1, 5). Наша душа, какъ разсуждаетъ учитель Церкви Тертуліанъ, по самой природѣ христіанка въ ней отъ природы есть предчувствіе христіанскихъ истинъ; и у языческихъ народовъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, сохранились остатки первобытнаго истиннаго богопознанія, путемъ преданія, перешедшаго отъ прародителей къ ихъ потомкамъ. Вотъ почему отдѣльныя истины, сродныя христіанскимъ, несомнѣнно возможны и въ возрѣніяхъ лучшихъ по своему времени языческихъ мыслителей. Но чтобы все христіанское ученіе во всей его полнотѣ и чистотѣ было проповѣдано человѣчеству къ-мъ-либо раньше Христа, справедливость такого именно положенія никто не доказалъ, да и не можетъ доказать никакими историческими справками. Затѣмъ, если и до христіанской вѣры нѣкоторыми выдающимися лицами возвѣщалась сравнительно высокая мораль; то вѣдь все это было въ одной теоріи, далеко не оправдываемой поведеніемъ самихъ проповѣдниковъ этихъ свѣтлыхъ идей; въ ихъ жизни замѣчался рѣзкій диссонансъ между словомъ и дѣломъ. О философѣ Сенека извѣстно, на примѣръ, что онъ прекрасно и убѣдительно училъ презирать все земное; какъ ничтожное, тлѣнное, не стоящее вниманія всякаго разумнаго человѣка, а между тѣмъ самъ за четыре года собралъ себѣ состояніе въ 15 милліоновъ марокъ. Онъ увлекательно и трогательно писалъ о бѣдности и вредѣ всякихъ удовольствій, но въ то же время эти возвышенныя размышленія нисколько не помѣшали ему устроить до 500 обѣдовъ, настолько скромныхъ по обстановкѣ, что каждый изъ нихъ стоилъ отъ 30 до 100 тысячъ марокъ... Высоко и назидательно разсуждалъ онъ, говорятъ, о цѣломудріи, кротости и другихъ добродѣ-

теляхъ, не осуществляя ихъ, конечно, въ своей жизни ¹⁴⁾. Между тѣмъ въ жизни Спасителя Христа христіанская религія представляетъ намъ примѣръ полного соотвѣтствія между словомъ и дѣломъ, примѣръ нравственнаго величія, обаятельно дѣйствующаго на каждыя послѣдователя Христа, къ которому и стремится онъ по мѣрѣ своихъ силъ.

Многимъ весьма желательно также какъ-нибудь умалить, что бы не сказать больше, значеніе и религіозныхъ побужденій въ дѣлѣ нравственнаго развитія. Вѣрующимъ, говорятъ одни, покажется страннымъ то требованіе, что человекъ долженъ быть честнымъ безъ рая и ада; а между тѣмъ, нравственность, вытекающая изъ желанія получить награду и избѣгнуть наказаній, очень низка и свойственна однимъ рабамъ. Нужно, говорятъ другіе, быть нравственнымъ потому, что того требуетъ нашъ разумъ, къ тому располаетъ общій порядокъ и устройство міра, часть котораго составляетъ человекъ, и нельзя, говорятъ, поступать иначе, не дѣлая ошибокъ противъ собственной природы, собственнаго назначенія и счастья. Религіозная мораль, по ихъ мнѣнію, поверхностна; ея побудительныя причины—надежда на райскія блаженства, или боязнь предъ вѣчнымъ адскимъ огнемъ. Но это—мораль эгоистовъ и малодушныхъ, это—мораль дѣтей, къ которымъ можно приближаться съ обѣщаніемъ сладкаго пряника, или съ угрозой розги.

Охотно признаемся, что въ этихъ сужденіяхъ, высказываемыхъ, правда, очень рѣзко, есть доля правды. Сами св. Отцы поучаютъ насъ дѣлать добро ради самого добра. «Истинно любомудрые и боголюбивые, пишетъ св. Григорій Богословъ, любятъ общеніе съ добромъ ради самого добра, а не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ; ибо это уже вторая степень похвальной жизни—дѣлать что либо изъ награды и воздаянія и третья—избѣгать зла по страху наказаній» ¹⁵⁾. Святой Іоаннъ Златоустъ поучаетъ: «ты большую получишь награду, если дѣлаешь не въ надеждѣ награды. Говорить о наградахъ и напередъ вычислять оныя означаетъ больше наемника, нежели вѣрнаго слугу.

¹⁴⁾ Die Abhängigkeit der Sittlichkeit von der Religion (Leitschrift für Kirchliche Wissenschaft 1888 r).

¹⁵⁾ Прот. Солярскій. Нравств. богословіе.

Надобно дѣлать все для Христа, а не для награды» ¹⁶⁾. Вотъ какъ возвышенно смотрѣли св. Отцы на христіанскую добродѣтель! Но человѣчество далеко не доросло до той высоты нравственной зрѣлости, когда для него излишни побужденія къ добру, когда добродѣтель является естественною потребностію нашего духа, когда «праведнику не лежитъ законъ». Направляя свои силы къ борьбѣ съ грѣховными влеченіями природы, мы только начинаемъ еще свое нравственное развитіе. И вотъ въ началѣ развитія нравственной жизни, на первыхъ шагахъ по тернистому пути къ совершенству, въ чемъ другомъ найдетъ человѣкъ силу противостоять грѣховнымъ влеченіямъ и искушеніямъ плоти, если отнять у него религіозныя побужденія, изъять изъ его души любовь къ Богу, страхъ предъ правосудіемъ Его, надежду на воздаяніе по дѣламъ и боязнь наказаній? Чтò заставитъ насъ бороться со зломъ, не любить міра и всего, чтò въ мірѣ, къ чему такъ склонно наше сердце? Для господства надъ міромъ и собою необходимъ подвигъ самоотверженія; но гдѣ найдемъ достаточное основаніе для этого самоотверженія? У человѣка много кажущихся благъ, сердце его не всегда на сторонѣ истиннаго добра и всего чаще привязывается къ мнимому; и если оставить его безъ побужденій къ нравственности, онъ весьма легко поработенъ будетъ чувственностію и удалится отъ нравственнаго своего назначенія. Вотъ почему въ настоящемъ нашемъ состояніи религіозныя побужденія служатъ спасительнымъ средствомъ къ возбужденію и укрѣпленію въ насъ добраго чувства и къ обращенію на путь добродѣтели. Живое представленіе будущихъ наградъ и наказаній обуздываетъ порывы страстей, удерживаетъ стремленіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, отклоняетъ отъ преступленій закона и предостерегаетъ отъ безпечности и нерадѣнія въ дѣлѣ нравственнаго развитія. Далѣе, какой-бы высоты нравственнаго совершенства ни достигалъ человѣкъ, его природа ствсе-таки остается немощной, способной къ глубокимъ паденіямъ; чтоже предохранить его отъ этихъ паденій, какъ не любовь къ Богу и страхъ предъ Нимъ, какъ существомъ

---

¹⁶⁾ Ibidem.

всевѣдущимъ и справедливымъ?! Необыкновенно яркое и глубоко психологическое изображеніе того печальнаго состоянія, въ какомъ находится каждый человѣкъ — жалкій плѣнникъ грѣха, представляетъ намъ ап. Павелъ. Предъ нами существо, у котораго все — темпераментъ и способности, инстинкты и склонности — искажено, извращено, тяготеетъ ко злу. Если искра совѣсти тлѣетъ еще въ глубокихъ тайникахъ его сердца, поддерживая въ немъ слабое желаніе добра, то это желаніе не можетъ найти осуществленія, потому что его воля болѣе расположена ко злу, чѣмъ къ добру. «Не понимаю, что дѣлаю, говоритъ Апостоль по собственному моральному опыту, потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. А потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ; ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божиемъ, но въ членахъ своихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума его и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти!» (Рим. 7, 18—24). Нѣтъ сомнѣнія, что и каждый человѣкъ съ незаглохшею совѣстію въ глубинѣ своей души ощущаетъ тоже самое, что и ап. Павелъ. Не ясно-ли отсюда, что грѣховная въ насъ склонность сильнѣе влеченія къ добру и что одна вѣра въ личнаго Бога, Его всевѣдѣніе и правосудіе въ состояніи дать человѣку необходимую опору въ борьбѣ съ грѣховными влеченіями плоти? Но нетолько слабость человеческой природы нуждается въ религіозныхъ мотивахъ, какъ необходимой поддержкѣ на пути нравственнаго развитія, но этого же требуетъ, какъ сказано уже выше, и идея нравственнаго порядка вещей, идея божественнаго правосудія. Если добродѣтель должна сопровождаться счастьемъ, а нечестіе порокъ — наказаніемъ, между тѣмъ въ жизни нѣтъ строгаго соответствія между добродѣтелию и счастьемъ, то что воодушевить добродѣтельнаго человѣка неуклонно и самоотверженно идти по пути нравственнаго развитія?

Стремясь какъ бы то ни было подорвать значеніе христіанской религіи, какъ незамѣнимой для насъ жизненной опоры, нерѣдко выставляютъ на видъ то, что и въ христіанскихъ обществахъ не меньше, а можетъ быть и боль-

ше, чѣмъ въ языческихъ, замѣчается низкихъ, безнравственныхъ поступковъ. Лицемеріе, обманъ, ложь, воровство, плотоугодіе во всѣхъ его видахъ и проч. и проч. — все это можно наблюдать и въ поведеніи христіанъ. Въ чемъ же послѣ этого, говорятъ, сказалось благотворное вліяніе религіи въ жизни людей? Не есть-ли, такимъ образомъ, заблужденіе — нравственность человѣка поставлять въ зависимость отъ религіи и возвышенностію религіознаго умозрѣнія обусловловить чистоту и высоту поведенія человѣка? Но это возраженіе не такъ сильно, какимъ оно можетъ казаться съ перваго раза. Низкіе предосудительные проступки наблюдаются, конечно, и въ жизни христіанъ; тѣмъ не менѣе эти печальные факты не даютъ права отрицать ту безспорную истину, что нравственные правила христіанства по своему духу несравненно возвышеннѣе и чище всякихъ другихъ моральныхъ началъ, вслѣдствіе чего и самая жизнь христіанина, проникнутая духомъ евангельскаго ученія о Богѣ и ближнемъ, въ нравственномъ отношеніи стоитъ неизмѣримо выше поведенія человѣка внѣ благотворнаго воздѣйствія христіанства. Взгляните безпристрастнымъ окомъ на жизнь христіанъ и язычниковъ въ ихъ общественномъ и семейномъ отношеніи, и вы увидите, что христіанство облагораживающимъ и возвышающимъ образомъ повліяло на умы и сердца людей, и все лучшее въ ихъ жизни, въ нравственномъ смыслѣ этого слова, есть непосредственный плодъ его благотворнаго вліянія! А если и въ христіанскихъ семьяхъ бываетъ часто не такъ, какъ должно бы быть, то причина такой очевидной ненормальности кроется вообще въ грѣховности нашей природы, склонной къ преступнымъ дѣйствіямъ, и въ частности въ отсутствіи христіанской любви между членами семьи, слѣдовательно, въ такихъ условіяхъ, которыя не имѣютъ въ себѣ ничего сроднаго съ духомъ ученія христіанской религіи. Но гдѣ взаимныя отношенія членовъ семьи проникнуты духомъ любви, тамъ семейная жизнь въ нравственномъ отношеніи такъ высока и чиста, что не можетъ быть и рѣчи о сравненіи ея съ жизнью даже самыхъ лучшихъ людей въ языческомъ мірѣ; тамъ всѣхъ христіанство объединяетъ взаимною любовію, тамъ женщины выходятъ изъ того рабскаго положенія, въ которомъ онѣ находились въ

языческомъ мірѣ и, какъ жены и матери, занимають въ семьѣ почетное мѣсто. Такія благочестивыя жены, какъ Нонна—мать св. Григорія Богослова, Анеуса—мать Златоуста, Моника—мать блаженнаго Августина и другія, представляютъ собою прекрасный образецъ христіанскихъ матерей и женъ, въ тиши и уединеніи занимавшихся воспитаніемъ своихъ дѣтей и полагавшихъ въ нихъ первыя сѣмена благочестія. Что касается общественной жизни, то безусловно вѣрно, что и здѣсь христіанство всегда оказывало свое благотворное вліяніе. Его высокія нравственныя начала находили прекрасное осуществленіе въ жизни какъ цѣлаго христіанскаго общества, такъ и отдѣльныхъ личностей; подъ его вліяніемъ правительство Греко-Римской имперіи издало благодѣтельные для общества законы объ ограниченіи рабства, облегченіи участи плѣнныхъ и рабовъ, объ уничтоженіи гладіаторскихъ зрѣлищъ и проч. Въ дохристіанскомъ мірѣ считался законнымъ тотъ порядокъ человѣческихъ отношеній, по которому одни должны господствовать, повелѣвать, а другіе—быть ихъ рабами. Рабъ считался тогда не только существомъ безправнымъ, но даже простою вещію, которою господинъ могъ распоряжаться по своему произволу. Христіанство въ самомъ корнѣ уничтожило такое воззрѣніе на людей-рабовъ. Оно проповѣдуетъ, что грѣху одинаково причастны господа и рабы, что Христосъ искупилъ все человѣчество, что теперь всѣ равны—и господа и рабы, и бѣдные и богатые—всѣ братья во Христѣ. Подъ его вліяніемъ отношенія между господами и рабами въ христіанскомъ обществѣ мало-помалу проникались духомъ равенства и братской любви. Въ церковныхъ собраніяхъ господа и рабы получали полное равенство; въ религіозной жизни рабъ ставился иногда выше господина, дѣлаясь его учителемъ въ Евангеліи. Такая-же братская любовь проявлялась и во взаимныхъ сношеніяхъ христіанъ съ язычниками въ жизни частной и общественной. Прямодушіе и честность христіанъ въ сношеніяхъ съ язычниками по дѣламъ житейскимъ, ихъ вѣрность, преданность и покорность правительству во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ дѣлъ вѣры, все это вызывало искреннее удивленіе и сочувствіе со стороны самаго правительства. Недаромъ Констанцій Хлоръ и Константинъ (послѣдній до принятія христі-

анства) считали христіанъ самыми лучшими подданными въ своей имперіи. Вообще любовь, заповѣданная Христомъ своимъ послѣдователямъ, всегда была отличительною чертою христіанской жизни и выражалась въ широкихъ размѣрахъ въ частной и общественной благотворительности. Разнообразныя дѣла христіанскаго милосердія, именно все то, что сдѣлала христіанская вѣра, «любовію споспѣшествуемая», для бѣдныхъ, больныхъ, падшихъ и всякаго рода нуждающихся, что сдѣлала она для подъема въ обществѣ высшихъ интересовъ и ослабленія безнравственности, все это громко свидѣтельствуетъ о благотворномъ вліяніи христіанства на человѣческую жизнь. Въ жизни вѣрующихъ всѣхъ временъ и мѣстъ яркимъ лучемъ свѣтитъ широкая благотворительность и тѣмъ величественнѣе открывается она предъ взоромъ историка, чѣмъ дальше простирается онъ въ глубь вѣковъ, въ ту отдаленную эпоху, когда вѣра была живѣе въ послѣдователяхъ Христа, когда у нихъ было «едино сердце»... Припомнимъ времена жестокихъ гоненій, повальныхъ заразительныхъ болѣзней, когда только одна христіанская любовь, съ самоотверженнымъ забвеніемъ о себѣ воодушевляла людей искренней заботой о ближнихъ до готовности положить за нихъ свою жизнь. Вотъ въ какомъ умиленномъ описываетъ поведеніе христіанъ св. Діонисій Александрійскій. «Весьма многіе, говоритъ онъ, отъ избытка любви и братолюбія не щадили самихъ себя, но поддерживали другъ-друга, безбоязненно посѣщали больныхъ, неутомимо ходили за ними и, служа имъ ради Христа, вмѣстѣ съ ними радостно умирали, потому что, исполняясь страданіями другихъ, привлекали къ себѣ болѣзнь отъ своихъ ближнихъ и добровольно принимали ихъ мученія. Такимъ-то именно образомъ оставили жизнь лучшіе изъ нашихъ братій, — нѣкоторые пресвитеры и діаконы, и многіе весьма похваляемые отъ народа. Они принимали тѣла святыхъ на расprostертыя руки и перси, закрывали имъ глаза, заключали уста, несли на своихъ плечахъ и потомъ полагали, прижимали ихъ къ себѣ и обнимали, украшали ихъ умываніями и одеждами, а вскорѣ и сами сподоблялись того же, потому что оставшіеся въ живыхъ всегда слѣдовали по стопамъ своихъ предшественниковъ. Совершенно напротивъ поступали язычники. Они прогоняли на-

чавшихъ хворать, убѣгали отъ самыхъ любезныхъ, выбрасывали на улицу полумертвыхъ, оставляли безъ погребенія мертвыхъ и такимъ образомъ старались избавиться отъ передаваемой и сообщающейся смерти, которую, однакожъ, при всѣхъ ихъ усиліяхъ нелегко было имъ отклонить отъ себя»¹⁷⁾. Послѣ такихъ трогательныхъ словъ, думается, и нѣтъ настоящей нужды приводить свидѣтельства другихъ лицъ относительно жизни христіанъ и ихъ неотразимо благотворнаго вліянія на всѣхъ, съ кѣмъ приходилось имъ входить въ какія-либо житейскія отношенія. А что касается наблюдаемаго иногда несоотвѣтствія между религіознымъ ученіемъ и поведеніемъ людей, то это прискорбное явленіе скорѣе всего должно было бы навести насъ на размышленіе о томъ, какъ глубоко еще коренится въ нашей природѣ грѣхъ и какъ мало проникаемся мы духомъ ученія Христа, подобно закваскѣ постепенно возраждающей и обновляющей нашу природу. Сознаемся откровенно, что многіе изъ насъ только по метрическимъ записямъ именуется христіанами, не будучи въ самомъ сердцѣ послѣдователями Христа. Немало людей, особенно строго, повидимому, исполняющихъ все, касающееся внѣшней стороны религіи, но, при всемъ томъ, въ глубинѣ своего сердца преисполненныхъ похотей, грѣха и порока; сердце ихъ далече отстоитъ отъ Христа и они «всеу чтутъ Его». Припомните, кто былъ ревностнѣе фарисеевъ въ исполненіи внѣшнихъ дѣлъ? Но сердцеѣдецъ Господь сравнилъ ихъ съ гробами повапленными снаружи, а внутри полными смрада и костей... Тоже самое должно сказать и о современныхъ Фарисеяхъ, если дѣла ихъ несогласны съ ученіемъ Христа, — «отъ плодовъ ихъ познаете ихъ»... Такимъ образомъ, очевидно, не на религію и ея нравственныя правила должно возлагать вину за безнравственныя поступки людей, а на тѣхъ, которые, именуясь христіанами, на самомъ дѣлѣ живутъ не похристіански, не имѣютъ христіанской добродѣтели любви и самоотверженія, слѣдуютъ грѣховнымъ влеченіямъ своей природы, утопая въ похотяхъ своего сердца.

---

¹⁷⁾ Смирновъ. Исторія христ. церкви, стр. 203.

Но въ данномъ случаѣ съ особою язвительностію указываютъ на то, что исторія именно христіанскихъ народовъ представляетъ скорбныя примѣры, какъ подъ знаменемъ религіи часто совершались обиды, притѣсненія, насилія и даже лишенія жизни. Съ особеннымъ подчеркиваніемъ указываютъ на средневѣковой судъ подъ еретиками, колдуньями, вѣдьмами и вообще на религіозныя преслѣдованія разныхъ людей, совершавшіяся, будто-бы, *in majorem Dei gloriam*. Вольтеръ не полѣнился вычислить, что подъ предлогомъ и по порученію якобы Церкви за все время было убито около 10 милліоновъ жертвъ и свое вычисленіе заканчиваетъ такимъ ѣдкимъ сарказмомъ: «христіанство, вотъ твои дѣла!.. Старательно подыскиваются историческія справки и касательно того, какія гнусныя дѣла совершались церковною іерархіей отъ имени и во имя религіи!.. Что сказать намъ по поводу такихъ жестокихъ обвиненій на религію? Не отрицая безусловно справедливости приводимыхъ справокъ, прежде всего мы спросимъ,—на основаніи указываемыхъ фактовъ въ правѣ ли мы возводить обвиненіе на христіанство? Повинно-ли оно въ предосудительныхъ дѣлахъ и поступкахъ своихъ послѣдователей? Кто дерзнетъ не только утверждать, но даже помыслить, что христіанство одобряетъ худыя поступки людей и даже располагаетъ къ нимъ?! Евангельское ученіе прежде всего имѣетъ въ виду отрѣшить человѣка отъ привязанности къ земному и указать вѣрный путь къ вѣчной жизни. «Ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ» (Мѡ. 7, 33),—вотъ его главное наставленіе каждому послѣдователю Христа; не стремленіе къ земнымъ благамъ, а самоотверженіе отъ пристрастія къ земному ставитъ оно въ непремѣнную обязанность каждому христіанину. Не внушаетъ оно намъ и мѣръ насилія для воздѣйствія на другихъ. Припомнимъ наставленія Христа Апостоламъ, при отправленіи ихъ на проповѣдь, и тѣ правила жизни, которыя чрезъ нихъ внушались вообще всѣмъ исповѣдникамъ Христа! «Когда не примутъ васъ въ какомъ либо городѣ, говоритъ Христосъ, исходя изъ него, вы отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ» (Мѡ. 10, 14); и когда въ одномъ самарянскомъ селеніи не приняли Апостоловъ и они просили Господа низвести огонь на жителей этого селенія, Христосъ

отвѣтилъ имъ: «не знаете, какого вы духа. Сынъ человеческій пришелъ не погублять, но спасать погибшихъ» (Лк. 9, 54). Уже изъ этихъ наставленій Спасителя всякому понятно, какимъ духомъ должны быть проникнуты отношенія христіанина къ язычникамъ, еретикамъ и вообще къ нехристіанамъ. Что безразсудный религіозный фанатизмъ противорѣчитъ основному духу христіанства, какъ религіи любви ко всѣмъ и даже ко врагамъ, какъ возвышенному ученію о Богѣ, Который «не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому и живу быти ему»,—это безспорная истина для каждаго истиннаго христіанина. И православная Церковь въ лицѣ своихъ пастырей и представителей всегда была противъ употребленія насильственныхъ мѣръ въ дѣлѣ привлеченія невѣрующихъ ко Христу, или удержанія въ Церкви отпавшихъ отъ нея членовъ. Чтобы ни говорили по адресу православія, какія бы хулы ни возводили на него, но Церковь не запятнала себя преслѣдованіями и гоненіями иновѣрцевъ. Противъ мѣръ насилія, несогласныхъ съ духомъ ученія Христа, высказывались и отдѣльные пастыри и цѣлые соборы. Такъ Кареагенскій соборъ обязывалъ епископовъ употреблять мѣры кроткаго, любвеобильнаго убѣжденія по отношенію къ донагистамъ и другимъ заблуждающимся. «Истинной религіи, говорить св. Аѳанасій Александрійскій, свойственно не принуждать, а убѣждать, потому что Господь не принуждалъ, но оставлялъ всякому свободу, и обыкновенно говорилъ, обращаясь ко всѣмъ: «если кто хочетъ идти за Мною, послѣдуйте; а обращаясь къ своимъ ученикамъ, когда нѣкоторые изъ слушателей удалились отъ Него, спрашивалъ: «не хотите ли и вы уйти?» Не оковами, не мечемъ и не вооруженною рукой проповѣдуется истина, но убѣжденіемъ и совѣтомъ». Въ IX-мъ вѣкѣ, съ котораго православные пастыри, будто-бы, особенно стали практиковать преслѣдованіе иновѣрцевъ, вотъ что писалъ Θεодоръ Студитъ Ефесскому епископу Теофилу: «намъ не позволительно не только убивать еретиковъ, но и желать имъ зла. Нужно молиться о нихъ, какъ показалъ Самъ Господь, во время страданій сказавъ Отцу своему: «Отче, отпусти имъ грѣхъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ». Начальствующіе надъ тѣлами, т. е. свѣтскія власти—имѣютъ право наказывать винов-

ныхъ въ преступленіяхъ, касающихся тѣла, а не тѣхъ, которые виноваты въ дѣлахъ душевныхъ, ибо это принадлежитъ управляющимъ душами, т. е. пастырямъ Церкви, которымъ свойственно наказывать отлученіями и другими эпитиміями» Блаженный Теофилактъ, жившій въ XI-мъ вѣкѣ, рассуждаетъ такъ: «Богу не угодно, чтобы еретики были истребляемы оружіемъ, а то вмѣстѣ съ ними пострадали-бы и были истреблены и праведные»¹⁸⁾. Вотъ истинный взглядъ на дѣло православнаго пастыря! Ослѣпленіе ума, фанатически преслѣдующее религіозное заблужденіе безъ разбора мѣръ и средствъ, было послѣдствіемъ грубости и нравственнаго невѣжества; это было злоупотребленіе религіей, непониманіе ея духа, за что отвѣтственность всецѣло падаетъ на тѣхъ лицъ, которыя, дѣйствуя по ревности о славѣ Божіей, на самомъ дѣлѣ злоупотребляли именемъ Божіимъ. Такимъ ревнителямъ о славѣ Божіей всегда нужно помнить сказанное Апостоламъ наставленіе Спасителя: «не вѣсте, коего духа есте вы; Сынъ бо человѣческій не прииде душъ человѣческихъ погубити, но спасти»... (Лк. 9, 55 - 56). Если на основаніи немногихъ фактовъ, взятыхъ изъ исторіи Церкви, считаютъ возможнымъ приписывать религіи вредное вліяніе на человѣческую жизнь, то вѣдь съ одинаковымъ правомъ мы должны бы осудить и отвергнуть всякое значеніе и за свободой человѣка, подъ знаменемъ которой совершались и совершаются разныя гнусныя дѣла, какія только можно себѣ вообразить. Припомните ужасныя времена французской революціи, когда широкимъ потокомъ лилась человѣческая кровь во имя идеи всеобщаго братства, равенства и свободы!.. Вообще, всѣмъ способенъ человѣкъ злоупотреблять, но нельзя всегда считать худымъ то, чѣмъ онъ злоупотребляетъ; вотъ почему и все предосудительное, совершающееся подъ знаменемъ религіи, въ существѣ дѣла является только карриатурой религіи и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить опроверженіемъ основнаго положенія объ органической зависимости возвышенной нравственности отъ истинной религіи.

Такимъ образомъ всѣ вышеизложенныя соображенія приводятъ насъ къ тому твердому заключенію, что религія

¹⁸⁾ Гусевъ. Религіозность, какъ основа нравственности, стр. 77 - 78.

и нравственность органически связаны между собою, и что тотъ или другой характеръ нравственнаго поведенія чело-вѣка стоитъ въ тѣсной зависимости отъ чистоты и высоты исповѣдуемой имъ религіи. Что въ относительномъ смыслѣ можетъ быть допущена естественная нравственность, этого отрицать нельзя, такъ какъ въ душѣ чело-вѣка положенъ естественный нравственный законъ, и язычники, «не имущае закона, естественномъ закономъ творять»... Но эта нравственность тѣмъ менѣе можетъ служить опроверженіемъ высказаннаго положенія, чѣмъ болѣе она ограничена и несовершенна въ сравненіи съ жизнію истиннаго христіанства. Безъ правильнаго ученія о Богѣ и чело-вѣкѣ и ихъ взаимныхъ между собою отношеніяхъ, безъ откровеннаго ученія о назначеніи и цѣли земной жизни чело-вѣка не можетъ быть истиннаго понятія о добрѣ и злѣ, не можетъ быть тѣхъ возвышенныхъ побужденій къ добру, тѣхъ глубокихъ и чистыхъ чувствованій сердца при осуществленіи добра, тѣхъ сильныхъ дѣйствій совѣсти, предохраняющей отъ всего дурнаго, той твердости и силы воли въ стремленіи къ добру, наконецъ, того полнаго самоотверженія отъ своего самолюбія, отъ своихъ нажитыхъ страстей и соблазновъ міра, что все въ совокупности и составляетъ характеръ истинной добродѣтели. Совершенная нравственность чело-вѣка, обнимающая всѣ наши мысли, чувства и желанія, возможна только въ христіанствѣ, которое одно даетъ истинный отвѣтъ на то, въ чемъ заключается добро и зло въ жизни людей, одно указываетъ дѣйствительные мотивы къ добру и, наконецъ, одно подаетъ чело-вѣку необходимую помощь для добродѣтельной жизни.

Закончимъ свое разсужденіе слѣдующими знаменательными строками изъ «задачъ этики» Кавелина. «Переродило чело-вѣчество, говоритъ онъ, христіанское ученіе. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не было выражено съ такой ясностью, полнотою и убѣдительностію, что во внутреннемъ душевномъ состояніи весь смыслъ индивидуальнаго чело-вѣческаго существованія, что въ постоянной работѣ надъ самимъ собою, съ цѣлію очистить свои внутренніе помыслы и движенія, заключается задача, цѣль и смыслъ личной жизни чело-вѣка отъ рожденія до гробовой доски, и что только этимъ путемъ — узкимъ и тернистымъ — онъ можетъ достигнуть

покоя, міра и удовлетворенія, которыхъ жаждетъ и къ которымъ вѣчно стремится. Къ принятію этихъ истинъ человѣкъ былъ подготовленъ ученіями древнихъ; но христіанство, кромѣ того, съ особеннымъ удареніемъ провозгласило, что такое удовлетвореніе доступно всѣмъ людямъ, кто бы они ни были, и достигается не однимъ погруженіемъ человѣка въ самага себя, а въ жизни съ людьми и между ними въ какомъ бы то ни было положеніи. Въ цѣли, указанной христіанскимъ ученіемъ индивидуальному человѣку, выражень полный законченный смыслъ личной жизни, выше, совершеннѣе котораго нѣтъ и нельзя себѣ представить. Все, что думалось и говорилось о томъ же предметѣ прежде, представляетъ блѣдныя, отрывочныя, разрозненныя намеки на то, чему такъ связно, ясно, точно и сильно учить христіанство. Попытки отыскать въ буддизмѣ, у пифагорейцевъ, Сократа или Платона этическія ученія, напоминающія или превосходящія возвышенную нравственную проповѣдь христіанства, оказались неосновательными. Этическія системы и ученія, появившіяся даже у христіанскихъ народовъ, не создали ничего новаго, а либо истолковывали христіанскую этику, либо представляютъ болѣе или менѣе неудачныя усилія подыскать для ней теоретическія основанія. Она стоитъ неизмѣримо выше всего, что о ней когда-либо говорено, или писано. По своей поразительной глубинѣ и въ тоже время простотѣ она—образецъ совершенства, послѣднее слово этической мудрости»¹⁹⁾.

Итакъ, чтобы достигать совершенной жизни въ истинномъ смыслѣ слова, необходимо всегда быть въ тѣсномъ единеніи съ Тѣмъ, Кто есть путь, истина и животъ, Кто свѣтомъ своего ученія просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, и Кто разъ навсегда сказалъ всѣмъ людямъ: «какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего». (Іоан. 15, 4—5).

Я. С.

¹⁹⁾ Гусевъ. Религіозность, какъ основа нравственности, стр. 33—34.

ПАТРИОТИЗМЪ И ХРИСТИАНСТВО.

Повсемѣстное пробужденіе національныхъ чувствъ и стремленій въ XIX в. съ перваго взгляда можетъ казаться большимъ шагомъ назадъ въ общемъ ходѣ христіанской цивилизаціи. (Вл. Соловьевъ, Національный вопросъ въ Россіи. ст. 25).

XIX вѣкъ, вѣкъ чудесъ, какъ назвалъ его Уоллесъ, передавъ въ наслѣдство XX вѣку массу поразительныхъ открытій во всевозможныхъ областяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ ему и печальное наслѣдіе въ видѣ серьезной путаницы понятій въ самыхъ существенныхъ вопросахъ общественной и христіанской этики. Въ послѣдніе годы XIX вѣка подверглись очень сильнымъ нападкамъ многіе изъ такихъ принциповъ, которые считались общепризнанными, какъ освященные вѣками и самымъ христіанствомъ, которые считались непоколебимыми устоями какъ частной, такъ и общественной жизни. Но такъ какъ многіе изъ заповѣдныхъ устоевъ поддерживаются авторитетомъ самого христіанства, именно какъ необходимые для человѣчества устои, то нѣкоторые изъ реформаторовъ этики человѣчества пытаются реформировать и самое христіанство, какъ неправильно освятившее своимъ авторитетомъ такіе устои для человѣчества, которые или были очень ненадежны, или совершенно были излишни и даже вредны. Въ попыткахъ отыскать новые устои для человѣчества и для его этической дѣятельности строились всевозможныя философскія системы, договорившіяся въ лицѣ Нитцше до «сверхчеловѣка по ту сторону добра»;—рельефнымъ представителемъ второй попытки—исправить хри-

стианство—явился графъ Толстой, написавшій свое новое евангеліе съ комментаріями, такъ какъ человекство, по его мнѣнію, не поняло перваго — Христова Евангелія; результатомъ такого непониманія и вышло будто-бы то, что христіанство (а не Христосъ) освящало своимъ авторитетомъ такіе устои для человекства, которые были не только не нужны для него, но и вредны.

Какъ на одинъ изъ такихъ сомнительныхъ и даже вредныхъ, по мнѣнію реформаторовъ человекской этики, устоевъ — можно, между прочимъ, указать на патриотизмъ.

Вопросъ о значеніи патриотизма въ этикѣ человекства, представляетъ особенно въ настоящее время животрепещущій интересъ. А между тѣмъ это единъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые вызываютъ указанную выше путаницу понятій и массу недоразумѣній, когда съ одной стороны патриотизмъ защищается, какъ одинъ изъ необходимѣйшихъ устоевъ человекства,—съ другой вполнѣ отвергается, какъ совершенно ложный, противный истинному пониманію христіанства, который при томъ если и не грозитъ окончательнымъ паденіемъ грандіознаго зданія — человекства, то во всякомъ случаѣ сильно тормозитъ поступательный ходъ его по пути къ совершенству.

Въ самомъ дѣлѣ—надъ законностью патриотизма и его согласіемъ съ христіанствомъ стоитъ задуматься, когда во имя патриотизма посылаются напимѣръ, «броненосные кулаки» въ китаи для наказанія дерзкихъ китайцевъ, вздумавшихъ прогнать миссіонеровъ. Стоитъ задуматься подъ его необходимостію, когда во имя его, изъ желанія поддержать національное достоинство и, кстати, захватить для своего дорогого народа богатые золотые рудники, посылаются въ Африку сотни тысячъ солдатъ — сыны этого дорогого народа, чтобы истребить, лишитъ крова и насущнаго куска хлѣба другія сотни тысячъ женъ, дѣтей и мужей, защищающихъ свои семьи, за то только, что они тоже осмѣлились любить свою родину. И это дѣлають культурнѣйшіе изъ христіанскихъ народовъ.— Да совмѣстимъ-ли послѣ этого патриотизмъ съ христіанствомъ и нуженъ-ли онъ, или это, въ самомъ дѣлѣ, одно изъ печальнѣйшихъ недоразумѣній, которое христіанство

не только не должно-бы поддерживать и освящать своимъ авторитетомъ, а, наоборотъ, должно всѣми силами стараться уничтожить его въ сознаниіи человѣчества, какъ понятіе ложное, какъ чувство незаконное, не имѣющее себѣ оправданія въ этикѣ христіанства?!

Вотъ одинъ изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ, имѣющей теперь особо важное значеніе для насъ русскихъ; его мы и попытаемся разъяснить, устранивъ существующія теперь по этому вопросу недоразумѣнія. Наше вниманіе прежде всего должно остановиться на вопросѣ о томъ, что такое представляетъ собою патріотизмъ въ совершенномъ его пониманіи и чѣмъ онъ возбудилъ сомнѣніе въ его законности и совмѣстимости съ христіанствомъ?

Мы уже указали два печальныхъ факта, мотивированныхъ чувствомъ національнаго достоинства, настолько печальныхъ, что если судить о патріотизмѣ по нимъ, то мы должны согласиться, что патріотизмъ является далеко не въ приглядномъ видѣ.

Мы видимъ, что изъ любви къ отечеству преслѣдуется политика исключительно національнаго интереса; мы видимъ напр., стремленіе къ обогащенію своего народа при помощи самыхъ бесчестныхъ средствъ (торговля опиумомъ и т. п.); мы видимъ, что истина принципиально отрицается во имя національныхъ вкусовъ, справедливость—во имя національнаго своекорыстія. Человѣчество, съ точки зрѣнія подобныхъ патріотовъ, есть пустое понятіе, такъ какъ никакихъ общеобязательныхъ и всечеловѣческихъ нормъ и идеаловъ нѣтъ и не должно быть; понятіе об истинѣ сводится къ понятію о томъ или другомъ народномъ складѣ ума, а понятіе о высшемъ благѣ совпадаетъ съ понятіемъ національнаго интереса.

При такомъ пониманіи патріотизма дѣйствительно легко получается фальшивый идеалъ своей народности, состоящій изъ смѣси фантастическихъ совершенствъ съ дурною реальностью.

Всѣ проповѣдники такого патріотизма какъ бы не замѣчаютъ того, что ихъ патріотизмъ сводится къ узкому національному эгоизму (націонализму), сводится къ тому, что они, подобно фарисею, являются праведными въ своихъ собственныхъ глазахъ; превозносятся во имя смиренія свои

добродѣтели; презирають и осуждаютъ своихъ ближнихъ (другія націи) во имя братской любви и готовы стереть ихъ съ лица земли для полнаго торжества своего кроткаго и миролюбиваго отечества ¹⁾). Нѣтъ. «Если возбужденіе національнаго чувства сопровождается безпредѣльнымъ самомигѣніемъ и самодовольствомъ, тупымъ презрѣніемъ и слѣпной враждой къ чужому, если историческая рознь ставится какъ идеаль, и фактическія раздѣленія возводятся въ принципъ; если каждый народъ смотритъ на другіе: или какъ на вѣчныхъ враговъ и соперниковъ, или-же какъ на ручьи, которые должны слиться въ его морѣ; если, однимъ словомъ, національное чувство является только въ образѣ національнаго эгоизма;—то, безъ всякаго сомнѣнія, оно есть отреченіе отъ вселенскаго христіанства. И если такому національному эгоизму суждено возобладать въ человѣчествѣ, тогда всемірная исторія не имѣетъ смысла и христіанство напрасно являлось на землѣ». Такъ говоритъ Вл. Соловьевъ ²⁾ и мы вполне соглашаемся съ этими мыслями его. При такомъ пониманіи патріотизма, христіанскіе народы дѣйствительно возвращаются въ язычество, а обоготворяя свою народность, приписывая ей исключительную миссію, вступаютъ на древне — іудейскую точку зрѣнія ³⁾).

Такое самодовленіе народное прежде всего вредно отзывается на самомъ же народѣ. Каждый патріотъ долженъ непремѣнно сознавать, что его народъ есть только членъ великой семьи народовъ, онъ долженъ сознавать, что въ силу этого на его народѣ лежатъ извѣстнаго рода обязанности, такъ какъ задача исторіи не лежитъ на какомъ-нибудь одномъ народѣ, а есть совмѣстная задача всего человѣчества, которая и можетъ быть осуществлена только при взаимодействіи всѣхъ народовъ. Патріотъ долженъ сознавать, что тотъ народъ, который ставитъ, руководясь національнымъ принципомъ, служеніе своей народности, какъ высшую цѣль,—этотъ самымъ заранѣе обрекаетъ себя

1) В. Соловьевъ. Нац. вопросъ въ Россіи. 128 стр.

2) В. Соловьевъ. Нац. вопросъ въ Россіи. 26 стр.

3) В. С. 14 стр. Ibidem.

на нравственное одиночество. Такой народъ, который не хочет ничему учиться, ничего воспринимать отъ другихъ, занимается самопрославленіемъ и старается оградить себя отъ всѣхъ другихъ народовъ китайскою стѣною, боясь въ общеніи съ другими потерять свою самобытность, — такой народъ совершенно забываетъ, что та самобытность, которая разлетается какъ дымъ отъ перваго прикосновенія къ другимъ народамъ, рѣшительно не имѣетъ никакой цѣны. Народъ долженъ быть дающимъ и воспринимающимъ въ одно и тоже время ⁴⁾. — Во 2-хъ такое пониманіе патріотизма дѣйствительно несогласно и съ христіанствомъ, потому что здѣсь подъ патріотизмомъ скрывается узкій націонализмъ, т. е. тотъ-же сухой эгоизмъ, но только не отдѣльной личности, а цѣлой націи, цѣлаго государства. Христіанство не можетъ одобрить такого патріотизма, не становясь въ разрѣзъ съ своимъ собственнымъ ученіемъ о смиреніи, самоотверженіи и любви ко всѣмъ. Христіанство не можетъ, конечно, одобрить ни избіенія китайцевъ, ни избіенія буровъ якобы для возстановленія попраднаго національнаго достоинства. Христіанство не можетъ одобрить вообще никакой наступательной войны во имя ложно понимаемаго національнаго достоинства.

Но значить-ли отсюда, что патріотизмъ совершенно не совмѣстимъ съ христіанствомъ?

Да, говорятъ, христіанство необходимо должно отвергнуть патріотизмъ, такъ какъ христіанское ученіе о любви ко всѣмъ — этимъ самымъ проповѣдуетъ космополитизмъ, который единственно и можетъ быть оправданъ съ христіанской точки зрѣнія.

Такъ напр., гр., Толстой утверждаетъ, что христіанское ученіе о «мирѣ» совершенно несовмѣстимо съ чувствомъ патріотизма. Поэтому, говоритъ онъ, нужно совершенно отказаться отъ патріотизма, ведущаго только, къ одному злу; нужно изъ любви ко всему человѣчеству даже содѣйствовать ослабленію своего отечества. Вообще патріотизмъ для нашего времени не болѣе какъ анахронизмъ. Спаситель сказалъ, поясняетъ далѣе Толстой, вы слышали, что ска-

⁴⁾ Mynstw. Ueber die Bedeutung der Nationalität eines Volkes t. V. p. 489.

зано: любви ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ ⁵⁾). Подъ словомъ «врагъ», по мнѣнію Толстого, нужно понимать народнаго врага, а подъ словомъ «ближній» — соотечественника. Отсюда выходитъ, что Спаситель такъ говорилъ: въ В. З. вамъ сказано, чтобы вы любили своихъ соотечественниковъ и ненавидѣли народныхъ враговъ,—а я говорю вамъ, что вы должны любить всѣхъ людей, къ какой-бы они національности не принадлежали ⁶⁾); потому что далѣе Спаситель говоритъ, что предъ Богомъ всѣ одинаковы: Онъ дождитъ и на праведныхъ и на злыхъ и солнцу повелѣваетъ свѣтитъ всѣмъ безъ различія. Отсюда само собою вытекаетъ ясное правило: не дѣлай никакого различія между своимъ и чужимъ народомъ и не дѣлай рѣшительно ничего, что предполагается такимъ различіемъ—не враждуй съ чужимъ народомъ, не веди никакой войны, не принимай участія въ войнѣ и т. д. Хотя тотъ-же гр. Толстой теперь самъ зимой ѣздилъ верхомъ за 20 верстъ, чтобы скорѣе получить телеграммы съ мѣста военныхъ дѣйствій. Что-же его интересуеетъ? Не есть ли это проявленіе того чувства, противъ котораго онъ враждуетъ?

Къ космополитизму же зоветъ и Вл. Соловьевъ, когда говоритъ, что исполненіе народомъ своего нравственнаго долга по отношенію ко всему человѣчеству должно непременно выразиться въ самоотреченіи, такъ какъ исторія свидѣтельствуетъ, что народность всегда являлась (особенно въ церковныхъ раздѣленіяхъ), какъ сила раздѣляющая—дифференцирующая, что противорѣчить, конечно, нравственнымъ началамъ христіанства, требующимъ объединенія—интеграціи ⁷⁾).

Итакъ съ точки зрѣнія гр. Толстого и многихъ другихъ, патриотизмъ не совмѣстимъ съ христіанствомъ, а идеаломъ человѣческаго совершенства долженъ считаться космополитизмъ. т. е., космополитизмъ есть какъ будто только пря-

⁵⁾ Мѡ. V, 43—48 ст.

⁶⁾ А. Ѳ. Гусевъ. Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1893 г. Основ. правило въ нравоучен. Гр. Толстого 119 стр.

⁷⁾ В. С. См. предисл. къ Нац. Вопр. въ Россіи.

мое отрицаніе ложной привязанности къ своему отечеству и народу, не имѣющему якобы смысла съ точки зрѣнія универсальныхъ идей.

Такъ-ли это?

Что въ человѣкѣ существуютъ начала общечеловѣческія, имѣющія универсальное и вѣчное значеніе—это несомнѣнно; что у человѣка есть нѣкоторый долгъ въ отношеніи всего человѣчества—и это тоже вѣрно. Но можетъ-ли человѣкъ всецѣло отдаться служенію именно этимъ началамъ и въ тоже время отказаться отъ естественнаго, впитавшагося въ плоть и кровь, начала своей народности? Можетъ-ли человѣкъ взять на себя миссію служенія всему человечеству, когда онъ такъ ограниченъ уже въ силу самаго своего психическаго склада?

Человѣкъ, конечно, можетъ понять самыя высокія общечеловѣческія задачи, преклониться предъ ними, и даже стремиться къ нимъ,—но вѣдь этого недостаточно. Необходимо, чтобы эти начала вошли въ его личную жизнь, проникли въ сущность его индивидуальности, обратились въ собственный живой голосъ его души. Но для этого начала эти слишкомъ грандіозны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ отвлеченны: имъ нечѣмъ прикрѣпиться къ индивидуальной душѣ человѣческой. По этому именно космополитизмъ, какъ нѣчто отвлеченное, совершенно не можетъ проникнуть въ дѣятельную жизнь человѣка. Любить всѣхъ безъ всякаго различія своего и чужого—это отвлеченная космополитическая идея, которая почти равносильна индифферентизму. Человѣку для его любви—любви дѣятельной, а не платонической—нужны болѣе близкіе объекты: семья, народъ, отечество. Близкое отечество подчиняетъ себѣ человѣка гораздо сильнѣе, чѣмъ какое-то всечеловѣчество, на которое каждый отдѣльный индивидъ и не можетъ оказывать непосредственнаго вліянія, если только онъ не міровой геній.

Еще ап. Іоаннъ Богословъ говорилъ, что кто утверждаетъ, что онъ любитъ Бога, а брата своего ненавидитъ,—тотъ ложь утверждаетъ; потому что какъ можетъ онъ любить Бога, котораго не видитъ, когда онъ не любитъ

брата, котораго всегда видятъ ⁸⁾? Не тоже-ли самое можно сказать проповѣдникамъ космополитизма: какъ можно любить отвлеченное челоѣчество, когда челоѣкъ не будетъ любить своихъ непосредственныхъ ближнихъ. Вообще подъ космополитическимъ чувствомъ легко можетъ укрываться холодное сердце и одно только желаніе витать въ неопредѣленномъ пространствѣ. Строить воздушные замки и быть индифферентнымъ къ тому, что дѣлается вокругъ (своего рода маниловщина)—нѣтъ, это противно дѣятельному христіанству. Это стремленіе объять необъятное; это сознаніе собственнаго безсилія, которое напоминаетъ намъ сказку о «цыганѣ и змѣѣ», гдѣ цыганъ всякій разъ, какъ только сознавалъ себя безсильнымъ исполнить порученіе змія, начиналъ дѣлать, или, вѣрнѣе, показывать видъ, что дѣлаетъ, что-либо такое, въ чемъ, онъ заранѣе зналъ, нѣтъ нужды и на что у него вовсе не могло хватить его слабыхъ силъ (напр. вмѣсто того, чтобы принести воловью кожу воды, что ему было далеко не по силамъ, онъ начинаетъ откапывать весь колодезь и т. д.).

Неустойчивость космополитизма и приводитъ защитниковъ его къ постояннымъ противорѣчіямъ. Такъ напр. Вл. Соловьевъ, предлагая Россіи отречься отъ себя, ставить ей въ упрекъ, что она совершенно ложно думаетъ о своей какой-то особой миссіи въ исторіи челоѣчества,—а потомъ далѣе говоритъ, что «каждый историческій народъ, по своему особенному характеру и мѣсту въ исторіи, имѣетъ свое особое служеніе, которое навязывается народу его исторіей въ видѣ великихъ жизненныхъ вопросовъ, обойти которые онъ не можетъ ⁹⁾, и что Россія, между прочимъ, имѣетъ въ мірѣ религиозную задачу» ¹⁰⁾. Если такъ, если у Россіи напр. есть міровая задача, которой она еще не осуществила, такъ зачѣмъ-же тогда самоотреченіе, зачѣмъ нивелировка личности, націи?! Напротивъ, изъ сознанія своей миссіи должно вытекать самоутвержденіе необходимости существованія своего народа, именно въ силу его

⁸⁾ 1-е посл. Іоанна IV, 20 стих.

⁹⁾ Нац. вопросъ. 15 стр.

¹⁰⁾ Ibid. 40 стр.

нравственнаго долга осуществить предназначенное ему. Вѣдь народъ не одинъ человѣкъ: его существованіе безконечно—продолжительнѣе, чѣмъ существованіе одного индивидуума. Слѣдовательно, если временная злоба дня, дѣла текущей минуты, которыхъ народъ не можетъ избѣжать, не даютъ ему возможности осуществить сейчасъ свое назначеніе; то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что должно отказаться отъ этой злобы, хотя бы это могло угрожать самому существованію отечества. Нѣтъ. Народъ и отдѣльныя личности должны помнить, что въ данный моментъ нужно позаботиться только о томъ, чтобы эта злоба не подавила, не затемнила въ конецъ высшія нравственныя задачи, осуществленіе которыхъ можно передать потомству при болѣе благопріятныхъ условіяхъ; но для этого потомства прежде всего нужно сохранить тѣло и душу народную, хотя-бы желательное—правильное функціонированіе ихъ могло явиться гораздо позже.

Вл. Соловьевъ также впадаетъ въ противорѣчіе, когда говоритъ, что христіанская добродѣтель заключается не въ отвлеченномъ созерцаніи, а въ дѣятельной любви и при томъ ко всѣмъ, потому что по Евангелію всѣ люди наши ближніе, и у насъ не должно быть различія между эллиномъ, іудеемъ, язычникомъ, такъ какъ во всѣхъ Христосъ; а далѣе самъ-же потомъ говоритъ, что чувствовать ко всѣмъ любовь и благодворить всѣмъ по одиночкѣ нѣтъ физической возможности въ условіяхъ земной жизни. Но существуютъ и всегда существовали болѣе или менѣе обширныя группы, солидарныя въ своихъ интересахъ. Служа этимъ группамъ въ ихъ общихъ интересахъ, каждый человѣкъ можетъ заразъ дѣлать добро всѣмъ членамъ данной группы, что тоже, посредственно всему человѣчеству ¹¹⁾. Въ послѣднемъ утвержденіи Вл. Соловьева несомнѣнная правда. Вѣдь и во всѣхъ областяхъ жизни въ природѣ, съ ея постояннымъ процессомъ развитія всеобщаго въ частныхъ видахъ, разновидностяхъ и, наконецъ, единичныхъ особяхъ, существуетъ неизмѣнный законъ постепенности, въ силу котораго единичное участвуетъ въ общемъ только чрезъ

---

¹¹⁾ Ibid, 233 стр.

посредство среднихъ членовъ. Такъ и въ жизни человѣка необходимо связующее звѣно между человѣкомъ и челоуѣчествомъ, необходимъ средній членъ, каковымъ и является племя, народъ. Поэтому всѣ самые высокіе идеалы, за которыми признано значеніе общечеловѣческое, не могутъ жить и дѣйствовать внѣ народности; они будутъ отвлеченными, безжизненными до тѣхъ поръ, пока не будутъ усвоены народомъ, какъ отдѣльнымъ органомъ челоуѣчества, пока не сдѣлаются его необходимой душевной функцией.

Что-же это такое, наконецъ, за чувство народности, чувство любви къ своему отечеству, которое будто-бы мѣшаетъ осуществленію великихъ задачъ челоуѣчества, которое, будто-бы, враждебно истинному христіанству, но къ которому какъ-то неизбѣжно возвращаются и для осуществленія великихъ задачъ челоуѣчества и для проведенія въ жизнь его великихъ истинъ христіанства? Естественно-ли оно у человѣка, законо-ли оно, имѣетъ-ли оно значеніе вѣчнаго устоя челоуѣчества, или это дѣйствительно только пережитокъ некультурности челоуѣческой? Откуда прежде всего является любовь къ своему народу, къ своему отечеству?

Когда народъ, состоящій изъ семействъ, организуется въ правовую общину, руководится извѣстнымъ закономъ, нормирующимъ отношенія между властію и подданными, является государство. Если семья сплотилась во имя любви и уваженія къ старшимъ въ родѣ, народъ объединялся уваженіемъ къ извѣстнымъ обычаямъ, выработаннымъ цѣлыми поколѣніями; то государство представляетъ уже собою источникъ правосудія, какъ результатъ работы лучшихъ умовъ. Это правосудіе имѣетъ въ виду уже не индивидуальное спокойствіе или счастье, а гарантію общаго спокойствія и возможнаго, конечно, счастья, вслѣдствіе чего имъ нормируется индивидуальная воля и ставится въ извѣстныя рамки, чѣмъ и устраняется возможный произволъ.

Государство такимъ образомъ защищаетъ своихъ членовъ отъ насилія и возможныхъ преступленій. Народъ, находясь подъ защитою своего государственнаго строя, представляетъ собою индивидуальный общественный организмъ, развивающійся сообразно своимъ особымъ законамъ. Совокуп-

ность всѣхъ тѣхъ особенныхъ свойствъ, въ которыхъ выражается характеръ извѣстнаго народа, которыя даютъ ему индивидуальный обликъ, отличающій его отъ всѣхъ другихъ народовъ, и есть національность или народность, подъ влияніемъ которой и воспитывается человѣкъ—членъ этого народа. Всѣ элементы народности (характеръ, поэзія, языкъ и главное, религія, которая составляетъ самое ядро души народа, при чемъ даже универсальная христіанская религія, проникая въ плоть и кровь народа, воспринимается и усваивается имъ сообразно съ его силами и способностями) тѣсно спланиваются во едино миллионы отдѣльныхъ личностей и говорятъ въ нихъ голосомъ одинаково понятнымъ сердцу каждой изъ нихъ,—голосомъ самой горячей, самой преданной любви къ своей родинѣ, ко всему родному. Человѣкъ на своей родинѣ чувствуетъ себя не изолированнымъ въ своей индивидуальности, а, наоборотъ, связаннымъ не только матеріально, но и психически съ извѣстнымъ социальнымъ организмомъ—не выдуманнымъ, а реально существующимъ, необходимымъ. Происхожденіе отъ одного племени, воспитаніе и жизнь среди одинаковыхъ условий природы и общественной среды, единство вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, единство судебъ исторической жизни, общія историческія радости и несчастія,—все это тѣсно сближаетъ людей одного народа въ одномъ чувствѣ—чувствѣ сильной и самоотверженной («продадимъ имущества и заложимъ женъ и дѣтей») любви къ своему отечеству. Это чувство настолько глубоко вкореняется въ человѣкѣ, что даже «въ злодѣѣ, въ которомъ потухли всѣ благородныя человѣческія чувства, можно еще доискаться искры любви къ отечеству и, при общей гибели въ человѣкѣ всего святого и благороднаго, любовь къ отечеству гибнетъ послѣднею. Такъ глубоко и сильно вкоренилъ Творецъ элементъ народности въ человѣкѣ»¹²⁾. «И если найдется такой человѣкъ, который не осѣненъ духомъ народности, то онъ представляетъ собою паразитное растеніе на народной почвѣ; онъ является и исчезаетъ безъ всякой нужды. Не при-

---

¹²⁾ Ушинскій. Педаг. статьи. 110 стр.

вязанный къ человѣчеству, ибо не привязанный къ народу, бесполезно пусто проходить онъ по землѣ»¹³⁾).

Въ народности дана великая сила для самостоятельной исторической жизни извѣстнаго народа, и онъ живетъ только до тѣхъ поръ, пока въ немъ живутъ именно эти начала, создающія особенный индивидуальный строй его души. Какъ только иссякъ источникъ его самостоятельной жизнедѣятельности, какъ только народъ позабылъ о своей исторической миссиі—онъ долженъ удалиться со сцены, онъ умираетъ, потому что народъ безъ народности—это тѣло безъ души, которому остается только подвергнуться закону разложенія и уничтожиться въ другихъ тѣлахъ, сохранившихъ свою самобытность. Все значеніе такого народа сводится къ значенію этнографическаго матеріала.

Такимъ образомъ патріотизмъ самое естественное, самое законное человѣческое чувство. Это, высокая добродѣтель: слиться съ своимъ народомъ, отдаться ему, жертвовать для него имуществомъ, трудомъ и даже жизнью,—вѣдь все это величайшая противоположность безнравственному эгоизму и лучшее доказательство благородства души человѣка¹⁴⁾. И горе тому, кто не чувствуетъ въ себѣ души своего народа, кто не интересуется его судьбой, не считаетъ себя отвѣтственнымъ передъ нимъ: онъ отдѣленъ отъ своего народа и этимъ самымъ отъ всего человѣчества, — онъ замкнутъ въ себѣ, въ своей одинокой личности.

Патріотизмъ, такимъ образомъ, законенъ, патріотизмъ благороденъ, но... Но, необходимо избѣгать тѣхъ крайностей патріотизма, которыя, переходя уже въ націонализмъ, вызываютъ указанныя нареканія, вслѣдствіе недоразумѣнія, на самое чувство патріотизма.

Прежде всего несомнѣнно должно отречься отъ національнаго эгоизма, которому дорого не хорошее, а свое, хотя-бы и дурное. вмѣстѣ съ тѣмъ истинный патріотизмъ, кромѣ интереса своей родины, главнымъ образомъ долженъ заботиться еще и о ея чести, не допуская никакихъ без-

---

¹³⁾ К. Аксаковъ. День, 1863 г. № 1.

¹⁴⁾ Циглеръ. Что такое нравственность 83 стр.

честныхъ поступковъ по отношенію къ другимъ народамъ. Патріотъ долженъ помнить, что всякая народность имѣетъ право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая такихъ-же правъ другихъ народностей. Онъ не долженъ изъ своего отечества и народа творить себѣ кумирь и превращать патріотизмъ въ культъ: народность не должна быть высшей идеей, которой долженъ служить истинный патріотъ, но только силой для служенія другой — высшей идеѣ. Народъ не долженъ проникаться національнымъ эгоизмомъ, во имя котораго былъ убитъ Богъ (какъ говоритъ Вл. Соловьевъ), ненавистью, высокоуміемъ по отношенію къ другимъ народамъ, памятуя, что безъ общенія съ другими народами, какъ выше сказано, никакой народъ не можетъ существовать и осуществлять свое предназначеніе въ исторіи всего человѣчества. Если будетъ въ людяхъ существовать именно такая разумная любовь къ своему отечеству, любовь, очищенная отъ всякихъ крайностей, то она, будучи дѣятельной, тѣмъ самымъ будетъ служить на пользу всему человѣчеству. Такимъ образомъ и выйдетъ, что вовсе не нужно отрекаться отъ своего отечества, что вовсе патріотизмъ не требуетъ людоѣдства ¹⁵⁾.

Самаринъ справедливо по этому говорить: «мы не противопоставляемъ народное (какъ ложное) общечеловѣческому (какъ истинному): мы знаемъ хорошо, что общечеловѣческое осуществляется въ исторіи чрезъ народность. Подъ народностью же мы признаемъ не только фактическое проявленіе отличительныхъ свойствъ народа въ данную эпоху, но и тѣ начала, которыя народъ признаетъ, въ которыя онъ вѣруетъ, къ осуществленію которыхъ онъ стремится, которыми онъ провѣряетъ себя, по которымъ онъ судитъ о себѣ и о другихъ» ¹⁶⁾.

«Общечеловѣческое дѣло раздѣлено не по лицамъ, а народамъ, и частный человѣкъ только разрабатываетъ свою дѣлянку въ великой долѣ своего народа. Чѣмъ человѣкъ полнѣе принадлежитъ своему народу, тѣмъ болѣе доступенъ онъ и дорогъ всему человѣчеству. Служеніе народности

---

¹⁵⁾ Соловьевъ. Націон. вопр. въ Россіи. 4 стр.

¹⁶⁾ Самаринъ. 1 т. 151 стр.

есть въ высшей степени служеніе всему человѣчеству», говорить другой славянофилъ—Хомяковъ ¹⁷⁾.

Можемъ еще привести мнѣніе одного иностраннаго писателя—проф. Рюккерта о значеніи народности въ дѣлѣ служенія общечеловѣческимъ задачамъ. «Всякая форма явленія въ историческомъ человѣчествѣ, говоритъ Рюккертъ, можетъ осуществляться только въ извѣстномъ индивидуальномъ типѣ, болѣе или менѣе приближающемся къ абсолютному или общегодному, но никогда съ нимъ не совпадающему. Поэтому всякій самостоятельный культурный кругъ имѣетъ вѣчное право на свой индивидуальный типъ. Понятіе органическаго объединенія всей человѣческой культуры чрезъ это не упраздняется, а наоборотъ, только тутъ получаетъ истинную реальность» ¹⁸⁾. Такимъ образомъ, служа повидимому только себѣ, прислушиваясь къ біенію только своего народнаго сердца, развиваясь только въ своей средѣ, народъ несомнѣнно вноситъ много благъ тѣмъ самымъ и въ общечеловѣческую сокровищницу. Только при такомъ естественномъ раздѣленіи труда, когда каждый народъ, развиваясь среди своихъ національных особенностей, несетъ въ общее достояніе результаты своей жизни, своей дѣятельности, своихъ лучшихъ умовъ, и возможна полнота и многосторонность въ рѣшеніи человѣческихъ задачъ. Очевидно, что національность, составляя общественное благо извѣстнаго народа, составляетъ въ то же время и благо всего человѣчества, а потому должна быть всячески поддерживаема, защищаема и вырабатываема дальше ¹⁹⁾. Послѣ всего этого становится вполне очевиднымъ, что нападкамъ со стороны многихъ подвергался и долженъ былъ подвергаться не истинный патриотизмъ, а национализмъ, т. е. грубый національный эгоизмъ. Вслѣдствіе такого недоразумѣнія явилось также утверждение, что христіанство не можетъ освящать своимъ авторитетомъ патриотизма, какъ несогласнаго съ нимъ.

¹⁷⁾ Хомяковъ 1 т. 550 стр.

¹⁸⁾ Rückert, prof an der Universität zu Breslau I, 93. Тоже повторяетъ и Данилевскій въ своей книгѣ „Россия и Европа“.

¹⁹⁾ Мартенсенъ. 521 стр. I т. Христ. ученіе о нравственности.

На самомъ дѣлѣ ученіе Спасителя о томъ, что въ христіанствѣ всѣ должны быть ближними, что враговъ должно любить и т. п., ученіе, которое разрушаетъ средостѣніе между отдѣльными націями и государствами, такъ какъ на землѣ должно воцариться одно царство Божіе, царство мира и благодати, ровсе не касается истиннаго патріотизма, какъ-будто чего-то враждебнаго.

Мы уже видѣли, что истинное чувство любви къ своему ближнему не только не враждебно къ другимъ народамъ, но наоборотъ, можетъ оказывать и имъ великое благодѣяніе. Блестящей иллюстраціей высказаннаго положенія можетъ служить политика Импер. Александра III—Миротворца. Въ недостаткѣ патріотизма Его никто не могъ упрекнуть. Но въ чемъ онъ у Него проявлялся? Изъ любви къ своему народу Онъ стремился не къ политическому могуществу, не къ новымъ приобрѣтеніямъ при помощи силы, а только къ сохраненію своего, вѣреннаго Ему Богомъ, государства. Какъ благотворно отзывалась Его патріотическая политика на другихъ народахъ,—для этого стоитъ только снова перечитать статьи иностранныхъ газетъ, посвященныя Его незабвенной памяти, чтобы увидѣть, что по общему признанію, въ 13 лѣтъ царствованія Александра III вся Европа отдохнула отъ милитаризма, такъ какъ Онъ постоянно сдерживалъ своею желѣзною рукою отдѣльныя попытки шовинистическихъ проявленій узкаго націонализма. Онъ заслужилъ имя Миротворца не смотря на то, что былъ патріотомъ—по логикѣ противниковъ патріотизма, а мы скажемъ, что Онъ былъ Миротворцемъ, потому что былъ истиннымъ патріотомъ.

Нѣтъ. Противъ истиннаго патріотизма христіанство ничего не можетъ имѣть. Патріотизмъ не можетъ стоять въ противорѣчій съ христіанствомъ, потому что основная заповѣдь христіанства о любви ко всѣмъ людямъ не только не нарушается и не ослабляется началомъ народности, а напротивъ въ немъ находитъ прямой естественный путь къ своему осуществленію. Здѣсь тотъ-же законъ постепенности, о которомъ мы говорили выше. Только истинный сынъ своего народа, любящій свою отчизну, можетъ дойти до уваженія въ другомъ любви къ своему отечеству, а отсюда и до любви ко

всему человѣчеству. „Только самостоятельный человѣкъ пойметъ чужую мысль, только народный человѣкъ пойметъ чужіе народы, только принадлежащій своему народу и никому другому—принадлежитъ всему человѣчеству“²⁰⁾. Національность есть положительная сила, которая можетъ быть направлена на служеніе всему человѣчеству также, какъ отдѣльный органъ человѣческаго тѣла служить всему тѣлу, отправляя исключительно свои спеціальныя функціи и защищая свое существованіе чисто-рефлекторными движеніями, необходимыми только для него (напр. миганіе вѣкъ—для глаза).

Но, спасая себя, извѣстный органъ оказываетъ услугу всему организму. Христіанство, объединяя всѣ націи въ царствѣ человѣчности, не подавляетъ въ тоже время ихъ вѣками сложившихся особенностей, какъ организмъ не подавляетъ функціонированія отдѣльныхъ органовъ, и не старается поглотить ихъ. Вѣдь единеніе не требуетъ непременно единообразія.—«Да вси едино будутъ», конечно, по вѣрѣ, а не по національности. И если въ христіанствѣ «нѣтъ ни эллина, ни іудея», то за то могутъ быть равноправные братья—націи. Христіанство вовсе не требуетъ нивелировки ни націи, ни отдѣльныхъ личностей: оно упраздняетъ только націонализмъ, какъ крайность, а не націю, какъ справедливо замѣтилъ Вл. Соловьевъ. Поэтому христіанство и не можетъ взаимнѣ патриотизма проповѣдывать пресловутый космополитизмъ, который такъ усердно навязываютъ ему,—не можетъ, потому что, при существованіи истиннаго патриотизма, онъ не нуженъ, да никогда и не можетъ водвориться на землѣ общечеловѣческое государство, такъ какъ Спасителемъ предсказано, что предъ Его вторымъ пришествіемъ возстанутъ народъ на народъ и царство на царство²¹⁾.

Слѣдовательно, и при окончаніи исторіи человѣчества всетаки будутъ и народы и царства. Да и нужно-ли для христіанства объединеніе всѣхъ народовъ въ одно всечеловѣчество? Христіанство вѣдь царство не отъ міра сего. Оно

²⁰⁾ Аксаковъ. День. 1863 г. № 1.

²¹⁾ Мѡ. XXIV, 7 стр.

должно создать государство человѣчности, въ которомъ будутъ удовлетворяться не тѣ или другіе запросы подданнаго, или члена этого государства, а будетъ обниматься весь человѣкъ включительно до его конечныхъ стремленій въ осуществленіи своего назначенія на землѣ. Съ этой точки зрѣнія въ такомъ государствѣ не будетъ ни эллина, ни іудея, потому что они останутся таковыми только для своихъ народностей.

Отъ апріорныхъ сужденій о полной совмѣстимости патриотизма съ христіанствомъ перейдемъ хотя къ краткому указанію на то, какъ самъ Спаситель смотрѣлъ на патриотизмъ. Дѣйствительно-ли Онъ отвергъ какъ недозволенную всякую предпочтительную любовь—любовь человѣка къ человѣку и къ своему народу?

Оставляя въ сторонѣ подробный разборъ правильности пониманія гр. Толстымъ словъ—«врагъ» и «ближній», въ указанномъ выше Евангельскомъ текстѣ (Мѡ. V, 43—48), мы скажемъ только, что здѣсь Спаситель говорилъ о нашихъ отношеніяхъ къ нашимъ личнымъ врагамъ, а вовсе не о неумѣстности и недозволительности предпочтительной любви къ родному народу. Спаситель, какъ Богъ, распространяя Свою любовь на все человѣчество, не дѣлая никакого нравственнаго различія между природою эллина и іудея,—какъ человѣкъ всетаки не переходитъ въ космополитизмъ и отвлеченную гуманность: Онъ избираетъ объектомъ первой Своей проповѣди и Своихъ чудесъ родной израильскій народъ и Своихъ учениковъ посылаетъ съ проповѣдію прежде всего къ погибшимъ овцамъ дома Израилева (хотя бы только въ силу исключительной миссіи этого народа ²²). Во время Своего торжественнаго входа въ Іерусалимъ Спаситель заплакавъ при видѣ его, сказавъ: «о, если бы ты хотя въ этотъ твой день узналъ, что служить къ твоему спасенію» ²³), и однако не прослезился, предсказывая печальную участь Хоразину и Вивсаидѣ ²⁴).

22) Протопресв. Янышевъ. Прав. Христ. учен. о нравственности. 231 стр.

23) Луки XIX, 41—42 ст.

24) Мѡ. XI, 21 стр.

Такою-же предпочтительную любовь къ ближнимъ можно найти и у апостоловъ. «Кто о своихъ не печется, говоритъ апостоль Павелъ, тотъ отрекается отъ вѣры и хуже невѣрнаго» ²⁵). «Истинно говорю о Христѣ, говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ, я желалъ бы самъ быть отлученнымъ за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти» ²⁶). Очевидно, какъ Спаситель, такъ и апостолы не находили несовмѣстимой съ ихъ ученіемъ о любви ко всѣмъ предпочтительной любви къ ближнимъ, такъ какъ такая любовь не предполагаетъ непремѣнно непріязненнаго отношенія къ другимъ — не ближнимъ», а болѣе отдаленнымъ, какъ на примѣръ предпочтительная любовь къ родителямъ вовсе не требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ непремѣнно становился во враждебныя отношенія ко всѣмъ другимъ.

Остается еще одно недоразумѣніе — это война во имя патриотизма, которую, говорятъ, никакъ нельзя согласовать съ христіанствомъ. Мы не будемъ защищать войны, такъ какъ это дѣйствительно одно изъ самыхъ страшныхъ бѣдствій человѣческихъ, но мы уже указывали, что *истинные* патриоты, зная, какими бѣдствіями сопровождается война, никогда не возьмутъ на себя почина въ такомъ страшномъ несчастіи. Но такъ какъ нѣкоторые вожди народовъ, увлекаемая ложнымъ патриотизмомъ, или даже руководясь часто личными честолюбивыми планами, пытаются осуществить свои замыслы на счетъ благосостоянія другой націи; то какъ тогда поступать истиннымъ патриотамъ? Уступчивость будетъ еще болѣе разжигать хищническіе аппетиты. Непротивленіе злу перейдетъ въ преступное попустительство. Поэтому естественно, что истинный патриотизмъ вождей и всей націи, подвергающейся нападенію, требуетъ отъ нихъ, чтобы они насилію противопоставляли силу, сначала только для вразумленія и отрезвленія опьяненныхъ политикановъ; но если это не подѣйствуетъ, то отъ предусмотрительности вождей обижаемаго народа требуется, чтобы они готовы были встрѣтить надвигающуюся грозу, чтобы у нихъ былъ исправенъ громоотводъ (войско изъ сыновъ отечества), го-

²⁵) 1 Тимое. V, 8 стр.

²⁶) Рим. IX, 1--4 стр.

товый всегда принять на себя ударъ грозы и этимъ защитить всѣхъ остальныхъ членовъ своего отечества отъ неминуемой катастрофы. И война такая, гдѣ будутъ полагать, по слову Спасителя, души за други своя, защищая или освобождая угнетаемыя народности, гдѣ проявится мужество, самопожертвованіе, терпѣніе въ бѣдствіяхъ и перенесеніи страданій,—имѣетъ несомнѣнно высокое нравственное значеніе; она будетъ даже благодѣтельна—такъ благодѣтельна бываетъ гроза, очищающая воздухъ.

Война, такимъ образомъ, вовсе не продуктъ патріотизма, а продуктъ націонализма и эгоизма отдѣльныхъ личностей, и патріотизмъ только долженъ считаться съ ней, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. Ставить же въ вину патріотизму это зло столько-же основательно, сколько былъ-бы основателемъ упрекъ Спасителю, принесшему, по Его собственнымъ словамъ, мечъ на землю.

Въ заключеніе можно выразить только желаніе, чтобы національная политика согласовалась съ нравственными требованіями, какъ это уже и признано принципиально (на конференціи въ Гаагѣ). Но если это еще не осуществляется, если во имя патріотизма продѣлываются далеко не нравственныя вещи, весьма далекія отъ требованій христіанства, то нужно помнить, что въ настоящее время трудно, конечно, говорить о безусловномъ соответствіи между христіанскимъ ученіемъ и дѣйствительностію. Тысячи лѣтъ тому назадъ среди грома и молніи начертана была на камнѣ заповѣдь для людей—не убій; тысячи лѣтъ послѣ этого прошло, но заповѣдь эта не начерталась рельефно на скрижаляхъ сердца всѣхъ людей. И снова раздалась эта заповѣдь во всѣ концы міра изъ кроткихъ устъ Спасителя, который всѣхъ призывалъ къ миру и любви. И снова прошли тысячелѣтія, а человѣчество по прежнему проливаетъ и долго еще будетъ проливать кровь своихъ ближнихъ, потому что нѣтъ пока въ мірѣ такого общества, гдѣ христіанская истина вполне-бы воплощалась во всей жизни—это вѣдь безконечно высокій идеалъ земного существованія человѣчества, когда все придетъ «въ мѣру возраста Христова совершенства» (Ефес. W, 13).

ОТДѢЛЪ II.

НА МОГИЛѢ М. Н. КАТНОВА

20-го іюля 1905 г.

I.

Если гдѣ, послѣ Божьяго храма и родной семьи, хочется выплакать свое горе — наше великое общерусское горе, такъ это именно здѣсь — на этой могилѣ — надъ гробомъ того, кто умѣлъ не разъяснять только, въ скорбныя времена, нужды, задачи, значеніе великой Россіи своимъ гениальнымъ умомъ, а и любить ее въ эти тяжелые дни беззавѣтно, сердцемъ своимъ, и въ этой любви страдать, мучиться, терзаться за нее сердцемъ своимъ до самозабвенія, до самоотверженія. Не отъ нея ли, отъ этой страдающей любви, и... онѣмѣлъ языкъ его, разорвалось его сердце и онъ... почилъ о Господѣ?

Такъ гдѣ же, какъ не на его могилѣ и выплакать страшное великорусское горе тѣмъ, кому оно горько... такъ же, какъ горько было и ему бывшее въ его время?

Онъ почилъ о Господѣ — въ сырой землѣ покоится прахъ его; но вѣдь духомъ своимъ онъ живъ, какъ живы всѣ умирающіе о Господѣ; ибо, по слову писанія, когда, по смерти человѣка, тѣло его возвращается въ землю, изъ которой взято оно, духъ его возвращается къ Богу, Который и далъ его. Да и какъ можетъ умереть этотъ духъ, какъ образъ вѣчнаго Бога, — какъ можетъ умереть душа человѣка съ ея высочайшими стремленіями къ истинѣ, добру и красотѣ?..

Итакъ ты, почившій тѣломъ своимъ въ этой могилѣ, живъ духомъ своимъ. А видишь ли ты наше страшное горе, слышишь ли, какъ стонетъ родная земля?..

Не въ томъ только это горе, и не о томъ только стонетъ русское сердце, что лучшіе сыны Россіи костями своими усыяли чужія поля и моря, за честь и славу Царя и родины. Имъ

уготованы, а, можетъ-быть, на нихъ и возложены уже вѣнцы въ Царствѣ славы, какъ на положившихъ за други свои души свои, жизнь свою...

Въ томъ наше горе, что этотъ великій подвигъ любви отдавшихъ или готовыхъ отдать жизнь свою за Царя и родину отбрасывается какъ не нужный, безцѣльный и даже чуть ли не пагубный для Россіи, отбрасывается тѣми, въ которыхъ течетъ русская кровь, но видно, духа русскаго не стало. Они, живые русскіе мертвецы, съ отуманеннымъ умомъ и отравленнымъ сердцемъ, какъ пьяные, готовы рукоплескать побѣдамъ язычниковъ и, вмѣсто того, чтобы оплакивать павшихъ и всѣми силами своей души, всѣмъ трудомъ своимъ и достатками своими помогать оставшимся «поразить врага въ бою и наказать его», по слову Царскому,—только мутятъ Русскій народъ своими космополитическими бреднями, позорятъ и оплевываютъ все то наше святое, дорогое, чѣмъ жива и сильна была и есть наша родина, именно какъ святая православная Русь, за честь и славу которой бьются на поляхъ дорогіе наши братья. Какъ потопный Хамъ, который смѣялся надъ отцомъ своимъ за его наготу, они позорятъ мать свою Церковь Православную и Царя Самодержавнаго... и что еще гнуснѣе—толкаютъ на это позорище православный Русскій народъ, тотъ именно народъ, который Царемъ и Церковію дорожить какъ святыней,—дурманять Русскихъ людей, подстрекая ихъ на неразумное бездѣйствіе или противодѣйствіе всякому честному, разумному труду, такъ нужному особенно нынѣ, и чрезъ то думая вытравить, такъ-сказать, русскую душу изъ русскаго тѣла. Мало того. Они всѣмъ тѣмъ, кто раскрываетъ ихъ адскіе замыслы, кто противодѣйствуетъ имъ, не только грозятъ, а и мстятъ смертію, убійствомъ изъ-за угла, изъ-подтишка... И сколько ихъ—этихъ честныхъ и вѣрныхъ слугъ Царя—отъ Священной Особы Царскаго рода и до послѣдняго исполнителя власти, пало на стогнахъ родныхъ гробовъ и весей отъ тайныхъ и подлыхъ убійць!

Вотъ наше страшное горе, развѣдающее самое сердце русскаго Царства!..

II.

Помнишь, старче праведный, нѣчто подобное было и въ твои дни, въ тѣ дни, когда ты почти одинъ стоялъ за право и честь

Россіи противъ польскихъ смутьяновъ, поддерживаемыхъ даже у власти стоявшими Русскими, а потомъ, когда дьявольская рука стала подниматься на Помазанника Божія и, наконецъ поразила Его, а ты указывалъ эту руку и звалъ насъ, Русскихъ людей, къ порядку и подчиненію законной Власти. Ты видишь, конечно, что все это бывшее въ твои дни, что жгло и терзало твое сердце, кровью писавшее свои громовыя рѣчи, все это—дѣтскій лепетъ, комариные укусы по сравненію съ тѣмъ, что есть теперь...

И не то страшно православнымъ Русскимъ людямъ въ настоящемъ страшномъ горѣ, что и на ихъ головы, если они стоятъ на стражѣ Русской правды, сыплются брань, клевета и даже проклятія. Можетъ ли быть страшно проклятіе проклятаго? Напротивъ, не красна, говоритъ Премудрый, *похвала* въ устахъ грѣшника.

И не за свои животы трепещутъ тѣ, на кого у изверговъ готовы бомбы, кинжалы, или что-либо подобное... Имъ, часто уже давно посѣдѣвшимъ въ безоружной борьбѣ съ крамолой, если и жалко умирать, то развѣ въ помыслахъ о дѣтяхъ и кровныхъ своихъ, часто безпомощныхъ...

Знавшіе и любившіе тебя помнятъ, съ какою беззаботною о себѣ дѣтскою простотою ходилъ ты, когда тебя на каждомъ шагу подкарауливали недруги, и только невидимые тобой и невѣдомые тебѣ слуги Царскіе спасали тебя отъ убійства изъ-за угла, а тебѣ, занятому помыслами о спасеніи Россіи, недосужно было думать объ этомъ. Этимъ же духомъ самоотверженнаго служенія Родинѣ проникнуты и теперь вѣрные слуги Царскіе: они также забываютъ беречь свои животы и падаютъ отъ руки убійцъ и иногда въ тотъ самый моментъ, когда они готовы сдѣлать этимъ подходящимъ къ нимъ, но имъ невѣдомымъ убійцамъ что-либо доброе.

Въ нашемъ страшномъ горѣ страшно то, что подъ влияніемъ все шире и шире, все наглѣе и наглѣе разстилающей свои адскія сѣти крамолы у многихъ истинно-Русскихъ людей русскій духъ упадаетъ, и въ сердце невольно закрадывается опасеніе, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не одолѣли эти смутьяны и насильники,— какъ бы въ самомъ дѣлѣ не вытравили они изъ Россіи русскаго духа и не склонили бы Россію къ позорному миру, къ ограниченію Самодержавія и къ изытію Православной Вѣры и Церкви изъ Русской земли...

Но неужели въ самомъ дѣлѣ сбудутся эти опасенія малодушныхъ, и мы своими глазами увидимъ все это и, даже нося русское имя, перестанемъ быть Русскими въ своихъ и религіозныхъ, и социальныхъ исповѣданіяхъ? О, да не будетъ сего! Лучше, Господи, возьми душу мою, чѣмъ жить этою мертвою и все мое живое мертвящею жизнію, ибо я не лучше отцовъ моихъ и братьевъ моихъ, которымъ попустилъ Ты лишиться жизни, этого безцѣннаго дара Твоего!..

Не знаю, какъ у другихъ единомышленныхъ со мной складываются мысли и чувства о настоящихъ страшныхъ дняхъ, а у меня такъ именно всегда и кончаются они, когда я предаю имъ все мое сердце безъ мысли о Богѣ. И мрачно становится на душѣ...

Но стоитъ лишь при этомъ вспомнить Бога, Всеблагого, Премудраго, Всемогущаго Вседержителя, — и этого мрака душевнаго какъ не бывало: вмѣсто этой темной картины будущаго, въ умѣ встаютъ свѣтлые образы, и на сердцѣ—вмѣсто унынія—надежда, поднимающая духъ и укрѣпляющая силы...

На это-то свѣтлое и радостное при свѣтѣ Божьяго слова я и хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе на этой могилѣ.

III.

Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли сбываются мечты смутьяновъ, если міромъ и царствомъ человѣческимъ управляютъ не они, которые сегодня живы, а завтра, какъ паръ, какъ дымъ, могутъ исчезнуть съ лица земли, — а Богъ Всеблагой, Всесвятой, Всемудрый и Всемогущій?... Онъ основалъ Церковь Свою кровію Своею; могутъ ли одолѣть ее врата адовы? Его силою облекаются наши Самодержавные Цари въ священномъ помазаніи; ужели Божію силу одолѣютъ царя въ головѣ не имѣющіе и лъстящіе лишь намъ наши самохотные и самозванные вершители судебъ Россіи? Онъ, Господь Всемогущій, самого сатану, нѣкогда бывшаго денницей, въ мгновеніе ока, какъ молнію, низвергшій съ неба, развѣ не силенъ разсѣять, какъ дымъ, самые смѣлые и увѣренныя замыслы гордыхъ? Онъ ли, нарицающій несущая, яко сущая, не подастъ помощи вѣрнымъ Своимъ, хотя бы предъ очами ихъ не видно было самой возможности такой помощи?

Подастъ, братіе, явитъ лице Свое и силу Свою, и именно тамъ, тогда и какъ, гдѣ, когда и какъ мы и не чаемъ.

Хотите ли доказательствъ этого? Припомните Исаака, приносимаго въ жертву Авраамомъ. Онъ одинъ на горѣ съ отцомъ своимъ, возлежитъ на имъ же самимъ, можетъ быть, устроенномъ жертвенникѣ, связанный, какъ агнецъ для закланія, и уже ножъ надъ головою его... Казалось бы, по суду человѣческому, самая мысль о спасеніи не возможна; но вотъ, въ это-то самое мгновеніе и удержалъ Вышній руку Авраама, и увидѣлъ Авраамъ овна, котораго по повелѣнію Божію и принесъ въ жертву вмѣсто Исаака. *И нарече Авраамъ имя мѣсту тому: Господь видѣть; да рекуть днесь: на горѣ Господь явился* (Быт. 32, 14), то-есть, и вошло въ пословицу, что Господь является съ Своею помощію именно тогда, когда ея ни откуда не видно.

Но это—прообразъ, это—тѣнь грядущихъ благъ, а вотъ самый Образъ вещей. Проображенный Исаакомъ Искупитель міра, Самъ Сынъ Божій воплотившійся, трилѣтнюю проповѣдь Свою о наступленіи Царствія Божія заканчиваетъ позорною смертію на крестѣ; какъ зерно горчичное, малое стадо учениковъ Его разбѣгается и Самъ Онъ, положенный тѣломъ во гробъ, душою Своею сходитъ до самаго ада, который готовится торжествовать побѣду въ преисподней, подобную той, какую, повидимому, устроили уже себѣ въ Іерусалимѣ первосвященники и книжники, распеншіе Иисуса. И что же? Въ это самое время Иисусъ воскресъ изъ мертвыхъ и, явившись ученикамъ Своимъ, говоритъ имъ: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мѡ. 28, 18). *И Богъ Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ.* (Фил. 2, 9. 10).

Нужны ли доказательства еще ближе къ намъ, если не по времени, то, такъ сказать, по предмету своему? Есть и такія.

Не разъ, на этомъ самомъ мѣстѣ и въ этотъ самый день, говори поминовенное слово о дорогомъ намъ великомъ гражданѣ земли Русской, указывалъ я на то, какъ въ немъ—какъ бы отблескъ какой—отражался образъ того великаго пророка Божія Іліи, память котораго Св. Церковь празднуетъ нынѣ; такъ знаменательно казалось мнѣ совпаденіе этихъ образовъ въ ихъ словахъ и дѣлахъ. Въ этихъ-то образахъ и видится мнѣ опора той надежды, которую засвѣтитъ хоть искрой какою хочется мнѣ въ васъ, какъ загорается она во мнѣ.

IV.

Въ самомъ дѣдѣ, припомните время жизни и дѣятельности Св. пророка Божія.

То было царствованіе Ахава, царя Израильскаго, который, по сказанію 3-й книги Царствъ, *прелуканнова паче встѣхъ бывшихъ прежде его* (царей); и не бѣ ему довольно еже ходити во грѣхахъ *Героваама, сына Наватова* (то-есть во грѣхахъ своеволія и презрѣнія завѣтовъ отеческихъ), и *взя жену Іезавель, дочь Іевеаала, царя Сидонскаго, и иде и нача служити Ваалу и поклонися ему... И приложи Ахавъ творити прогнѣванія, еже разгнѣвати Господа Бога Израилева* (3 Ц. 16, 30—33).

Дѣло смущенія и соблазна народа на это богомерзкое служеніе и преслѣдованіе остававшихся вѣрными Богу Израилеву дошло до того, что самый крѣпкій въ своей вѣрности Ілія Ѳесвитянинъ поколебался въ сердцѣ своемъ и, уйдя въ пустыню и здѣсь сидя подѣ смерчіемъ, просилъ смерти своей души, говоря: *довлѣтъ нынѣ ми, возьми убо отъ мене душу мою, Господи; яко нѣсмь азъ лучший отецъ моихъ* (3 Ц. 19, 4). Жалуясь затѣмъ явившемуся ему ангелу на страшное горе родной земли и одолѣніе вѣрныхъ Богу поклонниками Ваала, онъ говорилъ: *и остахъ азъ единъ и ищутъ души моя изъяти* (ст. 10).

Грустныя картины; но послушайте, что было потомъ съ пр. Іліей и царствомъ израилевымъ.

На утро послѣ этого малодушнаго вопля пророческаго, близъ горы, въ которой пребывалъ пророкъ Божій, *бысть духъ* (вѣтеръ) *великій и крѣпкій, разоряяй горы и сокрушаяй каменіе, и по дусъ трусь* (землетрясеніе) *и по трусь огонь, и по огни гласъ хлада тонка и тамо Господь*. Явившійся послѣ этихъ бурныхъ знаменій въ тихомъ вѣчаніи вѣтра, Господь сказалъ, между прочимъ, пророку, что еще 7.000 мужей во Израилѣ, которые не преклонили колѣнъ Ваалу (ст. 11—13 и 18). Не зналъ, должно-быть, этого сынъ Адеровъ, царь Сирійскій, и, задумавъ напасть на Ахава, сталъ даже прямо требовать отъ него уплаты дани, которую малодушный

царь сначала даже готовъ былъ дать, но потомъ, по совѣту старѣйшинъ земли, отказалъ въ ней сыну Адерову и сразился съ войскомъ его; *и порази язвою великою въ Сиріи... и бѣжа Сирія и погна ихъ Израиль* (3 Ц. 20, 1—21).

Не правда ли, какъ похоже положеніе дѣлъ во Израили при Іліи на то, какое переживаемъ мы теперь! Какъ этотъ нечестивый царь Израильскій напоминаетъ своимъ служеніемъ Ваалу нашихъ смутьяновъ и насильниковъ, презирающихъ свои родныя святыни и готовыхъ поклоняться Буддѣ, этому новому Ваалу! И малодушный вопль самого пророка Божія развѣ не напоминаетъ собою то уныніе, въ которое впадаютъ многіе изъ гонимыхъ смутьянами и насильниками вѣрныхъ Богу и Царю сыновъ родной земли нашей?

А это сходство начала исторіи развѣ не даетъ права продолжить сравненіе дальше и вѣрять въ то, что этихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи больше, чѣмъ смутьяновъ и насильниковъ, хотя эти послѣдніе и умѣютъ кричать на весь міръ, а вѣрные своему долгу вѣрно-подданныхъ въ тиши и безмолвіи творятъ повелѣнное имъ? Развѣ это не даетъ права вѣрять и въ то, что не будетъ позорнаго мира, какой хотятъ навязать намъ язычники и ихъ язычествующіе пособники, Россія одержитъ побѣду надъ языческимъ врагомъ своимъ и останется непоколебимымъ и неограниченнымъ Царское Самодержавіе? Конечно, да; только далъ бы Богъ однимъ изъ насъ не впасть въ грѣхъ Ахава, а другимъ отпасть отъ этого грѣха, который именно въ концѣ концовъ и погубилъ вѣдь царя Израильскаго, а съ нимъ и все его царство...

Послѣ Ахава и Іліи мнѣ слѣдовало бы обратить ваше вниманіе на того, образъ котораго я называлъ отблескомъ образа Іліи. Но о положеніи нашей Родины въ дни поминаемаго нами я уже намекнулъ выше, и изъ этого намёка вы понимаете, какъ оно напоминаетъ собою и время пророка Божія и наши дни; о томъ, какъ въ страдальческомъ о Россіи сердцѣ своемъ онъ, быть-можетъ, не разъ смущался и унывалъ, подобно Іліи, скажутъ вамъ тѣ, кого самъ Богъ послалъ ему ангелами хранителями; а объ концѣ, или лучше, вѣнцѣ его пламенныхъ рѣчей свидѣтельству-етъ наступившее за тяжелыми годами крамолы, славное царствованіе Императора Александра III, этого великаго истинно-Русскаго Царя Самодержавнаго, укрѣпившаго Царство Русское и возведшаго его на высоту первенствующей Державы, предъ которой преклонился весь міръ...

Я же, гоня свое протяженно-сложенное слово къ концу, позволю лишь спросить васъ: неужели и послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ и уроковъ Библейской и родной исторіи не воспринемъ мы духомъ и не будемъ твердо вѣрить въ побѣду Россіи надъ Японіей и несокрушимость Царскаго Самодержавія?

«Русскіе люди могутъ положиться на Меня», сказалъ нашъ Самодержецъ, и съ насъ этого довольно...

Довольно, чтобы хоть мало утѣшиться въ горѣ своемъ и умирною душою помолиться о почившемъ, да возносить его Господь все выше и выше въ Царствѣ Своемъ, чтобы могъ онъ взирая на свою земную Родину, еще съ большимъ дерзновеніемъ молиться за нее и за насъ.

Помолимся же Господу о почившемъ!

Прот. І. Соловьевъ.

ИДЕАЛЬНОЕ И РЕАЛЬНОЕ ВЪ ЖИЗНИ ХРИСТІАНИНА ¹⁾.

(Апологетическій очеркъ).

Кромѣ дѣлъ непосредственнаго служенія Богу, въ жизни христіанина есть много обязанностей по принадлежности его къ міру, къ землѣ.

И прежде всего намъ слѣдуетъ разсмотрѣть жизнь христіанина, какъ члена государства.

Соціальная жизнь предполагаетъ упорядоченіе отношеній людей между собою, выражаемое въ такомъ или иномъ ограниченіи личной свободы. Происхожденіе права не должно обуславливаться только существованіемъ злого произвола, наблюдаемаго среди людей. Законъ не установленъ только для предупрежденія и пресѣченія преступленій. И въ безгрѣшномъ обществѣ долженъ существовать правовой порядокъ, подчиненіе законамъ. Подъ именемъ закона прежде всего слѣдуетъ разумѣть не постановленіе, вызванное извѣстнаго рода обстоятельствами, не единичное административное распоряженіе, вообще не такое предписаніе, которое носитъ слѣды искусственности и случайности, а законъ, какъ существенное свойство бытія, всеобщій и необходимый образъ дѣйствій этого бытія,—законъ, вложенный Творцомъ въ самое существо творенія. Этотъ богоустановленный всеобщій и необходимый законъ есть основаніе дальнѣйшаго развитія закономерности во всемъ бытіи.

Жизнь различныхъ людей и цѣлыхъ обществъ имѣетъ ту особенность, что разные лица имѣютъ въ себѣ различныя наклонности къ дѣятельности. Это наблюденіе одинаково справедливо на всемъ протяженіи исторіи человѣчества, и мы видимъ, что уже первыя страницы библейской лѣтописи указываютъ на разнообра-

---

¹⁾ Окончаніе.

зіе занятой отдѣльныхъ лицъ; Кайнъ занимался земледѣліемъ, а Авель пасъ стадо; далѣе Библія указываетъ, что въ первобытномъ обществѣ образовались цѣлыя селенія скотопитателей, и нѣкоторые члены одной и той же семьи извѣстны различнымъ родами дѣятельности: Іуваль извѣстенъ какъ музыкантъ, Оувель былъ ковачъ мѣди и желѣза (Быт. IV, 19—22). Разнородность наклонностей у людей опредѣляется отчасти природными дарованіями, отчасти воспитаніемъ, а также окружающими условіями. Подобное замѣчается не только у отдѣльныхъ личностей, но и у цѣлыхъ націй. Отдѣльные народы имѣютъ характеристическія особенности въ своемъ духовномъ складѣ и отличаются этимъ отъ другихъ. Являющіяся при такомъ разнообразіи взаимныя отношенія людей—выражаемыя хотя бы въ обмѣнѣ однихъ произведеній на другія—должны подчиняться нѣкоторымъ правиламъ, опредѣляющимъ и упорядочивающимъ эти отношенія. Здѣсь мы должны усматривать происхожденіе *права*, которое, благодаря разнымъ наслоеніямъ и осложненіямъ въ ходѣ исторической и общественной жизни, сформировалось въ цѣлыя системы.

Человѣкъ, если онъ не живетъ совершенно обособленно отъ другихъ, и вступаетъ съ другими въ сношенія, долженъ подчиняться разнаго рода ограниченіямъ своей свободы, долженъ свои интересы сообразовать съ интересами другихъ. Это подсказываетъ человѣку его разумъ, инстинкты, опытъ и т. д. «Совмѣстная жизнь даже въ стадной формѣ, говоритъ Рибо, требуетъ извѣстныхъ пріемовъ и привычекъ, основанныхъ на симпатіи и опредѣляющихся тою цѣлью, которой всѣ сообща достигаютъ. Для того, чтобы упрочилась она и дала начало обществу, необходимъ кромѣ того еще одинъ элементъ устойчивости, а именно—смутное или ясное сознаніе долга или правила того, что слѣдуетъ дѣлать и чего слѣдуетъ избѣгать» ¹⁾. Итакъ, мы видимъ, что идея права относится къ всеобщимъ и необходимымъ и при томъ есть идея иѣтическая. Въ силу этого жизнь въ государствѣ должна быть освѣщаемая нравственнымъ принципомъ.

Такое — психологическое — объясненіе государства косвенно подтверждается еще и тѣмъ, что государство не есть непре-

¹⁾ Рибо. „Психологія чувствованій“ (1902).

мѣнно общество, состоящее изъ одного племени, говорящаго однимъ языкомъ, хотя языкъ представляетъ вполне естественную и очень прочную *связь* между людьми (какъ показываетъ и филологическое производство этого слова: языкъ—язы, связь). Государство можетъ состоять изъ разныхъ племенъ и, напротивъ, извѣстное племя можетъ совсѣмъ не имѣть государственнаго устройства. Языкъ народа есть только національная связь, а государственный союзъ имѣетъ въ себѣ хотя столь же естественные, но другіе основанія и факторы.

Жизнь въ государствѣ нужна для преуспѣванія въ трудѣ и совершенствованіи его членовъ. Эта идея ясно указана Апостоломъ Павломъ ²⁾. Мы постоянно пользуемся удобствами общей жизни, и вносить свое для поддержанія и улучшения этой жизни—нашъ нравственный долгъ; мы должны «воздавать кесарево кесарю». Въ государствѣ, какъ большомъ обществѣ, разсѣянномъ на значительномъ пространствѣ, мы видимъ большое раздѣленіе труда, существованіе разныхъ отправленій для удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей. Государство спланируетъ и концентрируетъ все это, имѣя въ виду благосостояніе и процвѣтаніе какъ цѣлаго, такъ и отдѣльныхъ отправленій. Разнородная дѣятельность членовъ государства предполагаетъ отсутствіе равенства между людьми. Но смущаться этимъ не слѣдуетъ, потому что ни высшее ни низшее въ государственныхъ отправленіяхъ не стоитъ само по себѣ отдѣльно, не есть нѣчто самодовлѣющее, а имѣетъ общую цѣль, общее благо. Господствующіе не имѣютъ значенія безъ цѣлаго, подчиненные должны сознавать, что и они имѣютъ немаловажное значеніе и нужны въ общей жизни. Вѣдь въ большомъ хозяйствѣ нужны сосуды не только золотые и серебряные, но и глиняные и деревянные. Отправленіе должности у христіанина должно являться не внѣшнимъ официальнымъ исполненіемъ только, но совершаться по принципу, по убѣжденію, не только за страхъ, но и за совѣсть (Рим XIII, 5). Возьмемъ хотя бы занятіе канцелярскимъ письмоводствомъ, — дѣло, такъ сказать, бумажное холодное; но и оно можетъ быть запечатлѣно духомъ

²⁾ Государственное ученіе весьма систематично раскрыто въ Новомъ Завѣтѣ, особенно у Ап. Павла; классическія мѣста этого ученія: Рим. XIII, 1—7; 1 Тим. II, 1—4; Дѣян. XVII, 26—27.

христіанской нравственности при нравственномъ взглядѣ на свои обязанности: всякое государственное служеніе установлено на общую пользу. При разнообразіи такихъ должностей нужны разнородные дѣятели по разнымъ отправлениямъ государственной жизни; соотвѣтственно этому тотъ, кто занимается канцелярскою письменностью, служить для общей пользы, вмѣстѣ съ другими, тѣмъ видомъ дѣятельности, который ему достался въ удѣлъ. Всѣ эти занятія объединяются смысломъ государственной жизни. Разумѣется, что дѣятельность, основанная на подобныхъ убѣжденіяхъ, будетъ вполнѣ добросовѣстная и гораздо пріятнѣе для самаго дѣятеля, чѣмъ формальное исполненіе обязанностей; въ данномъ случаѣ человѣкъ смотритъ на исполненіе своей должности какъ на нравственный долгъ; онъ помнитъ, что мертвая письменность предполагаетъ живыхъ личностей, нуждающихся въ ней, и будетъ имѣть пріятное сознаніе того, что ему удастся служить ближнимъ своею способностью къ канцелярскому дѣлопроизводству.

При глубокой испорченности человѣка, при господствѣ въ немъ эгоизма, желанія проявить личный произволъ, необходима правительственная власть, карающая зло. Наказаніе преступника, какъ обузданіе зла, необходимо въ цѣляхъ благосостоянія общества, при настоящемъ состояніи людей и собственно есть самонаказываніе зла. Правители, говоритъ Томасъ Гоббсъ, должны карать не столько во имя прошедшаго зла, сколько во имя будущаго блага. Напрасно нѣкоторые видятъ въ христіанскомъ ученіи проповѣдь такой любви къ ближнему, которая требуетъ всегда мягкости отношеній къ преступнику. Христіанинъ долженъ ненавидѣть зло и поруганіе закона должно его возмущать; христіанинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ даже прекращать свое общеніе съ преступникомъ (1 Кор. V, 11, 13). Люди часто сами виноваты въ своихъ бѣдствіяхъ, и особенной жалостливости къ нимъ проявлять не слѣдуетъ, если они сами не стремятся выйти изъ своего положенія достойными средствами; «кто не хочетъ трудиться, тотъ пусть и не ѣстъ»—вотъ что говоритъ апостоль Павелъ (2 Сол. III, 10). Только вѣра въ возможность исправленія злодѣя смягчаетъ взглядъ на него, какъ на совершенно отверженнаго. Христіанинъ можетъ доискиваться наказанія злодѣя правосудіемъ, но при этомъ его настроеніе не должно быть проникнуто местию или другимъ подобнымъ чувствомъ. Такое наказаніе допускается въ силу не-

обходимости обуздать преступную волю, предотвратить вредныя послѣдствія безнаказанности; при этомъ христіанинъ прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ съ глубокою скорбію о томъ, что окружающія условія не позволяютъ ему всегда держаться мирныхъ началъ, и вмѣстѣ со скорбію о томъ нравственномъ паденіи, въ какомъ находится подвергаемый наказанію; нѣтъ ничего противонравственнаго и въ томъ, если въ наказаніи видятъ средство не только оградить спокойствіе общества, но и средство полезное для самаго преступника, способное, быть можетъ, заставить его образумиться.

Современныя понятія о цѣляхъ и способахъ общей жизни не рѣдко страдаютъ тѣмъ предразсудкомъ, что хотятъ видѣть въ преобразованіяхъ государственнаго устройства достиженіе всеобщаго благосостоянія и счастья. Современные утописты хотѣли бы видѣть измѣненіе жизни коренное, великое, полное; они строятъ блестящія перспективы и смѣлые планы, обвиняя вышнее устройство общественной и государственной жизни въ невозможныхъ условіяхъ надлежащаго существованія. Такое пониманіе дѣла вредно дѣйствуетъ на производительность труда отдѣльныхъ лицъ. Вѣра въ большую зависимость человѣка отъ вышняго его положенія разслабляетъ его энергію и порождаетъ пессимистическое настроеніе; истинный дѣятель долженъ совершенствоваться тотъ хотя бы и малый кругъ дѣятельности, который доступенъ ему, подмѣчать тѣ отрадныя явленія, которымъ удастся вліять на жизнь въ смыслѣ улучшенія, а не ныть о томъ, что его горячее желаніе переверотить общую жизнь остается безъ успѣха.

Широта круга вышней политической свободы многими почитается существеннымъ благомъ для жизни. Но нужно помнить, что для успѣшности нашихъ дѣлъ имѣетъ большое значеніе разширеніе нашей личной внутренней свободы—свободы воли. Свобода можетъ быть ограничена не только вы насъ находящимися условіями, законами физическими, социальными и др., но и собственными внутренними условіями нашей дѣятельности. Одинъ человѣкъ можетъ, при данныхъ условіяхъ, совершить извѣстный поступокъ; а другой при тѣхъ же самыхъ условіяхъ совершить его не можетъ; у одного воля сильнѣе, у другого слабѣе. Заботиться о меньшей ограниченности нашей воли въ своей внутренней области, о большей широтѣ своей нравственной свободы—вотъ что необходимо человѣку для лучшей жиз-

ни, для своего внутренняго и внѣшняго благосостоянія. Имѣющій привычку становится въ нѣкоторой степени рабомъ этой привычки, а это имѣетъ большое значеніе для свободы дѣйствій индивидуума. Развитие нашей воли подчинено опредѣленному закону. Этотъ законъ о расширяемости нашей нравственной свободы, объ отдаленіи предѣловъ, ограничивающихъ ее во внутренней жизни самой личности долженъ намъ быть цѣненъ для уменьшенія нашей рабской зависимости отъ нѣкоторыхъ привычекъ, вообще для увеличенія силы въ исполненіи нравственныхъ дѣйствій. Не объ обиліи земныхъ тлѣнныхъ благъ долженъ болѣе всего заботиться человѣкъ, а о духовномъ своемъ богатствѣ, которое одно только можетъ улучшить благосостояніе отдѣльныхъ лицъ и общей жизни. Экономическіе интересы (на почвѣ которыхъ и порождаются большею частію современныя ученія о коренномъ переустройствѣ жизни) должны занимать только извѣстное мѣсто въ правильно устроенной жизни, а не поработать себѣ всего человѣка. Золотой кумиръ ослѣпилъ глаза сыновъ вѣка сего, и они и не подозреваютъ, къ какой гибели можетъ привести забвеніе духовныхъ идеальныхъ стонъ жизни.

Къ числу интересовъ, имѣющихъ большое значеніе для человѣка, но которые считаются трудно совмѣстимыми съ ученіемъ о христіанской жизни и нравственности, принадлежать интересы эстетическіе. Нѣкоторые видятъ враждебное отношеніе къ красотѣ или по крайней мѣрѣ совершенное равнодушіе къ ней среди лучшихъ христіанъ какъ древняго, такъ и новаго времени и смущаются этимъ; съ другой стороны мы знаемъ, что красота во всѣ времена и у всѣхъ народовъ занимаетъ весьма видное мѣсто. Уяснить себѣ смыслъ эстетическихъ явленій поэтому весьма важно, а для насъ кромѣ того и осмыслить эту интересную область съ точки зрѣнія христіанскаго міропониманія.

Законы изящнаго относятся прежде всего къ внѣшней формѣ предметовъ и состоятъ какъ въ совершенствѣ отдѣльныхъ частей, взятыхъ порознь, такъ и въ надлежащемъ расположеніи ихъ между собою, что въ особенности можно замѣчать на

предметахъ сложныхъ. Отдѣльно взятая часть извѣстнаго предмета, напримѣръ, человѣческаго лица, могутъ быть прекрасны сами по себѣ, по своему цвѣту, по правильности формы; но для того, чтобы получилось красивое лицо, нужно правильное размѣщеніе ихъ, такъ чтобы изъ отдѣльныхъ частей получилось прекрасное цѣлое. Здѣсь, собственно, мы видимъ проявленіе двоякаго рода красоты, во первыхъ, красоту, состоящую въ окраскѣ, пластичности отдѣльныхъ частей (*κάλλος*) и, во вторыхъ, правильное расположеніе, сочетаніе частей, для образованія цѣлаго (*κόσμος*). Подобное мы можемъ наблюдать въ природѣ, на прекрасныхъ пейзажахъ. Красота мѣстности обуславливается тѣмъ, что отдѣльныя условія этой красоты, сами по себѣ прекрасныя, изящно сгруппированы, скомбинированы. Хороша вода, хорошъ и лѣсъ; соединеніе ихъ даетъ полную красоту мѣстности (какъ говоритъ Аксаковъ). Отдѣльно могутъ быть хороши и лѣсъ, и вода, но еще лучше получается видъ, если они хорошо соединены вмѣстѣ. Горы и лѣсъ, разнообразныя комбинаціи цвѣтовъ, формъ — все это имѣетъ большое эстетическое значеніе. При подобныхъ эстетическихъ явленіяхъ мы наблюдаемъ, что такія явленія обуславливаются совершенствомъ двоякаго рода: нужно, чтобы части сами по себѣ въ отдѣльности, были хороши, и кромѣ того нужно правильное совершенное ихъ сочетаніе.—Вообще изящному мы усвоаемъ значеніе совершенства. Кругъ по сравненію съ ломанной линіей будетъ красивѣе, т. е. совершеннѣе по формѣ. Это идея совершенства еще болѣе заявляетъ о себѣ при созерцаніи сложныхъ предметовъ. Неправильное сочетаніе красивыхъ частей не будетъ имѣть надлежащаго эстетическаго значенія; равно и правильное совмѣщеніе частей несовершенныхъ въ отдѣльности не можетъ удовлетворить нашимъ эстетическимъ вкусамъ. Итакъ, красота есть виѣшнее выраженіе совершенства. У грековъ въ числѣ словъ, обозначающихъ прекрасное, существовало такое слово, которое прямо указываетъ на признакъ совершенства (*ᾠρα*). Это слово первоначально обозначало время, потомъ, въ частности, то время, когда все поспѣваетъ, а отсюда уже этимъ словомъ стали обозначать зрѣлость, совершенство, красоту ³⁾. Наше русское слово «изящный» образовалось изъ слова «изыяти» и

³⁾ *Εἰ γὰρ ἤδυσαν... ἦν πολυειδῆ τῆς γῆς ἐν τοῖς βλαστήμασιν ᾠραν* (Слово Григорія Нисскаго къ скорбящимъ о преставшихся).

значить: избранный, лучший, совершенный, прекрасный. Эта то идея совершенства и увлекает насъ въ проявленіяхъ красоты. — Гармонія, единство въ разнообразіи и совершенное исполненіе чего бы то ни было есть коренное стремленіе человѣческаго духа; гдѣ удастся видѣть проявленіе этой идеи, тамъ мы получаемъ пріятное волненіе души; въ этомъ то волненіи и состоитъ смыслъ эстетическихъ впечатлѣній.

Но вѣдь идея порядка, гармоніи и совершенства имѣетъ очень широкую сферу; она часто наблюдается въ интеллектуальной и моральной областяхъ; она по существу дѣла есть нѣчто духовное, идеальное и потому обнаруженіе ея въ чувственныхъ проявленіяхъ есть только одинъ изъ видовъ ея обнаруженій. Но чувственный образъ намъ ближе, непосредственно доступнѣе, когда идея гармоніи и совершенства наглядно выражается во внѣ; человѣкъ есть чувственно-духовное существо, и для него всегда было и будетъ цѣнно проявленіе идеи въ чувственномъ образѣ. Значить, эстетическая область имѣетъ самостоятельное значеніе, поскольку проявляется во внѣшнемъ; но она имѣетъ существенную связь съ истиной и добромъ, такъ какъ относится, какъ и эти области, къ неотъемлемой цѣнности человѣческаго духа—стремленію самому дѣлать и видѣть лучшее, совершенное. Вѣдь истина и добро также подчиняются этому закону идеальнаго долженствованія только въ сферѣ особыхъ явленій, сравнительно съ эстетическою идеею. Красота въ природѣ и искусствѣ является поводомъ возбудить въ человѣкѣ чудныя волненія души. Это вліяніе прекраснаго на душу весьма разнообразно, и дѣйствіе его можно видѣть въ разныхъ явленіяхъ. Такъ, лѣтній вечеръ, въ особенности если онъ имѣетъ идиллическій колоритъ, навѣваетъ успокоеніе на воспримчивую душу: день съ его заботами и дѣлами оканчивается, угасаетъ, наступаетъ отдыхъ, покой и миръ. Природа гармонируетъ съ состояніями нашей души. Настроенія наши бываютъ разнообразны. Мы напримѣръ, въ противоположность описанному, испытываемъ иногда повышенное настроеніе, когда, напр., восхищаемся великимъ геройскимъ подвигомъ; это состояніе души опять находитъ соотвѣтствіе въ видимой природѣ; такое настроеніе мы испытываемъ, если душа наша воспринимаетъ грозныя и величественныя впечатлѣнія внѣшней красоты (сильный шумъ лѣса, гроза и т. п.). Насъ увлекаетъ идея дѣвственности, свѣжести, молодости; все это въ конкретномъ видѣ мы

наблюдаемъ на молодыхъ свѣжихъ деревьяхъ, юныхъ красивыхъ лицахъ.

Искусство имѣетъ цѣлю возбудить извѣстныя волненія и впечатлѣнія въ душѣ. Какъ и внѣшняя природа, но еще разнообразнѣе, оно откликается на различныя состоянія нашей души. Возьмемъ музыку: она посредствомъ звуковъ настраиваетъ душу на извѣстный ладъ, вызываетъ то веселое, торжественное, то грустное, тихое настроеніе, льститъ нашему сердцу, какъ говоритъ Шопенгауэръ. «Какъ есть два общихъ и коренныхъ настроеній духа—веселость и печаль,—такъ и музыка имѣетъ два общихъ тона (*dur* и *mol*), которые соотвѣтствуютъ настроеніямъ» ⁴⁾. Природа и искусство говорятъ человѣку многое. Они имѣютъ связь съ его идеями, желаніями, дѣлами, настроеніями. Последнее намѣренно изображаетъ разныя стороны всего этого; тогда какъ по отношенію къ природѣ человѣкъ своеобразно истолковываетъ ея явленія въ святилищѣ своего духа. Мы цѣнимъ поэта, потому что имѣемъ много общаго съ тѣмъ, что проявляется въ его произведеніяхъ. Читатель ищетъ въ поэтѣ преимущественно отзвука своимъ мыслямъ и чувствамъ; не находя его, онъ перестаетъ чувствовать и понимать его ⁵⁾. Поэтъ есть личность, духовное содержаніе которой во многомъ зависитъ отъ принадлежности поэта къ данной эпохѣ и обществу. Если въ извѣстное время общество испытываетъ то или иное настроеніе, вызванное теченіемъ разнаго рода обстоятельствъ, то поэтъ, какъ лицо, по преимуществу одаренное чуткостью своей духовной организаціи, подчиняется этому настроенію и проникается имъ, а въ силу присущаго человѣку, а художественно одаренной личности въ особенности, стремленія выразить свое внутреннее содержаніе, проявить это какъ можно лучше, поднѣе, поэтъ томится желаніемъ сказать правду людямъ и осуществляетъ это со свойственнымъ ему пониманіемъ жизни и умѣнемъ. Поэтъ, какъ сынъ своего народа и своей эпохи, не можетъ не отзываться такъ или иначе на современныя поэту общественныя идеалы. Въ этомъ состоитъ общественное значеніе литературы: она помогаетъ намъ лучше узнать состояніе общества и отдѣльнаго человѣка, тотъ путь, по ко-

⁴⁾ Шопенгауэръ „Міръ какъ воля“.

⁵⁾ Р. И. Сементковскій. Литер. прил. „Нивы“ 1899 г. Іюнь.

тому идетъ онъ за достиженіемъ положительнаго идеала или уклоняется отъ этого идеала и падаетъ на своемъ пути. Угадать и мѣтко выразить извѣстное настроеніе или чувство есть задача художественнаго творчества. Иногда мы признаемъ твореніе художника какъ бы выраженіемъ нашихъ собственныхъ желаній, мыслей и чувствъ; — такъ непринужденно, мѣтко и адекватно бываетъ это выраженіе.

Какъ въ сущности эстетическихъ явленій, такъ и въ выраженіи ихъ во внѣ художникомъ идея совершенства постоянно напоминаетъ намъ о себѣ. Мы видимъ на полотнѣ почти совершенно живое изображеніе какого-нибудь самого обыкновеннаго предмета; здѣсь опять удовлетворяется наше стремленіе къ лучшему, совершенному; мы восторгаемся искусствомъ художника, господствомъ его подъ средствами выполненія, благодаря данному ему таланту. Это господство подъ природой, пользованіе талантами и средствами есть положенный Богомъ въ душу человѣка законъ (Быт I, 28).

Искусство выставляетъ на видъ прекрасное и показываетъ, гдѣ, въ чемъ это мы можемъ найти въ жизни, или, наоборотъ, ярко освѣщая дурную сторону жизни, этимъ отрицательнымъ путемъ показываетъ намъ то, отъ чего мы должны удалиться. Въ этомъ большое воспитательное значеніе искусства. Стремленіе къ гармонической и совершенной жизни присуще намъ. Въ искусствѣ мы видимъ изображеніе этого и увлекаемся имъ. Видѣть это, однако, не значить видѣть такой міръ, гдѣ жизнь представляетъ идеальныя условія для проведенія въ нее хорошихъ идей: захватывающая сила очень многихъ крупныхъ поэтическихъ произведеній состоитъ въ томъ, что поэтъ показываетъ, какъ извѣстное доброе намѣреніе, при неблагоприятныхъ условіяхъ, не блекло, не подавлялось ими совершенно, но шло все впередъ и впередъ по пути своего осуществленія, иногда падало, какъ казалось, вовсе, но потомъ слова вставало; счастливый или бѣдственный исходъ для героя указанъ художникомъ—дѣло не всегда въ этомъ, а въ самомъ драматизмѣ его положенія, его жизни. При настоящихъ условіяхъ нашей жизни для насъ должны быть весьма цѣнны такія изображенія. Какъ это гармонируетъ съ ученіемъ евангелія, по которому въ здѣшнемъ мірѣ люди являются блаженными, радующимися и веселящимися не потому, что они находятся въ идеальной обстановкѣ для святой жизни, а благодаря тому, что они и среди

золь міра находятъ возможность проявлять добро (Мѳ. X, 34—36). Видѣть стойкость человѣка за правду, его стремленіе противостоять угнетающимъ обстоятельствамъ, значитъ видѣть нравственную идейную красоту человѣка.

Самая красота и является цѣлію искусства, а не удовольствіе; удовольствіе, и при томъ удовольствіе высокое, необходимо является при этомъ. Лессингъ говоритъ: «удовольствіе есть слѣдствіе, красота есть основаніе, и, такимъ образомъ, истинная цѣль красоты — сама красота, а не удовольствіе, которое впрочемъ нераздѣльно сопровождаетъ ее». Вполнѣ правильное и глубокое пониманіе!—Прекрасное не относится ни къ пользѣ, ни къ комфорту; напротивъ, часто заставляетъ жертвовать этими интересами; оно дѣйствуетъ на высшіе, духовные запросы человѣка, отвлекая отъ порабощенія духа матеріальнымъ интересамъ — выгодѣ, удобству, низменнымъ удовольствіямъ, и въ этомъ смыслѣ имѣетъ значительное подспорье въ дѣлѣ воспитанія, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Интересы эстетическіе, вмѣстѣ съ интеллектуальными, моральными, религіозными, облагораживаютъ человѣка и имѣютъ значеніе для его нравственной жизни. Хотя человѣкъ, воспитавшій въ себѣ такіе интересы, еще не гарантированъ отъ уклоненій въ области низменнаго и грубаго, но эти уклоненія у такого человѣка не могутъ быть продолжительными, какъ у натуръ, мало воспримчивыхъ къ подобнымъ интересамъ, съ неразвитымъ вкусомъ къ высокому и прекрасному. Духъ такого человѣка не можетъ долго оставаться въ оковахъ низкой жизни и стремится освободиться отъ такого рабства. Многіе хорошо знаютъ это по собственному опыту. Во время какъ-бы коснѣнія въ грубой жизни вдругъ являются свѣтлые моменты, и возвратъ къ прежней чистой жизни совершается не такъ трудно. Хорошія изображенія этихъ процессовъ находятъ иногда въ дневникахъ и въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, изображающихъ внутренній міръ поэта.

Если красота имѣетъ глубокое значеніе въ жизни человѣка, то неудивительно, что и христіанство не обошло вниманіемъ эту область, но признаетъ надлежащій ей смыслъ. Красота, совершенство есть необходимый признакъ дѣла Божіихъ. Въ Библии повѣствуется, что Богъ, оглядывая Свое твореніе, говоритъ: «вся добра зѣло». Красота есть отблескъ совершенствъ Божіихъ. Еще въ ветхомъ завѣтѣ святые люди возносились

духомъ къ Виновику красоты, созерцая ее въ видимой природѣ. Иисусъ, сынъ Сираховъ, говоритъ: «виждь дугу (радугу) и благослови (прославь) Сотворшаго (ее); зѣло прекрасна сіяніемъ своимъ (гл. 43 ст. 12). Указанія на эстетическія впечатлѣнія можно находить въ священной поэзии царя Давида (псалмы 18, 64, 8). Въ «Книгѣ Премудрости Соломоновой» говорится, что чрезъ разсматриваніе красоты созданий мы познаемъ ихъ Творца (XIII, 1—5). Иисусъ Христосъ проповѣдывалъ, что полевьяя дилія своею красотою преѣсходять богатая одежды Соломона (Мѣ. 11, 28—29). Здѣсь указывается, что красота цвѣтка есть выраженіе премудрости и силы Божіей, изобильно простирающихся и на малыя творенія. Богъ, создавая міръ, облекъ его красотою и велелѣпіемъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, отъ величественныхъ явленій природы до малаго полевого цвѣтка. Если мы теперь видимъ и даже много явленій некрасивыхъ, то это потому, что настоящее состояніе міра не есть совершенное, а разстроенное. Разстройство это наблюдается главнымъ образомъ въ области свободы человѣка, но отразилось и на несвободныхъ предметахъ; оттого то мы и видимъ, что несовершенныхъ предметовъ, гораздо больше въ дѣйствіяхъ, подлежащихъ нравственной свободѣ человѣка, а во внѣшней природѣ мы и теперь видимъ очень много прекраснаго.

Христіанскіе аскеты иногда избѣгали красоты; но они это дѣлали съ тою цѣлью, чтобы ничѣмъ не развлекаясь, не прилѣпляясь ни къ чему земному, было удобнѣе отдаваться духовнымъ созерцаніямъ и подвигамъ. Въ ихъ состояніи, вообще отличающемся характеромъ самоотверженія и ограниченія, это было нужно; но и они не отвергали красоты въ принципѣ и въ природѣ. Въ жизни обыкновенной, мірской, отношеніе къ красотѣ должно быть не такое, какъ у аскетовъ, потомучто живущіе въ мірѣ не связываютъ себя стѣснительной обстановкой; но помнитъ опасность увлеченія красотою весьма нужно для всякаго христіанина, чтобы эстетическія чувства не пошли въ разрѣзъ съ нравственными, чтобы красота не сдѣлалась кумиромъ для человѣка. У человѣка, имѣющаго правильно образованный характеръ, эстетическимъ интересамъ отводится надлежащее мѣсто, но никогда они не имѣютъ преобладающаго значенія, потомучто другіе интересы тоже получаютъ удовлетвореніе, и силы души, не сосредоточиваясь на одномъ интере-

съ, дѣйствуютъ правильно, гармонически. Установить правильное отношеніе къ міру, безъ ущерба тѣхъ или иныхъ сторонъ человѣческаго духа, есть задача истинно христіанской жизни. Это хорошо сознавали наши пастыри-богословы. Идеѣ красоты они также придавали извѣстное значеніе, но указывали и на опасности, которыя могутъ быть при этомъ. Гедеонъ Криновскій въ одномъ изъ своихъ словъ говорить: «мы нимало не сумнѣваемся красоту нашу на уловленіе слабыхъ сердець употреблять и тѣмъ самымъ дѣлать ее удицею діаволею и всякихъ мерзостей вмѣстилищемъ, не взирая на то, что красота особливый есть даръ Божій, въ которомъ и язычникъ Платонъ великое нѣчто и божественное находилъ» ⁶⁾. Архіепископъ Харьковскій Амвросій въ словѣ объ удовольствіяхъ поучаетъ: «Христіанское ученіе не унижаетъ и не подавляетъ ни одной благородной способности и склонности природы человѣческой; оно признаетъ въ насъ и чувство изящнаго и даже на немъ основываетъ самую нашу способность къ вѣчному блаженству въ будущей жизни. Но, полагая въ основаніе всякаго человѣческаго совершенства прежде всего освобожденіе насъ отъ грѣховъ, съ которыми ни для кого нѣтъ мѣста въ Царствіи Божіемъ, оно требуетъ освобожденія нашего ума отъ заблужденій познаніемъ истины, и очищенія сердца—гдѣ собственно и сосредоточивается чувство изящнаго—отъ плотскихъ страстей силою благодати Божіей, самонаблюденіемъ и нравственною борьбою съ соблазнами и грѣхами. Только при этихъ условіяхъ оно признаетъ возможнымъ сдѣлать насъ способными къ безгрѣшнымъ наслажденіямъ красою, которой первообразъ въ Богѣ, а отображеніе на прекрасныхъ созданіяхъ Божіихъ земныхъ и небесныхъ» ⁷⁾. Христіанскіе моралисты порицали не самую красоту, яко-бы вещь вредную, а неправильное отношеніе къ ней, злоупотребленіе ею.

⁶⁾ Слово въ нед. блудн. сына.

⁷⁾ Послѣдняя мысль хорошо выражена въ „Божественной комедіи“ Данте. Беатриче, просвѣтленная святостію и небесною мудростію, говоритъ поэту: „я ясно вижу какъ сіяетъ уже въ твоёмъ пониманіи вѣчный свѣтъ, одинъ видъ котораго воспламеняетъ въ насъ любовь. И если какая-нибудь другая вещь привлекаетъ вашу любовь, то это не болѣе, какъ плохо извѣстный слѣдъ этого свѣта, сияющаго сквозь вещи“ (Рай, пѣснь 5).

Въ пьесѣ Пушкина «Моцартъ и Сальери» виртуозъ говоритъ о служителяхъ искусства: «Когда бы всѣ такъ чувствовали силу гармоніи! Но нѣтъ: тогда-бъ не могъ и міръ существовать; никто-бъ не сталъ заботиться о нуждахъ низкой жизни — всѣ предались бы вольному искусству! Насъ мало избранныхъ счастливыхъ, праздныхъ, пренебрегающихъ презрѣнной пользой, единого прекраснаго жрецовъ». Чувствуя обаяніе высокой красоты, художникъ предается своему дѣлу до забвенія повседневной дѣйствительности, онъ часто забываетъ о пищѣ и о другихъ потребностяхъ нашей жизни. Это наблюденіе справедливо не только относительно художественной дѣятельности, но относится и къ другимъ родамъ занятій; слѣдовательно объясненіе этого должно быть чисто психологическое. Подобное мы видимъ и у тѣхъ, кто весь проникнуть религіознымъ духомъ; жизнь такого человѣка, духовно горящаго, пренебрегаетъ обыденными благами, прилѣпляясь къ единому высшему благу—Богу. При этомъ, конечно, не слѣдуетъ думать, что такой человѣкъ презираетъ людей, жизнь которыхъ будучи направлена къ попеченію о вещахъ земныхъ, весьма разнится отъ его жизни. Тѣ, которые не могутъ проводить всегда духовную жизнь, иногда много способствуютъ этой жизни, потому что готовятъ такія условія, при которыхъ забота о земномъ однихъ даетъ возможность предаваться чисто духовной жизни другимъ. Это нерѣдко мы видимъ въ средѣ монашествующихъ. Впрочемъ святые подвижники настолько ограничиваютъ свои потребности, относительно пищи, одежды и прочаго, что вовсе не обременяютъ заботами объ этомъ другихъ, и во многихъ случаяхъ сами готовятъ для себя все нужное. Какъ для совершенствованія какой бы то ни было специальной дѣятельности, нужна нѣкоторая доля свободы отъ разнаго рода обстоятельствъ здѣшней жизни, такъ для жизни по-преимуществу религіозной, посвященной нашему удовлетворенію высшихъ запросовъ духа, нужна также немалая степень свободы отъ разныхъ привязанностей, хотя бы предметы этихъ привязанностей были очень достойны сами по себѣ—домъ, друзья и т. п. Христіанинъ, ищущій ближайшаго приобщенія царствію Божію, подобенъ купцу, который имѣя много сокровищъ, продаетъ эти сокровища и покупаетъ одно, превосходнѣйшее, вмѣсто многихъ жемчужинъ приобрѣтаетъ одну жемчужину высшей цѣнности.

Но не идетъ ли этотъ взглядъ на христіанскую жизнь въ разрѣзъ съ земнымъ нашимъ существованіемъ? не препятствуетъ ли наше положеніе, какъ гражданъ земного царства принадлежать къ царству Божію? На христіанство не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на какое-то мрачное пуританское удаленіе отъ міра, презрѣніе міра. Напротивъ, оно, явившись въ обветшалый языческій міръ, не разрушило ни философіи, ни искусства, ни вообще цивилизациі, а все проникло новымъ духомъ; оно на все наложило высшій смыслъ. По евангельской заповѣди, требуется оставить, т. е., не прилѣпляться *всецѣло* ни къ чему, что здѣсь намъ кажется такъ дорого и необходимо, не смотрѣть на всѣ эти дорогія и необходимыя вещи, какъ на безусловно нужныя для насъ, не полагаться на нихъ, какъ на нѣчто послѣднее и главное. По ученію Христа, нужно на все смотрѣть въ Богѣ, въ Немъ одномъ полагать благо безусловное совершенное, высшее. Значить нужно отрѣшиться только отъ заблужденій, отъ неправильнаго взгляда, отъ кумировъ, и тогда мы, по ученію Христа, «сторицею примемъ», т. е., наше духовное око просвѣтится, и мы эти самыя вещи будемъ разсматривать въ значеніи, дѣйствительно имъ принадлежащемъ, по ихъ настоящему достоинству. Возьмемъ примѣръ. Отецъ все сдѣлалъ для васъ, и далъ вамъ жизнь и устроилъ эту жизнь наилучшимъ образомъ, просвѣтилъ свѣтомъ образованія, устроилъ ваше благополучіе... Но будьте внимательны къ евангельскому предостереженію: «отца не называйте себѣ на земли... «Отецъ, давшій вамъ всѣ блага жизни, самъ человѣкъ условный и зависимый, и онъ не могъ бы сдѣлать ничего, если бы то не дано ему было Богомъ. «Единъ бо есть Отецъ вашъ»— Отецъ въ безусловномъ, полномъ, смыслѣ, и все исходитъ изъ Него чрезъ земное посредство, чрезъ родителей, вообще людей, чрезъ богатство, друзей и прочія блага міра, чрезъ все, что Онъ держитъ въ Своей власти. Человѣкъ, имѣющій домъ и семью, долженъ оставаться христіаниномъ именно при такомъ своемъ положеніи. Исключенія, когда человѣкъ удаляется отъ міра для высшихъ подвиговъ, вообще не часты. Правда, Апостоль говоритъ, что не оживившійся печется о Господнихъ, како угодити Господзѣви, а оживившійся печется о мірскихъ, како угодити женѣ (1 Кор. VII, 32—33); но здѣсь не представляется возможнымъ видѣть противоположность въ служеніи Богу въ брачномъ и безбрачномъ состояніи. Когда Апостоль говоритъ,

что женатый заботится о мірскомъ, угождаетъ женѣ, то въ этомъ нужно видѣть не просто указаніе на обыкновенное поведеніе, наблюдаемое въ жизни, а на такое, которое и должно именно существовать среди христіанъ, по закону Господню. Брачное состояніе не вынуждаетъ только, а и предписываетъ заботиться о мірскомъ, мужу, «угождать женѣ, а женѣ угождать мужу. Но дѣло въ томъ, что такое состояніе брачной жизни не есть самодовлѣющее; высшій смыслъ брачной жизни есть— служеніе Богу этимъ своимъ положеніемъ въ дѣлѣ благоустроенія жизни, путемъ воспитанія дѣтей. Это сложное состояніе отправляется совмѣстною дѣятельностью мужа и жены, для лучшаго преуспѣванія въ дѣлѣ, при чемъ они другъ другу взаимно съ любовію угождаютъ, т. е., другъ другу помогаютъ, раздѣляютъ трудности семейнаго образа жизни: мужъ исполняетъ однѣ обязанности, болѣе трудныя, для исполненія которыхъ приходится оставлять другія дѣла; жена избираетъ себѣ тѣ обязанности, которыя по необходимости оставляются мужемъ и для совершенія которыхъ болѣе пригоденъ женскій трудъ. Быть дѣвственникомъ можетъ не всякій, но тотъ, кому это дано (Матѣ. XIX, II), такъ что кому этого не дано, для того вступленіе въ брачный союзъ есть нравственный долгъ. Брачная жизнь имѣетъ большое значеніе съ точки зрѣнія христіанскаго благочестія; дѣвственное состояніе цѣнно въ томъ отношеніи, что представляетъ условія къ высокому воспитанію личности, а личность человѣка, какъ созданнаго по образу и подобию Божію, имѣетъ большую цѣнность; такъ, что съ христіанской точки зрѣнія отшельничество, уединеніе навсегда отъ міра, допускаемое въ цѣляхъ лучшаго самовоспитанія, пользуется надлежащимъ значеніемъ. Бываетъ и такъ, что уединенная жизнь служитъ только подготовленіемъ на общую пользу. Въ Церкви христіанской всегда почитаются высокимъ уваженіемъ тѣ святые, которые трудились среди своихъ ближнихъ, для ихъ спасенія.

Благочестивая жизнь христіанина можетъ быть разносторонняя и односторонняя. Священникъ, напр., которому вручена паства, можетъ проявить свою дѣятельность въ проповѣдничествѣ, въ благоустроеніи храма и имущества, принадлежащаго Церкви, въ устроеніи школы, пріютовъ, попечительства и т. д., даже во вліяніи на экономическое состояніе прихожанъ примѣромъ своего раціонально устроеннаго хозяйства; но можетъ

оказаться, что священникъ не способенъ къ широкой дѣятельности и предпримчивости, но за то всѣ свои силы онъ посвящаетъ одной какой-либо сторонѣ церковно-приходскаго служенія,—напр., веденію собесѣдованій, если онъ къ этому болѣе всего способенъ. Примѣры широкой общественной дѣятельности исторія Церкви представляетъ великіе (Николай Чудотворецъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Григорій Двоесловъ и многіе другіе угодники), но ихъ количество уступаетъ примѣрамъ жизни отшельнической, уединенно созерцательной. Но не такъ слѣдуетъ представлять дѣло, будто христіанинъ можетъ грѣшить противъ многихъ заповѣдей нравственнаго закона, а упражняться въ надлежащемъ исполненіи какой-либо одной. Христіанинъ по отношенію къ различнымъ видамъ доброй дѣятельности можетъ обнаруживать только не нарушеніе ихъ, отсутствіе высокаго развитія въ многихъ добродѣтеляхъ, а достигать высоты въ одномъ видѣ благочестивой жизни. Избраніе своею спеціальностью, если можно такъ выразиться, одного какого-либо вида благочестія зависитъ отъ личныхъ особенностей христіанина, а также и отъ обстоятельствъ даннаго мѣста и времени. Что такое благочестіе дѣйствительно допускается въ христіанскомъ обществѣ, на это есть указаніе въ словахъ Іисуса Христа, что тотъ, кто исполнитъ одну заповѣдь и научитъ этому людей, будетъ великъ въ царствіи Божіемъ. Самая благодать Божія дѣйствуетъ весьма разнообразно по отношенію къ разнымъ лицамъ (1 Кор. XII, 4—11). Скажутъ: при допущеніи односторонняго взгляда на христіанское благочестіе есть опасность оправдать сектантское благочестіе, которое часто въ томъ и состоитъ, что приверженцы какой-нибудь секты усиленно стараются расширить одну сторону христіанскаго ученія и морали, позволяя себѣ нарушеніе другихъ. Но нужно имѣть въ виду, что характеристическія особенности сектантовъ состоятъ въ томъ, что они свое одностороннее ученіе и слѣдованіе ему въ жизни съ гордостію выставляютъ, какъ нѣчто обязательное для всѣхъ, и пренебрежительно относятся къ другимъ, не раздѣляющимъ ихъ взгляда; истинные же христіане исполняютъ весь нравственный законъ, такъ какъ не нарушаютъ его, но особое упражненіе оказываютъ въ какомъ-нибудь одномъ видѣ благочестія и съ уваженіемъ относятся къ тѣмъ, кто преимущественно занимается тоже одной, но другой уже стороною дѣятельности въ христіанскомъ обществѣ.

Принципы жизнеповеденія осуществляются всегда въ отдѣльныхъ фактическихъ проявленіяхъ жизни, которыя по своему достоинству различаются степенями приближенія ихъ къ полному выраженію въ реальной жизни этихъ принциповъ. Сознаніе удачнаго теченія этихъ проявленій, сознаніе ихъ значенія для насъ, ихъ достоинства есть вкушеніе *счастья*. Когда оканчивается годъ, мы имѣемъ обыкновеніе обзрѣвать этотъ періодъ времени въ отношеніи того, что сдѣлалъ онъ для нашего счастья и что мы сами сдѣлали для этого. При этомъ мы не довольствуемся общимъ сознаніемъ нашихъ успѣховъ, а мысленно перебираемъ эти успѣхи, какъ реальные факты; оглядываясь назадъ, мы обзрѣваемъ, что именно, какіе дѣла и случаи были для насъ особенно благоприятны, и какіе вредили нашимъ успѣхамъ. Конечно, въ общемъ подъ счастіемъ разумѣется спокойное, удовлетворенное состояніе духа, но это уже есть слѣдствіе отдѣльныхъ проявленій счастливой жизни, такъ что, въ противоположность счастію, *несчастіями* именно и называются отдѣльные факты нашей жизни, а не просто сознаніе неудовлетворенности, беспокойствія. Мы можемъ замѣчать на себѣ, что предикатъ «счастливый» мы относимъ къ отдѣльнымъ событіямъ нашей жизни, даже и тогда, когда въ общемъ наша жизнь представляется печальною, а отдѣльныя хорошія обстоятельства появляются только, какъ скоропреходящій блескъ лучей солнца на покрытомъ тучами небѣ; быть можетъ въ такихъ случаяхъ значеніе отдѣльныхъ конкретныхъ частныхъ еще ярче, еще рельефнѣе выступаетъ для насъ, какъ сознаніе счастья, проявляемаго въ отдѣльныхъ актахъ нашего шествія по жизненному пути. То, что именно частные случаи наполняютъ нашу душу удовлетвореніемъ и утѣшеніемъ, приносятъ съ собою счастье, это хорошо выражено въ стихотвореніи Пушкина «Въ чужбинѣ свято наблюдаю родной обычай старины». Въ этой граціозной пьесѣ поэтъ утѣшенъ по-видимому маленькимъ незначительнымъ обстоятельствомъ; но онъ, какъ видно изъ признанія поэта, доставилъ ему большое «утѣшеніе» и спокойствіе души. Постоянное наполненіе жизни счастливыми моментами, едва-ли осуществимо въ здѣшней жизни. Если есть люди всегда достигающіе своего счастья, то ихъ идеаль счастья очень низокъ и дѣйствительно не трудно достичь его на землѣ.

Непрочность одного внѣшняго счастья всегда была сознаваема человѣкомъ. Если человѣкъ и пользуется такимъ счастьемъ, то

оно не удовлетворяетъ лучшихъ людей. Вообще же въ чловѣкѣ глубоко лежитъ сознание всеобщей бѣдственности земного нашего существованія, при которой нельзя видѣть здѣсь полнаго счастья. Особенно краснорѣчиво проповѣдуетъ объ этомъ древній мудрецъ царь Соломонъ, который называетъ внѣшнее счастье «суею». Взглядъ этотъ прекрасно выраженъ также въ стихотвореніи Лермонтова «Ангель», гдѣ говорится, что душа чловѣка томилась, живя на землѣ; земныя радости не могли затушить ея тоски по небу. Присущее чловѣку сознание бѣдственности нашей жизни хорошо выражено въ балладѣ Шиллера «Поликратовъ перстень». Поликратъ, тиранъ Самосскій, предлагалъ египетскому царю Амасису союзъ. Египетскій царь, видя необычайный успѣхъ Поликрата въ государственныхъ дѣлахъ, не допускалъ мысли, что это счастье не будетъ имѣть никакой опасности. Когда онъ указывалъ на неоконченную войну Поликрата съ врагами, явился предъ ними гонецъ, возвѣстившій, что брань окончена и побѣда на сторонѣ Самоса; не успѣлъ еще Амасисъ указать на опасность для государства со стороны морскихъ разбойниковъ, какъ Поликратъ получилъ извѣстіе объ истребленіи флота этихъ враговъ бурей; наконецъ, побуждаемый египетскимъ царемъ, властелинъ бросаетъ свой любимый драгоценный перстень въ море, какъ даръ богамъ, и вотъ на другой день оказалось, что перстень этотъ проглотила большая рыба, которую рыбакъ принесъ въ подарокъ царю. Послѣ этого Амасисъ въ ужасѣ бѣжитъ отъ Самосскаго властителя, убѣжденный, что справедливая судьба рано или поздно отомститъ за такое необычайное для чловѣка счастье.

Взглядъ на земное счастье, какъ на не полное и не постоянное, согласуется и съ богооткровеннымъ ученіемъ. Если наша религія учитъ, что непрерывное постоянное блаженство принадлежитъ будущей жизни праведниковъ, то здѣсь, въ жизни временной, какъ несовершенной, исполненной зла, и должно быть счастье частичное, выражаемое въ отдѣльныхъ актахъ.

Христіанина не слѣдуетъ представлять такимъ, будто онъ равнодушенъ къ бѣдствіямъ жизни, потому-что ему постоянно присуще сознание его доброй жизни и спокойствіе совѣсти; нѣтъ, онъ, какъ и всякій чловѣкъ, глубоко чувствуетъ тяготу земныхъ несчастій, хотя и надѣется на избавленіе отъ нихъ въ жизни будущей; природѣ чловѣческой, созданной для блажен-

ства, очень тягостно находится въ оковахъ здѣшнихъ бѣдствій, почти неизбѣжныхъ для всякаго. Хотя спокойствіе духа отъ сознанія своей доброй жизни является необходимымъ элементомъ во всѣхъ лучшихъ системахъ счастья; но это только одна сторона жизни человѣка; онъ нуждается не въ совершеніи только добра, но въ жизни полной и всесторонней. Стремленіе къ знанію, господство надъ природой, культурный прогрессъ— все это входитъ въ сферу человѣческихъ желаній и дѣйствій, и эти желанія и дѣйствія усиленно и стремительно направляются къ совершеннѣйшему ихъ осуществленію. Допуская служебное, а не самостоятельное, значеніе внѣшняго благополучія, напр., свободы и богатства, мы видимъ счастье и въ осуществленіи этихъ служебныхъ благъ, и истинный христіанинъ, пользующійся этими благами, долженъ наблюдать, насколько они способствуютъ увеличенію счастья вообще, и благодарить Бога и за эти необходимые, но полезные элементы въ составленіи счастья. Знакомство съ хорошими людьми, чтеніе прекрасныхъ книгъ, эстетическія впечатлѣнія, исполненіе обязанностей, возложенныхъ на насъ, совершеніе добрыхъ дѣлъ—все это можетъ быть актами, въ которыхъ наша жизнь выражается въ лучшемъ видѣ, прекрасно, какъ по идеѣ, такъ и по отсутствію недостатковъ во внѣшнемъ выраженіи. Такія пріобрѣтенія весьма цѣнны въ дѣлѣ нашего самовоспитанія, потому-что душа пріобрѣтаетъ вкусъ и любовь къ лучшему, прекрасному, научается это отыскивать тамъ, гдѣ другой этого не видитъ; все это составляетъ украшеніе жизни, дѣлаетъ человѣка довольнѣе, его жизнь полнѣе, содержательнѣе, свѣтлѣе, достойнѣе и возвышеннѣе. Въ виду высокаго значенія подобныхъ актовъ, на ряду съ ними кажутся особенно унижительными и оскорбительными разныя недостойныя человѣка мелочи и дрязги; даже просто повседневная, обыденная праза жизни, необходимыя заботы о хлѣбѣ кажутся низменными въ сравненіи съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ душа проявляется въ высшемъ своемъ достоинствѣ, не въ житейскихъ расчетахъ, а въ стремленіяхъ и дѣлахъ возвышенныхъ и прекрасныхъ; сказано: не однимъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ (Матѹ. IV, 4)... Какъ зданіе сооружается изъ отдѣльныхъ кирпичей, такъ человѣкъ, созидающій свою жизнь, долженъ заботиться объ обработкѣ отдѣльныхъ конкретныхъ элементовъ своего счастья, вмѣстѣ составляющихъ благоустроенный домъ нашей души.

Есть въ христіанской жизни элементы, выражающіе святость и духовность ея, какъ мы видѣли ранѣе; есть и дѣла, которыя должны совершаться по христіанскому принципу только въ своемъ основаніи. Таковы разнаго рода профессіи, науки, искусства, ремесла, промыслы; занятіе ими требуетъ не относящихся къ христіанской религіи знаній и умѣній. Но эти знанія и умѣнія, техническая сторона дѣла, суть не христіанскія, ни не христіанскія сами по себѣ, хотя отношеніе къ пользованію ими можетъ быть проникнуто христіанскимъ духомъ. Такъ, изученіе способовъ такого или иного производства, отъ которыхъ зависитъ успѣшное совершеніе извѣстнаго рода дѣлъ, должно быть одухотворено нравственнымъ побужденіемъ — быть болѣе полезнымъ дѣятелемъ, благодаря усвоенію наилучшихъ приѣмовъ производства. Техническая сторона дѣла уже не зависитъ отъ христіанскаго знанія, оно тутъ не вмѣшивается, подобно тому, какъ христіанское ученіе изслѣдуется и изъясняется свѣдущими въ этомъ ученіи лицами, а не тѣми, кто имѣетъ другую специальность. Есть и такія обязанности, въ которыхъ при самомъ ихъ отправленіи должно имѣть въ виду проявленіе христіанскаго духа; таковы должности воспитателей и вообще тѣ должности, которыя состоятъ въ духовномъ воздѣйствіи на человѣка, въ близкомъ общеніи съ людьми. Но производство дѣлъ, имѣющихъ своимъ объектомъ вещи, часто совершается внѣ христіанскаго сознанія, поскольку вниманіе къ работѣ не позволяетъ раздвоиться нашему сознанію. Многіе моменты жизни (личной) остаются не запечатлѣнными религіей, не находятся подъ вліяніемъ ея; они не враждебны религіи, но христіанское сознаніе здѣсь не проявляется, хотя такіе моменты и относятся къ области свободы человѣка. Христіанское міросозерцаніе и христіанское настроеніе выражаются въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашемъ характерѣ, въ нашихъ поступкахъ. Это содержаніе нашего духа съ особенною силою наполняетъ умъ и сердце только въ нѣкоторые моменты (во время молитвы, праздниковъ, разговоровъ и размышленій о религіи и т. п.). Но потомъ это настроеніе ослабѣваетъ, не проявляется; оно не исчезаетъ вовсе, но только не дѣйствуетъ, покоится съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи опять выступить въ нашемъ сознаніи, войти въ его содержаніе. Такого рода примѣръ можно привести слѣдующій (онъ взятъ изъ агіологической письменности). Одинъ стрѣлокъ гонялся за добычею и нечаянно попалъ въ

пещеру, гдѣ находился св. Іоаннъ Богословъ, котораго онъ давно желалъ видѣть. Охотникъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что Іоаннъ гладитъ куропатку, и сказалъ ему, что онъ не ожидалъ застать такого великаго мужа за такимъ обыкновеннымъ простымъ занятіемъ. Тогда Іоаннъ Богословъ спросилъ его: а почему твой лукъ не всегда натянутъ? Стрѣлокъ отвѣчалъ, что если бы лукъ былъ постоянно натянутъ, то онъ скоро бы ослабнулъ. Эту послѣднюю мысль Іоаннъ употребилъ при дальнѣйшемъ разговорѣ съ охотникомъ какъ сравненіе, объясняя ему, что и духъ человѣка не можетъ всегда имѣть возвышенное настроеніе, соединенное съ большимъ напряженіемъ силъ.

Бываютъ, далѣе, моменты жизни, когда мы должны выражать собственную радость или раздѣлять радость нашихъ ближнихъ въ веселомъ собраніи, по поводу нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Спрашивается: каково должно быть въ такихъ слугахъ поведеніе христіанина? Долженъ ли онъ быть сосредоточенъ и внимателенъ къ себѣ, чтобы не увлечься потокомъ веселья, или онъ можетъ ликовать вмѣстѣ съ другими? Въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ ослабить свою религіозную сосредоточенность; неудобно было бы являться въ такое собраніе безъ выраженія участія въ его веселіи, имѣющемъ достойное основаніе; Иисусъ Христосъ допустилъ брачное веселье, претворивъ воду въ вино. По закону узости нашего сознанія, христіанское религіозное самонаблюденіе въ подобныхъ случаяхъ ослабѣваетъ, но опасности уклоненій отъ христіанскаго благоповеденія въ этомъ еще нельзя усматривать. Конечно, увлеченіе весельемъ можетъ заглушать представленіе о должномъ своемъ поведеніи, но это только у тѣхъ, кто не воспиталъ въ себѣ чуткости къ подобнымъ состояніямъ души. Тотъ, кто ранѣе приобрѣлъ твердую религіозную настроенность и у кого такое настроеніе обнаруживается часто, не можетъ бояться увлеченія весельемъ и т. п., потому что памятованіе о надлежащемъ своемъ поведеніи, не будучи сознаваемо въ данный моментъ, находится, какъ выражаются психологи, у порога нашего сознанія. Присущія нашей душѣ внушенія нѣкотораго внутренняго голоса или генія, удерживающія и предостерегающія насъ, составляютъ фактъ сознанія у людей внимательныхъ къ своей духовной жизни. Это прекрасно отмѣчено Сократомъ. Онъ такъ говоритъ объ этихъ внушеніяхъ своего внутренняго генія (*δαίμων*): «Во мнѣ бываетъ нѣчто божественное... я съ самаго дѣтства слышу въ

себѣ какой-то голосъ, который въ минуту проявленія, всегда отклоняетъ меня отъ того, что думалось мнѣ сдѣлать, а принуждать никогда не принуждаетъ»⁸⁾. «Душа есть нѣчто провѣщавающее; привычное знаменіе (внутренній голосъ) всегда удерживаетъ меня, какъ скоро я располагаюсь что нибудь сдѣлать»⁹⁾.

Христіанину слѣдуетъ имѣть взглядъ по существу дѣла на нѣкоторыя обстоятельства нашей жизни, которыя съ перваго взгляда кажутся противорѣчащими духу религіи, не будучи такими на самомъ дѣлѣ, — для того, чтобы не смущалась наша совѣсть, когда намъ почему-нибудь приходится находиться въ подобныхъ обстоятельствахъ, о нравственномъ отношеніи къ которымъ нѣтъ прямого и яснаго указанія въ нравственномъ законѣ, а между тѣмъ среди нѣкоторыхъ имѣется предубѣжденіе къ нимъ. Слѣдуетъ, на примѣръ имѣть опредѣленный взглядъ на танцы, на удовольствія, на туалетъ и на другіе порядки свѣтской жизни. По существу дѣла танцы есть внѣшнее выраженіе радости; душа, наполненная радостью, не можетъ удержаться отъ внѣшняго выраженія своего состоянія. Это внѣшнее выраженіе иногда подчиняется опредѣленному порядку, принимая извѣстныя формы, ранѣ установленныя, подобно тому, какъ выражающій радость во внѣ своимъ пѣніемъ, беретъ для сего готовую мелодію, не имѣя самимъ составленную. Но такія состоянія нашего духа, когда отъ полноты внутренняго содержанія является потребность выразить эту радость внѣшнимъ образомъ, посредствомъ танцевъ, бывають не часто; наши танцы имѣють непринужденныя ликованія своимъ первообразомъ, а сами собственно служатъ не столько для того, чтобы выразить веселое настроеніе, сколько поддержать или вызвать его. Поскольку излишество удовольствій вредно съ точки зрѣнія гігіены, христіанское ученіе осуждаетъ такую неумѣренность, присовокупляя отъ себя, что подобное излишество ведетъ еще и къ разсѣянности духа. Положительное значеніе удовольствій (дозволенныхъ, невинныхъ) состоитъ въ томъ, что они могутъ освѣжать наши силы, такъ какъ ограниченность нашей приро-

---

⁸⁾ Apol Socr.

⁹⁾ Діалогъ „Федръ“.

ды требуетъ послѣ труда, въ силу реакціи, нѣкотораго отдохновенія силъ. Имѣя въ виду то, что въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ нѣкоторыя увеселенія бывають слишкомъ ярки и отнимають много времени, слѣдовало бы послѣ такихъ состояній, когда наше христіанское сознаніе долго молчало, съ особенною силою и вниманіемъ остановиться на своемъ преуспѣваніи въ добрѣ, внимательно прослѣдить, не заронило ли удовольствіе въ нашу душу большого пристрастія къ нему, не произошло ли уклоненія въ чистотѣ нашихъ помысловъ. Подобное мы видимъ въ библейской педагогіи, на примѣрѣ Іова, который послѣ пиршествъ своихъ дѣтей совершалъ обрядъ очищенія ихъ и приносилъ о нихъ жертвы Богу (кн. Іова I, 4—5).—Что касается туалета, то заботу о немъ должно имѣть изъ тѣхъ соображеній, что своимъ внѣшнимъ видомъ мы выражаемъ благопристойность и уваженіе къ окружающимъ. Но пристрастіе къ туалету, тѣмъ болѣе утрировка противно христіанскому чувству; но это осуждается также и свѣтскимъ хорошимъ тономъ. Когда Апостоль Петръ говоритъ: «да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотыя уборы или нарядность въ одеждѣ» (1 посл. III, 4), то онъ въ этихъ словахъ не воспрещаетъ украшать себя прической, красивой одеждой и т. п., а только говоритъ (5 ст.), что главное и существенное украшеніе составляютъ внутреннія качества души.—Правила хорошаго тона, которыми руководится свѣтское благовоспитанное общество, по внутреннему своему основанію могутъ хорошо согласоваться съ духомъ евангельскаго ученія; они требуютъ самоотверженія, согласія, кротости. Вѣжливость, учтивость, снисходительность, предупредительность и другія качества благовоспитаннаго человѣка всегда должны закрѣпляться выраженіемъ этихъ качествъ во внѣ, что должно войти со временемъ въ привычку; какъ бы ни было велико нравственное содержаніе личности, оно, безъ значенія правилъ и формъ благоприличія, по одному внутреннему побужденію, не можетъ съ надлежащимъ удобствомъ проявлять свои добрыя стремленія по отношенію къ ближнимъ; это знаніе правилъ и формъ будетъ направлять содержаніе нравственной жизни вылиться соотвѣтствующимъ образомъ. Знаменитый Амосъ Каменскій указываетъ такіа «ступени нравовъ: мы прежде всего остерегаемся грубыхъ промаховъ, затѣмъ болѣе тонкихъ и, наконецъ, доходимъ до того, что въ нашихъ дѣйствіяхъ, жестахъ и словахъ все становится

благоприличнымъ и пріятнымъ»¹⁰⁾. Намъ кажется, что эту градацію, указанную великимъ педагогомъ, слѣдовало бы имѣть въ виду всякому воспитателю. Отношенія къ ближнимъ должны быть проникнуты христіанскою любовью, кротостію, милосердіемъ. Нашъ ближній, по христіанскому ученію,—это другой «я»: «во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними», сказалъ Иисусъ Христосъ (Мѡ. VII, 12). Апостоль Павелъ говоритъ: «любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла» (1 Кор. XIII, 4—5).

Просвѣщенный христіанинъ не всегда и не вездѣ, не во всякихъ обстоятельствахъ жизни долженъ проявлять святость и духовность своего христіанскаго настроенія. Иногда эта святость бываетъ неумѣстна; такъ, не удобно и не прилично было бы вести богословскія разсужденія въ веселой компаніи, среди шутокъ и смѣха, во время различныхъ свѣтскихъ развлеченій. Къ святому и высокому въ религіи и нужно относиться свято, съ особеннымъ благоговѣніемъ и почтеніемъ. При воспитаніи дѣтей не слѣдуетъ особенно выставлять на видъ религіозность, тѣмъ болѣе въ мелочахъ. Приведемъ взглядъ на этотъ предметъ одного извѣстнаго отечественнаго педагога (Н. Г. Дебольскаго). «Слишкомъ широкое распространеніе религіознаго навыка, говоритъ онъ, можетъ получить характеръ механической, безъ соотвѣтственнаго внутренняго чувства. Если бы мы приучили ребенка каждыя пять минутъ креститься, то это дѣйствіе скоро обратилось бы въ механическую привычку и потеряло бы для него всякій внутренній интересъ и смыслъ. Все, имѣющее высокое и глубокое значеніе въ нашей жизни, не должно постоянно и ежеминутно трепаться среди мелочей повседневной жизни. Если, напримѣръ, намъ говорятъ, зачѣмъ въ книгахъ для упражненія въ чтеніи берется матеріалъ не божественный, а свѣтскій, то мы на это отвѣчаемъ: именно изъ уваженія къ божественному, изъ нежеланія трепать его ежедневно и постоянно, изъ нежеланія связывать его по ассоціаціи со всею механической стороною упражненія въ чтеніи, съ нерѣдко сопровождающею его скукою, со впечатлѣніемъ забавныхъ

---

¹⁰⁾ Пансофич. школа.

и глупыхъ ошибокъ, въ которыя иногда впадаетъ учащійся школьникъ. Хорошее само по себѣ, отъ частаго повседнежнаго употребленія можетъ пріобрѣсти впечатлѣніе скучнаго и обыкновеннаго. Конечно, подобныя мысли не слѣдуетъ расширять до крайности, но ко всему относиться съ истинно-просвѣщеннымъ пониманіемъ.

Изъ такого взгляда на разнообразное содержаніе христіанской жизни, намъ кажется, слѣдуетъ объяснять и то, почему священникамъ не позволительно посѣщать нѣкоторыя мѣста, куда прочіе христіане, не священнослужители, имѣютъ доступъ, на примѣръ, театръ. Священникъ болѣе, чѣмъ обыкновенный человѣкъ—мірянинъ; въ немъ есть элементъ священнаго, божественнаго; и въ своей главной дѣятельности, совершеніи богослуженія, и во внѣшнемъ видѣ онъ отличается, выдѣляется отъ прочихъ (форма одежды, нестриженіе волосъ и т. п.). Этотъ элементъ священнаго требуетъ, чтобы, изъ охраненія его и уваженія къ нему, священникъ не вездѣ могъ бы являться. Не всякія также и дѣйствія можетъ совершать священникъ, хотя бы они и не заключали въ себѣ чего-либо грѣховнаго. Такъ, священникъ не можетъ предаваться танцамъ; человѣкъ можетъ удержаться отъ внѣшняго выраженія радости танцами, если этому обнаруженію дать исходъ въ другой формѣ (на примѣръ, посредствомъ пѣнія или разговоровъ). Нужно заботиться о томъ, чтобы все внѣшнее поведеніе священника гармонировало со взглядомъ мірянъ на него, какъ на лицо по преимуществу духовное, которому и во внѣшнемъ поведеніи надо чѣмъ-нибудь отличаться отъ мірянъ, окружать себя особой обстановкой.

Кстати, заговоривъ о театрѣ, постараемся, хотя отчасти, уяснить себѣ значеніе сценическихъ представленій. Этотъ вопросъ въ нашей этической литературѣ раскрытъ недостаточно ясно. Если одни писатели называютъ театръ превосходною школою нравовъ, лучшимъ цвѣтомъ культуры, то другіе, мало того, что низводятъ театръ до увеселительнаго заведенія, считаютъ его вреднымъ для общества, имѣющимъ растлѣвающее значеніе для нравственности. Постановка взгляда въ разсужденіи о театрѣ много зависитъ отъ того, что моралисты обращаютъ вниманіе на содержаніе и характеръ самыхъ пьесъ, поставляемыхъ на сценѣ; дѣло въ томъ, что на сценѣ могутъ быть поставлены и великіе образцы драматическаго искусства, и пьесы, разчитанныя на пустой эффектъ и даже возбуждающія низ-

менные страсти; хотя сценическія представленія по идеѣ должны преслѣдовать хорошую цѣль. Аристотель такъ опредѣляетъ трагедію: «трагедія есть представленіе важнаго и законченнаго дѣйствія... посредствомъ дѣйствующихъ лицъ, а не въ формѣ разсказа, каковое представленіе, возбуждая состраданіе и страхъ, очищаетъ наши страсти». Цѣль сценическихъ представленій, говорится у Шекспира, «была и будетъ: добродѣтели показать ее собственное лицо, пороку его собственный образъ».

Не останавливаясь на обсужденіи значенія разныхъ драматическихъ произведеній, мы желали бы обратить вниманіе бывавшихъ въ театрѣ на самое представленіе, выяснитъ непосредственное его значеніе. Интеллигентныя лица, конечно, посѣщаютъ театръ по смутному или ясному сознанию его значенія въ культурной жизни, а не по филистерскому, мѣщанскому взгляду на театръ, какъ на увеселеніе, зрѣлище, возбуждающее сильныя ощущенія. Но часто сознаніе высокаго значенія театра отступаетъ на задній планъ и все болѣе и болѣе выступаетъ на видъ не идея драматическаго произведенія, а самое представленіе, сценическая сторона искусства. Это происходитъ иногда отъ частаго посѣщенія театра, которое мало по малу обращается въ пристрастіе, отчасти, отъ неспособности подойти съ критической оцѣнкой къ видѣнному въ театрѣ, отчасти отъ того, что легче предаться готовому созерцанію, чѣмъ критическому анализу своихъ впечатлѣній. А впечатлѣніе, производимое театромъ, очень сильно. И не удивительно! Тутъ дѣйствуетъ цѣлая совокупность искусствъ для того, чтобы, какъ, можно сильнѣе потрясти душу зрителя; душа переживаетъ глубокое волненіе, и слѣдъ этого волненія, конечно, остается въ душѣ. Вотъ это-то впечатлѣніе и слѣдъ и составляютъ прямое, непосредственное дѣйствіе театра, помимо идейнаго значенія храма Мельпомены.

Какъ же все это отражается въ жизни? Нужно помнитъ, что въ дѣлахъ человѣка имѣетъ громадное значеніе *подражаніе*, особенно въ юношескомъ возрастѣ. Живой примѣръ увлекаетъ, заражаетъ и вдохновляетъ. Это иногда приноситъ большую пользу, особенно для натуръ пассивныхъ. Есть такія лица, которыя стараются буквально копировать дѣйствія другихъ, но есть люди, у которыхъ примѣръ другихъ нѣчто прибавляетъ къ ихъ самостоятельному отношенію къ дѣлу, а отчасти убавляетъ (напр., уменьшаетъ ихъ недостатки). Вообще подражаніе есть могущественный факторъ въ совершеніи поступковъ. Театраль-

ное представленіе, такъ ярко освѣщающее добродѣтели и пороки, такъ сильно захватывающее вниманіе зрителя, уже одной внѣшней своей стороною возбуждаетъ душу зрителя, а возбужденіе всегда стремится проявить себя въ чемъ-нибудь. Но при этомъ важно обратить вниманіе на то, какой исходъ могутъ принять силы и способности человѣка, настроеннаго театральнымъ представленіемъ. Зритель выноситъ изъ театра впечатлѣнія отъ изображенія актовъ, заимствованныхъ изъ жизни; кромѣ того, то, что наблюдается въ жизни, на сценѣ нерѣдко представляется въ преувеличенномъ видѣ. Напряженное, приподнятое состояніе, въ которомъ мы находимся въ театрѣ, сообщается намъ и въ самой жизни, ели обстоятельства стаятъ насъ въ условія, подобныя тѣмъ, въ какихъ находился видѣнный нами герой драматическаго произведенія (по закону ассоціацій).

Постараемся уяснить себѣ это на примѣрахъ. Въ театрѣ разыгрывается пьеса, сюжетомъ которой служитъ, напр., половая любовь или семейная драма, отношенія дѣтей къ родителямъ. Въ реальной жизни намъ приходится переживать акты, подобныя тѣмъ, изображеніе которыхъ мы видѣли на сценѣ. Влеченіе къ другому полу—явленіе, необходимо предполагаемое въ нашей жизни (развѣ въ силу какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ не проявляется это влеченіе). Отцы и дѣти—естъ злоба всякой эпохи, а особенно теперешняго времени, когда быстрое теченіе жизни, смѣна идеаловъ и направленій возбуждаютъ конфликтъ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ изъ-за взглядовъ и убѣжденій общественныхъ, педагогическихъ, культурныхъ и друг. Человѣкъ часто и не безъ достаточнаго основанія сравнивается съ актеромъ, исполняющимъ свою роль. Видѣвши на сценѣ изображенія тѣхъ или другихъ дѣйствій, онъ при извѣстномъ положеніи, будетъ держать себя сходно съ исполненіемъ роли. Онъ, незамѣтно для себя, будетъ увлекаться своимъ дѣйствованіемъ, своею ролью, быть можетъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужнѣе всего самообладаніе и господство разума, а не внѣшній эффектъ дѣйствій, не театральность, придерживаясь которой иные любятъ устраивать сцены въ домашнемъ быту, или «играть комедію» въ отношеніяхъ къ женщинамъ

Для людей апатичныхъ и флегматичныхъ театръ можетъ быть полезенъ въ томъ отношеніи, что онъ можетъ

возбудить къ рѣшительности лицъ неспособныхъ къ энергичному поведенію въ тѣхъ случаяхъ, когда такое поведеніе бываетъ нужно. Для лицъ, легко возбуждаемыхъ воспоминаніе о видѣнномъ въ театрѣ можетъ быть вредно тамъ, гдѣ слѣдуетъ держаться спокойнаго отношенія къ дѣлу. Вообще же слѣдуетъ сказать, что театръ можетъ имѣть воспитательное знаніе тогда, когда зритель самъ беретъ на себя трудъ провѣрять свои впечатлѣнія и критически относиться къ состояніямъ своего духа, настроеннаго извѣстнымъ образомъ сценическимъ представленіемъ, если онъ, путемъ самонаблюденія и христіанскаго освѣщенія этого состоянія, будетъ извлекать изъ сего пользу въ дѣлѣ совершенствованія своей жизни.

У людей чуткихъ къ своему нравственному поведенію является потребность уяснить себѣ, какъ христіанинъ долженъ поступать въ отдѣльныхъ случаяхъ жизни, соотвѣтственно истинному усвоенію христіанскихъ началъ, какъ онъ долженъ санкціонировать свои желанія соотвѣтственно высшимъ интересамъ жизни. Христіанское нравственное ученіе, не предусматривая всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ поведенія, съ особенною силою старается внушить своему ученику необходимость внутренняго самовоспитанія; при этомъ гарантировано будетъ, хотя и не вполне, уклоненіе въ область зла. Своимъ, такъ сказать, чутьемъ христіанинъ будетъ угадывать тогда, чтò вредно для него, чтò полезно. Единство христіанской жизни нарушается именно тогда, когда происходитъ сознательное уклоненіе человѣка въ сторону, противоположную добру.— Бываетъ и такъ, что зло не намѣренно, а сознательно приходится по необходимости допускать въ нашей жизни,—когда мы поставлены въ такое положеніе, что должны изъ двухъ золъ выбирать меньшее. Само собою разумѣется, что христіанинъ, которому приходится такъ поступать, предварительно обсудитъ разные способы нравственныхъ дѣйствій, чтобы допущеніе зла было именно необходимостью. Это бываетъ, какъ въ жизни индивидуальной, такъ и общественной. Примѣромъ ѿ перваго рода можетъ служить не высказываніе правды тому лицу, которое можетъ сдѣлать изъ этого злоупотребленіе. Здѣсь обманъ

является не по существу дѣла, здѣсь только форма обмана. Примѣромъ второго рода можетъ служить допущеніе со стороны общества и власти публичныхъ домовъ для людей распутныхъ. Это зло допускается, терпится только потому, что порочныя лица, ища удовлетворенія своей страсти, могли бы подвергаться опасности честныхъ женщинъ и дѣвицъ; когда же этому злу указано мѣсто, то этимъ предотвращено его распространеніе повсюду.—Иногда уклоненіе съ пути добродѣтели происходитъ отъ извинительнаго недостатка осмотрительности и совершается «такъ», «невзначай». Хотя подобныя уклоненія и не подлежатъ нравственному вмѣненію, но тѣмъ не менѣе постоянное духовное бодрствованіе, насколько оно доступно нашимъ ограниченнымъ силамъ, необходимо для человѣка, потому что при настоящихъ условіяхъ жизни зло окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ; эта внимательность къ себѣ требуется и Словомъ Божиимъ, и людьми, опытными въ духовной жизни.

Говоря вообще, христіанинъ, живущій въ мірѣ будетъ достоинъ своего званія, если онъ выражаетъ вѣрность христіанскимъ принципамъ во всей своей жизни, особенно въ главномъ, всего болѣе при искушеніяхъ и испытаніяхъ вѣры; по отношенію же къ разнымъ мелкимъ и незначительнымъ обстоятельствамъ жизни (въ родѣ дозволенныхъ удовольствій, нѣкоторыхъ мелочей въ туалетѣ) нѣтъ и надобности доискиваться опредѣленнаго образа жизнеповеденія, яснаго разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, о которыхъ нѣтъ прямого указаніе въ кодексѣ нравственнаго ученія; иначе можетъ получиться нравственность мелочная, щепетильная, педантичная, казуистическая. Малѣйшее допущеніе зла будетъ замѣчено внимательнымъ христіаниномъ посреди общаго свѣтлаго и чистаго теченія его жизни. Но безъ малыхъ паденій живущему въ этомъ мірѣ едва ли можно и обойтись; притомъ такія паденія еще не могутъ увлечь насъ далеко въ темную область зла, если мы не остаемся въ поверженномъ состояніи, а стараемся встать. Жизнь представляетъ борьбу добра со зломъ; искушенія въ сей жизни неизбѣжны; но онѣ не могутъ заставить насъ пасть окончательно; «искушеніе, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, для внимающихъ себѣ лучше и полезнѣе покоя,—не искушеніе губить, а нерадѣніе искушаемыхъ».

Если человѣкъ живетъ высшими духовными интересами, поставляетъ высшею цѣлю совершенствованіе своей природы,

возвышаясь къ своему Первообразу, и въ то же время чувствуетъ силу искушенія, видитъ соблазны міра, отвлекающіе его отъ поставленной имъ цѣли, — что тогда ему дѣлать? Скажутъ: стремленіе къ добру уже само по себѣ способно отвлекать отъ искушающихъ препятствій на этомъ пути; т. е., самое существованіе такого стремленія предполагаетъ недопущеніе уклоненій человѣка въ область зла. Было бы очень хорошо, если бы это мнѣніе соотвѣтствовало дѣйствительности. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ; когда Сократъ говорилъ, что кто знаетъ доброе, тому невозможно поступать худо, то въ этомъ случаѣ философъ допустилъ не малую ошибку. Человѣкъ имѣетъ въ себѣ много дуалистическаго. Есть замѣчательный въ этомъ отношеніи разсказъ въ Одиссеѣ Гомера, опровергающій мнѣніе Сократа о знаніи добродѣтели, которое должно вести за собою добрые поступки. Улиссъ и его спутники ѣдутъ по морю. Сирены своимъ очаровательнымъ пѣніемъ хотятъ ихъ завлечь къ себѣ. Но Улиссъ затыкаетъ уши своихъ спутниковъ воскомъ, чтобы они не могли слышать, а самого себя приказываетъ привязать къ мачтѣ. Этотъ мигъ показываетъ, что полагаться на одно знаніе добродѣтели, безъ принятія мѣръ къ огражденію себя отъ соблазновъ, не достаточно для человѣка, идущаго по пути добра. Самъ Сократъ, проводя въ жизнь свое нравственное ученіе, настаивалъ на томъ, чтобы путемъ ограниченія своихъ потребностей, путемъ умѣренности и закалivanія себя достигать свободы дѣйствій, независимости, нужной для высокаго совершенствованія своихъ силъ...

Вопросъ о приложеніи христіанской вѣры къ реальной жизни есть вопросъ весьма важный. Многіе въ современномъ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, сознавая это, дѣйствительно и занимаются надлежащимъ изученіемъ христіанства. Другіе же смѣются надъ этимъ изученіемъ, считая такихъ лицъ отсталыми. Однако, чѣмъ мы болѣе изучаемъ христіанскую религію, тѣмъ яснѣе становится для насъ смыслъ нашей жизни, указываемый ею, тѣмъ глубже мы сознаемъ необходимость слѣдовать религіи во всей своей жизни. Глубина содержанія

христіанской религіи требуетъ именно осмысленнаго серьезнаго отношенія къ ней; нападки же на нашу вѣру всего болѣе обусловливаются недостаточнымъ ея пониманіемъ и предвзятымъ, не провѣреннымъ отношеніемъ къ ней.

Г. Добряковъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ ОДНОЙ ДУШИ ¹⁾.

(Во славу преподобнаго Серафима Саровскаго Чудотворца).

Часть первая.

Глава I.

Добрый другъ! Вы знаете, какъ я люблю бесѣдовать съ вами. Вотъ, когда мнѣ, экспансивной сумазбродкѣ, удастся провѣрить себя,—даже больше -- привести себя въ порядокъ, въ норму, я охотно изливаю вамъ свою душу, потому что знаю: никто лучше васъ не пойметъ меня.

---

¹⁾ Нѣсколько необычно въ духовномъ богословскомъ журналѣ можетъ показаться нѣкоторымъ предлагаемая статья именно въ первой ея части, беллетристически изображающей постепенное, подъ воздействием разныхъ ненормальныхъ и тяжелыхъ условий жизни съ самаго ранняго дѣтства, „убываніе“, такъ сказать, души человѣческой, въ ея удаленіи отъ Церкви и церковности, доведшее ее почти до отчаянія... Но всѣ эти картины нецерковной жизни автора существенно важны для большей ясности того духовнаго обновленія его благодатною силою православной Церкви, которое такъ ясно сказалося вмѣстѣ съ чудеснымъ исцѣленіемъ его отъ болѣзни у преп. Серафима. „Вѣдь если, какъ совершенно справедливо утверждаетъ авторъ, говорить о выздоровленіи, то надо указать и болѣзнь—ея симптомы, причины и слѣдствія“. Эта-то внутренняя сторона изображенной въ 1-ой части статьи жизни, переданная съ замѣчательною жизненной правдивостію и тонкой психологической наблюдательностію, и дѣлаетъ изображение ея цѣннымъ въ духовномъ журналѣ. Стараясь быть въ своихъ воспоминаніяхъ безпристрастною до неумолимости къ своему самолюбію, авторъ сумѣлъ подмѣтить въ пережитыхъ имъ событіяхъ своей жизни тѣ воздействия божественной благодати, которыя хотя и были воспринимаемы душой почти безсознательно, тѣмъ не менѣе подготавливали собою почву или основу для вѣры, приведшей ее къ обновленію. Вотъ почему между прочимъ мы и сочли справедливымъ обозначить статью не „исторіею одной души“, какъ желалъ авторъ, а вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Недаромъ насъ связываетъ нѣчто поважнѣе той женской дружбы, которая зиждется на потребности изліяній по поводу шляпокъ, тряпокъ, *tutti quanti!* У насъ съ вами умственное и нравственное единеніе,—именно то, что даетъ особый аромать добрымъ отношеніямъ двухъ не слишкомъ заурядныхъ женщинъ, чувствующихъ довольно тонко, и мыслящихъ *почти* логично. Но сегодня я настроена серьезно. Да и вообще въ послѣднее время что—то странное со мной творится. Я чувствую: внутри меня поднимается какая-то волна,—мощная, захватывающая; меня куда-то влечетъ, стремить, и я все не могу понять, что такое я должна сдѣлать?

Да, положительно — на мнѣ лежитъ какой-то долгъ и пока онъ не исполненъ, душу все будетъ давить тяжесть.. Я должна вамъ «повѣдать»,—какъ говорили въ старину, — исторію моего нравственнаго обновленія...

Задача не легка и даже пугаетъ меня...

Придется зачерпнуть глубоко... Вѣдь если говорить о выздоровленіи, то надо указать и болѣзнь, симптомы ея, причины, и слѣдствія... Ужъ не знаю, какъ я справлюсь со всѣмъ этимъ! Однако попробую. Я пережила нравственный кризисъ... На душу налегла черная, мрачная полоса; тоска сжимала сердце.. Мнѣ было такъ тяжело, что я право не знаю, какъ бы все это кончилось, еслибъ вдали не блеснулъ огонекъ—традиціи дѣтства... *вѣра.*

Странно — я до сихъ поръ незнакома съ вашими религіозными воззрѣніями.

О чемъ только мы не говорили?! А вотъ этого вопроса никогда не касались! Это «само собою подразумѣвается»... Разъ вы имѣете претензію считаться мало-мальски культурнымъ человѣкомъ, вы—понятно—невѣрующій!

Самое большее, если вы признаете „идею“,—таинственную силу, которая управляетъ міромъ; но всѣ эти обряды, догматы вся „церковность“,—все это, конечно, создано для сѣрой массы... Не помню, кто-то сказалъ, что конь долженъ быть *взнузданъ*, и *хорошо взнузданъ*, а лучшей узды, какъ религія—не найти. Онъ признавалъ, такъ сказать, *утилитарный* смыслъ религіи...

Помилуйте,—въ нашъ вѣкъ критики и анализа вдругъ принять „на вѣру“ то, что никакъ не удастся схватить разумомъ,—что больше всего подлежитъ критикѣ,—да какой же здраво-мыслящій человѣкъ сознается въ этомъ?! На первомъ планѣ

логика, строгая, прямолинейная; надъ всѣмъ властвуетъ разсудокъ—холодный, трезвый, требующій точныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ, выводовъ математически точныхъ; въ вѣрѣ же ничего этого нѣтъ.

Что касается меня—я буду имѣть гражданское мужество признаться вамъ, что я не принадлежала къ числу этихъ слишкомъ передовыхъ людей. Отрицать *все* я не могу уже потому, что гдѣ взять силы на это? Къ тому же я такъ устроена, что живу больше сердцемъ... Что же мнѣ тогда останется? Что сулятъ намъ скептики взамѣнъ того, что они отнимаютъ у насъ? Полное нравственное одиночество? „Силенъ тотъ, кто одинокъ“... Красивая фраза,—не больше. Нѣтъ, я какъ будто вѣрила, но *мало* вѣрила, именно „какъ будто“... Сердце не хотѣло разстаться съ тѣмъ, чѣмъ привыкло жить; пусть оно и неясно, и нелогично, это таинственное что-то; но оно *ощутимо*,—оно прекрасно, поэтично, такъ много говоритъ душѣ и такъ много общается, потому что восстанавливаетъ связь со всѣмъ внѣшнимъ міромъ. Безъ любви, безъ интереса къ окружающему, безъ затраты частицы души—жизнь скучна, безцѣльна, безсмысленна.

Такъ—то такъ (все это я *чувствовала* больше, чѣмъ сознавала); но *всеобщее*, со стороны окружающихъ, слишкомъ—до насмѣшливой улыбки—критическое отношеніе къ вопросамъ духа заставило меня постепенно совсѣмъ замереть, притаиться съ тѣмъ, что осталось у меня отъ моей чистой, дѣтской вѣры, — робко спрятать его въ себѣ, въ самый сокровенный уголокъ сердца.

Я думаю, много насъ *такихъ* неувѣренныхъ, робкихъ,—„маловѣрныхъ“. Помните: „иное сѣмя упало на почву каменистую, а иное—въ терніи. Оно принялось, выросло, но поднялись терніи и заглушили его“...

Таковы мы всѣ, „*отпадающіе*“!

И вотъ я металась изъ стороны въ сторону. Боязнь быть *смѣшной* подавляла душевные порывы. Разсудокъ стоялъ на стражѣ и готовъ былъ осмѣять всякую прорвавшуюся „сентиментальность“.

Какъ трудно безъ вѣры, въ особенности намъ, женщинамъ!

Я почувствовала себя совсѣмъ безъ почвы; точно меня вихремъ подняло и бросило въ пространство, и вотъ я виси въ воздухѣ,—мнѣ не за что зацѣпиться, не на что опереться,—и я несусь въ бездну безвольная, безсильная—„безъ руля и безъ вѣтриль“—въ полномъ значеніи этого слова.

Пусть человекъ и царь природы, а въ сравненіи съ тайнами бытія онъ ничто иное, какъ взрослый ребенокъ.

Въ самомъ дѣлѣ представьте себѣ ребенка, соскучившагося дома. И вдругъ онъ видитъ, что ему есть возможность убѣжать. Съ замираніемъ сердца, съ захватывающимъ чувствомъ риска, онъ удираетъ черезъ завѣтную калитку въ садъ. Какъ отрадно ему чувствовать себя „большимъ“, свободнымъ! Какъ онъ счастливъ! Никогда больше не вернется онъ домой, къ недоѣвшему учителю—или гувернанткѣ, къ нянькѣ, запрещающей ему столько хорошихъ вещей...

И вотъ онъ на людной площади. День какъ разъ базарный. Ему весело и жутко въ этой шумной, пестрой толпѣ,—онъ бродитъ среди этихъ чуждыхъ ему людей, съ любопытствомъ разглядывая ихъ... Время идетъ незамѣтно... Но вдругъ онъ почувствовалъ, что усталъ и голодъ сказался. Въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ стучитъ отъ непривычнаго шума и ему стало жутко, тоскливо, одиноко! Еще моментъ—и онъ заплачетъ громко,—на взрыдь... Тоска сжимаетъ сердце... Онъ такъ безпомощенъ, такъ одинокъ, и безконечно жалокъ... Теперь всякій, кто захочетъ, можетъ его обидѣть,—онъ даже и защищаться нестанетъ! Какъ сдѣлать, чтобы уйти отсюда, какъ добраться туда, домой—подъ ферулу строгой гувернантки, къ ворчунѣ—нянѣ? Онъ съ благодарностью приметъ всякую руку, которая выведетъ его съ этого ужаснаго торжища, отъ крика, шума и прозы жизни...

И если мнѣ скажутъ: мораль этой сказочки такова, что не надо быть *ребенкомъ*, а *взрослымъ*, я отвѣчу: укажите мнѣ „*взрослаго*“, которому недоступно было бы это чувство „*потерянности*“, унынія,—цорой безпричиннаго и непонятнаго,—потому что мы живемъ разсудкомъ своимъ, не умѣя разбираться въ себѣ.

Я хочу сказать, что самый сильный человекъ можетъ упасть духомъ. Найдеть моментъ—и все вдругъ одѣнется мракомъ. Въ сердцѣ неясная тревога: оно чего-то ждетъ... Это — *memento mori*, своего рода: „*мани, факелъ, фаресъ*“... Въ голову набѣгутъ мысли, — вдругъ всплыветъ многое такое, о чемъ въ суетокѣ жизни, повседневщины—не приходится думать...

Итакъ хочется найти точку опоры, зацѣпочку, за которую бы можно ухватиться,—чьюнибудь мощную руку, которая бы поддержала васъ...

Вотъ такой-то рукой, спасающей въ критическій моментъ (заблудившагося ребенка), для меня лично была *религія*. Потому что она учитъ любви, терпѣнію, состраданію, и потому, что она сама есть любовь, и милосердіе, и всепрощеніе. Понять это я сумѣла, лишь переживъ психологическій моментъ, когда отдала себѣ отчетъ въ томъ, что была наканунѣ гибели, и что меня спасло,—насилно, независимо отъ моеи воли спасло.

И съ тѣхъ поръ передо мной сталъ открываться горизонтъ за горизонтомъ.

Знаете, какъ я это объясняю?

По моему, *c'est dans l'ordre*. Сначала всѣ мы живемъ болѣе или менѣе безсознательно, не вдумываясь въ явленія жизни— не умѣя различать существеннаго отъ призрачнаго, не разбираясь въ причинности и послѣдовательности дѣйствій... Но вотъ насталь мигъ,—вась „осѣнить“: то проснулась „душа жива“...; точно заклепочка какая-то откроется въ мозгу,—и все вокругъ станеть красочно, осмысленно, интересно ..

Послѣдній годъ у меня въ этомъ отношеніи очень „урожайный“, прямо—таки „эпоха открытій и изобрѣтеній“. А *эра*—моя поѣздка въ Саровскую пустыньку къ преп. Серафиму... Онъ Угодникъ Божій—не только воскресилъ мою душу, просвѣтилъ мысли,—но и далъ имъ направленіе... И мнѣ теперь легче живется...

Вотъ почему я и хочу подѣлиться съ вами всѣмъ этимъ. Духовная жизнь людей—независимо отъ ихъ индивидуальности, ранга, воспитанія,—часто бываетъ аналогична. Какъ вы думаете? Можетъ быть еще кто-нибудь мыслилъ и чувствовалъ, какъ я; тогда интересно провѣрить выводы, итоги... Вы мнѣ должны откровенно высказать свое мнѣніе!

Глава II.

Прежде всего я должна подробнѣ коснуться исторіи моего „нравственнаго кризиса“.

Это было нѣчто ужасное,—это была почти болѣзнь!

Да какое „почти“! Это была самая настоящая болѣзнь. Доктора, которые въ большинствѣ случаевъ безпощадны своей безцеремонностью, назвали ее (впослѣдствіи) неврастеніей. Какъ будто мнѣ отъ этого легче!

Я знаю, что въ запасѣ у нихъ много терминовъ, которыми они свободно распоряжаются; имъ ничего не стоитъ самыя тон-

кія эмоціи, самую „субтильную“ психологію подвести подъ одно изъ нихъ, этихъ мудреныхъ названій! Прекрасно. Пусть моя тоска, моя душевная болѣзнь называется такъ или иначе, и имѣетъ свое теченіе и симптомы («ангинозные припадки»); но вѣдь это уже есть *слѣдствіе* какого-то душевнаго процесса, который они проглядѣли,—а пусть-ка они объясняютъ мнѣ *причину*!

Я напрасно искала ее сама.

Внѣшнихъ поводовъ — видимыхъ, осязательныхъ, нѣтъ. Обстоятельства, условія моей жизни — тѣже; на горизонтѣ никакихъ новыхъ, «черныхъ точекъ»;—все благополучно. Вотъ развѣ только это состояніе неудовлетворенности! Но вѣдь оно успѣло стать хроническимъ... И притомъ это общее достояніе, кажется... Укажите мнѣ человѣка, который былъ бы вполне доволенъ своей судьбой, и не желалъ бы переменъ къ лучшему!

Нѣтъ, причина крылась глубже, во мнѣ самой. Въ душѣ у меня была червоточинка, о которой я и не подозрѣвала; она—то вдругъ и отозвалась,—и болѣзненно заняла.

Причина моей неудовлетворенности — оказалось—была не что иное, какъ продуктъ или результатъ — послѣдовательный, логическій выводъ изъ всѣхъ моихъ дѣйствій,—поступковъ, фактовъ за всю мою жизнь...

Не ясно? Дальше это будетъ виднѣе.

Началось все самымъ обыкновеннымъ образомъ. Въ одинъ прекрасный день я проснулась съ тоской въ сердцѣ. Жизнь показалась мнѣ скучной, ненужной, безцѣльной: я—сама себя жалкой, одинокой и точно лишней, а весь міръ—глупымъ, пошлымъ, надоевшимъ, до отвращенія.. *Tout me degouloit!* Въ душѣ моей померкло солнце—и на все вокругъ легли мрачныя, черныя тѣни...

Сначала я не особенно испугалась. Мнѣ знакомы припадки хандры,—да и кому они незнакомы? Вдругъ — точно тучка на ясномъ небѣ — набѣжитъ черная полоса, подержитъ душу въ томленіи день—другой, разразится слезами и снова улетитъ...

Но теперь у меня вдругъ почему—то сердце заняло тревогой: точно предчувствіе какой-то грозной, зловѣщей, невѣдомой бѣды, которая вотъ—вотъ надвинется на душу, и въ ожиданіи этого ужаса она леденѣетъ, замираетъ, бьется—какъ пойманная птичка. И сердце мучительно сжимается, точно въ тискахъ, и

до боли—острой, физической—ощутительно это давленіе... Въ самомъ дѣлѣ—она не прошла, черная полоса; чѣмъ дальше—тѣмъ хуже мнѣ становилось день ото дня.

Это былъ «конецъ» — медленно, но вѣрно надвигающійся, и я ощущала это всѣмъ своимъ существомъ,—каждымъ его атомомъ, каждымъ нервомъ, ставшимъ чуткимъ до болѣзненности. А пока я томилаcь «агоніей»;—другого слова я не подберу.

Часто ночью я просыпалась вдругъ, вся покрытая холоднымъ потомъ. Сердце колотилось рѣдкими, сильными ударами; грудь тѣснило, а въ душѣ—ледяной ужасъ, жуткость—точно передъ какой-то ужасной, роковой, смертельной неизбежностью.

Какъ вамъ это объяснить?

Точно чья-то властная рука поставила меня вдругъ *на край*, гдѣ больше уже *ничего нѣтъ*, гдѣ *все кончается* — и я вотъ сейчасъ должна упасть, скатиться внизъ съ головокружительной высоты.

Вы скажете:—кошмаръ!—И я такъ думала!

Но отчего? Жила я, не нарушая режима. Вдобавокъ дѣло было лѣтомъ, и я не поѣхала служить—отдыхала... Наконецъ мыслимо-ли: цѣльныхъ два мѣсяца—кошмаръ? Мнѣ не приходило даже въ голову обратиться къ доктору,—потому что я физически чувствовала себя здоровой; у меня *больна душа*;—кто можетъ ее вылѣчить? Случись это въ прежнее время—живи я во времена пророковъ или Христа, я пошла бы Ему навстрѣчу и упала бы въ ноги, прося исцѣлить меня...

Что-то въ глубинѣ сердца шептало мнѣ, что страданіе мое было серьезнѣе и глубже, чѣмъ это казалось съ перваго взгляда,—и врядъ ли ему могли помочь приемы внутрь того или другого лѣкарства... И вотъ эта то неизвѣстность, томительное ожиданіе и было хуже всего...

Но до чего мы бываемъ слѣпы и близоруки, когда дѣло идетъ о насъ самихъ! Со стороны мы великолѣпно все видимъ,—дадимъ прекрасный совѣтъ, именно «руками разведемъ» всякую бѣду,—а сами изъ силъ выбиваемся, «блуждая вокругъ трехъ сосенъ»... Помню, я тогда даже читать не могла ничего «посторонняго»,—такого, въ чемъ бы я не находила отклика, или аналогіи съ моимъ душевнымъ безпокойствомъ... Мнѣ попалось въ руки приложеніе къ «Живописному Обозрѣнію» — сочиненія Сенкевича: „Поѣздка въ Америку“ и «Пойдемъ за Нимъ»... Въ послѣднемъ разсказѣ я нашла желае-

мое; такъ высказанное тамъ было красиво и шло, такъ сказать, „на руку“ мнѣ! И однако я не нашла направленія...

Помню, рассказъ произвелъ на меня громадное смягчающее впечатлѣніе... Съумѣй я углубиться въ себя и пробудить цѣликомъ спасительную вѣру дѣтскихъ лѣтъ, я бы сразу прозрѣла. Кажется, такъ легко было сказать мнѣ: вотъ кто можетъ вылечить больную душу! Тотъ, Кто сказалъ: «прійдите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы! Возьмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ,— Тотъ, если и посылаетъ душевную тоску, то съ благою цѣлію,—чтобы заставить оглянуться на себя—и исправить, измѣнить, пока не поздно,— дурное направленіе... Душа мятется оттого, что ищетъ *истины*, желаетъ спокойствія совѣсти, нравственнаго равновѣсія, которое потеряно...

Но я не умѣла читать въ сердцѣ, прислушиваться къ тайному голосу, который шепталъ, указывая вѣрное направленіе...

Я таки повернулась къ свѣту, но бессознательно, больше по привычкѣ, поневолѣ. Почувствовавъ себя дѣтски—беспомощной, жалкой и безсильной, я вспомнила о дѣтскихъ привычкахъ—призывать помощь Божию въ трудныхъ случаяхъ,—вспомнила именно, по прочтеніи того рассказа; такъ это совершенная правда будетъ, если скажу, что толчокъ былъ данъ этимъ рассказомъ. Но, увы! На мою долю не досталось пророка, къ которому я могла бы обратиться съ просьбой объ исцѣленіи! Подумала я про себя, забывая «слѣпымъ и маловѣрнымъ» сердцемъ, что недалеко Его искать...

Но видно такъ было суждено, что я должна была выпить сполна кубокъ отравы,—пройти всю хроматическую гамму тоски, озлобленія, отчаянія,—и только, когда я уже считала свою душу „погубленной“,—ее вдругъ спасли, пришли мнѣ на помощь... И я вновь обрѣла ее—исцѣленной, обновленной, сильной.

Глава III.

Но пора вернуться къ себѣ, къ *моей Гекатѣ*...

Слушайте дальше исторію моей пытки.

Просыпаясь утромъ, я прежде всего испытывала разочарованіе; можно сказать, что пробужденіе было въ pendant къ ужасной ночи...

— Какъ? Опять? Опять жить? Говорила я себѣ съ тоской. Еще одинъ ужасный, безрадостный день! Неужели надо вставать, одѣваться, начинать двигаться, словомъ—*жить*?! И изъ глубины души вырывался стонъ, вопль.

— Не надо! Не хочу. *Не могу!*

Ябесильнопадала наподушку, не въ силахъ будучи бороться съ этимъ невѣдомымъ, гнетущимъ зломъ, сдѣлавшимъ изъ меня—жизнерадостной, веселой, энергичной—какого-то нравственнаго инвалида... О, вы бы меня не узнали тогда! Я, о которой всѣ говорили: «вотъ у кого жизни много—хоть отбавляй»), бродила, какъ тѣнь, отъ постели къ дивану, отъ дивана къ постели.

Ахъ, еслибъ можно было, какъ въ дѣтствѣ—послѣ горькихъ слезъ, уйти съ головой въ подушку и забыть обо всемъ, потерять сознание дѣйствительности, а на утро проснуться, «какъ ни въ чемъ не бывало» —радостной, бодрой, полной жизни и силъ, съ мыслями о новыхъ играхъ, новыхъ шалостяхъ!

Но намъ, взрослымъ, этого не дано! Нирваны, небытія—хотя бы *временнаго*—нѣтъ! Всѣ мы—вѣчные колодники, обреченные таскать за собой свою тачку грѣховъ... Куда уйдешь *отъ себя*?

Что-же мнѣ дѣлать? Больше *такъ* я не могу,—не хватаетъ силъ! Я вся истосковалась, все мое существо изныло...

Нуженъ же, будетъ же когда—нибудь конецъ?! Что—нибудь одно—или лучше, или хуже! И точно въ наказаніе за этотъ вызовъ, боль усилилась, сердце стало болѣть—уже не ныть, а именно болѣть, болѣть непрерывно. И забыть эту боль, отдѣлаться отъ этой гнетущей, давящей тоски уже нельзя...

Случалось ли вамъ болѣть зубами? Совѣтую вамъ захватить первый моментъ: постарайтесь не думать о боли,—отвлекъсь мыслью на другой предметъ; она утихнетъ. Иначе будетъ мука: боль станетъ нестерпимой. Теперь вы ужъ не отдѣляетесь отъ нея такъ легко! Придется отдать ей *все* свое вниманіе, сосредоточиться на ней, цѣликомъ уйти въ нее, прислушиваться и вотъ, когда вы *сознательно* перемучаетесь, она, пожалуй, утихнетъ.

Вотъ такъ и мнѣ пришлось поступить съ моей душевной мукой. Болѣзнь такъ разрослась, что больше дѣлать было нечего.

Душа выпшла изъ береговъ—и, какъ всякое упругое тѣло, слишкомъ долго бывшее подъ давленіемъ,—выпрямилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше былъ напоръ сверху...

А наслоеній, угнетавшихъ се, набралось много, — за всю предыдущую жизнь!

Какъ же это вышло? Отчего я раньше этого не замѣчала? Да потому, что еще можно было терпѣть — ей, пренебреженной, запрятанной подъ спудъ.

Всю жизнь мы только и служимъ *тѣлу*, — покоимъ его, халимъ, лелѣемъ, а душа — въ загонѣ! Но вотъ мѣра переюлилась, — и она душа напомнила о себѣ, о своихъ правахъ... Сначала понемногу, деликатно... Но если вы и тутъ не обращаете вниманія, или — какъ говорятъ — не возьметесь за умъ, горе вамъ!

Она властно потребуетъ должнаго, какъ господинъ, вернувшийся изъ отсутствія, предъявляетъ свои требованія подчиненнымъ.

Вотъ что я поняла *теперь*, сосредоточившись, углубившись въ себя, въ мою душевную рану...

Я люблю иногда взглянуть на себя *со стороны* — такъ сказать — съ высоты птичьяго полета. Масштабъ становится неизмѣримо больше, горизонтъ шире... То, что внизу, такъ мелко, ясно — точно на ладони, и... такъ страшно мало... Я кинула взглядъ впередъ и далеко назадъ, — и то, что увидала въ прошломъ и въ будущемъ — объяснило мнѣ ужасъ настоящаго.

Да, это была *агонія*! Муки томящейся души грѣшника, *les tortures d'une âme en peine*.

Католики вѣрятъ въ чистилище. У Данта адъ слишкомъ грандіозенъ; мнѣ онъ такъ представляется: передъ душой, по выходѣ ея изъ тѣла, развертывается вся жизнь. Подобно тому, какъ передъ школьникомъ — учебный годъ, какъ передъ взрослымъ, — дѣтство, какъ передъ мною — страницы моей жизни. Смотришь назадъ холоднымъ окомъ, — трезвымъ, разумнымъ, и думаешь: а и молодо же было, а и зелено!

Сколько глупостей, промаховъ, ложныхъ шаговъ! Пустякъ казался дѣломъ первой важности, какая нибудь двойка — горемъ, невыдержанный экзамень — несчастьемъ, отъ котораго топиться впору! Какъ все глупо, низменно, — всѣ эти житейскія дѣли, заботы! И подумать, что все это когда — то казалось «главнымъ»! А зла — то сколько! И сознание безсилія, непоправимости — больно сдавить сердце. Вотъ когда начнется мученіе — можетъ быть *искупленіе*!

Зачѣмъ все это сдѣлано? Кому это было нужно, на что? Выходы такъ ясны, если взглядѣться! Вонъ онъ — прямой путь —

такъ и стелется впереди—точно бѣлая лента! Такъ нѣтъ! Свернуть куда—то *въ сторону* понадобилось,—въ темный ходъ, въ переулочек какой-то попалъ!

На сдѣлку съ совестью пошелъ!...

А людямъ вредъ отъ этого... И сколько разъ это было! Оно разрастается,—это зло,—пускаетъ корни, даетъ плоды,—грѣшникъ видитъ слезы обиженныхъ. Вотъ тѣ, кому онъ могъ протянуть руку помощи и спасти,—но не захотѣлъ,—а вотъ тѣ, кого погубилъ умышленно, *устранилъ* со своей дороги! Прежде всего—*своя* выгода! Напрасно онъ твердитъ себѣ, что «*иначе*» нельзя было,—*все* такъ живутъ, руководясь девизомъ: постарайся скорѣе обидѣть *ты*—иначе *тебя* обидятъ. И каждый разсуждаетъ: чѣмъ самому остаться голоднымъ,—лучше я отниму кусочекъ у сосѣда, готоваго уже сдѣлать глотокъ. *Теперь-то* онъ видитъ, что ошибался! Увы! Возврата нѣтъ! Исправить прошлое, однажды сдѣланное—не дано!

А море слезъ все подступаетъ, настигаетъ его!

«И радъ бѣжать—да некуда!»

Глава IV.

Жизнь моя—странная жизнь. Я бы не сказала: *несчастливая*, но сложная, трудная. А это лучше, чѣмъ сѣрое, безцвѣтное прозябаніе. Несчастливъ тотъ, кто никогда не зналъ радостей, удачъ, для кого судьба была мачихой,—и бьетъ, преслѣдуетъ его безъ передышки; меня же она даже баловала.

Баловала и въ прямомъ,—и въ концѣ концовъ—въ переносномъ смыслѣ, если вѣрить, что Богъ испытуетъ того, кого любить. А какъ этому невѣрить? Что горе приближаетъ къ Богу—этого, я думаю, никто не станетъ отрицать; но если приближаетъ, то и улучшаетъ—очищаетъ, развиваетъ, возвышаетъ и т. д...

Въ «прямомъ смыслѣ»—я могу назвать у себя много хорошихъ промежутковъ времени, такъ сказать, счастливыхъ полосъ жизни. Такой полосой была прежде всего пора дѣтства.

Да, кажется,—счастливейе всего было у меня именно дѣтство.

Какъ первый ребенокъ, я стала баловницей у отца съ матерью. Въ особенности у отца: для него я была любимицей, «наслѣдницей», единственной «папиной» дочкой.

Я всегда отличалась большой живостью, порывистостью, нервностью. Впечатлѣнія ложились удивительно ярко, непосредственно.

Душа ребенка— тотъ же чистый листъ бумаги, или, вѣрнѣе, навощенная дощечка, по которой водили («штилемъ»). Это старинное уподобленіе воть чѣмъ лучше: первые штрихи, черты—особенно глубоки, рельефны. Какъ бы впоследствии судьба ни изчертила—вкривь и вкось «доску жизни», ей не удастся стереть первыхъ линій...

Вотъ почему такъ ярко рисуетъ мнѣ воображеніе годы моего привольнаго, счастливаго дѣтства...

Но смерть уже стояла на порогѣ. Скоро она начала косить жертву за жертвой въ нашей семьѣ...

Мнѣ было 7 лѣтъ, когда моя мать—цвѣтущая, красивая женщина 26 лѣтъ—заболѣла грудной болѣзнью. Два года она лѣчилась и дома и за границей, и вернулась для того, чтобы умереть на нашихъ рукахъ.

Мы, т. е. я съ двумя младшими братишками—остались на попеченіи гувернантки; но черезъ полтора года отецъ женился вторично.

Мачиха попалась настоящая сказочная—злая, коварная. Вначалѣ она прикрывалась личиной ласковости, была привѣтлива и заботлива, но меня сразу не влюбила. То, чѣмъ въ началѣ гордились—моимъ раннимъ развитіемъ,—оно—то и создало теперь враждебное отношеніе ко мнѣ мачихи.

Чтобы быть вполнѣ безпристрастной, я скажу, что многое во мнѣ надо было «сократить»;—легко могло случиться, что баловство отца, который не только уже признавалъ мое мнѣніе, но и слушался его, —сдѣлало бы меня черезчуръ самостоятельной, самовольной и даже деспотичной. Но тѣмъ осторожнѣе надо было обращаться съ такимъ щекотливымъ самолюбіемъ, чтобы не сдѣлать его болѣзненнымъ. Никакими педагогическими способностями «она» не обладала, а просто стала считаться со мной, какъ съ равной, стараясь уколоть меня, принизить при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ... Помню, она оставляла меня убиваться и плакать цѣлыми часами, грозя выставить меня передъ опекунами въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ, или пойти «напортить» мнѣ въ гимназіи,--гдѣ былъ тогда весь мой міръ, гдѣ я только и дышала свободно.. Она заставила меня уйти въ свою раковинку, замкнуться въ себя, стать болѣз-

ненно—подозрительной, недовѣрчивой... Первое ошутительное и сознательное горе причинило мнѣ *она*—и это первое сердечное поражение было очень болѣзненно. Мнѣ кажется, я не преувеличу, если скажу, что слѣдъ отъ него остался у меня на всю жизнь.

Но сказала-ли я, что отецъ умеръ спустя полтора года послѣ женитьбы? Вотъ когда „злое начало“ взяло верхъ, —и сразу обнаружилось „ея“ притворство...

Мы, дѣтишки, узнали настоящее гоненіе...

Однако-же насъ не бросили, потому что оставалась значительная пенсія и „недвижимости“. Братишекъ помѣстили въ интернатъ, а я осталась при „ней“.

Странно—но вполне психологично—что наединѣ съ собой я не называла мачиху ни „мамой“, ни „папап“, а говорила всегда «она»... Такъ въ третьемъ лицѣ солдатики говорятъ о непріятелѣ...

По счастью нашелся противовѣсъ этому домашнему гнету, который непремѣнно сдѣлалъ-бы изъ меня нравственнаго урода. Я была уже въ гимназіи, и кругъ сверстницъ и вообще нормальная среда благотѣльно подѣйствовали на мою повышенную чувствительность, сразу создавъ извѣстныя рамки... Впрочемъ, скоро и тутъ стала «на особое положеніе».

Случилось это само собой.

Понятно, что насколько дома я чувствовала себя загнанной, забитой, лишней, настолько же во мнѣ было сильно, интенсивно стремленіе *сюда*,—меня порывно влекло въ *мой міръ*, гдѣ я была «личностью», гдѣ меня возстановляли во всѣхъ моихъ правахъ.

И дѣйствительно, опекуны, видѣвшіе меня дома блѣдной, унылой, молчаливой, «тише воды ниже травы», не узнавали меня въ гимназіи,—въ бойкой, «свободной гражданкѣ», способной ученицѣ и первомъ коноводѣ шалостей, правда, безвредныхъ, безъ дурного направленія. И потому мнѣ многое прощалось.

Начальство было освѣдомлено о моихъ домашнихъ условіяхъ, и не препятствовало мнѣ быть «ребенкомъ». Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-же и была моя «шалость», какъ не молодостью, рѣзвой юностью,—задушенной, подавленной произвольно дома, юностью, которая такъ или иначе должна была вырваться наружу?

Впрочемъ, многое испукали и мои прекрасные успѣхи и нервность въ проявленіи моей горячей привязанности къ милой гимназіи, — нервность, доходящая до экзальтаціи.

Только не воображайте, пожалуйста, что я была «парфеткой». (Вамъ знакомо это институтское выраженіе, — отъ слова «perfection» — совершенство? Въ противоположность ему — «мовешка» — отъ «mauvais» — дурной). О нѣтъ! для такого качества я была слишкомъ порывистой, сумозбродной и... *лѣнивой*, — лѣнивой, какъ мы выражались, «*классически*»!

Цѣлыя *полосы* лѣни находили на меня, и я бросала заниматься «*нелюбимыми*» предметами; за то измѣнить тому, что я разъ возлюбила, я бы не могла. Все то, что говорить сердцу и воображенію, становилось моей сферой: съ этимъ я сроднялась и уже не могла бы отдѣлать его отъ себя... Въ исторіи у меня были свои любимые герои, въ литературѣ — также; съ 3-го класса я стала недурно писать, и мой «стиль» въ числѣ другихъ отличилъ нашъ общій кумиръ, учитель русскаго языка и исторіи. Кстати. По этому случаю намъ и былъ объясненъ смыслъ этого мудренаго слова, — и мы преисполнились гордости... «Онъ» — нашъ идеаль — видитъ задатки стилия у насъ, подростковъ; къ намъ примѣнено выраженіе, достойное *настоящихъ* писателей! О, понятно, это насъ окрылило и создало «*благородное честолюбіе и честное соревнованіе*»!

Для «него» мы готовы были себя превзойти! И дѣйствительно, нашъ выпускъ оказался на рѣдкость дружнымъ, солидарнымъ по духу и «стилю». Это былъ, такъ сказать, выпускъ филологической... Изъ 22-хъ выпускныхъ — 10 человекъ были медалистки.

Глава V.

Ну, если говорить про себя, то ужъ все заразъ.

Вотъ еще мои общественныя доблести: умѣнье необыкновенно ловко подсказывать, — однѣми губами, почти беззвучно; затѣмъ — я пѣвчая, пою сольныя партіи: у меня даже хранится камертонъ; я читаю на клиросѣ шестопсалміе, а иногда и апостоль.

Наша первая гимназія — привилегированная во всѣхъ отношеніяхъ. У насъ чудная домовая церковь, и запросто бываетъ попечитель округа, а также — во главѣ со своимъ начальствомъ,

и другія гимназiи (три), которыя относятся къ намъ, какъ „вассалы“ къ „леннамъ“. И цвѣтъ нашихъ мундировъ такой, какого ни у кого нѣтъ: не коричневый, обыкновенный, а темно-зеленый. Курсисткамъ (потому что при нашей гимназiи есть и курсы) полагаются черные бархатные воротники съ красными кантиками, какъ у артиллеристовъ...

Помню: время говѣнія — шестая недѣля. Насъ тогда распустили... Службы утромъ и вечеромъ аккуратно посѣщались... Говѣли всѣ: ученицы, классныя дамы, учителя, начальство — и масса посторонней публики. Разучивались нотныя „trio“ — „Да исправится“, „Разбойника“, „Архангельскій гласъ“, Воскресни... А Бортнянскій? Что за прелесть! До чего трусишь, бывало! Вѣдь не ударить же лицомъ въ грязь!— „Не посраимъ своего отечества“, — какъ говаривали мы... Приносятся въ платочкѣ сырыя яйца, чтобы лучше звучалъ голосъ. И какъ прiятно потомъ услышать похвалу!

Вѣдь мы, пѣвчiя, даемъ настроенiе; отъ насъ зависитъ—будеть-ли публика молиться или просто „зѣвать по сторонамъ“ — *regardez-moi le mot*. Къ слову сказать, это также изъ нашего гимназическаго лексикона: У насъ не поощрялось „парфетство“ и „миндальничанье“: вѣдь мы же были храбрыя гражданки—на подобiе римлянокъ! только врядъ ли—думалось намъ— всѣ эти Агриппина старшая (мать грековъ)—*é tutti quanti* умѣли кокетничать словами...

А чтенiе шестопсалмiя! Да это цѣлое событiе—особенно вначалѣ въ младшихъ классахъ (начиная съ 4-го)...

Представляете вы себѣ нашу уютную, привѣтливо выглядываемую Церковь,—наполненную молящимися? Справа и слѣва—ряды гимназистокъ, по восьми въ рядъ; сбоку—классныя дамы; сзади—публика и учителя. Всенощная идетъ своимъ чередомъ... Но вотъ моментъ насталъ: дежурная—одна изъ пѣвчихъ, съ клироса—подходитъ и начинаетъ тушить наиболѣе яркiя свѣчи на главныхъ, большихъ подсвѣчникахъ, оставляя, лишь немногiя—тѣ, что помельче... Все погружается въ таинственный полумракъ. Это для того, чтобы лучше сосредоточиться,.. даже поклоны класть теперь не полагается; только въ началѣ и во время чтенiя аллилуйя... У меня отъ волненiя захватило дыханiе... только бы не ударить лицомъ въ грязь, — не оскандалиться — стыдно!

Выходишь на средину Церкви и начинаешь четко и внятно: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе. Господи, устнѣ мои отверзиши и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою... Господи, что ся умножиши врази мои...*

Какія красивыя, музыкальныя слова! Точно стихи въ прозѣ. Какъ въ самомъ дѣлѣ они должны были гармонично звучать въ устахъ самаго Псалмопѣвца, подъ звуки псалтирей, если такъ прекрасны они въ нашемъ славянскомъ *переводѣ*, при *нашемъ* чтеніи!...

Понемногу мое смущеніе проходитъ: голосъ крѣпнеть и звучитъ все увѣреннѣе; порой даже странно становится: слышишь себя со стороны и думаешь: неужели это я читаю? Такъ красиво, четко, внятно и осмысленно раздаются святыя слова подъ сводами храма...

Въ старшихъ классахъ, (въ 6-омъ и 7-омъ) мы уже уступали эту честь младшимъ. (Нельзя же и пѣть, и читать вмѣстѣ). Тогда уже свысока смотришь на ихъ волненіе. Стоишь, бывало, задумаешься... Взоръ не отрывается отъ одной какой нибудь свѣчки, которая — если прищуриться — даетъ отъ себя нѣсколько блестящихъ полосъ... Воображеніе разгорается... Память произвольно слѣдитъ за знакомыми фразами, а мысли побѣгутъ въ разныя стороны...

Азъ уснухъ, и спяхъ, возстахъ, яко Господь заступитъ мя!

Слышится фраза, выдѣляющаяся по количеству гласныхъ... Скоро она еще разъ повторится—въ концѣ... Такихъ фразъ, которыя почему-то звучнѣе, замѣтнѣе другихъ, много.. Это точно станціи; ихъ заранѣе ждешь и непременно повторишь—сознательно или безсознательно...

Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажиши мене! Начинается второй псаломъ...

Да! великъ былъ царь Давидъ! Вѣдь вотъ какъ онъ все это хорошо выразилъ, не только красиво, а и мѣтко, сильно, красиво! Нужно имѣть великую душу, что-бы такъ глубоко чувствовать... Онъ и грѣшилъ,—и даже крупныя грѣхи случались, хотя бы напр., убійство Уриі... Но за то, какъ онъ умѣлъ и каяться! ибо что можетъ быть лучше въ этомъ отношеніи 50-го псалма?... Господь, вѣрно, заранѣе предвидѣлъ что онъ покается, иначе бы его такъ не возвысилъ.

Отчего же теперь такихъ талантовъ нѣтъ? Говорятъ: люди измелъчали... Отчего это? жизнь сложнѣе,—прежде судьба человѣка могла сложиться интереснѣе... пастухъ—и царь! А вотъ Сикстъ V—тоже: пастухъ—и папа! Какъ много терпѣнія: все сторбленымъ ходилъ...

Я стараюсь припомнить имена знаменитыхъ историческихъ людей, какъ вдругъ спохватываюсь...

— *Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ!* Вотъ и я сейчасъ согрѣшила—на исторію «съѣхала»... А правда, отчего это: чѣмъ старше становишься, тѣмъ грѣховъ все прибавляется?... А какъ стыдно у своего батюшки исповѣдываться! Такъ и кажется потомъ, когда ему урокъ отвѣчаешь, что онъ какъ-то подозрительно глядитъ... и даже покраснѣешь. А вдругъ онъ мои грѣхи вспоминаетъ!...

Господи, предъ Тобою все желаніе мое, и воздыханіе мое отъ Тебѣ не утаися! Остави мя силы моя—и свѣтъ очію мою—и той нѣсть со мною! И опять красиво! опять люблю! Въ дѣтствѣ мы писали свои грѣхи на бумажкахъ, чтобы не забыть;.. положишь куда нибудь въ книжку или тетрадку, она и выпадетъ; ищешь—ищешь, а сознаться такъ стыдно!

— Мездамочки, гдѣ моя записочка? Не нашель-ли кто?

— А ты сознайся, какіе у тебя грѣхи? Иначе, какъ узнаешь записку?

Ну и промолчишь. Сядешь и вновь напишешь...

Какъ смѣшно все это! Неужели я была такой глупенькой!

Боже, Боже мой! къ Тебѣ утреннюю, возжада Тебе душа моя; въ землю пусть, и непроходны и безводны...— Это уже третій псаломъ; онъ коротенькій. Послѣ него слава, аллилуія и вторая половина шестопсалмія...

Лучше всего я люблю 5 и 6-ой псалмы; они красивы и понятны и страшно легко запомнились. Вотъ четвертый—тотъ я не долюбиваю; онъ длинный, какой-то тягучій,—потомъ тамъ одно мѣсто напоминаетъ второй псаломъ, и я, когда читаю наизусть, вѣчно сбиваюсь; потомъ тамъ оригинальный славянскій оборотъ. *Яко язвеннии спящии во гробѣ иже не помянулъ еси къ тому, и ти отъ руки Твоея отриновены быша...*

Что-то ужъ очень мудрено, да я и вообще то скорѣе по слуху заучивала всѣ эти слова, чѣмъ по смыслу и потому ско-

рѣе запоминала тѣ, которые красивы, звучны,—и сами ложатся въ ухо,—безо всякаго усилія памяти. Учитель педагогики говоритъ, что у меня именно такая память,—слуховая и зрительная...

Вотъ почему меня хотя и поддразнивають добродушно, что я въ «монашки» готовлюсь, а все-же моей памяти всѣ завидуютъ. Никому не дается такъ легко ученіе наизусть, какъ мнѣ. Тексты изъ катихизиса—мой конекъ! Иногда батюшка велитъ нѣкоторые изъ нихъ вычеркивать, а я ихъ все таки учу... для удовольствія. Да и великъ-ли трудъ? Разъ—два прочтешь, громко,—какъ это звучитъ? А слухъ поймаетъ и готово! Среди ночи спросите—и то знаю!

За это у меня по Закону Божию римская пятерка...

А стихи—и говорить нечего: *разъ* прочтешь—есть...

—*Господи Боже спасенія моего, во дни воззвахъ и въ нощи предъ Тобою, да увидеть предъ Тя молитва моя...*

Вотъ онъ, вотъ 4-тый псаломъ... А все таки надо сознаться, что и онъ красиво начинается;.. можетъ быть я и его-бы любила, еслибъ тамъ не было этого «быша» на концѣ, точно въ нѣмецкомъ языкѣ...

Гмъ! О чемъ это мнѣ такъ хорошо думалось? Вѣчно нить потеряю! Да! о томъ, что я *люблю*, мнѣ *по душѣ* все «божественное»,—и духовное пѣніе, и богослуженіе, и всѣ такіе трудные вопросы...

Мнѣ кажется, будь я женщиной, я бы слѣлалась проповѣдникомъ—миссіонеромъ, и пошла-бы въ Индію, въ Америку,—куда нибудь далеко—къ дикарямъ, со словомъ Божиимъ... Я бы горячо, убѣжденно говорила, и всѣ-бы увѣровали... То-то бы хорошо!

А женщинѣ этого нельзя! Одно остается—идти въ монастырь... Я люблю Бога, но хочу его славить душой весело, радостно, какъ птичка!... Вѣчно каятсья, вѣчно читать молитвы, ходить въ черномъ... Боюсь, что это мнѣ показалось-бы скучнымъ! Нѣтъ, я люблю и міръ,—и все прекрасное,—(учитель сказалъ, что у меня есть эстетическій вкусъ)!—Развѣ ужъ такой грѣхъ жить «въ міру»?

И мнѣ вспоминается, что намъ недавно рассказывалъ батюшка про одного святого.

Этотъ святой ушелъ въ пустыню,—ну, и молился, постился, все исполнялъ по заповѣдямъ... Вотъ однажды, засыпая, онъ подумалъ

«Ну, теперь ужъ я праведенъ предъ Богомъ!» Вдругъ ему снится: ступай въ такой-то городъ и найди тамъ человѣка (не помню, какъ его зовутъ). *Тотъ праведникъ тебя.*

Удивился пустынный—однако отправился. Разыскивалъ—разыскивалъ,—находить. Кто-же это? Сапожникъ! У него большая семья,—но онъ работаетъ, кормитъ всѣхъ, и бѣднымъ подаетъ, и никогда не ропщетъ, живетъ въ страхѣ Божиѣмъ...

Оба они другъ другу удивились, когда! пустынный ему свой сонъ рассказалъ... Святой—то думалъ, что онъ найдетъ нѣчто необыкновенное по святости, чему онъ можетъ научиться, а тутъ понялъ, что согрѣшилъ, и Богъ нарочно ему указалъ примѣръ, чтобы онъ не возвеличивался...

Вотъ, значить, и «въ міру» можно жить и спастись...!

Такъ и я хочу...

Однако, что это?

Человѣкъ, яко трава, дніе его—яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ. Яко духъ преїде въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего... Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся Его... Это уже пятый псаломъ...

Вотъ мое любимое мѣсто; его я *понимаю!* И не правда ли, какъ красивы эти слова! И сколько въ нихъ мудрости!

Я бы выбрала ихъ для надгробной рѣчи знакомаго важнаго нѣмца... Пасторъ, съ мягкими, вкрадчивыми манерами,—заговорилъ, стараясь декламировать, на текстъ изъ Евангелія: *Ich werde nicht lange Euch weisen* (недолго оставлю васъ сиротами)... И напрасно я стараюсь уразумѣть, чѣмъ именно онъ мотивировалъ свой выборъ...

То ли дѣло указать на тщету всего земного! Царь творенія—человѣкъ, какъ полевой цвѣтокъ: дунетъ вѣтеръ—и нѣтъ его,—и даже мѣста своего «не познаетъ»!—Только и есть прочнаго, что «Милость Господня»... Отличное бы сочиненіе на эту тему можно написать...

— *Господи, услыши молитву мою, внуши моленіе мое во истинѣ Твоей...* Начинается послѣдній псаломъ, самый понятный,—*милый*, какъ я его называю, потому, что онъ весь, какъ стихи въ прозѣ. Частенько, засыпая, я повторяю: «*Слышану сотвори мнѣ заутро милость Твою, яко на Тя уповахъ!*»

И вѣрю, что утромъ случится чтонибудь хорошее...

Но въ общемъ, прескверно сегодня слушала шестопсалміе, была невнимательна, развлекалась, надо будетъ прочесть его на ночь!...

Славное, невозвратное время!

Глава VI.

Я была въ шестомъ классѣ и готовилась держать экзамены (устные и письменные) въ 7-ой, когда умерла мачиха.

Особеннаго впечатлѣнія,—въ смыслѣ сожалѣнія, это событіе на меня не произвело, какъ вы и можете предполагать.

Вдобавокъ, дѣло было лѣтомъ. Я гостила у знакомыхъ, и все случилось въ мое отсутствіе. Какъ внезапно она вошла въ нашу жизнь, также и ушла изъ нея.

Подруги,—въ отвѣтъ на мою новость,—сдѣлали изумленные лица, а потомъ единогласно и единодушно «поздравили меня съ избавленіемъ» отъ татарскаго «ига», или, по другому выраженію, отъ ига «бабы яги»... Ну, теперь ты можешь отпраздновать свою самостоятельность, сказали онѣ въ заключеніе.

Вотъ завѣтное слово, которое я часто произносила съ трепетомъ сердца...

— Неужели же теперь... Наконецъ—то!

Понятіе о немъ было у меня довольно своеобразное.

Надо вамъ сказать, что мачиха, желая развить во мнѣ порядливость, возложила на меня исполненіе нѣкоторыхъ домашнихъ обязанностей.

(Вы можете себѣ вообразить, что въ силу присущаго ей такта, результаты получались «прямо--противоположны» желаемымъ).

Такова, напримѣръ, пріятная обязанность чинить чулки со всего дома, т. е. ея, мои, дѣтскіе...

Въ субботу я возвращалась домой (изъ гимназій), повѣся носъ,—увѣренная, что меня уже ждетъ цѣлая груда бѣлья; все это надо разобрать и что нужно починить... Она не сердилась, если туда попадали и салфетки и платки, какъ будто-бы нечаянно, которые мнѣ надо было обрубивать...

И я должна была, скрѣпя сердце, исполнить всю эту согвѣе! (барщину)! Прощай, мечта объ отдыхѣ! А въ ранцѣ—какъ на зло—лежитъ интересная (такая потрепанная!) книжка изъ гимназической бібліотеки; такъ хочется и побаловать себя чтеніемъ.

Но объ этомъ нечего и думать! Пусть бы *она* застала меня не съ иголкой въ рукахъ,—готова цѣлая буря!

Напрасны слезы, просьбы, убѣжденія: она непреклонна! Никакихъ послабленій, никакихъ льгот!

Книжка конфисковалась... И долго потомъ, я должна была заслуживать помилованіе, и вымалывать запрятанную книжку...

Въ сущности говоря, это было скорѣе мѣрой преслѣдованія, наказанія, но отнюдь не пользы... и я озлоблялась тѣмъ болѣе что она являлась не только незаслуженной но и совершенно ненужной: бонна или прислуга гораздо лучше меня справилась бы съ такой задачей,—*cette besogne*.

Вотъ въ эти-то трагическія минуты моей жизни, когда я чувствовала себя раздавленной, уничтоженной чужимъ произволомъ,—я со слезами дала себѣ торжественное слово: никогда не штонать чулокъ и не обрубивать платковъ, *какъ только я стану самостоятельной!*

И первымъ актомъ моей *воли* была дарственная милость: прислуга получила всѣ сомнительной крѣпости чулки, съ малѣйшимъ намекомъ на дырку!

А я «отрясла прахъ отъ ногъ своихъ» и почувствовала себя вдругъ необыкновенно гордой, и—впервые послѣ многихъ лѣтъ (нравственнаго крѣпостничества)—*вполнѣ счастливой!*

Нѣтъ, шутки въ сторону! Знаете ли вы, что я *не могла* себя заставить, молясь за усопшую, называть ея имя?

Только наскоро, какъ бы не давая времени разростить поднимавшемуся со дна души протесту, (который я успокаивала возраженіемъ что *исключительно* въ силу долга — прощать умершимъ ихъ вины, нужно помолиться *и о ней*)—я произносила мысленно: И «ея» упокой, Господи!

А я не была зла отъ природы, увѣряю васъ!

А злопамятной и подавно!...

Вотъ что можно сдѣлать изъ дѣтскаго сердца слишкомъ крутыми мѣрами и безтактностью...

Говорятъ — въ счастіи человѣкъ становится эгоистичнымъ. Право, я не такова; напротивъ, когда мнѣ хорошо,—тогда каждый врагъ можетъ получить отъ меня амнистію.

И какъ видите, единственная уступка, которую нашла возможнымъ сдѣлать моя душа на этотъ разъ въ пользу долга, это было не *прощеніе*, а *забвеніе* всего зла,—такъ сказать—смарка,

уничтоженіе памяти ея и дурныхъ ея дѣйствій. Я поставила крестъ на прошломъ, «испорченномъ» ею!

И жизнь моя вошла въ новую колею, въ новый фазисъ о которомъ я и до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ.

Братишекъ моихъ перевели въ интернатъ,—къ опекунамъ, (въ провинцію), («на мѣстонахожденіе недвижимости»), а я осталась у знакомыхъ—четы старичковъ, напоминавшихъ Гоголевскихъ Пульхерію Ивановну и Афанасія Ивановича...

Мнѣ было у нихъ хорошо—точно у Христа («за пазушкой»)...

Какое наслажденіе не имѣть другихъ заботъ, какъ приготовленіе уроковъ, не чувствовать надъ собой гнета, смѣяться, радоваться жизни, которая манитъ къ себѣ и сулитъ впереди такъ много хорошаго!

Въ самомъ дѣлѣ,—чего мнѣ теперь бояться, чѣмъ можетъ грозить мнѣ судьба?

Кажется, случилось ужъ все самое дурное!

Я выпрямилась во весь свой ростъ 16 лѣтней особы, и почувствовала, что оживаю нравственно,— снова становлюсь самой собой...

Всѣ мои *черныя точки* исчезли, я могу глядѣть впередъ безъ тревоги, безъ опасенія...

Вотъ скоро я кончу гимназію—начну выѣзжать!

О, первый балъ! Какъ много музыки въ этихъ словахъ!...

Нѣтъ, до чего хороша жизнь, когда на горизонтѣ нѣтъ ни одного облачка!

Передо мной—одна «прелесть», «одинъ восторгъ»! Годъ пролетѣлъ незамѣтно...; «подошла» страдная пора экзаменовъ... Каждый день говоришь себѣ: неужели только 2 недѣли... а тамъ 10 дней... недѣли... три дня... и я—свободна!

Но вотъ въ послѣдній разъ зубришь «билеты», идешь къ ранней обѣднѣ—и ждешь, пока свалится съ плечъ послѣдній экзамень...

И вдругъ Божій міръ представлялся въ новыхъ—яркихъ, чудныхъ краскахъ...

Дипломъ въ карманѣ... Я—персона, и вступаю въ жизнь... О, какъ сладко!

Во вниманіе къ моему сиротству мнѣ дано мѣсто классной дамы въ одной изъ гимназій. Такъ я все таки буду при дѣлѣ. То—воля «свыше», заботливое распоряженіе начальства и я повинуюсь.

Черезъ два мѣсяца каникулъ я изъ шалуньи, перваго коновода шалостей должна преобразиться въ чиновника—надзирательницу! Это меня и радуеть и смущаетъ...

О, конечно я постараюсь не уронить традиціи нашей милой гимназіи,—поработаю надъ собой!

А выѣзжать я буду съ подругами, въ домѣ которыхъ принята, какъ своя.

Тамъ, какъ-нибудь, встрѣчу *его*,—того, съ кѣмъ пойду въ жизньъ рука объ руку.

Каковъ-то онъ будетъ, мой идеаль?!

Подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго «семейнаго счастья» Толстого, «первой любви» Тургенева,—я рѣшила, что моему герою надлежитъ быть человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, *нравственной* силой,—авторитетомъ *dans toute l'acception du mot*. Этакая властная, твердая рука «*въ бархатной перчаткѣ*», которая мягко остановитъ меня, дастъ мнѣ вѣрное направленіе, если я вздумаю уклониться...

Насколько мы научились у Вас. Ник. *познавать самихъ себя*, я инстинктивно чувствую, что моя порывистая, сумазбродная натура плохо бы гармонировала съ *собою подобной*; недаромъ въ педагогикѣ говорится, что лучшую гармонию даютъ крайности, контрасты, дополняющіе другъ друга...

И въ моемъ воображеніи встаетъ примѣръ: машина съ рубчатými колесами; тамъ—противъ выемки съ одной стороны—долженъ прійтись зубецъ съ другой. А пусть-ка столкнутся два зубца—тррахъ! и машина испортится... Это называется—коса на камень наша.

Нашъ оракулъ на прощанье бесѣдовалъ съ нами «проникновенно» и поучительно.

— Всѣ вы—молодые деревца съ массой побѣговъ,—сказалъ В. Н.—Кой-какіе надо срѣзать, другіе—побережь.

Каждая изъ насъ попросила удѣлить ей минутку. Желаніе услышать собственную характеристику и «приговоръ» было слишкомъ заманчиво.

— «У васъ открытая, жизнерадостная натура», услышала я про себя. Въ хорошихъ условіяхъ вы можете прекрасно развиться,—и прожить «завей горе веревочкой»,—но бѣда, если вы натолкнетесь не на то, что вамъ нужно...

Но я настроена такъ чудно, такъ жизнерадостно, что внимаю лишь первой половинѣ предсказанія, пропуская вторую мимо ушей...

Итакъ—все можетъ быть прекрасно? Чудно! Ну, а дурного можно будетъ избѣжать...

Л. Оль.

(Продолженіе будетъ).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Мнѣнія, отзывы и письма Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго по разнымъ вопросамъ, за 1821 — 1867 гг. Москва. 1905 г. Цѣна 2 руб. 40 коп.

Подъ такимъ заглавіемъ друзьями и почитателями покойнаго А. Н. Муравьева только что издана книга, напечатанная въ Московской Синодальной типографіи, по обычаю этой типографіи, въ корректурномъ отношеніи безусловно исправно и въ техническомъ исполненіи замѣчательно отчетливо, чисто и даже изящно. О происхожденіи и составѣ книги такъ написано въ предисловіи къ ней: «Обширнѣйшая и разнохарактернѣйшая дѣятельность Митрополита Московскаго Филарета побуждала его на такую громадную и большею частью собственноручную переписку, что, не смотря на тщательнѣйшее собраніе его автографовъ для изданныхъ подъ редакціею Архіепископа Тверскаго Саввы десяти томовъ «Собранія мнѣній и отзывовъ», осталось еще немало записокъ, мнѣній и писемъ, доселѣ не напечатанныхъ. При приѣмѣ въ Архивъ Св. Синода дѣлъ Канцеляріи Оберъ-прокурора Св. Синода за 1839—1869 г.г., а также при разборѣ хранящихся въ томъ же Архивѣ дѣлъ другихъ учреждений, помощникомъ Архивариуса Архива Св. Синода, Л. Бродскимъ вновь найдены напечатанныя въ издаваемомъ нынѣ томѣ около двухъ сотъ мнѣній, записокъ, отзывовъ и писемъ пера приснопамятнаго владыки, самаго разнообразнаго содержанія. Кромѣ того въ настоящее собраніе вошло еще 15 писемъ святителя къ епископу Антонію (Амфитеатрову), бывшему Смоленскому, а потомъ Казанскому, кои присланы его высокопревосходительству г. Оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву бывшимъ Пензенскимъ епископомъ Павломъ (Вилечинскимъ)». Если прибавимъ къ этому, что въ книгѣ 387 страницъ большого формата и цѣна ея 2 р. 40 коп., то о внѣшней и технической сторонѣ изданія ска-

зано будетъ все; но не въ ней, разумѣтся, дѣло, а въ содержаніи книги и ея значеніи.

Собственно говоря о значеніи въ смыслѣ достоинства написаннаго Митрополитомъ Филаретомъ, чего бы ни касалось оно своимъ содержаніемъ, не можетъ быть и рѣчи; значение это — не подлежащій сомнѣнію и оспариванію фактъ и для тѣхъ, которые въ погонѣ за «освободительнымъ» движеніемъ послѣдняго времени, не прочь иногда даже открыто заявлять, что «времена филаретовщины» уже прошли. Не имѣя поэтому надобности раскрывать и обосновывать значеніе изданныхъ «мнѣній и отзывовъ» Митрополита Филарета съ принципиальной, такъ сказать, точки зрѣнія, мы считаемъ полезнымъ познакомить читателей съ фактической стороной хотя бы нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній и отзывовъ.

Есть конечно въ книгѣ такія части, которыя, будучи существенно важными въ смыслѣ характеристики или личности самаго автора или современныхъ ему событій и явленій церковно-общественной и государственной жизни, прямого значенія и практическаго приложенія къ нашему времени не имѣютъ; таковы напр., празднично-привѣтственные письма Святителя къ Оберъ-прокурору Св. Синода, отзывы и мнѣнія его о нѣкоторыхъ частныхъ и единичныхъ, не имѣющихъ общаго значенія, событіяхъ и явленіяхъ того времени, напр., по текущимъ дѣламъ Лавры или Академіи. Но такихъ писемъ, мнѣній и отзывовъ въ книгѣ очень не много; о другихъ не удобно говорить потому, что они служатъ лишь несущественными дополненіями къ тѣмъ мнѣніямъ и отзывамъ, которые напечатаны въ прежде изданныхъ десяти томахъ, или совершенно однородны съ помѣщенными въ нихъ; напр., по дѣлу о грекоболгарской распрѣ, по вопросу о расколѣ и отношеніи къ нему и т. п. Кромѣ всего подобнаго въ книгѣ остается очень много мнѣній и отзывовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и церковно-каноническимъ и церковно-общественнымъ и государственнымъ и учебно-воспитательнымъ, которые, относясь непосредственно къ времени полулѣтковаго служенія Святителя Филарета, могутъ имѣть глубоко-поучительное значеніе и даже практическое приложеніе и къ нашему времени. На нѣкоторыхъ изъ такихъ мнѣній и отзывовъ мы и считаемъ долгомъ остановить вниманіе читателей, слѣдуя хронологическому порядку ихъ въ книгѣ...

Такъ подъ № 25-мъ помѣщено мнѣніе Митрополита Филарета о мѣрахъ къ предупрежденію беспорядковъ въ губерніяхъ по случаю распространенія нелѣпыхъ толковъ помѣщичьихъ крестьянъ о свободѣ ихъ, уничтоженіи дворянъ и фабрикъ и частыхъ пожаровъ. Это было въ 1839-мъ году. По всеподданнѣйшему докладу о семь, Государь пове-

лѣль, между прочимъ, сдѣлать распоряженіе Св. Синода, чтобы священники тѣхъ губерній, гдѣ происходили означенные безпорядки, старались склонять прихожанъ своихъ къ должному повиновенію начальству внушеніями о томъ во время обыкновенныхъ проповѣдей. Когда это распоряженіе дошло до Митрополита Филарета, онъ писалъ: «Трудно устроить приличное врачеваніе, когда болѣзнь и ея источникъ не довольно извѣстны. Если дѣло сіе предложится Св. Синоду, то, вѣроятно, онъ приметъ въ разсужденіе, 1) что для уврачеванія умовъ народа отъ погрѣшительныхъ и вредныхъ мнѣній, производящихъ безпорядки, сверхъ общихъ наставленій объ обязанностяхъ, нужны особенныя, направленныя съ точностію противъ господствующихъ заблужденій, что можетъ быть сдѣлано только по ближайшему дознанію рода и источника сихъ заблужденій; 2) что нѣкоторыхъ погрѣшительныхъ мнѣній народа, по самой странности и нелѣпости оныхъ, неудобно касаться въ поученіяхъ церковныхъ, а вразумлять противъ оныхъ нужно въ частныхъ сношеніяхъ, при благопріятныхъ случаяхъ. По принятіи сего въ соображеніе, можно было бы: 1) написать тремъ преосвященнымъ (тѣхъ епархій, гдѣ происходили означенные безпорядки), секретно внушить подчиненному духовенству, чтобы въ поученіяхъ къ народу, по требованію настоящихъ обстоятельствъ, чаще напоминаемо было, сколь священень долгъ повиноваться властямъ и преимущественно власти Высочайшей, сколь нужно съ довѣренностію соединенное послушаніе къ правительству, которое конечно лучше частныхъ людей знаетъ пользу общественную и не можетъ не желать благосостоянія подданныхъ, сколь опасно легковѣрное послѣдованіе безразсуднымъ или не благонамѣреннымъ внушеніямъ, отъ чего происходятъ своеволие и безпорядки, которыми общественное благоденствіе разрушается и случающіяся неизбѣжныя бѣдствія увеличиваются. 2) Для ближайшаго дѣйствія на уврачеваніе умовъ народа отъ ложныхъ и вредныхъ мнѣній, поручить каждому изъ трехъ преосвященныхъ, по ближайшему мѣстному наблюденію и дознанію, составить самому или чрезъ способнѣйшаго изъ подвѣдомыхъ, проектъ поученія, въ которомъ бы, послѣ скромнаго упоминанія о бывшихъ бѣдственныхъ случаяхъ, преподаны были соотвѣтственныя предохранительныя наставленія, основанныя на общихъ началахъ благочестія и благонравія. 3) Такіе проекты въ непродолжительномъ времени представить Св. Синоду, дабы, если поученія окажутся соотвѣтственными потребности, могли оныя быть прочитаны въ Церквахъ неоднократно. 4) Что касается до могущихъ распространяться въ народѣ толковъ, очевидно странныхъ и нелѣпыхъ, на которые неудобно близко указывать въ Церковныхъ

поученіяхъ, относительно ихъ преосвященнымъ стараться преподать подчиненному духовенству, а чрезъ него народу, здравыя и основательныя внушенія, посредствомъ частныхъ сношеній, при благопріятныхъ случаяхъ тщательно изыскиваемыхъ. 5) Для предупрежденія гласности, могущей породить новыя толки, предписать по сему преосвященнымъ, секретными указами съ тѣмъ, чтобы они дѣйствовали въ смыслѣ сихъ указовъ, не сдавая ихъ въ консисторію, и охраняя оныя отъ всякой гласности, Св. же Синоду представляя все, что по настоящему предмету къ соображенію его нужнымъ окажется». (Стр. 60—63).—Сходство описаннаго положенія дѣла съ настоящимъ очевидно; поэтому кажется весьма и весьма не бесполезно было бы и въ настоящее время прислушаться къ приведенному руководственному мнѣнію Митрополита Филарета, кому это вѣдать надлежитъ.

Пятнадцатью страницами ниже вышеприведеннаго мнѣнія Митрополита Филарета въ рассматриваемой книгѣ мы опять встрѣчаемся съ мнѣніемъ, которое точно также не лишено своего значенія въ настоящее время. Здѣсь подъ № 32 идетъ вопросъ о примѣненіи Всемилостивѣйшаго Манифеста къ дѣламъ о совращеніяхъ изъ православія въ латинство; такихъ въ собственномъ смыслѣ совращеній вслѣдствіе злоупотребленія Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля, въ послѣднее время, какъ извѣстно, обнаруживается масса и очень многіе думаютъ, что они и безъ Всемилостивѣйшаго Манифеста не должны быть караемы. Не такъ думалъ приснопамятный святитель. Вотъ что писалъ онъ между прочимъ по этому вопросу тогда. «Могутъ ли по Всемилостивѣйшему Манифесту получать прощеніе совратители и совратившіеся? Къ разрѣшенію сего гедуть слѣдующія разсужденія: 1) Если святотатство—похищеніе у Церкви бездушнѣйшей вещи не прощается Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ, то кольми паче совращеніе—похищеніе у Православной Церкви Православной души. 2) Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ прощаются преступленія, совершившіяся прежде онаго; но совращеніе, если не прекратилось возвращеніемъ къ православію, есть преступленіе продолжающееся и послѣ Всемилостивѣйшаго Манифеста. Посему справедливое и облегчительное приложеніе Всемилостивѣйшаго Манифеста къ преступленіямъ сего рода можетъ быть слѣдующее: 1) совратители и совращенные не могутъ пользоваться прощеніемъ по Всемилостивѣйшему Манифесту, если совращеніе не прекратилось, т. е. если совращенные не возвратились къ православію. 2) Если совращенные возвратились или возвращаются къ православію; то какъ они симъ самымъ освобождаются отъ дальнѣйшей отвѣтственности, такъ и совратители могутъ быть освобождены

отъ оной по Всемиловѣйшему Манифесту, не освобождаясь впрочемъ, отъ Церковной епитиміи, если по своимъ дѣйствіямъ подлежатъ ей. (стр. 78—79)..

Н. В. Сушковъ, извѣстный Митрополиту Филарету, какъ «человѣкъ православно-христіански мыслящій, провождающій жизнь согласно съ правилами Церкви и искренно преданный Царю и отечеству», написалъ въ драматической формѣ поэму: «Начало Москвы; сочиненіе написано было «въ духѣ благонамѣренности и патріотизма», но «религіозный духъ пьесы, могущій показаться не умѣстнымъ на театрѣ», остановилъ на себѣ вниманіе цензуры, которая обратилась за разъясненіемъ сего къ г. Оберъ-прокурору Св. Синода, а этотъ послѣдній—къ Митрополиту Филарету. Уклоняясь въ своемъ отвѣтѣ гр. Протасову отъ принципиальнаго рѣшенія вопроса о терпимости со стороны христіанской религіи и нравственности театральныхъ представленій вообще (о чемъ онъ считаетъ себя обязаннымъ судить согласно съ 51 правиломъ 6-го вселенскаго собора и съ ученіемъ Св. Златоуста—отрицательно), Митрополитъ Филаретъ, не смотря на то, что пьеса Сушкова, по его собственному мнѣнію, написана въ духѣ благонамѣренности и патріотизма, не одобрилъ ее для представленія въ театрѣ, потому что въ ней середину декораціи занимаетъ крестъ и икона, пустынникъ Букалъ произноситъ переложенную въ стихи Церковную пѣснь: «Царю небесный», заключаетъ монологъ своей молитвою и словомъ: аминь и вслѣдъ затѣмъ говорить: ау! ау! чуръ меня! чуръ меня! и т. п.; ибо все это оскорбительно для благочестиваго чувства православныхъ (стр. 172—174).—А теперь, даже духовные писатели рѣшаются защищать нравственно воспитательное значеніе и не такихъ театраль-ныхъ представленій и это не смущаетъ даже духовную цензуру.

Совершенно однородно съ этимъ мнѣніемъ Митрополита Филарета мнѣніе его о назначеніи на Парижскую всемірную выставку въ церковно-археологическій отдѣлъ ея такихъ предметовъ, которые находятся въ церквахъ и монастырскихъ ризницахъ. «Благоговѣніе къ святынямъ, писалъ онъ по этому поводу къ гр. Толстому, въ православной церкви и въ православномъ народѣ выше и строже, нежели въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ. Крестъ, Евангеліе, Евхаристическіе сосуды, освященные и употребленные въ церковномъ богослуженіи, признаются священными въ такой степени, что прикасаться къ нимъ имѣютъ право только священнослужители. Иконы, церковныя облаченія и принадлежности алтаря, какъ предметы освященные, охраняются отъ неприличнаго для нихъ мѣста и отъ смѣшенія съ мірскими предметами. Особенно чтутся облаченія, одежды и другіе предметы, бывшіе въ употребленіи святыхъ и

преподобныхъ Отцовъ и покровы мощей ихъ, которые, если выносятся изъ церквей и ризницъ, то для возложенія на больныхъ въ надеждѣ исцѣленія отъ святыни; чувство благоговѣнія ко святынѣ такъ строго, что нѣкоторые, увидѣвъ иконы и кресты новые не освященные, выставленные въ лавкахъ, приходятъ къ архіерею и просятъ прекратить сію выставку, «какъ несообразную съ достоинствомъ церковныхъ предметовъ. Но что такое выставка, частная или всемірная? Начальный и существенный характеръ ея есть коммерческій. Это большой рынокъ, на которомъ произведенія ремесль и художествъ выставлены на показъ, чтобы пріобрѣсть онымъ одобреніе для увеличенія сбыта ихъ, или чтобы и продать. Уже въ программѣ для выставки непристойнымъ представляется смѣшеніе предметовъ слишкомъ разнородныхъ: кресты, евангелія, облаченія, панагіи, палаши, шпаги, кинжалы, чарки, расольники, ножи и вилки. Не больше ли это тяжело будетъ для православнаго взора на самой выставкѣ? Представимъ, что православные придутъ въ праздникъ въ Успенскій соборъ и не будетъ вынесено Евангеліе царей Иоанна и Петра; придутъ въ синодальную ризницу и не найдутъ облаченій Святителей Петра и Фотія; придутъ въ ризницу Сергіевой Лавры и не найдутъ древнихъ покрововъ святыхъ мощей преподобнаго Сергія, и что въ объясненіе сего отсутствія имъ скажутъ: сіи предметы теперь въ Парижѣ, на выставкѣ. Православное благочестивое чувство оскорбится симъ, какъ бы перенесеніемъ сосудовъ іерусалимскаго храма въ Вавилонъ. По таковымъ соображеніямъ полагаю, что не должно назначать на Парижскую всемірную выставку церковныхъ предметовъ» (стр. 298—299).—Нѣтъ нужды поинатъ о томъ, какъ нерѣдко нарушалось это строго-православное руководственное мнѣніе Митрополита Филарета послѣ него и даже въ недавнее время; но напомнить объ этомъ мнѣніи въ видахъ будущаго можетъ быть весьма не бесполезно...

Въ сороковыхъ годахъ Совѣтомъ государственныхъ имуществъ предположено было завести первоначальныя училища въ сельскихъ обществахъ государственныхъ крестьянъ; составленъ былъ проектъ устава этихъ училищъ, который и препровожденъ былъ Митрополиту Филарету для соотвѣтствующихъ замѣчаній. Замѣчанія эти, приведенныя въ настоящей книгѣ, заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что въ нихъ Митрополитъ Филаретъ особенно сильно возставалъ противъ того, что учителемъ сельскаго училища и внутреннимъ начальникомъ онаго могъ бытъ человѣкъ свѣтскій, свободнаго состоянія и чиновникъ,—возставалъ въ видахъ религіозно-нравственнаго воспитанія въ духъ православной церкви, которое должно быть главной задачей школы и на которое не всегда можно рассчитывать при

проектированной постановкѣ дѣла. По его мысли, завѣдующимъ внутреннимъ управленіемъ училища и главнымъ преподавателемъ непремѣнно долженъ быть священникъ, а другимъ учителемъ — діаконъ или причетникъ, такъ что «если въ какомъ либо селеніи училище открытъ признается нужнымъ, а въ священникѣ недовольно усматривается качество, потребныхъ для вѣрнаго руководствованія училища, въ такомъ случаѣ надлежитъ войти въ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ о перемѣщеніи сего священника туда, гдѣ нѣтъ подобной нужды въ училищѣ и о замѣнѣ его способнымъ и благонадежнымъ и уже по исполненіи сего приступить къ открытію училища. Не принадлежащіе къ духовному званію, люди свободныхъ состояній, могутъ быть опредѣляемы въ учителя сельскихъ училищъ лишь въ случаѣ особенной нужды и по точному дознанію честнаго ихъ поведенія и православія». Замѣчанія эти писаны были Митрополитомъ Филаретомъ въ сентябрѣ 1840 г. (стр. 319—324) и тогда же такія именно училища, совершенно напоминающія своимъ строемъ современные церковно-приходскія школы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были завѣдены не духовнымъ, а свѣтскимъ правительствомъ, именно управленіемъ государственныхъ имуществъ. Какъ не похоже на эти училища то, что нынѣ заводится и отстаивается нашими земствами!..

Въ заключеніе два небольшихъ извлеченія изъ помѣщенныхъ въ концѣ книги писемъ Митрополита Филарета къ епископу Антонію (Амфитеатрову) смоленскому, а послѣ казанскому, и именно по вопросу объ общеніи епископовъ, о чемъ такъ много говорятъ нынѣ. Такъ въ письмѣ отъ 10 января 1866 г. онъ писалъ между прочимъ: «полезно было бы намъ, призваннымъ блюсти церкви, нерѣдко бесѣдовать другъ съ другомъ, чтобы имѣть средства противъ злобы дней и быть въ мирѣ и совѣсти» (стр. 338). Въ письмѣ отъ 7 октября того же года мысль эта высказана еще опредѣленнѣе; именно поблагодаривъ преосвященнаго Антонія за посѣщеніе его, Митрополитъ Филаретъ продолжалъ: «можно пожелать, чтобы личныя сношенія архіереевъ были чаще и даже чтобы образовались должнымъ образомъ, чтобы нынѣшняя церковь болѣе подражала древней, чтобы личныя частныя мнѣнія удобно переходили въ единство мнѣнія общественнаго, чтобы голоса епископовъ составляли стройный церковный хоръ вмѣсто того, что каждый поетъ свою пѣснь своимъ напѣвомъ и слышится дисгармонія» (стр. 340).—Въ виду толковъ о предстоящемъ соборѣ, эти мысли Митрополита Филарета напомнить также не бесполезно...

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. *Вопросы Вѣры и Церкви.*
Томъ первый. Москва. 1905 г.

Въ журналѣ «Вѣра и Церковь» уже дважды была рѣчь о Н. П. Гиляровѣ-Платоновѣ и его произведеніяхъ. Въ 1899 году о. Дм. И. Ромашковымъ, по поводу двѣнадцатой годовщины со дня кончины Никиты Петровича, памяти его была посвящена небольшая статейка, имѣвшая задачей представить характеристику личности покойнаго, какъ замѣчательнаго богослова, ученаго и главнымъ образомъ публициста—философа: въ слѣдующемъ 1900 г. о. А. А. Полозовымъ написанъ былъ подробный и обстоятельный библиографическій отчетъ о только что вышедшихъ тогда первыхъ двухъ томахъ «Сборника сочиненій Н. П. Гилярова-Платонова». Въ этихъ книгахъ собраны были статьи его, печатавшіяся въ славянофильскихъ изданіяхъ (Русской Бесѣдѣ, Днѣ, Руси) и посвященные главнымъ образомъ церковно-богословскимъ вопросамъ. Но такъ какъ Н. П. послѣ двадцати лѣтъ *служебной* церковно-общественной дѣятельности (съ 1848 до 1867 г.), къ какому времени и относятся помѣщенные въ названномъ сборникѣ статьи его, также двадцать почти лѣтъ (съ 1868 г. до самой кончины своей. въ окт. 1887 г.) никакого служебнаго положенія не занималъ, состоя лишь редакторомъ—издателемъ основанной имъ и съ его смертію прекратившейся газеты «Современныя Извѣстія», гдѣ поэту и помѣщалъ исключительно и постоянно писанныя имъ въ это время свои произведенія; то вполне понятнымъ становится, что изданными въ 1899 и 1900 гг. томами его сочиненій рядъ этихъ сочиненій далеко не исчерпывался. И вполне конечно правъ былъ поэтому о. Ромашковъ, писавшій свою памятку о Н. П. послѣ изданія перваго тома названнаго сборника, когда говорилъ, что «съ изданіемъ его многое еще изъ того, что было написано Н. П. остается во мракѣ забвенія, какъ не вошедшее въ составъ его (сборника). Нѣкоторыя же сочиненія его, какъ напр. изслѣдованія о русскомъ глаголѣ, до сихъ поръ остаются въ рукописи. Мы не говоримъ уже про публицистическую дѣятельность почившаго, обнимавшую собою періодъ въ цѣлыхъ двадцать лѣтъ и не мало подарившую намъ прекрасныхъ и строго выдержанныхъ по направленію статей. Изъ этого рода дѣятельности Гилярова-Платонова, какъ редактора ежедневной газеты, много можно было бы извлечь полезнаго и назидательнаго для нашего собственнаго времени. И если бы нужно было составить особый сборникъ, то онъ во всякомъ случаѣ вышелъ бы не менѣе обширнымъ только что изданнаго къ дню

двѣнадцатилѣтней годовщины его. Надѣмся, что онъ со временемъ появится въ свѣтъ, подобно сборнику сочиненій такого же характера другого нашего знаменитаго писателя и публициста, М. Н. Каткова».

Начало осуществленія этой-то надежды и представляет собою названная въ заглавіи нашей замѣтки книга, собранная изъ статей Н. П. Гилярова въ его «Современныхъ Извѣстіяхъ» тѣмъ же княземъ И. В. Шаховскимъ, которому принадлежатъ и вышедшія назадъ тому пять лѣтъ два тома «сборника сочиненій Н. П. съ составленной княземъ біографіей его. Названіе только что вышедшей книги «Вопросы Вѣры и Церкви», указываетъ на то, что въ ней собраны не всѣ статьи Н. П., напечатанныя въ Современныхъ извѣстіяхъ за 1868—1873 годы, обнимаемые настоящей книгой, а лишь статьи по религіознымъ и церковнымъ вопросамъ. Первымъ основаніемъ такого выдѣленія статей Н. П. по указаннымъ вопросамъ въ посмертномъ изданіи его публицистическихъ произведеній—нѣкотораго рода систематизаціи ихъ, послужило для князя, надо налагать, то, что покойный, по словамъ самого князя въ приложенной къ первому тому сборника сочиненій Гилярова біографіи его, въ послѣдніе годы жизни мечталъ о томъ, чтобы собрать свои статьи и издать въ видѣ стройной системы. «Я бьюсь, я умоляю, писалъ почившій Романову отъ 20 н. 1886 г.—чтобы нашелся кто-нибудь, кто бы помогъ мнѣ въ систематизаціи моихъ печатныхъ статей по отдѣламъ богословскому, экономическому, политическому etc. Онѣ заключаютъ только выводы, отрывки и я нашелъ бы, можетъ быть, досугъ, въ видѣ предисловія и примѣчаній, возвести ихъ къ общимъ началамъ высшей философіи, которыхъ не болѣе, какъ частнымъ примѣненіемъ служатъ мои обрывки по тому или другому частному вопросу. Но гдѣ эти люди? Кто окажетъ мнѣ эту помощь? Откуда я возьму на это время?»—Другимъ не менѣе существеннымъ основаніемъ такой систематизаціи и еще точнѣе такого предпочтенія вопросовъ Вѣры и Церкви предъ всѣми другими, была не одна лишь нарочитая важность этихъ вопросовъ вообще, а и значеніе ихъ во всѣхъ вообще трудахъ Н. П. («Въ созвѣздіи трехъ великихъ публицистовъ—москвичей (разумѣются еще М. Н. Катковъ и И. С. Аксаковъ), говоритъ тотъ же кн. Шаховской¹⁾, Гиляровъ занималъ особое мѣсто, свѣтилъ особымъ, своимъ свѣтомъ... Онъ былъ публицистъ-философъ. Онъ болѣе всего дорожилъ своимъ міросозерцаніемъ выработаннымъ съ великимъ напряженіемъ и, можно сказать, самоотверженіемъ. Примѣненіе своего міровоззрѣнія ко всѣмъ выдвигаемымъ жизнію вопросамъ было цѣлью его публицистической дѣятельности. Отъ принципа онъ не отступалъ и за симъ мало заботился о томъ, какое впечатлѣніе произ-

водятъ его писанія въ высшихъ сферахъ. Поэтому онъ такъ мало приглаживалъ тонъ своихъ статей, что порой весьма не благоприятно отзывалось на его газетѣ. Онъ былъ единственный публицистъ осторожно, умно и съ знаніемъ дѣла касавшійся въ газетѣ вопросовъ Вѣры и Церкви и тѣмъ сближавшій общество съ областію, считающеюся какъ бы монополіей однихъ духовныхъ журналовъ (которые обращаются только въ кругу духовенства). Другими словами, церковно-религіозные идеалы въ ихъ философскомъ освѣщеніи были, можно сказать, душой всей публицистической дѣятельности Гилярова; они ясно сказывались не только въ статьяхъ, непосредственно относящихся къ области Вѣры и Церкви, а и въ другихъ, даже по вопросамъ политико-экономическимъ. «Истинный публицистъ, говоря словами самого Н. П., долженъ прежде всего уважать исторію и преданія своего народа и коренныя основы общественной жизни, которою онъ живетъ». Вотъ простая формула возрѣній его на публицистику. Смотрѣть на все въ жизни съ христіанской точки зрѣнія—вотъ еще болѣе опредѣленная характеристика этой стороны дѣятельности Гилярова. Не личныя выгоды, не матеріальная korzyсть связуютъ единицы въ органическое цѣлое, а духовное единство, воспитываемое исторіею, хранимое преданіями, вѣрой, обычаями, языкомъ—тысячелѣтними основаніями политическаго, экономическаго устройства—таковы основоположенія его публицистики, которыя вполне оправдываютъ собою, что въ начатомъ кн. Шаховскимъ собраніи передовыхъ статей Гилярова онѣ печатаются въ хронологическомъ порядкѣ ихъ происхожденія, вмѣстѣ и систематически, такъ сказать, по предмету вѣры и при этомъ прежде всего статьи богословскаго зодержанія, по терминологіи самаго Гилярова, или по вопросамъ Вѣры и Церкви, какъ обозначено это въ заглавіи вышедшаго перваго тома ихъ.

Опредѣляя церковно-религіозную точку зрѣнія Н. П. Гилярова, какъ сказала она въ собранныхъ въ вышедшемъ томѣ статьяхъ его по этимъ вопросамъ, потрудившійся въ этомъ дѣлѣ князь Шаховскій въ предисловіи къ книгѣ говоритъ: «христіанство и именно въ видѣ православной вѣры, Гиляровъ-Платоновъ считалъ неотдѣлимымъ отъ русской народности». По мнѣнію Гилярова, христіанство, утверждаясь въ русской землѣ, вступило въ общество, еще не сложившееся,—въ жизнь, не выработавшую никакихъ учрежденій и не вкусившую мысли... Народъ не имѣлъ даже духовныхъ понятій въ языкѣ, чтобы бороться съ понятіями новыми. Вѣра, можно сказать, не столько замѣщала у насъ старое, сколько восполняла отсутствующее. Скоро весь народъ сталъ православнымъ и православіе стало проникать, какъ начало, въ глубь народ-

ной жизни. Подъ вліяніемъ его измѣнялись бытовья и гражданскія отношенія... самая домашняя жизнь подчинялась новому началу. Младенчествовавшему народу оставалось только вводить въ сознание готовый смыслъ, чтобы освѣщать явленія своей жизни, и усвоятъ готовый уставъ для своей дѣятельности.—Такимъ образомъ православная вѣра стала основной стихіей русскаго народа, а Церковь—главной руководительницей его жизни. Но съ теченіемъ времени Церковь, въ которой выражалось единство раздробленной на отдѣльныя княжества русской земли, постепенно вступая въ столкновение съ сложившейся при ея же содѣйствіи властью государственной, теряетъ свой, такъ сказать, всеобъемлющій характеръ и становится на послѣдокъ, по внѣшнему положенію тѣснѣе русскаго государства, а церковное управление дѣлается одною изъ частей управления государственнаго».—Вотъ, какъ въ общихъ чертахъ смотрѣлъ Гиляровъ назначеніе для русскаго народа православной вѣры и на положеніе Церкви».

Съ этой-то точки зрѣнія и обсуждалъ Н. П. въ передовыхъ статьяхъ издававшихся имъ съ 1868 г. «Современныхъ извѣстій» вопросы Вѣры и Церкви, которые выдвигались жизнью. Вышедшій томъ обнимаетъ собою годы: 1868—1873; годы эти не такъ были, такъ сказать, богаты духовнымъ содержаніемъ, какъ предшествовавшіе имъ шестидесятыя годы съ ихъ реформаціоннымъ освободительнымъ движеніемъ; но отголоски этого движенія и въ семидесятыя годы не смолкли еще со всѣмъ даже и въ области церковной жизни. Таковы напр. вопросы о расколѣ и сектанствѣ—ихъ внѣшнемъ положеніи, о средствахъ къ борьбѣ съ ними и ихъ прекращенію, о духовенствѣ—его матеріальномъ обезпеченіи, общественномъ положеніи пастырской дѣятельности, о приходахъ и ихъ значеніи, о монастыряхъ и ихъ общественномъ положеніи, о духовно-судебной реформѣ и т. п. Правда все это теперь не такъ волновало общество, какъ прежде, но за то при этой вялости и, пожалуй, даже мелочности внутренней церковной жизни Россіи общественное вниманіе тѣмъ сильнѣе было возбуждено тѣмъ, что совершалось за предѣлами русскаго государства; въ эти годы въ полномъ разгарѣ были извѣстная греко-болгарская распря на востокѣ и движеніе въ католичество по поводу бывшаго въ 1872 г. ватиканскаго собора, утвердившаго догматъ о папской непогрѣшимости и вызвавшаго собою такъ называемое старокатоличество на западѣ. На всѣ эти-то внутреннія и внѣшнія событія и явленія въ области Вѣры и Церкви и отзывался Н. П. Гиляровъ въ своихъ «Современныхъ Извѣстіяхъ», со всею непосредственностію своего глубокаго религіознаго чувства и нелицемѣрнаго истинно-русскаго сердца, съ несокрушимой логикой своего не только богословски, а

и исторически образованнаго философскаго разума. Изъ 163 статей вышедшаго тома 20 посвящено вопросу о расколѣ: таковы между прочимъ: о дѣтяхъ раскольниковъ, о терпимости къ расколу, о дарованіи правъ свободнаго просвѣщенія для старообрядцевъ (2 статьи), «бороться съ расколомъ должно не мѣрами преслѣдованія, а просвѣщеніемъ» (3 статьи), о диспутахъ съ старообрядцами о предметахъ вѣры, о раскольничьихъ бракахъ и т. п.,—около 10 статей о скопцествѣ (по поводу дѣла Платигина), 28—о духовенствѣ (о безжизненности духовенства, объ его матеріальномъ обезпеченіи, объ упраздненіи духовенства, какъ особаго сословія, о вліяніи духовенства на уменьшеніе пьянства въ народѣ, о дѣтяхъ духовенства, о замѣщеніи священнослужительскихъ вакансій и нравственномъ одобреніи отъ прихожанъ, какъ условіи для назначенія на священнослужительскія мѣста, о возложеніи грамотности въ приходѣ на отвѣтственность духовенства, объ отношеніяхъ между духовенствомъ съ одной стороны, обществомъ, государствомъ, папствою и епархіальнымъ начальствомъ съ другой, о раздвоеніи въ духовенствѣ и новыхъ типахъ въ немъ, о содержаніи духовенства и т. п.), нѣсколько статей по вопросу о приходѣ и приходской жизни (о распоряженіи церковными доходами, объ организациі приходовъ и содержаніи церквей, о приходскихъ попечительствахъ, о сельскихъ пѣвческихъ хорахъ и наблюденіи за благочиніемъ въ храмѣ), о монастыряхъ и монашествующихъ (о невнимательности къ духовнымъ потребностямъ богомольцевъ, по поводу предложенія объ отдачѣ малолѣтнихъ преступниковъ для пріюта и исправленія на пощеніе монастырей, объ употребленіи монастырскихъ доходовъ—противъ ихъ отобранія и др.), больше десяти статей по еврейскому вопросу (противъ притязанія евреевъ на равноправность съ русскими и о несомвѣстности ихъ талмудическихъ вѣрованій и кагалныхъ условій жизни съ мыслью о возможности ихъ обрусенія и т. п.). Съ живымъ интересомъ относился Н. П. къ греко-болгарской распрѣ, ватиканскому собору и старокатолическому движенію и въ цѣломъ рядѣ статей по поводу этихъ событій высказалъ столько тонкихъ наблюденій, мѣткихъ характеристикъ и самую сущность дѣла выясняющихъ сужденій и выводовъ.

Само собою разумѣется, что большая часть помѣщенныхъ въ вышедшемъ томѣ статей имѣетъ прежде всего историческій интересъ, какъ матеріаль для ознакомленія съ духовной стороною церковно-общественной жизни даннаго времени, и для правильнаго ея пониманія; но уже изъ одного представленнаго нами заглавія главнѣйшихъ статей сборника можно заключать объ ихъ практическомъ значеніи въ приложеніи къ нуждамъ и запросамъ нашихъ дней;

потому, что многие изъ обсуждаемыхъ и освѣщаемыхъ Гиляровымъ церковно-религіозныхъ вопросовъ его времени стоять, именно какъ вопросы; и теперь, и теперь также, если не больше, какъ и тогда, многими ложно и превратно толкуются и объясняются. Къ числу такихъ вопросовъ нужно отнести напр. вопросъ о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости по отношенію къ раскольникамъ—старообрядцамъ и особенно по отношенію къ римско-католикамъ западнаго края и евреямъ. Не смотря на то, что тяжкія для православія и русской народности послѣдствія закона 17 апрѣля, ложно понимаемаго и превратно толкуемаго, успѣли уже обнаружиться со всею очевидностію, особенно въ западномъ краѣ, многіе православно-русскіе люди подъ вліяніемъ жидовствующей печати и доселѣ никакъ не могутъ согласиться съ тѣми, которое говорятъ о невозможности примѣненія этого закона ко всѣмъ иновѣрцамъ въ одинаковой мѣрѣ... Для такихъ-то загнипнотизированныхъ русскихъ и можетъ быть особенно поучительно то, что въ свое время говорилъ о польскихъ католикахъ и евреяхъ Гиляровъ-Платоновъ. При всей строгой церковности направленія его газеты, его никакъ нельзя упрекнуть въ клерикализмъ или партійности, какъ инсинуируютъ наши либералы относительно людей такъ называемаго охранительнаго направленія; ибо въ другихъ случаяхъ и отношеніяхъ (напр. по вопросу о расколѣ) Н. П. высказывалъ мысли и сужденія, съ которыми болѣе и скорѣе согласятся именно эти загнипнотизированные русскіе и ихъ руководители, чѣмъ строгіе консерваторы. И этотъ-то человѣкъ съ такою силою и рѣшительностію говорилъ противъ еврейской равноправности и необходимости зоркаго и осторожнаго отношенія къ полякующимъ католикамъ.

Такое-же глубокопоучительное значеніе именно для нашего времени могутъ имѣть статьи г. Гилярова о нашихъ напр. монастыряхъ. Тамъ гдѣ требовала справедливость, онъ бичевалъ наши монастыри за распущенность напр. нравовъ монашествующихъ, за ихъ невнимательность къ потребностямъ богомольцевъ и т. п., слѣд. говорилъ совершенно согласно съ современными противниками нашего восточнаго монашества; но въ тоже время онъ, во имя той же правды, возставалъ противъ мысли объ отобраніи доходовъ и имуществъ монастырскихъ въ пользу общества и государства.

Не мало поучительнаго и для духовенства и для его противниковъ найдется въ изданномъ томѣ сочиненій Гилярова объ этомъ сословіи; такъ съ одной стороны онъ документально доказательно говорилъ напр. не о правѣ, а объ обязанности духовенства заботиться о распространеніи грамотности въ народѣ, объ его матеріальной необезпеченности и т. п.;

но съ другой стороны онъ же со всею несокрушимой логикой возставалъ противъ мысли о жалованьи духовенству, которое должно сдѣлать его не пастырствомъ, а пасторствомъ и чиновничествомъ.

Даже наши студенты и тѣ найдутъ полезныя для себя чахъ этого независимаго мыслителя...

Кромѣ длиннаго ряда такихъ болѣе или менѣе частныхъ вопросовъ вѣры и Церкви, поучительныхъ и для нашего времени, въ статьяхъ Гилярова есть немало статей общаго и, такъ сказать, принципиальнаго характера и значенія. Таковы напр. статьи: «утилитарное значеніе молитвы съ европейской точки зрѣнія», «религіозное начало, какъ двигатель исторіи» (въ обоихъ статьяхъ онъ выясняетъ полную несостоятельность матеріалистическаго міровоззрѣнія въ его приложеніи къ духовной жизни человѣка и человечества), «о народныхъ обычаяхъ», о народности въ религіи, «о религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ и т. п.

Съ нѣкоторыми мыслями и разсужденіями Н. П. нельзя конечно согласиться, какъ съ оптимистическими увлеченіями, не оправдываемыми жизнію; таковы напр. его разсужденія о дарованіи полной свободы открытаго исповѣданія вѣры нашимъ раскольникамъ — старообрядцамъ, которая будто-бы обезоружитъ ихъ и привлечетъ въ Церковь; событія послѣднихъ дней ясно показали, какъ несбыточны такія оптимистическія надежды Н. П. Но и не соглашаясь съ ними, мы не можемъ поставить ихъ на одну линію съ современными криками о полной свободѣ совѣсти и исповѣданія; ибо они исходили изъ другихъ побужденій и имѣли свое оправданіе въ обстоятельствеяхъ времени. Н. П., говоря о вѣротерпимости по отношенію къ расколу, не равнялъ съ раскольниками ни польскихъ католиковъ, ни евреевъ.

Изъ всѣхъ наименованныхъ выше статей сборника хотѣлось бы сдѣлать хоть нѣсколько выписокъ, чтобы документально, такъ сказать, познакомить читателей съ характеромъ сужденій, мышленія и языка покойнаго публициста философа; но размѣры библиографической замѣтки не позволяютъ этого и мы, оканчивая свою рѣчь, отмѣтимъ лишь еще, что по характеру своего изложенія статьи Гилярова-Платонова очень напоминаютъ свою статью М. Н. Каткова; послѣднія отличаются большею глубиной мысли и широтой воззрѣній, чѣмъ статьи Гилярова, но за то статьи Гилярова всегда отличаются большею, такъ сказать, живостію и наглядностію...

Съ внѣшней стороны изданіе можно назвать не только безукоризненнымъ въ типографскомъ отношеніи, а и изящнымъ; не говоримъ уже про корректурную исправность. Цѣна книги въ 515 стр. 1 руб. 25 коп.

Издѣловія и монографіи по исторіи молдавской церкви. *Арсеній, епископъ Псковскій.* СПб. 1904 г.

«Появленіе нашего труда», пишетъ авторъ, «полагаемъ, достаточно оправдывается насущной потребностью изученія современнаго состоянія православныхъ помѣстныхъ церквей въ цѣляхъ ихъ взаимообщенія. Такого изученія особенно заслуживаютъ румыны, съ которыми мы издавна находимся въ политическихъ и церковныхъ сношеніяхъ; но о нихъ-то мы меньше всего и знаемъ». Это изученіе является тѣмъ болѣе своевременнымъ, что въ данномъ отношеніи наша церковно-историческая наука оказывается весьма бѣдной. Трудъ автора основанъ на румынскихъ первоисточникахъ, при чемъ онъ пользовался даже неизданнымъ рукописнымъ матерьяломъ, и потому научное значеніе его несомнѣнно. Книга дѣлится на двѣ части: въ первой авторъ излагаетъ исторію молдавскихъ епархій и старается точно установить послѣдовательный рядъ святителей въ каждой изъ нихъ въ отдѣльности; эта часть имѣетъ скорѣе интересъ спеціальныи, научно-историческій. Вторая часть разсматриваетъ главные моменты и важнѣйшихъ дѣятелей Румынской церковной жизни въ XIX вѣкѣ. Развернутыя здѣсь картины этой жизни имѣютъ живой интересъ современности и производятъ большое впечатлѣніе, будучи написаны умѣлой рукой. Въ этихъ очеркахъ много поучительнаго для насъ, русскихъ. Вся эта часть дѣлится на шесть главъ: въ первой разъясняется положеніе приходскаго духовенства въ Румыніи, во второй разсказывается исторія секуляризаціи имуществъ древняго нямецкаго монастыря въ связи съ секуляризаціею другихъ молдавскихъ монастырей, въ остальныхъ четырехъ даются жизнеописанія главнѣйшихъ представителей румынской церкви за истекшее столѣтіе. Положеніе духовенства оказывается весьма бѣдственнымъ; его умственное и нравственное состояніе мало удовлетворительно; возникшія за это столѣтіе духовныя школы мало соотвѣтствуютъ своему назначенію, стоя слишкомъ въ тѣсной зависимости отъ свѣтскаго правительства; матеріальное обезпеченіе тоже нужно считать мало-достаточнымъ; особенно тяжело, что при низкомъ нравственномъ уровнѣ въ средѣ духовенства оно очень мало внушаетъ къ себѣ уваженія и въ народѣ и въ интеллигентномъ обществѣ, чрезъ это подрывается уваженіе къ самой религіи и церкви, невѣріе распространяется въ народѣ и вотъ старинные монастыри стоятъ въ запустѣніи, древнія церкви разрушаются, въ странѣ, гдѣ господствующей религіей объявлена православная, православіе далеко не въ

почетѣ. Какую большую роль въ такомъ положеніи православія играетъ или по крайней мѣрѣ, можетъ играть само правительство, показываетъ исторія «разграбленія» немецкаго монастыря. Желая забрать въ свои руки богатыя имущества монастыря, правительство стало вмѣшиваться подъ разными предлогами въ его дѣла, несмотря на протесты митрополита, «старца» (игумена) и братіи, чрезъ посредство особо назначенной коммиссіи захватило его доходы, раздавъ въ аренду его имѣнія и распродавъ за безцѣнокъ инвентарь, кончило тѣмъ, что заточило старца и стало вводить въ монастырѣ порядокъ жизни, совершенно анти-монашескій: монастырь былъ разоренъ и монахи почти всѣ разбѣжались. На фонѣ такой тяжелой церковно-исторической жизни особенно поэтому ярко выдаются такія свѣтлыя личности, какъ тѣ святители, жизнеописанія которыхъ даетъ авторъ. Такимъ прежде всего является митрополитъ Молдавскій Веніаминъ Костаки, дѣятель первой половины XIX вѣка. Это былъ человекъ, который соединялъ съ крѣпкой преданностью вѣрѣ горячую любовь къ родинѣ; несмотря на всѣ превратности, которыя пришлось пережить его родинѣ за время его святительства, фанариотское иго, русско-турецкую войну, онъ сумѣлъ твердою рукою зажечь въ своей странѣ просвѣщеніе. Онъ былъ основателемъ знаменитой впоследствии Сокольской семинаріи, гдѣ вмѣстѣ подвизались на педагогическомъ поприщѣ другіе два поборника вѣры—братья Скрибаны. Они прославились особенно своею борьбою противъ антиканоническаго закона господаря Кузы относительно назначенія епископовъ правительственною властью, за что заслужили отъ Константинопольскаго патріарха наименованіе защитниковъ церкви; памятникомъ ихъ дѣятельности осталось учрежденіе каноническаго Синода при новомъ князѣ Карлѣ. Нельзя не замѣтить, что оба брата въ то же время не мало порадовѣли о своей тогда еще разъединенной на два господарства родинѣ, рѣшительно примкнувъ къ уніонистскому движенію. Къ ихъ ученикамъ принадлежитъ Мелхиседекъ, епископъ Романскій (подобно своему учителю Филарету Скрибану окончившій курсъ въ Киевской Духовной Академіи), извѣстный, какъ неутомимый писатель. Количество его трудовъ церковнопублицистическаго, апологетическаго, церковноисторическаго характера громадно: онъ создалъ себѣ прочное имя въ румынской литературѣ и оказалъ большія услуги православію своей борьбой противъ католицизма и протестантизма. Болѣе скромна роль послѣдняго изъ взятыхъ нашимъ авторомъ румынскихъ іерарховъ Сильвестра, епископа Хушскаго, кандидата Киевской Духовной Академіи, но и это былъ человекъ, умѣвшій стоять на стражѣ православія: его слово смѣло раздавалось и противъ устраненія правительствомъ

духовенства отъ народнаго учительства и противъ безцеремонной агитаціи воинствующаго католицизма. Мы видимъ такимъ образомъ, что все это были истинные борцы за православную церковь, не жалѣвшіе своихъ силъ для ея блага, но на всей ихъ дѣятельности несмотря на ея видимую иногда успѣшность лежитъ какой-то грустный отпечатокъ, ибо невольно напрашивается вопросъ: противъ кого же главнымъ образомъ направлена эта борьба, и что же приходится отвѣчать? противъ своего же правительства. Въ чемъ же, спрашивается, причина, что это правительство, которое въ Румыніи, какъ странѣ конституціонной, свободно-управляемой, должно кажется выражать мысль народа, такъ враждебно къ своей же народной религіи? Говорятъ, причины этого въ особенности румынской исторіи. Православіе есть сила, связывающая румынскій народъ съ могущественной сосѣдкой, которая, дѣйствуя подъ личиною покровительства, кончила тѣмъ, что отняла у нея древнерумынскую область Вессарабію, — и кромѣ того оно есть сила, отвлекшая румынъ отъ латинскаго просвѣщеннаго запада, съ которыми румыны связаны по крови, и задержавшая на долго умственное развитіе народа; его порожденіе — современное невѣжественное сельское духовенство. Иначе патріотизмъ мѣшаетъ правительству любить православіе. Однако уже нарисованные авторомъ образы румынскихъ святителей, которые сумѣли соединить свою пламенную любовь къ родинѣ и просвѣщенію съ глубокой вѣрой въ истину православной церкви и любовью къ единовѣрной Россіи, служатъ достаточнымъ доказательствомъ, что все это силы, не внутренне противоположны другъ другу, а наоборотъ могущія придти въ глубокогогармоническое сочетаніе, дающее въ результатѣ необычайную силу духовной энергіи. Значитъ, причина вражды нѣчто другое; причина въ томъ, что сердца враждующихъ закрыты для всего, что связано съ вѣрой. И при этихъ условіяхъ свободныя политическія формы не спасутъ отъ насилій надъ церковію; пусть привозглашается свобода вѣры для отдѣльнаго лица, за то вся православная церковь лишается возможности жить свободно по своимъ законамъ: И тогда пастырямъ церкви нужно взять въ свои руки мечъ за свои истинныя права, — жить такъ, какъ она должна жить. Свободныя политическія формы суть только формы, и для церкви онѣ получаютъ свое значеніе въ зависимости отъ духа, вкладываемаго въ нихъ тѣми личными и общественными силами, которыя получаютъ въ руки власть. Поэтому, когда теперь произносится слово свобода, православному не слѣдуетъ только радоваться безъ дальнѣйшихъ разсужденій, ибо это слово въ устахъ говорящихъ не всегда обозначаетъ одну ненависть къ неправдѣ и насилію, а и просто безра-

зличіе и отсутствіе любви къ тому учрежденію, въ сферѣ котораго требуется ея примѣненіе.

И. С.

Духовенство древней вселенской церкви. (*Отъ времени апостольскихъ до IX вѣка*). Историческіе очерки А. П. Лебедева, профессора Московскаго Университета. Москва. 1905 года 494 страницы. Цѣна 3 рубля.

Въ 1883 году былъ открытъ чрезвычайно интересный памятникъ древне-христіанской письменности («*Διδαχὴ τῶν δωδέκα ἀποστόλων*») и, благодаря этому открытію, многія стороны древней церковной жизни, еще-темныя для науки, были раскрыты и уяснены изслѣдователями. Этотъ памятникъ, относящійся къ срединѣ II вѣка, самъ по себѣ документъ очень содержательный и изобилующій массой новыхъ свѣдѣній по самымъ разнообразнымъ вопросамъ жизни перво-христіанъ, кромѣ собственнаго значенія въ этомъ смыслѣ, далъ возможность понять извѣстія нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ древности, касающихся церковной жизни,—какъ языческихъ, такъ и христіанскихъ.

Предлагаемая книга маститаго ученаго, извѣстнаго и на западѣ знатока церковной исторіи, составлена почти исключительно на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ этого памятника. Она состоитъ изъ трехъ частей, представляющихъ каждая въ отдѣльности самостоятельный и вполне законченный трактатъ. Первая,—о духовныхъ должностяхъ, вторая—о властяхъ и третья—о бытовой сторонѣ жизни духовенства. Кромѣ того въ приложеніи помѣщены два небольшихъ, но очень цѣнныхъ изслѣдованія: «Вселенскіе миссіонеры и ихъ преемники», и «Происхождение актовъ вселенскихъ соборовъ». Первое изъ нихъ, касаясь непонятнаго свидѣтельства церковнаго историка Евсевія о проповѣдникахъ вѣры послѣ апостольскаго времени, дополняетъ и разъясняетъ ихъ, пользуясь извѣстіями («*Διδαχὴ*»), а второе даетъ новыя интересныя свѣдѣнія о самомъ ходѣ соборовъ и первоначальной исторіи записей соборныхъ рѣшеній. Что касается первыхъ трехъ частей, то онѣ раздѣляются каждая на два періода: первый—II и III вѣка и второй отъ IV—IX вѣка. Западной церкви посвящены особые отдѣлы въ каждой части; кромѣ того исторія римскаго прimateства выдѣлена въ отдѣльную главу. Выше мы сказали, что эта книга составлена на основаніи «*Διδαχὴ*»; однако авторомъ не выпущена изъ вида и вся богатѣйшая лите-

ратура по даннымъ вопросамъ. Въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности перечислить поименно всѣхъ авторовъ, трудами которыхъ г. Лебедевъ пользовался при составленіи своей книги; скажемъ лишь, что онъ использовалъ почти безпредѣльную, святоотеческую литературу и раннѣйшаго періода и золотого вѣка христіанской письменности, и многочисленныя томы западныхъ современныхъ церковныхъ историковъ и закончилъ ссылками на русскія книги, вплоть до прошлаго года.

Уже изъ этого можно видѣть, что такое обиліе и разнообразіе литературы должно дать въ результатѣ солидно-научный трудъ, и дѣйствительно. Книга г. Лебедева представляетъ собою стройную, гармонически составленную и художественно выполненную, систему историческаго обзора жизни духовенства; такъ что, по нашему мнѣнію, названіе «очерки» не примѣнимо къ такому капитальному труду, каковымъ является книга г. Лебедева.

Теперь разсмотримъ частнѣе каждый отдѣлъ книги. Первый,—о происхожденіи духовныхъ должностей,—написанъ по своеобразной манерѣ, присущей автору: обстоятельное изложеніе исторіи различныхъ степеней духовенства, и тщательная критическая повѣрка мнѣній западныхъ ученыхъ, слѣдовательно первый отдѣлъ имѣетъ критико-историческій характеръ. Второй отдѣлъ,—о властяхъ,—въ первой своей половинѣ (взаимныя отношенія духовенства и народа во II и III вѣкахъ) имѣетъ отношеніе даже и къ возникающимъ въ нашей современной церковной жизни вопросамъ, именно тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о тѣсной связи мірянъ и іерархій и объ избраніи при участіи паствы пресвитеровъ и епископовъ; а въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи въ этомъ отдѣлѣ прекрасно выяснено постепенное разрушеніе этой связи и отдѣленіе паствы отъ паствырей. Что касается вопроса о бытовой сторонѣ жизни духовенства, раздѣленной г. Лебедевымъ на исторію образованія и умственнаго развитія клира и описаніе его матеріальнаго положенія, то эта часть составляетъ, по нашему мнѣнію, лучшее мѣсто всей книги. Если въ первой части исторіи образованія авторъ не даетъ никакихъ новыхъ историческихъ фактовъ, то зато всѣ извѣстныя свѣдѣнія по этому предмету прекрасно скомпонованы имъ и полнота этого отдѣла не оставляетъ желать ничего большаго. Но кромѣ исторіи образованія и матеріальнаго положенія духовенства г. Лебедевъ не оставляетъ вопроса и о нравственномъ состояніи клира. Въ этомъ случаѣ, какъ впрочемъ и во всей книгѣ, его изложеніе отличается полнѣйшимъ безпристрастіемъ и историческою правдивостью; поэтому, не смотря на неблагопріятный характеръ историческихъ данныхъ, этотъ отдѣлъ имѣетъ одинаковыя достоинства и цѣнность,

какъ и другіе.—Въ отдѣлѣ «Духовенство древняго времени и православное духовенство нашего времени» (стр. 454), имѣютъ глубокую важность, искреннія, сердечныя слова въ защиту нашего духовенства, такъ яростно порицаемаго теперь нашими либералами и худшей частью интеллигенціи. Отъ изученія исторіи духовенства безпристрастный ученый пришелъ къ слѣдующему выводу: «наше русское духовенство, какъ высшее, такъ и подчиненное ему, намного выше во всѣхъ отношеніяхъ прежняго духовенства. Церковно-историческая жизнь сдѣлала чрезъвычайно большій шагъ. Есть порицатели, которые набрасываютъ тѣни на жизнь, поведеніе и научную компетентность русскаго духовенства, но это напраслина. Наше духовенство во всѣхъ отношеніяхъ идетъ впередъ (ibidem)». Вотъ слова, достойныя безпристрастнаго ученаго и глубокаго знатока церковной жизни. Этими словами умѣстно закончить нашъ небольшой отчетъ о почтенномъ трудѣ г. Лебедева, представляющемъ собой такой цѣнный вкладъ въ нашу русскую церковно-историческую науку, какихъ немного найдется, и мы, оканчивая свою рѣчь, считаемъ справедливымъ настойчиво рекомендовать ее читателямъ, такъ какъ прочитавъ ее, всякій, даже и мало знакомый съ церковной жизнью человѣкъ получитъ полное представленіе о жизни духовенства въ самый важный періодъ зарождавшейся христіанской церкви, потому что одной этой книги вполне достаточно для знакомства съ институтомъ клира, который является краеугольнымъ камнемъ въ зданіи церкви.

М. Веретенниковъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

Базаряниновъ В. П. О св. Троицѣ (противъ жидовствующихъ), Мисіонерскіе матеріалы. Тамбовъ 1905 г. Цѣна 15 коп.

Гербановскій М. Пособіе къ изученію пасхалии православной Церкви. Составлено примѣнительно къ программѣ дух. семинарій Владиміръ 1905 г. Цѣна 40 коп.

Глаголевъ А. А. свящ. Сіонистское движеніе въ современномъ еврействѣ и отношеніе этого движенія къ всемірно-исторической задачѣ библейскаго израиля. Кіевъ. 1905 г. стр. 53. Цѣна 30 коп.

Козубовскій С. На Божьемъ пути. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній изъ жизни народнаго учителя. 1905 г. Троицкая Сергіева Лавра. 1—11+3—234 стр. Цѣна 45 коп.

Кедровъ Д. Н. Слово плоть бысть. Священная Исторія Новаго Завета. Москва. 1905 г.

Липскій Н. свящ. Психологическія основы воспитанія. Нѣжинъ. 1905 г. 191 стр. Цѣна 80 коп.

Лицевой иконописный подлинникъ, томъ I: Иконографія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Текстъ академика Н. П. Кондакова и атласъ. СПб. 1905 г.

Лысогорскій Н. В. Московскій Митрополитъ Платонъ, какъ противораскольничій дѣятель. 652 стр. 9 рисунковъ. Ростовъ на Дону. 1905 г. Цѣна 4 р.

Манарія (Глухарева) архим. начальника алтайской миссіи письма. Казань. 1905 г.

Миловидовъ А. Педагогическія воззрѣнія Императрицы Екатерины II и вліяніе ихъ на реформу духовной школы. Вильна 1905 г. Цѣна 20 коп.

М. В. Гдѣ истинное счастье: въ вѣрѣ или невѣрїи. СПб. 1905 г. 101 стр.

Михаилъ іером. Новая Церковь. (Священникъ и прихожане). СПб. 1905 г.

Мышцынъ В. Проф. По церковно общественнымъ вопросамъ. Томъ I. Сергіева Лавра. 1905 г. Цѣна 50 коп.

Песоцкій П. свящ. Пособіе къ изученію пространнаго христіанскаго катихизиса. СПб. 1905 г. 168 стр. Цѣна 40 коп.

Поляковъ П. свящ. Православіе, какъ основа жизни. СПб. 1905 г. Цѣна 50 коп.

Поповъ Анатолій. Воспоминанія о Саровѣ. Москва. 1905 г.

Поповъ В. Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ. Кіевъ. 1905 г.

Ромашковъ Д. И. свящ. Задачи пастырскаго служенія, какъ онѣ представляются по требованію настоящаго времени, и способы ихъ осуществленія. Харьковъ. 1905 г.

— Взглядъ Пастыря на причины забастовокъ у современныхъ русскихъ людей. Харьковъ. 1905 г.

— Какой типъ Пастыря Церкви наиболѣе желателенъ въ настоящее время. Харьковъ. 1905 г.

✓ **Соколовъ Л.** Психологія грѣха и добродѣтели, по ученію св. подвижниковъ древней Церкви, въ связи съ условіями пастырскаго душепопеченія. Вологда 1905 г. Цѣна 50 коп.

Тверитинъ. О пастырскомъ служеніи. Мысли высокопреосвященнаго Филарета Митрополита Московскаго. Казань 1905 г. Цѣна 30 коп.

Титовъ А. А. Кремль Ростова Великаго. Москва 1905 г. 128 стр. Иллюстрированное изданіе.

Титовъ Ѡ. И. прот. Проф. Русская православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. (1654—1795 гг.). Т. I. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII в.в. 1-я половина тома. (1654—1725 г.г.) Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Кіевъ. 1905 г. стр. X+394.

Четверинновъ П. П. О Богѣ, какъ личномъ Духѣ (Богословско-философское изслѣдованіе). Кіевъ 1904 г. стр. 343. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Шеволевскій В. свящ. Курское сектанство. Курскъ. 1905 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„Вѣра и Церковь“

И ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ МОСКВЫ
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ БРОШЮРЫ

Прот. І. И. Соловьева.

„ЦАРСКОЕ САМОДЕРЖАВІЕ“

по ученію Библии и родной исторіи.
(По поводу современнаго шатанія умовъ).

Второе дополненное изданіе. Москва.

1905 г. Цѣна **15** коп. съ пер. **20** коп.

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ

Благовѣрнаго Государя и Великаго Князя

СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Москва. 1905 г. Цѣна **20** к. съ пер. **25** к.

НА РѢКАХЪ ВАВИЛОНСКИХЪ.

Объясненіе 136-го псалма въ приложеніи къ вопросу о духовномъ обновленіи нашихъ дней. Москва 1905 г.

Цѣна 15 коп.

Годъ VII.—Книга 7.

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

ДУХОВНЫИ

БОГОСЛОВСКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ

1905.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всенолжскій пер., д. военнаго вѣдомства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Стран.

Праведное возмездіе Божіе виновнымъ въ убіеніи Предтечи Господня. Прот. о. Іоанна Ильича Сергіева. (Кроншт.).	169
Гдѣ истинное счастье: въ вѣрѣ, или невѣріи М. В.	172
Взглядъ В. А. Жуковского на задачу и цѣль воспитанія Свящ. Д. И. Ромашкова	182
Женщина, и ея міровое назначеніе, предъ судомъ св. писанія и здраваго смысла. Г. Н. Корсуниъ	209
Цвѣты. А. С.	237

ОТДѢЛЪ II.

Къ вопросу о причинахъ упадка пастырскаго духа въ современномъ нашемъ духовенствѣ. П. И. Козицкаго	255
Изъ исторіи духовнаго обновленія одной души. Л. Оль	269
Михаилъ Никифоровичъ Катковъ по вопросу объ учебномъ строѣ духовно-учебныхъ заведеній.	309

БИБЛИОГРАФІЯ.

Гдѣ истинное счастье: въ вѣрѣ или невѣріи. П. І. С.—Московскій Митрополитъ Платонъ, Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель. —I) Сибирскія Церкви и школы фонда имени Императора Александра III. II) Современное состояніе, задачи и нужды православнаго инородческаго миссіонерства въ Сибири. М. В.—Голось народа. М. В.

**ПРАВЕДНОЕ ВОЗМЕЗДІЕ ВОЖІЕ ВИНОВНЫМЪ ВЪ УБИЕНІИ ПРЕДТЕЧИ
ГОСПОДНЯ ¹⁾.**

Истинно говорю вамъ: изъ рожденныхъ женами не возставалъ большій Іоанна Крестителя. (Мѣ. 11,11).

Таково свидѣтельство Господне объ Іоаннѣ Предтечѣ. Такъ оцѣнили безпристрастный и праведный Судія всѣхъ человѣковъ Своего Предтечу и Крестителя: больше, выше, праведнѣе Іоанна не было никого между людьми всѣхъ вѣковъ и народовъ, кромѣ, разумѣется, самого Богочеловѣка Господа Іисуса Христа и Пречистой Его Матери, честнѣйшей херувимовъ и славнѣйшей безъ сравненія серафимовъ. И этого-то величайшаго праведника, богоподобнаго, земнаго ангела и небеснаго человѣка, Иродъ, въ упоеніи страсти, оцѣнилъ, какъ послѣдняго раба, и усѣкнулъ его, какъ стебелекъ растенія, повелѣвъ спекулятору, то есть, палачу, отсѣчь честную главу его и принести ее на блюдѣ для скверной плясавицы, дочери Филиппа четверовластника, родного брата Ирода. Искусная, сладострастная пляска дщери блудной матери вскружила прелюбодѣю Ироду и всѣмъ гостямъ голову, и онъ, въ упоеніи виномъ и сладострастіемъ, обѣщаль плясавицѣ дать все, чего бы она ни попросила. А по навожденію матери, она попросила именно голову Пророка и Предтечи. *И послалъ царь Иродъ отсѣчь*

---

¹⁾ Слово на день усѣкновенія честныя главы Святаго славнаго Пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, 29 августа 1905 года.

Гоанну голову въ темницѣ, и принесли голову его на блюды и дали двѣицѣ, а она отнесла матери своей (Мѣ. 14, 10—11).

Такъ умѣеть цѣнить безумный міръ истинно-великихъ людей! Да и людей ли только? Какъ оцѣнилъ міръ прелюбодѣйный Самого Богочеловѣка? Не довелъ ли Его до позорной, мучительной смерти крестной? Не былъ ли міръ страшнымъ позорищемъ казней Апостоловъ Христовыхъ и самыхъ безчеловѣчныхъ, медленныхъ, мучительнѣйшихъ казней—безчисленнаго сонма лучшихъ людей и истинныхъ друзей Божіихъ—святыхъ мучениковъ и мученицъ, въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ христіанства? И когда, и гдѣ не были гонимы ревнители истинной вѣры и правды?—*Въ міръ скорбни будете*, говоритъ Господь Своимъ ученикамъ, *но дерзайте, ибо Я побѣдилъ міръ* (Іоан. 16, 33). Всѣхъ истинныхъ послѣдователей Своихъ Господь, Царь правды, обрекъ на борьбу съ неправдой, на скорби и страданія за правду, доколѣ окончательно не восторжествуетъ правда, и всякая неправда будетъ низложена и получить должное возмездіе...

Посмотримъ, какое воздаяніе получили за свои беззаконія Иродъ, его беззаконная сожительница и плясавица, дочь ея; прочтемъ священное преданіе о томъ, какъ окончилась скверная жизнь Ирода и Иродіады и блудной плясавицы дочери, чтобы воочию видѣть, какъ еще и въ этомъ вѣвѣ Господь казнить неправду.

Аравійскій царь Ареѳа, желая отомстить Ироду за безчестіе и поруганіе своей дочери, бывшей за Иродомъ и прогнанной отъ него изъ-за Иродіады, собралъ большое войско и послалъ противъ Ирода, и послѣ жестокой битвы войска Ареѳы одолѣли войско Иродово и совершенно разбили его, такъ что Иродъ едва самъ избѣжалъ плѣна.

Затѣмъ Кесарь Римскій, лишивъ его власти четверовластника и всего богатства, послалъ его въ заточеніе вмѣстѣ съ Иродіадой въ городъ Ліонъ, въ Галліи, потому въ одинъ испанскій городъ, гдѣ они и проводили жизнь свою въ великой скорби и тѣснотѣ, бывъ прежде смерти своей зрителями несчастной кончины плясавицы.

Обстоятельства кончины ея были таковы: зимой ей нужно было по какой-то нуждѣ перейти черезъ рѣку, на-

зывается Сикоріесь и, когда она шла по льду, онъ не выдержалъ и проломился подъ ней, и она погрузилась въ воду до шеи. Между тѣмъ ледъ такъ крѣпко стиснулъ ея шею, что отрѣзалъ ее совершенно отъ тѣла, трупъ ея унесло теченіемъ и онъ не найденъ, а голова принесена къ Ироду и Иродіадѣ, какъ нѣкогда глава Крестителя принесена была имъ на пиру предъ гостями.

Таково было праведное отмщеніе Божіе скверной плясавицѣ. Вскорѣ послѣ того и убійца Иродъ со скверною Иродіадой погибли жалкимъ образомъ. Есть сказаніе, что они живыми были поглощены разверзшеюся подъ ними землею.

Такъ караетъ Богъ неправду и злодѣяніе еще въ этой жизни. Такая кара есть предуказаніе нечестивцамъ вѣчной муки за гробомъ.

Судьба прелюбодѣйной четы, Ирода и Иродіады, должна послужить урокомъ нынѣшнимъ прелюбодѣямъ и прелюбодѣйцамъ,—коимъ нѣтъ числа,—съ легкимъ сердцемъ предающимся скверному беззаконію и почти не почитающимъ за грѣхъ беззаконныя сожитія.

Какое множество нынѣ несчастныхъ супружествъ! Сколько женъ и дѣтей, лишившихся мужей и отцовъ, бросившихъ свою семью и живущихъ съ наложницами! Сколько блудной нечистоты во всѣхъ сословіяхъ и особенно въ интеллигентныхъ кругахъ, или въ имущественныхъ классахъ, да и въ простонародьѣ!

Думаете ли вы, именующіеся христианами, что васъ не постигнетъ судъ Божій, какъ Ирода и Иродіаду, въ томъ или иномъ какомъ грозномъ видѣ? И думаете ли, что вы избѣжите вѣчной муки, если не покаетесь и не исправитесь? *Не обманывайтесь: ни блудники, ни прелюбодѣи, ни малаккіи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злѣрчивые, ни хищники царствія Божія не наследятъ* (1 Кор. 6, 9—10). Аминь.

Александръ Жининъ Сергій

ГДѢ ИСТИННОЕ СЧАСТІЕ: ВЪ ВѢРѢ, ИЛИ НЕВѢРІИ ¹⁾?

I. Въ отношеніи вопроса о человѣческомъ достоинствѣ.

Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангель, славою и честію вѣнчалъ еси его; и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твоею (Псал. 8, 6—7).

Съ тѣхъ поръ, какъ совершилось въ раю грѣхопаденіе нашихъ прародителей, на землѣ происходитъ постоянная борьба между двумя царствами, между царствомъ Бога и царствомъ сатаны, царствомъ жизни и царствомъ смерти, царствомъ истины и царствомъ лжи, царствомъ вѣры и царствомъ невѣрія. На знамени каждаго изъ князей этихъ двухъ царствъ написано: «у меня спасеніе и счастье». И каждый человѣкъ неизбѣжно долженъ дѣлать выборъ для себя между этими знаменами,—выборъ между Христомъ и Его противникомъ; говорю «неизбѣжно» потому, что въ этой борьбѣ нѣтъ и не можетъ быть середины. Христосъ говоритъ: *«иже нѣсть со Мною, на Мя есть; и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ»* (Матѹ. 12, 30). Едва ли когда въ продолженіи всей исторіи человѣчества борьба эта была такъ сильна и ожесточенна, какъ въ настоящее время, когда отпаденіе отъ Бога, отъ Его истины и закона и безбожіе проповѣдуются многими, какъ единственное и истинное счастье человѣческаго рода. Церковь чрезъ своихъ пастырей—этихъ руководителей народа въ борьбѣ противъ міра и ада—съ каждымъ годомъ все сильнѣе и убѣдительнѣе предостерегаетъ вѣрующихъ чадъ своихъ отъ всякаго обмана, побуждая ихъ къ бодрствованію и къ серьезной борьбѣ. Но по причинѣ заманчивыхъ обѣщаній міра и потому, что многіе изъ людей слишкомъ сильно привязы-

¹⁾ Предлагаемая статья есть глава изъ напечатанной уже, но не поступившей еще въ общественное обращеніе книги Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, Митрополита Московскаго съ такимъ же заглавіемъ; перепечатывается съ его благословенія. О значеніи книги и остальномъ ея содержаніи см. ниже въ библиографическомъ отдѣлѣ.

Редакторъ.

ваются ко всему низменному и земному, она очень мало находитъ слушателей, а потому невѣріе и безцерковіе дѣлаютъ очень быстрые успѣхи. Тѣмъ не менѣе однакожъ всѣ обѣщанія міра—ложь; ибо отпаденіе отъ Бога никогда не можетъ принести счастія, но оно всегда приводитъ къ временной и вѣчной погибели. При настоящемъ ослѣпленіи людей только благодать Божія можетъ убѣдить ихъ въ этой истинѣ и отвлечь отъ зла. Хотя послѣдствія безвѣрія, тѣ бѣдствія и несчастія, подъ которыми вздыхаютъ и томятся сейчасъ всѣ народы, очевидны для всѣхъ, однако есть еще не мало ослѣпленныхъ людей, которые все это приписываютъ совсѣмъ другимъ причинамъ, а потому не въ обращеніи къ Богу, къ Его истинѣ и закону ищутъ для себя спасенія, а въ тѣхъ или другихъ земныхъ способахъ и средствахъ. Вотъ почему въ настоящихъ своихъ бесѣдахъ я хочу всесторонне доказать, что *не въ невѣрїи, а единственно въ христіанской вѣрѣ слѣдуетъ полагать истинное счастіе и спасеніе чловѣка*. При этомъ въ новомъ и ясномъ свѣтѣ откроется слава и превосходство православно-христіанской вѣры и Церкви. Да благословитъ же Господь эти наши размышленія, дабы вы нашли въ нихъ поддержку и подкрѣпленіе для вашей вѣры и любви къ св. православної Церкви!

Сегодня я скажу вамъ о достоинствѣ чловѣка, каковой предметъ избранъ мною, какъ основаніе для дальнѣйшихъ размышленій, и покажу, что дѣлаетъ изъ чловѣка вѣра, и чѣмъ дѣлаетъ его невѣріе. Именно, невѣріе крайне унижаетъ чловѣка, а вѣра даетъ ему высочайшее достоинство.

а) Когда Давидъ, богопросвѣщенный псалмопѣвецъ Ветхаго Заветъа, прославляетъ могущество и величіе Творца, то его болѣе всего воодушевляетъ при этомъ взглядъ на чловѣка и его положеніе въ твореніи. *Господи Боже нашъ, говоритъ онъ, яко чудно имя Твое по всей земли. Яко узрю небеса, дѣла перстъ Твоихъ, луну и зѣзды, яже Ты основалъ еси. Что есть чловѣкъ, яко помниши его, или сынъ чловѣчь, яко посѣщаеши его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его* (Псал. 8, 2. 4—6). Въ этихъ словахъ Давида, какъ нельзя болѣе, вѣрно выражено то, что чувствуетъ всякое неиспорченное

человѣческое сердце. Даже язычники всегда признавали и признаютъ, что человѣкъ есть вѣнецъ всѣхъ видимыхъ твореній, высшее, превосходнѣйшее и благороднѣйшее твореніе Бога на землѣ, что его душа и ея силы, разумъ и свободная воля, далеко возвышаютъ его надъ всѣми животными. Нѣкоторые изъ народовъ, по вниманію къ этому высокому положенію человѣка въ ряду другихъ твореній, производили его отъ боговъ. Но чтобы отрицать душу человѣка и ставить его, такимъ образомъ, на одинаковую степень съ животными, до этого никогда не доходили даже язычники; а если нѣкоторые изъ нихъ и дѣлали это, то подвергались насмѣшкамъ и поруганію.

Равнымъ образомъ и подъ владычествомъ христіанства даже ложная наука въ продолженіи многихъ вѣковъ не осмѣливалась оспаривать достоинство человѣка, какъ господина твари, который одаренъ безсмертною душою и чрезъ это превосходить всѣ другія творенія. Только въ настоящее время нашла себѣ мѣсто такая дерзкая философія, которая ниспровергаетъ его человѣческое достоинство и старается дать своему ложному ученію широкое распространеніе.

Всякому понятно, слушатели, что въ отношеніи нравственной жизни человѣка все зависитъ отъ того, и какъ онъ на себя смотритъ, за кого онъ себя почитаетъ. Каждый понимаетъ, что, если человѣкъ не болѣе, какъ животное, то ему нѣтъ надобности и жить лучше, нравственнѣе животнаго, что онъ въ такомъ случаѣ не отвѣтственъ за свои дѣйствія и поступки. А если такъ, то нѣтъ основанія у человѣка жить по правиламъ нравственнаго закона, обуздывать свои страсти; нѣтъ препятствія давать полный просторъ своимъ похотямъ и предаваться необузданному своеволію, самочинію и порокамъ. Но это глубоко унижаетъ и оскорбляетъ человѣка. Ибо достоинство человѣка не въ томъ только состоитъ, что онъ есть, но и въ томъ, что онъ дѣлаетъ. Что онъ есть на самомъ дѣлѣ, этого никто не можетъ отнять у него, такъ какъ никто не можетъ сдѣлать его чѣмъ-нибудь другимъ; но можно лишить его сознанія своего естественнаго достоинства и этимъ произвести то, что онъ чрезъ дурную, порочную жизнь потеряетъ свое нравственное достоинство. Къ этому-то и приводитъ, это-то и дѣлаетъ, братіе, невѣріе. Оно от-

вергаетъ высшее достоинство человѣка и дѣлаетъ это въ томъ намѣреніи, чтобы освободить человѣка отъ нравственнаго закона, сдѣлать его дурнымъ, безнравственнымъ и порочнымъ.

Невѣріе достигаетъ этого тѣмъ, что оно отвергаетъ бытіе души человѣческой и ставитъ человѣка, такимъ образомъ, на одну ступень съ животными. Конечно, если у человѣка нѣтъ бессмертной души, которая служитъ основнымъ началомъ всей его жизни, тогда онъ—не выше животнаго. Если его разумъ—ничто другое, какъ инстинктъ животнаго, если его свободная воля есть только влеченіе, руководимое самолюбіемъ, тогда перестаетъ быть всякая истина и всякая добродѣтель, и самолюбіе должно безусловно господствовать между людьми. И всему этому невѣріе учитъ, ничуть не затрудняясь и ни предъ чѣмъ не останавливаясь. Не изъ Божіихъ рукъ, говоритъ оно, произошелъ человѣкъ; въ безконечномъ и постепенномъ переходѣ отъ несовершеннаго къ совершенному онъ развился изъ царства животныхъ и, какъ мало имѣетъ душу животное, такъ же мало и человѣкъ. Съ прекращеніемъ земной жизни его, прекращается для него все; бессмертіе его состоитъ только въ воспоминаніи о немъ знавшихъ его собратьевъ. Мысли и желанія его не суть силы его духа, но слѣдствіе привычки или навыка. Его умъ не можетъ вышаться надъ предѣлами чувственнаго, и все сверхчувственное есть только мечта воображенія. Онъ (умъ его) не можетъ также претендовать на достиженіе постоянной, неизмѣнной истины, потому что ходъ жизни можетъ все измѣнять совершенно. Его воля руководится не высшими законами и соображеніями, но исключительно своими собственными выгодами. Хорошо то, что выгодно и полезно, и наоборотъ, т. е. худо то, что причиняетъ вредъ и убытокъ.

Какъ глубоко, братіе, какъ неизмѣримо глубоко все это унижаетъ и оскорбляетъ человѣка! Съ высшей ступени въ ряду твореній онъ низводится на одинаковую ступень съ животными. Подобно животному живетъ онъ на землѣ, даже гораздо хуже, чѣмъ животное. Животное, вслѣдствіе того, что у него не такъ развито сознаніе, какъ у человѣка, не сознаетъ страданій и бѣдствій жизни,—у него нѣтъ

ни воспоминанія о прошедшемъ, ни представленія о будущемъ. У одного только человѣка все это есть, и потому-то именно, что у него есть это сознаніе, онъ является безконечно жалкимъ и несчастнымъ. Невѣрующіе такъ дѣйствительно и высказывались, что человѣкъ — несчастнѣйшее существо и ему ничего не остается, какъ отчаяніе. И они правы. Если у человѣка нѣтъ души, то онъ не болѣе, какъ животное и притомъ несчастнѣйшее изъ животныхъ; потому что онъ одинъ только чувствуетъ страданія, но не знаетъ и не находитъ ни у кого помощи. Вотъ до какого крайняго униженія доводитъ человѣка невѣріе, и въ немъ-то оно видитъ единственное счастье человѣческаго рода?!

Нѣтъ нужды опровергать такое ученіе на научныхъ основаніяхъ, хотя это сдѣлать и не трудно, такъ какъ невѣріе далеко не доказало своихъ положеній. Для ниспроверженія его достаточно указать только на то, что всему человѣческому роду присуще было во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ сознаніе безсмертія души человѣческой, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и внутренній голосъ каждаго человѣка. Но если такое ученіе находитъ для себя въ настоящее время все болѣе и болѣе послѣдователей, то это не потому, что то свидѣтельство человѣческаго рода или собственнаго сердца человѣка замолкло, и не потому, что будто бы ученіе невѣрія стало неоспоримо истиннымъ, но потому, что оно не мѣшаетъ развращенному и склонному ко грѣху сердцу предаваться своимъ страстямъ, удаляя отъ человѣка всякую мысль объ отвѣтственности и наказаніи за такую жизнь. Ибо, если человѣкъ не безсмертенъ, если онъ есть не болѣе, какъ только достигшее высшаго развитія животное, то ему нѣтъ никакого дѣла до Бога. Ибо, если и есть Богъ, то что человѣку бояться Его, когда со смертію все прекращается? Если невозможно знать высшую истину, если нѣтъ никакой истины, то почему человѣкъ долженъ поступать въ своей дѣятельности по какимъ-то опредѣленнымъ законамъ, которые ничѣмъ не оправдываются? И если нѣтъ свободной воли, если хорошо только то, что полезно и выгодно, и дурно то, что невыгодно и вредно, то слѣдовательно нѣтъ и не должно быть никакихъ препятствій и ограниченій для себялюбія и другихъ влеченій сердца. Отсюда естественно вытекаетъ то, что всякія

нравственныя границы разрушаются и падаютъ, и человѣкъ живетъ, какъ хочетъ. Ему ничего не остается, кромѣ заботы сдѣлать свою жизнь возможно пріятнѣе и веселѣе; вотъ онъ и хочетъ испытать все, чего требуетъ его грѣховное сердце. Сообразно тремъ главнымъ источникамъ зла, которое насадилъ въ немъ грѣхъ, оно требуетъ наслажденія и удовольствій, чести и уваженія, власти и господства надъ своими собратіями. Вотъ почему оно ничего не хочетъ знать о смиреніи и послушаніи къ родителямъ, старшимъ и начальникамъ, становясь по отношенію къ нимъ дерзкимъ и непочтительнымъ, какъ это мы и видимъ въ современномъ невѣрующемъ юношествѣ. Къ низшимъ и подчиненнымъ такой человѣкъ бываетъ грубъ и жестокъ и всѣми способами старается возвышать себя. Когда же его сердцемъ овладѣваетъ страсть къ обладанію деньгами и имуществомъ и онъ начинаетъ полагать все свое счастье въ мамонѣ, тогда въ немъ обнаруживается скупость и корыстолюбіе, которое не останавливается ни предъ какою несправедливостію. Человѣкъ, хотя и работаетъ, но не съ тою нравственною цѣлью чтобы честнымъ образомъ удовлетворять необходимымъ потребностямъ, а ради самихъ денегъ, чтобы сдѣлаться богатымъ, кичиться предъ другими и находить въ деньгахъ свое удовольствіе и наслажденіе (но никогда однако не бываетъ доволенъ), или же, что также бываетъ очень часто, чтобы имѣть возможность больше и больше предаваться страсти къ наслажденіямъ. Эта страсть къ наслажденіямъ... но довольно, не буду болѣе рисовать мрачную картину жизни невѣра. Я хотѣлъ только показать, до какого униженія доводитъ человѣка невѣріе; оно дѣлаетъ его животнымъ и заставляетъ жить, какъ животное, а затѣмъ онъ и умираетъ такъ же, какъ животное, безъ всякой надежды и упованія. Если вы, братіе, повнимательнѣе разсмотрите жизнь, какъ она обнаруживается у такихъ людей; то вы убѣдитесь, что я говорю правду. При такомъ образѣ жизни можетъ ли человѣческій родъ, равно какъ и отдѣльный человѣкъ, найти свое счастье? Но если невѣріе ведетъ человѣка къ такому униженію, то расчетъ его найти въ невѣріи свое спасеніе невѣренъ, и мы, поэтому, не должны въ немъ искать спасенія. Вѣра же доставляетъ ему счастье и спасеніе, ибо она возводитъ человѣка на высоту его нравственнаго совершенства и человѣческаго достоинства.

б) Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его, такъ говоритъ псалмопѣвецъ о достоинствѣ человѣка, и мы вполне согласимся съ нимъ, если разсмотримъ, какъ учить насъ о достоинствѣ человѣка вѣра, и изъ этого размышленія мы извлечемъ новое для себя побужденіе жить сообразно съ этимъ высокимъ нашимъ достоинствомъ.

1. «Сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію», такъ сказалъ Богъ, когда вознамѣрился создать человѣка. И создалъ Богъ человѣка изъ персти земной, и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, и человѣкъ сталъ живымъ существомъ, такъ учить вѣра словами Священнаго Писанія о сотвореніи человѣка. Итакъ, онъ есть твореніе Всевышняго, вызванное къ бытію посредствомъ особеннаго Божія совѣта, твореніе, одаренное безсмертною душою, созданное по образу Божію и по подобію, имѣющее разумъ познавать истину и свободную волю творить добро. Если мы рассмотримъ только это небольшое, и тогда уже какое достоинство приобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ человѣкъ! Какъ высоко поставленъ онъ между другими видимыми предметами! И однако однимъ этимъ Богъ не ограничился. Мало того, что Онъ сотворилъ его по образу Своему, онъ одарилъ его еще высшими сверхъестественными дарами. Онъ создалъ его совершенно святымъ и праведнымъ, Онъ удалилъ отъ него всякое преобладаніе чувственности, Онъ даровалъ ему высокое познаніе естественныхъ, видимыхъ предметовъ и еще высшее познаніе Бога и удостоилъ его непосредственнаго общенія съ Собою,—явился въ отношеніи его не какъ только всемогущій Творецъ, но и какъ любящій Отецъ. Онъ ввелъ его въ рай, въ которомъ онъ могъ жить и никогда не умирать. Этого мало: Богъ не лишилъ человѣка Своей любви и тогда, когда тотъ согрѣшилъ и утратилъ естественный образъ Божій. И тогда, когда грѣхъ возобладавъ надъ людьми, когда они, изгнанные изъ рая, блуждали по землѣ, вдали отъ Бога и забывъ Бога,—они не были забыты Богомъ. Своего собственнаго Сына послалъ Онъ для того, чтобы спасти ихъ и возстановить въ нихъ утраченный образъ Божій. И каждый, кто вѣруетъ во Христа и крестится, приобрѣтаетъ этотъ образъ—это усыновленіе и право на небо, на общеніе и внутреннее единеніе

сь Богомъ. Таково, слушатели, въ краткихъ чертахъ достоинство человѣка при свѣтѣ вѣры! Эта высота человѣка не должна ли наполнять наше сердце чувствомъ самаго высокаго умиленія и отвращать насъ отъ ученія невѣрія? Чада Божіи есмы мы, дѣти любящаго Отца, Который надѣлилъ насъ чудными дарами природы и благодати, Который предназначилъ насъ для высокой цѣли!

2. И однако это еще не самое главное и высокое преимущество, которое дароваль намъ Богъ и которымъ Онъ возвысилъ и облагородилъ насъ. Есть еще два таинства въ нашей религіи, показывающія намъ достоинство человѣка еще въ болѣе высокомъ и яркомъ свѣтѣ. Это, во-первыхъ, *вочеловѣченіе Сына Божія*. Такъ высоко стоитъ человѣческая природа въ глазахъ Бога, что ее принимаетъ Самъ вѣчный Сынъ Божій и на вѣки соединяетъ ее въ одномъ лицѣ съ Своею божественною природою. Этимъ Онъ возвысилъ ее до божественнаго достоинства, до господства вмѣстѣ съ Собою надъ цѣлымъ міромъ, надъ небомъ и землею. Онъ сдѣлалъ насъ чрезъ это воплощеніе Своими братьями, ибо Онъ сдѣлался, какъ одинъ изъ насъ. Этимъ Онъ сдѣлалъ для насъ то, что мы можемъ вѣчно владычествовать съ Нимъ, будучи соединены съ Его святымъ человѣчествомъ. Какая отсюда слава и честь для всего человѣчества и для каждаго члена его въ отдѣльности! Сынъ Божій—твой братъ, Сынъ Божій—человѣчскій сынъ, человѣческая природа соединена съ божественною и возвышена до божественнаго Престола!

Но любовь Божія идетъ еще далѣе. Она восхотѣла тѣснѣйшимъ образомъ соединиться и съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, восхотѣла возвысить до участія въ Своей божественной природѣ и каждаго отдѣльнаго человѣка. И это дѣлаетъ она въ *таинствѣ святого причащенія*. Подъ видомъ хлѣба и вина Христось—Сынъ Божій предлагаетъ намъ Свое тѣло и Свою кровь, и это дѣлаетъ Онъ для того, чтобы мы, принимая въ себя Его тѣло и Его кровь, дѣлались причастными Его Божеству. Такимъ образомъ человѣкъ уже на землѣ тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ Богомъ, дабы таковымъ вѣчно оставаться на небѣ. Какой языкъ можетъ, какъ должно, прославить эту любовь Господа и изобразить это достоинство и высоту человѣка,

на которую она поднимаетъ его? Поистинѣ, только *малымъ чимъ умалилъ еси Ты, Господи, его отъ ангелъ!*

3. Невѣріе дѣлаетъ человѣка животнымъ, а вѣра возвышаетъ и приближаетъ его къ Божеству. Невѣріе учитъ его жить подобно животнымъ, вѣра же учитъ его жить сообразно своему достоинству и вести, такъ сказать, божественную жизнь. *Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ совершенъ есть*, взываетъ къ намъ божественный Учитель. Совершенство и святость Божіи есть цѣль, къ которой мы должны стремиться и которая одна только отвѣчаетъ нашему достоинству. Только она одна достойна человѣка, и всѣ добродѣтели, которыя доселѣ украшали землю, происходили отъ стремленія къ достиженію этой цѣли. Такъ жилъ и дѣйствовалъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, такъ учитъ Онъ и насъ поступать. *Слѣдуйте за Мною*, сказалъ Онъ. И если бы мы поступали по этому слову Спасителя и подражали Ему, то мы не стали бы такъ предаваться гордости житейской; ибо Онъ былъ кротокъ и смиренъ и училъ, что всякая честь міра ничего не значить предъ Богомъ. Поэтому и мы должны быть смиренны, смиренны предъ Богомъ и предъ своими собратіями, чтобы стяжать честь у Бога. И если бы мы стремились къ святости Бога, то насъ не ослѣпили бы никакія блага земли, ни деньги, ни богатство, ибо Христосъ не былъ богатъ и училъ насъ, что всѣ эти блага земныя—ничто въ сравненіи съ благами небесными. Не будемъ поэтому отдавать своего сердца въ рабство этимъ благамъ, но будемъ употреблять ихъ, какъ средство къ земной жизни, чтобы благоразумнымъ употребленіемъ ихъ стяжать себѣ вѣчную жизнь. Если бы мы стали подражать совершенству Бога, то не сдѣлались бы рабами чувственныхъ страстей, которыя удаляютъ насъ отъ Бога и о которыхъ говорится: «никто изъ предающихся этимъ страстямъ не увидетъ въ царствіе Божіе». Въ такомъ случаѣ наша жизнь заблестала бы всѣми добродѣтелями, которыя мы видимъ въ Богочеловѣкѣ, смиреніемъ и послушаніемъ, кротостію и любовію, воздержаніемъ и цѣломудріемъ. И кто можетъ оспаривать, что такая только жизнь и достойна человѣка и ставить его на высшую степень совершенства, что она только и отвѣчаетъ

его достоинству и совершенству? Къ такой именно жизни и ведетъ насъ вѣра.

Итакъ, припомнимъ здѣсь, братіе, слова св. Григорія Двоеслова: «Помни, о человѣче, о своемъ достоинствѣ; сдѣлавшись причастнымъ божественной природѣ, не возвращайся чрезъ порочную, нечистую жизнь къ прежнему ничтожеству. Помни, чьей головы и тѣла ты — членъ. Помни, что Богъ извелъ тебя изъ области мрака и воззвалъ въ чудный Свой свѣтъ». Да, братіе, не слушайте губительныхъ, ядоносныхъ ученій невѣрія, которое низводитъ васъ на степень животныхъ и, лишая человѣческаго достоинства, ничего не обѣщаетъ вамъ, какъ только отчаяніе и безутѣшную жизнь; но будьте внимательнѣе къ зову вѣры, которая дѣлаетъ васъ чадами Божіими и готовитъ къ небесной славѣ. Только *малымъ чимъ умалилъ васъ Богъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчалъ Онъ васъ и поставилъ надъ дѣлы руку Своюю*, т. е. выше всѣхъ другихъ Своихъ твореній! И постоянное памятованіе и сознаніе этого высокаго вашего достоинства будетъ предохранять васъ отъ всѣхъ опасностей и искушеній и удерживать отъ всего, что только можетъ лишить васъ этого достоинства, и наоборотъ—будетъ побуждать ко всякимъ жертвамъ, лишь бы только достигнуть наслѣдія чадъ Божіихъ.

ВЗГЛЯДЪ В. А. ЖУКОВСКАГО НА ЗАДАЧУ И ЦѢЛЬ ВОСПИТАНІЯ ¹⁾.

„Воспитаніе должно обрзовать человека, гражданина, христіанина“.
(Трактатъ Жуковскаго „О воспитаніи“).

Предметомъ своей бесѣды съ вами я ставлю вопросъ близкій къ вашей жизни и существенно важный,—вопросъ о воспитаніи, о которомъ по отношенію къ вамъ должны заботиться и заботятся и семья и школа. Нынѣ такъ много предлагаютъ системъ воспитанія, самыхъ разнообразныхъ и часто взаимно противорѣчивыхъ; но и я, православный священникъ, а вы и родители ваши—чада православной Церкви; отсюда уже должно быть понятно само собою, что моя рѣчь къ вамъ можетъ быть только о воспитаніи религіозно-нравственномъ въ духѣ православной Церкви. Къ этому побуждаетъ меня и то, что о такомъ именно воспитаніи не разъ и не два говорилъ въ своихъ рѣчахъ объ немъ и Благочестивѣйшій Государь нашъ, по поводу всѣмъ замѣтнаго упадка воспитанія въ современной школѣ и семьѣ.

Но, взявъ этотъ предметъ для своей бесѣды съ вами, я не думаю, такъ сказать, самолично разсуждать объ немъ съ исключительно богословской или церковной точки зрѣнія; я хочу лишь познакомить васъ съ тѣми мыслями и сужденіями объ этомъ вопросѣ, какія многократно, подробно и обстоятельно высказывалъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей, писатель—поэтъ, имѣвшій большое значеніе въ дѣлѣ воспитанія Государя Императора Александра II-го и хорошо, конечно, всѣмъ извѣстный Василій Андреевичъ Жуковскій.

Взглядъ Жуковскаго на задачу и цѣль воспитанія высказанъ имъ въ извѣстномъ трактатѣ его о воспи-

---

¹⁾ Чтеніе для учащихся.

таніи. «Воспитаніе, — говоритъ тамъ Жуковскій, — должно образовать человѣка, гражданина, христіанина». Вотъ какова задача воспитанія, по Жуковскому. Она эта задача—можетъ составлять сущность всякаго вообще воспитанія, тѣмъ болѣе, конечно, воспитанія религіозно-нравственнаго. Вышеприведенныя слова Жуковскаго о воспитаніи, вѣроятно, знакомы всѣмъ намъ изъ его произведеній, образцы которыхъ изучались нами въ школѣ на урокахъ по русскому языку. Нѣкоторые изъ васъ, можетъ быть, обращали на нихъ особенное вниманіе, а на нѣкоторыхъ, какъ, напр., на меня, во время обученія моего въ средней свѣтской школѣ, они производили, можетъ быть, сильное впечатлѣніе.

Уяснить себѣ хорошенько взглядъ нашего поэта на воспитаніе, разобрать эти слова его въ связи съ другими словами его же, вообще представить себѣ ясную и цѣльную картину истиннаго воспитанія человѣческаго, по Жуковскому, и составляетъ цѣль настоящей бесѣды.

Воспитаніе, по словамъ Жуковскаго, должно образовать, прежде всего, «человѣка», званіе котораго является «святѣйшимъ» изъ всѣхъ «званій» ¹⁾ на землѣ. «*Будь на тронѣ человекъ*», такими словами привѣтствовалъ онъ рожденіе Государя Императора Александра II. Итакъ, образованіе человѣка—вотъ первая и главная цѣль воспитанія, къ которой должны стремиться всѣ педагоги на свѣтѣ! Къ ней должны вести всѣ наличныя средства современной школы и семьи.

Что-же, спросимъ, осуществляется-ли эта жизненная цѣль? Дѣйствительно-ли воспитаніе образовываетъ изъ васъ людей? Для того, чтобы быть человѣкомъ, надо знать, что такое человекъ. Понятіе о человекѣ бываетъ у насъ слишкомъ узкое и слишкомъ широкое. Человѣкомъ мы обыкновенно называемъ высшій родъ живыхъ существъ, сотворенный по образу и подобию Божию, въ отличіе отъ

---

¹⁾ Слова его изъ стихотворенія, написаннаго на рожденіе Императора Александра II.

другихъ, лишенныхъ этого образа и подобія и называемыхъ животными. Иногда же мы называемъ этимъ именемъ людей, подобныхъ намъ во всемъ по устройству нашей природы, но зависящихъ отъ насъ въ томъ или иномъ отношеніи и служащихъ намъ на томъ или иномъ поприщѣ жизни и при этомъ употребляемъ это имя пренебрежительно и укорительно. Такъ расширяется и такъ суживается иногда понятіе о человѣкѣ, получая ложное и неестественное направленіе въ самой жизни человѣческой.

Каково-же, спросимъ теперь, должно быть истинное понятіе о человѣкѣ? «Человѣкъ, по опредѣленію Жуковскаго, есть здравая душа въ здоровомъ тѣлѣ»²⁾. Вотъ истинное понятіе о человѣкѣ, съ которымъ нельзя не согласиться каждому изъ насъ! И вотъ къ чему должно вести прежде всего воспитаніе, по мнѣнію Жуковскаго! Въ этомъ случаѣ мнѣніе послѣдняго вполне сходится съ мнѣніемъ древнихъ римлянъ, которые, по словамъ ихъ поэта Ювенала, точно также признавали и, вмѣстѣ съ тѣмъ, молитвенно желали, чтобы былъ здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ³⁾.

Въ опредѣленіи Жуковскимъ понятія о человѣкѣ заключаются, какъ мы видимъ, слѣдующіе три элемента: 1) *душа*, 2) *тѣло* и 3) *здоровье*. Остановимся на этихъ элементахъ и разберемъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Что—такое душа, по Жуковскому? Въ опредѣленіи этого слова нашъ писатель, какъ извѣстно, стоитъна строго-церковной точкѣ зрѣнія и вполне сходится въ этомъ отношеніи съ Священнымъ Писаніемъ, съ ученіемъ Апостола Павла «о *тройственности* человѣка, о соединеніи въ немъ *духа, души и тѣла*». «*Духъ*,—говоритъ Жуковскій—чисто божественное въ человѣческомъ; *душа*—нетлѣнное, съ нимъ нераздѣлимое тѣло духа, нѣчто имѣющее съ одной стороны свойство тѣлеснаго, то есть, нѣкоторый опредѣленный образъ, съ другой стороны нетлѣнность и самобытность духа; наконецъ, *тѣло*—матеріальная скинія духа и души на все время

²⁾ Трактатъ о воспитаніи.

³⁾ Избранныя педагогическія сочиненія Яна Амоса Коменскаго, ч. I. М. 1899 г. стр. 102 и 305.

земной жизни, въ которой ихъ видимое, совокупное явленіе называется человѣкомъ. Сіи три элемента, составляющіе это, названное человѣкомъ, цѣлое—могутъ быть опредѣлены, постигаемы каждый отдѣльно. Главный элементъ есть духъ: въ немъ сосредоточивается вся дѣятельность человѣческой жизни; второй элементъ—душа, неотдѣлимая, вѣчная принадлежность духа, его, такъ сказать, двойникъ, его самобытный дѣйствователь съ одной стороны на тѣло, и, черезъ органы тѣла, на внѣшній временный міръ, съ другой стороны обратно на него сообщеніемъ ему впечатлѣній, черезъ органы тѣла изъ внѣшняго міра получаемыхъ, наконецъ, третій элементъ—тѣло, временная матеріальная принадлежность души, которая или властвуетъ и покоряетъ его силѣ духа, или ему покорствуется и своею отъ него зависимою стѣсняетъ духъ въ его дѣйствіяхъ»⁴⁾.

„Итакъ, человѣкъ составленъ изъ духа, души и тѣла; безъ соединенія сихъ трехъ нѣтъ человѣка. Духъ—царствующая, самобытная часть человѣка; душа—посредникъ между духомъ и тѣломъ; тѣло—само по себѣ нѣчто безжизненное, матеріальное, подчиненное. Но тѣло необходимо душѣ (возьмемъ здѣсь душу въ ея обширномъ смыслѣ, то есть, соединяя духъ и душу въ одну идею) для ея дѣятельности въ здѣшнемъ порядкѣ и составляетъ орудіе этой дѣятельности, обращающейся на міръ внѣшній. Сія необходимость употреблять тѣло, какъ орудіе, производитъ зависимость души, какъ отъ тѣла, такъ и отъ внѣшняго, вещественнаго міра, съ которымъ тѣло вводитъ ее въ сношеніе. Сія зависимость есть то, что мы называемъ плотію. Говоря: тѣло, мы разумѣемъ тѣлесный составъ человѣка, взятый отдѣльно, его члены и проч.; говоря: плоть, мы разумѣемъ и тѣло въ его вліяніи на душу, и душу подъ вліяніемъ тѣла, подъ вліяніемъ внѣшняго міра“⁵⁾.

Изъ этихъ словъ Жуковскаго можно вывести также и то понятіе о здравіи души, которое необходимо имѣть каждому изъ насъ для того, чтобы руководствоваться въ дѣлѣ воспитанія при образованіи въ себѣ человѣка. Очевидно, здравіе души, по словамъ Жуковскаго, состоитъ въ

⁴⁾ Размышленія и замѣчанія.

⁵⁾ Ibidem.

томъ, когда она (душа) «властвуетъ» надъ тѣломъ и «покоряетъ его силѣ духа». Другими словами, въ переводѣ на библейскій языкъ, выражаясь словами одной церковной пѣсни, здравіе души состоитъ въ «покореніи худшаго (т. е. тѣла) лучшему (т. е. душѣ) и въ порабоженіи плоти духу» (общ. стих. преподобн.). Равнымъ образомъ, болѣзнь души, по словамъ Жуковскаго, состоитъ въ томъ, когда душа «покорствуетъ тѣлу и своею отъ него зависимоścią стѣсняетъ духъ въ его дѣйствіяхъ».

Намъ осталось еще выяснитъ въ опредѣленіи Жуковскимъ понятія о человѣкѣ здравіе тѣла его. Но я думаю, всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что разумѣетъ именно Жуковскій подъ этими словами. *Здравое тѣло*, это—безъ сомнѣнія—такая «матеріальная скинія духа и души на все время земной жизни человѣка», какая, на нашъ взглядъ, можетъ казаться болѣе или менѣе удовлетворяющей своему назначенію. Говоримъ: болѣе или менѣе потому, что съ тѣхъ поръ, какъ получилъ первый человѣкъ опредѣленіе Божіе о проклятій за свое грѣхопаденіе, съ тѣхъ поръ и тѣло его подвержено разнымъ бѣдствіямъ и несчастіямъ въ сей временной земной жизни, начиная съ немощей и болѣзней и кончая смертію и разрушеніемъ. Если же и говорятъ теперь о здоровіи тѣла, то говорятъ, конечно, приспособительно къ условіямъ настоящей жизни. Такое понятіе тѣлеснаго здравія является во всякомъ случаѣ условнымъ и ограниченнымъ. «Вліяніе тѣла на душу,—говоритъ Жуковскій,—вредно со времени паденія перваго человѣка, ибо сіе паденіе поселило въ человѣкѣ грѣхъ, то есть испортило волю его. Сія воля безсильна удержатъ первенство души надъ тѣломъ, сохранить ее отъ него въ независимости и съ нимъ отъ вѣшняго міра; она колеблется между нимъ и высшимъ міромъ; сія колеблемость, сія склонность уступать тѣлу есть состояніе грѣховное. Мы должны произвольно сохранять духовность души своей и отдалять отъ нея все плотское; но для этого воля наша безсильна. Тѣло, до паденія чистое, по своей испорченности отъ паденія сдѣлалось главнымъ врагомъ души человѣческой. Душа по натурѣ своей божественна; но бываетъ, по испорченности воли произведенной грѣхопаденіемъ, *плотью*, то есть рабомъ тѣла и вѣшняго

міра. Душа, какъ духъ, исключительно принадлежитъ Богу. Какъ душа стоитъ между міромъ и Богомъ, такъ плоть исключительно покорствуесть тѣлу и, чрезъ тѣло, міру» ⁶⁾. Очевидно, всякій человѣкъ, желающій удержаться на высотѣ своего истинно-человѣческаго званія, долженъ поступать, согласно мыслямъ Жуковскаго, по духу.

Но вѣдь тому же самому, какъ извѣстно, учить и Священное Писаніе. «Поступайте по духу,—пишетъ Ап. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ,—и вы не будете исполнять вождельній плоти. Ибо плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти. Они другъ другу противятся, такъ что вы не то дѣлаете, что хотѣли бы». (Гал. V, 16—17).

Да, между духомъ и плотію происходитъ у людей постоянная, можно сказать борьба и столкновение! Но значить-ли отсюда, чтобы люди не отдавали должной дани заботѣ и попеченію о тѣлѣ? Нѣтъ, конечно! Для здравія души человѣческой необходимо, чтобы она имѣла перевѣсъ надъ тѣломъ, для здравія же тѣла человѣческаго необходимо, чтобы оно имѣло перевѣсъ надъ движеніями плотской, т. е., низменной, чувственной, грѣховной жизни въ человѣкѣ. Иначе говоря, для этого необходимо, чтобы люди, живущіе въ тѣлѣ, «попеченія о плоти не превращали въ похоти». (Римл. XIII, 14). Всѣ законныя и необходимыя потребности тѣла человѣческаго должны, конечно, такъ или иначе удовлетворяться. Въ противномъ случаѣ жизнь тѣлесная можетъ совсѣмъ разстроиться и погибнуть. И тогда, вмѣсто здороваго, крѣпкаго и сильнаго организма, можетъ развиться организмъ больной, слабый и немощной. Когда-жѣ, при какихъ именно обстоятельствахъ, достигается нами вождельнное и нормальное съ нашей точки зрѣнія здравіе тѣла человѣческаго?...

Что нужно для того, чтобы, по словамъ Жуковскаго, въ здоровомъ тѣлѣ была здоровая душа? Для этого нужно именно привести въ норму духовную, душевную и тѣлесную сторону жизни въ человѣкѣ. •По естественному назначенію человѣкъ долженъ жить въ духѣ, духу подчинять и духомъ проникать все душевное, а тѣмъ паче тѣлесное,—а за ними

⁶⁾ Ibidem.

и все свое виѣшнее, т. е., жизнь семейную и общественную. Се—норма», говорить одинъ современный подвижникъ, опытный въ духовной жизни ⁷⁾). Что-же это однако означаетъ? «Не то», конечно, «чтобъ, когда человѣкъ бываетъ духовенъ, душевность и тѣлесность не имѣли уже въ немъ мѣста, но то, что тогда духовность у него бываетъ господствующею, подчиняя себѣ и проникая собою душевность и тѣлесность; равно—не то, чтобъ, когда человѣкъ бываетъ душевенъ, его духовность и тѣлесность не существовали болѣе, но то, что тогда душевность бываетъ господствующею, всѣмъ заправляетъ и всему даетъ свой тонъ и самую духовность облекаетъ покровомъ душевности; также не то, чтобъ, когда человѣкъ бываетъ плотянь, его духовность и душевность исчезали, но то, что тогда все у него оплотняется, и духовность и душевность плотяны бываютъ, подчинены плоти и ею поправны и въ рабствѣ у себя содержимы» ⁸⁾).

«Такъ какъ, на какой бы степени ни находился человѣкъ, другія стороны его жизни остаются присущими въ немъ; то ни на одной степени онъ не бываетъ закабаленъ такъ, чтобы ужь и высвободиться не могъ изъ сей кабалы; но всегда имѣть возможность переходить съ одной степени на другую, ослабивъ одну сторону своей жизни и усиливъ другую. Такъ и духовный человѣкъ можетъ ниспасть въ душевность и тѣлесность, и плотяный—подняться до духовности, когда тотъ возлюбитъ душевное и плотское, а этотъ взыщетъ духовнаго. Человѣкъ всегда свободенъ. Свобода дана ему вмѣстѣ съ самосознаніемъ, и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ существо духа и норму человѣчности. Погасите самосознаніе и свободу,—вы погасите духъ, и человѣкъ сталъ не человѣкъ» ⁹⁾). Это и замѣчается теперь во многихъ изъ насъ, которые, хотя и называются людьми, но живутъ не такъ, какъ люди, имѣющіе въ себѣ истинно - человѣческое достоинство

---

⁷⁾ „Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться“. Письма Епископа Теофана. Изданіе третье. Аѳонск. Русск. Пантелеим. мон. Одесса. 1891 г. стр. 48.

⁸⁾ Ibidem. стр. 44.

⁹⁾ Ibidem. стр. 44—45.

ство, вслѣдствіе именно погашенія самосознанія илишенія свободы духа.

Но если воспитаніе, по мнѣнію Жуковскаго, и должно имѣть цѣлію образоватъ прежде всего и больше всего чело-вѣка, то понятіе послѣдняго, выраженное имъ въ словахъ: «здравая душа въ здоровомъ тѣлѣ» является, конечно, идеальнымъ понятіемъ, возможнымъ и осуществимымъ лишь при остальныхъ двухъ задачахъ воспитанія, на какія онъ обращаетъ вниманіе въ дальнѣйшихъ словахъ своихъ. Здѣсь же, судя по конструкціи его рѣчи, нельзя не замѣтить, что онъ имѣетъ въ виду тѣло и желаетъ урегулировать его отношенія къ душѣ. Поэтому, вышеприведенное опредѣленіе Жуковскаго можно перефразировать такъ. Человѣкъ есть не только здравая душа въ здоровомъ тѣлѣ, но и здоровое тѣло, носящее въ себѣ здравую душу. Мысль, конечно, одна и таже, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ господства одной стороны жизни чело-вѣка надъ другой. По нашему мнѣнію, здѣсь нужно разумѣть именно *тѣлесную* жизнь въ чело-вѣкѣ, ея не только здоровое состояніе, но и вполне нормальное развитіе и усовершенствованіе. Отсюда, такимъ образомъ, исключается всякое ненормальное состояніе тѣлесной природы чело-вѣческой, всякое насил-ованіе и искаженіе ея, всякое задерживаніе ея роста и развитія, хотя-бы и въ аскетическихъ цѣляхъ предпри-нимаемое. Съ точки зрѣнія Жуковскаго нельзя назвать чело-вѣкомъ, напр., Аѳонскаго подвижника—аскета, живу-щаго гдѣ-нибудь въ ущельи горы или на скалѣ при морѣ, подвижника—аскета, добровольно отрекшагося отъ тѣла и умертвившаго его въ себѣ во имя высшихъ запросовъ духа, равно какъ нельзя назвать такимъ именемъ какого-нибудь Австралійскаго дикаря, у котораго потребности духа совершенно заглушены, хотя тѣло его бываетъ здорово и развито въ той или иной степени. По мнѣнію Жуковскаго, понятіе чело-вѣка представляетъ нѣчто общее и, въ то же время, нѣчто низшее и несовершенное. Воспитаніе должно вести къ болѣе частной цѣли, а также къ болѣе высшему и совершенному порядку жизни чело-вѣческой на землѣ. Отсюда—вторая задача воспитанія, которая состоитъ въ слѣдующемъ. Воспитаніе должно образоватъ, по словамъ Жуковскаго, не только чело-вѣка, но и «гражданина».

Что-же такое гражданинъ? Гражданинъ, это, — «нравственность, просвѣщеніе, искусства, самостоятельность»¹⁰⁾. Изъ этихъ словъ Жуковскаго ясно видно, что въ его понятіе гражданина входитъ, такъ называемая, культурная или цивилизованная жизнь современнаго человѣчества. Конечно, нужно замѣтить здѣсь, прогрессъ этой культуры или цивилизаціи, какъ мы представляемъ ихъ себѣ теперь, далеко двинулъ свои шаги впередъ со времени кончины Жуковскаго, въ это какое-нибудь полстолѣтіе. Но вѣдь культура культурѣ рознь, равно какъ и цивилизація бываетъ непохожа на цивилизацію. Есть культура и цивилизація обще-человѣческая, христіанская, т. е., такая, которая имѣетъ основаніе въ томъ высшемъ благѣ, которое принесъ съ неба на землю воплощенный Господь нашъ Іисусъ Христосъ. И есть культура и цивилизація частная, какъ принадлежащая только нѣкоторымъ людямъ или народамъ на землѣ, культура и цивилизація узко-ограниченная и оторванная совсѣмъ отъ христіанства, какова, напр., пресловутая, такъ называемая, западно-европейская культура и цивилизація, по образцу которой теперь хотятъ перестроить все наше государство. Нѣтъ, не такую низшую и несовершенную, однимъ словомъ, языческую культуру и цивилизацію разумѣетъ здѣсь Жуковскій, когда говоритъ о гражданской жизни человѣка; а разумѣетъ именно культуру и цивилизацію христіанскую, какъ болѣе высшую и совершенную изъ всѣхъ прочихъ. Это станетъ еще болѣе яснымъ и понятнымъ намъ, когда мы остановимся болѣе подробно и разберемъ болѣе детально, въ чемъ состоятъ, по Жуковскому, признаки и свойства истинно — гражданской жизни.

Первымъ признакомъ такой гражданской жизни является, по его словамъ, «нравственность». Стало быть, тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ нравственности, не можетъ быть даже и названъ гражданиномъ. Но что — такое нравственность?.. Нынѣ, при всеобщемъ хаосѣ мыслей и чувствъ, понятій и представленій, какой царитъ въ умахъ и серд-

---

¹⁰⁾ Трактатъ о воспитаніи.

цахъ человѣческихъ, трудно разобратъся въ этомъ вопросѣ, какъ слѣдуетъ. Кому не извѣстно изъ насъ, какъ спутанны и разнорѣчивы бываюу сужденія людей объ этомъ предметѣ? Такъ, одному нравственность представляется въ видѣ того, что другому кажется совершенно безнравственнымъ. И наоборотъ. Нѣтъ той области болѣе свободной въ настоящее время, гдѣ бы люди примѣняли свои взгляды, какъ теоретическіе, такъ и практическіе, въ этого рода вопросѣ каждый по своему. Такимъ именно и является вопросъ о нравственности въ сужденіяхъ людей безъ принциповъ христіанской жизни. Но нравственность безъ христіанства немыслима. Это будетъ уже не нравственность, т. е., какъ естественная потребность человѣческой природы, вытекающая изъ побужденій высшихъ, религіозныхъ, а какъ простое и чисто условное обязательство, данное по страху наказанія за неисполненіе его или по выгодѣ внѣшнихъ преимуществъ за исполненіе его въ жизни человѣка. Не такова истинная нравственность человѣческая, основанная на христіанствѣ и поддерживаемая христіанствомъ. Она, эта нравственность, имѣетъ первоначальнымъ источникомъ своимъ Бога, отъ Котораго, по слову Апостола, «нисходитъ всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный» (Іак. I, 17), и конечною цѣлію своею имѣетъ жизнь вѣчную, уготованную Имъ на небесахъ «всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его» (2 Тим. IV, 8). Судя по этому, и земная жизнь людей должна быть всецѣлымъ приготовленіемъ къ этой будущей вѣчно-блаженной жизни на небесахъ. Въ предѣлахъ земной жизни, какая каждому изъ насъ предназначена здѣсь, «мы»—люди, какъ «твореніе» Божіе, «созданы во Христѣ Іисусѣ на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ намъ исполнять» (Еф. II, 10). Христіанскую нравственность людей въ общихъ чертахъ рисуетъ намъ Ап. Павелъ въ слѣдующихъ словахъ, которыя мы находимъ въ одномъ изъ его посланій: «наконецъ, братія мои, пишеть онъ въ посланіи къ Филиппійцамъ,—что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала, о томъ помышляйте. Чему вы научились, что приняли, и слышали, и видѣли во мнѣ, то исполняйте» (Филип. IV, 8—9).

У Жуковскаго, какъ извѣстно, нѣтъ особаго трактата о нравственности; но изъ этого нельзя, конечно, заключать, что ему незнакомо совсѣмъ понятие объ этомъ предметѣ. Нѣтъ! Судя по его прозаическимъ произведеніямъ, особенно же по его размышленіямъ и замѣчаніямъ, можно нарисовать себѣ цѣлую картину нравственной истинно-христіанской жизни человѣческой. Позволимъ себѣ набросать здѣсь хотя нѣсколько штриховъ изъ этой прекрасной, созданной въ головѣ художника, картины, и, притомъ, набросать кистью самого этого художника. Вотъ что, на примѣръ, написано Жуковскимъ о вѣрѣ и тѣсно связанной съ ней нравственности. «Въ наше время, когда все опрокинуто, необходимо взглянуть безпристрастными глазами на тѣ истины, которыя всему служатъ основаніемъ и которыхъ отрицаніе произвело это всеобщее разрушеніе, грозящее одичалостію человѣческому обществу... Основная истина, корень всѣхъ истинъ, которой мы ни постигнуть, ни доказать умомъ, ни вполнѣ выразить словомъ не можемъ: *Богъ существуетъ*, Богъ самостоятельное, личное, самознающее бытіе, источникъ всякаго бытія, невидимый видимаго Создатель... Богъ есть положительное добро, положительная истина, положительная красота; все противорѣчащее добру, правдѣ, истинѣ, красотѣ, есть отрицаніе Бога. Основаніе всякаго добра, всякой правды, истины и красоты въ душѣ человѣка есть вѣра въ Бога. Изъ вѣры въ Бога исходитъ всякое добро, всякая истина, всякая правда и красота. Сія вѣра, выражаемая словомъ: *Богъ существуетъ*, есть основная аксіома, главное передовое положеніе, первая точка отбытія, съ которой долженъ начинаться всякій путь нашихъ умствованій, дабы мы могли достигнуть до вѣрнаго результата» ¹¹⁾).

«Въ естественномъ своемъ состояніи» человѣкъ,—по словамъ Жуковскаго, «познать самого себя не можетъ, а потому и познаніе Бога ему не дается. Естественный свѣтъ сіяетъ въ немъ, какъ мѣсяцъ, онъ прибываетъ и убываетъ; но свѣтъ отъ высоты, благодать, сіяетъ, какъ солнце, и всякую свѣтлость блистаніемъ, ясностію и чистою своєю превосходитъ» ¹²⁾).

¹¹⁾ Размышленія.

¹²⁾ Ibidem.

Вотъ тотъ путь и тѣ, такъ сказать, первоначальные шаги по нему, приводящіе человѣка къ нравственности, т. е., къ жизни по вѣрѣ въ Бога. «Если ты будешь искать Бога—говорить Жуковскій—то найдешь Бога, и Онъ дастъ тебѣ праведную жизнь и сохранить тебя въ правдѣ, которая только въ томъ заключается, чтобъ ты воистину признавалъ, что Онъ есть Богъ и что ты самъ ничто» ¹³⁾.

Вторымъ признакомъ истиннаго гражданства, какъ мы сказали, является по Жуковскому просвѣщеніе. Но какое просвѣщеніе? То ли просвѣщеніе, которое кладется въ основу западно-европейскаго прогресса и культуры и которое является совершенно оторваннымъ отъ вѣры въ Бога и жизни по этой вѣрѣ? Примѣры и образцы такого просвѣщенія всѣмъ намъ, конечно, извѣстны: они состоятъ въ вытравленіи вѣры у учащихся обоего пола въ различныхъ школахъ, въ вынесеніи Креста Христова и святыхъ иконъ изъ мѣстъ, предназначенныхъ для образованія и воспитанія, равно какъ и изъ другихъ общественныхъ учрежденій, въ гоненіи на монастыри и монашескую жизнь, въ упраздненіи праздниковъ церковныхъ и замѣнѣ ихъ свѣтскими праздниками. Нѣтъ, не это ложное и пагубное просвѣщеніе разумѣется въ словахъ Жуковскаго, когда онъ, опредѣляя понятіе гражданина, отводитъ ему, въ числѣ прочихъ характеристическихъ свойствъ, также и просвѣщеніе, а то истинное и спасительное просвѣщеніе, которое зиждется на твердомъ основаніи православія и неуклонномъ направленіи къ *Тому, Кто есть свѣтъ міру* (Іоан. VIII, 12).

Въ своемъ трактатѣ о наукѣ Жуковскій, опредѣляя ее, какъ «богатство ума человѣческаго», какъ «хранилище приобрѣтенныхъ имъ умственныхъ сокровищъ» говорить, между прочимъ, слѣдующее: «изъ соединенія наукъ и ихъ вліявія на жизнь человѣческаго рода истекаетъ то, что мы называемъ образованіемъ, *гражданственностію*; гражданственность есть результатъ примѣненія знаній къ практической, общественной жизни, къ жизни человѣческой въ границахъ земного».

¹³⁾ Ibidem.

«Съ успѣхами гражданственности человѣкъ, какъ членъ общества, какъ зритель и обладатель природы вещественной, становится *материально* часъ отъ часу разборчивѣе и взыскательнѣе въ наслажденіяхъ чувственныхъ, а *умственно* часъ отъ часу болѣе приобрѣтаетъ способовъ лакомиться и роскошно забываться за изобильною трапезою мысли. Все это, столь важное относительно земной жизни человѣка, то есть, относительно этого минутнаго явленія нашего посреди разнообразныхъ явленій окружающаго насъ тревожнаго міра, само по себѣ не имѣетъ никакой положительной важности относительно души нашей. Въ этомъ богатствѣ матеріальномъ и умственномъ, принадлежащемъ человѣческому роду въ цѣломъ, нѣтъ еще того, что составляетъ отдѣльное, вѣчное богатство души человѣческой внѣ человѣческаго рода, вызванной изъ тѣсныхъ отношеній всего, что здѣсь составляетъ предметъ любопытства для ума нашего и вождельнія для нашего сердца... Вѣчное есть Богъ, источникъ и предметъ всякаго знанія; всякій шагъ впередъ науки долженъ быть шагомъ приближающимъ къ Богу, новымъ откровеніемъ въ таинствѣ нашихъ вѣчныхъ къ Нему отношеній. Все, что мы *здѣсь* знаемъ, принадлежитъ здѣшней жизни и изъ нея истекая, здѣсь съ нею и остается; но итогъ нашихъ знаній, элементъ ихъ животворящій, то, что въ нихъ принадлежитъ исключительно душѣ и съ нею вмѣстѣ уйдетъ изъ здѣшней жизни, это есть наше знаніе Бога и знаніе нашихъ къ Нему отношеній» ¹⁴⁾.

Изъ этихъ словъ Жуковскаго относительно науки и знанія нельзя выводить, конечно, того заключенія, что онъ будто-бы «хотѣлъ унижить науку» и «поклонялся невѣжеству». Нѣтъ, отводя наукѣ свое мѣсто на землѣ, онъ благоговѣлъ передъ наукою и ставилъ ее однимъ изъ условій для успѣха гражданственности въ государствѣ. Этимъ онъ «хотѣлъ только сказать, что наука теряетъ свое высокое достоинство, когда сама становится своею цѣлію. Цѣль науки, и вообще жизни духовнаго человѣка, по словамъ Жуковскаго, есть Богъ, создавшій человѣка не для

---

¹⁴⁾ Трактатъ о наукѣ.

иного чего, какъ для Себя. Земля есть колыбель человѣка; земная жизнь и все человѣчество, взятыя вмѣстѣ, суть скоропреходящія явленія, образующія и готовящія каждую человѣческую душу отдѣльно для другой высшей жизни... Человѣку на землѣ нужна наука, душѣ человѣческой нуженъ Богъ. Онъ одинъ только даетъ знанію жизнь. Онъ одинъ изъ глубины знанія, бесѣдуя съ душею, съ нею сливается *здѣсь*, дабы не покинуть ея *тамъ*, гдѣ всякое темное знаніе, какъ сонъ, исчезаетъ. «Къ нему», поэтому, и «должна вести наука» ¹⁵⁾). Въ этомъ заключается, по Жуковскому, истинная цѣль просвѣщенія всякаго человѣка.

Точно такими же глазами смотритъ Жуковскій и на искусство, которое является, по его словамъ, однимъ изъ свойствъ гражданина. Что такое искусство? «Искусство,—говоритъ онъ въ особомъ трактатѣ объ изящномъ искусствѣ,—поэзія въ разныхъ формахъ; источникъ искусства—творческая сила человѣка, посредствомъ которой онъ посреди творенія Божія другими средствами творитъ то же, что въ глазахъ его сотворено природою; его матеріалы для творенія суть: слово, звукъ, краска, твердая матерія. *Цѣль* искусства—не иное что, какъ самое сіе созданіе, которое въ то же время должно быть и созданіе изящное, то есть, пробуждающее въ душѣ сладостное ощущеніе красоты. Красота въ тѣсномъ смыслѣ есть истина, то есть, вѣрное сходство изображенія съ изображаемымъ; въ обширномъ смыслѣ красота есть истина идеальная, то есть, не одно ощутительное сходство выраженія съ выражаемымъ, но и соединеніе съ нимъ того, что неощутительно, что единственно существуетъ въ душѣ человѣческой, постигающей нѣчто высшее, внѣ видимой матеріальной природы существующее, и свойственное ея божественной природѣ, однимъ словомъ, когда идеаль красота есть Богъ, явно и тайно сопричастствующій въ созданіи и ему сообщающій красоту живую, одной человѣческой душѣ откровенную. Искусство принадлежитъ землѣ; оно украшаетъ земную жизнь; его произведенія составляютъ памятники неизмѣнные посреди измѣняющихся явленій міра; но оно не переходитъ съ нами

---

¹⁵⁾ Ibidem.

за границу земли». Такимъ образомъ искусство, какъ и наука, составляя необходимую принадлежность чело-вѣка въ его частной и общественно - гражданской жизни, ограничивается по Жуковскому предѣлами земли и не идетъ далѣе этихъ предѣловъ.

Наконецъ, послѣднее отличительное свойство гражда-нина, это — самостоятельность. Что-же нужно раз-умѣть подъ этимъ свойствомъ, по словамъ Жуков-скаго? Когда говорятъ о самостоятельности и нера-зрывно связанной съ ней свободѣ, то, конечно, представля-ютъ себѣ гражданскую жизнь вполнѣ благоустроенною, вполнѣ отвѣчающею требованіямъ современнаго духа и на-правленія. А этотъ духъ и направленіе, какъ извѣстно, требуетъ именно больше всего свободы и самостоятельности, понимаемыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Подъ свободой разумѣютъ теперь всякую свободу, свобо-ду совѣсти, свободу мысли, свободу слова, свободу печати и т. д. Подъ самостоятельностью разумѣютъ всякій способъ дѣйствія гражданъ управляться въ жизни самими собою безъ всякой опеки надъ ними какой бы то ни было вла-сти. Въ этомъ видятъ, какъ извѣстно, настоящія права гражданства, достиженіе которыхъ составляетъ завѣтную цѣль современныхъ гражданъ. Но такъ ли должно быть на самомъ дѣлѣ, по тому идеалу гражданской жизни, ко-торый столь явственно выставленъ напоказъ въ нашемъ государствѣ? Нѣтъ, не такъ!

«Что есть свобода гражданская?» — спрашиваетъ въ одномъ мѣстѣ Жуковский, и такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:—«совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность дѣлать все, чего не запрещаетъ законъ. Что есть свобода въ высшемъ смыслѣ?—Совершенная подчиненность волѣ Божіей всегда, во всемъ, вездѣ и ничему иному. Въ сей подчиненности заклю-чается свобода отъ зла, отъ судьбы, отъ людей. Что такое подчиненность волѣ Божіей? Воля человѣческая боль-на со времени паденія. Подпорою и руководствомъ ей слу-жить естественный нравственный законъ, или, лучше ска-зать, остатокъ того божественнаго образа, который отра-зился въ чело-вѣкѣ при его созданіи и затмился въ немъ грѣхо-падениемъ. Но этотъ законъ самъ по себѣ темень, а голосъ

совѣсти, хотя и всегда слышенъ, но не всегда понятенъ. Этотъ голосъ совѣсти есть внутреннее выраженіе нравственнаго закона. Со времени искупленія сей внутренней голосъ выражается ясно въ ученіи Спасителя. Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, чему слѣдовать, что дѣлать, чего не дѣлать, къ чему стремиться: все сказано Христомъ и совѣсть не можетъ заблуждаться. Итакъ, покорность воли человѣческой передъ верховною волею Божіею состоитъ въ ея неизмѣнномъ согласованіи съ сею волею, выраженною въ Священномъ Писаніи. Эта покорность можетъ быть или положительная, когда мы сами должны дѣйствовать, или отрицательная, когда мы должны принимать смиренно то, что на насъ дѣйствуетъ; въ обоихъ случаяхъ она есть чистое смиреніе» ¹⁶⁾. «Счастливъ тотъ, кого жизнь заранѣе приучила къ покорности, кто въ младенчествѣ получилъ привычку принимать съ благоговѣніемъ волю родителей и ей предаваться безусловно, кто мало по малу могъ понять все благо ея спасительной строгости, и кто изъ дѣтскихъ лѣтъ перенесъ въ юношескія лѣта эту привычку признавать неотрицаемость верховной власти, которая изъ образовательной, приговорительной, отеческой обращается въ спасительную, искупительную, Божію, въ то время когда онъ вступить на дорогу самостоятельной, дѣятельной жизни, для страшныхъ встрѣчъ и тяжелыхъ бореній. И вдвое счастливъ онъ, если эти встрѣчи и боренія начнутся для него въ началѣ дороги, когда еще его силы свѣжи и когда еще не вкоренилось въ немъ никакихъ вредныхъ на счетъ себя самого заблужденій, а не при концѣ ея, когда силы изсякли и когда такъ ужасно, такъ бесполезно вдругъ очнуться отъ заблужденій, столь усыпительно его баловавшихъ во все продолженіе лѣнивой, никакими тревогами не приводимой въ движеніе, жизни» ¹⁷⁾. Итакъ, «въ добровольномъ повиновеніи заключается все человѣческое достоинство и вся его свобода» ¹⁸⁾.

Что касается теперь того идеала гражданской жизни, на который мы указали выше, то онъ рисуется Жуков-

---

¹⁶⁾ Размышленія.

¹⁷⁾ Ibidem.

¹⁸⁾ Ibid.

скимъ въ слѣдующихъ чертахъ. Въ виду либеральной клики, господствующей въ настоящее время и поднявшей голову свою съ цѣлю ниспровергнуть этотъ идеаль, которымъ отъ лѣтъ древнихъ жилъ русскій народъ, и замѣнить его новымъ идеаломъ по образцу западно-европейскому, мы считаемъ нужнымъ остановиться на словахъ Жуковскаго относительно этого предмета нѣсколько подробнѣе. Въ своей статьѣ «о самоотверженіи власти» Жуковскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «главный дѣйствительный на сценѣ человѣчества есть *власть*: она учреждаетъ и сохраняетъ порядокъ; она же его и разстроиваетъ и губитъ. Въ мірѣ христіанскомъ самодержавіе есть высшая степень власти, оно есть послѣднее звено между человѣческой и Божіею властію; по своему непосредственному происхожденію отъ Бога, оно имѣетъ свойство Его неограниченности; по своему переходу отъ Бога къ человѣку, оно должно имѣть эту самобытную подчиненность высшей власти, эту необходимую границу, которая есть не иное что, какъ *Божія правда*, въ ея примѣненіи къ дѣламъ человѣческимъ» Такова сущность самодержавія по ученію Жуковскаго. И такое-то самодержавіе есть тотъ идеаль государственной жизни въ Россіи, къ которому должны стремиться всѣ ея граждане. «Судьба Россіи, говоритъ Жуковскій въ своемъ письмѣ къ графу Ш. о происшествіяхъ 1848 года, — заключается въ *развитіи самодержавія*, самодержавія, нѣкогда создавшаго и упрочившаго ея силу, самодержавія, которое (столь же великое въ своемъ знаменованіи, какъ велика вѣренная ему отъ Бога Россія), вмѣстѣ съ нею растеть, созрѣваетъ и очищается, часъ отъ часу ближе подходя къ своему божественному смыслу, которое не есть, какъ говорятъ отрицатели власти, *произволъ Царя и рабство народа*, а слово Евангельское: *всякая власть исходитъ отъ Бога*; въ развитіи самодержавія, которое не есть хартія, написанная рукою человѣческою, а вѣра глубоко врѣзанная въ душу народа рѣзцомъ судьбы его, самодержавія, которое, опираясь на Божію правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій, безъ всякихъ потрясеній, медлительнымъ путемъ законности, къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся и которая есть не иное что, какъ личное благоденствіе *каждаго*,

хранимое *властію*, не жертвуемое призраку *благоденствія общаго*, а его въ своемъ *итогъ* производящее».

«Двѣ главныя силы, исходящія изъ одного источника,— говоритъ Жуковскій въ другомъ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, — властвовали и властвуютъ судьбою Россіи; онѣ навсегда сохранять ея самобытность, если, оставшіеся неизмѣнными въ своей сущности, будутъ слѣдовать за историческимъ, необходимымъ ея развитіемъ, будутъ его направлять и могущественно имъ владычествовать. Эти двѣ силы суть *Церковь* и *Самодержавіе*: одной, то есть, Самодержавію, принадлежитъ земной порядокъ и благоденствіе общественное, имъ охраняемое; другой, то есть, Церкви, принадлежитъ дополненіе земного благоденствія высшими благами иного порядка, дающаго земному его истинное значеніе и возможную прочность».

Далѣе, окидывая своимъ христіанско-просвѣщеннымъ взглядомъ состояніе современной ему Западной Европы, Жуковскій отмѣчаетъ тотъ фактъ, что печальнымъ результатомъ реформаціи было исчезновеніе вѣры въ *святое*. «Первый шагъ реформаціи,— говоритъ онъ, рѣшилъ судьбу Европейскаго міра: вмѣсто историческихъ *злоупотребленій* церковной власти, она разрушила духовный, доголѣ нетронутый, *авторитетъ* самой Церкви; она взбунтовала противъ ея неподсудимости демократическій умъ; давъ право повѣрять Откровеніе, она поколебала вѣру, а съ вѣрою и все святое. Это святое замѣнилось языческою мудростію древнихъ; родился духъ противорѣчія; начался мятежъ противъ всякой власти, какъ божественной, такъ и человѣческой. Этотъ мятежъ пошелъ двумя дорогами: на *первой* уничтоженіе авторитета Церкви произвело *раціонализмъ* (отверженіе божественности Христа), отсюда *пантеизмъ* (уничтоженіе личности Бога), въ заключеніе *атеизмъ* (отверженіе бытія Божія); на *другой* понятіе о власти державной, происходящей отъ Бога, уступило понятію о *договорѣ общественномъ*, изъ него самодержавіе народа, котораго первая степень *представительная монархія*, вторая степень *демократія*, третья степень *соціализмъ* и *коммунизмъ*; можетъ быть и четвертая, послѣдняя степень: *уничтоженіе семейства*, и вслѣдствіе того низведеніе человѣчества, освобожденнаго отъ всякой обязанности, ограничивающей чѣмъ

либо его личную независимость, въ достоинство совершенно свободнаго *скотства*. И такъ два пункта, къ которымъ ведутъ и отчасти уже привели сѣи двѣ дороги: съ одной стороны самодержавіе ума человѣческаго и уничтоженіе Царства Божія, съ другой владычество всѣхъ и каждаго и уничтоженіе общества» ¹⁹⁾.

Останавливаясь въ частности на такъ называемой гражданственности, Жуковскій даетъ такую характеристику ея. «То, что называется *гражданственностію* (наука, промышленность, удобства жизни, богатство, легкость и обширность сообщеній умственнаго и матеріальнаго и проч.) есть, по его словамъ, развитіе, приобрѣтенное обществомъ въ своемъ матеріальномъ составѣ. Но такъ какъ пунктъ отбытія былъ фальшивый, то эта гражданственность отклонилась отъ настоящей своей цѣли: на Божій престолъ она возвела умъ чловѣка; мы возвратились въ язычество, въ язычество безъ поэзій, ибо у насъ нѣтъ передъ глазами фантастическихъ боговъ древности; мы боготворимъ свой умъ, нѣчто не живое, не имѣющее никакого образа, безотвѣтное, съ нами умирающее, которое напрасно его поклонники хотятъ увѣковѣчить въ его названіи *умъ человѣческій*, въ чемъ-то сборномъ, не имѣющемъ никакой личной существенности. А гражданственность сама себя погубить, или, лучше сказать, распадется на гнилыя части, ибо она есть трупъ безъ души, если не возвратится къ тому пункту, съ котораго начала свой путь и на которомъ оставила свою душу: *вѣру въ святое*» ²⁰⁾.

Сравнивая это состояніе Западной Европы съ состояніемъ своего отечества, Жуковскій замѣчаетъ: «если въ образованной Европѣ вѣра въ святое истратилась отъ расточительныхъ *злоупотребленій ума*, то въ Россіи неприкосновенность ея сохранилась частію и отъ ея *бездѣйственаго неразвитія*; такъ что на западѣ Европы существуетъ гражданственность, но добрыя начала уничтожены, а у насъ сохранены добрыя начала, но *собственной* гражданственности, изъ ихъ развитія исходящей, еще не существуетъ, а есть только ея призракъ, ея намъ чуждая, заимствованная форма, которая можетъ наконецъ повредить и добрымъ началамъ» ²¹⁾.

¹⁹⁾ Письмо къ князю П. А. Вяземскому.

²⁰⁾ Ibidem.

²¹⁾ Ibid.

Въ вопросѣ: «что возможно, ввести ли снова въ гражданственность уничтоженныя добрыя начала, или на существующихъ добрыхъ началахъ пересоздать чужую гражданственность въ собственную», Жуковскій склоняется къ послѣднему. «Первое—по его словамъ—можно сравнить съ развратнымъ, состарѣвшимся, разслабленнымъ богачемъ, который добываетъ послѣднее свое состояніе и ничего не оставить наслѣдникамъ, кромѣ своего мертваго трупя; послѣднее—съ молодымъ, еще неоглядѣвшимся недорослемъ, владѣльцемъ великаго богатства, котораго онъ еще употреблять не научился, но которое еще не растрачено и можетъ увеличенное перейти въ руки его наслѣдниковъ. Чтобы предохранить гражданственность Европы отъ ниспаденія въ варварство, надлежитъ возвратить ее къ началамъ, ею утраченнымъ. Чтобы дать самобытную гражданственность Россіи, должно развить сіи добрыя начала, сохранившія всю чистоту свою, но еще не въ полномъ смыслѣ своемъ употребленныя. Сіи начала для Россіи суть: *Церковь* и *Самодержавіе*. Подъ *развитіемъ Церкви* разумѣтся болѣе дѣятельное введеніе ея ученія въ умственную и практическую жизнь истиннымъ христіанскимъ образованіемъ, оградивъ ее отъ всякаго самовольнаго лжеумудрія. Подъ *развитіемъ Самодержавія* разумѣтся твердѣйшее укорененіе и распространеніе его патріархальнаго могущества, котораго источникъ и право есть верховная *Божія правда*, но которое съ своей стороны должно болѣе и болѣе опредѣлить и утвердить законность, съ одной стороны въ дѣйствіяхъ исполнителей власти, съ другой въ общихъ о ней понятіяхъ народа, законность, которая хранить права, неотъемлемо всѣмъ и каждому принадлежащія и державною властію одинъ разъ навсегда утвержденныя, и которая, истекая изъ самой власти, ея не ограничиваетъ, а болѣе и болѣе упрочиваетъ посредствомъ указанія необходимыхъ, вѣрныхъ путей ея дѣйствія, удаляющихъ ее отъ самоубійственнаго произвола» ²²⁾. «Наше время, болѣе нежели какое другое, учить тому, что безъ твердыхъ, непоколебимыхъ правилъ, которыхъ *ни для чего и никогда* нарушать не должно, и безъ соединеннаго съ мужествомъ знанія,

²²⁾ Ibid.

какъ дѣйствовать согласно съ этими правилами въ *настоящую*, роковую минуту, никакой общественной порядокъ не возможенъ»²³⁾.

Итакъ вотъ какая самостоятельность гражданская разумѣется по ученію Жуковскаго и вотъ какую самостоятельность должны воспитать въ себѣ люди для того, чтобы быть имъ истинными гражданами своего отечества! Отсюда видно, какъ эта самостоятельность не походитъ на ту самостоятельность, къ которой стремятся и которую добиваются получить всѣми силами и средствами современные русскіе граждане.

Послѣ такого яснаго и цѣльнаго ученія Жуковскаго о гражданскомъ идеалѣ жизни, въ особенности же послѣ глубоко осмысленнаго ученія его о Самодержавіи, какъ «природѣ Россіи», безъ котораго она существовать не можетъ, нельзя, кажется, и представить себѣ Жуковскаго иначе, какъ искренно убѣжденнымъ приверженцемъ Самодержавія и горячо преданнымъ Престолу и Отечеству гражданиномъ. Такимъ, конечно, и былъ на самомъ дѣлѣ Жуковскій. Но вотъ въ послѣднее время либеральная печать имѣла поползновеніе развѣнчать такого исторически сложившагося въ нашихъ представленіяхъ, Жуковскаго²⁴⁾. «До сихъ поръ наша интеллигентно-революціонная клика безцеремонно фальсифицировала народную волю и совѣсть, выдавая за нихъ свои сумасбродныя вождельнія. Обжегшись, жестоко обжегшись на этой фальсификаціи, эта клика принялась теперь за столь же безцеремонную фальсификацію мыслей, идей и убѣжденій выдающихся русскихъ людей, именами и авторитетомъ которыхъ хотѣлось бы имъ прикрыть свое умственное убожество, свою духовную наготу и свое политическое ничтожество. «Великій учитель» нашихъ «интеллигентовъ»—графъ Л. Н. Толстой отрекся отъ нихъ, заявивъ (на столбцахъ Лондонскаго *Times'a*), что конституція нигдѣ еще не создала благоденствія, и что не въ ней счастье людей. Но это не смутило ихъ: заявивъ, что Толстой «отдѣлился отъ лучшихъ людей родины», они тоже поспѣшили отречься отъ него и теперь берутъ себѣ въ пособники В. А. Жуковскаго. Дѣлая тен-

²³⁾ Размышленія. Теорія и практика.

²⁴⁾ См. Петербургск. газ. *Слово* отъ 19 апрѣля 1905 года.

денціозный подборъ выдержекъ изъ его сочиненій и толкуя ихъ по своему, «либеральные» фальсификаторы объявляютъ, что извѣстный поэтъ,—авторъ народнаго гимна и воспитатель Императора Александра II,—былъ завзятымъ западникомъ и конституціоналистомъ; что онъ не признавалъ неограниченной Власти и понималъ Самодержавіе не иначе, какъ понимаютъ его гг. Петрункевичи, Шиповы и К°, именно—въ соединеніи съ конституціей, то есть, проще говоря, не допускалъ Самодержавія» ²⁵⁾. Вотъ до чего дошла у насъ свобода и разнузданность печати! Хорошо еще, что данъ былъ въ свое время отпоръ и сдѣлано было разоблаченіе этой гнусной клеветы, взведенной либеральною печатію на Жуковскаго ²⁶⁾. А то бы эта клевета пошла гулять по бѣлому свѣту.

Въ заключеніе разсматриваемаго нами отдѣла скажемъ въ краткихъ словахъ, кого именно разумѣтъ Жуковскій подъ гражданиномъ отечества. Гражданинъ, это, по его мнѣнію, такой человѣкъ, который не пренебрегаетъ въ жизни своей, какъ частной, такъ и общественной, никакими законами: ни Божескими, ни человѣческими, который, имѣя добрую нравственность, унаслѣдованную имъ отъ родителей и тщательно воспитанную имъ самимъ, не пренебрегаетъ также и внѣшней культурой и цивилизаціей, выражающейся въ просвѣщеніи науками и искусствами и въ пользованіи матеріальными благами земли, поскольку въ этой культурѣ и цивилизаціи сохранилось еще слѣдовъ истиннаго христіанства,—который, наконецъ, представляя собою въ составѣ цѣлаго государственнаго организма одинъ живой членъ его, живетъ въ союзѣ съ этимъ самымъ организмомъ, не нарушая его спокойствія и не пытаясь встать не на свое мѣсто, тѣмъ болѣе замѣнить главу организма рукою и ногою или наоборотъ. Иначе говоря, гражданинъ, по мнѣнію Жуковскаго, такой человѣкъ, въ комъ развита бываетъ *душевная* жизнь въ наивысшей степени. Вотъ какого гражданина должно образовать воспитаніе!

²⁵⁾ См. въ „Московск. Вѣдом.“. 1905 г. 5 мая статью Алекс. Липранди: „либеральные фальсификаторы“.

²⁶⁾ Ibidem.

Но воспитаніе, по словамъ Жуковскаго, должно образовывать не человѣка только и гражданина, но и христіанина. Вотъ послѣдняя и высшая задача воспитанія! Конечно, нужно замѣтить здѣсь, что и въ то воспитаніе, которое имѣетъ своею цѣлю образовывать человѣка и гражданина, входитъ элементъ христіанства въ значительной степени. Безъ такого элемента не было бы совсѣмъ возможности образовывать человѣка и гражданина въ такомъ именно смыслѣ, какъ понимаетъ ихъ Жуковскій. Безъ христіанскаго воспитанія мы не имѣли бы людей, какъ существъ вполне здравыхъ по душѣ и тѣлу, мы не имѣли бы гражданъ, живущихъ въ государствѣ и добровольно повинующихся законамъ его, гражданъ благоденствующихъ подъ осѣненіемъ и охраненіемъ этихъ самыхъ законовъ. Тогда это были бы не цивилизованные люди, какъ просвѣщенные свѣтомъ вѣры Христовой, и не свободные граждане, какъ освободившіеся отъ рабства грѣха, а дикіе и грубые варвары, связанные по рукамъ и ногамъ своими животными страстями и похотями, или, лучше сказать, это было бы «стадо дикихъ звѣрей, хотя и одаренныхъ разумомъ, которые всегда готовы терзать и истреблять другъ друга» (Митр. Макарій). Такъ, говоримъ, христіанство много помогаетъ воспитанію въ его задачѣ образовывать здѣсь человѣка и гражданина. Но если воспитаніе, кромѣ этого, должно образовывать еще христіанина и если такое образованіе должно считаться вышею задачею воспитанія; то ясно, что въ это послѣднее образованіе христіанство должно входить въ большей, такъ сказать, дозѣ, нежели въ остальные два образованія. Если, какъ мы видѣли изъ сказаннаго, вѣра Христова является важнымъ и необходимымъ элементомъ при образованіи человѣка и гражданина, то она же, эта вѣра, является теперь, т. е. при образованіи христіанина, существеннымъ, можно сказать, элементомъ. Такъ именно и опредѣляетъ Жуковскій христіанина. Христіанинъ, это—по его словамъ, «подчиненіе всего человѣка вѣрѣ» ²⁷⁾; т. е. иначе говоря, христіанинъ—тотъ человѣкъ, въ комъ вѣра Христова управляетъ всею жизнію и потому бываетъ не мер-

---

27) Трактатъ о воспитаніи.

твою и бесплодную, а живую и плодоносящую. Объ этомъ согласіи вѣры съ жизнію человѣка такъ рассуждаетъ Жуковский въ своихъ размышленіяхъ. «Въ самой вѣрѣ, высочайшемъ актѣ души человѣческой, есть двѣ стороны: одна, такъ сказать, матеріальная, основная, первообразная, другая духовная, производная. Во-первыхъ, вѣра есть произвольное принятіе истины, безъ помощи очевидности, покрывъ разсудокъ свидѣтельству Откровенія; во-вторыхъ, вѣра есть произвольное преданіе самого себя, то есть, совершенное покореніе своей воли волѣ Того, Чьему Откровенію покорилъ себя уже разсудокъ. Если въ человѣкѣ совершились оба акта вѣры, если онъ, *повѣривъ, предалъ* себя въ полную волю Того, Кому повѣрилъ, если онъ *вступаетъ* и *встрѣтается*; то эта вѣра его есть вѣра живая; она выражается не одною мыслию, но и дѣломъ, или правильнѣе, дѣла съ нею неразлучны, (дѣла, часто невидимыя человѣку, но явныя предъ всевидящемъ Богомъ). Если одинъ только первый актъ (последній не можетъ быть безъ перваго) вѣры произошелъ въ душѣ нашей, то эта вѣра не живая, не дѣятельная, она не спасаетъ души, и въ такомъ случаѣ слова Апостола справедливы: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть*. Но и дѣла безъ вѣры мертвы суть; дѣла безъ вѣры составляютъ что-то не связанное, не цѣлое, не имѣющее образа... Дѣла безъ вѣры, вѣра безъ дѣлъ мертвы суть. И то и другое одна и таже истина для христіанина. Но, по незнанію христіанства, сколько въ мірѣ нехристіанъ было, есть и долго еще будетъ!»

«Иначе нельзя вѣрить, — говоритъ Жуковский, — какъ произвольно, то есть, не по убѣжденію, а по добровольному принятію. Но не всякій вѣритъ, кто желаетъ вѣрить. Вѣра, высочайшій актъ человѣческой свободы, есть въ тоже время и высшій даръ Божіей благодати. Мы принимаемъ Откровеніе, покоряя ему разсудокъ; наша вѣра есть слѣдствіе сего добровольнаго покоренія разсудка; она въ тоже время любовь къ Тому, Кто даетъ Откровеніе. Если, напротивъ, вмѣсто того, чтобъ Ему покорить разсудокъ, я Его самого подчиню допросамъ разсудка, и потому только повѣрю Откровенію, (или точнѣе сказать приму Откровеніе), что буду убѣжденъ въ Его истинѣ, то буду имѣть не вѣру, а

одно убѣжденіе. Что очевидно, то не требуетъ вѣры» ²⁸⁾. «Тамъ нѣтъ вѣры, — продолжаетъ Жуковскій гдѣ только очевидность, или умственное убѣжденіе. Мы не властны не вѣрить тому, что очевидно для чувствъ, или для ума, или что умъ, вслѣдствіе своихъ узаконенныхъ природою дѣйствій, долженъ необходимо признать убѣжденіемъ. Вѣра есть свободный актъ воли, но въ тоже время никакая человѣческая воля, безъ содѣйствія воли высшей, не можетъ ввести въ душу вѣру, сколько бы душа того ни желала» ²⁹⁾.

«Но какъ приобрести вѣру? Умомъ я убѣжденъ, что вѣра есть вѣнецъ души человѣческой, ея прямой путь къ Богу; вѣра—мать любви; любовь—возможное совершенство души человѣческой. Но какъ дать себѣ эту вѣру? Какъ дойти до того, чтобы она была все, во всемъ и всегда? Если сердце сухо, какъ русло ручья изсякшаго, если оно холодно, какъ желѣзо, и нечувствительно, какъ камень — кто оживитъ его для вѣры? Наша воля не имѣетъ этого всемогущества. Вѣра есть событіе во внутренности души нашей» ³⁰⁾. Только тогда, значитъ, когда это событіе произойдетъ внутри человѣка, только тогда онъ, подчинивъ всего себя вѣрѣ—этой могущественной духовной стихіи, становится, по Жуковскому, истиннымъ христіаниномъ, въ отличіе его отъ собственно человѣка и гражданина. Такова высшая задача воспитанія образованнаго христіанина. И если въ образованіи человѣка, какъ мы видѣли, главную роль играетъ тѣлесная сторона его, а въ образованіи гражданина—душевная сторона, то въ образованіи христіанина главную роль играетъ духовная сторона его, которая развита бываетъ въ немъ наивысшимъ образомъ. Образованіе человѣка и гражданина предназначается собственно для здѣшней, земной и временной жизни, образованіе же христіанина предназначается преимущественно для будущей, небесной и вѣчной жизни.

Теперь вопросъ: какимъ-же образомъ воспитаніе образовываетъ человѣка, гражданина, христіанина? Какія средства

---

²⁸⁾ Размышленія.

²⁹⁾ Ibidem.

³⁰⁾ Ibid.

для этого существуютъ у него въ рукахъ? На этотъ вопросъ Жуковскій отвѣчаетъ такъ: «всему основаніе — привычка. Природа человѣка есть то, что онъ есть отъ рожденія. Это врожденное образуется воспитаніемъ и жизнью и получаетъ доброе или худое направленіе; но оно всегда остается въ человѣкѣ. Каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку» ³¹⁾).

«Первое время воспитанія для утвержденія хорошихъ привычекъ — самое вѣрное средство для сего; основа всѣхъ другихъ привычекъ — привычка къ повиновенію... Привычка дается собственнымъ опытомъ, вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, содѣйствіемъ воспитанія. Послѣднее тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ согласнѣе съ дѣйствіемъ опыта и чѣмъ болѣе властвуетъ обстоятельствами. Привычки могутъ быть умственные, нравственные и физическія. Чѣмъ скорѣе угадаетъ воспитатель тайну природы, то есть врожденные качества — и умственные, и нравственные, и физическія — воспитанника, тѣмъ удачнѣе будетъ дѣйствовать на произведеніе привычекъ, способствующихъ развитію добрыхъ и подавленію худыхъ врожденныхъ качествъ. Въ этомъ состоитъ все дѣло воспитанія, то есть, все произведеніе лучшаго на тѣхъ условіяхъ, какія первоначально положила природа» ³²⁾).

Но «что такое привычка»? — На этотъ вопросъ Жуковскій отвѣчаетъ такъ. Привычка есть «утвержденный образъ дѣйствія физически, или умственно, или нравственно. Этотъ образъ дѣйствія сначала отъ произвольнаго повторенія становится произвольнымъ, и наконецъ сливается неразрывно съ тѣломъ, умомъ и волею. Все основано на привычкѣ. Дарованіе добрыхъ привычекъ и устраненіе худыхъ есть дѣло воспитанія. Привычка не мѣшаетъ свободѣ; ею только облегчаются дѣйствія свободной воли. Изъ сего слѣдуетъ, что воспитаніе есть положеніе основанія, дѣйствіемъ ума и воли, посредствомъ утвержденія добрыхъ привычекъ въ то время, когда онъ въ насъ легко укореняются» ³³⁾).

---

³¹⁾ Трактатъ о воспитаніи.

³²⁾ Ibidem.

³³⁾ Ibid.

«Чтобы составить себѣ ясное, теоретическое понятіе о главныхъ правилахъ воспитанія, надобно сперва утвердить понятіе о назначеніи человѣка вообще, разсмотрѣть его природу, его тѣлесныя и умственныя качества, его естественныя доброты и худыя наклонности и способы усовершенствованія первыхъ и истребленія послѣднихъ... Въ идеѣ, которая мало по малу образуется въ ребенкѣ о силѣ, справедливости и любви родителей заключается и то понятіе, которое послѣ онъ получаетъ о власти, правосудіи и любви Божіей. Зависимость отъ власти родителей, и въ послѣдствіи безусловная ей покорность, есть приготовленіе къ вѣрѣ. Привыкнувъ чувствовать зависимость, ребенокъ научается покорности, которая есть не иное что, какъ произвольное признаніе необходимости. Сперва ребенокъ по привычкѣ узнаетъ непоколебимость силы имъ управляющей; эта привычка обращается потомъ въ ясное понятіе о верховной власти, которой онъ покориться долженъ. Если наблюдаена будетъ эта постепенность, то произвольная покорность весьма легко будетъ согласована съ чувствомъ свободы и не повредитъ самобытности характера» ³⁴⁾. Итакъ, «все дѣло воспитанія, — по Жуковскому, — состоитъ въ томъ, чтобы дать тѣлу и душѣ хорошія привычки и чтобы воспитанникъ получилъ сіи привычки самобытно, собственнымъ опытомъ, съ развитіемъ ума и воли, и чтобы направленіе, которое воспитаніе даетъ сему развитію, было согласовано съ полною нравственною свободою, которая однако нисколько не противорѣчитъ привычкѣ къ покорности» ³⁵⁾. Вотъ теоретическая программа, намѣченная Жуковскимъ въ дѣлѣ воспитанія при осуществленіи на практикѣ вышеозначенной задачи и цѣли его — образовать человѣка, гражданина, христіанина!..

Свящ. Д. Ромашновъ.

³⁴⁾ Ibid.

³⁵⁾ Ibid.

ЖЕНЩИНА, И ЕЯ МИРОВОЕ НАЗНАЧЕНІЕ, ПРЕДЪ СУДОМЪ СВ. ПИСАНІЯ И ЗДРАВАГО СМЫСЛА.

I „Женскій вопросъ“. - Мировое назначеніе женщины.—II „Вѣра“ (повѣсть „одна за многихъ“), ея драма и возможный исходъ.—III Любовь, ея характеристика и роль въ дѣлѣ возсозданія мужчины. Вредное вліяніе свѣтскихъ обычаевъ.

*И нарекъъ Адамъ имя женѣ своей
Ева (жизнь). Ибо она стала матерью
всѣхъ живущихъ. (Быт. III, 20).*

Идетъ обычной чередою время; жизнь измѣняется, обогащая насъ вопросами, разгадать которые мы страстно и мучительно стремимся. Вопросы, сомнѣнія, думы и сердечныя тревоги—вотъ наше богатство, нерадостное богатство. Оттого и жизнь наша мрачна и полна ошибокъ: мы многое не понимаемъ въ ней и, не сознавая своей жизненной цѣли, своего назначенія, становимся рабами своихъ страстей.

Въ ряду многихъ жгучихъ вопросовъ времени, ярче многихъ выдѣляется на жизненномъ фонѣ «женскій вопросъ». «Зачѣмъ я живу»? спрашиваетъ себя современная женщина. И теперь этотъ крикъ вырывается изъ устъ ея часто, съ болью сердца, съ безысходною тоскою. Потеряла смыслъ жизни женщина, которой Творецъ міра вручилъ творчество жизни не только физическое, а и духовное, и тоскуя о потерянномъ, она всею душою своею отдалась поискамъ ставшей для нея неизвѣстною цѣли жизни. Она старается отыскать свою истинную роль на міровой сценѣ и тотъ путь, которымъ должна идти къ достиженію истиннаго счастья.

Это называется «женскимъ вопросомъ».

Много толкуютъ о женскомъ вопросѣ и женщины и мужчины, толкуютъ различно и часто каждый полъ съ выгодною для себя. Идутъ эти толки и въ жизни обыденной и въ литературѣ. Но нельзя сказать, что они всегда бываютъ свободны отъ пристрастія. А только безпристрастное сужденіе и можетъ дать вѣрное рѣшеніе вопроса. Такъ вообще, такъ въ частности и въ вопросѣ о назначеніи женщины, ея роли на міровой сценѣ и цѣли, которую она должна имѣть въ виду, чтобы достигнуть вполне истиннаго счастья жизни ¹⁾.

Объ этомъ вопросѣ писали многие, онъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей. Но болѣе вѣрное освѣщеніе этотъ вопросъ получилъ отъ разсматривавшихъ его съ стороны религіозной, библейской.

Великое назначеніе женщины опредѣлилось ясно еще на зарѣ человѣчества. Господь, создавъ перваго человѣка Адама для пользованія созданнымъ видимымъ міромъ и господства надъ тварями земными, нашелъ нужнымъ сотворить женщину помощницу ему. И сказалъ Господь Богъ, говоритъ Св. Писаніе, не хорошо быть человѣку одному, сотворимъ ему помощника соотвѣтственнаго ему (Быт. II, 18). И вотъ Творецъ, наведши сонъ на Адама, сотворилъ изъ ребра его женщину, привелъ ее къ Адаму и благословилъ обоихъ первыхъ людей размножаться, наполнять землю и обладать ею.

Недолго продолжалось блаженство вѣнца творенія, человѣка. Первые люди вышли изъ повиновенія Творцу и были удалены изъ рая. И вотъ, когда Богъ изрекъ Свой глубоко правдивый приговоръ людямъ, Адамъ нарекъ имя женѣ своей Ева. А Ева значитъ жизнь. «Ибо она стала матерью всѣхъ живущихъ», прибавляетъ при этомъ Слово Божіе (Быт. Т. 20).

Такъ еще на зарѣ возникновенія человѣческаго рода женщинѣ вручено творчество жизни физическое и духов-

---

¹⁾ Предлагая вниманію читателей свое изслѣдованіе, я не могу сказать, чтобы оно вполне удовлетворило любознательныхъ. Мой очеркъ рисуетъ въ миниатюрѣ истинный образъ женщины христіанки, указывая на современность, утратившую завѣты Христова закона.

ное. Она строительница человѣческой жизни, она руководительница ея. Ей, какъ мудрому зодчему, поручено создать новую жизнь, воспитать ее и укрѣпить въ ту слабую пору младенчества, дабы въ старости эта жизнь была сильна. Что можетъ быть выше такого назначенія!

Тогда какъ мужчинѣ назначено трудиться и снискивать удобства земного бытія, женщинѣ вручено воспитаніе мужчинъ, уходъ за ними—во дни младенчества, опора и руководство—въ дни юности, въ зрѣломъ возрастѣ—утѣшеніе ихъ трудовой жизни, счастье ихъ, а въ пору старости—мирное успокоеніе. Не ясно ли, что безъ участія женщины, главной виновницы въ творествѣ жизни, мужчина не можетъ жить счастливо? Она нужна ему, какъ руководитель, утѣшеніе въ тяготахъ земного бытія, счастье и миръ.

Но міръ забылъ это. Въ нашъ слѣпо практическій вѣкъ, вѣкъ упадка, истинныхъ понятій о жизни и нравственномъ законѣ вообще забытымъ стало и мировое назначеніе женщины.

Забытое святое не надо хоронить навѣки; его надо воскресить, надо обьявить и, раскаявшись въ грѣхѣ забвенія, воспринять его, очиститься и освятиться его прикосновеніемъ. Это правило необходимо и въ данномъ случаѣ. Но исполненіе его вполне достижимо тому, кто имѣетъ свѣтлый разумъ, не отуманенный ложными убѣжденіями, и чистыя уши, готовыя воспринять истину.

Надо сказать, что сама-то современная женщина еще не забыла совсѣмъ о своемъ назначеніи. Она сознаетъ свое «оскуднѣніе», ищетъ помощи на пути къ достиженію смысла жизни и рѣшенія вопроса, задаваемого ею самой себѣ: зачѣмъ я живу? Вотъ глубоко правдивыя строки изъ письма одной слушательницы Женскаго Медицинскаго Института Л. В., къ В. М. Скворцову, редактору «Миссіонерскаго Обзоренія», по поводу возникновенія религіозно-философскихъ собраній.

«Миссія среди интеллигенціи—вопросъ назрѣлый и животрепещущій», писали вы. Да и разрѣшенія его едва ли не больше ищущихъ вѣру ждутъ тѣ, кто имѣетъ и остается вѣренъ православной Церкви и съ ужасомъ и болью слѣдитъ за толпами уходящихъ отъ нея. Уходятъ

чистые, неиспорченные, уходятъ добрые, честные, искренніе. Если въ частности обратиться къ современной женщинѣ, боль станетъ еще мучительнѣе. Вѣдь это—сила, вѣдь это—мать, жена, сестра, воспитательница, это — постоянный скрытый, но могущественный источникъ нравственнаго вліянія. Онъ оскудѣлъ теперь и замутился. Женщина потеряла «дѣтскую» вѣру, въ которой прежде воспитывалась, и не можетъ возвратиться къ ней иначе, какъ чрезъ вѣру «разумную»; но кто дастъ ее ей, кто поможетъ ей на этомъ пути? Ея вѣчный авторитетъ, мужчина—весь одно заустѣніе; самъ ничего не имѣя, онъ отнимаетъ у нея и то немногое, чѣмъ она еще обладала: противъ его мнимо научной критики, противъ его мнимо глубокой мысли не устоять ей «молитвѣ по привычкѣ», а критиковать его она не можетъ. Дайте ей оружіе, придите ей на помощь, возвратите ей потерянный свѣтильникъ. Я знаю, многія женщины мучительно ищутъ его, особенно учащіяся молодыя женщины»²⁾.

Кому не понятно станетъ изъ этихъ строкъ, что женщина еще не забыла о своемъ назначеніи, сознаетъ свою великую творческую силу, но, потерявъ путь къ осуществленію своего назначенія, тоскуетъ о своемъ «оскудѣніи».

Теперь то—особенно время вспомнить женщинѣ о ея высокомъ назначеніи, о томъ, что она жизнь. Время и мужчинѣ вспомнить объ этомъ.

Великую творческую силу создали изъ женщины вѣка культурной исторіи. Вѣками женщина жила въ семьѣ, въ этомъ маленькомъ кружкѣ, гдѣ нѣтъ мѣста принципу «человѣкъ для человѣка волкъ». Въ этомъ маленькомъ міркѣ порядокъ и счастье создаются симпатіями и сочувствіями.

«Женщина, строительница семейнаго счастья, говоритъ христіанскій публицистъ, необходимо исторически воспитала въ себѣ ту силу, которая отдаетъ въ ея руки созиданіе жизни, творческую роль въ порядкѣ жизни, воспитала въ себѣ способность покорять женственной нѣжностью,

---

²⁾ „Миссіонерское Обзорѣніе“ 1902 г. книга 1-я.

кроткой улыбкой и легкимъ прикосновеніемъ любящей руки, словомъ то, что называется женственностью ³⁾).

Мужчина не умѣетъ понимать и чувствовать чужую душу. Всегда преслѣдуя далекія цѣли, онъ зачастую не видитъ людей и, идя прямолинейно къ этимъ видимымъ имъ вдали цѣлямъ, не замѣчаетъ кромѣ этихъ цѣлей ничего, не умѣетъ чувствовать и понимать, какъ чувствуетъ и понимаетъ ихъ мягкая, отзывчивая душа женщины. Не умѣя понимать чужія души, мужчина теряетъ власть надъ человѣческими душами и способность воспитательнаго вліянія на людей. Въ этомъ отношеніи женщина представляетъ контрастъ съ мужчиною. Она всего болѣе способна понимать внутреннюю психологію хорошо извѣстныхъ ей людей. Воспитывая человѣческія души и управляя, ими, женщина обладаетъ умѣньемъ обновить жизнь и направить ее по новому руслу.

Чудный этотъ даръ!

Въ душу женщины вложенъ огонекъ, который долженъ указывать людямъ истинный путь въ обѣтованную землю, въ счастливую жизнь.

Мужчина, не умѣя возстановлять въ себѣ душу, не умѣя возгрѣть въ другихъ любовь къ ближнему, портитъ своею жесткою культурою тѣ добрыя качества, которыми обладаетъ женщина, губитъ ея свѣтлые добрые устои нравственной жизни.

На это жалуется и сама женщина. Въ извѣстномъ намъ письмѣ слушательница Медицинскаго Института искренно говорить, что «вѣчный» авторитетъ женщины, мужчина—весь одно заустѣніе; самъ ничего не имѣя, онъ отнимаетъ у нея и то немногое, чѣмъ она еще обладала; противъ его мнимо научной критики, противъ его мнимо глубокой мысли не устоитъ ея «молитва по привычкѣ», а критиковать его она не можетъ. Эти слова глубоко справедливы. Здѣсь женщина не возвышается надъ мужчиною, она признаетъ его превосходство, считаетъ его своимъ вѣчнымъ авторитетомъ, но, ратуя за истину, жалуется на несправедливость его, на тяжесть его суровой культуры прикрытой якобы наукой

---

³⁾ Иером. Михаилъ

и утверждаемой убѣжденіемъ въ авторитетности мужичины. Въ противоположность мужичинѣ женщина не очерствѣла окончательно. Она сохранила въ себѣ высокія созидающія качества.

Есть правило взаимопомощи, по которому имущій долженъ давать неимущимъ. Этому правилу и должна слѣдовать женщина.

Женщины стремятся теперь къ высшему образованію. Идея хорошая, если женщины съ просвѣщеніемъ ума, съ расширеніемъ круга міровозрѣнія не забудетъ своихъ высокихъ задачъ, своихъ обязанностей по отношенію къ людямъ. Стремленіе женщины къ высшему образованію принесетъ пользу, если женщины отдадутъ свою образованную душу семьѣ, дабы возродить человѣческія души, и тѣмъ исполнить свою великую миссію, возложенную Творцомъ.

Образованная женщина необходима и семьѣ и школѣ.

Въ своемъ стремленіи къ высшему образованію, женщина жаждетъ вникнуть въ дѣло мужичины, принять участіе въ разрѣшеніи вопросовъ мятущагося ума, освѣтить дорогу мужичинѣ, заблудившемуся въ мрачномъ лабиринтѣ жизни. Если этимъ объясняется стремленіе женщины къ высшему образованію, то его надо привѣтствовать. Можно съ полнымъ основаніемъ вѣрить въ свѣтлое будущее человѣчества, если генезисъ идеи стремленія женщины къ высшему образованію исходитъ изъ ея чистосердечнаго желанія прійти на помощь мятущемуся духомъ мужичинѣ.

Вотъ что пишетъ извѣстная намъ курсистка объ открытіи доступа женщинамъ въ религіозно-философскія собранія: «дайте ей оружіе, прійдите ей на помощь, возвратите ей потерянный свѣтильникъ. Я знаю, многія женщины мучительно ищутъ его, особенно учащіяся молодыя женщины. Откройте имъ доступъ въ ваши собранія, больше — призвите, привлечите ихъ туда,—вѣдь каждая изъ нихъ, возвратясь къ Церкви, приведетъ съ собою и близкихъ ей людей. Вашъ трудъ будетъ великъ, но онъ вознаградится».

Хорошо, если это такъ. Хорошо если женщина свою образованность посвятитъ на дѣло возсозданія семьи, для которой она и создана. Хорошо, если она своимъ знаніемъ будетъ приходить на помощь страждущему человѣчеству «оскудѣвшему» духовно.—Какою прекрасною кажется намъ

тогда идея стремленія женщинъ къ высшему образованію!

Образованіе не повредитъ ей. Только пусть она не забываетъ объ истинномъ своемъ призваніи, пусть она не отдается поискамъ копѣйки или хлѣба, пусть не ищетъ работы чернорабочаго. Пусть она не беретъ примѣра съ мужчины. Она должна нравственно облагораживать его; ей вручена царственная миссія руководства. Она—архитекторъ человѣческихъ душъ.

Вотъ что говоритъ о женскомъ образованіи и правильномъ направленіи его одинъ свѣтскій писатель: «Не столько въ ученыхъ женщинахъ нуждается эта русская жизнь, сколько въ умѣннй матери, хозяйки труженицы на разныхъ поприщахъ, собственнымъ примѣромъ и добрымъ дѣланіемъ просвѣтитъ и очиститъ всѣ темные и грязные уголки нашей общественной жизни. А странное ослѣпленіе толкаетъ женщину на соперничество съ мужчинами, на такое же алчное исканіе правъ и выгодъ, которому мы же сами не можемъ сочувствовать или находить достаточное оправданіе. Если заглянуть въ благотворительныя и патріотическія школы для бѣдныхъ, находящіяся подъ покровительствомъ знатныхъ и богатыхъ дамъ, то и тамъ найдемъ мы ненужное расширеніе учебныхъ программъ на счетъ полезныхъ практическихъ занятій, ту же мертвящую формалистику, соединенную съ соперничествомъ покровительницъ, желающихъ перещеголять другъ друга во всемъ внѣшнемъ. Самимъ Богомъ и природой отведена женщинѣ не узкая область отвлеченнаго знанія, а болѣе возвышенная, болѣе эстетическая область сердца, чувства. Она выше учености, политическаго представительства, чиновничества и сидѣнія за питейнымъ прилавкомъ, куда стремятся женщины съ высшимъ образованіемъ. Даже самыя симпатичныя изъ женскихъ призваній—учительство и медицина становятся несимпатичными, какъ скоро начиненіе головы сухими теоріями или рѣзаніе труповъ преобладаетъ надъ чувствами любви и состраданія къ человѣку. Но почему же знаніе должно непременно оуживать женщину? Зачѣмъ непременно стремиться къ мужскому труду? Есть такіе уголки жизни семейной, общественной, гдѣ ничто не можетъ замѣнить нѣжной

женской руки,—благодворящей, утѣшающей, ободряющей, воспитывающей, сдерживающей молодья поколѣнія,—гдѣ женщина можетъ приложить свой трудъ, не соперничая съ мужчинами, а давая то именно, чего тѣ дать не могутъ. Но для этого нужна искренняя, а не внѣшняя религіозность, нужны твердыя нравственныя правила, которыхъ, именно, недостаетъ нашему обществу. Высшая задача женскаго образованія вовсе, не въ однихъ познаніяхъ, а въ пробужденіи воли къ добру, къ дѣятельности живой, чуждой всякой выставки, пустоты и тщеславія, къ чистотѣ мыслей и жизни, однимъ словомъ въ приближеніи къ тому идеалу христіанскаго совершенства, который человѣчеству предстоитъ осуществить на землѣ»⁵⁾.

Чудную картину нравственной силы и воздѣйствія женщины на мужчинъ представляетъ намъ исторія.

Вотъ Юліанъ отступникъ поднялъ на христіанскую истину и просвѣщеніе всѣ силы философіи и власти. Но все было безуспѣшно. Тогда одинъ изъ знаменитыхъ философовъ, Ливаній, видя безсиліе борьбы язычества съ христіанствомъ, серьезно задумался надъ этимъ. Долго обдумывалъ философъ и наконецъ воскликнулъ съ удивленіемъ и горечью. «Какія жены у этихъ христіанъ?»

Этимъ онъ засвидѣтельствовалъ что побѣдѣ язычества мѣшаютъ христіанскія жены и выразилъ глубокое уваженіе къ христіанской женщинѣ.

И теперь наплыву враждебныхъ истинъ ученій могутъ помѣшать женщины. Онѣ призваны служить только истинѣ и добру и если не измѣняютъ Божественнымъ завѣтамъ, то каждая изъ нихъ не будетъ мучительно спрашивать себя на границѣ жизни: «зачѣмъ я жила?»

Высоко назначеніе женщины и, слава Богу, сознаніе его теплится, какъ свѣтлая лампадка, въ умахъ многихъ. Дай Богъ, чтобы это сознаніе стало всеобщимъ!

---

⁵⁾ А. В. Кругловъ „Литературно-житейскія замѣтки“. „Русскій Паломникъ“ 1903 г.

II.

Въ современной литературѣ немало шуму надѣлала за границей и у насъ одна сенсаціонная повѣсть. Произведеніе это носить заглавіе; «Одна за многихъ (изъ дневника дѣвицы), повѣсть Вѣры». Написанная одною изъ выдающихся въ Германіи писательницею, укрывшеюся подъ псевдонимомъ Вѣры, какъ то подозрѣваетъ критика, эта повѣсть обращаетъ на себя особое вниманіе, благодаря тому, что въ ней затронутъ глубоко женскій вопросъ. О героинѣ этой повѣсти, ея взглядахъ на призваніе женщины, и смыслъ жизни и обвиненіи Вѣрой мужчинъ я и намѣренъ поговорить ⁶⁾.

Начинается повѣсть письмомъ Вѣры—дѣвушки, разочаровавшейся въ своемъ женихѣ. Прекращая свою жизнь насильственно, какъ видно изъ письма, несчастная посылаетъ при этомъ письмѣ, обращенномъ къ жениху своему Георгію, «последніе листки» изъ своего дневника. Изъ этого-то дневника и состоитъ вся печальная повѣсть, мрачная іереміада разочарованной женской души.

Я не пишу критики на повѣсть и потому не вдаюсь въ разборъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ ея и оцѣнку ея фабулы, но скажу, что дневникъ Вѣры написанъ прекраснымъ, мѣстами образнымъ, языкомъ.

Кто эта Вѣра? Изъ дневника ея видно, что она дочь богатыхъ аристократовъ, повидимому красивая собой и хорошо образованная, доказательствомъ чего служитъ прекрасный слогъ и образность дневника. Но при всѣхъ тѣхъ высокихъ внѣшнихъ качествахъ Вѣра бѣдна внутреннимъ содержаніемъ духа. Сердце ея не согрѣто тѣмъ жгучимъ пламенемъ любви ко всѣмъ людямъ, о которой такъ много и поучительно говорилъ Христосъ; умъ ея холоденъ и строго цѣнитъ ближнихъ, сурово порицая ихъ малѣйшіе недостатки. Вѣра гордится собой, своею нравственною чистотой и въ этой гордости она доходитъ до самопоклоненія.

⁶⁾ Авторъ пользовался повѣстью помѣщенной въ журналъ „Живописное Обзорѣніе“, за 1902 г. въ № 40—44, въ переводѣ съ нѣмецкаго изданія.

Это губить Вѣру.

Сознавая свое нравственное превосходство предъ любящимъ ее и любимымъ ею человѣкомъ, Вѣра брезгливо отталкивается отъ него и вмѣсто того, чтобы принявъ его покаянныя слезы утѣшить его, согрѣть женскою нѣжностью и любовью, облагородить, обновить и возсоздать погибшаго человѣка,—вмѣсто всего этого, Вѣра охлаждѣваетъ къ нему, не даетъ ему руки помощи, но толкаетъ въ бездну отчаянiя, заставляетъ его терзаться, а сама въ слѣпомъ и безумномъ сознанiи своего достоинства умерщвляетъ себя. Этимъ Вѣра хотѣла доказать, что близкiй ей человѣкъ, будучи нравственна пороченъ, не достоинъ ея любви, ибо она глубоко нравственна; но такъ какъ чувство любви велико и она не можетъ его уничтожить, то она выбрала вѣрное, по ея разсужденiю, средство прекратить насильственно жизнь. Вотъ что она сама говоритъ объ этомъ печальномъ исходѣ въ дневникѣ, впрочемъ съ недомолвками, какъ-бы боясь того выбраннаго ею исхода.

«Такъ какъ я не могу жить *съ нимъ*, а также *безъ него*; то остается одинъ возможный путь» ⁷⁾, т. е. самоубiйство, прибавимъ мы.

Печальный, погибельный этотъ путь. Благодаря этому пути гибнуть двѣ души: Вѣра, нравственно чистая съ фарисейскимъ сознанiемъ своего превосходства, и любящiй ее Георгiй, нравственно порочный, но мытаревыми слезами омывающiй у ногъ ея свои прежнiе грѣхи. Она убиваетъ себя, онъ неудовлетворенный нравственно, съ отвергнутымъ покаянiемъ, предается отчаянiю и, быть можетъ, также кончаетъ съ собой. А измѣнись обстоятельства, приди Вѣра на помощь Георгiю; она была бы спасена, примирена, онъ очищенъ и обновленъ, а оба вмѣстѣ, соединясь воедино, другъ друга носили бы тяготы.

Но вышло вовсе не такъ и потому оба они погибли. Не радоваться, а печалиться нужно такому концу. Однако Вѣра почему—то гордится такимъ концомъ.

Чему радоваться? Своей погибели и погибели близкаго человѣка, думая при томъ, что эта погибель принесеть

---

⁷⁾ Курсивъ словъ „съ нимъ“ и „безъ него“ повѣсти.

пользу будущему? Если всмотрѣться внимательно, это глубоко наивно. Не къ созиданію, а къ разрушенію чистаго, свѣтлаго будущаго ведетъ все это. Вѣра не кирпичъ кладетъ въ новое сооруженіе, какъ говоритъ она въ заключительныхъ строкахъ дневника, но молотомъ разбиваетъ уже положенные въ зданіе кирпичи. И не дай Богъ, если найдутся подражательницы Вѣрѣ среди женщинъ! Тогда вмѣсто возрожденія и воссозданія человѣческаго рода будетъ уничтоженіе и вырожденіе его. Печальная перспектива и, надо думать, невозможная при установленной Творцомъ гармоніи міра.

Цѣльная ли натура Вѣра? Конечно нѣтъ. Это-женщина, бесплодно ищущая смысла жизни, вопрошавшая себя съ мучительной тоской о своемъ назначеніи и не нашедшая отвѣта изъ окружающаго, а потому и прекращающая насильственно свою жизнь.

Безспорно, Вѣра—даровитая натура, но бѣдная духовно; при всемъ богатствѣ внѣшнихъ достоинствъ, она не находитъ отвѣта на свои жгучіе запросы, предъявляемые къ жизни.

Въ первыхъ словахъ дневника, Вѣра, какъ видно, принимается за трудъ добросовѣстно. Въ головѣ у нея зарождается много добрыхъ порывовъ, много хорошихъ стремленій и жажды найти истину. Но, къ несчастію, весь трудъ Вѣры не идетъ далѣе порывовъ и стремленій. Нечего и говорить, что жажда ея не удовлетворена.

Не разгадавъ сама загадки жизни, не найдя своего пути, она заявляетъ въ концѣ дневника, что предоставляетъ трудиться надъ этимъ другимъ, питаясь надеждою, что, быть можетъ, послѣдующія поколѣнія довершатъ ея дѣло.

Вотъ что пишетъ Вѣра въ «первыхъ листкахъ» своего дневника, помѣченныхъ 18 сентября.

«Я хочу быть честною, справедливою, безгранично справедливою по отношенію къ самой себѣ. Къ чему вся эта благопристойная ложь, къ чему всѣ эти ухищренія въ душевой атмосферѣ лжи? Развѣ этотъ искусственный и систематическій обманъ можетъ приблизить человѣка хоть на іоту къ счастью, или къ самодовольству, которое равносильно счастью? Истина все болѣе и болѣе засоряется гнуснымъ мусоромъ лжи.

«Я всегда плохо чувствовала себя въ низинахъ и пещерахъ. Мнѣ хочется дышать чистымъ воздухомъ горныхъ высотъ.— Я хочу выразить мои мысли словами. При этомъ сбрасываю съ себя мантию фарисейства, которая мѣшаетъ самосознанію... Я рѣшила стать самой собою и хочу выкристаллизировать въ своей душѣ то, что скрыто въ ней».

Такъ исповѣдуются Вѣра, выясняя характеръ своего труда, свои стремленія къ самоусовершенію.

Обнаруживъ такіе свѣтлые порывы своей души, Вѣра тутъ же, какъ будто, колеблется, задавая себѣ такіе вопросы: «Буду ли я сама по себѣ чище, возвышеннѣе и величественнѣе, если сумѣю замаскировать свои недостатки, или оправдаю ихъ въ своихъ глазахъ какою либо мотивировкой? И все равно, смогу ли я стать хуже и ничтожнѣе, если познаю свои достоинства и изучу ихъ?»

Отвѣчая себѣ на эти вопросы, она говоритъ между прочимъ. «Да, наконецъ, если анализировать всякую мелочь, то жизнь окончательно потеряетъ всякую цѣну».

Но тутъ возникаетъ противорѣчіе. Вѣдь и поверхностное сужденіе о жизни не только не принесетъ намъ пользы, но послужитъ ко вреду.

Въ жизни нѣтъ мелочей и кто хочетъ изучать жизнь, долженъ разсмотрѣть ее до мельчайшаго атома, чтобы вѣрно судить о ней.

Древнее мудрое правило, о которомъ я выше упоминалъ, говоритъ: «не пренебрегай никакими мелочами жизни и— будешь добръ».

«При наличности довольства и избытка въ жизни, гибнетъ энергія людей»—говоритъ далѣе Вѣра. Сила засыпаетъ безъ всякаго сопротивленія. Въ этомъ бездѣйствіи происходитъ тоже самое, что бываетъ съ плугомъ, брошеннымъ въ сырой подвалъ...

«Только благодаря труду, въ низшихъ слояхъ общества такъ много силы и жизнерадостности и такъ мало нервной расшатанности. Имъ некогда копаться въ своей душѣ. Въ нашемъ бѣдномъ духомъ слоѣ общества родина неврастеніи. Люди даже не задумались считать проявленія этой болѣзни за дифференцировку и утонченность нервовъ. Многіе даже гордятся этимъ, такъ какъ литература и искусство возвели неврастениковъ въ героевъ. Вся наша мод-

ная жизнь есть ничто иное, какъ вѣрный путь испортить нервы. Всѣ наши чувствительныя проявленія происходятъ отъ нервности. Скажите, много ли энтузіастовъ встрѣтите вы въ нашъ вѣкъ? Ихъ нѣтъ, такъ какъ энтузіазмъ есть проявленіе душевной силы.

«Мнѣ же хочется изъ этого обыденнаго міра выйти къ болѣе простымъ и естественнымъ формамъ».

Здѣсь Вѣра сказала истину. Обвиненіе свѣтскаго общества въ нищетѣ духа сдѣлано ею справедливо. Благородно и намѣреніе ея выйти изъ обыденнаго міра и стать на высотѣ, освободившись отъ дрязгъ и пошлостей будничной жизни.

Но вышла ли она? Нѣтъ. Иначе чѣмъ объяснить трагическую развязку ея душевной драмы? Она жаждала счастья въ любви къ близкому ей человѣку, но не дѣлала усилій устроить счастье и чрезъ горделивое сознание своей нравственной чистоты не приложила труда къ созиданію этого счастья. Гордость, фарисейство воспрепятствовало ей въ этомъ. А потому она и погибла.

Фарисейское сознание собственной чистоты заглушило въ ней великое чувство состраданія къ падшему ближнему, которому особенно нужно теплое, сердечное отношеніе. Но вмѣсто нѣжнаго, заботливаго участія, вмѣсто усилій создать счастье, когда созиданіе его являлось такъ еще возможнымъ, вмѣсто того, чтобы исправить поврежденную человѣческую душу, Вѣра сама разстраииваетъ возможное счастье и гибнетъ.

По человѣчески ли это? Я не говорю уже по христіански ли; я спрашиваю только: а по человѣчески ли это?

Въ правѣ ли человѣкъ вредить самъ себѣ, въ правѣ ли разрушать свое счастье и губить другого? Пусть отвѣтятъ мнѣ безпристрастно, не придерживаясь эгоистическихъ вѣяній нынѣшняго времени.

Я думаю, отвѣтъ будетъ тогда: нѣтъ, не въ правѣ. И другого отвѣта быть не можетъ.

Вѣрѣ предстояла великая миссія возсоздать потерянную душу, обновить и исправить согрѣшившаго человѣка, «возбудить въ немъ жажду жить». И ей при помощи взаимной любви было бы легко выполнить эту миссію.

Что же такое представлялъ собою Георгій; страстно любившій ее и не менѣе горячо любленный ею?

Напомнимъ себѣ строки изъ письма курсистки. «Вѣчный авторитетъ» женщины, «мужчина весь одно заустѣніе; самъ ничего не имѣя, онъ отнимаетъ у нея и то небольшое, чѣмъ она еще обладала: противъ его мнимо научной критики, противъ его мнимо-глубокой мысли не устоять ей «молитва по привычкѣ», а критиковать его она не можетъ.

Такимъ мужчиною былъ и Георгій.

Онъ велъ обычную жизнь зауряднаго мужчины... Ему никогда и въ голову не приходило, что когда нибудь женщина, которая во всей чистотѣ отдается ему, можетъ потребовать отъ него той же невинности ..

«Я и посейчасъ, говоритъ въ своемъ дневникѣ Вѣра, не могу сообразить, какъ это только я могла по вечерамъ спокойно гулять рука объ руку съ нимъ; какъ только на мнѣ не отразились эти мужскія привычки».

Нравственно испорченный Георгій, видя такой переворотъ въ невѣстѣ, позналъ свою преступность. И искра покаянія заронила въ него. Какъ евангельская грѣшница, онъ приноситъ глубокое искреннее покаяніе. Но оно не принимается. И сколько разъ ни обращался онъ, каждый разъ былъ отвергнутъ.

«Онъ заявилъ мнѣ, пишетъ Вѣра, что хочетъ любовью и добромъ уничтожить вѣяніе призраковъ его прошлой жизни». А съ какою искренностью онъ этого желаетъ, можно видѣть изъ словъ Вѣры: «хотя бы даже отдать за это свою жизнь...

«Иногда, какъ то вдругъ, во мнѣ поднимается нѣжность. И мнѣ думается, съ какою ласкою встрѣтила бы я его, если бы онъ пришелъ; съ какимъ жаромъ согрѣла бы я его въ своихъ объятыхъ любви и какими поцѣлуями сгладила бы морщины на его челѣ...

Но тутъ воспоминанія объ его прошломъ сразу убиваютъ все это... Тутъ мнѣ кажется, что я должна что то рѣшить, что то страшное и потрясающее душу».

Но Георгій не отступаетъ съ своею покаянною любовью отъ Вѣры. И умиленные покаянныя рѣчи текутъ изъ его скорбнаго сердца.

— «Вѣра,—сказалъ онъ вчера,—если бы я могъ вычеркнуть все свое прошлое, я бы отдалъ за это всѣ счастливые дни моей жизни.

Я смотрѣла въ землю и ни однимъ словомъ не ободрила его.

«Все это только однѣ фразы», думала я.

Онъ же продолжалъ.

— «Вѣра, повѣрь мнѣ! Само общество губить нашего брата, такъ какъ оно не только не караетъ, но, наоборотъ, культивируетъ и поощряетъ возникновеніе той почвы, на которой и вырастаютъ подобные результаты. Повѣрь же мнѣ, Вѣра! Мы не знаемъ, что мы творимъ! Уже въ первые годы нашей юности попадаемъ мы въ эту атмосферу. Мы живемъ моментами, порхаемъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, какъ мотыльки. Много гадкаго и грязнаго въ подобной жизни мужчинъ...

— Чего разводить философію, когда человѣкъ самъ себя оплевалъ!—Холодно и безъ сожалѣнія заявила ему я. Я не нашла въ себѣ ни одного атома сожалѣнія.

Въ его глазахъ можно было прочесть безграничный страхъ и отчаяніе.

— Вѣра,—опять началъ онъ,—человѣкъ можетъ снова очиститься, снова облагородиться при теплыхъ лучахъ любви! Жизнь съ самопожертвованіями можетъ изгладить тѣнь прошлаго. Не говори нѣтъ, Вѣра! Только не отрицай!

Въ его голосѣ слышалось столько мольбы и просьбы. Я пожала плечами. Можетъ быть, онъ и правъ! Я не хочу спорить».

Какое безсердечіе выказываетъ здѣсь женщина, которая въ силу своего великаго мірового назначенія, должна быть мягкосердечною, нѣжною и снисходительною! Гдѣ же та женственность, гдѣ то теплое участіе, гдѣ тѣ отличительныя черты женщины? Нельзя безъ сожалѣнія слышать горчей мольбы Георгія о прощеніи.

Вѣра оттолкнула отъ себя кающагося грѣшника и рѣшилась на «что то страшное и потрясающее душу».

Это «что то»—самоубійство. Умѣя любить, она не умѣла прощать. Странною кажется такая любовь. Вѣдь сила любви въ томъ, чтобы прощать.

Апостоль, перечисляя признаки истинной любви, справедливо замѣчаетъ... Любовь не помнить зла, все терпѣть» (1 Кор. XIII. 7).

Значить, ВѢра не умѣла любить истинною, настоящею любовью, тою любовью, которую Христось проповѣдалъ людямъ и которою Самъ возлюбилъ грѣшный родъ человѣческій, грѣшнѣйшій предъ Нимъ болѣе, чѣмъ Георгій былъ грѣшенъ предъ ВѢрою.

Несмотря на всю свою чистоту и самосознаваемое благородство души, ВѢра не достигла высоты человѣческаго совершенства.

Однажды она сама сказала о себѣ горькую истину.

«Я—камень, свалившійся съ высотъ».

Да—камень! Если бы она не была камнемъ, она бы простила.

Берсье говорить объ истинной любви.

«Любви открыто безконечное, не то безконечное въ безпорядкѣ, гдѣ она находитъ только рабство въ подчиненіи плоти, а то высшее безконечное, гдѣ любовь Божественная ширится въ своей вѣчной полнотѣ, и гдѣ она можетъ обнимать всѣ существа, даже тѣ, къ которымъ сердце въ своемъ естественномъ состояніи испытывало бы только ненависть и отвращеніе».

Этой великой всеобъемлющей, всепрощающей любви и не доставало ВѢрѣ. Ея сердцу была непонятна любовь Христа. Она любила себя, свою чистую душу болѣе всего.

Вспомнимъ слова Спасителя: «любящій душу свою погубить ее; а ненавидящій душу свою въ мірѣ семь сохранить ее въ жизнь вѣчную (Іоан. XII, 25)».

ВѢра любила свою душу, гордилась своею чистотою и погибла.

Извѣстный намъ христіанскій публицистъ вотъ что пишетъ о ВѢрѣ.

«Права ли Verà, какой былъ исходъ возможенъ для нея? Verà (ВѢра)—это дѣвушка (повѣсть «одна за многихъ»), которая узнаетъ не задолго до брака, что мужъ ея «грязень». Она долго мучится, потому что любить его, и потому убиваетъ себя, чувствуя, что не можетъ принадлежать человѣку, запятнавшему свою чистоту. Такъ права ли она? Конечно нечего говорить о самомъ самоубійствѣ; оно всег-

да и безусловно грѣхъ; но тяжкій грѣхъ—и этотъ разрывъ съ человѣкомъ, который долженъ былъ стать ея мужемъ.

Само собою разумѣется, протестовать противъ грязи нужно, протестъ законенъ и святъ; но ненужно быть такой жестокой—непрощающей; у Вѣры нѣтъ любви, она слишкомъ поклоняется своей чистотѣ! Я предпочелъ бы, чтобы повѣсть ея протеста и борьбы за права женщины окончились, какъ кончается другая повѣсть на близкую тему: «Марія» (Нансена)⁸⁾: «Звоните колокола. Ликуйте всѣ ангелы. Душа спасена. Это была грязная душа, влачившаяся въ грѣхахъ. Звоните колокола полнымъ аккордомъ. Ликуйте ангелы. Ею спасла слабая женщина,—не безъ пороковъ, не безъ недостатковъ, но сильная вѣрой своей». Она простила, но онъ понялъ, что простила, а не уступила: не отступилась, а пожалѣла»⁹⁾.

Все это доказываетъ, что женщина «строительница семейнаго счастья». Въ ея рукахъ созиданіе жизни, она можетъ пересоздать человѣческую душу «возстановить потерянную душу» въ мужчинахъ. «Марія» (въ повѣсти Нансена) съ честью выполнила эту женскую обязанность, возложенную Творцомъ міра. «Марія» создала счастье.—«Вѣра» же разрушила возможное счастье. Этимъ она доказала все таки могущество женщины въ мірѣ, важность ея роли на мировой сценѣ, доказала, что женщина можетъ создать счастье и разрушить. Ахъ! если бы женщины только и думали о созиданіи счастья. Какъ бы облагодѣтельствовали онѣ міръ! Не дай Богъ, чтобы женщины стали разрушительницами. Добродѣтельная женщина—якорь спасенія, путеводная звѣзда для якоря. Не дай Богъ, если померкнетъ эта звѣзда. Тогда мужчина погибъ.

Еще «одно слово женщинамъ», христіанскаго публициста іеромонаха о. Михаила.

«Женщины! Много виновенъ предъ вами мужчина, но будьте носительницами мира и мироносицами, несите не вражду, а миръ, ищите не своего только освобожденія, а принесите и мужчинѣ вѣсть о возрожденіи семьи и брака!

⁸⁾ Примѣчаніе іером. Михаила „Идея этой повѣсти, впрочемъ, не во всемъ приемлема“.

⁹⁾ „Бесѣды о живой жизни и вѣчныхъ истинахъ“ Русскій Паломникъ“ 1903 г.

Не покидайте его, какъ Нора, не бросайте перчаткой въ лицо, какъ Свава, не уходите изъ жизни по ненависти къ ней, какъ Вѣра, а настойчиво зовите его къ чистотѣ и признанію не гражданскихъ, а человѣческихъ правъ»¹⁰⁾.

Внимайте женщины! Прийдите на помощь мужчинамъ, употребите трудъ къ спасенію ихъ. Не подражайте Вѣрѣ. Вѣдь камню не подражаютъ. А Вѣра тотъ же камень, какъ высказала то и сама. Путь Вѣры гибельный. Въ немъ нѣтъ геройства, хотя она настойчиво твердитъ о томъ, что въ этомъ поступкѣ есть героическое.

«Не всякому духу вѣрьте», учить апостоль. Не довѣряйте такимъ, какъ Вѣра, если не хотите погибнуть. Вѣдь конецъ Вѣры и ей подобныхъ—гибель.

Чувствительное нѣжное сердце женщины открыто широко для любви. Будучи проникнута любовью, оно представляетъ алтарь нѣжныхъ чувствъ, счастья и мира. Проникнитесь же Евангельскою любовью женщины строительницы счастья, и сообщая дары любви мужчинамъ, воссоздайте, облагородьте и возвысьте ихъ.

III.

Нынѣшній вѣкъ очерствилъ людей. «Мужчина въ погонѣ за хлѣбомъ растерялъ свою душу» и изсушилъ сердце. Онъ сталъ одинокъ. Утомясь этимъ одиночествомъ, онъ повторяетъ слова Мопассапа (рассказъ Одиночество) «Мы всѣ одиноки. Мы блуждаемъ среди людей въ пустынь—и нѣтъ никого около насъ. Я иду въ темномъ подземельѣ, не имѣя никого съ собою, не чувствуя никого вокругъ себя, никого, который совершилъ бы тотъ же путь. Это подземелье—жизнь. Я никого не встрѣчаю и не нахожу другой руки въ темнотѣ, которая меня окружаетъ».

Эту руку, руку надежды и можетъ подать только женщина. Она наилучшій путеводитель во мракѣ жизни. Въ ней сохранилась жалость къ людямъ. А мы мужчины, скажу словами христіанскаго публициста, «одиноки потому, что погибла жалость».

¹⁰⁾ Ibid.

«У Чехова, продолжаетъ онъ, есть страшный разсказикъ «Горе» съ интереснымъ эпитафюмъ: «кому повѣмъ печаль мою»... У извозчика Ионы умеръ сынъ... Ему хочется выплакать, раздѣлить съ кѣмъ-нибудь это горе. И вотъ въ миллионномъ Петербургѣ не нашлось ни одного человѣка, кому онъ могъ бы сказать о смерти сына, о томъ, какъ онъ умиралъ, что говорилъ... Онъ пытается заговорить съ сѣдоками, пытается робко, умоляюще—его обрываютъ. Хочетъ сказать своимъ товарищамъ, дворнику,—нѣтъ «послушающаго скорби его». И вотъ въ концѣ концовъ онъ находитъ слушателя о своемъ горѣ только въ лошади.

— «Да лошадушка... Умеръ Ионычъ то; ему бы жить, а онъ умеръ.

И рассказываетъ ей все.

Что можетъ быть ужаснѣе этой беллетристической мелочи: человѣкъ среди людей не находитъ другого человѣка, чтобы сложить на него частичку своего горя... «Я въ темномъ подземельѣ и никого не встрѣчаю на пути»... Страшно.

«Души отошли другъ отъ друга... Холодно, холодно, холодно...

Мнѣ иногда чудится что то похожее на подземелье Мопассана. Городъ съ длинными темными улицами. Вдали свѣтлая площадь. Я иду къ ней,—но мнѣ одному не найти дороги. Я хочу искать помощи, — но всѣ, кто встрѣчается мнѣ,—чужіе люди, холодные, равнодушные: они не помогутъ. И я иду... А улицы становятся уже и уже... Свѣтъ уходитъ дальше и дальше... Я еще тоскливѣе ищу товарища...

Нѣтъ, я одинъ .. И вотъ просвѣтъ исчезъ. Стало темно...

Этотъ мертвый городъ—жизнь. Да, мы гибнемъ—намъ не пройти къ свѣту, если будетъ такъ, какъ есть... Идти туда къ свѣтлой площади—нужно, но для этого нужно взяться рука за руку съ кѣмъ-нибудь. Жалости нужно,—жалости, чтобы не было одиночества.

А разъ соединятся души въ любви Христовой, — имъ легко будетъ путь къ свѣтлой площади, и свѣтла будетъ дорога жизни.

И никакой силѣ—даже «нездѣшной»—не разорвать побѣждающаго союза проснувшихся душъ, ибо ничто «не

разъединяетъ двѣ души, которыя въ теченіе минуты были «вмѣстѣ бодры», вмѣстѣ жалѣли» ¹¹⁾).

Въ союзѣ двухъ душъ кроется залогъ ихъ счастья и благополучія, бодрого шествія по дорогѣ жизни. Связанныя любовью, эти души не боятся терній на жизненномъ пути. Не ясно ли отсюда, что міровое назначеніе женщины быть товарищемъ мужчинѣ, утѣшать его на томъ пути, какимъ онъ идетъ, не давать ему заблудиться въ темномъ лабиринтѣ жизни

Погоня за хлѣбомъ изсушила сердце мужчины. На обязанности женщины лежитъ смягчить его, согрѣть и оживотворить священнымъ огнемъ любви, вложеннымъ въ ея душу и сердце Творцемъ. Союзъ двухъ душъ, связанныхъ чистою, святою любовію, благословляется Церковью въ бракѣ. Въ христіанскомъ бракѣ женщина становится товарищемъ мужчины, его лучшею помощницею, нѣжно материнскою заботливостію оберегающею его отъ «нравственнаго оскудѣнія», отъ тоски, тягостнаго одиночества. Это дѣлается женщиною при посредствѣ любви, любви чистой, беззавѣтной, любви божественной, горячей, неизмѣнной. А потому, говоря словами христіанскаго публициста, «Церковь опредѣленно требуетъ брака по любви. Любовь, тяготѣніе души къ душѣ, требуется чиномъ вѣнчанія, какъ условіе, безъ котораго нѣтъ таинства. Въ святоотеческой письменности бракъ всегда опредѣляется, какъ «союзъ любви».

Любовь, или тяготѣніе одного сердца къ другому, положена въ природу человѣческую Творцомъ міра. Св. Библия говоритъ намъ: «оставить человѣкъ отца своего и мать свою, и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одна плоть (Быт. II, 24)». Эти слова являются исходнымъ началомъ любви. Сліяніе двухъ душъ въ одно цѣлое и имѣетъ своею задачею любовь. Объ этомъ учили согласно и великіе мужи древности. Заронивъ въ душу человѣка искру любви Творецъ предоставилъ человѣку възгрѣвать ее и пользоваться ею во благо. И принимая отъ Творца этотъ даръ, человѣкъ долженъ понимать силу его и благоразумно пользоваться имъ.

---

¹¹⁾ Ibid.

«Какъ же понимать любовь?—спрашиваетъ извѣстный намъ христіанскій публицистъ іеромонахъ Михаилъ и отвѣчаетъ: «Изучая отцевъ, я съ удивленіемъ останавливался на ихъ глубокомъ опредѣленіи любви. Эта любовь есть органическое сліяніе двухъ душъ въ душу едину. Это желаніе и сила отдать другому всѣ свои силы, содержаніе своей души, и взять отъ другого все хорошее, что у него. Такая любовь не есть чистое чувство, т. е. физическое влеченіе: въ нее входитъ какой то элементъ особаго рода, внутренней несознанной разсудочности, которая оцѣниваетъ человека не только какъ мужчину, а какъ будущаго семьянина, мужа, товарища.

Кстати необходимо отмѣтить маленькую подробность. Любовь мужчины нѣсколько отличается отъ любви женщины. Это сложилось быть можетъ подъ вліяніемъ жесткой культуры созданной мужчиною, о которой уже говорилось выше.

Какъ первый элементъ, въ любовь мужчины входитъ физическій моментъ любви—влеченіе къ женщинѣ, «именно какъ женщинѣ».

Но не въ этомъ вся суть. Есть болѣе существенный элементъ любви; любовь мужчины къ своей будущей женѣ, особенно у надорваннаго, усталаго мужчины нашего времени, должна носить черты той любви, какую питають дѣти къ своей матери.

«Не считайте этого парадоксомъ»,—говоритъ о. Михаилъ. Да, мужчина долженъ питать именно такое довѣріе къ будущей женѣ, чтобы онъ могъ и желалъ прійти къ ней, какъ «къ матери», исповѣдать ей смуту и тугу своей души и ожидать отъ нея не разрѣшенія проклятыхъ вопросовъ, а хотя бы только «жалости», состраданія».

Но смотря по темпераменту и психическому складу мужчины этотъ элементъ любви можетъ вылиться въ болѣе спокойныя формы, именно: мужчина можетъ искать въ женѣ друга-товарища, чтобы легче вдвоемъ было нести тяжелый крестъ жизни. Влеченіе мужчины къ женщинѣ тогда не осложняется тѣмъ отчасти тревожнымъ чувствомъ дѣтской любви и тою робкою преданностью женщинѣ за то, что она жалѣетъ его, но глубокимъ чувствомъ друже-

жескаго «довѣрія и уваженія къ будущей матери его дѣтей».

Любовь женщины носитъ нѣсколько иныя черты. Въ нее входитъ и естественное влеченіе женщины къ мужчине, но въ формахъ менѣе сознательныхъ и опредѣленныхъ, чѣмъ у мужчины. Но важный элементъ составляетъ уваженіе къ мужчине и дѣлу его. И ради этого уваженія женщина хочетъ связать свою жизнь съ его жизнью, чтобы идти вмѣстѣ съ нимъ рука объ руку. Это необходимо, чтобы не запутаться въ лабиринтѣ жизни, какъ «одинокій» Мопассанъ. Въ силу этого, женщина желаетъ помогать мужчине, поддерживать его и облегчать трудовой путь лаской и нѣжной заботливостью, тою нѣжностью, какою только и обладаетъ женщина. Ища дружбы мужчины, женщина вмѣстѣ съ тѣмъ смотритъ на него снисходительно съ материнскою нѣжностью.

«Но онъ и она должны, говоритъ христіанскій публицистъ, прежде всего, не чисто разсудочно, а чувствомъ сердцемъ, предпочесть избранника всѣмъ, т. е. любить. Вотъ, по моему мнѣнію, характеристика любви будущаго мужа и жены, которая въ извѣстной степени гарантируетъ цѣлость брака. То, что составляетъ дополненіе къ физическому влеченію,—чувство углубленной симпатіи,—по своей природѣ способно не уменьшаться, а расти съ каждымъ новымъ фактомъ симпатическаго единенія двухъ душъ.

А это чувство взаимнаго духовнаго тяготѣнія поддержитъ и физическую любовь мужа къ женѣ и жены къ ея мужу. Эту любовь скрѣпитъ ребенокъ, который будетъ новымъ центромъ общихъ симпатій, заранѣе желаннымъ, именно какъ средоточіе общей любви обоихъ»¹²⁾.

Любовь возвышаетъ и облагораживаетъ душу. Душа наполняется святыми восторгами, она полна прекраснымъ, полна добрыхъ порывовъ и весело созерцаетъ красоты міра, до того, быть можетъ, не замѣчаемая ею. Это чувство обще и для женщинъ и для мужчинъ.

Вотъ что говоритъ Вѣра, въ своемъ дневникѣ, о любви.

¹²⁾ Ibid.

«Мнѣ казалось, что я находилась въ священномъ храмѣ. Я съ удовольствіемъ опустила бы на колѣна и благоговѣнно скрестила бы на груди свои руки. Это было чистое дыханіе непритворной любви, дохнувшей на насъ своею благодатью. Отъ этого въ душѣ скромно нарождалось свѣтлое, хорошее, безгранично чистое желаніе вылить это блаженное состояніе въ плодотворную дѣятельность — въ самопожертвованіе. Тутъ, кажется, что любить всѣхъ людей и все такъ близко, всѣ жизненныя мелодіи сладкозвучно поютъ и улаживаютъ тебя... Всѣ прелести человѣческой души стекаются въ шумный потокъ любви. Кто разъ любилъ, тотъ понимаетъ, что человѣкъ, любившій хоть когда нибудь, не можетъ быть въ корень испорченнымъ. Сколько чистаго, возвышеннаго и благороднаго просыпается тутъ въ человѣкѣ. Свѣтъ любви проникаетъ и согреваетъ самые сокровенные уголки нашей души».

Такъ говоритъ юное сердце полное любви. И нѣтъ возвышеннѣе сердца молодого, горящаго любовью. Въ юности сердце жадно ловитъ впечатлѣнія, сильнѣе проникается любовью и наслаждается блаженствомъ во всей его полнотѣ.

Напомнимъ слова одного писателя психолога П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго), — чудныя мысли его о любви, заимствуя ихъ изъ романа его «Въ лѣсахъ».

«Если дѣвичье сердце, говоритъ онъ, затрепещетъ первою любовью въ ранней молодости, чистую душу ея она возведетъ до блаженства... Счастьемъ и радостью засіяетъ она, свѣтлымъ и прекраснымъ покажется ей вольный свѣтъ: и солнце ярче горитъ, и небо яснѣй, лучезарнѣй, и воздухъ теплѣй, благовоннѣй, и цвѣты краше цвѣтутъ, и вольныя птички поютъ веселѣй и всѣ люди кажутся добрѣе и лучше... Бѣгать бы да беззаботно рѣзвиться, а если бы крылья, — летѣть бы, летѣть въ синее небо, подняться бы выше облака ходячаго, выше тучи гремучей, къ солнышку красному, къ мѣсяцу ясному, къ частымъ звѣздочкамъ разсыпчатымъ... Та святая любовь Божиимъ ангеломъ изъ рая приносится; глядя на нее радуются блаженные жители неба» ¹³⁾ ..

¹³⁾ „Въ лѣсахъ“, ром. Мельникова глава LXXXIV „Русскій Вѣстникъ“ 1873 г. книга XII-я.

Такъ поэтически прекрасно очерчена возвышенность и полнота чувствъ молодого сердца полного любви. Согрѣтое святымъ огнемъ любви, сердце дѣлается все болѣе чистымъ и свѣтлымъ въ лучшую пору жизни.

Тогда оно широко открыто для любви. Возвышенная душа ищетъ прекраснаго. Душа мужчины проникнутая любовью ищетъ въ женщинѣ красоты и поклоняется ей. И это исканіе и поклоненіе красотѣ заключаетъ въ себѣ не чувственность только. Далеко нѣтъ. Въ этомъ видна глубокая мысль.

Бѣлинскій справедливо замѣтилъ: «Для человѣка нашего времени не можетъ не существовать прелесть изящныхъ формъ въ женщинѣ, ни обаятельная сила эстетически страшнаго наслажденія. И, несмотря на то, это будетъ не одна чувственность, не одна страсть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое цѣломудренное чувство, привязанность нравственная, связь духовная, любовь души къ душѣ. Это будетъ растеніе, котораго прекрасный и роскошный цвѣтъ проливаетъ въ воздухъ ароматъ, а корень кроется во влажной и мрачной почвѣ земли» ¹⁴⁾.

Сліяніе двухъ душъ въ душу едину совершается при содѣйствіи великаго чувства любви. А это сліяніе приноситъ благіе результаты. Женщина, обладавъ широко развитою областью сердца, владѣя теплымъ, нѣжнымъ чувствомъ, оказываетъ вліяніе на мужчину, перевоспитываетъ его, внушаетъ ему свѣтлые идеалы, ободряетъ на лежащей впереди жизненный путь. Оскудѣла вѣра въ мужчинѣ, его религіозныя убѣжденія расшатаны, женщина можетъ возгрѣть вѣру, возвратитъ ему утраченныя религіозныя убѣжденія.

Въ этомъ состоитъ великая заслуга женщины предъ христіанствомъ.

Христіанскій философъ В. С. Соловьевъ, такъ говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ «Семи пасхальныхъ писемъ»: «Разрѣшеніе женскаго вопроса, какъ и всѣхъ другихъ серьезныхъ вопросовъ,—въ понятномъ, осмысленномъ и ожитворенномъ христіанствѣ. Женщины первыя поднялись

¹⁴⁾ В. Г. Бѣлинскій. Критика на Пушкина.

на встрѣчу воскресшему Христу. Смысль нынѣшняго женскаго движенія — по избавленіи отъ семи бѣсовъ, приготовить новыхъ женъ—мироносицъ для предстоящаго воскресенія всего христіанства».

Душа женщины всего болѣе воспримчива къ вѣрѣ. Сильная вѣрою въ Бога, женщина способна въ высшей степени научить той вѣрѣ мужчину, холодный умъ котораго зараженъ невѣріемъ. Она дѣйствуетъ своимъ любящимъ сердцемъ на его умъ, и согрѣваетъ его теплотою вѣры и любви, даетъ ему якорь надежды и указываетъ путь къ приобрѣтенію небесной мудрости, которая такъ непохожа на суетную мудрость житейскую. И обновленный мужчина съ помощью любящей женщины бодро вступаетъ на путь христіанскихъ добродѣтелей.

Эта великая роль въ воспитаніи человѣка, роль религіознаго воспитанія мужчины, не должна быть забыта женщиною.

«Будущность человѣчества, говоритъ одинъ изъ мыслителей, Лами, вручена не одному только полу. Женщина—естественный врагъ безвѣрія и новой морали. Культъ матеріи, ослабленіе семьи, господство силы оскорбляетъ разумъ, сердце, права женщины. Вотъ уже 20 вѣковъ жизнь ея нуждается въ прочныхъ привязанностяхъ, чаянія ея—въ безсмертіи. Она — религіозный резервъ рода человѣческаго. Нынѣ, чтобы подмѣнить ея душу, всѣ виды невѣрія спѣшатъ развить ея разумъ. Но привязанность ея къ стариннымъ вѣрованіямъ измѣряется тою силою инерціи, которую она противопоставляетъ этимъ усиліямъ. Христіанское воспитаніе захватываетъ глубже душу женщины, чѣмъ душу мужчины. Свободомыслію еще предстоитъ завоевать женщину. Церкви нужно лишь удержать ее въ своемъ лонѣ. Оградить воспитаніемъ вѣру женщины является вслѣдствіе того — задачею самою существенною и самою удобоисполнимою. Если современная женщина, не переставъ быть христіанкою, остается только зрительницею борьбы, не принимая въ ней никакого участія, и стремится только оградить себя отъ окружающаго невѣрія, но допускаетъ на своихъ же глазахъ развращеніе существъ, самыхъ дорогихъ для нея, то отвѣтственность за это великое зло падаетъ не на нее, а на ея воспитаніе. Она воспитана еще

на мирномъ положеніи, подготовлена къ жизни по вѣрованіямъ общепринятымъ; она не получила воспитанія времени браннаго, того воспитанія, которое научаетъ отстаивать свои вѣрованія противъ нападковъ исторіи, философіи, наукъ. Ее лишили того твердаго образованія, которое, въ вѣка борьбы, вооружало женщину на дѣятельность настойчивую, на вѣское слово».

Да, женщинѣ нужно бороться съ невѣріемъ. Если мужчина «оскудѣлъ» духовно, и отвергаетъ религію мнимо научными доводами, женщина сильная вѣрой и разумомъ, должна противостоятъ его убѣжденіямъ. Пусть въ началѣ она потерпитъ неудачу, пусть мужчина насмѣшливо даже отнесется къ ея дѣлу; эта оппозиція все же имѣетъ смыслъ и со временемъ окрѣпнетъ. Побѣда женщины совершится.

Но, чтобы побѣда совершилась, нужна женщинѣ помощь. Эта помощь необходима со стороны христіанскаго воспитанія и образованія и той науки, которою гордится мужчина. «Дайте ей оружіе, взываетъ въ защиту женщины, извѣстная намъ курсистка, придите ей на помощь, возвратите ей потерянный свѣтильникъ. Я знаю, многія женщины мучительно ищутъ его, особенно учащіяся молодыя женщины. Откройте имъ доступъ въ ваши собранія, больше—призовите, привлечите ихъ туда,—вѣдь каждая изъ нихъ, возвратясь къ Церкви, приведетъ съ собою и близкихъ ей людей».

Христіанское обученіе должно обратить теперь всѣ свои силы на женщину. Пусть оно станетъ для нея главнымъ предметомъ воспитанія, пусть сопутствуетъ ей, не стѣсняемое никакими программами, въ прохожденіи прочихъ наукъ. Пусть женщина узнаетъ всю несостоятельность софизмовъ вращающихся въ обществѣ, несостоятельность новѣйшей безбожной философіи и противопоставитъ ей непоколебимыя истины, пусть она защищаетъ вѣчныя истины словомъ Божиимъ. Тогда женщина станетъ вѣрною служительницею Церкви, какою нѣкогда она и была.

Христіанство питаетъ къ женщинѣ уваженіе и надежды, невѣдомыя свободо-мыслію. Женщина чудными дарами

своего сердца, великою силою любви большую пользу окажетъ религіи и обществу.

«Свое христіанское вліяніе женщины должны распространять и на общество,—говорить Лами.—Мало для нихъ создавать и пересоздавать моду, когда ихъ призваніе—преобразовывать нравы. Остается имъ бросить на колеблющіеся еще вѣсы всю тяжесть своего вліянія, своей численности, своего мужества»¹⁵⁾.

Пусть же богатая духовно женщина придетъ на помощь къ обнищавшему мужчинѣ. Его черствое сердце подъ вліяніемъ ласки и участія женщины размягчится и откроется къ познанію истины. Женщина возсозидавая мужчину, покрыла бы недостатки его души, обновила ее и украсила добродѣтелями, какъ украшаетъ своею зеленью плющъ тычинку.

Вѣра справедливо замѣтила: «Женщина, по своему существу, ближе подходитъ къ плющу, обвивающему тычину».

Тычинка сама по себѣ не обращаетъ на себя никакого вниманія, но красиво обвитая плющемъ, она невольно приковываетъ къ себѣ взоры всѣхъ. Даже растеніе какое нибудь обвитое плющемъ пріобрѣтаетъ красоту. Эту истину можно примѣнить и въ данномъ случаѣ. Мужчина, облагороженный вліяніемъ женскаго сердца, вполне походитъ на тычинку или растеніе обвитое плющемъ. Быть можетъ, его внутреннія качества, не говоря уже о вѣшнихъ, были недурны, но теперь они еще больше выиграли.

Мое слово, на этотъ разъ, близится къ концу. Мнѣ остается сказать лишь заключительный выводъ.

Не сбѣуйте на упадокъ нравовъ, на упадокъ семьи, на очерствѣлость и извращенность мужчины и безсиліе женщины. Къ чему терять напрасныя слова! Приступите къ дѣлу. Недостатки указаны и вы должны видѣть возможный путь къ избѣжанію ихъ. Вѣдь это такъ возможно. Пусть не останется пустымъ звукомъ призывъ къ дѣлу основанія счастья человѣчества. Не дремлите, если вы хотите, чтобы женщина была това-

---

¹⁵⁾ „Призваніе женщины въ обществѣ“, изданіе К. П. Побѣдоносцева.

рищемъ мужчины, по смыслу Библейскому, помощницею ему во всемъ, красою его жизни. Вы любуетесь тою красотою тычники обвитой плющемъ. воспроизведите это на самихъ себѣ, сфотографируйте! Это—лучшій примѣръ для подражанія. Довольно блуждать во тьмѣ догадокъ, сомнѣній, ложныхъ страховъ.

Къ свѣту!

Г. Н. Норсунь.

Ц В Ъ Т Ы ¹⁾.

Я очень люблю цвѣты и не одни лишь комнатные, садовые, а и полевые, всякіе. И любовь эта не похожа на ту, какую люблю я художественныя произведенія искусства, или то, что возбуждаетъ во мнѣ пріятныя ощущенія, а никакого движенія мысли или чувства—никакой жизни не вызываетъ. Правда когда я стою предъ художественными произведеніями, я не застываю въ упоеніи, подобно тому, какъ это можетъ быть при наслажденіи напр., тонкимъ благоуханіемъ; но мысль, невольно возбуждающаяся во мнѣ при видѣ произведеній искусствъ, никогда не бываетъ свободна отъ какого-то холоднаго, разсудочнаго критицизма. Этого-то критицизма по отношенію къ цвѣтамъ, когда я люблюсь ими и невольно размышляю, и не бываетъ.

---

¹⁾ Съ особеннымъ удовольствіемъ даемъ мѣсто въ своемъ журналѣ этой статьѣ, представляющей страницу изъ дневника одной образованной дѣвушки, даннаго ею намъ для прочтенія и для провѣрки. Конечно кой-что намъ пришлось измѣнить и исправить въ этомъ трудѣ юной писательницы, обнаруживающемъ въ ней не только сильное знаніе ея св. Писанія и Преданія, а и любовь ея къ тому и другому; но не въ этомъ дѣло. Намъ дорого въ немъ то доброе направленіе мыслей, которое такъ желательно было бы видѣть въ нашемъ бразовывающемся юношествѣ и тѣмъ больше въ ищущихъ истины дѣвушкахъ.. Невольно припоминается намъ то, что года два тому назадъ въ своихъ „завѣтныхъ законоучительскихъ думахъ“ писали мы о возможности религіозно-нравственнаго направленія мыслей при изученіи видимой природы и мы надѣемся, что читатели вполне согласятся съ нами и точно также, какъ и мы, съ наслажденіемъ прочтутъ эту статью. *Ред.*

Любуясь цвѣткомъ, невольно начинаешь вспоминать, представлять и даже соображать и въ этихъ воспоминаніяхъ и представленіяхъ иногда уносишься далеко, далеко и не рѣдко въ область религіознаго, духовнаго; въ сердцѣ оживаютъ добрыя и чистыя чувства, въ сознаніи пробуждаются мысли о Богѣ, вѣчности, душѣ и т. п.

Говорять, что любовь къ цвѣтамъ есть отголосокъ райской жизни прародителей, съ которыми, при всей временной и пространственной отдаленности нашей отъ нихъ, мы неразрывно связаны происхожденіемъ и единствомъ природы; и я этому вѣрю, я это понимаю... Не даромъ о цвѣтахъ такъ много говорится и въ Библии и въ твореніяхъ свв. отцевъ; не даромъ и Церковь православная, слѣдуя этому ученію откровенія, не чуждается цвѣтовъ, а пользуется ими въ своихъ духовно-просвѣтительныхъ отношеніяхъ къ намъ и утѣшеніяхъ. И это не только теперь въ Новомъ Завѣтѣ есть, а было и въ Ветхозавѣтной Церкви съ самыхъ раннихъ временъ...

Такъ мнѣ кажется; но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Хорошо бы разобраться въ этомъ вопросѣ о значеніи для насъ цвѣтовъ въ этомъ отношеніи, — разобраться именно подъ руководствомъ Библии и ученія Церкви; но это мнѣ не по силамъ. Попытаюсь набросать то, что знаю изъ Библии и ученія Церкви о цвѣтахъ...

Да прораститъ земля быліе травное, съющее съмя по роду и по подобію, и древо плодовитое, творящее плодъ, емуже съмя его въ немъ, по роду на земли. И бысть тако. Такъ говорится о деревьяхъ и травахъ, которыя даютъ намъ цвѣты, въ первой же главѣ первой книги св. Библии; тамъ же потомъ, послѣ разсказа о сотвореніи человѣка, мы читаемъ: И рече Богъ: се дахъ вамъ всякую траву съменную, съющую съмя, еже есть верху земли всея, и всякое древо плодовитое, еже имать въ себѣ плодъ съмене съменнаго, вамъ будетъ въ снѣдь, и вѣсмъ зѣремъ земнымъ, и вѣсмъ птицамъ небеснымъ, и всякому гаду пресмыкающемуся по земли, иже имать въ себѣ душу живота, и всяку траву зелену въ снѣдь.

Величайшій изъ св. отцевъ, св. Василиій Великій написалъ цѣлое сочиненіе, извѣстное подъ именемъ: «Шестодневъ», въ которомъ онъ, обозрѣвая разные явленія природы и живыя твари, созданныя Богомъ, всюду усматриваетъ слѣды премудрости Божіей; между прочимъ, изобразивъ красоту растеній, которыми, какъ ковромъ, украшена земля, онъ говоритъ, что «растенія, назначенныя Богомъ въ пищу живымъ тварямъ, доставляютъ людямъ и врачебную помощь въ своихъ сокахъ, влагахъ, прутьяхъ, корѣ, плодахъ». Случайно, конечно, не упомянулъ онъ о цвѣтахъ, такъ какъ многія лѣкарства приготавливаются именно изъ цвѣтовъ...

И насади Господь рай въ Едемъ на востоцѣхъ и введе тамо чловѣка. И прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе и доброе въ смѣдѣ и древо жизни посреде рая и древо еже видѣти разумѣтельное добраго и лукаваго. Такъ читаемъ мы въ той же книгѣ Бытія дальше, въ описаніи райской жизни прародителей... Мы не знаемъ, сколько времени продолжалась эта райская жизнь ихъ, когда они любовались деревьями красивыми на видъ, разумѣется отъ украшавшихъ ихъ цвѣтовъ, и согласно съ Божіею заповѣдью относились къ древу еже вѣдѣти разумѣтельнаго добраго и лукаваго; вмѣсто ненужнаго, значитъ, намъ сказанія объ этомъ, Моисей повѣствуетъ далѣе о томъ, какъ Ева, прельщенная змѣемъ искусителемъ, *видѣтъ, яко добро древо въ смѣдѣ и яко угодно очима видѣти. и красно есть еже разумѣти; вземши отъ плода его, яде, даде мужу своему съ собою и ядоста...*

Горько, страшно горько по своимъ плодамъ было это вкушеніе; но развѣ только у эгоистовъ повернется языкъ на осужденіе обольщенной. Не укоръ и осужденіе ея вызывать должно это сказаніе, а сожалѣніе и поученіе. «Одна изъ земныхъ цѣлей чловѣческой жизни, говоритъ Владимиръ Соловьевъ, есть господство его надъ природою, но не для одного своекорыстнаго наслажденія, а для собственнаго блага, чтобылучшать ее, какъ и себя самого». Это улучшеніе и состоитъ въ познаніи въ природѣ Бога и себя самого, какъ образа Божія. Откровеніе Божіе тѣмъ между прочимъ и велико, что открываетъ дорогу, не обоготворяя природы, чрезъ изученіе неисчерпаемыхъ силъ ея укрѣпляться въ мысли, что ничто, какъ

говорить св. Василій Великій, не безъ причины и ничто не случайно и всегда видна какая-то неизглаголанная премудрость».

Все это общее, обнимающее природу въ ея цѣломъ, потому самому должно быть приложимо конечно и къ частямъ ея — и къ свѣтиламъ небеснымъ, и къ кедрамъ ливанскимъ, и къ цвѣтку полевому... «О люди, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, пусть цвѣты будутъ для васъ наставниками и учителями богомыслія, боголюбія и богослуженія».

Азъ есмь Лоза, вы же роздіе. Будите во Мнѣ и Азъ въ васъ. Яко же розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы аще во Мнѣ не пребудете... Такъ говорилъ о Своемъ значеніи для насъ Іисусъ Христосъ ученикамъ въ Своей прощальной бесѣдѣ... Но вѣдь Онъ же, этотъ самый Іисусъ Христосъ, въ другихъ случаяхъ именующій Себя то свѣтомъ міра, то хлѣбомъ жизни, св. Іоанномъ Богословомъ называется Словомъ, Которое было въ началѣ у Бога, Которымъ создано было все, что было создано, Которое есть Богъ. Стало быть, Онъ же есть то Слово, Которымъ созданы были и «быліе травное и древо плодовитое и красное въ видѣніе», Онъ есть та самая Премудрость, Которая явила Себя въ твореніи міра...

Въ Ветхозавѣтной Библии есть одна чудная книга Пѣснь Пѣсней, въ которой единеніе человѣка съ Богомъ во Христѣ Іисусѣ поэтически изображается подъ образомъ жениха и невѣсты; они, восхваляя другъ друга и изображая взаимныя чувства, пользуются образами взятыми отъ деревьевъ и цвѣтовъ. «*Мирровый пучекъ возлюбленный мой у меня у грудей моихъ пребываетъ. Какъ кисть кипера возлюбленный мой въ виноградникахъ Енедскихъ (1, 13. 14). Что яблонь между лѣсными деревьями, то возлюбленный мой между юношами (2, 2). Щеки его—цвѣтникъ ароматный, гряды благовонныхъ растений. Губы его—лиліи, источаютъ текущую мирру.* По объясненію нѣкоторыхъ бота-

никовъ, эти слова можно примѣнить къ лиліи персидской, извѣстной подъ названіемъ — царская корона, которая имѣетъ цвѣтъ красный, испускающій жидкость. Колокольчатые цвѣты этой лиліи наклоняются внизъ, висятъ, какъ сережки, представляя сходство съ царскимъ вѣнцемъ, и содержатъ внутри вѣнчика шесть красивыхъ медоносныхъ вмѣстилищъ, въ которыхъ заключается водянистая жидкость, истекающая мало по малу въ видѣ чистѣйшихъ, какъ жемчугъ, капель.

Приведенныя слова изъ книги П. П. суть слова возлюбленной о возлюбленномъ своемъ; а вотъ какъ въ той же книгѣ самъ возлюбленный говоритъ о себѣ и о возлюбленной: *Я нарциссъ Саронскій, лилія долины* (2, 1). *Что лилія между тернами, то возлюбленная моя между двѣицами. Какъ ты прекрасна, какъ привлекательна, возлюбленная, миловидностью. Этотъ станъ твой похожъ на пальму и груди твои на виноградныя кисти* (7, 7). Такими чертами, взятыми отъ цвѣтущихъ и благоухающихъ растений съ ихъ плодами, живописуются въ этой таинственной книгѣ и взаимныя отношенія возлюбленнаго и возлюбленной и плоды этихъ отношеній. *Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди. Вотъ зима уже прошла; дождь миновалъ, пересталъ; цвѣты показались на землѣ; время тѣни настало и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей; смоковницы распустили свои почки и виноградная лоза, разцвѣтая, издаетъ благоуханіе. Разсадники твои—садъ съ гранатовыми яблоками, съ превосходными плодами, киперы съ нардами, нарды и шафранъ, аиръ и корица со всякими благоуханными деревьями, мѣрра и алой со всякими лучшими ароматами. Поднимись вѣтеръ съ сѣвера и принеси съ юга. повѣй на садъ мой—и польются ароматы его. Пусть придетъ возлюбленный мой въ садъ свой и вкушаетъ сладкіе плоды... Пришелъ я въ садъ мой, сестра моя, невеста; набралъ мѣрры моей съ ароматами моими, потлъ сотовъ моихъ съ медомъ моимъ. Приди возлюбленный мой, выйдемъ въ поле, побудемъ въ селлахъ; поутру пойдѣмъ въ виноградникъ, посмотримъ, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, разцвѣли ли гранатовыя яблоки..*

Мы не можемъ и не сумѣемъ точно опредѣлить, что именно—какія духовныя свойства и нравственныя качества

могутъ означать тѣ или другіе цвѣты, плоды и ароматы, упоминаемые въ Пѣсни Пѣсней; но то несомнѣнно, что всѣ эти поэтическіе образы даны намъ именно, какъ аллегорическое изображеніе духовныхъ совершенствъ Бога, къ которымъ мы должны стремиться, и личныхъ свойствъ нашей собственной души. Доказательствомъ служить то, что тѣ же самые образы, хотя и не въ такой полнотѣ, предлагаются намъ и въ другихъ мѣстахъ св. Писанія, съ присоединеніемъ объясненія такого именно ихъ аллегорическаго значенія. Такъ въ пятой главѣ книги пр. Исаіи читаемъ: *Воспою Возлюбленному моему пѣснь Возлюбленнаго моего о виноградникѣ Его. У Возлюбленнаго моего былъ виноградникъ на вершинѣ утучненной горы, и Онъ обнесъ его оградой и очистилъ его отъ камней и насадилъ въ немъ отборныя виноградныя лозы и построилъ башню посреди его и выкопалъ въ немъ точило и ожидалъ, что онъ принесетъ добрыя грозды, а онъ принесъ дикія ягоды..* Въ заключеніе же этой пѣсни пророкъ говоритъ: *«Виноградникъ Господа Саваоѳа есть домъ Израилевъ и мужи іудей — любимое насажденіе Его. И ждалъ Онъ правосудія, но вотъ вопль (5, 1—7).*—И развѣ не тоже самое представляютъ собою всѣмъ хорошо извѣстныя притчи Спасителя о злыхъ виноградаряхъ, о пшеницѣ и плевелахъ, о добромъ сѣмени, о зернѣ горчичномъ и смоковницѣ безплодной?

Конечно все это притчи и аллегоріи; но въ Словѣ Божіемъ не мало есть рѣчей о цвѣтахъ — объ ихъ духовномъ — нравственно поучительномъ значеніи, изложенныхъ и не въ притчахъ. Самъ Господь Спаситель въ нагорной бесѣдѣ Своей, заповѣдуя намъ не заботиться чрезмѣрно о пищѣ и одеждѣ и не унывать въ упованіи на промыслъ Божій, говорилъ: *И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевья лиліи, какъ онѣ растутъ; не трудятся, не прядутъ; но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, то кольми паче васъ маловѣры (Мѡ. 6. 36).*

Въ псалтири Давидовой тѣже полевые цвѣты выставляются, какъ наглядный образъ скоротечности чело-вѣческой жизни. *Человѣкъ, яко трава, читаемъ мы въ псалмѣ 103-мъ, днѣ его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ. Яко духъ пройде въ немъ и не будетъ и не познаетъ къ тому мѣста своего.* Почти точно также говорить и пр. Исаія: *Гласъ вопіющаго: возопій. И рекохъ, что возопію? Всяка плоть—сѣно и всяка слава челоуѣча, яко цвѣтъ травный.* То-же самое читаемъ и въ книгѣ Іова и въ 1-омъ посланіи ап. Петра (1, 24).

А премудрый Сирахъ даетъ при этомъ и другую мысль, говоря: *яко листъ расплющаяся на древъ часть, овъ убо спадаетъ, другій же прозябаетъ: такожде и родъ плоти и крови, овъ убо умираетъ, овъ же родится* (14, 19; ср. Еккл. 1, 4). Въ псалмѣ 91-мъ, противопоставляя взаимно судьбы грѣшника и праведника, псалмопѣвецъ говоритъ: *всегда прозябоша грѣшницы, яко трава, и проникоша вси дѣлающіи беззаконіе, яко да потребятся въ вѣкъ вѣка, и дальше: Праведникъ яко финикъ процвѣтетъ и яко кедръ, иже въ Ливанъ, умножится. Насаждени въ дому Господни, во двортяхъ Бога нашего процвѣтутъ. Еще умножатся въ старости. маститъ и благопріемлюще будутъ.* Развивая эту же послѣднюю мысль о благоденствіи и долголѣтїи праведниковъ, псалмопѣвецъ въ Пс. 127-мъ такъ изображаетъ счастливую жизнь челоуѣка боящагося Бога: *жена твоя, яко лоза (разумѣется виноградная) плодовица въ странахъ дому твоего; сынове твои, яко новонасажденія масличная, окрестъ трапезы твоя;* т. е. точно также, какъ молодые побѣги маслины, обыкновенно въ обилии появляющіеся вокругъ стараго, даже срубленнаго, дерева. Красота маслины, на которую указывается въ Писаніи, состоитъ не въ зелени ея, а въ расширеніи вѣтвей ея: *пойдутъ вѣтви его, и будетъ яко же маслина плодовица* (Осіи 14, 7). Подобный же, только въ еще болѣе наглядной и рѣзкой формѣ образъ употребилъ и св. пр. Исаія въ своемъ пророчествѣ о происхожденіи Спасителя отъ Царственнаго рода Давидова, потерявшаго свое виѣшнее положеніе и, казалось, жизненную силу. *Жезлъ изъ корене Іеессева и цвѣтъ отъ него прозябъ,* говоритъ онъ. По толкованію св. Отцевъ, этоже самое, или еще точнѣе, рожденіе Спасителя отъ

неискусомужной Дѣвы Маріи прообразоваль собою и разцвѣтшій жезль Аароновъ, который вмѣстѣ съ жезлами другихъ старѣйшинъ положенъ былъ Моисеемъ въ скинію, какъ и другіе, уже высохшимъ, на утро, когда вынесенъ былъ Моисеемъ къ народу, чудеснымъ образомъ въ знаменіе богодарованной силы Ааронова священства, разцвѣлъ и далъ плодъ...

Нѣкоторые пренебрежительно относятся къ этимъ и подобнымъ имъ изреченіямъ, называя употребленныя въ нихъ сопоставленія явленій духовной жизни съ цвѣтами и растениями «риторическими фигурами украшенія». Это напрасно. Въ словѣ Божіемъ, какъ и во всемъ, чтò отъ Бога, Богомъ сотворено, ничто, повторю слова св. Василія Великаго, не случайно и не безцѣльно. *Все писаніе, говоритъ св. Ап. Павелъ, богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, да совершенъ будетъ человекъ ко всякому доброду дѣлу приготвленъ* (2 Тимоѳ. 3, 16. 17). По этому-то, руководясь примѣромъ слова Божія, образами видимой природы, а въ томъ числѣ и цвѣтовъ нерѣдко пользовались для нравоучительныхъ цѣлей не только св. Отцы и учителя Церкви, какъ св. Тихонъ Задонскій въ его «Сокровищѣ духовномъ отъ міра собираемомъ», а многіе и изъ свѣтскихъ писателей. Припоминается мнѣ по этому поводу то, что Влад. Соловьевъ писалъ объ елей, который взяли съ собой въ сосудахъ своихъ мудрыя дѣвы въ извѣстной притчѣ Спасителя. „Святой елей, говоритъ онъ, есть реальный символъ чистой и совершенной сущности, скрытой въ нѣдрахъ матеріальнаго бытія и извлеченной оттуда растительнымъ процессомъ природы и сознательнымъ трудомъ человѣка, чтобы питать огонь Божій, служить матеріей небесному свѣту. Это есть символъ богоносной природы, знаменіе совершеннаго единенія Божества съ твореніемъ“.

Наивысшимъ и дѣйствительнѣйшимъ выраженіемъ этого единенія человѣка съ Отцомъ небеснымъ, о которомъ говорилъ Спаситель въ прощальной бесѣдѣ, называя Себя Лозою, а насъ вѣтвями, служить молитва и особенно богослуженіе въ храмѣ. И что же видимъ здѣсь?

Начну издалека.

Пр. Моисей въ той же книгѣ Бытія, рассказавъ о прекращеніи всемірнаго потопа, говоритъ, что когда Ной, промедливъ семь дней послѣ возвращенія въ ковчегъ выпущенной имъ голубицы, выпустилъ ее снова, она возвратилась къ нему вечеромъ и *имѣяше сучецъ масличенъ съ листвіемъ во устѣхъ своихъ и позна Ное, яко уступи вода отъ лица земли.* Ничего особеннаго кромѣ того, что земля обсохла и стала вновь зеленѣть, что слѣдовательно ужъ возможно и выйти на нее изъ ковчега, и не говоритъ, будто бы, этотъ фактъ какъ утверждаютъ нѣкоторые; но не такъ понимаетъ дѣло православная церковь, по указанію самой же Библіи.

По сказанію опять той же книги, когда Іаковъ на пути въ Месопотамію уснулъ въ полѣ и видѣлъ во снѣ лѣствицу, простиравшуюся отъ земли до неба, ангеловъ восходящихъ и нисходящихъ по ней и вверху ея самого Бога, тогда, проснувшись утромъ, поставилъ камень, бывшій въ возглавіи у него, *и возля елей верху его и прозва Іаковъ имя мѣсту тому: домъ Божій;* другими словами, камень долженъ былъ, по его мысли, остаться памятникомъ богоявленія, а елей—знакомъ милости Божіей къ нему и его благодарности къ Богу (18, 18--22). Въ слѣдующей библейской книгѣ, Исходъ, въ сказаніи о скинни и о приношеніяхъ, которыя долженъ былъ дѣлать Богу народъ, указывается и елей для свѣтильника—чистый, выбитый изъ маслинъ. Самый свѣтильникъ для него, по указанію же Божію, сдѣланъ былъ въ видѣ миндальнаго дерева съ вѣтками, листьями, плодами и цвѣтами (25, 31—36). Знаменательно, что свѣтильникъ и лампы и двѣ маслины на немъ видѣлъ въ пророческомъ видѣніи пр. Захарія, и по данному ангеломъ объясненію, это означало милость Божію съ благодатію св. Духа (Зах. 4, 1—7).

Эти свидѣтельства Библіи, помню, приводилъ нашъ законоучитель, при объясненіи возженія свѣтильниковъ передъ св. иконами при молитвѣ и богослуженіи. «Это — вѣстники милости Божіей и образы души молящейся, — того свѣта и тепла, какой разливаешь въ душѣ благодать Божія», говорилъ онъ обыкновенно и при этомъ въ заключеніе указывалъ на голубицу съ масличной вѣткой въ устахъ, возвѣстившую Ною и обрадовавшую Его вѣстью о прекращеніи потопа.

И подлинно. Не знаю, какъ для другихъ, а для меня горящая предъ св. иконой лампада часто была именно такою масляною вѣткою въ устахъ голубицы. Тихій, ровный свѣтъ ея, какъ бы, отражался на душѣ и вмѣсто тоски и унынія незамѣтно для меня 'самой вселялись какой-то покой и даже радость; злыя мысли разсѣивались, какъ туманъ при свѣтѣ солнечномъ, и даже тѣснившія грудь обиды и огорченія теряли свою горечь. Разсудкомъ не объяснить этого, но это такъ. Въ этомъ отношеніи лампада тоже, что восковая свѣча... И она вѣдь, когда теплится передъ образомъ, также непостижимо-благодатно смягчаетъ душу.

Не давно въ одной уединенной обители мнѣ пришлось видѣть свѣчи, только что приготовленныя изъ чистаго, душистаго воска. Какъ тихо и вмѣстѣ чисто горѣли онѣ предъ св. мощами Угодника! Какъ росинки, освѣщенныя утреннимъ солнцемъ, сверкали онѣ на фонѣ изумрудной зелени, съ вѣтокъ деревьевъ какъ бы врывавшейся въ самый храмъ. Эти свѣчи поставили толпы богомольцевъ въ простыхъ зипунахъ и холщевыхъ шубкахъ, съ сумками за плечами, собравшіяся сюда часто изъ самыхъ далекихъ и захолустныхъ окраинъ православной Россіи. Какъ кротки изможденныя лица этихъ страдальцевъ жизни и вмѣстѣ какъ привѣтливы они! Словно какое бремя скатилось съ душъ ихъ, когда они ставили эти свѣчи, и словно самые близкіе родные сплотились они въ одну семью, готовые, какъ съ роднымъ братомъ, подѣлиться съ тобой послѣдними своими крохами и помочь въ бѣдѣ!.. При видѣ описанной картины невольно припомнилось мнѣ то стихотвореніе, гдѣ о восковой свѣчѣ говорится, что это,

«Мѣдный грошъ вдовицы,
 Это—лепта бѣдняка,
 Это, можетъ быть,... убійцы
 Покаянная тоска,
 Это—свѣтлое мгновенье
 Въ дикомъ мракѣ и глуши,
 Память слезъ и умиленья
 Въ вѣчность глянувшей души».

Конечно во всемъ этомъ сказывается благотворное вліяніе многихъ другихъ духовныхъ силъ; но не правду скажетъ тотъ, кто обездолить въ этомъ святомъ дѣлѣ восковую свѣчу, которая, какъ и лампада, приготовлена, а въ самомъ началѣ-то, не безъ Божьяго, вѣроятна, внушенія, и придумана человѣкомъ для выраженія его горячей и чистой молитвы. И какъ въ самомъ дѣлѣ живо и наглядно изображаетъ горящая восковая свѣча молитву человѣка,—этотъ чистый, безкорыстный порывъ его къ Богу, на подобіе того, какъ и ему самому—человѣку пчела отдала изготовленный ею воскъ также усердно и безкорыстно! А вѣдь она собирала его по маленькимъ капелькамъ съ благоуханныхъ цвѣтовъ!...

Говоря о дѣйствіи восковой свѣчи, благодатно согрѣвающей душу человѣческую, невольно вспоминаешь и о благоуханіи ѳиміама. Съ далекихъ временъ, съ самага зарожденія церковной жизни, людямъ понятна стала психологія благоуханія ѳиміама; а онъ вѣдь есть не что иное, какъ застывшій сокъ ладонниковыхъ цвѣтовъ и, какъ глубоко, а вмѣстѣ и поэтично, эта ароматная смола въ соединеніи съ огнемъ, своимъ легкимъ благовоннымъ дымомъ, реализируетъ искреннія молитвы и стремленіе людскихъ душъ въ высь!..

А розовое масло, которымъ помазываютъ плащаницу? Его приготовили изъ чарующихъ красотою розъ — тѣхъ розъ, которыя въ Пѣсни пѣсней взяты, какъ образъ божественнаго Спасителя міра: «Я—роза Саронская», говоритъ Онъ о Себѣ здѣсь; а пр. Исаія о дивной перемѣнѣ въ мірѣ отъ проповѣди въ немъ Евангелія сказалъ: *«Да радуется пустыня и да процвѣтетъ; процвѣтетъ, какъ роза прекраснѣйшая...»*

Соберите всѣ эти мысли о подъемѣ духовной жизни человѣка, сказывающемся въ молитвѣ и отъ нея въ самой нравственности человѣка — мысли, въ своемъ исходномъ пунктѣ и въ своихъ образахъ связанные съ цвѣтами, и вы невольно удивитесь мудрости и благотворности этой связи и согласитесь, что она — эта связь-то — не пустая мечта мистика и не выдумка схоластическихъ богослововъ. Не даромъ цвѣты всегда занимали и занимаютъ такое видное мѣсто въ церковномъ бо-

гослуженіи, какъ наивысшемъ проявленіи духовнаго единенія человѣка съ Богомъ.

Уже въ скинии Моисеевой, устроенной, по непосредственному Божію указанію, самый свѣтильникъ для лампадъ устроенъ былъ, какъ мы видѣли, на подобіе дерева съ вѣтвями, листьями, цвѣтами и плодами. При устройствѣ храма Соломонова еще яснѣе указывалось это символическое значеніе цвѣтовъ и растений: на всѣхъ стѣнахъ храма, покрытыхъ изнутри кедровыми досками, сдѣланы были рѣзныя изображенія пальмовыхъ деревьевъ и распускающихся цвѣтовъ. Въ храмѣ поставлены были два мѣдныхъ столба, капители которыхъ вылиты были на подобіе лилій.

Конечно все это — только подобіе цвѣтовъ, а не живые цвѣты; но вѣдь и самъ ветхій завѣтъ есть лишь подобіе новаго, сѣнь грядущихъ благъ, а не самый образъ вещей, какъ говоритъ ап. Павелъ. Поэтому не въ ветхозавѣтномъ, а въ новозавѣтномъ, христіанскомъ храмѣ нужно искать настоящихъ живыхъ цвѣтовъ, какъ образъ или символовъ духовной жизни. И здѣсь мы дѣйствительно находимъ не одни лишь изображенія цвѣтовъ, украшающія собою стѣны храмовъ и св. иконы, а и самые цвѣты.

Вотъ величайшій послѣ Пасхи христіанскій праздникъ— Пятидесятница, въ воспоминаніе сошествія Св. Духа на апостоловъ. Въ этотъ день не только храмы и иконы украшаются зеленью и цвѣтами, а и сами православные стоятъ за службой съ ними также, какъ съ вербами—въ вербное Воскресеніе.--Для человѣка, незнакомаго съ глубокимъ таинственнымъ смысломъ нашихъ богослужебныхъ обрядовъ, можетъ показаться ничего особенно не означающимъ этотъ обычай, совершаемый въ воспоминаніе входа Господа въ Иерусалимъ, когда народъ іудейскій, вышедшій къ Нему навстрѣчу, рѣзалъ пальмовыя вѣтви и бросалъ ихъ по пути Іисуса съ криками: *Осанна Сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне;* но не такъ по разумѣнію церкви. Въ тропарѣ праздника обычай этотъ трактуется, какъ выраженіе нашей вѣры въ общее воскресеніе въ побѣду жизни надъ смертію. Вотъ этотъ тропарь: *Общее воскресеніе прежде Твоея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ*

воздвигль еси Лазаря, Христе Боже. Тъмже и мы, яко отроцы, побѣды знаменіе носяще (нося распустившуюся вербу, какъ знаменіе побѣды жизни надъ смертью), Тебѣ Побѣдителю смерти, вопіемъ: *Осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!* Еще пустѣ кажется нѣкоторымъ значеніе употребленія цвѣтовъ въ Троицынъ день; это—простое выраженіе радости, подобное тому, какое соединяется съ обычнымъ употребленіемъ цвѣтовъ и въ житейскомъ быту, говорятъ многіе. Хотя и такое пониманіе дѣла не лишено значенія въ смыслѣ значимости цвѣтовъ, какъ символовъ душевной жизни, но не въ немъ суть дѣла, которую церковь понимаетъ гораздо глубже.

Цвѣты въ Троицынъ день—это образное выраженіе самой идеи праздника. Сошествіе Св. Духа на апостоловъ положило собою начало жизни, основанной Иисусомъ Христомъ Церкви Его, какъ общества вѣрующихъ, освящаемыхъ Духомъ Святымъ. Конечно Иисусъ Христосъ есть Спаситель нашъ отъ грѣха, проклятія и смерти; но вѣдь самое усвоеніе-то нами этого спасенія — не только прощеніе грѣховъ, а и наше духовное возрожденіе и оживленіе безъ благодати Св. Духа также невозможно, какъ невозможно оживленіе природы безъ весенняго тепла. Свѣтъ солнца, какъ бы ни былъ онъ яркъ зимою, безъ весенняго тепла не оживляетъ растений; но вотъ повѣяло весеннее тепло, снѣжные покровы и ледяныя оковы спали съ земли и она ожила и покрылась зеленью и цвѣтами, за которыми будутъ и плоды. Такъ и въ мірѣ духовномъ, въ родѣ человѣческомъ, въ церкви христіанской все оживляется Духомъ Святымъ. Имъ просвѣщается разумъ, укрѣпляются силы; самое единеніе со Христомъ въ крови Его, то кровное родство съ Нимъ, о которомъ говорилъ Онъ, называя Себя Лозою, а насъ вѣтвями ея, совершается Духомъ Святымъ. *Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣется Троицескимъ единствомъ священнотайнъ,* вотъ какъ поется объ этомъ въ одной церковной пѣсни; а въ другой пѣсни—въ одномъ ирмосѣ утренняго канона это возрождающее насъ дѣйствіе Св. Духа прямо сравнивается съ весеннимъ оживленіемъ растений. *Процвѣла есть пус-*

Въра и Церковь Кн. VII.

тыня, яко кринъ, языческая неплодѣющая церковь, говорится въ этой пѣснѣ.

И какъ въ самомъ дѣлѣ живо и наглядно выражается этимъ сравненіемъ наше духовное оживленіе! Вотъ полевой цвѣтокъ; онъ только что вышелъ изъ земли, которая питаетъ его своими соками, а сверху солнце льетъ на него лучи своего свѣта и тепла. Мы не умѣемъ точно объяснить, что совершается въ это время въ цвѣткѣ, подѣ дѣйствиємъ весенняго тепла; но мы видимъ, какъ онъ головкой своей тянется къ солнцу, къ нему обращается даже листочками своими и одновременно съ этимъ цвѣтки окрашиваются въ разные цвѣта, издають запахъ и растутъ, растутъ... Развѣ все это не напоминаетъ собою того духовнаго обновленія, которое совершается въ нашей душѣ дѣйствиємъ благодати Св. Духа, ниспосланнаго Иисусомъ Христомъ отъ Бога Отца вѣрующимъ? Нѣтъ, не напрасно Св. Церковь установила употребленіе цвѣтовъ въ Троицынъ день!..

Любятъ православныя украшать св. храмы и иконы цвѣтами и зеленью и въ другіе великіе дни,--въ Пасху, въ храмовые праздники. Чаще всего употребляютъ для этого можжевельникъ, которымъ устилаютъ обыкновенно даже полъ храма. Это конечно объясняется освѣжающимъ, смолистымъ запахомъ этого растенія и постоянно зеленымъ цвѣтомъ его; но эти-то самыя свойства его и приводятъ нашу мысль къ міру духовному и говорятъ о вѣчности. Такое же символическое значеніе имѣетъ обычай устилать и посыпать можжевельникомъ путь, по которому мы несемъ гробы усопшихъ нашихъ къ могилѣ.—Въ строгомъ соответствіи съ этими обычаями стоитъ и другой погребальный обычай,—обычай возлагать вѣнки и вообще цвѣты на самый гробъ усопшаго; но какъ жаль, какъ грустно, что этотъ обычай, такъ напоминающій собою тѣ благоуханія, которыми покрыли гробъ Господа Іосифъ съ Никодимомъ и ранѣе того—ноги Его Маріа Магдалина, въ послѣднее время такъ обмірщился и извратился въ своемъ значеніи! Я разумѣю эти тяжелые, металлическіе вѣнки при погребеніи. Какъ бы ни были они прекрасны и цѣнны, но мертвые металлическіе звуки ихъ непріятно холодно звучатъ при малѣйшемъ колебаніи: точно желѣзныя цѣпи и оковы на рукахъ и ногахъ осужденныхъ!..

Отъ грустныхъ воспоминаній перейду опять къ радостнымъ православнымъ обычаямъ. Что радостнѣе въ жизни человѣка брачнаго торжества, которое св. церковь освящаетъ таинствомъ! Потому-то въ обрядахъ этого таинства цвѣты и занимаютъ такое видное мѣсто. Въ самый важный моментъ его, при призываніи благодати св. Духа, на головы брачующихся возлагаются вѣнцы. Къ сожалѣнію, и здѣсь легкомысліе и небрежность измѣнили форму этого обычая и извратили смыслъ его: давно уже стали дѣлаться брачные вѣнцы металлическими и въ видѣ короны, или вѣнца царскаго. Не такъ было въ древней церкви, когда возлагались вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ, новобрачные въ вѣнкахъ уходили въ домъ и тамъ носили ихъ не одинъ день. Въ требникѣ есть даже особая молитва на сниманіе вѣнцовъ. Въ ней объясняется значеніе ихъ, какъ символа побѣды новобрачныхъ надъ своими страстями. Достоинно вниманія то, что тогда какъ въ житейскомъ быту на головы побѣдителей и отличившихся въ какомъ либо искусствѣ возлагаются вѣнки изъ лавровыхъ листьевъ, въ церкви на брачующихся, какъ на побѣдившихъ страсти свои, возлагались вѣнки изъ листьевъ и цвѣтовъ той же маслины, изъ которой добывается елей для лампадъ и которая считается символомъ семейнаго счастья, мира.

Искренняя, сердечная набожность не та, конечно, которая кончается за порогомъ церковнымъ, а та, которая проникаетъ собою всю жизнь вѣрующаго, не только внутреннюю, душевную, а и наружную, налагаетъ свою печать на самый строй его жизни, по укладу или уставу церковному. Отсюда и вытекаетъ то, что вѣрующіе любятъ украшать себя и свое жилище цвѣтами и растеніями, не только независимо отъ церковнаго міропониманія, а именно въ строгомъ соотвѣтствіи съ нимъ, перенося его изъ храма въ домъ. Какъ хорошо нарвать именно въ Троицынъ день много цвѣтовъ! И какъ нравится мнѣ въ этотъ день видъ деревни, гдѣ не только окна, калитки и ворота крестьянскихъ дворовъ украшаются зелеными вѣтками, а и самая улица усажена бываетъ молодыми березками! Жаль очень, что крестьяне рубятъ для этого молодыя деревца, а не пересаживаютъ ихъ съ корнями...

Особенно хорошъ, отраденъ обычай обсаживать церковными вербами могилы дорогихъ покойниковъ. Говорять, что кладбища, усаженные такими деревьями, напоминають священныя рощи древнихъ и не древнихъ язычниковъ; но что жъ изъ того? Это доказываетъ только то, что и въ языческихъ вѣрованіяхъ есть доля истины, сохранившаяся отъ временъ патріархальныхъ.

Мнѣ не разъ приходилось видѣть въ нѣкоторыхъ домахъ сухіе цвѣты или даже цѣлыя пальмовыя вѣтки изъ Палестины — дорогія воспоминанія исполненной мечты. Такая то пальмовая вѣтка и вдохновила нашего поэта на писать извѣстное стихотвореніе.

«Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Иордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву ли тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали,
Салима бѣдные сыны?..
Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустиль онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?..
Заботой тайною хранима,
Передъ иконою золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивоть и крестъ,—символь святой,
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

А. Н. Муравьевъ, авторъ «Путешествія по св. мѣстамъ» въ своей книжкѣ: «Знакомство съ русскими поэтами», рассказываетъ, что это глубоко-задушевное стихотвореніе написа-

но Лермонтовымъ, въ дни тревогъ по случаю грозившаго ему ареста за стихи на смерть Пушкина. Разсказавъ о томъ, какъ онъ ѣздилъ хлопотать о Лермонтовѣ, А. Н. пишетъ: „когда же я возвратился, нашелъ у себя его (Лерм.) записку, въ которой онъ опять просилъ моего заступленія, потому что ему грозила опасность. Долго ожидая меня, написалъ онъ на томъ же листкѣ чудное свое стихотвореніе: «Вѣтка Палестины», которое по внезапному вдохновенію у него исторглось въ моей образной, при видѣ Палестинскихъ пальмъ, привезенныхъ мною съ востока».

Такимъ путемъ духовная связь наша съ св. землей поддерживается цвѣтами и до нынѣ. Жители многихъ городовъ Палестины занимаются собираніемъ полевыхъ и горныхъ цвѣтовъ для христіанъ. И всѣ эти цвѣты съ Сіона, изъ Хеврона и Иерихона, Назарета и Виелеема—это единственное богатство нѣкогда богатой, плодоносной, теперь бѣдной страны—распространяются по всему свѣту, заносятся туда, куда не проникаетъ никогда и жемчугъ Индіи!.. (Логерлефъ. Въ Іерусалимъ).

Въ народной ботанической терминологіи многіе цвѣты носятъ названія, связывающія ихъ съ тѣми или иными священными лицами, особенно съ лицомъ Богородицы. Такъ, кто не знаетъ, что лилія называется цвѣткомъ Богоматери и вообще считается эмблемою божественности, чистоты, любви и благодати? По преданію, именно съ цвѣткомъ лиліи Архангелъ Гавріиль посланъ былъ къ Дѣвѣ Маріи въ Назаретъ благовѣстить Ей о рожденіи Спасителя міра; съ этимъ цвѣткомъ въ рукахъ Архангелъ и изображается поэтому и на иконахъ Благовѣщенія. По тому же преданію, съ райской вѣткой Архангелъ явился Божіей Матери, передъ Ея блаженнымъ Успеніемъ.

Есть такъ называемая Богородицына травка, Богородицыны слезки и даже Богородицыны перчатки. Есть цвѣтокъ называемый Андреевъ крестъ; есть цвѣтокъ св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, цвѣтокъ Вероники, которая по преданію подала несшему Свой крестъ на Голгоѳу, Спасителю убрूसъ, отереть кровавый потъ съ Его пречистаго лика.

По этому поводу припоминается мнѣ такъ любимая дѣтьми легенда о розахъ и шипахъ для тер-

новаго вѣнца Спасителя, переданная Чайковскимъ въ грустной, трогательной душѣ, музыкальной мелодіи. Легенда эта такъ глубоко вдумчива по своему содержанию, и мнѣ хочется привести ее, чтобы ею и заключить свои размышленія о цвѣтахъ.

Былъ у Христа младенца садъ,
И много розъ растилъ Онъ въ немъ.
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплестъ вѣнокъ себѣ потомъ.
Когда же розы разцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ;
Они сорвали по цвѣтку
И садъ былъ весь опустошенъ.
Какъ ты сплетишь себѣ вѣнокъ?
Въ Твоемъ саду нѣтъ больше розъ!
Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ, сказалъ Христосъ.
И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него,
И капли крови вмѣсто розъ
Чело украсили Его.

А. С.

НЪ ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХЪ УПАДКА ПАСТЫРСКАГО ДУХА ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ НАШЕМЪ ДУХОВЕНСТВѢ.

Въ 1902-мъ году въ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ было опубликовано посланіе преосвященнаго Антонія къ Волынской паствѣ, въ которомъ преосвященный авторъ коснулся большихъ вопросовъ нашего времени: отчужденія духовенства отъ народа, пониженія его авторитета среди паствы и упадка пастырскаго духа въ духовенствѣ. Вопросы эти—безусловно важныя; выдвинуты они въ посланіи съ добрыми побужденіями и цѣлями: поднять на подобающую высоту духъ пастырской ревности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и авторитетъ пастырей среди ихъ пасомыхъ. Посланіе это, написанное въ духѣ апостольской ревности, оказалось вполне благовременнымъ и благопотребнымъ. Не утратило оно своего значенія и въ настоящее время. Въ особенности въ дни переживаемыхъ нами испытаній, ниспосланныхъ намъ Провидѣніемъ въ видѣ Русско-Японской войны, раскрывшей не мало большихъ сторонъ въ общественной и религіозно-нравственной жизни нашего отечества, вполне благовременно возвратиться къ затронутымъ въ посланіи вопросамъ, разобраться въ нихъ и сдѣлать надлежащую переоцѣнку тѣхъ причинъ, которыми обусловливается упадокъ пастырскаго духа въ современномъ нашемъ духовенствѣ. Обсужденіемъ поднятыхъ преосвященнымъ авторомъ вопросовъ особенно усердно занялся духовный апологетико-полемическій журналъ «Миссіонерское Обозрѣніе» и на страницахъ этого журнала появился цѣлый рядъ отвѣтовъ на затронутые авторомъ вопросы. Отвѣты эти хотя и разсматриваютъ съ различныхъ точекъ зрѣнія тѣ вопросы, но ни одинъ изъ нихъ не беретъ на себя задачи всесторонне обследовать выдвинутый преосвященнымъ авторомъ вопросъ о причинахъ упадка, вѣрнѣе сказать, ослабленія пастырскаго ду-

ха въ нашемъ духовенствѣ. Это обстоятельство и даетъ намъ поводъ, по возможности, всесторонне разсмотрѣть въ современныхъ условіяхъ нашей жизни тѣ причины, которыя препятствуютъ правильной жизнедѣятельности пастырскаго института, а также отмѣтить тѣ факторы, которыми обуславливается если не угасаніе, то пониженіе пастырскаго духа въ нашемъ современномъ духовенствѣ. Если мы съумѣемъ хотя отчасти разобратъ въ этомъ многосложномъ вопросѣ и надлежаще освѣтить его, то сочтемъ задачу нашу выполненной.

I.

Пастырство не есть отвлеченное философское понятіе, а живое дѣло, практическая дѣятельность цѣлаго, взятаго во всей совокупности, пастырскаго института; и какъ таковое, оно для плодотворнаго выполненія нуждается въ благопріятныхъ для него условіяхъ. Условія же неблагопріятныя для пастырской дѣятельности подавляюще дѣйствуютъ на нашихъ пастырей, доставляютъ имъ огорченіе и скорбь, повергаютъ ихъ въ уныніе и ослабляютъ ихъ энергію и духъ пастырской ревности и такимъ образомъ отклоняютъ пастырскую дѣятельность отъ начертаннаго ей Пастыреначальникомъ Господомъ Иисусомъ Христомъ идеала. Эти-то неблагопріятныя условія, царящія на базарѣ нашей житейской суеты, и признаются причинами упадка духа пастырской ревности въ современномъ нашемъ духовенствѣ. Каковы же эти неблагопріятныя условія для плодотворной жизнедѣятельности нашего пастырства и какое значеніе имѣютъ и могутъ имѣть они въ печальномъ явленіи упадка пастырскаго духа въ современномъ духовенствѣ?

Во главѣ условій, неблагопріятствующихъ пастырской дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охлаждающихъ духъ пастырской ревности, нужно поставить, по нашему мнѣнію, упадокъ православнаго церковнаго прихода. Подъ приходомъ нужно разумѣть не территоріальную только единицу, но живую и дѣятельную, правильно организованную общину, такъ сказать— „ячейку“, зародышъ церковнаго и государственнаго тѣла. Приходъ, существовавшій въ древней Руси до XVIII вѣка, по изслѣдованіямъ г. Папкова, отличался широкой самостоятельностью и самоуправленіемъ, полонъ былъ жизни и дѣятельности. Но отъ прежняго прихода, имѣвшаго мѣсто въ древней Руси до

XVIII вѣка, осталось одно только печальное воспоминаніе. Замѣчаемая нынѣ вялость церковно-общественной жизни, увеличивающееся отчужденіе отъ церкви образованныхъ классовъ и порча вѣры въ низшихъ слояхъ народа, разныя общественныя нестроенія,—все это зависитъ въ той или другой степени отъ того, что у насъ самое имя прихода не имѣетъ другого значенія, кромѣ территоріальнаго, а жизненная сущность его давно почти утратилась. Между тѣмъ, у насъ приходъ еще доселѣ является единственной пока всесословной единицей, гдѣ уравниваются классовыя и имущественныя различія между людьми и всѣ они одинаково участвуютъ въ церковномъ дѣлѣ, а въ основѣ приходскаго единенія лежитъ общее служеніе Богу, нравственное совершенствованіе всѣхъ. Надлежащая организація прихода, прочно поставленная, это—могучая сила, способная перевоспитать общество, возродить въ немъ истинно религіозную жизнь и возвратить его церкви. (А. Балдовскій, «Возрожденіе церковнаго прихода»). Само собою разумѣется, если бы приходская жизнь стояла на подобающей высотѣ, если бы всѣ члены прихода чувствовали себя живыми и дѣятельными членами приходской единицы, если бы всѣ были воодушевлены желаніемъ поработать для общаго дѣла Божія, если бы всѣ сознавали всю важность церковнаго единенія и тѣснаго взаимообщенія, тогда приходская жизнь была бы ключемъ; тогда процвѣтала бы и приходская благотворительность и церковное хозяйство; тогда и нравственно-просвѣтительныя задачи въ приходѣ выполнялись бы съ надлежащимъ усердіемъ пастыремъ, при доброй поддержкѣ пасомыхъ; тогда и пастыри церкви отовсюду получали бы нравственную и матеріальную поддержку въ своей дѣятельности и духъ пастырской ревности, возгрѣваемой всеобщимъ сочувствіемъ и поддержкой, воскрелялъ бы служителей алтаря Господня къ высшимъ подвигамъ служенія. Но такой поддержки пастыри не видятъ въ строѣ современной приходской жизни, за единичными, конечно, счастливыми исключеніями; въ большинствѣ случаевъ ихъ дѣятельность весьма часто охлаждается равнодушіемъ приходской общины и даже противодѣйствіемъ враждебно и недружелюбно настроенныхъ членовъ,—и не только не достигаетъ желанныхъ результатовъ, но часто сводится къ нулю. Скорбь и огорченія—обычные спутники пастырской дѣятельности при современномъ упадкѣ приходской жизни. Невольно приходится согласиться, что и въ пастырскомъ дѣлѣ «одинъ въ полѣ не воинъ».

Потому-то въ настоящее время желательно и вполне временно было бы повсюду выдвинуть вопросъ о возрожденіи православнаго церковнаго прихода. Мы этого вопроса коснулись постольку, поскольку состояніе церковнаго православнаго прихода, какъ живой единицы, вліяетъ на пастырскую дѣятельность и служить немалымъ импульсомъ для подъема духа пастырской ревности. Желающихъ же поближе познакомиться съ вопросомъ о значеніи церковнаго православнаго прихода вообще и о необходимости его возрожденія — отсылаемъ къ цѣлому ряду очень серьезныхъ и весьма цѣнныхъ сочиненій о приходѣ А. Папкова ¹⁾.

II.

Другимъ, не благопріятствующимъ пастырской дѣятельности а вмѣстѣ съ тѣмъ и охлаждающимъ духъ пастырской ревности, обстоятельствомъ признается необезпеченность, граничащая весьма часто съ бѣдностью, большинства нашего духовенства, и матеріальная его зависимость отъ прихода. Матеріальная сторона въ жизни каждаго человѣка играетъ весьма важную роль и считается однимъ изъ главныхъ условій, обезпечивающихъ правильный ходъ его дѣятельности. Чѣмъ чловѣкъ обезпеченнѣе, тѣмъ больше онъ имѣетъ возможности отдать свои силы избранному имъ роду занятій, спокойнѣе и съ большей пользой работать для блага общества. Положеніе это—въ всякихъ сомнѣній, и къ пастырскому институту съ его идеально высокими задачами и цѣлями оно можетъ быть приложимо не менѣе, чѣмъ къ какой либо другой профессіи. Но также въ всякихъ сомнѣній и другое положеніе, что матеріальная необезпеченность, граничащая съ бѣдностью и являющаяся неразлучнымъ спутникомъ большинства нашего духовенства, въ особенности сельскаго, неблагопріятно отражается на пастырской его дѣятельности. Фактъ матеріальной необезпеченности духовенства, какъ нѣчто непреложное, сталъ общимъ мѣстомъ какъ въ печати, такъ и въ сознаніи общества. Вопросъ о не-

¹⁾ Читатели ж. Вѣра и Церковь много поучительнаго въ этихъ отношеніяхъ найдутъ въ печатавшемся въ пр., году на страницахъ журнала изслѣдованіи о. прот. Н. В. Благоразумова: „Къ вопросу о возрожденіи православно-русскаго прихода о обновленіи Церковно-общественной жизни въ немъ“.

обезпеченіи духовенства не новый: онъ безконечное число разъ обсуждался и въ печати и въ правительственныхъ сферахъ, — но до сихъ поръ не разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ. Наша государственная политика старой допетровской Руси, характеризующаяся тѣснымъ союзомъ церкви и государства, съ отѣнкомъ преобладанія церковнаго вліянія во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ, при Петрѣ круто измѣняетъ свой курсъ и старается освободиться изъ-подъ вліянія церкви. Церкви отводится какъ бы второстепенное мѣсто и опеку надъ народнымъ образованіемъ изъ рукъ духовенства принимаетъ правительство. Мало этого. У правительства на протяженіи всего XVIII вѣка замѣчается тенденція, направленная даже къ униженію духовенства въ глазахъ народа, ослабленію его вліянія на народъ и къ ограниченію его матеріальнаго положенія. Для подтвержденія своего положенія позволимъ сослаться на слѣдующіе два факта. Въ законодательствѣ Петровскаго времени мы находимъ такое обидное для духовенства правило: «духовное лицо православнаго вѣроисповѣданія за свое служеніе не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньше, чѣмъ лица свѣтскія, или лица духовныя, но не православныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ»); и тамъ же читаемъ такое добавленіе: «хотя должность ихъ великая, но чести мало». При Екатеринѣ II состоялось отобраніе отъ весьма многихъ монастырей земель и угодій. Распоряженіе это вызвало цѣлую бурю въ духовенствѣ и повлекло за собою нежелательныя дѣйствія правительства по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ высшей нашей духовной іерархіи. Достаточно упомянуть объ Арсеніи Мацѣевичѣ. Фактъ этотъ самъ за себя говоритъ и не нуждается въ комментаріяхъ. Въ прошломъ 19 вѣкѣ мы замѣчаемъ поворотъ въ другую сторону въ отношеніяхъ правительства къ вопросу объ обезпеченіи нашего духовенства. Поворотъ этотъ начинается съ царствованія Николая Павловича, который высоко держалъ знамя православія, очень интересовался жизнью Православной Церкви и положилъ начало обезпеченію православнаго духовенства. При Александрѣ I назначено было жалованье въ значительно большихъ размѣрахъ, въ особенности для окраинныхъ губерній юго-западнаго, сѣверо-западнаго, прибалтійскаго и привислянскаго края. Въ царствованіе же Александра III состоялось рѣшеніе правительства (1893 г.) ввести постепенно жалованье во всѣхъ прихо-

дахъ Россійской Имперіи, для чего съ Высочайшаго соизволенія ежегодно увеличивается бюджетъ по этой статьѣ на 500,000 руб. Въ 1902-мъ же году благополучно нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II дарована пенсія, хотя сколько нибудь обезпечивающая старость нашего духовенства. Но не смотря на это, въ настоящее время жалованье для духовенства введено далеко не вездѣ и не во всѣхъ губерніяхъ. Многимъ придется ждать еще довольно долго своей очереди. Да и правду сказать, оклады содержанія нашего какъ городского, такъ и сельскаго духовенства—болѣе чѣмъ скромные (400 р. для городского и 300 р. для сельскаго священника и 100 р. для псаломщика). Главными же средствами содержанія нашего духовенства служатъ и теперь, какъ и прежде, два источника: доходы получаемые съ церковныхъ земель и вознагражденіе за требоисправленія.

Не безъинтересно остановитъ вниманіе на этихъ источникахъ содержанія нашего духовенства. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ земля плодородна, гдѣ причты имѣютъ достаточное количество земли, доходы отъ эксплуатаціи земель восполняютъ скудное содержаніе духовенства, и во многихъ мѣстахъ духовенство, благодаря хозяйству, живетъ безбѣдно; но, гдѣ земли плохія, гдѣ песокъ и глина, тамъ духовенство получаетъ отъ земли самыя скудныя крохи, которыхъ хватаетъ еле-еле на прокормленіе, и то въ благодатные урожайныя годы. Возьмемъ губерніи—Тверскую, Псковскую, Новгородскую, Вологодскую, Костромскую и другія—здѣсь, какъ обычное явленіе, а не исключеніе, духовенство крестьянствуетъ, т. е. само обрабатываетъ землю, и вмѣстѣ съ крестьянами терпитъ голодъ и холодъ. Что же касается вознагражденія за требоисправленія, то и этотъ источникъ даетъ духовенству доходовъ очень мало: въ центральныхъ губерніяхъ расколъ со всѣми его развѣтвленіями наполняетъ многіе приходы; тамъ же не мало и сектантовъ, принадлежащихъ къ раціоналистическимъ и мистическимъ сектамъ; окраинныя губерніи на югѣ, западѣ Россіи и въ Закавказьѣ также изобилуютъ всевозможнаго рода сектантствомъ. Гдѣ расколъ и сектанство, тамъ и плата за требоисправленія понижена до минимума.

Есть еще третій источникъ (въ селахъ) восполненія скудныхъ средствъ духовенства: это различные сборы съ прихожанъ. Процедура этихъ сборовъ совершается такимъ обра-

зомъ. Священникъ съ причтомъ берутъ возницу и съ котомками и кошелками отправляются въ путь и начинаютъ объѣзды деревень съ перваго дома и оканчивая послѣднимъ. Хозяева даютъ хлѣбъ въ зернѣ, муку, солодъ, горохъ, овечью шерсть, пеньку, масло, яйца, творогъ. Потомъ собранное дѣлится между причтомъ. Сборовъ бываетъ нѣсколько: осенью самый главный—сборъ зерномъ, сборъ во время Рождества, Великимъ постомъ, на Пасхѣ и лѣтомъ (Миссіонерское Обозрѣніе № 15 1903 г. стр. 594). Въ общемъ и эти сборы даютъ не много, а въ послѣднее время и совсѣмъ прекращаются.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, много ли, мало ли платятъ духовенству за требоисправленія и сколько оно получаетъ во время сборовъ, коснемся самой обстановки, при которой совершаются расплаты за трѣбы и сборы по приходу, и обратимъ вниманіе на психологическую сторону этого печальнаго факта. Пастырство, какъ институтъ, преслѣдующій высокія задачи и цѣли—по самому своему характеру, должно быть чистымъ и святымъ,—и на самомъ дѣлѣ есть таково; этому идеалу должны соответствовать и пастыри—носители его. Но такъ ли бываетъ на самомъ дѣлѣ? Наше юношество, въ духовныхъ семинаріяхъ готовящееся къ священству, выходя изъ учебныхъ заведеній съ болѣе или менѣе свѣтлыми и чистыми идеалами и проникнутое мыслями о высотѣ пастырскаго служенія, выступаетъ на поприще пастырской дѣятельности съ горячими духовно-просвѣтительными стремленіями. Но ихъ благородные порывы и возвышенныя чувства часто разбиваются, при встрѣчѣ съ горькой дѣйствительностью. Необезпеченность подрѣзываетъ имъ крылья, а способы «кормленія отъ прихода», которымъ и до нынѣ живетъ большинство нашего священства, наполняютъ ихъ сердце, въ особенности на первыхъ порахъ, ледянымъ холодомъ и ужасомъ печальной дѣйствительности. Молодой священникъ, описывая на страницахъ Миссіонерскаго Обозрѣнія первые свои шаги въ приходѣ, знакомить, съ какою горечью чувства и слезами, онъ послѣ долгихъ розыскиваній хозяевъ, по гумнамъ и овинамъ прятавшихся отъ него, и этимъ какъ бы протестовавшихъ противъ существующаго обычая причта ходить по сборамъ,—долженъ былъ принимать въ котомки муку, солодъ, горохъ, шерсть овечью и пр., и, не стѣсняясь, говорить, что предательская слеза иногда падала въ котомку, вмѣстѣ съ поступавшими туда сборами. И тутъ же

онъ замѣчаетъ, что «этотъ способъ сближенія (мы добавимъ—кормленія) пастыря не сближаетъ съ народомъ, а отдаляетъ и служить могилою всѣмъ идеаламъ, живущимъ въ душѣ пастыря». Замѣчаніе, можетъ быть и слишкомъ рѣзко выраженное, но справедливое...

Въ защиту обезпеченія духовенства — путемъ эксплуатаціи церковной земли говорятъ: «сила земли»—велика; она оказываетъ огромное и благотѣльное вліяніе на тѣхъ, кто живетъ и питается трудами своихъ рукъ отъ плодовъ земли. Здѣсь, говорятъ, лежитъ главная основа для сближенія пастыря съ пасомыми. Пастырь, раздѣляющій труды вмѣстѣ съ своими прихожанами и своими руками вспахивающій землю, своимъ личнымъ трудомъ какъ бы освящаетъ крестьянскій трудъ. Здѣсь пастырь, какъ и пасомые, сильнѣе, болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ родѣ дѣятельности, чувствуютъ десницу Божию, ниспосылающую блага земныя въ видѣ урожаевъ, и карающую—ниспосланіемъ бѣды и несчастій въ видѣ недородовъ и неурожаевъ. Здѣсь самъ пастырь научается сильнѣе проникаться вѣрой и надеждой на милосердіе Божіе и тому же научаетъ своихъ пасомыхъ.—Все это конечно совершенно справедливо и заслуживаетъ вниманія; но въ этомъ дѣлѣ есть и другая оборотная сторона медали. Въ большинствѣ случаевъ священники обрабатываютъ землю при помощи наемныхъ рукъ изъ среды своихъ же прихожанъ. Священникъ, по необходимости, становится къ своимъ же пасомымъ въ положеніе работодателя, а пасомые—въ положеніе работниковъ; это только увеличиваетъ поводы къ отдаленію пастыря отъ пасомыхъ и даже иногда къ взаимному недовольству; отсюда начинается подрывъ и паденіе пастырскаго авторитета среди пасомыхъ, не только личнаго, а и вообще. Естественно возникающимъ при этомъ недовольствомъ церковными порядками ловко умѣютъ пользоваться въ борьбѣ съ церковью наши раскольники и разнаго рода сектанты. Все это тѣмъ скорѣе и легче происходитъ, если священники, предаваясь земледѣлію, въ силу необходимости, сердцемъ своимъ, помыслами и заботами больше прилѣпляются къ землѣ—кормилцѣ, чѣмъ къ паствѣ и пасомымъ, и оттого больше выглядятъ земледѣльцами, чѣмъ пастырями. Нужно имѣть особенно уравновѣшенную натуру, чтобы, не нарушая интересовъ хозяйственныхъ, обезпечивающихъ пастырю насущный кусокъ хлѣба, сохранить свой пас-

тырскій авторитетъ въ глазахъ прихожанъ. По нашему крайнему разумѣнію, пастыри во много кратъ выиграли бы во мнѣніи прихожанъ, если бы совершенно оставили земледѣліе. И въ самомъ дѣлѣ гдѣ священнику въ страдную пору думать о книгѣ, о поученіи въ ближайшій праздникъ или воскресный день и о паствѣ, если онъ изъ-за хозяйственныхъ хлопотъ не имѣетъ времени даже поднять взоръ свой къ небу? Само собою разумѣется, что по преимуществу на это время падаетъ и халатное отношеніе къ дѣлу многихъ изъ священниковъ и опущенія по приходу. Еще есть одна сторона неудобства обезпеченія священниковъ при помощи земель. Въ настоящее время, когда въ крестьянствѣ аграрный вопросъ обострился, использование земли причтомъ возбуждаетъ зависть и недоброжелательство у крестьянъ. Къ церковной землѣ они прилагаютъ такую же мѣрку, какъ и къ помѣщичьей, т. е. простираютъ на нее свои права. Дабы не блазнить «единого отъ малыхъ сихъ», лучше отказаться духовенству отъ этого способа обезпеченія. Церковную землю можно сдавать въ аренду и арендной платой, безъ всякаго соблазна для однихъ и нареканій со стороны другихъ, можно восполнять священникамъ свои скудныя средства къ жизни и все будетъ «благообразно и по чину».

Итакъ, должно признать не подлежащимъ сомнѣнію тотъ фактъ, что матеріальная необезпеченность и бѣдность нашихъ пастырей служитъ не къ пользамъ пастырской дѣятельности, погашая въ пастырѣ священный огонь, воздвигающій его на подвиги и служеніе своему народу...

Есть довольно распространенное мнѣніе, что обезпеченіе духовенства поведетъ къ привитію въ духовной средѣ бюрократическихъ привычекъ, поселитъ презрѣніе къ мужику (пасомымъ) и ослабитъ еще болѣе пастырскій духъ. Что такіе случаи возможны, противъ этого спорить, конечно, нельзя: въ семьѣ не безъ уroda; но обобщать ихъ и все наше духовенство обвинять въ такой безчувственности, безыдейности и, такъ сказать, животности — и не основательно и жестоко. Противъ этого говоритъ примѣръ нашего городского и столичнаго духовенства, сравнительная обезпеченность котораго не мѣшаетъ же ему быть дѣятельнымъ въ своемъ пастырскомъ служеніи. Мы понимаемъ то деликатное чувство, во имя котораго молчать о своей необезпеченности считаютъ долгомъ сами духовные; но когда такой голось раздается со стороны, то

это уже будетъ свидѣтельствовать не о возвышенности нашихъ мнѣній о пастырскомъ служеніи, а исключительно объ нашей жестокости. Въ оправданіе этого мнѣнія защитники его любятъ опираться на слова Писанія: „служащіе алтарю отъ алтаря и питаются“, и на примѣръ старины, когда духовенство въ собственномъ смыслѣ окормлялось своей паствой. Вѣрно конечно, что обычай, чтобы «служащіе алтарю отъ алтаря и питались» (имѣли свою часть), заимствованъ изъ практики ветхо-завѣтной церкви и заповѣданъ Господомъ и апостолами (Мѡ. 10, 10; ср. Луки 10, 7; I Кор. 9, 7—14, Гал. 6, 6); но такъ какъ онъ не касается вѣры и нравоученія, которыя по своему существу остаются неизмѣнными на всѣ времена и лѣта, а имѣетъ въ виду бытоустройство жизни іерархическихъ лицъ, то и не долженъ трактоваться, какъ непреложный законъ. Формы же общественной и бытовой жизни мѣняются сообразно умственному и нравственному развитію того или другого народа, и не имѣютъ характера непреложности. Если мы обратимся къ допетровской Руси, то тамъ найдемъ не мало примѣровъ, что думные дьяки, воеводы, старосты окормлялись отъ своихъ должностей наравнѣ съ духовенствомъ. Но съ теченіемъ времени обычай этотъ уничтожился повсюду у насъ на Руси, какъ несоотвѣтствующій культурности, развитію народа и ведущій только къ произволу и грубости; почему же онъ долженъ быть оставленъ по отношенію къ одному лишь духовенству?.. Вѣдь въ существѣ дѣла онъ касается не степени такъ сказать обезпеченности духовенства, а лишь формы ея, которая должна соотвѣтствовать условіямъ времени...

III.

Не благоприятствующимъ пастырской дѣятельности духовенства — и именно сельскаго нужно признать далѣе отношеніе къ нему и вообще настроеніе извѣстной части нашей интеллигенціи и кулаковъ—міроѣдовъ. Общеизвѣстенъ фактъ, какую роль играютъ въ жизни нашей деревни наши интеллигенты, взявшіе на себя роль просвѣтителей и руководителей нашего темнаго деревенскаго народа. Объ этомъ въ недавнее время достаточно говорилось и писалось. Въ видѣ исторической справки не мѣшаетъ упомянуть, что въ отношеніи интеллигенціи къ народу замѣчается два теченія: прошлое и настоящее. Оба эти теченія

діаметрально противоположны одно другому. Еще не такъ давно — въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ — наша интеллигенція обожала народъ, шла къ нему учиться, жить и узнать отъ него «правду». Появилась цѣлая народническая литература. Но она отцвѣла, не успѣвъ расцвѣсти. Наши интеллигенты не съ того конца подошли къ народу и не съумѣли отыскать въ немъ тѣхъ идеаловъ, которые они построили въ своей головѣ; дѣйствительные же идеалы, которыми живетъ нашъ народъ, наши интеллигенты—народолюбцы умышленно или неумышленно просмотрѣли. Голое, безъ проникновенія въ тайники народной души, потому одностороннее наблюденіе надъ народомъ привело нашихъ интеллигентовъ къ тому выводу, что нашъ народъ ничего своего не имѣетъ, что нѣтъ у него никакого идеала, что онъ, ко всему этому, грубъ и невѣжественъ, развращенъ и суевѣренъ и что поэтому она, интеллигенція, не только имѣетъ право, а и должна позаботиться о народѣ. Съ ревностью, достойной лучшей участи, принялась она насаждать въ народѣ просвѣщеніе и изгонять тьму и суевѣрія, подъ которыми разумѣетъ религіозныя вѣрованія нашего народа, воспитаннаго въ принципахъ православія. Достаточно заглянуть въ деревни или фабричныя поселки, въ торговыя села, въ захолустные, уѣздные и заштатные города—и предъ вашимъ взоромъ, какъ въ понорамѣ, развернется вся эта дѣятельность мѣстной интеллигенціи. Земскіе начальники, земскіе и участковые врачи, ветеринары, гдѣ они есть, учителя и учительницы, земскіе статисты, члены земскихъ уѣздныхъ управъ, химики при заводахъ и фабрикахъ, директора заводовъ, даже и волостные писаря—желаютъ помочь чѣмъ нибуль народу въ его просвѣщеніи. Насаждая грамотность, сияются искоренить въ народѣ «всякія суевѣрія») и привить здравыя понятія. Начинается систематическое расшатываніе устоевъ, на которыхъ зиждется благосостояніе нашего государства,—подрывается авторитетъ вѣры и церкви. Всѣ эти радѣтели народнаго блага хотятъ нашъ народъ, православный по вѣрѣ и русскій по національности, превратить въ европейскіхъ рабочихъ соціаль-демократическаго типа—безъ вѣры въ Бога и безъ національнаго облика.—Эти дѣятели очень искусно ведутъ свою пропаганду противъ православія и его установленій; поддерживаютъ раскольниковъ и сектантовъ, всяческихъ толковъ и направленій и всѣми способами сияются ослабить, а если возможно, и совершенно уронить авторитетъ священниковъ. Наша

сельская интеллигенція, метрически считающаяся православной, фактически же въ большинствѣ случаевъ порвавшая связь съ православіемъ и церковью, своимъ образомъ жизни крайне блазнитъ народъ; своимъ нехожденіемъ въ церковь, отрицаніемъ православныхъ праздниковъ, несоблюденіемъ постовъ и всей обрядности православія, критическимъ отношеніемъ ко всѣмъ вѣрованіямъ и установленіямъ св. Церкви и пренебрежительнымъ до обидности обхожденіемъ съ пастырями церкви она практически пролагаетъ путь ко всеобщему распространенію невѣрія въ народѣ. Дѣйствительно, нашъ народъ, оплотъ православія и государства, по частямъ начинаетъ колебаться, сходить съ праваго пути, завѣщаннаго исторіей и церковью. Удивительно ли, что пастыри церкви, бойкотируемые такой интеллигенціей, оказываются безсильными въ борьбѣ съ разрастающимся въ народѣ зломъ, авторитетъ ихъ по мѣстамъ слабѣетъ, а то иногда и совсѣмъ падаетъ?..

Въ унисонъ съ нашей сельской интеллигенціей одну и ту же пѣсню поютъ сельскіе кулаки—міроѣды. До введенія винной монополіи большею частью кабатчики и трактирщики были главными воротилами въ деревняхъ и селахъ; теперь ихъ власть перешла къ различнымъ скупщикамъ хлѣба, мелкимъ купцамъ и вообще денежнымъ сельскимъ тузамъ, занимающимся ростовщичествомъ. Замѣчательно, что возлѣ этихъ кулаковъ — міроѣдовъ ютятся всѣ темныя силы. Кулаки эти, служа источникомъ экономическихъ бѣдствій для сельскаго народонаселенія, вносятъ въ ту-же крестьянскую среду и нравственное разложене. Являясь дѣльцами и воротилами всякихъ темныхъ дѣлишекъ, они въ большинствѣ случаевъ находятся въ антагонизмѣ съ духовенствомъ. Стоитъ только пастырю церкви поднять голосъ противъ кулачества,—и получаютъ весьма плачевные результаты. Кулаки, благодаря своему вліянію на «міръ», весьма часто выступаютъ въ роли злѣйшихъ враговъ духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и православной церкви. Войну ведутъ они очень ожесточенно, не щадя ни себя, ни своихъ противниковъ; возбуждаютъ весьма часто цѣлые процессы противъ сельскаго духовенства и судебною волокитою терзаютъ его цѣлыми годами. Не довольствуясь этимъ, они еще ведутъ скрытую борьбу противъ приходскаго священника, иногда даже и противъ всего причта; многихъ привлекаютъ на свою сторону и въ резуль-

татѣ—образуется цѣлая партія, враждебно настроенная противъ своего приходскаго пастыря и изыскивающая всякія средства для оскорбленія и униженія не только личности священника, но и его сана. Начинается настоящая травля пастыря пасомыми, страсти разгораются до нельзя и конецъ такой боевой политики весьма часто оканчивается плачевно для священника. Скажите—ради Бога—при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ пастыря къ пасомымъ, можетъ-ли пастырь быть спокойнымъ духомъ и тѣломъ, можетъ ли онъ думать о своей паствѣ, какъ Богомъ ему врученной, и заботиться о возрастаніи ея отъ силы въ силу, въ мѣру возраста Христова?

Съ удовольствіемъ мы должны отмѣтить, что такія взаимоотношенія пастырей и пасомыхъ встрѣчаются, къ счастью, сравнительно не часто. Но они есть и съ ними должно считаться.

Здѣсь вполне умѣстно сказать два слова объ отношеніи къ сельскимъ пастырямъ нашей родовитой аристократіи, владѣющей помѣстьями въ губерніяхъ. Сдѣлаемъ маленькую экскурсію въ исторію и тамъ мы найдемъ, что внѣшнее положеніе бѣлаго духовенства въ 17 и 18 вѣкахъ было не только печальнымъ, но и унизительно—обиднымъ. Помѣщики сѣкли священниковъ на конюшняхъ, сажали на цѣпь, били, даже ссылали въ Сибирь, къ себѣ въ домъ не впускали дальше прихожей, если только духовное лицо приходило не съ требой. Во время крѣпостного права въ 19 столѣтіи нравы, въ сравненіи съ прошлымъ вѣкомъ, нѣсколько смягчились и дворянство въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ нѣсколько лучше стало относиться къ духовенству,—по внѣшности, но оно попрежнему смотрѣло на него свысока, начальнически, требуя безусловнаго себѣ повиновенія и непослушныхъ, не умѣющихъ угождать быстро выживая изъ своихъ имѣній. Съ отмѣной крѣпостного права система административнаго перевода священниковъ изъ прихода въ приходъ въ угоду такимъ помѣщикамъ значительно ослабѣла; но въ центральныхъ губерніяхъ, изобилующихъ помѣстьями родовитыхъ дворянъ, графовъ и князей, обычай этотъ еще живъ и практикуется доселѣ, хотя сравнительно не особенно часто. Дѣлается это очень просто. Является въ свое имѣніе, послѣ долгаго отсутствія, князь или графъ; поживетъ недѣльки двѣ—три; сдѣлаетъ визиты сосѣдямъ; побываетъ въ церкви для приличія,—и съ цѣлью—посмотрѣть

батюшку. Случается, что князю или графу не понравится священникъ. Князь или графъ, возвращаясь въ Питеръ или Москву, проѣздомъ останавливается на денька 2—3 въ губернскомъ городѣ—сдѣлать визиты губернатору, предводителю дворянства и попросить архіерея смѣнить не понравившагося ему священника. Сіятельная просьба князя или графа по большей части уважается добрѣйшимъ владыкой и ни въ чемъ неповинный священникъ владычнымъ распоряженіемъ перемѣщается въ другой конецъ губерніи на новый приходъ ³⁾. Нарисованная нами картинка блѣдна; но она подъ перомъ художника слова вышла бы очень колоритной и интересной. Къ счастью повторяемъ, такихъ фактовъ въ настоящее время не особенно много, но къ сожалѣнію, они есть. Тяжело говорить объ этомъ, но еще тяжелѣе молчать.

Само собою разумѣется, что факты такого порядка вещей неблагоприятно отражаются на пастырской дѣятельности и никакъ не могутъ быть отнесены къ числу факторовъ, благоприятствующихъ подъему пастырскаго духа.

П. Позицій.

(Окончаніе будетъ).

---

³⁾ А вотъ картинка въ другомъ стилѣ. Въ центральной полосѣ Россіи къ новому владыкѣ является князь. Владыка—человѣкъ высокаго ума, полный жизненнаго опыта и непреклонной воли, къ тому еще печаловникъ духовенства. Владыка встрѣчаетъ князя такими словами: „что, Ваше Сіятельство, навѣрное пришли просить о перемѣщеніи священника“?—„О нѣтъ,—отвѣчаетъ тонко сообразительный князь. Я явился засвидѣтельствовать свое почтеніе Вашему Преосвященству.—„Перваго князя встрѣчаю, который не проситъ о переводѣ священника. Очень радъ познакомиться съ Вами“, отвѣчаетъ Владыка.

ИЗЪ ИСТОРИИ ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ ОДНОЙ ДУШИ ¹⁾.

(Во славу преподобнаго Серафима Саровскаго Чудотворца).

Глава VII.

— Хотите, что бы я рассказала вамъ о своей самостоятельной жизни, чиновничьей?

Извольте!

Началась она прекрасно, и пошла ровно, дѣльно, спокойно. Скучать мнѣ некогда—я служу, благодаря любимой средѣ; дѣло кажется мнѣ легкимъ; существованіе мое полно смысла и катится, точно по рельсамъ.

Днемъ до 4-хъ часовъ я въ гимназіи, и продолжаю жить дорогими моему сердцу интересами, по вечерамъ — когда дома, когда въ театрѣ, когда танцую въ собраніи.

Семейные вечера бываютъ два раза въ недѣлю. Меня приглашаютъ участвовать въ любительскихъ спектакляхъ... И вотъ, наконецъ, я ѣду на первый балъ... Судьба мнѣ улыбнулась: успѣхъ полный, даже голова закружилась...

Около меня—цѣлый рой молодежи, меня осаждаютъ приглашеніями: пока я вальсирую съ однимъ, трое, четверо ждуть очереди... Я чуть не царица бала! (Это «чуть»—дань скромности!) Когда на разсвѣтѣ,—упоенная, восхищенная, не чувствуя подъ собой ногъ отъ усталости, я вернулась домой,—я сказала себѣ, что счастливѣе меня сегодня никого не было!..

Понемногу я начинаю играть въ обществѣ замѣтную роль: таково мнѣніе всѣхъ друзей.

Если хотите, меня это не слишкомъ удивляетъ. Я всегда отличалась способностью оріентироваться, охватить смѣшную сторону положенія.

---

¹⁾ Продолженіе первой части.

Кое-что меня и теперь уже забавляетъ въ моемъ успѣхѣ: не безъ юмора я отдаю себѣ отчетъ, — смѣкаю, что сей сонъ значить. Прежде всего—безъ ложной скромности—я знаю, что считаюсь очень хорошенькой—одной изъ самыхъ хорошенькихъ барышень сезона.

Даже старички—старшины, все штатскіе генералы—на перебой ухаживаютъ за мной, и говорятъ комплименты.

«Выйдете замужъ—красавицей станете! Счастливецъ будетъ вашъ мужъ!»!

Затѣмъ я на виду, по рожденію, по воспитанію и, если хотите, даже по положенію.

Все таки я въ нѣкоторомъ родѣ чиновникъ, самостоятельная особа! Но, главное, я съ «прилагательнымъ» и одинока!

«Теща» не омрачаетъ перспективы!

Это—самая значительная гири на вѣсахъ моихъ достоинствъ для него, моего будущаго повелителя...

Самая увѣсистая, но не единственная, и потому я смѣюсь. Все обстоитъ, какъ нельзя лучше...

Торопиться замужъ — мнѣ нечего, подожду самаго настоящаго «идеала»...

И вдругъ «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ» за мной начинаетъ ухаживать офицеръ... И ухаживаетъ онъ неспроста, а «съ серьезными намѣреніями»...

Долгое время онъ напрасно отыскиваетъ дорогу къ моему сердцу...

Правда, онъ изященъ, красивъ, прекрасной семьи, онъ—душа общества, поетъ, играетъ, дирижируетъ танцами, и имѣетъ большой успѣхъ у прекраснаго пола.

Нельзя сказать, чтобы онъ мнѣ ужъ совсѣмъ не нравился—но о любви, о сладостномъ замираніи сердца, о волненіи при встрѣчѣ и разлукѣ—нѣтъ и помина.

Положительно онъ мнѣ безразличенъ. И вотъ почему. Въ немъ нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ таинственнымъ кумиромъ, которому я поставила жертвенникъ въ завѣтномъ уголку сердца.

Тотъ—непремѣнно брѣнетъ, какъ Вас. Ник., Петръ В., Пушкинъ и Отелло. Какъ же мнѣ помириться съ судьбой на шатенѣ, да еще 27 лѣтъ вмѣсто 45, обязательныхъ для *авторитета* и *нравственной* силы!

Кромѣ того—мой рыцарь всегда веселъ, безпечень, даже легкомыслень, ни слѣда таинственной грусти на челѣ, ни поэтической разочарованности Печорина. Я хорошо знаю литературу, и все таки я никакъ не могу подыскать лестнаго сравненія для Жоржа Николаевича. Такъ его *всѣ* зовутъ...

Это просто типъ добраго малаго,—жуира и спортсмена на всѣ руки, безхарактернаго, милаго, но ординарнаго компанейскаго человѣка. И моему воображенію онъ ровно ничего не говоритъ...

Когда мой «воитель черноокій» понялъ, что дѣло его не выгораетъ, а стоитъ на точкѣ замерзанія, онъ рѣшилъ нажать педаль...

Еслидо сихъ поръ у него преобладало настроеніе «сентиментальное», то теперь онъ рѣшилъ, что «трагическое» ему будетъ, пожалуй, больше къ лицу. *Oui, ma chère, il a tombé dans la tragédie lui même!*

Я забыла сказать, что прошелъ уже слишкомъ годъ, какъ онъ продолжалъ все безуспѣшно ухаживать за мной...

Препятствія,—и самое главное мое равнодушіе—его разожгли сильнѣе.

Теперь на сцену явился револьверъ, клятвы, угрозы, всякія жалкія слова... И все же это не склонило меня на рѣшительный шагъ.

Тогда онъ написалъ своей матери отчаянное письмо.

Та прислала мнѣ трогательное посланіе, умоляя «спасти ей сына, который меня обожаетъ; онъ легкомыслень, безпечень, но добръ и привязчивъ—и вамъ ничего не будетъ стоить его перевоспитать». (Это мнѣ то, дѣвченкѣ?!)

На этотъ разъ цѣль была достигнута. *Какъ* я могу отказать матери, просящей вернуть ей сына!

Это значить взять на душу грѣхъ!

Мое воображеніе разгорѣлось; спасти человѣка, дать ему цѣль жизни—что можетъ быть возвышеннѣе, благороднѣе этого?

Надо затратить душу? Пусть! *Любить*—не значить ли жалѣть, сострадать, жертвовать собою?

И какъ художникъ, задумавъ картину—начинаетъ жить только одной своей мечтой,—вынашивая ее, лелѣя; такъ и я увлеклась своей фантазіей, созданной иллюзіей... И внушила себѣ остальное...

Полно, не близорука ли я? Не обижала ли я его, считая зауряднымъ типомъ эту широкую, бьющую черезъ край, натуру, которая не можетъ уложиться въ узкія рамки обыденщины?

А любить-то онъ меня какъ! Рѣдкая дѣвушка можетъ похвалиться такой любовью!

Не даетъ ли онъ мнѣ слово—бросить всѣ свои «страсти»:—скачки, биллиардъ, карты, обѣщая *все* принести въ жертву мнѣ, нашей любви?

Ce ést d'un passé temps,—это его теперешнее увлечение спортомъ, все это за недостаткомъ главнаго интереса въ жизни!

Bon! Ebyest! Вы понимаете, я *вмобилась*...

И я стала его невѣстой.

Пришлось пойти противъ воли опекуновъ, которые упорно желали наложить veto на мое рѣшеніе, на основаніи наведенныхъ справокъ о характерѣ «жениха».

Но судьба была за насъ. Судьба—и мой старшій братъ—(т. е., старшій изъ двухъ моихъ младшихъ братьевъ). Онъ заявилъ, что хочетъ отречься отъ своей доли на «недвижимостяхъ» въ мою пользу—ссылаясь на то, что мужчине не много нужно.

Кончу университетъ, ну экипироваться, стать на ноги нужно, а тамъ остальное все пусть тебѣ...

Бѣдный мальчикъ! еслибъ онъ зналъ, что онъ готовитъ себѣ и мнѣ!

Вы представляете себѣ меня въ подвѣнчномъ платьѣ?

Ахъ душечка! Что это за платье было!

Не даромъ его надѣваютъ разъ въ жизни!

Священникъ, поздравлявшій насъ послѣ вѣнца, сказалъ, что оно («какъ риза»)... затканное серебрянными цвѣтами, все отдѣланное *fleur d'orangé* емъ, оно, правда, было восхитительно... И я, говорить, была больше, чѣмъ интересна.

Понятно, мы отпраздновали въ *tournée*. Но не за границу, а въ гости къ его матери, жившей въ одной изъ южныхъ губерній. На пятый день послѣ свадьбы—въ одной изъ столицъ мужъ упросилъ меня поѣхать съ нимъ («на скачечки»)—только для того, чтобы взглянуть «однимъ глазкомъ, а отнюдь не играть»...

Въ результатѣ онъ проигралъ всѣ наличныя деньги... Дальше ѣхать было не на что!.. Пришлось мнѣ снять съ себя все то, что блестѣло на пальцахъ, въ ушахъ, у шеи и заложить...

Но съ чѣмъ мнѣ было положительно горько разставаться, такъ это съ вѣнчальнымъ платьемъ «какъ риза»; я собиралась говѣть въ деревнѣ (въ Успенскій цостъ) и задумала причаститься въ немъ...

Богъ наказалъ меня за мою суетность, не допустивъ до этого.

Не скрою, у меня блестѣли въ глазахъ горькими капельками слезы, когда я разставалась съ моими «блестками». И не думайте, что это были слезы досады, сожалѣнія къ вещицамъ, въ первый разъ «пущеннымъ въ оборотъ, (къ слову сказать, это все пропало).—Нѣтъ, я плакала отъ разочарованія, отъ горькой обиды...

И если хотите, отъ печальнаго предчувствія...

Какъ? Онъ можетъ лгать? У него нѣтъ слова? Такъ безсовѣстно нарушить всѣ клятвы! Значить—и въ будущемъ ему вѣрить нельзя! «Жертва моя не принята; я не спасу его, а скорѣе онъ погубитъ меня! Какое горе,—какое ужасное, непоправимое несчастье!..

Увы! мои предчувствія оправдались... Продолженіе вполне соответствовало началу: мужъ остался тѣмъ же, что и былъ; игра вновь увлекла его, и залы клуба видѣли его чаще, чѣмъ мы дома.

Я вдалась въ подробности, и вы, пожалуй, потеряли красную нить въ моемъ разсказѣ.

Дѣло въ томъ, что долго быть счастливой мнѣ не суждено было; смерть вѣчно стояла на порогѣ моего счастья.

Казалось довольно-бы съ нея того, что я рано осиротѣла; у меня уже не было никого изъ близкихъ, и вотъ она принялась за меня самое...

На этотъ разъ умерли мои надежды, мечты на счастье, вѣра въ любимаго человѣка, въ свѣтлое будущее...

А впереди меня ждало еще худшее испытаніе...

Что угнетало меня хуже всего—это мое нравственное одиночество.

Мнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться моимъ горемъ, спросить совѣта... Постороннимъ я продолжала весело улыбаться въ

отвѣтъ на вопросы, счастлива ли я, въ то время, какъ сердце мое сжималось отъ тоски...

Старички генералы уже не говорили мнѣ комплиментовъ; они точно сердились на меня за то, что я не оправдала ихъ ожиданій...

Я и сама сознавала, что не только не стала «красавицей», а напротивъ, похудѣла, поблѣднѣла,—въ общемъ подурнѣла...

Что дѣлать! Безсонныя ночи, полныя тревоги ожиданія, не красятъ!

О, мнѣ стало знакомо страданіе со всѣми его оттѣнками; слезы отчаянія, озлобленія, жалости къ себѣ, обиды за свою загубленную жизнь смѣнялись апатіей безнадежности..., а тамъ вновь порывы протеста... Теперь я взяла братьевъ къ себѣ.— Не забудьте, что они были матеріально вполне обеспечены, и пребываніе ихъ не только не ложилось тягостно на нашъ бюджетъ, но наоборотъ, служило главной подтопкой, такъ сказать (У нихъ была и пенсія, помимо доходовъ съ домовъ)... Старшій братъ, бѣдняжка, пріѣхалъ весь радостный, мечтая согрѣться душой въ уютности нашего домашняго очага. Не онъ ли приложилъ руку къ дѣлу моего счастья?

Каково-же было его разочарованіе, когда онъ понялъ истину!

Но и тутъ я не нашла поддержки.

Переживая слишкомъ сильно свое разочарованіе, я, понятно, была несдержанна въ его проявленіяхъ, и братъ высказалъ мнѣ это.

Въ другое время я согласилась-бы съ нимъ, но тутъ нервы не выдержали: если *не онъ* меня пожалѣетъ, единственный близкій человѣкъ; то кто же?

И мы поспорили съ нимъ.

— Я несчастна, я жестоко ошиблась въ этомъ человѣкѣ, а ты не хочешь меня поддержать, пожалѣть! Конечно, *со стороны* все легко,—а въ особенности нѣтъ ничего легче, какъ нотации читать; но мнѣ больно, понимаешь, больно и я кричу! Тутъ не когда обдумывать, взвѣшивать свои слова, потому что я не менторъ, мнѣ не 40 лѣтъ, и я живой человѣкъ!

— Я согласенъ, по своему—ты права, но все-же тебѣ надо прійти къ какомунибудь рѣшенію... Поработай надъ собой,—попробуй на него какънибудь подѣйствовать... Слезами горю не поможешь, точно также, какъ и ссорами и упреками... Это

похоже на сцены; этимъ ты достигнешь обратнаго, т. е., отвадишь его отъ дома совсѣмъ...

— Да *не могу* я улыбаться, притворяться, когда у меня сердце болитъ, когда душа моя возмущена до крика! Если я заглушу его въ себѣ, не крикну—я умру, кажется! Не всегда-же можно терпѣть! Я стараюсь...

— Ну вотъ и перевозмоги себя... Значить, таковъ твой крестъ... Вѣдь ты сама настояла на этомъ бракѣ..., а мнѣ больно на васъ смотрѣть... я уѣду въ другой городъ... Тамъ, кстати, мнѣ и университетъ больше по душѣ... Товарищи давно меня зовутъ.

И онъ уѣхалъ въ одну изъ столицъ.

Глава VIII.

Чѣмъ сильнѣе, интенсивнѣе впечатлѣніе, тѣмъ оно непродолжительнѣе; таковъ физическій законъ.

И однако я оплакивала цѣлый годъ свою неудачную семейную жизнь, вѣрнѣе—*toute une vie manduée*... Наконецъ молодость, жизнеупорность, если можно такъ выразиться, взяла свое.

Я не знаю, примирилась-ли я, или просто устала страдать, но я вдругъ успокоилась. Правда, спокойствіе это сначала было похоже на оупеніе, оцѣпенѣніе, но внутри меня какой-то голосъ сказалъ: Довольно! Вѣдь я не могу умереть! Жить надо!—Такъ пусть будетъ, что будетъ! По счастью, у меня было дѣло. Службы своей съ замужествомъ я не бросила окончательно, и вотъ теперь также, какъ и въ дѣтствѣ, этотъ міръ духовныхъ интересовъ не только отвлекъ меня отъ моего горя, но и поднялъ во мнѣ жизненную энергію...

И я махнула рукой на все. Теперь меня уже не возмущало то, что мужъ продолжалъ вести крупную игру.

Я умышленно закрыла глаза...

Но вы, пожалуй, подумаете, что я сгущаю краски? Нѣтъ, я далека отъ мысли клеветать на него, выставить его извергомъ или тираномъ.

Ничуть не бывало! Вы увидите, что онъ очень симпатиченъ! *По своему*—теперь мнѣ это понятно—онъ все таки любилъ меня, и даже сильно...

Но любилъ *между прочимъ*, въ свободное время отъ спорта, его *главной* пасси...

Когда я жаловалась на свое одиночество, онъ улыбался обычной шутилой улыбкой и весело отвѣчалъ.

— Вотъ какая ты! да другая гордилась-бы такимъ мужемъ, для котораго не существуетъ никого, кромѣ женки, да еще 4-хъ дамъ: бубень, червей, трефъ и пикъ! Ну скажи сама, многія-ли жены могутъ похвалиться такой любовью мужа!

— Да, *какой*, Жоржикъ? Кромѣ того, что я вѣчно одна, и ты бываешь дома черезъ 2 дня въ третій, ты и въ эти рѣдкіе промежутки думаешь только *о себѣ*, только бы отоспаться,— и снова исчезаешь! Мы никогда, ни въ гости не ходимъ вмѣстѣ, ни гулять...

— Въ этомъ-то и шикъ, отшучивается Жоржъ, что-бы не надоѣсть женѣ! Пролечу, какъ метеоръ, а она все скучаетъ, да мечтаетъ, да цѣнить меня моя умница... А гулять вмѣстѣ, подъ ручку? Фи, какое мѣщанство! Откуда это у тебя такіе буржуазные вкусы?

— Да ужъ лучше бы я была буржуазно счастливой, чѣмъ вотъ такъ скучать по великосвѣтски... вѣчно врозь... Каждый изъ насъ самъ по себѣ и ничего общаго... Совсѣмъ не о такой жизни я мечтала;.. думала, мы рука-объ-руку поидемъ... Ты обѣщаль бросить играть; между тѣмъ я убѣждаюсь все больше и больше, что ты ничѣмъ не можешь для меня поступиться... Что же это за любовь? Смѣшно даже сказать, что мое единственное развлеченіе — это моя служба; еслибъ не она, я бы съ ума сошла отъ тоски, право!

— Ахъ, если хочешь брось ее! Только правда: что тебѣ дѣлать дома? Вѣдь дѣтишекъ у насъ нѣтъ... хозяйства ты не любишь... Ахъ, кстати—я думалъ о тебѣ вчера—*какъ и всегда, впрочемъ!* Вотъ тебѣ пирожненькія...

— Кушайте на здоровье!

И разговоръ pour le moment—былъ исчерпанъ.

Въ другое время онъ рассказывалъ, какъ измѣняютъ его друзья женамъ, среди которыхъ многія были со мной пріятельницами...

— Вотъ Коля, смотри, что за безшабашная натура! То и дѣло сорвется! Компания его губить! Вчера онъ опять измѣнилъ Надѣ...

Сначала я ужасалась, а потомъ въ одинъ прекрасный день огорошила его.

— Ахъ, не осуждай, пожалуйста, другихъ! Ну, чтожъ изъ этого, что онъ ей измѣнитъ, когда онъ навеселѣ, не сознавая, что онъ дѣлаетъ? За то потомъ онъ изъ дому цѣлый мѣсяць ни ногой! И какъ искренно кается—прямо въ ногахъ у нея валяется! За это *все* можно простить!

Жоржъ съ притворнымъ ужасомъ всплеснулъ руками.

— Ай, ай, ай, что у тебя за взгляды! такая идеальненькая, и вдругъ такую ересь проповѣдуетъ! Откуда сіе? Ужъ не Надя-ли? Ты ее не слушай, она вѣдь плутъ! Кажется, за ней NN ухаживаетъ! Она тебя прослѣтитъ!

— И все это тебѣ *кажется*! сердилась я за подругу... Ты самъ виноватъ; такъ тебѣ непремѣнно хочется, чтобы *все* были, какъ ты! А я въ самомъ дѣлѣ нахожу, что она счастливѣе меня! И еслибъ мнѣ предложили помѣняться съ ней мѣстами, т. е., чтобы ты сталъ себя вести, какъ Коля,—я бы ни на секунду не задумалась! Пусть бы ты иногда «срывался»,—измѣнялъ мнѣ слегка, а потомъ каялся и цѣлый мѣсяць изъ дому ни ногой... Понимаешь, полное нравственное единеніе... потому что ты-бы сознавалъ свою вину; а теперь мы чужіе по духу!

— Ахъ, ты философъ мой милый, глупенькая моя умница! Никогда я вамъ не измѣню!—переходилъ въ нѣжный тонъ Жоржъ.—Главное, я вижу, что могу быть за тебя вполнѣ спокойнымъ; ты у меня славно «дитю»... Другой такой на всемъ свѣтѣ нѣтъ. Была одна и та мнѣ досталась!

Слѣдуетъ множество нѣжныхъ словечекъ, которыя проливаютъ мнѣ на сердце бальзамъ и за одно сбиваютъ съ толку.

Я убѣждаюсь, что въ сущности я не права, какъ будто.

— Можешь быть увѣрена, что для тебя соперницы въ моемъ сердцѣ нѣтъ и не будетъ! Ну, а теперь я побѣгу—пора!

— Куда, Жоржикъ? Неужели у тебя всегда такъ много дѣлъ?

Ну пойдемъ вмѣстѣ, возьми меня съ собой! Мнѣ такъ надоѣло быть одной! говорила я жалобнымъ тономъ...

— Сейчасъ никакъ нельзя; въ другой разъ!

— Уже я много разъ слышала отъ тебя про этотъ «другой разъ»!

— Послушай, мнѣ ужасно хочется побывать въ ресторанѣ, ну пожалуйста! Спросимъ вкусныхъ вещей, шампанскаго, и покутимъ, пусть никто и не догадывается, что мы мужъ съ женой!

— Ахъ ты, плутишка! Ты у меня *fine mouche*! Ну, такъ и быть, завтра возьму тебя съ собой... Но онъ тутъ же перебиваетъ себя:

Хотя знаешь отъ ресторанной кухни того и гляди катарръ желудка наживешь... Что можетъ быть лучше домашняго стола?

Это слишкомъ явная натяжка вывела меня изъ себя.

— Знаешь что,—Жоржъ? Я вѣдь могу разсердиться въ концѣ концовъ! Надо же быть справедливымъ! Ты живешь въ свое удовольствіе, а я вѣчно оставайся какой-то гимназисткой! Кромѣ своей службы—никакихъ развлеченій! Вѣдь молодость бываетъ разъ въ жизни!

— Какъ? а ты развѣ не танцуешь два раза въ недѣлю?

— Да, до трехъ часовъ—*maximum*... потому что въ 7 часовъ надо вставать въ гимназію... Я ужъ совсѣмъ зеленая стала... Смотри, я когда нибудь расквитаюсь съ тобой!

Жоржъ находитъ удобнымъ пропустить мою угрозу мимо ушей.

— Надо мышьячокъ принимать... Ну, завтра я тебя на славу покормлю—ты у меня на 3 дня пополнишь! И галантно прижимая концы моихъ пальцевъ къ своимъ губамъ, онъ беретъ шапку и устремляется къ выходу.

Но я уже «взбудоражилась» и теперь меня не такъ-то легко успокоить.

— Послушай! куда-же ты идешь? Могу я узнать, что у тебя за важныя дѣла, ради которыхъ ты бросаешь меня?.. Опять карты, или билліардъ, или скачки?.. Зачѣмъ-же ты давалъ мнѣ слово передъ свадьбой бросить играть?

Вопросъ поставленъ ребромъ—уклониться съ отвѣтомъ нельзя...

На мгновеніе мой рыцарь задумывается: что лучше—серьезность, или шутка? Очевидно, онъ рѣшаетъ, что послѣднее вѣрнѣе: я добродушна, и если разсмѣюсь—значить, гроза прошла.

— Ахъ, дусеночекъ мой,—охота тебѣ была вѣрить! ну мало ли что—говоришь иногда! я тебѣ изъ *монологовъ каталъ!* И потомъ это такъ просто: вѣдь я самъ *хозяинъ* своему

слову: даль его, *а тамъ раздумалъ—да и взялъ!* Какъ же ты не догадалась, а?

И опять шутки, поцѣлуи, ласки...

Каждый разъ онъ пускался на новыя хитрости; въ запасѣ у него былъ цѣлый арсеналь шутокъ, *des trucs*.

Я могу сказать, что если онъ меня и обманывалъ, то дѣлалъ это играя, шутя. Такъ между нами установился шуточный, дѣтски ласковый тонъ, и въ минуты нѣжности онъ говорилъ со мной непремѣнно на «вы».

Это звучало такъ мило и забавно!

Если хотите, онъ не притворялся, ему самому нравилось такъ „играть“...

И я даже понимаю, въ чемъ дѣло!

Вначалѣ—пока я была невѣстой—онъ дрожалъ каждую минуту какъ-бы мнѣ кто нибудь не понравился,—и я не дала бы слово другому.

Въ этомъ и состоялъ главный, острый интересъ его увлеченія.

Теперь я была внѣ опасности... Кромѣ того, онъ понималъ, что идеалистка по натурѣ, я разъ навсегда отдалась ему душой, и неспособна была бы не только разлюбить его, но и подать самый пустой поводъ къ ревности... Для этого я была слишкомъ цѣльной натурой... Кромѣ того во многихъ отношеніяхъ я оставалась ребенкомъ, и его, пожившаго всласть—должно было забавлять это, но за одно и трогать...

А разъ онъ увѣренъ во мнѣ — къ чему же церемониться?

И я перешла на положеніе *meuble utile*,—которую мы, возвращаясь, неизмѣнно застаемъ на ея, разъ введенномъ ей—мѣстѣ...

При всемъ томъ онъ былъ веселъ и безпеченъ отъ природы, и очень легко относился къ жизни... и ко всему на свѣтѣ... Кажется, это было у нихъ наслѣдственнымъ... Отецъ его въ свое время тоже славно пожилъ, прокутивъ состояніе и свое, и женино. Сынъ былъ весь въ него...

Старинная помѣщицья закваска—«ни сѣять, ни жать, а въ житницы собирать», пока управляющій шлетъ деньги изъ деревни... А нѣтъ денегъ, занять, подъ какіе угодно проценты; точно не ему потомъ платить придется...

И отношеніе къ чужой собственности такое-же, какъ къ своей...

Нужно-ли говорить, что мы зарвались?

Я считала недостойнымъ контролировать его, провѣрять: *онъ мой мужъ*, рыцарь чести! Правда, за нимъ водится грѣшокъ: легкомысліе! Но отъ такого милаго, наивнаго недостатка до дурнаго поступка — цѣлая пропасть! На это онъ не способенъ!

Не забывайте, что мнѣ было 20 лѣтъ...

До извѣстной степени я и сама поддаюсь его вліянію. Откуда-то эта безпечность и у меня явилась; точно онъ заразилъ меня своею безшабашностью...

Случалось, мнѣ говорили: Вы знаете, сколько вашъ мужъ вчера въ клубѣ проигралъ? Какъ это вы не повліяете на него! Я поспѣшно прерывала:

— Пожалуйста не надо! Не говорите такъ, — не знать, — все же спокойнѣе!

И видя изумленіе собесѣдника, прибавляла:

— Дѣло въ томъ, видите, что «разъ на разъ не приходится». Жоржъ мнѣ это объяснилъ. Сегодня онъ съ минусомъ, завтра съ плюсомъ — ну, итогъ-то и сойдется... А если я буду *au courant* всѣхъ его удачъ и неудачъ, я буду мучиться... не спать... такъ ужъ лучше не надо!..

Глава IX.

А смерть уже вновь стояла на порогѣ, чтобы пробудить меня отъ моей безпечности... Кто знаетъ, можетъ, быть иначе я бы очерствѣла, подобно «ему»?

На третьемъ году — моего замужества умеръ мой старшій братъ студентъ, тотъ самый великодушный юноша, который помогъ мнѣ исполнить «волю сердца», т. е., выйти за любимаго человѣка.

Обстоятельства его смерти прямо таки трагичны...

Я не могу до сихъ поръ примириться съ этимъ, — и мнѣ больно вспоминать эти темныя страницы моей жизни, какъ ни велико въ то же время желаніе снять съ себя эту вину, покаявшись громко, всенародно, какъ это было обычаемъ въ старину...

Буду краткой.

Онъ умеръ отъ нужды, надорвавшись отъ бѣгання по урокамъ, въ холодномъ (лѣтнемъ) пальто зимою...

Отъ него многого ожидали; по словамъ товарищей, онъ подавалъ блестящія надежды...

Мы смотрѣли на него не иначе, какъ на будущаго профессора...

Какъ же это могло случиться? Хоть убейте, не знаю!

Я была слѣпа, я цѣликомъ ушла въ себя, въ свое узкое, личное разочарованіе со всѣми его перипетіями,—(съ «приливами») и «отливами»),—вѣдь я не смѣю сказать, въ свое оправданіе, что это было одно сплошное горе!

Эгоизмъ поглотилъ все, и я забыла объ обязанностяхъ сестры, дала угаснуть молодой, много обѣщавшей, жизни!

Мы разстались съ братомъ, какъ я уже говорила, въ натянутыхъ отношеніяхъ.

У обоихъ была горечь въ сердцѣ... Но понятно, мнѣ надо было первой пойти на встрѣчу... Вѣдь онъ страдалъ за меня!

Увы! оглядываясь назадъ, я иногда просто не узнаю себя... До чего я была... толстокожей.

Да, права, говоря языкомъ моего тогдашняго безвѣрья, судьба, что бьетъ меня! Та чуткость, то пониманіе чужой души, которое есть у меня теперь, это—результатъ страданій, вотъ именно всѣхъ тѣхъ ударовъ, которые не переставали сыпаться мнѣ на голову, какъ только я начинала забываться...

Братъ былъ великодушень и гордъ. Разъ поднятый вопросъ объ уступкѣ своей (львиной) доли на домахъ въ мою пользу онъ считалъ совершившимся фактомъ, и ни словомъ, ни звукомъ не напоминалъ о себѣ... Переписывался съ нимъ лишь младшій братъ, но онъ зналъ наши отношенія и почему—то не желалъ мнѣ ничего говорить...

И вдругъ письмо, да какое!

«Я привыкъ, милые мои, къ тому, что вы меня забыли...

«Но я заболѣлъ, кашляю кровью... Говорятъ чахотка; а я «плохо питаюсь, вѣчно простужень... Пришли мнѣ, сестра, «сколько нибудь денегъ... Я уже не могу попрежнему бѣгать по урокамъ; надорвался... А мнѣ много кой-чего нужно».

«Я лежу, надо-же подняться на ноги... Умирать еще не хочется»...

У меня сердце перевернулось... Убила! Это я его убила, добраго, чистаго, чуднаго! Не поправится онъ, знаю, чувствую! У насъ чахотка въ роду... Надо было беречь его... а я! Въ то время, какъ мы тутъ благодушествуемъ, и мужъ *ежедневно*

проигрываетъ въ карты такія суммы, изъ которыхъ *каждая* на годъ обезпечила бы скромнаго студента, онъ тамъ погибаетъ отъ нужды!

Но и сейчасъ онъ не заикается о своемъ законномъ, и сейчасъ онъ только просить помощи, какъ подачки, какъ милости...

Я плакала, я рыдала...

Понятно, послала ему денегъ, то, что нашлось подъ рукой...

Къ слову сказать, ихъ у меня никогда не было.

— Все равно, растратишь по пустякамъ, предусмотрительно говорилъ мужъ.

Но по счастью теперь (недавно, къ праздникамъ) я получила наградныя,—и не успѣла ихъ истратить...

Помню, пришелъ мужъ, засталъ меня въ слезахъ.

— Жоржъ, что это значить? Могла только спросить я указывая на письмо,—прочти, и если ты не черствъ, ты заплачешь... Что мы съ нимъ сдѣлали?! Вѣдь онъ умретъ!

— Что ты, что ты, душончикъ! успокойся! до чего ты разнервничалась! Да я ему каждый мѣсяцъ аккуратно посылаю—то 20 р., а то и больше... Да считай его пенсію, да уроки... Правда, вотъ теперь я нѣсколько времени не посылала; дѣла плохи: тамъ—дома, ремонтъ... Да выльчится, не бойся! У него организмъ здоровый; ты сама говорила часто: онъ никогда не болѣлъ...

Вы понимаете, все это была наглая ложь—онъ *никогда* брату *ничего* не посылалъ, но въ тотъ моментъ я повѣрила ему... Мнѣ *необходимо* было повѣрить...

Я помирилась съ братомъ. Эта святая душа не знала злобы.

«Ради Бога, брось все, писала я; возьмемъ денегъ, уѣдемъ въ Крымъ:—слава Богу, средства есть... Кажется, дѣла немного запутаны, но на такую цѣль найдется, *должно* найтись. Только не теряй времени,—умоляю тебя! Сдѣлай это; иначе я всю жизнь буду укорять себя, что допустила тебя умереть... Я одна виновата...

— Не вини себя, успокойся, отвѣчалъ братъ. Все пустяки, у насъ и ссоры не было, такъ недоразумѣніе! Я поправлюсь,

Богъ дастъ; мнѣ уже и сейчасъ легче... Какъ только питаться сталъ лучше, сейчасъ и перемѣна... Я хочу итти впередъ, и если придется, умереть на своемъ посту..

Увы! Это не было фразой... Черезъ годъ онъ умеръ... Вотъ его послѣднее письмо.

«Поздно! Все кончено! Теперь у меня одна мысль—о васъ, мои милые, родные, близкіе! На дняхъ мнѣ выдадутъ стипендію и сразу за цѣлый годъ... Немножко жестоко подшутила судьба!.. Вотъ когда я накоплю вамъ подарковъ и приѣду умереть у васъ на рукахъ... А все же я достигъ своего: я не взялъ отъ васъ ничего, самую малость! Только зачѣмъ Жоржъ однажды обманулъ меня—написалъ въ письмѣ, „что“ выслалъ денегъ и они вѣрно пропали на почтѣ». Я нѣсколько разъ ходилъ, (черезъ силу) справляться—и ничего! Къ чему же лгать,—то обрадовали мое сердце надеждой и вдругъ разочарованіе... Я и такъ едва ноги волочу... Это уже жестоко, ну, да Богъ съ нимъ!

„Теперь я объ одномъ мечтаю: только бы успѣть доѣхать!

«Мнѣ очень плохо—слабѣю день ото дня.., Кашель замучилъ, и ѣсть ничего не могу: не варить желудокъ... Ахъ, зачѣмъ я тогда не согласился ѣхать въ Крымъ! Можетъ быть, я бы поправился... Жить стоитъ. Такъ много хорошаго можно сдѣлать! Такъ великъ міръ, такъ много въ немъ зла—и столько обязанностей лежитъ на каждомъ изъ насъ!»...

Сколько великодушія! сколько самоотреченія! И до чего я гадка себѣ,—по сравненію съ нимъ!..

Постойте, дайте вспомнить...

Боже мой,—у меня волосы встаютъ дыбомъ... Да неужели же? *Вѣдь мы еще видались съ нимъ!* Ну, конечно. Лѣтомъ я съ младшимъ братишкой поѣхала гостить къ матери мужа... Проѣздомъ на вокзалѣ мы видѣли Вячеслава, специально приѣхавшаго съ «кондиціи» (съ урока—на дачѣ).

Казалось бы, я должна была броситься ему на шею; но.. На этотъ разъ недомолвамъ больше нѣтъ мѣста..

Но онъ былъ на ногахъ, и я повѣрила въ его выздоровленіе. Правда внѣшній видъ бѣдняги нисколько не напоминалъ собою

«бѣлоподкладочника, но я не только не угадала сердцемъ его болѣзни, нужды, горечи, я не сумѣла скрыть своего неудовольствія...

— А ты таки кашляешь; нехорошо! Отчего ты тогда не поѣхалъ со мной въ Крымъ? Ты самъ не заботишься о своемъ здоровьѣ! Вѣдь ты же знаешь, *мы* должны беречься; съ чахоткой не шутятъ...

Онъ горько улыбнулся.

— Да ну, что *обо мнѣ* говорить! Какъ ты съ мужемъ? Лучше?

— Немного лучше... свыклась... хотя бываютъ минуты, когда я готова себѣ пулю въ лобъ пустить...

— *Тебѣ* ли объ этомъ говорить! Вотъ нашему брату тяжело дается жизнь... И еслибъ не сознание, что большинству еще хуже нашего приходится, и слѣдовательно, на болѣе сильномъ лежитъ масса отвѣтственности, — я бы тоже не задумался сдѣлать вотъ то, о чемъ ты говоришь...

Мы разстались, а на обратномъ пути я проѣхала другой дорогой, торопясь проститься съ мужемъ, который долженъ былъ уйти на маневры... Опять изъ за «него»!

И бѣдняга нашъ напрасно дожидался на вокзалѣ, карауля нѣсколько дней подъ рядъ поѣздъ, въ которомъ по, его соображеніямъ, мы должны были проѣхать...

Но до чего я безпечна, до чего черства! Вѣдь я совсѣмъ забыла объ этомъ случаѣ, — о нашемъ свиданіи; а въ правѣ ли я была это сдѣлать, — послѣ моихъ писемъ съ просьбами о прощеніи, послѣ того, какъ я узнала правду? И значить, въ самомъ дѣлѣ онъ еще *могъ* выздороветь, еслибъ я настояла и увезла его въ Крымъ! Вѣдь прошло не менѣе *года* со времени его *перваго* извѣщенія о своей болѣзни — до того второго письма, которое я привела выше... И только по ассоціаціи идей я вспомнила это наше свиданіе лѣтомъ; онъ сказалъ тогда фразу, которой закончилъ *послѣднее* письмо...

Что вы на это скажете? Если я могла еще оправдывать себя въ первомъ случаѣ, — извиняя мою нерадивость, безпечность невѣдѣніемъ, — то ужъ теперь вина моя ясна, какъ на ладони...

Я таки *допустила* его умереть! Я вновь предоставила мужу посылать эфемерныя суммы, — и забыла о своихъ угрызенияхъ совѣсти... Больше, я даже забыла *въ сердцѣ своемъ* этотъ фактъ, и вотъ сейчасъ случайно натолкнулась на него!.. Если искупле-

ніе должно соответствовать *вину*, то чѣмъ я могу искупить эту безвременную, непоправленную смерть?!

Но, вернемся назадъ, къ послѣднему письму Вячеслава...

Отчего судьба иногда бываетъ такъ безжалостна? Ея послѣдняя иронія убила его, и за одно мою душу, наложивъ на нее сознание вѣчнаго грѣха...

Я написала эти слова и сама сейчасъ же чувствую, какъ закоренѣло живуче во мнѣ прежнее толстокожіе. Имъ только вѣдь и можно объяснить эти слова, такъ неправыя по отражающемуся въ нихъ настроенію и духу противленія и такъ убогія даже по формѣ. Опять вмѣсто Бога я говорю о судьбѣ и ясное для совѣсти Его отечески мудрое водительство обзываю безжалостнымъ убійствомъ...

Боже! Прости безумное роптанье!..

Братъ не доѣхалъ до насъ и отчего, какъ бы вы думали?

Не разсчиталъ! Бѣдняга слишкомъ широко потратился на подарки для насъ, и ему не хватило на билетъ... Приѣхавъ на вокзалъ съ товарищами (такъ онъ былъ плохъ!), онъ пошелъ въ кассу и узналъ, что ему недостаетъ трехъ или пяти рублей... Это окончательно надломило его силы; съ нимъ сдѣлалось дурно, и товарищи рѣшили отвезти его въ клинику... А у насъ уже былъ приготовленъ ему билетъ 1-го класса, какъ разъ отъ Бреста, станціи, до которой ему хватало денегъ...

Объ этой его попыткѣ приѣхать мы узнали изъ телеграммы. «Рвался къ вамъ всей душой. Мысленно съ вами... Смерть близка, Прощайте, милые, помолитесь... Послалъ вамъ къ праздникамъ сластей; кушайте...

Мы еще не успѣли получить этого ящика «гостинцевъ», какъ пришла вторая телеграмма. «Вячеславъ умеръ въ среду. Хоронить или ждать васъ? Товарищи»...

Помню, я долго плакала... И физическое ли утомленіе въ концѣ концовъ сказалось, или эгоизмъ (чувство самосохраненія), вытекавшій изъ предчувствія неприятныхъ до болѣзненности ощущений; но на утро мнѣ не захотѣлось приводить въ исполненіе намѣреніе, которое было явилось въ первый моментъ, ѣхать хоронить.

Мужъ, предвидя этотъ новый, значительный расходъ, усердно поддерживалъ меня въ моемъ дурномъ побужденіи.

— Не ѣзди, дорогая моя! Только *потусту* разстроишь себя, а все равно, его не воскресишь!

Но тутъ вмѣшался младшій 14 лѣтній братишка и заявилъ, что ѣхать нужно, *и онъ* поѣдетъ. Тогда я тоже собралась...

Глава X.

Мнѣ тяжело описывать все то, что я испытала, пріѣхавъ въ столицу на похороны брата... Но не буду лгать вамъ, позировать: все это я должна была почувствовать много позднѣе, когда впечатлѣнія улеглись, и, отложившись въ душѣ, дошли до моего сознанія.

Можетъ быть, это и плохо, а, можетъ быть, въ этомъ надо видѣть особенный залогъ премудрости Божіей, что не всегда намъ дано сразу *сознать* все то, что мы ощущаемъ, какъ бы интенсивно и непосредственно мы ни воспринимали то или другое впечатлѣніе.

Я точно оцупью брела; на глаза мнѣ была наброшена густая пелена, та самая дымка, которая скрываетъ отъ насъ истину, для того, вѣроятно, чтобы мы не пришли въ ужасъ, увидавъ все—и насъ самихъ въ настоящемъ свѣтѣ.

Такая же пелена, только много плотнѣе и гуще, окутывала, точно броня—и мою душу.

Вотъ почему тотъ путь Голгофы, который довелъ брата до могилы, представился мнѣ нѣсколько мягче въ своихъ мрачныхъ тонахъ...

Вотъ вамъ нѣсколько фактовъ.

Студенты чуть было не сдѣлали мнѣ демонстраціи на кладбищѣ, обвиняя за сознательно жестокое отношеніе къ усопшему.

Похороны не стоили намъ ни гроша. Кромѣ того узнавъ, что я хочу поставить памятникъ, они, имѣвшіе вначалѣ тоже намѣреніе, отказались отъ совмѣстнаго участія, и учредили въ память брата сельскую бібліотеку.

Я не могу вамъ нечего сказать о ея судьбѣ; мнѣ больно было прикасаться къ этой ранѣ...

— Какъ онъ долженъ былъ любить *васъ*, родныхъ, если товарищу онъ отдалъ свой послѣдній урокъ и не задумался заложить свое теплое пальто зимой,—уже будучи больнымъ! Это сказалъ намъ одинъ студентъ, товарищъ брату еще по гимназіи...

Не могу умолчать объ одномъ фактѣ, имѣвшемъ для меня важное психологическое значеніе... Онъ впервые открылъ мнѣ глаза на мой чудовищный, хотя и бессознательный, эгоизмъ.

За тѣ нѣсколько дней, что намъ пришлось провести въ М., въ ожиданіи перевода черезъ банкирскую контору, мы только и дѣлали, что ходили въ гости къ товарищамъ Вячеслава, стараясь узнать побольше подробностей о его жизни, которой я совсѣмъ не знала.

Одинъ изъ нихъ, (о немъ я только что говорила выше), отнесся къ намъ особенно тепло.

Какъ-то спустя 2 дня послѣ похоронъ онъ пригласилъ насъ съ братомъ обѣдать.

Жилъ онъ съ женой въ крохотной квартиркѣ, глѣ-то въ третьемъ дворѣ, съ чернаго хода...

Одна комната, разгороженная на 3 части—вотъ то, что носило громкое названіе квартиры... Тутъ ютились они втроемъ: онъ, его жена—акушерка (старше его лѣтъ на 10), и сынъ ея отъ перваго брака, 9 лѣтній юркій мальчуганъ, очень полезный членъ семьи. Двое другихъ дѣтей, также отъ перваго мужа—еще крошки, были отданы на воспитаніе ея роднымъ.

Мнѣ навсегда останется памятенъ этотъ обѣдъ: щи съ кашей и вареное мясо.

Мы поѣли.

— Ну, вы меня извините—больше у насъ ничего нѣтъ, конфузливо замѣтилъ хозяинъ, которому все время было не по себѣ: жену его только что позвали «на практику», и принимать насъ долженъ былъ онъ одинъ faire leslouneurs delamaison... Вы, конечно, не привыкли къ такому обѣду,—но мы всегда, знаете съ «однимъ» мясомъ... Дорога очень жизнь, ну а ресурсы не велики... Уроками вѣдь живемъ; вотъ теперь жена, слава Богу, стала помощницей; а то на курсахъ была—частенько голодали...

Онъ помолчалъ, ожидая отъ меня сочувственного или какогонибудь другого слова,—но я смутилась и рѣшительно не соображала, что сказать... Какъ онъ просто говоритъ о «такихъ» вещахъ!

— А вотъ вашему брату нравилось у насъ... Какъ-то онъ обѣдалъ и сказалъ: «вотъ, еслибъ я *всегда* такъ ѣлъ,—я бы скоро поправился»!

Я чуть въ обморокъ не упала... Боже милосердый! Значить, онъ жилъ буквально впроголодь!.. Мы его чуть не до нищенства довели... и это въ то время, какъ на скачкахъ и въ карты... Но лучше молчать—даже *себѣ* стыдно сознаться въ такихъ вещахъ!..

— Ахъ, вотъ что я придумалъ! вдругъ обрадовался хозяинъ. Ваня сейчасъ намъ самоварчикъ поставитъ, и вы чашечку какао выпьете... Мы балуемъ себя по праздникамъ...

Братишка мой не предполагалъ обидѣть бѣднаго, милаго Ф., когда сказалъ ему удивленно, видя, какъ онъ размѣшиваетъ кипяткомъ темный порошокъ.

— А гдѣ же сливки? Кто же станетъ пить такую бурду? Да Люси въ ротъ этого не возьметъ! Это стошнить!

Я дослезъ покраснѣла, и поторопилась увѣрить, что предпочитаю теперь выпить именно такое, постное какао, потому что мнѣ не по себѣ.

— То слишкомъ приторно! добавила я.

Новая жизнь, невиданная, непонятная мнѣ—открылась предо мной... Точно приподняли край таинственной завѣсы, закрывавшей цѣлый огромный Божій міръ отъ того узкаго кусочка отгороженнаго пространства, гдѣ жила я, мой мужъ,—наша маленькая семья...

— Такъ *вотъ какъ* люди живутъ! И трудятся,—и все таки нуждаются—и однако не ропщутъ, не падаютъ духомъ... Вѣдь вотъ Ф.—онъ самъ кашляетъ;.. у него очень жалкій видъ... Не въ чахоткѣ—ли и онъ?

Мнѣ даже неприятно стало отъ остраго ощущенія жалости къ бѣднягѣ, такому милому, простодушно достойному въ его искренности, неприязтельности...

Но главное было впереди. Слушайте только!

Когда мы собрались домой, былъ уже вечеръ, и онъ вызвался насъ проводить до извозчика.

— Въ воротахъ я его остановила.

— Ну, довольно! не беспокойтесь о насъ и возвращайтесь; тамъ вѣдь Ваня одинъ остался. Отъ души благодарю васъ за радушіе. Повѣрьте, я никогда его не забуду!

— Охъ, что вы меня конфузите! замахалъ руками Ф.

— Это просто *вы* очень добры! Да! Недаромъ вы сестра Вячеслава! Также великодушны, какъ и онъ!—Но простите меня—это даетъ мнѣ надежду, что вы не разсердитесь за мой вопросъ... Скажите, отчего вы не уѣзжаете?

— Мы ждемъ перевода отъ моего мужа.

— Ну вотъ! такъ я и зналъ! точно обрадовался Ф.—Такъ знаете что? Доставьте мнѣ честь и счастье—позвольте васъ выручить! И прежде, чѣмъ я успѣла возразить хоть слово, онъ продолжалъ поспѣшно, вынимая старое—„заслуженное“ портмонэ.

— Вотъ у меня въ кошелькѣ 5 руб., да часы. Я ихъ на дняхъ выкупилъ. Это прекрасно! Точно я предвидѣлъ! За нихъ тоже пятерку даютъ—завтра утричкомъ я ихъ заложу и явлюсь къ вамъ! Можно—добрая, милая? Вѣдь вы мнѣ близки—вы сестра Вячеслава!

Нѣтъ, это было что-то сверхъестественное, до такой степени новое, странное, что я не могла никакъ вмѣстить его, понять... Отдать свое *последнее* мало знакомому человѣку, отдать съ готовностью, сердечно, порывисто, не дожидаясь не только просьбы,—*намек* на просьбу, а еще умоляя о томъ, чтобы ему оказали «честь и счастье»! Да вѣдь это нѣчто сказочное! Я думала только въ книжкахъ это бываетъ...

И кто-же это? Бѣдный студентъ, плохо одѣтый, которому я на улицѣ постѣснялась бы, вѣроятно, отвѣтить на поклонъ, и студентъ, вдобавокъ—съ семьей на шеѣ... Ну, а если я не потороплюсь ему вернуть долгъ, *забуду* просто на просто—такъ вѣдь они голодать станутъ!

Значить, она возможна и въ наше,—время знаменитая лепта вдовицы!..

Передо мной открылся новый горизонтъ...

Нѣтъ, какъ онъ былъ радъ тому, что во время выкупилъ часы,—большую, серебряную луковичу, необходимую для него съ его бѣганіемъ по урокамъ!

Я не скоро опомнилась, а онъ все настаивалъ, мягко, ласково,—умоляюще поглядывая мнѣ въ глаза, обращаясь по временамъ къ брату, добродушно улыбававшемуся. По счастью—онъ меня и вывелъ изъ затрудненія...

— Что вы, что вы, голубчикъ! да у насъ есть деньги! Носите себѣ на здоровье ваши часы... Ну, если не вѣрите, попросите ее показать вамъ кошелекъ.

— Богъ съ вами, дорогой мой! обрѣла я, наконецъ, даръ слова. Не заботьтесь о насъ! Смотрите мы вовсе не такъ бѣдны!

— Покажите, покажите!

И открыла портмонэ и достала оттуда нѣсколько золотыхъ.

Ф. облегченно вздохнулъ и радостно воскликнулъ: Слава Тебѣ, Господи! Ну, и камень же вы сняли съ моей души! А меня, вы не можете себѣ представить—до чего это мучило! Вдругъ вчера ночью пришло въ голову: почему вы не уѣзжаете? Вѣрно, думаю, денегъ нѣтъ! А я—то, дуракъ, не догадался! Всю ночь заснуть не могъ; все совѣсть мучила!

— Вы добрый, чудный, сердечный человѣкъ! сказала я, крѣпко пожимая ему руку... Я до сихъ поръ *такихъ* не видала! Право-же! вы—рѣдкость, «*unicat*»!

— Ну, и скажете вы тоже! сконфузился онъ... Да вѣдь каждый сдѣлалъ бы тоже самое! Это долгъ порядочнаго человѣка, ужъ не говоря о томъ, что вы сестра моего лучшаго друга... Вы тутъ одни—въ чужомъ, громадномъ городѣ! Надо же кому-нибудь позаботиться, подумать о васъ! Нѣтъ, чтобы мнѣ Вячеславъ сказалъ, еслибъ я отнесся къ вамъ иначе?

По видимому онъ былъ твердо убѣжденъ, что все это очень просто и естественно...

А я все еще не могла прійти въ себя... Нѣтъ, его не скоро переваришь, такой урокъ! При всей непроницаемости моей брони, мѣшавшей мнѣ видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, я почувствовала себя прямо таки *не ловко*, не по себѣ!

Мое сытое довольство было обезпокоено—и довольно глубоко... Отчего? Вѣдь на меня никто не наступалъ! Наоборотъ, мнѣ *уступали*, но какъ то слишкомъ усердно, слишкомъ много, я *tout dememe j'isnis très logale*... я стою всегда на почвѣ законности...

Въ глубинѣ души, я знала—я не зла, даже скорѣе добра,.. чувствительна по природѣ... Мнѣ случилось, какъ и каждому изъ насъ, смертныхъ, дѣлать добро,—большею частію безсознательно, часто порывами такъ... Это благодущіе у меня въ личности... Но тутъ я впервые усомнилась въ себѣ... А есть-ли въ этомъ заслуга?

Всѣмъ намъ присуща доля этой самой доброты, или вѣриѣ, того, что именно и есть *дешевое благодущіе*,—сытое, праздное спокойствіе, пассивность человѣка, которая за частую не мѣшаетъ ему быть жестокимъ въ своемъ безсознательномъ эгоизмѣ... Въ этомъ есть даже доля оптимизма, если хотите...

Намъ *не пріятно*, если насъ беспокоятъ Въ силу этого, каждый изъ насъ предпочитаетъ *положительныя* ощущенія *отрицательнымъ*, и охотно убѣгаетъ отъ всего грустнаго, некрасиваго, несправедливаго, что могло-бы возбудить въ насъ внутреннее недовольство или упреки совѣсти.

Порой это бываетъ даже *несносно*; тогда мы снисходимъ, и поступаемся дозой своего спокойствія. „Только отстань; твой видъ или слова мнѣ неприятны, дѣйствуютъ мнѣ на нервы!“

Теперь я вижу: это не доброта. Есть такая фраза: Не тронь меня—и я тебя не трону! Вотъ сущность этой нашей доброты!

Въ такомъ настроеніи мы достаемъ изъ кошелька пару мѣдныхъ монетъ нищему, проходя мимо храма, не задумываясь, что удѣляемъ мы слишкомъ *мало* сравнительно съ тѣмъ, что имѣемъ, потому что удѣляемъ отъ излишка, чаще всего невольно отъ инстинктивнаго сознанія долга, но не затрачивая души,—удѣляемъ безъ того высокаго душевнаго порыва, который и составляетъ заслугу...

Мы только *не прочь* отдать то, что намъ не нужно, безъ чего мы легко можемъ обойтись, лишеніе чего намъ почти не замѣтно и не принесетъ никакого ущерба...

И вдругъ я наталкиваюсь на другое отношеніе, настоящее евангельское, повелѣвающее любить ближняго, какъ самого себя... и дѣлать для него тоже, что сдѣлали бы мы сами *для себя*... Вотъ она—жизнь, тотъ онъ,—необъятный Божій міръ—со всѣми его дурными и свѣтлыми сторонами!

Какъ онъ не похожъ на то, что я создала себѣ въ своемъ воображеніи, слѣпая, узкая эгоистка, замкнувшаяся въ четырехъ стѣнахъ своего курятника, и ни разу не собравшаяся съ силами вспорхнуть выше того плетня, который отдѣляетъ *мое* личное, отъ огромнаго—*общаго*!..

И еще одно хорошее я вынесла изъ этого урока...

Я научилась уважать учащуюся молодежь,—о которой мы судимъ слишкомъ поверхностно и большею частию съ предубѣжденіемъ... Какъ много среди нихъ непримѣтныхъ, скромныхъ героевъ, не досыпающихъ, не дождающихся ради науки, ради высокихъ цѣлей будущаго!..

Рѣка глубока и широка.. Но мы видимъ лишь то, что волны выбросятъ на поверхность,—что бурлитъ, пѣнится.. И по этому мы судимъ обо всемъ...

Вотъ отчего мы никогда не знаемъ *суть*; а сколько хорошаго, даже великаго кроется подчасъ въ глубинѣ водъ!..

Глава XI.

Дома насъ ожидала телеграмма отъ мужа съ указаніемъ конторы, въ которую надо обратиться. Рѣшено было выѣхать завтра-же. Утромъ слѣдующаго дня, гуляя въ послѣдній разъ по улицамъ, мы нечаянно натолкнулись на одного добраго пріятеля Жоржа, который предложилъ проводить насъ на вокзалъ.

Помню—мы сидѣли за столомъ въ залѣ 1-го класса и вели непринужденную свѣтскую бесѣду. Я такъ устала отъ новыхъ и все непріятныхъ—впечатлѣній, что обрадовалась случаю поболтать, и несла «милый женскій вздоръ», не разбираясь въ себѣ, не мудрствуя, не напрягая мысли...

Вино весело искрилось въ высокихъ фужерахъ, а я отпивала его маленькими глотками, смакуя, слегка прищуриваясь,—и такъ пріятно было это ощущеніе не замѣтнаго, медленнаго опьяненія! Оно выражалось пока въ томъ, что мысль моя оцѣпенѣла, все непріятное забылось, къ сердцу подкатила волна чего-то сладкаго: то властно сказался жизненный инстинктъ, инстинктъ эгоизма, и я облегченно вздохнула, проговоривъ мысленно:

— А все таки хорошо жить! И стоитъ жить!

И вдругъ, нечаянно поднявъ глаза, я увидѣла нѣчто, заставившее меня содрогнуться до глубины души.

Какъ глашатай *memento mori*, который являлся напоминать безопасно пирующимъ о смертномъ часѣ, передо мной шагахъ въ трехъ вдругъ выросъ студентъ.

Онъ былъ очень высокаго роста, какъ покойный братъ, очень блѣденъ и истощенъ также, какъ и тотъ...

Ветхое пальто—шинель висѣла на немъ, точно на вѣшалкѣ, и вся фигура его свидѣтельствовала о долгой нуждѣ и лишеніяхъ,—о частыхъ голодовкахъ, о бѣганьи по дешевымъ уркамъ...

Со спокойнымъ достоинствомъ, не спѣша, онъ подошелъ къ столу (мы сидѣли за общимъ столомъ) и налилъ себѣ стаканъ воды изъ стоявшаго тутъ-же графина.

Въ этомъ его появленіи было что-то фатальное. Еслибъ мой братъ самъ вдругъ воскресъ, и я его увидѣла тутъ,—право я не поразилась бы больше...

— Вотъ она, нужда! Опять передо мною трагедія жизни— можетъ быть такой же многообщающей, но уже подкошенной въ корнѣ... Очевидно онъ также чахоточный... Кто знаетъ, не одинъ-ли это изъ тѣхъ, что были на кладбищѣ и осудили меня, какъ дурную сестру? И мнѣ вдругъ стало до боли стыдно за себя, за этотъ бокаль шампанскаго, съ которымъ я готова была провалиться сквозь землю, какъ будто я не должна была, не имѣла права его пить здѣсь, за этимъ столомъ... Мимо него ходить столько достойныхъ быть участниками жизненнаго пира... но судьба послала имъ горькую долю,—безпросвѣтную, нужду и возможность лишь со стороны любоваться на счастливецъ, которые являются «избранными» пирующими...

Я поперхнулась шампанскимъ и даже отодвинула отъ себя бокаль невольнымъ движеніемъ. На мигъ наши взгляды встрѣтились. Мнѣ понравилось, что онъ не опустилъ глазъ, не сконфузился—онъ зналъ свою бѣдность, но не стыдился ея.

— Нѣтъ, *такой* не приметъ подачки! отвѣтила я сама себѣ на вопросъ, который было успѣла задать мысленно.

Что сдѣлать? Какъ бы хотѣлось ему помочь! Не пойти ли незамѣтно за нимъ слѣдомъ и тамъ, въ толпѣ, среди тѣсноты и давки опустить ему руку въ карманъ съ двадцатипятирублевой бумажкой? Ахъ, какъ бы это было хорошо!

Вы представляете себѣ его сюрпризъ, изумленіе и восторгъ? Ужъ это не найденное, отъ чего можно отказаться,—о находкѣ онъ вѣрно бы заявилъ, а не взялъ бы ее для себя!..

И стоило мнѣ представить себѣ эту его радость, какъ я сама точно на крыльяхъ поднялась (нравственно,—на секунду у меня даже дыханіе захватило)... О правда! какое наслажденіе *попробовать* быть доброй,—(по примѣру Ф.!), доставить другому минуту радости, облегчить страданіе, нужду!

Но какъ оно *не похоже*, это сладкое замираніе сердца на то чувство, которое недавно было вызвало во мнѣ шампанскимъ!..

А воображеніе продолжало работать... (такъ пріятно немного остановиться мыслию на томъ, что въ самомъ дѣлѣ хорошо, что даетъ удовлетвореніе)...

— Еслибъ онъ угадалъ, что это я, и обидѣлся бы, сталъ мнѣ говорить чтонибудь—я не позволила бы ему особенно распространяться!

— Послушайте, сказала бы я, *умоляю Васъ*, не сердитесь, и... возьмите.

Еслибъ вы знали, какая страшная вина лежитъ на мнѣ относительно моего брата—студента, какъ и вы, честнаго, добраго, достойнаго! Я хочу искупить ее понемножку,—и вы сдѣлаете *доброе дѣло*, я уже не говорю *личное* одолженіе *мнѣ*, принявъ эту бездѣлицу. Вы понимаете, *мнѣ нужно*, чтобы вы взяли; пусть это смѣшно, странно, эгоистично, но я прошу васъ объ этомъ! Вы снимете большую тяжесть съ моей души! Когданибудь вы расквитаетесь за этотъ долгъ, когда захотите и когда будетъ можно. И я взяла бы обѣими руками его честную, худую руку, и крѣпко пожала бы ее... А онъ увидѣлъ-бы на глазахъ у меня слезы и почувствовалъ всю мою искренность, сказалъ бы только одно слово: хорошо.

Даже не «спасибо», а «хорошо». Я такъ замечталась, что мои собесѣдники обратили вниманіе. Братъ прослѣдилъ мой взглядъ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

Ты смотришь на этого студента? Какъ онъ напоминаетъ Вячеслава! Какой симпатичный! И какой должно быть—бѣдный!

И по быстрой, почти необъяснимой ассоціаціи идей, онъ добавилъ, насмѣшливо улыбаясь.

— А ты помнишь, что тебѣ сказалъ ф.?—«Вы такая же добрая, какъ и покойный Вячеславъ, не даромъ вы его сестра»...

Ну, въ этомъ онъ далъ маху! намъ съ тобой до него, какъ до Царя небеснаго далеко... Какъ ты думаешь?

Еще бы! сконфуженно отвѣчала я, старательно избѣгая его взгляда...

По счастью раздался звонокъ и мы поднялись съ мѣста. Пора было отправляться чтобы садиться въ вагонъ...

— До чего человѣкъ живучъ, эгоистиченъ, до чего онъ подчасъ бываетъ... толстокожимъ!

Кажется, послѣ всѣхъ тѣхъ ощущеній и мыслей, на которыя натолкнула меня смерть брата, я должна была бы переродиться; не такъ-ли? Стоитъ понять свою ошибку, чтобы исправить ее и перемѣнить направлѣніе... Повидимому, я *обязана была* это сдѣлать послѣ того, какъ взглянула жизни прямо въ лицо... Другая на моемъ мѣстѣ стала бы энергичной, дѣльной женой, разсудительной и заботливой сестрой...

Я-же осталась вѣрна себѣ... какъ и была до сихъ поръ.

— Это просто невѣроятно! говорю я теперь, оглядываясь назадъ.

— Но это такъ! я снова закрыла глаза на все и снова погрузилась въ какое-то странное состояніе нравственнаго оцѣпенѣнія, спячки, вмѣсто того, чтобы заняться дѣлами, провѣрить самой положеніе, т. е., потребовавъ у мужа отчетовъ, проконтролировать его опеку»...

Какъ я могла рискнуть снова довѣриться ему,—когда я убѣдилась, что онъ не болѣе, какъ легкомысленный жуиръ? Можно ли было возлагать на него, человѣка минуты, отвѣтственность за благополучіе и благосостояніе всѣхъ насъ, и главное «малолѣтняго» — послѣдняго брата, котораго я должна теперь беречь, какъ зѣницу она?

Но видно вначалѣ слишкомъ велика бываетъ эта нравственная близорукость, и удара палкой оказывается мало... Нужна плеть или обухъ для того, что-бы прошибить, какъ слѣдуетъ...

Вы представляете себѣ человѣка, который бредетъ въ жизни съ раскрытыми глазами, какъ лунатикъ, и вдругъ наткнется на какую-нибудь притолку, перекладину; онъ больно ударится лбомъ,—даже откинется навзничь... И все таки онъ можетъ не проснуться... Ударъ его ошеломитъ; онъ встанетъ, потрогаетъ рукой ушибленный лобъ, и также машинально отправится шагать дальше...

Я была такимъ же безнадежнымъ лунагикомъ... Душа моя, выйдя изъ своего безразличнаго равновѣсія (вѣроятно, состояніе это было реакціей послѣ того года «плача и стенаній»), который ее надолго обезсилилъ)—всколыхнулась было подъ свѣжими и горестными впечатлѣніями смерти брата, а тамъ снова замкнулась въ раковинку, какъ улитка, потерпѣвшая миллионъ болѣзненныхъ пораненій за свою смѣлость, съ которой она было высунулась на свѣтъ Божій... Да, это былъ

инстинктивный страхъ, почти предчувствіе передъ *дѣйствительностью*, которая не сулила ничего хорошаго... Я смутно ждала чего-то зловѣщаго, какого-то горя, ужаса, несчастья,—и пытаюсь уйти отъ него подальше, поступала, какъ куропатка, которая прячетъ голову въ песокъ, видя настагающую ее опасность. И обухъ не заставилъ себя ждать.

Судьба опять судьба, точно хотѣла провѣрить меня, проэкзаменовывать еще разъ, какъ-то я теперь выйду изъ затрудненія... Положеніе, если хотите было аналогичнымъ первому, но со многими «осложненіями»...

Глава XII.

Годъ съ лишнимъ прошелъ, какъ заболѣлъ неожиданно мой второй и послѣдній братъ... и опять таки чахоткой... Что вы объ этомъ скажете?

Страдная пора экзаменовъ, волненія, бессонныя ночи,—страшный подъемъ нервовъ, и наскоро проглоченныя одна за другого,—двѣ порціи мороженого вызвали кровохарканье... Мальчикъ скрывалъ, продолжалъ купаться... Приговоръ докторовъ: поѣздка въ Крымъ или за-границу *немедленно*, иначе... нельзя ручаться—зловѣще прозвучалъ въ моихъ ушахъ... Вотъ оно то, невѣдомое, страшное!

— Вы понимаете, на 17-омъ году, да еще при наслѣдственности..; нельзя терять ни минуты! Не то *скоротечная* въ 3 недѣли справится съ больнымъ! сказали доктора...

Тутъ у меня проснулась энергія... Какъ: онъ тоже долженъ умереть? Не хочу! вырву его у проклятой болѣзни, чего бы мнѣ это ни стоило! Насильно увезу въ Крымъ, средства вѣдь есть, слава Богу... тамъ распатано что-то, ну пусть половина, пусть треть—все-же, что нибудь да осталось! Поговорю съ Жоржемъ откровенно—онъ честенъ, и у него доброе сердце...

— Послушай, ты долженъ устроить намъ эту поѣздку! обратилась я къ мужу.

Надо-же спасать младшаго, если старшаго не уберегли! Достань намъ денегъ.., до мемя давно слухи доходятъ о запутанности дѣлъ, ты ведешь слишкомъ крупную игру, но до раззоренія, я надѣюсь, еще не дошло?

Я *надѣюсь*... я *хочу* тебѣ вѣрить! Потерять къ тебѣ уваженіе значило бы...

— Что ты говоришь! Да проконтролирую меня хоть сейчас! Неужели я могу взять чужое!... да я скорѣй *свое до копейки истрачу* ¹⁾! Знай одно: я не переживу, если буду убѣжденъ въ одинъ прекрасный день, что я потерялъ твое довѣріе!

— Ну хорошо, Жоржикъ, ты у меня рыцарь чести, мнѣ слишкомъ больно было бы разочароваться въ тебѣ, *потерять* тебя въ такую тяжелую минуту... подумай, что за рокъ тяготѣетъ надъ нами! Но согласись, что я довольно засидѣлась сложа руки; теперь надо дѣйствовать... поѣдемъ въ опекунскій совѣтъ вмѣстѣ, достанемъ денегъ, и я увезу Всеволода въ Крымъ.

Прекрасныя, чувствительныя фразы успокоили было меня... не надолго. Въ концѣ концовъ я убѣдилась, что дальше фразъ дѣло не пойдетъ, тогда я собралась и поѣхала одна...

Вотъ тутъ-то и посыпались на мою голову всѣ невзгоды... Я нѣсколько разъ преобильно расшиблась о притолку.

Каждый ударъ былъ силенъ самъ по себѣ,—но этого мало: судьба, очевидно, задалась цѣлью заставить проснуться „сомнамбулу“ *pour tout de bon*,—и потому приготовила мнѣ ихъ *нѣсколько*, чтобы эта «повторность» ощущеній сдѣлала ихъ дѣйствіе продолжительнымъ и неизгладимымъ... Все этакія *renversé*—вольтъ и навзничъ... Прежде всего меня встрѣтили очень сурово, и начали съ выговора.

Почему я не ѣхала, когда меня звали? отчего я не отвѣчала ни на одно письмо изъ тѣхъ многихъ писемъ, въ которыхъ меня увѣдомляли, предупреждали, предостерегали? Я широко раскрыла глаза... Какихъ писемъ? въ первый разъ слышу!

Опекуны переглянулись... и перестали настаивать. Но за то они преподнесли мнѣ вѣсть о раззореніи...

— Знаете ли вы, что вашъ мужъ уже давно отстраненъ отъ опекунства? Видя его поведеніе мы предложили ему представить ваши — и братьевъ расписки въ полученіи израсходованныхъ денегъ... Конечно, онъ не представилъ. Въ здѣшнемъ клубѣ много осгавлено этихъ сиротскихъ денегъ! Только въ виду того, что у васъ живетъ Всеволодъ, теперь *единственный наследникъ*, супругъ вашъ числится опекуномъ, блюстителемъ. Благодаря вашей довѣренности, онъ продалъ ваши части на не

¹⁾ Своего у него давно ничего не было.

движимостяхъ, и вы больше не имѣете на нихъ доли. Вы, конечно, это помните?

Да! конечно, я теперь вспомнила... Онъ взялъ тогда меня въ ресторанъ въ первый разъ (это было еще въ самомъ началѣ), и заставилъ подписать какую то бумагу, съ которой мы потомъ были у нотариуса.. Пока мужъ заговорился съ кѣмъ-то въ конторѣ, нотариусъ вызвалъ меня въ корридоръ.

— Актъ совершонъ, но вы такъ молоды... если вы захотите обжаловать... (нѣтъ, погодите я ошиблась *опротестовать* эту довѣренность, я къ вашимъ услугамъ!

Я *довѣряю* моему мужу! сказала я съ холоднымъ достоинствомъ, и отошла отъ страннаго старика...

Теперь все это промелькнуло въ моей памяти...

Гмъ! довѣренность... для чего онъ тогда ее бралъ! Вспоминаю!

— Это простая формальность!

— Чѣмъ жить съ вычетами изъ жалованья,—лучше на наличныя. Мы «заложимъ» твою часть на обоихъ домахъ, а потомъ выкупимъ.. или впоследствии при продажѣ «недвижимостей»—кредиторъ вычтетъ ту сумму, что теперь дастъ“...

Ясно! Тогда подавали супъ à la tortue... не знала я, что онъ сыграетъ для меня роль библейской чечевичной похлебки!..

И вдругъ мной овладѣлъ ужасъ: а знаютъ ли они, сколько я *еще* векселей подписала? Но это было слишкомъ страшно... Подальше отъ ужасовъ! Я сдѣлала надъ собой усиліе и довольно спокойно сказала.

— Все это, конечно, очень досадно,—такое стеченіе обстоятельствъ, но теперь *не время* трактовать о мелочахъ... Я потомъ разберусь окончательно, и выясню себѣ положеніе дѣлъ, а пока я прошу, дайте денегъ, чтобы спасти брата, господя! вѣдь у васъ также есть взрослые дѣти,—ну пожалѣйте-же юношу! Подумайте, вѣдь, каждый день уносить съ собой его жизнь! Одинъ уже погибъ... не заставляйте же меня смотрѣть съ опущенными руками на медленную смерть другого!

— Къ сожалѣнію денегъ сейчасъ нѣтъ. У жильцовъ забрано впередъ сколько можно... одинъ домъ отданъ въ аренду еврею, который снабжалъ вашего муженька деньгами еще задолго до свадьбы... Тамъ счетъ тысячами. Съ нимъ... на другой домъ магистратъ наложилъ арестъ за неплатежъ податей.. къ несчастью, „онъ“ успѣлъ сдѣлать слишкомъ много зла, пока мы

спохватились... но за все это онъ и отвѣтить... даже пенсіонную книжку вашего брата этотъ господинъ ухитрился заложить... Я ничего не понимала... голова моя отказывалась соображать... Такъ конецъ всему? сразу расплозлось по всѣмъ швамъ то пышное одѣяніе, въ которое я мысленно рядила свое будущее?

— Вотъ единственное, что я поняла... но я была далека отъ того, чтобы не говоря о томъ, что лабиринтъ оказался вообще довольно запутаннымъ, и не для одной моей, неопытной отдать себѣ отчетъ... головы дѣло могло представить техническія трудности, я кромѣ всего этого еще была ошеломлена, огорошена, и совершенно уничтожена *renversée*, опрокинута навзничь со всего размаха...

Не нужно быть истеричной, что-бы отъ всѣхъ этихъ прелестныхъ сюрпризовъ получить нервный припадокъ, не правдали? Надо мной сжалилась одна изъ квартирантокъ,—занимавшая весь бель-этажъ большого дома; она устроила меня въ своей комнатѣ, завѣсивъ всѣ окна шторами, и провозилась *со мною* цѣлыя сутки, прикладывая компрессы къ головѣ и къ сердцу. (Послѣ слезъ у меня всегда безумная головная боль). На слѣдующій день, къ вечеру прибылъ и самъ герой, главное дѣйствующее лицо этой жизненной траги-комедіи.

Онъ явился, какъ ни въ чемъ не бывало, и только слегка поблѣднѣлъ, встрѣтивъ меня въ обществѣ другихъ членовъ опекунскаго совѣта.

— Жоржъ! оправдайся! Я тебѣ повѣрю! сказала я и вся замерла въ ожиданіи отвѣта...

Повѣрьте мнѣ, еслибъ онъ растерялся или сознался тутъ-же, чистосердечно, искренно, высказавъ какое нибудь сожалѣніе, раскаяніе, я-бы простила его.

— Это наша общая вина! сказала бы я; ты слишкомъ легкомысленъ, а я слишкомъ безпечна и довѣрчива; мы оба не умѣли жить, вотъ наша ошибка и наше горе... А потому—постараемся быть благоразумными...

Но въ отвѣтъ я услышала опять таки ложь, сбивчивыя, напыщенныя фразы, которыми можно провести развѣ лишь ребенка... Еще недѣлю тому назадъ я могла ему повѣрить; теперь нѣтъ... Горе сразу состарило меня на нѣсколько лѣтъ, откуда то наблюдательность явилась и опытность...

И такъ, нужно было вѣрить всѣмъ тѣмъ некрасивымъ фактамъ, которые всплыли наружу... Нѣтъ, это уже не легкомысліе,

это завѣдомое плутовство, что-бы не сказать болѣе жесткаго слова... И все-же раскаянія, сознанія вины въ немъ нѣтъ! Еслибъ мое сердце не кровоточило всецѣликомъ, оно бы разорвалось, (увѣряю васъ это не фраза); но предыдущія пораненія отвлекли интенсивность удара...

Когда образъ «его» (я теперь также избѣгала упоминать его имя, какъ когда-то мачехи)—обрисовался передо мною въ настоящемъ свѣтѣ, я снова въ ужасѣ закрыла глаза...

Ну, допустимъ, несчастіе случилось, большое, непоправимое...

Онъ зарвался, игралъ, не считая, не соображая... раззорилъ насъ... Но почему было не уберечь меня хоть отъ этого послѣдняго униженія, самаго страшнаго удара по самолюбію вотъ здѣсь, передъ этими чужими людьми, отказывающимися протянуть ему руку? Къ чему было *скрывать* правду отъ *меня*? И заставлятъ краснѣть за насъ обоихъ?

Такъ вотъ кого я выбрала, кого произвела въ герои!

И горечь моя была сильнѣе негодованія...

Но какъ говорятъ: не бывать бы счастьемъ, да несчастье помогло. Одна физическая боль притупляетъ другую и въ этомъ было мое спасеніе.

Когда я пришла въ себя послѣ цѣлаго дождя ударовъ, я поняла,—(почувствовала вѣрнѣе), что самый сильный изъ нихъ все-же болѣзнь брата; *все* остальное менѣе важно. Раззоренія я какъ-то не понимала, не могла обнять умомъ. Всю жизнь все было, я слишкомъ привыкла къ этой мысли—и вдругъ не будетъ? Даже не вѣроятно! (И потомъ, деньги дѣло наживное)! Сейчасъ онъ, этотъ крахъ, важенъ лишь постольку поскольку отдаляетъ, тормозитъ поѣздку на югъ.

— Каждый день уносить его жизнь! повторяла я себѣ съ ужасомъ фразу, сказанную опекунамъ, а передо мной цѣлый гордіевъ узель, хлопоть, хлопоть безъ конца!

Денегъ надо было достать во что-бы то ни стало...

Все это было-бы не трудно сравнительно, имѣй я хоть какую нибудь долю на недвижимостяхъ... но я была нищей... напрасно-бы обѣщала громадныя проценты, *мнѣ лично* никто не дастъ ни гроша!

Моя голова готова была разломиться пополамъ отъ всѣхъ этихъ мыслей?

И энергія отчаянія придала мнѣ силъ... Казалось, уже не было надежды, и вдругъ „вывезла кривая“ извините за не-литературное выраженіе: оно здѣсь какъ нельзя болѣе кстати. Въ сущности *всѣ* были виноваты, у всѣхъ оказалось рыльце въ пушку... уже при мачехѣ начали подкапываться... пользуясь ея неопытностью. Два главныхъ опекуна выстроили себѣ по домику, правда одноэтажному и деревянному, но... стоящему тысеночъ... Рабочіе были даровые: они числились на ремонтъ въ каменномъ домѣ «малолѣтнихъ», (одномъ или другомъ), а такъ, какъ всѣ стихіи служили имъ-же, опекунамъ, то у насъ вѣчно наводненіе портило нижній этажъ, или вихрь срывалъ крышу съ верхняго... не правда-ли, какое удобство? Большой домъ, вообразите, вѣчно штукатурился и все-же не былъ оштукатуренъ! Не забудьте, что времени прошло достаточно со-смерти отца (цѣлыхъ 11 лѣтъ), и даже сотни тысячъ могли растаять отъ множества прикасавшихся къ нимъ рукъ... у насъ были только десятки.

Виною всему была услышанная мною со стороны фраза.

Въ общемъ тутъ всѣ не дремали... вашъ мужъ былъ только ловчѣе и деспотичнѣе... Да и странно было не погрѣть руки тамъ, гдѣ можно, гдѣ чужое добро „плохо лежитъ“... Припугните-ка вы ихъ всѣхъ слѣдствіемъ изъ Петербурга, скажите, что въ канцелярію прошеній подадите жалобу, за растрату имущества малолѣтнихъ полагается серьезная отвѣтственность! Я не пренебрегла совѣтомъ... и въ одинъ изъ рѣшительныхъ моментовъ „тиснула крылатое словечко“... И что-жъ бы вы думали? По пословицѣ: у страха глаза велики, я нашла сразу откликъ въ сердцахъ, удивительно неотзывчивыхъ до сихъ поръ...

И въ самомъ дѣлѣ упущеній была масса... Я думаю, что только въ провинціи,—(хотя это былъ одинъ изъ крупныхъ губернскихъ городовъ) возможна такая халатность, небрежность и... злоупотребленія... Все дѣлалось «по знакомству»,—келейно, рука руку мыла, по пріятельски. Подати не платились за всѣ 4 года моего замужества, вотъ почему магистратъ рѣшилъ взяться за умъ (и наложилъ арестъ)...

Всѣ подробности неинтересны, да и тяжелы для меня, и я ограничусь тѣмъ, что сказала. Въ результатѣ мои нечеловѣчес-

кїя усилїя (страшная затрата энергїи для меня непрacticной, неопытной, гордой)! увѣнчались успѣхомъ. Аукціонъ (говорила ли я, что онъ былъ назначенъ)? отсрочень, и въ карманѣ у меня нѣсколько сотъ рублей для брата...

Но судьба продолжала мнѣ улыбаться и по возвращенїи домой я получила одинъ старый долгъ свой личный, который мнѣ и далъ возможность сопровождать брата въ Крымъ. Наконецъ то поѣздка состоялась! Я такъ захопоталась, что совсѣмъ выбилась изъ силъ, но сгоряча не замѣчала этого. (Такъ всегда бываетъ)!

Каково же было мое удивленїе, когда докторъ, выслушавшїй брата въ Ялтѣ, обратился ко мнѣ.

— А вы также *во время* сюда прїѣхали! Вамъ самой будетъ очень полезно пребыванїе въ Крыму, купанье въ морѣ... При наслѣдственности надо быть очень осторожной!

(Но позднѣе онъ добавилъ, что наслѣдственность имѣетъ свои законы; она дѣлаетъ *chassé croisé*,—такъ у насъ она была по женской линїи и перешла... къ мальчикамъ. И въ 30 я могу себя считать гарантированной).

Какъ только я убѣдилась, что брату лучше, я вздохнула полной грудью... Слава Богу! удалось спасти! и съ моей души скатилось страшное бремя.

Тогда съ эгоизмомъ самосохраненїя, жизнеупорности я отдалась во власть новыхъ впечатлѣній...

Чудная природа, настолько красивая, что она напоминала мнѣ театральныя декораціи—приводила меня въ восторгъ, здѣсь все такъ много говорила воображенїю, что я ушла въ какой-то волшебный мїръ грезъ... Проходя вечеромъ мимо дачъ, напоминавшихъ виллы, я представляла себѣ поэтичныхъ Ромео, напѣвающихъ серенады Джюльеттамъ... Вѣдь вы-же знаете, что я сентиментальна! И вотъ любовь къ гармонїи, желанїе быть за одно съ этой чудной природой сдѣлала такъ, что я отвернулась отъ моего прошлаго, которое осталось позади отъ всего, что еще такъ недавно растерзало мнѣ душу... Она оживала,—а въ свою очередь укрѣплялось и тѣло... купанье въ морѣ буквально поставило меня на ноги...

— Ба! что тутъ мудрствовать заранѣе! Надо сначала поправиться... теперь я въ правѣ подумать о себѣ, а тамъ, что Богъ дастъ!

И немного погодя я написала по вдохновенїю такое письмо.

— Жоржъ! я больше не вернусь къ тебѣ. Жить намъ вмѣстѣ не зачѣмъ, потому, что проживать больше нечего, а трудиться ты не умѣешь. Вспомни, я часто говорила, что мы идемъ «не въ ногу». Представь себѣ, что я прожила съ тобой до 30 лѣтъ,—этой жизнью безъ завтрашняго дня... Да вѣдь я стану развалиной, нравственно и физически! Теперь мнѣ 23 года, я энергична и сумѣю еще устроить себѣ жизнь. Къ тому же на мнѣ лежитъ долгъ заботиться о братѣ. Довольно уже съ тебя жертвъ!—Если ты напомнишь мнѣ о чувствѣ, я отвѣчу по твоему: не будь буржуазенъ! не время вдаваться въ сентиментальность!—Это правда. Я слишкомъ горько поплатилась за нее—и къ сожалѣнію, не одна. А разъ нужно выбирать между братомъ и тобой— ты понимаешь...

Вдобавокъ все можно было терпѣть, пока было уваженіе... Ты больше не герой въ моихъ глазахъ, а... жуликъ.

И въ оправданіе себя я скажу, что тебя исправить одна могила“.

Глава XII.

И все таки смерть не отдала намѣченной жертвы... Послѣ извѣстнаго промежутка точно передышки она пришла вновь, неожиданно, и снова почти трагическая... Пришло около 4-хъ лѣтъ со времени нашего краха матеріальнаго и нравственнаго, (всѣхъ моихъ упованій и надеждъ)—для меня.

Я помѣстила брата въ государственную санаторію въ Финляндіи и наѣзжала навѣщать его... Повидимому онъ примирился, и принималъ отъ меня заботы и попеченія...

Это былъ удивительно стойкій характеръ... сестра мачехи, видѣвшая его во время болѣзни уже писала мнѣ: у него несбыточные планы. Онъ хочетъ продолжать учиться и собирается въ политехническое училище. Это орелъ съ надломленными крыльями... Постарайся сдѣлать для него что нибудь полезное насильно, его надо лѣчить“...

Чтобы вамъ было все это понятно, мнѣ надо будетъ немного вернуться назадъ.—Помните, я вамъ говорила объ *осложненіяхъ*, о возмездіи?

Судьба точно провѣряетъ меня, сказала я.

Да, *теперь* мнѣ было много труднѣе, чѣмъ въ первый разъ!

И главное препятствіе было въ немъ, въ больномъ. Онъ и слышать не хотѣлъ о моемъ вмѣшательствѣ, моихъ стараніяхъ въ его пользу.

И сколько драгоценнаго времени ушло изъ этого! Поѣзжай онъ въ Крымъ *немедленно*, внѣ всякаго сомнѣнія онъ бы поправился.

Но теперь мнѣ приходилось ломать копыя, не только для того, чтобы достать средствъ на поѣздку, нѣтъ, этого мало! Всѣ мои усилія заставить его принять ихъ—были напрасны! Все разбивалось объ его упорство, его молчаливое осужденіе, озлобленіе...

— Уйди! оставь меня! Я ничего не хочу, ничего отъ тебя не приму,—дай мнѣ умереть спокойно *одному*, какъ умеръ Вячеславъ.

Вы понимаете смыслъ этихъ словъ: одному, *одинокю*, какъ умеръ тотъ, безъ ласки, безъ послѣдняго привѣта!

И хотя я могла возразить ему, что вѣдь онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ мужемъ до самаго конца, что я также пострадала отъ этого человѣка (вѣдь никому не дано знать будущее)!—но это было бы слишкомъ слабое оправданіе, «надуманное»... Душа моя, моя совѣсть осудила меня, и я чувствовала всю тяжесть этого обвиненія...

Безъ вмѣшательства товарищей, которые были посредниками между мною и имъ, онъ такъ бы и не уѣхалъ въ Крымъ... Но и тамъ все время мы были, какъ чужіе...

Въ общемъ онъ пробылъ тамъ около 10 мѣсяцевъ, (уѣхали мы въ началѣ сентября, къ самому разгару винограднаго сезона), и поправился настолько, что могъ самостоятельно пріѣхать и держать экзамень на аттестатъ зрѣлости. Вы понимаете—онъ и тамъ не переставалъ все время учиться!..

Годъ его болѣзни не былъ потерянъ! послѣ каникулъ онъ уѣхалъ въ Ригу, (гдѣ его привлекалъ климатъ, менѣе суровый) вотъ туда то я и отправилась за нимъ, встревоженная письмомъ тетки.

На этотъ разъ нашла его смягчившимся... болѣе или менѣе... настолько, что онъ не противился моимъ увѣщаніямъ относительно санаторіи. Бѣдняжка создалъ себѣ иллюзію, что самое большее мѣсяца черезъ 3—онъ выздоровѣетъ, и даже не

порывалъ нравственной связи съ училищемъ, прося товарищей держать его au courant программы занятій..

Но прошелъ годъ, затѣмъ другой и третій.. Вы представляете себѣ его нравственное состояніе? Ему не оставалось ничего другого, какъ быть прикованнымъ, (благодаря недугу) къ мѣсту своего заключенія, ежеминутно смирять свои душевные порывы, говоря себѣ: Нельзя! мнѣ всюду путь закрытъ! Что я буду дѣлать безъ средствъ? Взять мѣсто, служить на ничтожномъ жалованьи, какъ недоучившійся „недоросль изъ дворянъ“, значить обречь себя на лишенія и скорую смерть... Сидѣть здѣсь безвыходно,—какъ колодникъ влача свою тачку,—знать, что и завтра, и послѣ завтра будетъ тоже,—это свыше моихъ силъ... Надо найти выходъ» ..

И онъ сказалъ мнѣ какъ-то.

«Я не честолюбивъ *уже*, и поставилъ крестъ на всякой карьерѣ. Выхлопочи мнѣ паспортъ, (его не даютъ раньше отбыванія воинской повинности)—и я уѣду за границу, куда-нибудь въ Швейцарію. На первое время денегъ мнѣ хватитъ, а дальше я займусь литературой, переводами съ англійскаго,—какъ-нибудь проживу... Много ли мнѣ нужно? Я забыла сказать вамъ, что онъ былъ способнѣе насъ всѣхъ, (я въ сравненіи съ нимъ—круглая бездарность!

Такъ, ему одинаково легко давалось все: математика, языки, пѣніе, музыка, рисованіе, и все это блестяще, въ совершенствѣ. Англійскому онъ выучился въ Крыму, въ какпхъ-нибудь три мѣсяца, разговаривая съ одной пациенткой англійской... (Теорію, понятно, онъ одолѣлъ самъ). Эта дама впоследствии писала мнѣ, давая о немъ восторженные отзывы.

Но судьба не пожелала исполнить даже его послѣдняго желанія; напрасно я хлопотала въ воинскомъ присутствіи, прося освободить его отъ явки.

Онъ на излѣченіи въ государственной санаторіи, говорила я; *всѣ* врачи дадутъ вамъ свидѣтельство о его болѣзни, о невозможности пріѣхать сюда, подумайте—всѣ эти усилія, безпокойства, хлопоты, отсутствіе привычныхъ удобствъ, слишкомъ плохо отразятся на его ослабѣвшемъ организмѣ.

— Нѣтъ! нельзя! и все откладывалось до тѣхъ поръ, пока ему не пришло въ голову разрубить гордіевъ узелъ.

Воспользовавшись моимъ отъѣздомъ на югъ, онъ и самъ рѣшилъ выѣхать изъ санаторіи... Какой-то пациентъ писалъ

ему изъ Самары, что кумысь благодѣтельно дѣйствуетъ на него...

И бѣдняга, собравшись съ силами, уѣхалъ... пробовать счастья въ Самарѣ...

Я чуть въ обморокъ не упала, получивъ отъ него съ дороги открытку.

— Выѣхалъ, буду поближе къ тебѣ... Невмоготу больше сидѣть! Кумысь, говорятъ, хорошая вещь. А если и не поправлюсь, скорѣе конецъ... Слишкомъ долго тянется неопредѣленное положеніе... Такъ не сердись, что безъ спросу... Не пріѣдешь ли потомъ ко мнѣ?

А черезъ три дня по выходѣ изъ театра я распечатала депешу:

— Всеволодъ скончался. Хоронить или ждать васъ?

— Кто пишетъ и откуда? Первымъ дѣломъ задала я себѣ вопросъ, послѣ того, какъ опомнилась отъ страшной неожиданности. Бхать... но куда? Б. Аксаково... гдѣ это и что это—городъ, село? Значить, онъ умеръ на станціи, одинъ, всѣмъ чужой? Какой ужасъ! Боже, какъ суровъ рокъ! На телеграфѣ *не сумѣли мнѣ отвѣтить* (о, отечественная культура)! и только обѣщали направить телеграмму «по пути слѣдованія этой»...

Какъ я себя чувствовала до полученія отвѣта, я думаю вы можете легко себѣ представить.

Но вотъ полученъ отвѣтъ: «ѣзды-- семь сутокъ. Умеръ на другой день по пріѣздѣ, на моихъ рукахъ, знакомый паціентъ. Подробности письмомъ».

А вотъ и они, эти подробности.

Вашъ братъ доѣхалъ — но въ очень плачевномъ состояніи, страшно ослабѣлъ. Лѣто знойное, въ вагонѣ удобствъ никакихъ, хотя онъ взялъ I классъ. Дорога его убила: ночами онъ не спалъ, днемъ задыхался, ничего не ѣлъ, не пилъ. Почувствовавъ себя плохо, онъ написалъ на своемъ отпускномъ билетѣ распоряженіе: если я умру прошу похоронить. Денегъ 375 р. Прошу дать три телеграммы: сестрѣ, (адресъ), знакомому, куда ѣду, и въ санаторію».

Бѣдный, дорогой мой страдалецъ! Сердце кровью обливается, когда думаешь, какъ онъ себя чувствовалъ, собирая послѣднія силы чтобы нацарапать карандашомъ эти послѣднія распоряженія! И такъ все кончено и теперь ужъ навсегда!.. Такъ страдать! И одиноко, вдали отъ меня „какъ Вячеславъ“! Судьба выслушала его желаніе!

И мнѣ вспомнился взглядъ его большихъ глазъ, когда онъ принужденъ былъ останавливаться на ходу, чтобы передохнуть... прижимая руку къ груди, онъ глядѣлъ вверхъ съ выраженіемъ муки и какой-то растерянности и я въ ужасѣ отворачивалась: такъ должна смотрѣть подстрѣленная птица!

Мнѣ даже не удалось поѣхать на похороны... Такъ и потерялась гдѣ-то далеко эта дорогая мнѣ, одинокая могила... а въ сердцѣ образовалась новая борозда,—и сознаніе моей виновности до сихъ поръ,—вѣчно не перестаетъ угнетать меня!

Мнѣ приходитъ въ голову, что вы можете мнѣ предложить вопросъ, который очень естествененъ.—Почему же я не постаралась дать брату средства? Отчего я не обѣщала ему заботиться о немъ?

Но... я непрактична, и стать капиталисткой не сумѣла не могла. Не забывайте, что я осталась *sans le sou*! Будь у меня какіе-нибудь ресурсы, я бы и къ искусству подошла увѣреннѣе, скорѣе пошла бы впередъ, и «сдѣлала бы карьеру»,—можетъ быть.

Какъ женщина или какъ артистка? Спросите вы... Не знаю! Артистокъ, видныхъ замѣтныхъ, у насъ на перечетъ; а женщинъ интересныхъ, выдающихся много, если поискать. Въ концѣ концовъ—*honny soit qui mal y pense*.

Въ 23, въ 25, и даже въ 27 лѣтъ вѣдь немножко рано отказать отъ счастья въ жизни, неправда ли?

И было бы жестоко требовать этого отъ меня... Я могла выйти замужъ, мнѣ три раза представлялся случай, но... мой супругъ наложилъ свое *veto*...

Очевидно, онъ не находить, что сдѣлалъ мнѣ какое-нибудь зло, и считаетъ себя не то жертвой, не то мстителемъ... Напротивъ, узнавъ, что я могу уѣхать за границу, онъ начерталъ мнѣ въ паспортѣ (который его *заставили* мнѣ выдать). «Безъ права выѣзда за границу и до востребованія мужемъ». Вотъ единственное, въ чемъ проявилась его заботливость о моей

судьбѣ... Не правда ли, какъ великодушно! Но за него—закоңъ, всѣ права на сторонѣ мужа—и я безсильна...

Да и то сказать, чѣмъ онъ виноватъ? преступленіе ли быть легкомысленнымъ? Нисколько!

Развѣ «чуть-чуть», отвѣтитъ вамъ каждый. Это недостатокъ, но пресимпатичный!.. Сдѣлать зло можетъ лишь дурной человѣкъ, который всѣми признанъ злодѣемъ... Онъ причиняетъ его, это зло намѣренно, вынашивая свой замыселъ,—делѣя его... Тутъ не было ничего подобнаго. Наоборотъ! Пришелъ изящный, красивый, милый человѣкъ, оболѣстилъ васъ словомъ,—взялъ у васъ душу...

Но вѣдь это не предусотрѣно ни въ какой статьѣ улож. о наказаніяхъ?

И въ результатѣ, что ему за дѣло до двухъ загубленныхъ жизней,—и одного искалѣченнаго существованія? Нѣтъ, я виновата оттого, что мало думала и много вѣрила... и оттого, что мнѣ хотѣлось жить, быть молодой—и закрыть глаза на неприятное, тяжелое. Я такъ любила гарантію.

Мнѣ не приходило въ голову, что жизнь—не праздникъ, что у каждаго изъ насъ есть долгъ, обязанность... хотя бы по отношенію къ себѣ и къ близкимъ...

На мнѣ—старшей сестрѣ—лежала отвѣтственность не только за свою судьбу, но за судьбу моихъ братьевъ. Жизнь могла сложиться такъ хорошо! Но я была слѣпа—и результатъ получился страшный...

— Tu l'as voulu, George Dandin! могу я себѣ сказать, лично я имѣла только то, чего сама пожелала...

Но они—добрые, умные, талантливые—за что погибли?!

Люси Оль.

(Продолженіе будетъ).

МИХАИЛЬ НИКИФОРОВИЧЪ НАТКОВЪ

ПО ВОПРОСУ ОБЪ УЧЕБНОМЪ СТРОЕ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

(по поводу современныхъ толковъ о реформѣ этихъ заведеній).

Въ ряду предполагаемыхъ и ожидаемыхъ реформъ церковной жизни не послѣднее мѣсто занимаетъ преобразование духовно-учебныхъ заведеній. Мы не освѣдомлены о томъ, въ какомъ духѣ и направленіи это преобразование предполагается или готовится въ тѣхъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ зависитъ и будетъ исходить оно; за то въ духовной періодической печати послѣдняго времени появился цѣлый рядъ проектовъ желательнаго преобразованія этихъ заведеній (См. Церковный Вѣстникъ 1904 г. № 17, Богословскій Вѣстникъ 1905 г. кн. 6—7, Миссіонерское Обозрѣніе 1905 г. № 5, Православно-Русское Слово 1905 г. авг., Орлов. Епарх. Вѣдом. 1905 г. № 35; „Къ вопросу о постановкѣ обученія и воспитанія въ духовныхъ семинаріяхъ“, Архим. Никонъ. Иркутскъ 1905 г.). Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Свят. Синодѣ (№ 39), по поводу этихъ проектовъ приведенъ проектъ преобразованія духовныхъ семинарій и училищъ, выработанный еще въ 1866 г. ректоромъ Кіевской духовной академіи, архим. Филаретомъ (впослѣдствіи еп. Рижскимъ) и инспекторомъ Московской духовной академіи, архим. Михаиломъ (впослѣдствіи еп. Курскимъ) и представленный ими въ Свят. Синодъ въ качествѣ особаго мнѣнія ихъ, какъ членовъ учрежденнаго тогда комитета для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Проектъ этотъ существенно отличается отъ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше новѣйшихъ тѣмъ, что въ немъ въ курсѣ общеобразовательной школы болѣе видное, чѣмъ въ этихъ послѣднихъ, мѣсто отведено греческому и латинскому языкамъ (по распisanію проекта на эти два языка полагалось 48 изъ 160 недѣльныхъ уроковъ);

но онъ сходенъ съ ними въ предположеніи объ отдѣленіи общеобразовательной школы отъ спеціально богословскихъ курсовъ. Съ этой стороны проэктъ и подвергнуть былъ тогда критикѣ Московскаго Митрополита Филарета, отзывъ котораго вслѣдъ за текстомъ означеннаго проекта и приведенъ въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ. И этотъ отзывъ, равно какъ и самый проэктъ, приведены въ журналѣ «не съ цѣлію, какъ говоритъ авторъ, подвергать какой-либо оцѣнкѣ современныхъ разсужденія о реформѣ семинарій и училищъ, а единственно съ цѣлію показать, что уже 40 лѣтъ назадъ, когда вырабатывался уставъ духовно-учебныхъ заведеній, положившій начало современному устройству нашихъ семинарій и училищъ, подобныя разсужденія не были упущены изъ вниманія высшимъ духовнымъ правительствомъ“.

Въ этихъ же видахъ — въ качествѣ исторической справки, какія при всякой реформѣ — тѣмъ болѣе учебно-воспитательной, могутъ имѣть существенно важное практическое значеніе, мы и считаемъ не только справедливымъ, а и нужнымъ познакомить читателей съ тѣмъ, что 20 лѣтъ тому назадъ, по поводу предполагавшихся тогда и, по нашему мнѣнію, къ сожалѣнію, совершившихся измѣненій въ учебномъ строѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, говорилъ другой такой же, какъ приснопамятный Митрополитъ Филаретъ, и съ нимъ всегда единомышленный и единоклубный великанъ мысли, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. Предметомъ его сердечной боли отъ того, что тогда предполагалось, и его приводимой нами рѣчи, были древніе языки, изученіе которыхъ предполагалось сократить и дѣйствительно сокращено въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и за необходимость которыхъ онъ ратовалъ. О возстановленіи и усиленіи ихъ онъ и говоритъ въ частномъ письмѣ, писанномъ имъ въ мартѣ 1884 года бывшему тогда Митрополиту Московскому Іоанникію, стоявшему, кажется, въ главѣ комисіи, занимавшейся вопросомъ объ указанныхъ измѣненіяхъ. По всей вѣроятности, многимъ поклонникамъ современнаго «облегченнаго» во всѣхъ отношеніяхъ образованія рѣчи эти покажутся смѣшнымъ анахронизмомъ; но, приводя ихъ, мы разсчитываемъ не на тѣхъ, которые мнѣняютъ свои убѣжденія, какъ модныя платья въ угоду вкусамъ времени, а тѣхъ, которые любятъ и умѣютъ относиться къ совершающимся явленіямъ жизни вдумчиво, по существу

дѣла, не стыдясь и не боясь не только выслушивать голосъ противника, а и признать его логическую и нравственную правду...

Вотъ что писалъ М. Н. Катковъ по данному вопросу.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Я столько положилъ души, усилій и заботъ на установленіе правильныхъ воззрѣній въ учебныхъ вопросахъ, столько поработалъ этому дѣлу, что всякая ошибка въ немъ глубоко и больно потрясаетъ меня. А потому простите меня за мое сердечное сѣтованіе по поводу новаго учебнаго плана Духовныхъ Академій.

Духовныя Академіи имѣютъ своимъ назначеніемъ готовить ученыхъ богослововъ. Но ученымъ въ истинномъ значеніи этого слова можетъ быть только тотъ, кто владѣетъ ключомъ къ источникамъ своего вѣдѣнія. Къ источникамъ же богословскаго вѣдѣнія не можетъ быть прямого доступа безъ основательнаго знанія языковъ эллинскаго, римскаго и еврейскаго. Преподаваемые курсы, какъ-бы ни были хорошо усвоены слушателями, дадутъ только болѣе или менѣе успѣшныхъ учениковъ, но не учителей, которые могли бы стать въ уровень съ учеными запада. Ученый богословъ долженъ быть вмѣстѣ и филологомъ. Какъ по обоимъ классическимъ языкамъ, которые для филолога не раздѣльные, такъ въ извѣстной мѣрѣ и по еврейскому. Только при этомъ условіи научное образованіе для богослова будетъ живою силою. Зачѣмъ же богословамъ нашей Церкви оставаться въ ученическомъ отношеніи къ ученымъ другихъ исповѣданій и только черезъ ихъ труды пользоваться первоисточниками? Выучить книгу или прочтенный профессоромъ курсъ—это ученическое дѣло; но обладать ключомъ къ источникамъ, приобрѣсти средства вникать въ самые тексты священныхъ и учительныхъ писаній,—вотъ сила ученаго богослова. Замѣнять-ли эту живую силу профессорскія компиляціи? Можно и безъ науки быть благочестивымъ христіаниномъ и достойнымъ служителемъ алтаря; но если рѣчь идетъ о богословской наукѣ, то первую и главную заботой должно быть сообщеніе учащимся органовъ для болѣе или менѣе глубокаго проникновенія въ источники, а между тѣмъ въ учебномъ планѣ, принятомъ для духовныхъ академій, не только не усиленъ, что крайне требовалось, филологическій

элементъ, но, можно сказать, уничтоженъ. Греческій и латинскій языки разрознены, между тѣмъ, какъ они могутъ быть изучаемы въ должной силѣ и съ пользою только параллельно. Учащимся въ Академіи предоставляется выбирать для изученія лишь одинъ изъ классическихъ языковъ, такъ что можетъ выйти, что ученый богословъ Православной Церкви не будетъ должнымъ образомъ освоить съ языкомъ ея учителей, какъ и самого Евангелія. Наконецъ духовныя академіи имѣютъ свою задачею готовить не только богослововъ, но и преподавателей для семинарій. Хороши же будутъ преподаватели древнихъ языковъ безъ филологической подготовки.

Въ новомъ Уставѣ есть впрочемъ параграфъ, представляющій Святѣйшему Синоду право измѣнять по усмотрѣнію учебный планъ; а потому можно надѣяться, что въ распредѣленіе академическихъ занятій будутъ со временемъ внесены перемѣны и что филологическій элементъ въ нихъ будетъ возстановленъ и усиленъ. Но меня глубоко возмущаетъ слухъ, что и въ самихъ семинаріяхъ, будто бы, предполагается ослабить изученіе классическихъ языковъ, именно Греческаго, и притомъ въ пользу русской словесности. Это было бы роковою, быть можетъ, непоправимою ошибкою. Оба древніе языка и безъ того слишкомъ слабо поставлены въ нашихъ семинаріяхъ, слабѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ; къ тому же въ семинаріяхъ они преподаются учителями, не получившими высшаго филологическаго образованія. Требовалось бы усилить и усовершенствовать способы преподаванія древнихъ языковъ въ семинаріяхъ, а вмѣсто того эти основные предметы учебно-воспитательнаго курса въ духовныхъ семинаріяхъ лишаются всякаго серьезнаго значенія и будутъ не нужною и суетною прикрасой въ росписи преподаваемыхъ предметовъ. Они не послужатъ ни къ тому, столь важному въ педагогическомъ отношеніи, сосредоточенію учебныхъ занятій, которое составляетъ главную силу ученія, ведущаго къ академическимъ или университетскимъ занятіямъ, ни къ тому, чтобы семинаристы могли должнымъ образомъ освоиться съ матеріаломъ и формами языковъ спеціально необходимыхъ для богослова. Если для медика, юриста, математика признается необходимою классическая подготовительная школа, то не требуется ли она сугубо для будущаго богослова, который не можетъ быть самостоятельнымъ ученымъ по своей части безъ пособія классическихъ языковъ? Ослабить Греческій языкъ для усиленія

русской словесности означало бы только усиленіе пустословія. Нѣтъ надобности заботиться объ упражненіи учащихъ въ писаніи сочиненій. Надо воздѣлывать и укрѣплять ихъ умъ серьезными занятіями, а не приучать къ болтовнѣ безсмысленной и безцѣльной. Когда у учащихся созрѣетъ мысль, она сама найдетъ себѣ должное выраженіе. Но нѣтъ ничего хуже фразерства, которое поддѣлывается подъ мысль и передразниваетъ чувство. Русскимъ же языкомъ и всѣмъ его средствами учащіеся овладѣютъ всего лучше въ борьбѣ съ классическими языками. Нельзя не замѣтить при этомъ, что безъ должнаго знанія греческаго языка не можетъ быть во всей силѣ понятенъ и самый славянскій языкъ, который въ своемъ синтаксисѣ снятъ съ греческаго.

Для приготовленія къ факультетскимъ занятіямъ и въ томъ числѣ къ Богословію въ Германіи требуется пройти девятилѣтній курсъ гимназіи, въ которомъ число классныхъ уроковъ въ недѣлю по обоимъ классическимъ языкамъ доходитъ до шестнадцати (десять латинскаго, шесть греческаго). Кромѣ того для будущихъ богослововъ обязательно преподается въ тамошнихъ гимназіяхъ и Еврейскій языкъ, безъ знанія котораго нельзя поступить на богословскій факультетъ. Вотъ какою силою вооружаются для науки будущіе ученые богословы въ инославной странѣ.

Мы обладаемъ благодатью Апостольской Церкви. Не обязаны ли мы отвѣчать за этотъ Божій даръ нашему народу усиленнымъ трудомъ, какъ во всемъ, такъ и въ дѣлѣ науки? Не обязаны ли мы готовить для нашей Церкви борцовъ и учителей сильныхъ наукой, а не фельетонистовъ, нигилистовъ, какихъ въ [такомъ изобиліи давали намъ Протасовскія, или вѣрнѣе, Киселевскія Семинаріи?

Великіе іерархи, богословы и учителя Русской Церкви выходили изъ старой, крѣпкой Греко-Латинской школы.

Вспомните, Владыко, что все уважаемое въ нашемъ свѣтскомъ просвѣщеніи выходило изъ этой школы. Духовное сословіе было у насъ главнымъ разсадникомъ просвѣщенія. За что же мы будемъ ослаблять, унижать учебныя заведенія, предназначенныя главнымъ образомъ для дѣтей духовенства?

Умоляю Васъ, сердечно и глубокочтимый мною Владыко, лучше приостановиться рѣшеніемъ этого вопроса, если въ немъ окажется что либо пока неяснымъ и сомнительнымъ. Дидак-

БИБЛИОГРАФІЯ.

Гдѣ истинное счастье: въ вѣрѣ или невѣрїи? М. В.
СПБ. 1905.

Подъ такимъ заглавіемъ не такъ давно отпечатана, хотя въ продажу и вообще въ обращеніе въ обществѣ еще не поступала, не большая (въ 100 страницъ) книжка, которая по предметамъ своего содержанія, задачамъ его и характеру изложенія должна быть особенно близкою и дорогою для читателей духовнаго, богословско-апологетическаго журнала „Вѣра и Церковь“. Въ шести небольшихъ главахъ книжки трактуется о такихъ выдающихся вопросахъ жизни, какъ вопросъ о достоинствѣ человѣческой природы, о трудѣ и собственности, о бракѣ и семьѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, о страданіяхъ и загробной жизни. Авторъ поставилъ своею задачею сопоставить отвѣты на всѣ эти вопросы, даваемые съ одной стороны ученіемъ христіанской вѣры, а съ другой—не вѣрующими этому ученію, на основаніи яко бы науки, и этимъ путемъ показать и доказать несравненное и несомнѣнное превосходство вѣры предъ невѣріемъ, потому что отвѣты невѣрія на всѣ поставленные вопросы только раздражаютъ, возбуждаютъ недовольство жизнію и вообще лишаютъ человѣка, принимающаго эти отвѣты, того душевнаго покоя, той бодрости и жизнерадостности, которыя дѣлаютъ жизнь человѣка истинно счастливою и которыя даются только вѣрою. Свои сопоставленія авторъ дѣлаетъ путемъ не отвлеченныхъ разсужденій и не обставляетъ ихъ мало доступными большинству научными данными, а предлагаетъ въ видѣ задушевныхъ бесѣдъ о разсматриваемыхъ явленіяхъ жизни на основаніи всѣмъ извѣстныхъ и всѣмъ понятныхъ фактовъ и жизненнаго опыта. Все это дѣлаетъ рѣчь его общедоступною и убѣдительною и всю книгу вообще цѣнною и жизненно важною, особенно въ наше время, когда противныя вѣрѣ воззрѣнія на всѣ поставленные вопросы жизни путемъ широко распространенной печати проникаютъ даже и въ низшіе классы общества, становятся извѣстными даже дѣтямъ, всюду возбуждая недовольство, вражду, нестроенія и т. п.

Съ особенною радостію по этому нужно привѣтствовать, что на происходящихъ въ Московскомъ Епархіальномъ Домѣ чтеніяхъ для рабочихъ послѣдніе знакомятся съ содержаніемъ этой книги, представляющей собою детальное рас-

крытіе того горячаго призыва не поддаваться социаль-демократической пропагандѣ послѣдняго времени, съ которымъ въ первомъ осеннемъ чтеніи обратился къ рабочимъ въ своей рѣчи Высокопреосвященнѣйшій Первосвятитель Московскій ¹⁾. Рѣчь эта можно назвать поэтому какъ бы введеніемъ въ разсматриваемую нами книгу, авторомъ которой лекторы на чтеніяхъ для рабочихъ называютъ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Владиміра (по этому-то книга и помѣчена инициалами М. В.).

Въ виду того, что на этихъ чтеніяхъ книга использована будетъ не скоро, а до этого времени въ обращеніе въ обществѣ она не будетъ выпущена, съ одной стороны, и для болѣе близкаго ознакомленія съ нею читателей Вѣры и Церкви, съ другой,—мы съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго автора, перепечатаемъ въ первомъ отдѣлѣ настоящей VII книги журнала первую изъ бесѣдъ его «о человѣческомъ достоинствѣ» по суду и ученію вѣры и невѣрія. Здѣсь же кратко изложимъ содержаніе остальныхъ бесѣдъ или главъ книги.

Такъ вторая глава книги посвящена вопросу о трудѣ и собственности съ точки зрѣнія вѣры и невѣрія. Вопросъ этотъ въ его отрицательномъ, такъ сказать, рѣшеніи въ послѣднее время у насъ въ нашей православной Россіи, отзывается такими тяжелыми для всѣхъ явленіями, какъ всевозможные забастовки и беспорядки; поэтому предлагаемое въ книгѣ въ общедоступной и задушевной проповѣднической формѣ, и въ тоже время убѣдительное по своей беспристрастной фактической обоснованности разъясненіе его должно признаться особенно благовременнымъ и благопотребнымъ. Авторъ начинаетъ рѣчь свою съ напоминанія о томъ божественномъ приговорѣ нашимъ прародителямъ за ихъ грѣхопаденіе, который, простираясь на всѣхъ безъ изыятія потомковъ Адама, и принимаемъ долженъ быть всѣми, какъ нравственный долгъ, обязанность. Между тѣмъ невѣрующіе, отвергающіе высшее назначеніе человѣка, и не признающіе для него ничего выше земного чувственнаго счастья, смотрятъ на трудъ лишь, какъ на физическую необходимость, какъ на неизбѣжное бремя для снисканія насущнаго хлѣба, и потому относятся къ труду съ недовольствомъ, при первой фактической возможности отрекаются отъ него, а при неизбѣжности труда не признаютъ никакихъ нравственныхъ законовъ. Это мы и видимъ въ жизни рабочихъ на западѣ и современныхъ

¹⁾ Коммиссіей по устройству общеобразовательныхъ чтеній для рабочихъ рѣчь эта издана отдѣльной книжкой и конечно заслуживаетъ самаго широкаго распространенія наравнѣ съ „Голосомъ изъ обители преп. Сергія“ по поводу закона 6-го августа о Государственной Думѣ.

забастовкахъ у насъ. Яркими чертами изобразивъ тяжкія послѣдствія всѣхъ подобнаго рода движеній для самихъ участниковъ ихъ, высокопреосвященный авторъ перешелъ къ изложенію библейскаго ученія о трудѣ и отношеніи къ нему человѣка. Ссылаясь на данную Богомъ еще до грѣхопаденіе заповѣдь о воздѣлываніи рая, на примѣръ самаго Спасителя и Его Св. Апостоловъ, онъ говоритъ о томъ покоѣ и довольствѣ, какіе доставляетъ всякій честный трудъ на началахъ вѣры. Здѣсь же выясняется превосходство взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ, руководствующихся нравственными христіанскими началами жизни.—Вторая половина главы посвящена вопросу о собственности, которая есть плодъ труда или личнаго, или труда предковъ. Выяснивъ отличіе богооткровеннаго ученія о правѣ пользованія человѣка земными благами, какъ дарами Божіими, которые поэтому и употребляемы должны быть сообразно съ волею Божіею, отъ ученія объ этомъ невѣрія, авторъ живо изображаетъ логически вытекающія изъ того и другого ученія отношенія къ собственности со стороны вѣрующихъ и невѣрующихъ и при этомъ показываетъ несостоятельность и пагубное для общественаго благосостоянія значеніе коммунизма.

Предметомъ третьей бесѣды служить вопросъ о бракѣ и семьѣ съ точки зрѣнія вѣры и невѣрія. Вопросъ этотъ можетъ быть названъ не менѣе жизненнымъ, чѣмъ вопросъ о трудѣ и собственности. Не даромъ одинъ изъ знаменитыхъ богослововъ сказалъ, что хотя въ всѣ другіе столпы и опоры человѣческаго общества рухнули, но христіанскій бракъ и семья представляли бы собою такую твердыню, которая одна въ состояніи держать все. Не удивительно поэтому, что невѣріе все пускаетъ въ ходъ, чтобы разрушить этотъ основной столпъ христіанства. Чтобы выяснить всю гибельность невѣрія въ дѣлѣ устройства семейнаго счастья и благотворность вѣры, авторъ разсматриваетъ семью подъ вліяніемъ вѣры и невѣрія въ ея происхожденіи и состояніи и въ ея дѣятельности. Въ основѣ христіанской семьи лежитъ бракъ, какъ таинство, которое соединяетъ супруговъ во образъ союза Христа съ Церковію и возводитъ естественный союзъ ихъ въ высоконравственный и духовный не только по своимъ конечнымъ цѣлямъ, а и по самымъ свойствамъ; отсюда взаимная вѣрность супруговъ и нерасторжимость ихъ союза—основныя черты христіанской семьи, которыя вмѣстѣ съ идеально духовными конечными цѣлями брака даютъ ей твердость, устойчивость и счастье. Ничего этого не можетъ быть въ семьѣ, устроенной на началахъ невѣрія, не признающаго въ брачномъ союзѣ никакихъ высшихъ духовныхъ свойствъ; отсюда самая любовь супружеская,

если она и была руководящимъ началомъ брачнаго союза невѣрующихъ, не можетъ имѣть той возвышенности, чистоты и устойчивости, николиже опадающей, какія отличаютъ любовь христіанскаго брака. Но и это на лучшей конецъ; обычно же брачный союзъ невѣрующихъ есть лишь контрактъ, основанный на корыстолюбіи, или чувственности. Можетъ ли быть счастье въ семьѣ, основанной на такихъ началахъ? Отрицательный отвѣтъ понятенъ самъ собою.—Точно къ такимъ же выводамъ приходитъ авторъ и изъ разсмотрѣнія семейной жизни. Указываемая словомъ Божіимъ взаимныя обязанности супруговъ, правильно понимаемая и добросовѣстно исполняемая, вносятъ въ христіанскую семью миръ, согласіе, общеніе труда и благоуспѣшность, а слѣдовательно и счастье; все это едва ли можетъ быть вполне достижимо въ семьѣ гражданской. То и другое особенно ярко выражается въ отношеніи супруговъ къ ихъ родительскимъ обязанностямъ, а отсюда и въ нравственномъ поведеніи самихъ дѣтей и ихъ отношеніи къ родителямъ.

Слѣдующая—четвертая глава по содержанию своему служить, какъ бы развитіемъ предыдущей; въ ней говорится объ отношеніи къ ближнимъ, или, что тоже, о союзѣ общественномъ съ точки зрѣнія вѣры и невѣрія. Діаметрально противоположное по своему характеру въ обществѣ вѣрующихъ и невѣрующихъ отношеніе это съ логическою необходимостію вытекаетъ изъ такого діаметрально противоположнаго ученія вѣры и невѣрія о человѣческомъ достоинствѣ. Невѣріе, лишая человѣка души съ ея богоподобными свойствами, не можетъ налагать на своихъ адептовъ какихъ бы то ни было нравственныхъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ; отношенія эти основаны на практическомъ расчетѣ, корыстолюбіи, честолюбіи и т. п. О любви къ ближнему, какъ къ себѣ самому, тутъ не можетъ быть и рѣчи; между тѣмъ въ христіанствѣ эта любовь есть основное начало отношеній человѣка къ его ближнимъ. Изобразивъ свойства этой любви не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною, высокопреосвященный авторъ въ живыхъ и наглядныхъ примѣрахъ показываетъ далѣе, что свойствъ этихъ не можетъ имѣть такъ восхваляемая невѣріемъ гуманность; даже самая благотворительность, основанная на началахъ гуманности, при всей ея кажущейся рациональности, не можетъ такъ согрѣть душу благотворимаго, какъ милостыня ради Христа. Сильное и не въ пользу невѣрующей гуманности впечатлѣніе въ этомъ смыслѣ производитъ представленная на основаніи данныхъ церковнаго преданія картина благотворительности въ древней церкви, покорившей собой языческій міръ.

Въ пятой главѣ съ такою же живостію, общепонятностію и отсюда убѣдительною говорится о превосходствѣ

вѣры надъ невѣріемъ въ вопросѣ о страданіяхъ человѣка и отношеніи къ нимъ. Вѣрующіе на основаніи прямыхъ свидѣтельствъ Слова Божія знаютъ, что первой и коренной причиной всѣхъ бѣдствій и болѣзней, причиняющихъ страданія, служатъ грѣхи человѣка, начиная съ грѣха первороднаго и кончая личными грѣхами каждаго отдѣльнаго человѣка; признавая поэтому себя виновниками своихъ страданій, вѣрующіе знаютъ, что Богъ, по волѣ котораго явились и посылаются эти страданія въ наказаніе, за грѣхъ, не слѣбая и неумолимая судьба, а живой, личный Творецъ и Промыслитель, Который самыя эти страданія направляетъ къ добру—къ возбужденію въ насъ покаянія и исправленія. Уже одно это сознаніе даетъ человѣку силы не озлобляться въ страданіяхъ и не впадать въ отчаяніе, а съ покорностію и смиреніемъ переносить ихъ и молиться объ избавленіи отъ нихъ—молиться съ упованіемъ. Ничего этого не имѣетъ и не знаетъ невѣрующій страдалецъ и отъ того изнемогаетъ подъ бременемъ неизбѣжныхъ въ жизни бѣдствій и какъ часто въ отчаяніи погибаетъ самоубійцей! Къ тому же самому заключенію приводитъ автора далѣе размышленіе и о тѣхъ утѣшеніяхъ, какія христіанская вѣра предлагаетъ страдальцу въ образѣ Христа Спасителя, распятаго на крестѣ за грѣхи міра, св. апостоловъ, мучениковъ; невѣрующій не имѣетъ этихъ утѣшеній и поэтому не можетъ не только съ радостію нести крестъ Христовъ подобно мученикамъ, а и понять самую возможность этой радости. Говорящія объ этомъ страницы второй половины пятой главы, написанныя съ особенной одушевленностью, производятъ сильное впечатлѣніе на читателя...

Послѣдняя глава книги говоритъ о загробной жизни, которую отрицаютъ невѣрующіе. Открытое намъ въ Словѣ Божіемъ ученіе о загробной жизни и вѣчномъ блаженствѣ, отвѣчая самымъ насущнымъ потребностямъ души человѣческой въ ея самыхъ высшихъ и святыхъ стремленіяхъ, не только объясняетъ тѣ тайны и загадки, которыми полна наша земная жизнь, а и укрѣпляетъ волю въ добрѣ и сердце утѣшаетъ радостями надежды; самая смерть для вѣрующаго въ загробную жизнь не имѣетъ тѣхъ ужасовъ, которыми полна она для невѣрующаго. Темная могила, за которой ничего не видно для невѣрующаго, отравляетъ для него и земную жизнь въ самыхъ чистыхъ ея радостяхъ, убиваетъ волю въ ея подвигахъ и затемняетъ разумъ въ его исканіяхъ истины ..

«Если въ заключеніе всѣхъ нашихъ размышленій мы бросимъ еще разъ краткій взглядъ на всѣ ихъ пункты, которые подвергли разсмотрѣнію, чтобы дать отвѣтъ на вопросъ: гдѣ истинное счастье, у вѣры или невѣрія; то что должны мы сказать относительно заманчивыхъ обѣщаній

невѣрія? Должны сказать, что оно глубоко оскорбляетъ достоинство человѣка, низводя его на стеньгу животнаго, трудъ его дѣлаетъ невыносимымъ бременемъ, семейство и бракъ втягиваетъ въ нечистую лужу низменныхъ страстей, любовь къ ближнимъ замѣняетъ самолюбіемъ, въ страданіяхъ погружаетъ человѣка въ отчаяніе и, ограничивая бытіе человѣка земною жизнію, разстраиваетъ всякую общественную и нравственную жизнь человѣка, дѣлая для него совершенно невозможнымъ истинное счастье. Къ чему должны привести насъ эти размышленія? Отвѣтъ не трудный». Такъ говоритъ высокопреосвященный авторъ на послѣдней страницѣ своей книги; мы же добавимъ лишь, что отвѣтъ этотъ ясный и убѣдительный для ума, утѣшительный для сердца и жизненно-дѣйственный для воли...

Сказываютъ, что по прочтеніи всей книги на праздничныхъ чтеніяхъ для рабочихъ, она будетъ раздаваться имъ бесплатно. Это конечно будетъ такое благопріобрѣтеніе для тѣхъ, кто получить книгу, за которое даже въ чуждѣ, такъ сказать, можно только благословлять автора — святителя; но мы смѣемъ сказать, что разсмотрѣнная книга будетъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ не для однихъ рабочихъ, а и для очень многихъ изъ тѣхъ, которые въ смыслѣ умственнаго развитія стоятъ выше рабочихъ, хотя часто относительно затронутыхъ въ книгѣ духовныхъ вопросовъ нуждаются въ предложенныхъ въ ней отвѣтахъ больше, чѣмъ рабочіе. Это прежде всего тѣ, которые причисляются и сами себя любятъ причислять къ такъ называемой интеллигенціи, въ дѣйствительности же принадлежать къ ней развѣ только потому, что изъ разныхъ популярныхъ книжекъ и газетъ наслушались и нахватались самыхъ крайнихъ отрицательныхъ мнѣній и убѣжденій; имъ имя легионъ. Не менѣе этихъ, прямо таки нуждающихся въ такомъ убѣжденномъ и авторитетномъ словѣ, къ числу желанныхъ читателей разсмотрѣнной книги нужно отнести далѣе нашу учащуюся молодежь, особенно старшихъ классовъ средней школы. Большимъ подспорьемъ въ проповѣднической вѣбogosлужебной дѣятельности можетъ служить разсмотрѣнная книга и для пастырей Церкви, особенно городскихскихъ.—Въ виду всего этого нужно признать желательнымъ, чтобы разсмотрѣнная книжка издана была не въ сотняхъ только экземпляровъ, а въ десяткахъ тысячъ и напечатанная экономически пущена была на рынокъ для самаго широкаго распространенія.

Этими благопожеланіями, обращаемыми нами прежде всего къ самому высокопреосвященному автору книги, мы и заканчиваемъ свою рѣчь объ ней.

Московскій Митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель. Н. В. Лысогорскій. Ростовъ на Дону 1905 г. Цѣна 4 р. 25 к.

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе на недавно появившееся въ печати сочиненіе, заглавіе котораго нами выписано. Оно изслѣдуетъ противораскольническую дѣятельность одного изъ величайшихъ русскихъ іерарховъ, Московскаго Митрополита Платона и касается одного изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ исторіи нашего старообрядчества.

О Митрополитѣ Платонѣ сами старообрядцы отзывались, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ. «А о Преосвященномъ Платонѣ доношу, что не туне о немъ слава, но политичный сего свѣта кавалеръ», писалъ одинъ изъ нихъ своимъ единомышленникамъ. Глубокій, разносторонній умъ этого архипастыря и необыкновенное благородство его любвеобильнаго и просвѣщеннаго духа привлекали къ нему даже людей, мало склонныхъ быть къ нему расположенными. Указанныя свойства личности Платона всецѣло отражались и на его противораскольнической дѣятельности. Поэтому неудивительно, что съ именемъ Платона связалось то широкое идейное движеніе въ нашемъ старообрядчествѣ конца 18-го вѣка, которое въ концѣ концовъ разрѣшилось учрежденіемъ единоувѣрія.

Отличительными чертами работы г. Лысогорскаго являются его полная оригинальность и независимость отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ и установившихся въ наукѣ положеній. Онъ ничего не принимаетъ на вѣру и устанавливаетъ свои сужденія лишь на почвѣ незыблемыхъ историческихъ данныхъ. Отсюда его стремленіе работать исключительно по первоисточникамъ. При весьма малой обслѣдованности избранной области, г. Лысогорскому большую часть матеріаловъ приходилось доставать вполне самостоятельно, по ничтожнымъ крупицамъ, извлекая ихъ съ громадными усилиями и часто небольшими результатами изъ многочисленныхъ архивныхъ рукописныхъ хранилищъ. Для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе объ объемѣ этой работы, приведемъ списокъ тѣхъ архивовъ и библиотекъ, на *рукописи* которыхъ есть ссылки въ сочиненіи. Авторъ занимался: въ Архивахъ Тверской и Московской Духовныхъ Консисторій, въ Архивѣ Святѣйшаго Синода и Архивѣ Новгородскихъ Митрополитовъ, въ Московскомъ Губернскомъ Архивѣ, въ С.-Петербургскомъ Главномъ и Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Московскомъ Отдѣлѣ Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора, въ Императорской публичной Библиотекѣ, въ Тверскомъ и Румянцевскомъ Музеяхъ, въ Архивѣ

Министерства Внутренних Дѣлъ, въ Архивѣ Московской Единовѣрческой церкви, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ библиотекахъ—Черниговской и Виѣанской Духовныхъ Семинарій, Кіевской и Московской Духовныхъ Академій, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и въ Архивѣ Московской Синодальной конторы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для этихъ занятій, какъ извѣстно, требуется разрѣшеніе министровъ (напр. Внутреннихъ Дѣлъ и Императорскаго Двора), а въ одномъ даже Высочайшее разрѣшеніе. Очевидно, авторомъ проявлена была выдающаяся энергія и потрачена масса усилій при одномъ только собираніи нужнаго ему матеріала.

Матеріаль этотъ авторъ изслѣдуетъ тщательно и всесторонне, такъ что заставляетъ читателя невольно согласиться съ силою и убѣдительностію его доводовъ. Его сочиненіе проливаетъ яркій свѣтъ и на личность самого митр. Платона и на основные принципы его дѣятельности. Оно подробно разработываетъ приемы борьбы съ расколомъ и воспроизводитъ массу характерныхъ историческихъ деталей, какъ обстановку и условія тогдашняго церковнаго быта. Оно даетъ много новыхъ свѣдѣній даже въ такихъ областяхъ, которыя не соприкасаются непосредственно съ его главнымъ предметомъ, какова, на примѣръ исторія кладбищъ Рогожскаго и Преображенскаго. Наконецъ и это главное—оно съ такою исчерпывающею полнотою, тщательностію и подробностію трактуетъ вопросъ объ учрежденіи единовѣрія, что не оставляетъ уже болѣе никакихъ недоумѣній относительно причинъ, идейныхъ основъ и границъ этого любопытнаго историческаго явленія.

Помѣщенные авторомъ въ качества приложенія подлинныя письма, документы и планы, болѣею частію нигдѣ не изданныя, еще болѣе увеличиваютъ достоинство книги. Нельзя не благодарить автора за ихъ опубликованіе тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, уже очень многіе документы той эпохи погибли безслѣдно, благодаря преступной небрежности или злонамѣренности и притомъ въ сравнительно недавнее время.

Мы считаемъ появленіе въ печати монографіи г. Лысогорскаго какъ нельзя болѣе своевременнымъ по условіямъ переживаемаго нами момента. Со страницъ его книги вѣетъ на читателя Платоновскій духъ любви и терпимости въ отношеніи къ заблуждающимся; побыть подъ обаяніемъ этого духа, познакомиться детально съ противораскольнической дѣятельностію этого выдающагося пастыря особенно полезно теперь, когда (послѣ изданія Высочайшаго указа о вѣротерпимости) жизнь ко всякому церковному дѣятелю предъявляетъ запросы. Именно Митрополитъ Платонъ, и теоретически раскрывшій основы этихъ отношеній и

практически осуществившей ихъ въ условіяхъ своего времени, можетъ дать въ этой области всякому какъ вдохновеніе, такъ и рядъ цѣнныхъ практическихъ указаній.

А съ другой стороны въ наши дни снова требуетъ къ себѣ вниманія единовѣрческой вопросъ. Въ обществѣ и печати циркулируютъ слухи о начавшемся движеніи среди Петербургскихъ и Московскихъ единовѣрцевъ, о ихъ желаніи имѣть собственнаго епископа и т. п. Въ рѣшеніи вопросовъ о единовѣрціи, конечно, необходимо стоять на твердой исторической основѣ, на почвѣ первоначально-единовѣрческихъ фактовъ и соображеній, а ихъ прекрасно освѣщенными и даетъ книга г. Лысогорскаго. Опубликованные имъ подлинныя документы по возникновенію единовѣрціи являются теперь какъ нельзя болѣе кстати.

Желаемъ книгѣ самаго широкаго распространенія. Цѣну ея, принимая во вниманіе помѣщенные въ ней рисунки и планы, нужно признать недорогою. Изданіе весьма тщательное.

* *

*

I) Сибирскія Церкви и школы фонда имени Императора Александра III къ 1 января 1903 и 4 гг. С.-Петербургъ 1903 г. 96 страницъ. II) Современное состояніе, задачи и нужды православнаго инородческаго миссіонерства въ Сибири. Архимандрита Діонисія. Изданіе второе. Москва 1905 г. 135 страницъ.

Фондъ имени Императора Александра III-го, съ Божіею помощію, очень успѣшно осуществляетъ свою просвѣтительную дѣятельность по отношенію къ нашимъ далекимъ окраинамъ, при высокомиловидныхъ попеченіяхъ Особъ Царствующаго Дома. Государственная Власть, проникнутая стремленіями своего равноапостольнаго предка, крестителя Руси, въ своихъ заботахъ о насажденіи въ Сибири истинной вѣры и благочестія, обращаетъ особое вниманіе на это святое дѣло и, конечно, таковое Монаршее вниманіе въ высшей степени благотворно вліяетъ на успѣшный ходъ и развитіе дѣятельности Фонда; а дѣятельность эта имѣетъ большую важность какъ для Сибири, такъ и вообще для Россіи, въ цѣляхъ колонизаціи и обрусѣнія этой части страны, имѣющей несомнѣнно громадную будущность. Въ особенности усиленная постройка церквей и школъ важна въ двухъ отношеніяхъ, въ вопросѣ переселенческомъ и миссіонерскомъ. Для обитателей центральной Россіи, движеніе которыхъ въ Сибирь, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе увеличивается, храмы составляютъ предметъ первѣйшей необходимости, а особенно для сельскаго населенія, какъ болѣе вѣрующаго и религіознаго. Оторванные отъ родины, при

вычной обстановки своего родного храма, съ которымъ у нашего крестьянина, какъ извѣстно, связано слишкомъ много дорогихъ воспоминаній, проникающихъ всю его жизнь, переселенцы ощущаютъ живѣйшую потребность въ храмѣ Божіемъ,—этомъ свѣтломъ пріютѣ для скорбящихъ, ищущихъ утѣшенія въ особенности на первое время. Вдали отъ родины, въ глухой тайгѣ они ощущаютъ и матеріальный недостатокъ и, главнымъ образомъ, нравственныя скорби и уныніе, для успокоенія которыхъ нужна и служба Божія и пастырь добрый, вселяющій силой слова Христова бодрость духа въ паствѣ своей, отеческимъ наставленіемъ укрѣпляющій силы и врачующій горе и уныніе. Это одна причина необходимости увеличенія числа храмовъ. Другая, не менѣе важная, заключается въ миссіонерской дѣятельности по отношенію къ инородцамъ—язычникамъ, буддистамъ и магометанамъ. Эти овцы стада Христова, «которыя» не сего двора и которыхъ надлежитъ привести, уже уловляются мрежею слова апостольскаго, но еще не такъ успѣшно, и движеніе русскихъ людей въ Сибирь должно распространять свѣтъ Христовъ и просвѣщать народы, «сѣдѣющіе во тьмѣ и сѣни смертнѣй» въ чемъ и заключается историческая миссія русскаго народа. Такимъ образомъ, крестъ храма Христова, сіяющій въ глухой тѣсной тайгѣ, служить какъ бы, путеводнымъ огонькомъ и убѣжищемъ и для русскихъ и для инородцевъ, идущихъ отъ мрака невѣрія къ свѣту истинной вѣры, въ Церковь Христову.

Эти соображенія о значеніи дѣла построенія въ Сибири храмовъ и школъ ясно указываютъ, какой интересъ имѣетъ книга, заглавіе которой выписано нами въ началѣ. Отмѣтить стоитъ, что говорится въ ней о результатахъ дѣятельности комисіи по постройкѣ сибирскихъ храмовъ и школъ.

По 1 января 1903 г. на приходъ Фонда было записано 1.658,943 р. 62¹/₄ коп., израсходовано по 1 января 1903 года 1645, 406 руб. 66 коп. и на лицо къ янв. 1903 г. состояло 13,536 р. 96¹/₄ коп. Къ 1 января 1904 года общія суммы фонда составляли 1.873,453 р. 29 коп. Въ этомъ числѣ находились пособія отъ казны въ суммѣ 200000 руб. затѣмъ 21000 пожертвована Государемъ Императоромъ, а также дары вещами и иконами Государынѣ Императрицѣ. Въ Фондъ много жертвовали разные благотворители, какъ напримѣръ, лавры, монастыри, іерархи, а также гг. Терещенко, И. А. Колесниковъ, В. Б. Спиридонова, по завѣщаніямъ Бенардаки и мн. друг. «На собранныя средства въ настоящее время выстроено 176 церквей, значительная часть коихъ сооружена исключительно на деньги фонда; лишь нѣкоторыя изъ нихъ строились на мѣстныя средства, усердіемъ самихъ переселенцевъ и служащихъ на сибирской желѣзной дорогѣ съ болѣе, или менѣе значительнымъ пособіемъ изъ фонда.

Изъ числа этихъ церквей — 20 каменныхъ, изъ коихъ двѣ, на главныхъ станціяхъ дороги въ Петропавловскѣ и Омскѣ, выдаются своей красотой, напоминая скорѣе соборы, чѣмъ станціонныя церкви. Деревянныхъ церквей Фонда насчитывается нынѣ 156. Стиль и планы храмовъ были предоставлены извѣстному усмотрѣнію строителей; поэтому они не однообразны, не шаблонны, а разныхъ стилей, начиная отъ подражанія церквамъ XV столѣтія и кончая современными, что можно видѣть на приложенныхъ къ отчету фотографическихъ снимкахъ. Кромѣ упомянутыхъ 176 церквей, находятся въ постройкѣ еще 38, изъ коихъ 24 начаты въ 1903 году. При церквахъ, частью на средства Фонда, частью на мѣстныя, а также на суммы Министерства Народнаго Просвѣщенія сооружены 184 школы и сооружается еще 37. Нѣкоторыя школы выстроены въ селеніяхъ, гдѣ даже еще нѣтъ церквей; учащихся обоого пола больше 8000 человекъ. Однако нужды въ храмахъ и школахъ далеко еще не удовлетворены и для окончательнаго успѣха требуется не менѣе 200 новыхъ церквей и 800 школъ». Само собой разумѣется, что вся надежда Фонда на щедрость благотворителей, которыхъ такъ много на святой Руси и чуткая отзывчивость которыхъ къ Божьему дѣлу, помогла такъ усердно созиданію церквей для укрѣпленія и распространенія вѣры Христовой въ Сибири.

Въ очень близкой связи съ дѣломъ построенія церквей и школъ въ Сибири стоитъ просвѣщеніе сибирскихъ инородцевъ свѣтомъ христіанства. Выше названная книга архимандрита Діонисія, вышедшая вторымъ изданіемъ, чрезвычайно обстоятельно разбираетъ этотъ вопросъ. Авторъ начинаетъ историческимъ очеркомъ насажденія православной вѣры въ Сибири и, надо ему отдать справедливость, полнота свѣдѣній этого отдѣла не оставляетъ желать большаго. Далѣе онъ переходитъ къ подробному описанію современнаго положенія миссіонерства. Для этого онъ пользуется официальными данными, отчетами миссій, свѣдѣніями Епархіальныхъ вѣдомостей¹⁾, извѣстіями Миссіонерскаго общества, напр. «Православнымъ Благовѣстникомъ» и друг., а также частными записками и дневниками миссіонеровъ, благодаря которымъ онъ придаетъ живость и иллюстрируетъ свои сообщенія, изложенныя, вообще, очень сжатымъ, краткимъ, но интереснымъ языкомъ. Онъ очень ярко описываетъ условія проповѣди, характеръ дѣятельности миссіонеровъ, способы, виды и приемы наиболѣе успѣшнаго воздѣйствія проповѣдниковъ на обращаемихъ ими инородцевъ и отношеніе тѣхъ и другихъ между собой.

¹⁾ Ко стр. Епар. Вѣд. 1904 г.

Въ тоже время авторъ не упускаетъ изъ вида и неблагоприятныя условія, служащая препятствіемъ къ успѣшной проповѣди. Главныя изъ нихъ, по его мнѣнію, суть большія пространства Сибири, бездорожье, кочевая жизнь инородцевъ съ одной стороны, и малое количество миссіонеровъ (100 человекъ) съ другой. Кромѣ того, черезчуръ большія послабленія инородческимъ жрецамъ, особенно буддистамъ, и въ тоже время сравнительно приниженное положеніе нашего духовенства, естественно не могутъ содѣйствовать сильному распространенію вѣры. Результатомъ проповѣднической дѣятельности миссіонеровъ является 5000 человекъ крещенныхъ инородцевъ разныхъ вѣръ, изъ общаго двухъ-милліоннаго числа ихъ. Средствами для усиленія, развитія и улучшенія миссіонерскаго дѣла, по мнѣнію о. Діонисія, могутъ быть прежде всего увеличеніе числа миссіонеровъ, умноженіе миссіонерскихъ пунктовъ; затѣмъ важное значеніе имѣетъ усиленіе переводческой дѣятельности для того, чтобъ дать возможность инородцамъ читать и понимать священныя, богослужебныя и вѣро—и нраво учительныя христіанскія книги на ихъ родномъ языкѣ. Переводческая дѣятельность уже давно приноситъ неоцѣнимую пользу при наученіи инородцевъ вѣрѣ Христовой, но изъ 9 сибирскихъ миссій (Обдорской, Алтайской, Киргизской, Енисейской, Иркутской, Забайкальской, Чукотской, Благовѣщенской и Владивостокской) только въ одной алтайской обращено должное вниманіе на важность переводовъ.

Наконѣцъ, «христіанское просвѣщеніе сибирскихъ инородцевъ должно стать дѣломъ обще русскимъ, народнымъ»²⁾. Въ этомъ, какъ мы уже выше сказали, и заключается великая историческая миссія русскаго народа, завѣщанная равноапостольнымъ Просвѣтителемъ Руси. Но какой же способъ будетъ болѣе всего благотворнымъ и полезнымъ для осуществленія этой святой задачи, какъ не распространеніе по всему далекому необъятному пространству Азіатской Россіи возможно большаго числа храмовъ Божіихъ? Такимъ образомъ дѣло построенія храмовъ и школъ и миссіонерская проповѣдь инородцамъ Сибири неразрывно близки между собою. Отъ развитія одного зависитъ успѣшный ходъ другого.

Да поможетъ Господь этому великому и важному дѣлу! Дай Богъ, чтобъ щедрая, до сихъ поръ, рука дающихъ на построеніе сибирскихъ храмовъ не оскудѣвала и впредь, такъ какъ кромѣ духовной пользы и утѣшенія отъ нихъ братьямъ нашимъ единовѣрцамъ, великую помощь окажутъ эти храмы и «тѣмъ овцамъ, которыхъ подобаетъ привести», чтобъ было едино стадо вѣрующихъ въ Творца всѣхъ, Добраго Пастыря, Иисуса Христа.

М. Веретенниковъ.

²⁾ Стр. 133.

**Голосъ народа. Священника Петра Полякова. СПБ.
1905 г. Цѣна 50 коп.**

Въ послѣднее время все больше и больше церковно-религіозныя идеи начинаютъ проводить въ литературѣ, пользуясь формой беллетристики. Иногда подобнаго рода бытовые рассказы скрываютъ подъ внѣшней формой взгляды, которые далеко отступаютъ отъ истинно православнаго церковнаго направленія, а въ другихъ болѣе счастливыхъ случаяхъ такіе рассказы всецѣло проникнуты духомъ церковности и православія. Тѣ и другіе въ силу удобопріемлемости своей формы особенно жизненны и дѣйственны; потому-то насколько не желательны перваго рода произведенія, на столько должны быть желанны— послѣднія. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ и лежащая сейчасъ предъ нами небольшая книжка (196 стр.) о. Полякова, озаглавленная: „Голосъ народа“, Имя автора извѣстно уже читателямъ нашего журнала, по отзыву г. Денисова о другомъ сборникѣ его рассказовъ: «Подъ сѣнію благодати». И настоящая книжка отличается тѣмъ же характеромъ...

Прежде всего, чрезвычайно симпатична идея, которую имѣетъ такое заглавіе и которая въ предисловіи разъясняется такими между прочимъ словами: «не худо къ молвѣ народной прислушиваться. Гласъ народа—гласъ Божій. Русский народъ зря рта не откроетъ; за то и правду не скроетъ».

Всѣхъ рассказовъ въ книжкѣ 20; вотъ заглавія ихъ: «Мало ученья. Новые просвѣтители. Весна идетъ. Заморщина. Безприходные. Общественная язва. Благодѣтели. Словомъ и дѣломъ. Великое дѣло. Пора позоръ снять. Мнѣніе бабы. Во тѣмѣ. Подъ крыло. Молоко и просвѣщенье. Соединеніе. Интеллигенція и церковь. Евангеліе безъ Церкви. Листва осыпается. Пробудились. Голосъ народа». Уже по этимъ заглавіямъ, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ изъ нихъ можно гадать не только о главномъ предметѣ рассказовъ, а и о характерѣ и о направленіи ихъ.

Мы не можемъ познакомить читателей съ содержаніемъ всѣхъ ихъ; отмѣтимъ важнѣйшіе. Возьмемъ хоть первый рассказъ «мало ученья». Здѣсь выведенъ простой рабочій, который жалѣетъ о томъ, что ему слишкомъ мало разъяснены истины вѣры; наряду съ этимъ высказываются мысли о томъ, чѣмъ долженъ быть приходскій священникъ для своей паствы. Вообще, что касается пастырской дѣятельности священника на приходѣ, то у о. Полякова въ его рассказахъ проводятся самые трезвые и вѣрные взгляды. Авторъ стоитъ за оживленіе и сердечность взаимныхъ отношеній пастырей и пасомыхъ. Въ рассказѣ „Новые Просвѣтители“, выражается мысль объ отрицательномъ отношеніи массы

простого русскаго народа къ «новымъ» учителямъ, идущимъ съ своей лжеименной мудростью противъ всѣхъ коренныхъ основъ и вѣрованій русскаго народа. Въ нѣкоторыхъ разказахъ описывается взглядъ народа на устраиваемыя духовенствомъ просвѣтительныя чтенія, приходскія попечительства и т. п. Видно, что всѣ эти благія начинанія пришли ему по-сердцу и онъ относится къ нимъ съ глубокимъ сочувствіемъ. Выведены также о. Поляковымъ и типы босяковъ, (въ разказѣ «Безприходные»); но. Боже мой, какъ далеки эти несчастные, раскаивающіеся люди, сознавшіе свои пороки и съ любовью стремящіеся на лоно Матери— Церкви, отъ гордыхъ, отрицающихъ все и вся героевъ «со дна» Горькаго!.. Язвы нашей деревни, пьянство и кулачество также изображены авторомъ въ яркихъ краскахъ и одни изъ симпатичнѣйшихъ разказовъ книги— тѣ, гдѣ говорится о С-Петербургскомъ обществѣ Трезвости («Великое дѣло»), и другіе; авторъ описываетъ также и ненормальность матеріальнаго положенія сельскаго духовенства и предлагаетъ устами одного изъ земскихъ дѣятелей весьма симпатичную вещь о награжденіи духовенства земствомъ, но конечно эта прекрасная идея врядъ ли когда-либо осуществится («Общественная язва»). Наболѣе характерные разказы «Интеллигенція и Церковь» и «Евангеліе безъ Церкви»; въ нихъ устами одного изъ представителей благомыслящей интеллигенціи, не опошленной еще никакими западническими тенденціями, живо и наглядно выясняется, что Евангеліе Христово въ истинномъ свѣтѣ можно познать только въ Церкви, какъ носительницѣ апостольскаго преданія и что оттого наши интеллигенты и заблуждаются, — никакъ истины не могутъ найти, что ушли изъ Церкви.

Въ нѣкоторыхъ разказахъ затрогивается вопросъ и о перемѣнѣ въ строѣ общественно-государственной жизни, но перемѣны эти, по мнѣнію героевъ послѣдняго разказа («Голосъ народа») — простыхъ каменьщиковъ, могутъ совершиться не иначе, какъ съ сохраненіемъ вѣковыхъ неизблемыхъ устоевъ русской народной жизни: «православія, самодержавія и народности.

Въ общемъ, всѣ разказы о. Полякова написаны очень литературнымъ языкомъ и легко; съ большимъ интересомъ читаются. Книжка о. Полякова можетъ послужить весьма назидательнымъ чтеніемъ для простого народа, и особенно въ сельскихъ народныхъ школахъ. Она издана очень изящно; четкій шрифтъ и недорогая цѣна (50 коп.) дѣлаютъ ее доступной для всѣхъ.

М. В—въ.

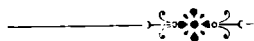
Годъ VII.—Книга 8.

ЦѢРА И ЦЕРКОВЬ

ДУХОВНЫЙ

БОГОСЛОВСКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ

1905.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всеволожскій пер., д. военнаго вѣдомства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	<i>Стран.</i>
Въ покаяніи и молитвѣ спасеніе. Прот. о. Іоанна Ильича Сергіева. (Кронштадскаго)	329
Уроки исторіи. К. Перевозникова	332
Значеніе вѣры въ области научнаго знанія. І. А.	341
Пріобрѣтеніе духовнаго совершенства, какъ задача и благо личной жизни по христіанской и обще-философской морали. П. Борисовскій.	376
Жизнь во снѣ и ея нравственное значеніе. В. К. Недзвецкій.	395

ОТДѢЛЪ II.

Къ вопросу о причинахъ упадка пастырскаго духа въ современномъ нашемъ духовенствѣ. П. И. Козицкаго	407
Изъ исторіи духовнаго обновленія одной души. Л. Оль	423
Памяти учителя о. Прот. Андрея Григорьевича Полотебнова. Прот. І. Соловьева	449

БИБЛЮГРАФІЯ.

- Фридрихъ Ницше Антихристъ въ новѣйшей философіи. И. С.— Учебно-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіевской духовной академіи. Л. И. Денисова.—Профессоръ Т. Буткевичъ. О вѣротерпимости въ Россіи. Л. Д.—И. В. Преображенскій. Церковная реформа. Н. Е. Реформаторъ, —Протоіерей Н. Русановъ. Церковная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ, изложенная по жизнеописаніямъ великихъ свѣтилъ православія. Л. Д.—Слово плоть бысть. Священная исторія Новаго Завѣта. Текстъ иллюстрированный. Д-на Н. Кедрова. П. І. С.—Нравственно-христіанское ученіе. П. І. С.— Михаилъ Феодоровичъ Грачевъ, бывшій членъ общества хуруженосцевъ Московскаго Большаго Успенскаго Собора и извѣстный народный дѣятель М. Веретенниковъ.
- Новыя книги.
Объявленія.

ОТДѢЛЪ I.

ВЪ ПОКАЯНІИ И МОЛИТВѢ СПАСЕНІЕ ¹⁾.

Два дня предстоитъ въ церкви, и съ лики святыхъ невидимо за ны молится Богу: Ангели со архіереи покланяются, апостоли же со пророки ликуютъ: насъ бо ради молитъ Богородица претъчнаго Бога. (Кондакъ праздника).

Какое святое, божественное, прерадостное зрѣлище открылъ Богъ нѣкогда просвѣщеннымъ святостію жизни сердечнымъ очамъ двухъ праведниковъ,—а при устахъ двухъ или трехъ свидѣтелей твердо всякое свидѣтельство,—увидѣвшихъ въ сводахъ величественнаго Влахернскаго храма, какъ солнце сіяющую Богородицу, Царицу неба и земли съ архангельскимъ множествомъ и съ ликами всѣхъ святыхъ, молящуюся Богу и простирающую Свой блистающій омофоръ надъ множествомъ молящихся людей! Какую отраду, надежду и радость поселило это видѣніе въ сердцахъ всѣхъ, бывшихъ въ храмѣ, когда съ быстротою молніи эта радостная вѣсть облетѣла ихъ! Какая глубокая истина и дѣйствительная помощь открылась вскорѣ послѣ чудеснаго явленія! Ибо градъ Константина Великаго, осажденный сарацинами, былъ избавленъ отъ враговъ не мечемъ и копьемъ, а силою Божественною, и враги обратились въ бѣгство, устрашенные небесною силою, оставивъ весь лагерь свой осажденнымъ. Вотъ какой дивный, спасительный покровъ Бого-Матери церковь нынѣ празднуетъ!

Но, видно люди тогда достойны были этого небеснаго защищенія и покрова. Говорю, достойны—потому что, по

---

¹⁾ Слово, произнесенное 1-го октября 1905 г. въ Кронштадтскомъ Андреевскомъ Соборѣ.

свидѣтельству церковной исторіи, тогда молитва была всеобщая, единодушная, горячая, въ присутствіи царя и царицы, синклита, народа и двухъ великихъ праведниковъ— Андрея и ученика его.

Мы были нынѣ въ не менѣе тяжелыхъ обстоятельствахъ военныхъ, но не получили небесной, всесильной помощи по грѣхамъ нашимъ тяжкимъ, превзошедшимъ всякую мѣру, всякое описаніе. И мы всюду потерпѣли поражение или сами добровольно отдались въ плѣнъ со своими кораблями, людьми и запасами на морѣ и на сушѣ (крѣпость Портъ-Артуръ), оттого, что не достало у насъ вѣры, мужества, вѣрности долгу, но за то достаточно было увѣренности въ безнаказанности и оправданіи на судѣ! Нѣкоторыми командующими господами на морѣ руководило еще при этомъ принятое убѣжденіе извѣстнаго писателя Льва Толстого *непротивленія злу*. Эти предатели измѣнили и вѣрѣ, и царю, и отечеству, и если бы только въ ихъ рукахъ была наша судьба, мы преданы были бы всѣ со всѣмъ нашимъ дорогимъ достояніемъ.

Слава Богу, что въ запасѣ были еще вѣрныя войска съ ихъ вождами, оставшимися вѣрными долгу. Какая же небесная помощь могла быть подана при нашемъ безвѣріи, неподготовленности, малодушіи, при небреженіи государственнымъ достояніемъ, при существовавшей въ нѣкоторыхъ военныхъ людяхъ нравственной и дисциплинарной распущенности, доказанной на дѣлѣ! Мы били сами себя, и только горячая молитва церкви дала намъ миръ, не всѣмъ постыдный.

Чтобы заслужить небесную помощь въ тяжелыхъ обстоятельствахъ отечества, нужна твердая вѣра въ божественную помощь,—а главное покаяніе въ грѣхахъ, вызвавшихъ гнѣвъ Божій на Россію,—исправленіе нравовъ, а не усиленіе пороковъ во время самаго разгара войны. Праведное небо не можетъ быть въ общеніи съ человѣческими неправдами. *Какое можетъ быть общеніе свѣта со тьмою, правды съ беззаконіемъ,—Христа съ сатаною?* (2 Коринѣ. 8, 15). Какого только еще не сдѣлали зла русскіе люди, и въ Россіи живущіе? Какими еще не растлили себя грѣхами? Все, все сдѣлали и дѣлаютъ, что подвигаетъ на насъ праведный гнѣвъ Божій: и явное безвѣріе и богохульство, отверженіе

всякихъ истинныхъ началъ вѣры, развратъ, пьянство, всякія увеселенія вмѣсто того, чтобы облечься въ трауръ общественнаго покаянія и печали о грѣхахъ, прогнѣвляющихъ Бога,—неповиновеніе начальству, непонятная автономія, обезпечивающая всѣмъ полную разнузданность и неповиновеніе начальству, своевольная, вредная для всѣхъ забастовка, полная анархія.

Отъ Бога отступили мы; и Богъ отъ насъ отступилъ. Отвергли мы волю Божию, живемъ по своей волѣ—и скоро увидимъ, къ чему она приведетъ или привела уже. *Если другъ друга угрызаете и снѣдаете*, говоритъ слово Божіе, *то берегитесь, чтобы вы не истребили другъ друга.* (Гал. 5, 15).

Какого же покровительства неба ждать намъ, когда мы сами отвратились отъ Бога? Если не покаемся и не исправимся, мы будемъ оставлены Богомъ. *Се оставляетъ домъ вашъ пустъ* (Мѣ. 23, 38), говоритъ Господь. Но, да не будетъ этого. Еще есть вѣрные и избранные въ Россіи праведники, какъ нѣкогда были въ царствующемъ градѣ св. Андрей съ Епифаніемъ и другіе. Аминь.

Александръ Јулиевъ Сергѣевъ

УРОКИ ИСТОРИИ.

Слово благовѣствованія плодоносно и растимо (Колос. 1, 5—6).

У каждаго дѣлателя на нивѣ Христовой, какъ бы ни была горяча его вѣра въ силу добра, бываютъ иногда минуты сердечной туги, минуты угнетенія и тяжелаго раздумья. Мысль о томъ, что «жатвы много, а дѣлателей мало», что «врагъ-человѣкъ» «человѣкомъ спящимъ» обильною рукою сѣетъ среди добраго сѣмени плевелы зла и пороковъ, что терніе и волчцы заглушаютъ и незначительную часть взошедшаго добраго зерна, тяжелымъ гнетомъ ложится на душу. Невольно сжимается сердце, невольнo омрачается чело и изъ глубины скорбящаго духа, противъ воли просится вопросъ: «Господи, гдѣ же обѣтованіе пришествія Твоего? Гдѣ то свѣтлое благодатное царство Твое, котораго мы просимъ ежедневно въ молитвѣ? Двѣ тысячи почти лѣтъ сѣется сѣмя на полѣ Твоемъ, двѣ тысячи лѣтъ многочисленныя сѣятели его въ потѣ лица обрабатываютъ неблагодарную почву человѣчества, а она попрежнему производитъ терніе, попрежнему обнаруживаетъ воспримчивость къ плевеламъ и остается глухою ко всякому добру. Зло и пороки ширятся и растутъ, грѣховныя волны силятся затопить весь міръ своею скверною, а свѣточъ добра попрежнему едва мерцаетъ... Неужели же надвигающаяся мрачная ночь грѣха совершенно затмитъ свѣтъ евангельской истины? Нужно много сердечнаго огня, чтобы растопить ледъ и разсѣять безпросвѣтную тьму этихъ тяжелыхъ сомнѣній.

Но основательны ли въ существѣ своемъ эти столь распространеныя въ наше время сомнѣнія? Дѣйствительно ли, какъ думаютъ многіе, ученіе Христово не въ состояніи исправить человѣческую жизнь? Значитъ ли это, что сила

евангельской истины ослабѣла, что христіанство, какъ любить выражаться враги его, отжило свой вѣкъ? Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ безпристрастная свидѣтельница человѣческой жизни—исторія.

Она показываетъ, что замѣчаемое нынѣ пониженіе нравственности—явленіе временное. Усвоеніе христіанскаго ученія никогда не шло прямымъ и непрерывнымъ путемъ: въ такомъ ходѣ не было бы мѣста свободѣ чловѣка. Оно, какъ и всякое вообще развитіе чловѣчества, совершалось порывами: то усиливалось, то ослабѣвало. Въ немъ замѣчались эпохи упадка и эпохи подъема; ясно выступало періодическое пониженіе и повышеніе. Въ иные моменты исторіи, къ какимъ относятся, напримѣръ времена феодализма, упадка Византіи и многіе другіе періоды, возвышенное христіанское ученіе какъ будто совершенно теряло свою руководящую роль въ жизни, и люди шли своею дорогою, какъ бы не нуждаясь въ небѣ, совершенно забывъ о немъ. Но вслѣдъ за тѣмъ наступали инныя эпохи, которыя можно назвать эпохами возрожденія. Онѣ представляли собою прямую противоположность первымъ. Христіанскія начала нравственности не только признавались единственнымъ руководствомъ жизни, но и полагались въ основу дѣятельности, осуществлялись.

Соотвѣтственно этимъ приливамъ и отливамъ христіанской нравственности, мѣнялось и настроеніе чловѣчества, оживлялась или ослабѣвала въ немъ вѣра въ торжество истины и добра. Въ періоды нравственнаго пробужденія сердца вѣрующихъ загорались надеждою на обновленіе чловѣчества, ожидалось скорое наступленіе мира и благоденствія; въ періоды упадка вѣра смѣнялась разочарованіемъ, сомнѣніями и даже безнадежностію.

Начало этой послѣдовательной смѣны настроеній относится къ самымъ первоначальнымъ временамъ христіанской исторіи. Уже изъ устъ первыхъ послѣдователей ученія Христова, пробудившаго въ нихъ надежду на наступленіе давно ожидаемаго чловѣчествомъ золотого вѣка, сразу по Воскресеніи Христовомъ, послышался робкій вопросъ: *«Господи, не въ это ли мѣто устрояешь царство Израилево?»* Отвѣтъ Господа: *«не дано вамъ разумѣть времена и мѣта: ихъ Господь положилъ въ Своей власти»*, не поколебаль въ

нихъ этой надежды. Она не ослабѣвала втеченіе всего времени первыхъ столѣтій; она служила тою могучею непобѣдимой силой, о которую сломилось въ концѣ концовъ ожесточеніе и упорство языческаго міра.

Но вотъ наступило страшное время, когда эта сила, казалось, ослабѣла. Христіанскій міръ подвергся нашествію дикихъ выходцевъ изъ Азіи. Римъ взятъ и разрушенъ Аларихомъ. Всѣ были поражены невыразимымъ ужасомъ. Въ души вѣрующихъ закрались тяжелыя сомнѣнія: что же христіанство? гдѣ сила его? гдѣ спасеніе? А озлобленные язычники съ злораднымъ торжествомъ твердили, что всѣ постигшія Римскую имперію бѣдствія произошли отъ новой религіи.

Чтобы разсѣять эти мрачныя сомнѣнія, понадобилась вся сила краснорѣчія и убѣдительности бл. Августина, выступившаго противъ нихъ съ своею одушевленною книгою «О градѣ Божіемъ».

Съ тѣхъ поръ прошло много вѣковъ, и тотъ же самый вопросъ, тѣ же сомнѣнія возникаютъ всякій разъ, когда начнетъ усиливаться насиліе и развратъ общественный. И каждый разъ люди исправно забываютъ, что «не дано имъ разумѣть времена и лѣта», что «Господь положилъ ихъ въ Своей власти», ропщутъ на то, что время обновленія міра не наступаетъ.

Сомнѣнія растутъ и усиливаются, а ропотъ умножается вслѣдствіе того, что мѣрка, которою оцѣнивается современная дѣйствительность, съ каждымъ новымъ шагомъ нравственнаго развитія человѣчества, все болѣе расширяется. Мы часто приступаемъ къ оцѣнкѣ современнаго намъ нравственнаго состоянія съ точки зрѣнія христіанскаго идеала, ищемъ въ немъ проявленій идеальной любви. Христовой, желаемъ полнаго осуществленія ученія Христова. Но «Христосъ принесъ на землю *заповѣдь* любви и мира, а не *исполненіе* этой заповѣди». Христіанскій идеаль безконечно высокъ и въ полной мѣрѣ неосуществимъ на землѣ, да и въ возможной мѣрѣ осуществляется не вдругъ, а постепенно. Между тѣмъ мы желаемъ иногда, чтобы свѣтъ ученія Христова, подобно быстротекущему потоку, сразу охватывалъ обширныя пространства, озарялъ самыя отдаленныя мѣстности. Мы упускаемъ изъ виду, что всякая сила для

своего проявленія нуждается въ соотвѣтствующей средѣ. Недаромъ божественный Учитель называлъ ученіе Свое сѣменемъ. Рано мечтать объ успѣшномъ произрастаніи сѣмени, пока не подготовлена для него надлежащимъ образомъ соотвѣтствующая почва. Но и посѣянные въ землѣ зерна, прежде чѣмъ дать ростокъ, долгое время скрываются въ нѣдрахъ земли, недоступныя постороннему взгляду наблюдателя. Нуженъ продолжительный періодъ незамѣтной подготовительной работы; нужно, чтобы посѣянное въ землѣ зерно, подъ вліяніемъ дождевой влаги, солнечнаго тепла, набухло, расширилось, размягчилось, чтобы самое ядро сѣмени, его жизненное начало, коснулось земли, согрѣлось ея влажнымъ дыханіемъ и въ немъ получило толчокъ для своего дальнѣйшаго развитія. Какое это сложное, продолжительное и непостижимое дѣло! Много времени необходимо для этого сложнаго процесса и въ томъ случаѣ, если сѣмя попадетъ на добрую землю. Но вѣдь иное сѣмя падаетъ при дорогѣ, и налетаютъ птицы и клюютъ его. Иное падаетъ «на мѣста каменистыя, гдѣ немного земли», скоро всходить, потому что земля не глубока, но, когда появляется солнце, увядаетъ и, какъ не имѣющее корня, засыхаетъ. Иное попадаетъ въ терніе, и вырастаетъ терніе, и заглушаетъ его. Какъ часто наша вѣра колеблется только потому, что *почва*, на которой приходится намъ сѣять, недостаточно подготовлена для того, чтобы быть въ надлежащей степени воспримчивой къ сѣмени добра! Какъ часто мы возгораемся гнѣвомъ и негодованіемъ, при видѣ, что сердца нашихъ слушателей не раскрываются *сразу* для сѣмени! Тогда мы готовы бываемъ, подобно ап. Іакову и Іоанну, низвести огонь съ неба на равнодушныхъ къ небесной истинѣ. И какъ глубоко заблуждаемся мы иногда въ подобныхъ случаяхъ! Вѣдь въ сущности что видимъ мы въ скрытой для насъ душѣ этихъ, на нашъ взглядъ, людей равнодушныхъ? Только то, что сѣмя добра брошено на почву ихъ сердца. Но мы не видимъ той сокровенной внутренней работы, какую произвело въ нихъ паденіе этого сѣмени. Мы желаемъ, чтобы сѣмя взошло, какъ можно, скорѣе. Но забываемъ, что скорѣе всего всходить то сѣмя, которое падаетъ «на мѣста каменистыя, гдѣ немного земли», потому что земля не глубока. Зато оно сразу и увя-

даеть, какъ не имѣющее корня. Чѣмъ глубже въ землю падаетъ сѣмя, тѣмъ болѣе длится періодъ скрытой подготавительной работы въ землѣ; зато чѣмъ сильнѣе и могущественнѣе корни, тѣмъ болѣе силы и соковъ получаетъ зерно. Тоже бываетъ и съ сѣменемъ слова Божія въ сердцѣ человѣка. Тѣ мысли и понятія, которыя скоро воспринимаются, большею частію скользятъ по поверхности души и не имѣютъ ни особенной силы, ни цѣны. «Самыя драгоценныя понятія, какія вмѣщаетъ въ себѣ умъ человѣчскій,—находятся въ самой глубинѣ поля и полумракѣ». Онѣ, какъ зерна, попавъ въ сердце человѣка, часто тѣмъ долѣе не проявляютъ ничѣмъ своего существованія, чѣмъ глубже западаютъ въ душу. Но въ то же время они незамѣтно *творятъ* свое дѣло, таинственно превращаясь подъ вліяніемъ живительной силы благодати въ ростокъ новой духовной жизни, незамѣтно, но существенно *измѣняютъ* жизнь людей *къ лучшему*.

Такъ незамѣтно, но вѣрно дѣйствуетъ закваска, пока не вскиснетъ тѣсто. Такъ медленно таетъ ледъ подъ животворнымъ дыханіемъ тепла весеннихъ лучей солнца. Въ отчужденіи отъ благодати Божіей, въ отдаленіи отъ Бога, сердце человѣка такъ сильно холодѣетъ и мертвѣетъ, что нужны иногда многіе годы, чтобы обнаружилось для посторонняго дѣйствіе на такую зачерствѣлую душу сѣмени истины и добра.

Мы сравниваемъ современную жизнь съ первыми вѣками христіанства, указываемъ въ нихъ свѣтлые образы апостоловъ, поразительные примѣры религіозно-нравственнаго воодушевленія, десятки тысячъ мучениковъ, сонмы подвижниковъ, ряды великихъ пастырей и учителей и съ глубокою скорбію спрашиваемъ себя: гдѣ теперь всѣ эти свѣтильники христіанства? Но, прибѣгая къ этому невыгодному для современности сравненію ея съ давно минувшими вѣками, мы не обращаемъ вниманія на одно очень важное обстоятельство: мы разсматриваемъ времена первобытной церкви Христовой съ слишкомъ далекаго разстоянія и не хотимъ понять, что, чѣмъ дальше мы удаляемся отъ извѣстнаго времени, тѣмъ болѣе оно скрывается отъ насъ въ своихъ низахъ: съ отдаленія намъ видны только высокіе предметы.

Мы по справедливости восхищаемся величественными образами апостоловъ, но забываемъ, что и среди нихъ жилъ и дѣйствовалъ предатель — Іуда. Съ умиленіемъ читаемъ, что «у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа» (Дѣян. 4, 32), что «всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ» (Дѣян. 4, 34—35),—и не помнимъ, что на ряду съ Іосіей, принесшимъ и положившимъ деньги за проданную землю къ ногамъ апостоловъ, въ христіанскомъ обществѣ жили Ананія и Сапфира. (Дѣян. 5, 1—10). Удивляемся ревности пастырей и учителей церкви и не замѣчаемъ, что были и въ вѣкъ апостольскій пастыри, которые «носили имя, будто живы», но были «мертвы» (Апок. 3, 1), которые, будучи «ни холодны, ни горячи», говорили: «я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды» (Апок. 3, 15—17). Поражаемся силою христіанской любви и благотворительности и не видимъ, какъ, по слову ап. Іакова, нѣкоторые христіане «презирали бѣднаго», какъ «богатые притѣсняли и влекли бѣдныхъ въ суды» (Іак. 2, 6), какъ въ средѣ христіанъ появлялись «вражды и распри» (Іак. 4, 1). Восхваляемъ чистоту нравовъ и цѣломудріе, а не вспоминаемъ, что среди коринѣскихъ христіанъ существовалъ кровосмѣсникъ,—что появлялись «нечестивые, обращавшіе благодать Бога нашего въ поводъ къ распутству» (Іуд. 1, 4), «блудодѣйствовавшіе и ходившіе за иною плотію», «осквернявшіе плоть, отвергавшіе начальства и злословившіе высокія власти» (Іуд. 1, 7—8),—что существовали Симоны волхвы и много лжепророковъ (1 Іоан. 4, 1),—что «когда умножились ученики, произошелъ у еллинистовъ ропотъ на евреевъ за то, что вдовицы ихъ пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздаяніи потребностей» (Дѣян. 6, 1),—что было много и другихъ нестроений и неурядицъ, и что Апостолы и ихъ преемники были только отдѣльными могучими свѣтилами, ярко сіявшими среди глубокаго нравственнаго мрака, облегавшаго человѣчество

Если сравнить состояніе человѣчества въ наше время съ тѣмъ, каково оно было въ отдаленные первые вѣка христіанства, то станетъ ясно, какой громадный переворотъ произошелъ въ немъ въ періодъ существованія христіан-

ства, и какъ несправедливы тѣ, которые жалуются на бессиліе христіанской истины переродить людей. Нѣтъ ни одной стороны духовной жизни человѣчества, которой бы не затронуло христіанство, не очистило отъ покрывавшей ее нравственной грязи, не одухотворило, не возвысило. Личная жизнь, семья, общественныя отношенія, государство и его учрежденія,—все это подверглось самому тщательному и коренному преобразованію. Можно съ увѣренностью сказать, что отъ того человѣчества, которое «осуетилось въ умствованіяхъ своихъ», «омрачилось» и «обезумѣло», которое «сквернило самое свое тѣло», «замѣнило истину ложью», «предавалось постыднымъ протівоестественнымъ страстямъ», «дѣлая непотребства», было «исполнено всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія» и множества другихъ пороковъ (Рим. 1, 21—31), осталось почти одно только воспоминаніе. Достаточно указать на одинъ такой фактъ, какъ уничтоженіе рабства, чтобы понять, насколько велико и благотворно было вліяніе христіанскаго ученія. Мы въ настоящее время и представить себѣ не можемъ, до какихъ чудовищныхъ предѣловъ доходило звѣрское отношеніе къ рабамъ. Жизнь этихъ несчастныхъ находилась въ полной зависимости отъ произвола и усмотрѣнія ихъ жестокихъ развращенныхъ господъ. «Къ нимъ ни законъ, ни люди не знали жалости. За малѣйшую провинность несчастныхъ били желѣзными цѣпями, терзали острыми крючьями, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ» и даже лишали жизни. Всѣмъ извѣстенъ случай съ знаменитымъ римскимъ вельможею временъ Августа—Меценатомъ. Этотъ, просвѣщенный въ то время, человѣкъ, гордившійся своимъ покровительствомъ наукамъ и искусствамъ, велѣлъ бросить въ прудъ парка, гдѣ откармливались человѣчьимъ мясомъ рыбы для барскаго стола, раба за то, что онъ, прислуживая за обѣдомъ, неловкимъ движеніемъ руки опрокинулъ хрустальный бокалъ, переломившійся въ ножкѣ.

Мы возмущаемся часто роскошью современной намъ жизни, но роскошь нашихъ богачей—лишь капля въ морѣ по сравненію съ роскошью римскихъ вельможъ и богатыхъ людей. «Одинъ ужинъ этихъ послѣднихъ обходился иногда во 100—150 тысячъ рублей. Бывали кушанья, которыя готовлялись изъ павлиньихъ языковъ или изъ мозговъ по-

пугаевъ. И это 'считалось въ порядкѣ вещей; никто не только не возмущался этимъ, но и не обращалъ вниманія.

А кому не извѣстно, что представлялъ собою знаменитый римскій театръ? Ужасъ охватываетъ душу, когда читаешь описаніе всѣхъ тѣхъ возмутительныхъ безобразій, которыя наполняли его, вызывая восторгъ и восхищеніе его 80 тысячъ зрителей. «Кровь лилась въ этомъ чудовищномъ театрѣ рѣкою, раздавались стоны, злобные крики, а толпа ревѣла отъ восторга; шли споры, кто изъ гладиаторовъ кого побѣдитъ». «Народныя толпы томилась въ невѣжествѣ, рабствѣ и нищетѣ. Объ нихъ никто не думалъ; ихъ не считали даже за людей. Однажды всѣ бойцы были перебиты, а звѣри еще оставались на аренѣ. Тогда императоръ послалъ воиновъ въ ряды зрителей и оттуда похватали десятка два, кого попало, и побросали ихъ звѣрямъ. Другой разъ въ циркѣ должна была бѣжать любимая лошадь государя. Народъ съ вечера толпами тѣснился у цирка, близъ императорскихъ конюшенъ. Императоръ, боясь, чтобы шумъ толпы не потревожилъ покоя его любимаго коня, велѣлъ побросать въ толпу сотни припасенныхъ ядовитыхъ змѣй».

Какъ далеки всѣ эти чудовищныя явленія и ужасы отъ современной намъ дѣйствительности, когда всѣ люди, богатые и бѣдные, знатные и незнатные, просвѣщенные и неучи, правители и подчиненные, одинаково равны предъ закономъ, когда не только невыносимы пытки и мученія, но и тѣлесное наказаніе отмѣнено и преслѣдуется закономъ и общественнымъ мнѣніемъ! О чемъ же иномъ свидѣтельствуется это, какъ не о томъ, что грозный мракъ, облежавшій густою пеленою человѣчскій родъ, понемногу разрѣшается, что свѣтъ истины евангельской разливается все шире и шире, что солнце правды выше и выше поднимается надъ землею,—темная ночь въ душѣ людей смѣняется разсвѣтомъ,—совѣсть людская дѣлается болѣе чуткою и зоркой, отзывается протестомъ на то, чего прежде не замѣчала? Гдѣ же то безсиліе христіанства, то ослабленіе добра, на которое такъ часто жалуются? Правда, сила зла и теперь велика, но уже, по фигуральному выраженію одного изъ современныхъ проповѣдниковъ, вершины его замѣтно понижаются, а уровень добра значитель-

но повышается. Трудъ бывшихъ раньше насъ сѣятелей слова Христова не пропасть. Добро растеть. Закваска Христова охватываетъ все большія массы. Дорога широко расчищена. Грѣшно унывать. Надо усиленно работать. Не время опускать руки и оставаться пассивнымъ зрителемъ, когда вокругъ поля побѣдѣли, жатвы много, а дѣлателей {мало. Зной дня великъ но и милость Божія безконечна. Горы сдвинутся и холмы поколеблются, а милость Божія не отступитъ отъ насъ (Ис. 54, 10). Въ минуты сердечной туги и слабости душевной почаще надо вспоминать слова Христовы: *«истинно говорю вамъ, если кто скажетъ горѣ сей: поднимись и ввергнись въ море, и не усумнится въ сердце своемъ, но повѣритъ, что сбудется по словамъ его, будетъ ему»* (Мрк. 11—23). Можно ли сомнѣваться въ побѣдѣ тому, кто обладаетъ такимъ могучимъ, ничѣмъ не побѣдимымъ оружіемъ? *«Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша!»* Съ этимъ святымъ знаменіемъ смѣло вступимъ въ борьбу со врагомъ, и безконечная сила Божія въ нашихъ немощахъ совершится.

Н. Первозниковъ.

ЗНАЧЕНІЕ ВѢРЫ ВЪ ОБЛАСТИ НАУЧНАГО ЗНАНІЯ.

Подъ вѣрою вообще принято разумѣть внутреннее, не посредствуемое никакими умозаключеніями, принятіе чего-нибудь за истинное. Основаніе къ такому принятію истины находятъ, обыкновенно, въ глубинѣ нашего духа, въ его невольномъ, безотчетномъ расположеніи принимать отъ другихъ все, что непосредственному чувству истины представляется истиннымъ. Правда, сюда можетъ вмѣшиваться воображеніе, которое можетъ измѣнять, искажать и вообще такъ или иначе направлять вѣру, но оно не можетъ сообщить того утвержденія и признанія, которое свойственно вѣрѣ: это врожденный, умственный и нравственный союзъ людей, это своего рода центръ духовной тяжести, по которому мы невольно влечемся вѣрить другимъ на-слово, и другіе вѣрятъ намъ безъ разсужденія. Но не такова должна быть вѣра въ области научнаго знанія. Какъ само научное знаніе твердо, сознательно идетъ отъ наблюденія и опытовъ къ выводамъ и умозрѣніямъ, и ко всему относится критически; такъ и научная вѣра, въ противоположность указанной вѣрѣ, состоитъ не въ непосредственномъ принятіи, по чутью чувства истины, извѣстныхъ истинъ и положеній; но, исходя отъ ощущенія и чувства, она пріобрѣтаетъ форму возрѣнія или представленія, за тѣмъ возвышается къ понятіямъ и идеямъ, совершая при этомъ разныя сравненія и различенія, выводы и заключенія, разрѣшая сомнѣнія и недоумѣнія, отвергая затрудненія и невѣроятности, и наконецъ склоняясь къ большей суммѣ вѣроятностей. Короче, научная вѣра состоитъ въ разумномъ, основанномъ на интеллектуальныхъ научныхъ пріемахъ, принятіи такихъ выводовъ и положеній, которые имѣютъ за себя больше вѣроятностей, чѣмъ невѣроятностей: сомнѣнія и затрудненія,

окружающія принимаемую истину, не считаются, обыкновенно, существеннымъ препятствіемъ къ признанію ея за истину; потому что всѣхъ затрудненій мы не можемъ устранить по нашей конечности, а современемъ они сами собою исчезаютъ.

Далѣе, возникаетъ научная вѣра не невольно изъ глубины души, какъ вышеуказанная вѣра,—хотя она не можетъ не утверждаться, не провѣряться тѣмъ же чувствомъ истины,—и не вслѣдствіе данной извнѣ или внутренней причинности, которая бы съ неотразимою необходимостію навязывалась на принятіе, но чрезъ актъ свободной самоопредѣляемости, который, какъ и всякое свободное рѣшеніе, имѣетъ свои особенные, личные мотивы: дѣйствительно, никто не заставитъ насъ вѣрить, противъ воли и убѣжденія, въ какую нибудь истину; равно самая очевидная и убѣдительная для нашей вѣры истина далеко не для всѣхъ имѣетъ ту же убѣдительность и обязательность. Какъ происхожденіе, такъ всѣ дѣйствія и обнаруженія этой вѣры запечатлѣны характеромъ свободы: это—потому, что она въ своихъ выводахъ хотя опирается на опытъ, но возвращается въ сферѣ вышеопытной, гдѣ она не связана тою необходимостію, съ какою предметы опыта должны быть мыслимы нами именно такими, какими они являются предъ нами, и гдѣ предстоитъ полный просторъ субъективной дѣятельности разсудка. Объяснимъ наше понятіе примѣромъ. Положимъ, что съ научно-легальной точки нужно рѣшить, виновенъ или нѣтъ извѣстный подсудимый; рядомъ съ бросающимися въ глаза фактами невинности его стоятъ фактивные сомнѣнія и колебанія въ ней, словомъ много фактическихъ основаній *pro* и *contra*; но, если судья находитъ, что основанія, доказывающія невинность подсудимаго, сильнѣе основаній къ обвиненію, то, хотя и не примирены разнорѣчивыя показанія свидѣтелей, не устранены сомнѣнія и затрудненія во второстепенныхъ пунктахъ, онъ произноситъ оправдательный вердиктъ. Очевидно, его убѣжденіе въ данномъ случаѣ не есть несомнѣнно очевидное, одинаково убѣдительное для всѣхъ; нѣтъ,—онъ не узналъ точно невинности подсудимаго; но, склоняясь къ большей массѣ вѣроятностей, сознательно вѣритъ въ его невинность.

Итакъ, научная вѣра состоитъ въ разумномъ принятіи извѣстнаго положенія на основаніяхъ не настолькоъ внутреннихъ, существенныхъ и твердыхъ, чтобъ они не допускали никакихъ возраженій и сомнѣній, но на основаніяхъ болѣе внѣшнихъ проблематическихъ, истинности которыхъ мы понять вполне не можемъ и которыя имѣютъ убѣдительность лично для насъ, но не для всѣхъ вообще: между тѣмъ какъ истинное научное знаніе, какъ въ индуктивныхъ своихъ выводахъ, или въ возведеніи частныхъ явленій къ общимъ законамъ, такъ и при дедуктивномъ систематическомъ развитіи частнаго изъ общаго, отъ начала до конца, идетъ твердо, не оставляя за собою никакихъ сомнѣній и представляя для всѣхъ одинаковую силу убѣдительности, несомнѣнной очевидности и точности.

Кромѣ научной вѣры, касающейся предметовъ естественныхъ, доступныхъ для внѣшнихъ или внутреннихъ чувствъ и анализа разсудка, различаютъ еще вѣру въ предметы сверхъестественные, не постижимые ни разсудкомъ, ни чувствами, и сообщаемые людямъ въ религіи, и потому называемую вѣрою религіозною. Имѣя намѣренія, какъ того требуетъ самое дѣло, только отчасти коснуться этой послѣдней вѣры, и потому оставляя до времени раскрытіе ея понятія и значенія для научнаго знанія, укажемъ значеніе научной вѣры для научнаго знанія.

Первое важное значеніе научной вѣры состоитъ въ томъ, что она служитъ основаніемъ и корнемъ, на которомъ вырастаетъ научное знаніе.—Во всякомъ актѣ познанія различаютъ собственно три ступени: ощущеніе, вѣру и логическое заключеніе, или познаніе въ собственномъ смыслѣ (*sensus, fides et intellectus*). Относится ль познаніе къ предметамъ чувственнымъ или духовнымъ, во всякомъ случаѣ логическое заключеніе предшествуется преимущественно вѣрою, какъ признаніемъ ощущенія, производимаго на насъ этими предметами; потому и говорится: вѣра предшествуетъ разсудку. Тоже самое и въ научномъ знаніи: между наблюденіемъ и заключеніемъ лежитъ актъ вѣры, какъ основной и исходный пунктъ заключенія; это фондъ, на которомъ строятся всѣ научные выводы: такъ какъ первыя посылки всѣхъ силлогизмовъ, «аксіомы, первоначальныя истины, здравыя начала, всеобщіе законы»... которые служатъ глав-

ными основаніями всѣхъ заключеній, на которыхъ зиждутся всѣ познанія человѣческія, принимаются нами на вѣру, на томъ только основаніи, что нельзя же де не принять того, что всѣми признано за истину; съ этими простыми духовными истинами мы соглашаемся, не подвергая ихъ ни доказательству, ни опроверженію; мы признаемъ ихъ единственно по авторитету здраваго смысла. — Далѣе, отыскиваніе наукою первоначальныхъ причинъ и основъ преходящихъ явленій, проникновеніе ея въ послѣднія основы и причины, далѣе которыхъ, по ея собственному сознанію, невозможно идти, — все это совершается при помощи научной вѣры, какъ орудія и органа науки: все это — ея дѣло и результатъ всего этого есть вѣра, а не знаніе. Правда, подобное изслѣдованіе основывается на принципахъ чисто научныхъ, чуждыхъ всякой субъективной примѣси, совершается спокойно, безпристрастно, опирается на объективныхъ основаній и фактахъ, разсматриваетъ вещь саму въ себѣ, въ данныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ; но такъ какъ причина непосредственно не указывается дѣйствіемъ и для отысканія ея разсудокъ поднимается въ сферу вышечувственную, строить субъективныя предположенія и выводы, то для взвѣшиванія различныхъ возможностей и невѣроятностей, основаній *pro* и *contra*, нѣтъ уже прочнаго объективнаго масштаба; и потому окончательное рѣшеніе, заключеніе напимѣръ къ извѣстной причинѣ, зависитъ отъ субъективнаго настроенія изслѣдующаго, обуславливается его личностью; всякій окончательный выводъ дѣлается по вѣрѣ и на вѣру, съ сознаніемъ того, что онъ сдѣланъ основательно и вѣрно, но не такъ абсолютно точно, чтобы не возможенъ былъ при этомъ другой противоположный выводъ. Наконецъ, вещь «сама въ себѣ и вообще міръ вышеопытный доступный лишь для гипотетической вѣры. Извѣстно, что мышленіе слагается опредѣленнымъ порядкомъ изъ представленій, а представленія изъ ощущеній и впечатлѣній, доставляемыхъ внутреннимъ или внѣшнимъ чувствами, и что вполне вѣрное познаніе построено изъ матеріаловъ, доставляемыхъ чувствами; но вещь «сама въ себѣ» и вообще все за предѣлами опыта сокрыто отъ нашихъ чувствъ; не получая отъ чувствъ никакихъ образовъ о сверхъопытномъ, разсудокъ вынужденъ, при по-

мощи фантазіи, измышлять ихъ; такъ зыбка первоначальная основа его сверхчувственного познанія. За тѣмъ, всѣ свои выводы и заключенія онъ долженъ строить на предположеніяхъ и догадкахъ, ясно сознавая, что, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, основаній къ извѣстному его заключенію немного больше бываетъ, чѣмъ основаній къ противоположному выводу, и что такимъ образомъ за предѣлами опыта начинается область вѣры, а не знанія.

Если все, выступающее за предѣлами опыта и явленій: причинную связь явленій, причины причинъ, вещь «саму въ себѣ» и проч. мы только предполагаемъ, вѣримъ, а точно не знаемъ; съ другой стороны, если наука имѣетъ свою задачу объясненіе причинной связи явленій, т. е. раскрытіе того, слѣдствіемъ какой причины служитъ явленіе и причиною какого другого явленія оно само бываетъ (реальная или дедуктивная наука), или если она изучаетъ міръ явленій со стороны ихъ смысла и значенія, т. е. какія сверхчувственные идеи они осуществляютъ собою, какая цѣль ихъ и назначеніе (науки идеальныя, или философскія), если такимъ образомъ наука всѣмъ существеннымъ содержаніемъ своимъ принадлежитъ сферѣ вышеопытнаго, недоказаннаго; то, понятно, всѣ отдѣльныя отрасли науки, съ ихъ послѣдними принципами, аксіомами, основными понятіями и высшими результатами, всѣ, коль скоро онѣ переступаютъ за предѣлы непосредственно даннаго, теряются въ области научной вѣры. Сама философія, при всѣхъ ея стараніяхъ, не въ силахъ переступить за сферу вѣры, и прямая ея задача, задаваемая вѣрою, состоитъ въ томъ, чтобы научно разработать эту обширную область вѣры, провести въ нее духъ науки и соединить ее съ точнымъ знаніемъ въ одно цѣлое. Равно во всякой другой наукѣ вѣра прежде, чѣмъ согласиться на принятіе извѣстнаго положенія, побуждаетъ насъ ко всевозможному научному изслѣдованію основаній, по которымъ бы слѣдовало принять это положеніе, и чрезъ принятіе новыхъ положеній расширяетъ объемъ науки, а чрезъ упражненіе ея въ приемахъ научнаго изслѣдованія сообщаетъ ей большую основательность и убѣдительность. Особенно нужно сказать это объ исторической вѣрѣ, которая, требуя отъ насъ точнѣйшаго опредѣленія степеней достовѣрности, зависящихъ отъ предмета

вѣры и повѣствующаго лица, вызывая насъ на строгую историческую критику, посвящая въ тайны герменевтики, приносить самое широкое научное изслѣдованіе въ историческую науку, и тѣмъ увеличиваетъ какъ объемъ, такъ и достовѣрность ея. Извѣстно, что многія гипотезы, съ перваго взгляда самыя странныя, противорѣчащія общему свидѣтельству чувствъ, (напр. обращеніе земли вокругъ солнца), съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ характеръ достовѣрныхъ и несомнѣнныхъ положеній; а это все производитъ научная вѣра, которая, чтобы имѣть для своихъ выводовъ болѣе твердую точку опоры, побуждаетъ науку расширять и углублять ея изслѣдованія, такъ что многія гипотезы ея незамѣтно восходятъ на степень положительнаго знанія. И какъ въ каждой наукѣ, такъ и у cadaго образованнаго человѣка большая часть свѣдѣній основана на вѣрѣ въ авторитетъ; люди, хвастающіеся пренебреженіемъ къ авторитетамъ, множество свѣдѣній, особенно изъ области чуждой для ихъ спеціальности, принимаютъ на вѣру отъ другихъ. Огромное большинство свѣдѣній, ими самими добытыми, не такъ разработаны, чтобъ имѣли характеръ твердыхъ непоколебимыхъ убѣжденій; но ихъ достовѣрность, въ собственномъ не самообольщенномъ сознаніи ихъ, едва имѣетъ перевѣсъ надъ недостовѣрностію. Каждый ученый прежде, чѣмъ создать свою систему, собираетъ отрывочные факты, мысли и изысканія, добытыя его предшественниками и, какъ бы критически онъ ни относился къ нимъ, но большую часть ихъ принимаетъ на вѣру, и, какъ бы ни былъ самостоятеленъ въ своемъ направленіи, но втайнѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, поклоняется какому-нибудь авторитету и придерживается сколько нибудь чужихъ взглядовъ (полная отрѣшенность и независимость мысли въ ограниченномъ существѣ не мыслима). Словомъ его система въ самомъ лучшемъ случаѣ есть развитіе и усовершенствованіе трудовъ, завѣщанныхъ его довѣрію предшественниками его; а если наука не станетъ довѣрять прежде найденнымъ результатамъ и ихъ основоположеніямъ, и снова начнетъ разработку ихъ, то она осуждена будетъ на вѣчную неподвижность, ея работы будутъ Сизифовъ трудъ. Равнымъ образомъ, если изъ науки выбросить все гипотетическое, имѣющее характеръ научной вѣры, то на долю

точного знанія останется самый незначительный итогъ положеній, которыя не стоятъ труда изслѣдованія; въ такомъ случаѣ пришлось бы покончить съ существованіемъ нѣкоторыхъ наукъ: такъ онѣ всѣ почти состоятъ изъ гипотезъ; тутъ должно будетъ оправдаться изреченіе: «кто ничему не вѣритъ, тотъ ничего и не знаетъ».

Такъ второе важное значеніе вѣры для научнаго знанія состоитъ въ томъ, что существенная и наибольшая часть всякой науки принадлежитъ къ ея области, что она расширяетъ объемъ науки и сообщаетъ твердую научную постановку всему содержанію ея, что при ней только и возможно развитіе науки.

Чтобъ упрочить за вѣрою оба эти значенія, въ которыхъ мы, повидимому, слишкомъ много приписываемъ вѣрѣ, необходимо раскрыть подробно: 1) почему ей придается столь обширное значеніе, что всѣ «начальныя истины» науки держатся на вѣрѣ, что причинъ и законовъ преходящихъ явленій, вещи «самой въ себѣ» и проч. мы не знаемъ, а только вѣримъ въ нихъ,... и 2) дѣйствительно ли и почему во всѣхъ наукахъ такъ узка сфера строго научнаго знанія, но такъ широка область научной вѣры.

1), Причины, по которымъ общія первоначальныя истины науки и изслѣдуемые ею законы, силы и причины преходящихъ явленій сокрыты отъ точнаго знанія и открываются только гипотетической вѣрѣ,—причины этому заключаются въ природѣ познающаго духа.—Остановимъ наше вниманіе на высшихъ истинахъ, основныхъ законахъ и силахъ природы и духа. Эти высшія метафизическія положенія суть положенія и единства и простоты истины, и потому воспринимаются они нѣкоторымъ непосредственнымъ обращеніемъ къ нимъ души, свойственнымъ и уму, какъ высшей созерцательной способности, и сердцу съ его чувствомъ истины. Во всякомъ случаѣ, это знаніе не похоже на познаніе разсудочное, не укладывается въ понятіяхъ и не выражается даже словомъ; оно скорѣе похоже на то чутье, которымъ мы безъ всякихъ мыслительныхъ соображеній узнаемъ людей. Правда, разсудокъ служить посредникомъ и, такъ сказать, проводникомъ души въ эту высшую сферу духа и простоты, но самъ проникнуть въ нее не въ силахъ. Почему? Его мышленіе такъ сложно, его познанія, приобретаемыя

черезъ органы тѣла, эти орудія восхожденія его въ міръ идей, такъ отрывочны и частны, что всю дѣятельность его нѣкоторые мыслители характеризуютъ какъ сложеніе и вычитаніе; значитъ, ему суждено дѣйствовать, только тамъ, гдѣ существуетъ сложность и многообразіе; его мышленіе ограничивается понятіями, построенаемыми на основаніи наблюдаемаго міра явленій, —этой сложной области явленій, и не можетъ подниматься за предѣлы его, въ область духа, проникать въ существо истины. Если онъ взятыя изъ міра явленій познанія приводитъ къ единому началу, если онъ систематически возводитъ свои міровоззрѣнія къ общей логической идеи бытія; то онъ только сочетаетъ сложныя понятія, а истина остается внѣ этихъ сочетаній. Оттого организующая сила, внутренняя жизнь, существенное начало явленій, какъ не матеріальныя, не подлежащія оцѣнкѣ внѣшнихъ чувствъ, не поддаются мыслительному анализу: ему доступны только обнаруженія, оболочки жизни, но жизнь, какъ генетическое начало, сокрыта отъ него. Тоже самое и въ мірѣ нравственномъ. Всѣ моральныя истины, подлежащія нравственному чувству, разумъ не можетъ ни доказать, ни отвергнуть: точно также какъ математическія теоремы нельзя доказать нравственнымъ чувствомъ. Ни одинъ логикъ не докажетъ намъ, почему мы не должны дѣлать зла, которое остается незамѣтнымъ для другихъ. Эстетическія истины также ускользаютъ отъ анализа разсудка. Всѣ эти истины проистекаютъ изъ сердечныхъ побужденій: всѣ онѣ, равно какъ основные принципы наукъ, силы, законы только чувствуются, сказалъ Паскаль, а теоремы заключаются, чувствуются оцупью, чутьемъ; потому дѣлаемые изъ нихъ выводы и цѣлыя системы имѣютъ достоинство гипотетической вѣры, не болѣе.

Отъ природы разсудка, особенно отъ присущаго ему закона причинности, зависитъ то, что не только всеобщіе законы природы, но и причины ея явленій не могутъ быть дознаны нами, и всякое заключеніе о нихъ имѣетъ значеніе вѣры. Этотъ законъ въ его видахъ: причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія, субстанціи и произведенія, цѣли и средства, всеобщаго и частнаго явленія, требуетъ установить внутреннюю связь между этими понятіями или явленіями и вмѣстѣ изслѣдывать, не служитъ ли эта причина дѣйствіемъ

другой причины, и восходить наконецъ до послѣдней наивысшей причины. Казалось бы, тутъ предстоитъ безпредѣльное поле для знанія; но этотъ процессъ, возвышающій познающій духъ надъ непосредственно даннымъ, возносящій его въ сверхчувственную сферу, побуждаетъ его переступать естественную границу знанія, и съ большею или меньшею непослѣдовательностью, съ помощію силы воображенія, придумывать причины, основанія, субстанціи и проч.; говоримъ придумывать, потому что причина непосредственно не дана возрѣнію, а выводится изъ дѣйствія, и такъ какъ выводъ этотъ совершается по указанію дѣйствія слишкомъ неясному, нѣмому, то представленіе причины можетъ быть слишкомъ субъективно и не настолько точно, чтобъ оно не исключало представленія иного бытія, иной причины. Мы вполне понимаемъ причины тѣхъ только явленій, которыя мы сами производимъ. Перо, на примѣръ, лежало на столѣ, а теперь явилось у меня въ рукѣ. Причину этого явленія я понимаю, потому что я самъ произвелъ его. Во всѣхъ же внѣшнихъ, не зависящихъ отъ насъ, явленіяхъ мы не понимаемъ причины ихъ, а видя послѣдовательное теченіе ихъ, (видя на примѣръ, какъ нагрѣвается и потомъ расширяется вода), мы предыдущее явленіе называемъ причиною, а послѣдующее дѣйствіемъ, когда замѣчаемъ, что они слѣдуютъ другъ за другомъ и притомъ въ порядкѣ. Будутъ ли они всегда слѣдовать въ томъ же порядкѣ, этого мы не знаемъ, а только вѣримъ, и вѣримъ до того сильно, что, когда встрѣчаемъ противорѣчащія явленія, (на примѣръ, что вода, охлажденная до 4° начинаетъ расширяться), то не хотимъ признать противорѣчащихъ явленій, а говоримъ, что это зависитъ отъ стороннихъ какихъ либо обстоятельствъ, (отъ кристаллизаціи воды, а того боимся принять, что вода и отъ охлажденія также, какъ и отъ нагрѣванія, можетъ расширяться). Короче, почему извѣстныя явленія происходятъ, (почему тѣла расширяются), этого мы не знаемъ, а только замѣчаемъ, что это всегда бываетъ такъ при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя намъ извѣстны. Изучая причину явленія, мы отдѣляемъ обстоятельства его сопровождающія, отъ тѣхъ, которыя по нашему мнѣнію, составляютъ его необходимое условіе, но до причины все таки не можемъ добиться. Производя одно явленіе и видя, какъ за нимъ

слѣдуетъ другое, мы думаемъ, что знаемъ уже причину его, а на самомъ дѣлѣ мы также можемъ обманываться на счетъ причинной связи между двумя явленіями, (какъ обольщается напиримѣръ знахарь, дающій больному корешокъ съ извѣстными нашептываніями и причитаніями, и причину выздоровленія больного приписывающій корешку или причитаньямъ). Даже тамъ, гдѣ причинная связь, повидимому, крѣпка и неразрывна, на дѣлѣ очень сомнительна, (напиримѣръ корка хиннаго дерева считается лучшимъ средствомъ противъ лихорадки; но въ ней много такихъ элементовъ, которые производятъ совершенно другія дѣйствія). Вообще ни одного условія явленій природы мы не можемъ такъ уединить, чтобъ быть вполне убѣжденными, что здѣсь нѣтъ ничего лишняго, ничего такого, что не было бы необходимо для производства извѣстнаго явленія: воображаемая нами причина можетъ производить совершенно другое дѣйствіе, и дѣйствіе можетъ происходить совсѣмъ отъ другой причины, чѣмъ какъ мы предполагаемъ. Если же такъ, то мы не можемъ понять настоящей причины явленій а тѣмъ болѣе постичь, почему такая-то причина должна произвести такое-то дѣйствіе. Вообще, идею причины и субстанции мы переносимъ въ міръ явленій изъ нашего внутренняго міра, изъ присущаго намъ чувства, что мы существуемъ, что въ нашей волѣ производить измѣненія и во внѣшнемъ мірѣ, и вотъ мы всюду ищемъ причинъ въ природѣ и не находимъ. Итакъ въ данномъ устройствѣ духовной нашей природы или собственно въ природѣ разсудка надобно искать основаній, почему наше знаніе хода жизни внѣшней природы и ея причинъ принадлежитъ собственно къ гипотезамъ вѣры.

Затѣмъ причина того, что мы такъ рѣдко возвышаемся надъ областію вѣры и достигаемъ точнаго знанія, находится въ свойствѣ познаваемыхъ предметовъ, которые могутъ быть разсматриваемы съ различныхъ своихъ сторонъ и точекъ нашего зрѣнія, причемъ основанія и противоснованія для извѣстнаго заключенія уравниваются такъ, что мы остаемся въ рѣшительномъ недоумѣніи, къ положительному или отрицательному заключенію ведутъ они. Напиримѣръ, хотя и дознано наукою, что отъ плодотворнаго сѣмечка зависитъ происхожденіе организмовъ, но

какія силы и свойства принадлежать ему, можетъ ли и насколько можетъ быть усвоена ему образующая и развивающая организмъ сила,—на это представляется столько оснований и вѣроятностей, сколько противоположеній и невѣроятностей, такъ что къ положительному заключенію придти невозможно. Изъ всѣхъ познаваемыхъ предметовъ мы вполнѣ понимаемъ только предметы умственные, каковы слова нашего языка, а болѣе математическія понятія, алгебраическія формулы, геометрическія фигуры, которыя въ своей математической правильности въ природѣ не существуютъ, а созданы нашимъ умомъ. Предметы искусственные мы понимаемъ на половину, насколько они—созданія нашего ума, дѣло нашихъ рукъ; матеріалы жъ и силы природы, которыми мы воспользовались здѣсь, узнавъ по опыту, какъ они дѣйствуютъ, остаются для насъ непонятными. (Мы на примѣръ пользуемся силами свѣта, теплоты, электричества, магнетизма, замѣтивъ, какъ онѣ дѣйствуютъ въ природѣ, но что такое силы эти, этого мы не знаемъ, а только воображаемъ, вѣримъ). Предметы природы мы совершенно не можемъ понять такъ, какъ мы понимаемъ наши собственныя созданія; предметы природы приближаются къ намъ одною какою либо стороною внѣшнею, а всѣми остальными своими свойствами удалены отъ нашего пониманія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое значитъ понять предметъ? Понять предметъ значитъ перечислить всѣ его признаки въ связи съ его субстанціею. Если на примѣръ мы исчислили признаки желѣза, то говоримъ, что понимаемъ его, а вѣрнѣе, что вовсе не поняли его; по крайней мѣрѣ между пониманіемъ нами желѣза и треугольника разница огромная: въ треугольникѣ всѣ признаки предмета вытекаютъ изъ сущности понятія, и ихъ можетъ быть ни больше, ни меньше; но въ предметѣ, какомъ бы то ни было, мы никогда не перечисляемъ всѣхъ признаковъ, а отдѣляемъ существенные отъ несущественныхъ; при томъ, ни о какомъ существенномъ признакѣ мы не можемъ сказать, что онъ абсолютно-неизмѣнный и постоянный (то же желѣзо измѣняетъ свою твердость отъ огня, мѣняетъ цвѣтъ, на нашей планетѣ имѣетъ одинъ вѣсъ, на Сатурнѣ имѣло бы другой.) Въ этомъ случаѣ, при опредѣленіи нами существенныхъ признаковъ, намъ помогаетъ классификація. Въмѣсто того, чтобы

исчислять безчисленные признаки предмета, напимѣрь растенія, мы, посредствомъ классификаціи прямо подводимъ его подъ извѣстную группу растеній, и большая часть труда въ опредѣленіи предмета выполнена; но классифицируя, подводя его подъ извѣстную мѣрку, мы дѣйствуемъ болѣе или менѣе по предзанятой мысли, по чужому указанію, на вѣру въ другихъ: потсму что характеристическія черты общей группы, подъ которую силимся подвести предметъ, мы не сами дознали, а приняли на вѣру въ другихъ. Стало быть, если подведенный подъ нее предметъ мы понимаемъ такъ, какъ принято опредѣлять всю группу, нарочито подбираемъ и не безъ натяжки придумываемъ нѣкоторые признаки, лишъ бы только можно было перенести на него опредѣленіе всей группы,—то мы смотримъ на дѣло чужими глазами, довѣряемъ чужому пониманію: тутъ полный просторъ вѣрѣ, а не знанію, вѣрѣ сравнивающей и различающей, и, на основаніи сходства признаковъ и общепринятаго опредѣленія группы, опредѣляющей предметъ. Наконецъ, еслибъ мы перечислили всѣ признаки опредѣляемаго предмета; то поняли ль бы самую сущность его? Рѣшительно нѣтъ; потому что признаки не что иное, какъ отношенія одного предмета къ другимъ, (говоря напимѣрь, что одинъ изъ признаковъ желѣза—тотъ, что оно плавится, мы выражаемъ отношеніе между желѣзомъ и огнемъ; самый цвѣтъ предмета есть отношеніе между предметомъ, солнечнымъ лучемъ и сѣткою нашего глаза); признаковъ, которые не были бъ отношеніями, не существуетъ во внѣшней природѣ. Значить, если бъ мы узнали всѣ признаки предмета, мы бы проникли во всѣ отношенія его; чтожъ такое предметъ внѣ этихъ отношеній, этого мы не знаемъ и знать не можемъ: такъ какъ предметъ дѣйствуетъ на насъ своими признаками, а не субстанціею. И нужно помнить, что такъ мало доступны для нашего знанія не только предметы внѣшняго для насъ міра, но и тѣло наше и душа наша, взаимное ихъ соединеніе, связь съ внѣшнимъ ихъ міромъ, вообще всѣ предметы, въ созданіи которыхъ мы не участвовали, (хотя пониманіе наше въ отношеніи къ душѣ стоитъ нѣсколько иначе; такъ какъ здѣсь мы сами тотъ предметъ, который стремимся понять.) Человѣкъ такимъ образомъ есть загадка для самого себя; все, его окружающее, и самъ

онѣ окружены покровомъ таинственности, который изрѣдка удастся ему приподнять. Только привычка наша жить среди таинственнаго дѣлаетъ то, что мы не замѣчаемъ его. Мы погружены въ таинственное, дышимъ имъ, видимъ ежеминутно, но, легкомысленно касаясь одной поверхности вещей, мы—рабы привычки—и не замѣчаемъ той неизмѣримой глубины, въ средѣ которой постоянно вращаемся. Итакъ отъ свойства самихъ познаваемыхъ предметовъ зависитъ то, что только о немногихъ изъ нихъ (умственныхъ, нами создаваемыхъ) мы имѣемъ точное знаніе, множество предметовъ (искусственныхъ) знаемъ только наполовину, а самую большую часть предметовъ (природы)—только по наружности, съ одной какой либо стороны; всякое жъ опредѣленіе субстанции ихъ, всякій выводъ изъ изслѣдованій о ней такъ, по необходимости, обставляются основаніями pro и contra, что сумма первыхъ (основаній pro) едва превышаетъ сумму послѣднихъ.

II., Уяснивъ, по возможности, то, почему мы объ основныхъ истинахъ науки, законахъ и силахъ, причинахъ и сущности предметовъ знаемъ такъ мало, что наше знаніе собственно есть вѣра, намъ не трудно раскрыть, дѣйствительно ли и почему большая и существенная часть каждой науки имѣетъ значеніе не знанія достовѣрнаго и очевиднаго, а только научной вѣры.

Укажемъ общую для всѣхъ наукъ причину. Достовѣрность и очевидность есть сознаніе логической необходимости мысли и ея содержанія (объекта), т. е. признаніе, по законамъ мышленія, что наша мысль согласна съ реальнымъ бытіемъ (достовѣрность), качествами и сущностію предмета (очевидность). Эта логическая необходимость мысли не дана нашему сознанію непосредственно, но, какъ все содержаніе нашего сознанія, сознается нами только посредствомъ рефлектирующей мыслительной дѣятельности, а эта послѣдняя слишкомъ разнообразна и условна. Не говоря уже о томъ, что рефлексивная способность ограничена въ силѣ и объемѣ, и, при самомъ благопріятномъ упражненіи, можетъ быть развита только до извѣстной и то несовершенной степени,—каждое раздраженіе нервовъ, каждое чувственное ощущеніе и воспріятіе не всегда бываютъ на столько сильны, чтобъ войти въ сознаніе и быть для него опредѣленными.

Къ тому жъ, не всегда тщательно, отчетливо и постоянно, а часто не строго, небрежно и мимолетно совершаемъ свои наблюденія. И такъ какъ мыслитель никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что рефлексировалъ вполне правильно, то онъ никогда не можетъ быть вполне убѣжденъ въ томъ, что достигъ несомнѣннаго знанія; для него можетъ даже возникнуть сомнѣніе, дѣйствительно ли согласна съ реальнымъ бытіемъ мысль, которую онъ съ перваго взгляда считалъ согласною; не имѣетъ ли она только субъективнаго значенія, и не представляется ли она другимъ совершенно иною по формѣ и содержанию. Но мы далеки видѣть здѣсь отрицаніе всякой вѣроятности мысли; мы хотимъ сказать только, что отсюда далеко еще до той степени достовѣрности и очевидности, которая называется математическою достовѣрностію и служитъ основою научнаго знанія въ собственномъ его смыслѣ. Послѣдней мыслитель достигаетъ, только тогда, когда онъ въ состояніи доказать, что въ области фактовъ пониманіе во всѣхъ случаяхъ одинаково, всеобще, необходимо, основано на природѣ человѣческой, и что, по основнымъ законамъ мышленія, оно не можетъ быть образовано иначе и потому непременно должно быть признано согласнымъ съ дѣйствительнымъ бытіемъ. Но такое знаніе всякой науки дается чрезвычайно рѣдко; оттого во всѣхъ наукахъ, не смотря на всю строгость научнаго изслѣдованія, нѣтъ столь строгихъ научныхъ доказательствъ и слѣдовательно полной достовѣрности и очевидности, чтобъ невозможно было исходить отъ другихъ основаній и представлять дѣло иначе; все еще остаются разные сомнѣнія, противорѣчія и затрудненія, которыя трудно и даже невозможно устранить.

Разсмотримъ, по возможности, всѣ науки со стороны этой недостаточности ихъ и причины на то. Начнемъ А., съ наукъ умозрительныхъ, какъ отличающихся сравнительно высшею степенью достовѣрности и точности,—математическихъ и философскихъ, основоположенія и результаты которыхъ могутъ быть провѣрены контролемъ каждаго, потому что основываются на свидѣтельствѣ разумнаго сознанія и разсудка. Здѣсь же коснемся наукъ, имѣющихъ ближайшее соприкосновеніе съ философіею: юридическихъ,

Богословія и преимущественно историческихъ, и наконецъ перейдемъ В., къ наукамъ реальнымъ.

А., Математика, при всей видимой точности и очевидности ея, съ начала до конца, съ ея высшими принципами и послѣдними выводами, теряется въ области вѣры, сравнительной неточности и неопредѣленности: потому что лежащія въ самой основѣ ея понятія: количества, пространства, границъ, пункта, линіи, принципъ безконечной дѣлимости далеко не получили окончательнаго опредѣленія, какъ то доказываетъ продолжающійся въ наукѣ споръ о нихъ; а между тѣмъ математика опирается на нихъ, какъ на вполне доказанныя понятія, и въ своихъ безконечныхъ выводахъ изъ нихъ вращается, собственно говоря, въ области недоказаннаго.

Философія по всему содержанію своему и формѣ не есть знаніе, а только вѣра. (Философіею, этою наукою наукъ, мы, по самому существу дѣла, займемся по преимуществу).

Законы мышленія, источникъ и опора ея, доступны для знанія только въ ихъ проявленіяхъ и дѣйствіяхъ; о сущности жъ и основѣ ихъ намъ остается только предполагать и вѣрить. Всѣми науками признано, что три основные законы мышленія составляютъ основаніе и условіе всякаго знанія и всякой науки, что безъ нихъ не только не существовало бы никакой науки, но все низведено было бы на ступень субъективнаго мнѣнія, безъ нихъ былъ бы хаосъ въ нашихъ мысляхъ. Что эти законы существуютъ и имѣютъ столь важное значеніе въ мышленіи и наукѣ, это мы знаемъ,—это фактъ очевидный и безспорный; но какъ понимать ихъ, въ чемъ состоитъ сущность, значеніе, происхожденіе, основаніе,—это далеко еще не дознано наукою, объ этомъ идутъ разные толки и споры. Вообще какъ въ предметахъ и явленіяхъ природы мы знаемъ точно только о существованіи и внѣшней ихъ сторонѣ, но знаніе основаній и субстанцій предмета, причины и силы явленія такъ непосредственно и гадательно, что это вовсе не знаніе, а одна тусклая вѣра: такъ и о законахъ мышленія мы знаемъ нѣчто по ихъ проявленіямъ, но о природѣ и основаніи ихъ мы только гадаемъ, предполагаемъ, вѣримъ. Далѣе, доказывая намъ, что мышленіе наше есть сознательная дѣятельность, совершаемая по логическимъ законамъ, производя

изслѣдованія объ основѣ и существѣ нашего духа, нашей мысли и сознанія, и, при неразрывной связи ихъ съ реальнымъ битіемъ, объ основѣ и существѣ послѣдняго,—философія сообщаетъ намъ знаніе только о существующей формѣ нашей мысли; чтожъ такое эта дѣятельность сама въ себѣ, какіе именно законы лежатъ въ основѣ духа и природы, на это она не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ эти вопросы не рѣшены наукою. Затѣмъ, приводя всѣ частныя познанія въ цѣльность міровоззрѣнія, совокупляя въ одинъ организмъ всѣ основные принципы и результаты отдѣльныхъ наукъ, и для этой цѣли восходя отъ частей и отрывковъ къ цѣлому и единому, она не возвышается до знанія точнаго и очевиднаго. Умозрѣнію, при этомъ восхожденіи, не до того, чтобы провѣрять каждый фактъ отдѣльно; оно беретъ факты готовыми въ томъ видѣ, какъ поставляютъ ихъ науки, а безъ этой провѣрки и при своеобразномъ сочетаніи ихъ, оно не рѣдко бываетъ чистою игрою фантазіи. При томъ, ложно опираясь на тотъ законъ, что цѣлое опредѣляется по частямъ, его составляющимъ, и части по цѣлому, умозрѣніе, обыкновенно, въ своихъ выводахъ индуктивныхъ слишкомъ поспѣшно отъ недоказанныхъ вполне частей заключаетъ къ цѣлому и по смутному цѣлому опредѣляетъ части, словомъ въ его индуктивномъ восхожденіи и дедуктивномъ нисхожденіи всегда замѣчаются ничѣмъ не наполненные промежутки и скачки; оттого наведенія и аналогіи его указываютъ на такія сходства и различія, какихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ; оттого оно вдается въ шаткія понятія и спутанныя теоріи, которыми оно все хочетъ объяснить и которыя ничего однакожъ не объясняютъ. Наконецъ, философское умозрѣніе, стремясь возвыситься не только надъ даннымъ и фактами, но и надъ ближайшимъ основаніемъ и причиною, и порываясь до послѣдней наивысшей причины, легко можетъ отрѣшиться отъ опыта, и, по самой склонности ума къ умозрѣніямъ, вдаться въ произвольныя субъективныя построенія. Правда, философія, согласно цѣли ея, есть стремленіе къ познанію вещи въ самой себѣ, къ достиженію объективной истины; по характеру своему, она должна быть изслѣдованіемъ безпристрастнымъ, чуждымъ всякихъ субъективныхъ мнѣній, интересовъ, симпатій и антипатій,

предзанятыхъ мыслей и недоказанныхъ положеній; но это все — *pia diséderia*; при всей строгости и логичности своего изслѣдованія, можетъ ли она быть увѣрена даже въ томъ, что познанія ея объективны? Только вѣра въ Единого Виновника какъ бытія, такъ и мышленія, и въ соотвѣтствіе законовъ того и другого, только вѣра, что въ мірѣ всюду царитъ Высочайшій Разумъ, что все подъ управленіемъ Его имѣетъ порядокъ, стройность и цѣлесообразность, что познанія нашего ума, этого отраженія Ума Высочайшаго, могутъ быть истинны, — только эта вѣра возбуждаетъ правильное движеніе мышленія и устремляетъ его къ высшей истинѣ; только при этой сознательной и глубочайшей вѣрѣ выводы философскаго міросозерцанія могутъ имѣть достоинство прочныхъ гипотезъ, или вѣры; а безъ нея философія неминуемо должна впасть въ скептицизмъ. Такъ и было въ дохристіанской философіи: испробовавъ себя во всѣхъ направленіяхъ и нигдѣ не найдѣвъ всеобщей характеристической черты истины, утомленный, разбитый скептицизмомъ, разумъ окончилъ безошаднымъ самоосужденіемъ; вотъ его отчаянная исповѣдь: «мы не знаемъ сущности вещей и вообще ничего внѣ своихъ собственныхъ субъективныхъ состояній, ни даже этихъ самыхъ состояній. Высшія идеи — ничѣмъ недоказанное предположеніе; сужденіе и дѣйствованіе по какимъ бы то ни было категоріямъ — напрасное самообольщеніе, только разрушающее нашъ покой наше счастье». Древняя философія, не достигнувъ объективной истины, пришла, въ лицѣ наримѣръ Протагора, къ отрицанію ея и обратилась къ субъекту, какъ послѣдней цѣли и основѣ истины, т. е. приписывая знанію только субъективное значеніе. Не лучше поступаетъ и теперешняя философія, когда она изслѣдуетъ, допрашиваетъ и вмѣстѣ сомнѣвается, «способны ли мы и что можемъ знать»; на этотъ разъ ея исходный пунктъ есть принципъ скептицизма и сама она остается скептицизмомъ, потому что никакой отвѣтъ ея на эти вопросы не можетъ быть абсолютно вѣрнымъ; при томъ, на ея собственные результаты всегда должна вліять критика скептицизма. Итакъ изъ содержанія философіи и ея метода можно видѣть, что самые существенные и важные вопросы она обходитъ молчаніемъ, и что въ ней много неопредѣленнаго, гипотети-

ческаго, словомъ имѣющаго значеніе вѣры; этого мало, вѣра составляетъ всю ея опору, безъ которой она превратилась бы въ слѣпой и отчаянный скептицизмъ.

Наконецъ принципъ философіи не настолько твердъ, чтобы могъ упрочить за нею званіе точнаго знанія, онъ держитъ ее на степени вѣры. Принципъ этотъ, состоящій въ объективномъ познаніи, контролируемомъ опытомъ и устраняющемъ, по видимому, всякое вмѣшательство субъективности, не абсолютенъ, но можетъ быть выполненъ только въ относительной мѣрѣ. Такъ какъ философія должна изслѣдовать преимущественно природу человѣческаго духа, а это изслѣдованіе совершается при помощи самонаблюденія и соприкасается съ личнымъ интересомъ изслѣдующаго, то въ это изслѣдованіе невольно и незамѣтно и даже гораздо скорѣе, чѣмъ въ другія науки, можетъ вкратиться субъективизмъ и наложить свою печать на каждый результатъ изслѣдованія; оттого въ ней столько противорѣчивыхъ взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ, столько непримиримыхъ понятій и теорій, стоящихъ ниже, но никакъ ужъ не выше гипотезы вѣры. Что касается до опыта, этого контроля и указателя задачи философіи, то онъ зависитъ отъ успѣховъ и результатовъ отдѣльныхъ наукъ; а такъ какъ эти послѣднія непрерывно измѣняются, такъ что каждый періодъ времени имѣетъ свою науку, свою философію, то и послѣдняя въ своемъ развитіи и направленіи обуславливается общимъ ходомъ развитія человѣческой культуры и такъ называемымъ духомъ времени. Оттого въ ней такъ мало твердыхъ и устойчивыхъ принциповъ; оттого она постоянно колеблется между разными догадками, предположеніями и вѣрою. Но отъ крайностей колебанія и блужданія мысли ее спасала вѣра въ авторитеты, не ограничивающаяся однимъ поклоненіемъ имъ, но совмѣщающая въ себѣ всѣ достоинства разумной сознательной вѣры. Эта вѣра была для нея руководительнымъ принципомъ, путеводною звѣздою къ свѣту истины. Великіе геніальные мыслители, дѣлавшіе новыя открытія въ философіи, пролагавшіе ей новыя пути и указывавшіе новыя направленія, появлялись чрезвычайно рѣдко, иногда чрезъ долгій рядъ вѣковъ. Не рѣдко, въ тѣсномъ кругу учениковъ, они высказывали только однѣ общія мысли, однѣ

идеи, не развивъ ихъ въ научныя системы; это были своего рода метеоры, издававшіе яркій, но немногими видѣнный свѣтъ, и быстро исчезающіе съ горизонта науки. Но вотъ продолжатели ихъ великаго дѣла вглядываются, куда должны вести новые пути, всматриваются въ удобство и естественность ихъ, и, развивъ въ системѣ великія идеи ихъ, дѣлаютъ ихъ достояніемъ всеобщаго сознанія, и такимъ образомъ новыя великія идеи проливаютъ новый свѣтъ на всю систему знаній. Эти идеи великихъ учителей были для ихъ учениковъ пробнымъ камнемъ, о который они провѣряли частныя свои открытія и благодаря которому эти послѣднія получали силу авторитета, твердость и устойчивость. Но и сами идеи и открытія великихъ авторитетовъ не безусловно принимались на вѣру, они подвергались всевозможнымъ критическимъ изслѣдованіямъ, развивались и видоизмѣнялись сообразно новымъ изысканіямъ послѣдователей ихъ, впрочемъ такъ, что тѣхъ и другихъ связывало единство духа и направленія, и великія открытія первыхъ были завѣтными, такъ сказать священными преданіями для многихъ вѣковъ... Ничего бы этого не было, еслибъ послѣдователи не питали благоговѣйной вѣры къ своимъ великимъ вождямъ, напротивъ идеи послѣднихъ остались бы зерномъ безъ ростка и плода, и даже вовсе могли бы заглухнуть; безъ вѣры въ авторитетъ не только не могла бы продержаться та или другая система извѣстный періодъ времени, но не было бы ни одной устойчивой мысли; что одинъ созидаль, то другой бы разрушалъ, словомъ тутъ была бы безъисходная всеразрушающая борьба.

Если дальнѣйшее движеніе философіи обусловливается вѣрою, если ей, по содержанію и принципу ея, приписывается значеніе только научной вѣры, а не знанія въ строгомъ смыслѣ, то подъ ту же область вѣры должны быть подведены науки, непосредственно соприкасающіяся съ философіею,—мы разумѣемъ правовѣдѣніе, исторію и Богословіе.—Но если эти науки игнорируютъ своимъ философскимъ базисомъ, и вмѣсто того, чтобъ задаваться вопросами о всеобщемъ понятіи и происхожденіи права (правовѣдѣніе), о природѣ и назначеніи человѣческаго духа (исторія), объ идеѣ Божества, сущности и назначеніи религіи (Богословіе),—если онѣ, отторгшись отъ этихъ существенныхъ первосте-

пенной важности основъ, опираются на основахъ второстепенныхъ, на позитивномъ правѣ, позитивной религіи и однихъ внѣшнихъ фактахъ, то онѣ тѣмъ менѣе могутъ быть признаны точными науками. Причина этому — шаткость и бездоказательность этихъ основъ; въ самомъ дѣлѣ, какоенибудь право потому только, что оно гдѣ-нибудь и когда-нибудь имѣло или имѣетъ значеніе права, не есть еще истинное право; религія потому только, что гдѣ-нибудь имѣетъ позитивное значеніе, не есть еще истинная религія; твердая внѣшняя постановка историческихъ фактовъ, отрывающая ихъ отъ научной почвы, чуждая философскихъ воззрѣній, не уясняетъ всей важности и значенія ихъ; такая постановка не достойна науки, унижительна и оскорбительна для ея имени.

Но не достигаютъ ли упомянутыя науки точнаго знанія тогда, когда онѣ, стараясь быть достойными своего имени, занимаются научными изслѣдованіями и разработкою даннаго фактами матеріала, когда напримѣръ правовѣдѣніе излагаетъ содержаніе законовъ въ органической связи съ ихъ мотивами и цѣлями, старается твердо установить ихъ смыслъ и значеніе? Нѣтъ,—какъ законы человѣческіе не могутъ отвѣчать на всѣ потребности жизни и всѣхъ частныхъ случаевъ ея предусмотрѣть не въ состояніи, и, оставаясь позади идущей впередъ жизни, постоянно ветшаютъ и дряхлѣютъ: такъ и наука о нихъ всегда болѣе или менѣе не ясна и не опредѣленна. Это всего виднѣе изъ того, что самый опасный судья, при всемъ своемъ стараніи подвести подъ законъ какой-нибудь частной случай и взвѣсить всѣ основанія защиты и обвиненія, не можетъ опредѣлить точно степени виновности и сказать утвердительно, что именно поэтому, а не по другому закону долженъ быть наказанъ проступокъ. Къ неменьшимъ сомнѣніямъ ведутъ насъ результаты исторіи, коль скоро она силится подняться нѣсколько выше внѣшняго сплоченія фактовъ и хочетъ проникнуть въ причинную связь, основу и значеніе историческихъ событій, въ основной и конечный пункты ихъ: выступая изъ предѣловъ видимаго, она переступаетъ черту доказаннаго и вступаетъ въ область гипотезъ вѣры. Мы не говоримъ уже о Богословіи, которое принципомъ своимъ поставляетъ вѣру и имѣетъ дѣло съ предметами большею

частью таинственными: основоположенія и результаты его, будутъ ли то идеи или факты, — никогда не достигаютъ математической точности и очевидности.

Мы должны остановиться на исторіи, какъ на наукѣ, болѣе всѣхъ другихъ опирающейся на вѣру. Намъ нѣтъ нужды доказывать, что эта наука не выбилась еще изъ гипотезъ вѣроятностей, что вся она держится на вѣрѣ: по самому содержанію и характеру своему, она слагается изъ безчисленнаго ряда свидѣтельствъ о событіяхъ міра нравственнаго и физическаго, принятыхъ ею отъ другихъ и предлагаемыхъ нашему принятію на вѣру. Но въ виду того, что о событіяхъ время отдаленныхъ, особенно древняго и доисторическаго міра, она приводитъ такіа свидѣтельства, достовѣрность которыхъ не можетъ быть доказана, и которыя она однако-жъ, во имя всеобщей вѣры въ нихъ считаетъ достовѣрными, — въ виду столь сомнительныхъ вѣроятностей многихъ историческихъ повѣствованій, предъ нами возстаетъ другого рода вопросъ: какъ справляется историческая вѣра съ подобными повѣствованіями и вообще съ необъятною массою фактовъ и повѣствованій, не надѣляется ли она насъ фантастическими вымыслами, исполняетъ ли она обычную свою задачу въ отношеніи къ наукѣ, т. е. расширяетъ ли объемъ ея и уясняетъ ли для сознанія ея содержаніе, словомъ имѣетъ ли она характеръ научной вѣры? На предложенный вопросъ мы ограничимся общимъ отвѣтомъ. Историческая вѣра вездѣ, гдѣ позволяютъ ей данныя, поступаетъ осмотрительно, сознательно и послѣ строгихъ научныхъ изслѣдованій принимаетъ повѣствуемое событіе. Извѣстно, что всякое передаваемое другими событіе она признаетъ заслуживающихъ довѣрія лишь тогда, когда во-первыхъ предметъ вѣроятенъ и когда во вторыхъ повѣствующее о немъ лице заслуживаетъ довѣрія. Ища отвѣта на первый вопросъ, или изслѣдуя, возможно ли рассказываемое событіе, т. е. согласно ли оно съ общими законами познанія, и дѣйствительно ли оно случилось, т. е. согласно ли съ законами природы внѣшней или внутренней, она (историческая вѣра) старается провѣрить все самымъ вѣрнымъ мѣриломъ и все подвести подъ строгую норму законовъ бытія и познанія, и, чрезъ практическое примѣненіе этихъ законовъ, достигаетъ опытнаго и слѣдо-

вательно вѣрнаго познанія ихъ и строгой научной оцѣнки всякаго событія. Разработывая второй вопросъ, — заслуживаетъ ли довѣрія свидѣтельствующее лицо и при этомъ допрашивая, могло ли оно знать передаваемое имъ происшествіе и вѣрно ли передаетъ его, она старается проникнуть въ степень образованія его, характеръ и отношенія его: общественныя, политическія и религіозныя, словомъ изучить всю біографію его. При встрѣчѣ съ свидѣтельствомъ о событіи, превышающемъ законы природы, она не отвергаетъ его потому только, что оно смущаетъ пониманіе, но старается, насколько то возможно для ограниченнаго ума, приблизить его къ пониманію, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ по всѣмъ, такъ называемымъ, признакамъ достовѣрности чудесъ, и такимъ образомъ съ осторожною и благоразумною осмотрительностію признаетъ его достойнымъ вѣроятія. При историческо-критическомъ дознаніи подлинности сообщаемаго свидѣтельства, она выступаетъ на болѣе обширное поприще научнаго изслѣдованія. Тутъ она собираетъ и оцѣниваетъ свидѣтельства древнихъ писателей о данномъ свидѣтельствѣ, изучаетъ свойства и характеръ писателя, въ сочиненіи котораго она находитъ это свидѣтельство, перебираетъ обстоятельства ему современныя и послѣдующія. Нужно ли говорить о томъ, сколько требуется при этомъ знанія исторіи, литературы, логики, археологіи и проч? Еще большихъ познаній, еще большаго знакомства съ соприкосновенными науками: Богословскими, философскими и т. д. требуетъ она, когда со всею тонкостію и отчетливостію герменевтики пытается опредѣлить смыслъ свидѣтельства, языкъ сочиненія, изъ котораго оно взято, языкъ и духъ писателя, характеръ вѣка, къ которому онъ принадлежитъ и проч. Равнымъ образомъ, сколько требуется разсудительности, такта, начитанности, при сличеніи свидѣтельствъ, при усвоеніи каждому изъ нихъ заслуженной мѣры вѣроятности, преимущественно жъ при примиреніи противорѣчащихъ свидѣтельствъ, будетъ ли это противорѣчіе въ словахъ или въ мысляхъ, прямое или отрицательное. Во всякомъ случаѣ, она принимаетъ свидѣтельства не прежде, какъ они выдержатъ эту научно-критическую пробу? Вотъ на какой вѣрѣ держится историческая наука. Это не есть безразборчивая собирательница фактовъ, но сила интеллектуальная, душа

и двигательница науки. И при всемъ томъ, особенно если взять во вниманіе то, что многіе изъ историческихъ фактовъ и лицъ оказываются теперь вымыслами и мифами, исторія не выходитъ изъ круга вѣры, хотя бы то въ высшей степени сознательной и научной.

В., Переходя наконецъ къ наукамъ естественнымъ, мы встрѣчаемся съ безчисленнымъ множествомъ догадокъ и гипотезъ, которыя даютъ имъ едва ли не послѣднее мѣсто въ области научной вѣры. Правда, составляющіе основы этихъ наукъ факты, опыты и наблюденія, поражаютъ своею очевидностію, объясненія явленій изъ силъ и законовъ природы представляются очень убѣдительными и интересными, но это только для перваго и притомъ не опытнаго взгляда; мы уже видѣли, что для насъ понятны только дѣйствія и явленія природы, но то, что скрывается за поверхностію ихъ, ихъ жизнь и причины, силы и законы мы знаемъ слишкомъ мало, по догадкамъ, по вѣрѣ. Для нагляднаго уясненія дѣла, мы обратимъ преимущественное вниманіе на два основныхъ закона природы, служащіе основными принципами физики,—во первыхъ на законъ движенія. На что, повидимому, яснѣе слѣдующей формулы его: «всякое движущееся тѣло, встрѣчаясь на пути своего движенія съ другимъ тѣломъ, столько же теряетъ быстроты своего движенія, сколько другое получаетъ отъ него силы движенія». (Стоитъ только взглянуть на движеніе шаровъ въ биллиардной игрѣ, чтобъ получить самое ясное понятіе о дѣйствиіи этого закона). Но если всмотрѣться въ дѣло ближе, то окажется, что ясное представленіе мы получаемъ только о дѣйствиіи закона (о встрѣчѣ одного шара съ другимъ, о дальнѣйшемъ движеніи ихъ), но о причинѣ или посредствѣ движенія, о томъ, какъ матеріальное тѣло переноситъ свое движеніе, какъ нѣчто нематеріальное, на другое тѣло, или отъ другого этого тѣла получается новое движеніе, и что такое движеніе вообще,—обо всемъ этомъ мы имѣемъ смутное представленіе, чтобъ не сказать, что и вовсе ничего не знаемъ. Что можетъ быть также очевиднѣе и, такъ сказать, осязательнѣе проявленій закона тяготѣнія, по которому всѣ тѣла устремляются къ своему центру? Видя напимѣръ, что яблоко падаетъ на землю, всякій что нибудь читавшій говоритъ, что нѣтъ проще и естественнѣе

этого явленія, что всѣ тѣла притягиваются землею; но почему и какъ притягиваются? На это ни одинъ естествоиспытатель не дастъ удовлетворительнаго отвѣта, или лучше въ отвѣтѣ своемъ онъ повторитъ только вопросъ, онъ скажетъ, что «всѣ тѣла притягиваются землею, потому что притягиваются». Въ самомъ дѣлѣ, при изслѣдованіи этого закона, мы ясно понимаемъ только дѣйствіе его, стремленіе меньшаго тѣла къ большому въ опредѣленной быстротѣ, обусловленной отношеніями близости и отдаленія. Такъ называемая сила притяженія, выдаваемая обыкновенно за причину этого явленія, есть не болѣе какъ гипотеза, придуманная однимъ и подхваченная другими (и то впрочемъ послѣ долгихъ оспариваній ея), и имѣющая силу до тѣхъ поръ, пока другая, болѣе убѣдительная гипотеза не вытѣснитъ ея. И что такое это притяженіе? Возможно ли, чтобъ одно, находящееся на опредѣленномъ мѣстѣ, тѣло оказывало дѣйствіе влеченія на другое тѣло, прикрѣпленное, такъ сказать, къ своему мѣсту и удаленное отъ перваго на значительное разстояніе? Тутъ причина съ дѣйствіемъ находится внѣ всякой видимой связи: между тѣмъ какъ дѣйствіе не можетъ быть и мыслимо безъ пространственной связи съ своею причиною: такъ какъ дѣйствіе, какъ мы видѣли, есть явленіе послѣдующее, а причина предъидущее, находящаяся въ неразрывной между собою связи. Скажемъ болѣе, это притяженіе—такая загадка, какъ въ психологической области явленія сомнамбулизма: и дѣйствительно, это стремленіе или движеніе тѣла къ землѣ, возбуждаемое неизвѣстною силою, направляемое по невѣдомому пути и продолжающееся до тѣхъ поръ, пока тѣло не успокоится въ своемъ центрѣ—не такая ли тайна, какъ и хожденіе или стремленіе сомнамбулиста къ чему то невѣдомому, неизвѣстно какою силою возбуждаемое, невѣдомо куда направляемое и оканчивающееся тѣмъ, что онъ ложится на мѣсто своего покоя? Придуманная новѣйшимъ естествознаніемъ гипотеза, что въ данномъ случаѣ сила притяженія передается въ воздухѣ отъ одного атома къ другому, пока не достигнетъ отдаленнѣйшаго тѣла,—слишкомъ мистична, чтобъ придавать ей какое бы то ни было значеніе: она съ неменьшимъ правомъ можетъ быть приложена и къ упомянутымъ видѣніямъ сомнамбулизма.

Между тѣмъ загадка эта принимается точною наукою за коренной фондъ ея тенденціей. Астрономія напимѣръ не можетъ сдѣлать ни одного шага безъ загадочнаго этого закона притяженія, благодаря которому она сдѣлалась наукою дедуктивною. Однакожь она не только не разрѣшаетъ этой загадки, но ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ другою гипотезою, которую она принимаетъ, впрочемъ, также за фондъ свой, это тогда, когда она силится доказать, что сила притяженія въ солнцѣ парализуется или лучше уравновѣшивается такъ называемымъ касательнымъ движеніемъ планетъ, по которому онѣ движутся не по прямой линіи въ направленіи къ центру солнца, но по эллиптическому пути вокругъ солнца. Тутъ сами собою возникаютъ вопросы: откуда это касательное (первоначальное) движеніе, что за движущая сила въ немъ, какая причина движенія? Кто опредѣлилъ и измѣрилъ эту силу такъ точно, что именно въ найденномъ, а не въ другомъ отношеніи стоитъ она къ силѣ притяженія? На всѣ эти вопросы отказывается отвѣчать астрономія; а между тѣмъ они такъ важны, что всѣ таинственныя вычисленія о времени наступленія солнечныхъ и лунныхъ затменій, вычисленія, которыми гордится астрономія, какъ тайнами изъ другого міра, были бы для всѣхъ азбучными истинами, если-бъ только мы знали причину допрашиваемаго движенія. Такъ мало знаетъ наука о самыхъ общихъ, всюду дѣйствующихъ законахъ природы. Мы не говоримъ уже о томъ, что многіе законы никому еще не приходили въ голову, что многіе другіе, которые должны бы пріобрѣсти значеніе общихъ законовъ, если и извѣстны, то исключительно какъ законы или свойства ограниченнаго класса явленій: подобно тому какъ электричество, признаваемое теперь за одинъ изъ наиболѣе всеобщихъ дѣятелей природы, было извѣстно нѣкогда лишь какъ любопытное свойство, пріобрѣтаемое нѣкоторыми веществами отъ тренія и имѣющее способность притягивать и отталкивать легкія тѣла.

Еще менѣе извѣстны намъ силы свѣта, теплоты, электричества, магнетизма. Утвердительно можно сказать, что никакой спеціалистъ въ этомъ родѣ не имѣетъ не только смутнаго, но и вовсе никакого представленія; ни о колебаніи, ни о распространеніи эфирныхъ атомовъ, отъ которыхъ

зависятъ явленія свѣта, ни о имманентномъ движеніи и соприкосновеніи атомовъ какого-нибудь тѣла, отъ чего происходитъ теплота потому что атомъ, по дознанію самого естествознанія, есть нѣчто ненаблюдаемое, непредставляемое. Въ самомъ дѣлѣ, атомъ не есть понятіе, похожее напримѣръ на понятіе треугольника. Хотя послѣдняго въ чистой геометрической фигурѣ мы не видимъ въ природѣ, но тѣмъ не менѣе онъ мыслится нами такъ ясно и раздѣльно, какъ соединяющійся въ мысли нашей изъ трехъ взаимно пресекающихся себя линій; напротивъ атомъ, какъ наималѣйшая и наипростѣйшая часть тѣла. или какъ тѣлесное въ его послѣдней, нераздробляемой и неуменьшаемой простотѣ и миниатюрности, представляется намъ какъ нѣчто общее, смутное, или лучше вовсе не можетъ быть предметомъ представленія. При такой неопредѣленности понятій и самыхъ основныхъ и наиболѣе распространенныхъ въ природѣ силахъ, не удивительно, что такъ часто мѣняются воззрѣнія науки на самыя обыкновенныя явленія природы; прежде напримѣръ утверждали, что явленія свѣта въ природѣ зависятъ отъ истеченія свѣтовой матеріи изъ солнца, а теперь нашли, что онѣ происходятъ отъ движенія ээира. Но то и другое болѣе чѣмъ сомнительно, ниже твердой гипотезы или никакъ не выше вѣры.

Итакъ, если естественныя науки такъ мало знаютъ объ общихъ, заправляющихъ всею жизнію природы законахъ, силахъ и, какъ мы прежде видѣли, о причинахъ и субстанціи предметовъ природы, то что же въ нихъ есть собственно научнаго? Очень не много, — большею и существенною своею частію онѣ принадлежатъ къ области гипотезы, вѣры.

Самые опыты, ощущенія и наблюденія, которыми такъ хвалится естествознаніе, считая за единственный источникъ знанія, а себя за самую точную науку, могутъ сами имѣть и естествознанію передать значеніе очевидности и несомнѣнности лишь подъ тѣмъ условіемъ, если имъ будетъ сопутствовать вѣра въ сообразность законовъ природы и духа и проистекающую отсюда возможность истиннаго познанія природы и незыблемость свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ. Въ этой вѣрѣ, какъ основѣ своей истинности, тѣмъ болѣе нуждаются чувственныя воззрѣнія и наблюденія, что само естествознаніе, такъ тщеславящееся эмпи-

ризмомъ, старается доказать, что наши чувственные воззрѣнія и опредѣленности, подѣ которыми намъ являются вещи въ природѣ, не соотвѣтствуютъ сущности послѣднихъ. Дѣйствительно, предметы сами по себѣ ни худы, ни хороши, ни теплы, ни холодны, не имѣютъ цвѣта и проч., а то, что называется на нашемъ языкѣ теплотою и холодомъ, цвѣтомъ, есть нѣчто другое, отличное отъ того, что является въ природѣ; напримѣръ когда мы ощущаемъ теплоту, холодъ, тогда въ предметахъ совершается большая или меньшая быстрота движенія самонаимѣннѣйшихъ частицъ, вовсе непохожая на наше ощущеніе; когда видимъ цвѣты, въ природѣ происходитъ колебательное движеніе ээира. Объективности осязанія, этого нагляднѣйшаго и осязательнѣйшаго изъ всѣхъ чувствъ, и то нельзя, повидимому, довѣрять вполнѣ, въ виду напримѣръ того, что одинъ и тотъ же циркуль кажется намъ то съ двумя кончиками, при прикосновеніи ихъ къ концамъ пальцевъ, то съ однимъ, при наложеніи его на ладонь. Извѣстны также факты, что одинъ и тотъ же электрическій токъ мы воспринимаемъ глазомъ, какъ искру, ухомъ какъ трескъ, носомъ какъ фосфорный запахъ, языкомъ какъ кислый вкусъ, кожею какъ горячій уколъ. Какое же изъ этихъ воспріятій справедливое? А сколько есть въ природѣ вещей и опредѣленныхъ свойствъ, которыхъ нашъ глазъ не можетъ воспринять по слабости раздраженій нерва, сколько въ природѣ такихъ предметовъ, которыхъ мы не можемъ ни видѣть, не смотря на всѣ телескопы и микроскопы, ни слышать, ни обонять, ни осязать. Равнымъ образомъ можно ли выполнить безконечныя, предлагаемыя логикою условія правильности наблюденій и опытовъ, и слѣд. можно ли вполнѣ быть увѣрену въ правильности тѣхъ и другихъ? При указанномъ различіи между чувственными воспріятіями и реальнымъ бытіемъ, при такой ограниченности и близорукости опытовъ и наблюденій, при нашей неувѣренности въ правильности производства тѣхъ и другихъ (опытовъ и наблюденій), они сами по себѣ не могутъ служить источникомъ и критериумомъ точности и несомнѣнности познаній. Равно и на построенные на нихъ индуктивные выводы нельзя полагаться, какъ на прочныя и несомнѣнныя. тѣмъ болѣе, что процессъ наведенія съ начала до конца утверждается на произволѣ

наблюдающаго лица: въ началѣ неизвѣстно, на какомъ ряду явленій слѣдуетъ остановить вниманіе, чтобы отыскать общій законъ и начало ихъ, а главное не извѣстно, когда и гдѣ слѣдуетъ прекратить процессъ перечисленія явленій и испытанія фактовъ. Этимъ мы не то хотимъ сказать, что приобретаемая этимъ путемъ познанія вовсе не объективны и бездоказательны; мы склонны утверждать только то, что эти познанія, которымъ обыкновенно приписываютъ характеръ очевидности и несомнѣнности, запутываются въ разныхъ сомнѣніяхъ; тутъ даже возникаетъ такого рода сомнѣніе: такъ какъ наше ощущеніе не есть непосредственное отображеніе въ насъ предмета, и такъ какъ бытіе и свойства вещей мы познаемъ посредствомъ воспріятій и ощущеній, которыя мы, по закону причинности, переносимъ на реальное бытіе и принимаемъ за проявленіе свойствъ самого предмета, то представленіе наше о реальномъ бытіи и этихъ свойствахъ не имѣетъ ли болѣе субъективнаго значенія? А главное сомнѣніе въ томъ, вѣрно ли чувства передаютъ намъ впечатлѣнія внѣшняго міра? Умозаключенія разсудка тутъ не при чемъ: потому что онъ не въ состояніи примирить тѣхъ противорѣчій чувствъ, по которымъ одинъ и тотъ же предметъ, какъ мы видѣли, представляется въ различномъ видѣ. Положиться на сознаніе? Но сознаніе, также какъ и разсудокъ, не можетъ доказать намъ даже реальности внѣшняго міра: оно непосредственно увѣряетъ насъ въ реальности его, какъ очевиднаго неоспоримаго факта, но эта увѣренность наша, собственно говоря, есть вѣра. И въ данномъ случаѣ намъ остается только вѣрить, что законы матеріи и духа, хотя и различны, но несовершенно противоположны, что матерія есть начало, подчиненное духу, что законы познанія человека, поставленнаго среди матеріальнаго міра, сообразны съ законами бытія послѣдняго, что Премудрый и Истинный Творецъ не могъ дать человѣку ложныхъ законовъ, живыхъ проводниковъ или орудій познаній (внѣшнихъ чувствъ), съ которыми бы онъ блуждалъ въ мірѣ и былъ бы несчастнѣе всѣхъ его существъ. А безъ этой вѣры мы должны мучиться сомнѣніями, дѣйствительно ли ощущенія, опыты и наблюденія наши ведутъ насъ къ истинному знанію. Слѣдовательно естествознаніе этою своею существенною

стороною, опытами и наблюденіями, опирается на вѣру. Вообще, проникаетъ ли оно въ законы, силы и причины явленій природы, или вращается въ кругу опытовъ и наблюденій, оно не выходитъ изъ неизбѣжнаго круга сомнѣній, гипотезъ и вѣры: оно твердо и прочно только въ опорѣ своей на вѣру.

Такъ широка область вѣры, такъ могущественна сила ея, такъ много беретъ себѣ она во всякой наукѣ и такъ мало оставляетъ на долю собственно-научнаго знанія. Но мы умалили бы значеніе ея, еслибъ не коснулись особаго ея вида, вѣры религіозной. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ вѣрою, касавшеюся предметовъ, доступныхъ внутреннему или внѣшнимъ чувствамъ и потому болѣе или менѣе постижимыхъ умомъ, но религіозная вѣра имѣетъ своимъ предметомъ истины не доступныя ни внѣшнему, ни внутреннему опыту и превышающія ограниченный разумъ; по причинѣ этой непостижимости для ума, онѣ принимаются нами непосредственно, единственно на основаніи благоговѣйнаго довѣрія къ Богооткровенному Авторитету, заключившему ихъ въ Богооткровенное ученіе религіи: принимаются не умомъ, а сердцемъ, хотя, обитая въ сердцѣ, онѣ озаряютъ умъ и движутъ волю. Изъ такого понятія о религіозной вѣрѣ открывается и ея значеніе для научнаго знанія.

Всякое разсудочное и научное познаніе возможны лишь потому, что въ нашемъ духѣ есть непосредственное глубочайшее признаніе присутствія въ немъ идеи Безконечной Истины, преломленными лучами которой занимаются разныя отрасли науки. Эта идея Первопричины и Верховнаго Начала всего сущаго движетъ познающій духъ, сознательно и безсознательно для него, отъ дѣйствій къ причинѣ, отъ явленій къ сущности, и, не позволяя ему остановиться на конечныхъ причинахъ и цѣляхъ, возводитъ его къ послѣдней Причинѣ и Верховной Цѣли всего существующаго. Она же составляетъ условіе истинности нашего познанія: если сосудъ, въ которомъ долго хранится благоухающее вещество, пропитывается его благоуханіемъ, то тѣмъ болѣе духъ отъ присутствія въ немъ Безконечной Истины, ожив-

ляющей и одушевляющей его, не может не быть причастнымъ. Этой Истинѣ; можно и должно даже допустить сродство его познанія съ Божественнымъ Началомъ, Которое какъ бы нисходитъ въ наше сознаніе, даетъ ему знать о себѣ и привноситъ въ него истинное знаніе. Самое сознаніе предѣла познанія возможно лишь потому, что насъ изъ глубины души озаряетъ какая то высшая идея, очерчиваетъ и освѣщаетъ доступную область, и возбуждаетъ сознаніе, что далѣе этой черты мы не можемъ видѣть. Не будь же въ насъ признанія дѣйствительности Безусловной Истины, не будь увѣренности въ томъ, что она живетъ въ насъ, возбуждаетъ стремленіе къ отысканію послѣднихъ основаній истины, движетъ и направляетъ познавательную дѣятельность, и слѣдовательно дѣлаетъ для нея истину достижимою, — никакъ не могла бы существовать истинная наука. Но такъ какъ это познаніе присутствія въ насъ Безконечной Истины есть внутреннее, глубочайшее, не дается намъ ни опытомъ, ни наблюденіемъ, ни логическимъ мышленіемъ, словомъ есть дѣло вѣры: то вѣра есть основа всякаго знанія и существованія науки.

Служа основою науки, вѣра не предупреждаетъ, однакожь, открытій ея, не отвѣчаетъ на научные вопросы ни въ одной области знанія, не сообщаетъ заранѣе тѣхъ новыхъ истинъ, надъ отысканіемъ которыхъ человѣкъ долженъ самъ трудиться: иначе бѣ она подавляла естественное развитіе ума, потому что, находя всякія научныя истины готовыми въ Откровеніи, онъ не сталъ бы предпринимать никакихъ поисковъ за истиною и коснѣлъ бы въ недѣятельности. Вѣра сообщаетъ намъ такія истины о всѣхъ предметахъ человѣческаго вѣдѣнія: о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, до которыхъ не можетъ дойти никакая наука, и которыя нужны намъ не для любопытства и любознательности, хотя бы и невинной, не для экзерцицій научнаго знанія, занятаго постройкою и перестройкою системъ, но для высшихъ нравственныхъ интересовъ, для воссоединенія души съ Ея Первообразомъ, и все свое ученіе предлагаетъ не въ видѣ ученой системы съ безконечнымъ рядомъ доказательствъ, что унизило бы Абсолютную Истину, — но кратко, неизмѣнно, рѣшительно съ авторитетомъ непререкаемой ис-

тины. Теперь, если наука въ своихъ изслѣдованіяхъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ доходитъ до такихъ предметовъ, на которые встрѣчаетъ указанія въ вѣрѣ или Откровеніи, то это значитъ, что тутъ конецъ ея изысканіямъ, что указанія свыше даны потому, что естественный умъ дальше идти не можетъ, и ему остается, правильно уразумѣвъ эти указанія, подвести свои изысканія подъ это мѣрило, провѣрить свои сужденія Высочайшимъ Критеріумомъ, благоговѣнно принять свидѣтельство Высочайшаго Разума, какъ послѣднее слово истины. На этой послѣдней ступени своего развитія, равно и на предшествовавшихъ ему ступеняхъ восхожденія знаніе всегда найдетъ въ вѣрѣ свѣтъ и разумъ, ея свидѣтельство для него *ultima ratio*. И ни что другое не можетъ замѣнить этотъ Критерій. Авторитетъ частнаго лица, хотя бы самаго величайшаго мыслителя, не можетъ быть такимъ критеріумомъ. Извѣстно какъ нескоро и въ какомъ ограниченномъ числѣ давались вѣрныя научныя открытія самымъ великимъ мыслителямъ, какъ часто мѣняли они свои взгляды и до какихъ иногда абсурдовъ договаривались. Частный, положимъ великій авторитетъ ведетъ за собою посредственные умы, предохраняя ихъ отъ субъективныхъ непримиримыхъ доктринъ и сообщая наукѣ болѣе или менѣе устойчивое направленіе, но это только на время, пока извѣстный періодъ времени держится его система, но получаетъ обаяніе новая система,—все прежнее рушится и исчезаетъ во всеувлекающемъ новомъ потокѣ. Тѣмъ менѣе разумъ человѣческой можетъ положиться на самого себя, самъ себѣ быть судьей. Въ всякой зависимости его отъ вѣры въ Откровеніе для него неизбѣжны двѣ крайности: слѣпое довѣріе къ собственной теоріи (догматизмъ), доходящее до самообоготворенія, или же отрицаніе всякаго знанія (скептицизмъ). Только въ вѣрѣ въ Откровеніе онъ можетъ найти успокоительное разрѣшеніе своихъ сомнѣній, незыблемое свидѣтельство истины, всепримиряющій критерій всякаго прекословія.

Говорятъ, что этотъ наивысшій Критерій, возбраняя пытливой мысли переступать за извѣстную черту, требуя отъ нея безусловнаго довѣрія къ истинамъ вѣры, не только не благопріятствуетъ наукѣ, но подавляетъ всякое свободное движеніе мысли, возбуждаетъ въ ней томительное сму-

ценіе, страданіе. Противъ этого достаточно сказать то, что вѣра не обязана доставлять разсудку логическое убѣжденіе въ справедливости ея истинъ: иначе она потеряла бы достоинство вѣры и снизошла бы на степень обыкновеннаго знанія. Непостижимость ея истинъ требуется самымъ существомъ ихъ, какъ истинъ Ума Безпредѣльнаго. Непостижимость эта состоитъ собственно въ несоотвѣтствіи между высотой содержанія ихъ и образомъ выраженія, и это вытекаетъ также изъ существа ихъ: Божественная истина не можетъ быть объята человѣческимъ словомъ, потому что всякая истина, даже и человѣческая чѣмъ выше по содержанію, тѣмъ поразительнѣе слабость выраженія ея на языкѣ человѣческомъ. Къ тому жъ, мысль человѣческая никогда не должна имѣть притязанія на абсолютное знаніе и совершенное пониманіе; для нея всегда должна быть закрыта высшая духовная область; у нея есть своя сфера мыслимаго. Вотъ, въ эту то недоступную область вѣра и не пускаетъ пытливую мысль, а отсылаетъ ее въ свойственные предѣлы. Значитъ вѣра не только не стѣсняетъ движенія мысли въ предѣлахъ мыслимаго, но оказываетъ ей весьма важную услугу, предостерегая ее отъ напрасныхъ трудовъ и блужданія по невѣдому пути; а безъ ея руководящаго и предостерегающаго вліянія разумъ человѣческій, какъ неоперившійся птенецъ, въ неестественно высокому полетѣ мысли, выбился бы изъ силъ, постоянно падалъ бы и кружился. Но эту возвышенную область духовнаго вѣдѣнія она затворяетъ только для разсудка, отвергая ее для другихъ болѣе высшихъ созерцательныхъ силъ, напримѣръ ума, органа духовнаго пониманія. Развивая и усовершеншая эти силы при содѣйствіи Силы Высшей, она сообщаетъ имъ такія истины, которыя наука подбираетъ какъ перлъ, и которыя служатъ вѣнцемъ и украшеніемъ, основными и исходными принципами ея. Такія заимствованія тайныя и явныя дѣлаетъ у вѣры философія, законовѣдѣніе, преимущественно жъ тѣ науки, которыя непосредственно примыкаютъ къ истинамъ вѣры, къ которымъ не приложимъ господствующій въ точныхъ и естественныхъ наукахъ методъ изслѣдованія, и совершенство которыхъ состоитъ не столько въ доказываніи, сколько въ изъясненіи истинъ вѣры, въ приближеніи ихъ къ сознанію и чувству.

Но не однимъ воздѣйствіемъ высшихъ силъ, но и возвышеніемъ духа надъ всѣмъ земнымъ и дольнымъ, узкимъ и эгоистичнымъ, вѣра, естественно изоощряетъ умственный его взоръ и расширяетъ кругозоръ науки: съ этой высоты безстрастія умъ лучше видитъ и себя, и вселенную, и Творца; освобожденная отъ давленія своекорыстія и эгоизма, мысль его расширяется какъ бы вслѣдствіе своей упругости. Особенно важна услуга съ этой стороны для метафизическаго знанія, истины котораго во всей ихъ силѣ и величіи познаются только вслѣдствіе глубокаго, дѣятельнаго и возвышеннаго стремленія мысли и сердца къ Безконечному, вслѣдствіе отрѣшенія ихъ отъ всего своекорыстнаго и эгоистичнаго. Далѣе, вѣра не можетъ не содѣйствовать высотѣ и глубинѣ научнаго знанія чрезъ очищеніе духа отъ заблужденій и предразсудковъ, не частныхъ, спеціальныхъ въ той или другой области науки, (это было бы насиліемъ естественнаго развитія ума), а отъ заблужденій и предразсудковъ общаго умственнаго и нравственнаго направленія; напимѣръ искорененія эгоизмъ, она исторгаетъ держащіяся на немъ предразсудки вражды и пристрастія: сословныя, политическія, національныя. Это очищеніе ума отъ предразсудковъ и заблужденій есть своего рода умственная операція, открывающая просвѣтленному взору новый міръ вѣдѣній: подобно тому какъ снятіе бѣльма съ глаза дѣлаетъ зрительный нервъ способнымъ къ дѣятельности новой, широкой, до тѣхъ поръ недоступной для него. Наконецъ, вѣра не остается безъ благотворнаго вліянія на духъ, направленіе и методы научныхъ изслѣдованій.—По причинѣ легкомыслія, ложности вкуса писателя, недостатка этическихъ убѣжденій и интересовъ, его наука нерѣдко пробавляется переборомъ однѣхъ внѣшнихъ случайностей предмета, (иная, напимѣръ исторія занята преимущественно архитектурою зданій у всѣхъ народовъ, покровомъ платья, устройствомъ экипажей). Между тѣмъ вѣра, дѣлая насъ людьми строгаго нрава, самоуглубленія и сосредоточенности, вырабатывая въ насъ серьезный взглядъ на жизнь, умѣющій оцѣнивать людей и вещи по натурѣ ихъ, а не по внѣшности случайной, возбуждая въ насъ энергію, честность и добросовѣстность въ исполненіи каждаго дѣла,—не можетъ не способствовать серьезности и глубинѣ научныхъ изслѣ-

дованій, обращая ихъ на предметы и признаки самые важные, указывая имъ направленіе самое возвышенное, намѣчая пункты для органическихъ построеній самые твердые. Это—строго формирующее, зиждущее начало, постоянно нарастающій талантъ духа, разума и науки. Оттого научныя работы истинно-религіозныхъ людей отличаются возвышенностію и глубиною взглядовъ, строгостію изслѣдованія, твердостію приемовъ, многосодержательностію и законченностію. И какъ часто вѣра, перешедши въ религіозное воодушевленіе, служитъ для нихъ источникомъ наивысшихъ откровеній естественнаго ума! Ей обязаны своимъ существованіемъ многія великія творенія поэтовъ, естествоиспытателей и философовъ.

Итакъ, важное значеніе религіозной вѣры для научнаго знанія состоитъ въ томъ, что она служитъ коренною основою всякаго знанія и науки, наивысшимъ и всепримиряющимъ критеріемъ безконечныхъ доктринъ; далѣе, предохраняя разумъ отъ напрасныхъ стремленій въ недоступную для него духовную область и отвергая ее для высшихъ силъ души, сообщаетъ изъ ней такія истины, которыя служатъ драгоценнымъ достояніемъ науки; очищая духъ отъ грубой примѣси чувственности и эгоизма, отъ заблужденій и предразсудковъ, она очищаетъ и просвѣтляетъ разумъ, расширяетъ и расчищаетъ область его познаній, и наконецъ благотворно вліяетъ на духъ и методы научныхъ изслѣдованій, сообщая имъ направленіе возвышенное, существенно важное и безпристрастное, твердое и незыблемое.

Конечно, область научной вѣры несравненно шире, ея услуги для развитія научнаго знанія гораздо важнѣе, и состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что выводя всѣ науки изъ того пагубнаго самообольщенія, будто онѣ достигли своего апогея (точныхъ несомнѣнныхъ знаній), и сама подъ скромнымъ именемъ гипотезы—ища всевозможныхъ основаній для опоры на нихъ своихъ выводовъ, не только застраховываетъ науку отъ инерціи, но постоянно нудитъ ее расширять и углублять свѣдѣнія и изслѣдованія, и такимъ образомъ служитъ основою и увлекательницею

науки. Съ своей стороны, религіозная вѣра, хотя и не имѣетъ своимъ призваніемъ быть двигательницею науки, но, преобразуя и усовершая все существо человѣка, не можетъ не вліять на развитіе ума, не можетъ не споспѣшествовать научному знанію въ его стремленіи къ истинѣ. Вотъ въ чемъ важное значеніе той и другой вѣры.

I. А.

ПРИБРЪТЕНІЕ ДУХОВНАГО СОВЕРШЕНСТВА, КАКЪ ЗАДАЧА И БЛАГО Личной жизни по ХРИСТИАНСКОЙ И ОБЩЕ-ФИЛОСОФСКОЙ МОРАЛИ.

А. Жизнь по плоти и жизнь по духу.

Жизнь въ обычномъ словопониманіи есть существованіе лица или предмета, характеризуемое раскрытіемъ и обнаруженіемъ во-внѣ присущихъ ему силъ и способностей.

Каждое живое существо неизбѣжно проявляетъ лежащія въ немъ и данныя отъ природы способности и стремленія.

Какъ процессъ самораскрытія и проявленія извѣстной жизненной силы, жизнь должна имѣть свою цѣль. Эта цѣль есть благо въ обширномъ смыслѣ. Каждое живое существо стремится къ своему благу раскрываетъ свои силы и способности своего блага, свойственнаго ему по его природѣ. Идея блага есть основной движущій мотивъ жизни.

Отсюда жизнь есть развитіе того или иного существа — предмета природы для достиженія свойственнаго ему блага; жизнь есть стремленіе къ благу чрезъ развитіе и дѣятельность.

Прилагая этотъ выводъ, въ частности, къ жизни человѣческой, надо сказать, что и она состоитъ въ томъ, что каждый человѣкъ развиваетъ и раскрываетъ вложенные въ его природу задатки, потребности и стремленія, съ цѣлію достиженія его жизненнаго блага. Идея блага служитъ возбуждательнымъ импульсомъ человѣческой жизнедѣятельности; человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ, потому что ищетъ себѣ блага. Если бы не было у человѣка кореннаго стремленія къ благу, не было бы и движущаго мотива къ раскрытію внутренняго содержанія личности, къ обнаруженію ея силъ и способностей, и самая жизнь человѣческая, какъ дѣятельность, была бы тогда невозможна. Жизнь каждого

человѣка въ отдѣльности есть конкретное и дѣятельное обнаруженіе того, какъ онъ понимаетъ свое благо и какіе употребляетъ способы къ его достиженію.

Какой же смыслъ человѣческаго существованія? Какое благо жизни избрать для себя, какъ наилучшее и достойное человѣка? Надо сказать, что практика человѣческой жизни разрѣшала и разрѣшаетъ вопросъ о задачахъ и цѣли человѣческаго существованія весьма разнообразно. Однако общій отвѣтъ на поставленный вопросъ долженъ быть тотъ, что самое развитіе и обнаруженіе свойственныхъ человѣку нормальныхъ способностей и стремленій и должно составлять наилучшее для него благо. Нормальное развитіе человѣка—вотъ его лучшее жизненное благо.

Что назвали бы мы благомъ для существъ міра неорганическаго, органическаго и животнаго-полусознательнаго? Конечно, не иное что, какъ осуществленіе задачи ихъ жизни. Они имѣютъ извѣстные законы, нормы своего существованія; въ осуществленіи, оправданіи этихъ нормъ и законовъ и будетъ состоять благо ихъ жизни.

Что же человѣкъ? Имѣетъ ли онъ какія либо нормы своего существованія, которыя онъ долженъ, или призванъ самодѣятельно осуществлять въ своей жизни? Есть-ли у человѣка основныя начала его бытія и развитія? Конечно, есть: безъ нихъ невозможно было бы и его истинно-человѣческое существованіе. Но въ такомъ случаѣ, по самой строгой аналогіи съ существами царства неорганическаго, растительнаго и животнаго, нужно признать, что въ укрѣпленіи и жизненномъ осуществленіи высшихъ началъ человѣческаго бытія и должно состоять благо для сознательной личности.

Какія же это начала? Гдѣ они положены? Прежде всего надо сказать, что не въ законахъ и потребностяхъ тѣлесной, физической природы человѣка, свойственныхъ и низшимъ существамъ внѣшняго міра. Конечно, потребностей животнаго существованія нельзя не удовлетворять—для продолженія жизни на землѣ. Таковы потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и проч. Совершенное, всецѣлое отреченіе отъ нихъ само по себѣ невозможно, если только человѣкъ .

находить безразсуднымъ отречься отъ самой личности, т. е. лишать себя самаго возможности существованія. Но, хотя потребности питанія, одежды, жилища и т. п. и относятся къ личности, и должны быть удовлетворяемы, однако въ нихъ, строго говоря, нѣтъ еще дѣйствительнаго, *истиннаго* блага. Онѣ являются только неизбѣжными условіями, направленными къ поддержанію тѣлесной жизни личности.

Между тѣмъ истинное благо, котораго ищетъ человѣкъ, является предметомъ внутреннихъ стремленій его духа, а не удовлетвореніемъ внѣшней животной потребности, существенною *задачею* жизни человѣка, а не простымъ только *условіемъ*, обеспечивающимъ его существованіе. Внѣшнія потребности жизни имѣютъ для человѣка такое же значеніе, какое напримѣръ для цвѣтка или растенія имѣютъ всѣ тѣ условія, которыми поддерживается ихъ жизнь и ростъ: таковы—солнечный свѣтъ, хорошая почва, влага въ достаточномъ количествѣ и т. д. Въ удовлетвореніи внѣшнихъ потребностей нѣтъ заслуги или достоинства, потому что это—дѣло простой необходимости. Тогда какъ истинное благо жизни—предметъ воли и духа, предметъ непринужденныхъ, внутреннихъ влеченій, къ которому личность стремится *одновременно* съ поддержаніемъ своего существованія. Въ обладаніи высшимъ благомъ жизни человѣкъ думаетъ найти не внѣшнее довольство, а внутреннее успокоеніе, полный душевный миръ, который можетъ водвориться даже на развалинахъ земного благополучія.

Основныя начала бытія *сознательной личности* слѣдуетъ, само собою, искать ни въ чемъ другомъ, какъ именно въ самомъ сознаніи, *въ духъ* человѣка. Для насъ нѣтъ надобности рѣшать здѣсь вопросъ, существуетъ-ли духъ человѣка—какъ реальное начало психическихъ явленій, какъ субстанція, независимая и отличная отъ тѣла, существуетъ-ли сознаніе, какъ явленіе совершенно нематеріальное. Наблюденія надъ свойствами и жизнью личности несомнѣнно показываютъ, что человѣкъ живетъ *двойственною жизнью*—плотскою и духовною. Есть жизнь плоти и есть жизнь духа. Выраженія «плоть», «плотской», «духъ», «духовный» мы понимаемъ здѣсь въ томъ смыслѣ, въ какомъ они употребляются часто въ христіанскомъ божественномъ

Откровеніи ¹⁾. Подъ *плотию* разумѣется собственно не тѣлесная, физическая природа человѣка, а вообще начало заблужденій, зла и грѣха въ человѣкѣ. Плотской человѣкъ—тотъ, кто живетъ ради одной животной похоти, корыстолюбія и себялюбія. *Духъ*—начало высшей божественной жизни въ человѣкѣ. *Духовный* человѣкъ—тотъ, кто выплываетъ надъ міромъ и всѣми благами животной, себялюбивой и страстной жизни, кто живетъ только потребностями духа. Плотской человѣкъ иначе называется *душевымъ, ветхимъ*, а духовный—*новымъ* человѣкомъ. И нельзя не видѣть, что жизнь плотская и жизнь духовная находятся въ постоянномъ противоборствѣ (Гал. 5, 17 и сл.). Это—двѣ противоположности: одна (плотская)—мракъ, заблужденіе и извращеніе жизни, другая (духовная)—свѣтъ, истина и *настоящая* жизнь. Въ личности элементы той и другой жизни какъ будто перемѣшаны. Человѣкъ живетъ не для одного только животнаго блага и не для одного личнаго эгоизма, а и для высшихъ стремленій духа. Удовлетворяя этимъ стремленіямъ, человѣкъ часто приноситъ даже въ жертву имъ блага своего животнаго существованія. Жизнь по плоти и жизнь по духу находятся между собою въ обратномъ пропорціональномъ отношеніи. Чѣмъ больше расширяется жизнь по плоти, тѣмъ болѣе эгоизмъ и животная похоть подавляютъ сѣмена жизни духовной и препятствуютъ имъ возрасти, тѣмъ слабѣе жизнь по духу. Чѣмъ менѣе человѣкъ удовлетворяетъ потребности плотской жизни, чѣмъ съ большею настойчивостію подавляетъ ихъ, тѣмъ болѣе очищается поле для восхода и расцвѣта жизни по духу. По мѣрѣ возрастанія человѣка въ жизни духовной, умалняется жизнь по плоти и требованія ея постепенно ослабѣваютъ. Но чѣмъ болѣе умалняется жизнь духовная, тѣмъ сильнѣе пробивается наружу и крѣпнетъ жизнь плотская съ ея грѣховными потребностями.

Въ глубинѣ человѣческой природы лежатъ начала какъ нормальныхъ, такъ и ненормальныхъ психическихъ проявленій. Отсюда въ жизни сознанія и замѣчается какъ бы

¹⁾ См. Іоан. 3, 6, 63; Рим. 7, 14, 18; 8, 4—13; 1 Кор. 1, 14—16; 3, 3—5; 15, 39, 44 и сл. Гал. 2, 16; 3, 3; 5, 16 и слѣд; Быт. 6, 3, 12; Псал. 55, 5; 77, 39 и др.

раздвоеніе, или дѣйствіе двухъ противоборствующихъ началъ, изъ которыхъ одно влечетъ человѣка къ нормальному развитію и укрѣпленію духовныхъ сторонъ человѣческаго существа, другое, наоборотъ, къ произвольному уклоненію отъ этого развитія, къ ослабленію правильной жизни духа противоположными, низменными влеченіями.

II.

Безразсудно было бы полагать цѣль человѣческаго существованія въ жизни плотской, грѣховной, въ развитіи началъ эгоизма, чувственности и своекорыстія. Едва ли кто теперь будетъ серьезно утверждать, что разумная цѣль жизни человѣка и наилучшее, достойное его, благо заключается въ томъ, чтобы жить для собственной пользы, для удовлетворенія личному эгоизму и потребностямъ своего животнаго существованія. Только невѣжественному, духовно-неразвитому человѣку представляется на первый взглядъ, что онъ долженъ заботиться только о себѣ, о своемъ личномъ животномъ благѣ, а все остальное—неодушевленная природа и люди, окружающіе его, должны служить ему только *средствомъ* къ достиженію его личныхъ цѣлей. Но скоро человѣкъ узнаетъ, что и окружающіе его люди стремятся каждый къ своему личному благу, и готовы посягнуть на благо другихъ, какъ на средство къ достиженію собственнаго благополучія. Такъ возникаетъ между миллионами личностей раздоръ изъ-за блага, борьба за существованіе, въ которой каждый боится потерять свое личное благо. Этотъ постоянный страхъ за себя и за личное животное благо отравляетъ жизнь борющихся. Нерѣдко человѣкъ и дѣйствительно теряетъ, въ борьбѣ съ другими, благо своего животнаго существованія, а иногда и самую жизнь, погибая отъ руки убійцы (ср. Гал. 5, 15).

Но если иной человѣкъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, и успѣетъ приобрести себѣ блага земной жизни, то скоро убѣждается, что пользованіе ими не удовлетворяетъ его всецѣло, что въ нихъ собственно и нѣтъ истиннаго блага жизни. Отъ животныхъ наслажденій происходятъ только одни страданія. Въ душѣ человѣка всю жизнь поддерживается ничѣмъ не удовлетворяемая жажда

новыхъ и новыхъ благъ и наслажденій, а рядомъ съ этою жаждою идетъ скука, тоска, разочарованіе. Какъ говоритъ Блезъ Паскаль, «настоящее никогда не служитъ нашею цѣлью; прошедшее и настоящее служатъ намъ средствами, одно только будущее бываетъ нашею цѣлью. Такимъ образомъ, мы никогда не живемъ, мы только надѣемся жить, а такъ какъ мы вѣчно готовимся быть счастливыми, то неизбѣжно выходитъ, что мы никогда не бываемъ счастливы» ²⁾. Весьма справедливо замѣчаетъ и Гегель, что «у болѣе глубокихъ натуръ индивидуальное счастье связано съ извѣстнаго рода грустью, которая какъ-бы должна обозначать, что это счастье не есть настоящее» ³⁾. Пресыщеніе жизнію и неумѣренное пользованіе земными наслажденіями порождаетъ разнаго рода болѣзни, преждевременную дряхлость.

Надо помнить, какими усиліями, борьбой и страданіями сопровождается приобрѣтеніе и удержаніе за собою благъ животнаго существованія, чтобы видѣть, что въ нихъ и нѣтъ собственно настоящаго блага жизни. Человѣкъ, привязанный исключительно къ міру и его благамъ, страдаетъ во сто кратъ болѣе, нежели иной ревностный послѣдователь Христа, несущій на себѣ *легкое* бремя евангельскаго закона ⁴⁾. Ради міра и его благъ иной приноситъ въ жертву все—и здоровье, и трудъ, и время, и матеріальное состояніе, и спокойствіе духа, и совѣсть, и самую жизнь. «Люди чаще гибнутъ отъ себя, чѣмъ ихъ губяты другіе; дома и города рушатся не столько отъ бурь и землетрясеній, сколько отъ рукъ человѣка (Гиппократъ). Разрушеніе бываетъ двухъ родовъ: одно дѣло времени, другое—человѣка. Последнее самое печальное: какъ говоритъ Сенека, худшій врагъ человѣка заключенъ въ его груди» ⁵⁾. Нѣтъ надобности,—

²⁾ Блезъ Паскаль. Мысли (о религіи). Перев. Перова. Изд. 2-е 1899 г. стр. 71.

³⁾ Изъ сочиненія *К. Гильти*, проф. Бернскаго Университета: „Счастье“. Переводъ *А. Острогорекаго*, изд. 2-е СПб. 1894 г. стр. 105, примѣчаніе.

⁴⁾ Еванг. Матѣ. XI, 28--30.

⁵⁾ Изъ сочиненія *Дж. Леббокъ*: „Какъ надо жить“. Переводъ съ англ. *Д. Корочевскаго*. СПб. 1895 г. стр. 1.

пишетъ Леббокъ, слишкомъ тревожиться о Настоящихъ жизненныхъ потребностяхъ. Природа требуетъ малаго, а даетъ много. Роскошь, съ другой стороны, стоитъ весьма дорого, и, какъ говорилъ Франклинъ, на стоимость одного порока можно воспитать двухъ дѣтей»⁶⁾.

Но мѣрѣ приближенія человѣка къ старости, блага земныя постепенно, одно за другимъ, покидаютъ его. Леденящимъ холодомъ вѣетъ на сердцѣ человѣка при мысли о приближающейся смерти. Теперь человѣкъ уже яснѣе, чѣмъ прежде, видитъ, что вся его протекшая тревожная жизнь, потраченная на одни внѣшнія удовольствія, есть не болѣе, какъ призракъ, мимолетное сновидѣніе. Истинное благо жизни почти неизвѣдано, а земныя блага оставили въ душѣ человѣка только горечь ихъ пустоты и ничтожества. Но человѣкъ видитъ, что и отъ этихъ благъ онъ вынужденъ будетъ скоро отречься: наступитъ неумолимая смерть, и благо его животнаго существованія перестанетъ быть для него возможнымъ. Но человѣкъ и раньше зналъ эту истину, — онъ только дѣлалъ видъ, какъ будто не видѣлъ ея; или въ упоеніи земнымъ счастьемъ не памятовалъ о ней. Всякій человѣкъ хорошо знаетъ, что отреченіе отъ земныхъ благъ и удовольствій совершается необходимо и неизбѣжно при тѣлесной смерти. И потому не можетъ человѣкъ не видѣть, что бесполезно и безразсудно жить исключительно для приобрѣтенія благъ животнаго существованія въ борьбѣ съ другими, взаимно уничтожающими другъ друга, личностями.

Системы гедонизма, цинизма, маккіавелизма, эгоистической морали перестали быть научными теоріями. «Одни люди, сознательно или безсознательно, въ высшихъ и низшихъ слояхъ общества, живутъ *животною* жизнію, идя по указанному имъ физической природой пути и разсчитанному на небольшой срокъ, не зная совершенно другого назначенія. При *такой* точкѣ зрѣнія, борьба за существованіе, до извѣстной степени (хотя и не безусловно) господствующая среди звѣрей, приобрѣтаетъ во всякомъ случаѣ извѣстное значеніе. Но мы бы съ своей стороны не жела-

⁶⁾ Ibid стр. 32.

ли жить въ такомъ мірѣ, гдѣ человѣку не предоставлено другого выбора, какъ быть *угнетаемымъ* или *угнетающимъ*. И мы думаемъ, что теперь именно все дѣло въ томъ, чтобы человѣчество отказалось отъ такого *недостойнаго челоуѣка* воззрѣнія. Если-бы существовала хотя-бы самая отдаленная тѣнь возможности жить иначе, чѣмъ съ этими безотрадными мыслями, то и тогда слѣдовало бы сдѣлать эту попытку, прежде чѣмъ подчиниться такой судьбѣ. И дѣйствительно, если-бы человѣчество не возвышалось снова отъ времени до времени надъ этимъ воззрѣніемъ, то уже давно перестало бы существовать всякое государственное устройство, которое съ этой точки зрѣнія есть не что иное, какъ постоянное господство и организація силы надъ слабымъ»⁷⁾.

Въ практической жизни человѣчества, въ отношеніяхъ между людьми, конечно, и впредь будутъ имѣть мѣсто эгоизмъ, безумное стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ, борьба за личное животное благо, съ ихъ печальными послѣдствіями. Человѣческая природа слишкомъ устойчива въ своихъ худыхъ наклонностяхъ и заблужденіяхъ; медленно поддается нравственному облагороженію, и туго воспринимаетъ святыя истины, противныя ея развращенному своеволію и нравственной необузданности. Но едвали теоріи, проповѣдующія стремленіе къ личному животному благу, могутъ еще имѣть какое-либо серьезное научное оправданіе. Историческое самосознаніе человѣчества (въ лицѣ лучшихъ его выразителей) давно уже пережило тѣ дикія и варварскія времена, когда не только не считалось грѣхомъ, а даже признавалось нѣкоторою похвальною доблестію и героизмомъ лишить другого человѣка имущества, чести и жизни во имя заботъ о личномъ благополучіи, или даже для собственнаго удовольствія и развлечения. Уже при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго прогресса,—какъ говоритъ Милль,—«личность, въ которой вообще развито социальное чувство, не можетъ заставить себя смотрѣть на остальныхъ людей, какъ на соперниковъ, борющихся съ нею за возможность счастья, желая видѣть ихъ не достигшими своей цѣли для того, чтобы сама она могла достигъ своей»⁸⁾.

⁷⁾ *Гильти*, указ. сочин. стр. 110—111.

⁸⁾ Изъ указ. соч. *Леббока*, стр. 109.

Впрочемъ, надо сказать, что животныя потребности правильно развитой личности, строго говоря, всё уравновѣшены; сами по себѣ онѣ не выходятъ изъ своихъ законныхъ предѣловъ, и влеченія животнаго существованія не заслоняютъ собою требованій истинной жизни. Это уже сами люди, сознавъ свои животныя потребности, начинаютъ раздувать ихъ, приписывать имъ преувеличенное значеніе, и, подъ влияніемъ похоти, въ удовлетвореніи ихъ ставятъ единственную и высшую цѣль существованія. Но это жизнь неразумная, извращенная. Здѣсь цѣлью жизни ставится уже то, что должно быть только средствомъ къ ея достиженію. Удовлетворяя животнымъ потребностямъ,—насколько это нужно только для продолженія существованія, не слѣдуетъ ихъ расширять до безконечныхъ предѣловъ и ставить *единственнымъ* предметомъ своихъ желаній. И ап. Павелъ запрещаетъ попеченія о плоти превращать въ похоти ⁹⁾

III.

Основы, или принципы человѣческаго бытія остается искать въ *жизни по духу*, т. е. въ высшихъ идеяхъ или потребностяхъ духа. Эти идеальныя потребности и стремленія суть основныя начала человѣческаго существованія. Человѣкъ призванъ именно къ тому, чтобы развивать ихъ въ себѣ самомъ и оправдывать въ собственной дѣятельности. Тогда только въ личности будетъ процвѣтать истинно-человѣческая жизнь «Первой нашей цѣлью,—пишетъ Леббокъ,—должно быть то, чтобы выработать изъ себя чело-вѣка, въ лучшемъ смыслѣ этого слова» ¹⁰⁾. «Стремленіемъ каждаго чело-вѣка,—говорилъ Гумбольдтъ,—должно быть обезпеченіе высшаго и наиболѣе гармоническаго развитія своихъ силъ, которыя составили бы собою полное и содержательное цѣлое; говоря словами Жанъ-Поля Рихтера, каждый долженъ сдѣлать изъ себя столько, сколько позволяетъ матеріаль» ¹¹⁾. «Тебѣ слѣдуетъ одно изъ двухъ,—говорилъ Эпиктетъ,—или заботиться о совершенствованіи

⁹⁾ Римл. 13, 14.

¹⁰⁾ Указ. соч., стр. 4.

¹¹⁾ Ibid.

лучшей части своего я (разумѣ, разсудкѣ, душѣ), или объ украшеніи своей внѣшности, и смотря по тому, чѣмъ ты займешься: своей душой или тѣломъ, ты будешь философъ или обыкновеннымъ человѣкомъ.¹²⁾ Такимъ образомъ высшее благо жизни для человѣка должно состоять въ развитіи и дѣятельномъ обнаруженіи идеальныхъ потребностей духа, или вообще въ жизни по духу. Можетъ это благо измѣняться только по своей широтѣ и интенсивности, соотвѣтственно степени духовнаго развитія каждой личности, но не по своему существу. Можно и должно отречься только отъ влеченій низменныхъ, животныхъ, эгоистическихъ, такихъ, которыя недостойны человѣка. Но отречься отъ идеальныхъ стремленій духа значитъ не желать быть истиннымъ человѣкомъ.

Психологи обыкновенно различаютъ три главнѣйшія силы, или духовныя способности человѣка: умъ, волю и сердце. Умъ—способность познавательная, воля—способность движенія и дѣйствованія, сердце—способность чувствованій. Соотвѣтственно этому, указываютъ и три главнѣйшія духовныя потребности человѣка: интеллектуальную, нравственную и эстетическую. Человѣка нельзя трактовать, какъ только животное эгоистическое, стремящееся къ личному животному благу. Человѣку врождено чувство истины, по дѣйствию котораго онъ стремится къ постиженію законовъ бытія и жизни. Онъ, далѣе, оцѣниваетъ свои произвольныя дѣйствія, равно какъ и дѣйствія другихъ по законамъ нравственнаго добра, которые указываютъ человѣку, что *должно* и чего *не должно* дѣлать. Человѣкъ повинуется голосу совѣсти, подъ вліяніемъ котораго часто дѣлаетъ *совѣсть не то*, къ чему располагаетъ его себялюбіе, животная похоть и своекорыстіе. Человѣкъ имѣетъ по этому способность опредѣлить, что нравственно-возвышенно и достойно человѣка, и что нравственно-унизительно и постыдно. Наконецъ, человѣку присуще и чувство красоты, какъ гармоніи, или согласія между формой и содержаніемъ. Человѣкъ восхищается, когда видитъ соотвѣтствіе между объектомъ и одушевляющей, или проникающей его идеей.

¹²⁾ Изъ указ. соч. Гильти, стр. 76.

Указываютъ еще четвертую духовную способность чело-вѣка, обнимающую всѣ три вышеуказанныя—способность религіознаго *созерцанія*, которое выражается въ благоговѣннѣи и страхѣ предъ Богомъ, какъ существомъ всесовершеннымъ, и въ любви къ Нему, какъ Владыкѣ міра, Отцу жизни и Промыслителю.

Такимъ образомъ высшія потребности чело-вѣческаго духа— это интеллектуальныя, нравственныя, эстетическія и религіозныя. Дѣйствительно, безъ стремленія къ познанію, нравственныхъ влеченій, возвышенныхъ чувствованій сердца и религіозныхъ обнаруженій—нѣтъ чело-вѣка. Отнимите отъ него интеллектъ, т. е. сознаніе и разумъ, отнимите свободную волю, сердце и религіозное чувство, и у чело-вѣка не останется ничего истинно-чело-вѣческаго: будетъ одно лишь чувственно-животное существованіе.

↓ Анализируя потребности личности, чтобы дать имъ внутреннюю оцѣнку, Л. Н. Толстой въ одномъ изъ своихъ морально-философскихъ сочиненій ¹³⁾ пишетъ, что этихъ потребностей у чело-вѣка или нѣтъ никакихъ (у того, кто напимѣръ хочетъ убить себя или морить голодомъ), или ихъ безчисленное множество. «Потребностей существованія животнаго чело-вѣка столько, сколько сторонъ этого существованія, а сторонъ столько же, сколько радіусовъ въ шарѣ. Потребности пищи, питья, дыханья, упражненіе всѣхъ мускуловъ и нервовъ; потребности труда, отдыха, удовольствія, семейной жизни; потребности *науки, искусства, религии*, разнообразія ихъ. Потребности во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ребенка, юноши, мужа, старца, дѣвушки, женщины, старухи, потребности Китайца, Парижанина, Русскаго, Лалландца. Потребности, соотвѣтствующія привычкамъ породъ, болѣзнямъ... Можно перечислять до конца дней, не перечисливъ всего, въ чемъ могутъ состоять потребности личнаго существованія чело-вѣка. Потребностями могутъ быть всѣ условія существованія, а условій существованія безчисленное множество». Въ этихъ словахъ Толстой, повидимому, относить къ потребностямъ животной личности даже духовныя стремленія, каковы—религіозныя, интеллектуаль-

¹³⁾ Книга „о жизни“, гл. 20.

ныя («потребности науки») и эстетическія («потребности искусства»). Какъ будто и эти потребности относятся къ числу тѣхъ, отъ которыхъ слѣдуетъ отрекаться, или которыхъ, по болѣе смягченному его положенію, не нужно по крайней мѣрѣ *раздувать*, возвышать и усиливать до чрезмѣрныхъ предѣловъ. Здѣсь—крупное недоразумѣніе. Можетъ быть въ приведенныхъ словахъ Толстой имѣеть въ виду собственно неправильное развитіе и незаконное употребленіе высшихъ стремленій духа, противъ чего онъ, дѣйствительно, вооружается иногда въ своихъ произведеніяхъ, особенно послѣдняго времени ¹⁴⁾. Нерѣдко попадаютъ у него очень сильныя порицанія плодовъ просвѣщенія и новѣйшей культуры, такъ что иные критики безъ колебаній утверждаютъ, будто Толстой пришелъ въ концѣ всего къ отрицанію всякой культуры и историческаго прогресса. Съ своей стороны замѣтимъ, что уклоненія отъ нормы ничего не говорятъ противъ самой нормы и ея принципиальнаго значенія для жиини. Положимъ, эгоизмъ животной личности можетъ и высшія потребности духа и лучшія созданія чловѣческаго генія употреблять для личныхъ выгодъ, обращать въ средство для удовлетворенія собственнымъ утилитарнымъ цѣлямъ. Даже и проявленія религіознаго чувства часто бываютъ лишь наружною тобою, подъ прикрытіемъ которой иной старается достигнуть не совсѣмъ благородныхъ цѣлей, или оправдать личные эгоистическіе расчеты. Но вѣдь злоупотребленія возможны вездѣ. Нормальный законъ жизни *самъ по себѣ* сохраняетъ всегда безусловный смыслъ и обязательное значеніе, хотя бы *de facto* онъ иногда и нарушался, хотя бы нерѣдки были и уклоненія отъ него. Поэтому, если и встрѣчаются аномаліи въ области проявленія высшихъ чловѣческихъ стремленій, то и при этомъ все-же остается неизмѣннымъ, что личность обладаетъ глубочайшими идеальными влеченіями и чувствами, которыя нужно не подавлять, а возвышать и расширять до возможной степени. Мы разумѣемъ здѣсь именно указанные высшія идеи духа, потребности сознательно-разумныя. Удовлет-

¹⁴⁾ См. напр. его книгу „о жизни“, гл. 1; „Въ чемъ моя вѣра“, „Крейцера соната“, „Плоды просвѣщенія и др.“.

вореніе этихъ потребностей, правильное воспитаніе и постоянное осуществленіе ихъ въ дѣятельности и должно составлять *благо* личности, отъ котораго неразумно было-бы отрекаться.

Духовной стороной своего существа человѣкъ относится къ міру божескому, какъ образъ и подобіе Божіе. И потому жизнь по идеямъ духа есть жизнь божеская. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ отрѣшается отъ жизни плотской и переходитъ въ жизнь духовную, онъ постепенно приобщается жизни божеской, жизненно прививаетъ ея начала къ собственной природѣ. Поэтому идеи духа можно бы еще называть идеями *богоподобія*, или *богоуподобленія* (ср. Мѡ. 5, 48; 1 Петр. 1, 15—16; Лев. 19, 2; 1 Иоан. 3, 24; 4, 4 и слѣд. 2 Кор. 6, 17—18; Ефес. 5, 1; Фил. 2, 5; Кол. 3, 1—3; Евр. 13, 13 и др.).

Б Мѣсто религіозно-нравственнаго чувства въ ряду высшихъ потребностей духа.

1.

Всѣ феномены психической жизни относятся къ единой самосознающей личности. Последняя является центромъ, къ которому относятся, какъ радіусы, всѣ явленія сознательной жизни. Поэтому, хотя мы и различаемъ потребности духа—интеллектуальныя, нравственныя, эстетическія и религіозныя, однако въ дѣйствительности, въ живомъ человѣкѣ онѣ нераздѣлимы, и обнаруживаются совместно, хотя съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ одной изъ нихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Между различными сторонами психической жизни существуетъ тѣснѣйшая связь и единство. Въ насъ, строго говоря, нѣтъ стремленій интеллектуальныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ и религіозныхъ, какъ *отдѣльныхъ, независимыхъ* другъ отъ друга, а есть единый самосознающій духъ, который соотвѣтственно своему личному характеру и внѣшнимъ условіямъ жизни, обнаруживается то какъ сила *преимущественно* познающая, то какъ сознаніе нравственное и практически-дѣйствующее, то какъ субъектъ религіозный, то, наконецъ какъ эстетически-чувствующій.

При такомъ внутреннемъ единствѣ идеальныхъ стремленій духа, нельзя, очевидно, разрывать ихъ, и благо жизни необходимо полагать въ развитіи и обнаруженіи всѣхъ ихъ, или, лучше сказать, въ нормальной жизни единаго въ себѣ человѣческаго духа, служащаго центромъ интеллектуальныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ и религіозныхъ стремленій личности.

Этотъ фактъ единства психической жизни требуетъ признанія между потребностями духа одной *основной* и руководящей, съ правильнымъ развитіемъ которой обезпечивалось бы и возможно-нормальное обнаруженіе остальныхъ. Эта потребность есть чувство религіозно-нравственное.

Къ такому выводу человѣческой разумъ приходитъ изъ признанія необходимости высшаго идеала совершенства и изъ размышленій о взаимномъ отношеніи высшихъ потребностей духа.

Въ самомъ дѣлѣ, выше мы говорили, что въ существѣ человѣка даны задатки и жизни ложной—плотской, и жизни истинной—духовной. Человѣкъ легко можетъ уклониться отъ пути своего нормальнаго развитія: въ его существѣ могутъ возрастать потребности не духа, а плоти въ обширномъ смыслѣ. Посему, обладая свободой самоопредѣленія въ дѣйствіяхъ, человѣкъ не можетъ оставаться пассивнымъ въ раскрытіи потребностей и стремленій своей духовной природы. Очевидно, онъ долженъ самъ постоянно *наблюдать* за личнымъ саморазвитіемъ, слѣдить за жизнью своего духа, долженъ предохранять лучшіе задатки своей природы отъ *подавленія ихъ* низменными влеченіями. Отсюда въ жизни сознанія открывается законъ *усовершенствованія*, который означаетъ постепенное раскрытіе и укрѣпленіе данныхъ человѣку отъ природы высшихъ потребностей духа путемъ личной его *самодѣятельности*, путемъ неизбѣжной борьбы съ противными имъ влеченіями.

Однако законна ли сама по себѣ эта борьба? На какомъ основаніи мы производимъ такое отдѣленіе ложной человѣческой жизни отъ истинной? Говоря строго, идея естественнаго развитія должна брать человѣческую природу не въ одной только лучшей части ея, а во *всей* совокупности ея психическихъ проявленій, *безъ различія ихъ качественной*

стороны. Каковы бы они ни были по своему достоинству, заслуживают ли одобренія, или порицанія, но разъ въ природѣ человѣка дана ихъ возможность, они становятся совершенно естественными, законными, и должны безпрепятственно обнаруживаться и развиваться. Отсюда съ исключительной точки зрѣнія естественнаго развитія въ человѣческой природѣ нѣтъ ни истинныхъ, возвышенныхъ, нормальныхъ, ни ложныхъ, низменныхъ, болѣзненныхъ влеченій: всѣ совершенно законны, потому что *свойственны* человѣческой природѣ, и потому имѣютъ полное право на удовлетвореніе. Дурной, по нашему субъективному представленію, поступокъ не можетъ и не долженъ тогда казаться таковымъ, потому что является плодомъ естественныхъ и потому законныхъ стремленій человѣческой природы, которыя никакъ не могутъ подлежать осужденію. Далѣе, на этой почвѣ естественнаго саморазвитія теряетъ свою законность и борьба съ заблужденіями. Всякій будетъ признавать одно истиннымъ, а другое ложнымъ только по личному усмотрѣнію, и будетъ совершенно правъ, если станетъ признавать то, что другой, по такому же праву субъективнаго воззрѣнія, сочтетъ нужнымъ отрицать. Истина теряетъ свое объективное значеніе: нѣтъ, строго говоря, ни истины, ни заблужденія. Точно также и движеніямъ чувства при естественномъ развитіи нельзя приписывать никакого качественнаго достоинства. Всѣ они ни возвышенны, ни унижительно, но одинаково должны быть признаны нормальными, потому что въ человѣческую природу заложена возможность проявленія какъ благородныхъ и возвышенныхъ чувствованій, такъ равно и дурныхъ и безобразныхъ.

Очевидно, что на почвѣ естественнаго саморазвитія совершенно утрачено всякое различіе такъ называемой *истинной* человѣческой жизни отъ *ложной*. Посему и борьба съ проявленіями послѣдней не можетъ быть логически—оправдана. Если все въ человѣческой природѣ нормально и естественно, то пусть все и развивается безпрепятственно, безъ всякихъ задержекъ. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ бороться съ тѣмъ, что признается *естественно-сроднымъ* человѣческой природѣ, что составляетъ ея неотъемлемое свойство? Какъ можно подавлять въ себѣ такія (хотя бы и самыя низменныя) стремленія и потребности, безъ которыхъ чело-

вѣческая природа была бы человѣчна, быть можетъ, только на половину? Да при томъ, эта борьба едвали будетъ успѣшна. Законъ жизни плотской, — законъ *естественный* съ точки зрѣнія свободнаго саморазвитія, — едвали уступить свои права на обладаніе человѣческой природой.

Что же нужно для того, чтобы *оправдать* борьбу съ низменными влеченіями? Именно нуженъ идеаль истиннаго совершенства. Этотъ идеаль неизбѣжно долженъ будетъ произвести раздѣленіе, точнѣе — *раздвоеніе* въ задаткахъ человѣческой природы и во всемъ вообще содержаніи нашей психической жизни: онъ покажетъ человѣку, что *не все* то, что естественно, можетъ быть хорошо само по себѣ. Человѣкъ ясно увидитъ, что въ его природѣ оказывается много такого, что, хотя и имѣетъ въ ней зачатки для своего развитія, однако должно быть признано несвойственнымъ ей, ненормальнымъ и болѣзненнымъ. Идеаль совершенства представитъ взору человѣка много низменныхъ влеченій человѣческаго существа, которыя только *препятствуютъ* развитію истинной, свойственной ему, жизни, и которыя поэтому должны быть совершенно подавлены и исторгнуты. Но, коль скоро произведено такое выдѣленіе основъ истинной и разумной человѣческой жизни отъ стремленій безразсудныхъ и унижительныхъ, становится законной и самая *борьба* съ послѣдними. Дѣйствительно, когда данъ образецъ совершенства, тогда не будетъ уже непослѣдовательности въ томъ, что человѣкъ, стремясь къ этому образцу, противодѣйствуетъ развитію такихъ сторонъ своей природы, которыя признаетъ не соответствующими познанной нормѣ совершенства, хотя бы низменныя влеченія коренились послѣдними своими основами въ самой же человѣческой природѣ. Мало того, человѣкъ въ означенномъ случаѣ даже *обязанъ* бороться съ безразсудными, ненормальными и предосудительными влеченіями. Иначе на немъ останется вина въ томъ, что онъ не прилагалъ достаточно усилій для осуществленія въ собственной личности высшаго идеала духовнаго человѣческаго развитія, который однако былъ ему извѣстенъ теоретически.

Но высшій идеаль совершенства необходимъ не для одного только оправданія внутренней борьбы человѣка съ низменными и ненормальными влеченіями его природы:

онъ нуженъ и самъ по себѣ—какъ вѣрный руководитель чловѣка въ дѣлѣ его личнаго саморазвитія. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что чловѣку отъ природы до нѣкоторой степени свойственно различать истину отъ заблужденія, добродѣтель отъ порока, возвышенныя чувствованія отъ низменныхъ. Природныя начала правильнаго развитія даютъ ему отчасти возможность жить и дѣйствовать разумно, по *человѣчески*—въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Но мы знаемъ и по личному опыту, и изъ историческихъ примѣровъ, что и лучшіе задатки чловѣческой природы, самыя благонамѣренныя и доблестныя влеченія чловѣческаго духа получаютъ очень превратное *образованіе*. Если чловѣкъ развивается естественнымъ образомъ, при содѣйствіи одного лишь ограниченнаго и несовершеннаго опыта, то онъ, хотя бы и желалъ правильно развить свои высшія духовныя способности, не можетъ вполнѣ этого сдѣлать. Заблужденія и ошибки здѣсь неизбѣжны. Это зависитъ отъ того, что *прирожденныя познанія чловѣка очень скудны*. Посему, предоставленный исключительно самому себѣ, онъ не всегда бываетъ способенъ *правильно* ориентироваться при выборѣ потребнаго матеріала для удовлетворенія своимъ интеллектуальнымъ, нравственнымъ и эстетическимъ потребностямъ. И, значитъ, будучи возвышенны и законны *сами по себѣ*, идеи духа, безъ высшей нормы совершенства, получаютъ нерѣдко превратное направленіе уже въ самомъ своемъ *развитіи*. Люди стремятся къ истинѣ, добру и красотѣ; иногда даже вполнѣ *искренно* и *усиленно* стараются возвысить и расширить свое пониманіе идеаловъ жизни. Но, къ сожалѣнію, предоставленные въ этомъ дѣлѣ самимъ себѣ, они очень часто ошибочно опредѣляютъ самыя предметы своихъ возвышенныхъ стремленій. Создаютъ себѣ понятія и правила жизни ложныя, наивно признавая ихъ за самыя вѣрныя и наилучшія; приобрѣтаютъ убѣжденія, которыя свидѣтельствуютъ только, можетъ быть, о слабости ихъ мышленія и крайней узости общаго ихъ міровоззрѣнія. При личномъ саморазвитіи люди нерѣдко раздѣляютъ такія воззрѣнія интеллектуальныя, нравственныя и эстетическія, которыя на самомъ дѣлѣ суть только одностороннія убѣжденія, или хитрословесные афоризмы, или ходячія мнѣнія, созданныя духомъ времени, или же совер-

шенная ложь. Человѣкъ не обладаетъ волшебнымъ свойствомъ, едва лишь намѣтивъ себѣ какой либо предметъ, сразу правильно постигать его сущность. Посему то, хотя высшія идеи духа и прирождены намъ, и даже имѣютъ нѣкоторое апріорное содержаніе, тѣмъ не менѣе несомнѣнно и то, что опредѣленіе истиннаго (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова), добраго и прекраснаго зависитъ въ большей или меньшей мѣрѣ и отъ внѣшнихъ условій человѣческаго развитія, и отъ понятій времени, и отъ индивидуальнаго склада душевныхъ способностей каждаго человѣка. Потому то о предметахъ высшихъ человѣческихъ стремленій, основахъ и критеріи познанія, произносились и произносятся самыя разнообразныя сужденія, иногда даже совершенно противоположныя.

Такъ человѣку вообще свойственно стремиться къ истинѣ. Но, предоставленный при отысканіи ея самому себѣ, человѣкъ не можетъ имѣть постоянной и твердой увѣренности, что интеллектуальное развитіе его идетъ правильно, что онъ, дѣйствительно, приближается къ истинѣ, а не удаляется отъ нея. Равнымъ образомъ, человѣкъ по внутренней природѣ своей постоянно стремится къ добру къ доброй нравственности. Но опять полагаетъ это добро здѣсь или тамъ только по предположенію, иногда и самъ не отдавая себѣ въ томъ строгаго отчета. Положимъ, нравственный законъ, присущій духовной природѣ человѣка, показываетъ въ большей или меньшей мѣрѣ, гдѣ заключается то самое добро, къ которому онъ побуждаетъ человѣка стремиться. Но и при всемъ томъ, мы нерѣдко видимъ какъ у древнихъ, такъ и новѣйшихъ философовъ разнорѣчивыя до противоположности и даже извращенныя понятія о человѣческой нравственности. Люди создаютъ себѣ моральныя воззрѣнія до того разнообразныя и превратныя, что иногда поступокъ, порочный и гнусный самъ по себѣ, признается за выраженіе совершеннѣйшей добродѣтели и высшаго душевнаго героизма. Наконецъ, и эстетическое развитіе не имѣетъ устойчивости само по себѣ. Понятія объ эстетическомъ вкусѣ у людей, какъ извѣстно, разнообразны до противоположности.

Такимъ образомъ оказывается, что существованіе въ человѣческой природѣ высшихъ духовныхъ задатковъ ни-

сколько еще не обезпечиваетъ ихъ правильнаго развитія. Не говоримъ о томъ, что иногда человѣкъ *сознательно* не прилагаетъ стараній къ возвышенію и укрѣпленію высшихъ, нормальныхъ потребностей своего духа, вообще *произвольно* удаляется отъ разумной любви. Но даже и при самомъ раскрытіи высшихъ сторонъ своего существа, человѣкъ *сбивается съ истиннаго пути, создаетъ себѣ односторонніе, иногда и совсѣмъ ложные идеалы.* Самъ по себѣ онъ, можетъ быть, вовсе и *не хотѣлъ* бы заблуждаться въ этомъ дѣлѣ. Но онъ заблуждается неизбежно, и, руководясь только личнымъ самосознаніемъ, нерѣдко, совершенно даже не сознавая своего заблужденія, принимаетъ ложь за истину, порокъ за добродѣтель, безобразіе за изящество. И вотъ, какъ для постройки дома, нуженъ подробный планъ его, такъ и для человѣческаго духовнаго усовершенствованія *требуется идеаль совершенства.* И только всматриваясь въ этотъ идеаль, человѣкъ можетъ постоянно провѣрять собственныя душевныя состоянія, и дать вѣрное направленіе дѣятельности ума, воли и сердца. Всегда имѣя передъ собою высшую норму совершенства, человѣкъ ясно будетъ видѣть, въ какихъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ вопреки этой нормѣ, гдѣ уклоняется отъ нея на ложную дорогу и какъ слѣдуетъ избѣгать подобныхъ уклоненій.

П. Борисовскій.

(Окончаніе будетъ).

ЖИЗНЬ ВО СНѢ И ЕЯ ПРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

„Пусть самые сны будутъ упражненіемъ въ благочестіи“. (Василій Вел., ч. 4, стр. 66).

„Пусть вспоминаютъ мученика тѣ, которые насладились имъ въ сновидѣніяхъ.“ (Василій Вел., ч. 4, стр. 340).

Въ послѣднее время особенно бросаются въ глаза два явленія, стояція въ связи одно съ другимъ: 1) относительно небольшая продолжительность жизни,—точнѣе: очень частые случаи ранней, преждевременной смерти, и 2) вытекающее отсюда естественное и послѣдовательное стремленіе продлить эту слишкомъ короткую жизнь. Къ «концу всемірной исторіи» всѣмъ страстно хочется жить, въ крайнемъ случаѣ хотя-бы только для того, чтобы «мыслить и страдать». Впрочемъ желаніе долготѣтія понятно и характерно не только для нашей эпохи—мы видимъ ее всегда и вездѣ: въ Ригѣ-Ведѣ находимъ молитву «дать прожить сто осеней» (*centi automnes*), и теперь прошеніе священнослужителя о «продолженіи лѣтъ живота» неизмѣнно вызываетъ особенно искренніе и усердные поклоны. Понятно появленіе всякихъ патентованныхъ средствъ (въ родѣ виталина и пр. жизненныхъ элексировъ) и соответствующихъ теорій до самоновѣйшихъ включительно. Однако къ рѣшенію задачи можно подойти и съ другой стороны; есть еще средство *продлить* жизнь и, можетъ быть, болѣе богатое надеждами, чѣмъ многія другія,—это использование сна.

И прежде говорили и теперь многіе утверждаютъ, что человѣчество спитъ черезъ чуръ много, что можно-бы удовольствоваться несравненно меньшимъ временемъ сна и *такимъ* образомъ *продолжить* состояніе бодрство-

ванія и слѣдовательно дольше прожить сознательной жизнью. Но это слѣдовательно весьма сомнительно и само слѣдствіе очень проблематично; такъ какъ сокращеніе сна можетъ вредно отразиться на функціяхъ организма и повести къ его ослабленію и болѣе быстрой кончинѣ, т. е., дать совершенно противоположный результатъ. Въ особенностяхъ нервнымъ, наклоннымъ къ чахоткѣ, малокровнымъ, вообще слабымъ необходимо высыпаться, остерегаться сокращать сонъ, которому у нихъ должна принадлежать по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ жизни (т. е. 8 час. изъ 24-хъ). Слѣдовательно, заботу о количественномъ измѣненіи сна надо оставить, а попытаться обратить вниманіе на *качество* сна, постараться сдѣлать его менѣе тяжелымъ, болѣе одухотвореннымъ, лучше приспособленнымъ къ склонностямъ человека, отвѣчающимъ наиболѣе дорогимъ потребностямъ его жизни. Вообще надо ухитриться *жить во снѣ* желательной, умиряющей, содержательной жизнью. Да, именно «*жить*»; такъ какъ нашъ обыкновенный, обыденный сонъ большей частью справедливо приравнивается къ смерти и называется ея подобіемъ; многіе люди спятъ, какъ животныя, а нерѣдко и хуже. Надо стараться «заселять тундры сна и оживлять обширныя пустыни ночи, посѣщать дорогія гробницы и вызывать трепещущія тѣни прошлаго».

Я не стану распространяться здѣсь о сущности сна,— это не соотвѣтствуетъ моей цѣли, да и врядъ-ли можетъ быть объяснено вполне опредѣленно и убѣдительно. Для настоящей статьи важно разобрать лишь нѣкоторые виды,— чтобы не сказать, сорта сновъ: выяснитъ ихъ причины (хотя-бы кажущіяся) и значеніе.

Сновидѣнія посѣщаютъ не всякаго и не cadaго. Многіе никогда не видятъ сновъ, или забываютъ ихъ, благодаря чрезвычайно крѣпкому, часто тяжелому, сну; они совсѣмъ не живутъ во снѣ; эта треть жизни, а можетъ быть и болѣе, пропадаетъ совершенно для ихъ сознанія. Такимъ людямъ въ интересахъ продолженія (сознательной) жизни надо стараться видѣть сны, разумѣется, желательнѣе не плохіе; *какъ*, — это покажетъ разбор моментовъ, предрасполагающихъ и вызывающихъ сновидѣнія. Послѣднія очень часто служатъ отраженіемъ (болѣе или менѣе неправильнымъ) дѣйствительной жизни: намъ снится нерѣдко то, о чемъ

думаемъ, чего хотимъ или боимся. Даже кошмаръ, бредъ и т. п., происходя отъ отравленія мозга какими нибудь органическими ядами, если хотите, соотвѣтствуютъ дѣйствительности, т. е., наступающей или наступившей ненормальности и болѣзни. Въ виду такого соотношенія дѣйствительности и сновидѣній, многіе не придаютъ этому мареву жизни никакого серьезнаго значенія, считаютъ ихъ пустяками. Этотъ взглядъ допустимъ лишь до тѣхъ поръ, пока окружающая дѣйствительность безцвѣтна, однообразна, проста и пуста; въ такихъ случаяхъ, разумѣется, весьма и очень многочисленныхъ, сны, отвѣчающіе жизни и мыслямъ, будутъ, конечно, не важными; они въ большинствѣ случаевъ пустяшны, потому что такова внутренняя и внѣшняя жизнь. Но дѣло сразу мѣняется, если субъектъ живетъ полной, одухотворенной, важной для него и другихъ жизнью, богатой впечатлѣніями; сны, отвѣчающіе *такой* дѣйствительности, будутъ, конечно, уже не пустяками. Безъ причины ничего не бываетъ, и съ переменной ея мѣняется и слѣдствіе. «Сны—даръ Бога душѣ, достойной спасенія», утверждаетъ св. Григорій Богословъ (часть 2, стр. 91). Не надо упускать изъ виду, что многіе видятъ замѣчательно красивые, оригинальные, даже, такъ называемые, вѣщіе сны. Госпожа Роланъ часто видѣла во снѣ свою нѣжнолюбимую подругу дѣтства; Роланъ даже ставитъ вопросъ: что предпочтительнѣе—быть всегда счастливымъ во снѣ и несчастнымъ въ дѣйствительности, или счастливымъ въ дѣйствительности и всегда несчастнымъ во снѣ (см. ея Письма стр. 272 и 442, изд. 1867 г. Paris).

Примѣровъ яркихъ, поразительныхъ сновъ много; особенно замѣчательны (кромѣ приведенныхъ языческими писателями, преимущественно Цицерономъ) сны св. Григорія Богослова (часть 4, стр. 255. 2 дѣвы) и особенно сонъ матери бл. Августина Моники, являющійся какъ-то особенно жизненнымъ, тѣлесно-реальнымъ (см. Испов. стр. 64.). Невольно бросается въ глаза точность этого сна, его подробности, отвѣтъ на затаенный, безпокойный вопросъ.

Эта точность и подробность весьма опредѣленно показываютъ, какъ много мы могли-бы ожидать отъ сновидѣній, какія большія надежды можно возлагать на нихъ, разумѣется, не ежедневно. И пусть не думаетъ читатель,

что такихъ замѣчательныхъ видѣній удостоивались исключительно святые въ древности, вообще столь богатой духовными дарами (см. Ириней. Лион. Противъ ересей, стр. 256). «И юнѣши *ваши* будутъ видѣть сны и старцы будутъ вразумляемы видѣніями», пророчествуетъ Іоиль объ обыкновенныхъ сынахъ Израиля. Мы сейчасъ увидимъ, что подобные, выдающіеся сны видятъ и современные грѣшныя люди, что для нашей цѣли, конечно, особенно важно и безъ чего приведенные выше блестящіе примѣры очень мало говорили-бы уму и сердцу. Нельзя отрицать, что вѣщіе сны не всегда представляютъ простыя отраженія обыденной жизни, чаяній и опасеній, а иногда являются прямымъ внушеніемъ *свыше*, что признается и св. Писаніемъ, хотя бы, напримеръ, по отношенію къ извѣстному сну Іакова, видѣвшаго лѣствицу. «Господь же утверждаешся на ней и *рече*». (Ригъ-Веда также допускаетъ появленіе «родственника во снѣ» и молится, чтобы это прошло благополучно). Наконецъ извѣстные сны Новуходносора были, разумѣется, не земного. высшаго происхожденія.

Выше я сказалъ, что оригинальныя, важныя сновидѣнія отнюдь не являются исключительной привилегіей людей святыхъ, великихъ, вообще выдающихся; и обыкновенные люди среднихъ силъ и способностей (или немного выше) видятъ иногда поистиннѣ замѣчательные сны поэтической формы и глубокаго содержанія. Такъ, лѣтъ 8 назадъ одинъ изъ моихъ бывшихъ знакомыхъ, N. сообщилъ мнѣ, что онъ видѣлъ слѣдующіе два сна: 1). Красивая лѣстница, обставленная сверху донизу цвѣтами и растеніями. «Я (говорилъ N.) *быстро* бѣгу по ней вверхъ и слышу чей-то голосъ, уговаривающій меня идти тихо, спокойно, чтобы осмотрѣться и насладиться видѣннымъ». Мой паціентъ не объяснялъ своего сна; но, по моему, видѣніе это надо понимать аллегорически. «Не торопись жить, не спѣши чувствовать, умѣй найти и взять все доброе отъ каждой «ступени» бытія; не упускай возможности радоваться *этими* часами, люби всѣ мѣсяцы, находи удовольствіе въ каждомъ днѣ», вотъ что, по моему, говоритъ этотъ сонъ. Не менѣе интересенъ 2-й сонъ, когда N видѣлъ себя несущимъ какую-то чашу и какого-то почтеннаго старца, говорившаго ему: «смотри, донеси все это (до цѣли), не потеряй не единой капли!» Опять аллегорія: «не трать свои силы, чтобы ни одна капля

ихъ не пропала безслѣдно; доведи до конца все благо твоей идеи!.. И эти, коль хотите, красивые, богатые мыслью, нравственные сны видѣлъ не святой, а нервный, раздражительный, часто ссорившійся господинъ, не чуждый многихъ человѣческихъ слабостей. Но человѣкъ *религіозный*, наконецъ сознающій свои недочеты и, можетъ быть, догадывающійся о нѣкоторой неточности своей поминальной цѣны.

Другой обыкновенно-грѣховный и обычно-грѣшный человѣкъ однажды совершенно неожиданно увидѣлъ слѣдующій сонъ. «Я, описывалъ онъ, въ какомъ-то сводчатомъ храмѣ, прохожу его узкимъ корридормъ, выходящимъ въ комнату, и слышу доносящееся издали пѣніе; оно все яснѣй и яснѣй и наконецъ превращается въ какой-то дивный гимнъ, очарованный которымъ я падаю на колѣни въ тѣни святыхъ стѣнъ. . Изъ противоположной двери въ эту круглую комнату съ пѣніемъ выходитъ процессія священнослужащихъ—главный въ красной ризѣ съ кадиломъ въ рукѣ и въ митрѣ, какъ будто изъ перламутра, проходитъ въ комнату на лѣво, разоблачается и садится въ кресло. . Какая-то женщина въ глубокомъ траурѣ становится на колѣни и припадаетъ къ его рукѣ»... «Величественная процессія и дивная музыка производили неотразимое впечатлѣніе и вызывали слезы», закончилъ рассказикъ свое повѣтствованіе, въ истинѣ котораго опять-таки нѣтъ никакихъ сомнѣній. Я нарочно привелъ этотъ сонъ, повидимому, лишенный опредѣленнаго, легко объяснимаго, сразу понятнаго смысла, но тѣмъ не менѣе величественный и красивый, стоящій не ниже, а выше другой дѣйствительности. Особенно интересенъ этотъ «даръ ночи» своей полной неожиданностью и отдаленной, давней связью съ мечтами; такіе сны—таинственныя кометы, приходящія изъ невѣдомыхъ, необозримыхъ пространствъ психическаго, или лучше—духовнаго міра.

Во всякомъ случаѣ лучше видѣть такіе сны, чѣмъ плохіе, тяжелые, или никакихъ. Да будетъ человѣческій сонъ не бессознательнымъ состояніемъ, а бессознательной психической дѣятельностью, какою онъ и является иногда даже у животныхъ! А многіе люди нарочно шлѣются и мыкаются по разнымъ мѣстамъ, «чтобы помучиться и спать, какъ убитый». Это часто полезно, многимъ пріятно, но человѣч-

но-ли—вотъ вопросъ... Впрочемъ никто не долженъ мѣнять образъ жизни, не измѣнивши убѣжденія.

Бессознательная психическая дѣятельность вообще весьма важна въ жизни человѣка, особенно нервнаго: часто только она, въ видѣ какого-нибудь неопредѣленнаго, бездоказательнаго, «инстинктивнаго» порыва, приводитъ къ тому или другому рѣшенію тамъ, гдѣ бессильно сознание. Именно для этихъ послѣднихъ-то случаевъ и полезно развивать, обострять свою бессознательную психическую дѣятельность, однимъ изъ проявленій которой могутъ быть сновидѣнія, тѣ или другія, въ зависимости отъ желательныхъ представленій, упорно врѣзывающихся въ сознание. Во снѣ Вы можете найти отвѣтъ (или поясненіе) на вопросы, беспокоящіе Васъ въ долгіе часы полнаго, напряженнаго сознанія, и этими отвѣтами (можетъ быть и не полными) надо дорожить; они также цѣнны обыкновенному человѣку, какъ мелодіи—композитору и стихи—поэту. Я даже склоненъ относить въ одну категорію всѣ эти три поименованныя, являющіяся въ образахъ, мысли. Сновидѣнія—это мысль, иногда великая, часто художественная, иногда столь важная и неожиданная, что невольно напоминаетъ спасительное откровеніе свыше. Художникъ, археологъ, философъ, богословъ *могутъ* увидать во снѣ какъ разъ именно то, что надо, что долго и безуспѣшно утруждало ихъ изслѣдующую, можетъ быть, сильную, но человѣческую, не всемогущую, ограниченную мысль ¹⁾. Они могутъ быть «вразумляемы въ ночныхъ видѣніяхъ», какъ св. Григорій Богословъ умершимъ Василиемъ Великимъ и какъ патріархъ Константинопольскій 3-мя святителями, явившимися ему во снѣ и повелѣвшими прекратить споръ о томъ, кто изъ нихъ выше. Наконецъ безпокойные могутъ успокоиться, какъ тотъ же св. Григорій, увидѣвшій свою мать, благополучно вводившею его обуреваемый корабль въ безопасную пристань. (см. вышеприведенные примѣры сновидѣній Моники, Іакова и пр.). И такое рѣшеніе неразрѣшимыхъ обычнымъ путемъ, часто мучительныхъ, иногда—

---

¹⁾ „Для еврейскаго пророка и халдейскаго царя высшій вопросъ знанія былъ одинъ: что будетъ послѣ сего“ говоритъ В. Соловьевъ; но по моему гораздо интереснѣй и важнѣй вопросъ: *что было до сего?*

«проклятыхъ» и «благословенныхъ» — роковыхъ вопросовъ возможно опять таки не только святымъ, великимъ, чистымъ, но также и самымъ обыкновеннымъ смертнымъ, грѣшникамъ, въ пользу чего говорятъ хотя-бы слѣдующіе изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи примѣровъ; послѣдніе 4 получены изъ первыхъ рукъ, а не взяты изъ книгъ, или сомнительныхъ преданій.

1) Знаменитому итальянскому скрипачу Тартини очень долго не удавался какой-то «пассажъ», о которомъ онъ постоянно думалъ, пока наконецъ не увидалъ во снѣ духа, виртуозно сыгравшаго нужный пассажъ. Послѣдній Тартини записалъ и помѣстилъ въ свою сонату.

2) Одинъ человѣкъ сдѣлалъ другому нѣчто хорошее, извѣстное количество добра и довольно много плохого, даже нарочитаго зла и наконецъ умеръ; второй — потерпѣвшій долго проклиналъ его за сдѣланное зло и въ сердцахъ говорилъ, что убилъ бы его, еслибъ онъ былъ еще на свѣтѣ. Однажды, заснувши въ такомъ гнѣвномъ состояніи, онъ видитъ во снѣ своего («непріятеля») лежащимъ съ закрытыми глазами и, такъ сказать, предоставляющимъ себя бить, готовымъ вынести наказаніе, къ которому тотъ и приступаетъ, т. е. бьетъ своего «врага», но почему то крайне слабо, — при всемъ стараніи не будучи въ силахъ ударить крѣпко. Проснувшись и подумавши хорошенько, онъ рѣшалъ, что умершій человѣкъ, хотя и виновенъ, но очевидно, уже не настолько, чтобы его сильно бить. Сповидѣніе, такъ сказать, взвѣсило сдѣланное добро и зло, рѣшило неразрѣшимый вопросъ о количественномъ соотношеніи того и другого, вопросъ, къ выясненію котораго сновидецъ не могъ бы и подойти въ бодрственномъ сознательномъ состояніи.

3) Нѣкто жертвовалъ часто на одно дѣло, имѣющее отношеніе къ религіи и храму, но потомъ сталъ сомнѣваться въ полезности этого и прекратилъ жертвы. Въ ночь съ 10-го на 11-е Апрѣля, т. е. наканунѣ дня св. Антипы (котораго очень чтить) онъ видитъ сонъ. Какая-то восточная страна... Лѣто .. Праздникъ св. муч. Антипы — масса народу. Сновидецъ вступаетъ въ храмъ, идетъ мимо мощехранильницы, обложенной какимъ-то необыкновеннымъ, красно-коричневымъ, художественно отдѣланнымъ мраморомъ... Кладетъ на жертвенникъ («жертвуетъ») небольшую сере-

бряную монету, въ душѣ *жалѣетъ* ее, сомнѣваясь въ полезности *этой* жертвы (однимъ словомъ, какъ на яву) и видѣть, что отъ жертвенника направляется діаконъ въ какомъ-то необыкновенномъ одѣяніи и несетъ ему въ качествѣ «сдачи» много золотыхъ и серебряныхъ древнихъ восточныхъ монетъ, далеко превышающихъ стоимость его жертвы. Сонъ здѣсь былъ опять таки прямымъ отвѣтомъ и разрѣшеніемъ сомнѣнія, длившагося болѣе *года*.

4) Два товарища спорили о третьемъ лицѣ и одинъ изъ нихъ спустя нѣкоторое время скончался. Оставшійся въ живыхъ сомнѣвался въ словахъ умершаго и при этомъ, оставаясь одинъ, испытывалъ какое-то тоскливое безпокойство, какъ-бы кто-то хочетъ нѣчто сказать ему. Это тяжелое состояніе длилось до тѣхъ поръ, пока покойный, являсь ему во снѣ, сказалъ: «мое мнѣніе о N (третьемъ лицѣ) было справедливо. Прощай». Съ этого момента исчезли сразу всѣ безпокойства и сомнѣнія друга, оставшагося въ живыхъ.

5) Закончу наиболѣе строго разслѣдованнымъ случаемъ. Нѣкто, изучая Библию, очень долго интересовался ховарскимъ видѣніемъ Іезекіиля, т. е. «дѣломъ колесницы». Основываясь на 9 ст. пророчества, онъ задавалъ себѣ вопросъ: *гдѣ, какъ херувимы держали свои руки* въ обыкновенное время движенія или остановки колесницы? Были-ли эти руки протянуты впередъ, сложены на груди, опущены внизъ и пр.? Пророкъ не говоритъ объ этомъ, исключая одного момента, когда херувимъ бралъ уголья;—тогда, конечно, онъ протягивалъ руку, куда надо; а въ остальное обычное время шествія и стоянія колесницы гдѣ и какъ находились эти руки,—вотъ вопросъ, который очень интересовалъ вышеупомянутаго человѣка, и вотъ послѣдній однажды, къ величайшему удовольствію, увидаль во снѣ слѣдующее. Не бойтесь читатель: человѣкъ не лицедрѣлъ видѣнія «сына человѣческаго», а получилъ отвѣтъ *только на свой вопросъ*, видѣлъ лишь то, чѣмъ интересовался: верхнюю часть груди херувимовъ на уровнѣ плечъ, четыре лица (четыре головы?), соединенныя вмѣстѣ и *наклоненныя впередъ*, и двѣ руки, *закинутыя за эту наклоненную голову* (лица) и *поддерживающія* что-то находящееся вверху, несомнѣнно *твердь*. Явилась фигура, весьма похо-

жая на каріатиды, статуи, поддерживающія карнизъ зданія; въ такомъ именно положеніи были голова и руки херувимовъ (почему «херувимовъ»? потому что у нихъ было 4 лица) Весьма возможно, что частое разсматриваніе упомянутыхъ каріатидъ, статуй, украшающихъ наши современныя зданія, не осталось безъ вліянія на содержаніе сна Наконецъ, имѣя такое сновидѣніе, не трудно, пожалуй, придти къ заключенію, что это (видѣнное) положеніе рукъ (закинутыхъ за голову) можетъ быть признано наиболѣе допустимымъ и цѣлесообразнымъ ради поддержанія тверди (и престола), которая иначе неслась-бы по воздуху, не имѣя и не сохраняя рѣшительно никакого отношенія къ находящимся подъ нею херувимамъ. И это совпадаетъ съ текстомъ Іезекіиля, совершенно умалчивающаго о положеніи рукъ, потому что *онѣ были скрыты за головой и крыльями*, и пораженному пророку трудно и некогда было ихъ разглядѣть, что наоборотъ, легко и необходимо было сдѣлать, если-бы руки были, скажемъ, вытянуты впередъ или сложены на груди; этого нельзя было бы незамѣтить и не отмѣтить. — Какъ-бы то ни было, но во всякомъ случаѣ *сонъ далъ* точный и ясный *ответъ* на *вопросъ*, что собственно и требовалось доказать въ цѣляхъ нашей теперешней работы, т. е. что во время сна бессознательная психическая дѣятельность можетъ помогать сознанію, лишенному всякой опоры и какого-бы то ни было выхода.

Не мѣшаетъ замѣтить, что вышеприведенный, полученный во снѣ отвѣтъ съ своей стороны объясняетъ далѣе еще нѣчто другое, неясное въ видѣніи Іезекіиля; на примѣръ, по вопросу о формѣ, или лучше сказать, о видѣ тверди, поддерживающей престолъ. Если принять во вниманіе все только что описанное, то станетъ ясно, что твердь не представляла равной плоскости, для поддержанія которой не цѣлесообразно и неестественно было власть руки за голову, а понятнѣе было до нѣкоторой степени протянуть ихъ вверхъ, поднимая плоскость; только при этомъ приподнятѣмъ ея состояніи херувимы имѣли мѣсто и возможность «поднимать свои крылья» (Іез. 1, 11) и *двигать* ими, производя столь сильный и страшный шумъ, — чего они не въ состояніи были сдѣлать (по крайней мѣрѣ передъ *человѣческими* очами пророка), держа плоскость на

уровнѣ головы (гдѣ заложены руки). Остается заключить, что твердь была не плоская, а значительно выпуклая, и это не противорѣчитъ, а соответствуетъ тексту, хотя и не говорящему ничего опредѣленнаго; ибо пророкъ могъ описывать видъ тверди только выпуклой, а не плоской, которая была-бы ему почти не видна и не давала-бы столь яркаго впечатлѣнія «изумительнаго кристалла».

Конечно могутъ сказать и справедливо, что хорошо, дескать, видѣть красивые сны, отвѣчающіе на интересные вопросы; *но какъ этого добиться?* Отвѣтъ одинъ: такъ, какъ добиваются всѣ, всего, всегда, т. е. думая объ этомъ упорно, часто, подробно. Когда спросили Ньютона, какъ онъ открылъ законъ тяготѣнія, то онъ отвѣтилъ фразой: «*постоянно думая объ немъ*». Вотъ именно. Надо размышлять объ интересующемъ вопросѣ и днемъ (нѣсколько разъ) и ложась спать, вообще передъ сномъ; лучше всего, чтобы по возможности заснуть, перейти за грань сознанія, въ мечтахъ объ этомъ предметѣ. И тогда сонъ будетъ средствомъ къ открытію таинственной истины, или къ успокоенію на ея священномъ порогѣ. Надо приготовляться ко сну, соответственно его желаемымъ свойствамъ и требуемой цѣли; недаромъ Церковь назначаетъ «молитвы на сонъ грядущимъ», а Василій Великій рекомендуетъ стараться, «чтобы самые сны были упражненіемъ въ благочестіи» (см. эпиграфъ). На стѣнахъ ванной комнаты древнихъ китайскихъ царей были написаны слова священной книги Ту—кинга: «обновляйся ежедневно» (см. Ту—кингъ, пер. Luignes, p. 102). Но послѣднее возможно лишь при условіи предварительной работы надъ собой въ теченіи предшествующаго дня и ночи, т. е., въ случаѣ соответственнаго сна, при отсутствіи извѣстныхъ качествъ котораго можетъ пропасть, испортиться слѣдующій день, т. е. вмѣсто обновленія получится ухудшеніе и регрессъ. Сонъ сравниваютъ со смертью, т. е. переселеніемъ въ иной міръ; но и этотъ переходъ можетъ быть плохимъ и хорошимъ; и Церковь молится ежедневно «о христіанской кончинѣ, безболѣзненной, непостыдной, мирной, а Ригъ-Веда проситъ и желаетъ «благополучныхъ ночей». Талмудъ учитъ: «смерть искупаетъ грѣхи» (т. е. часть ихъ) и такимъ образомъ улучшаетъ будущее существованіе; но и сонъ — переходъ къ новому дню можетъ и

долженъ отразиться на характерѣ послѣдняго. Правда, приготовленіе ко сну дѣло нелегкое вообще и даже очень трудное, напримѣръ для нѣкоторыхъ неврастениковъ; многіе изъ нихъ долго не могутъ заставить себя лечь въ постель, поэтому или не высыпаются или просыпаются. И я знаю случай, гдѣ такая «боязнь постели» передавалась по наслѣдству. Замѣчательно, что она очень быстро исчезаетъ, если больной перестанетъ быть одинокимъ и поселяется среди другихъ,—послѣднее и приходится часто назначать такимъ субъектамъ, какъ леченіе. Неврастенику рекомендуется ложиться въ извѣстный *назначенный* часъ не только ради физическаго здоровья, но и для укрѣпленія *воли*, въ качествѣ моральной задачи, необходимой въ интересахъ самодѣятельности. Въ началѣ, при объясненіи причинъ сна, я уже говорилъ, что сами обстоятельства и условія жизни являются непрошеными естественными подготовителями такой или другой ночи, того или иного сна. Такъ у людей не культурныхъ, первобытныхъ, живущихъ среди суровой угрожающей дѣйствительности, сповидѣнія обыкновенно, т. е. чаще будутъ носить тяжелый мрачный колоритъ и, можетъ быть, этимъ объясняется стихъ Ригъ-Веды: «сонъ—источникъ неправды» (см. пер. Longlois p. 38 b. Bibl. orient). И вѣще сны нерѣдко служатъ отголоскомъ дѣйствительности, когда ясные намеки рождаютъ неясныя предчувствія; таковы напримѣръ, грезы королевы Уты въ Нибелунгахъ, и «мутенъ сонъ» Святополка Кіевскаго (см. слово о Полку Игоревѣ). Приготовленіе ко сну, какъ и всякій личный починъ, подвигъ, усовершенствованіе должно быть *индивидуализировано*, принаровлено къ условіямъ жизни и характеру каждаго отдѣльнаго человѣка. Однако существуютъ вмѣстѣ и общія требованія, одинаковыя для всѣхъ (конечно здоровыхъ, нормальныхъ, свободныхъ и пр.) людей. Напримѣръ, на ночь не слѣдуетъ наѣдаться, надо принимать, какъ можно, меньше пищи, лучше даже совсѣмъ не ѣсть. Послѣ обильнаго ужина и соотвѣтственнаго количества возліяній, разумѣется, весьма наивно будетъ рассчитывать на «сонъ легокъ» или надѣяться «въ тонцѣ снѣ» увидѣть что-либо порядочное, это ясно для всѣхъ. «Такія-же постели, какъ Іаковъ, устроимъ и мы, чтобы видѣть такіе-же сны», учитъ Іоаннъ Златоустъ (о священ. стр. 780). Человѣкъ долженъ ста-

раться и во снѣ не переставать быть человѣкомъ, спать по человѣчески, а многіе люди къ сожалѣнію (а не въ осужденіе) спятъ хуже животныхъ.

Съ улучшеніемъ сна можетъ станеть лучше и бодрствованіе, и немощіе исправить день пусть начнутъ исправленіе съ ночи, подойдутъ къ задачѣ съ другого конца.

Пифагоръ рекомендовалъ ежедневно, ложась спать, приводить на память сдѣланныя ошибки и прегрѣшенія,—что для него лично и подобныхъ ему можетъ быть и было полезно, цѣлесообразно; но для насъ важнѣе думать не объ отрицательномъ, а о положительномъ, не о томъ, что не удалось, а томъ, что желательно и интересно. Такимъ путемъ можно устроить себѣ хорошую жизнь во снѣ и продлить для себя блага земного существованія, пропадающія обыкновенно въ часы сна.

Читатель! Если будете въ С.-Петербургѣ, зайдите въ музей Александра III (въ Михайловскомъ дворцѣ) и посмотрите на скульптуру Бернштейна «Сонъ» и Вы увидите, что можно жить во снѣ, и Вы поймете, что значитъ фраза Соломона: «сладостно поспиши». Во Флоренціи въ усыпальницѣ Медичисовъ есть группа Микель Анджело «Утро и Вечеръ». Многимъ бросалась въ глаза глубокая печаль на лицѣ перваго; откуда эта грусть на лицѣ утра, обыкновенно слывущаго столь радостнымъ? Это утро *слишкомъ* раннее, преждевременное пробужденіе послѣ сладкаго сна. Великій скульпторъ хотѣлъ сказать, что Лаврентій Медичи скончался очень рано и неумолимый зовъ вѣчности не позволилъ ему досмотрѣть дивный сонъ жизни. Вглядитесь еще разъ въ лице этого Утра и поймите, какъ очаровательно можетъ быть жизнь во снѣ! Если Вамъ еще недостаточно убѣдительно, то прочтите Климента Алек. Страты.

В. Нодзвецкій.

16-го Іюля. Ялта.

ОТДѢЛЪ II.

КЪ ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХЪ УПАДКА ПАСТЫРСНАГО ДУХА ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ НАШЕМЪ ДУХОВЕНСТВѢ ¹⁾.

IV.

Вышеуказанныя обстоятельства, способствующія упадку пастырскаго духа въ нашемъ духовенствѣ, можно назвать внѣшними, общественно-бытовыми. Кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ есть еще—внутреннія, лежащія въ условіяхъ взаимоотношеній самаго духовенства. Къ разсмотрѣнію ихъ мы и переходимъ, и здѣсь прежде всего считаемъ нужнымъ остановиться на ненормальныхъ взаимоотношеніяхъ между членами причтовъ и отсутствіи солидарности между самими пастырями.

Жизнь нашего духовенства, городского и сельскаго, сложилась такъ, что между членами причтовъ не всегда согласіе и любовь. Ссоры, препирательства и недоброжелательныя отношенія между членами причтовъ, къ сожалѣнію, нельзя назвать исключительными явленіями въ жизни нашего духовенства. Иногда эти недоброжелательныя отношенія настолько обостряются, что восходятъ на судъ духовныхъ консисторій, и даже переносятся въ обще-государственныя судебныя учрежденія. Такъ называемые судебныя столы въ духовныхъ консисторіяхъ больше другихъ завалены «дѣлами». Въ большинствѣ случаевъ дѣла эти начинаются изъ-за пустяковъ и разрастаются на десятки и сотни листовъ. Намъ извѣстно одно кляузное дѣло, возникшее между настоятелемъ одного уѣзднаго собора и вторымъ священникомъ и разросшееся въ теченіе двухъ лѣтъ болѣе, чѣмъ на двѣсти листовъ. Дѣло было прекращено по приказанію епархіальнаго архіерея, который на первомъ листѣ его положилъ такую резолюцію: «дѣло прекратить, а настоятеля собора и его

---

¹⁾ Окончаніе.

помощника оштрафовать по рублю съ листа, сообразно количеству листовъ, исписанныхъ каждымъ». Бываютъ и между духовными лицами такія, которыя цѣлый вѣкъ свой судятся съ кѣмъ нибудь, и въ силу необходимости, изучили въ совершенствѣ уставъ духовныхъ консисторій, уложенія о наказаніяхъ для мировыхъ судей и X т. Св. Зак., не хуже заправскихъ адвокатовъ. Къ несчастью, всѣ эти препирательства какъ между членами причта, такъ отчасти и съ прихожанами совершаются на глазахъ всего прихода и 'къ соблазну всѣхъ прихожанъ. Понятно, что пастырямъ, вступившимъ на путь такихъ судебныхъ препирательствъ, просто времени не остается для того, чтобы подумать о своей паствѣ и о пастырскихъ обязанностяхъ, не говоря уже о нравственной несовмѣстимости такихъ противоположныхъ настроеній и стремленій, какъ страсть по изтяжительству и пастырская ревность. Но то должно быть все таки утѣшительно, что отмѣченное нами печальное явленіе, если нельзя назвать исключительнымъ, то и обычнымъ признать также несправедливо. Возникая подъ влияніемъ чуждой духовныхъ интересовъ среды и вслѣдствіе отсутствія условий благопріятствующихъ пастырской дѣятельности, возбуждающихъ ее и побуждающихъ къ ней, это явленіе, можно сказать, имѣетъ временный и случайный характеръ и потому легко можетъ быть устранимо.

Гораздо большее значеніе въ смыслѣ препятствія къ развитію пастырской дѣятельности можетъ имѣть другой укоренившійся въ нашемъ духовенствѣ обычай — обычай перемѣщенія съ прихода на приходъ. Обычай этотъ вошелъ въ жизнь нашего духовенства съ 70 годовъ прошлаго столѣтія, съ того времени, когда Синодальнымъ указомъ отмѣнено было право предоставленія приходовъ за сиротами и передачи ихъ по наслѣдству. До 70-хъ годовъ въ большинствѣ случаевъ приходы переходили отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, и удерживались въ одномъ родѣ, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ поколѣніи. Обычай этотъ, хотя и имѣлъ очень много неудобствъ, но заключалъ въ себѣ нѣкоторыя и хорошія стороны, которыхъ, съ его исчезновеніемъ, теперь мы не видимъ. При переходѣ прихода изъ поколѣнія въ поколѣніе, священники въ большинствѣ случаевъ, за весьма рѣдкими исключеніями, весь вѣкъ свой жили въ одномъ и томъ же приходѣ; о перемѣщеніяхъ почти что и не думали. Вслѣдствіе этого устанавливались добрыя,

даже больше, сердечныя отношенія между пастыремъ и пасомыми; старики священники смотрѣли на своихъ пасомыхъ, какъ на своихъ дѣтей, съ которыми придется имъ жить весь свой вѣкъ; въ свою очередь и пасомые смотрѣли на священника, какъ на своего, роднаго, который ихъ не оставитъ и никуда не уйдетъ отъ нихъ. Пастырь и пасомые сживались, какъ одна семья; пастырь и пасомые хорошо знали другъ друга и охотно несли взаимныя тяготы. Хотя священническія мѣста тогда весьма часто занимали люди съ меньшимъ въ сравненіи съ настоящимъ временемъ образованіемъ; но они, какъ пастыри и руководители народныя, стояли несравненно выше теперешнихъ пастырей. Они въ простотѣ сердца и съ любовью пасли словесное свое стадо, а пасомые, покорные голосу своихъ пастырей, съ послушаніемъ слѣдовали за ними. При такомъ порядкѣ вещей и рѣчи не могло быть о пастыряхъ наемникахъ. Съ введеніемъ новаго синодальнаго закона, отмѣняющаго наслѣдственную передачу приходовъ, начинается новая эра въ жизни духовенства. Священники, не имѣя возможности получить тѣхъ приходовъ, въ которыхъ жили ихъ дѣды и отцы, чувствовали себя обиженными и стали перепрашиваться съ одного прихода въ другой, мотивируя свой переходъ скудостью средствъ къ жизни; просьбы ихъ въ большинствѣ случаевъ удовлетворялись. И эти перемѣщенія настолько вошли въ нравы духовенства, что многіе изъ священниковъ въ теченіе своей жизни успѣваютъ перемѣнить по нѣскольку, случается, что до десяти даже больше приходовъ. При такихъ порядкахъ многіе священники на свои приходы смотрятъ, какъ на временныя квартиры, какъ на постоянные дворы. «Поживу годокъ — другой и перепрошусь на лучшей приходъ; къ чему мнѣ заводить новые порядки въ приходѣ и прилагать старанія къ дѣлу». Такъ рассуждаютъ такіе священники, а потому они и не могутъ даже входить въ тѣсныя общенія съ прихожанами и считать своихъ пасомыхъ своими, дорогими, близкими сердцу чадами. При такомъ отношеніи священника къ прихожанамъ — нѣтъ мѣста истинно-пастырскому духу въ сердцѣ священника и нѣтъ благопріятной почвы для развитія пастырской ревности.

Намъ думается, что отмѣченныя ненормальности жизни приходскаго духовенства меньше препятствовали бы развитію пастырской дѣятельности, если бы побольше было взаимообщенія между духовенствомъ сосѣдскихъ приходовъ.

Говоря это, мы разумѣемъ взаимообщение не въ житейско-бытовыхъ отношеніяхъ, а въ самомъ пастырскомъ дѣлѣ. Слова нѣтъ, наши священники, попреимуществу сельскіе, поддерживаютъ между собою добрыя сосѣдскія отношенія, при встрѣчахъ и свиданіяхъ много толкуютъ о семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, а о пастырствѣ, объ устройствѣ, выражаясь современнымъ языкомъ новыхъ богослововъ, царства Божія на землѣ и о томъ единомъ, что есть на потребу человѣка — разговоровъ бываетъ мало, или даже совсѣмъ не бываетъ. Правда, есть между священниками охотники подымать для обсужденія вопросы изъ богословской области или изъ пастырской практики, но таковыхъ сравнительно не много и они не пользуются особымъ сочувствіемъ своихъ собратьевъ. Въ большинствѣ случаевъ обсужденіе этихъ вопросовъ оканчивается ничѣмъ и разговоры сводятся къ житейско-практическимъ вопросамъ или новостямъ изъ епархіальной жизни—кто куда перемѣщенъ, кто какую награду получилъ и т. д. Отсутствіе пастырской солидарности между нашимъ по преимуществу сельскимъ духовенствомъ—особенно чувствуютъ молодые священники. Часто бываетъ, что они на первыхъ порахъ въ своей пастырской дѣятельности ходятъ, какъ въ потемкахъ, а посовѣтоваться имъ не съ кѣмъ—точно живутъ въ пустынь. Каждый неувѣренъ въ своемъ дѣланіи. Конечно, отсутствіе надлежащей солидарности между пастырями не можетъ быть отнесено къ числу благоприятныхъ условий для развитія и преуспѣянія пастырскаго дѣла. Дѣло это несомнѣнно оживилось бы, если духовные сосѣдскихъ приходоѡ почтаще сходились между собой для общаго его обсужденія; но для того, чтобы могли образоваться, правильно организоваться и плодотворно функционировать такіе братскіе кружки духовенства, нужно, чтобы въ числѣ лицъ, могущихъ составлять изъ себя такіе кружки, были инициаторы и руководители ихъ, которые имѣли бы не только охоту и способность къ такой руководительной дѣятельности, а и, такъ сказать, право на нее. .

V.

Собственно говоря, оффициально руководители духовенства въ его пастырской дѣятельности есть и ихъ не мало; но они не то часто представляютъ изъ себя, чѣмъ должны быть.

Первыми и ближайшими руководителями пастырей въ ихъ дѣятельности являются о. о. благочинные. Они должны быть «мировыми» судьями подвѣдомственнаго имъ духовенства, умѣющими не судебную волокиту разжигать, а, такъ сказать, тушить огонь вражды въ самомъ началѣ; они должны служить объединяющимъ звѣномъ для духовенства всего округа, вселять въ сердца сопастырей не только духъ бодрости и энергіи, а и подвигать ихъ на добрыя дѣла,—быть инициаторами и проводниками тѣхъ благихъ начинаній, которыя исходятъ отъ архипастыря,—словомъ должны чинить благо, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, въ своемъ округѣ. Таковъ по существу долженъ быть идеаль о. благочиннаго. Но иное дѣло—идеаль, а иное дѣло—реальная дѣйствительность, которая часто не приближается къ нему, а удаляется. Къ несчастью, жизнь нашей церкви такъ осложнилась и ея интересы такъ переплелись съ интересами міра сего, что строй нашей церковной жизни во многомъ измѣнился въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ,—и ея правящіе органы, начиная съ высшихъ и оканчивая низшими, въ силу этой внѣшней необходимости пріобрѣли характеръ бюрократическихъ учреждений. Этотъ отгѣнокъ бюрократизма и отразился прежде всего на благочинническомъ институтѣ.

Благочинные перестали быть «благочинными» въ истинномъ смыслѣ этого слова, а обратились въ отдѣленія консисторій. И неудивительно. Они должны вести всю переписку съ консисторіей по всѣмъ вопросамъ, возникающимъ во ввѣренныхъ имъ округахъ, должны быть проводниками въ жизнь духовенства всѣхъ распоряженій начальства и слѣдить за строгимъ исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній и распоряженій. Словомъ, каждый благочинный въ своемъ округѣ является единоличною исполнительною и распорядительною властью, начальникомъ надъ своими собратьями. При назначеніи благочинныхъ духовныя консисторіи руководствуются не столько пастырскими добродѣтелями и духовною опытностію того или другого лица, сколько исполнительностію, точностію и аккуратностію его въ веденіи церковнаго хозяйства. Кромѣ аккуратности и исполнительности отъ благочинныхъ требуется еще, чтобы они были «окомъ и ухомъ» консисторіи и аттестовали подвѣдомственныхъ имъ священно-церковно-служителей. Отсюда-то и проистекаетъ очень много бѣдъ. Подъ предсѣдательствомъ благочинныхъ бывають благочинническіе съѣзды окружнаго духовенства; но съѣзды эти вѣдаютъ больше внѣшнюю сторону церковной жизни. Рѣдко гдѣ можно встрѣ-

тять, чтобы о. о. благочинные были руководителями живого пастырского дѣла, инициаторами благихъ мѣропріятій къ подъему пастырского духа и нравственности среди пасомыхъ, и проводниками свѣтлыхъ идей въ жизнь пастырей и паствы. Большинство же благочинныхъ—«начальники канцелярій», и изъ-за канцелярской работы, часто срочной и весьма не легкой, они лишены возможности даже подумать о специально пастырскихъ дѣлахъ и пастырскомъ благоустройствѣ своего округа. Хорошо, если во главѣ благочинія стоитъ пастырь разсудительный, безпристрастный и житейски—опытный; тогда и духовенство въ своей пастырской дѣятельности, если и не получаетъ руководительныхъ отъ него указаній, то и не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію своихъ благихъ намѣреній. Если же стоитъ во главѣ благочинія какойнибудь самоуправецъ, гордецъ, властолюбецъ и корыстолюбецъ, тогда горе и духовенству, и паствѣ того округа. Словомъ, ненормальная постановка благочинническаго института, пріобрѣвшаго вполне бюрократическій характеръ, влечетъ за собою цѣлый рядъ нестроений въ духовной жизни нашихъ приходоѡвъ и разслабляюще дѣйствуетъ на духъ пастырской ревности.

Что сказать о духовныхъ консисторіяхъ, насколько онѣ, какъ епархіальные правительственныя учрежденія, содѣйствуютъ охраненію пастырскаго института и способствуютъ его жизнедѣятельности, а этимъ самымъ насколько поддерживаютъ духъ пастырской ревности? Вопросъ этотъ болѣе, чѣмъ трудный для прямого отвѣта. Не касаясь этической стороны духовныхъ консисторій, стяжавшихъ себѣ въ прошломъ печальную извѣстность и не успѣвшихъ еще реабилитировать себя во мнѣніи общества, мы только упомянемъ, что консисторіи, какъ правительственныя учрежденія, опираются въ своихъ дѣйствіяхъ на законы церковныя и гражданскіе; почему и всѣ дѣйствія ихъ облечены въ предписанія, циркуляры, указы и распоряженія. Но бѣда въ томъ, что консисторіи шлютъ духовенству столько всякихъ циркуляровъ, предписаній и указовъ, что ихъ не перечесть. Всѣ эти циркуляры, направлены къ регламентированію церковно-приходской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Отъ всѣхъ этихъ указовъ получается такое впечатлѣніе, что они имѣютъ въ виду жизнь священника заключить въ возможно узкія рамки, чтобы онъ отказался отъ своего «я», и превратился въ исполнительную машину, личной

иниціативы въ консисторскихъ указахъ мѣста нѣтъ. Инициатива отнята не только у священниковъ, но и у благочинныхъ. Къ счастью, не рѣдко случается, что эти указы остаются мертвой буквой: никто ихъ не читаетъ и не знаетъ, кромѣ благочинныхъ. Невольно мы должны согласиться, что отъ подобной обстановки дѣла мало пользы для пастырей церкви. Впрочемъ съ этими указами и циркулярами пополамъ съ бѣдой мириться можно бы еще. Но трудно мириться съ консисторскими порядками и отношеніями служащихъ тамъ лицъ къ рядовому сельскому духовенству. Дѣлопроизводство въ духовныхъ консисторіяхъ обставлено крайне сложными формальностями и своею медлительностью иногда наводитъ страхъ и досаду на тѣхъ, кто имѣлъ нужду по какому либо дѣлу сноситься съ этими учрежденіями. Не даромъ и существуетъ у насъ терминъ—«консисторская волокита». Отъ такой волокиты весьма часто страдаютъ псаломщики и священники. Умалчивая о томъ, съ какою гордостью и презрѣніемъ относятся иногда секретари и чиновники консисторіи (свои же собратья по происхожденію) къ посѣтителямъ пріемныхъ въ консисторіяхъ, о грубомъ подѣ часъ обращеній ихъ не только съ псаломщиками, но и священниками, мы должны отгнѣнить, какъ фактъ, заслуживающій вниманія, недоброжелательное вообще отношеніе консисторій къ духовенству, въ особенности сельскому. Грустно, что этимъ характеромъ недоброжелательности къ духовенству запечатлѣны иногда дѣйствія даже членовъ консисторій, которые смотрятъ на духовенство какъ на своихъ подчиненныхъ. «Своя своихъ не познаша». Конечно при такомъ характерѣ отношеній трудно говорить о подъемѣ пастырскаго духа среди духовенства.

Далѣе защитниками и печаловниками духовенства (сельскихъ по преимуществу іереевъ и псаломщиковъ) должны быть по идеѣ епископскаго служенія—епархіальные преосвященные. Но такъ ли это бываетъ на самомъ дѣлѣ? Мы видимъ и знаемъ, что многіе іерархи церкви русской—это свѣтилики, стоящіе на свѣщницѣ и свѣтящіе всѣмъ, иже въ храминѣ суть (Мѡ. V, 15.), что они бываютъ усердными дѣлателями въ вертоградѣ Христовомъ. Видимъ мы въ нихъ образцы вѣры и благочестія, знаемъ, что они утираютъ слезы вдовамъ и сиротамъ, видимъ любовь къ паствѣ, которая въ свою очередь весьма часто даритъ взаимною любовью и своего архипастыря. Но часто мы не видимъ той близости архипастырей къ пастырямъ и отеческой благо-

попечительности, которою характеризовались въ старое время эти отношенія. Тогда владыки не были связаны въ своихъ дѣйствіяхъ цѣлымъ рядомъ разнаго рода канцелярскихъ формальностей; оттого въ дѣйствіяхъ ихъ было гораздо больше, не скажу, любви, а непосредственной близости къ духовенству и вытекающей отсюда сердечной теплоты, чѣмъ той мертвящей холодности, которая естественно является результатомъ бумажнаго канцелярскаго веденія дѣла. Тогда у владыкъ было больше свободнаго времени, чѣмъ теперь,—и они имѣли возможность болѣе подробно вникать въ жизнь каждаго пастыря, являвшагося къ нимъ съ просьбою и со своими нуждами.—Иногда владыки стараго времени не соблюдали особыхъ тонкостей въ обращеніи съ пастырями, и изрѣкали имъ по временамъ слово жестоко; но такимъ обращеніемъ они нисколько не роняли себя въ глазахъ подчиненныхъ имъ пастырей; потому что это было въ духѣ времени и не мѣшало владыкамъ отечески заботиться о пастыряхъ, любить ихъ. Для иллюстраціи, какія были отношенія въ старое время между архипастырями и пастырями, позволимъ себѣ привести примѣръ. Одинъ изъ священниковъ, откликнувшихся на посланіе преосвященнаго Антонія, вотъ что пишетъ. «При почившемъ преосвященномъ Сергіи, у насъ (т. е. въ епархіи) существовалъ обычай: каждый вновь рукоположенный священникъ обязанъ былъ чрезъ годъ являться къ владыкѣ и рассказать: какимъ онъ нашель у себя приходъ, что думаетъ дѣлать для сближенія съ приходомъ и просвѣщенія его, какія встрѣтилъ радости и огорченія и чѣмъ можетъ помочь ему владыка. Какъ готовились молодые пастыри къ этому свиданію, какъ старались вникнуть въ нужды прихода, сколько энергій и бодрости являлось, сколько надеждъ строилось, какъ волновались отъ близости свиданія, но не унылымъ страхомъ, а бодрящимъ; эти свиданія въ корнѣ задѣвали—пастырское дѣло.» (Мис. Об. 1903 г. № 15 стр. 596). Теперь же отношенія архипастырей къ пастырямъ измѣнились даже съ внѣшней стороны. Теперь въ большинствѣ случаевъ владыки стали болѣе обходительны и любезны съ священниками; но въ этой обходительности не всегда слышится та отеческая любовь, которая могла бы повидимому обходиться безъ канцеляріи и консисторіи, особенно по отношенію къ провинившимся въ чемъ либо. Но теперь владыкамъ просто часто некогда лично заниматься разбирательствомъ тяжёбныхъ дѣлъ и они по необходимости напередъ все-

го кладутъ резолюцію о передачѣ дѣла въ консисторію для справки и разбора, оставляя за собой лишь право окончательнаго рѣшенія дѣла, «согласно или несогласно заключенію консисторіи». Не бюрократическій режимъ, «такъ окутавшій ихъ своимъ туманомъ, что они и не могутъ разобраться въ окружающей дѣйствительности», виноватъ въ этомъ, или по крайней мѣрѣ не онъ одинъ и не онъ прежде всего; виновата въ этомъ сама жизнь, непомѣрно сравнительно съ прежнимъ временемъ осложнившаяся. вмѣстѣ съ увеличеніемъ народонаселенія и развитіемъ культуры, растутъ нужды и требованія, а съ ними и дѣлопроизводство въ духовныхъ консисторіяхъ, епархіальныхъ училищныхъ совѣтахъ, въ правленіяхъ духовныхъ семинарій и училищъ, и отъ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ учреждений поступаетъ масса дѣлъ на утвержденіе архіереевъ. Въ большинствѣ епархій преосвященные до того завалены административными дѣлами (кабинетною работою), что не имѣютъ свободнаго времени слѣдить за текущей богословской литературой, чтобы стоять на высотѣ богословскихъ знаній, и быть дѣйствительными руководителями епархіальной жизни и истинными свѣтильниками, стоящими въ свѣщницѣ и свѣтящими всѣмъ, иже въ храминѣ суть (Мф. 5, 15), начиная отъ прихожанъ и кончая пастырями. Довольно сказать, что часто архіерею при опредѣленіи на то или иное священническое мѣсто приходится разобраться въ 50, а то и въ 100 прошеніяхъ; въ одной изъ центральныхъ епархій архіерей ежедневно разсмотритъ среднимъ числомъ не меньше 30 № № бумажныхъ дѣлъ. Вполнѣ понятно, что изъ-за этого бумажнаго и чернильнаго царства архіерею некогда и подумать о сближеніи съ паствою и съ пастырями. При такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи объ особенной близости архипастыря съ пастырями и его непосредственномъ руководствѣ дѣятельностью пастырей.

Такимъ образомъ самый современный строй нашего епархіальнаго управленія, вслѣдствіе осложнившихся отношеній ставшей канцелярскимъ, бюрократическимъ, не можетъ блаприятствовать развитію пастырской дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать подъему пастырскаго духа,—и этотъ порядокъ вещей долженъ быть отнесенъ къ числу одной изъ главныхъ причинъ упадка пастырскаго духа въ современномъ нашемъ духовенствѣ.

Можно было бы еще коснуться семейной жизни нашихъ пастырей, вообще внѣшняго и внутренняго строя этой жизни, нравственныхъ устоевъ и принциповъ, которые царятъ въ семейныхъ ихъ очагахъ и въ которыхъ они воспитываютъ своихъ чадъ; можно было бы коснуться и того вопроса, какъ наши пастыри въ тиши своей семейной обстановки трудятся надъ нравственнымъ усовершенствованіемъ своего «я» и какъ они воспитываютъ внутренняго своего человѣка. Вопросы эти безусловно имѣютъ глубокой интересъ, такъ какъ въ семейномъ строѣ жизни пастыря, въ глубинѣ внутренняго «я» лежитъ больше, чѣмъ въ другихъ условіяхъ, залогъ развитія и укрѣпленія пастырскаго духа. Здѣсь пастырь почерпаетъ ближайшимъ образомъ силы для своей дѣятельности, здѣсь онъ находитъ и источникъ вдохновенія и воодушевленія для своего пастырскаго подвига. Но этой стороны жизни нашихъ пастырей касаться мы не дерзаемъ и боимся, помня слова Писанія: «кто вѣсть отъ человѣка, яже въ человѣцѣ, точию духъ человѣка, живущій въ немъ» (1 Корин. 2, 12)?

VI.

Въ настоящее время въ дни тяжелыхъ испытаній, ниспосланныхъ Богомъ нашему отечеству, все русское общество встрепенулось: вездѣ заговорили о тѣхъ дефектахъ и прорѣхахъ, которые вкрались во всѣ сферы общественной и государственной жизни. Между тѣмъ какъ одни, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, какъ поводомъ, возстаютъ противъ самыхъ основъ существующаго строя общественной и государственной жизни и путемъ смуты и насилія сияются ниспровергнуть его; другіе, благомыслящіе и благожелательные, присматриваясь къ разоблачаемымъ недостаткамъ и злоупотребленіямъ, ищутъ путей къ ихъ устраненію и искорененію, не касаясь самыхъ основъ существующаго строя, какъ вѣками испытанныхъ въ своей несомнѣнной истинности и непоколебимой твердости. Въ эти тяжелые дни испытаній, переживаемыхъ Россіей, вполне благовременно и нашему православному духовенству, которое обвиняютъ и въ бездѣятельности, и въ косности, и въ уклоненіи отъ идеала начертаннаго для ихъ пастырской дѣятельности самимъ пастыреначальникомъ Господомъ Исусомъ и Его св. апостолами, оглянуться на себя, на упавшій духъ своей

пастырской дѣятельности и устранить тѣ недостатки и погрѣшности, которыя мѣшаютъ ей. Въ этихъ видахъ мы и рассмотрѣли тѣ изъ этихъ недостатковъ и погрѣшностей, о которыхъ говоритъ общество и на которыя указываетъ сама живая дѣйствительность. Но всѣ наши писанія объ этомъ, хотя благовременныя и благопотребныя, были бы пустымъ звукомъ, «мѣдью звенящею и кимваломъ бряцающимъ», если бы мы, оставили безъ отвѣта вопросъ о томъ, что же нужно нашему духовенству предпринять, какими ему идти путями, чтобы не только не ослабѣвалъ, но и возгрѣвался духъ пастырской ревности, и чтобы оно всегда стояло на высотѣ своего пастырскаго призванія?

Прежде всего, имѣя въ виду, что путь стремительнаго и насильственнаго отрицанія и ниспроверженія самыхъ основъ существующаго строя жизни, сейчасъ же во всѣхъ его отношеніяхъ ни къ чему кромѣ гибели не ведетъ, нужно всемѣрно стараться о томъ, чтобы путь этотъ не проникъ и въ область церковной жизни во всѣхъ ея сторонахъ отношеній. Нужно твердо помнить, что и основы церковной жизни, вѣками сложившіяся въ ихъ современной формѣ, въ своемъ существѣ—съ принципиальной точки зрѣнія, вполне каноничны. Въ противномъ случаѣ—разъ мы допустимъ мысль объ ихъ несогласіи съ канонами церкви, мы теряемъ всякую почву подъ собою и не можемъ рассчитывать на авторитетъ и довѣріе православно-русскаго народа къ самымъ благимъ начинаніямъ и раціональнымъ реформамъ. Говоря такъ, мы не существующій строй церковной жизни со всѣми его дефектами и погрѣшностями защищаемъ, какъ совершенный и не подлежащій исправленію. Указывая внѣшнія и внутреннія условія пастырской дѣятельности, ей не благоприятствующія и ее ослабляющія, мы тѣмъ самымъ признаемъ законность и необходимость исправленія этого строя, но не въ его, такъ сказать, существѣ, а именно со стороны лишь этихъ условій. И въ отношеніи къ нимъ мы не раздѣляемъ мысли о стремительномъ и насильственномъ ихъ измѣненіи; по нашему мнѣнію, какъ бы ни были законны и желанны эти измѣненія, они не будутъ плодотворными при такомъ способѣ дѣйствованія; чего бы изъ указанныхъ недочетовъ современнаго

стройка церковной жизни ни касались эти измѣненія, во всякомъ случаѣ они будутъ измѣненія внѣшнія, механическія. А начинать очищеніе или исправленіе чего бы то ни было съ внѣшности значитъ только портить дѣло.

Поэтому пастыри церкви, призванные Богомъ къ устройенію церковной жизни, прежде всего должны обратиться къ себѣ самимъ, къ своему внутреннему состоянію и настроенію, къ своему духу. Они должны непрестанно и неукоснительно воспитывать въ себѣ внутренняго человѣка и заботиться о своемъ внутреннемъ совершенствѣ и преуспѣяніи; всегда и вездѣ должна предноситься мысль въ ихъ сознаниі, что они строители таинъ Божіихъ, руководители вѣранныхъ имъ чадъ церкви, насадители царства Божія на землѣ, что они свѣтильники, отражающіе собою неугасимый свѣтъ Христовой правды и мира и что они соль земли. Мало этого—они должны не только не угашать въ себѣ Духа Божія, но неустанно возгрѣвать въ себѣ даръ благодати священства, всегда памятовать о великости своего служенія и творить дѣло Божіе съ любовью и охотою, а не по принужденію и прибытковъ житейскихъ ради,—всегда и вездѣ помнить объ отвѣтственности своего служенія,—помнить, что ихъ попеченію ввѣрены души чадъ церкви, за которыя они дадутъ отвѣтъ предъ лицомъ Судіи въ день судный,—помнить, что они должны быть «правиломъ вѣры и образомъ кротости» для народа, почему у нихъ слово не должно расходиться съ дѣлѣмъ;—помнить, что они являются пастырями народа, которому усвоено названіе «богоносца», и потому должны быть достойными пастырями «богоноснаго народа», и наконецъ помнить, что они всегда и вездѣ, при обыденныхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, остаются пастырями—носителями благодати, учителями и руководителями народа.

Если такими мыслями и благими намѣреніями будутъ проникнуты сердца нашихъ пастырей; то личная жизнь ихъ во много разъ станетъ лучше, чище, совершеннѣе,—и взаимоотношенія между членами причта и сосѣдскимъ духовенствомъ улучшатся, дразги, ссоры и всѣ нестроенія въ духовной средѣ отойдутъ въ область преданій, заботы о пастырскомъ дѣлѣ станутъ на первомъ мѣстѣ и дѣло это процвѣтетъ, труды пастырей принесутъ плоды сторицею: каждый по роду своему.

Когда доминирующимъ мотивомъ пастырской жизни и дѣятельности будетъ внутреннее совершенство самихъ пастырей и ревностное служеніе своимъ пасомымъ, тогда и вопросъ о перемѣщеніяхъ съ прихода на приходъ утратитъ свою интенсивность, свой острый, ненормальный характеръ. Тогда священники перемѣнятъ свои отношенія къ приходамъ, къ которымъ они рукоположены, и будутъ слѣдовать той точкѣ зрѣнія, которой держались отцы и дѣды, именно, что вручаемые имъ приходы при рукоположеніяхъ—даны самимъ Богомъ, что первые ихъ прихожане—родные ихъ дѣти и что этими-то прихожанами нужно дорожить и беречь ихъ, какъ зѣницу ока.

Если священникъ проживетъ весь свой вѣкъ на одномъ и томъ же приходѣ, то само собою разумѣется, оставитъ по себѣ замѣтный слѣдъ въ приходской жизни. Намъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ приходяхъ въ К-ской епархіи, гдѣ священники прожили весь свой вѣкъ и имѣли огромное вліяніе на народъ, штундизмъ не нашелъ себѣ адептовъ; между тѣмъ какъ въ окрестныхъ приходяхъ, гдѣ священники часто мѣнялись, секта эта свила себѣ прочныя гнѣзда. Это наглядное и краснорѣчивое доказательство того, что можетъ сдѣлать священникъ, при добромъ усердіи и желаніи, въ своемъ приходѣ въ теченіе долгаго своего тамъ пребыванія.

При болѣе глубокомъ одушевленіи духовенства идеей пастырскаго служенія, духовенство постепенно окрѣпнетъ и вырастетъ во мнѣніи какъ самого себя, такъ и своего духовнаго начальства, и, что самое главное, во мнѣніи народа и общества. Тогда, думается, и сами о. благочинные, проникнутые идеей высоты пастырскаго служенія, стануть смотрѣть на свою должность не съ канцелярской только точки зрѣнія, а и съ точки зрѣнія благоустроенія своего округа сообразно съ нуждами какъ самого духовенства, такъ и народа и общества и, если не всегда будутъ имѣть время и силы быть руководителями подвѣдомственныхъ имъ братій въ ихъ пастырствѣ, то по крайней мѣрѣ никогда не стануть помѣхой имъ въ этотъ дѣлѣ. Тогда, думается намъ, и у служителей Слова Божія явится и энергія и личная инициатива въ дѣятельности и каждый изъ служителей алтара почувствуетъ себя живымъ членомъ живаго тѣла Церкви Христовой и изъ устъ его полетятъ живое и горячее слово въ защиту истины, добра и правды; тогда дѣятельность духовенства будетъ вполне плодотворна и направится ко спасенію пасомыхъ и ко благу церкви и отечества.

Но не будутъ ли разбиваться всѣ благія начинанія пастырей, одушевленныхъ идеей пастырскаго служенія, о тотъ сухой канцелярскій фирмализмъ, который мертвитъ ихъ дѣятельность теперь сверху, начиная съ консисторій? Произойдетъ ли тогда такъ необходимое для плодотворности пастырскаго служенія сближеніе пастырей и архипастырей? Не слѣдуетъ ли реформировать по крайней мѣрѣ эту сторону церковной жизни?

Всенепремѣнно, говорятъ нѣкоторые и предлагаютъ замѣнить современный консисторскій строй пастырскими совѣтами при епископскихъ кафедрахъ. Такіе совѣты, собираемые примѣрно два раза въ мѣсяцъ, могли бы принести великую пользу пастырскому дѣлу и самимъ пастырямъ—этими ратоборцамъ Христовымъ. Здѣсь пастыри церкви въ взаимобщеніи, подъ владычнымъ покровомъ, черпали бы для своей дѣятельности силы и воодушевленіе; здѣсь они поучались бы отъ опытности другихъ пастырей, искуснѣйшихъ въ дѣланіи Христовомъ и, что самое главное, на этихъ совѣтахъ архипастыри узнавали бы своихъ пастырей,—и не были бы чужими, а близкими и дорогими для этихъ послѣднихъ; принципъ единенія архипастырей съ пастырями получилъ бы здѣсь реальное осуществленіе и отсюда потекли бы неизсякаемымъ источникомъ неисчислимыя блага для Церкви Христовой.

Ничего, конечно, нельзя сказать противъ такихъ пресвитерскихъ совѣтовъ при епископскихъ кафедрахъ, которые имѣютъ для себя примѣръ въ исторіи церкви первыхъ вѣковъ. Но думается намъ, что и при такихъ совѣтахъ дѣло не исправится, если кафедры епископскія останутся такими же многолюдными, обнимающими собою цѣлыя губерніи, какъ теперь. Другое дѣло, если по примѣру тѣхъ же первыхъ вѣковъ, наряду съ епископами городовъ будутъ сельскіе епископы и число епископскихъ кафедръ будетъ увеличено...

Одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ жизни духовенства нашего—его матеріальная необеспеченность, толкающая его иногда на путь вымогательства за требы съ прихожанъ, и вынуждающая другими способами (по преимуществу занятіемъ сельскимъ хозяйствомъ) пополнять свои скудныя средства существованія; но и она, думается намъ, не будетъ большой помѣхой пастырской дѣятельности, разъ духовенство глубже проникнется идеей

высоты пастырскаго служенія. Словъ нѣтъ, трудна самая рѣшимость на подвигъ самоотверженнаго служенія ближнимъ и очень можетъ быть, что на первыхъ порахъ, когда духовенство во имя идеи пастырства откажется хотя отчасти отъ такъ естественныхъ заботъ о себѣ, ему придется испытать лишения и недостатки. Но вѣрно слово Господа, заповѣдавашаго апостоламъ, при посольствѣ ихъ на проповѣдь, не брать съ собой ни золота, ни серебра, ни мѣди при поясахъ; ибо достоинъ дѣлатель мзды своея (Мѡ. 10, 9—11). Быть не можетъ, что пасомые не увидали этого незаслуженнаго лишенія ради нихъ, не оцѣнили его и не пришли на помощь пастырямъ добровольными своими приношеніями. Тогда и вопросъ объ обезпеченіи духовенства—приметь совсѣмъ другую окраску.

Труднѣе, чѣмъ въ другихъ отношеніяхъ, можетъ быть положеніе духовенства по отношенію къ извѣстной части интеллигенціи, которая своимъ критически-отрицательнымъ и недоброжелательнымъ отношеніемъ къ духовенству много способствуютъ охлажденію его пастырской ревности, и потому-то конечно, въ настоящее время вопросъ о примиреніи интеллигенціи съ церковью съ особеннымъ усердіемъ разрабатывается въ духовной печати, стоящей на стражѣ интересовъ православія и его представителей.

На страницахъ журнала Вѣра и Церковь не такъ давно данъ точно и обстоятельно мотивированный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ статьѣ о. А. Полозова: «Интеллигенція и Церковь» и намъ остается только отослать читателей къ этой статьѣ, чтобы не согласиться съ тѣми, которые въ видахъ примиренія духовенства съ интеллигенціей совѣтуютъ ему не только заговорить съ образованнымъ обществомъ за понятномъ для него языкѣ, а и постараться приспособиться къ интеллигенціи въ самомъ, такъ сказать, содержаніи своей проповѣди. Слова нѣтъ, что такимъ путемъ можно привлечь вниманіе и расположеніе самодовольной интеллигенціи къ себѣ; но вѣрно также и то, что задача пастырской дѣятельности состоитъ не въ личномъ только примиреніи съ интеллигенціей, а въ покореніи ея разумѣнія разуму церкви и возбужденіи въ ней готовности идти ко Христу не самозмышленными путями, а путемъ завѣщаннымъ Св. Церковію и освященнымъ благодатными силами. А для этого-то и не слѣдуетъ духовенству самому обходить эти церковныя пути и относиться къ нимъ пренебрежительно. Не стыдясь сознаваться въ своихъ

личныхъ, такъ сказать, недостаткахъ и погрѣшностяхъ, и заботясь объ усиленіи, оживленіи и общедоступности своей проповѣди, оно должно твердо стоять на почвѣ исторической церковности; и тогда только можно надѣяться на достиженіе не личной своей популярности, а почтенія къ возвѣщаемой истинѣ и благотворно-жизненнаго ея значенія... Тогда и вопросъ о восстановленіи церковнаго прихода, какъ жизненной, дѣятельной единицы, члены которой органически связаны между собою единствомъ интересовъ вѣры и нравственности и представляютъ живое тѣло Христовой церкви, разрешится самъ собою...

Дай же Богъ нашимъ пастырямъ церкви побольше сознанія великости и важности своего пастырскаго служенія: тогда явятся и удесятерятся у нихъ силы, воспрянетъ духъ пастырской ревности на дѣланіе въ вертоградѣ Христовомъ и препоны къ преуспѣянію пастырско-просвѣтительной дѣятельности падутъ сами собою. Побольше только вѣры и надежды въ Бога, Подателя жизни и силъ, столь необходимыхъ для преуспѣянія пастырскаго дѣла. И вѣра не посрамить.

П. Козицкій.

ИЗЪ ИСТОРИИ ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ ОДНОЙ ДУШИ ¹⁾.

(Во славу преподобнаго Серафима Саровскаго Чудотворца).

Глава XIV.

Смерть второго брата буквально уничтожила меня. Я была *раздавлена* сознаниемъ своего безсилія, — полной безнадежности... Какъ-то вдругъ руки опустились...

Насколько я теперь соображаю—это состояніе имѣеть большое сходство съ гнетущей тоской моего «безвременья», которое я окрестила «нравственнымъ кризисомъ».

Мнѣ было тѣмъ тяжелѣе, что нравственно я уже не имѣла *поддержки въ вѣрѣ*...

Мое религиозное чувство не выдержало напора злоключеній еще въ то роковое лѣто, когда я испытала цѣлый дождь ударовъ и разочарованій,—цѣлое боевое крещеніе!

Сердце избороздилось и озлобилось.

— За что, за что столько горя? И такъ сразу! Вѣдь силъ нѣтъ!

— Промыслъ Божій долженъ быть справедливымъ, — дать человѣку хоть время опомниться, прійти въ себя!

Справедливость—вы видите мы понимаемъ только въ *пріятномъ* для себя смыслѣ!

Я переходила отъ ропота къ отчаянію, къ унынію, снова къ вызову... Потомъ желаніе гармоніи, примиренности для души брало верхъ, и я пыталась смириться...

Но пока это мнѣ не удавалось. *C'était plus fort que moi!*

Смириться не значитъ ли лобызать карающую руку? Но если она занесена на меня опять,—и я жду удара?

---

¹⁾ Окончаніе первой части.

— Нѣтъ не могу!

Имѣйте въ виду, что приключившагося зла нельзя было ни забыть, ни игнорировать. Послѣдствія продолжали сказываться; жизнь моя оставалась разбитой, братъ — больнымъ, а дѣла — запутанными. Впереди было сумрачно и страшно...

Весьма возможно, что случись какойнибудь рѣзкій благопріятный поворотъ—я бы смягчилась предъ милостью Божіей...

Но перемѣна должна была именно быть похожей на чудо,—потому что, при своей непрактичности, я могла пропустить массу удобныхъ случаевъ выйти изъ затрудненій, что я и сдѣлала, конечно!

Ахъ, какъ заблуждается человѣкъ, собираясь исключительно благодаря своей «вольной волѣ» и способностямъ построить себѣ счастье!

У меня не было *направленія* — и толку все не выходило...

Руководящей нити не было!

Знаете вы сказку про лису въ капканѣ, бѣгающую вокругъ съ тысячью—тысячъ «думушекъ»?

Ну вотъ, честь имѣю представиться! Мы съ ней нѣсколько сродни! Всю свою жизнь я разбрасывалась, не сумѣя ограничить своего кругозора, насытить или пресѣчь аппетита,—который, впрочемъ дальше эфемерныхъ замковъ, призрачныхъ мечтаній не шель!

Но уходило время, тратилась нервная сила, прибавлялось въ сердцѣ пораненій, бороздокъ, а *осязательнаго*—ничего! Карьеры, благополучія, капиталовъ — видомъ не видать, слухомъ не слышать...

Да, такъ вотъ я и говорю,—еслибъ случилась перемѣна, похожая на чудо: мнѣ бы на голову свалилось 200 т., тогда я бы ободрилась, оправилась, и понятно,—заключила бы миръ съ Богомъ... Но этого не было и вышло такъ, что свѣтъ въ душѣ погасъ, а своихъ силъ,—для того, чтобы справиться съ внутреннимъ разладомъ—и не было!

Съ этимъ всѣмъ плохо, но еще можно было существовать, пока не случилось ничего выдающагося; жизнь шла своимъ чередомъ, медленно, день за днемъ...

Но пришло горе... Страшное, непоправимое...

Братъ умеръ и моя душа заметалась,—заныла... Я задыхалась отъ боли, тоски, сознанія своего безсилія,—не зная, что

предпринять, куда податься... Однако временно я получила облегчение...

— Устами младенца Богъ глаголетъ...

Какъ я благодарна моей маленькой Женѣ, что она развязала мои душевныя «узъ»!.. Хоть на время...

Это была 9-ти лѣтняя дочка моей квартирной хозяйки,—общая любимица, милая, смышленная, хотя и некрасивая дѣвочка, съ довѣрчивой, чуткой душой. Мать ея не такъ давно вторично вышла замужъ, промолчавъ о существованіи своихъ четырехъ дѣвочекъ, помѣщенныхъ въ пріютъ... Велико было удивленіе «главы семьи»... Столько тровъ!—По счастью, дѣвочекъ удалось всѣхъ размѣстить.

Женя была младшая. Меня она страшно любила, ходила за мной, какъ нянька. Имѣйте въ виду, что они были дворяне, но обѣднѣвшіе, и сдавали комнаты. Увидя меня блѣдной, заплаканной, съ телеграммой въ рукахъ, Женя сама поблѣднѣла. Печальная новость настолько поразила ее, что она притихла—стала ходить на цыпочкахъ и буквально превратилась въ добрую фею—невидимку, прелупреждавшую всѣ мои желанія... На третій день она рѣшилась заговорить.

— Тетя, милая,— не разсердитесь вы,— я хочу вамъ одну вещь сказать?

— Ну, говори! Равнодушно отвѣчала я, погруженная въ свой сплинъ...

— Вотъ что. Вы тоскуете,—а совсѣмъ не молитесь... Нехорошо! Знаете что? Вѣдь *ему* еще тяжелѣе, вашему братцу отъ этого! Давайте-ка мы будемъ *вмѣстѣ* молиться! Пойдемъ завтра утречкомъ въ монастырь, дадимъ сорокоустъ, я сама все приготовлю,—вы не думайте, я умѣю!

— Какой это сорокоустъ? Въ недоумѣніи спросила я, смутно что-то припоминая.

Женя покачала головой.

— Ахъ тетя, тетя! Такая вы умная, ученая,—а самыхъ простыхъ вещей не знаете! Возьмите у дѣдушки поминальную книжечку—и прочитайте: душѣ очень трудно, пока 40 дней не пройдетъ... Вотъ *тогда то* за нее и надо молиться,—помянуть, и бѣднымъ подавать... Приготавливается кутья... Я ужъ знаю!

Я слушала молча, чувствуя желаніе повиноваться *волю* этого маленькаго существа, говорившаго,—пожалуй мудрыя—вещи...

Если-бы «тамъ»—ничего не было, намъ бы жилось спокойнѣе, не было бы страшной тоски, тревоги, желанія приподнять таинственную завѣсу... Неужели моя душа—бурная, властная, по милости которой я столько терплю—вдругъ станетъ *ничѣмъ*? Вѣдь она есть, — какъ она ни неуволима, я ощущаю ее, — что бы ни говорилъ умъ,—холодный разсудокъ... А если она, правда, есть—почему не предположить, что по смерти матери, она мучится сознаниемъ своихъ ошибокъ, невыполненныхъ предприятий, — наконецъ, невозможностью исправить зло? Надо помочь ей,—исполнить хоть этотъ послѣдній долгъ... Братъ бѣдняга! Былъ озлобленъ и вѣрилъ... *по своему*, еще меньше, о гораздо меньше и иначе, чѣмъ я...

Но теперь онъ *видитъ*, что ошибался, и какъ ужасно для него это пробужденіе души *тамъ*, гдѣ вмѣсто предполагаемаго небытія,—*ничего*, есть *все!* Какъ написано въ книжкѣ у «дѣдушки» есть престоль Бога Всевышняго и сонмы «небесныхъ силъ»..., предъ которыми надо предстать... покинувъ землю безъ покаянія, безъ примиренія...

— Давай молиться, Женичка,—ты отлично придумала! Сказала я, и сама удивилась притоку энергіи,—желанію что-нибудь дѣлать.. (Вѣдь у меня все изъ рукъ валилось; я ни за что взяться не могла эти дни!)

На слѣдующее утро милая дѣвочка принялась меня заранѣе будить,—съ 5-ти часовъ, и столько тревоги звучало въ ея голосѣ, столько колебанія, нерѣшительности, что я поняла ея борьбу... И неожиданно для себя улыбнулась.

— Ну, въ чемъ дѣло? Который часъ?

— Тетя, миленькая! Ужъ если вамъ очень спать хочется—вы поспите... Я и одна сбѣгаю, снесу сорокоустъ и помолюсь *усердно*,—вы не бойтесь! А только лучше вы встали бы! Вѣдь весь день опять хмурая будете,—точно мертвая... Ну, пойдѣте, миленькая! Вотъ вамъ чулокъ, вотъ другой!

Вы не можете себѣ представить, какъ отрадно почувствовать чье нибудь участіе, состраданіе,—даже жалость (хорошую, не обидную). До чего легко становится!

Моя милая Женя слишкомъ непосредственно чувствовала, чтобы я могла усомниться въ ея симпатіи; это придало мнѣ силъ, и я быстро поднялась...

Хуже всего неизвѣстность, неумѣнье разобратъся въ себѣ, рѣшиться сдѣлать тотъ или другой шагъ... Женя указала мнѣ направленіе и горизонтъ сразу посвѣтлѣлъ...

Сказать ли вамъ, гдѣ это было?

Извольте: въ Астрахани. Лѣто стояло знойное,—жары невыносимы! Только и можно было дышать, что ночью... Просидишь до свѣта—потомъ ляжешь съ зарей...

Вотъ отчего я просыпалась каждое утро около полудня.

Сегодня я убѣдилась, что раннее вставанье имѣетъ свою прелесть, когда мы бѣжали съ Женей по степи,—торопясь къ ранней обѣднѣ въ Дѣвичій монастырь.

Еслибъ я не ощущала облегченія отъ *инстинктивнаго* сознанія, что исполняю именно то, что нужно, въ чемъ состоитъ мой долгъ,—одинъ взглядъ на Женю уже вознаградилъ бы меня за то, что я побезпокоила свою драгоцѣнную особу...

Она такъ и сіяла,—милая дѣвочка, и не переставала щебетать всю дорогу, подпрыгивая отъ радости, и тѣмъ не менѣе съ полной осторожностью, потому что въ рукахъ ея была завернутая въ салфетку таинственная ноша...

Что-то такое она вчера вечеромъ варила, толкла,—отбирала изюмъ шелушила миндаль, и въ результатѣ—явилось кушанье, которое съѣдятъ бѣдные по прошествіи извѣстнаго срока...

А такъ какъ при этомъ ежедневно читаются молитвы, горять свѣчи, и при совершеніи Евхаристіи вынимаются частицы просфоръ—(которыя, будучи опущены въ св. Чашу—находятся въ тѣсномъ общеніи съ Пречистой Кровью Христа,—благодаря чему душа поминаемаго какъ бы *приобщается* и получаетъ отпущеніе грѣховъ); то понятно, что все это должно имѣть свое спасительное дѣйствіе... Такъ разсуждала я,—такъ хотѣлось мнѣ вѣрить на основаніи вычитаннаго изъ поминальной книжки «дѣдушки»,—и какъ будто мнѣ становилось легче... Ну, что вамъ долго говорить? Мы отлично, всласть помолились въ монастырѣ...

Женя кланялась въ землю и плакала, повторяя имя усопшаго Всеволода... Глядя на эту чистую, добрую душу,—смягчилась и я, и тоже поплакала... У меня вылилась молитва, которую одобрило мое сердце.

— «Господи! Ты всезнаешь,—а потому зачти усопшему Всеволоду «его страданія, разочарованія, которыхъ было такъ много...

«Въ сердцѣ своемъ и въ дѣлахъ своихъ онъ зналъ Тебя, и только устами не называлъ имени Твоего Святого. Но вѣдь Иисусъ Христосъ сказалъ о фарисеяхъ: «они чтутъ Меня устами, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня»... Тутъ было *обратное*, а потому—прости и спаси, Господи, эту заблудшую, многострадательную душу!»

Вы не должны удивляться, если я вамъ скажу, что, еслибы я не вѣрила въ силу молитвы и въ бессмертную душу,—я бы должна была увѣрять *теперь*; настолько меня облегчила молитва!

Я могла дышать, ходить, дѣйствовать — *жить* только въ томъ случаѣ, если я была у ранней обѣдни... Иначе я опять погружалась въ нравственную спячку,—съ томленіемъ тоской, угнетеніемъ... Братъ снился мнѣ весь въ ранахъ, больной, страдающій... Онъ все просилъ меня вылѣчить его,—а я не знала, что надо сдѣлать, и просыпалась въ ужасѣ среди ночи, вся въ холодномъ поту...

Это было не разъ и не два, а почти каждую ночь, но постепенно кошмары становились легче;—теперь онъ просто былъ слабымъ, больнымъ, тяжело дышалъ... И странно! Онъ все точно становился моложе...

Въ данное время, когда я вижу его во снѣ,—это мальчикъ 12 или 14 лѣтъ,—жизнерадостный, веселый, такой-же, какимъ онъ былъ въ эти годы и при жизни,—и я всегда ласкаю его, и спрашиваю съ тревогой.

Такъ ты не боленъ, скажи? Тебя не надо лѣчить?
— А то вѣдь на Крымъ надо много денегъ!

Теперь—я думаю онъ «*замолень*»), какъ и старшій братъ! Я предвижу, что многіе, прочтя такія странныя вещи, улыбнутся насмѣшливо, и скажутъ: вздоръ! И о чемъ трактуешь!

Относительно сновъ—припишутъ мыслямъ, нервности... Ахъ, господи! Смѣяться легко, *пока мы все живы, здоровы*... Но придетъ болѣзнь,—ужь я не говорю: смертный часъ... Какъ бы мы тогда не заплакали о томъ, чему смѣялись! Теперь на первомъ планѣ—матерія, духъ въ загонѣ...

А вотъ когда тѣло станетъ изможденнымъ, обезсиленнымъ болѣзнию, и путы, привязывающіе его къ землѣ—ослабнуть,—тогда душѣ будетъ свободнѣе—и она подскажетъ, шепнетъ многое такое, что ужаснуло бы насъ. Не потому ли мы боимся *остаться наединѣ съ собою*, не желаемъ прислушаться къ

ея голосу?.. А онъ всегда готовъ указать (тайный голосъ инстинкта или предчувствія) вѣрное направленіе; но большею частію мы не разбираемся въ себѣ—благодаря толстокожести. Я часто говорю это слово; но чтожъ, когда оно такъ вѣрно выражаетъ понятіе!

Что касается сновъ, то я скажу, почему я имъ вѣрю. Бывало, брату хуже, у него тамъ, въ санаторіи—лихорадочное состояніе, и онъ долженъ слечь въ постель... И что же? Я вижу его во снѣ... Въ отвѣтъ на мои вопросы получаю письмо: да, ты угадала,—я боленъ уже 4 дня, простудился)... Однажды мнѣ снится, будто онъ говоритъ: мнѣ нужно денегъ, немного; я утромъ посылаю ему по почтѣ... Черезъ 3 дня получаю открытку.

— «Благодарю и удивляюсь: только что хотѣлъ у тебя просить, и главное—*какъ разъ столько*... На одно заграничное изданіе»... Положимъ, мнѣ говорили не разъ, что благодаря моей нервности, я могла бы обладать ясновидѣніемъ, *la seconde vue, clairvoyance*. Но чтоже изъ этого? Вѣдь видишь то, что на самомъ дѣлѣ существуетъ?.. Если при жизни я имѣла общеніе съ его душой, то и послѣ связь эта можетъ не нарушаться...

А моя милая Женья... Знаете, я безумно жалѣю, что не взяла ее съ собой. Какъ она просилась, бѣдняжка!

— Тетя, миленькая! Возьмите меня къ себѣ! Я буду вамъ очень, очень стараться... Вѣдь я понятливая! Ужъ я теперь въ 3-мъ классѣ школы... Тутъ мнѣ скучно,—у мамы еще есть дочки... Но я побоялась ответственности—и отказала ей, скрѣпя сердце... Гдѣ-то она теперь, что изъ нея вышло? Знаете, я часто вписываю ея имя въ свой поминальный листокъ...

Глава XV.

— Ну что же,—какъ вы стали жить послѣ всего этого?—спросите вы меня.—Навѣрное, вы одѣлись во вретнице, уѣхали куда нибудь въ глушь, отказавшись отъ удовольствій и соблазновъ міра, чтобы вернуть спокойствіе душъ и совѣсти? Можетъ быть ушли въ монастырь? О, нѣтъ, не считайте меня праведницей или анахореткой,—*joû de sa!*—Я опять таки скажу, что человѣкъ именно *животное*, которое ко всему привыкаетъ... Я поплакала, потосковала и... постепенно оправилась... А тамъ—снова эгоистично ушла подъ свой стеклянный колпакъ,—тѣмъ

болѣе, что теперь лишь пришлось сосредоточить все вниманіе на своей особѣ,—расточать мнѣ его было некуда,—потому что заботиться стало не о комъ!

Впрочемъ, если только это можетъ послужить къ моему оправданію,—я никогда «не старалась» для себя, и не собиралась заняться устройствомъ своей «карьеры»;—нѣтъ, я снова стала жить безсознательно, не отдавая себѣ отчета—чего я хочу, куда иду,—куда, собственно, я хотѣла бы прійти... Есть у меня эта славянская («ponchalance»),—небрежность, вѣрнѣе—пассивная безпечность... Ее отмѣтилъ Тургеневъ,—но пожалуй въ видѣ совѣта: «Жизнь не обманетъ того, кто надъ ней не задумывается»...

Ну, задумываться-то вообще мнѣ случалось, и идеалы у меня были,—и горизонтъ, и аппетиты,—но *какъ подойти* ко всему этому, я не знала... У меня въ самомъ дѣлѣ артистическая натура: я люблю все прекрасное, вездѣ его *почувствую*,—и откликнусь... И гармонію я люблю—нарушать ее мнѣ просто тягостно, неприятно—подчасъ до болѣзненности...

И дѣлать чрезмѣрные усилія я тоже не люблю... И даже не могу... Оттого-то я и оптимистка,—вдвойнѣ: по благодущію, и по инстинктивному стремленію къ гармоніи...

—«Не надо неприятностей,—не надо разочарованій,—это такъ больно! «Люди всѣ—милы и добры, и все на свѣтѣ прекрасно?»»

Когда мнѣ случалось убѣждаться въ томъ, что меня провели, обманули, мнѣ становилось больно до слезъ: прежде, чѣмъ я успѣвала взвѣсить зло, которое мнѣ причинили, мое сердце уже сжималось отъ горечи, отъ обиды: за что, за что нарушили иллюзію? Такъ *хорошо* все было! И вотъ теперь уже нельзя вѣрить,—отношенія испорчены, и на душѣ пусто, грустно! Нельзя-ли чтобы это все оказалось сномъ? Но увы! дѣйствительность ежеминутно напоминаетъ о себѣ,—и разсѣиваетъ иллюзію... Надо примириться и снова жить!

И вотъ сердце сожмется больно еще разъ, и потеряетъ нѣсколько капелекъ крови отъ этого новаго пораненія, ампутаціи... А тамъ—на немъ появится корочка, и впослѣдствіи—рубець... Вотъ отчего у озлобленныхъ людей, перенесшихъ много разочарованій,—сердце обрастаетъ точно корой, непроницаемой броней... И трудно достучаться въ такія сердца... Но то будетъ дурное сердце, слѣпое, слабое... Сильное, великое—наоборотъ—

закалится. «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло—куеть булатъ»...

Можно мнѣ немножко свернуть въ сторону? Мнѣ пришла въ голову одна идея.

Знаете вы, отчего истинная красота и совершенство достигается страданіемъ? Потому что, *только* когда вы глубоко почувствуете, ваша душа блеснетъ дать искру, (какъ кремьн или металлъ),—и отзвучить чистымъ, красивымъ, звучнымъ тономъ... А сердце уронить каплю крови...

Хотите примѣръ? Возьмите жемчугъ—чудное, драгоценное украшеніе. Это ничто иное, какъ капля безцвѣтной крови бѣдной моллюски—жемчужницы, нѣжное тѣло которой болѣзненно содрогнулось отъ пораненія песчинкой или водорослью. Это слеза сердца—всего ея существа,—эта капля крови...; отвердѣвая, она превращается въ чудное украшеніе...

Какъ жаль, что человѣчество не обладаетъ даромъ претворять всѣ слезы сердца, подобно моллюскамъ-жемчужницамъ,—въ драгоценности! А какъ бы это было хорошо!

Имѣть *свое*, неотъемлемое колье или діадему,—сіяющую всѣми цвѣтами радуги!

Сразу опредѣляется нравственная стоимость человѣка!

Если въ самомъ дѣлѣ наши страданія будутъ когда нибудь взвѣшены и зачтены *тамъ, вверху*,—и если въ итогѣ будетъ перевѣсъ на сторонѣ добра,—какими чудными вѣнцами насъ украсятъ! Вѣнцами *пораненій сердца*, которое кровоточило здѣсь на землѣ...

Но пока вы поймете очищающую силу страданія—много воды утечетъ! Много словъ ропота и озлобленія произнесутъ ваши уста.

Секретъ жизни въ томъ, что изъ разныхъ натуръ надо добывать искру («живой души») *соответственно*, т. е. большими усилиями—и подчасъ очень долго! Вотъ отчего необходимы повторныя эволюціи, которыя бы сообщили ей—душѣ—необходимую подвижность, эластичность...

Впослѣдствіи она привыкнетъ расширяться, давать искры,—цѣлый рядъ искръ... А тамъ навсегда затеплится ровнымъ негаснущимъ свѣтомъ...

Я вамъ «повѣдаю», какъ было со мной. (Теперь—*со стороны*, мнѣ виднѣе). Стараясь быть безпристрастной, я все таки ска-

жу, что въ то время я уже врядь-ли была крупной эгоисткой— («всепоглощающей»)... Душа моя просыпалась нѣсколько разъ,— брешь въ черствости, («толстокожести») была пробита...

Но бессознательный эгоизмъ, свойственный всѣмъ намъ— остался... Имѣю же я право заботиться *прежде всего, и больше всего— о своей рубашкѣ*, не въ ущербъ общему благу. А тамъ, если останется доля охоты и душевной силы,— можно, пожалуй, обратить вниманіе и на все то, что находится («извнѣ»), за чертой своего круга.

Вѣдь такъ мы всѣ разсуждаемъ! (Въ сущности—это даже не разсужденіе, а просто свойство человѣческой природы). Бѣда только въ томъ, что мы никогда не стоимъ на точкѣ замерзанія...

Все время движешься впередъ и развиваешь инерцію, такъ что въ концѣ концовъ... опять потеряешь чувство мѣры, нить... И крѣпче приростешь къ землѣ...

Такъ и я постепенно становилась все требовательнѣе, увѣреннѣе въ себѣ... По мѣрѣ того, какъ забывались мои «пораженія».., даже избалованность какая-то явилась, капризный тонъ enfant qâte!..

Мечтая о счастьѣ, я стала предъавлять къ жизни требованія, считая себя уже не иначе, какъ *жертвой*, озлобляясь и ропща, когда что-нибудь выходило не по моему.

И нужды нѣтъ, что я не особенно заботилась объ исполненіи моихъ желаній! Я хотѣла, чтобы все выходило само собой, «сами-бы валились въ ротъ галушки»...

— Пусть я непрактична, и не умѣю пересадить на твердую почву, реализовать мою фантазію, желанія сердца, говорила я себѣ. Но развѣ нѣтъ людей, которымъ *все* удается, —счастье приходитъ къ нимъ само, безо всякихъ усилій съ ихъ стороны?! Отчего же я—исключеніе? Отчего у меня вѣчно что-нибудь да не такъ, что нибудь да мѣшаетъ, крылья связаны? Справедливо ли, что я все остаюсь въ тѣни, живя этой жизнью безъ завтрашняго дня,—что я обречена на богему, *et ne vois que le revers de lumidaille*? Вѣдь у меня есть вкусъ, и знаніе, и размахъ; я сумѣла бы теперь устроить себѣ жизнь осмысленную, полезную... И сколько добра бы дѣлала! А между тѣмъ—все это какъ-то несуразно устроено: дано человѣку понятіе, разумѣніе, стремленія, и охота, и силы,—энергіи—хоть

обавляй! А точки приложенія и нѣтъ; осуществлять ничего не дано.

Хочу, что-бы такъ было! *Хочу* показать, что я могу, чего я стою,—должна же быть справедливость на свѣтѣ! (Нѣтъ, вы слушайте только!)—я беспомощна, одинока, я непрактична, не изворотлива; бороться съ мельницами я не могу;—отражать осиный рой... это такъ несносно! Я могу затратить всю душу,—сдѣлать что нибудь важное, большое, но не дробить ее пополамъ... Нѣтъ, это ужасно! *Судьба* должна сама обо мнѣ позаботиться,—дать мнѣ какой нибудь лакомый кусочекъ счастья,—вѣдь ради чего нибудь да уцѣлѣла я одна изъ всѣхъ «моихъ»! Не на одни же страданія она оставила меня на этой «юдоли плача»! Довольно съ меня терзаній,—пора вознаградить меня за эти «нравственные убытки»;—иначе нѣтъ справедливости, все на свѣтѣ—пустая, глупая случайность—и только!

Вотъ какъ я разсуждала!

Сознаніе мое вновь затемнилось, божественная искра погасла... Но мнѣ кажется, что вы улыбаетесь немного насмѣшливо. Вы хотите возразить мнѣ, что я говорила подѣтски,—и не умѣла *желать*,—какъ слѣдуетъ, иначе я бы достигла желаемого...

— Non, ma chérie, c'était plus fort que moi!

Желать-то я желала... А усилія всежь таки сдѣлать *не могла!*

Если хотите—*не смѣла!* Вотъ оно, настоящее слово! Случалось ли вамъ проходить въ праздничный день по улицѣ и заглядываться въ нарядныя витрины магазиновъ?

Ну, конечно!

И вотъ—«глаза и зубы разгораются»,—такъ и потянетъ зайти и купить одну вещь, другую, третью...

Вы беретесь за ручку двери,—она не подается... и вдругъ бросится въ глаза надпись: заперто!

Вотъ такъ и для меня многое оказывалось запертымъ,—и часто-часто я отступала отъ начатаго съ тайнымъ ощущеніемъ не то гнета, не то таинственнаго запрета, почему-то наложеннаго на многое—для меня... *До поры, до времени...*

Знаете, какъ я это объясняю? О, *теперь* мнѣ все понятно!

(И хотя я прозрѣла много позже, но сейчасъ я подѣлюсь съ вами моею теоріей,—чтобы не прерывать нити.

Я потеряла «нравственное равновѣсіе»!

Знакомое выраженіе, не правда ли? Мы часто его слышимъ и говоримъ... Но задумывались ли вы, что оно значить?

Вы знаете, что я все себѣ представляю образно. Вотъ какъ это рисуется въ моемъ воображеніи.

Уѣловѣкъ состоитъ изъ души и тѣла... Счастье жизни достигается тѣмъ, чтобы удачно балансировать между требованіями того и другого... Обоимъ должно быть хорошо, легко, они должны находиться *въ равновѣсіи*...

Самое слово показываетъ, что надо взять вѣсы

На нихъ двѣ чашки; на одной—потребности тѣла, матеріальное благо, *мое*, личное, все что пріятно и нужно *личности*...

На другой—вопросы духа,—нѣчто неуловимое, но осязательное: долгъ, совѣсть, альтруизмъ,—всѣ прекрасныя и высокія истины. И вотъ эту-то вторую чашку мы усиленно игнорируемъ, пока «громъ не грянетъ»... Какъ извѣстно,—Богъ долго «грѣхамъ терпитъ»!

Всю-то нашу жизнь мы только и дѣлаемъ, что подкладываемъ гирекъ на первую чашку, пока въ одинъ прекрасный день не окажется, что нашего собственнаго добра набралось превыше мѣры, отчего равновѣсіе нарушилось,—одна чашка перегинула другую..,

Вотъ это именно и случилось со мной!

Больше подкладывать тяжестей на собственную пользу *стало невозможно*: надо раньше возстановить равновѣсіе!

Какъ же этого достигнуть?

Очень просто! Или убавить гирекъ тутъ, или подбавить тамъ!

Другими словами: отнимите у себя,—снимите съ первой чашки, и подбросьте на вторую. Для этого придется поступить въ обратномъ смыслѣ,—не такъ, какъ я всегда поступала: то я дѣлала усиліе *для себя, къ себѣ*, а теперь надо дѣйствовать *отъ себя*!

(То—брать, а то—отдавать. Разница)!

Нужно на время лишиться себя заботъ, собственнаго вниманія и отдать ихъ *извнѣ, наружу*. Послужить другому, ближнему, какъ до сихъ поръ я служила себѣ...

Сдѣлать маленькую ампутацію,—вѣдь мы приросли къ землѣ,—и устремиться ввысь...

Какъ вы находите мою теорію? вѣдь не очень несуразно?

Это мой кризисъ заставилъ меня почувствовать всю безцѣльность, пустоту существованія. И я поняла, что каждый изъ насъ, членовъ общества, долженъ послужить на общее благо, принести посильную пользу.

И я скажу вамъ,—у меня уже есть идея... Я *начала!*

Дальнѣйшее будетъ зависѣть не отъ меня,—важно *мое желаніе*, мое намѣреніе и усиліе затраченное *отъ себя*...

И представьте—какъ только я стала приводить его въ исполненіе, это намѣреніе сразу же мнѣ стало легче!

Рычагъ повернулся, и какъ стремительно! Это вполне логично и зависить отъ васъ: чѣмъ шире вашъ размахъ, чѣмъ сильнѣе вы дѣлаете движеніе *отъ себя*,—тѣмъ быстрѣе и рычагъ повернется *въ вашу пользу*... Равновѣсіе восстановится!

И хотя механика не имѣетъ ничего общаго съ психикой, но для повѣрки, пожалуй, можно ее привести.

Помните вы законъ о «равнодѣйствующей двухъ силъ, идущихъ подъ угломъ»?

Она пройдетъ ни направо, ни налево, а посрединѣ, и будетъ равна гипотенузѣ построеннаго на ея сторонахъ прямоугольника. Другими словами: благо *общее* и ваше *личное* находятся въ связи,—(говорятъ точно они лежатъ подъ прямымъ угломъ)...

Пока вы дѣйствуете для себя, пользы для общаго блага нѣтъ... Но попробуйте сдѣлать движеніе съ другой стороны, идя отъ себя...

Окажется, что ваше усиліе передается на другую сторону, какъ будто вы не переставали дѣйствовать въ вашихъ личныхъ интересахъ, трудитесь *для себя!*

Это есть вознагражденіе за рискъ, за желаніе быть полезнымъ извнѣ. И если хотите — весь секретъ жизни въ томъ, чтобы во время угадать: какъ дѣйствовать: прямо — или подъ угломъ?

Для себя лично—или *отъ себя?*

Вѣдь и пуля иногда бьетъ рикошетомъ!

Если у васъ равновѣсіе нарушено, совѣсть не очень легко себя чувствуетъ, попробуйте мое средство:—сѣмъйте быть великодушнымъ, дать иногда часть души *извнѣ*—и вы получите награду сторицею... Ибо сказано: «какою мѣрою вы мѣрите, такою и вамъ отмѣрено будетъ!..»

Но вернемся назадъ. Я довела свой рассказъ почти до точки.

Я стала чувствовать *усталость* отъ эгоистичной жизни и нежеланіе подкладывать гирекъ на свою личную чашку вѣсовъ, съ *моимъ* благомъ.

А что равновѣсіе нарушено—я чувствовала давно, смутно; вѣдь я уже говорила, что люблю гармонию и ощущаю ее... И стоило мнѣ *сознать* это, какъ тяжесть, лежавшая на душѣ, стала давить меня все сильнѣе и сильнѣе... Главное зло, понятно, было въ прошломъ, позднѣе прибавлялись все капельки... И чаша опрокинулась, переполненная. Тогда пришелъ кризисъ...

Какъ я перемучилась, вы знаете уже...

И какъ я стала прислушиваться къ своей боли,—желая пререстрадать ее *сознательно*, съ цѣлью утишить ее, вы также знаете...

Пришлось оглянуться назадъ, и подвести итоги къ прошлому...

Я увидѣла обломки позади—и густой туманъ впереди... Вотъ почему и давило меня настоящее...

Обо всемъ этомъ я подѣлилась съ вами подробнымъ рассказомъ и вамъ не будетъ странно услышать, если я повторю, что почувствовала себя вдругъ страшно одинокой, ненужной, лишней какъ бы оторванной отъ міра, подобно ничтожному атому, брошенному въ пространство, «безъ руля и безъ вѣтриль», предоставленному на волю стихій. Никакой нити, никакой зацѣпочки, ничего, что бы меня удержало, притянуло; ну какъ же тутъ справиться одной съ *моимъ* душевнымъ разладомъ?

Утопающій, который уже цѣпенѣетъ, погрузившись на дно, долженъ испытывать то, что испытала я.

И напрасно бы ему теперь бросили веревку или спасательный кругъ: онъ уже не въ силахъ сдѣлать усиліе—схватить его... Моя чистка души дорого мнѣ стоила: много нервной силы ушло на расчеты съ совѣстью. Я разбередила рану, не умѣя ее залѣчить, и въ такомъ видѣ застала меня реакція...

Безвольная, инертная, съ отравленной душой, я вся замерла—инстинктивно чувствуя, что только какая-нибудь посторонняя сила,—толчекъ извнѣ можетъ меня извлечь изъ этого состоянія нравственной смерти...

И въ туманѣ, который окутывалъ меня—блеснулъ свѣтъ: то традиции дѣтства сказались: желаніе Бога, вѣры...

Но молиться я не могла: силъ не было!

Теперь уже не я, а *ко мнѣ* должны были пойти навстрѣчу, насильно вызвать меня изъ мрака и направить къ свѣту...

И случай пришелъ на помощь.

Случай, нѣчто не зависящее отъ насъ, лежащее внѣ нашей воли, это то, что посылается намъ свыше, когда мы почувствуемъ себя безсильными; выражаясь точно это «произволеніе Божіе», безъ котораго «и волосъ съ головы человѣка не упадетъ»...

А впоследствии я еще яснѣе поняла, что случайности, какъ мы ее понимаемъ, *пустяка* нѣтъ: все важно, все мудро, все *предвидѣнно*. Хотите доказательства?

Извольте!

Говорятъ: все пустякъ, сравнительно съ вѣчностью. Но кому она дана, вѣчность?

Вотъ пусть *тотъ* и считаетъ все пустякомъ!

Глава XVI.

Газеты писали о новыхъ чудесахъ.., объ исцѣленіяхъ... Это въ нашъ-то вѣкъ!

Не скажу, чтобы я ихъ читала... Такъ, если подѣ руку попадется... Въ моемъ состояніи нравственнаго омертвѣнія произошла маленькая перемѣна.

Боль усилилась, но она какъ бы сконцентрировалась. Порой становилась прямо невыносимо: сердце было въ клещахъ и до боли ощутительно чувствовалось это давленіе... Въ такія минуты я сжимала рукой крошечный американскій револьверъ, съ которымъ вотъ ужъ двѣ недѣли не разставалась, и говорила мысленно, обращаясь къ сердцу:

— Ну ка, поболи еще! Попробуй! Вотъ увидишь, какъ я тебя накажу!

Разъ навсегда!

— А душа-то? Спрашивалъ тайный голосъ.

— Да! Если случится—значить суждено! Значить—на то воля свыше! Отвѣчала я себѣ не безъ задора, съ какою-то отчаянностью... И эта мысль стала мнѣ казаться вполне логичной. Я сжилась съ ней до извѣстной степени,—и помню, даже рѣшила съѣздить къ одному компетентному лицу, чтобы услышать, что онъ мнѣ скажетъ: вполне ли безнадежно состояніе души самоубійцы, или Кровь Христа покроетъ все, весь грѣхъ міра?

Я была, но къ счастью, не застала дома уважаемаго пастыря... Представляю себѣ его негодованіе!

А мысль продолжала работать въ этомъ же направленіи.

Много ли на свѣтѣ такихъ, думала я, которые бы рѣшились на *этотъ шагъ* спокойно, хладнокровно, не подъ влияніемъ момента? И *малодушіе* ли это *сознательное* стремленіе прекратить свое существованіе?

И было что-то захватывающее, жуткое въ желаніи испробовать это новое ощущеніе, страшное и таинственное, которое могло быть *послѣднимъ!*..

А спасеніе было уже близко!

И сумѣй я взглянуть со стороны, я догадалась бы: мое бра-
вурное, слишкомъ легкое отношеніе къ этому вопросу доказы-
вало, что ничему подобному *не суждено было* случиться! Еслибъ
меня ждалъ *конецъ*, — я бы почувствовала, это сказалось бы
слишкомъ сильно!

Я привыкла къ тому, что мой инстинктъ никогда меня не
обманываетъ... И появленіе безопасности было хорошимъ пред-
знаменованіемъ. Но тогда я этого не сознавала...

Однажды утромъ мнѣ подали пакетъ.

Взглянувъ на почеркъ, я улыбнулась.

Письмо было отъ одного изъ такихъ знакомыхъ, о которыхъ
говорятъ: «нашъ пострѣль вездѣ поспѣлъ»!

Оно заключало всего нѣсколько строкъ, имѣющихъ именно
этотъ смыслъ. «Вотъ и я тутъ, гдѣ всѣ! Безъ меня не обошлось!
Получилъ почетный билетъ, хотя ихъ было всего 800.

Но внутри была вложена иконка—на атласѣ.

Взглянувъ на кроткое лицо смиреннаго монаха, я сказала
въ душѣ, обращаясь къ нему.

— Ты видишь я терзаюсь! Мнѣ очень тяжело! Исцѣли
мою душу, и я увѣрую въ Тебя, и всю жизнь буду чтить Тебя!

Я не позирую, какъ вы видите. Это дурно, то, что я гово-
рила, и не похоже на молитву. Скорѣе этими словами я испыты-
вала Святого,—какъ бы торговалась, подкупала Его!

Но я такова, какъ и всѣ мы, маловѣрные: не увидимъ—не
повѣримъ!

Дерзнуть отрицать; какъ я уже говорила—я не могла, но и
рискнуть «дать вверхъ полетъ орлиный», повѣрить душой, честно
и закрывши глаза на такой размахъ, я не была способна!

Каждый день, просыпаясь, я съ любопытствомъ посматри-
вала на иконку, повѣшенную около моей постели, и спрашивала
Святого мысленно.

— Ну чтоже? Услышишь ли Ты молитву мою? Захочешь ли послать мнѣ чудо? Вѣдь если Богъ «наведетъ» такую жгучую, безотрадную тоску на человѣка, то, пожалуй, съ тѣмъ, чтобы приготовить его къ чуду... Надо изощрить душу его, чтобы она была способна почувствовать и *принять* чудо, надо оттѣнить, рѣзкой чертой разграничить будущее отъ прошедшаго.

Ну, вотъ я перестрадала! И я жду!

Помоги же мнѣ, Святитель!

Но чудо пришло не такимъ видимымъ образомъ, какимъ я его ожидала... Сразу ничего необыкновеннаго не случилось...

Пустая—на первый взглядъ—встрѣча повлекла за собой важныя слѣдствія,—такъ часто бываетъ! А затѣмъ «чудо» продолжалось, и выразилось оно въ массѣ фактовъ,—которые и составляютъ мое нравственное обновленіе... Это нѣчто сложное, коллективное, причеиъ мелочей не было; всѣ они, эта цѣпь сплетеній и случайностей—представляютъ нѣчто цѣлое, стройное, необходимое для полной гармоніи...

Какъ постепенно я дошла до полной атрофіи моихъ жизненныхъ силъ, также я должна бы и назадъ вернуться, шагъ за шагомъ, прозрѣвая все болѣе и болѣе.

Можетъ быть, еслибъ я *сразу утѣрвала*—вознеслась бы душою къ Богу, съ глазъ моихъ сразу спала бы завѣса; теперь же—такъ какъ этого не случилось, она, эта дымка, становилась все тоньше и тоньше, по мѣрѣ того, какъ зрѣніе «мысленныхъ очей» моихъ становилось все острѣе, и все больше они понимали и уясняли себѣ изъ того, что видѣли передъ собой.

Въ одинъ прекрасный день я встрѣтилась на улицѣ съ дамой, которая пригласила меня прокатиться съ ней по Волгѣ. Мы были, нельзя сказать, чтобы очень дружны,—даже видались рѣдко; но очевидно такъ было суждено, потому что я безъ колебанія дала согласіе.

Произошелъ курьезный діалогъ.

— Ну, вы слишкомъ легко согласились,—значитъ обманете, возразила моя собесѣдница.

— Вотъ и нѣтъ! Имѣю полное и неуклонное намѣреніе сдержать слово! Мнѣ кстати будетъ освѣжиться!

— Да; но вѣдь это не на дачу поѣхать! Надо собраться какъ слѣдуетъ, я снимусь съ якоря черезъ два дня.

Parfaitement! Я разсчитаюсь съ хозяйкой,—кстати мнѣ срокъ, соберу кое-что изъ багажа, и буду къ вашимъ услугамъ послѣ завтра! Не уступала я, сама удивляясь моей живости.

— Ну, и комикъ же вы! Пожала плечами моя знакомая,—никогда не поймешь, шутите вы, или серьезно говорите.

— О, я считаю уже совершившимся фактомъ нашу поѣздку, продолжала я, пропуская мимо ушей ея слова.—Я уже вижу себя на пароходѣ! Правъ Д. Аннунціо, говоря, что есть факты, которые помимо нашей воли и желанія висятъ въ воздухѣ... Подойдетъ время, облако какъ разъ надъ нами, трахъ! Фактъ спустится... И мы только руками разведемъ...

Какъ-бы тамъ ни было, черезъ 2 дня мы отправились изъ Рыбинска внизъ по Волгѣ...

Прежде, чѣмъ я васъ приглашу раздѣлить нашу компанію, и вы увидите, что вышло изъ этой поѣздки,—я считаю подходящимъ сдѣлать краткій обзоръ, или, какъ говорятъ доктора представить себѣ анатомическую картину моего внутренняго міра т. е. моихъ религіозныхъ взглядовъ, вѣрованій, моего *credo*...

Попробую сдѣлать это прежде всего съ цѣлью быть послѣдовательной. Главный интересъ такого описанія состоитъ въ психологіи «новообращеннаго»,—въ послѣдовательности движеній его души, въ оппозиціи разсудка, нежелающаго ничего принять «на вѣру», наконецъ, въ наступленіи того психологическаго момента, когда онъ побѣжденъ и сдается...

Кромѣ того, думается, я была не одинока по способу моего мышленія, и мои заблужденія имѣютъ характеръ общій.. Я уже сказала, что была нравственно—на распутіи.

Скептицизмъ мой сказался не въ одномъ томъ, что я мало, слабо—*плохо* вѣрила, сомнѣваясь, идя ошупью, выбирая...

Я не пронесла своего Бога чрезъ всю жизнь, всѣ мудрствованія, испытанія и наслоенія... И не могла бы стать «чистой душой», подобно ребенку, не могла бы молиться какъ слѣдуетъ, безъ «умствованій». Кромѣ того, я не вѣрила даже въ силу молитвы.

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ—это возможно, чтобы Господь слышалъ наши просьбы и что-нибудь сдѣлалъ по нашему

желанію? Прежде всего—мы слишком ничтожны, мелочны въ этихъ своихъ желаніяхъ! Иногда просто стыдно утруждать Господа изъ-за пустяковъ... Молишься, шепчешь знакомыя слова, а сама чувствуешь.

— Охъ, что-то не то! Не дастся мнѣ по моей молитвѣ! Глупостей съ точки зрѣнія вѣчности—я прошу!

Затѣмъ, какъ всякій «отяжелѣвшій» человѣкъ, прикрѣпленный къ землѣ, я была ложно—самолюбива, и слишкомъ цепетильна.

Какъ бы вамъ понятнѣе объяснить это?

Видите ли, не то, чтобы я не признавала авторитетовъ или не любила ихъ, но лично я все же предпочитаю прямой путь, непосредственный такъ сказать,—высшія инстанціи. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда я считала свое дѣло заслуживающимъ вниманія, я обращалась къ молитвѣ, призывая Богоматерь или Спасителя.

Вотъ гдѣ безконечная благодать! Кто ближе намъ, какъ не Самъ Искупитель, пролившій Кровь Свою за каждаго изъ насъ?

Въ тѣ моменты, когда сердце открывалось вѣрѣ—какъ глупо я ощущала это!

Онъ, страдавшій *какъ* *человѣкъ* до *кроваваго* пота, пойметъ всякое страданіе, и *какъ* *Богъ*—проститъ намъ, зачтетъ его за наши вѣчныя, непрерывныя вины... Это сердце, которому не можетъ быть равнаго по великодушію,—потому что оно вмѣстило любовь и прощеніе *для всего міра*—отзовется на слезы одного изъ тѣхъ, на долю котораго полагается минимальная часть одной капли Его Святой Крови.

А пресвятая Дѣва, которой было сказано: *Твое сердце оружіе пройдетъ!*

Можно ли представить себѣ что-нибудь выше страданія Матери, теряющей Своего Божественнаго Сына! Она видитъ Его, облагодѣтельствовавшаго человѣчество,—въ рукахъ неблагодарныхъ, приносящихъ Его въ жертву своему «ослѣпленному безумію». И Онъ молча идетъ на закланіе, на вольную смерть! Сколько горечи, отравляющей душу, сколько негодованія, справедливаго возмущенія,—помимо безграничной жалости къ Святому Страдалцу, помимо родственной, материнской тоски о любимомъ Сынѣ!

Я читала по французски «Житіе Пресвятой Богородицы». Тамъ есть трогательное описаніе, которое даетъ намъ, смертнымъ, понятіе о глубинѣ Ея горя.

Послѣ Воскресенія Христова Она положила Себѣ за правило *ежедневно* проходить путь Голговы.

Одѣтая въ темные покровы (любимый цвѣтъ ея былъ коричневый) медленно, раздумчиво шла Пресвятая Дѣва, вся погруженная въ воспоминанія Крестнаго Шествія, переживая въ Своемъ сердцѣ каждый моментъ муки Христовой... Вотъ тутъ Она упалъ, изнемогая подъ тяжестію Креста, тутъ обратилъ взглядъ, полный нѣмого вопроса на озвѣрѣвшую толпу,—тутъ отеръ капли пота и крови съ чела...

Вотъ двѣ инстанціи, къ которымъ чаще всего обращалась душа моя въ молитвенномъ настроеніи.

Что касается святыхъ, то они почему-то были мнѣ далеки. Я не пробовала обращаться къ ихъ посредничеству.

Съ одной стороны, они не конечная степень Божественности, а съ другой—все же авторитеты, и, какъ таковыя, они больше импонируютъ мнѣ, моей грѣховной слабости, чѣмъ привлекаютъ къ себѣ. Для того, чтобы наша душа признала превосходство авторитета, оно не только должно быть очевидно,—это превосходство, но кромѣ того,—должно обладать извѣстнымъ магнетомъ, долей притяженія для нашей души, т. е. имѣть съ ней точку соприкосновенія. Иначе онъ останется чуждымъ ей, далекимъ,—непонятнымъ...

Знаете ли вы, каковъ въ моемъ представленіи рай?

Престоль Бога Всевышняго... Кругомъ ангелы, архангелы,—девять ангельскихъ чиновъ. Потомъ «святіи, мученицы, пророцы»...

Все утопаетъ въ ѳиміамѣ, слышится музыка дивной, несказанной красоты... (Я понимаю наслажденіе, которое она даетъ, и готова на все, чтобы только хоть краемъ уха услышать ее въ загробной жизни).

Всѣ славятъ Творца,—испытывая блаженство высшаго, совершеннѣйшаго удовлетворенія, полной гармоніи и дивной красоты,—всего того, что недоступно даже воображенію насъ, бѣдныхъ смертныхъ...

И вдругъ въ эту божественную симфонію врывается вихрь: въ клубахъ ѣдкаго дыма несется съ земли ужаснымъ диссонансомъ вопль, дикій, отчаянный крикъ... То грѣшныя обитатели

«юдоли плача» взываютъ о помощи къ святымъ... Приходится встать, прервать слушаніе чудныхъ звуковъ и откликнуться на наши мольбы... Какого нибудь Ивана, Сидора, Пафнутія,—Марьи, Пелагеи, Акулины...

Какъ хотите, а я возмущена за нихъ, за святыхъ!

По какому праву ихъ беспокоятъ? Что между нами общаго? Знали ли мы ихъ при жизни? Только попробуйте сравнить! Святые имѣли положительныя заслуги, они претерпѣли за имя Христово, и завоевали себѣ извѣстныя права...

А мы, ходящіе во грѣхахъ, погрязшіе въ сквернахъ, порокахъ, не помышляющіе о дѣлѣ своего спасенія,—продолжаемъ себѣ жить въ свое удовольствіе,—и только по пословицѣ—«когда громъ грянетъ»—вдругъ вструхнемъ и взмолимся «небеснымъ заступникамъ»,—трусливо, недостойно! Смилуйтесь окажите, помощь! Вамъ до Бога ближе! Я вамъ свѣчку поставлю!

Ну, понятно—они святые, значить—въ силу этого они не только простятъ насъ за беспокойство, но еще и посодѣйствуютъ отъ чистаго сердца... Я даже допускаю, что имъ пріятно помочь намъ, спасти насъ, грѣшниковъ, но только я *бы не позволила себѣ такъ утруждать ихъ...*

Не изъ-за гордости, о нѣтъ! Но только потому, что не чувствую за собой *права* на это!

Je suis tres loyale и люблю стоять на почвѣ законности...

Это своего рода щепетильность.

Я имъ чужая—что имъ до меня?!

Мученики же въ особенности мнѣ импонируютъ... Я чувствую себя подавленной, уничтоженной ихъ «смирненнымъ мужествомъ», ихъ страданіями. Стоитъ мнѣ закрыть глаза и на минуту представить себя на ихъ мѣстѣ,—я содрагаюсь отъ ужаса... Я такъ боюсь физической боли!

До чего же я должна имъ казаться жалкой, недостойной!

Какъ же вы хотите послѣ этого, чтобы я ихъ просила о чемъ нибудь, не менѣе недостойномъ, пустомъ, чѣмъ и я сама, когда они безконечно мнѣ далеки въ силу своего превосходства—настолько же, насколько я имъ чужда?

Вѣдь облако святости, думала я, поднимая, унося избранника ввысь, тѣмъ самымъ отдаляетъ его отъ земли,—отъ всего грязнаго, пошлаго, сквернаго,—что неотъемлемо отъ насъ...

Гдѣ же тутъ точка соприкосновенія, зацѣпочка, нить, за которую я могла бы уцѣпиться?

Нитью этой можетъ быть одно: вѣра!

Вѣра, для которой нѣтъ разстоянія, нѣтъ вопросовъ самолюбія, всей этой метафизики мудрствованій,—*логики*...

Вотъ почему Христосъ сказалъ: надо быть какъ *дѣти*! Тѣ не считаются «правами»,—они не задумываясь съ подкупающей довѣрчивостью и наивной искренностью подходятъ къ незнакомому «дядѣ» или «тетѣ», и просятъ дать имъ дорогую для нихъ игрушку... И рѣдко въ чьемъ сердцѣ найдется жестокость отказать имъ! Потому блаженъ всякій, кто уподобится въ этомъ отношеніи ребенку,—онъ получитъ просимое! Вотъ чѣмъ хороша простота, безхитростная довѣрчивость простолюдина. Они—тѣже дѣти.

Тамъ, гдѣ интеллигентъ остановится въ нерѣшительности, ища конца-края, съ котораго удобнѣе подойти,—(т. е. *права*, точки соприкосновенія),—тамъ простякъ отважно идетъ впередъ, руководимый вѣрой, убѣжденіемъ, что будетъ услышанъ.

И такъ какъ всякое усиліе вознаграждается,—то и онъ будетъ вознагражденъ. Тутъ нѣтъ мѣста метафизикѣ; все просто: разъ согрѣшилъ — надо покаяться. И онъ кается, ничтоже сумняся, не раздумывая, отчего это произошло, кому поклониться, да съ чего начать, не ища оправданій,—кается («во всю»), и молится... и *непосредственно*, и съ заступничествомъ.

Да, этого не ищите у насъ интеллигентовъ,—маловѣрныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ!

Мы отяжелѣли и на рискъ не пойдемъ! Мы привыкли рассчитывать каждое слово, каждое движеніе, и затрачивать душу на невѣрное, («не будучи заранѣе увѣренными въ благопріятномъ исходѣ—не станемъ; намъ нужны гарантіи, удобства!»)

— Помилуйте,—какъ это вдругъ я начну просить? Съ какой стати? Да можетъ меня не послушаютъ?! А я буду утруждать себя?!

(А ты потрудись,—да тогда и разсуждай! сказалъ бы такой простякъ-мудрецъ) Мы точно выжидаемъ, чтобы намъ пошли на встрѣчу, сдѣлали первый шагъ...

Гора должна пойти къ Магомету.

Въ сущности говоря, это доказываетъ только одно,—что мы плохо вчитывались въ евангеліе: тамъ много этихъ «первыхъ шаговъ» къ грѣшнику...

И я оказывается разсуждала слишкомъ «по земному»

Наша жизнь полна условностей... Между прочимъ, и съ протекціей мы знакомы! О, это весьма сложная штука!

Вы должны имѣть *право* получить ауденцію у сановника быть выслушаннымъ имъ. Надо соблюсти всѣ формы, пройти всѣ ступени... Подать массу заявленій, сослаться на многое множество подходящихъ статей, привести доказательства,— вотъ тогда вамъ, можетъ быть, удастся вызвать интересъ къ себѣ, къ своему дѣлу...

Такъ то—земля! Мы разгородили себѣ всю жизнь загородами, и масса времени и силы уходитъ на то, чтобы брать всѣ эти барьеры,—большихъ и малыхъ размѣровъ.

Не то въ дѣлѣ вѣры.

Тутъ все—порывъ, моментъ,—«взмахъ орлиный вверхъ»... И передъ интенсивностью этого искренняго порыва падаютъ всѣ препятствія, исчезаютъ всѣ условности... Рабъ возвысится до господина,—червь станетъ равнымъ Богу, по образу и подобию Котораго созданъ,—потому что въ немъ вспыхнула безсмертная душа!

Но вы въ правѣ спросить меня: къ чему я веду.

Извольте! Все это имѣетъ отношеніе къ дальнѣйшему.

Конечно, вы уже догадались что поѣздка моя закончилась посѣщеніемъ Сарова... Какъ это вышло—я скажу дальше.

А пока обратите ваше благосклонное вниманіе, насколько «языческими» были мои взгляды и представленія,—и какъ могуча должна быть «зацѣпочка», которая вытаскала бы меня на берегъ изъ бурныхъ мутныхъ волнъ моего невѣрія и нравственнаго хаоса.

Да! Нашлась она и для меня.

На этотъ разъ безграничное превосходство авторитета было таково, что оно *привлекало* къ себѣ въ большей степени, чѣмъ *импонировало*.

Тутъ во всемъ чувствовался челоѣкъ, но души идеальной высоты, вмѣстившій божественность въ максимальной степени. Безсильнымъ рычагомъ была любовь, затраченная повсюду въ безконечномъ количествѣ душой скромнаго монаха, смиреннаго изъ смиренныхъ...

Индивидуальность его была такова, что чѣмъ ближе вы знакомились съ его жизнью, тѣмъ сильнѣ васъ захватывало, побѣждало, «заполняло» чувство удивленія, благоговѣнія, и все

теплѣ становилось на сердцѣ... Столько таинственной прелести было въ этой простотѣ, рѣдкостной кротости, и любви!..

Въ немъ, въ этомъ морѣ безконечной любви, органически присущей этому существу высшаго порядка, должно было потонуть все, съ чѣмъ къ Нему ни шли: людская злоба, ненависть, горе, тоска, отчаяніе, озлобленіе,— все покрывала любовь.

Чѣловѣкъ незлобивый и смиренный до того, что, благословляя, онъ лобызалъ руку у благословляемаго; не знавшій другого обращенія ко ближнему, какъ «радость моя»,—относясь со всею строгостью къ себѣ («убоному иноку»); наконецъ—человѣкъ, при жизни исполнившій евангеліе, т. е. будучи въ состояніи защищать свою жизнь—отказавшійся сдѣлать это, (вспомнивъ евангельское изреченіе: поднявый мечъ отъ меча погибнетъ, онъ сказалъ разбойнику: что хочешь дѣлать—дѣлай скорѣй)!—такой человѣкъ дѣйствительно *можетъ, долженъ* быть святымъ!

Эго—для разсудка...

Ага! Теперь онъ молчитъ! онъ преклонился, онъ удивленъ, пораженъ—*et ne s'oppose plus!*

А онъ у меня не изъ податливыхъ—и съ этимъ надо считаться! Въ то время, какъ сердце давно уже стремится туда, гдѣ чувствуетъ спасеніе и благодать,—(на столько оно во власти безотчетнаго влеченія, той атмосферы любви, которая какъ будто витаетъ здѣсь, наполняя все, окружая васъ со всѣхъ сторонъ)—разумъ еще пытается «торговаться».

— Представь мнѣ доказательства, убѣди меня,—и я успокоюсь разъ навсегда. Я тоже увѣрю, и мы пойдемъ рука объ руку,—такъ будетъ вѣрнѣе! шепчетъ онъ мнѣ. .

(И я знаю—это *необходимо*—иначе я снова *отпаду*,— пусть только счастье мнѣ улыбнется, пусть мой горизонтъ окончательно просвѣтлѣетъ, я снова очерствѣю! Только горе, испытаніе приближаетъ человѣка къ Богу)!

По счастью, говорю я, авторитетъ въ данномъ случаѣ былъ такъ непоколебимъ, сіялъ такой поразительной красотой, что доказательства говорили сами за себя,—и разсудокъ удовлетворялся,—идя объ руку съ душой, расцвѣтавшей заново, подъ вліяніемъ согрѣвающей благодати тѣхъ святыхъ мѣстъ, въ которыхъ прошла вся трудовая жизнь святителя—пока не сдался, не умолкъ совсѣмъ.

Увѣряю васъ, это не воображеніе, не самовнушеніе—та непонятная сладость, которая ощущается вами также, какъ и Его незримое присутствіе гуть, гдѣ онъ молился, мыслить, сострадалъ—и любилъ, любилъ больше всего и превыше всего—и человѣчество, и каждаго приходящаго къ Нему за совѣтомъ и утѣшеніемъ «ближняго»... Впечатлѣніе было таково, что мнѣ пошли на встрѣчу, — мнѣ бросили не только спасательный кругъ, нѣтъ, — больше того! Сильнымъ багромъ меня захватили и властно увлекали къ берегу...

И я поддалась сладкому чувству безотчетной радости,—какой не испытывала до сихъ поръ.

— Нѣтъ, я не одинока! Кому-то нужна моя душа, о ней позаботились, очевидно я не слишкомъ ничтожна! существованіе мое гдѣ то тамъ «вверху»—значится (или какъ говорится въ молитвѣ: «записано въ книгѣ животнѣй») — потому что въ моментъ, когда я была на волосокъ отъ гибели, — случилось что то странное, необъяснимое, что привлекло мою душу къ спасенію»... Вотъ *resumé* того, что говорилъ мнѣ въ послѣдствіи голосъ сердца, — но я общала вамъ всю хроматическую гамму, постепенность моего «обращенія» — и должна сдержать слово... Хотя мнѣ это немножко... тяжело...

Странный у меня характеръ: какъ часто въ минуты непріятныя («неблагополучныя») — я говорю себѣ: — фу, какъ скверно! когда это время пройдетъ, и я буду чувствовать себя счастливой, — даю себѣ слово вспомнить этотъ печальный фазисъ!

И что же! Приходитъ свѣтлая полоса, — я отмѣчаю ее съ сознаниемъ внутренняго удовлетворенія, — что вотъ, слава Богу, наконецъ-то настала желанная перемѣна! — и вѣрная данному обѣщанію мысленно собиралась кинуть взоръ въ прошлое (съ цѣлью — если хотите — отгнѣнить на темномъ фонѣ свѣтлыя точки настоящаго) — какъ вдругъ съ удивленіемъ замѣчаю полное свое равнодушіе, — нежеланіе сдѣлать это!

— За чѣмъ вызывать въ своей душѣ воспоминаніе о непріятномъ, нежелательномъ? Оно прошло — и Богъ съ нимъ! Поставимъ на немъ крестъ, — и отвернемся поскорѣе!

И никакихъ точныхъ анализовъ, педантичныхъ сравненій съ настоящимъ я не дѣлаю!

Теперь вы поймете, почему я не люблю возвращаться назадъ, къ своему невѣрію.

Прошлое темно, мрачно, бсзрадно... Настоящее свѣтло,—*безоблачно*, (если не лучезарно). Къ чему же его омрачать?

Скажу больше: мнѣ самой *странно*,—*неужели я когда нибудь могла быть другой?*

Прошлое мнѣ кажется страшнымъ сномъ...

Но на полдорогѣ не останавливаются. Я описала мою болѣзнь, и пожалуй—теперь скажу вамъ, какъ она называется: это было исканіе истины, т. е. Христа.

А какъ я пришла къ Нему—вы увидите дальше.

Люси Оль.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ.

**О. ПРОТОІЕРЕЙ АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ПОЛОТЕБНОВЪ — КАНЬ БЛАГОЙ
ДѢЯТЕЛЬ ЦЕРКВИ ВЪ ПАСТЫРСТВѢ И УЧИТЕЛЬСТВѢ.**

(† 10-го октября 1905 г.).

10-го октября въ 3 часа утра скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей московскаго духовенства, настоятель Петропавловской, что въ Басманной, Церкви, Протоіерей Андрей Григорьевичъ Полотебновъ. Не приходская дѣятельность въ Бозѣ почившаго, которой посвящены были лишь послѣднія пять лѣтъ его жизни, а законоучительство, котораго не оставилъ онъ и ставши приходскимъ дѣятелемъ, и духовное писательство, главнымъ образомъ въ библейско-богословской апологетической области, снискали ему ту широкую извѣстность и тотъ почетъ и уваженіе, которыми пользовался онъ не только въ духовномъ, а и свѣтскомъ образованномъ обществѣ, и не въ одной Москвѣ, а и далеко за предѣлами ея; сказать объ этомъ благомъ дѣятелѣ Вѣры и Церкви нудить насъ и наша личная духовная близость къ почившему, какъ къ своему учителю и единомышленнику въ духовномъ служеніи обществу, и его сочувственное отношеніе къ журналу, на страницахъ котораго онъ пропѣлъ и свою лебединую пѣснь. (Разумѣемъ напечатанный въ III книгѣ журнала „Вѣра и Церковь“ его Конспектъ для сравнительнаго чтенія четверо-евангелія).

О. Протоіерей Андрей Григорьевичъ Полотебновъ, сынъ священника Рязанскѣй губерніи села Дубова, родился въ 1843 году, среднее образованіе получилъ въ Рязанской духовной

семинаріи, а высшее--въ Московской духовной Академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1868-мъ году однимъ изъ первыхъ магистровъ. Церковно-общественную дѣятельность свою онъ началъ въ духовныхъ семинаріяхъ, Псковской (въ 69 и 70 гг.) и Виоанской (71—74 гг.), гдѣ онъ преподавалъ священное Писаніе и Еврейскій языкъ. Въ 1874 г., по переходѣ Константиновскаго Межеваго Института въ настоящее помѣщеніе и по устроеніи въ немъ церкви, Андрей Григорьевичъ, посвященный въ санъ священника, опредѣленъ былъ настоятелемъ этой церкви и закончителемъ Института. Будучи законоучителемъ института, о. Полотебновъ былъ по нѣскольку лѣтъ законоучителемъ нѣмецкихъ школъ: Петропавловской мужской и женской и св. Михаила, 2-й мужской гимназіи (11 лѣтъ) и 2-й женской, гдѣ съ 1881 г. онъ состоялъ до своей кончины. Въ 1899 г. исполнилось 25 лѣтъ служенія о. Полотебнова въ священномъ санѣ и онъ переведенъ былъ настоятелемъ приходской Петропавловской Церкви на Басманной, продолжая въ тоже время чтеніе лекцій по апологетическому богословію въ инженерномъ отдѣленіи Института. Кромѣ означенныхъ должностей, опредѣлявшихъ оффиціальное общественное положеніе о. Полотебнова, онъ почти все, больше чѣмъ, 30 лѣтнее время своего служенія состоялъ членомъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, и въ немъ въ послѣдніе три года предсѣдателемъ законоучительскаго отдѣла и товарищемъ предсѣдателя по устройству богословскихъ чтеній для образованнаго общества, членомъ общества распространенія священнаго Писанія въ Россіи, учрежденій Императрицы Маріи и многихъ другихъ.

На ряду съ пастырской и педагогической дѣятельностію о. Полотебнова, почти съ самаго начала ея, можно сказать, до послѣднихъ дней жизни почившаго шла и духовно-литературная дѣятельность, стоявшая въ самой тѣсной внутренней связи съ его пастырствомъ и законоучительствомъ. Не задаваясь цѣлію перечислить все написанное имъ за этотъ періодъ времени, отмѣтимъ болѣе или менѣе обширные и важные труды его. Труды эти касались прежде всего священнаго Писанія; таковы: 1) *Св. Евангеліе отъ Луки*. Православное критико-экзегетическое изслѣдованіе противъ Ф. Х. Баура (Москва 1875 г.), за которое авторъ получилъ степень магистра богословія; 2) „Мессіанское значеніе типологическихъ псалмовъ (объясненіе 44 псалма, составленное) по Генстенбергу (Москва 1873 г.); 3) Со-

борныя посланія Апостола Любви, Св. Іоанна Богослова, на славянскомъ и русскомъ нарѣчіяхъ, съ предисловіями и подробными объяснительными примѣчаніями; общедоступное изданіе, съ отдѣльнымъ приложеніемъ научныхъ указаній (Москва 1875 г.), по характеру своему однородное съ предложенными въ „Толковомъ Евангеліи“ архим. Михаила; 4) Дѣянія Св. Апостоловъ. Общедоступное истолковательное чтеніе (Москва 1875 г.); къ сожалѣнію, появился только первый выпускъ, обнимающій 1—3 главы книги; 5) Академическія лекціи Митрополита Филарета: „О пророческихъ и учительныхъ книгахъ Вѣтхаго Заваѣта“ и „Введеніе въ чтеніе Новаго Заваѣта (въ переводѣ на русскій языкъ съ рукописи 1817 года, когда Митрополитъ Филаретъ былъ профессоромъ только что основанной С.-Петербургской духовной академіи); 6) „Объ изученіи Библии. Историческія свидѣтельства въ хронологическомъ порядкѣ. (Кіевъ 1875 г.); 7) „О призываніи Святыхъ въ молитвахъ нашихъ. Изъ писемъ истиннаго друга (Семинарское сочиненіе 1863 г. Псковъ 1869 г.); 8) Свѣтлая радость православнаго христіанина. Пасхальный Сборникъ. (Москва 1891 г.); 9) Библия и астрономія. (Москва 1893 г.); 10) Царство свѣта Христова (съ рисунками). (Москва 1893 г.); 11) О книгахъ Новаго Заваѣта и объяснительныя примѣчанія къ тексту Евангелія отъ Матѳея: глава I—IV. (Москва 1895 г.).—Кромѣ этихъ болѣе или менѣе крупныхъ произведеній о. Полотебнова въ отдѣльныхъ же изданіяхъ появился не одинъ десятокъ мелкихъ брошюръ, преимущественно проповѣдническаго характера и педагогическаго содержанія. Большинство всѣхъ этихъ и крупныхъ и мелкихъ изданій суть оттиски статей его изъ тѣхъ журналовъ, въ которыхъ съ самаго начала своей церковно-общественной дѣятельности до самаго послѣдняго времени работалъ почившій. Первымъ изъ такихъ журналовъ по времени сотрудничества въ немъ Андрея Григорьевича былъ противораскольнической журналъ: „Истина“, издававшійся въ Псковѣ; въ этомъ журналѣ между прочимъ имъ помѣщены были «Бесѣды православнаго священника съ безпоповцами объ антихриствѣ»; потомъ имъ помѣщено было нѣсколько статей въ издававшейся въ С.-Петербургѣ «Духовной Бесѣдѣ», въ Кіевскомъ «Воскресномъ Чтеніи»; самое же большое участіе о. Полотебновъ принималъ въ Московскомъ журналѣ „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго Просвѣщенія, во все, болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтнее, существованіе этого журнала. Въ немъ помимо отѣ-

ченныхъ выше истолковательныхъ трудовъ его по Библіи и цѣлаго ряда разнаго рода библиографическихъ отчетовъ, имъ напечатано было обширное, къ сожалѣнію не оконченное историко-критическое изслѣдованіе о зарожденіи отрицательной критики Евангелія и христіанства на Западѣ и исторіи его въ XVI и XVII вѣкахъ. Изъ другихъ московскихъ изданій статьи о. Полотебнова помѣщались въ «Дѣтской Помощи», въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ въ послѣднее время печатались его проповѣди въ отвѣтъ на религіозно-нравственныя движенія въ современномъ обществѣ.

Съ 1892 года о. Полотебновъ началъ издавать свой собственный духовный журналъ: „Радость христіанина при чтеніи Библіи, какъ Слова жизни, по руководству Православной Церкви“. Изданіе это, посвященное *религіозному чувству* и направленное главнымъ образомъ противъ современнаго пессимизма, по своимъ задачамъ и направленію, по характеру и составу своего содержанія и даже по внѣшней сторонѣ дѣла представляло собою столько особенностей сравнительно съ другими духовными періодическими изданіями, что нельзя не сказать о журналѣ поподробнѣе.—«Духъ времени, смущенный мрачными ученіями, ищетъ, такъ говорилъ о. редакторъ журнала въ предисловіи къ нему, покоя, мира, свѣта и радости. Единственный источникъ свѣта—Слово Божіе, какъ Слово жизни (Филип. 2, 16), и единственная религія мира и неземной радости—Христіанская религія Бога Слова (Іоан. 15, 11); но хранилища этого небеснаго сокровища есть наша Православная Каѳолическая Церковь,—*Церковь Бога жива* (1 Тим. 3, 15), „въ которой со временъ Апостольскихъ во всей своей первобытной чистотѣ возвѣщается и утверждается спасительная истина“. Вызываемое такою потребностію времени, изданіе «Радость Христіанина» имѣетъ въ виду: общедоступными разнообразными статьями, по руководству хранителей священнаго Преданія, преимущественно первыхъ вѣковъ христіанства, способствовать правильному жизненному усвоенію истинъ Божественнаго Откровенія *сердцемъ* и огражденію священнаго текста Библіи отъ всевозможныхъ произвольныхъ толкованій, породившихъ печальныя явленія въ обществѣ, особенно среди нашего молодого поколѣнія. Выходя изъ того, что праздники православной церкви, особенно такъ называемые двенадцатые, съ наибольшею

яркостію и силою выражаютъ идею христіанства, какъ религiи мира, свѣта и радости, журналъ приуроченъ былъ сроками своего выхода къ этимъ праздникамъ. Въ соотвѣтствiи съ этимъ на первомъ мѣстѣ въ журналѣ всегда помѣщались извлеченiя изъ святоотеческихъ творенiй, относящiяся къ празднику даннаго мѣсяца, и такія же по своему предмету и идеѣ статьи сотрудниковъ. Не послѣднее по своему значенiю мѣсто въ журналѣ занимали отвѣты на вопросы и недоумѣнiя читателей относительно тѣхъ или иныхъ непонятныхъ словъ, выраженiй или мыслей св. Писанiя; тутъ же давались разъясненiя въ разумѣ православной Церкви разныхъ установленiй церковныхъ, смущающихъ немощныя совѣсти и т. п. Въ журналѣ принимали участiе многіе извѣстные современные богословы и писатели не только изъ духовнаго міра профессоровъ духовныхъ академiй и преподавателей семинарiй, а и изъ свѣтскаго образованнаго общества; между ними довольно назвать два имени: К. П. Побѣдоносцева и В. С. Арсеньева. Въ 1897 г. вслѣдствiе отъѣзда о. Полотебнова за границу, между прочимъ, и для укрѣпленiя здоровья, изданiе имъ журнала приостанавливалось; но и возобновленное въ 1898 году, оно просуществовало еще одинъ только годъ; такъ что изданiе журнала всего продолжалось лишь семь лѣтъ, въ теченiе которыхъ вышло всего 84 книжки, отъ 6 до 8 печатныхъ листовъ каждая. И этого срока конечно вполне достаточно для того, чтобы сказать, что редакторомъ издателемъ положено было на это дѣло много труда, потрачено много силъ; ибо только совѣмъ не знакомые съ дѣломъ веденiя періодическихъ изданiй могутъ не видѣть этого редакторскаго труда въ подыскиванiи сотрудниковъ и подходящихъ къ задачамъ и характеру журнала и данной книжки въ частности статей, въ неоднократномъ предварительномъ перечитыванiи ихъ, исправленiи и часто значительной переработкѣ; нужно къ этому прибавить труды по печатанiю книжекъ и разсылкѣ ихъ, особенно если для этого при редакціи (за недостаткомъ средствъ) нѣтъ ни конторы, ни особыхъ лицъ, какъ все это дѣйствительно и было у о. Полотебнова. Главный же трудъ его по издававшемуся имъ названному журналу состоялъ въ личномъ литературномъ участiи его въ журналѣ. Кромѣ нѣкоторыхъ статей поименованныхъ нами выше и вышедшихъ потомъ отдѣльнымъ изданiемъ (числомъ около 10), о. Полотебновымъ въ теченiе семилѣтняго существованiя журнала, помѣщено въ журналѣ

свыше 30 статей отъ листа до 3 и 4-хъ каждая... Не перечисляя всѣхъ ихъ, назовемъ нѣкоторыя: 1) Общія молитвы и общій хоръ древней Церкви (92 г. кн. 3); 2) Истолковательное чтеніе текста книги Дѣяній св. апостоловъ о сошествіи Св. Духа, 2, 1—21 (93 г. кн. 6); 3) Распространеніе Царства Христова въ мірѣ (93, 8); 4) О тайнѣ благодатнаго свѣта молитвы (94, 8); 5) Къ вопросамъ объ изображеніяхъ Распятаго Спасителя (94, 10); 6) Образное представленіе пророческаго смысла Притч. 9, 1—11 (95, 3); 7) Православіе, какъ сила отечества нашего (96, 9); 8) Кому открываются истины Евангелія; 9) О благолѣтіи храмовъ и внѣшнемъ Богопочтеніи (98, 3); 10) Изъ писемъ св. Кипріяна Карфагенскаго къ Донату. Переводъ съ подлинника (98, 1); 11) О назначеніи женщины (98, 9); 12) Общеніе имѣній у первыхъ христіанъ (98, 5) и длинный рядъ болѣе или менѣе краткихъ (въ 2—5 стр.) отвѣтовъ на разные вопросы при чтеніи текста Библии, присылаемые читателями журнала. Этотъ отдѣлъ журнала, по нашему мнѣнію, при всей его видимой незначительности, былъ особенно важнымъ, какъ свидѣтельство о той живой духовной связи между редакторомъ и сотрудниками журнала съ одной стороны, и между читателями его съ другой, которая можетъ служить лучшей рекомендаціей жизненности журнала. Здѣсь нужно припомнить, что при редакціи, въ обществѣ сотрудниковъ и близкихъ редактору любителей Слова Божія, постоянно (черезъ опредѣленные промежутки времени) велись домашнія бесѣды, начинавшіяся чтеніемъ Библии и разнаго рода истолковательными разсужденіями о прочитанномъ или по поводу его; иногда собесѣдники дѣлились здѣсь между собой сообщеніями и сужденіями о новыхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ Библии. На этихъ-то бесѣдахъ зародилась и разработалась, такъ сказать, мысль и о самомъ журналѣ; здѣсь поэтому постоянно велись бесѣды и редакціоннаго характера; здѣсь же, часто обсуждались и тѣ вопросы и недоумѣнія, которыя присылались въ редакцію читателями журнала. Умилительно было между прочимъ видѣть, какъ въ день празднованія 25 лѣтія священства о. Протоіерея Полотебнова, одинъ изъ самыхъ усердныхъ и несомнѣнно старѣйшихъ изъ участниковъ этихъ бесѣдъ, почетный опекунъ В. С. Арсеньевъ поднесъ юбиляру св. Библию (въ изящномъ перешлетѣ) съ надписью «отъ благодарнаго слушателя Его бесѣдъ библейскихъ».

Въ послѣдніе шесть лѣтъ по прекращеніи изданія, о. Полотебновъ сравнительно мало уже занимался литературнымъ трудомъ. Въ это время онъ чаще всего помѣщаль или въ Московскихъ Вѣдомостяхъ или въ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ свои проповѣди, которыя по большей части были церковнымъ откликомъ на современные религіозно-нравственные вопросы жизни; дважды за эти годы выступалъ онъ съ богословскими чтеніями для образованнаго общества въ Московскомъ епархіальномъ домѣ и дважды же—съ религіозно-нравственными чтеніями для дѣтей (въ пополненіе школьныхъ уроковъ по Закону Божію); но тѣ и другія чтенія такъ и остались не напечатанными. Въ 1903 г. имъ помѣщена была въ журналѣ «Вѣра и Церковь» небольшая актовая рѣчь «Охраненіи сердца» (кн. X) и въ текущемъ „Конспектъ сравнительнаго чтенія Четверо-Евангелія (Concordia Evangelica) для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (и для руководства всѣмъ внимающимъ тексту Евангелія). Трудъ этотъ есть плодъ почти сороколѣтнихъ учебныхъ занятій его Евангеліями (сначала съ духовныхъ семинаріяхъ—Псковской и Виѣанской на урокахъ св. Писанія и потомъ въ институтѣ и гимназіяхъ на урокахъ Закона Божія) и въ печатномъ своемъ изданіи стоитъ въ тѣсной связи съ той новой педагогической дѣятельностію его, которой онъ въ послѣдніе два года отдавался съ особеннымъ усердіемъ. Говоря это, мы разумѣемъ дѣятельность его, какъ предсѣдателя имъ же основаннаго при обществѣ любителей духовнаго Просвѣщенія законоучительскаго отдѣла, имѣющаго своею задачею помогать дѣлу религіозно-нравственнаго образованія дѣтей свѣтскаго общества путемъ обсужденія на собраніяхъ отдѣла программъ, учебниковъ и учебныхъ пособій по Закону Божію для среднихъ мужскихъ и женскихъ школъ, равно и книгъ духовнаго содержанія для дѣтскаго чтенія и т. п. Подъ руководствомъ такого опытнаго законоучителя, какимъ былъ почившій о. Полотебновъ, отдѣломъ не мало было уже сдѣлано въ указанныхъ отношеніяхъ; отдѣлу и прежде всего конечно его предсѣдателю наши среднія школы обязаны, между прочимъ, введеніемъ въ нихъ общаго говѣнія воспитанниковъ на первой седмицѣ великаго поста и тѣми религіозно-нравственными чтеніями для дѣтей—воспитанниковъ средней школы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ параллель съ давно уже ведущимися чтеніями по другимъ предметамъ средне обра-

зовательнаго курса. Въ этихъ же видахъ—помочь дѣтямъ не только въ школѣ на урокахъ Закона Божія, а и дома—при чтеніи Евангелія, изданъ былъ о. Полотебновымъ и названный нами и извѣстный нашимъ читателямъ Конспектъ. Нужда въ немъ и значеніе его для дѣтей ему больше, чѣмъ кому либо другому изъ оо. законоучителей, видны были и потому еще, что въ послѣдніе два года о. Полотебновъ состоялъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы и въ этомъ качествѣ обязанъ былъ посѣщать въ нихъ и уроки и экзамены по Закону Божію. При этихъ то посѣщеніяхъ онъ во очію, такъ сказать, убѣждался въ той трудности, какую представляетъ для дѣтей приисківаніе параллельныхъ сказаній Евангелій объ одномъ и томъ же событіи и еще больше правильное пониманіе Евангельскаго текста. Чтобы помочь имъ въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ имъ уже приготовлены были къ изданію объяснительныя примѣчанія къ тексту Евангелія, съ подробными хронологическими датами, на основаніи экзегетическихъ изысканій, которыми онъ не мало занимался, какъ преподаватель св. Писанія въ семинаріи, и лишь наканунѣ своей кончины онъ обрадованъ былъ извѣстіемъ о разрѣшеніи ихъ напечатанія. Но вотъ смерть прервала нить кипучей дѣятельности почившаго и приготовленная къ изданію рукопись такъ и осталась не напечатанною. Было бы весьма желательно, чтобы изданіе это увидѣло свѣтъ Божій...

Обозначенныя въ общихъ чертахъ учительская и пастырская законоучительская, равно и богословско-литературная дѣятельности почившаго, даже взятыя въ ихъ отдѣльности, уже не мало говорятъ о церковно-общественныхъ заслугахъ его; значеніе этихъ заслугъ еще яснѣе станетъ для насъ, если обратимъ вниманіе на ихъ тѣсную внутреннюю взаимную связь, на то, что *дѣла* его—его учительская и законоучительская дѣятельность—не стояли отдѣльно, не расходились съ *словами*—съ литературными трудами его: первыя давали собою, такъ сказать, матеріаль для послѣднихъ, которыя служили объясненіемъ ихъ, печатью и способствовали ихъ увѣковѣченію и широкому распространенію далеко за предѣлы тѣхъ укромныхъ уголковъ, гдѣ проходило его служеніе. Но не въ этомъ только церковно-общественное значеніе отмѣченной нами дѣятельности и литературныхъ трудовъ о. Андрея Григорьевича, не въ томъ только, что сдѣлалъ и о чемъ говорилъ онъ, а и въ характерѣ того и другого

въ томъ единомъ духѣ и направленіи, который проникалъ собою и учительство и законоучительство и писательство почившаго. Духъ этотъ былъ духомъ церковности въ самомъ высокомъ и строгомъ смыслѣ этого слова.

Церковный характеръ законоучительской дѣятельности о. Полотебнова съ особенною яркостью и силою сказался въ томъ юбилейномъ торжествѣ, которое происходило 24 октября 1899 года въ Константиновскомъ межевомъ Институтѣ, по случаю 25 лѣтня священнослуженія почившаго и перехода его на мѣсто настоятеля приходской Петропавловской церкви. Знаменательно въ этомъ торжествѣ было уже то, что двадцатипятилѣтіе служенія о. Полотебнова совпало съ двадцатипятилѣтіемъ Институтскаго храма, настоятелемъ котораго онъ состоялъ; это совпаденіе такъ гармонировало съ тѣми привѣтствіями и подношеніями, съ которыми обращались къ юбиляру въ этотъ день его почитатели, и такъ ясно и живо раскрывало тотъ духъ церковности, какой именно и можетъ быть названъ желаннымъ въ православно-русской школѣ, какъ «малой церкви». Отъ Института юбиляру былъ поднесенъ золотой, украшенный драгоценными камнями крестъ, при чемъ совершавшій служеніе и возлагавшій на о. Андрея крестъ, Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ митрополитъ говорилъ между прочимъ, что это «поднесеніе юбиляру Св. Креста не ложно свидѣтельствуетъ о томъ, что Крестъ Христовъ чтится подносящими его высоко, какъ самая драгоценная святыня, а такія чувствованія и расположенія служатъ вѣрнымъ залогомъ высокохристіанскаго направленія воспитанія даваемого такой школой, — того поправленія, которое и есть истинное, прочное и благотворное». Это кратко выраженное Владыкою указаніе на церковно-пастырскій характеръ законоучительства юбиляра, съ достаточною полнотою раскрыто было въ словѣ о. Гиляровскаго (преемника о. Полотебнова по законоучительству въ Институтѣ), который въ доказательство истинности своей характеристики указалъ на самый храмъ, въ которомъ происходило торжество, и который былъ украшенъ личнымъ усердіемъ служащихъ въ Институтѣ подъ руководствомъ о. Андрея, и на совершаемое въ немъ при постоянномъ и живомъ участіи воспитанниковъ богослуженіе, «То и другое, такъ говорилъ проповѣдникъ, что иное есть, какъ не плоды руководительнаго пастырскаго участія настоятеля сего храма въ дѣлѣ украшенія сего послѣдняго,

какъ не отображеніе его благоговѣнія къ мѣсту селенія славы Божіей и его изощреннаго вкуса въ сферѣ изящныхъ произведеній христіанскаго творчества? Кто вдохнулъ въ сердце воспитанниковъ любовь къ храму Божію и вообще къ предметамъ христіанскаго чествованія, искреннее уваженіе къ христіанской религіи и живое стремленіе усвоить ея вѣроученіе? Всѣмъ этимъ мы обязаны о. юбиляру... Это онъ своимъ четверть-вѣковымъ усиленнымъ трудомъ, одухотвореннымъ любовію, разчистивъ путь для слова Божія къ сердцу юношей, и трудъ преподаванія его на дальнѣйшія времена сдѣлалъ легкимъ и приятнымъ». А въ чемъ собственно состояло это благолѣпіе храма и совершаемаго въ немъ богослуженія, вдохнутое, по выраженію о. Гиляровскаго, о. Полотебновымъ, это съ особенной живостію изображено въ необычно пространной рѣчи самаго юбиляра. Подробно раскрывъ мысль о высокопоучительномъ значеніи храма въ свѣтскомъ учебномъ заведеніи, какъ напоминающемъ о необходимости и благотворности союза истинной науки съ вѣрою, свѣтскаго образованія съ духовнымъ, онъ изложилъ за тѣмъ исторію институтскаго храма, все благолѣпное устройство котораго совершено не на казенныя средства, а на добровольныя пожертвованія служащихъ въ институтѣ и межевыхъ чиновъ, получившихъ въ немъ образованіе». Но этимъ еще любовь къ храму семьи институтской не удовлетворилась. Послѣ устроенія его онъ три раза возобновлялся и украшался собственными средствами служащихъ. «Нѣкоторые курсы межевыхъ инженеровъ 25-лѣтіе Государственной службы своей ознаменовывали прежде всего жертвами въ институтскій храмъ, — или иконы или драгоценной лампы... «По смерти близкихъ своихъ служащіе спѣшатъ разными пожертвованіями въ храмъ свой въ память ихъ, съ молитвою объ упокоеніи. Какъ все это трогательно) и, прибавимъ отъ себя, достойно подражательно для нашихъ православно-русскихъ школъ! Далѣе о. юбиляръ говорилъ о томъ, что все украшеніе храма указываетъ на желаніе семьи Института имѣть храмъ свой насколько возможно подобнымъ древнимъ храмамъ русской церкви». Вотъ поистинѣ утѣшеніе любящимъ вѣру и благочестіе предковъ въ наше жалкое время насильственной оторванности отъ исторической истинно-русской жизни!...

Такой же, такъ сказать церковный характеръ имѣли и другія подношенія и привѣтствія юбиляру 24 октября 1899 г.

Такъ отъ ктитора Институтскаго храма поднесена икона св. равноапостольныхъ Константина и Елены, отъ служащихъ 2-й женской гимназіи—икона св. Андрея Критскаго и икона Божіей Матери отъ служившихъ съ о. юбиляромъ о. о. діаконовъ. Кромѣ иконъ юбиляру былъ поднесенъ цѣлый рядъ адресовъ (помимо учебныхъ заведеній) отъ тѣхъ духовнопросвѣтительныхъ учреждений, гдѣ о. Полотебновъ состоялъ (иногда лѣтъ 20 и 25) дѣятельнымъ членомъ: отъ обществъ распространенія Св. Писанія въ Россіи и—любителей духовнаго Просвѣщенія, отъ комиссій по устройству богословскихъ и народныхъ чтеній, и, между прочимъ, отъ бывшихъ учениковъ юбиляра по Виѣанской духовной семинаріи. Въ послѣднемъ адресѣ заслуживаетъ вниманія характеристика учительской дѣятельности о. Полотебнова, когда онъ не носилъ еще духовнаго сана; вотъ между прочимъ что говорилось здѣсь о немъ: «Мы, какъ старые ученики Ваши, свидѣтельствуемъ, что и тогда, когда Вы не имѣли еще священнаго сана, учительство Ваше носило пастырскій характеръ и значеніе. Оно было и истинно таковымъ, не потому только, что подъ Вашимъ руководствомъ мы изучали и псалмы Давида—эти сердечныя воздыханія отъ Духа Святого, и рѣчи пророческія,—эти вдохновенные первообразы пастырской проповѣди, и глаголы жизни вѣчной Самаго Господа нашего Иисуса Христа, въ Которомъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и разума. И книжники и фарисеи время Господа толковали народу писанія пророческія; но эти толкованія не приводили ни народъ, ни ихъ самихъ ко Христу; потому что они привязаны были къ одной лишь мертвой буквѣ писанія и не имѣли въ себѣ духа жизни. Вы же всегда были врагомъ мертвой буквы и сухого формализма. Ваши уроки были дружескими бесѣдами о «единомъ на потребу». Съ пророческою ревностію и несокрушимою силою вставая противъ рационалистическихъ искаженій слова Божія, Вы въ живой, одушевленной, восторженной рѣчи, подъ руководствомъ духоносныхъ святоотческихъ твореній, открывали передъ нами вѣчныя глубины Божественной мудрости, сокрытыя въ Писаніи, учили насъ прозрѣвать въ вѣщаніяхъ его, темныхъ для духовно-слѣпыхъ, тотъ свѣтъ присносущный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, и слышать въ непонятныхъ для душевнаго человѣка глаголахъ его вѣяніе Духа Божія, Божественное дыханіе, все собою согрѣвающее и оживляющее. Не Ваша вина, если не всѣ

мы во всей полнотѣ вмѣщали Ваши уроки; но то несомнѣнно, что во всѣхъ насъ Вы внесли не угасаемую искру любви къ св. Библии. Мы съ нетерпѣніемъ ждали Вашихъ уроковъ, и съ затаеннымъ дыханіемъ слушали Ваши рѣчи. Въ нашихъ отношеніяхъ къ Вашимъ урокамъ было то, что рѣдко встрѣчается въ школьной жизни. Бывало Вы, вмѣсто обычныхъ предъ экзаменомъ сокращеній пройденнаго курса и вычерковъ изъ него, наканунѣ самаго экзамена поздно вечеромъ приносили намъ разныя дополненія, не совсѣмъ разборчиво начерченныя Вами на листкахъ съ приклеенными и пришитыми къ нимъ клочками бумаги. И какъ тогда намъ не приходило на мысль отречься отъ этихъ «сверхдолжныхъ» работъ, такъ и теперь, вспоминая объ этомъ, мы ничего не смѣемъ приписать въ этомъ себѣ. Это—плоды Вашего обаятельнаго вліянія на насъ. Это—невольныя отраженія Вашего собственнаго духа. Это—отзвуки Вашей собственной любви къ Слову Божию... Это—по истинѣ пастырское сѣяніе. Это—пастырство до пастырства)!

То правда конечно, что въ юбилейныхъ подношеніяхъ и привѣтственныхъ рѣчахъ заслуги чествуемыхъ и привѣтствуемыхъ нерѣдко преувеличиваются и представляются иногда односторонне освѣщенными; но это бываетъ тогда, когда похвалы ораторовъ, излагаемыя въ общихъ чертахъ, не имѣютъ для себя фактической обоснованности, когда *слова* хвалителей не подтверждаются *дѣлами* хвалимаго. Сказанное же почитателями и учениками почившаго о. Андрея Григорьевича есть лишь простое обобщеніе того фактическаго матеріала, который указанъ въ предложенномъ нами *curriculum vitae* его,—есть лишь, такъ сказать, сердечное отраженіе того свѣта разума, который свѣтился въ трудахъ его, и въ этомъ смыслѣ, какъ нельзя лучше, характеризуетъ собою нравственную сторону трудовъ о. Андрея Григорьевича; а эта сторона конечно самая важная въ оцѣнкѣ чловѣка, особенно какъ *благого* дѣятеля Вѣры и Церкви. Вотъ почему мы считаемъ не только правильнымъ, а и вполнѣ справедливымъ, не ограничиваясь сказаніемъ объ юбилейныхъ торжествахъ его, въ заключеніе своей памятной записи о почившемъ благомъ дѣятелѣ сказать и о тѣхъ почестяхъ, съ которыми проводили его къ мѣсту вѣчнаго упокоенія и хотя отчасти—въ извлеченіи, воспроизвести тѣ рѣчи, въ которыхъ почитатели его выразили свои чувства къ нему.

О. Андрей Григорьевич скончался раннимъ утромъ 10 октября и въ этотъ же день въ полдень гробъ съ тѣломъ его вынесенъ былъ изъ тѣсной квартиры его въ обширный приходскій храмъ, гдѣ и оставался до 13 числа — дня погребенія. Это перенесеніе сдѣлано было именно потому, что очень ужъ много было въ эти дни желавшпхъ помолиться о почившемъ у гроба его. Въ служеніи паннихидъ, многократно въ теченіе каждаго дня совершавшихся, принимали участіе цѣлыя сонмы священнослужителей съ архипастырями во главѣ. Отпѣваніе о. Андрея Григорьевича совершено было Высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ Митрополитомъ Московскимъ, въ сослуженіи преосвященнаго Трифона еп. Можайскаго и около сорока протоіереевъ и священниковъ; масса народа наполняла и окружала храмъ и провожала тѣло на кладбище (Семеновское), не смотря на крайне ненастную непогоду.

За литургіей—во время причастнаго произнесено было слово о почившемъ свящ. Д. Бѣляевымъ, который характеризовалъ его, какъ истиннаго пастыря церкви Христовой, съ словомъ истины и любви Христовой стремившимся во всѣ движенія и теченія общественной жизни. «Не отрицаніе міра, а признаніе его, не удаленіе отъ міра, а жизнь въ мірѣ, только не по духу міра сего, а по духу истины Христовой, вотъ главная характерная черта покойнаго о. протоіерея», такъ говорилъ между прочимъ проповѣдникъ. По его словамъ, почившій «глубоко и горячо вѣрилъ, что земля есть мѣсто владычества Божія, что Царь на ней—Самъ Богъ, что все, что совершается на ней, совершается по волѣ, силѣ и власти Божіей. А Богъ любовь есть, и потому во всѣхъ явленіяхъ земной жизни, какъ бы они ни были на первый взглядъ страшны и мрачны, всегда есть элементы правды и добра; ибо Христось—Царь міра—грѣху ли служитель? Нужно только найти эти элементы, указать другимъ на нихъ, дать имъ возможность и средства проявиться для всѣхъ, вырасти во всю силу и крѣпость, разцвѣсть во всю красоту. И это первый и самый главный, по мнѣнію покойнаго о. протоіерея, долгъ пастыря церкви». Изображая далѣе, какъ покойный съ честію и достоинствомъ несъ на себѣ этотъ долгъ пастыря, какъ общественнаго дѣятеля въ самомъ высокомъ благородномъ смыслѣ этого названія, проповѣдникъ говорилъ: «Можно смѣло сказать, что, особенно въ послѣдніе три четыре года, не было ни одного общественнаго или церковнаго явленія, которое прошло не замѣтнымъ для

него, въ которомъ бы онъ не принималъ самаго горячаго участія, на которое бы онъ не откликнулся своимъ энергичнымъ и авторитетнымъ словомъ... И въ этой общественной дѣятельности никогда не замѣчалось у покойнаго о. протоіерея какихъ-либо своекорыстныхъ расчетовъ, честолюбивыхъ и тщеславныхъ стремленій и цѣлей. Онъ высоко ставилъ идеаль пастыря Христовой Церкви и, съ достойною глубокаго уваженія и самаго искренняго преклоненія ревностію, старался воплотить этотъ идеаль въ своей жизни. Слово Божіе, истина и правда Христова были для него выше всего и, чтобы указать на эту истину возможно большому числу людей, сдѣлать ее общимъ достояніемъ, дать ей торжество, онъ никогда не щадилъ ни силъ своихъ, ни здоровья. Будучи отъ природы не особенно крѣпкаго здоровья, обремененный и дѣлами пастыря по своему приходу и кропотливыми, часто весьма сложными и запутанными, дѣлами по должности благочиннаго, онъ какъ-то умѣлъ находить время и мѣсто, чтобы явиться провозвѣстникомъ Царства Божія и правды Его предъ возможно большимъ числомъ слушателей». Изобразивъ далѣе въ доказательство этого редакторскую и законоучительскую дѣятельности почившаго, проповѣдникъ такъ заключилъ свою рѣчь о заслугахъ его въ этомъ отношеніи: «А его заслуги по учрежденію и организаціи законоучительскаго отдѣла при Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, по реорганизаціи преподаванія закона Божія въ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, его вновь составленный учебникъ по Закону Божію въ женскихъ гимназіяхъ, о которомъ отъ многихъ, имѣвшихъ возможность первыми уже познакомиться съ нимъ, слышны самыя блестящія и лестныя отзывы, — все такіе труды, которые блестяще характеризуютъ покойнаго о. протоіерея и высоко поставили его имя не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ, какъ свѣтильника истиннаго свѣта, какъ ревностнаго и умнаго проповѣдника Слова Божія».

Кромѣ слова о. Бѣляева въ память почившаго о. Андрея Григорьевича было произнесено еще нѣсколько рѣчей — надъ гробомъ его предъ отпѣваніемъ — мною и надъ могилой — товарищемъ его по образованію И. К. Голубевымъ и въ девятый день — г. Владимірскимъ. Не имѣя возможности привести здѣсь сказанное въ послѣднихъ рѣчахъ, чтобы не повторяться, возьму лишь нѣчто изъ того, что говорено было мной, какъ ученикомъ почившаго.

«Врагъ холодно-методичной медлительности, инстинктивно отвращавшійся соннаго застоя жизни, онъ, казалось, такъ говорилъ я между прочимъ, не могъ жить безъ труда. Жизнь приближалась къ указываемому опытомъ конечному предѣлу своему, а онъ, не въ примѣръ современнымъ юношамъ, ищущимъ покоя прежде дѣла, устали не хотѣлъ знать въ трудахъ своихъ и, какъ будто боясь опоздать, все куда-то спѣшилъ и спѣшилъ... И отъ того, одинъ перечень печатныхъ произведеній почившаго — этихъ всѣмъ видныхъ плодовъ въ ночной тиши кабинета вершившихся трудовъ его займетъ не одну страницу въ лѣтописномъ сказаніи объ его жизни и изъ подобныхъ ему по образованію и положенію найдутся пожалуй даже незнающіе тѣхъ духовно-просвѣтительныхъ обществъ и учреждений, въ которыхъ почившій былъ не только усерднымъ дѣятелемъ, а и руководителемъ дѣятельности». Сказавъ далѣе объ учительской дѣятельности почившаго въ Виѣанской семинаріи тоже, что говорено было мной объ этомъ и раньше—въ адресѣ Андрею Григорьевичу въ день его юбилея, я продолжалъ: «любя истину, онъ цѣнилъ ее внѣ всякаго значенія ея въ практическомъ отношеніи и, будучи самъ крайне непритязательнымъ въ своихъ житейскихъ потребностяхъ, и насъ училъ тому же. Весь и постоянно полный самыхъ широкихъ начинаній и предприятий, подчасъ даже несбыточныхъ и мечтательныхъ, онъ этой идейной мечтательностью своей и обаялъ насъ и увлекалъ и мы готовы были идти за нимъ на трудъ, какъ за своимъ вождемъ и руководителемъ. Не правда ли, какъ все это не похоже на то, что такъ часто мы видимъ нынѣ, когда не только юноши, а и отроки, стремясь принять участіе въ такъ называемомъ освободительномъ движеніи, встаютъ за свои права и привилегіи и во имя ихъ уклоняются отъ труда и не только бѣгутъ на улицу, а и въ самомъ храмѣ науки дѣлаютъ улицу со всѣми ея безобразіями!

«Но не въ этомъ одномъ неустанномъ трудѣ во имя движенія впередъ было величіе и обаятельная сила этого вождя своихъ учениковъ и сотрудниковъ, а въ томъ, что, направляясь въ своей жизнедѣятельности постоянно впередъ, онъ не забывалъ и не разрушалъ отъ отцовъ завѣщаннаго, а хранилъ это старое, какъ незыблемую основу новаго. Въ его новизнахъ всегда старина слышалась. Такимъ хранителемъ отеческихъ преданій почившій былъ не въ послѣднее только время — не во дни

только старости, которой такъ свойственно любить все прежнее, а и въ дни своей молодости, когда на примѣръ онъ былъ моимъ учителемъ, и я, какъ сейчасъ, вижу его предъ собою еще молодого, бывшаго весь порывъ и стремленіе впередъ, окруженнымъ фоліантами святоотеческихъ твореній, изъ которыхъ и самъ почерпалъ и насъ училъ почерпнуть свѣтъ разума. Не забуду никогда, какъ наряду и одновременно съ своимъ научнымъ трудомъ по исторіи современной отрицательной критики Евангелій и Евангельской исторіи, онъ занимался собираніемъ святоотеческихъ свидѣтельствъ о важности чтенія Св. Библии и приготовлялъ къ печати (въ переводѣ съ латинскаго языка) академическія лекціи приснопамятнаго святителя Филарета, котораго онъ такъ чтилъ, какъ Богомъ посланнаго учителя Боговѣднія. И что особенно достойно было вниманія въ этихъ кропотливыхъ работахъ его надъ старинными фоліантами и иноязычною ученостію, такъ это-то, что они не сдѣлали его сухимъ формалистомъ и мрачнымъ мизантропомъ. Онъ всегда былъ жизнерадостнымъ и полнымъ любви. Неложнымъ свидѣтелемъ и нестарѣющимъ памятникомъ этой любвеобильной и жизнерадостной настроенности его служить всѣмъ вамъ хорошо конечно извѣстный журналъ его «Радость христіанина при чтеніи Св. Библии», какъ Слова жизни — это праздничное періодическое изданіе, въ которомъ онъ отъ богооткровенныхъ и святоотеческихъ щедротъ собиралъ духовныя утѣшенія всѣмъ «скорбящимъ и озлобленнымъ». Любовь уяснить и любви научить конечно имѣлъ онъ въ виду и въ своемъ истолковательномъ трудѣ о соборныхъ посланіяхъ Апостола любви, св. Іоанна Богослова. То именно и прекрасно было въ почившемъ учителѣ, что онъ умѣлъ соединить въ себѣ постоянную и, можно сказать, бурную, какъ грозныя рѣчи пр. Іліи, стремительность впередъ и тихую, какъ дыханіе хлада тонка, нѣжность сердца. Поистинѣ въ этомъ отношеніи онъ въ мѣру своихъ силъ, былъ и стремился быть достойнымъ того возлюбленнаго ученика Господа Иисуса, который Имъ названъ былъ «сыномъ грома» и послѣ сталъ «Апостоломъ любви»...

«Прими же отъ меня, приснопамятный отче, и чрезъ меня отъ всѣхъ учениковъ твоихъ, земной поклонъ за все то доброе, что далъ ты намъ и словомъ и дѣломъ, и, какъ Ілія послалъ ученику своему Елисею милоть свою, въ знакъ благодати Божіей къ продолженію св. дѣла его, испроси у Господа славы и

намъ—твоимъ ученикамъ и почитателямъ благодать и силу къ неустаннымъ трудамъ, къ храненію завѣтовъ отеческихъ, къ бодрости духа и жизнерадостному настроенію сердечному; а мы не перестанемъ, пока бьется сердце въ груди нашей, молиться о тебѣ, да проститъ милосердый тебѣ всѣ согрѣшенія твои и вселитъ тебя въ селеніяхъ праведныхъ!... Этими словами заключилъ я свою надгробную рѣчь о почившемъ учителѣ своемъ, какъ благомъ дѣятелѣ церкви въ пастырствѣ и учительствѣ; ими же закончу и свое настоящее воспоминаніе.

Прот. І. Соловьевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Фридрихъ Ницше «*Антихристъ*» въ *новѣйшей фило-
софіи*. *Лоренцъ Фишеръ. Переводъ Воскресенскаго.*
Шацкъ. 1905 г.

Въ книгѣ Лоренца Фишера разбираются воззрѣнія Ницше съ христіанской точки зрѣнія. Основой для этого разбора служить довольно подробное изложеніе этихъ воззрѣній, которому предшествуетъ біографическій очеркъ. Въ этомъ послѣднемъ интересно то обстоятельство, что Ницше и съ материнской и съ отцовой стороны происходилъ изъ духовной среды: отецъ его былъ пасторомъ, мать тоже дочь пастора. Дѣтство, за ранней смертью отца, онъ провелъ подъ женскимъ руководствомъ матери и тетки. Это содѣйствовало тому, что онъ получилъ доброе религіозное воспитаніе. Онъ былъ прекраснымъ музыкантомъ и заявилъ свое творчество въ этой области еще въ раннемъ дѣтствѣ и юношествѣ, и замѣчательно, что это были все вещи на религіозныя темы. Но уже въ послѣдніе годы пребыванія въ гимназій, когда онъ много занимался самообразованіемъ, въ одной изъ своихъ замѣтокъ онъ выражалъ уже полное сомнѣніе въ истинахъ христіанства. Въ Боннскомъ университетѣ, поступивъ сначала по желанію родственниковъ на богословскій факультетъ, онъ скоро покинулъ его, не чувствуя симпатій къ богословію. Въ дальнѣйшей своей дѣятельности онъ все дальше и дальше уходилъ отъ христіанскаго сознанія, пока наконецъ не сталъ ожесточеннымъ врагомъ христіанства. Замѣчательно, что какъ въ вопросѣ національномъ Ницше не признавалъ себя за нѣмца и презиралъ все нѣмецкое, такъ и въ области религіи онъ отдавалъ предпочтеніе католицизму, считая протестантизмъ грубѣйшей ошибкой, гдѣ сложное замѣняется простымъ. Извѣстенъ конецъ этого несчастнаго писателя: онъ сошелъ съ ума и скончался лишь послѣ многолѣтняго умопомѣшательства.

Въ самомъ міросозерцаніи Ницше Фишеръ различаетъ четыре періода. А) Ницше какъ философъ - эстетикъ; в) Ницше—раціоналистъ-вольнодумецъ; с) Ницше—пророкъ о сверхчеловѣкѣ; d) Ницше—антихристъ. Въ первый періодъ Ницше, недовольный всеобщимъ измелъчаніемъ и опошленіемъ, надѣялся въ красотѣ найти исцѣленіе отъ этого недуга: искусство—есть то, что возвышаетъ человѣка, возрожденіе греческаго трагическаго искусства у нѣмцевъ необходимо для проведенія лучшей культуры. Но эта точка зрѣнія слишкомъ фантастична и слишкомъ противорѣчитъ дѣйствительности въ ея ближайшемъ проявленіи, чтобы на ней остановиться надолго. И дѣйствительно Ницше скоро приходитъ къ заключенію, что такъ какъ искусство покоится на чувствѣ, а выше чувствъ стоитъ разумъ, то въ наукѣ спасеніе человѣка: нѣтъ слаще меда, чѣмъ медъ познанія. Здѣсь онъ наиболѣе приближается къ позитивной точкѣ зрѣнія и въ эту пору онъ окончательно разрываетъ связи съ религіей: древній Богъ мертвъ. Но односторонность этого идеала скоро увидѣлъ самъ Ницше. Тогда онъ призналъ основной стороной человѣческой души—волю. Напряженіе воли, дѣятельность—вотъ призваніе человѣка. Онъ долженъ стремиться стать выше самого себя. Не морали рабовъ, гдѣ главную роль играетъ покорность, долженъ онъ держаться, а морали господъ, гордо считая хорошимъ то, что ему кажется таковымъ. Человѣкъ долженъ хотѣть быть сверхчеловѣкомъ и тогда онъ уйдетъ отъ того упадка, который иначе грозитъ ему. Отсюда уже ясно, какъ Ницше могъ стать настоящимъ врагомъ христіанства. Въ его идеалѣ все противоположно христіанству; ни смиреніе, ни состраданіе въ его глазахъ не имѣютъ цѣны и вотъ почему онъ теперь обрушивается на христіанство, считая, что оно сдѣлало идеалъ изъ противорѣчія инстинкту сохраненія жизни. И конечно, если высочайшій идеалъ возвышеніе власти въ человѣкѣ, то христіанскія идеи могутъ тутъ быть только помѣхой. Въ общемъ всѣ различные періоды въ творчествѣ Ницше, какъ мы видимъ, объединяетъ одно стремленіе къ лучшей, высшей культурѣ: посредствомъ какого идеала поднять человечество надъ мнимой дѣйствительностью? И окончательно этотъ вопросъ нашель у Ницше противохристіанское рѣшеніе.

Фишеръ внимательно слѣдитъ за всѣми этими перипетіями взглядовъ Ницше и старается детально подчеркнуть ихъ нелогичность и противорѣчивость. Быть можетъ, эта критика не всегда бываетъ удачна въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, но въ цѣломъ онъ вѣрно подчеркиваетъ внутреннюю несостоятельность воззрѣній Ницше. Такъ напри-

мѣръ тотъ же Ницше, который недоволенъ упадкомъ современнаго человѣчества, говорить о появленіи сверхчеловѣка, какъ о чемъ-то необходимо вытекающемъ изъ постепенной міровой эволюціи: какъ изъ обезьяны развивается человѣкъ, такъ и изъ человѣка долженъ развиваться сверхчеловѣкъ; но какое же значеніе имѣеть тогда то явленіе, что теперешній человѣкъ является все болѣе и болѣе мелкимъ сравнительно со своими предшественниками? Нечего далѣе и говорить, въ какія погрѣбности впадаетъ Ницше, когда называетъ христіанство религіей рабовъ. Развѣ не мало было истинныхъ христіанъ съ самаго начала его существованія въ средѣ сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ? До чего онъ доходитъ въ своемъ пристрастномъ отношеніи къ христіанству, достаточно говорить то обстоятельство, что всѣ злые плоды революцій съ ихъ отвлеченными идеями свободы и равенства онъ приписываетъ христіанству.

Книга написана яснымъ и легкимъ языкомъ и переводъ сдѣланъ весьма удовлетворительно. Для православнаго читателя она можетъ служить хорошимъ пособіемъ для первоначальнаго знакомства съ ученіемъ стяжавшаго себѣ такую громкую извѣстность философа, и для оцѣнки его переоцѣнокъ.

И. С.

Учено-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіевской духовной академіи LVI и LVII курсовъ (1903—1904 г. г.) Вып. I. Кіевъ 1904 г. 2+454+1 стр. Вып. II. Кіевъ 1905 г. VI+590 стр.

Эти два выпуска, печатанные на проценты съ капитала, пожертвованнаго архіепископомъ Херсонскимъ Димитріемъ (Ковальницкимъ), бывшимъ ректоромъ Кіевской академіи, являются какъ бы продолженіемъ «опытовъ упражненій студентовъ», издававшихся Академіей въ 1824—39 годахъ. Съ глубокой благодарностію къ преосвященному благотворителю любители духовнаго просвѣщенія должны конечно встрѣтить возстановленіе этого стараго обычая. Служба показателемъ научной дѣятельности и вообще умственной жизни Академіи, такіе опыты могутъ въ нѣкоторомъ отношеніи даже способствовать усилению и возвышенію этой жизни. До сего времени всѣ студенческія сочиненія, доставлявшія имъ первую ученую степень кандидата богословія,

хранились въ архивахъ академіи, никому невѣдомыми и пользы никому не приносящими. Въ печати появлялись лишь или тѣ, которыя въ переработанномъ видѣ представлялись на соисканіе магистерской степени, или тѣ, авторы которыхъ сами заботились объ этомъ, оставляя для этого у себя копіи ихъ, и которыя не всегда были самыми лучшими, а это могло давать даже ложное представленіе о положеніи дѣла. Теперь этого не должно быть и, привѣтствуя Кіевскій починъ, мы можемъ только пожелать, чтобы примѣру Кіевской академіи послѣдовали и другія. Пожеланіе это тѣмъ законнѣе, что, судя по вышедшимъ двумъ выпускамъ учебно-богословскихъ и церковно-проповѣдническихъ опытовъ студентовъ Кіевской академіи, они могутъ имѣть и нѣкоторый церковно-общественный интересъ; потому что въ этихъ выпускахъ на ряду съ сочиненіями, неимѣющими непосредственного отношенія къ этой жизни, встрѣчаются и такія, которыя по самымъ предметамъ своимъ могутъ быть общентересными и даже пожалуй практически полезными...

Ближайшее разсмотрѣніе вышедшихъ первыхъ двухъ выпусковъ студенческихъ «опытовъ Кіевской академіи» можетъ не только разъяснить нашу мысль, а и подтвердить ее.

На первомъ мѣстѣ перваго выпуска помѣщено извлеченіе изъ сочиненія ст. Митрофана Дѣвицкаго: *Przestroga prawowiercim*. Представленное въ немъ научное историко-критическое обслѣдованіе малоизвѣстнаго рукописнаго польскаго сочиненія второй половины XVII столѣтія (точноѣ 1678—1684 г. г.) іеромонаха Зосимы Сосныкевича подъ приведеннымъ заглавіемъ (стр. 3—30) конечно можетъ быть интересно развѣ только для ученаго спеціалиста, но не для обыкновеннаго читателя. За то уже слѣдующее извлеченіе изъ сочиненія студ. Антона Кактыня на тему: «Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичествѣ и протестанствѣ» (стр. 31—93) прямо можетъ и должно заинтересовать собою всякаго и неспеціалиста дѣла, но дорожащаго интересами православной духовной школы, въ виду всюду заявленнаго требованія о реформѣ этой школы, какъ приготовляющей къ пастырскому служенію, и ряда проэктвовъ этой реформы. Прислушаться хоть маленько къ тому, какъ поставлено это дѣло въ католичествѣ и протестанствѣ, прямо такъ не бесполезно.

Еще большій, можетъ быть, интересъ должно представить собою стоящее на 3-мъ мѣстѣ сочиненіе студ. Вячеслава Богдановича: «Отраженіе эпохи 60-хъ годовъ въ русской церковной проповѣди» (стр. 95—321). Въ оправданіе такого заключенія предложимъ краткое обзорѣніе его содержанія.

Все сочиненіе распадается на 5 главъ. Въ первой авторъ даетъ очеркъ общественнаго движенія эпохи 60-хъ годовъ,

на основаніи сочиненій тогдашнихъ критиковъ-публицистовъ (Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго и полемизировавшаго съ ними проф. Юркевича). «Общее критическое отношеніе къ современной жизни тогдашняго общества, говоритъ авторъ, не могло не коснуться и жизни церковной. Гражданскія реформы того времени пробудили сознаніе необходимости реформы и въ области церковной жизни. Вниманіе общества къ церковнымъ вопросамъ возбудило и вниманіе правительства. Поднято было много вопросовъ, касающихся матеріальнаго положенія духовенства, духовнаго образованія и церковнаго управленія... Все это дѣйствовало оживляющимъ образомъ и на церковную проповѣдь, которая есть живой голосъ церкви къ ея членамъ».

Во второй главѣ характеризуется вліяніе духа времени на церковную проповѣдь тогдашней эпохи, сказавшееся въ приближеніи ея къ современности и въ приданіи публицистическаго оттѣнка какъ по самому содержанію, такъ и по самой разработкѣ темъ (во многихъ случаяхъ при помощи чисто-научныхъ приемовъ и нерѣдко безъ соблюденія гомилетическихъ правилъ). Общественное настроеніе того времени выразилось, между прочимъ, въ томъ, что всѣ отдѣльныя отрасли литературы, какъ научной, такъ и изящной, а равно и журналистики, приняли публицистическій характеръ. Тоже случилось въ извѣстной степени и съ проповѣдью. Во имя практической общественной дѣятельности она, несмотря даже на внѣшнія препятствія въ видѣ строгостей тогдашней цензуры, стала быстро освобождаться отъ стараго стѣснительнаго положенія, вошла въ жизнь и стала обсуждать общественные вопросы. Такимъ образомъ въ это время явилась, быстро развилась и получила вскорѣ широкое распространеніе *публицистическая проповѣдь*. Публицистическій характеръ новаго типа церковной проповѣди отразился не только на предметѣ ея, но и на всемъ ея внѣшнемъ строѣ, на формѣ и языкѣ. Требованіе свободного живого современнаго слова не могло примириться съ старыми риторическими формами проповѣди и ея слишкомъ строгимъ языкомъ. Для свободного живого слова оказались стѣснительными узкія рамки гомилетическихъ правилъ построенія проповѣдей... «Отцомъ публицистической проповѣди, говоритъ авторъ, слѣдуетъ считать преосвященнаго Іоанна Смоленскаго. По его примѣру выступили на общественную дѣятельность съ публицистической проповѣдью протоіерей Алексій Ключаревъ (впослѣдствіи Амвросій, архіепископъ Харьковскій), протоіерей Александръ Ивановъ-Платоновъ, Никаноръ, архіепископъ Херсонскій (тогда еще архимандритъ), протоіерей Іоаннъ Янышевъ и нѣкоторые другіе, менѣе извѣстные проповѣдники.

Въ третьей главѣ авторъ обрисовываетъ отношеніе проповѣдниковъ 60-хъ годовъ къ современнымъ реформамъ и развитію общественной жизни вообще. «Въ началѣ эпохи (говоритъ авторъ), когда темныя стороны новыхъ вѣяній еще не успѣли обнаружиться, а положительныя ихъ стороны подавали большія надежды и представляли воображенію возможность рисовать какія угодно широкія перспективы, мы видимъ болѣе сочувственное отношеніе проповѣдниковъ къ новымъ идеямъ и ихъ осуществленію; иногда это сочувствіе выражается въ довольно восторженныхъ привѣтствіяхъ. Но вмѣстѣ съ постепеннымъ обнаруженіемъ темныхъ сторонъ новаго направленія, все чаще и чаще звучитъ въ современныхъ проповѣдяхъ грустный тонъ разочарованія и сильнѣе, и грознѣе слышатся обличенія. Въ концѣ эпохи мы почти уже не слышимъ въ проповѣди сочувствія обществу и его стремленіямъ, но за то слышимъ много обличеній, предупрежденій и угрозъ.

Въ четвертой главѣ авторъ прослѣживаетъ умственную жизнь русскаго общества 60-хъ годовъ по современнымъ проповѣдямъ, а въ пятой главѣ—ученіе о нравственности и нравственную жизнь общества 60-хъ годовъ по тѣмъ же проповѣдямъ. Характеръ церковно-общественной жизни въ эпоху 60-хъ годовъ (говоритъ въ заключеніе авторъ), насколько онъ выразился въ современной ей церковной проповѣди, невольно наводитъ на размышленіе о томъ значеніи, какое имѣетъ живое проповѣдническое слово въ жизни государства и церкви вообще и, въ частности, въ разсматриваемую эпоху. Какъ живой голосъ церкви, проповѣдь служитъ самымъ яркимъ выраженіемъ того духовнаго руководительства, которое беретъ на себя церковь по отношенію къ государству, къ народу. Это руководительство болѣе всего замѣтно въ эпохи особеннаго подъема государственной и общественной жизни народа, а также въ мрачныя годы народной жизни, когда для шатающагося организма государственнаго и общественнаго потребность въ твердой поддержкѣ чувствуется болѣе, чѣмъ когда либо. Дѣятельность пастырей, какъ представителей церкви, дотолъ часто невидная, незамѣтная, или видная только «по дыму и копоти», какъ выражается преосвященный Никаноръ, теперь выступаетъ во всей силѣ и «блеститъ яркими искрами во мракѣ ночи».

За сочиненіемъ Богдановича идетъ извлеченіе изъ сочиненія студ. Вячеслава Бычковскаго: «Проповѣди покойнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго». (323—349). Этотъ не большой этюдъ имѣетъ своей задачей дать характеристику проповѣдей покойнаго оратора, который и по времени своего служенія и по характеру своей проповѣднической

дѣятельности принадлежить къ числу проповѣдниковъ, послужившихъ матеріаломъ для сочиненія студ. Богдановича. Въ этомъ смыслѣ помѣщеніе этого отрывка вслѣдъ за сочиненіемъ послѣдняго особенно интересно, между прочимъ, и потому, что, предлагая характеристику проповѣдей преосвященнаго Амвросія, въ общемъ вполне вѣрную, авторъ счелъ нужнымъ доказать и разъяснить несправедливость названія такихъ проповѣдей публицистическими, какъ они на ряду съ проповѣдями еп. Іоанна, Никонора и др. названы въ сочиненіи Богдановича. «Съ именемъ покойнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго, такъ начинается студ. Вычковскій свое сочиненіе, обыкновенно связывается названіе его не только проповѣдникомъ, но и проповѣдникомъ «публицистомъ», а его проповѣдей «публицистическими». Страннымъ представляется автору такое названіе церковной проповѣди и ея творцовъ, а по отношенію къ проповѣди преосвященнаго Амвросія и неправильнымъ». Далѣе черезъ нѣсколько строкъ авторъ говоритъ еще рѣшительнѣе: «проповѣдь и публицистика—два понятія, несомнѣстимыя между собою... Правда на первый взглядъ такое рѣзкое противорѣчіе этихъ словъ тому, что говорилось въ предыдущемъ сочиненіи, даже непріятно рѣжетъ ухо; но оно свидѣтельствуетъ лишь о самостоятельности авторовъ и 2) поправляя собою неточность рѣчи предшественника, лишь глубже разъясняетъ дѣло...

Послѣднимъ въ сборникѣ помѣщено извлеченіе изъ сочиненія студента Θεодора Власова: «Домострой, какъ памятникъ литературы». Въ сборникѣ помѣщены лишь 2 и 3 главы сочиненія. Во второй главѣ авторъ изслѣдуетъ данныя для изученія Домостроя,—его списки и редакціи, а въ 3 главѣ разсматриваетъ вопросы объ авторѣ, времени и мѣстѣ написанія Домостроя. Рѣшая эти вопросы, онъ приходитъ къ тому заключенію, что Домострой былъ написанъ Благовѣщенскимъ протопопомъ Сильвестромъ, въ Москвѣ, между 1547—1550 годами. Въ изслѣдованіи нѣтъ ничего новаго, неизвѣстнаго раньше, но оно заслуживаетъ вниманія потому, что ведено обстоятельно и добросовѣстно.

Во второмъ выпускѣ помѣщены слѣдующія четыре сочиненія: Сергѣя Переверзева — «Идея Богочеловѣчества въ богословско-философской системѣ Вл. Соловьева», (стр. 1—131), Германа Ивановскаго — «Любовь къ Богу и ближнему, какъ начало и конецъ всей добродѣтельной жизни, по ученію древнегреческихъ церковныхъ писателей» (стр. 135—234), Тихона Попова — «Библейскія данныя о различныхъ болѣзняхъ и ихъ врачеваніи, въ связи съ общимъ характеромъ

библейско-еврейскаго міросозерцанія» (стр. 235—450) и Николая Онтлика—«Соціальное значеніе христіанства по ученію Θ. М. Достоевскаго» (стр. 451—564).

Всѣ только-что названныя сочиненія отличаются обстоятельностью изслѣдованія, удобопонятностью изложенія и, какъ видитъ читатель по самымъ заглавіямъ ихъ, близкимъ отношеніемъ къ вопросамъ современной жизни. Рамки библиографической замѣтки не позволяютъ намъ распространяться о ихъ содержаніи. Отмѣтимъ лишь слѣдующее: особенной стройностью изложенія и логическимъ развитіемъ темы отличается сочиненіе г. Переверзева; въ изслѣдованіи г. Попова замѣтно его обширное, специальное, соотвѣтственное темѣ, знакомство какъ съ вопросами библейской медицины, такъ и съ возрѣніями современныхъ представителей клинической медицины; читатели Вѣры и Церкви могутъ составить болѣе живое представленіе о содержаніи этого сочиненія, если припомнятъ печатавшееся на страницахъ нашего журнала изслѣдованіе д-ра Недзвѣцкаго: «Библейская гигиена и макробиотика» (1902, кн. 1—5), на которое въ сочиненіи г. Попова есть даже ссылки. Сочиненіе г. Онтлика кажется нѣсколько растянутымъ вслѣдствіе многократныхъ обширныхъ цитатій изъ Достоевскаго, что, по всей вѣроятности, и заставило редакцію выпускать допустить въ его трудѣ, (какъ объ этомъ заявлено въ предисловіи) «значительныя сокращенія».

Въ концѣ cadaго выпуска помѣщено по четыре проповѣди.

Л. Денисовъ.

Профессоръ Т. Буткевичъ. *О вѣротерпимости въ Россіи.* Харьковъ. 1905 г. 42 стр.

Это—отдѣльный оттискъ доклада, прочитаннаго проф. протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ въ Харьковскомъ отдѣленіи «Русскаго Собранія». Судя по выставленной въ концѣ его даты (22 марта 1905 г.), онъ былъ прочтенъ еще до объявленія акта о вѣротерпимости 17 апрѣля текущаго года; тѣмъ дороже поэтому его выводы и заключенія, какъ сдѣланныя внѣ какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяній. Авторъ доклада разсматриваетъ здѣсь отношеніе русской государственной власти и народа къ католикамъ, протестантамъ, раскольникамъ и сектантамъ съ X столѣтія до

настоящаго времени и считаетъ возможнымъ именовать это отношеніе въ собственномъ смыслѣ *втротерпимымъ*; потому что, какъ говорятъ историческіе факты, государственная власть находила и прежде нужнымъ примѣнять репрессивныя мѣры лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда со стороны инославія или сектанства видѣла угрозу политическому спокойствію и порядку страны. И это отношеніе власти къ разномыслящимъ въ вѣрѣ, какъ бы мы его не квалифицировали, въ существѣ дѣла правильное, и не зависимо отъ чисто-церковныхъ взглядовъ на ересь и расколъ, едва-ли можетъ быть отмѣнено даже при провозглашеніи полной свободы совѣсти, такъ какъ является одной изъ гарантій цѣлости государства и спокойствія гражданъ. Не вдаваясь въ детальное разсмотрѣніе доклада прот. Буткевича, мы замѣтимъ только, что съ нѣкоторыми частными мнѣніями, или утвержденіями его мы не можемъ согласиться; таковы напримѣръ, мнѣнія о. Буткевича о томъ, будто православная церковь «всегда оставалась вѣрною древнѣйшимъ, т. е., апостольскимъ обрядамъ» и будто «раскольническіе обряды появились только въ 17 вѣкѣ».

* * *

М. В. Преображенскій. *Церковная реформа.* СПб.
1905 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Этотъ огромный томъ (въ 580 страницъ большого формата при убористой печати) отвѣчаетъ самой живой нуждѣ и удовлетворяетъ ее вполне удачно. Манія реформаторства не оставила въ покоѣ и церкви, для которой зываютъ о реформахъ извнѣ и внутри. Хорошо или дурно это,—пока не будемъ предрѣшать, а несомнѣнно лишь одно, что нужно каждому лицу церкви сознательно разобраться въ этомъ вопросѣ неизмѣримой важности. Само собою понятно, что наилучшимъ средствомъ для сего является строгая оцѣнка высказанныхъ по данному предмету голосовъ. Этой именно цѣли и служить разсматриваемый сборникъ. Въ немъ объединены всѣ мнѣнія печати о церковной реформѣ, появившіяся до іюня мѣсяца. Они приводятся большею частію полностью, рѣже съ купюрами и только по исключенію въ близкомъ пересказѣ. Достоинство труда и въ томъ, что коллекторъ ведетъ дѣло со строжайшею объективностію и не подгоняетъ матеріала къ своей точкѣ зрѣнія. Статьи располагаются хронологически,—нелегко было размѣстить иначе по самому характеру и по срочности работы; да есть при этомъ и нѣкоторая выго-

да, что читатель можетъ наблюдать развитие вопроса во всей исторической преемственности. Однако для облегченія справокъ было бы крайне полезно присоединить къ «алфавитному указателю личныхъ именъ», не столь необходимому, еще указатель систематическій, т. е. обсужденныхъ въ сборникѣ предметовъ.

Во всякомъ случай книга и въ настоящемъ видѣ достойна серьезнаго вниманія и широкаго распространенія. Желая ей добраго успѣха и плодотворнаго дѣйствія, будемъ ожидать продолженій, которыя обѣщаетъ неутомимый и компетентный собиратель.

Н. Е. Реформато—ръ.

Протоіерей Н. Русановъ. *Церковная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ, изложенная по жизнеописаніямъ великихъ свѣтильниковъ православія. Бесплатное приложеніе къ журналу «Миссіонерское Обозрѣніе».* СПБ. 1905 г. 4+176 стр.

Книга протоіерея Русанова разбита на 48 главъ. Сорокъ шесть изъ нихъ (за вычетомъ первой—вступительной и 48-ой заключительной) заняты краткими жизнеописаніями св. мужей съ присоединенными къ нимъ нравственными сентенціями и обобщеніями.

Мало занимательнаго находимъ мы въ этой книгѣ, которая никакъ не можетъ научить *церковной исторіи* того, кто ея не знаетъ. Самое заглавіе ея не соотвѣтствуетъ содержанию и способно возбудить ложное ожиданіе. Это лишь—«пастырскія поученія, изложенныя по жизнеописаніямъ великихъ свѣтильниковъ православія» и могущія служить назидательнымъ чтеніемъ для простаго народа. Лишенные претенціознаго заголовка, эти поученія, благодаря приведеннымъ въ нихъ примѣрамъ изъ жизни св. мужей, быть можетъ, помогутъ читателямъ или слушателямъ яснѣе усвоить правила христіанской нравственности, согласно извѣстному присловью: *exempla trahunt*.

Слово плоть бысть *Священная исторія Новаго Завета. Текстъ иллюстрированный. Д-на Н. Кедрова. Москва 1905 г.*

Книга, заглавіе которой мы выписали, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію особаго вниманія родителей и законоучителей. «Въ книжкѣ излагается Новозавѣтная исторія въ объемѣ общаго курса средней школы», такъ говоритъ составитель въ началѣ тѣхъ нѣсколькихъ строкъ, которыми вмѣсто предисловія онъ предваряетъ свой трудъ. Въ этихъ словахъ вмѣстѣ съ примѣчаніемъ заголовка, что «текстъ иллюстрированный», указано, что книжка назначена для дѣтей средняго возраста. Но этимъ можно сказать и ограничивается все сходство ея съ большинствомъ тѣхъ священныхъ исторій Новаго Завета, которыя въ такомъ обилии имѣются у насъ въ качествѣ учебныхъ руководствъ и пособій по этому предмету. Такъ она не похожа на нихъ тѣмъ, что предлагається въ ней изъ Новозавѣтной исторіи въ объемѣ общаго курса средней школы; не только содержаніе текста подъ общепринятыми заглавіями частей книги существенно отлично частію въ самыхъ предметахъ содержанія и частію—большею въ характерѣ ихъ изложенія отъ указаннаго нами большинства священныхъ исторій, а и самые рисунки, которыми къ сожалѣнію, не такъ щедро, какъ бы желалось, снабжена книга, совсѣмъ необычныя въ книжкахъ такого рода.

Начну съ этого послѣдняго—съ рисунковъ. Въ книгѣ нѣтъ рисунковъ, изображающихъ евангельскія событія или отдѣльныя лица этихъ событій, какія обыкновенно помѣщаются въ священныхъ исторіяхъ для дѣтей и какія дѣти и безъ этихъ «исторій» часто видятъ и на иконахъ, и на стѣнописи нашихъ храмовъ и т. п. Вмѣсто этого въ книжкѣ о. Кедрова цинкографически, но чисто, изображены: Иерусалимскій храмъ во время Иисуса Христа (съ модели Д-ра Шика), пещера Рождества Христова въ настоящее время, сикль серебряный, Палестина во время Иисуса Христа, свитокъ закона, сандаліи, статиръ, пещера Лазаря, восточныя ворота, чрезъ которыя по преданію шествовалъ Иисусъ Христосъ, динарій Гиверія, филактерія, свѣтильникъ, Иерусалимъ и его окрестности времени Иисуса Христа, римскій бичъ, терновникъ, гробъ Господень въ настоящее время. Какъ видитъ читатель, все это необычныя или малоупотребительныя въ священныхъ исторіяхъ рисунки, но въ тоже время такъ важныя для болѣе живого и нагляднаго представленія дѣтьми предлагаемаго въ книжкѣ содержанія и именно въ его согласномъ съ исторической дѣйствитель-

ностию видѣ. Одно, повторяю, жалко, что такихъ рисунковъ въ книгѣ мало; между тѣмъ, благодаря широко и прочно въ научномъ отношеніи поставленнымъ археологическимъ изысканіямъ въ Палестинѣ за послѣднія десятилѣтія, такъ легко было собрать такихъ, точно проверенныхъ и для живости и исторической правильности представленія описываемаго важныхъ, рисунковъ, въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ сколько ихъ дано въ книжкѣ.

Впрочемъ недостающее въ указанномъ отношеніи въ рисункахъ, опять не въ примѣръ другимъ священнымъ исторіямъ («объема общаго курса средней школы»), восполняется и при томъ еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ въ рисункахъ, въ самомъ текстѣ книжки, о чемъ составитель въ томъ же вмѣстопредисловіи говоритъ, что въ ней «попутно сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о святой землѣ и о той народной средѣ, въ которой явился Спаситель міра, поскольку эти свѣдѣнія служатъ поясненіемъ Евангельскаго повѣствованія». Свѣдѣнія эти—географическія, касающіяся внѣшняго положенія и климатическихъ условій, растительности и другихъ особенностей Палестинской природы, объясняющихъ собою разныя часто мелкія, но бросающіяся въ глаза, подробности евангельскихъ разказовъ,—этнографическія и бытовыя—о распредѣленіи и положеніи населенія Палестины въ расовомъ и политическомъ отношеніи, о характерѣ и родѣ занятій его въ разныхъ мѣстахъ, объ устройствѣ еврейскихъ домовъ и такъ или иначе упоминаемой въ евангеліяхъ внѣшней обстановкѣ жизни жителей Палестины времени Иисуса Христа, и, что особенно важно, объясняющія внутренній—духовный обликъ той народной среды, въ которой явился «Спаситель міра»,—ея религіозныя и неразрывныя часто съ нимъ политическія вѣрованія и чаянія (въ партіяхъ фарисеевъ, саддукеевъ, иродіанъ и др.). Всѣ такого рода свѣдѣнія сообщаются конечно и въ другихъ подобныхъ же книжкахъ, но тамъ они предлагаются по большей части или въ особомъ приложеніи, или въ примѣчаніяхъ, вообще являются чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ самаго текста, объективно-внѣшнимъ и такими же являются по самому характеру своего содержанія. Есть и въ книжкѣ о Кедрова такія пояснительныя свѣдѣнія выдѣленные (путемъ напечатанія мелкимъ шрифтомъ) изъ текста, но это въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣдѣнія эти, по обширности ли своей или почему либо другому, слишкомъ нарушали бы собою естественное теченіе разказа и слишкомъ отвлекали бы читателя отъ главной мысли разказа. Какъ же скоро нѣтъ мѣста такимъ опасеніямъ, свѣдѣнія эти вводятся въ самый текстъ повѣствованія и въ самомъ изложеніи принаравляются къ нему, не только способствуя уясненію затрогиваемаго въ нихъ предмета, а и давая собою поводъ сдѣлать самое это объясненіе.

Для наглядности представленія дѣла приведу исторію о чудесной уплатѣ священной подати по тексту разсматриваемой книжки. «Однажды Іисусъ Христосъ пришелъ въ Капернаумъ въ то время, когда тамъ собирали подать на храмъ. Каждый еврей былъ обязанъ ежегодно вносить въ сокровищницу храма полсикля. Подать эта принималась исключительно еврейскою монетою, сиклемъ, который можно было приобрести у сборщиковъ подати, уплативъ его стоимость ходячею монетою. Сборщики въ Капернаумѣ, узнавъ о прибытіи Іисуса Христа въ городъ, обратились къ Петру съ вопросомъ, не дастъ ли ихъ Учитель двухъ драхмъ ¹⁾. Петръ отвѣчалъ утвердительно и пошелъ сказать объ этомъ Господу. Какъ только онъ пришелъ, Іисусъ Христосъ предупредилъ его вопросомъ: съ кого, по его мнѣнію, земные цари берутъ подать, съ собственныхъ ли сыновей, или съ подданныхъ? Когда Петръ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, подать берется только съ подданныхъ, Іисусъ Христосъ сказалъ: «такъ сыны свободны будутъ». Петръ могъ понять изъ этихъ словъ, что онъ поступилъ опрометчиво, давъ согласіе за Христа, который, какъ Сынъ Божій, не можетъ быть приравненъ къ другимъ людямъ. Но народъ почиталъ Его только за пророка и отказъ отъ уплаты священной для всякаго іудея дани вызвалъ бы соблазнъ. Поэтому Іисусъ Христосъ продолжалъ: «но да не соблазнимъ ихъ, пойди на море, брось уду и первую рыбу, какую поймаешь, возьми и, открывъ у ней ротъ, найдешь стирь (четыре драхмы); его возьми и отдай за Меня и за себя». Такъ Петръ и поступилъ. Слова Господа, конечно, исполнились въ точности» (стр. 83 и 84).

На этой именно исторіи я остановился случайно, привлеченный имѣющимъ при ней изображеніемъ статира, но нарочно привелъ ее полностью, чтобы наглядно показать то, какъ вообще составитель въ свой повѣствовательный рассказъ попутно вводитъ объяснительныя къ нему свѣдѣнія и соображенія; подобнаго же рода свѣдѣнія и соображенія, совершенно, такъ сказать, вплетенныя въ содержаніе исторіи, встрѣчаются въ книгѣ постоянно и иногда въ еще болѣе полномъ видѣ и не только въ исторіи повѣствовательнаго въ собственномъ смыслѣ характера, а и въ такія, гдѣ главнымъ содержаніемъ служить изложеніе ученія Господа, какъ напримѣръ въ «Нагорной проповѣди». И здѣсь авторъ изложеніе самаго ученія—отдѣльныхъ пунктовъ его предваряетъ замѣчаніями о раввинскихъ и фарисейскихъ искаженіяхъ богооткровеннаго закона, въ противопоставленіи которымъ ученіе сама-

¹⁾ Чему равнялась драхма, объяснено было выше.

го Господа выступаетъ въ болѣе живомъ и наглядномъ представленіи. Для того же, чтобы изложеніе это свободно было отъ встрѣчающагося въ учебныхъ книгахъ и односторонне искажающаго смыслъ ученія Господа субъективизма изложенія, составитель рѣдко прибѣгаетъ къ перифразу словъ Господа и по большей части излагаетъ его подлинными словами Евангелій.

Но и здѣсь мы встрѣчаемся съ особенностію, о которой въ предисловіи составитель говоритъ такъ: «При дословной передачѣ Евангельскаго текста, особенно словъ Спасителя, я пользовался новымъ, наиболѣе близкимъ къ славянскому, русскимъ переводомъ. (Напечатанъ въ С.-Петербургской Синодальной Типографіи въ небольшомъ числѣ экземпляровъ; въ продажѣ книги нѣтъ)».

Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этой особенности, нужно помнить, что славянскій языкъ есть языкъ церковно-богослужебный и потому самому употребленіе его при чтеніи св. Евангелія, или, что въ данномъ случаѣ тоже, священной исторіи съ дословной передачей Евангельскаго текста болѣе цѣлесообразно въ духовно-воспитательномъ отношеніи, чѣмъ употребленіе языка русскаго,—нужно помнить также то, что языкъ этотъ по своей величавой простотѣ, а вмѣстѣ и по гармоничности и по красотѣ несравненно лучше нашего русскаго языка, особенно въ той книжной формѣ послѣдняго, въ которой онъ носитъ на себѣ слѣды вліянія или латинской рѣчи, или нашей житейской такъ сказать неряшливости. Совершенно справедливо по этому, по нашему мнѣнію, говоритъ переводчикъ въ предисловіи, что «переводить на этотъ русскій языкъ славянскую рѣчь Евангелія значитъ портить ее, а перекладывать ее перефразировкой — значитъ обезображивать ее съ опасностію опошлить чистое и принизить возвышенное». Сообразно съ такимъ воззрѣніемъ на дѣло, онъ въ своемъ новомъ переводѣ не мѣняетъ безъ особой нужды оборотъ и построеніе славянской фразы, а къ нему примѣняется, не избѣгаетъ словъ и реченій, когда они въ извѣстномъ тонѣ употребительны и въ русской рѣчи и всѣмъ понятны, и не замѣняетъ ихъ словами, ходячими въ разговорѣ, въ той мысли, что отъ такой замѣны рѣчь нисколько не становится понятнѣе, а только вульгализируется. Можно и нужно глубоко сожалѣть, что перевода этого ²⁾ нѣтъ въ продажѣ и слѣдовательно въ обращеніи въ обществѣ. Тѣмъ ограднѣе отмѣтить, что первыми, такъ сказать, читателями

²⁾ Къ слову считаемъ нужнымъ сказать, что въ настоящее время въ этомъ новомъ переводѣ кромѣ евангелій вышли еще посланія ап. Павла.

его, хотя и далеко не въ полномъ объемѣ, могутъ быть дѣти, для которыхъ и назначается рассматриваемая нами священная исторія Новаго Завѣта.

Въ концѣ этой исторіи сдѣлано дополненіе къ ней, въ которомъ говорится объ обращеніи Савла, Успеніи Божіей Матери, разрушеніи Иерусалима и разсѣяніи народа еврейскаго, о гоненіи на христіанъ, обрѣтеніи и воздвиженіи креста Господня. Конечно дополненія эти очень важны и сами по себѣ и какъ объясненіе нѣкоторыхъ частей самой исторіи; но въ такомъ смыслѣ также важны были бы, можетъ быть, и другія, напримѣръ касательно другихъ св. апостоловъ и ихъ апостольскихъ трудовъ и писаній; да и сдѣланныя дополненія слѣдовало бы изложить поподробнѣе (дополненіе занимаетъ лишь 6 стр. изъ 166). Иначе получается нѣчто отрывочное и не вполне гармонирующее съ общимъ характеромъ книги.

П. I. С.

Нравственно-христіанское ученіе. Выпуски I—IV.
Общеобразовательныя чтенія для фабрично-заводскихъ рабочихъ г. Москвы. Москва. 1905 г.

Въ третьей книжкѣ («Вѣры и Церкви») за текущій годъ мы ознакомили читателей съ первыми выпусками общеобразовательныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ г. Москвы, издаваемыхъ комиссіей по устройству этихъ чтеній, по догматическому богословію, русской словесности и исторіи, теперь считаемъ долгомъ обратить вниманіе читателей на новые I—IV выпуска этихъ чтеній, посвященные раскрытію нравственно-христіанскаго ученія. Не вдаваясь въ детальное разсмотрѣніе этихъ чтеній, принадлежащихъ перу извѣстныхъ духовныхъ писателей изъ Московскаго духовенства, отмѣтимъ лишь главное содержаніе ихъ. Прежде всего въ нихъ раскрыто ученіе о нравственной природѣ человѣка до и послѣ паденія; потомъ указаны спасительныя дѣйствія благодати Божіей къ восстановленію поврежденныхъ грѣховъ нравственныхъ силъ человѣка чрезъ явленіе въ міръ Спасителя міра и основаніе имъ Церкви, выяснено отношеніе между благодатію и личными усиліями человѣка. Это часть, такъ сказать, вступительная. Далѣе слѣдуетъ раскрытіе ученія о важнѣйшихъ добродѣтеляхъ: о вѣрѣ, надеждѣ и любви, къ которымъ сводятся такъ или иначе всѣ прочія и которыя одинаково обязательны для

каждаго христіанина: въ послѣднемъ четвертомъ выпускѣ рѣчь идетъ объ относительныхъ или взаимныхъ обязанностяхъ христіанъ другъ къ другу, какъ членовъ союзовъ семейныхъ, гражданскихъ и церковныхъ: о женихахъ и невѣстахъ, мужьяхъ и женахъ, родителяхъ и дѣтяхъ, господахъ и слугахъ, богатыхъ и бѣдныхъ, Царѣ и подданныхъ Его, врагахъ народа и соотечественникахъ, пастыряхъ и пасомыхъ и т. д...

Уже изъ представленнаго общаго обзорѣнія содержанія разматриваемыхъ выпускковъ общеобразовательныхъ чтеній для рабочихъ можно усматривать, какъ точно, систематично и законченно раскрыто въ нихъ нравственно-христіанское ученіе и какое чистое и здоровое нравственно-руководительное значеніе могутъ поэтому имѣть они для читателей. Повторяемъ, что весьма желательно, чтобы эти чтенія были распространены не между одними рабочими...

Михаилъ Θεодоровичъ Грачевъ, бывшій членъ общества хоругвеносцевъ Московскаго Большаго Успенскаго Собора и извѣстный народный дѣятель. (Съ фотографическимъ портретомъ). Составилъ священникъ Д. И. Ромашковъ. Изданіе Парадѣлова. Москва 1905 г. 83 страницы.

Не большая книжка, заглавіе которой мы выписали, неважная и по предмету своему, какъ посвященная жизнеописанію простаго русскаго человѣка, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ общественнаго вниманія, какъ показательъ религіозныхъ вѣрованій и, такъ сказать, политическихъ убѣжденій простаго народа. Михаилъ Θεодоровичъ Грачевъ, жизнеописаніе котораго предлагается въ книжкѣ, происходилъ изъ крестьянскаго сословія и получилъ лишь самое незначительное первоначальное образованіе, тѣмъ не менѣе всю свою жизнь отдалъ дѣлу просвѣщенія простаго народа. Съ этою цѣлю онъ особенно ревновалъ о распространеніи церковно-приходскихъ школъ, съ усиленнымъ преподаваніемъ славянскаго языка, который онъ считалъ основой истиннаго образованія въ духѣ вѣры Православной, преданности Церкви и любви къ отечеству, и потомъ объ изданіи въ народѣ духовныхъ и нравственныхъ листовъ и брошюръ. И на свои средства и на средства благотворителей онъ распространялъ въ народѣ творенія святителя Филарета Московскаго, Никанора Одесскаго, а также листки и брошюры на разныя выдающіяся событія, какъ на примѣръ тысячелѣтній юбилей Россіи, крещеніе

Руси, чудесное спасеніе Царственной семьи въ Боркахъ и Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ Японіи, пятисотлѣтній юбилей представленія преподобнаго Сергія и многія др. Цѣлью его издательской дѣятельности была борьба съ лубочной и либеральной печатью, произведенія которой онъ считалъ особенно вредными для народа. Онъ и самъ писалъ и издавалъ чужія произведенія для развитія въ народѣ вѣры, нравственности и патріотизма. Въ особенности ему дорого было дѣло построенія храма св. Александра Невскаго, на которое онъ положилъ много трудовъ и усилій, и, благодаря его рвенію, это дѣло подвинулось очень значительно впередъ, именно по причинѣ большого количества изданій, посвященныхъ имъ этому вопросу. Въ брошюрѣ о. Ромашкова очень полно и разносторонне охарактеризована личность Грачева, этого, какъ онъ самъ называлъ себя, «просто русскаго человѣка», преданнаго Православной вѣрѣ, Царю и отечеству. Въ своей дѣятельности въ этомъ отношеніи онъ былъ, по выраженію его біографа, соработникомъ и сотрудникомъ пастырей, такъ какъ руководился въ своей жизни тѣми же религіозно-просвѣтительными задачами и цѣлями, какъ они, и часто, какъ и большинство общественныхъ дѣятелей этого рода, терпѣлъ невзгоды, неудачи и даже гоненія; но все это не ослабляло его горячей ревности и преданности своему дѣлу и вся его жизнь представляетъ глубокопоучительный примѣръ того, каковъ долженъ быть народный дѣятель, истинный сынъ Церкви и отечества для того, чтобъ его дѣло дало благіе плоды.

М. Веретенниковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Анастасіевъ А. Религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ. Изъ бесѣдъ съ учащими въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Изд. училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта. СПб. 1905 г.

Бутневичъ Т. И. прот. О вѣротерпимости въ Россіи. Харьковъ 1905.

Бороздинъ А. Н. проф. Очерки русскаго религіознаго разномыслія. 1905 г. 223 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Васильевъ Ав. В. Въ чемъ наша слабость, и что повелительно требуется теперешними обстоятельствами. Петроградъ 1905 г. 39 стр. Цѣна 50 коп.

Виноградовъ І. свящ. Богословскія чтенія для учащихся въ послѣднихъ (VІІ и VІІІ) классахъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и др. среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. 1 апологетическій. Москва 1905 г. Цѣна 1 р. 30 к.

Вишневецкіи М. прот. Противъ неправильно понимающихъ главнѣйшія истины православной христіанской религіи. Кіевъ 1905 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Владиміръ Митр. Московскій. Молитва Господня въ десяти бесѣдахъ. Москва. 1905 г.

Высшее Церковное управленіе въ Россіи. Изд. религіозно-философской бібліотеки. Москва 1905 г. 71 стр. Цѣна 45 к.

Гласъ святой истины въ обличеніе философскаго безбожья. СПб. 1905.

Глубоковскій Н. Н. проф. Благовѣстіе св. Павла по его происхожденію и существу. Библейско-богословское изслѣдованіе. Книга І. СПб. 1905 г. LXX+890 стр. Цѣна 4 р. 50 к.

Мистическое оправданіе аскетизма въ твореніяхъ преп. Макарія Египетскаго. Сергіевъ посадъ 1905 г. 101 стр. Цѣна 50 к.

О возрожденіи русской Церкви. Изданіе религіозно-философской бібліотеки. Вышній Волочекъ. 1905 г. Цѣна 50 к.

Поповъ М. С. свящ. Арсеній Мацѣевичъ.

Перепечинъ В. В. Римская литургія, ея отличіе отъ православной и сравнительныя преимущества послѣдней. Витебскъ. 1905 г. 90 стр.

Силинъ Петръ свящ. Сборникъ школьныхъ бесѣдъ съ дѣтьми. Настоящая книга для православныхъ родителей. Шесть выпусковъ отъ 30 до 50 стр. въ каждой. СПб. 1905 г. Цѣна cadaго выпуска 20 к.

Смирновъ П. А. Жизнь и ученіе преосвященнаго Теофана Вышенскаго затворника. Въ память десятилѣтія со дня блаженной кончины святителя. Шацкъ. 1905 г. 349 стр. Цѣна 1 р. 20 к.

Слободной І. прот. Фридрихъ Ницше при свѣтѣ христіанскаго міровозрѣнія. СПБ. 1905 г. 117 стр.

Сокольскій Вас. свящ. Евангельскій идеаль христіанскаго пастыря. Казань. 1905 г. 426+IV стр. Цѣна 2 р.

Фулье А. Ницше и имморализмъ. СПБ. 1905 г. 1—328 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„Вѣра и Церковь“.

и въ книжныхъ магазинахъ Москвы по-
ступили въ продажу брошюры

Прот. І. И. Соловьева.

„ЦАРСКОЕ САМОДЕРЖАВІЕ“

по ученію Библии и родной исторіи.
(По поводу современнаго шатанія умовъ).
Второе дополненное изданіе. Москва.
1905 г. Цѣна **15** коп. съ пер. **20** коп.

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ

Благовѣрнаго Государя и Великаго Князя

СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Москва. 1905 г. Цѣна **20** к. съ пер. **25** к.

НА РѢКАХЪ ВАВИЛОНСКИХЪ.

Объясненіе 136-го псалма въ приложеніи къ вопросу о духовномъ обновленіи нашихъ дней. Москва 1905 г.

Цѣна 15 коп.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

Свящ. Серапіона Брояковскаго.

Поученія на всѣ воскресные и праздничные дни. Изд. 2-е, значит. дополненное, ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Поученія и рѣчи на всевозможные случаи изъ пастырской практики и церковно-приходскаго учительства. Сборникъ, составленный по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ. Ц. 1 р. 60 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Церковная лѣтопись. Практическое руководство для пастырей при описаніи прихода въ историческомъ, статистическомъ, религіозно-нравственномъ и друг. отношеніяхъ, Вып. I-й ц. 85 к. Вып. II-й ц. 1 р.

Спутникъ Пастыря. Сборникъ статей по вопросамъ пастырскаго служенія. Вып. I ц. 90 к. съ перес. 1 р. Вып. II ц. 50 к. съ перес. 65 коп.

За вѣру и противъ лжевѣрія. Сборникъ назидательныхъ бесѣдъ, рассказовъ и стихотвореній, ц. 80 к. съ перес. 1 р.

Очерки и рассказы. Ц. 50 к. съ перес. 1 руб.

ШКОЛЬНЫЙ ДѢТСКІЙ ПРАЗДНИКЪ

Сборникъ статей, стихотвореній, дѢтскихъ игръ и нотъ для актовъ, святочныхъ и литературныхъ вечеровъ, **рождественскихъ елонъ**, и другихъ дѢтскихъ праздниковъ. Ц. 75 к. съ перес. 85 коп.

Адресъ: **Попельня**, м. Павлочь, Кіевской губ. Священнику Серапіону Брояковскому.

ОБРАЗКИ

ДЛЯ НОВОРОЖДЕННЫХЪ МЛАДЕНЦЕВЪ ОБОЕГО ПОЛА,
могущія замѣнить метрическое свидѣтельство.

ИЗДАНИЕ ТИПОГРАФИИ И ХРОМОЛИТОГРАФИИ

Евѣйма Ивановича Фесенко, въ Одессѣ.

Ришельевская улица, собственный домъ, № 49.

Изготовлены и поступили въ продажу **имянные изображенія св. иконъ** для раздачи при крещеніи младенцевъ. Изображенія св. иконъ отпечатаны на плотной бумагѣ, масляными красками, лакированы, наклеены на плотную папку съ колечкомъ. На оборотѣ изображенія напечатано краткое житіе святого и необходимыя строки для текста.

Изъ сочиненій проф. Н. Н. ГЛУБОКОВСКАГО.

(Спб., Невскій просп., д. 180, кв. 5)

П Р О Д А Ю Т С Я:

1) Блаж. Феодоритъ, епископъ киррскій, въ 2-хъ томахъ; I: его жизнь и II: литературная дѣятельность (съ обзорѣніемъ времени и событій 3-го, 4-го и 5-го вселенскихъ

соборовъ, съ разсмотрѣніемъ раскольническаго «Теодоритова слова» и пр.). *Магистерская* диссертація, удостоенная Св. Синодомъ и *полной* Макаріевской преміи. Цѣна I т. 3 р., перес. 40 коп., II т. 4 р., перес. 45 коп.. за оба тома 7 р. 50 коп. съ пер.

2) Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Ап. Павла къ Галатамъ. Сжатое и общедоступное обзрѣніе. Книга удостоена Св. Синодомъ *полной* Макаріевской преміи. Цѣна 2 р., перес. 35 коп.

3) Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу; книга первая: Введеніе; Обращеніе Савла и «Евангеліе» св. Апостола Павла; «Евангеліе» Павлово и іудейско-раввинское богословіе, апокрифы и апокалиптика. Цѣна 4 р. 50 коп., перес. 75 коп.

НВ. За всѣ три книги вмѣстѣ 12 руб. съ перес.

Годъ VII.—Книга 9.

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

ДУХОВНЫЙ

БОГОСЛОВСКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ

1905.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всеволожскій пер., д. военнаго вѣдомства.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Стран.

Благодѣяніе для народа Богопоставленной власти и бѣдствія отъ безвластія. Прот. о. Іоанна Ильича Сергіева. (Кронштадскаго).	489
Приобрѣтеніе духовнаго совершенства, какъ задача и благо личной жизни, по христіанской и обще-философской морали. П. М. Борисовскаго	492
Участіе Церкви въ собираніи Руси въ XIV—XVII вѣкахъ. К. Шебатинскаго.	527
Отѣнка предпосылокъ матеріалистическаго и пантеистическаго эволюціонизма. А. Н. Чемоданова.	538
Ученіе православной Церкви о происхожденіи человѣка. Пр. І. С—ва	567

ОТДѢЛЪ II.

Изъ исторіи духовнаго обновленія одной души. Л. Оль .	579
Моральныя впечатлѣнія художественнаго Запада. В. К. Недзвецкаго	608

БИБЛИОГРАФІЯ.

Л. А. Тихомировъ. Монархическая государственность. П. І. С.—Протоіерей І. Слободской. Фридрихъ Ницше при свѣтѣ христіанскаго міровозрѣнія. Л. И. Денисова.—Свящ. Виноградовъ Богословскія чтенія, для учащихъ въ послѣднихъ (VII и VIII) классахъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. П. І. С.—Священникъ Михаилъ Ремезовъ. Наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Свящ. А. П—ъ. Новости богословской литературы. П. С. Отъ редакціи журнала Вѣра и Церковь. Объявленія.

**БЛАГОДѢЯНІЕ ДЛЯ НАРАДА БОГОПРСТАВЛЕННОЙ ВЛАСТИ И ВЪД-
СТВІЯ ОТЪ БЕЗВЛАСТІЯ ¹⁾.**

*Всякая душа да будетъ покорна
вышнимъ властямъ; ибо нѣтъ власти
не отъ Бога; существующія же власти
отъ Бога установлены. Посему, про-
тивящійся власти, противится Божью
установленію; а противящіеся сами
навлекутъ на себя осужденіе (Римл. 13,
1—3).*

Россія торжественно празднуетъ сегодня восшествіе Го-
сударя своего на престоль всероссійскій непосредственно
по кончинѣ отца Его, Миротворца, Александра III-го.

Высочайшій манифестъ возгласилъ тогда въ слухъ всѣхъ,
въ какомъ духѣ будетъ править государствомъ Преемникъ
Сынъ, именно—въ духѣ почившаго въ Богѣ Родителя. Такъ
и было нѣсколько лѣтъ, но надвинувшаяся война и быстро
смѣняющійся духъ времени, международныя отношенія и
политическая подражательность западнымъ народамъ—при-
вели Россію къ иному теченію, къ иному образу жизни, и
къ управленію Царя въ живомъ союзѣ съ народомъ, въ
лицѣ Государственной Думы. Но, прежде чѣмъ это случи-
лось, вся Россія забастовала во всѣхъ общественныхъ ор-
ганахъ и впала въ безначаліе и неповиновеніе властямъ.
Ни одна страна въ мірѣ никогда и въ такихъ широкихъ
размѣрахъ не испытывала такого огульнаго, всеобщаго
вреда отъ безвластія и неповиновенія властямъ, не несла

---

¹⁾ Слово на день восшествія на прародительскій всероссійскій
престоль Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Але-
ксандровича, 21-го октября 1905 г.

такихъ матеріальныхъ, политическихъ и нравственныхъ убытковъ и застою въ торговлѣ, промышленности и образованіи, какъ Россія. Минувшіе дни и мѣсяцы служатъ тому доказательствомъ. Но и благодѣяніе власти самодержавной въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ существованія Россіи также испытано ею и она знаетъ это хорошо, какъ человѣкъ знаетъ свои пять пальцевъ; потому что широты, могущества, богатства и славы она достигла благодаря именно твердой самодержавной власти въ Россіи—и беззавѣтной покорности русскаго народа предержавшимъ властямъ. И не напрасно Духъ Святой устами апостола Павла повелѣваетъ всякой душѣ повиноваться предержавшимъ властямъ. *Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ; ибо нѣтъ власти не отъ Бога, существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти, противится Божію установленію; а противящійся саму на себя навлекутъ осужденіе.*

Когда сильная, мудрая, правильная и всенаправляющая власть бодрствуетъ и дѣйствуетъ, поощряя однихъ и праведно наказывая другихъ по дѣломъ, тогда все въ обществѣ идетъ своимъ чередомъ: жизнь духовная и матеріальная, учебная, политическая, общественная, военная—все совершаетъ свое обычное теченіе и развитіе, принося всякую пользу всему государству. А когда вслѣдствіе общаго неповиновенія властямъ и бездѣйствія подчиненныхъ членовъ общества, какъ и бездѣйствія властей—дѣятельность прекращается, какъ въ органическомъ тѣлѣ прекращается кровообращеніе; тогда все въ обществѣ замираетъ, падаетъ, разрушается и общественная безопасность исчезаетъ, и члены общества идутъ одни противъ другихъ, дается полный разгулъ воровству, хищенію, враждѣ и убійствамъ. Такъ было на дняхъ въ Россіи, когда всюду всѣ перестали работать—и учебныя заведенія, и мастерскія съ рабочими, и желѣзныя дороги, типографіи, почты и телеграфы. Подлинно Россія пришла въ состояніе хаоса. Вотъ пагуба безвластія.

Древніе языческіе народы были безопаснѣе и счастливѣе въ своей гражданской и семейной жизни, чѣмъ просвѣщенные (если только таковы) Христовымъ ученіемъ русскіе люди, громко именующіе себя образованными и интелли-

гентными. Воистину, *мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ* (1 Кор. 3, 19), и она такую именно показала себя.

Въ бѣсовскомъ царствѣ есть порядокъ и подчиненіе однихъ злыхъ духовъ другимъ, низшихъ—вышшимъ, менѣе сильныхъ—болѣе сильнымъ; а въ христіанскомъ государствѣ исчезло всякое подчиненіе, всякая власть: дѣти не признаютъ власти родителей, подчиненные—власти начальства, воспитанники—власти воспитателей; студенты не признаютъ власти профессоровъ и ректоровъ; всѣ взяли въ свои руки дирижерскія палочки, и всѣ стали повелѣвать вмѣсто того, чтобы самимъ спокойно и безъ претензій, какъ бывало прежде, повиноваться и учиться. Выходить что-то загадочное, несуразное. Духовное руководство, священная власть церкви попораны; богослуженіе пренебрегается; проповѣдь безсильна; нравственность христіанская болѣе и болѣе падаетъ; анархія растетъ—мальчики и дѣвочки—и тѣ взяли волю свою.

Да гдѣ же власть сильная, авторитетная, самосознающая, отвѣтственная, Богомъ учрежденная и отъ Него получающая свою силу и свой страхъ? Возьми, Ты, власть и данное Тебѣ отъ Бога право, и твердою рукою держи данные Тебѣ Богомъ скипетръ и державу, и будь страшна всѣмъ врагамъ Божиимъ и Твоимъ. Тогда, увидѣвъ Твой скипетръ и державу въ крѣпкихъ рукахъ,—всѣ злые будутъ праведно бояться Тебя, а добрые—радоваться.

Хочешь ли не бояться власти? твори добро и будешь имѣть похвалу отъ нея; а если зло творишь, бойся, ибо не безъ ума мечъ носитъ (Рим. 13, 3—4). Итакъ Россія, Бога бойся, какъ прежде, и Царя чти, и всякая душа да будетъ покорна вышшимъ властямъ (Римл. 13, 1). Аминь.

Царю и Царю Царей

ПРИБРѢТЕНІЕ ДУХОВНАГО СОВЕЩЕНСТВА, КАКЪ ЗАЛѢЧА И БЛАГО ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ПО ХРИСТІАНСКЪЙ И ОБЩЕ-ФИЛЛОСОФСКОЙ МОРАЛИ ¹⁾.

II.

Если для прибрѣтенія духовнаго совершенства нуженъ идеаль этого совершенства; то спрашивается: каковъ же долженъ быть этотъ идеаль, существуетъ ли онъ, гдѣ и какъ найти его?

Во-первыхъ, идеаль совершенства необходимъ, какъ основаніе и вмѣстѣ образецъ человѣческаго усовершенствованія—не обще-историческаго только, но и индивидуальнаго. Въ немъ нуждаются какъ *всѣ* вообще люди, такъ и *каждый* субъектъ въ отдѣльности для личнаго усовершенствованія. Посему означенный идеаль долженъ уже *существовать всегда*, и человѣчеству, стало быть, остается не выработать и создавать его, а только воспринимать и усвоить. Этотъ идеаль, выражаясь фигурально, долженъ всегда, на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, быть на виду предъ всѣмъ человѣчествомъ и, какъ свѣтильникъ, освѣщать ему путь жизни, дабы, всматриваясь въ этотъ идеаль, каждый человѣкъ могъ, въ той или другой степени, достойно выполнять свое жизненное назначеніе. Если же такъ, если этотъ идеаль уже данъ людямъ и существуетъ, то его надо искать *внѣ* человѣчества. Во-вторыхъ, идеаль совершенства необходимо долженъ быть и *выше* всего человѣчества. Это потому, что вѣдь людямъ нуженъ такой идеаль, предъ которымъ они невольно преклонялись бы и чувствовали *обязательный долгъ* постоянно стремиться къ нему и дѣйствовать согласно его указаніямъ. Для правильнаго чело-

---

¹⁾ Окончаніе.

вѣческаго развитія и усовершенствованія недостаточно только *поставить* идеаль совершенства. Вѣдь иной живетъ среди самоотверженныхъ искателей и истинныхъ любителей истины, и однако самъ не вдохновляется ихъ высокими интеллектуальными стремленіями, не любитъ искать истины. Подобнымъ образомъ, можно восхищаться доблестными, нравственно-похвальными поступками другихъ, и всетаки не подражать этимъ примѣрамъ доброй нравственности. Можно также признавать въ другихъ чистоту сердца, наблюдать въ нихъ проявленіе святыхъ, возвышенныхъ чувствованій, и при всемъ томъ не воспитывать подобныхъ чувствованій въ себѣ самомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ для своего *личнаго* усовершенствованія, очевидно, ничего еще не приобретаетъ отъ того, что видитъ вокругъ себя высокіе образцы духовной жизни, достойные подражанія. Не приобретаетъ именно потому, что самъ не усвоитъ, не воспроизводитъ въ собственной жизни все то доброе, возвышенное, истинное, чистое и святое, что онъ усматриваетъ въ жизни и дѣйствіяхъ лицъ постороннихъ, его окружающихъ. Такъ же точно, чтобы, дѣйствительно, было въ человѣчествѣ болѣе или менѣе напряженное, энергичное стремленіе къ совершенству и видимые, осязательные плоды этого стремленія въ жизни частныхъ людей, для сего недостаточно только *указать*, или *дать* человѣчеству высшій идеаль совершенства. Требуется еще поставить людей въ такое отношеніе къ этому идеалу, чтобы они считали исполненіе его требованій *всегдашнимъ и непрелѣтнымъ своимъ долгомъ*. Очевидно, этой цѣли можетъ удовлетворить только такой идеаль, который имѣлъ бы для всѣхъ людей *обязательное* значеніе. Но таковымъ не можетъ быть, само собою разумѣется, никакой идеаль *человѣческой*, дѣйствіе и вліяніе котораго всегда простирается только на частныя, большія или меньшія группы людей. Человѣческіе идеалы не имѣютъ надъ людьми постоянной, всеобщей и вѣчной власти, потому что создаются самимъ же человѣчествомъ, которое, по собственному произволу, мѣняетъ ихъ время отъ времени и разнообразитъ до безконечности. Требуется идеаль совершенства выше-человѣческой,—одинъ для всего человѣчества, всегда постоянный и неизмѣнный. Только такой идеаль можетъ *самъ въ себѣ* имѣть извѣстную силу

и верховный авторитетъ надъ людьми. Только такой идеаль и можетъ имѣть для нихъ общеобязательное значеніе. Всматриваясь въ него, люди невольно ощутятъ въ своей душѣ долгъ постоянно слѣдовать ему, а за всякое произвольное *уклоненіе* отъ него будутъ признавать себя виновными и *ответственными* предъ нимъ. Но высшимъ всего человѣчества и обязательнымъ для него идеаломъ можетъ быть только идеаль абсолютный, безусловный, божественный.

Наконецъ, чтобы представить себѣ, хотя въ нѣкоторой доступной степени, внутреннее существо и реальное содержаніе высшаго идеала совершенства, для этого нужно возвысить въ безконечную степень тѣ высшія силы и идеальныя стороны человѣческаго существа, въ правильномъ развитіи которыхъ состоитъ задача нашей жизни. Здѣсь получится: безконечный *разумъ*, *высочайшая воля*, неизмѣримо-совершеннѣйшее *чувство*. А возводя въ такую же безконечную степень самыя идеалы лучшихъ человѣческихъ стремленій, находимъ: абсолютную *истину*, совершеннѣйшее *добро*, высочайшую *святость* и *блаженство*. Всѣ эти свойства и качества высшаго идеала *должны* реализоваться и объединяться въ одномъ абсолютномъ духѣ, или сознаніи, подобно тому, какъ и въ человѣческомъ существѣ слабыя отраженія ихъ объединяются и реализуются въ единомъ духѣ, или сознаніи. Иначе, если высшій идеаль совершенства не воплощается въ личномъ абсолютномъ сознаніи, то онъ окажется ниже человѣчества, и не будетъ для него идеаломъ, потому что *сознаніе*, какимъ обладаетъ каждый человѣкъ, должно быть признано само по себѣ *лучшей*, наиболѣе *совершенной* формой проявленія жизни. Жизнь въ сознаніи, какова жизнь человѣка, выше и совершеннѣе, чѣмъ жизнь *вне* сознанія, какова жизнь неодушевленныхъ существъ природы. Посему, коль скоро сами люди обладаютъ хотя ограниченнымъ сознаніемъ, то въ неизмѣримо большей степени оно должно принадлежать абсолютному идеалу человѣчества. Къ тому же, если высочайшее добро, абсолютная истина и совершеннѣйшая красота нигдѣ и ни въ комъ не воплощаются, не имѣютъ сами по себѣ метафизической реальности, то онѣ совершенно теряютъ свой объективный характеръ, не существуютъ для человѣ-

ка въ дѣйствительности, являются, пожалуй, не болѣе, какъ мечтою человѣческаго воображенія, и самое стремленіе къ нимъ не будетъ тогда имѣть ни внутренняго смысла, ни логической состоятельности. Если предметы высшихъ стремленій человѣческаго ума, воли и сердца не суть реальность, а только отвлеченныя начала жизни, то они имѣютъ лишь субъективное, чисто условное значеніе, какъ и всѣ другія человѣческія понятія и убѣжденія; въ стремленіи къ нимъ нельзя тогда ставить задачи жизни. Въ нихъ собственно и нѣтъ никакого идеала совершенства съ опредѣленнымъ конкретнымъ содержаніемъ. А если при этомъ вспомнимъ природную склонность человѣка къ заблужденіямъ, пороку и безобразнымъ чувствованіямъ; то нереальныя, абстрактныя понятія истины, добра и красоты утрачиваютъ до *minimum'a* свой жизненный смыслъ и внутреннее значеніе. Идеаль совершенства интеллектуальный, нравственный и эстетическій только тогда будетъ вполне и истинно совершеннымъ самъ по себѣ, и только тогда можетъ имѣть глубокое жизненное вліяніе на развитіе людей и стать предметомъ ихъ стремленій, когда онъ будетъ не понятіемъ, не абстракціей, а метафизической реальностью, когда мы признаемъ его *полное воплощеніе* въ абсолютномъ личномъ сознаніи, какъ высшей формѣ проявленія жизни.

Объединяя все, доселѣ сказанное о внутреннемъ характерѣ и свойствахъ высшаго идеала, находимъ, что таковымъ можетъ быть только лежащій внѣ самаго человѣчества и высшій его, премірный, абсолютный, безусловный, совершеннѣйшій, неизмѣнный, единый въ Себѣ и вѣчно сущій личный Духъ, котораго мы иначе называемъ *Богомъ*. Богъ есть абсолютная личность, обладающая безконечнымъ *разумомъ*, высочайшею *волею* и совершеннѣйшею *святостію*. Онъ есть и абсолютная истина, и совершеннѣйшее *добро*, и высшая *святость*, и безконечное блаженство. Вообще въ Немъ идеаль совершенства воплощается всецѣло, по всей своей полнотѣ. А какъ задача собственно человѣческой жизни, какъ основа и предметъ духовныхъ стремленій всѣхъ людей, этотъ божественный идеаль открывається имъ въ формѣ неизмѣннаго, вѣчнаго, всегда дѣйствующаго закона Божія, или истинной, совершеннѣйшей и святой *воли* Божіей.

Безъ личнаго Бога, строго говоря, нѣтъ у насъ ничего ни несомнѣнно истиннаго, ни добраго, ни святаго, ни возвышеннаго. Посему мы непремѣнно придемъ къ убѣжденію въ бытіи личнаго Бога, какъ совершеннѣйшаго воплощенія идеала, если только искренно хотимъ укрѣпить, возвысить и привести къ постоянной, живой дѣятельности лучшія наклонности и стремленія нашего духа, а вмѣстѣ оправдать и внутреннюю борьбу съ низменными влеченіями и позывами, если хотимъ вообще найти правильнѣйшій, истиннѣйшій путь человѣческаго усовершенствованія. Съ отрицаніемъ совершеннѣйшаго реальнаго идеала въ личномъ Божествѣ, неизбѣжно утрачивается непоколебимое основаніе для утвержденія идеальныхъ стремленій человѣческаго духа.

Отсюда и опредѣляется должное мѣсто чувству *религіозному* въ общей сферѣ психическихъ отправленій и способностей. Именно *оно* есть чувство основное и главное. Религіозная идея есть комплексъ всѣхъ высшихъ потребностей духа. Религіозное чувство, имѣющее въ основѣ своей тяготѣніе человѣка къ Богу, какъ совершеннѣйшей истинѣ, совершеннѣйшему добру и совершеннѣйшей красотѣ, не есть частное, — наряду съ чувствами—интеллектуальнымъ, нравственнымъ и эстетическимъ, а должно обнимать собою *все*го человѣка, во всей полнотѣ его высшихъ духовныхъ способностей и стремленій. Религіозное сознаніе должно имѣть верховное, руководящее значеніе для другихъ высшихъ стремленій человѣческаго духа, т. е. интеллектуальныхъ, моральныхъ и эстетическихъ. Только изъ него эти стремленія могутъ заимствовать для себя первоначальное, самое достовѣрное содержаніе высшаго божественнаго идеала. Это не значить, само собою, чтобы стремленія ума, воли и сердца были совершенно тождественны съ религіознымъ чувствомъ, вращались вмѣстѣ съ нимъ исключительно въ одной лишь религіозной сферѣ и, стало быть, теряли свою самостоятельность и особія, специально имъ принадлежащія, сферы для дѣятельности. Эти стремленія вовсе не сливаются съ религіознымъ чувствомъ, какъ и наоборотъ, послѣднее не переходитъ въ первыя. Оно должно сообщать только основныя начала для дѣятельности ума, воли и сердца, должно проникать и одушевлять ее, сообщать ей правильное *общее* направленіе и главнѣйшее со-

держаніе: Религіозный идеаль освѣщаетъ высшимъ стремленіямъ нашего духа истинный путь къ усовершенствованію, указываетъ имъ достойныя цѣли для достиженія и предохраняетъ отъ уклоненій съ пути правильнаго развитія. «Религія есть не только дѣло само по себѣ, какое человекъ можетъ исполнять независимо отъ своихъ прочихъ занятій, въ извѣстные дни и часы. Это внутренній духъ, проникающій, вдохновляющій и наполняющій наши мысли и дѣйствія, которыя въ другихъ отношеніяхъ идутъ своимъ предназначеннымъ путемъ безъ измѣненія или перерыва» ¹⁾. Только религіозное чувство, указывая въ личномъ Божествѣ источникъ абсолютной истины, высочайшаго добра и совершеннѣйшей красоты, объединяетъ собою высшіе задатки человѣческаго духа, питаетъ ихъ истинною духовною пищею, возвращаетъ и укрѣпляетъ.

Въ религіяхъ божественный идеаль совершенства предписывается людямъ, какъ неизмѣнная *воля* Божія, какъ непреложный и вѣчный *Законъ* Божій. Человекъ долженъ исполнять этотъ законъ, дабы чрезъ то переносить божественную жизнь внутрь себя, усвоить хотя отчасти идеальныя божескія совершенства собственнымъ духомъ. Такъ учить и христіанство. При этомъ, такъкакъ Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ приходилъ на землю затѣмъ именно, чтобы прославить на землѣ Небснаго Отца, открыть людямъ Его волю и законъ, повѣдать имъ божественный идеаль совершенства, научить ихъ жить высшею божественною жизнью; то Онъ указываетъ людямъ истинную жизнь также и въ вѣрѣ въ Себя, въ Свое дѣло и ученіе. Такъ напри мѣръ Іисусъ Христосъ говорилъ: «сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа» ²⁾. «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небсній» ³⁾. «Слушающій слово Мое, и вѣрующій въ пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную; и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь» ⁴⁾. «Воля пославшаго Меня есть та, чтобы всякій, видящій Сына и

¹⁾ *Физте.* Изъ указ. соч. Леббока, стр. 180.

²⁾ Іоан. Еван. 17, 3.

³⁾ Мѣ. 5, 48.

⁴⁾ Іоан. 5, 24.

върующій въ Него, имѣлъ жизнь вѣчную» ⁵⁾. «*Върующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную. Я есмь хлѣбъ жизни»* ⁶⁾. «*Я пришелъ для того, чтобы имѣли жизнь и имѣли съ избыткомъ»* ⁷⁾. «*Я есмь путь и истина и жизнь.*» ⁸⁾. Подобнымъ образомъ и апостолы учили, что истинная человѣческая жизнь должна состоять въ духовной жизни по вѣрѣ въ Иисуса Христа, потому что Онъ, какъ Сынъ Божій, возвѣстилъ людямъ высшее божественное ученіе и указалъ имъ истинный путь-жизни. Такъ, напримѣръ, Іоаннъ Богословъ пишетъ въ своемъ первомъ посланіи: «*знаемъ, что Сынъ Божій пришелъ, и далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ въ истинномъ Сынѣ Его, Иисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и жизнь вѣчная»* ⁹⁾. «*Богъ даровалъ намъ жизнь вѣчную, и сія жизнь въ Сынѣ Его. Имѣющій Сына (Божія) имѣетъ жизнь; не имѣющій Сына Божія не имѣетъ жизни. Сіе я написалъ вамъ, върующимъ во имя Сына Божія, дабы вы знали, что вы, въруя въ Сына Божія, имѣете жизнь вѣчную»* ¹⁰⁾. Наконецъ, и въ священныхъ книгахъ ветхаго завета мы постоянно встрѣчаемъ общую и основную мысль, что только слова откровенія Бога истинны, что слѣдуетъ жить только въ волѣ Его, искать Его наставленій и поучаться заповѣдямъ Его. Сюда относится напримѣръ весь псаломъ 118-й, изъ котораго приведемъ здѣсь слѣдующія слова: «*блаженны непорочные въ пути, ходящіе въ законъ Господнемъ. Блаженны хранящіе откровенія Его, встѣмъ сердцемъ ищущіе Его. Они не дѣлаютъ беззаконія, ходятъ путями Его... Открой очи мои (Господи), и увижу чудеса закона Твоего... Удали отъ меня путь лжи; и законъ Твой даруй мнѣ. Я избралъ путь истины, поставилъ предъ собою суды Твои... Удѣлъ мой, Господи, сказалъ я, соблюдать слова Твои... Законъ устъ Твоихъ для меня лучше тысячъ золота и серебра... Во вѣкъ не забуду повелѣній Твоихъ, ибо ими Ты оживляешь меня... Я видѣлъ*

⁵⁾ Іоан. 6, 40.

⁶⁾ Іоан. 6, 47—48.

⁷⁾ Іоан. 10, 10.

⁸⁾ Іоан. 14, 6.

⁹⁾ Іоан. 5, 20.

¹⁰⁾ Іоан. 5, 11—13.

предѣлъ всякаго совершенства; но Твоя заповѣдь безмѣрно широка... Слово Твое свѣтильникъ ногъ моей и свѣтъ стезь моей... Дивны откровенія Твои; потому хранитъ душа моя... Откровенія Твои, которыя Ты заповѣдалъ, правда и совершенная истина... Правда Твоя—правда вѣчная, и законъ Твой—истина... Правда откровеній Твоихъ вѣчна: вразуми меня, и буду жить... Близокъ Ты, Господи, и всѣ заповѣди Твои истина... Великъ миръ у любящихъ законъ Твой, и нѣтъ имъ преткновенія» ¹¹⁾. Или въ притчахъ Соломона читаемъ: «начало мудрости—страхъ Господень; (доброе разумѣніе у всѣхъ, водящихся имъ; а благоговѣніе къ Богу—начало разумѣнія)» ¹²⁾. «Господь даетъ мудрость; изъ устъ Его—знаніе и разумъ» ¹³⁾. «Мудрость Божія есть древо жизни для тѣхъ, которые приобрѣтаютъ ее,—и блаженны, которые сохраняютъ ее» ¹⁴⁾. Она говоритъ: «кто нашелъ меня, тотъ нашелъ жизнь, и получитъ благодать отъ Господа; а согрѣшающій противъ меня наноситъ вредъ душѣ своей: всѣ ненавидящія меня любятъ смерть» ¹⁵⁾.

III.

Христіанская религія освящаетъ, укрѣпляетъ и возвышаетъ всѣ высшія стремленія духа человѣческаго. Такъ развитіе умственное, или исканіе истины заповѣдуются Іисусомъ Христомъ, напримѣръ, въ словахъ, обращенныхъ къ іудеямъ: «изслѣдуйте писанія; ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную», ¹⁶⁾ «познайте истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными» ¹⁷⁾. Себя Самаго Іисусъ Христосъ также называетъ истиною ¹⁸⁾ и вся Его земная жизнь и дѣятельность была непрерывной проповѣдью божественной

¹¹⁾ Псал. 118, ст. 1—3, 18, 29, 30, 57, 72, 93, 96, 105, 129, 138, 142, 144, 151, 165.

¹²⁾ Притч. I, 7.

¹³⁾ Притч. 2, 6.

¹⁴⁾ Притч. III, 13.

¹⁵⁾ Притч. VIII, 35—36.

¹⁶⁾ Іоан. V, 39.

¹⁷⁾ Іоан. VIII, 32.

¹⁸⁾ Іоан. XIV, 6.

истины ¹⁹⁾. Въ своихъ рѣчахъ Онъ весьма часто приводитъ изреченія изъ священныхъ книгъ ветхаго завѣта, такъ что слушатели нерѣдко выражали открыто удивленіе Его мудрости и знанію, и говорили: *«какъ Онъ знаетъ писанія не учившись»* ²⁰⁾. Что касается развитія нравственнаго чувства, то, какъ извѣстно, почти всѣ рѣчи Иисуса Христа исполнены наставленій объ этомъ. Наконецъ, Господь заповѣдалъ очищать, возвышать и область чувствованій, жизнь сердца. Онъ говорилъ, что именно изъ сердца исходятъ злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія, кражи, лже-свидѣтельствванія, хуленія ²¹⁾. *«Порожденія ехидны!»* зывалъ Иисусъ Христосъ къ фарисеямъ: *«какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Добрый человекъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе; а злой человекъ изъ злаго сокровища выноситъ злое»* ²²⁾. И вотъ почему блаженны, говоритъ Господь, *«чистые сердцемъ, блаженны милостивые, миротворцы»* ²³⁾. Вообще ожидаетъ небесная награда всѣхъ тѣхъ, кто способенъ сердцемъ своимъ чувствовать страданія, скорби, нужды и немощи другихъ и этимъ подвигается на добрыя дѣла ради своихъ ближнихъ ²⁴⁾. Потому то Иисусъ Христосъ такъ строго обличалъ фарисеевъ за то, что они только по наружности казались праведниками, а внутри были полны хищенія, неправды, лицемерія и всякой нечистоты, беззаконія, и вообще были не чувствительны, и это выражалось у нихъ въ угнетеніи вдовицъ, въ оставленіи важнѣйшаго въ законѣ, т. е. суда, милости и вѣры ²⁵⁾.

Однако не подлежитъ сомнѣнію и то, что религія тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается не столько съ познавательною способностью человѣка, сколько съ областью воли и чувства. Содержаніе религіи направлено главнымъ образомъ не на умноженіе познаній человѣка, а на воспитаніе

¹⁹⁾ Іоан. XVIII, 37.

²⁰⁾ Іоан. VII, 15.

²¹⁾ Мѡ. XV, 19.

²²⁾ Мѡ. XII, 34, 5.

²³⁾ Мѡ. V, 7—9.

²⁴⁾ Мѡ. XXV, 34—40.

²⁵⁾ Мѡ. XXIII, 13—28.

его воли и чувства. Въ книгахъ христіанскаго откровенія мы встрѣтимъ очень мало прямыхъ наставленій о прибрѣтеніи знанія—естественно-научнаго, математическаго, философскаго и т. д.; но вся біблія, отъ первой своей страницы до послѣдней, изобилуетъ заповѣдами правоученія, разнообразными наставленіями человѣку объ укрѣпленіи воли въ вѣрѣ, о сохраненіи возвышенныхъ чувствованій сердца. Богъ требуетъ отъ человѣка прежде всего святости, нравственной чистоты духа, совершенія добрыхъ дѣлъ изъ любви къ Богу и ближнему. Господь не осуждаетъ человѣка, если онъ несвѣдуещъ въ познаніяхъ, но обвиняетъ и наказываетъ его, если онъ грѣшенъ, нравственно-нечистъ, живетъ незаконно. Такое ближайшее отношеніе религіи къ области воли и чувства опредѣляется тѣмъ, что и въ духовномъ существѣ человѣка центральное мѣсто занимаетъ дѣятельность не ума, какъ познавательной силы, а дѣятельность воли, сопровождаемая чувствованіями.

Ученіе Шопенгауера о волѣ въ природѣ общаетъ наилучшимъ образомъ разрѣшить проблемму о существѣ человѣческой природы; по крайней мѣрѣ это ученіе полно самага глубокаго, жизненнаго и правдиваго смысла, Воля, какъ космическое разумное начало, дѣйствуетъ безсознательно въ явленіяхъ міра неорганическаго, инстинктивно и полусознательно—въ явленіяхъ животнаго міра, и наконецъ—сознательно въ человѣкѣ. Проявленіе воли въ человѣкѣ начинается даже прежде пробужденія въ немъ сознанія въ собственномъ смыслѣ (съ самага рожденія человѣка). Воля же, сопровождаемая чувствованіями, самосознаніемъ и дѣятельностью, и есть самъ человѣкъ, или цѣлая личность, сознающая единство своей внутренней жизни и все разнообразіе ея проявленій, вступающая въ извѣстное соотношеніе съ другими личностями и съ предметами внѣшняго міра. Поэтому первая и существенная задача жизни и должна состоять въ нормальномъ воспитаніи и укрѣпленіи воли, или нравственнаго чувства подъ руководствомъ нравственнаго долга. «Знаніе внѣшнихъ вещей не утѣшитъ меня въ моментъ скорби въ незнаніи началъ нравственности, но нравственная опытность всегда можетъ утѣшить меня въ познаніи внѣшнихъ вещей» ²⁶⁾. Къ этой-то нравственно-во-

²⁶⁾ Б. Паскаль. Указ. соч., стр. 96—97.

спитательной дѣли прежде всего и направляется руководство религіи.

Старыя психологіи преимущественное значеніе въ психической жизни придавали способности *познающей*. Вѣрнѣе будетъ приписать это значеніе силѣ дѣятельной, или волѣ. Познавательная дѣятельность человѣка происходитъ изъ *стремленія* къ познанію. Значить, и въ этой дѣятельности открываетъ себя одна и таже *воля*, которая руководитъ стремленіями человѣка, и которая въ данномъ случаѣ направляется на *познаніе* предметовъ внѣшняго или внутренняго міра. Воля человѣка, сопровождаемая сознаніемъ, вѣдаетъ всѣ психическія отправленія личности, открывається въ многообразныхъ влеченіяхъ и склонностяхъ, въ томъ числѣ и въ интеллектуальныхъ. Отсюда уже слѣдуетъ, что для самаго усвоенія истины необходимымъ условіемъ и почвой служить правильное развитіе воли и нравственнаго чувства. И дѣйствительно, уже самое стремленіе къ интеллектуальному развитію предполагаетъ нѣкоторую высоту нравственнаго чувства, потому что человѣкъ *безпечный и низкій* въ нравственномъ отношеніи, утрачиваетъ *расположеніе и къ умственному самоусовершенствованію, къ приобрѣтенію новыхъ познаній, теряетъ вкусъ къ интересамъ науки.* Хотя человѣку отъ природы вообще и свойственно стремленіе къ познанію истины, но люди вѣдь не всегда отдаются ему, нерѣдко даже не ищутъ истины совершенно, не имѣя при этомъ никакихъ извиняющихъ причинъ, или достаточно уважительныхъ основаній. Таковы бывають люди, служащіе *исключительно* лишь утилитарнымъ и эпикурейскимъ идеаламъ. Такіе люди не любятъ, какъ извѣстно, жить высшими интеллектуальными стремленіями. Мало того, живя беззаботно, при полномъ матеріальномъ довольствѣ, пользуясь постоянными удачами въ житейскихъ дѣлахъ, они нерѣдко съ ироніей и даже презрительно смотрятъ на скромныхъ искателей и искреннихъ любителей истины, на тѣхъ достойныхъ и благородныхъ людей, которые самоотверженно трудятся надъ личнымъ умственнымъ самообразованіемъ и для умноженія человѣческихъ познаній.

Кромѣ того, при самомъ усвоеніи истины, требуется высокое нравственное чувство, которое внушало бы чело-

вѣку *уважать* истину, соблюдать полную *искренность и безпристрастіе* при ея изслѣдованіи, и не жертвовать ею ради *какихъ* нибудь низменныхъ цѣлей. Безъ подкладки *возвышеннаго* нравственнаго чувства, человѣкъ часто не любитъ открывать *всецѣло* своей души для воспріятія истины. Тутъ у человѣка не видно полной готовности, *искреннаго* желанія *непремѣнно* усвоить истину, хотя бы она оказалась ему и не по душѣ, хотя бы и тяжело было ему откровенно признать ее. Въ этомъ случаѣ человѣкъ, можетъ быть, и ясно видитъ истину, и чувствуетъ, и понимаетъ ее несомнѣнно. Тѣмъ не менѣе онъ не ощущаетъ въ себѣ достаточно внутренней силы, чтобы безбоязненно и *всецѣло* усвоить ее. Иногда же онъ принимаетъ истину, но не вполне, а только частію, соглашаясь съ такими лишь положеніями ея, какія ему нравятся, какія годны для его одностороннихъ тенденцій. Иногда немѣренно извращаетъ ее, представляя извѣстныя, сами по себѣ вѣрныя, мысли въ неправильной комбинаціи. Нерѣдко и совершенно отвергаетъ истину, даже злобно порицаетъ ее, служителей ея осыпаетъ проклятіями и нерѣдко преслѣдуетъ. Такая неискренность въ розысканіи и усвоеніи истины допускается людьми по очень разнообразнымъ неблагоприятнымъ мотивамъ. Особенно это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ единственно изъ упорства не хочетъ покориться истинѣ, и старается, во что бы то ни стало, отстоять свои явно ложныя мысли, или когда онъ боится, съ признаніемъ истины, изобличить самаго себя въ неправильномъ образѣ дѣйствій, въ нехорошемъ поведеніи, или, наконецъ, когда открытое исповѣданіе истины грозитъ ему лишеніемъ тѣхъ или другихъ удобствъ личнаго благосостоянія. «Мнѣ бы хотѣлось», пишетъ Паскаль, довести человѣка до желанія *найти* истину, заставить быть готовымъ къ ней и, зная, насколько его познаніе затемнено страстями, освободиться отъ страстей, чтобы слѣдовать за ней, если найдетъ ее; *мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ ненавидѣлъ въ себѣ похоть, которая ставитъ ему предѣлы, чтобы она не ослѣпила его при выборѣ и не остановила его, когда онъ сдѣлаетъ уже выборъ*» ²⁷⁾,

²⁷⁾ Указ. соч., стр. 50.

Если и естественная наука часто вступала на ложный путь вслѣдствіе неискренности, зависти и предвзятыхъ тенденцій ея служителей, то тѣмъ въ большей степени усвоеніе истинъ идеалистическихъ (моральныхъ, философскихъ, богословскихъ и проч.) зависитъ главнымъ образомъ отъ нравственнаго чувства личности. Особенно *здѣсь* чело- вѣкъ бываетъ склоненъ признавать лишь тѣ убѣжденія, какимъ онъ внутренно сочувствуетъ, какія соотвѣтствуютъ его *душевному расположенію*. Слова Божіи слушаетъ и воспринимаетъ духомъ только тотъ, кто отъ Бога. Невѣровавшіе іудеи не слушали Иисуса Христа, потому что были не отъ Бога ²⁸). Истину способны усвоить лишь тотъ, кто самъ—отъ истины, ²⁹) т. е. кто всѣмъ существомъ своимъ стремится къ ней и уже предрасположенъ воспринимать ее всецѣло. Человѣкъ же развращенный, получившій превратное духовное образованіе и развитіе, чуждый высокихъ идеальныхъ стремленій, не слушаетъ голоса истины, и даже гонитъ и поноситъ ея проповѣдниковъ. Такъ Иисусъ Христосъ обличаетъ фарисеевъ не за то, что они имѣли умственное зрѣніе, т. е. были многосвѣдущи, а за то именно, что и при этомъ зрѣніи своемъ были одержимы духовной слѣпотой, не *хотѣли* видѣть истины, и потому не имѣли уже извиненія въ грѣхѣ своемъ ³⁰). Потому то ветхозавѣтный мудрецъ даетъ такой совѣтъ: *поучающій кощунника наживетъ себя безславіе; и обличающій нечестиваго—пятно себя. Не обличай кощунника, чтобы онъ не возненавидѣлъ тебя; обличай мудраго, и онъ возлюбитъ тебя. Дай наставленіе мудрому, и онъ будетъ еще мудрѣе; научи правдиваго и онъ приумножитъ знаніе* ³¹). Св. апостолъ Павелъ говоритъ также: «*душевный* (т. е. грѣховный, плотской) *человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ; и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно*» ³²). Значитъ, для того, чтобы правильно понимать высшія задачи жизни

²⁸) Іоан. 8, 47.

²⁹) Іоан. 18, 37.

³⁰) Іоан. IX, 41; XV, 22.

³¹) Притч. 9, 7—9.

³²) 1 Кор. 2, 14.

вообще, нужно напередъ пробудить и воспитать въ себѣ *влеченіе къ разумной жизни*, укрѣпить себя въ ней, развить въ себѣ любовь ко всему возвышенному, святому, доброму и прекрасному ³³).

«Мы сознаемъ истину», говоритъ Паскаль, «не только разумомъ, но и сердцемъ; послѣднимъ именно способомъ мы познаемъ первые принципы... На, эти-то познанія (убѣжденія) сердца и инстинкта и доженъ опираться разумъ, основывая на нихъ всякое свое размышленіе... Дай Богъ, чтобы мы познавали всѣ вещи инстинктомъ и чувствомъ! Но природа намъ отказала въ этомъ благѣ: она дала намъ только очень немного познаній подобнаго рода; всѣ остальные могутъ быть прибрѣтены только съ помощію разсужденія. Вотъ почему тѣ, которымъ Богъ далъ религиозное чувство въ сердцѣ, очень счастливы и вполнѣ законно ~~убѣждены~~ ³⁴).

³³) Въ данномъ случаѣ нѣтъ нужды идти далеко за примѣрами. Весьма поучительную въ этомъ отношеніи страницу открываетъ намъ извѣстный Л. Н. Толстой изъ собственной жизни. Онъ самъ на себѣ испыталъ, въ какой тѣсной зависности находится опредѣленіе смысла и цѣли жизни отъ внутренняго настроенія, отъ общаго душевнаго развитія чловѣка и характера его жизни. Вступая въ воарасія старости, Левъ Николаевичъ призналъ, что жизнь вообще есть зло и безсмыслица; но, по его собственному заявленію, пришелъ къ такой мысли не какимъ нибудь логическимъ путемъ, а потому собственно, что его *личная* прежняя жизнь была безсмысленна и безразсудна. Онъ пишетъ: «я заблудился не столько отъ того, что неправильно мыслялъ, сколько отъ того, что жилъ дурно, находясь въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ эвигурейства, въ которыхъ я провелъ жизнь. Я понялъ, что мой вопросъ, что такое моя жизнь, и отвѣтъ на него, что она—зло, былъ совершенно правильенъ. Неправильно было только то, что отвѣтъ, касавшійся лишь *меня*, я отнесъ къ жизни вообще. И действительно, моя жизнь, исполненная потворства похоти, была безсмысленна, зла, а потому и вела къ соотвѣтственному отвѣту, не касаясь жизни людской вообще. Значитъ, чтобы понять смыслъ жизни, необходимо прежде всего не жить безсмысленною жизнью, и затѣмъ уже нуженъ разумъ, чтобы понять жизнь (Исповѣль. Прав. Обзор. 1886 г. I, 299—300). Выводъ изъ этихъ словъ Льва Николаевича ясенъ: чтобы вѣрно опредѣлить благо жизни, служить которому чловѣкъ призывается, нужно прежде правильно развить и усовершенить свою духовную природу, возвысить и укрѣпить ея высшія, идеальныя влеченія, жить истинною жизнью духа.

³⁴) Указ. соч. стр. 118—119.

Если чувство человѣка неразвито нравственно, то и разумокъ, подѣ вліяніемъ этого чувства, будетъ неизбѣжно заблуждаться въ своихъ выводахъ. Наоборотъ, высокоразвитое нравственное чувство не дозволяетъ разумку лукавить и укрываться отъ истины какими либо софизмами. Предательская услужливость разсудка въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть достаточно извѣстна всякому по личному опыту. Если, напримѣръ, сердце наше заперто для оказанія помощи бѣдному или страждущему, то разумокъ не замедлитъ подставить намъ всѣ мотивы къ тому, чтобы не исполнить заповѣди о любви къ ближнему. И мы успокоиваемся,—чувствуемъ себя какъ бы оправданными. Но, если исполненіе зависѣло только отъ насъ и было возможно въ данномъ случаѣ, то стоитъ лишь обратиться къ безпристрастному нравственному чувству, и оно подскажетъ намъ, что мы всетаки неправы, хотя бы не исполнили заповѣди, повидимому, по очень уважительнымъ мотивамъ.

«Вещи», говоритъ Паскаль, «бываютъ истинны или ложны, смотря по тому, съ какой стороны на нихъ смотреть. Воля, которой одна сторона больше нравится, чѣмъ другая, отклоняетъ умъ отъ размысленія о свойствахъ той стороны, на которую она не любитъ смотрѣть: такимъ образомъ умъ, идя вслѣдъ за волею, останавливается предъ стороною, которая нравится волѣ, и судить о предметѣ по тому, что видитъ въ немъ»³⁵⁾.

Продажность человѣческаго ума и непосредственную зависимость его разсужденій и выводовъ отъ нравственнаго настроенія личности хорошо подмѣтилъ и выразилъ Ф. М. Достоевскій. Въ романѣ «Преступленіе и наказаніе» Раскольниковъ передъ тѣмъ, какъ убить старуху-процентщицу, разсуждалъ: «мы, люди, при случаѣ, и нравственное чувство наше придавимъ; свободу, спокойствіе, даже совѣсть, все, все на толкучій рынокъ снесемъ. Пропадай честь! Мало того, свою собственную казуистику выдумаемъ; у іезуитовъ научимся, и на время, пожалуй, и себя самихъ успокоимъ, убѣдимъ себя, что такъ надо, дѣйствительно

³⁵⁾ Указ. соч., стр. 65.

надо для доброй цѣли... Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь. Не загладится ли одно крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ». Совершая преступленье, Раскольниковъ говоритъ: «этою глупостью (т. е. убійствомъ старухи-процентщицы и Лизаветы) я хотѣлъ только поставить себя въ независимое положеніе, первый шагъ сдѣлать, достигъ средствъ, и такъ все бы загладилося неизмѣримою сравнительно пользою». Другой примѣръ казуистики ума, придумываемой для отверженія прямой и очевидной истины, усматривается въ томъ же романѣ, въ разсужденіяхъ Лужина. «Если мнѣ,—думаетъ онъ,—напримѣръ, до сихъ поръ говорили: «возлюби» и я возлюблялъ, то что изъ того выходило? Выходило то, что я рвалъ кафтанъ пополамъ, дѣлился съ ближнимъ и оба мы оставались на половину голы, по русской пословицѣ: «пойдешь за нѣсколькими зайцами разомъ—и ни одного не достигнешь». Наука же говоритъ: «возлюби прежде всѣхъ одного себя, ибо все на свѣтѣ на личномъ интересѣ основано. Возлюбишь одного себя, то и дѣло свое обдѣлаешь, какъ слѣдуетъ, и кафтанъ твой останется цѣлъ. Экономическая правда прибавляетъ, что чѣмъ болѣе въ обществѣ устроенныхъ частныхъ дѣлъ и, такъ сказать, цѣлыхъ кафтановъ, тѣмъ болѣе для него твердыхъ основаній и тѣмъ болѣе устраивается въ немъ и общее дѣло. Стало быть, приобретаемая единственно и исключительно себѣ, я, именно, тѣмъ самымъ приобретаю какъ бы и всѣмъ, и веду къ тому, чтобы ближній получилъ нѣсколько болѣе рваного кафтана, и уже не отъ частныхъ единичныхъ щедротъ, а вслѣдствіе всеобщаго преуспѣянія». Разсужденія неправильныя, противорѣчація опыту и несогласныя съ нравственнымъ чувствомъ. Но чего только не выдумываетъ разумъ человѣческій, подчиненный страсти и эгоизму, чтобы спрятать отъ себя истину и оправдать иногда явную ложь и незаконное дѣло! «Мы обольщаемъ себя, говоритъ Леббокъ, притязаніемъ на будто бы свойственную намъ логичность и разумность, но было бы большою ошибкою предполагать, что всѣ люди всегда руководятся разумомъ. Мы—странныя и непослѣдовательныя существа, и мы столь же часто, даже чаще, повинемся въ нашихъ дѣйствіяхъ предразсудку

или страсти. Вслѣдствіе этого вамъ легче овладѣвать людьми, дѣйствуя на ихъ чувства, чѣмъ убѣждая ихъ разумъ. Это относится еще болѣе къ обществамъ, чѣмъ къ отдѣльнымъ лицамъ» ³⁶⁾.

Паскаль пишетъ: «есть различныя ступени отвращенія къ истинѣ; но можно сказать, что оно въ нѣкоторой степени есть во всѣхъ людяхъ, потому что оно неразлучно съ нашимъ самолюбіемъ... Если мы ненавидимъ истину, ее скрываютъ отъ насъ; если мы хотимъ, чтобы намъ льстили, намъ льстятъ... Жизнь человѣческая не что иное, какъ постоянная иллюзія: люди только и дѣлаютъ, что обманываютъ другъ друга и льстятъ другъ другу. Никто не говоритъ о насъ въ нашемъ присутствіи такъ, какъ говорить въ нашемъ отсутствіи, Общеніе между людьми основано только на этомъ взаимномъ обманѣ: мало было бы друзей, если бы каждый зналъ, что его другъ говоритъ о немъ, когда его нѣтъ, хотя бы онъ тогда говорилъ искренно и безпристрастно».

Изъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій слѣдуетъ, что высшее руководящее чувство въ духовномъ существѣ человѣка есть нравственно-религіозное. Высшее же благо человѣка нужно полагать въ жизни по духу, въ жизни божеской, въ томъ, что остается въ личности послѣ ея отреченія отъ эгоизма, своекорыстія и животной похоти. Это есть постепенное богоуподобленіе личности, ея духовное усовершенствованіе чрезъ развитіе и укрѣпленіе потребностей духа подъ охраною нравственно-религіознаго чувства. «Лучшій человѣкъ, говоритъ Сократъ, — тотъ, кто всего болѣе старается усовершенствовать себя, а счастливѣйшій — тотъ, кто всего болѣе чувствуетъ, что онъ совершенствуется» ³⁷⁾. «Судить о томъ, что хорошо и что дурно, — говоритъ Паскаль, — нужно по волѣ Божіей, которая не можетъ быть ни несправедливою, ни слѣпою, а не по нашей собственной волѣ, которая всегда полна злобы и заблужденія» ³⁸⁾.

³⁶⁾ Изъ ук. соч. Леббока, ст. 19--20.

³⁷⁾ Тамъ же. стр. 187.

³⁸⁾ Указ. соч., 225.

В. Средства къ прибрѣтенію духовнаго совершенства.

1. Самовоспитаніе.

Какъ прибрѣтается духовное совершенство личности, составляющее существенную задачу жизни? Опытъ жизни показываетъ, что возможны произвольныя уклоненія чело- вѣка отъ нормальнаго развитія идей духа. Эти уклоненія возможны во всѣхъ областяхъ духовныхъ человѣческихъ стремленій. При чемъ сознательное влеченіе въ худшую сторону не есть частное явленіе, исчезающее въ общемъ ходѣ духовнаго развитія личности. Опытъ показываетъ, что чело- вѣкъ *весьма* склоненъ въ своей дѣятельности слѣ- довать такимъ влеченіямъ, которыя не могутъ удовлетво- рить самымъ элементарнымъ требованіямъ нормы. Плоды этой склонности бываютъ очень разнообразны, проявляются нерѣдко въ весьма грандіозныхъ, возмутительныхъ для не- испорченнаго человѣческаго духа, дѣйствіяхъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «нравственнаго зла». Иногда чело- вѣкъ съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ, безъ всякихъ видимыхъ угрызений совѣсти, даже какъ будто съ внутрен- нимъ удовольствіемъ, совершаетъ самыя гнусныя, страшныя злодѣянія, совершаетъ намѣренно, при ясномъ сознаніи преступности своихъ дѣйствій. Низменныя влеченія и по- зывы человѣческой природы свидѣтельствуютъ только объ ея внутренней испорченности и поврежденности, о господ- ствѣ въ ней закона заблужденій и зла, на ряду съ закономъ разума и добра. Потому-то чело- вѣкъ часто дѣлаетъ не то, что онъ признаетъ законнымъ, возвышеннымъ и достой- нымъ человѣческихъ стремленій, а то, чего онъ въ глубинѣ души, можетъ быть, и самъ не хотѣлъ бы. Поэтому съ полною психологическою вѣрностью св. ап. Павелъ утвер- ждаетъ: *законъ духовенъ, а я плотянь, проданъ грѣху; ибо не понимаю, что дѣлаю; потому что не то дѣлаю, что 'хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ, а потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть во плоти моей доброе, потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать*

оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я то дѣлаю, но живущій во мнѣ грѣхъ. И такъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо во внутреннему человеку нахожу удовольствие въ Законъ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающей меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ»³⁹⁾. Итакъ, законъ грѣха дѣйствуетъ въ насъ, грѣхъ царствуетъ въ мертвенномъ тѣлѣ нашемъ. Вотъ гдѣ причина крайней духовной немощи человѣка и не устойчивости его въ жизни по высшему разумѣнію. Мы признаемъ человѣка образомъ личнаго божества. Но этотъ образъ искаженъ. Въ немъ водворилось грѣховное начало, которое съ страшною силою отдѣляетъ человѣка отъ свойственной ему высшей духовной жизни. Отреченіе отъ эгоизма и чувственности есть необходимое условіе для духовнаго возрастанія человѣка, для расцвѣта въ немъ совершеннѣйшей жизни по идеямъ духа. Но это отреченіе есть вмѣстѣ и *подвигъ*; поскольку оно дается человѣку не сразу, не встѣдствіе какихъ либо неизбѣжныхъ законовъ, а именно путемъ внутренней дѣятельной и упорной *борьбы* самаго человѣка съ грѣховнымъ началомъ его природы. Здѣсь требуется прежде всего *самовоспитаніе*, безъ котораго сторонняя помощь и содѣйствіе (воспитаніе семейное и общественное) будутъ мало полезны. «Человѣкъ образуется путемъ самовоспитанія и примѣра; развитіе личности есть дѣло выработки, труда, а не традиціи»⁴⁰⁾. Нельзя принудить человѣка быть духовно совершеннымъ. Человѣкъ обладаетъ свободнымъ самоопредѣленіемъ въ отношеніи къ добрымъ и худымъ влеченіямъ своей природы: отъ него самаго зависитъ слѣдовать тѣмъ или другимъ. Потому-то *самодѣятельность* въ духовно-нравственномъ развитіи личности и требуется «прежде всего». И лишь при этомъ условіи добрая среда въ семьѣ, школѣ и обществѣ оказываетъ свое полезное содѣйствіе. Къ тому же *неодолимая* наклонность

³⁹⁾ Римл. VII, 14—23.

⁴⁰⁾ Указ. соч. Гильти. стр. 52.

человѣка скрывать свои худыя влеченія, пороки и, происходящее отсюда, лицемѣріе производятъ то, что внѣшнее наблюденіе не всегда можетъ съ точностію подмѣтить, каковы «дѣйствительныя» влеченія преобладаютъ въ душѣ того или другого воспитываемаго лица, какіе примѣры, добрые или худые, воспринимаетъ болѣе всего его чувство. А отсюда воспитаніе не всегда имѣетъ возможность духовно-возвышающимъ образомъ вліять на своихъ питомцевъ съ той именно стороны, откуда всего болѣе грозитъ имъ опасность. Внутренній духовный міръ извѣстной личности всецѣло открытъ только ей самой, если, впрочемъ, она, эта личность, не перестаетъ углубляться въ саму себя. «*Кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человеческого живущаго въ немъ?*» ⁴¹⁾). Значитъ, только самъ человѣкъ путемъ личнаго тщательнаго разслѣдованія своихъ духовныхъ задатковъ и наклонностей, путемъ постоянной и настойчивой борьбы съ самимъ собой, можетъ поднять себя на извѣстную высоту духовнаго совершенства. Каждый человѣкъ самъ прежде всего призывается быть стражемъ собственнаго духовнаго блага. «Наше воспитаніе принадлежитъ намъ самимъ: въ себѣ мы имѣемъ питомца, котораго мы должны обучать и воспитывать. То, чему мы научаемся сами, въ гораздо большей степени становится частью нашего существа, чѣмъ то, чему мы научились бы отъ другихъ. Воспитаніе не оканчивается съ выходомъ изъ школы: тогда оно только начинается. Оно продолжается въ теченіе всей нашей жизни» ⁴²⁾). Никакое самое бдительное и разумное стороннее попеченіе, никакое внѣшнее нравственное вліяніе не могутъ сдѣлать для духовнаго развитія человѣка столько, сколько онъ самъ способенъ приобрести для себя въ этомъ отношеніи, руководясь нравственнымъ закономъ, положеннымъ въ совѣсти каждаго человѣка и подробно раскрытымъ въ христіанскомъ ученіи, Жанъ Поль-Рихтеръ сказалъ: «Человѣкъ есть человѣкъ, и хозяинъ своей судьбы; если этого нѣтъ, вина лежитъ на немъ самомъ». «Вы— то, чѣмъ хотите быть, сила нашей воли, вмѣстѣ съ волей

⁴¹⁾ 1 Кор. 2, 11.

⁴²⁾ См. ук. соч. Леббока стр. 3.

Всевышняго, такова, что если мы серьезно и съ твердымъ намѣреніемъ захотимъ чѣмъ нибудь быть, мы этимъ и сдѣлаемся» ⁴³). Если же въ дѣлѣ духовнаго развитія личность представлена болѣе всего личному самовоспитанію, то и требуется настоятельно, чтобы оно шло путемъ правильнымъ.

Христіанское ученіе весьма часто призываетъ людей къ самовоспитанію, внушая имъ при этомъ *«испытывать»* себя, съ постоянною и строгою внимательностію относиться къ самимъ себѣ, дѣйствовать всегда осмотрительно и вести непрестанную борьбу съ низменными влеченіями. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ св. ап. Павелъ: *«внимайте себѣ»*; ⁴⁴) *«смотрите, поступайте осторожно, не какъ неразумные, но какъ мудрые, дорожа временемъ, потому что дни лукавы»* ⁴⁵); *«да испытываетъ же себя человекъ»* ⁴⁶); *«каждый да испытываетъ свое дѣло»* ⁴⁷); *«исправляйте (согрѣшившаго человекѣ) въ духѣ кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушеннымъ»* ⁴⁸). Господь Иисусъ Христосъ общалъ только *«похваждающаго сдалать столпомъ во храмъ Бога Отца и посадить съ Собою на престолъ Своемъ»* ⁴⁹).

Человѣкъ, внимательный къ личному самовоспитанію на строго нравственныхъ началахъ, получаетъ и великіе духовные «плоды» его. Прежде всего оно способствуетъ личному «самопознанію». Кто рѣдко всматривается въ себя и наблюдаетъ за собою, тотъ не можетъ составить правильныхъ воззрѣній даже на свою собственную духовную природу. Правда, его дѣйствія, поступки постоянно проходятъ чрезъ его личное сознаніе, и въ то время, когда онъ совершаетъ то или другое дѣйствіе, оно извѣстно ему. Но всѣ эти частныя дѣйствія суть не болѣе, какъ только внѣшнее, наружное отраженіе нашего сокровеннаго, «вну-

⁴³) См. ук. соч. Лоббока стр. 4.

⁴⁴) Дѣян. 20, 28.

⁴⁵) Еф. 5, 15—16.

⁴⁶) 1 Кор. 11, 28.

⁴⁷) Гал. 6, 4.

⁴⁸) Гал. 6, 1.

⁴⁹) Апок. 3, 12, 21. См. еще Ефес. 7, 10 и слѣд.; 1 Сол. 5, 5 и слѣд.; Мс. 24, 42 и сл. и мн. др.

тряннаго), психическаго міра. Объ этомъ-то собственно міръ и мало знаетъ тотъ, кто не внимателенъ къ личному самовоспитанію. Онъ знаетъ свои дѣйствія, но не представляетъ себѣ отчетливо, изъ какихъ духовно-нравственныхъ задатковъ вытекають эти дѣйствія. Онъ сознаетъ каждый разъ свои частныя поступки, но не усматриваетъ за ними того общаго «нравственнаго настроенія», изъ котораго, какъ изъ корня, происходятъ и самыя эти частныя поступки. Кто не заботится о самовоспитаніи, тотъ знаетъ себя, какъ личность, способную «дѣйствовать» постоянно такъ или иначе,—и только; но онъ мало знаетъ себя, какъ личность, способную духовно «развиваться» въ добрую или худую сторону. Ему самому въ подобномъ состояніи трудно было бы, кажется, дать отчетъ себѣ въ томъ, что онъ такое въ отношеніи къ высшимъ задачамъ и цѣлямъ жизни, каковъ общій складъ его духовнаго развитія, какими началами руководится онъ въ жизни, и что изъ него потомъ можетъ выйти? Онъ не представляетъ себѣ точно, повышается или понижается время отъ времени его общій духовно-нравственный уровень, какія заблужденія и пороки въ немъ особенно преобладають, и какихъ добродѣтелей не достааетъ у него... Такъ каждый человѣкъ стоитъ, можно сказать, въ самомъ центрѣ своихъ произвольныхъ дѣйствій, и однако же не всякій достаточно близко узнаетъ самого себя. Только тотъ можетъ болѣе или менѣе вѣрно судить лично о себѣ, кто самъ прежде всего заботится о своемъ духовномъ совершенствованіи и для этой цѣли проницательнымъ окомъ всматривается въ свою духовно-нравственную природу, тщательно слѣдитъ за ея развитіемъ.

Другой плодъ правильнаго самовоспитанія это—приобрѣтеніе нравственной «сосредоточенности». Кто строго слѣдитъ за собой въ духовно-нравственномъ отношеніи, тотъ никогда не дѣйствуетъ поспѣшно, подъ первымъ впечатлѣніемъ, и какъ пришлось. Прежде чѣмъ приступить къ совершенію извѣстнаго поступка, онъ внимательно разсматриваетъ, какова дѣйствительная нравственная цѣна этому поступку, одобряетъ его нравственный законъ или нѣтъ. Такой человѣкъ не легко поддается увлеченію и рѣдко ошибается. Гдѣ бы онъ ни былъ, какія бы духовныя вліянія ни дѣйствовали на него, онъ всегда остается вѣренъ

самому себѣ, и ничего не предпринимаетъ безъ предварительнаго строгаго обсужденія собственныхъ намѣреній. Напротивъ, легкомысленные и необдуманые поступки неизбежны тамъ, гдѣ нѣтъ достаточной внимательности къ самому себѣ и нравственнаго самообладанія.

Высшимъ же и, такъ сказать, завершительнымъ плодомъ строго христіанскаго самовоспитанія является образование возвышеннаго нравственнаго «характера». Вотъ самое дорогое пріобрѣтеніе, какимъ только можетъ обладать человекъ. Если подъ характеромъ вообще принято разумѣть извѣстнымъ образомъ сложившійся, болѣе или менѣе опредѣленный и постоянный, способъ дѣйствования, то возвышенный нравственный характеръ нужно понимать, какъ постоянную дѣятельность, представляющую собой свободное со стороны личности и болѣе или менѣе полное воплощеніе нравственнаго идеала, возможнаго для человека. Это непринужденное и всегдашнее хожденіе «по пути непорочнѣ»⁴⁰⁾, «хожденіе въ законѣ Господни»⁴¹⁾; здѣсь человекъ уже совсѣмъ становится выше порочныхъ желаній. Здѣсь духъ совершенно господствуетъ надъ искушеніями, все болѣе и болѣе воспитывая въ себѣ воспримчивость къ одному лишь возвышенному, святому, прекрасному. На этой ступени нравственнаго совершенства человекъ становится существомъ «не отъ міра сего». Что другое можетъ быть болѣе желательно для человека, какъ не достиженіе подобнаго духовно-нравственнаго состоянія?.. Какая цѣль жизни можетъ быть болѣе возвышенна, болѣе достойна человека, какъ не воспитаніе въ себѣ нравственно-христіанскаго характера? А между тѣмъ онъ-то именно и пріобрѣтается не иначе, какъ путемъ строгаго самовоспитанія. Прочтите жизнеописанія многихъ христіанскихъ подвижниковъ. Вы увидите, что не школа и общественное воспитаніе по преимуществу создали высокій характеръ каждаго изъ этихъ святыхъ мужей, а главнымъ образомъ личная ихъ строгость по отношенію къ самимъ себѣ, уединенная борьба ихъ съ грѣховными склонностями. Это духовно-нравственное самовоспитаніе, чрезъ которое достигается возвышенный ха-

⁴⁰⁾ Пс. 100, 6.

⁴¹⁾ Пс. 118, 1.

рактерь, должно быть непрерывное. Духовно-нравственная природа челоуѣка такъ скоро воспламеняется животными и эгоистическими влеченіями, что, при малѣйшемъ ослабленіи личной бдительности надъ собою, челоуѣкъ повергается въ опасность сразу потерять многое изъ того, что уже успѣлъ, быть можетъ, сдѣлать для своего духовно-нравственнаго возрастанія.

Духовное совершенство, богоуподобленіе не можетъ расширяться и возрастать у того, кто не проявляетъ усердія, твердой настойчивости въ дѣлѣ личнаго духовно-нравственнаго самовоспитанія. Такой челоуѣкъ рѣдко имѣетъ терпѣніе, какъ можно, пристальнѣе всматриваться въ сокровищницу своего духа, чтобы потомъ извлечь оттуда все нечистое и грѣховное. Иной и на самомъ дѣлѣ какъ будто знаетъ другихъ лучше, чѣмъ себя самого. Мало размышляя о своемъ духовномъ состояніи, не стремясь къ тщательному личному самовоспитанію, онъ, далѣе, и въ частныхъ случаяхъ своей практической дѣятельности не всегда бываетъ достаточно внимателенъ къ самому себѣ. Рѣдко ставитъ свои поступки предъ судомъ личной совѣсти и нравственнаго закона; дѣйствуетъ, мало размышляя о томъ, позволительно ли, согласно ли съ истиннымъ достоинствомъ челоуѣка дѣйствовать именно такъ, а не иначе? Его поступки рѣдко опредѣляются ясно сознанными и напередъ въ достаточной мѣрѣ продуманными нравственными началами. Онъ всегда дѣйствуетъ, но не всегда отдаетъ самъ себѣ ясный отчетъ въ собственныхъ дѣйствіяхъ. Иной челоуѣкъ не поставляетъ даже какой бы то ни было возвышенной цѣли для своей жизни. А дѣйствуя ежеминутно подъ вліяніемъ эгоизма и похоти, онъ рѣдко задумывается надъ тѣмъ, какіе самые дорогіе задажки своей духовной природы приноситъ онъ въ жертву заблужденію и грѣху всякій разъ, когда служитъ имъ, какъ каждый случай попраанія высшихъ требованій неизбѣжно, хотя, быть можетъ, и незамѣтно, увлекаетъ его въ рабство плоти и грѣховнаго міра. Вообще, такому челоуѣку не достаетъ глубокой осмысленности въ дѣйствіяхъ и зоркаго самонаблюденія. Рѣдко, рѣдко западетъ въ его душу опасеніе, какъ бы не сдѣлать невѣрнаго шага; вообще же онъ совершаетъ свой жизненный путь безъ достаточно ясной предусмотрительности, . .

мало освѣдомляясь о томъ; куда, наконецъ, этотъ путь приведетъ его. Отсюда скудость его жизненнаго опыта, слабость практическихъ познаній о человѣческомъ духѣ, недостаточное знакомство съ законами духовно-нравственнаго человѣческаго развитія. Отсюда же и замѣтное отсутствіе у него чистыхъ, нравственно возвышенныхъ «убѣжденій». Не прилагая особеннаго усердія къ личному духовному самоусовершенію, онъ уже поэтому самому не имѣетъ особеннаго повода къ такому усвоенію умомъ и сердцемъ духовно-нравственныхъ началъ жизни, чтобы они представляли для него не простую отвлеченность, чуждую жизни, а сводъ тщательно провѣренныхъ личныхъ опытовъ и разумно сознанныхъ нравственныхъ убѣжденій. Эти чистыя убѣжденія должны стать для человѣка глубоко жизненными правилами; въ нихъ должно отражаться самое существо духовно-нравственной личности человѣческой, и за нихъ, какъ за самое дорогое для себя сокровище, человѣкъ обязанъ жертвовать всѣмъ, даже собственнымъ благополучіемъ. Между тѣмъ, кто не прилагаетъ заботъ о своемъ духовномъ совершенствѣ, тотъ очень слабо хранитъ въ душѣ эти убѣжденія. Не воспринимая ихъ «существенно», жизненнымъ образомъ, онъ, вѣдѣя, что такое, весьма легко увлекается всякою «тщетною лестію», всякимъ вѣтромъ ученій о жизни и дѣятельности человѣческой, быстро переходя отъ одного такого ученія къ другому. Отсюда—его нравственное непостоянство, замѣтная неустойчивость его нравственнаго самосознанія. Есть люди, которые, по требованію обстоятельствъ, готовы безъ всякаго смущенія отступить отъ самаго за вѣтнаго, самаго дорогого для неиспорченнаго человѣческаго духа, духовно-нравственнаго достоянія. И вотъ почему также въ человѣческомъ сердцѣ доброе и худое такъ часто «уживаются» удивительнымъ образомъ, не производя въ немъ взаимно-протівоположныхъ, борющихся чувствъ и волненій. Иной отъ поступковъ, одобрительныхъ въ нравственномъ отношеніи, непосредственно переходитъ къ поступкамъ нравственно-унизительнымъ. Въ первомъ случаѣ у человѣка не возникаетъ яснаго сознанія «обязательности» дѣйствовать именно такъ, какъ онъ поступилъ; а во второмъ—его нисколько не тревожатъ «угрызенія совѣсти» за совершенное злодѣяніе. Говоря другими словами, это зна-

читать, что человекъ не воспиталъ въ себѣ чистыхъ духовно-нравственныхъ убѣжденій, иначе онъ не сталъ бы одновременно дѣйствовать и согласно этимъ убѣжденіямъ. Поступать такъ или иначе, худо или хорошо, для подобнаго человека совершенно безразлично, лишь бы только въ каждомъ частномъ случаѣ не страдало его личное временное благоденствіе. Очевидно, у него нѣтъ той дѣятельной и настойчивой борьбы съ низменными влеченіями, того постоянного строгаго отношенія къ самому себѣ, которыя составляютъ существенный признакъ самовоспитанія и постепеннаго духовнаго усовершенствованія личности. При всѣхъ подобныхъ условіяхъ возможно ли выработать болѣе или менѣе устойчивый возвышенный нравственный характеръ?

Человѣческій духъ имѣетъ въ строгомъ самовоспитаніи самаго надежнаго охранителя своего противъ всякихъ духовныхъ соблазновъ и искушеній. Отнимите у него этого охранителя и онъ неизбежно сдѣлается рабомъ эгоизма и похоти. Онъ быстро будетъ спускаться все ниже и ниже въ область плотской, животной жизни, въ область нравственныхъ ошибокъ и заблужденій. Это все равно, какъ движеніе шара, пущеннаго по наклонной плоскости. Если его не останавливаютъ, то онъ катится безостановочно, и чѣмъ дальше его путь, чѣмъ все быстрѣе его движеніе. «Въ томъ-то и состоитъ проклятіе зла, что оно всегда порождаетъ зло, какъ и наоборотъ, благословеніе добра въ томъ, что дѣлающіе его сами становятся добрыми и такимъ образомъ оказываются въ выигрышѣ» ⁵²⁾. Если же человекъ, по своей духовной безпечности и нерадѣнію, дошелъ до глубокаго нравственнаго паденія, — ему уже не легко снова подняться на высоту добродѣтельной и святой жизни не потому лишь, что онъ сдѣлался рабомъ грѣха, а и потому, что самое-то возвышенное, нравственно-чистое становится для него уже мало привлекательнымъ. Его духъ перестаетъ мало по малу ощущать въ истинѣ, добродѣтели, и чистой красотѣ ихъ величественную силу и восхитительную духовную прелесть, все равно, какъ глухой человекъ не способенъ испытывать на себѣ чарующаго дѣйствія прекрасно

---

⁵²⁾ См. ук. соч. Гильти, стр. 20.

выполняемыхъ мелодій. Этого мало: на степени глубокаго нравственнаго паденія человѣкъ даже готовъ безумно глумиться надъ всѣмъ возвышеннымъ и священнымъ, выносить на самое недостойное поруганіе святыню чистой духовной и божественной жизни. Никто изъ людей, навѣрное, не жеваль бы сознательно достигнуть такого жалкаго духовно-нравственнаго состоянія... Но до него можно дойти, хотя и постепенно, при отсутствіи строгаго самовоспитанія. «Изъ всего дурнаго, что составляетъ проклятiе человѣчества, нашъ собственный дурной характеръ, безъ сомнѣнія, всего хуже» ⁵³).

II. Помощь благодати Христовой.

Надо однако сказать, что самовоспитаніе, хотя и служить необходимымъ условіемъ достиженія истиннаго человѣческаго блага, полагаемаго въ жизни по духу, однако одно оно представляется для этой цѣли недостаточнымъ. Надо поставить общій основной вопросъ: откуда злое, грѣховное начало въ человѣкѣ? Только съ теистическо-христіанской точки зрѣнія этотъ вопросъ разрѣшается вполнѣ, и только въ христіанствѣ духовное совершенство, какъ истинное благо жизни, оказывается достижимымъ. Здѣсь помогаютъ дѣлу христіанскіе догматы паденія и искупленія, противъ которыхъ такъ рѣзко вооружаются противники христіанства. Первый догматъ указываетъ *начало, причину* грѣха и поврежденности человѣческой природы, а вторымъ догматомъ опредѣляется человѣку *средство* для побѣжденія грѣха и возвышенія въ себѣ истинной духовной жизни. Догматы эти въ существѣ дѣла—тайна. Но, какъ говоритъ Паскаль, безъ этой тайны, самой непостижимой изъ всѣхъ, мы непостижимы для самихъ себя. Узелъ нашего существованія завязанъ на днѣ этой пропасти, такъ что человѣкъ еще болѣе непонятенъ безъ этой тайны, чѣмъ эта тайна непонятна человѣку» ⁵⁴).

По догмату о паденіи, рассматриваемому съ объективной стороны, человѣкъ, вызванный Богомъ къ жизни въ союзѣ

⁵³) См. указ. соч. Леббока, стр. 185.

⁵⁴) Указ. соч. стр. 116.

любви, единеніи съ Нимъ и прославленіи Его, произвольно уклонился отъ этого союза, не захотѣлъ жить въ донѣ Божества, вздумалъ жить по собственной волѣ и преступилъ заповѣдь Творца своего. Человѣкъ самъ себя лишилъ той славы Божіей, которую Господь украсилъ его при созданіи (Рим. III, 23). Человѣкъ захотѣлъ жить самъ по себѣ и возгордился. Но вѣдь жизнь возможна, само собою, только въ единеніи съ Верховнымъ началомъ и причиной бытія, въ постоянномъ союзѣ съ Источникомъ жизни, т. е. съ Богомъ—Творцомъ, Которымъ всѣ мы «живемъ и движемся и существуемъ» (Дѣян. XVII, 28). Внѣ и помимо Бога жизнь не мыслима. Впрочемъ, Господь по паденіи человѣка не восхотѣлъ погубить Свое созданіе, не обратилъ его снова въ небытіе и далъ ему жизнь. Тѣмъ не менѣе произвольное удаленіе человѣка отъ Бога и расторженіе союза съ Нимъ неизбежно, должно было произвести полное разстройство въ жизни самого человѣка. Послѣдній самъ вздумалъ уйти отъ Источника жизни, жить по произволению собственнаго сердца; ясно, что его существованіе внѣ этого Источника и не могло уже идти нормально, и оно, дѣйствительно, пошло въ извращенномъ видѣ. Отсюда появилось всяческое зло, грѣхъ, пороки, тѣлесная смерть, страданія, болѣзни и проч. Дотолѣ невинная и чистая природа человѣческая произвольно приняла въ себя. новое начало грѣха и разрушенія, посему стала слабою и испорченною. Но уже понятно само собою, что разладъ между Богомъ, какъ Творцемъ и началомъ міробытія, и между человѣкомъ, какъ твореніемъ, разладъ, происшедшій по волѣ послѣдняго, неизбежно долженъ былъ, вслѣдствіе внутренняго единства бытія, разрушительно отозваться и на всемъ міровомъ цѣломъ. Съ паденіемъ человѣка, какъ царя сотворенной природы, оживляющее ее божественное начало, установленное Творцемъ, неизбежно должно было ослабѣть. Тѣмъ грѣха и разрушенія помрачила въ извѣстной степени искру божественнаго огня, животворящаго вселенную. Посему то и жизнь послѣдней идетъ ненормальнымъ путемъ. Природа также подчинилась ради человѣка тлѣннѣю и рабству (Рим. VIII, 20—22). «Миръ весь во зль лежитъ» (1 Иоан. V, 19).

Что же послѣ этого нужно было для того, чтобы возстановить въ человѣкѣ истинную духовную жизнь, какъ

высшее благо? Какъ можно было снова изъять человѣка изъ рабства грѣху и возвысить въ немъ образъ Божій? Для этого, очевидно, требовалась опять призвать человѣка къ жизни съ Богомъ и къ союзу любви съ Нимъ. Нужно было снова привести его къ источнику высшей, божественной, духовной жизни. Но гдѣ было найти этотъ источникъ? Уже, конечно, не въ самой испорченной человѣческой природѣ и не въ сотворенномъ мірѣ, такъ какъ и внѣшнее бытіе повреждено грѣхомъ. Очевидно, нужно было «рожденіе свыше» отъ Божественнаго Источника жизни, отъ Духа Божія; потому что рожденное отъ плоти есть плоть, а только рожденное отъ Духа есть духъ (Іоан. III, 3—7). Требовалось опять приближеніе человѣка къ Божеству, обновленіе грѣховнаго человѣческаго естества началомъ высшей духовной жизни. Нужно было среди развращеннаго и испорченнаго грѣхомъ міра создать центръ новой жизни божественной, небесной, къ которому человѣкъ могъ бы прибѣгать и приобщаться здѣсь безескаго естества. Однимъ словомъ, настояла потребность, чтобы Самъ Господь опять разыскалъ человѣка, извлекъ его изъ рабства грѣха, укрѣпилъ и обновилъ оставшіяся въ немъ лучшія духовныя силы, привилъ человѣку начало собственной божественной жизни. И вотъ христіанство своимъ догматомъ искупленія учить о пришествіи на землю Іисуса Христа, Единороднаго Сына Божія, Который сталъ для людей новымъ, духовнымъ родоначальникомъ, вторымъ Адамомъ. Онъ именно принесъ на землю божественное начало жизни и призвалъ, расположилъ людей слѣдовать этому началу, укрѣплять и возвращать въ себѣ. Учредилъ среди человѣчества, въ противоположность земному царству зла и грѣха, небесное царство свѣта, любви и святости, Церковь Свою, въ которой каждый плотской человѣкъ снова можетъ возродиться отъ верховнаго Источника жизни, отъ Духа св. и приобщиться Божескому естеству. Самъ Іисусъ Христосъ является Божественною лозою, къ которой падшіе люди прививаются, которая питаетъ ихъ соками божественной жизни, очищаетъ, обновляетъ ихъ поврежденное естество и укрѣпляетъ ихъ въ подвигахъ добра, истины и святости. Іисусъ Христосъ говорилъ Своимъ ученикамъ о Себѣ: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отецъ Мой Виноградарь. Всякую

у Меня вѣтвь, не приносящую плода, Онъ отсѣкаетъ; и всякую, приносящую плодъ, очищаетъ, чтобы болѣе приносила плода. Вы уже очищены чрезъ слово, которое Я проповѣдалъ вамъ. Пребудьте во Мнѣ, и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Кто не пребудетъ во Мнѣ, извернется вонъ, какъ вѣтвь, и заожнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь и онъ сгораютъ» (Іоан. XV, 1—16). Итакъ только та вѣтвь приноситъ плодъ, которая на лозѣ. Только тотъ, грѣховный по естественному рожденію, человѣкъ можетъ приносить плоды жизни духовной, кто снова прививается къ ея Источнику, ко Христу, какъ Богочеловѣку, сообщающему всѣмъ, живущимъ въ Немъ, обновляющее начало божественной жизни. «Безъ Іисуса Христа человѣкъ по необходимости былъ бы въ порокъ и ничтожествѣ; съ Іисусомъ Христомъ человѣкъ изъятъ изъ порока и ничтожества. Въ Немъ вся наша добродѣтель и все наше блаженство. Внѣ Его есть только порокъ, ничтожество, заблужденія, мракъ, смерть, отчаяніе. Безъ Іисуса Христа міръ не существовалъ бы, ибо онъ необходимо разрушился бы, или былъ бы въ родѣ ада» (Паскаль)⁵⁵). Только органически объединяясь съ живымъ Христомъ, какъ Богомъ, человѣкъ пріобщается божественному естеству и получаетъ духовныя силы для борьбы съ своею грѣховною природою. Только имѣя предъ собою ликъ *живаго, любящаго, личнаго* Бога въ Іисусѣ Христѣ, человѣкъ можетъ вдохновлять себя на подвиги божественной жизни и подавлять въ себѣ сѣмя грѣховныхъ влеченій. Мы повреждены грѣхомъ, и потому на землѣ нѣтъ центра божественной жизни. Эта лучшая, совершеннѣйшая, чуждая всякаго грѣха и нечистоты, жизнь могла быть прпрнесена на землю только съ неба самимъ Божествомъ, и она, дѣйствительно, принесена Сыномъ Божиимъ. И только тотъ, кто внутренне соединяется съ этимъ *личнымъ* Словомъ и Разумомъ, тотъ можетъ жить истинною

⁵⁵) Указ. соч., 201.

духовною жизнью подъ покровомъ и при содѣйствіи благодати Христовой. Только озаряемый и просвѣщаемый этимъ истиннымъ свѣтомъ Божиимъ, человѣкъ, приходящій въ міръ, можетъ душею своею возчувствовать и оцѣнить всю красоту жизни въ личномъ Богѣ, и ощутить въ себѣ жажду стремиться къ этой жизни, искать ея. Только возрождаемый Духомъ *Божіимъ*, Духомъ Христовымъ, человѣкъ освобождается отъ грѣховнаго рабства, очищается, дѣлается причастникомъ и наслѣдникомъ высшаго божескаго царства истины, правды и святости, воспринимаетъ въ себя сѣмя высшей божественной жизни, и ощущаетъ въ себѣ силы для борьбы съ грѣховнымъ началомъ своей природы. Итакъ вся вѣра состоитъ въ Иисусѣ Христѣ и Адамѣ, вся мораль—въ признаніи похоти и благодати («Паскаль») ⁵⁶⁾.

Но несправедливо противники христіанства упрекаютъ его въ томъ, будто оно догматомъ искупленія признаетъ спасеніе людей исключительно дѣломъ одного личнаго Бога, а не дѣломъ собственныхъ усилій каждаго человѣка, будто оно «христіанство» отвергаетъ и устраняетъ этимъ догматомъ личную борьбу человѣка съ его пороками и заблужденіями и не даетъ никакихъ средствъ для этой внутренней борьбы ⁵⁷⁾. Догматъ искупленія истинная Церковь Христова (православная) понимаетъ не въ протестантскомъ смыслѣ, т. е. будто бы мы получаемъ небесное царство только по одной *вѣрѣ* въ Иисуса Христа, безъ всякихъ личныхъ и дѣятельныхъ усилій, будто уже намъ прощены *все* грѣхи ради искупительныхъ заслугъ Христовыхъ, такъ что уже не требуется для спасенія собственное наше преуспѣяніе въ жизни по Христѣ, въ жизни божественной. Нѣтъ, православная Церковь именно учитъ, что человѣкъ, грѣховный и немощный по естественному своему рожденію, чрезъ Иисуса Христа возрождается свыше, переходитъ изъ царства грѣха въ царство Божіе, воспринимаетъ въ себя сѣмя новой, благодатной, божественной жизни. Однако это сѣмя вѣрующій христіанинъ долженъ *самъ* въ себѣ возрастить, укрѣпить,

⁵⁶⁾ Указ. соч., 221.

⁵⁷⁾ Такъ разуждаетъ на примѣръ Л. Толстой. См. соч. „Въ чемъ моя вѣра“, гл. 8 и др.

долженъ *собственными усиліями* возсоздать въ себѣ жизнь по Христѣ, привить себя къ этой доброй маслинѣ, органически, тѣснѣйшимъ образомъ соединиться съ нею, путемъ борьбы съ противоположнымъ смертоноснымъ началомъ грѣха, путемъ подавленія въ себѣ низменныхъ стремленій (Рим. гл. 6.). Но это возсозданіе въ себѣ жизни по Христѣ и эта борьба съ грѣхомъ облегчаются человѣку въ христіанствѣ, и потому только здѣсь жизнь истинная, духовная становится достижимой. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и растеніе, подъ условіемъ свѣта и теплоты, само развивается изъ сѣмени. Однако жизнь растенія будетъ лучше, ростъ его пойдетъ бысрѣе, если есть *садовникъ*, который постоянно наблюдаетъ за растеніемъ, поливаетъ его, переноситъ, въ случаѣ нужды, съ одного мѣста на другое и предохраняетъ отъ порчи. Такъ точно и человѣкъ долженъ *собственными* усиліями развивать и укрѣплять въ себѣ сѣмя духовной жизни. Но это дѣло облегчается для него; потому что въ Церкви всегда пребываетъ живой воскресшій Христосъ, Который близокъ къ каждому изъ Своихъ вѣрующихъ, ободриетъ его Своею безконечною любовію, благодатною помощію Своею помогаетъ бороться съ грѣхомъ и укрѣплять сѣмя христіанской жизни. «Люди легче поддаются убѣжденію, чѣмъ силѣ; примѣръ лучше дѣйствуетъ на нихъ, чѣмъ предписаніе. Многіе, которые не испугались бы всѣхъ ужасовъ инквизиціи, почувствуютъ справедливость замѣчанія Друммонда, что десять минутъ, проведенныя ежедневно вмѣстѣ съ Христомъ, даже двѣ минуты лицомъ къ лицу и сердцемъ къ сердцу съ Нимъ, сдѣлаютъ всю нашу жизнь совершенно иною» ⁵⁸⁾. «Жизнь по Божьему требуетъ предварительнаго полного перерожденія нравственнаго существа; благодаря этому перерожденію то, что раньше дѣлалось путемъ (безплодныхъ) усилій, дѣлается теперь *естественно и легко*, и именно соотвѣственно *новой природѣ* человѣка» ⁵⁹⁾. Вѣрующій христіанинъ чувствуетъ неодолимое стремленіе къ Христову царству свѣта, любви и святости, представляя себѣ божественный ликъ Іисуса Христа, безконечно любя-

⁵⁸⁾ Леббокъ. Указ. соч., стр. 191—192.

⁵⁹⁾ Гильти. Указ. соч. стр. 93.

щаго и очищающаго Духомъ Божиимъ грѣховное естество человѣка,—сострадающаго людямъ, сочувствующаго имъ въ страданіяхъ и скорбяхъ, содѣйствующаго имъ въ борьбѣ съ грѣхомъ и помогающаго имъ снова возставать послѣ временныхъ, единичныхъ паденій. Христіанинъ съ чувствомъ живѣйшей радости устремляется къ истинѣ, добру, святости и внутренней чистотѣ, потому что знаетъ живого личнаго Бога, Который такъ возлюбилъ міръ, что не возгнушался принять и самое естество человѣческое, дабы только спасти людей, т. е. извлечь ихъ изъ грѣховнаго рабства, приблизить къ Себѣ, ввести изъ тьмы порока и заблужденій въ собственное *духовное царство любви, свѣта и правды*). Блаженство, обѣщаемое христіанскимъ ученіемъ, есть нѣчто положительное, историческое, не философское, абстрактное, какъ въ стоицизмѣ; оно основывается на фактахъ, раз навсегда данныхъ, существующимъ неизмѣнно и независимо отъ мнѣній людей, какъ и всякія другія историческія событія. И признаніе этихъ фактовъ, вѣра въ нихъ также дается человѣку, если онъ къ ней стремится и желаетъ ея, все равно, кто бы онъ ни былъ, образованный или необразованный, мудрый или глупый, относительно добродѣтельный или великій грѣшникъ» ⁶⁰⁾.

Итакъ самовоспитаніе и благодать Божія въ христіанствѣ—вотъ двѣ главнѣйшія силы, которыми содѣлывается духовное усовершенствованіе личности. Вслѣдствіе кореннаго поврежденія и испорченности человѣческой природы, вслѣдствіе господства въ ней закона зла и грѣха, человѣческое благо, полагаемое въ жизни по духу, можетъ быть достигнуто вполнѣ только въ Церкви Христовой, при вѣрѣ въ личнаго Бога и Иисуса Христа, какъ Богочеловѣка,—послѣ духовнаго обновленія личности и очищенія ея природы отъ заразы грѣха, послѣ приобщенія человѣка Божественному естеству чрезъ рожденіе свыше. Только истинный

---

⁶⁰⁾ Гильти. Указ. соч. *ibid.*

христианинъ можетъ путемъ личныхъ усилій поработить себѣ грѣховное начало своей поврежденной природы и, при содѣйствіи благодати Божіей, возвыситъ и укрѣпитъ въ себѣ жизнь духовную, божественную, въ которой обрѣтетъ для себя и истинное благо.

Правда, что трудно вступать на спасительный путь добродѣтели и благочестія. Но это зависитъ отъ грѣховныхъ привычекъ и склонностей, которыя остаются еще въ человѣкѣ. «Мы терпимъ лишь настолько, насколько врожденный намъ порокъ противодействуетъ благодати, которая выше нашей природы. Наше сердце чувствуетъ себя растерзаннымъ этими противоположными усилями. Но было бы очень несправедливо приписывать это насиліе Богу, Который привлекаетъ насъ, а не міру, который удерживаетъ насъ. Это все равно, что дитя, котораго мать вырываетъ изъ рукъ воровъ: оно должно, хотя и терпитъ боль, любить законное и полное любви насиліе той, которая доставляетъ ему свободу, а отвращеніе питать только къ буйному и тиранническому насилію людей, незаконно его задерживавшихъ» (Паскаль) ⁶¹⁾.

Надо замѣтить однако, что жизнь отдѣльнаго лица не исчерпывается однимъ только духовнымъ совершенствомъ, которое создается личностію внутри ея самой. Духовныя дарованія сообщаются людямъ не въ равной мѣрѣ: одинъ имѣетъ ихъ больше, другой—меньше. Но эти дарованія,—сколько бы ихъ ни было,—даны человѣку, какъ нѣкоторое богатство, какъ талантъ, который ему нужно пустить въ ростъ и приумножить приобрѣтеніемъ другого таланта. Отсюда открывается новая сторона дѣла жизни: духовное совершенство, создаемое личностію внутри ея, должно во-внѣ открываться въ соотвѣтствующей *дѣятельности*. *Послѣдняя* должна быть конкретнымъ обнаруженіемъ *внутреннихъ* красотъ въ жизни по духу. Отсюда—естественный переходъ къ вопросу о практическомъ проявленіи во-внѣ нашего жизненнаго духовнаго содержанія,—переходъ отъ разсужденій о правильномъ духовномъ развитіи и совершенствѣ, какъ задачѣ жизни, къ вопросу о томъ, какъ субъектъ долженъ обнаруживать свои правильно развитыя

⁶¹⁾ Указ. соч. 242.

духовныя силы и способности въ практической дѣятельности, во взаимодействіи съ другими окружающими его существами. Но это уже—новыя мысли, о которыхъ можно и разсуждать особо и подробно. Здѣсь же мы замѣтимъ только, что многіе современные моралисты, въ разсужденіи о высшемъ благѣ жизни, часто оставляютъ совершенно въ сторонѣ вопросъ объ индивидуальномъ нравственно-религіозномъ усовершенствованіи и духовномъ самоочищеніи личности; высшую же цѣль жизни указываютъ только въ дѣятельномъ служеніи общественному благу, ссылаясь при этомъ на мораль христіанства, которую сводятъ къ одной лишь заповѣди о любви къ ближнему. Между тѣмъ христіанство не только проповѣдуетъ о любви и безкорыстномъ служеніи ближнему, но не менѣе выразительно и настойчиво внушаетъ каждому человѣку соблюдать и личную духовную чистоту и святость, достигать высшаго духовнаго совершенства чрезъ внутреннюю борьбу съ грѣховными влеченіями. Это духовное совершенство есть само по себѣ высшее благо; но оно же служитъ вмѣстѣ лучшимъ залогомъ благоуспѣшности и плодотворности служенія человѣка общественному благу—на пользу ближнихъ. Это служеніе есть уже altera pars человѣческаго существованія, по отношенію къ которой внутреннее самовозвышеніе личности, по духу вѣры и любви Христовой, есть существенно-необходимый prius.

П. Борисовскій.

УЧАСТІЕ ЦЕРКВИ ВЪ СОБРАНІИ РУСЯ ВЪ XIV — XVII ВѢКАХЪ.

Завоеваніе Руси монголами вскрыло язвы удѣльно-вѣчевого порядка вещей, подняло русское національное самосознаніе и, въ видѣ реакціи противъ надѣлавшаго столько вреда для Россіи удѣльнаго уклада, вызвало появленіе болѣе цѣлепригодной для жизни государства системы, которая еще въ XII вѣкѣ нашла себѣ горькихъ поборниковъ въ лицѣ Андрея Боголюбскаго и его великаго брата, Всеволода. Для того, чтобы успѣшно бороться за свою самобытность, чтобы одолѣть желтую рассу, которая была сильна главнымъ образомъ абсолютнымъ монархизмомъ своихъ хановъ, выражавшимся въ формахъ крайняго восточнаго деспотизма, нужна была Россіи столь же сильная центральная монархическая власть, которая могла бы сплотить во единое цѣлое весь народъ, которая положила бы предѣлы власти мелкихъ князьковъ, вѣчно вносившихъ смуты и неурядицы во внутреннюю жизнь государства, которая могла бы однимъ мановеніемъ своей державной мышцы поднять весь народъ къ оружію во имя національной свободы—словомъ, нуженъ былъ монархъ, облеченный прерогативами единодержавной и самодержавной власти.

Духовенство является не послѣднимъ факторомъ въ числѣ условій, способствовавшихъ укорененію въ сознаніи русскаго общества новыхъ зарождающихся понятій; оно взяло какъ бы подъ свою опеку идеаль самодержавнаго монархизма и всѣми находящимися въ его рукахъ средствами помогало князьямъ, носителямъ этого идеала, въ его проведеніи въ государственный организмъ Россіи.

Теперь интересно рѣшить два вопроса: 1) Какими побужденіями руководилось наше духовенство, оказывая поддержку князьямъ—собираателямъ Руси въ осуществленіи политиче-

скихъ тенденцій послѣднихъ, и 2) насколько авторитетна, вліятельна была для названныхъ князей эта поддержка?

I.

Дѣйствуя въ интересахъ московскихъ объединителей Руси, наше духовенство руководилось, по нашему мнѣнію, троякаго рода мотивами: а) религіозными, в) политическими и с) матеріально экономическими.

а.

Какъ извѣстно, большинство нашихъ древнихъ протоіерарховъ были греки (за исключеніемъ Иларіона, Ефрема, Климента, Алексія и Іоны)¹⁾. А въ Византіи императоръ являлся полновластнымъ (αὐτοκράτωρ) распорядителемъ судебъ государства. Мало того: будучи неограниченнымъ владыкою въ области специально государственныхъ отправленій, греческій монархъ считался еще верховнымъ патрономъ Церкви, блюстителемъ внѣшнихъ дѣлъ Церкви (ἐπισκόπος τῶν ἔξω ἐκκλησίας), служилъ какъ бы centrum unitatis церковнаго. Высокое понятіе о прерогативахъ царской власти высказали отцы VII вселенскаго собора. Въ посланіи отцевъ этого собора «благочестивѣйшимъ и свѣтлѣйшимъ государямъ, Константину и матери его Иринѣ», между прочимъ, говорится слѣдующее: «Державнѣйшіе императоры! Славится Глава Церкви, Христосъ Богъ Нашъ, такъ какъ хранимое руками Его сердце Ваше произнесло доброе слово и повелѣло намъ собраться во имя Его, чтобы сохранить непоколебимымъ и несокрушимымъ твердое и божественное ученіе Церкви. Какъ руководители всего Вашего, носящаго Христово имя, народа, Вы увѣковѣчили слово истины... и возсіали для вѣрующихъ, яко свѣтильники, издающіе на всѣ стороны сіяніе, церквамъ, находящимся въ опасности, подали руку помощи, утвердили въ нихъ здоровое ученіе и укрѣпили единомысліе между разномыслящими»²⁾. И сами

¹⁾ Разумѣемъ митрополитовъ нераздѣленной митрополіи.

²⁾ См. Дѣян. собор. въ перев. Каз. Дух. Акад.

цари Византіи часто въ своихъ декретахъ называли себя «императорами и священниками Бога Вышняго» а свои законы издавали («*verbo divino*»), какъ «*praescepta divina*» ³⁾.

Справедливость требуетъ сказать, что, хотя въ теоріи греческая Церковь въ своей внутренней жизни, считалась независимой, однако *de facto* она (даже) въ этой сферѣ находилась подъ контролемъ царской власти (отсюда возникъ такъ называемый цезарепализмъ, проявившійся въ дѣйствіяхъ особенно слѣдующихъ императоровъ: Василиска (изд. енкликлонъ и антекиклонъ), Зенона (изд. зотиконъ), Юстиніана Великаго (изд. эдиктъ о трехъ главахъ), Ираклія (изд. экзесисъ) и императоровъ иконоборцевъ). Между тѣмъ, могущество Византіи стало падать, сначала, подъ ударами крестоносцевъ (раз. завоеваніе Царьграда крестоносцами подъ начальствомъ Балдуина и Готфрида Фландрскихъ), потомъ, подъ давленіемъ османовъ. Кому же, должны были перейти привилегіи падавшей Византіи? Для нашего духовенства этотъ вопросъ былъ открытъ: только Россіи. Она должна была стать замѣстительницей религіознаго авторитета Византіи, стражемъ древле-вселенской вѣры и въ то же время сосредоточіемъ утерянныхъ греческими монархами прерогативъ автократства. Этотъ взглядъ рельефное свое отображеніе получилъ въ посланіяхъ Филовея, Вассіана Рыло и въ «просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго. Но, безспорно, онъ жилъ и въ сознаніи раннѣйшихъ нашихъ іерарховъ: греки — іерархи являлись въ наше отечество съ своимъ идеаломъ царской власти и, естественно, желали пересадить его на русскую почву. А отъ нихъ и наше родное духовенство могло позаимствовать этотъ идеаль монархизма. Но кто же, какой князь могъ быть достойнымъ наслѣдникомъ византійскихъ самодержцевъ, кому могъ выпасть высокій жребій быть стражемъ вселенскаго христіанства? Только тому князю, который удовлетворялъ требованіямъ духа времени, могъ сплотить во единое цѣлое разрозненные въ политическомъ

---

³⁾ См. правосл. церковное право еп. Никодима. Суздальскій лѣтописецъ намѣчаетъ идеаль монарха въ чертахъ, близкихъ къ чертамъ византійскаго монархама. (См. «Очерки Русской Исторіи въ памятникахъ быта» Полевого, стр. 171—172,

отношеніи власти и затѣмъ облечься въ царскую порфиру. Вотъ этимъ требованіямъ удовлетворяли только сѣверные князья. Историкъ С. М. Соловьевъ въ такихъ чертахъ характеризуетъ сѣверныхъ князей: «Князья сѣверные, являясь полными представителями своего народа, превосходно выполняютъ назначеніе Сѣверной Руси. Въ ихъ поведеніи мы не замѣчаемъ того блеска, какой видимъ въ поведеніи князей—вытязей юга, смотрѣвшихъ на битвы, какъ на судъ Божій, и при всякомъ спорѣ прибѣгавшихъ къ этому суду: сѣверные князья—собственники не любятъ рѣшать споровъ своимъ оружіемъ, прибѣгаютъ къ нему только въ крайности, или тогда, когда успѣхъ несомнѣненъ, но отъ невѣрной битвы не любятъ ставить въ зависимость того, что приобрѣтено, промышленно долгими трудами; сѣверные князья, прежде всего думаютъ, какъ бы безъ невѣрной битвы получить пользу для своихъ владѣній. Всѣ они похожи другъ на друга; въ ихъ безстрастныхъ лицахъ трудно уловить исторіку характерныя черты каждаго; всѣ они заняты одной думой, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, по постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ, каждый готовится для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ» ⁴⁾ Между этими сѣверными князьями особенными дарованіями отличался московскій князь, который въ характеристикѣ лѣтописца является «сіяющимъ въ православіи», нищелюбцемъ, «честь подавающимъ святымъ и «Божіимъ церквамъ», «любочестивымъ къ Божественнымъ книгамъ», «послушателемъ святыхъ ученій книжныхъ» ⁵⁾. Вотъ этотъ-то благочестивый князь, беззавѣтно преданный интересамъ народности (а основную черту русскаго народнаго характера именно и составляетъ религіозность) и могъ стать, по возрѣніямъ нашихъ іерарховъ, замѣстителемъ епископовъ внѣшнихъ дѣлъ Церкви въ Византіи. Св. Петръ, провидя духовнымъ окомъ историческое призваніе московскаго князя, первый и дѣломъ и словомъ начинаетъ содѣй-

⁴⁾ См. „Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи“, Соловьева, стр. 77.

⁵⁾ См. Степенная книга, стр. 419.

ствовать возвышенію, усиленію этихъ князей. Дѣломъ, когда перенесъ въ 1325 году свою кафедру въ Москву и ео ipso поставилъ этотъ городъ въ положеніе центральнаго города государства. Словомъ, когда передъ своей кончиной изрекъ пророчество о будущемъ величіи Москвы и тѣмъ самымъ какъ бы завѣщалъ своимъ преемникамъ слѣдовать его начинаніямъ, дѣйствовать въ интересахъ московскихъ собирателей. И завѣщаніе почившаго святителя не было забыто его преемниками...

В.

Какъ провозвѣстники высокихъ Христовыхъ завѣтовъ, самымъ служеніемъ своимъ призванные къ непосредственному руководительству пасомыхъ въ земной жизни, іерархи нашей церкви, еще въ періодъ предшествовавшій монгольскому нашествію, прямой своей обязанностію считали заботиться объ умиротвореніи Земли Русской. И потому гдѣ бы ни возникала между удѣльными князьями усобица, всюду духовенство является въ роли посредниковъ и третейскихъ судей. Правда, можно сказать, въ большинствѣ случаевъ это посредничество не приносило активныхъ плодовъ, но, во всякомъ случаѣ, иногда предотвращала опасность большихъ кровопролитій и раздоровъ ⁶⁾.

Порабощеніе Руси монголами, сопровождавшееся столькими бѣдствіями и ужасами для нашего отечества, открыло еще большій просторъ, широкую арену для миротворческой дѣятельности нашихъ архипастырей, и наше духовенство сознало всю высоту выпавшей на его долю миссіи и горячо, самоотверженно отдалось служенію интересамъ своей угнетенной, стенавшей подъ желѣзнымъ ярмомъ монгольскаго рабства, отчизны. Но могла ли дѣятельность духовенства въ патріотическихъ цѣляхъ быть сколько нибудь продуктивной, могло ли быть достигнуто умиротвореніе Земли Русской, если бы удѣльный порядокъ въ эту смутную эпоху нашей исторіи продолжалъ прогрессировать?

⁶⁾ См. примѣры посредничества духовенства въ соч. П. Янковскаго: „Печалованіе духовенства за опальныхъ“.

Нѣтъ, не могло. Занятые своими личными, эгоистическими интересами и стремленіями, удѣльные князья мало думали объ общественной пользѣ, negliжировали интересами общенародными. *Sui sui que*—вотъ какой девизъ лежалъ въ основаніи дѣятельности удѣльныхъ князей и столь долго мѣшала реализаціи на русской почвѣ выдвинутыхъ Андреемъ и Всеволодомъ Большое Гнѣздо началъ государственной организаціи. Если бы этотъ принципъ удержался во всей своей силѣ и въ періодъ, послѣдовавшій за татарскимъ нашествіемъ, то можно навѣрное сказать, по нашему мнѣнію, что наше отечество не такъ бы скоро сбросило оковы монгольскаго рабства, какъ это случилось въ исторіи (а можетъ быть, и совсѣмъ не сбросило бѣ). Признавая авторитетъ только за собственной инициативой, удѣльные князья противились всякому покушенію на свои мнимыя права автократства, горячо протестовали противъ всякихъ проявленій верховенства. Отсюда, постоянные раздоры и распри между удѣльными князьями изъ-за политической автономности въ предѣлахъ данной, полученной въ наслѣдіе отъ пращуровъ и отцовъ, вотчины. А результатъ этихъ междуусобныхъ распрій князей былъ тотъ, что мирный гражданинъ не могъ поручиться за завтрашній день, такъ какъ личная и имущественная безопасность государственной единицы въ удѣльный періодъ ничѣмъ не была гарантирована отъ произвола подравшихся между *собою* правителей ⁷⁾...

Наученные горькимъ опытомъ удѣльнаго анархизма—обычнаго спутника политической раздробленности частей въ цѣломъ—іерархи русской церкви XIV—XV вѣковъ прямымъ средствомъ къ возстановленію самобытности своего отечества, какъ бы погребенной подъ развалинами русскихъ городовъ, подвергшихся погрому азіатовъ, считали сконцентрированіе власти въ рукахъ одного монарха. И вотъ, руководясь этими патріотическими побужденіями, они

---

⁷⁾ Сознаніе ненормальности удѣльнаго уклада было присуще лучшимъ русскимъ людямъ еще въ до-татарскій періодъ нашей исторіи. Такъ наприимѣръ, авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ сѣтуеть, что „Русская земля пошла врозь“. Духовенство только явилось проводникомъ этого сознанія въ умы народныхъ массъ, когда условія времени потребовали этого.

берутъ подъ свое покровительство идеаль монархическаго монизма и становятся въ положеніе усердныхъ споспѣшниковъ Московскихъ великихъ князей въ осуществленіи политическихъ начертаній послѣднихъ. Только такое пониманіе дѣла (намъ кажется) поможетъ намъ произвести правильную оцѣнку нѣкоторыхъ дѣйствій великихъ святителей: Петра, Алексія, Даніила, которыя, повидимому, не могутъ быть оправданы, если стоять на почвѣ строгой морали. Почему, напримѣръ, св. Петръ не беретъ въ спорѣ между Тверью и Москвою стороны извѣстнаго своими добродѣтелями Михаила, не внимааетъ его мольбамъ основать митрополичью резиденцію въ Твери, а водворяетъ свое мѣстопробываніе въ Москвѣ,—владѣніи «жестокаго и проницательнаго», какъ выражается Иловайскій во II томѣ своей Исторіи (стр. 24), Ивана Калиты? Какимъ образомъ св. Алексій—этотъ идеаль истиннаго христіанина—могъ дать Донскому совѣтъ хитростию, обманомъ завлечь опальнаго князя Михаила Александровича Тверскаго въ Москву для того, чтобы затѣмъ его, какъ государственнаго преступника, бросить въ мрачный порубъ? Какъ могъ Даніиль дозволить Василию III разводъ, явно осуждаемый каноническими правилами и даже, въ угоду князю, насильно постричь несчастную Саломію въ монахини? Всѣ эти и имъ подобныя вопросы (намъ думается) получаютъ удовлетворительное разрѣшеніе, если разсматривать дѣятельность вышеуказанныхъ іерарховъ, при свѣтѣ патріотическихъ побужденій. Прекрасной иллюстраціей того патріотическаго энтузіазма, которымъ было проникнуто наше духовенство въ татарскую эпоху, можетъ служить трогательная картина разлуки преп. Сергія Радонежскаго съ Димитріемъ Донскимъ, художественно нарисованная Н. И. Костомаровымъ. Смиренный инокъ, который лично стоялъ за мирное улаженіе конфликта между великимъ княземъ и Мамаемъ, весь охваченный патріотическимъ воодушевленіемъ, благословляетъ русскихъ ратниковъ на кровопролитіе и проникновенно говоритъ Димитрію: «Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ. Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя». (Полн. собр. соч. Н. И. Костомарова, кн. I, т. III, стр. 532. СПб. 1903 г.) Высокимъ патріотическимъ духомъ проникнуто также посланіе архипастырей къ сопернику Темнаго, Шемякѣ.

с.

Наконецъ, наше духовенство въ своемъ содѣйствіи Московскимъ объединителямъ руководилось матеріально-экономическими соображеніями. Впрочемъ, этотъ мотивъ не можетъ быть отнесенъ къ категоріи доминирующихъ въ разсматриваемой нами дѣятельности духовенства; онъ имѣетъ второстепенное значеніе и вполнѣ опредѣленно начинается вырисовываться уже въ концѣ XV вѣка, когда между іосифлянами и заволжцами поднимается полемика по вопросу о вотчинномъ владѣніи. Въ дѣятельности же первыхъ святителей—пропагандистовъ новой государственной системы данный мотивъ совершенно отсутствуетъ. Конечно нельзя голословно утверждать, подобно Милютину ⁸⁾, что все наше духовенство въ своихъ дѣйствіяхъ на пользу централизаціи государственной власти въ Россіи искало матеріальныхъ выгодъ для себя, но относительно нѣкоторыхъ личностей изъ среды нашего духовенства нужно сказать, что матеріальные интересы для нихъ въ затрагиваемой нами дѣятельности играли не послѣднюю роль. Сознавая всю важность оказываемой духовенствомъ поддержки въ своихъ стремленіяхъ къ объединенію Руси, Московскіе государи желали путемъ матеріальныхъ пожертвованій въ пользу церкви привлечь еще больше сочувствіе духовенства своимъ планамъ. И вотъ они снабжаютъ монастыри богатыми «нивами, удолями и езерами на препитаніе мнихомъ», какъ говоритъ біографъ Стефана Махритскаго ⁹⁾. Желаніе удержать за собою пріобрѣтенныя такимъ путемъ богатства, къ внѣшнему благоукрашенію и внутреннему преуспѣянію церкви,—и побуждало наше духовенство, между прочимъ, дѣйствовать въ интересахъ Московскихъ собирателей. Кромѣ того, въ удѣльный періодъ

---

⁸⁾ См. „О недвижимыхъ имуществахъ духов. въ Россіи“. Чтен. въ общ. истор. древн. російск. при Москов. университет., 1861 г., кн. I, стр. 397.

⁹⁾ См. „Участіе духовенства и монашества въ разв. единодерж. и самодерж. въ Московск. госуд. въ концѣ XV и пер. пол. XVI в.“ Сокольскаго. „Вѣра и Разумъ“, 1902 г. Отд. Церк. № 9, стр. 547.

вотчины монастырей были часто разбиты, разбросаны по владѣніямъ нѣсколькихъ удѣльныхъ князей; слѣдовательно монастыри часто состояли подѣ опекою нѣсколькихъ государей. А это ставило монастыри въ затруднительное, неопредѣленное положеніе къ этимъ князьямъ, въ случаѣ раздоровъ и распрей послѣднихъ между собою. Вотъ этимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, и объясняется тяготѣніе монастырей къ Москвѣ, подѣ покровительство сильнаго и вліятельнаго Московскаго владыки.

Такими побужденіями руководилось, по нашему мнѣнію, духовенство XIV—XV столѣтій, оказывая свое содѣйствіе Московскимъ князьямъ въ собираніи Земли Русской. Вообще, наше духовенство—скажемъ, повторяя мысль Н. И. Костомарова—какъ передовое, просвѣщенное сословіе своего времени, ясно видѣло непригодность для жизни государства удѣльной системы и потому всячески способствовало объединенію Руси подѣ эгидою Московскихъ князей—собственникововъ.

Теперь намъ остается рѣшить слѣдующій вопросъ: а насколько важно было для названныхъ государей заручиться этимъ содѣйствіемъ духовенства въ осуществленіи своихъ политическихъ тенденцій? Рѣшеніе этого вопроса и составить задачу второй главы нашего историческаго эскиза.

II.

Въ глазахъ древняго русскаго общества духовенство пользовалось огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ. Отличаясь святостію жизни и высокими христіанскими добродѣтелями, духовенство въ смутную удѣльную эпоху одно стояло въ сторонѣ отъ междуусобицъ и кровопролитій, раздиравшихъ Русскую Землю. Въ то время, какъ всюду играли страсти эгоизма и лились потоки крови, одно духовенство и словомъ и дѣломъ являло собой образецъ истинной христіанской жизни. Словомъ оно призывало всѣхъ къ миру и любви, дѣломъ—печаловалось за опальныхъ, угнетенныхъ, притѣсненныхъ. Во всѣхъ междуусобицахъ, какъ замѣчено уже выше, духовенство является въ качествѣ миротворцевъ Земли Русской: въ своихъ взаим-

ныхъ счетахъ—говорить лѣтописецъ—«князья управлялись въ правдѣ крестомъ да владыками» ¹⁰⁾. Все это ставило духовенство въ глазахъ русскаго человѣка на недостижимый пьедесталь нравственной высоты; все это окружало въ его мнѣніи духовенство ореоломъ христіанскаго совершенства. Голосъ духовенства считался какъ бы критеріемъ истины, свидѣтельствомъ самой Премірной Правды; поэтому, естественно, почитаніе, оказываемое духовенству, переносилось на тѣхъ князей, которые дѣйствовали въ союзѣ съ духовными своими руководителями. Лучшей похвалой для хорошаго князя лѣтописецъ считаетъ ту, что «онъ почиталъ священники, священническому и иноческому чину подавалъ велию честь, почиталъ епископы, и митрополиты, какъ Самого Христа» ¹¹⁾. Изъ сказаннаго видно, насколько важно было Московскимъ собирателямъ Руси заручиться содѣйствіемъ духовенства въ осуществленіи своихъ политическихъ замысловъ. Преслѣдуемый названными князьями идеалъ монархическаго монизма уже потому самому долженъ былъ показаться русскому обществу лучше прежняго порядка вещей, что этотъ идеалъ нашелъ себѣ ревностныхъ сторонниковъ въ лицѣ архипастырей. При томъ уваженіи и довѣріи, которымъ пользовалось наше духовенство въ разсматриваемую эпоху, новый укладъ тѣмъ скорѣе могъ привиться и пустить ростки на русской почвѣ.

Но духовенство XIV—XV вѣковъ могло дѣйствовать въ благоприятномъ для Московскихъ объединителей направленіи не только, такъ сказать, своимъ примѣромъ и не въ этомъ положительномъ вліяніи заключалась его главная сила. Наше духовенство было сильно даннымъ ему Христомъ полномочіемъ, по своему усмотрѣнію вязать и рѣшить на землѣ. И этимъ своимъ полномочіемъ, какъ намъ извѣстно изъ исторіи, духовенство пользовалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, въ угоду Московскимъ собирателямъ Руси. Для иллюстраціи нашихъ мыслей достаточно привести нѣкоторые общеизвѣстные факты. Митрополитъ Θεогность отлучаетъ псковитянъ за то, что они у себя скры-

---

¹⁰⁾ Ibid.

¹¹⁾ Ibid.

вали опального князя Александра Михайловича Тверского, и эта суровая мѣра произвела должное дѣйствіе: Александръ оставляетъ Псковъ и бѣжитъ въ Литву. Митрополитъ Алексій не вмѣнялъ вѣрноподданнической присяги, данной русскими перебѣжчиками Литовскому королю и посылалъ въ Нижній св. Сергія «затворить церкви» за неповиновеніе князя Бориса. Митрополитъ Фотій отлучаетъ галичанъ за то, что Звенигородскій князь Юрій не хотѣлъ уступить Московскаго стола своему племяннику. Митрополитъ Иона нѣсколько разъ предаетъ анаѣмѣ строптиваго Шемяку за его интриги противъ великаго князя. Митрополитъ Филиппъ I отлучаетъ новгородцевъ за неповиновеніе Іоанну III.

Наконецъ, выгодно было для Московскихъ собирателей заручиться содѣйствіемъ духовенства въ осуществленіи своихъ политическихъ предпріятій и по матеріальнымъ соображеніямъ. «Въ частной и общественной жизни нашихъ предковъ XV и XVI вѣковъ—говоритъ проф. Павловъ—господствовало убѣжденіе, что благотворительное усердіе къ церквамъ и монастырямъ, выражающееся въ обычныхъ приношеніяхъ къ нимъ тѣхъ или другихъ имуществъ, есть вѣрнѣйшій залогъ всякаго блага, общественнаго и частнаго»¹²⁾. Руководясь такимъ убѣжденіемъ, общество и правительство щедро надѣляли монастыри и церкви сокровищами и имѣніями. Отсюда, мало-по-малу въ рукахъ духовенства оказались огромныя богатства, и изъ этихъ богатствъ духовенство могло удѣлять, въ видѣ субсидій, извѣстную сумму собирателямъ Руси.

Н. Шебатинскій.

¹²⁾ „Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, Одесса 1871 г., ч. I, стр. 158.

ОЦѢНКА ПРЕДПОСЫЛОКЪ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО И ПАНТЕИСТИЧЕСКАГО ЭВОЛЮЦІОНИЗМА.

Почти 2400 лѣтъ тому назадъ Гераклитъ Эфескій общую предпосылку эволюціонной теоріи выразилъ въ двухъ словахъ: «Παλι ρεῖ».

Въ 1862 г. въ знаменитой формулѣ Спенсеръ ¹⁾, какъ въ понорамѣ, показалъ и конфигурацію этого «Παλι ρεῖ»: именно, изъ его основныхъ началъ мы и знаемъ, что матерія переходитъ отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной, связанной разнородности, а сохраняющееся въ скрытомъ видѣ движеніе подвергается параллельному преобразованію. Пока мы любовались этою волшебною картиною грандіозныхъ дифференціацій и интеграцій, предъ нами неожиданно возникъ вопросъ: что развивается? Долго искали мы разгадки, блуждая по страницамъ «основныхъ началъ». Наконецъ, послѣ многихъ сомнѣній ²⁾, пришли къ твердому убѣжденію, что развивается матерія. Огляну-

---

¹⁾ См. его „Основные начала“. 1897 г.

²⁾ Намъ именно смущало вотъ что: на 82 стр. „Основныхъ началъ“ Спенсеръ спрашиваетъ: „Какъ происходитъ превращеніе? Какимъ образомъ сила, существующая въ формѣ движенія, теплоты свѣта, можетъ стать формой сознанія? Какимъ способомъ могутъ воздушныя вибраціи порождать ощущеніе, называемое звукомъ? Какимъ образомъ (свобожденныя химическимъ процессомъ силы, дѣйствуя на мозгъ, могутъ производить эмоціи? Это непостижимыя тайны!“ Послѣ внимательнаго прочтенія его системы мы, однако, пришли къ такому выводу, что отказъ Спенсера объяснить сознаніе изъ движенія или изъ вещества есть только уступка здравому смыслу, но всецѣло отвергается принципомъ его системы. Этотъ принципъ не дуализмъ, а матеріалистическій монизмъ. Непосредственнымъ обнаруженіемъ своего непознаваемаго Спенсеръ считаетъ матерію и движеніе, а не матерію и духъ, который у него есть слѣдствіе распредѣленія и матеріи и движенія.

лись мы затѣмъ непосредственно на другую формацию эволюціонной теоріи,—телеологическую, тамъ скоро нашли опредѣленный и ясный отвѣтъ»: «развивается Все Единое», говоритъ Паульсенъ; «эволюція есть откровеніе безконечнаго духа, вѣчная жизнь, возвращающаяся къ самой себѣ», объявляетъ Друммондъ ³⁾. И въ той и въ другой формации эволюціонизма есть нѣчто родственное, объединяющее ихъ. Матеріалистическая концепція необходимо утверждаетъ вѣчность матеріи; по пантеизму, въ буквальномъ выраженіи Паульсена, «дѣйствительность есть единое существо; не единство, а множественность есть призрачность» ⁴⁾; слѣдовательно Богъ безъ міра не мыслимъ, ergo міръ вѣченъ. Значитъ онтологія той и другой концепцій вначалѣ утверждаетъ бытіе только съ тѣмъ различіемъ, что субстратъ первой концепціи—физическій, а второй—духовный.

Въ своей критикѣ онтологіи мы прежде всего отмѣтимъ, что, на нашъ взглядъ, понятіе вѣчное и эволюція—развитіе взаимно другъ друга исключаютъ: вѣдь вѣчное отрицаетъ время, понятіе эволюціи, наоборотъ, только и мыслимо подъ условіемъ момента, съ котораго началось развитіе чего либо, и весь процессъ развитія необходимо выражается въ моментахъ времени; слѣдовательно строго логически идея эволюціи должна безусловно отрицать и онтологію пантеистическихъ системъ. Подъ точкою зрѣнія временнаго процесса идея эволюціи можетъ мириться только съ теизмомъ, по которому міръ былъ призванъ изъ небытія къ бытію всемогущею волею Бога. Затѣмъ, и матеріалистическая и пантеистическая онтологіи, по суду новѣйшихъ научныхъ познаній, должны быть признаны несостоятельными.

По логическому требованію той и другой онтологіи, какъ мы выше сказали, міръ не можетъ имѣть начало во времени. Наука утверждаетъ обратное. Въ живописной астрономіи К. Фламмаріона мы читаемъ: «самый видъ земнаго

³⁾ „Эволюція и прогрессъ человѣка“. 41 стр. Кромъ того, пантеистическая концепція особенно ярко выражена Друммондомъ на слѣдующихъ стр 63, 382, 386.

⁴⁾ „Введеніе въ философію“ 1894 г. 154 стр. въ конецъ отдѣла.

шара, его сжатіе у полюсовъ, расположеніе материковъ, минеральный составъ первыхъ нижнихъ слоевъ его коры, вулканы, до сихъ поръ еще дымящіеся и извергающіе свою огненную лаву, землетрясеніе, правильное возрастаніе температуры по мѣрѣ углубленія въ нѣдра земного шара—все эти явленія согласно доказываютъ, что въ первыя времена своего существованія земля не могла быть обитаема, что на ней и не было никакой жизни, что она въ началѣ была горячимъ, раскаленнымъ и ослѣпительно свѣтлымъ солнцемъ, хотя и небольшихъ размѣровъ... Такъ какъ никто изъ насъ, продолжаетъ Фламмаріонъ, не присутствовалъ лично при созданіи міра, то понятіе объ образѣ возникновенія земли мы можемъ составить при помощи индуктивнаго метода. И вотъ оказывается, что... самая научная теорія та, которая разсматриваетъ солнце, какъ сгустившуюся и оплотнившуюся туманность, существовавшую въ этомъ мірѣ въ очень далекія отъ насъ времена, когда она занимала все пространство теперешней солнечной системы и далѣе еще болѣе, представляя собою гигантскую газовую чечевицу, медленно поворачивающуюся вокругъ себя. Представимъ себѣ эту громадную массу среди пространства. Притяженіе можно разсматривать какъ силу, присущую каждому атому вещества. Тотъ участокъ этой массы, который окажется наиболѣе плотнымъ, мало-по-малу начнетъ притягивать къ себѣ другія части. Въ медленномъ паденіи самыхъ отдаленныхъ частицъ къ этой болѣе сильно притягивающей части обнаружится общее движеніе, не вполне направленное къ притягивающему центру и мало-по-малу увлекающее во вращательное движеніе всю массу. Простѣйшая изъ формъ, даже лишь въ силу одного этого закона притяженія, есть форма сферическая. Эту именно форму принимаетъ капля воды, или капля ртути, предоставленная самой себѣ.

Механика показываетъ, что по мѣрѣ того, какъ такая газовая масса уплотняется, уменьшаясь въ своихъ размѣрахъ, вращательное движеніе туманности ускоряется. Вращаясь, она сдавливается или сплюсчивается у полюсовъ и мало-по-малу принимаетъ видъ громадной газовой чечевицы. Могло случиться, что она вращалась настолько быстро, что на ея окружности развивалась центробѣжная сила, превы-

шающая общее притяженіе массы. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого убытка было нарушеніе равновѣсія, вслѣдствіе чего отъ общей массы отдѣлилось бы наружное кольцо. Такое газовое кольцо будетъ продолжать вращаться въ то же время и съ тою же скоростію; но породившая его туманность отдѣлилась теперь отъ него совершенно и будетъ продолжать какъ постепенно уплотняться, такъ и ускорять свое движеніе. Это явленіе можетъ повторяться каждый разъ, когда скорость вращенія перейдетъ ту, при которой центробѣжная сила остается меньше притяженія. Могло также случиться, что внутри той же туманности образовались второстепенныя уплотненія. Телескопъ показываетъ намъ въ глубинѣ небесъ такія туманности, которыя по своему виду соотвѣтствуютъ вышеозначеннымъ преобразованіямъ. Таковы туманныя пятна—одно въ созвѣздіи Гончихъ Псовъ, представляющее примѣръ уплотненія въ центрѣ, гдѣ начинается будущій центральный горнъ, солнце этой сферической туманности, другое—находится въ Водолеѣ и представляетъ сферу, окруженную кольцомъ, которое обращено къ намъ ребромъ... Такимъ образомъ, путемъ медленнаго уплотненія газового кольца, отдѣлившагося отъ солнца, образовалась мало-по-малу земля. Съ тѣхъ поръ земная туманность начала свое независимое существованіе. Она представлялась тогда въ видѣ громаднаго газового шара, вращавшагося около самого себя. Постепенно уплотняясь и все болѣе и болѣе согрѣваясь отъ безконечно малыхъ, но постоянныхъ толчковъ и ударовъ частицъ составляющаго его вещества, рождающаяся земля, наконецъ, засвѣтилась слабымъ свѣтомъ среди глубокаго мрака окружающаго пространства. Изъ газового шара она обратилась потомъ въ шаръ жидкій, изъ жидкаго въ твердый и безъ сомнѣнія еще и теперь продолжаетъ охлаждаться ⁵⁾. Итакъ, космосъ

---

⁵⁾ К. Фламмаріонъ „Живописная Астрономія“. Переводъ г. Предтеченскаго 1897 г. 74—77 стр. Здѣсь кстати замѣтимъ, что новѣйшая геологія и астрономія безусловно утверждаютъ и конецъ нашей планеты. При чемъ Фламмаріонъ говоритъ, что послѣдняя человѣческая семья заснетъ послѣднимъ сномъ подъ саваномъ льдовъ, которыми покроется земля вслѣдствіе исчезновенія солнечной теплоты. Ibid 82 стр. А проф. М. Неймаръ допускаетъ, что жизнь на

и часть его земля по даннымъ астрономіи имѣеть начало во времени. Но здѣсь могутъ намъ возразить, что вѣдь поборники эволюціонизма той и другой формации знакомы съ астрономіей, вѣроятно, лучше насъ.

Выходитъ, какъ будто, одно изъ двухъ: или мы по недоразумѣнію приписываемъ эволюціонистамъ той и другой категории утверждение о вѣчности міра, или они, прекрасно зная астрономическую повѣсть о мірахъ, все же утверждаютъ безначальность міра. Очевидно, выходъ изъ этой дилеммы такой и съ правдой на нашей сторонѣ: астрономія по настоящимъ туманностямъ ⁶⁾ вѣдаетъ исторію міровъ

земль погибнетъ вслѣдствію страшнаго жара, который наступитъ только послѣ паденія Венеры на солнце. И нѣсколько далѣе заканчиваетъ отдѣлъ словами: *„знаемъ мы только одно, что органическая жизнь на землѣ б оветъ существовать не вѣчно и что уничтоженіе ея произойдетъ въ отдаленномъ будущемъ“*. Исторія земли переводъ со 2-го нѣмец. изданія, переработан. и дополнен. проф. Улигомъ съ дополненіями по геологіи Россіи и библиограф. указ. В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ редакціей проф. А. А. Иностранцева 1897 г. I т. 91 стр. въ концѣ отдѣла озаглавленнаго: „прошедшее и будущее земли“. Спенсеръ „въ основныхъ началахъ“ оже допускаетъ конецъ земли и именно путемъ сожженія. Не допускалъ, что земля внезапно можетъ остановиться въ своемъ орбитальномъ движеніи, онъ говоритъ: „тѣмъ не менѣе существуетъ постоянно дѣйствующая сила, направляющая землю къ солнцу. Сила эта сопротивленіе эфирной среды. Изъ сопротивленія эфира заключаютъ о замедленіи всѣхъ движущихся тѣлъ солнечной системы, замедленіи, которое по мнѣнію нѣкоторыхъ астрономовъ, сказывается теперь въ сближеніи орбитъ древнѣйшихъ планетъ. Итакъ, если замедленіе происходитъ, то должно наступить время, какъ бы далеко не было отъ насъ, когда постепенно уменьшаясь, земная орбита сольется съ солнцемъ. Количество движенія массы, которое превратится тогда въ молекулярное, безъ сомнѣнія не будетъ такъ велико, какъ предполагается вычисленіемъ Гельмгольца, но все же оно будетъ достаточно для того, чтобы привести вещество земли въ газообразное состояніе“. 352.

⁶⁾ Въ своей Живописной астрономіи въ 6 книгѣ, въ 10 гл. подъ заглавіемъ „строеніе виллиаго міра“ Фламмаріонъ говоритъ послѣ разсужденія о перемѣнныхъ и двойныхъ туманностяхъ: „здѣсь передъ нами сіянія, вспыхивающія на границахъ міровданія; здѣсь природа показываетъ намъ, какъ зачинаются міры и новыя вселенныя; это голоса прошедшаго, доносящіеся къ намъ изъ бездны исчезнувшихъ вѣковъ! Небо показываетъ намъ свои колыбели и свои могилы“. 679 стр.

съ образованія туманностей, что же было до этого—ей недоступно. Но моментъ образованія туманностей говорить уже объ образованіи элементовъ изъ первоматеріи. Вотъ этой то «первоматеріи», или же собственно метафизическому субстракту и приписывается, очевидно, изначальное существованіе, при чемъ въ механически матеріалистической концепціи эта первоматерія и мыслится, какъ подлинно міровая субстанція, въ телогическо-пантеистической — она можетъ быть, очевидно, только изначальной формой жизни Все-Единаго. Значитъ, фактически представителями того и другого вида эволюцій утверждается безначальность міра, хотя и въ наипростѣйшей формѣ до опредѣленнаго момента.

Далѣе, какъ могли образоваться элементы изъ первоматеріи? Намъ представляется, что формація эволюціонизма предъ этимъ вопросомъ безответна. Назовемъ моментъ образованія элементовъ изъ первоматеріи буквой X.

Какъ бы продолжителенъ ни былъ этотъ X, онъ все же есть только моментъ по отношенію къ безконечному существованію первоматеріи до своего возникновенія. Получается невообразимая странность: среди безконечнаго состоянія первоматеріи, безусловно непонятнаго для человѣческаго разума, вдругъ является моментъ образованія элементовъ. Откуда явился первый толчекъ, долженъ спросить логически мыслящій человѣкъ. Почему не являлся толчекъ въ теченіе безконечности временъ и внезапно проявился въ извѣстное мгновение? Научно образованный человѣкъ отвѣтитъ: нельзя утверждать произвольное появленіе толчка въ первоматеріи изъ самой первоматеріи, потому что основной законъ механики и вмѣстѣ первый законъ Ньютона гласитъ: тѣло находящееся въ неподвижности будетъ оставаться неподвижнымъ, а движущееся тѣло будетъ оставаться движущимся, если на него не подѣйствуетъ какая либо внѣшняя сила ⁷⁾. Слѣдовательно, для механической

7) Чичеринъ, разбирая этотъ законъ Ньютона, дѣлаетъ его содержание еще болѣе яснымъ: „если мы, отвлекаясь отъ понятія о тѣлѣ, возьмемъ этотъ законъ съ точки зрѣнія кинематики, то онъ будетъ выражать собою чистое тожество: покой остается покоемъ, пока онъ не будетъ нарушенъ и движеніе остается тожественнымъ съ собою, т. е. прямолинейнымъ и равномернымъ, пока къ нему не

формаціи вопросъ о возникновеніи элементовъ изъ первоматеріи навсегда останется ахиллесовой пятой, именно потому, что механическіе законы требуютъ цѣпи причинъ, а здѣсь цѣпь обрывается на цѣлую безконечность временъ и такимъ образомъ, начало возникновенія элементовъ оказывается безпричиннымъ въ механическомъ смыслѣ. Безотвѣтенъ, по нашему, предъ этимъ вопросомъ и пантеистическій эволюціонизмъ. Вѣдь здѣсь Богъ связанъ необходимыми соотношеніями съ міромъ. Онъ есть душа міра и безъ міра не мыслимъ. Даже и по діалектическому процессу Гегеля эта необходимость одинакова: бытіе и небытіе и становленіе: здѣсь міръ—необходимое самоотрицаніе Абсолютнаго духа, и мировой процессъ—становленіе, возвращеніе Абсолютной идеи къ самой себѣ.

Спрашивается: какая невѣдомая сила безконечные вѣка держала Все-Единое въ тискахъ первоматеріи? И какая внѣшняя сила вывела Все-Единое, на путь процесса интеграцій и дифференціацій? Вѣдь Все-Единое развивается изъ себя, и Его жизнь есть необходимый процессъ развитія, слѣдовательно логически выходитъ, что до образованія элементовъ изъ первоматеріи Все-Единое задерживалось какою-то постороннею причиною, что, конечно нелѣпо; ergo, нелѣпа попытка объяснить изъ пантеистической онтологіи образованіе элементовъ изъ первоматеріи. Переходъ этотъ возможенъ только при допущеніи Абсолютнаго Существа, для Котораго «рече и быша». Правда Спенсеръ въ «основныхъ началахъ» возражалъ, что подобно тому, какъ немислимо зарожденіе первопричины въ механическомъ смыслѣ, столь же немислимо оно, по нему, и для Разумной Воли, такъ какъ всегда остается открытымъ вопросъ, почему Разумная Воля покоилась въ теченіе безконечности вѣковъ, а затѣмъ сотворила міръ. Но возраженіе Спенсера, намъ кажется, направляется не туда, куда слѣдуетъ. Весь

будетъ приложено другое движеніе, измѣняющее его величину или направленіе. Такимъ образомъ, этотъ законъ есть чисто умственное представленіе, къ которому кинематическое тождество вполне приложимо; ибо въ немъ нѣтъ ничего, чтобы могло измѣнить это тождество, ему не приписывается движущей силы, способной произвести движеніе или измѣнить его величину или направленіе. „Положительная философія и единство науки“. 65—66 стр.

вопросъ сводится къ тому, возможно ли для Всемогущей, свободной Разумной Воли перевести первоматерію въ элементы? Полагаемъ, что Спенсеръ безъ возраженій признаетъ полную возможность такого перевода для Разумной Воли. Что же касается вопроса Спенсера, почему Богъ сотворилъ міръ не раньше и не позже, а именно въ опредѣленный моментъ, то на это мы можемъ отвѣтить Спенсеру просто, ясно и справедливо: одинъ только Богъ знаетъ; почему Онъ избралъ этотъ моментъ для творчества, а не другой. Вѣроятно, Спенсеръ и въ сферѣ конечной воли себя самаго найдетъ не мало такихъ обнаруженій, относительно которыхъ другія лица могли бы спросить его, почему это онъ, Спенсеръ, прежде этого не сдѣлалъ, или не написалъ, и Спенсеръ отвѣтилъ бы совопросникамъ: я не сдѣлалъ этого и не писалъ того по такимъ то и такимъ *моимъ внутреннимъ основаніямъ*. Говоря другими словами, данный нами отвѣтъ Спенсеру уже потому одному не представляетъ ничего страннаго, что въ сферѣ конечной воли нашей собственной жизни мы имѣемъ нѣкое подобіе, а именно: мы производимъ работу въ извѣстный избранный нами моментъ по внутреннимъ основаніямъ, о которыхъ другіе люди могутъ не знать ничего, и потому, соображая по своему, часто спрашиваютъ, почему мы не дѣлали того то раньше, или не отложили работу до такого то времени? Итакъ мы, логически пришли къ такому выводу, что объясненіе образованія элементовъ изъ первоматеріи, установленной наукой возможно единственно изъ теистической отнологіи, по которой Богъ полагается какъ трансцендентная Абсолютная Личность. Здѣсь замѣтимъ, кстати, что установленный наукою фактъ первоматеріи всецѣло оправдывается библейско-догматическимъ ученіемъ: Премудрый сынъ Сираховъ сказалъ: «Живыи во вѣки созда вся обще» (стр. 18, 1)—Это по толкованію преосвященнаго Макарія, былъ первый моментъ творенія, второй, когда «всесильная рука Божія сотвори міръ отъ безобразнаго вещества» (Прем. 11, 18). Это второй моментъ творенія уже изъ готоваго, первоизданнаго или еще ндустроеннаго вещества, совершившагося въ продолженіи шести дней ⁸⁾.

⁸⁾ Краткая догматика. 1869 г. 74 стр.

Въ представленномъ только что разборѣ материалистической и пантеистической онтологій исходною точкою для насъ былъ принципъ механики. У Шопенгауэра мы встрѣтили цѣнное возраженіе противъ механической онтологіи съ точки зрѣнія принциповъ химіи. Къ возраженію Шопенгауэра, по нашему, подходяще будетъ такое заглавіе: идеаль химіи, какъ полнѣйшее отрицаніе возможности образованія самостоятельнаго начальнаго химическаго разнообразія. Самое возраженіе состоитъ въ слѣдующемъ: «каждая наука неминуемо исходитъ изъ двухъ данныхъ. Первое изъ нихъ—неизмѣнный законъ основанія въ одной изъ своихъ формъ, какъ органонъ; а второе—ея собственный объектъ, какъ проблема... У естествовѣденія матерія—проблема, а законъ причинности—органонъ. Поэтому ея цѣль и назначеніе свести, при помощи причинности, всевозможныя состоянія матеріи другъ на друга и, наконецъ, къ одному, и затѣмъ снова вывести ихъ другъ изъ друга и, наконецъ, изъ одного. Поэтому два состоянія противостоятъ въ ней, какъ крайніе предѣлы: состояніе матеріи, въ которомъ она наименѣе, и состояніе, въ которомъ она наиболѣе непосредственный объектъ субъекта, т. е. самая мертвенная грубая матерія, первобытное вещество и затѣмъ человѣческой организмъ. Перваго ищетъ естествовѣденіе, какъ химія, второго, какъ фізіологія. Но до сихъ поръ обѣ крайности не достигнуты и только нѣчто открыто между ними. Да и будущее довольно безнадежно.* Химики, предполагая, что качественное дѣленіе матеріи не пойдетъ подобно количественному въ безконечность, селятся постоянно уменьшать число своихъ составныхъ элементовъ, нынѣ дошедшихъ до 60. Если бы они дошли и до двухъ, то старались бы привести ихъ къ одному; ибо законъ одно-

* У. А. Секки въ VII главѣ, озаглавленной „О жидкомъ и твердомъ состояніи тѣлъ“ мы находимъ слѣдующее откровенное признаніе физиковъ: „что касается до причины первоначальнаго движенія, то она, по мнѣнію физиковъ, также, какъ и происхожденіе матеріи, не можетъ быть объяснена безъ посредства творческаго акта“. „Единство физическихъ силъ“. Опытъ естественно научной философіи. 1873 г. перев. Павленкова 40 стр. Непосредственно послѣ приведенной цитаты сдѣланъ сносокъ: „Гроте, соотношеніе физическихъ силъ окончательное заключеніе“. 173 стр. (Харьков. изд.).

родности наводитъ на предположеніе первичнаго химическаго состоянія матеріи, какъ такой которое предшествовало всѣмъ другимъ несущественнымъ матеріямъ, какъ такой, а составляющимъ только ея случайныя формы и качества. Съ другой стороны, непонятно, какимъ образомъ это состояніе могло испытать химическое измѣненіе, когда не было никакого другого, чтобы на него воздѣйствовать. Такимъ образомъ, въ химіи возникаетъ тоже затрудненіе, на какое наткнулся въ механикѣ Эпикуръ, когда пришлось объяснить, какимъ образомъ первый атомъ вышелъ изъ первоначальнаго направленія своего движенія. Это само собою развивающееся, неизбежное и неразрѣшимое противорѣчіе можно бы, дѣйствительно, выставить, какъ химическую антиномію ⁹⁾.

На такія противорѣчія мы натолкнемся и въ сферѣ астрономіи, если будемъ исходить изъ матеріалистическихъ или пантеистическихъ предпосылокъ.

У Фламмаріона въ 10-й главѣ, въ изображеніи «млечнаго пути», мы встрѣчаемъ такой вопросъ автора: «одинаково ли отстоятъ вообще эти солнца другъ отъ друга?.. Нѣтъ, отвѣчаетъ Фламмаріонъ, между ними должно быть безконечное разнообразіе. Многія изъ нихъ составляютъ какія то дружественныя группы... Другія собраны въ кучки, или рой, въ которыхъ звѣзды, можетъ быть, отдѣлены другъ отъ друга разстояніями лишь въ десятки милліоновъ миль ¹⁰⁾. Значитъ, *системы звѣздъ и планетъ разстѣяны въ небесномъ пространствѣ въ совершенномъ безпорядкѣ и разнообразіи, хотя и связаны общей гармоніей.* Мы позволимъ себѣ здѣсь поставить очень важный вопросъ, *какъ могла получиться эта неравномѣрность въ распредѣленіи планетъ въ небесныхъ сферахъ?* У Фламмаріона отвѣта на этотъ вопросъ мы не нашли, а въ трудѣ Вильгельма Мейера «Мірозданіе» мы были крайне удивлены слѣдующимъ: давъ обѣщанія въ раскрытіи исторіи міровъ дѣлать, какъ можно меньше предположеній, онъ считаетъ необходимымъ допустить только два такихъ предположенія: 1) «существуютъ

⁹⁾ «Міръ, какъ воля и представленіе». Перев. Фэта. Изданіе четвертое I т. 28—29 стр.

¹⁰⁾ К. Фламмаріонъ „Живописная Астрономія“. 669 стр.

части пространства, въ которыя другія имъ подобныя не въ состояніи проникать это—абсолютно твердые атомы»¹¹⁾; они могутъ имѣть любую внѣшнюю форму, и потому ихъ дѣйствіе въ общемъ можетъ быть разсматриваемо, какъ дѣйствіе шаровъ; 2) эти атомы движутся въ пространствѣ прямолинейномъ и съ равномерной скоростью,—именно: въ среднемъ со скоростью, которая, по крайней мѣрѣ, равна скорости распространенія свѣта. Чтобы построить только на этихъ двухъ аксіомахъ мірозданіе и объяснить его развитіе, мы будемъ исходить изъ очевиднаго (?) факта, что атомы распредѣлены въ міровомъ пространствѣ неравномерно¹²⁾. Изъ какихъ невѣдомыхъ міровъ получилъ Мейеръ откровеніе, что неравномерное распредѣленіе атомовъ очевидный фактъ, этого мы не знаемъ. Знаемъ мы только то, что Мейеръ, при допущеніи этой новой аксіомы и двухъ вышеупомянутыхъ предпосылокъ, дѣйствительно, далѣе, построилъ исторію развитія міровъ ясно и научно и въ концѣ послѣ улаженія образованія планетной системы и вправѣ былъ заявить такъ: «мы видѣли, какимъ образомъ, благодаря простому подбору, изъ массы движущихся, неравномерно распредѣленныхъ въ пространствѣ элементовъ матеріи можетъ развиться стройная система міровыхъ тѣлъ, представляющая всѣ подробности, какія мы наблюдаемъ въ въ нашей планетной системѣ»¹³⁾. Для рѣшенія поставленнаго нами выше вопроса: почему планеты распредѣлены въ небесныхъ сферахъ неравномерно, мы разберемъ другой: можетъ ли быть очевиднымъ фактомъ, что атомы въ началѣ были распредѣлены неравномерно, да и вообще можетъ ли даже быть такое распредѣленіе въ началѣ естественнымъ? Становясь на точку зрѣнія астрономическихъ

11) Здѣсь слово „атомъ“ нужно понимать не въ обычномъ, принятомъ въ наукѣ, значеніи, а въ смыслѣ атома первичной матеріи, изъ которой, по представленію Мейера, состоятъ всѣ тѣла. Такой первичной матеріей онъ считаетъ эфиръ. Это примѣчаніе сдѣлано С. Сазоновымъ на 647 стр.

12) Мірозданіе. „Астрономія въ общепонятномъ изложеніи“. перев. съ дополненіями и библиографическимъ указателемъ по русской литературѣ подъ редакціей проф. С. П. Фонъ-Глазенапа, 1900 г. 653 стр. первая 10 строчекъ сверху.

13) Ibid 662 стр почти сверху.

свидѣтельствъ, мы принимаемъ вполнѣ, что міровыя системы развились изъ хаоса, а хаосъ изъ первоматеріи. Въ какомъ состояніи могли находиться атомы первоматеріи, объ этомъ мы можемъ дѣйствительно судить съ несомнѣнною вѣроятностію, но только наше сужденіе по содержанію будетъ прямо противоположно «очевидности» Мейера. А такъ какъ въ исторіи космоса былъ только единственный моментъ, когда изъ первоматеріи стали образовываться и распредѣляться атомы, то Мейеръ и мы въ сужденіи о первоначальномъ состояніи атомовъ первоматеріи одинаково лишены возможности эксперимента; значить судить объ этомъ Мейеръ и мы можемъ только подъ однимъ угломъ зрѣнія принципа и логики. И вотъ выходитъ, по нашему, что атомы первоматеріи должны быть и могли быть распредѣлены по своему безконечному пространству только равномѣрно. Такое представленіе дѣла требуется идеей эволюціи и утверждается опытомъ извѣстнаго, а именно: идея требуютъ, а опытъ показываетъ, что всякому болѣе сложному предшествуетъ болѣе простое, а неравномѣрное состояніе, по нашему,—болѣе сложное, чѣмъ равномѣрное. Это мы можемъ доказать двумя путями и съ точки зрѣнія чистаго понятія и съ точки зрѣнія факта. Какъ чистое понятіе, неравномѣрное есть отрицаніе равномѣрнаго, но всякое отрицаніе предполагаетъ утвержденіе, какъ существующее прежде отрицанія—иначе отрицать, было бы нечего; слѣдовательно равномѣрное должно предшествовать неравномѣрному. Какъ фактъ, неравномѣрное состояніе атомовъ есть, по нашему, моментъ неустойчиваго равновѣсія т. е. другими словами, моментъ соединенія и раздѣленія атомовъ но мы выше доказали уже возможность и необходимость толчка только чрезъ Божественное воздѣйствіе на первоматерію, т. е. тѣмъ самымъ мы уже сдѣлали неопровержимымъ, что первоматерія была инертна—въ состояніи равновѣсія, что—тоже и атомы были распредѣлены равномѣрно. Если же равномѣрное распредѣленіе атомовъ, какъ мы доказали, было первичнымъ состояніемъ первоматеріи, то начавшаяся эволюція первоматеріи, если бы послѣдняя зависѣла только отъ механическихъ причинъ, должна бы была начаться и совершаться во всѣхъ мѣстахъ одновременно и равномѣрно. Это необходимо требуется закономъ, по ко-

тому одно и тоже вещество, при одинаковыхъ условіяхъ, можетъ испытать лишь одинаковыя перемѣны. Значить, мы имѣли бы міръ планетъ и созвѣздій абсолютно симметрической и правильнѣй. Но, какъ мы говорили уже выше въ ссылкѣ на Фламмаріона, — астрономическія наблюденія утверждаютъ неравномѣрное распредѣленіе планетъ въ небесныхъ сферахъ. Это наблюденіе безусловно справедливо и признается всѣми астрономами; совершенно справедливо и первое, что атомы первоматеріи были распредѣлены равномерно. Одно отъ другого произошло и въ тоже время, какъ мы видѣли, одно по законамъ причинности никогда не можетъ произвести другое. Получается настоящее противорѣчіе, — въ буквальномъ смыслѣ антиномія. Выходъ изъ этого противорѣчія для логической мысли возможенъ, но только при допущеніи воздѣйствія Свободно Разумной Божественной Воли. Ergo, механической эволюціонизмъ долженъ быть признанъ вполне несостоятельнымъ съ точки зрѣнія данныхъ астрономіи.

Доселѣ мы разсматривали онтологію, — т. е. что развивается, и съ точки зрѣнія различныхъ естественныхъ наукъ показали ея несостоятельность и въ матеріалистической и въ пантеистической концепціяхъ: Теперь мы кратко разсмотримъ обѣ формации подъ точкою зрѣнія вопросовъ: какъ и изъ чего развивается и для чего развивается? На первый вопросъ Спенсеръ отвѣчаетъ такъ развитіе есть интеграція матеріи съ сопровождающимъ ее разсѣяніемъ движенія, въ теченіе которыхъ матерія переходитъ отъ неопредѣленнаго безсвязнаго однообразія къ опредѣленному и связному разнообразію, а сохраняемое движеніе подвергается параллельному превращенію. Но правда ли, что эта формула дѣйствительно отвѣчаетъ образу мірового развитія, и есть ли она на самомъ дѣлѣ итогъ полученныхъ результатовъ? Отвѣтимъ на это правдивыми словами Чичерина: «чтобы оправдать это опредѣленіе, употребляется самый простой пріемъ: для каждаго отдѣльнаго признака подбирается множество фактовъ и оставляется въ сторонѣ все, что имъ противорѣчитъ. Такъ, для установленія перваго и кореннаго признака интеграціи матеріи дѣлается бѣглая экскурсія по всему мірозданію, кончая даже историческимъ процессомъ человѣчества, и вездѣ указываются

примѣры собранія массъ. Хотя въ этой же экскурсіи можно встрѣтить столько же примѣровъ раздѣленія массъ, но объ этомъ умалчивается и смѣло выводится, что интеграція матеріи есть міровой законъ. Однако, одной интеграціи мало, нужна еще дифференціація. Опять учиняется прогулка по всей вселенной и подбираются факты, указывающіе на дифференціацію, при чемъ оставляются въ сторонѣ всѣ явленія, въ которыхъ различія не усиливаются, а сглаживаются. Такимъ же способомъ доказывается далѣе, что признакомъ эволюціи служить не всякая, а только опредѣленная дифференціація. Въ результатѣ выходитъ, что горбатый, кривоногій, косой уродъ, украшенный всякими наростами и бородавками, составляетъ высшую ступень человѣческаго совершенства»¹⁴⁾. На 149 стр. Чичеринъ разбираетъ Спенсеровскую формулу съ присущею ему ясностію и силою на фактахъ. Для этого онъ беретъ хорошо изслѣдованное развитіе цыпленка въ яйцѣ и говоритъ: «никакой интеграціи матеріи при разсѣяніи движенія тутъ не происходитъ. Заключающаяся въ яйцѣ матерія получаетъ новое строеніе при несравненно большемъ внутреннемъ движеніи, нежели прежде, какъ видно изъ того, что развитіе совершается при постоянномъ поглощеніи теплоты. Дифференціація тутъ дѣйствительно происходитъ, но только до извѣстныхъ предѣловъ, пока не образовался заранѣе опредѣленный типъ. Затѣмъ, цыпленокъ растетъ, постоянно вбираетъ въ себя новую матерію, но никакой новой дифференціаціи въ немъ не оказывается, хотя внѣшнія причины могутъ дѣйствовать на него гораздо сильнѣе, нежели когда онъ находится съ скорлупѣ. Вообще внѣшнія причины играютъ въ этомъ процессѣ самую второстепенную роль; все развитіе яйца совершается дѣйствіемъ внутренней причины. Внѣшнею причиною является только теплота, которая одинаково проникаетъ со всѣхъ сторонъ и, какъ намъ достовѣрно извѣстно, сама по себѣ никакого органическаго развитія произвести не можетъ. Прежде всего она дѣйствуетъ на яичную скорлупу, которая болѣе всего подвержена внѣшнимъ вліяніемъ и составляетъ при томъ совер-

---

¹⁴⁾ Положительная философія и единство науки, 1892 г. 147 стр.

шенно однообразную массу, но, вопреки ученія Спенсера, оказывается удивительно устойчивою. Никакой органической дифференціаціи не происходит также ни въ бѣлкѣ, ни въ желткѣ; одинъ зародышъ начинаетъ дифференцироваться и мало по малу производитъ изъ себя цѣлый живой организмъ». Такимъ образомъ, законъ, лежащій въ формулѣ Спенсера, является не отраженіемъ дѣйствительности, а искаженіемъ ея, потому что онъ выведенъ не изъ наблюденій индуктивнымъ путемъ, а заимствованъ изъ извѣстной идеи древне-греческой метафизики. Поэтому онъ, въ качествѣ универсальнаго закона, можетъ говорить не о дѣйствительномъ образѣ развитія природы, а только о желательномъ.

Изъ чего развивается или при помощи чего? Механический эволюціонизмъ указываетъ исключительно однѣ внѣшнія причины, наивно полагая, что ихъ совершенно достаточно для объясненія всего качественного разнообразія вещей; напимѣръ въ сферѣ объясненія органической эволюціи таковъ дарвинизмъ: научная теорія о превращеніяхъ безъ фактовъ превращенія ¹⁵⁾; теорія объясненія развитія безъ

---

¹⁵⁾ По вопросу объ отсутствіи фактовъ превращенія, а равно и о томъ, какія мнимыя превращенія принимались за дѣйствительныя и выдавались въ качествѣ таковыхъ, можно было бы привести не мало фактовъ; но обширный фактической аппаратъ утомляющимъ образомъ дѣйствуетъ на вниманіе, потому мы здѣсь ограничимся только нѣкоторыми датами изъ элементарной біологіи Паркера. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Даллигеръ наблюдалъ среди большого количества колокольчатыхъ инфузорій *Vorticellae* одну, которая, повидимому инцистировалась на своемъ стебелькѣ. Наблюдая ее далѣе, онъ замѣтилъ, что изъ цисты вышла принадлежащая къ совершенно другой группѣ свободно плавающая, рѣсничная инфузорія, называемая *Micrileptus*, нѣсколько похожая на *Paraoesium*. Многие наблюдатели, описали бы это несомнѣнный случай гетерогенезиса, но Даллигеръ просто описалъ наблюденіе и ждалъ. Два года спустя удалось объяснить этотъ случай: онъ нашелъ эти два вида въ одномъ прудѣ и при этомъ наблюдалъ, какъ *Amphileptus* схватилъ и пожралъ *Vorticella*, а затѣмъ инцистировался на стебелькѣ своей жертвы. Ясно, что единственный путь, какимъ могъ бы быть доказанъ ка ой-нибудь случай гетерогенезиса, есть дѣйствительное наблюденіе такого превращенія, а такого наблюденія до сихъ поръ еще не было. Самое большое, что наблюдалось—это нѣкоторые про-

подлинной причины развитія, на мѣсто которой дарвинизмъ ставитъ борьбу за существованіе. Эта то борьба выработываетъ полезные признаки, которые путемъ естественнаго подбора фиксируются въ потомкахъ,—такъ творятся метаморфозы. Но какъ борьба за существованіе можетъ производить полезные признаки, этого ни одинъ дарвинистъ не объяснить. Это, конечно, произойдетъ по очень понятной причинѣ, такъ какъ борьба за существованіе сама по себѣ никакихъ новыхъ признаковъ произвести не можетъ, а только закрѣпляетъ происшедшія перемѣны. Если бабочки приобрѣли окраску, сходную по цвѣту съ цвѣтомъ листьевъ, на которыхъ онѣ и пережили своихъ сотоварокъ иной окраски, то борьба за существованіе здѣсь есть только констатированіе самого факта пережитія, чѣмъ и дается условіе для передачи выгодной окраски потомкамъ, но самый цвѣтъ окраски получился по причинамъ, безусловно независящимъ отъ борьбы за существованіе. Но что произвело перемѣну въ окраскѣ? Искренній дарвинистъ откажется дать объясненіе, потому что ссылаться на случай вообще

межуточныя стадіи между крайними формами, напримѣръ между эвгленой и нитевидными червями, а остальное добавлялось путемъ заключенія. Съ другой стороны, существуютъ безчисленныя наблюденія относительно самыхъ разнообразныхъ организмовъ, результатъ которыхъ состоитъ въ томъ, что каждый изслѣдованный видъ въ теченіе своего развитія проходитъ опредѣленный родъ измѣненій въ результатѣ которыхъ неизмѣнно является организмъ, во всѣхъ существенныхъ пунктахъ похожій на тотъ, который послужилъ исходнымъ пунктомъ наблюденій: эвглены производятъ всегда эвгленъ и ничего больше, бактеріи производятъ бактерій и ничего другого. Есть нѣкоторые случаи, которые, при несовершенномъ знаніи можно было бы истолковать, какъ гетерогенезисъ, напримѣръ развитіе лягушки изъ головастика или происхожденіе медузъ отъ полиповъ, но въ этихъ и многихъ другихъ случаяхъ такия, повидимому, аномальныя превращенія составляютъ только часть нормальнаго и неизмѣннаго цикла измѣненій, которыя испытываетъ организмъ въ теченіе своего развитія; всегда въ концѣ концовъ лягушка производитъ лягушку, медуза—медузу. Если бы лягушка одинъ разъ произвела головастика, другой разъ форель, третій разъ червя; если бы медузы иногда производили полиповъ, иногда инфузорій, и иногда каракатицъ и все это безъ всякаго опредѣленнаго порядка, то это былъ бы гетерогенезисъ". Паркеръ. Лекціи по элементарной биологіи. Переводъ Львова. 103 стр.

значить обнаруживать незнаніе. Въ дѣйствительности мы видимъ измѣнчивость, ограниченную весьма тѣсными предѣлами; можемъ ли мы, опираясь на эти факты, сказать что сила, способная произвести весьма маленькія перемѣны, способна произвести и большія, лишь бы дать ей достаточно времени? Это было бы логическою несообразностію, такъ какъ меньшее не можетъ дать большее. Такой пріемъ противорѣчитъ основнымъ законамъ механики. «Ограниченная сила, говоритъ Чичеринъ, никогда не выйдетъ изъ предѣловъ своего дѣйствія, хотя бы она продолжала дѣйствовать въ теченіи милліоновъ лѣтъ»¹⁶). Для существова-

---

¹⁶ Громоздя вѣка на вѣка, дарвинисты мечтаютъ заполнить пустоту фактовъ милліонами лѣтъ. Извѣстный Бэръ вполне справедливо охарактеризовалъ такую попытку эволюционистовъ замѣнить фактъ безконечнымъ временемъ въ слѣдующихъ словахъ: „безмѣрные промежутки времени представляютъ уютную гавань, гдѣ гипотеза ищетъ убѣжища въ столь мелкой гавани? (Чичеринъ „Положительная философія и единство науки“ въ приложеніи „опытъ классификаціи животныхъ“ 6 стр.). Ненадежность этой гавани можно доказать фактами двухъ родовъ: 1) Сравненіемъ ископаемыхъ животныхъ глубокой древности съ настоящимъ той же породы и 2) разсмотрѣніемъ флоры и фауны въ тѣхъ изолированныхъ мѣстностяхъ, гдѣ несомнѣнно протекли громадныя періоды времени. Такъ, раскопки представляютъ такіе факты: между египетскими муміями найдены муміи домашнихъ животныхъ и всего болѣе быка, собаки, кошки. Муміи эти дошли до насъ отъ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, отдѣленныхъ отъ насъ двумя или даже тремя тысячами лѣтъ. Но когда эти памятники формъ домашнихъ животныхъ отъ этихъ отдаленныхъ временъ сличены были съ нынѣ живущими формами тѣхъ же животныхъ, то сходство всѣхъ этихъ видовъ оказалось таково, что между ними не было болѣе той разности, какая существуетъ между человѣческими муміями и набальзамированными трупами людей настоящаго времени. И однако нѣкоторые изъ этихъ животныхъ были съ того времени развезены человѣкомъ по всѣмъ возможнымъ мѣстамъ и принуждены приспособлять свои нравы къ величайшему разнообразію условій „Геологія Ляйэля т. II 282 стр. „Сохранились точно такимъ же образомъ плоды, сѣмена и другія части 20 растений. Между прочимъ открыта была обыкновенная пшеница въ закрытыхъ сосудахъ, настѣвленныхъ въ гробницахъ царей. Никакой разницы нельзя было подмѣтить между этой пшеницей и той, которая теперь растетъ на Востокѣ и въ другихъ мѣстахъ. Что же касается открытыхъ здѣсь растений, то доказано, что не только такъ называемые виды, но даже извѣстныя породы

нiя большаго дѣйствiя нужна новая сила: это основной законъ механики. Если мы представимъ себѣ маятникъ, качающiйся въ пустотѣ, то хотя бы онъ качался миллионы лѣтъ, онъ никогда не выйдетъ изъ предѣловъ, положенныхъ первоначальною точкою, на которую онъ былъ поставленъ. Если онъ качается въ средѣ, оказывающей сопротивленiе, то размахи будутъ дальше или меньше, смотря по плотности среды, но всетаки они не переступятъ первоначальной границы. Точно также земля въ теченiи миллионовъ лѣтъ совершаетъ свой путь вокругъ солнца, идя отъ перигелия къ афелию и обратно, претерпѣвая при этомъ различныя пертурбацiи; но изъ предѣловъ своей орбиты она никогда не выходитъ. Сила, присущая единичному организму, есть такая же ограниченная сила, дѣйствующая

не измѣнились съ эпохи первыхъ Фараоновъ“ Катрфажъ „Естественная исторiя челоуѣка“ 37 стр.

Доказательство другой категорiи мы находимъ у Чичерина: „возьмемъ, говоритъ онъ, на примѣръ Новую Голландiю. По теорiи Дарвина, замкнутость области, при достаточной ея обширности, составляютъ условiя самыя благопрiятныя для борьбы за существованiе. Мѣста довольно для проявленiя различныхъ уклоненiй, а уйти некуда, вслѣдствие чего борьба возгорается во всей силѣ. Именно, эти условiя соединяются въ Новой Голландiи; а между тѣмъ изъ млекопитающихъ мелкихъ формъ, вѣроятно, занесенныхъ извнѣ, мы находимъ однихъ сумчатыхъ, которыхъ зоологи считаютъ низшими изъ всѣхъ. Отсюда они выводятъ, что Новая Голландiя отдѣлилась отъ материка въ такую пору, когда на землѣ существовали только сумчатые изъ млекопитающихъ. Съ тѣхъ поръ прошли миллионы лѣтъ, отчего же борьба за существованiе не произвела высшихъ формъ? Еще болѣе разительный примѣръ представляетъ Новая Зеландiя. И тутъ островъ обширный съ континентальной формациею. На немъ находится множество пресмыкающихся; были еще недавно птицы громаднхъ размѣровъ, лишеныя способности летать, но нѣтъ ни одного млекопитающаго, за исключенiемъ двухъ, трехъ породъ летучихъ мышей.

Отсюда опять зоологи выводятъ, что Новая Зеландiя сдѣлалась островомъ въ то время, когда еще не было млекопитающихъ на землѣ. Съ тѣхъ поръ протекли еще болѣе громадныя промежутки времени, нежели съ появленiя сумчатыхъ; отчего же кипящая всюду борьба за существованiе изъ наличныхъ низшихъ формъ не выработала высшихъ? (Приложенiе „опытъ классификацiи животнхъ“ стр. 6—7.

щая въ положенныхъ предѣлахъ, какъ маятникъ или земля. Это ясно изъ того, что она всегда воспроизводитъ одинъ и тотъ же типъ съ небольшими видо-измѣненіями. Существующіе факты не даютъ намъ ни малѣйшаго права заключить, что она способна выйти изъ этихъ предѣловъ и подвергаться безграничнымъ видоизмѣненіямъ. Конечно, для организма мы не можемъ указать такихъ точныхъ математическихъ границъ, какъ для маятника и земли.

Дѣйствуя среди весьма разнообразныхъ условій и находясь съ ними въ постоянномъ взаимодействіи, органическая сила не подлежитъ такому строгому опредѣленію. Однако, есть признакъ, по которому мы можемъ судить, что она приближается къ границѣ своего дѣйствія. Этотъ признакъ есть рѣдкость явленія. Сила колеблется въ обѣ стороны, но чѣмъ болѣе она отдаляется отъ средней нормы, тѣмъ рѣже становится явленія. Это—общій статистическій законъ, который признается на основаніи опыта, въ приложеніи къ явленіямъ человѣческой жизни и онъ же подтверждается опытомъ въ приложеніи къ организмамъ. Естествоиспытатели называютъ это началомъ возвращенія къ посредственности, и дарвинисты наивно ссылаются на него, не подозревая, что этимъ самымъ ниспровергается вся ихъ теорія. Въ силу этого закона организмъ, приближаясь къ границѣ своего дѣйствія, не пойдетъ далѣе, а возвратится назадъ къ среднему типу» ¹⁷⁾. Такимъ образомъ, основной факторъ дарвинизма оказывается безусловно недостигающимъ цѣли. Онъ принципиально не можетъ быть приложенъ для объясненія развитія, потому что не онъ вызываетъ развитіе, прилагается для объясненія фактовъ и тѣми же фактами отрицается, основанъ на понятіи механическихъ причинъ съ забвеніемъ подлинныхъ закономъ механики. Какъ ни очевидна ложь механизма, однако, до сего дня ярые поборники дарвинизма продолжаютъ твердить: «функціи суть результатъ, а не цѣль». Это тотъ же голосъ, только лишенный силы и поэзіи древнихъ дней. Въѣдъ почти 2000 лѣтъ тому назадъ Лукрецій Каръ въ ди-

---

¹⁷⁾ Чичеринъ. Приложение „опытъ классификаціи животныхъ“ 10—11 стр.

дакрической поэмѣ сказалъ: «Nil natum est corpore, ut uti «Possemus, sed quod natum est, id proereat usum»¹⁸⁾.

Но если функціи не цѣль, а результатъ, то что скажутъ упорные дарвинисты предъ неизбѣжными выводами изъ ихъ тезиса? Вѣдь они должны тогда согласиться, по справедливымъ сужденіямъ Паульсена, съ тѣмъ, что не потому быкъ бодаеть, чтобы одолѣть своего соперника, а потому, что онъ бодаеть—другой падаетъ на землю; не потому паукъ плететь свою сѣть, чтобы ловить мухъ, а потому, что существуетъ сѣть—мухи цѣпляются за нее, и потому, что существуютъ пожирательные органы паука, муха попадаетъ въ нихъ, и такъ какъ дѣло дошло до этого, то она препровождается далѣе вовнутрь и переваривается; о цѣляхъ нѣтъ нигдѣ при этомъ рѣчи, а только о причинныхъ связяхъ. И если это вѣрно въ примѣненіи къ пауку, должны были они сказать, продумывая мысль до конца, то и въ примѣненіи къ человѣку будетъ тоже самое. И онъ, значить, сплетаетъ сѣти не затѣмъ, чтобы ловить рыбу, а потому, что руки его такъ движутся, пряжа переплетается въ сѣть и потому, что сѣть такъ растягивается въ водѣ, ею вытаскивается рыба.¹⁹⁾

Итакъ, механическій принципъ, разсматриваемый въ его различныхъ развѣтвленіяхъ въ качествѣ фактора развитія, ни къ чему, кромѣ абсурдовъ, привести не можетъ. Еще Аристотель, разбирая механическое воззрѣніе Эмпедокла, былъ настолько пораженъ несостоятельностью механическаго принципа, что философскія сужденія Эмпедокла показались ему бредомъ пьяныхъ²⁰⁾. Теперь, на послѣдній вопросъ, что скажетъ намъ механическій эволюціонизмъ: «для чего развивается»? Такихъ вопросовъ ставить нельзя, отвѣтить послѣдовательный представитель. Мы знаемъ міръ только въ аллегоріи Гейне:

«Катятся волны съ шумомъ обычнымъ,

«Вѣтеръ несется и тучи несетъ,

«Звѣзды мерцаютъ въ безстрастїи холодномъ.

¹⁸⁾ Паульсенъ. „Введеніе въ философію“. 230 стр. „De natura rerum“ в. в. IV 830.

¹⁹⁾ Паульсенъ. Ibid. 230 стр. и 231.

²⁰⁾ Паульсенъ. „Введеніе въ философію“ 159 стр.

Т. е. все связано неразрывною цѣлью взаимодѣйствій, и мы можемъ только отвѣчать на вопросъ: какъ, описать взаимныя воздѣйствія, но ставить вопросъ: «для чего», намъ запрещаетъ принципъ. Очевидно, никакого отвѣта на нашъ вопросъ мы не добьемся отъ послѣдовательнаго механическаго эволюціонизма. Остается самимъ рѣшать его, всмотрѣвшись внимательнѣй въ панораму механизма. Получается слѣдующая безотрадная картина, которую передадимъ въ изображеніи Паульсена: «подобно тому, какъ коврига хлѣба покрывается налетомъ плѣсени, міромъ живущихъ растеній, земля въ извѣстный моментъ своего длиннаго развитія покрывается міромъ живущихъ организмовъ; между этими послѣдними, какъ одна изъ случайностей въ игрѣ этихъ образованій, находится и человѣкъ. Послѣ короткаго разцвѣта міръ этотъ снова погрузится въ то ничто, изъ котораго онъ явился; остается только одно: вѣчная матерія и законы ея движенія. Между безконечнымъ прошлымъ, когда не существовало никакой жизни, и безконечнымъ будущимъ, когда не будетъ никакой жизни, выступаетъ мгновеніе настоящаго и жизни, одно мгновеніе, хотя бы мы и измѣрили его и не могли бы измѣрить милліонами лѣтъ—и въ это то мгновеніе небольшая часть безконечной матеріи обнаруживаетъ тотъ удивительный феноменъ, какъ бы, фосфоресцированія, который мы называемъ самосознаніемъ или духовною жизнью, короткое интермеццо, которое какимъ бы великимъ и важнымъ ни представлялось намъ, для великаго міроваго цѣлаго есть просто незначительная случайность. Матерія и движеніе суть дѣйствительное и то странное переодѣваніе, въ которомъ выступаетъ движеніе на одно мгновеніе, не имѣетъ для міра никакого значенія: короткая игра однодневной мухи, царящей надъ моремъ вѣчности и безконечности» ²¹⁾. Съ тяжелымъ чувствомъ оторвавшись отъ панорамы, мы должны, дѣйствительно, согласиться съ отвѣтомъ послѣдовательнаго эволюціониста, что вопросъ «для чего» не терпимъ въ теоріи механизма, но добавимъ для ясности, что въ колоссальномъ безсмысліи, какимъ изображается

²¹⁾ Паульсенъ. „Введеніе въ философію“. 67 стр.

міръ въ механическомъ міровоззрѣніи, искать смысла и съ діогеновскимъ фонаремъ безсмысленно. Что механическій принципъ ложенъ, и что необходимъ телеологическій взглядъ, — это со всею силою заявляетъ пантеистическій эволюціонизмъ. Но въ чемъ сущность телеологіи пантеистическаго эволюціонизма?

Друммондъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «стремленіе человѣческаго ума и сердца есть только эволюціонное стремленіе вселенной, становящееся сознательнымъ» ²²⁾. Соотечественники Уоллеса, докторъ Лекокъ и мистеръ Мифри считаютъ закономъ развитія законъ «безсознательнаго разума» ²³⁾, но понятіе безсознательное и цѣлесообразное для нашей мысли заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Тренделенбургъ вполне справедливо замѣтилъ: «если допустить, что безсознательная цѣлесообразность уже разрѣшаетъ загадку, то не увеличить ли она еще болѣе ея трудность, ибо какимъ же образомъ глубокомысленнѣйшая цѣлесообразность можетъ быть въ тоже время слѣпа и безсознательна?» Паульсенъ, разсуждая о цѣлесообразности, говоритъ: «преднамѣренность не включается въ понятіе цѣлесообразности; нѣтъ необходимости, чтобы цѣль существовала прежде въ представленіи и чтобы движеніе совершалось прежде по какому либо готовому плану» ²⁴⁾. Какъ же получается цѣлесообразность по Паульсену, если преднамѣренный планъ онъ отрицаетъ?

Кажется, отвѣтомъ на нашъ вопросъ можно считать у Паульсена слѣдующее мѣсто: «не предвидѣніе цѣлей и уразумѣніе средствъ являются сопровождающими явлениями жизненныхъ процессовъ, а ощущенія побужденій и возбужденія чувствъ» ²⁵⁾. Это, скажемъ мы, довольно понятно, конечно, съ точки зрѣнія пантеистической системы, гдѣ воля есть коренное, а разумокъ производное, но только это отнюдь не свободно отъ установленнаго противорѣчія. Вѣдь Все-Единое до момента раскрытія сознанія въ чело-вѣкѣ тоже было чуждо сознанія и разума и, слѣдовательно,

²²⁾ „Эволюція и прогрессъ человѣка“. 386 стр.

²³⁾ А. Θ Гусевъ „Натуралистъ Уоллесъ“. 32 и 181 стр.

²⁴⁾ Паульсенъ. „Введеніе въ философію“ 225 стр.

²⁵⁾ Ibid 117 стр. въ концѣ.

Все-Единое до момента высшихъ животныхъ и человѣка могло бы развиваться съ точки зрѣнія цѣлесообразности, не лучше того чудака, который для того, чтобы, застрѣлить зайца, сдѣлалъ бы миллионъ выстрѣловъ изъ ружей по всѣмъ направленіямъ; но мы отъ начала туманностей видимъ въ міровомъ развитіи поражающую цѣлесообразность, которую слѣпая воля произвести не могла, потому что ея дѣйствія оказались бы дѣйствіями Реймарусовскаго охотника, а не всеобщюю гармоніею міровъ. Ergo, пантеистическая телеологія несостоятельна.

Противъ теистической телеологіи издавна указывалось, продолжаютъ и до сего дня ссылки на факты, такъ называемой, дистелеологіи. Въ подборѣ такихъ фактовъ въ одинаковой степени трудятся какъ поборники механическаго, такъ и пантеистическаго эволюціонизма, направляя фактъ принципиально противъ цѣлесообразности — первые, или противъ теистической телеологіи — вторые. Въ отвѣтъ тѣмъ и другимъ укажемъ прежде всего на справедливые слова Дарвина: «мы слишкомъ мало знаемъ объ общей экономіи какаго бы то ни было организма, чтобы рѣшить, какія легкія видоизмѣненія были бы для него важны и какія нѣтъ? Самые ничтожные признаки, каковы пушистость плода или цвѣтъ его мяса, могутъ, по своей связи со складомъ всего растенія или съ нападками насѣкомыхъ, быть полезными. Хвостъ жираффы имѣетъ видъ искусственной мухогонки и на первый взглядъ, кажется, невозможнымъ, чтобы онъ могъ приспособиться къ теперешнему своему отправленію чрезъ постепенныя усовершенствованія относительно такой ничтожной цѣли, какъ отмахиваніе отъ мухъ. Но мы должны остановиться прежде, чѣмъ произнести окончательный приговоръ даже объ этомъ случаѣ, ибо мы знаемъ, что распредѣленіе и существованіе рогатаго скота и другихъ звѣрей въ Южной Америкѣ положительно зависитъ отъ ихъ средства защиты противъ насѣкомыхъ, такъ что особи, которыя могли бы какъ нибудь оборониться отъ этихъ мелкихъ враговъ, имѣли бы возможность распространиться на новыя пастбища и такимъ образомъ приобрѣли бы значительное преимущество. Конечно, крупные звѣри лишь въ рѣдкихъ случаяхъ положительно истребляются мухами, но

они подвергаются отъ мухъ безпрестанному мученію, отъ котораго они ослабѣвають и хилѣють, вслѣдствіе чего, въ случаѣ голода, менѣе способны добывать себѣ пищу или спасаться отъ хищниковъ ²⁶). Вполнѣ справедливыя возраженія представляетъ противъ дистеологіи профессоръ Гусевъ: «слишкомъ рискованнымъ, говорить онъ, представляется отрицать полезность для животнаго какой либо части его организма на томъ только основаніи; что она—эта полезность, не ясно выступаетъ предъ нашимъ сознаниемъ. Необходимо тонкое и всестороннее изученіе организма, соотношенія малѣйшихъ частей въ немъ въ общей экономіи его жизни, связи его съ другими существами и предметами природы и т. д., чтобы отважиться на категорическое заявленіе, что такой то органъ или такая то особенность даннаго организма составляетъ для него ненужное и лишнее бремя. Много изъ того, что считалось лишнимъ у того или другаго животнаго, оказывается, послѣ болѣе внимательнаго и серьезнаго изученія, вполнѣ нужнымъ и полезнымъ. Геккель, на примѣръ, объявляетъ излишнимъ для страусовъ крылья. Но справедливо ли, будто крылья для страусовъ излишни по ихъ незначительной величинѣ? Извѣстно, что эта птица отличается необыкновенно быстрымъ бѣгомъ. Спрашивается: не разсѣкая крыльями воздуха, могъ ли бы страусъ при его длинныхъ ногахъ удерживать во время длиннаго бѣга свое туловище въ надлежащемъ равновѣсіи? Указываютъ еще, какъ на излишнія, на грудныя железы и сосцы у мужчинъ. Положимъ, питаніе грудью принадлежитъ, обыкновенно, женщинѣ. Между тѣмъ, извѣстны случаи, когда и въ мужскихъ грудныхъ железахъ отдѣлялось молоко. Такъ, во время гоненія гугенотовъ въ 16 вѣкѣ одинъ мужчина, жена котораго была лишена жизни, убѣжалъ съ своимъ новорожденнымъ ребенкомъ на дикую гору. Желая спасти жизнь дорогаго для него существа, мужчина развилъ у себя въ грудяхъ молоко и могъ питать дитя грудью. Такимъ образомъ, существованіе у мужчинъ грудныхъ железъ и сосцевъ не можетъ быть считаемо совершенно из-

---

²⁶) „О происхожденіи видовъ“. Перев. Рачинскаго 3 изд. 151 стр.

лишнимъ уже на основаніи одного этого факта, хотя бы случаи практическаго употребленія въ дѣло этихъ частей организма и были исключительными ²⁷⁾. Вообще можно считать фактомъ, что наука въ своемъ развитіи болѣе и болѣе расширяетъ объемъ полезностей и притомъ даже въ той сферѣ, гдѣ неправомѣрнымъ казался самый вопросъ о полезности. Крайне интересны для иллюстраціи въ данномъ случаѣ изслѣдованія г. Хмѣлевскаго, въ области жизни и развитія бактерій. «Кто когда-либо думалъ, говорить онъ, что бактеріи имѣютъ какое-либо полезное значеніе? а на самомъ дѣлѣ и эти крохотныя существа живутъ въ мірѣ далеко не безцѣльно. Бактеріи играютъ роль регуляторовъ обмѣна веществъ въ воздухѣ, почвѣ, водѣ. Разрушая мертвыя органическія вещества, онѣ выдѣляютъ углекислоту, сѣрный водородъ, амміакъ и другія газообразные продукты распада, но тѣмъ не менѣе воздухъ никогда не насыщается этими газами, такъ какъ сѣрный водородъ окисляется на воздухѣ и превращается въ сѣру и воду, чѣмъ устраняется вредное дѣйствіе его на жизнь; амміакъ поглощается нитрифирующими бактеріями и переводится ими въ азотную кислоту, а затѣмъ превращается въ селитру; послѣдняя, накопляясь въ почвѣ, служитъ главнымъ источникомъ необходимаго для высшихъ растений азота. Угольная кислота поглощается листьями зеленыхъ растений и служитъ имъ источникомъ питанія... Зеленыя растенія, съ одной стороны, и бактеріи, съ другой, представляютъ собой двухъ грандіозныхъ дѣятелей природы, обуславливающихъ круговой обмѣнъ веществъ. Исчезни зеленыя растенія,—скоро наступитъ всеобщій голодъ и смерть. Исчезни бактеріи,—планета наша превратилась бы въ ужасное кладбище, заваленное несмѣтными трупами» ²⁸⁾. Или еще примѣръ компетентнаго изслѣдователя профессора Вагнера, хотя по непонятной причинѣ и врага теологіи. «Если бы не существовали въ громадномъ количествѣ губки насцидіи, говорить онъ, эти естественные фильтры морской воды, то

27) А. Θ. Гусевъ. „Натуралистъ Уоллесъ“. 55—56 стр.

28) Русская мысль 1899 г. Февр. В. Хмѣлевскій. Бактеріи (Жизнь и развитіе бактерій. Роль бактерій въ природѣ. Значеніе бактерій въ жизни человѣка. 129—149 стр.), заключительн. снова 148—149 стр.

большая часть плавающихъ въ этой послѣдней остатковъ полуразложившихся органическихъ веществъ не только гибла бы совершенно даромъ, но и портила бы самую воду. Подобныя же отношенія мы видимъ въ существованіи мириадъ наливочныхъ животныхъ. Съ другой стороны, если бы не было такого громаднаго количества этихъ остатковъ, то эти организмы не могли бы приспособиться къ ихъ одностороннему существованію ²⁹⁾. Далѣе, въ вопросѣ о порядкѣ и гармоніи въ мірѣ необходимо брать въ соображеніе дѣйствія такого важнаго дѣятеля въ природѣ, каковъ человѣкъ, отражающійся иногда самымъ невыгоднымъ образомъ на предметахъ и явленіяхъ этой послѣдней и вносящій въ нее разладъ и дисгармонію, которые природа едва исправляетъ, хотя далеко не всегда» ³⁰⁾. Итакъ, факты такъ называемой дистелеологіи еще не есть факты реальной дистелеологіи, и можно сказать безъ преувеличенія, что ихъ признаніе есть результатъ недостаточнаго проникновенія человѣка во взаимныя связи вещей.

Указавъ несостоятельность пантеистической телеологіи и разсмотрѣвъ незаконность возраженій противъ цѣлесообразности, мы теперь приступимъ къ рѣшенію вопроса—какъ истинно понимать телеологію на строго научныхъ и философскихъ основаніяхъ. Истина пантеизма, по справедливымъ словамъ Карпентера, заключалась въ признаніи всенаправляющей божественной дѣятельности. Коренное заблужденіе пантеизма, по словамъ того же Карпентера, лежитъ въ отсутствіи всякаго отчетливаго признанія той сознательной воли, которая составляетъ существенный атрибутъ личности; ибо безъ такой сознательной воли не существуетъ никакой нравственной власти, и самыя высокія стремленія человѣка къ божественному идеалу не имѣютъ реальной цѣли ³¹⁾. Именно по отсутствію этой сознательности въ Первопричинѣ, пантеизмъ и могъ разсматривать телеологію, какъ

²⁹⁾ Вагнеръ. „Индивидуальныя измѣненія“. 191 стр.

³⁰⁾ „Натуралистъ Уоллэсъ“. 57—58 стр. Обстоятельное раскрытіе этой мысли находится у Георга Марша въ его сочиненіи „Человѣкъ и природа“.

³¹⁾ У. Б. Карпентеръ. „Основанія фізіологіи ума съ ихъ примѣненіями къ воспитанію и образованію ума и изученія его болѣзненныхъ состояній“. 1887 г. II т. 20 г. 585 парагр. 256 стр.

цѣлесообразность имманентную и бессознательную. Теизмъ, признавая всенаправляющій Божественный Промыслъ, мыслить Бога, какъ Личность, т. е. Свободно Разумную Силу и потому телеологія теизма должна разсматриваться, какъ осуществленіе Божественнаго плана въ конкретныхъ формахъ міра. Телеологію теизма мы считаемъ истинной, конечно, не потому только, что мы теистически вѣруемъ, но и потому, что логически и можемъ мыслить цѣлесообразность только въ духѣ теизма. Поль Жанэ говоритъ: «принципъ причинности требуетъ, чтобы не только каждое постоянное совпаденіе и сочетаніе явленій изъясняемы были опредѣленными причинами. Но этотъ же принципъ требуетъ отъ мысли еще большаго, именно, когда это совпаденіе имѣетъ еще тотъ характеръ, по которому является какъ несомнѣнно предопредѣленное извѣстнымъ будущимъ болѣе или менѣе отдаленнымъ явленіемъ; тогда тотъ же всеобщій принципъ причинности требуетъ, чтобы было изъяснено не только самое совпаденіе явленій, но и то отношеніе къ будущему своему послѣдствію, которое опредѣлило дѣятельную причину принять въ своемъ дѣйствіи изъ множества возможныхъ формъ одну опредѣленную. Это отношеніе къ будущему можетъ быть изъяснено не иначе, какъ предположеніемъ, что будущій феноменъ еще до появленія своего существовалъ, извѣстнымъ образомъ въ дѣятельной причинѣ и руководилъ ея дѣйствіями. Такимъ образомъ, когда совпаденіе является легко и все безъ остатка изъясняется изъ предшествующихъ своихъ условій, тогда ни о чемъ больше не можетъ быть рѣчи, кромѣ отношенія причины къ слѣдствію. Напротивъ, когда это совпаденіе, чтобы быть вполне понятнымъ, должно быть относимо не только къ своимъ будущимъ послѣдствіямъ, тогда простое отношеніе причины къ слѣдствію становится уже недостаточнымъ и превращается въ отношеніе средства къ цѣли. Допустимъ, сначала, что способность желудка къ пищеваренію вообще и мяса въ частности есть простое слѣдствіе, а не цѣль. Въ такомъ случаѣ сама природа наводитъ физиолога на слѣдующую проблему: почему же это желудокъ, варящій мясо, не варитъ самого себя, почему это желудочный сокъ, разлагающій мясо, не разлагаетъ желудка, составъ котораго совершенно одинаковъ съ составомъ вос-

принимаемаго имъ мяса? Оказывается, однако, что природа не только предвидѣла, но и рѣшила это возраженіе тѣмъ, что выложила внутреннія стѣнки органа особеннаго рода глазурию, парализующею разрушающее дѣйствіе желудочнаго сока. Но если такъ, то какъ не допустить, что образованіе этой глазури имѣетъ предопредѣленное, точно рассчитанное заранѣе отношеніе къ будущему дѣйствію, которое долженъ совершать желудокъ? Утверждать, что такого соотношенія здѣсь нѣтъ, или что оно есть слѣдствіе случайнаго совпаденія, значитъ допускать, что въ самое время, когда однѣ физическія причины произвели субстанцію, называемую *Stomachus*, другія имъ подобныя, но совершенно отъ нихъ не зависимыя произвели субстанцію называемую *Epithelium*, которая однако есть условіе *sine qua non* пищеварительной функціи желудка. Два ряда причинъ, дѣйствуя совершенно независимо другъ отъ друга и безъ всякаго соображенія о будущемъ результатѣ своихъ дѣйствій, оканчиваютъ однакожъ тѣмъ, что совершенно согласуются въ своихъ дѣйствіяхъ и этимъ самымъ согласіемъ овозможиваютъ будущій феноменъ, безъ такого согласія ради его рѣшительно невозможный. Видѣть здѣсь только здѣсь одно случайное совпаденіе счастливыхъ случайностей можно тогда только, когда мы совершенно отречемся отъ признанія закона причинности ³²⁾. Не только относительно органической жизни, но даже и о кристаллахъ Жанэ говоритъ такъ: «очень можетъ статья, что это важно для другихъ существъ и что точная и правильная форма всякой субстанціи служить условіемъ порядка и постоянства, необходимаго для общей безопасности ³³⁾. Совершенно также справедливо понимаетъ требованіе закона причинности и Тренделенбургъ. «Глазъ, говоритъ онъ, во мракѣ материнской утробы готовится къ тому, чтобы открыться для свѣта по рожденіи. Глазъ образуется въ тайной лабораторіи природы, однако соответствуетъ свѣту, который исходитъ на безконечномъ разстояніи отъ него... Всюду

---

³²⁾ Жанэ. „Конечныя причины и цѣлесообразный порядокъ вещей въ природѣ и его причина“. 32, 33 и 34 стр.

³³⁾ Жанэ стр. 193

проявляется согласіе между соотвѣтственными частями, въ точности сходными въ своей внутренней и внѣшней дѣятельности. Цѣль управляетъ цѣлымъ и наблюдаетъ надъ исполненіемъ частей. Какъ обнаруживается цѣль въ органѣ зрѣнія, такимъ же образомъ повторяется это и въ органахъ другихъ чувствъ. Даже Стюартъ Милль въ трехъ своихъ посмертныхъ опытахъ «о религіи», какъ ни мало признаетъ значенія за доказательствами бытія Божія, однако физикотелеологическому доказательству усволяетъ важное значеніе. Напримѣръ онъ говоритъ: «зрѣніе человѣка и животныхъ совершенно необъяснимо съ точки зрѣнія антителиологическаго міросозерцанія».

Итакъ, и въ материалистической и въ пантеистической концепціяхъ эволюціонизмъ запутывается въ противорѣчіяхъ и чрезъ то теряетъ научную цѣнность.

Александръ Чемодановъ.

УЧЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЧЕЛОВѢКА.

(Изъ классныхъ уроковъ по Закону Божію) ¹⁾.

По ученію Православной Церкви человекъ сотворенъ Богомъ. «Поелику, говоритъ св. Василій Великій, Богъ есть Творецъ всего міра, а мы составляемъ часть этого тіа, то Богъ есть Творецъ и нашъ». Въ основѣ этого церковнаго ученія лежитъ богооткровенное сказаніе о сотвореніи человекъ, данное въ первой и второй главахъ книги Бытія. Въ первой главѣ, послѣ разказа о сотвореніи Богомъ въ шестой день живущихъ на сушѣ скотовъ, звѣрей и гадовъ, говорится: *рече Богъ: сотворимъ человека по об-*

---

1) Предлагаемый очеркъ есть глава изъ приготовленнаго къ печати учебнаго руководства по Закону Божію для старшихъ классовъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. По программѣ этихъ заведеній въ VII и VIII классахъ полагается повтореніе „Пространнаго Катихизиса православной церкви“ съ дополненіемъ разъясняющихъ схематически изложенное въ катихизисѣ ученіе соображеніями апологетическаго и полемическаго характера и содержанія. Къ сожалѣнію, въ существующихъ учебникахъ эти дополнительныя свѣдѣнія иногда слишкомъ внѣшне-механически привязаны къ основоположительному содержанію, и изложены далеко не равномерно въ разныхъ отдѣлахъ курса, а иногда не вполне отчетливо и основательно... Вотъ почему мы и сочли своимъ долгомъ обратить вниманіе читателей, преимущественно конечно изъ о.о. законоучителей, на недавно вышедшую книгу о. Виноградова. (см. ниже). Въ этихъ видахъ даемъ мѣсто и настоящей статьѣ. На ней изъ цѣлага ряда другихъ подобныхъ мы остановились главнымъ образомъ потому, что затронутый въ ней вопросъ по предмету своему чаще многихъ другихъ трактуется не согласно съ ученіемъ православной церкви въ распространенныхъ даже среди молодежи книжкахъ, и въ тоже время менѣе другихъ удовлетворительно раскрытъ въ существующихъ учебникахъ.

разу Нашему и по подобію, и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными (и звѣрями), и скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли. И сотвори Богъ человѣка, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ (ст. 26 и 27); во второй же главѣ предлагается описаніе самого образа сотворенія Богомъ мужа и жены; именно тамъ говорится: И созда Богъ человѣка, персть (вземъ) отъ земли и вдуну въ лице его дыханіе жизни; и бысть человѣкъ въ душу живу (ст. 7.). Сказавъ далѣе о поселеніи Адама въ раю и заповѣди данной ему, о совѣтѣ Божіемъ относительно созданіи жены и о нареченіи Адамомъ именъ животныхъ, вызвавшемъ у него желаніе имѣть помощника подобнаго ему, Моисей продолжаетъ: И наложи Богъ изступленіе на Адама, и успе; и взя едино отъ ребръ его и исполни плотію вмѣсто его. И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену и приведе ю ко Адаму и рече Адамъ: се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моя; сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія (21—23 ст.).

Нѣтъ конечно ничего удивительнаго въ томъ, что съ этимъ простымъ сказаніемъ Божественнаго Откровенія о происхожденіи человѣка не согласуются ученія древнихъ языческихъ народовъ, которые представляли человѣка или происходящимъ отъ боговъ, порожденіемъ боговъ, частію ихъ, или возникшимъ нѣкогда изъ нѣдръ земли, изъ водной стихіи, подобно остальнымъ живымъ тварямъ. Оба эти представленія, взятая вмѣстѣ, вполне напоминаютъ собою библейское сказаніе въ его цѣломъ, которое, при разсѣяніи народовъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія, разнесено было по разнымъ странамъ міра и тамъ, забытое въ своей первоначальной чистотѣ, вполне естественно видоизмѣнилось и исказилось, раздѣлившись въ общемъ на два совершенно различныхъ представленія. Уже вслѣдствіе самаго этого раздѣленія библейскаго сказанія на два совершенно различныхъ, предлагаемыхъ въ нихъ представленія о происхожденіи человѣка стали односторонними и потому невѣрными; ибо ни то, ни другое въ отдѣльности не обнимало собою всего человѣка, состоящаго изъ души и тѣла. Но въ томъ именно и состоитъ существо язычества со стороны его вѣрованій, что люди, пренебрегши точнымъ храненіемъ

богооткровенной истины, забыли ее и, какъ говорить ап. Павелъ, возмнивъ себя мудрыми, объюродѣли (Римл. 1, 17), т. е. задумавъ однимъ своимъ умомъ рѣшать недоступные ему вопросы, предложили въ качествѣ раціональнаго рѣшенія ихъ искаженіе полузабытой ими божественной истины.

Удивленія достойно то, что такое же въ существѣ, несогласное съ библейскимъ, ученіе о происхожденіи человѣка высказываютъ и въ наше время люди, именующіе себя христіанами и слѣдовательно содержащіе Библию, какъ заветную книгу. Говоря такъ, мы разумѣемъ дарвинистовъ и вообще такъ называемыхъ эволюціонистовъ: ихъ гипотезы и представленія безъ сомнѣнія и сравнивать нельзя въ научномъ отношеніи съ ученіемъ древнихъ язычниковъ; но въ основныхъ своихъ мысляхъ онѣ вполне однородны съ древнеязыческими представленіями и также, какъ онѣ, неосновательны и не справедливы. Современныя научныя гипотезы дарвинистовъ предполагаютъ первоначальное существованіе одной или нѣсколькихъ первичныхъ органическихъ формъ, изъ которыхъ, будто бы, постепенно въ теченіе, можетъ быть, миллионъ лѣтъ, путемъ подбора и борьбы за существованіе, и развился весь не только органическій, а и животный міръ, до человѣка включительно. Такимъ образомъ отдаленнѣйшими предками человѣка, по этимъ гипотезамъ, нужно признать мхи и плесень, а ближайшимъ родоначальникомъ—какое нибудь обезьянообразное животное.

Конечно этой гипотезой не отрицается прямо и вполне Божественное творчество; ибо по ней Богу можетъ принадлежать произведеніе первичной наипростѣйшей формы жизни, изъ которой уже потомъ, будто бы, и развился естественно весь міръ, а слѣдовательно и человѣкъ; но такое представленіе творческой дѣятельности Бога не согласно съ христіанскимъ ученіемъ о Богѣ, какъ о живомъ личномъ Духѣ. Какъ личный Духъ, Богъ есть не только Творецъ міра, а и Промыслитель его; какъ такой, Онъ не могъ оставить созданную Имъ клѣточку безъ личнаго участія въ развитіи ея жизни.—Съ другой стороны наблюденія и опытъ показываютъ, что сила естественнаго подбора и борьбы за существованіе далеко не всеобъемлюща и

часто оказывается бездѣйственной даже на нисшихъ ступеняхъ жизни; иначе нельзя объяснить себѣ доселѣшнее существованіе существъ нисшаго порядка наряду съ высшими, безъ малѣйшаго уклоненія ихъ въ теченіе извѣстныхъ намъ тысячелѣтій въ сторону высшихъ и наоборотъ, даже мельчаніе и ослабленіе ихъ, при намѣренномъ даже со стороны человѣка введеніи указываемыхъ дарвинистами условій развитія. Другими словами, по этой гипотезѣ въ слѣдствіи допускается больше того, что есть въ основаніи; а это прямо противно тому основному закону мышленія и бытія, по которому слѣдствіе равно производящей его силѣ. Въ частности, по отношенію къ вопросу о происхожденіи человѣка отъ обезьянообразнаго существа изъ породы орангутанга, должно имѣть рѣшающее значеніе то обстоятельство, что такого посредствующаго между орангутангомъ и человѣкомъ существа доселѣ нигдѣ не находятъ и слѣдовъ, даже между ископаемыми остатками. Третье существенное возраженіе противъ разсматриваемой гипотезы въ ея общемъ то, что по этой гипотезѣ между всѣми частями видимаго міра, начиная съ первозданной наипростѣйшей матеріальной частицы и кончая человѣкомъ, все различіе лишь количественное, по существу жѣ всѣ предметы и существа видимаго міра совершенно однородны, т. е. то, что мы называемъ душой человѣка, не есть отдѣльное отъ тѣла и вполне самостоятельное существо, а лишь видоизмѣненное проявленіе свойствъ той же самой матеріи, изъ которой состоитъ видимый міръ на самыхъ нисшихъ ступеняхъ его. Но такое, вовсе не согласное съ прямымъ ученіемъ Библіи, представленіе о душѣ человѣка опровергается очевидными данными опыта.

Вѣрно, что душевныя состоянія выражаются въ тѣлесныхъ дѣйствіяхъ и развиваются подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ физиологическихъ отправленій и даже въ зависимости отъ нихъ; но 1) на ряду съ фактами, говорящими о зависимости душевныхъ состояній отъ физиологическихъ отправленій, есть цѣлый рядъ другихъ фактовъ, которые показываютъ, что зависимость эта условна и временна; ибо часто одни и тѣже физиологическія отправленія въ однихъ случаяхъ вызываютъ соотвѣтствующія имъ душевныя состоянія, а въ другихъ—нѣтъ. Кто напримѣръ не знаетъ, что въ состояніи душев-

наго возбужденія, религіознаго ли то, или патріотическаго, или иного какого, человѣкъ забываетъ даже о тѣлесныхъ немощахъ и болѣзняхъ, которыя въ другое время способны произвести полный упадокъ духа? Еще больше извѣстно такихъ фактовъ, которые говорятъ о зависимости тѣхъ или иныхъ физиологическихъ отправленій отъ душевныхъ состояній, когда на примѣръ у человѣка появляются тѣлесныя болѣзни и немощи отъ одного представленія о нихъ, или отъ неимѣющихъ никакой связи съ ними душевныхъ чувствованій. Все это такіе факты, которые ясно говорятъ о невозможности объясненія проявленій душевныхъ состояній причинной зависпмостью ихъ отъ физиологическихъ отправленій, ибо одно и тоже явленіе не можетъ быть и причиною и слѣдствіемъ и о необходимости признать ихъ самостоятельное, независимое отъ тѣла и его отправленій, происхожденіе и существо. 2) Сравнивая проявленія душевной жизни съ исключительно физиологическими явленіями, мы замѣчаемъ между ними существенное различіе; исключительно физиологическимъ отправленіямъ мы не приписываемъ тѣхъ свойствъ, которыми обыкновенно характеризуемъ проявленія душевной жизни. Что на примѣръ общаго между тѣми или иными нервными состояніями или движеніями, которыя мы можемъ измѣрять, взвѣшивать, представлять образно и т. под., и соотвѣтствующими имъ душевными состояніями—разумными или неразумными мыслями, радостными или печальными чувствованіями или желаніями? 3) Доказано, что тѣлесный организмъ въ своихъ составныхъ частяхъ постоянно мѣняется, такъ что по прошествіи извѣстнаго времени онъ становится совершенно новымъ по своему составу; между тѣмъ все, воспринимаемое душою отъ нея и хранимое ею, имѣетъ характеръ постоянства и никогда не теряется. Такъ мы, если не помнимъ постоянно, то можемъ вспоминать, даже безъ внѣшнихъ поводовъ, душевныя состоянія—мысли и чувства, испытанныя нами очень давно, и при этомъ сознаемъ ихъ не чужими, а своими собственными, не имѣя даже возможности выбросить ихъ изъ сознанія, какъ не вмѣняемыя намъ. Какъ могло бы все это быть, если бы всѣ эти мысли и чувства были лишь функціями физиологическихъ отправленій, а не исходили изъ особаго, независимаго отъ послѣднихъ,

источника? 4) Самое же важное въ данномъ вопросѣ то, что, припоминая тѣ или иныя душевныя состоянія, мы не отождествляемъ ихъ съ собой, а, отличая отъ внѣшняго міра и даже отъ собственнаго тѣла, сознаемъ ихъ своими, а не собой. Сознаніе же этого своего собственнаго я, или самосознаніе, сопровождающее всѣ другіе предметы сознанія, отличается отъ всѣхъ ихъ тѣмъ, что обнимаетъ собою, какъ бы вмѣщаемъ въ себѣ всѣ ихъ и никогда не уничтожается. Мы не можемъ не только отказаться отъ себя въ прошедшемъ, со времени возникновенія въ насъ сознанія, а и представить себя, именно какъ себя, не существующими когда бы то ни было въ будущемъ; ничего подобнаго мы не можемъ сказать ни о внѣшнемъ мірѣ, ни о внѣшнихъ проявленіяхъ даже своихъ душевныхъ состояній.— Все это свидѣтельствуемъ не о причинной зависимости душевныхъ состояній отъ физиологическихъ отпавленій, а, объ самостоятельности и духовности ихъ источнаго начала, другими словами—о томъ, что мы имѣемъ не только тѣло, а и душу.

Правда нѣчто подобное душевнымъ явленіямъ нашей жизни можно наблюдать и въ жизни животныхъ, которыя имѣютъ и память, и воображеніе, и способности разсужденія, и чувствованія, и желанія; но отсюда нельзя заключать объ однородности души животныхъ съ душою человѣка и слѣдовательно о недуховности нашей души. Въ нашей душѣ помимо тѣхъ психическихъ способностей, которыя мы видимъ и у животныхъ, есть высшія, какихъ у животныхъ нѣтъ и по отношенію къ которымъ тѣ способности служатъ лишь какъ бы органами или, орудіями. Эти-то высшія способности, во имя которыхъ и которыми человѣкъ стремится къ истинѣ, добру и красотѣ, къ Богу, и составляютъ то, что мы называемъ душой человѣческой, или точнѣе, духомъ. Существенныя свойства духа—разумность, свобода и способность къ безконечному развитію, чего нѣтъ въ душѣ животныхъ. Правда и у нихъ есть своего рода языкъ, какъ способность движеніями голоса выражать душевную жизнь; но этотъ языкъ совсѣмъ не то, что слово человѣческое. Языкъ животныхъ есть произвольное выраженіе голосомъ тѣхъ или иныхъ психическихъ состояній, стоящихъ въ генетической связи съ физиологическими отпавленіями или вообще явленіями видимаго міра; слово человѣческое есть

свободное—независимое отъ этихъ условій, хотя и тѣми же голосовыми органами выражаемое, обозначеніе не однихъ лишь ощущеній или отдѣльныхъ представленій, а общихъ понятій, какъ разумно составленныхъ отвлеченій отъ частныхъ представленій. Оттого языкъ животныхъ всегда одинъ и тотъ же; тогда какъ слово человѣческое постоянно развивается, уходя въ своемъ содержаніи все дальше и дальше въ область отвлеченнаго—духовнаго. Есть у животныхъ и дѣйствія въ высшей степени разумныя: таковы на примѣръ ихъ постройки гнѣздъ, логовищъ, перелеты и т. п.; но всѣ эти, въ высшей степени разумныя—цѣлесообразныя, дѣйствія и теперь совершаются животными также, какъ и тысячелѣтія тому назадъ, точно также и въ старости, какъ и въ молодости. Ясно, что эта разумность не есть результатъ свободной психической дѣятельности ихъ, а нѣчто внѣшнее по отношенію къ ихъ психикѣ, вложенное въ нихъ лишь въ извѣстной степени и въ извѣстномъ направленіи. Не то представляетъ собою человѣкъ въ своей духовной жизни. Не будучи въ силахъ проявлять разумную дѣятельность въ полномъ ея видѣ съ самаго рожденія, подобно тому, какъ есть это въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ животныхъ, и являясь на свѣтъ съ способностію собственными усиліями лишь въ будущемъ и постепенно развивать, проявлять свою разумность, онъ въ тоже время имѣетъ силу къ постоянному и непрерывному развитію ея. Пусть смерть полагаетъ предѣлъ этому развитію, но и она не только не уничтожаетъ стремленія къ нему въ родѣ человѣческомъ, а и не останавливаетъ его въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ; такъ что послѣдующія поколѣнія, развиваясь въ психическомъ отношеніи въ одинаковыхъ съ предками условіяхъ, въ поступательномъ развитіи своей духовной, разумно-свободной жизни идутъ все выше и выше и кто укажетъ предѣлъ этого шествія? Но такъ какъ это безпредѣльное развитіе имѣетъ мѣсто въ обществѣ, состоящемъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и для нихъ имѣетъ значеніе; то ясно, что оно есть существенное свойство этихъ именно индивидуумовъ и этимъ-то объясняется неуничтожимость его именно въ индивидуумахъ: человѣкъ стремится къ безконечному развитію въ виду явной смерти потому, что вѣритъ въ свое

личное безсмертіе.—Изъ всего сказаннаго ясно, что между душой животныхъ и душой человѣка не количественное только различіе, а качественное—существенное: помимо тѣхъ душевныхъ силъ и способностей, которыя оживляютъ и животныхъ и составляютъ то, что по гречески называется ψυχή—душа, въ человѣкѣ есть независимое и отдѣльное отъ нея начало жизни—разумное, свободное и безсмертное, сознающее себя такимъ и въ этомъ смыслѣ отдѣляющее себя отъ всѣхъ другихъ—то, что по гречески именуется πνεῦμα—духъ, какъ и Богъ есть духъ.

Достойны вниманія въ этомъ отношеніи самыя особенности сказанія Моисея о созданіи человѣка, по сравненію съ образомъ творенія всѣхъ остальныхъ существъ видимаго міра. Между тѣмъ, какъ всѣ другія твари видимаго міра, въ томъ числѣ и животныя, созданы Богомъ однимъ словомъ изъ первозданнаго вещества видимаго міра, т. е. изъ земли, надъ которой носился, которую оживлялъ Духъ Божій; о человѣкѣ прежде сказанія объ образѣ его творенія замѣчается: *И рече Богъ: сотворимъ челоѵка по образу нашему и по подобію.* Этотъ предварительный совѣтъ Божій о сотвореніи человѣка указываетъ на превосходство его предъ всѣмъ видимымъ міромъ, которое состоитъ въ томъ, что человѣкъ созданъ по образу Божию.

Конечно не правы наши раскольники, которые этотъ образъ видятъ въ лицѣ человѣка, ибо Богъ, какъ Духъ, тѣла не имѣетъ; но несомнѣнно, что онъ и не въ тѣхъ душевныхъ силахъ человѣка, которыя есть и у животныхъ; такъ какъ животныя, по Библии, образа Божія не имѣютъ. Говоря о самомъ образѣ созданія человѣка, Моисей пишетъ: *и созда Богъ челоѵка, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни.* Что подъ созданіемъ изъ персти или праха земнаго нельзя разумѣть одно лишь мертвое, бездушное тѣло человѣка, это явствуетъ изъ того, что выше представляются Моисеемъ созданными только изъ земли и всѣ животныя, которыя суть не мертвые трупы, а живыя существа. *Кая польза челоѵку,* сказалъ Спаситель, *аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщетитъ;* по смыслу этихъ словъ, душа человѣка въ очахъ Божіихъ дороже цѣлагаго міра, разумѣется со всѣми его живыми существами, т. е.

всѣми животными; а этого не могло бы быть, если бы человѣкъ былъ только заключительнымъ звеномъ видимаго міра, а и не отличнымъ отъ него существомъ по духовной природѣ. Это-то превосходство человѣка по душѣ предъ всѣми остальными живыми тварями видимаго міра и указываетъ Моисей, прибавляя къ сказанію о созданіи человѣка изъ персти земной (подобно всѣмъ другимъ живымъ существамъ видимаго міра) слова: *и одуну въ лице его дыханіе жизни*, какъ нѣчто такое, что не изъ земли—не изъ вещества, хотя и одушевленнаго Духомъ Божіимъ, а отъ Самаго Бога происходитъ.

Это-то богородное превосходство человѣка предъ животными и помнили, вѣроятно, тѣ язычники, которые, исказивъ полузабытое ими Богооткровенное преданіе о немъ, записанное въ Библии, и называли человѣка порожденіемъ боговъ, подобно тому, какъ и послѣ, уже въ мірѣ христіанскомъ язычествовавшіе, т. е. такъ называемые гностики, владавшіе языческія мысли въ христіанское ученіе, считали душу человѣческую истеченіемъ Божества, или еще позже—въ наши дни, такъ называемые пантеисты, отождествляющіе не только душу человѣческую, а и жизненную силу всего міра съ самымъ Божествомъ. Какъ ни разнообразны всѣ эти искаженія богооткровеннаго ученія о происхожденіи и природѣ души человѣческой, всѣ они въ основной своей мысли однородны и несправедливы; ибо при такихъ пониманіяхъ дѣла существенно искажается понятіе не только о душѣ человѣческой, а и о Самомъ Богѣ, Который есть Существо безконечно совершенное, и какъ такое, не можетъ быть тождственнымъ съ конечнымъ міромъ. И Библия въразсматриваемомъ нами Моисеевомъ сказаніи о сотвореніи человѣка не даетъ права на такое отождествленіе природы души человѣческой съ Существомъ Божіимъ; ибо Моисей называетъ ее лишь *образомъ Божіимъ*. Образъ же, или, что тоже, изображеніе, отображеніе предмета ли то, или существа не тоже, что тотъ предметъ или существо, а лишь напоминаетъ его собою, будучи въ сущности отличнымъ отъ него. Такъ лице человѣка, которое нерѣдко называютъ зеркаломъ души, не тождественно съ душою, а лишь отображаетъ на себѣ ея свойства, напоминаетъ объ нихъ; слѣдовательно и душа наша, какъ образъ Божій, лишь отображаетъ собою Бога

въ свойствахъ своихъ, но не тождественна съ Нимъ по своей природѣ.

И подлинно. Богъ по бытію Своему вѣченъ и вездѣ-сущъ, бессмертная душа наша получила начало, ограничена и пространствомъ; ибо не можетъ быть въ одно время въ разныхъ мѣстахъ. Богъ, по свойствамъ Своего безконечнаго разума, всевѣдущъ и премудръ, мы ограничены въ своемъ вѣдѣніи и пространствомъ и временемъ. Какъ безгранично свободный, Богъ святъ, правосуденъ и благъ, мы же ограничены и въ своей свободѣ; ибо не только можемъ уклоняться, а и уклоняемся отъ святости—и отъ правды, и отъ любви. Достойно вниманія въ этомъ отношеніи то, что въ библейскомъ повѣствованіи о совѣтѣ Божіемъ относительно сотворенія человѣка говорится о созданіи его по образу и по подобію, а въ сказаніи о самомъ твореніи упоминается только объ одномъ образѣ. Ясно, что образъ не тоже, что подобіе, которое человѣку не дано при твореніи, а лишь обѣщано. И это понятно. И всякій вообще образъ можетъ быть подобенъ изображаемому имъ, или не подобенъ; поэтому и образъ Божій въ человѣкѣ, или созданная по образу Божію душа человѣка свойствами своими можетъ быть подобна Богу, или неподобна. Такъ Богъ, какъ совершенный разумъ, отъ вѣчности знаетъ все, мы же своимъ умомъ можемъ лишь постепенно познавать и постигать истину и въ разной мѣрѣ или силѣ, а можемъ и уклоняться отъ нея. Богъ отъ вѣчности есть совершенная любовь, мы же можемъ не только постепенно лишь усовершенствоваться въ любви къ Богу и ближнимъ, а и уклоняться въ своей любви отъ пути Божія—въ самолюбіе... Следовательно подъ образомъ Божіимъ нужно разумѣть самую душу человѣческую съ ея силами—разумомъ и свободою, а подъ подобіемъ—развитіе этихъ силъ самимъ человѣкомъ, Поэтому-то Богъ, сотворивъ человѣка по образу Своему, къ подобію лишь призвалъ насъ; поэтому-то въ словѣ Божіемъ постоянно и внушается намъ: *будите святы, яко святъ Господь*, (1 Петр. 1, 16) или: *будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѳ, 5, 48). Поэтому-то Богъ, введши Адама въ рай, повелѣлъ ему нарѣчь имена животнымъ, чтобы этимъ умственнымъ трудомъ между прочимъ могъ развивать свой разумъ, далъ ему

заповѣдь о невкушеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла, чтобы чрезъ исполненіе ея Адамъ могъ укрѣплять и развивать свою волю въ послушаніи, а чрезъ то и другое все больше и больше уподобляться Богу. Поэтому-то и святыхъ Божіихъ, преуспѣвшихъ въ богоподобіи—въ истинѣ и любви мы именуемъ *преподобными*.

Такимъ образомъ богоподобіе, или точнѣе, богоуподобленіе человѣка есть конечная цѣль созданія человѣка и это заключеніе вполне согласно съ тѣми многочисленными мѣстами Св. Писанія, въ которыхъ цѣлю созданія человѣка указываются познаніе Бога и добрыя дѣла; ибо преуспѣваніе въ томъ и другомъ есть тоже, что богоуподобленіе. Это заключеніе согласно и съ тѣми мѣстами Библии, гдѣ цѣлю созданія человѣка представляется блаженство человѣка; ибо нѣтъ и не можетъ быть блаженства высшаго въ сравненіи съ тѣмъ, какое дается преуспѣваніемъ въ истинѣ и любви Божіей. Доставляя радость несказанную, это преуспѣваніе невольно влечетъ къ прославленію Бога въ открывающихся человѣку и переживаемыхъ имъ свойствахъ Божіихъ; потому-то въ иныхъ мѣстахъ Библии и говорится, что Богъ создалъ весь міръ, а слѣдовательно и человѣка, для славы Своей—*Себе ради*...

Слѣдующая, послѣдняя существенная особенность библейскаго сказанія о сотвореніи человѣка—та, что Богъ сотворилъ человѣка въ двухъ лицахъ разнаго пола, мужскаго и женскаго. Были и есть ученые, которые, на основаніи нѣкоторыхъ различій между племенами человѣческими, предполагаютъ различныхъ родоначальниковъ для различныхъ племенъ; но такое предположеніе неосновательно просто потому, что всѣ указываемыя различія между племенами вполне объясняются различными условіями жизни ихъ и потому съ устраненіемъ этихъ условій уничтожаются; въ существенныхъ же своихъ чертахъ тѣлесный и душевный организмъ у народовъ всѣхъ племенъ совершенно тождественъ. Являясь отдѣльнымъ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, предположеніе это опровергается и всеобщимъ преданіемъ людей, которое въ основныхъ своихъ чертахъ вполне согласно съ библейскимъ сказаніемъ. По этому сказанію, Богъ сотворилъ первую жену не одновременно и не однообразно съ мужемъ, а послѣ, когда Адамъ,

нарекая имена животнымъ, пожелалъ, по примѣру ихъ, имѣть помощницу подобную ему. *Тогда, говоритъ Моисей, Богъ навелъ на Адама крѣпкій сонъ и во зрѣмя сна взялъ одно изъ ребръ его и создавъ изъ него жену, привелъ ее къ Адаму.* Въ святоотеческихъ толкованіяхъ этого сказанія созданіе жены послѣ мужа и, такъ сказать, по желанію его выставляется, какъ возраженіе противъ тѣхъ, которые отрицая значеніе монашества, какъ добровольнаго дѣвства, учатъ объ обязательности брака для всѣхъ, и вмѣстѣ какъ оправданіе православнаго ученія о необходимости добровольнаго согласія вступающихъ въ бракъ. Не оставляется въ этихъ толкованіяхъ безъ объясненія и то, что жена творится изъ ребра Адама; это было для показанія единства рода человѣческаго и для укрѣпленія взаимной любви мужа и жены. И это вполне согласуется съ тѣмъ, что сказалъ Адамъ о женѣ своей послѣ приведенія ея Богомъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея, и сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія. Сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать, и прильпится къ женѣ своей и будутъ два въ плоть едину.* Спаситель же на этихъ словахъ обосновываетъ данное Имъ ученіе о нерасторжимости брачнаго союза, *въ образъ союза Христа съ Церковію*, какъ раскрылъ это ученіе Св. Ап. Павелъ (Ефес. 5, 32).

Въ заключеніе рѣчи о сотвореніи человѣка нѣсколько словъ о происхожденіи души cadaго изъ послѣдующихъ людей. Такъ какъ прямого ученія о семъ въ Словѣ Божиѣмъ нѣтъ; то еще въ древней церкви появилось мнѣніе о сотвореніи въ тотъ же періодъ творенія міра всѣхъ душъ человѣческихъ, которыя потомъ и посылаются въ зачинаемыя во утробахъ женскихъ тѣла младенцевъ. Мнѣніе это, раздѣляемое нѣкоторыми и доселѣ, тогда же—на V вселенскомъ соборѣ было осуждено, какъ противное ученію о первородномъ грѣхѣ, которому повинны всѣ люди, по всеобщности искупленія; не оправдывается оно и фактомъ унаслѣдованія дѣтьми не тѣлесныхъ только, а и душевныхъ особенностей родителей. Посему справедливѣе согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые допускаютъ происхожденіе нашихъ душъ отъ душъ родителей, подобно тому, какъ и тѣла наши происходятъ отъ ихъ тѣхъ

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ ИСТОРИИ ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ ОДНОЙ ДУШИ ¹⁾.

(Во славу преподобнаго Серафима Саровскаго Чудотворца).

Часть вторая.

Глава I.

Не смотря на то, что сентябрь былъ на исходѣ, погода стояла чудная, ничто не говорило объ осени, точно природа хотѣла своей послѣдней чарующей улыбкой вознаградить горемычныхъ жителей столицы за ужасное дождливое и неприкѣтное лѣто.

Веселая, оживленная, съ удивительнымъ подъемомъ духа, слѣдовала я за своей знакомой по трапу на бортъ парохода, чтобы оглянуться «внизъ по матушкѣ по Волгѣ» на Рыбинскъ. Сгоряча я и не подумала запастись ничѣмъ теплымъ. Не хотѣлось вѣрить, чтобы такая очаровательная экскурсія могла неудаться до конца:—никакихъ препятствій, неудачъ, («осложненій») — не должно было случиться — не могло быть! Все мнѣ улыбалось впереди — и я улыбалась всему...

Не стану, однако, вдаваться въ подробности, — это значило бы повторять общія мѣста. Кому неизвѣстны прелести подобной экскурсіи, тому я советую воспользоваться первымъ же случаемъ...

Ничто не излѣчиваетъ такъ быстро разстроенныхъ нервовъ, прогоняя сплинъ, освѣжая силы, возстановляя бодрость по всемъ организмъ, какъ пребываніе на водѣ въ такомъ удобномъ плувучемъ домѣ, который со всѣхъ сторонъ открытъ доступу воздуха... Вы и на лонѣ природы, и въ тоже время «у себя дома», — васъ окружаютъ удобства... и поэзія, — и въ зависимости отъ того, каковы ваши вкусы, вы можете наслаж-

---

¹⁾ Продолженіе.

даться иллюзіей всемогущества въ той или другой мѣрѣ. Эстетъ художникъ въ душѣ — будетъ дышать полной грудью, чувствуя себя связаннымъ тысячью невидимыхъ нитей со всѣмъ огромнымъ міромъ—но лишь міромъ прекраснаго. Вся проза жизни ступсевалась, ея точно и не было никогда... Земля издали кажется вамъ волшебной красоты рамкой,—напоминающей театральныя декорации... Но вы можете не входить за кулисы, не дышать копотью ихъ,—не слушать ругани рабочихъ...

Но допустимъ вы не эстетъ,—вы просто скучающій россіянинъ, ваша цѣль — только привести себя въ норму,—уйдя отъ доуки и дрызгъ напряженнаго, дѣловаго... или подавляюще безцвѣтнаго существованія.

Въ этомъ случаѣ вы больше инстинктивно, безотчетно подаетесь очарованію путешествія... Положимъ вы съ экстазомъ будете расписывать красоты Волги—матушки, это вѣдь національная гордость!

Но васъ манитъ другое: прелесть безпечнаго, беззаботнаго растительнаго существованія вотъ тутъ, на лонѣ водъ. Вы также готовы вообразить себя всевластнымъ: стоитъ нажать пуговку электрическаго звонка — и все является къ вашимъ услугамъ, дайте себѣ только трудъ и пожеланіе отдать приказаніе... Вы—господинъ вселенной, вѣнецъ творенія, все дѣло въ томъ, туго ли набить вашъ бумажникъ.

И скучающій россіянинъ, «отводитъ душу тѣмъ, что отсыпаясь, насыщаясь, балагурия, ни о чемъ не думая, онъ теряетъ сознаніе времени, а также тягости и бренности земнаго существованія...

Чго и требовалось доказать...

Каждый имѣетъ именно то, чего желаетъ...

И Волга въ самомъ дѣлѣ на высотѣ всѣхъ возможныхъ и разнообразныхъ требованій...

Итакъ, сначала все шло, какъ нельзя лучше, и я была въ полномъ восторгѣ. На пароходѣ у моей помѣщицы оказались знакомые, образовалась цѣлая компанія и время летѣло незамѣтно. Мы пѣли, читали, болтали, гуляли, музицировали; меня заставили пѣть. Мой голось, сдѣлавшійся чрезвычайно капризнымъ (послѣ двойнаго воспаленія легкихъ)—вздумалъ вдругъ вернуться чуть ли не во всей своей силѣ... Благодарительный воздухъ и на него оказалъ свое вліяніе...

Но у Казани вдругъ произошла неожиданная перемена декораций. Ни съ того ни съ сего сорвался вѣтеръ, —откуда ни возьмись на ясное, чудное небо набѣжали темныя тучи, и пошелъ дождь, — да какой! Совсѣмъ осенній, холодный, пронизывающій! Палуба вмигъ опустѣла—пассажиры разбѣжались, точно по командѣ—переодѣваться въ теплое платье... Теперь ужъ я не узнаю многихъ — такъ измѣнился ихъ внѣшній видъ, благодаря темнымъ краскамъ «оперенія»—не говоря ужъ о внушительности фигуръ, выигравшихъ въ «осанистости» отъ драповыхъ пальто... Одна я осталась вѣрна себѣ,—т. е. накинула только сверху фигаро отъ лѣтняго костюма,—и простудилась отчаянно... Какъ и слѣдовало ожидать.

На слѣдующій день къ насморку прибавился ознобъ, вперемжку съ повышеніемъ температуры, — кашель, словомъ дѣло стало изъ рукъ вонъ плохо. Въ такомъ видѣ дальше путешествовать нельзя, — тѣмъ болѣе, что и вѣтеръ не унимается, — небо обложено кругомъ темно-сѣрыми облаками, сквозь которыя такъ и сѣетъ нудный мелкій дождь... Посовѣтовавшись съ моею спутницей, я рѣшила остаться въ Нижнемъ (гдѣ у нея былъ постоянный номеръ въ гостинницѣ) и отсидѣться тамъ, сколько понадобится, — не менѣе недѣли, — судя по всѣмъ зловѣщимъ, — увы! слишкомъ знакомымъ признакамъ, предшествующимъ злостному бронхиту съ припадками удушья... Такъ я и слѣлала — т. е. взяла «обратный рейсъ» въ Казани, распростившись съ симпатичной компаніей.

Не могу вамъ сказать, до чего я злилась на это неожиданное *contre-temps*! Нужно-же было взяться этому несносному дождю! Осень пришла нежданно-негаданно, и заявила свои права самымъ неделикатнымъ образомъ!

Я, кажется, говорила — я люблю теорію д'Аннунціо, который утверждаетъ, что факты и событія, —помимо нашей воли, висятъ надъ нами въ воздухѣ..., вѣроятно—подобно облаку.. оно все приближается, — набѣгаетъ, и вотъ оно уже надъ самой нашей головой. Тогда фактъ слѣдуетъ считать совершившимся!

Это толкованіе очень подходитъ ко всякой случайности, — а слѣдовательно, и къ моей поѣздкѣ. Тому «облаку» я могу быть только благодарна, но этому—послѣднему, — «чреватому» холоднымъ осеннимъ дождемъ я посылала въ душѣ самые неместные эпитеты...

А новый фактъ уже «висѣлъ» въ воздухѣ надъ моею головою. Выдержавъ дней десять одиночнаго заключенія въ гостиницѣ, я немного пришла въ себя. Перемучилась я порядкомъ. Трудно себѣ представить, что каждый вздохъ можетъ доставлять такое страданіе! Обыкновенно этого совершенно не замѣчаешь, всѣхъ мудрыхъ и таинственныхъ функций нашей природы!

Но постепенно духовой оркестръ въ груди умолкъ, удушья стали проходить, и меня потянуло на воздухъ.

И вотъ, закутавшись потеплѣе, я устремилась «взять порцію воздуха»...

На первый разъ гулянье было не продолжительно: грудь еще не привыкла дышать на холодѣ,—да и сыро, свѣжо показалось. Нѣсколько дней подрядъ моросило, шелъ дождь со снѣгомъ, и сегодня въ первый разъ подморозило.

Изъ боязни рецидива я поспѣшила спастись въ электрическую конку, и остановилась на углу улицы подождать ее.

«Чающихъ» была порядочная толпа.

Ближе ко мнѣ стоялъ старичекъ—священникъ, въ лисьей шубѣ и собольей старенькой шапкѣ,—съ добрымъ, румянымъ лицомъ.

— Когда же это мы съ вами, барышня, очереди дождемся? добродушно обратился онъ ко мнѣ, махнувъ рукой вслѣдъ отошедшему вагону, на который бросилась публика... Мѣста приходилось брать съ бою...

— Не знаю, батюшка! Непривѣтливо буркнула я, на минуту высовывая носъ изъ мѣховаго боа, думая объ одномъ— не повредить ли мнѣ сегодняшній «выходъ».

Въ этотъ моментъ по улицѣ проѣхала карета.

Знаете, кто это проѣхалъ? Снова спросилъ словоохотливый батюшка, и самъ отвѣтилъ, видя мой отрицательный кивокъ.

— Это о. Іоаннъ Кронштадтскій... Онъ тутъ къ богачу Р. пріѣзжалъ...

Завтра онъ въ Сарово собирается...

Тѣмъ временемъ подошелъ «вагончикъ» (какъ его тамъ называютъ), и мы благополучно заняли мѣста.

— А вы когда нибудь бывали въ Саровѣ? Продолжалъ адресоваться ко мнѣ батюшка.

— Нѣтъ! Лѣтомъ—не удалось!

— А теперь?

— Теперь—трудно! Скверная погода—а тамъ степь...

(Откровенно говоря, я имѣла очень смутное представление о дорогѣ туда, и о самой степи)...

— Почему трудно? Не по времени? Такъ вѣдь въ этомъ-то и заслуга! Вы потрудитесь для батюшки Серафима,—а онъ Вамъ зачтетъ это!... Съѣздите—ка, право! а?

Я улынулась: онъ точно въ гости куда-нибудь меня приглашалъ,—чаю напитокъ къ сосѣдямъ...

Да вѣдь я *больна*, батюшка! Это во первыхъ! Во вторыхъ, со мной нѣтъ ничего теплаго... А ну, какъ метель разыграется по дорогѣ? И я замерзну, уже шутя добавила я.

Онъ покачалъ головой.

— Жаль, жаль! А то бы съѣздила, а? Вчера—вотъ досада! Дочь моя поѣхала... Вотъ бы вамъ съ ней—какъ разъ! Молодая она—мы ее со старухой года три, какъ замужъ выдали... Не безъ гордости добавилъ батюшка...

— Я вѣдь - *благо* духовенства былъ, продолжалъ онъ немного погодя. Ну вотъ—остались мы одни со старухой—я и говорю ей: что намъ сидѣть, да глядѣть другъ на друга? Давай уйдемъ въ монастырь!—Ну и ушли,—и въ одинъ день пострились: я въ Сарово,—а она въ женскій!

Батюшка снова помолчалъ немного.

— Хорошо тамъ у насъ, заговорилъ онъ, видя устремленные со всѣхъ сторонъ внимательные взгляды.—А старуха моя недавно померла,—на дняхъ 40 дней вышло! За то мнѣ честь какая выпала, этимъ-то лѣтомъ! Во время праздниствъ мнѣ досталось батюшку Царя сопровождать,—всюду водилъ Ихъ,—(и Государыни обѣ были).. Самъ все показывалъ, да рассказывалъ Имъ... И въ дальней пустынькѣ, вездѣ...

Теперь ужъ каждое слово симпатичнаго монаха принималось съ величайшемъ интересомъ.

— Вотъ теперь я царской милости и взысканъ,—игуменомъ меня въ другой монастырь посылаютъ... А дочь мою вчера о. Иоаннъ увидѣлъ, да и говоритъ ей: поѣзжай туда, куда собралась: тамъ тебя давно ждуть!—Она и уѣхала... Эхъ — неожиданно добавилъ онъ,—кабы знатъе, что *васъ* я встрѣчу — задержалъ бы ее еще пару деньковъ! Тогда бы вы *вмѣстѣ*!

Его добродушная настойчивость меня и удивляла, и забавляла, — а подъ конецъ признаться-ли? Немного стала дѣйствовать на нервы...

— Можетъ быть я когда нибудь и соберусь! Уклончиво замѣтила я,—но *теперь* объ этомъ и думать нечего... Больной,— вотъ въ такомъ видѣ—это неслыханный рискъ...

— Да вѣдь *больныхъ* то тамъ больше всего! Живо подхватила батюшка...—Вы тамъ исцѣлитесь! Вотъ увидите—еще спасибо мнѣ потомъ скажете! Знаете что: вотъ какъ о. Іоаннъ моей дочери сказалъ, такъ и я *вамъ* говорю: *васъ тамъ давно ждутъ!* Поѣзжайте!

Я даже плечами пожала...

Странно! Въ этомъ привѣтливомъ, румяномъ лицѣ не было ничего таинственного, фатальнаго,—аскетическаго, ничего такого, что бы могло дѣйствовать на воображеніе,—однако мнѣ стало какъ будто неловко, и даже—не знаю почему, неприятно.

— Вотъ увязался! Подумала я, и въ душѣ обрадовалась остановкѣ «вагончика»...

Но намъ предстояло еще вмѣстѣ совершить спускъ на элеваторѣ...

Мой благодушный собесѣдникъ уже «разсказывалъ» мнѣ дорогу, наставляя меня, гдѣ брать лошадей, приѣхавъ въ Арзамасъ, сколько можно дать за пару, за тройку, какъ пройти къ мощамъ... Въ концѣ концовъ онъ вынулъ бумажку и записалъ мнѣ это,—отмѣтивъ всѣ нужныя подробности маршрута...

— Только шубой запаситесь! Заключилъ онъ, прощаясь со мной, помните! А то на дняхъ игуменья одна—чуть не замерзла!

Прошла еще недѣля. Я забыла и думать о случайной встрѣчѣ и собралась въ Петербургъ. Дѣло въ томъ, что моя знакомая прислала мнѣ письмо съ извѣстіемъ, что она запоздастъ, и проситъ меня не стѣсняться.

Багажъ мой былъ несложенъ,—въ какой нибудь часъ я уже была готова,—и даже распорядилась отправить телеграмму,—знакомымъ въ Москву, прося меня повидать на вокзалѣ... А облако уже «сгустилось», какъ разъ надъ моей головой, и фактъ готовъ былъ совершиться... Я и не подозрѣвала, что маршрутъ мой долженъ будетъ измѣниться ..

Вечеромъ въ день отъѣзда меня собрались провожать кое-кто изъ знакомыхъ...

Шла мирная бесѣда о томъ, о семъ—«а больше ни о чемъ».

Мнѣ завидовали, что я имѣю возможность бросить стоячую водичку провинціальной тягучей жизни и зажечь горячкой столичнаго круговорота...

Вошелъ лакей.

— Барыня! Вамъ куда извозчика нанимать,—на какой вокзалъ?

На Москву, или на Арзамасъ?

И онъ прибавилъ негромко и конфиденціально, слегка улыбаясь.

— Потому, какъ нашъ главный поваръ нынче ѣдетъ въ Саровъ, въ тамошнюю лучшую гостиницу... Такъ можетъ на Арзамасъ и...

Тутъ онъ самъ, очевидно, сообразилъ нелѣпность своего вывода, потому что даже не договорилъ фразы... «И вамъ туда же»... Скажите на милость, что мнѣ главный поваръ—что я главному повару?

Это былъ просто кончикъ одной изъ тѣхъ невидимыхъ нитей, которыя составляютъ клубокъ нашей жизни... Иногда онѣ намъ почти даются въ руки...

Всѣ мы смѣялись оригинальной логикѣ лакея, и я спросила шутя.

— А не поѣхать-ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ туда, на Арзамасъ?

Надо было послушать, что за восклицанія раздались мнѣ въ отвѣтъ! Чего только тутъ не было! И шутка, и насмычка, и даже негодование.

— Не пугайте насъ, пожалуйста, а то какъ бы обморока не случилось съ кѣмъ! Мы думали, что имѣемъ удовольствіе бесѣдовать съ культурнымъ человѣкомъ,—и вдругъ...

— Какъ вы, свѣтская женщина.—и вѣрите всему этому., что говорится для простаго народа?! Вотъ вамъ послѣ этого и женская логика!

— Согласитесь, что эта одна изъ фантазій, о которыхъ принято выражаться, что она болѣе оригинальна.—какъ капризъ, чѣмъ остроумна.. Нужно ли говорить, что чѣмъ больше я находила ихъ, моихъ собесѣдниковъ, съ ихъ точки зрѣнія, правыми,—тѣмъ болѣе хотѣлось мнѣ поступить наперекоръ?!

Вольно же было имъ такъ напасть на меня, такъ авторитетно говорить!

— Гмъ? Всѣ *противъ*... Ну, а вы, докторъ, что скажете? Обратилась я къ молчавшему до сихъ поръ собесѣднику, имѣвшему по справедливости,—самое неоспоримое право голоса.

Онъ пожалъ плечами.

Въра и Церковь. Кн. IX.

— Да поѣзжайте, если ужъ такъ («загорѣлось»)! Развѣ съ женщицами спорить? Поѣздка во всякомъ случаѣ освѣжитъ васъ!.. Даже съ точки зрѣнія туристки! Но только берегитесь! Возьмите лисью шубу! А то съ вашими бронхитами...

Докторъ! Воскликнула я стремительно—вы единственный милый человѣкъ здѣсь! Жму вамъ руку!

А все же я поѣду безъ шубы! Нѣтъ, нѣтъ,—и не уговаривайте. Не хочу! Чему быть—тому не миновать,—а возиться съ узлами, мѣшками, котомками, подушками—я презираю!

— Напрасно! Сами будете виноваты! Впрочемъ—вотъ что вы можете купить въ Арзамасѣ еще хоть платокъ большой, валенки...

— Но вы общаете мнѣ не глупить,—*купаться* не станете?

— *Это* нѣтъ! Обѣщаю вамъ торжественно! Только взгляну...

Я не убѣждена, видите ли, — стою ли я чуда? Къ чему испытывать Провидѣніе? Блаженъ, кто вѣруеть—я не очень-то люблю рисковать...

— Ну такъ вотъ что я вамъ посовѣтую,—уже серьезно сказалъ докторъ, берите лошадей туда и обратно. А ужъ если почувствуете, что дѣло плохо,—телеграфируйте, мы васъ тутъ встрѣтимъ и сразу сильно—дѣйствующія средства пустимъ въ ходъ... Добавилъ онъ снова улыбаясь.

— Всетаки съ тифомъ, горячкой, воспаленіемъ легкихъ— (*для васъ!*) шутки плохи. Помните!

Когда я расположилась въ вагонѣ поѣзда, шедшаго въ Арзамасъ, мнѣ казалось, что я вижу все это во снѣ... Но дѣйствительность была на лицо! Всѣ мои вещи остались въ готинницѣ... Сюда дня черезъ три я должна быть доставлена живой или мертвой..., если не умирающей... Со мной былъ лишь маленькій сверточекъ съ дорожнымъ несесеромъ, изъ котораго я многое повыбрасывала въ послѣдній моментъ.

За то мое нравственное самочувствіе было на рѣдкость великолѣпнымъ, будто я въ самомъ дѣлѣ исполняла долгъ или завѣтъ. Ну, точъ въ точъ именинница, собравшаяся на пирогъ къ своимъ самымъ милымъ друзьямъ, именинникамъ же,—и потому увѣренная, что ее ждуть, не дождутся...

Въ купѣ кромѣ меня никого не было. Улегшись поудобнѣе, я заснула сномъ праведника... или гимназистки младшихъ классовъ, когда даже перспектива двойки за недоученный урокъ еще не можетъ испортить нервовъ...

Въ 5 час. утра явился кондукторъ отбирать билеты—(мы подходили къ станціи),—онъ то и разбудилъ меня...

И вотъ долго ли, коротко ли, а я пріѣхала на мѣсто...

Впрочемъ, если хотите—я скажу: ѣхать пришлось цѣлехонькій день. Дорога заставляла меня вспоминать—для облегченія, многія (изъ самыхъ изысканныхъ) пытокъ мученій, инквизиціи... Экипажъ подсакивалъ, точно картонный, по ухабамъ дороги, испорченной дождями, снѣгомъ. Въ настоящую минуту, всѣ эти колеи, кочки и ухабы заледенѣли, потому что со вчерашняго дня ихъ хватило морозцемъ...

Мнѣ приходилось все время обѣими руками держаться за сидѣнье, чтобы не вылетѣть окончательно «изъ сѣдла»; къ тому же дулъ отчаянный западный вѣтеръ, и я дѣлала тщетныя усилія повернуться отъ него какънибудь такъ, чтобы онъ могъ выместить на мнѣ свою злость и досаду болѣе или менѣе равномерно и справедливо...

О, шуба! О, подушки! О, все возможные узелки и котомки! Почему васъ нѣтъ со мною?

О, степь! О, російскія дороги и путешествіе на лошадахъ! Кто разъ это испыталъ, «вѣкъ помнить будетъ»!

Но я успокаивала себя философскимъ разсужденіемъ: дорога—точь въ точь жизнь человѣческая... То глаже,—то изъ рукъ вонь! И поневолѣ,—пришла къ убѣжденію, что одно вѣрное средство, это—примириться...

Когда наконецъ я вышла изъ экипажа (это нужно понимать относительно: меня вынули изъ него, точно кулекъ какойнибудь)—я буквально шаталась... и не сразу пошла, а потоптавшись предварительно на мѣстѣ...

Въ Крыму мнѣ приходилось кататься верхомъ, и случалось иногда дѣлать довольно большіе переѣзды,—но *никогда* я такъ не утомлялась... Ощущеніе разбитости во всемъ тѣлѣ... Точно всѣ винтики, на которыхъ прикрѣплены нервы, повыскакали, и все сбилось въ одну безформенную груду...

Я напрасно пыталась подобрать сравненіе для опредѣленія этой сверхъестественной усталости... Самый усиленный физическій трудъ: косьба, молотьба, могли бы пожалуй привести къ такимъ результатамъ.

— Нѣтъ, все не то! Рѣшила я—молотьба—да, но въ томъ случаѣ, если не я, а меня бы молотили... Не «дѣйствительный», а «страдательный» залогъ...

Но тѣмъ пріятнѣе былъ отдыхъ.. Впрочемъ, физическая усталость имѣетъ еще ту прелесть, что она мѣшаетъ думать и вдаваться въ метафизику...

Вотъ почему я заснула мертвымъ сномъ на узкомъ и жесткомъ монастырскомъ ларѣ, (монастырской гостиницы)—и проспала даже первый благовѣстъ — въ 2 час. ночи... За то къ 6 час. утра я разслышала его сквозь сонъ, и отвоевавъ еще нѣсколько минутъ, чтобы потянуться съ закрытыми глазами—расправивъ косточки, — бодро и живо вскочила на ноги...

А впечатлѣній предстояло много,—силами надо было запастись, какъ слѣдуетъ...

Глава II.

Когда,—четверть часа спустя,—я пробиралась впередъ въ храмъ преподобнаго,—каюсь, меня волновали чувства далеко не высшаго порядка,—а напротивъ,—самаго житейскаго свойства. Такова сила привычки, сословныхъ предразсудковъ.

И однако, не съ этимъ я шла сюда.

— Неужели же это правда,—я здѣсь, *здѣсь*—въ тѣхъ самыхъ таинственныхъ, святыхъ мѣстахъ!—думала я, за минуту перель этимъ, торопливо шагая по деревяннымъ мосткамъ, идущимъ на протяженіи всего монастырскаго двора.. Какой праздникъ для души! Вотъ гдѣ хотѣлось бы помолиться за всѣ времена!

— А можетъ быть, я увѣрую, — можетъ быть придется—(вѣрнѣе *удастся*) увидѣть воочию какое-нибудь *чудо*? Какъ бы хорошо снова найти свою чистую дѣтскую вѣру, — вернуться обновленной туда, къ себѣ — въ міръ!..

И я прибавила шагу...

Но стоило мнѣ войти въ соборъ, и очутиться лицомъ къ лицу со всѣмъ этимъ полчищемъ «побродяжекъ» (какъ мысленно назвала я богомольцевъ), образовавшимъ плотную живую стѣну, какъ во мнѣ разомъ отозвались голоса мірскаго тщеславія... Брезгливо сторонясь скромныхъ зищунновъ и армяковъ, грязныхъ отъ дорожной пыли, съ гордо поднятой головой, проталкивалась я впередъ, приговаривая нетерпѣливо:—Дайте пройти! Посторонитесь! и прибавляя мысленно:—*Dieu quelle corvee!* Вотъ такъ недисциплинированный народъ!

Но вотъ, наконецъ я впереди, волизи клироса.

Теперь можно сосредоточиться и приступить къ молитвѣ.

Вамъ понятна моя психологія? я все же считала себя христіанкой не хуже другихъ, если не лучше! и пусть во мнѣ сильнѣе всего говорилъ интересъ критика, туристки, но тѣмъ не менѣе я сознавала важность момента, и точно приговлялась увидѣть что нибудь особенное.

Мнѣ хотѣлось испытать новое, хорошее чувство,—именно— «праздникъ» для души.

Кому не знакомо это состояніе двойственности: скептицизмъ насторожился и былъ на чеку, а въ душѣ тѣмъ сильнѣе сказывалось тайное желаніе *убѣдиться* и *побѣдить* его. Хотѣлось доказать себѣ, что *вѣрить .стоитъ*, и вѣрить *должно!*

Вотъ почему на первыхъ порахъ я испытала *страшное разочарованіе*. О какомъ умиленіи, сосредоточенной молитвѣ можетъ быть рѣчь *здѣсь*, среди этого невообразимаго шума,—страшнаго хаоса? Толкотня, крикъ, взвизгиванья, ужасающіе дикіе возгласы—были до такой степени несомвѣстимы съ понятіемъ о благолѣшии, которое вы ожидали встрѣтить въ особенноти здѣсь, въ *этомъ* храмѣ, что я почувствовала себя не только выбитой изъ колеи,—*deconcentree*, но прямо-таки разсерженой.

— Будетъ ли этому конецъ?

А шумъ, точно на зло, не утихалъ, а все возрасталъ, по мѣрѣ того, какъ народу прибывало. Онъ даже заглушалъ службу...

Шла литургія вѣрныхъ (къ проskomидіи я, какъ видится,—опоздала),—и уже подходилъ самый торжественный моментъ,—а я все не могла вызвать въ себѣ молитвеннаго настроенія,—потому что мнѣ *мѣшали*...

Что же это такое? Иронія судьбы? Только было я приготовилась)... Не забудьте, что за время томительной дороги я имѣла время пораздумать о многомъ,—многое вспомнить... Вотъ когда традиции дѣтства всплыли въ душѣ...

— Когда-то свято вѣрилось, что бываютъ моменты, въ которые молитва самаго закоренѣлаго грѣшника будетъ услышана, если она искренна—прямо-таки въ силу вѣрности этого момента.

Такъ, напимѣрь, стоитъ горячо помолиться о чемъ-нибудь «завѣтномъ» въ моментъ совершенія евхаристіи (т. е. моментъ

таинственнаго преложения вина и хлѣба въ Тѣло и Кровь Христовы)—чтобы непременно *это* исполнилось...

Точно также особенная благодать ниспосылается входящему въ новый, незнакомый храмъ, конечно, если онъ входитъ («со страхомъ Божиимъ»...

Такъ вѣрили мы, гимназистки,—и пусть теперь это кажется забавнымъ, наивнымъ,—но это скорѣе трогательно... Въ этомъ есть своя прелесть...

— Будьте какъ дѣти, сказалъ Христосъ...

А кто знаетъ навѣрное, на чьей сторонѣ правда, и кто побѣдитъ: сильные умомъ, или сильные сердцемъ (которое вновь *чисто*)? Все это вспомнилось мнѣ, все это я хотѣла бы привести въ исполненіе, и вдругъ, оказывается—нельзя: я *не могу* молиться, — мнѣ мѣшаютъ!

— Меня сердять, раздражаютъ!

Какъ тутъ забыться, отрѣшиться отъ мысли о земномъ, когда оно напоминаетъ о себѣ самымъ ужаснымъ, неприятнымъ образомъ?

Наконецъ—раздраженіе мое стало настолько сильнымъ, что я сочла не нужнымъ сдерживаться.

Оглянувшись назадъ, я высоко, сердито проговорила:

— Тише! Замолчите! Вы мѣшаете службѣ!

Меня послушали, но не надолго... Стоило лишь отвернуться, какъ за моей спиной снова поднялось бормотанье, безсвязные возгласы, вскрикиванья, а у мощей въ это время кто-то заливался—кричалъ, то захлебываясь, то дико завывая...

И вдругъ со всѣхъ сторонъ точно по командѣ,—раздались отвѣтные крики,—очевидно всѣ эти люди вздумали переключаться между собой...

Я готова была зажать уши...

— Боже мой! да это Бедламъ какой-то! проговорила я мысленно, не зная, на что рѣшиться: остаться еще или повернуть къ выходу... Но стоило этой мысли дойти до моего сознанія, какъ мнѣ вдругъ стало неловко... Я бессознательно устыдилась чего-то.

Съ быстротою молнии пролетѣла другая мысль,—вѣрнѣе—ощущеніе:

— Да вѣдь это все «недужные»!

— Богъ мой! Какъ-же это мнѣ раньше не приходило въ голову!

Это я отвѣтила въ свое оправданіе внутреннему голосу, который подсказалъ мнѣ истину... Онъ продолжалъ:

— Каксе право ты имѣешь требовать отъ этой толпы, чтобы она была «дисциплинированной»? Здѣсь они у *себя*! Не пришли-ли они за сотни, за тысячи верстъ, бросивъ дѣло. побираясь Христовымъ Именемъ, — къ Угоднику Божію, чтобы *получиться* у него?

Не во храмѣ-ли всѣ равны?

И если взвѣсить, что *они* и что *ты* дѣлаешь для своей вѣры,—*кто* останется правъ передъ Богомъ?! Ты приѣхала изъ любопытства, какъ-то случайно, пожалуй даже изъ прихоти, а они *по убѣжденію*; ты даешь отъ излишка,—они отъ нужды и ради спасенія души, отъ чистой вѣры...—Не говоря о томъ, что и грѣшать-то они *не вѣдая*,—они и какотся чистосердечно, безраздѣльно принося этой вѣрѣ такую жертву,—на какую мы, люди привилегированнаго класса, не способны... Не въ *формѣ* дѣло, а въ *сути*,—не во внѣшнемъ благолѣіи, а въ чистотѣ души,—въ искренности порыва...

Такъ говорилъ тайный голосъ,—и мое сознаніе не нашло ничего, чтобы ему отвѣтить... Напротивъ, откинувъ малодушіе, приходилось сказать себѣ, что поразительно легко и совершенно неожиданно можно очутиться въ положеніи фарисея, который вышелъ изъ храма осужденнымъ, благодаря своей великолѣпной увѣренности...

Я почувствовала себя виноватой.. Вдвойнѣ виноватой: и передъ Богомъ, и передъ этими обиженными мной бѣдняками, на которыхъ еще секунду тому назадъ я считала себя въ правѣ смотрѣть съ брезгливой жалостью, какую мы чувствуемъ—ну къ забитой собаченкѣ...

А мысли все ѣхали впередъ.

—Да. ихъ *жалить* надо,—но не обиднымъ, презрительнымъ чувствомъ, а «по хорошему»,—вѣдь это и есть «*ближніе*»...

Вотъ когда впервые я остановилась на этомъ словѣ... И смыслъ его точно ударилъ меня по какимъ-то особымъ, невѣдомымъ струнамъ души, и онъ вдругъ почему-то—зазвенѣли...

Увѣряю васъ, дорогая моя,—это былъ *психологическій* моментъ...

— Какъ къ этому прійти? Неужели это *возможно*? возможно полюбить всѣхъ этихъ оборванцевъ, несчастныхъ,—эту незнакомую, чуждую мнѣ толпу?

— Да! способъ найдется! только надо *захотѣть*! Нужно поискагь точку соприкосновенія, — что нибудь общечеловѣческое... Ну, хоть страданіе, болѣзнь... Да, именно такъ; надо быть *человѣчнѣе*. Попробовать смѣшаться съ толпой, не выдѣляя себя среди ихъ...

Здѣсь—всѣ равны: нѣтъ отдѣльныхъ личностей, — индивидуальностей.—какъ нѣтъ, кастъ и ранговъ, (и разсужденія тутъ неумѣстны)!..

— Оригинально! Я собралась молиться,—а въ душѣ—цѣлый запасъ гордыни, самыхъ тщеславныхъ мыслей! Какъ будто я достойна *особенной* благодати и милости свыше; стоитъ мнѣ сказать слова молитвы, и христіанскій долгъ исполненъ!

— «Прежде чѣмъ принести жертву Мнѣ,—иди и примиришься братомъ твоимъ»—сказалъ Христось...

И входя во храмъ, прежде, чѣмъ созображать въ душѣ «завѣтныя, суетныя желанія, исполненія которыхъ мы будемъ просить у Христа, — надо *примириться*, — смягчить сердце, открыть его не только вѣрѣ,—но и любви...

Любви къ меньшому брату, къ «ближнимъ»... вотъ ко всѣмъ этимъ, что стоятъ рядомъ...

И *за нихъ* умеръ Христось... Мы—нѣчто цѣлое, объединенное одной «мыслью сердца», однимъ стремленіемъ, *молитвой*, — которая возносится къ престолу Господню, какъ бы изъ одной общей души...

И до чего сильна, могуча должна быть молитва, произносимая тысячею устъ, если даже среди двоихъ «собранныхъ во имя Христа»—незримо присутствуетъ Онъ Самъ?

И *одна* чужда этой молитвѣ — молитвѣ души, которая безъ словъ рвется туда, ввысь, изливаясь слезами и воплями сграждущихъ,—я *одна* стою и «умствую», — взвѣшиваю, провѣряю, осуждаю ихъ своихъ *ближнихъ*!

И сердце у меня дрогнуло... Волна страннаго, неизвѣданнаго, жуткаго и вмѣстѣ съ тѣмъ томительно сладкаго чувства прилила къ нему,..

— Господи! Не осуди *Ты* меня! дай мнѣ принести въ мирѣ мою молитву! Открой сердце мое хорошимъ чувствамъ!.. Пусть я буду, какъ «одинъ отъ малыхъ сихъ»,—которые навѣрно угоднѣе Тебѣ, чѣмъ я...

И шумъ на мигъ забылся и опустившись на колѣни, я перестала созображать, что мнѣ «мѣшаютъ», и мое молитвенное

настроение может улетѣть... Могла ли я считать себя лучшей, «привилегированной» среди всѣхъ этихъ болящихъ, когда и у меня душа была больна?..

И можетъ быть отягчена болѣе тяжкимъ грѣхомъ, чѣмъ у всѣхъ, стоящихъ тутъ-же...

Не должна ли я была также испросить благодать Угодника Божія, которому дано—говорятъ,—исцѣлять слѣзны, который еще при жизни врачевалъ души, — будучи безконечно добрымъ, снисходительнымъ? (По правдѣ сказать, я не читала о немъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ газетъ, въ которыхъ говорилось о чудесахъ во время лѣтнихъ торжествъ).

Нѣтъ,—пусть все это невѣроятно,—но *что-то* такое есть, должно быть,—иначе зачѣмъ бы со всей Россіи сюда стекались тысячи народа?

Неужели я не смягчусь, не увѣрую?

Вѣдь я *здѣсь*,—въ святомъ мѣстѣ,—я не просто въ храмѣ, а въ храмѣ *преподобнаго!*

И своимъ невѣріемъ я *оскорбляю* Его...

— Боже, дай мнѣ *смириться!* Смириться и покаяться! «Вотъ о чемъ слѣдуетъ мнѣ думать! Вотъ *«завѣтное»* желаніе!...

И если я была еще далека отъ точнаго *обращенія* — если не ощутила въ душѣ интенсивнаго порыва туда, высь,—то все же я «уразумѣла» душою, что *праздникъ* для нея, для души, надо *заглушить!* Онъ наступитъ не раньше, какъ я свершу таинство покаянія...

Обращеніе мое,—повторяю—было еще далеко, но поворотъ въ хорошую сторону уже опредѣлился...

Когда—много позднѣе—мнѣ пришлось лично наблюдать припадки больныхъ и оказывать кое-какую посильную помощь—стоявшимъ рядомъ, я была уже «укрощенной»,—и точно совсѣмъ другимъ человѣкомъ, освободившимся отъ власти условностей... и значительной доли эгоизма. .

— О чемъ я не могу умолчать,—это о чрезвычайно гуманномъ, разумномъ—(какъ я сначала сказала про себя—тактичномъ) отношеніи окружающихъ ко всѣмъ припадочнымъ, больнымъ,

Ни намекъ на праздное любопытство; вы видите вокругъ одно только вниманіе,—*участіе* самое трогательное, и по мѣрѣ возможности—дѣятельное.

Но до чего она заразительна, эта хорошая благородная простота,—отзывчивость, сердечность! И какъ пріятно слѣдовать

хорошему примѣру, какъ отрадно чувствовать себя *за одно* со всѣми добрыми, человѣчно-простыми людьми! Сколько это общается въ будущемъ, (если въ самомъ дѣлѣ можно *полюбить* своего ближняго)!

Я пока только *сострадала*, искренно жалѣла,—и то уже чувствовала себя точно именинница... (А вы знаете, что я люблю такъ себя чувствовать,—помнится, и не разъ, и не два вы слышали это отъ меня!

— Вотъ онъ какой бываетъ, *праздникъ* для души! догадалась вдругъ я, выходя изъ церкви,—безумно усталая, но довольная,—удовлетворенная, радостная, какъ въ тѣ далекія времена, когда, бывало, отстоишь всю длинную обѣдню на клиросѣ въ гимназической церкви, и все сойдетъ удивительно удачно: и херувимская, и концертъ,—и все трудное «нотное»...

А пожалуй даже больше...

Глава III.

Оглядываясь назадъ, я не понимаю себя. Кажется такъ легко было *увѣровать*. И всетаки не хватило силъ сразу дѣлать «взмахъ орлиный вверхъ»,—я была еще слѣпой,—и только инстинктивно ощущая снопъ свѣта въ сторонѣ, стала поворачиваться къ нему, понемножку, исподволь.

Душа бессознательно радовалась,—чувствуя, что теперь ей чередъ властвовать,—она въ своей сферѣ... Наконецъ-то на нее обращено вниманіе, ей дали то, чего ей недоставало,—и вотъ она начинаетъ расправлять свои помятыя крылышки, и и трепещется легко и радостно, какъ бы собираясь взлетѣть («въ сферы надзвѣздныя»...

Но съ непривычки ей и хорошо, и страшно... Такъ долго она была подъ спудомъ, прижатой къ землѣ! Подъ силу ли ей теперь воздушныя эволюціи?

Нѣтъ, ей взлетѣть еще рано!.. Но ей хорошо, хорошо,—отрадно!

Я именно хочу подчеркнуть этотъ фактъ бессознательнаго, безотчетнаго влеченія къ святому мѣсту.

Кругомъ была *благодать*... Это ощущалось слишкомъ ясно. Кому не знакомо это ощущеніе,—кто *тамъ* не былъ, тотъ меня не пойметъ, пожалуй..

Но для того, чтобы получить ее, эту благодать,—нужно было усиліе, (или что тоже желаніе) открыть ей свою душу; и тотъ, кто открывалъ—получалъ настолько, насколько могъ вмѣстить, насколько *желалъ*.

Потому-то каждому отпускается «по вѣрѣ» его.

Но я была не изъ этихъ счастливецъ. Я просто иригрѣлась на солнышкѣ, и такъ хорошо было это ощущеніе тепла и свѣта послѣ пережитыхъ невзгодъ, что много дѣтскаго, даже безопаснаго было въ моей безотчетной радости...

Какъ будетъ видно позднѣе, я отождествляю ее съ произволеніемъ Божиимъ.

А судьба продолжала быть тактичной и послѣдовательной въ своей системѣ постепенности впечатлѣній.

Положимъ—все оказалось къ лучшему. Такъ—вѣрнѣе, крѣпче!

Если вы примете во вниманіе мою «индивидуальность», вы поймете.

Видите ли, я очень жива. Впечатлѣнія воспринимаются такъ быстро, что кажется, будто они скользятъ по мнѣ и исчезаютъ безслѣдно. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Они все же западаютъ въ душу, и долго «ферментируются», отслаиваются—пока не отложатся въ ней; тогда въ мозгу вдругъ появляется совершенно точное, ясное представленіе, исполнѣ законченный образъ (даже)!..

Все, что когда нибудь хоть мимоходомъ занимало меня, мучило, интересовало,—все это найдетъ впоследствии отвѣтъ,—являющійся результатомъ вотъ этого таинственного процесса творчества,—если его можно такъ назвать.

Въ сущности, я нахожу его исполнѣ естественнымъ.

Вѣдь фотографическая пластинка, схватывающая образъ моментально, также должна имѣть время, чтобы *проявить* его, это отраженіе!

— Допустите, что нѣчто подобное есть у насъ въ душѣ.

Вы «схватили» образъ, впечатлѣніе,—затѣмъ,—такъ какъ жизнь не стоитъ на мѣстѣ,—вы забыли о немъ, подъ непрерывнымъ дождемъ цѣлаго ряда новыхъ ощущеній. Оно идетъ куда-то на дно... Знаете чего? «Умной» кастрюльки; помните, въ дѣтствѣ,—дѣлая арифметическую задачу, вы говорили: 5 пишу,—2 въ умѣ.

— Ну, значитъ долженъ быть такой особый «умный» ящичекъ, въ которомъ должно храниться все, что въ него спрячутъ

Въ немъ-то и происходитъ таинственный процессъ кипѣнія («въ собственномъ соку»).

Жизнь—заботливый хозяинъ, все время поддерживаетъ огонь, то и дѣло подбрасывая дровецъ подъ кастрюльку,—крышечка которой герметически закупорена.

И вотъ, когда вы совершенно отделились новому «потокѣ»,—извлекающему васъ,—вы съ удивленіемъ чувствуете вдругъ, что васъ («осѣнило»): точно въ самомъ дѣлѣ крышечка, клапанъ какой нибудь открылся тамъ въ мозгу,—и откуда ни возьмись, наружу вышлываетъ новое рѣшеніе, отвѣтъ, объясненіе... И даже странно станетъ: неужели это *моя* мысль, *моя* догадка—такая ясная, точная, опредѣленная,—какъ будто вычитанная изъ книги, или кѣмъ-то продиктованная!..

Это подъ дѣйствіемъ пара открылась крышечка *умной* кастрюльки...—Готово! и она вновь закрывается, вновь на очереди цѣлый слой новыхъ впечатлѣній, которыя нужно переварить, разработать...

Благодаря моей живости и непосредственности, я представляла изъ себя положительно губку, которая всѣми порами вбираетъ воду; поэтому у моей кастрюльки всегда есть работа...

Такъ было и теперь...

Впечатлѣній было много, псѣ они—рельефны, сильны,—а время для варки еще не «исполнилось».

Но душѣ было «по себѣ»,—и я дышала полной грудью, свободно,—не затрачивая никакихъ усилій,—вся отдавшись новому, благотворному «потокѣ», который властно захватилъ меня и уносилъ... куда? я не знала...

Вѣроятно—къ спасенію,—иначе я бы не чувствовала себя такъ хорошо...

Теперь вернемся къ разсказу.

Отдохнуть послѣ обѣдни было необходимо,—иначе у меня могло не хватить силъ на весь день, каждый моментъ котораго я хотѣла изжить полностью, съ пользой для души.

Предстояло побывать на источникѣ, взглянуть, что это за таинственное благодатное мѣсто,—вѣдь изъ-за этого я и ѣхала сюда!

Одна дама въ траурѣ посовѣтовала мнѣ отправиться пѣшкомъ.

— Тутъ всего 3 версты... Это будетъ прекрасная прогулка, вы освѣжитесь...

Тогда какъ въ экипажѣ проѣхать невысимо: лошади бужвально утопають въ грязи, — ѣдутъ шагомъ, того и гляди — опрокинешься...

— Нѣтъ, ужъ лучше прогуляться... Я тоже пойду!

Стаканъ крѣпкаго чаю (съ вареньемъ и просфорой) укрѣпиль мои нервы; не теряя больше времени, я вышла изъ гостиницы.

Однако, проходя мимо собора, я почувствовала желаніе зайти туда на мгновение...

— Теперь просторнѣе! Приложусь къ мощамъ еще разъ, а то на возвратномъ пути будетъ поздно!.. подумала я. — Въдь сегодня приходится ѣхать назадъ, больше мнѣ не видѣть «храма преподобнаго»!..

Мое предположеніе оправдалось лишь отчасти.

Соборъ былъ пустъ на три четверти, — за то у мощей толпилась масса молящихся. Шель безконечный молебень...

То и дѣло просовывалась рука съ записочкой и мѣдной монетой: — она, — эта рука, слегка толкала въ плечо стоящаго впереди, который оборачивался и принималъ записочку и «даваніе», чтобы передать ее другому... Такъ она, записочка — доходила по назначенію.

Я сразу сообразила, что придется ждать, но уйти стало какъ-то неловко.

Въ душѣ копошилось неясное желаніе *подождать*. По счастью, мнѣ удалось пробраться поближе и присѣсть на край широкой (съ перегородкой по срединѣ) скамьи, — предназначавшейся, очевидно, для *недужныхъ*.

Два монаха - діакона монотонно читали номинальные записочки, — ихъ была цѣлая груда, — и мое вниманіе обратилось на окружающихъ.

Какія все хорошія лица кругомъ! Молитвенное, сосредоточенное выраженіе; ни слѣда скуки, напряженія, разсѣянности...

У многихъ на глазахъ слезы...

Вдругъ слѣва произошло движеніе. Кто-то тѣснился, сиделъ пройти. Толпа раздалась, кого-то пропустили, и вдругъ по ту сторону скамьи (такъ что насъ раздѣляла только стѣнка ея) — что-то такое поставили,

Много головъ наклонилось, и сразу также быстро отшатнулось съ возгласомъ ужаса...

Привсталла и я... Прямо передо мной, въ открытой—какъ бы это назвать—рамѣ, коробкѣ,—(такъ аршина въ полтора длины и $\frac{3}{4}$ аршина ширины)—лежало человѣческое существо,—женщина, съ скорюченными, подогнутыми къ груди колѣнями и сведенными руками.

Лицо ея было даже красиво,—блѣдное, интеллигентное, облагороженное думой и долгими страданіями. Лѣтъ ей могло быть отъ 30—до 45... Кругомъ зашептали.

— Кто такая? спросило нѣсколько голосовъ.

— Полтавская мѣщанка,—Варварой звать! Отвѣтила дѣвушка—крестьянка, очевидно, состоявшая при больной.

— Ты ей кто же будешь сестра?

— Нѣ! мы—чужія! четверо дѣвокъ—то насъ... прослышали мы про чудеса батюшки Серафима, да и надумали побывать здѣсь... Ну, и ее—недужную—прихватили.

— Значить,—у нея есть средства?

— Нѣтути! Никакихъ средствовъ нѣту! простодушно мотнула головой разскащица.

— Мужъ то ихній на заработкахъ въ барскомъ домѣ служить, а дочкѣ 11-тый годокъ пошелъ. Нѣтъ, мы Христовымъ именемъ пошли собирать на дорогу.. Ну, ничего! Господь помогъ! Собрали... Почитай недѣлю ѣдемъ на машинѣ, въ четвертомъ классѣ... Давеча на источникѣ были... Искупали ..

Ей въ руку стали совать монеты,—кто сколько... Она принимала, кленялась и крестилась, повторяя: Спаси васъ, Господи, батюшка Серафимъ!

— Надо молебень отслужить, наставительно произнесъ чей-то голосъ сбоку,—а тамъ *еще* на источникъ ступайте!

Дѣвушка на этотъ разъ не отвѣтила: она наклонилась къ больной, которая что-то безвучно зашептала.—приложиться захотѣла...

Да неподручно! одной-то... Безпомощно оглядываясь, произнесла она.

— Не пособите-ли люди добрые?

Сочувственное, гуманное отношеніе не замедлило сказаться. Желаящіе нашлись сейчасъ-же. Толстый молодой купецъ съ массивной золотой цѣпью на груди вызвался поднять больную и приложить ее къ мощамъ. Надо было видѣть, какъ дѣвушка обрадовалась.

— Спасибо, ваше степенство! Святитель васъ не оставитъ! Не сумлевайтесь: она—ровно перышко,—что дите малое! говорила она, пока тотъ, наклонившись, приноровлялся, какъ удобнѣе взяться за дѣло.

Еще моментъ—и рама опустѣла. Тамъ остался лишь маленькій сѣнничекъ, да крошечная подушка—«думка».

На меня почему-то этотъ опустѣвшій ящикъ произвелъ еще болѣе угнетающее впечатлѣніе... Немыслимо было представить себѣ въ немъ живого человѣка...

По кожѣ побѣжалъ холодокъ, мысли усредились вдругъ быстро—быстро, одна за другой. И опять таки скажу: то были не мысли, а ощущенія.

— Вотъ онъ, гнѣвъ Божій!—Господи: кто согрѣшилъ: чело-вѣкъ сей или сродники его?—Вспомнилось мнѣ изъ евангелія... Мы не знаемъ, но фактъ ужасенъ! 5 лѣтъ такого состоянія! Безпомощная, въ тягость себѣ и другимъ, бесконечно жалкая, она томится агоніей,—а не умираетъ! Сколько разъ прошла передъ нею вся ея жизнь! Сколько разъ она вспомнила—и пережила, перестрадала каждый свой грѣхъ, каждую вину? Какъ чутка стала ея совѣсть, какъ прозрачна! Какъ она научилась въ ней читать! Она познала («вѣчность»)...

Можетъ быть даже желаніе жизни въ ней умерло! И она вѣрится—*вѣрится!* Это видно по глазамъ. Что, если поставитъ себя на ея мѣсто?! Вѣдь всѣ мы «подъ Богомъ ходимъ»! Со всякимъ можетъ случиться...

Бррр! Господи, какой ужасъ! Спаси и сохрани!

Я невольно перекрестилась, «смирясь сердцемъ», — а нить мыслей продолжалась.

— Сколько фазисовъ прошла она, пока дошла до этой покорности? Ропотъ, озлобленіе, отчаяніе — *все смирится* подъ тяжестью десницы Господней...

И крокодиловы слезы безсильной злобы превратятся въ чистые перлы раскаянія, сожалѣнія о грѣховности своей... Какъ ничтоженъ чело-вѣкъ со всѣми его высокими, гордыми помыслами! Вотъ къ чему приводятъ всѣ теоріи: смиреніе, покаянное смиреніе передъ промысломъ Божиимъ!

— Господи! избави! Будь долготерпѣливъ, не карай насъ такъ страшно,—«не вниди въ судъ» съ нами,—слабыми, немужественными устоять противъ соблазновъ! прошептала я, снова

испытывая неприятное чувство холода въ спинѣ, по которой побѣжали мурашки...

Рядомъ со мной кто-то тоже молится. Я слышу вздохи, всхлипыванія. Очевидно—какая-то родственная, впечатлительная душа; и на нее произвела свое дѣйствіе ужасная картина чело-вѣческой немощи.

Невольнo оборачиваюсь. .

Скромно, но прилично одѣтая пожилая женщина часто крестится, не замѣчая слезъ, поминутно скатывающихся изъ глазъ, устремленныхъ съ ясной вѣрой на гробъ Святого.

Но каково было мое изумленіе, дорогая моя, когда я слышала слова ея молитвы!

— Святитель Батюшка! Помилуй, спаси рабу твою Варвару! Исцѣли недужную! пошли ей чудо великой милости твоей,—по нашимъ грѣшнымъ молитвамъ! *Не меня*, батюшка Серафимъ, *не меня*,—а ея, болящую исцѣли!

И она кланялась въ землю, и крестилась, и плакала—эта христіанская душа, познавшая великое счастье самоотверженія въ пользу другой, чуждой ей, но болѣе несчастной женщины,—которую она видѣла въ первый разъ въ своей жизни...

Обѣ они пришли за милостью къ «батюшкѣ Серафиму» (направда-ли, какой трогательной, довѣрчивой лаской звучить это обращеніе?),—пришли издалека,—и вотъ она *отрекается* отъ своей доли благодати, прося удѣлить ея другой, чуждой душѣ—потому что эта другая больше ея нуждается въ этомъ... Потому что эта «другая»—«ближній», котораго надо любить, «какъ самого себя»...

Я смутилась, я устыдилась... Я была поражена и подавлена этой честной простотой, величіемъ, незлобивостью, христіанскимъ смиреніемъ этой души..

Нужно-ли комментировать это, дорогая моя подружка?

Я готова быда—внутренно—вмѣнить себя въ *заслугу* свою отзывчивость; вѣдь я взволновалась чужимъ несчастіемъ, я утратилась до молитвы, почти до раскаянія! Не уступка-ли это? Вѣдь это *почти* вѣра!

И вдругъ тутъ же, рядомъ со мной (культурнымъ чело-вѣкомъ!) какая-то простая, необразованная мѣщанка даетъ мнѣ примѣръ, урокъ этой самой христіанской любви къ ближнему, которой я никакъ ни уразумѣть, ни «вмѣстить» не могу!

Взрывать,—молиться *для себя*, въ свою пользу (имѣя въ виду выпросить *себѣ* что нибудь, для своего личнаго блага)—уже и *это* кажется мнѣ подвигомъ,—и вдругъ оказывается, что можнo молиться за другихъ, за незнакомыхъ, и *въруая*—уступать добровольно свою долю выпрошенной «благодати»!—Нѣтъ, это что-то невѣроятное!...

Тѣмъ временемъ болящую Варвару приложили, и вотъ она снова въ своемъ ящикѣ.

Лицо ея также неподвижно, только глаза устремились вверхъ, да въ углу рѣсницъ застыла слезинка...

И вдругъ ея правая, скорюченная у кисти рука (выгнутая подъ угломъ къ другой рукѣ—такъ что приходится употреблять усиліе, чтобы ихъ разжать)—потянулась, приподнялась и сдѣлала крестное знаменіе!

Всѣ присутствовавшіе переглянулись съ непередаваемымъ чувствомъ изумленія, страха и благоговѣнія,—и закрестились...

Имя «болящей Варвары» въ одну минуту облетѣло всѣ уста...

— Господи! Помилуй, спаси! Святитель Батюшка! Велика милость Твоя! Исцѣли Варвару! Дай здравіе бѣдной недужной!

Дѣвушка поспѣшно наклонилась къ ней и приникла ухомъ къ ея губамъ—до того тихо шептала больная... Но и у нея глаза были влажны и все лицо свѣтилось радостью, когда она подняла голову.

— Говорить: *чуешь*, какъ жилы бьются въ рукахъ и въ ногахъ! заявила она торжественно... Давеча на источникѣ—«ничего, говорю тѣ, не слышу,—засохли ноги-то и руки,—а сейчасъ вотъ приложилась—и жилы забились»... Батюшка Серафимъ чудо посылаетъ!

И не считая больше нужнымъ сдерживать слезы умиленія, она положила нѣсколько земныхъ поклоновъ, не переставая шептать слова благодаренія, какъ будто исцѣленіе было послано лично ей...

Сколько однако, великихъ душъ есть на свѣтѣ, которыя и не догадываются объ этомъ! И до чего большею частію близоруки тѣ, кто считаютъ себя «на высотѣ положенія»!

— А на возвышеніи, тамъ—за ракой съ мощами, гдѣ служили молебень, мое ухо различало все чаще и чаще повторяющіеся звуки, — и эти звуки опять таки были имя «Варвары», болящей рабы Божіей...

Вѣрующіе считали долгомъ помолиться за одинокую, бѣдную страницу...

Глава IV.

Я выходила въ состояніи какого-то отупѣнія, точно загипнотизированная...

Впечатлѣніе было очень сильно, и поглотило всѣ мои силы, внутри долженъ былъ начаться таинственный процессъ, въ моемъ умномъ ящичкѣ...

Въ головѣ обрывки мыслей...—Вотъ оно, *чудо!* Какъ страшно!

— Неужели я только что стояла лицомъ къ лицу съ великой тайной? Неужели же правда, *это* есть, это доступно грѣшному человѣку, доступно тутъ, на землѣ, вотъ такъ просто, сейчасъ, *en attendant?* И вдругъ можетъ свершиться нѣчто неслыханное, сверхъестественное?!

— А интересно,—вмѣшался разсудокъ — выздоровѣетъ эта Полтавская мѣщанка Варвара,—исцѣлится она, *исцѣлится* или нѣтъ? Надо бы навести справки потомъ!

И вдругъ мнѣ снова почему-то стало неловко (который разъ въ этотъ день)?

Какая мелочность! И тутъ любопытство, и тутъ—житейская расчетливость, дрянность, расчитанность! Только что при мнѣ начался великій актъ, я была потрясена до глубины души,—и вотъ я уже снова сомнѣваюсь, хочу «провѣрять», наводить справки!

И выраженіе-то какое... Полицейское,—недостойное!

Ни на волосъ *вѣры!*

Важно что? Идея,—фактъ: это *возможно*, это *есть*, — *для вѣрующаго*.

А *какъ* это будетъ,—сразу разогнутся ея ноги и руки—или постепенно,—не все ли равно?

Какое малодушіе, какое маловѣріе, «короткость души» съ моей стороны!

Я *не могу* повѣрить, предположить то, что я *не видѣла!*

Велика-ли заслуга того, кто вѣритъ въ доказанное, неоспоримое?

Допустимъ, вамъ объяснятъ теорему,—вамъ приведутъ точное математическое доказательство,—а вы всетаки будете упор-

ствовать. Тогда васъ назовутъ недоумкой; нельзя не вѣрить тому, что очевидно для всѣхъ!

И будете-ли вы *великодушны*, если станете спорить противъ *истины*? можетъ-ли быть у васъ размахъ, ширь—если вы ограничите вашъ горизонтъ лишь *видимымъ*, заключивъ его въ точныя опредѣленія, опредѣленные рамки?..

Нѣтъ! сумѣйте *допустить* то, что кажется невозможнымъ, рискните повѣрить въ несбыточное, необыкновенное,—вотъ это будетъ *впра*...

Пусть сердце ваше пойдетъ дальше, чѣмъ разсудокъ, пусть оно увидитъ *мысленными* очами то, чего наши телѣсныя очи не могутъ увидѣть, потому что это составляетъ одну изъ великихъ тайнъ бытія, тайнъ безконечности, которая намъ *не по силамъ*—нашему *конечному* существу, прикрѣпленному тысячу нитей къ землѣ...

Есть любовь—«великая единственная». Гдѣ она—тамъ красота, правда, и чистота. Душа любитъ «святымъ святыхъ» своей души,—а такое чувство—(начало, основа всего),—не можетъ имѣть вмѣстилищемъ сердца («слѣзого, маловѣрнаго»), мелкаго, неспособнаго на порывъ, на размахъ,—потому что требуетъ любви къ *другому* въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ *себѣ*, т. е. извѣстнаго самоотреченія, альтруизма...

И потому она доступна избранникамъ, душамъ *первссортнымъ*, въ смыслѣ тонкости организаціи...

Но кто бы могъ сосредоточивать такую любовь не на одномъ лицѣ, а распространить ее на всѣхъ «ближнихъ»,—тотъ долженъ быть стократъ «избранникъ Божій»!

Такова любовь христіанская, заповѣданная Христомъ, носителемъ, воплощеніемъ которой былъ Онъ Самъ.

«Если бы вы говорили всѣми языками,—ангельскими и чело-вѣческими, но любви бы не имѣли, то всѣ слова ваши были-бы, какъ мѣдь звенящая и кимваль бряцающій»...

Это цементъ, связующій все мірозданіе.

И потому оно недоступно намъ,—грѣшнымъ, любящимъ больше всего... *самихъ себя*.

Только святые,—вотъ какъ св. Серафимъ—съ его прозрачной хрустальной душой, любящей Творца во всѣхъ Его твореніяхъ—начиная съ природы, которую онъ любилъ въ каждой травкѣ—кончая человекомъ,—«ближнимъ», бѣднымъ, слабымъ, падающимъ, но съ прекрасной, божественной душой, которую

надо призвать къ ея первообразу—отъ мрака къ свѣту,—дუმаль святой старецъ... «Любовь и вѣра—неразлучны: одна создаетъ другую, дополняетъ ее...

Такая любовь становится религіей... Это—первая и большая заповѣдь»... Гдѣ она (любовь), тамъ и *вѣра*. Гдѣ есть сила прощать, сожалѣть, сострадать,—тамъ душа ширится неизмѣримо и можно *допустить* все, самое невѣроятное, *непонятное*. Тутъ уже является творчество, безконечно затрачивая душу, вы соприкасаетесь съ областью *невидимаго*, великаго, и таинственнаго, потому что всякое усиліе вознаграждается... *Toute peine mérite salaire*...

И сердце ваше «растетъ»,—растетъ и становится все умнѣе, пока не станетъ мудрымъ, вѣщимъ... и часто «прозорливымъ», умѣющимъ читать въ будущемъ...

Глава V.

Я договорилась до того, съ чего начала,—и этимъ завершился циклъ мыслей, которыя *тогда*—вы догадываетесь, моя дорогая—далеко не были такъ опредѣленны и законченны, какъ я привожу ихъ сейчасъ... Теперь вѣдь я смотрю на прошлое «съ высоты птичьяго полета», и ничего неяснаго позади для меня нѣтъ...

— *Тогда* же я могла только *ощущать*, прислушиваясь къ тайному голосу, говорившему въ моей душѣ... То было чутье, инстинктивное стремленіе къ *правдѣ*,—или вѣриѣ—къ *истинѣ*.

Но останавливаться на чемънибудь долго, напрячь умъ, отдать себѣ отчетъ,—я была бы не въ состояніи... Хотя бы потому, что мое вниманіе отвлекала природа... А я ее люблю и «чувствую!

— Вамъ, конечно, приходилось слышать восторженные отзывы о природѣ «пустыньки»?

Когда то тамъ были непроходимые дебри, дѣвственные лѣса...

Дорога идетъ вдоль крутого берега источника,—и теперь по ней—въ самомъ дѣлѣ—немыслимо было бы проѣхать... По бокамъ ея выгонтаны узкія тропинки, а на ними далеко впереди видны пестрыя группы богомольцевъ...

Прозрачный, чистый воздухъ, вѣчно зеленый, благодаря хвоемъ лѣсъ,—наконецъ—самый источникъ—все это необыкновенно радостно настраиваетъ душу, бодритъ васъ... Тутъ,

среди простора лѣсовъ, на лонѣ природы, невольно освѣжаешься, становишься проще, человѣчнѣе, ближе къ людямъ...

Наслоенія эгоизма, озлобленія,—всѣхъ неудачъ прозаичнаго, трудового существованія—какъ то отпадаютъ;—вы сами себѣ кажетесь помолодѣвшимъ, и добрымъ, и ребячески безпечнымъ..

Въ душѣ—много восклицательныхъ знаковъ, какіе то образы, воспоминанія, обрывки мыслей,—что то въ родѣ пестраго, яркаго калейдоскопа,—и не смотря на всю неясность, безформенность этихъ явленій, вѣрнѣе штриховъ,—вы все же полны удовлетворенія, безотчетной радости...

И моя душа радовалась, точно выпущенная на волю птичка, ей легко, привольно! Мнѣ хочется побѣжать, громко запѣть, или хоть закричать... Я останавливаюсь и вбираю холодный, морозный воздухъ полной грудью... Его пьешь, точно струю свѣжей воды... Но вотъ меня обгоняетъ партія богомолокъ.

Должно быть мордовки:—на головахъ у нихъ причудливые уборы изъ высоко повязанныхъ клѣчатыхъ платковъ (ярко красное съ зеленымъ)—бахромой вверхъ... Она торчитъ и окружаетъ ореоломъ эти побѣдныя головушки...

Видъ эффектный и даже внушительный—точь въ точь вождь индійскаго племени!

Мнѣ такъ весело, что хочется смѣяться,—но не обиднымъ смѣхомъ, а («просто такъ»)! Потому что смѣшно!

«Тетки» и «молодайки» угадываютъ мою улыбку и отвѣчаютъ мнѣ пріязненными взглядами ..—Это мои ближнія, говорю я себѣ,—и чувствую обмѣнъ флюидовъ благоволенія между нами... Въ самомъ дѣлѣ,—точки соприкосновенія на лицо: цѣль у насъ одна,—а главное они тоже женщины... И имъ не чуждъ инстинктъ кокетства .. желанія нравиться... Ишь вѣдь что себѣ на головѣ соорудили!

— Вотъ онѣ прошли нѣсколько шаговъ и остановились у деревяннаго сруба,—это одинъ изъ колодцевъ, какъ устраивалъ ихъ св. Серафимъ... На всемъ протяженіи до дальней пустыньки они очень часты...

Группы богомольцевъ—вотъ тѣхъ самыхъ, моихъ «знакомыхъ»,—женщинъ и мужчинъ—останавливаются, окружаютъ колодецъ и всѣ головы наклоняются надъ водой...

— Ну ка, дѣвушка, глянька! Не увидишь ли тамъ чего? обращается парень къ молоденькой, лѣтъ 16, дѣвушкѣ-подростку.

— Ничаво! Вижу дно,—камешки вонъ, да листочки.. Да еще башки наши торчатъ! Уныло, и какъ будто досадуя, отвѣчаетъ она.

Всѣ прыскають со смѣху,—до того это вышло наивно и просто, и мило...

— Намедни странничекъ шелъ; наклонился вотъ такъ-то, ну и сподобился—увидаль! повѣствуетъ пожилая баба.

Въ этотъ моментъ подхожу я, и также наклоняясь надъ колодцемъ, неволью спрашиваю:

— Кого увидаль?

Всѣ недоумѣвающе глядятъ на меня.

— Вѣстимо кого—батюшку Серафима! черезъ мгновение отвѣчаетъ спрошенная тономъ, въ которомъ явно звучитъ снисхожденіе къ моей недогадливости...

Я улыбаюсь и наклоняюсь ниже, чтобы не оскорбить ихъ наивнаго чувства вѣры...

Дѣвушка была права: зеркальная, чистая поверхность воды отражала наши образы, «башки»,—а взглядѣвшись попристальнѣе, можно было различить на песчаномъ днѣ и камешки, и яркіе, улавшіе сверху, листочки...

— Чтой-то вы устались въ воду, а? раздался ворчливый голосъ, энергичный, даже властный. Всѣ обернулись.

Высокій старикъ съ суковатой палкой въ руку и огромной книгой въ кожанномъ переплетѣ за плечами—поравнялся съ нами и пріостановился.

— Да вотъ... сподобиться хотимъ... Не привидится ли намъ батюшка! говоритъ кто-то изъ толпы не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ

— Пустое, пустое говоришь! Ишь вѣдь что взбредеть въ голову! Сказано вамъ гдѣ чудеса—въ купальнѣ, у источника, ну и иди туда! Станетъ себя на всякомъ мѣстѣ *безпокоить* святитель Батюшка,—для васъ образъ свой проявлять! Ворчливо побранился «книжный» старикъ и быстро зашагалъ дальше.

Я неволью проводила его взглядомъ—такъ онъ типиченъ.

Очевидно, много было перевидало, много исходилъ онъ—много гдѣ побываль... Хорошо бы его поинтервьюировать! Богатая тема для разсказа.

Вдругъ до слуха моего долетѣли такіе стройные звуки, что я сначала останавливаюсь отъ изумленія,—а затѣмъ ускоряю

шагъ... Впереди ничего не видно... ага! Это благодаря повороту и неровностямъ дороги...

На бугоркѣ—прямо на талой землѣ—сидятъ калики-перехожіе ихъ трое. Мое вниманіе привлекаетъ слѣпенькій мальчикъ лѣтъ 11. У него удивительно наивное лицо и красивый, чистый альтъ...

Поютъ они свое тріо очень умѣло и стройно;—напѣвъ, конечно, церковный, что-то «божественное»—но должно быть—старинный... Поразительно красиво и музыкально; требовательный вкусъ не нашелъ бы къ чему придратъся. Прохожіе кидаютъ копейки въ красныя чашки, которыя хромелькіе держатъ на колѣняхъ...

И долго еще слышались мнѣ мелодичные звуки, а образъ слѣпенькаго мальчика такъ и стоялъ передъ глазами...

Но вотъ впереди видѣется часовня. Налѣво—деревянное зданіе—тутъ продаютъ книжки... Дальше—маленькая лавочка: тутъ вы можете достать бутылки съ выведенной на стеклѣ надписью: «вода изъ источника св. Серафима»... Я запасуюсь тремя, довольно большими бутылками, и направляюсь къ купальнѣ—мрачному и неприятному деревянному зданію,—съ невставленными окнами ¹⁾...

— Дамская—дальше! Пройдите направо! Предупредительно говорить мнѣ чей-то голосъ

Но раньше всѣ заходятъ въ часовню. Она производитъ прекрасное впечатлѣніе.

Бассейнъ—формы правильного восьмиугольника...

Люси Оль.

(Окончаніе будетъ).

---

¹⁾ Теперь все это снесено, и вновь выстроено нѣсколько зданій.

МОРАЛЬНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗАПАДА.

Небо, не души мѣняютъ путешественники. (Гораций).

Въ прошломъ году въ «Вѣрѣ и Церкви» было помѣщено описаніе моего путешествія по Западной Европѣ подъ заглавіемъ: «Религіозныя впечатлѣнія художественнаго Запада». Названіе понятное, если принять во вниманіе особенности тѣхъ странъ, которыя дали матеріалъ для моей работы: главнымъ образомъ это Италія и Испанія, 1-я—сердце католицизма, а 2-я—самая ревностная дочь его. Нынѣшній разъ я объѣхалъ Вѣну, Прагу, Франкфуртъ, Рейнъ, Аахенъ, Парижъ, Женеву и Мюнхенъ. Издѣсь, конечно, на всемъ пути я встрѣчалъ много церквей, сокровищницъ, «Schatz-Kammer» и пр., которые и не премину описать, какъ слѣдуетъ и возможно короче; но вмѣстѣ съ этими чисто религіозными представленіями и совѣмъ рядомъ съ ними путешественникъ получаетъ и нѣсколько иныя впечатлѣнія, правда имѣющія тѣсную связь съ религіей, но отчасти также самостоятельныя,— это моральныя впечатлѣнія, давшія мнѣ много матеріала и само заглавіе настоящей статьи.

У каждаго историческаго города, продолжающаго жить своей оригинальной жизнью, избѣгнувшаго сокрушающихъ разрушеній и не менѣ сокрушительныхъ реставрацій, у всякаго такого города есть сердце—его храмы, часто стоящіе «на крови» или подлѣ крови своей или иноплеменной; музеи—и отчасти вообще просвѣтительныя учрежденія представляютъ умъ города; кладбища и нѣкоторыя историческія сооруженія—его воспоминанія, все-же остальное относится, такъ сказать, къ области чисто тѣлесной жизни. Я буду описывать преимущественно первые три элемента, а о послѣднемъ скажу немного лишь тамъ, гдѣ это необходимо, безъ чего не возможно понять и ослѣпить извѣстнаго міроваго города, наиримѣръ такого, какъ Парижъ.

Въ Волочискѣ я переѣхалъ русскую границу, опредѣляемую какой-то небольшою рѣчкой. «Мы уже въ Австріи», сказалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, «но еще долго мѣстность будетъ точно такая, какъ въ Южной Россіи». Да и не удивительно: вѣдь это начинается Галиція, исконная русская земля, еще не переставшая и не желающая перестать быть славянской, въ чемъ Вы скоро убѣждаетесь, слыша названія станцій. Вотъ слѣва смотрите «Пшемьшль» съ развалинами стараго укрѣпленія на высокомъ лѣсистомъ холмѣ..., «Ярославъ» носящій блестящее имя своего мудраго основателя, нѣкогда совершенно русскій городъ, теперь, разумѣется, совершенно не русскій... А вотъ и Львовъ, древняя столица Галиціи. Львовъ, Ярославъ, Пшемьшль—свидѣтели несокрушимой мистической силы имени. Вѣдь, кажется, стараго уже нѣтъ совсѣмъ, — осталось лишь названіе, но оно презираетъ время и не повинуется даже исторіи, не соглашаясь съ ней и громко восклицая: *contradicitur!* Я всегда вѣровалъ въ таинственное значеніе имени. Вѣдь не даромъ всѣ выдающіеся люди древности носили звучныя, оригинальныя, красивыя, иногда необыкновенныя фамиліи. Не знаю, есть-ли хоть одинъ случай, гдѣ бы необыкновенный человѣкъ имѣлъ смѣшную, неприятную, оскорбительную фамилію? Я говорю не о нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ таковыя попадаются, а о *русскомъ*, гдѣ ихъ, повидимому совсѣмъ нѣтъ; эго доказываетъ, что нашъ народъ не попусту, не зря давалъ наименованія своимъ героямъ и вмѣстѣ со многими другимъ унаслѣдовалъ отъ Востока глубокое уваженіе къ имени. Такъ Ману говоритъ, что имя священника и жены должно быть красиво и напоминать благословеніе (см. мою работу «Законы Ману etc»). Самъ Богъ перемѣнилъ имя трехъ людей, измѣнивъ ихъ міровое назначеніе. И недаромъ Теофанъ затворникъ совѣтуетъ строго относиться къ выбору имени для ребенка... О, еслибъ мы болѣе читали имена нашихъ святыхъ! Мы жили бы навѣрное счастливѣе!

Вѣна. Утромъ 29-го Іюля я пріѣхалъ въ Вѣну, городъ принадлежащій къ числу такихъ, въ которыхъ интересно пожить, но которые можно лишь немного описывать. Здѣсь одинъ храмъ очень древній и дѣйствительно замѣчательный — соборъ св. Стефана, великолѣпный образецъ готическаго стиля. Обойдите всю церковь вокругъ, внимательно всмотритесь въ ея внѣшность, такъ какъ внутри она гораздо менѣе замѣча-

тельна,—нерѣдка особенность готическихъ сооружений. Внутри не забудьте только поглядѣть оконную живопись на стеклѣ. Своеобразенъ алтарь для заупокойныхъ обѣднѣ (правый), окруженный внизу скульптурными изображениями какихъ-то фантастическихъ существъ (злыхъ духовъ?)... Обратите вниманіе на памятникъ генералу Штаренбергу, вмѣстѣ съ Яномъ Собѣвскимъ освободившему Вѣну отъ Турокъ. Несомнѣнную, интересную для всѣхъ достопримѣчательность города представляетъ улица Рингъ Штрассе, замѣчательная сама по себѣ, т. е. какъ улица можетъ быть единственная въ Европѣ; кромѣ того она интересна благодаря многимъ ея зданіямъ,—этимъ мыслямъ города, дающимъ малюсенькій намекъ на то, о чемъ любила думать Вѣна. Побѣжайте на трамваѣ отъ Ашпернскаго м ста до красивой площади Маріи Терезин; слѣва прежде всего увидите эlegantное зданіе биржи... Далѣе большинство интересныхъ зданій справа: 1) ажурная, изящная Витав-Кирхе, церковь построенная въ память спасенія Императора Франца-Иосифа отъ покушенія на его жизнь, 2) Богатая Ратуша въ готическомъ стилѣ, 3) Университетъ, 4) эффектный театръ-прототипъ нашего Одесскаго и—самое главное 5) зданіе Рейхсрата въ *древне-греческомъ* стилѣ. Передъ входомъ огромная бѣлая статуя Аѳины въ золотомъ шлемѣ, такомъ же панцырѣ и съ золотой богиней Побѣды въ рукѣ; все зданіе производитъ замѣчательно хорошее впечатлѣніе. На площади Маріи Терезин—ея памятникъ и 2 музея; но они врядъ-ли представляютъ особенный интересъ *неспециалисту*, бывшему въ Каирѣ, Берлинѣ, Петербургѣ и Парижѣ. Умъ Вѣны на половину чужой; она блещетъ отчасти заимствованнымъ свѣтомъ... Обязательно зайдите въ хорошую кофейню: кофе—*спеціальность* Вѣны; такого Вы нигдѣ не получите; это не тотъ, которымъ насъ угощали въ Бейрутѣ. Европа предъявляетъ къ обычному напитку не тѣ же требованія, что Востокъ. Вы можетъ быть спросите: какое отношеніе у кофе къ нравственнымъ впечатлѣніямъ? Убѣжденно отвѣчу: несомнѣнное. Одинъ знакомый очень симпатичный священникъ однажды сказалъ мнѣ, что хочетъ бросить чай и замѣнить его квасомъ, или вообще чѣмънибудь невозбуждающимъ, безразличнымъ. Я отсовѣтывалъ; такъ какъ, по моему мнѣнію, человекъ, бросившій обычный легко возбуждающій напитокъ, что-то теряетъ, становится «суше», менѣе симпатичнымъ и менѣе склоннымъ къ сочувствію. Есть люди, съ которыми лучше говорить,

когда они пообѣдали, и я-бы предпочелъ бесѣдовать послѣ того, какъ они напились кофе. Вольтеръ любилъ и защищалъ кофе; дервиши употребляютъ его для облегченія молитвы впродолженіи священной ночи. И я охотно рекомендую его людямъ вялымъ, апатичнымъ, именно ради улучшенія ихъ психическихъ силъ, необходимыхъ и для религіознаго подъема духа.

Прага. Подъѣзжая къ городу раннимъ утромъ, я смотрѣлъ на землю, гдѣ нѣкогда княжили Любуша, Вячеславъ и Людмила... Какъ похожи эти «долгіе» и «пустые» поля на нашу Русь православную! Въ славянствѣ всегда много общаго, гдѣ бы оно ни селилось—на Сѣверо-Востокѣ или Юго-Западѣ... Вотъ и самый городъ, у котораго масса воспомнаній, много ума и сердце широкое. Кланяюсь славянской Прагѣ и святому Венцеславу Первому!.. Совѣтую туристу отъ вокзала «взять трамвай» и ѣхать до площади Радецкого; слѣва Вы скоро замѣтите 1-ю достопримѣчательность города—старую отлично сохранившуюся башню «Pulverturm», далѣе «Богемскій національный театръ» и др.; а съ площади ужъ ясно видѣнъ древній Чешскій кремль на высокой горѣ, такъ называемый Градшинъ (слово, надо полагать, родственное нашему Городище). По красотѣ, изяществу онъ, конечно, не можетъ быть поставленъ въ сравненіе съ Московскимъ кремлемъ, тѣмъ не менѣе видъ его—древній, оригинальный, внушительный; самое же главное то, что внутри—Соборъ, дворецъ Чешскихъ королей и церковь св. Георгія, древнѣйшая въ Прагѣ, существовавшая до закладки собора; въ ней покоятся мощи св. Людмилы, бабки Вячеслава I-го. Владиміръ и Ольга, Вячеславъ и Людмила,—какая ясная параллель между русскимъ и чешскимъ! Соборъ, окончательная отдѣлка котораго скоро завершится, необыкновенно красивый, грандіозный и своеобразный, даетъ понятъ, какъ разнообразенъ можетъ быть готическій стиль. Храмъ—3-хъ башенный: 2 спереди и 1 сбоку,—это придаетъ зданію болѣе изящества. Войдя внутрь, идите направо по дорогѣ, между стѣной и центромъ храма огибающей главный алтарь; 1-й престолъ (слѣва отъ Вастъ), надъ гробницей св. Іоанна Непомука, покрытъ огромнымъ вылитымъ изъ серебра скульптурнымъ украшеніемъ, стоящимъ около $\frac{1}{2}$ милліона кронъ. Справа (т. е. у стѣны) престолъ во имя Дѣвы Маріи; изображенія современной работы, въ средневѣковомъ стилѣ очень красивы; интересенъ «бракъ въ Канѣ Галлилейской», гдѣ новобрачные сидятъ между Богоматерью и Христомъ, благословляю-

щимъ вино. Особенно замѣчательно изображеніе св. Дѣвы, воспитывающейся въ храмѣ, аналогичное картинѣ «Отрокъ Иисусъ среди учителей». Такой иконы изъ жизни Богородицы мнѣ не приходилось встрѣчать раньше посѣщенія Пражскаго Собора. Вглядитесь въ лице двухъ іудеевъ: сѣдого (слѣва близъ центра изображенія), сѣдлаго въ глубокой задумчивости и какъ бы старающагося понять, что это за необъяснимое явленіе, и типичнаго болѣе молодого брюнета (справа), вперившаго въ Марію безпокойный, испытующій, явно недобрый взглядъ; онъ какъ-будто уже собирается закричать: распни! Передъ нами отцы Гамалиила и Каіафы. Берегитесь очень довѣряться проводникамъ; пусть проводникъ Васъ провожаетъ, но не проводитъ, что иногда бываетъ. Такъ мой, проводникъ замѣтивши, что я интересуюсь личностію св. Людмилы, и показывая капеллы св. Дѣвы, утверждалъ, что это придѣлъ и изображеніе Людмилы, а не Маріи... Но я его тутъ же уличилъ. Найдите еще интересныя придѣлы Кирилла и Меодія съ прекрасными изображеніями «Учителей словенскихъ». Но главная свитыня храма капелла св. Вячеслава (по чешски Венцеслава) I-го съ алтаремъ надъ его гробницей. Къ двери этой капеллы придѣлана старинная мегаллическая ручка, по преданію та самая, за которую схватился князь, желая войти въ церковь, у вратъ которой онъ былъ убитъ; сзади алтаря его кольчуга и шлемъ, разбитый въ сраженіи... Слева отъ входа 2 замѣчательныя вещи: 1) картина знаменитаго Луки Кронаха—«Убіеніе князя Вячеслава» и 2) высокій бронзовый свѣтильникъ красивой работы въ старинномъ вкусѣ. Запрестольная стѣна выложена хорошей мозаикой изъ цѣнныхъ камней Богеміи; справа отъ входа стѣна оканчивается дверью, ведущей въ комнату, гдѣ хранится корона св. Вячеслава;—чехи давно домогаются, чтобы императоръ Австрійскій короновался и этой ихъ національной короной. Входъ сюда воспреицень, дверь заперта 7-ю замками, ключи отъ коихъ хранятся у губернатора. Посмотрѣвъ на эти 7 замковъ и вспомнивъ нашу мудрую пословицу о семи нянькахъ, я, признаться откровенно, испугался за участь короны. «Если Вы желаете имѣть понятіе о ея формѣ, то взгляните на статую святого надъ престоломъ, увѣнчанную такой же короной», сказалъ проводникъ... Въ храмѣ есть еще достойная упоминанія вещь—большое, старинное, рѣзное изображеніе «освобожденіе Праги отъ Шведовъ», Осмотръ церкви

заканчивается обзорѣніемъ сокровищницы, содержащей много замѣчательныхъ вещей, особенно дорогихъ рукописей, на примѣръ Евангеліе Матѳея (отрывокъ V или VI вѣка). Интересны рукописи церковныхъ пѣсноцѣній съ древними *нотами*; красиво и четко написаны обыкновенныя рукописи... У заглавныхъ буквъ раскрашенныя фигуры, нисколько не хуже видѣнныхъ мною въ Ватопедской библиотекѣ на Аѳонѣ. Полюбуйтесь и другими вещами, каковы: 1) Дарохранительница изъ цѣнныхъ Богемскихъ камней, 2) Княжескіе охотничьи рога, 3) Розовый кусть изъ золота, хорошей ювелирной работы, 4) Части мощей Іоанна Непомука, вложенныя въ золотой ковчегъ въ видѣ звѣзды и пр. Изъ собора мы прошли въ замокъ Чешскихъ королей, реставрированный на мѣстѣ стараго замка, построеннаго Любушей; здѣсь нѣсколько красивыхъ залъ (на примѣръ Испанское); особенно замѣчательно такъ называемое Владиславово, въ которомъ происходили *турниры* и гдѣ хранится тронъ Владислава. Изъ одного дворцоваго окна дивный видъ на Прагу: справа монастырь въ русскомъ стилѣ, на высокой лѣсистой горѣ, немного ниже обсервационная башня, а подъ горой—весь городъ съ мостами черезъ извивающуюся быстротекущую Молдаву; подъ окномъ - королевскій садъ съ египетскимъ обелискомъ. Еще восхитительнѣе видъ съ такъ называемаго Бельведера; во 2-мъ этажѣ этого зданія залъ, стѣны котораго расписаны чешскими художниками. Вотъ картина Свободы («Убіеніе кн. Вячеслава»);—подробности напоминаютъ древнюю Русь... Князь шелъ къ утрени (еле брезжитъ заря), какъ любили дѣлать и русскіе князья... Вотъ онъ у вратъ церкви, столь любимой и нашими властелинами... Изъ рукъ убитаго выпалъ старинный молитвенникъ съ застежками, подобный древнимъ Кіевскимъ и Московскимъ.—А смотрите вотъ эту—битву со Шведами: чеховъ одушевляетъ священникъ съ кресломъ въ рукахъ—знакомая, даже очень недавняя картина! Здѣсь тоже борьба съ тѣми-же Шведами, съ которыми и святой Руси приходилось столько воевать, начиная отъ Александра Невскаго до Александра I-го. У всѣхъ славянъ есть нѣкоторыя общія задачи: ихъ можетъ затемнить пыль жизни, и сами славяне могутъ временно потерять правильное зрѣніе; но суть дѣла, его идейная сторона не мѣняется. Теоретически панславизмъ понятенъ и ясенъ. Невѣрующіе пусть идутъ къ Пражской горѣ, святыни и сокровища которой навсегда будутъ предметомъ моего благодарнаго

поклоненія. Изъ кремля я поѣхалъ во дворецъ Валленштейна, знаменитаго полководца во время 30-лѣтней войны; нижній этажъ остается нетронутымъ. Здѣсь Вы прежде всего попадаете въ длинный залъ, во всю длину открывающійся въ садъ; верхъ стѣнъ покрытъ фресками изъ Троянской войны; въ саду фонтанъ, вылитый изъ шведскихъ завоеванныхъ пушекъ, дерево, посаженное Валленштейномъ. Далѣе комната съ историческими реликвіями: лошадь Валленштейна, убитая подъ нимъ въ сраженіи, его сѣдло, его серебряная узда и гаубица (орудіе), бывшая съ нимъ въ 30-лѣтней войнѣ. Сохранилась комната астролога Сени... Миѣ оставалось осмотрѣть еще одну изъ главныхъ достопримѣчательностей города—старые башенные часы въ ратушѣ. Вверху ея 2 окна и въ нихъ каждый астрономическій часъ (т. е. 57 минутъ), Вы видите процессію 12-ти апостоловъ; фигуры очень ясны и характерны, идутъ медленно, затѣмъ останавливаются, повертываются къ народу, дѣлая благословляющее движеніе, или держа какую либо эмблему, снова повертываются и уходятъ. Процессія идетъ во время боя часовъ; по окончаніи ея поетъ пѣтухъ. Противъ этой ратуши церковь съ могилой знаменитаго астронома Тихо-де Браге.

Изъ Праги я отправился въ Берлинъ черезъ Дрезденъ, часа за 3 до котораго начинается такъ называемая Саксонская Швейцарія, изобилующая великолѣпными видами; не просмотрите такъ называемый Шреккенштейнъ, старый замокъ на верху горы, близко отъ полотна дороги.

Изъ Берлина я уѣхалъ въ *Франкфуртъ* (на Майнѣ), богатый рѣдкостями культурно-историческаго характера. Изъ улицъ интересна *Borneustrasse*, бывшая «Жидовская», съ родовымъ домомъ Ротшильдовъ. Изъ зданій замѣчательны: 1) старая Ратуша, 2) домъ, гдѣ жилъ Шопенгауэръ (принадлежитъ сейчасъ Герцбархамъ); въ комнатахъ философа теперь складъ мебели, отъ его времени осталось только печка и парадный входъ съ улицы, стѣны котораго разрисованы «въ античномъ вкусѣ». Этотъ входъ на улицѣ «Шене-Аусзихтъ» близъ стараго моста. 3) Главное сокровище города—домъ Гете, сохраняющійся въ полной неприкосновенности. Въ комнатѣ, гдѣ родился геній, стоитъ бюстъ его, украшенный золотымъ вѣнцемъ. Преклонитесь этому мѣсту, не изъ потребности пресмыкнуться когда-бы ни было и во что бы ни стало, а во имя великихъ дѣлъ сіяющаго генія! Какъ и почему обыкновенные люди родили су-

шество столь необыкновенное? Проникнитесь этой мыслью и безмолствуйте передъ тайною.. Посѣтителѣ расписываются въ кнѣгѣ, сидя на стулѣ Гете за его столѣмъ, на которомъ написано много великихъ произведеній, напримѣръ начало Фауста. 4) Домъ, гдѣ останавливался Лютеръ,—большой угольный домъ съ надписью; на стѣнѣ его большое изображеніе страуса. Близъ собора есть другой домъ, связанный съ именемъ Лютера. Къ осмотру Франкфурта надо приготовиться, иначе легко остаться въ безпомощномъ положеніи: въ городѣ мало извозчиковъ и еще меньше полицейскихъ, которые могли бы что-либо показать или объяснить. Путешествующій по Франкфурту пойметъ «извозничій» и даже «полицейскій голодъ». Изъ Франкфурта до Майнца— $\frac{3}{4}$ часа по желѣзной дорогѣ, а отсюда до Кельна я ѣхалъ по Рейну (9 часовъ) на пароходѣ Лозенгринъ. Очаровательный, незабываемый рядъ впечатлѣній, въ которомъ древнія руины чередуются съ цвѣтущими городами, и мирныя селенія раскинулись у подножія средневѣковыхъ замковъ. Стояло раннее утро, вездѣ звонили въ колокола—былъ день Успенія Пресвятой Богородицы (по новому стилю). Обратите вниманіе на памятникъ Германіи у Рюдсгейма, на монументъ Вилгельму у Кобленца и на скалу Лорелей. Прибрежныхъ городовъ такая масса, что легко просмотрѣть какой-нибудь; такъ я проглядѣлъ интересный Цингенъ:

Und ich bemerkte dann,
dass ist verloren Sing;
di' es hat mit ihrem Sinegn
di'e Lorelei gethan!

А вотъ и *Кельнъ!* Двухъ-башенная громада собора, строившаяся 100 лѣтъ, видна издалика; но почему-то не произвела на меня симпатичнаго впечатлѣнія. Зданіе поражаетъ, но не очаровываетъ, удивляетъ, но не восхищаетъ, можетъ быть благодаря предшествующимъ красотамъ рѣки, а также и утомленію путешественника. Рейнъ для Германіи въ нѣкоторомъ родѣ тоже, что Днѣпръ для Россіи: здѣсь родились богатырскія былины, тамъ—Нибелунги, также давнее произведеніе національнаго эпоса. На Рейнѣ я проѣхалъ мимо станціи Лорхъ съ древними руинами на горѣ. Здѣсь былъ монастырь, основанный королевой Утой, матерью Нибелунговъ; немного въ сторону—Вормсъ—ихъ резиденція. Въ этой поэмѣ заключенъ глубокой

нравственный смыслъ, моральныя проблемы о правахъ и обязанностяхъ *дружбы* и отчасти объ отношеніи добра къ злу. Зигфридъ *по дружбѣ* къ Гунтеру обманулъ царицу Брунгильду; отсюда рядъ несчастій и гибель всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, доказывающая, что обманъ хотя и ради дружбы ведетъ ко злу, и для того, чтобъ благотворить, надо имѣть *право*. Добро дѣлать можетъ не всякій, не всякое и не всякому—вотъ тайный смыслъ поэмы; вотъ истинное «золото Рейна»! Изъ героевъ поэмы очень типиченъ Гагенъ, котораго я представляю похожимъ на Бисмарка:—въ характерѣ послѣдняго много Гагеновскаго...

Проѣздомъ изъ Кельна въ Парижъ я остановился часа 4 въ древнемъ *Aachenъ*, заслуживающемъ самаго тщательнаго вниманія. Особенно интересенъ историческій соборъ (Мюнстеръ), видѣвшій Карла Великаго. Когда я ступилъ въ это древнее святилище, тамъ шла литургія; храмъ чрезвычайно своеобразенъ, не похожъ на другія готическія сооруженія, напоминаетъ наружный видъ нашихъ церквей: впереди колокольня, за ней куполь, далѣе алтарная часть, очень длинная и уже чисто готическая. Внутри церкви взгляните 1) на этотъ «куполь» — онъ выложенъ очень красивымъ золотымъ орнаментомъ. 2) Замѣчательна древняя бронзовая люстра, даръ Фридриха Барбароссы. 3) Красива золоченая кафедра проповѣдника. 4) Интересенъ мраморный тронъ Карла Великаго на хорахъ противъ алтаря; здѣсь Карлъ Великій слушалъ мессу; тамъ же—римскій саркофагъ, въ которомъ былъ похороненъ Карлъ Великій. 6) Грандіозный алтарь съ длинными готическими распписными окнами, обложенный гобеленами, потерявшими видъ, но не археологическую цѣнность. 7) Близъ алтаря—могила Императора Оттона III. Въ «*Schatz Kommer*» масса поучительнаго. Сокровища заключены въ шкафахъ, на дверцахъ которыхъ изображены апостолы (бросается въ глаза лице ап. Фомы). Особенно важны слѣдующія реликвіи: 1) бюстъ Карла Великаго изъ золота и серебра (волосы и борода золотыя), служащій ковчегомъ для его черепа. Бюстъ этотъ увѣнчанъ *той самой* короной, которою короновался Карлъ. 2) Большой серебряный вызолоченый ковчегъ съ костями Карла Великаго, даръ Барбароссы, украшенный средне-вѣковой скульптурой. Тѣло Карла Великаго было положено въ вышеописанный римскій саркофагъ, а при Фридрихѣ Барбароссѣ было переложено въ этотъ подаренный имъ вызолочен-

ный ковчегъ. 3) Скипетръ и охотничій рогъ Карла Великаго. 4) Золодой престоль даръ Оттона II. Недалеко отъ храма старая, красивая ратуша, оригинальной архитектуры.

... „cette grande ville de Paris, source de tant de genie, de tant de goût et de tant de lumieres“... Слова Николая II.

Парижъ. Осмотръ великаго города болѣе полезный, чѣмъ много книгъ, начните съ центра, т. е. съ площади Оперы. Обойдите кругомъ этотъ лучший театръ міра, оцѣните его поучительную *асимметрію*, неодинаковую отдѣлку разныхъ частей. Это увеличиваетъ массу красоты и количество мысли. Пора бросить отдѣлку каждой комнаты въ *одномъ* стилѣ: я-бы всякій стулъ сдѣлалъ разнымъ и обивку каждаго неодинаковою... Далѣе идите на площадь Согласія, выдавшую такъ много несогласій, полюбуйте дивнымъ обелискомъ, гіероглифы котораго какъ-то особенно *отчетливы* и красивы. Издали Вы уже видите блестящихъ золотыхъ коней на высокихъ блѣдно сѣрыхъ колоннахъ—удачное сочетаніе;—это мостъ Александра III, заложенный Николаемъ II. Сколько думъ возбуждаетъ это блестящее сооруженіе особенно въ наши дни! Еще немного и Вы любуетесь свѣтомъ и тѣнью Елисейскихъ Полей. Какъ притягательна сила ихъ красиваго имени, какъ прелестны эти поля въ началѣ осени! Было прохладное утро долго не прояснявшагося дня, пахло опавшимъ листомъ, лѣсъ уже значительно пожелтѣлъ. Я сѣлъ на лавочку и отдался мечтамъ, словно поджидавшимъ удобнаго времени; я призывалъ тѣни близкихъ, но онѣ не являлись, какъ-бы нарочно уступая мѣсто новымъ впечатлѣніямъ. При видѣ этой чарующей мѣстности, живой, страстно хогящей жить, толпы, я ощутилъ какую-то сладкую грусть и желаніе плакать; и я понялъ обратную сторону «безпричинной печали». Есть таинства, созерцаемыя только сквозь слезы, есть тайны, явныя только слезамъ. Грядущіе строители будущихъ городовъ! Поймите Парижъ, полюбуйте его бульварами на закатѣ солнца и раньше, чѣмъ намѣчать дома и улицы для житья, отведите мѣсто садамъ, гдѣ бы можно было отдохнуть и отдышаться! Сдѣлайте это во имя наболѣвшей груди печальныхъ тружениковъ и слабыхъ дѣтей!

Первый мой визитъ былъ къ вѣчному хозяину Парижа—Наполеону I-му, похороненному въ церкви при дворцѣ инвалидовъ.

Вотъ побѣдитель попреимуществу. правда побѣжденный, но тѣмъ, кого онъ побѣждалъ много разъ! Напрасно онъ ходилъ на Россію, но не напрасно-ли и Россія ходила во Францію, положивъ этимъ начало Германской гегемоніи, вызвавшей потомъ необходимость франко-русскаго союза!

Изъ церквей Парижа замѣчательна 1) St. Chapelle—древняя королевская капелла при дворцѣ, теперь превращенномъ въ l'alois de Gustices; подъ нимъ историческая тюрьма, гдѣ сидѣли Ролонъ, несчастная Королева Марія Антуанета и др. Имѣйте въ виду, что эту тюрьму осматриваютъ *только* по четвергамъ и запаситесь раньше билетомъ въ префектурѣ! St. Chapelle чрезвычайно оригинальна, благодаря художественному орнаменту; а главнымъ образомъ Вася поражаетъ чудный, розоватый полусвѣтъ, льющійся изъ огромныхъ разрисованныхъ оконъ. Это необычное освѣщеніе говоритъ, что Вы въ церкви—мѣстѣ незаурядномъ; такой свѣтъ, хотя и пріятный, Вы долго не вынесете, почувствуете нѣкоторую усталость, которая обличитъ Ваше равнодушіе къ молитвѣ и неохоту къ религіознымъ размышленіямъ. Наконецъ радостный розовый свѣтъ указываетъ, что *здѣсь* нѣтъ печали, которую можете принести сюда только сами Вы. Сквозь эти окна не видно земного солнца: здѣсь не надо его, здѣсь другое свѣтило! Вотъ что приблизительно говоритъ посѣтителю St. Chapelle. 2) Пантеонъ—центръ католическаго богослуженія, стѣны покрыты картинами, многія изъ которыхъ нарисованы знаменитымъ П. де Шаваннъ: хорошо «Дѣтство св. Женевьевы» псковительницы Парижа. *Подъ* храмомъ погребены нѣкоторыя «знаменитости», наиримѣръ Руссо, Вольтеръ, Викторъ Гюго, Карно и др. Но мнѣ кажется, они содрогнулись-бы, узнавъ при жизни, что ихъ похоронить здѣсь. «Мѣсто», правда, покойное, но не злчное и даже черезчуръ прохладное,—просто темный, сырой, холодный подвалъ. Тутъ хотѣли положить Ренана, но духовенство протестовало. Напрасно! Мѣсто подходящее! 3) Notre Dame de Paris—знаменитый соборъ, въ которомъ стоитъ хоругвь (*арофламма*)—*точная* копія fac-simile знамени Юанны Даркъ (оригиналъ въ Орлеанскомъ соборѣ). Notre-Dame замѣчательна архитектурой,—это *романская* разновидность; одинъ изъ характерныхъ ея признаковъ—это круглое разрисованное окно «*ротонда*» надъ входомъ (готики: башни не угончаются постепенно заостряясь, какъ обыкновенно въ готическихъ соборахъ, а рѣзко и круто обрѣзываются на из-

вѣстномъ, *относительно* небольшомъ разстояніи отъ земли, словно не желая отъ нея уходить и тяготѣя къ чему-то земному. Стили готической и романской—это аскетъ и семьянинъ, дѣвство и бракъ, какъ два самостоятельныхъ пути ко спасенію, запечатлѣнные въ храмовой архитектурѣ! И не случайно 2-й типъ называется романскимъ, и вы не удивляетесь, встрѣчая его часто во Франціи. Романскій храмъ—это свѣточъ, пламени котораго на извѣстномъ разстояніи намѣренно прегражденъ путь вверхъ, и потому оно естественно слегка распространяется въ ширину: башни относительно нѣсколько шире, чѣмъ еслибы продолжались вполнѣ „готически“,—въ послѣднемъ случаѣ онѣ—выше, въ первомъ—пространнѣй и объемистѣй: тамъ одинъ аскетъ и отшельникъ, здѣсь цѣлая семья. . . . Notre Dame имѣетъ сходство съ знаменитымъ Реймскимъ соборомъ, гдѣ короновались древніе французскіе короли. Впродолженіи часа (отъ поѣзда до поѣзда) я осмотрѣлъ этотъ храмъ, очень большой, чрезвычайно изящный, особенно эффе́кты сквозныя башни и правый боковой фасадъ. Цвѣтъ зданія свѣтло-кофейный. Внутри главная центральная часть церкви ограждена высокой рѣшеткой съ золочеными острыми спицъ. Обратите вниманіе на лѣвую «привилегированную капеллу»... Реймскій соборъ—это Souvenir des deux Annes: Жанны д'Аркъ, здѣсь короновавшей Карла и нашей Анны Ярославны, вѣнчавшейся здѣсь-же съ королемъ Генрихомъ. Стоя на площади, я старался вообразить сцену изъ «Орлеанской Дѣвы» Шиллера, когда Анна Даркъ со знаменемъ въ рукѣ вступала въ соборъ черезъ *этотъ входъ*, предшествуя Карлу. Здѣсь завершилось это Божіе чудо, необъяснимое «съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ», непонятное, но историческое явленіе. Совѣтую читателю, интересующемуся этимъ, прочесть брошюру генерала Драгомирова объ Аннѣ Даркъ, короткую, но весьма содержательную и талантливую, какъ все, написанное генераломъ. Можно-ли считать не великимъ народъ, давшій такихъ двухъ женщинъ, какъ Жанна Даркъ и Роланъ? Первая—вся таинственная необычайность, вторая—самая идеальная женственность. А какія матери попадаютъ среди французскихъ женщинъ! Мать одного чахоточнаго француза давала уроки весь день, чтобы улучшить условія жизни больного, и надо было видѣть любовь и энергію, съ которыми эта 70-лѣтняя старуха ухаживала за сыномъ. Слава Богу, такими мате-

рями не оскудѣла и русская земля: мать моего товарища, которой теперъ около 80 лѣтъ, еще даетъ уроки и пишетъ стихи, не лишеныя чувства и настроенія. Внутри церкви, сидя на лавочкѣ, вырубленной внизу пилястра, я пытался представить, какъ Анна Ярославна входила сюда рядомъ съ Генрихомъ. Величественный соборъ напомнилъ мнѣ не только торжество Франціи, освобожденной отъ враговъ—англичанъ, вдохновенной дѣвой, но также и золотой вѣкъ Кіевской Руси, время Ярослава, когда она стояла на уровнѣ развитія Еврпы, когда многіе короли искали руки дочерей русскаго князя. Дивная эпоха! Зачѣмъ и почему ты должна была исчезнуть почти безслѣдно? „Почти“, потому что всетаки остались нѣкоторые отблески Владимірова яснаго солнышка, и одинъ лучъ его догораетъ здѣсь подъ сводами Реймскаго святилища.

Церкви и Архивы—это сердца исторіи; только въ архивахъ она шепчетъ, а въ храмахъ поетъ. Мнѣ захотѣлось послушать этотъ слабый, но сладкій шопотъ бытія, уже минувшаго, откликъ когда-то громкихъ голосовъ, уже замолкшихъ и я пошелъ въ Національную Библіотеку и Національный Архивъ—старое, своеобразное, интересное зданіе. Въ библіотекѣ я видѣлъ государственную бумагу, подписанную *собственно-ручно* королевой Анной Ярославной (вмѣстѣ съ Филиппомъ регентомъ). Вотъ эта поблекшая, но ясная подпись дочери Ярослава Мудраго.

АННА ЮРЬЕНА

Въ Библіотекѣ масса дорогихъ, исторически важныхъ манускриптовъ; здѣсь, напримѣръ я читалъ *собственно-ручные* знаменитые. «Мемуары г-жи Роланъ» (а въ Архивѣ—посмертную записку ея мужа). Рядомъ со мною занимался какой-то господинъ и я, какъ русскій, былъ очень польщенъ, увидавъ на его шопитрѣ книгу „Prof. Kondakoff. L'art Bisantien“. Въ Парижѣ знаютъ и нашихъ ученыхъ тружениковъ.

Въ *Луврскомъ музее* не просмотрите картину Мурильо „Зачатіе Богоматери“, Рафаэля—Мадонну (одна изъ лучшихъ);

замѣчательна безконечная доброта и простота этого святаго лица, чуждаго какому бы то ни было злему чувству. Вы невольно задаетесь вопросомъ: можетъ ли *такое* лице выразить гнѣвъ; и отвѣчаете отрицательно. Это существо можетъ быть оскорбляемо, но не можетъ ни оскорблять, ни оскорбляться. Вотъ идеализированная фізіогноміа! Подольше остановитесь передъ „Моной-Лизой“ Леонардо-да-Винчи, всмотритесь въ это прекрасное и вмѣстѣ какъ-то страшное лицо. Это не Мона, а Мина, красивая, гладкая, блестящая, но готовая дать разрушительный взрывъ; таковы были люди эпохи возрожденія, способные развить массу силъ и часто въ моментъ, не предрѣшенный и неожиданный... Афродита Милосская, столь восторженно, неудачно и невразумительно описанная Фетомъ. Прославленная античная статуя свидѣтельствуетъ о могуществѣ формы. Послѣдняя иногда представляется несущественной: вѣдь стонитъ отдѣлить частичку блестящей поверхности, и подъ ней грубый мраморъ; разрѣжьте кожу, и тамъ отвратительная кровь. Важно содержаніе. Такъ! Содержаніе—пища, форма—блюдо. Но недостатки послѣдняго могутъ простираться лишь до извѣстной степени, иначе ни одинъ голодный не станетъ съ него ѣсть. Форма есть символъ чего-то важнаго и необходимаго,—вотъ чему поучаетъ Луврская статуя. У Глѣба Успенскаго есть разсказъ, гдѣ описывается какой то сельскій учитель, бѣдный и заѣдаемый средою. Въ минуты отчаянія онъ смотритъ на изображеніе Луврской статуи, и ему становится спокойнѣе, легче отъ созерцанія чистой, античной красоты, чуждой всякому нечистому хотѣнію... Мысль разсказа хороша, но всетаки онъ явно тендеціозенъ: Луврскій идолъ *не* можетъ, не способенъ оказать указанное спасительное вліяніе: *Такому* учителю лучше-бы пріобрѣсти „Кіево-Владимірскую (мѣстную) Икону Божіей Матери, — кисти Васнецова. Хотите ли вы чистѣйшей и вмѣстѣ неотразимой, несомнѣнной красоты? глядите на ликъ Богоматери.. Желаете лицезрѣть воплощенную кротость,—предъ Вами лице Бога Младенца... А всѣ аксессуары картины,—это цвѣты сзади кресла Божіей Матери? Сколько во всемъ этомъ успокаивающей, умиляющей, мистической красоты! Въ азіатскомъ отдѣлѣ масса ассирійскихъ древностей. Обратите вниманіе на рѣдкіе и важные барельефы: гений, охраняющій древо жизни; Ормуздъ поражающій Аримана. Только отъ Ормузда осталась лишь голова, а камен-

ный Ариманъ сохранился въ полной неприкосновенности: лихое споро, не сживешь скоро! Саркофагъ Эрмунецера съ древней надписью древне-финикійской. Камень Месы спрятанъ подъ лѣстницу. Не потому-ли, что послѣднее время слышались голоса о его подложности? Египетскій отдѣлъ блещетъ поучительными сокровищами, напоминая мнѣ Гизехскій музей.

Мнѣ кажется, городъ ничѣмъ не можетъ такъ хвалиться, какъ *кладбищами*. Это, лучший изъ его воспоминаній, сокровищницы именъ, которыя всѣ блестящи и всѣ неодинокovy. «И звѣзда отъ звѣзды разнится въ славѣ»—качественной, отличительной, ей одной присущей. Такія мысли возбуждаетъ и подобное впечатлѣніе производитъ знаменитое парижское кладбище Перъ-Лашезъ; оно, какъ «Гомеръ, даетъ каждому чувствующему человѣку столько, сколько тотъ можетъ унести». Врачъ, поэтъ, музыкантъ, полководецъ, государственный дѣятель—всѣ специалисты найдутъ своихъ учителей и вдохновителей. Рашель, Тальма (внукъ его—генераль русской службы), Дову, Роспайль, Араго, Мольеръ, Шопенъ, Лафонтенъ и Феликсъ-Форъ—вотъ небольшой рядъ большихъ именъ и маленькій списокъ великихъ фамилій, приводимыхъ на память и на удачу. Форъ покрытъ соединенными знаменами—русскими и французскими, какъ президентъ, заключившій франко-русскій союзъ. Бросается въ глаза огромный, роскошный сѣрый мавзолей Елизаветы Демидовой, рожденной графини Строгоновой. Но главное, самое древнее сокровище кладбища—готическій мавзолей надъ прахомъ знаменитаго *теолога* Абеяра и Элоизы; имена витающія и звучащія надъ этимъ старымъ сакрофагомъ производятъ неотразимое обаятельное впечатлѣніе. Съ кладбища Перъ-Лашезъ недурный видъ на Пантеонъ и часть города.

На другомъ *Монмартрскомъ* кладбищѣ только 3 замѣчательныхъ могилы: 1) Гейне — бѣломраморный, превосходный бюстъ, передъ которымъ австрійская императрица Елизавета преклоняла свои царственныя колѣна, какъ поклонница музы Гейне. Профиль его имѣетъ сходство съ профилемъ Бѣлинскаго; только нижняя часть лица суровѣй, «злѣй», чѣмъ у нашего знаменитаго критика: когда послѣдній еще говорилъ, первый уже кусался. Замѣчательно, что и въ психикѣ обоихъ писателей было очень много общаго, наблюдалось какъ-бы повтореніе похожей индивидуальности. 2) Могила Амбруаза Тома—чуждаго человѣка и хорошаго композитора. Зачѣмъ не похоронили

его подъ сводами консерваторіи? Къ его могилѣ неслись-бы голоса любимыхъ учениковъ и звуки музыки, въ которую онъ лилъ столько чувства, крови и слезъ!... 3) Альфонсина-дю-Плесси, вдохновлявшая Верди и Дюма. Она внушала ему мысль, будто женщина, какъ-бы низко она ни пала, можетъ остаться чистой и не запятнанной — глупость, которую могъ придумать только мужчина и только очень умный мужчина!

«Парижъ—это міръ», говорятъ французы. Да! Но міръ—это «воля и представленіе», и вы ощущаете ихъ въ атмосферѣ Парижа, насыщенной чувствомъ и пропитанной желаніями. Paris sent le sens de pensée et le sang de sens. Какое стремительное оживленіе здѣсь наступаетъ по вечерамъ: вездѣ ночь для дня, здѣсь день для ночи. Нервному, сильно чувствующему, глубокомыслящему грустному человѣку надо отсюда бѣжать (*довольные и счастливые могутъ остаться*): Парижъ не для него, и онъ не для Парижа. Здѣсь не родился-бы Кантъ и не выжилъ-бы Шопенгауэръ. Для пріятной жизни необходима значительная доза „*легкомыслія*“; сильно чувствующая мысль не можетъ безнаказанно и долго веселиться. Недаромъ Руссо самъ французъ—послѣ сильнаго удовольствія обливался слезами: оскорбленный духъ оплакивалъ побѣду плоти. Сильно наслаждаться можетъ лишь эгоистъ — «недѣлимое», а любящій и страдающій человѣкъ отдѣляетъ часть себя, теряетъ нѣчто изъ свей индивидуальности. «Друзья! Зачѣмъ васъ нѣтъ со мной!» восклицалъ наслаждающійся путешествіемъ Карамзинъ... И Моисей желалъ раздѣлить участь своего народа. Ту же мысль высказывалъ и нашъ Пушкинъ по вопросу о политической судьбѣ народа... Нѣтъ! Нервному человѣку самое лучшее, посмотрѣвъ Парижъ, пожечь оміамъ мысли передъ Луврскими кумирами и отпираться благовременно во свояси, чтобы сильнѣй начать любить родину и лучше ее цѣнить. Вотъ, на мой взглядъ, самый чистый и естественный результатъ путешествій!..

Женева. Изъ Парижа я проѣхалъ въ Женеву. Ночью мы миновали Дижонъ, прославившійся горчицей и темой, заданной нѣкогда на премію дижонской Академіей—«содѣйствовало-ли очищенію нравовъ возстановленіе наукъ и искусствъ». Отрицательный отвѣтъ, данный Руссо сдѣлалъ ему имя и карьеру,—этотъ софистическій отвѣтъ, опирающійся на неправду, извращеніе фактовъ и хулу на многое святое и хорошее. Только

люди, рукоплещущие Руссо, не хотятъ понять, что не ему собственно принадлежитъ слава оклеветанія наукъ и искусствъ, а самой дижонской Академіи, такъ какъ желательность отрицательнаго отвѣта слышится уже въ самомъ вопросѣ темы, заданномъ именно *для такого* отвѣта: въ естественности и справедливости положительнаго отвѣта никогда и никто не сомнѣвался, и онъ бы никого не удивилъ и не далъ славы. Академія, очевидно, требовала *другого*, т. е. отрицательнаго отвѣта, и Руссо лишь оправдалъ ея плохо прикрытыя вождедѣнія.

Я поѣхалъ въ Швейцарію, чтобы насладиться красотами дѣвственной природы, на которой до сихъ поръ еще сіяютъ отпечатки рукъ Создателя, и которая поэтому восхищала и вдохновляла даже святыхъ, отказавшихся отъ міра, даже такихъ, какъ Григорій Богословъ и Василій Великій! Миръ запятнанъ и потемнѣлъ, но горы, лѣса и воды въ этомъ не виноваты и непричастны. «Слава Тебѣ, Творецъ вселенной»— вотъ молитва, которую Талмудъ рекомендуетъ произносить при видѣ пустынь, горъ, вообще великихъ явленій природы. И это молитвенное восклицаніе часто приходитъ на мысль путешественнику по Швейцаріи, въ которой есть все, что хотите, въ самомъ очаровательномъ разнообразіи. Лазурное небо... серебристыя облака надъ чистой гладью прохладнаго озера... горы, окутанныя золотой дымкой. Особенно хорошъ видъ съ *Quai de Montblanc*: справа городъ расположенный амфитеатромъ и древній храмъ Св. Петра, у вашихъ ногъ—дивное озеро, по ту сторону котораго влѣво такой пейзажъ, какой я видѣлъ *только* на картинахъ; сзади—цѣпи горъ. Передъ вами какой-то жертвенникъ, на которомъ свѣтъ вмѣсто огня. Серебристыя облака поднимаются, какъ пламя и какъ дымокъ свѣтлый и пріятный, и таютъ на вашихъ глазахъ, стремясь къ небу... А вотъ цѣлая волна свѣта устремилась внизъ и залила пропасти и вершины горъ, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Картина мѣняется въ зависимости отъ мѣста и густоты облаковъ. На *Quai de Montblanc* красивъ памятникъ съ фигурами ангеловъ и львовъ. Не далеко отсюда вправо—поэтический островокъ съ памятникомъ Руссо. Послѣдній изображенъ сидящимъ въ креслѣ... Глаза устремлены вдаль, перо занесено надъ бумагой. Неясно только, кто онъ теперь: сѣятель, или палачъ мысли? Руссо 2 раза мѣнявшій вѣру—для меня едва ли не самый симпатичный изо всѣхъ писателей: онъ давалъ слишкомъ боль-

шую волю *слову* Фантазируя въ «Эмилѣ» о воспитаніи, онъ не воспитывалъ *своихъ* дѣтей, даже покидалъ ихъ. Любилъ разсказывать о своихъ грѣхахъ съ такимъ видомъ, какъ будто-бы этимъ исчерпывалось все. Сдѣлавъ гадость съ одной женщиной, онъ пишетъ: «но, я, конечно, все разсказалъ сейчасъ же женѣ»... Онъ не хотѣлъ понять, что разсказъ—не раскаяніе, и это еще часто вопросъ, что лучше: сказать и этимъ уменьшить свое страданіе и заставить страдать другого невиннаго, или умолчать, продолжая страдать и спасая отъ страданія другого—добраго и смирнаго? Что честнѣй и великодушнѣй въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—рѣшить не легко. Разсказалъ-ли бы Руссо свой грѣхъ женѣ, способной отомстить и отвѣтить насиліемъ? Врядъ-ли... Глядя на его фигуру, мнѣ хотѣлось крикнуть этому темному лицу: «Пойми ты, неосновательный человѣкъ, что слово безъ дѣлъ мертво есть», и не только мертво, а даже заразительно. А что можетъ быть неестественнѣй, фальшивѣй, позорнѣй положенія героя въ началѣ Новой Элоизы?! Нѣтъ! Знаете: я радъ, что не читалъ Ренана, никогда не прочту Штрауса, и жалѣю, что читалъ нѣкоторыя вещи Руссо. Ему слѣдовало родиться женщиной, тогда его («взгляды») были-бы менѣе антипатичны, легче переносимы и болѣе извинительны. Интересно отмѣтить, что большимъ почитателемъ Руссо является графъ Л. Толстой, имѣющій много общаго съ женевцемъ: антицерковность, неуваженіе къ наукѣ, проповѣдь «опрощенія»:—словно онъ получилъ «наслѣдство» отъ швейцарскаго «дядюшки».

Главная достопримѣчательность собственно города Женевы—это соборъ св. Петра, построенный въ X вѣкѣ; по крайней мѣрѣ хоры вокругъ алтаря помнятъ этотъ вѣкъ. Красивы 2 башни и шпиль между ними. Внутри 1) мѣста для знати—красивая работа 15-го вѣка и 2) *кресло Кальвина*, около кааедры. Покуда я, слѣдуя всегдашнему моему обыкновенію, старался вообразить фигуру женевскаго реформатора сидящаго въ этомъ креслѣ, какой-то англичанинъ турнеть бухнулся въ него съ большого ума и возсталъ съ возмутительно—довольной улыбкой. Да не подумаетъ читатель, что причина моего негодованія лежала въ «соревнованіи сидѣній»: такое мѣстничество чуждо моей душѣ. Да и могъ-ли завидовать этому бритту человѣкъ, возсѣдавшій на креслѣ Гете! Тѣмъ не менѣе довольство ту риста вызывало на размышленіе. Посидѣть хоть минуту (нѣтъ;

впрочемъ, минуты маловато) на мѣстѣ знаменитости, на этомъ *именно* мѣстѣ... сколько тутъ самаго ядовитаго искушенія! Какъ много васъ, безвѣстные намѣстники славныхъ и маленькіе преемники великихъ! „На сѣдалищѣ Моисеевомъ сѣли книжники и фарисеи“... Сколько мудрости въ этой мысли, выказанной божественными устами!... 3) Капелла во имя Маккавеевъ—рѣдкость, — нигдѣ не приходится видѣть придѣлъ во имя этихъ мучениковъ. Но въ этой „*chapelle*“ нѣтъ рѣшительно ничего выдающагося, кромѣ прибавляющаго красиваго имени, силу котораго видите еще разъ.

Отъ города — 2¹/₂ часа ѣзды до Фернея, гдѣ жилъ Вольтеръ; по сюда пускаютъ только по средамъ; поэтому я видѣлъ лишь старую церковь Вольтера съ надписью: *Deo fecit Voltaire*. Обращаю вниманіе читателя на очаровательную долину на пути въ Ферней.

Въ городскомъ музеѣ есть памятники (вазы) *этрусковъ*, таинственнаго народа, который слишкомъ тихо сказалъ свое слово и котораго не разслышала исторія. Однако музей не оправдываетъ надеждъ. Проѣздомъ изъ Женевы въ *Мюнхенъ* любуйтесь швейцарскими видами, не просмотрите древнюю стѣну и башни Фрибурга.

Въ столицѣ Баваріи: важнѣй всего осмотрѣть *старую* Пинакотеку, съ массой дивныхъ картинъ на религіозные сюжеты, превосходно разработанные. Необходимо видѣть слѣдующее: 1) Лебрень, Апостоль Іоаннъ на Патмосѣ». Лице Богослова красиво, вдохновенно и такъ выразительно, что вы можете съ увѣренностью судить о томъ, что онъ пишетъ, очевидно прислушиваясь къ голосу неба. Это не грозныя главы откровенія, иначе гнѣвъ Божества отразился-бы, хоть немного, на передающемъ его существѣ. Сынъ грома не пророчествуетъ о громѣ, не пишетъ о безднѣ, куда ниспадутъ небесныя звѣзды и откуда возстанетъ звѣрь. Апостоль вѣщаетъ о чемъ-то ясномъ, прелестномъ, хотя серьезномъ, но ободрительномъ. Къ сожалѣнію, картину съ большого ума или небольшого недоразумѣнія лишили свѣта, повѣсили на полутемной стѣнѣ зала. 2) Рибейра. «Св. Варооломей» одна изъ лучшихъ, видѣнныхъ мною головъ. Еслибы одно это написалъ Рибейра, то слава его не уменьшилась-бы, такъ какъ многія его вещи полны ужащающаго членовредительства. Подойдите къ картинѣ поближе, не бойтесь: увидите все еще лице, а не размалеванное полотно, бога-

тое „мазками“. Миръ душевный, кроткая снисходительность, глубоковѣрующая мысль, сіяющая какой-то мистической красотой—вотъ что приблизительно выражаютъ эти необыкновенныя черты. Правый глазъ рассмотрите въ бинокль, лѣвый—безъ ѳинокли: онъ прикрытъ великолѣпной рѣсницей, она слегка пострадала отъ времени и при разглядываніи въ бинокль уже не такъ хороша, какъ въ тѣни. 3) Двѣ картины Ва ѳ-Дика». Мученія св. Савостьяна. Обратите вниманіе на это сіяющее „праславленное“ тѣло мученика. Глаза его горятъ священнымъ огнемъ, устрѣмлены къ небу, какъ-бы прося принять приносимую кровь и слезы. „И— было лице его, какъ лице ангела“, говоритъ апостоль Лука объ архидіаконѣ Стефанѣ. (см. Дѣян. Ап. 6, 15); но то-же самое можно сказать и о ликѣ св. Савостьяна. 1-й всадникъ начальникъ, ближайшій къ святому золь, словно говоритъ: посмотримъ выдержитъ-ли онъ муки? Но 2-й всадникъ уже сочувствуетъ святому, будучи изумленъ его сіяющимъ видомъ. Крайній слѣва истязатель свирѣпъ и готовъ приступить къ терзанью, а ближній къ святому, прикоснувшійся къ нему мучитель показываетъ уже какое-то сложное выраженіе лица,—тутъ и смущеніе, *вопросъ* и *безпокойство*. Подъ конецъ отойдите подальше и смотрите *безъ* ѳинокли: все темно, кромѣ сіяющей, преображенной плоти страдальца. Вотъ картина — „противъ манихеевъ“ и въ этомъ отношеніи она стоитъ другого политическаго сочиненія Въ лицѣ мученика всегаки видно страданіе, котораго нѣтъ и слѣда на 2-й одноименной картинѣ того-же Ванъ-Дика: святой *радостно* предвкушаетъ муки, приступаетъ къ нимъ, какъ мы къ удовольствію, точно говоритъ: вотъ она желанная минута! Въ *акаѳистѣ* мученику Трифону сказано, что онъ съ радостной готовностью самъ снялъ свое платье, приступая къ мученіямъ. Вотъ именно эти слова я вспомнилъ, глядя на произведеніе великаго голландскаго мастера. Повторяю: первая картина могла бы служить превосходной иконой архидіакона Стефана (конечно надо соотвѣственно *измѣнить*, переписать окружающихъ святого), а 2-я— мученика Трифона: въ первой—ликъ святого, обращенный къ небу, какъ-бы говоритъ именно эти слова: „вотъ я вижу небеса отверстыя“... (Дѣян. 7, 55—56). 4) Альбрехта Дюрера—2 картины: „Чегыре темперамента“, «Апп. Петръ, Іоаннъ, Маркъ и Павелъ»; особенно оригиналенъ *Маркъ*, выразительно и лице Павла, Іоаннъ написанъ въ нѣмецкомъ духѣ,

напоминаетъ нѣсколько будущаго Шиллера. Петръ, увы!—почти отсутствуетъ: не то съ любопытствомъ разсматриваетъ ключи царствія, не то штудируетъ евангеліе Іоанна.

5) Луки Кранаха „Христосъ и грѣшница“—весьма оригинальное произведеніе: грѣшница можетъ быть *нарочно* изображена *очень некрасивой* (иначе зачѣмъ рисовать *такъ*, въ противность всегдашнему обычаю?), чтобы отгнѣвить большую извинительность грѣха, сдѣланнаго вѣроитно изъ бѣдности. Во всякомъ случаѣ женщина эта *не соблазняла*, не имѣя красоты. Такая трюктовка придаетъ нѣсколько иной отгнѣнокъ словамъ Христа, объясняя, почему онъ *сразу*, сейчасъ-же вступился за *явную* грѣшницу, почему только пожалѣлъ и совсѣмъ не прощаль блудницу,—что можетъ быть Онъ и сдѣлалъ-бы, видя передъ Собой какое нибудь безстыдное существо, соблазняющее грѣшной красотой. Полезно всмотрѣться въ каждое отдѣльное лицо картины, по которой можно читать цѣлый курсъ физиогномики. Не вредно также сравнить произведеніе Луки Кранаха съ одноименными картинами современныхъ художниковъ.

6) 3 картины Мурильо „*Дѣтти*“. Какой реализмъ и какой онъ идеалистическій! 7) Рубенса: 1) Страшный Судъ. Здѣсь нѣтъ тѣхъ „бывшихъ душъ“—„на днѣ“ ада, которыя такъ быстро бросаются въ глаза на картинѣ Микель-Анджело. 2) Ап. Петръ и Павелъ—очаровательныя фигуры; изображеніе 1-го *идеально*; фигура Павла дышетъ какой-то вызывающей энергіей. Съ одной стороны это конечно, такъ и есть, но съ другой—нѣсколько противорѣчитъ его скорбному и чистому недовольству собой и міромъ, а также словамъ посланій напр. 1 Кор. 2, 3 и 4 ср. 4, 10—13... 2 кор. 12, 7. и скорбное начало посланія. Мнѣ больше нравится «Ап. Павелъ» Рафаэля (см. гимнъ св. Цециліи). 3) Св. Троица. Недостигаемый и несравненный образецъ многихъ современныхъ иконъ. Вообще стар. Пинакотекка представляетъ чрезвычайно большую галерею, едва ли не самую замѣчательную послѣ Дрезденской. Я не описываю новой Пинакотекки (М. „Разрушеніе Іерусалима“ Каульбаха) и галереи Шока (много картинъ Беклина; впрочемъ 2 очень хорошихъ есть и въ новой Пинакотекѣ); Глиптотека содержитъ также много поучительнаго (бюстъ Александра Великаго и много другихъ).

Изъ Мюнхена совѣтую заѣхать (отъ поѣзда и до поѣзда) въ древній *Нюрнбергъ*, и осмотрѣть хоть бѣгло, *средневѣко-*

вую крѣпость, съ прекрасно сохранившимися высокими башнями, широкой стѣной, глубокимъ ровомъ и древнимъ крѣпостнымъ мостомъ. Крѣпость по красотѣ значительно уступаетъ Московскому кремлю, однако имѣеть нѣчто оригинальное, дорога своимъ средневѣковымъ характеромъ и производитъ интересное, внушительное впечатлѣніе. Она на горѣ, откуда хорошій видъ на древній Нюренбергъ, любопытный археологу, историку и художнику.

Читатель несомнѣнно замѣтилъ, что, путешествующій по Западной Европѣ имѣеть, если не главное, то во всякомъ случаѣ очень большое дѣло съ Германіей, издревле культурной страной, богатой историческими реликвіями, а послѣ франко-прусской войны, достигшей повидимому высшей точки развитія,—что отразилось на самочувствіи и повзденіи ея гражданъ. Нѣмецъ частью-таки грубоватъ, быстро принимаетъ угрожающее положеніе, не стѣсняется въ средствахъ; въ самой физиогноміи нѣмцевъ очень часто есть что-то суровое, гнѣвное,—усиленная охрана, готовая перейти въ военное положеніе. Обвиняють русскихъ, будто они часто любятъ преклоненіе и уступки: ты, дескать, поклонись сначала, покажи смиреніе, а потомъ я изолью свои щедроты. Бываетъ, даже съ патентованными либералами, но это пережитокъ крѣпостной страны, суровыхъ историческихъ обстоятельствъ; это не онто,—а филогенезъ. Практичный нѣмецъ не потребуеть преклоненій (не нужныхъ ему *практически*), но прямо скажетъ: уступи мнѣ то-то сразу, безъ надежды на реваншъ и на *моихъ* условіяхъ, иначе *dann ist der Krieg!* И онъ сдѣлаетъ это съ пѣніемъ псалмовъ и чтеніемъ писаній ап. Павла... Еще Щедринъ описывалъ, какъ нѣмецкіе офицеры изучаютъ русскій языкъ „про запасъ“ и „на случай“... И намъ всѣмъ (не только офицерамъ) было-бы очень не вредно знать хоть не много „по нѣмецки“. Многострадальному русскому народу приходится по видимому тяжелѣй другихъ: съ него больше спрашиваетъ исторія; къ нему суровѣй придирается судьба. 200 лѣтъ назадъ съ Сѣвера донеслось вѣщее слово, требующее измѣненія, и Русь отвѣтила дѣлами Петра... 50 лѣтъ назадъ такой-же голосъ раздался съ Юга, и Россія „призвала благословеніе Божіе на свой свободный трудъ“... Вчера еще ужасающій вопль со стороны *Востока* обнаружилъ наше чрезмѣрное миролюбіе, излишнюю довѣрчивость и любовь къ покою. Но, вѣдь, будетъ уже прямо преступно, если мы не возьмемъ за умъ, и среди полной неподго-

товленности услышимъ тотъ-же роковой глаголь съ Запада. Вѣрьте: онъ будетъ ужасенъ. Желтая опасность еще не вышла изъ области гипотезъ, изъ сферы теоріи; но бѣлая опасность давно на лицѣ, хотя, къ счастію, пока еще въ поправимой степени. И то и другое доказалъ 12-й годъ, когда былъ слышенъ вопль на Западѣ, но Россія не совсѣмъ поняла, не оцѣнила по достоинству и поступила можетъ быть не вполне такъ, какъ было надо, увлекшись рыцарскимъ самопожертвованіемъ, но упустивъ изъ виду *собственные* интересы *своей* будущей политики.

В. Недзвецкій.

Москва. 8-е сентября 1905 г.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Л. А. Тихомировъ. Монархическая государственность.
Часть I. Происхождение и содержаніе Монархическаго принципа. 118 стр.—Часть II. Римско-Византійская государственность 131 стр.—Часть III. Русская Государственность. 244 стр.—Часть IV. Монархическая политика. 318 стр.+ XV. Москва 1905 года.

Въ настоящее время, — когда въ Россіи наступилъ тяжелый историческій кризисъ и передъ умственнымъ взоромъ каждаго русскаго человѣка встаетъ вопросъ, продолжитъ ли Россія идти по тому пути, который завѣщанъ ей всей ея предыдущей тысячелѣтней исторіей, или стремглавъ ринется въ пучину западначескаго парламентаризма и порветъ совершенно со всѣми національными идеалами, — книга Л. А. Тихомирова, извѣстнаго борца за вѣковые устои русской государственной жизни, имѣетъ чрезвычайно глубокое значеніе и важность во всѣхъ отношеніяхъ и появленіе ея именно теперь, когда вслѣдствіе отсутствія истинной политической сознательности и настоящаго пониманія блага родины, и лучшая часть русскаго общества подъ часъ бываетъ охвачена сомнѣніями въ пригодности монархіи и желаніемъ устроить русскую жизнь по примѣру западныхъ государствъ, — должно подѣйствовать въ высшей степени благотворно на самосознаніе всѣхъ тѣхъ, кто безкорыстно и горячо преданъ своему отечеству, желаетъ принести ему посильную пользу и не задается политиканствующими намѣреніями.

Обширный трудъ г. Тихомирова содѣйствуетъ выясненію нашего исторически сложившагося государственнаго идеала, въ связи съ теоретическимъ и историческимъ разъясненіемъ основъ государственности вообще и въ частности монархическаго принципа, какъ наиболѣе полного выраженія верховной власти. Такимъ образомъ названная книга

имѣть двоякую цѣнность. Во-первыхъ, при сравнительно недостаточной разработкѣ принципа монархизма въ нашей государственной наукѣ, она отличается чисто научнымъ характеромъ, представляя собой солидный трактатъ по одному изъ частныхъ вопросовъ государственнаго права, а съ другой стороны,—выясняя превосходство прогрессивной эволюціи монархіи, т. е. чистаго самодержавія надъ деспотизмомъ и абсолютизмомъ, который обыкновенно, выражается въ аристократію, или демократію, и указывая фактически на несостоятельность двухъ послѣднихъ видовъ верховной власти—книга Л. А. имѣетъ уже и общественный характеръ. А такъ какъ основные принципы исторически сложившагося у насъ самодержавнаго монархизма имѣютъ этической характеръ и покоятся на религіозной, а не рационалистически-правовой почвѣ, то ясно, что трудъ г. Тихомирова можетъ занять видное мѣсто и въ духовной, церковно-общественной литературѣ и потому слово о немъ должно быть и въ духовной печати.

Узкія рамки журнальной библиографической замѣтки не позволяютъ намъ предложить послѣдовательное изложеніе содержанія всѣхъ четырехъ выпусковъ этого замѣчательнаго труда; отмѣтимъ поэтому лишь основныя положенія и существеннѣйшія мысли каждаго изъ выпусковъ.

Въ первомъ выпускѣ, который можно назвать общео теоретическою частію, говорится о происхожденіи и взаимоотношеніи власти верховной и управительной и о различныхъ типахъ верховной власти. Раскрывая понятіе государства въ его отличіи отъ всякихъ другихъ союзовъ, авторъ опредѣляетъ его, какъ союзъ членовъ специальныхъ группъ, основанный на общечеловѣческомъ принципѣ справедливости, подъ объединяющей эти группы и соответствующей этому принципу верховной властью. Слѣдовательно въ государствѣ два необходимыхъ элемента: народъ (союзъ людей, раздѣленныхъ на общественные группы) и верховная власть; правильное отношеніе между ними есть условіе правильной государственной жизни. Современные юристы—государственники любятъ указывать, какъ на рѣшительное преимущество западно-европейской организациіи государства, на независимость и раздѣльность трехъ основныхъ функцій верховной власти: законодательства, суда и управленія; но это несправедливое и гибельное ученіе, ибо если власть постановляетъ законы, но безсильна заставить судъ и администрацію исполнять ихъ, или власть судить, но безсильна пользоваться своимъ опытомъ при выработкѣ законодательства и не можетъ заставить администрацію привести въ исполненіе свои постановленія; то является

анархія и упраздняется самая идея государства. Слѣдовательно законодательство, судъ и управленіе суть выраженіе одной и той же цѣли нераздѣльно верховной власти—ея разума, совѣсти и воли, и попытки бюрократіи, какъ исполнительнаго органа верховной власти, усилиться на счетъ ея, заградить ее собою отъ народа, должны быть ограничиваемы и исполнительная дѣятельность ея должна быть контролируема; здѣсь мѣсто гласности и общественнаго самоуправленія.—Слѣдующій вопросъ о томъ, кому же можетъ и должна принадлежать верховная власть въ государствѣ, сторонники эволюціонной теоріи обыкновенно рѣшаютъ такъ, что самою начальною и менѣе совершенною формою правленія слѣдуетъ считать монархію, когда власть принадлежитъ одному лицу, слѣдующею—аристократію и послѣднею и наиболее совершенною—демократію. Но такое пониманіе не справедливо. Монархія, аристократія и демократія не физисы развитія верховной власти, а совершенно особые типы, имѣющіе различный смыслъ и содержаніе, и они обусловливаются въ своемъ возникновеніи или смѣнѣ духомъ народа, его вѣрованіями и нравственными идеалами. Если въ народѣ нѣтъ одного признаваемаго всѣми идеала, который обнималъ бы всѣ стороны жизни, объединялъ бы всѣ общественныя группы; то за идеаломъ каждой общественной группы или члена общества признается значеніе частнаго руководящаго принципа; для всего же государства руководящее значеніе должны получить воззрѣнія большинства, сила количественная. Такъ организуется *бемократія*. Если существуетъ убѣжденіе, что всеобъемлющій національный идеаль есть, но сознается ясно не всѣми, а только лучшими людьми; то такимъ людямъ и ввѣряется верховная власть; въ этомъ случаѣ основывается *аристократія*. Наконецъ если въ душѣ народа живъ и крѣпокъ нравственный идеаль, возбуждая энергичную вѣру въ себя и рѣшительную готовность добровольнаго подчиненія и осуществленія его; то носителемъ верховной власти является *личность*; потому что она, какъ разумно-нравственное существо, способнѣе всего наилучше выразить идеальное содержаніе народныхъ вѣрованій и стремленій. Конечно эта личность должна быть поставлена въ полную независимость отъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій въ своей дѣятельности, чтобы она могла безпрепятственно осуществлять этотъ идеаль; единственное ограниченіе въ своей дѣятельности личность—монархъ можетъ находить только въ требованіяхъ этого нравственнаго идеала.—Но и монархія подъ вліяніемъ различныхъ соціальныхъ условий и религиозныхъ вѣрованій, можетъ принимать и принимаетъ различные виды. Въ восточныхъ религіяхъ (напримѣръ въ исламѣ) Богъ представляется, какъ абсо-

лютое могущество въ безконечной противоположности человѣку, внѣ всякаго внутренняго общенія съ нимъ; отсюда въ государствахъ съ такимъ нравственнымъ идеаломъ монархъ является деспотомъ, властвующимъ надъ своими подданными лишь по своему личному произволу, внѣ всякаго нравственнаго общенія съ ними. Понятно, что при отсутствіи нравственно-руководительнаго начала монархіи этого типа не могутъ ставить себѣ какихъ либо идеальныхъ стремленій, кромѣ увеличенія матеріальнаго могущества. Въ истинномъ же представленіи о Богѣ Его нравственныя совершенства и промыслительное отношеніе къ міру указываютъ соответствующую цѣль и содержаніе дѣятельности для разумно-нравственныхъ существъ. Какъ отдѣльныя лица, такъ и народы имѣютъ свое нравственное предназначеніе въ раскрытіи полноты общечеловѣческаго идеала. Но и нравственное назначеніе народа, коренясь въ глубинѣ народнаго духа, можетъ достигнуть ясности и отчетливости въ нравственномъ сознаніи отдѣльной личности, которая и можетъ вести народъ къ цѣли его историческаго существованія, руководствуясь совѣстью и чувствомъ долга. Великая и трудная задача такого служенія своему народу можетъ быть выполнена только тѣмъ, кто прозванъ къ такому служенію Богомъ. Такимъ образомъ, по этому представленію, личность монархъ получаетъ верховную власть отъ Бога, и служеніе его есть служеніе Богу подобно тому, какъ и каждый подданный въ своемъ семейномъ и общественномъ служеніи исполняетъ дѣло, Богомъ ему назначенное. Такой монархъ есть выразитель народнаго духа, его вѣрованій и идеаловъ; поэтому между нимъ и народомъ существуетъ полное нравственное единеніе. Въ силу этого единенія монархъ долженъ заботиться о возможно полномъ выраженіи народныхъ идеальныхъ стремленій, а народъ безусловно подчиняется монарху въ предѣлахъ служенія его народнымъ вѣрованіямъ и нравственному идеалу, т. е. служенія волѣ Божіей; въ ней единственное опредѣленіе и ограниченіе его власти; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ его власть неограниченна. Такъ какъ вѣра народа и его идеалы, въ единеніи съ которыми и подчиненіи которымъ монархъ долженъ нести свое служеніе, не отъ воли и разума народнаго зависятъ, а отъ Бога; то монархъ и въ самомъ служеніи своемъ не можетъ быть зависимъ отъ воли народной. Таковъ идеалъ монарха самодержавнаго, отъ котораго нужно отличать монарха абсолютистскаго. Абсолютизмъ, какъ власть не признающая себя связанною законами Божескими, отъ нихъ зависимою и ими руководящеюся, есть власть собственно демократическая; единственный источникъ ея есть воля народа, который и передаетъ ее одному лицу или временно, какъ въ

диктатурѣ, или наслѣдственно въ монархіи абсолютистской, Абсолютистскій монархъ есть лишь правитель, а не Царь; царская или верховная власть принадлежить собственно народу, который лишь передалъ ее монарху. Поэтому народъ всегда считаетъ себя въ правѣ отнять ту власть, которую онъ передалъ монарху, или ограничить ее, какъ все это и есть въ западно европейскіихъ государствахъ.

Таково въ общемъ содержаніе перваго выпуска, принципиальнаго по своему значенію и теоретическаго по характеру; во второмъ и третьемъ выпускахъ изложенныя здѣсь теоретическія положенія рассматриваются въ ихъ дѣйствительномъ обнаруженіи въ исторической жизни Рима, Византіи и Россіи. Римъ—представитель абсолютизма, Византія представляетъ колебаніе между абсолютизмомъ и самодержавіемъ, русскій же народъ выработалъ наиболѣе чистый типъ самодержавной монархіи. Особенный интересъ для насъ имѣетъ исторія нашего русскаго самодержавія, такъ какъ она представляетъ собою не только живую иллюстрацію предложеннаго въ первомъ выпускѣ въ строго логической системѣ ученія о самодержавіи, а и фактическое, документальное, такъ сказать, оправданіе его истинности, и потому должно имѣть громадное практическое значеніе для правильнаго отношенія къ такъ широко охватившему Россію въ послѣдніе днѣ такъ называемому освободительному движенію, о чемъ собственно говорится въ 4-мъ выпускѣ. Повторяемъ, жаль, что рамки журнальной статьи не позволяютъ поподробнѣе ознакомиться съ содержаніемъ этихъ выпусковъ. Поэтому, не вдаваясь въ подробное изложеніе содержанія второго выпуска, остановимся нѣсколько подробнѣе на третьемъ.

Изобразивъ въ началѣ третьяго выпуска, какъ въ періодъ организаціи государственнаго строя—въ такъ называемый удѣльный періодъ дѣйствовали у насъ князь (сила единоличная), вѣче (демократическая власть) и дружина (аристократія), авторъ далѣе подробно излагаетъ то, какъ единоличная княжеская власть подъ вліяніемъ разныхъ благоприятныхъ условій возобладала надъ вѣчемъ и дружиной и выродилась въ самодержавную власть московскихъ Царей. По словамъ автора, большое значеніе въ этомъ отношеніи имѣли личныя достоинства князей, ставшихъ создателями самодержавія, нужда въ сплоченности всѣхъ для отпора нашествію азіатовъ и участіе духовенства (о чемъ между прочимъ говорится и въ предложенной въ первомъ отдѣлѣ настоящей книги статьѣ г. Шебатинскаго). Особенно интересны страницы, посвященныя Іоанну IV, который съ такой полнотой и мѣткостью выяснилъ идею самодержавія въ своей перепискѣ съ княземъ А. Курбскимъ. Изложивъ

исторію созданія царскаго самодержавія въ Россіи, авторъ далѣе говоритъ о томъ, какъ вѣрно и глубоко понялъ значеніе и характеръ самодержавія своихъ Царей русскій народъ и какъ сказалось оно въ самомъ строѣ общественной жизни; въ доказательство перваго положенія онъ приводитъ длинный рядъ поговорокъ и пословицъ народныхъ о Царѣ и Его отношеніи къ подданнымъ и подданныхъ къ Нему, а второе развиваетъ въ изображеніи государственнаго управленія Россіи въ XVI и XVII вв. Здѣсь авторъ говоритъ о значеніи боярской думы, какъ совѣщательнаго органа при государѣ, о земскихъ соборахъ и непосредственномъ взаимоотношеніи Царя съ церковной іерархіей. Такое же тѣсное единеніе Царя съ народомъ проявлялось и въ дѣлѣ суда и въ области управленія. Но при столь чистой и высокой формѣ самодержавнаго монархизма, система управительныхъ властей въ московскомъ государствѣ страдала большими несовершенствами и давала поводъ къ злоупотребленіямъ и усиленію бюрократизма, заслонившаго собою отъ народа Царя, что въ связи съ появившимся въ XVII в. нестроеніями въ церковной жизни, (выразившимися въ появленіи раскола и др.) постепенно подрывало въ народѣ довѣріе къ власти и естественно возбуждало сомнѣніе въ истинности и правотѣ національныхъ основъ жизни и идеаловъ. Въ этотъ моментъ кризиса русской духовной жизни и выступилъ на историческое поприще Петръ В. съ своими реформами и положилъ начало новому періоду русской исторіи. Такъ какъ для многихъ казалось противорѣчіемъ признать культурное превосходство Европы, учиться у нея и вмѣстѣ признавать свою Церковь и свой типъ Царской власти выше европейскихъ; то естественнымъ явилось то, что существеннѣйшія черты духовной самобытности народа для сторонниковъ запада казались признакомъ невѣжества и отсталости. Возникшая на этой почвѣ интеллигенція стала пренебрежительно относиться къ своимъ русскимъ идеаламъ и началамъ жизни религіозной (православію), и государственной (самодержавію). Поэтому въ политическомъ развитіи нашего самосознанія послѣ Петра В. замѣчается у большинства этой интеллигенціи простое заимствованіе идей западной Европы и, соответственно европейской мысли, совершенной формой государства представляется конституціонная. Только славянофилы и публицисты, близко стоявшіе къ нимъ по своимъ воззрѣніямъ (Катковъ и Леонтьевъ), трудились въ самостоятельномъ выясненіи того государственнаго идеала, который, не достигая сознательности, остался живъ и крѣпокъ въ народѣ. Указавъ представителей и отмѣтивъ основныя мысли того и другого пониманія идей государственности второй половины прошлаго столѣтія до послѣдняго времени включительно,

авторъ обращается къ разсмотрѣнію того, какъ въ этотъ Петербургскій періодъ формировалось государственное управленіе и опредѣлялись отношенія верховной власти къ властямъ управительнымъ и народу въ самой дѣйствительной жизни. Рисуемая имъ картины реформаторской дѣятельности Петра В. и его ближайшихъ преемниковъ, къ сожалѣнію, не утѣшительны: усиленіе бюрократизма въ области управленія, проникшее даже въ Церковь, умалившуюся въ своемъ значеніи и вліяніи на жизнь, естественно подготовило почву къ тому броженію умовъ и разстройству государственной жизни, которое такъ тяжело отражается на насъ въ послѣднее время. Но вслѣдствіе нашей политической неразвитости, неудовольствія и протесты стали направляться не на виновниковъ разстройства, а на самую основу нашей государственности, на самодержавіе верховной власти и выразились въ стремленіи къ рѣшительному революціонному перевороту жизни не только въ конституціонномъ, а въ крайнемъ социаль-демократическомъ смыслѣ.

Выходъ изъ этого тяжкаго положенія, какъ онъ указывается всей предшествующей нашей исторіей, одинъ. Указаніе и раскрытіе того, какими путями и способами наша верховная власть должна вывести Россію на правильный путь самобытнаго могучаго развитія, и составляетъ содержаніе четвертаго—послѣдняго выпуска труда г. Тихомирова (Монархическая политика), который поэтому представляетъ для насъ исключительный интересъ, даже съ практической точки зрѣнія. Между прочимъ, какъ бы въ видѣ дополненія, въ началѣ книги изложено въ взглядѣ автора на манифестъ 6 августа 1905 г., при чемъ онъ находитъ нѣкоторое противорѣчіе между манифестомъ и «положеніемъ о Государственной Думѣ»; такъ какъ по смыслу манифеста самодержавный порядокъ не нарушимъ, а въ тоже время порядокъ выборовъ *обще-гражданскій*, въ которомъ уже есть зародышъ парламентаризма. Но замѣчанія о Государственной Думѣ, какъ мы замѣтили, есть лишь добавленіе; самая же книга начинается размотъ рѣніемъ общаго значенія монархическаго принципа въ политикѣ и его преимуществъ предъ демократическимъ и аристократическимъ. Основнымъ пунктомъ монархическаго сознанія должно быть правильное пониманіе всѣхъ огромныхъ преимуществъ своего принципа для роли верховной государственной власти, которое можетъ быть лишь при цѣлесообразномъ воспитаніи, или выработкѣ носителей верховной власти; этому вопросу посвященъ 2-й отдѣлъ книги (главы 7—11). Сущность этого отдѣла заключается въ немногихъ словахъ: отличительнымъ качествомъ, необходимымъ для носителя верховной власти, является искренняя религіоз-

ность и вѣра, такъ, чтобъ онъ могъ быть понятъ большинствомъ народа; если въ народѣ нѣтъ религіознаго чувства—то не можетъ быть и монархіи (стр. 46—47). Не менѣе важна также выработка принциповъ личности монарха, какъ носителя духа народнаго—его религіозныхъ вѣрованій и идеаловъ; отсюда далѣе авторъ подробно излагаетъ отношеніе власти къ началу этическому и религіозному, при чемъ основой его разсужденій служить христіанская церковная идея и универсализмъ Церкви, какъ божественнаго учрежденія, а отношеніе Церкви и Государства въ монархизмѣ, основанномъ на верховенствѣ этическаго начала, должно быть установлено, какъ союзъ, возможный лишь тогда, когда «Церковь остается истинною коллективностью всего своего состава—іерархіи, священства и мірянъ, и чтобы сама монархія не заболѣвала ни абсолютизмомъ, ни деспотизмомъ». (стр. 85). Необходимыми условіями исповѣдной политики г. Тихомировъ считаетъ 1) религіозную свободу, 2) вѣротерпимость и 3) справедливость; а задачей русской исповѣдной политики въ частности,—немедленный созывъ Соборнаго Подготовительнаго Совѣщанія съ участіемъ мірянъ для предварительныхъ работъ. Говоря объ отношеніи монархіи къ соціальному строю и о связи соціальнаго строя съ государственнымъ, авторъ проводитъ ту мысль, что лишь монархія въ состояніи объединить соціальныя группы и для этого лишь необходимо знаніе ихъ интересовъ. Эта мысль болѣе подробно развита въ слѣдующемъ отдѣлѣ: «система управленія», при чемъ идеаломъ монархическаго правленія, по мнѣнію автора, служить сочетаніе бюрократическихъ и общественныхъ силъ и необходимость этого сочетанія. Между прочимъ, авторъ даетъ приблизительную схему народныхъ выборовъ не обще-гражданскихъ, а сословныхъ. Чрезвычайно интересенъ послѣдній отдѣлъ книги: «историческія судьбы науки», гдѣ въ главѣ II: «территоріальная политика» авторъ съ сердечной скорбью говоритъ о русской, въ частности, дальневосточной политикѣ, составляющей большое мѣсто нашей дипломатіи. Заканчивается книга мнѣніемъ, что въ виду культурно-историческаго и этическаго характера монархизма ему предстоитъ важная историческая роль въ будущемъ. Хотя XVIII и XIX вѣка и дали совершенно противоположные результаты, т. е. ограниченіе монархическаго принципа, однако причина этого кроется не въ самой монархіи, а въ абсолютистскомъ произволѣ, въ который выродилась большая часть монархическихъ правительствъ. Съ другой стороны демократія давно уже показала свою несостоятельность.—

Вотъ приблизительное содержаніе книги г. Тихомирова. Конечно, не въ краткой замѣткѣ можно исчерпать все ея

значение, однако мы считаемъ долгомъ отмѣтить тѣ ея признаки, которыми она цѣнна и важна помимо своего содержания. Оригинальность взглядовъ, искренность и убѣжденность воззрѣній, глубочайшее проникновеніе какъ въ теоріи монархизма, такъ и въ осуществленіе его практически, горячая скорбь о положеніи отечества,—все это ставитъ книгу г. Тихомрова на видное мѣсто среди подобныхъ трудовъ. Въ тоже время, не смотря на мрачныя картины дѣйствительности, которыя авторъ рисуетъ съ полнѣйшей объективностью и безпристрастіемъ, онъ «находитъ для своихъ читателей нѣсколько бодрыхъ и примиряющихъ мотивовъ. въ смыслѣ прогностики грядущаго» (Моск. Вѣд. № 255 1905 г. А. Басаргинъ, Философія русск. государственности). Почтенный авторъ глубоко вѣритъ, что въ Россіи возможна только монархія, благодаря психологическимъ свойствамъ русской народной души, и, сопоставляя теперешнія смуты съ 1612 г., онъ говоритъ, что монархія теперь можетъ возродиться изъ самыхъ тяжкихъ смуть столь же самодержавною, какъ и тогда. Эта вѣра вливаетъ и въ читатели надежду на благополучный исходъ современныхъ смуть.

Дай Богъ, чтобы эта увѣренность автора осуществилась въ дѣйствительности, и чтобы его книга внесла больше истиннаго пониманія вещей въ наше общество, объятые коварной агитаціей революціонной пропаганды, подъ которой изнываетъ теперь наша многострадальная родина!

М. П. С. В.

Протоіерей І. Слободской. *Фридрихъ Ницше при свѣтѣ христіанскаго міровоззрѣнія. Безплатное приложеніе къ журналу «Странникъ».* СПБ. 1905 г. 120 стр.

Указавъ въ первой главѣ на связь между личностью Ницше и его творчествомъ, которое представляетъ изъ себя повѣсть о пережитомъ, отзвуки его внутреннихъ бореній, душевной драмы и трагедіи,—авторъ въ отдѣльныхъ шести главахъ передаетъ гносеологическіе взгляды Ницше, характеризуетъ отношеніе его философіи къ религіи и христіанству, излагаетъ его собственными словами ученіе о мірѣ

и человѣкъ, критику нравственныхъ ученій, объясненіе происхожденія нравственности и, наконецъ, ученіе о сверхчеловѣкѣ.

Передать подробнѣе содержаніе книжки значило бы пересказать ее всю, а сдѣлать это значитъ повторить то, что писано было въ 8-й книгѣ журнала и по отношенію къ книгѣ г. Воскресенскаго: «Ницше—антихристъ». Достоинство труда о. пр. Слободскаго въ томъ, что съ начала до конца изложеніе философіи Ницше ведется его собственными словами.

Л. Денисовъ.

Богословскія чтенія для учащихся въ послѣднихъ (VI и VIII) классахъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ I. (Апологетическій). Части I—3. Свящ. I. Виноградовъ Москва 1905 г.

Мотивируя составленіе настоящей книги для учащихся въ старшихъ классахъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, авторъ—составитель въ предисловіи къ ней говоритъ, что это «подростающее юношество, еще наканунѣ поступленія въ разрядъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, мечтаетъ о низверженіи старозавѣтныхъ «идоловъ» предковъ и проведеніи въ жизнь собственныхъ «идеаловъ». Никому конечно не возбраняется реформировать собственную личную жизнь къ лучшему, а тѣмъ болѣе желать этого же и другимъ; но для этого надо имѣть въ запасѣ душевныхъ силъ много средствъ и, прежде всего, твердые религіозно-нравственные устои. Средняя школа, будь она гимназія, реальное училище, или другая какая, дастъ извѣстное количество знаній, но этихъ знаній мало для жизни. Юношѣ самому слѣдуетъ развивать себя путемъ чтенія, чтенія рациональнаго и, прежде всего, чтенія книги жизни, Библии, а также разъясняющихъ ее отеческихъ и строго-научныхъ толкованій. И надо замѣтить, люди въ молодыхъ годахъ очень любятъ спорить о Богѣ, о Церкви, цѣнить и разцѣнивать религіозныя убѣжденія другихъ людей, не имѣя у себя самихъ достаточно твердой почвы для утвержденія «своихъ истинъ». Отмѣтивъ, что такіе вопросы, какъ вопросы о Богѣ и собственной душѣ—и сами по себѣ влекутъ къ себѣ и возбуждаютъ мысль (кто пройдетъ мимо нихъ не задумавшись?), о Виноградовъ указываетъ далѣе на высказанное людьми, знающими наше свѣтское юношество съ этой стороны, заявленіе,

что при видимомъ отраженіи на учащихся извѣстныхъ направленій свѣтскаго общества, доселѣ не получающаго у насъ должнаго религіозно-нравственнаго образованія, и само общество нуждается въ популярно-апологетическихъ свѣдѣніяхъ, по вопросамъ вызываемымъ временемъ». Нужда эта особенно ошутительною и удовлетвореніе ея неотложнымъ стали, какъ онъ же говоритъ потомъ, «въ послѣдніе дни, послѣ манифеста 17 апрѣля о свободѣ вѣроисповѣданія, когда опасность нападеній на вѣру и Церковь со стороны тѣхъ, кто, какъ говорилъ въ своей рѣчи о. прот. Слободской, не отъ двора сего, но получили доступъ во дворъ овчій, стала особенно грозною. Скоро мы услышимъ, да уже и начали слышать многообразныя, даже весьма недоброжелательныя рѣчи о св. Церкви (а вмѣстѣ конечно и о вѣрѣ ея), которыя предаются тисненію и чрезъ то получаютъ способность говорить тысячами голосовъ заразы».

Личный опытъ автора, служившаго на первыхъ порахъ своей общественной дѣятельности законоучителемъ въ разныхъ провинціальныхъ городахъ, затѣмъ переписка его и до сего дня со многими провинціальными оо. законоучителями одинаково говорили ему, что «въ рукахъ у законоучителя какого-нибудь отдаленнаго отъ центра провинціалаго средне-учебнаго заведенія находится очень мало средствъ къ тому, чтобы не только своихъ учениковъ питать, а и самому питаться духовною пищею, для противодѣйствія указаннымъ выше недоброжелательнымъ по отношенію къ вѣрѣ и церкви рѣчамъ интеллигентовъ». «Подъ часъ, нѣтъ у него, продолжаетъ авторъ дальше, самыхъ необходимыхъ книгъ научнаго богословскаго содержанія, какъ напримѣръ догматическаго богословія митр. Макарія и т. п. Все это приводило многихъ оо. законоучителей къ мысли объ изданіи «Богословской Христоматіи», по содержанію своему характера апологетическаго, отвѣчающаго на запросы общества, на запросы подростостающаго юношества». Еще въ началѣ 1903—1904 учебнаго года Высокопреосвященный Митрополитъ Московскій Владиміръ, предсѣдательствовавшій на бывшемъ тогда собраніи всѣхъ законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній г. Москвы, воодушевленно призывалъ законоучителей къ дружному энергичному противодѣйствію враждебному религіи и Церкви вѣянію на учащихся духа времени, указывая именно на апологетику, какъ на необходимое въ настоящее время дополненіе къ учебному курсу катихизиса».

Таковы внутреннія и внѣшнія побужденія, которыми, по словамъ предисловія настоящей книги, руководился авторъ при ея составленіи и которыя опредѣлили собою не только предметъ, а и характеръ ея.

Имѣя въ виду отмѣченныя духовныя нужды и потребности современнаго свѣтскаго юношества и общества, а также указанія и пожеланія тѣхъ, кои призваны быть ихъ руководителями, авторъ пришелъ къ мысли «дать юнымъ читателямъ, мыслящимъ и разсуждающимъ полную систему христіанскаго православнаго вѣроученія и нравоученія, чтобы въ ученикахъ было не только знаніе коротенькаго учебника по Закону Божию, но и богословское *развитіе*, хотя бы въ предѣлахъ возможнаго».

Ошибется тотъ, кто на основаніи этихъ словъ автора изъ его предисловія къ разсматриваемымъ «богословскимъ чтеніямъ» подумаетъ, что эти «чтенія» суть самостоятельное авторское въ собственномъ смыслѣ слова произведеніе о. Виноградова, въ родѣ напримѣръ «курса апологетическаго богословія» прот. Свѣтлова, съ тѣмъ лишь различіемъ, что этотъ послѣдній назначенъ для юношей «уже вступившихъ въ разрядъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, а произведеніе о. Виноградова — для учениковъ старшихъ классовъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Правда въ книгѣ есть нѣсколько §§-въ, написанныхъ самимъ составителемъ; но зато въ ней есть и такіе, которые цѣликомъ взяты изъ книги, или журнальной статьи того или другаго извѣстнаго богослова. Съ другой стороны разсматриваемая книга, не есть и «богословская христоматія» въ строгомъ смыслѣ слова; ибо на ряду съ такого рода дословными извлеченіями изъ извѣстныхъ богословско-философскихъ сочиненій, въ книгѣ не мало §§, представляющихъ собою не просто сокращеніе, а прямо-таки переработку тѣхъ сочиненій. Во всѣхъ такихъ случаяхъ составитель въ подстрочномъ примѣчаніи точно обозначаетъ тѣ сочиненія или статьи, изъ которыхъ сдѣланы извлеченія, или которыя помѣстены въ переработанномъ видѣ, и, нужно отдать ему справедливость, выборъ этихъ сочиненій и статей сдѣланъ съ большимъ тактомъ; ибо все это сочиненія и статьи, «которыя принадлежать неру выдающимся авторамъ въ богословско-философской и апологетической литературѣ». Вотъ имена этихъ авторовъ: В. Д. Кудрявцевъ—Платоновъ, профессоръ Московской духовной Академіи (его академическія лекціи по философіи), прот. І. Д. Петропавловскій (его книга: «Въ защиту Христіанской вѣры противъ невѣрія»), Геттингеръ (его «Апология христіанства»), проф. Н. П. Рождественскій (его «Христіанская апологетика»), архим. Михаилъ («Лекціи по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ»), Дюбуа-Реймондъ («О предѣлахъ естествознанія»), проф. Хр. Э. Лютардъ («Апология христіанства»), проф. прот. П. Я. Свѣтловъ («Курсъ апологетическаго богословія» и «Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣро-

ученія), И. П. Николинъ («Курсъ апологетики»), проф. С. С. Глаголевъ («Чудо и наука»), проф. прот. Кудрявцевъ («Краткій курсъ лекцій по православному богословію»), прот. І. И. Соловьевъ («О боговдохновенности Библии»), Сергій архіеп. Владимірскій («Бесѣды объ основныхъ истинахъ св. прав. вѣры»). Конечно этотъ списокъ могъ бы быть значительно дополненъ и другими такими же авторитетными именами (особенно по отношенію къ журнальнымъ статьямъ по отдѣльнымъ вопросамъ курса); по крайней мѣрѣ было бы весьма не лишне, если бы составитель наряду съ тѣми сочиненіями и статьями, которыми онъ пользовался въ своей книгѣ, указалъ и другія, въ качествѣ литературы предмета (это особенно могло быть цѣнно для о.о. законоучителей, какъ руководителей юношества въ чтеніи); въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, не мѣшало бы пояснѣе и поточнѣе обозначить зависимость составителя отъ того или иного источника. Но всѣ эти недочеты формальнаго свойства и внутренняго достоинства того, что дано въ книгѣ, не умаляютъ. Приведенныя имена авторовъ говорятъ за достоинство даннаго содержанія и дѣлаютъ излишнею его характеристику.

Имѣя намѣреніе въ будущемъ дать юнымъ читателямъ полную систему христіанскаго вѣроученія и нравоученія, составитель издалъ пока еще только первый выпускъ своего труда—апологетическій, обнимающій собою то, что обыкновенно входитъ въ составъ такъ называемаго «Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ». Вся книга раздѣляется на три части. Въ первой излагается ученіе о религіи—объ ея источникахъ, значеніи и происхожденіи и доказательствахъ бытія Божія и безсмертія души (1—110 стр.), во второй—ученіе о божественномъ откровеніи—о видахъ его, о возраженіяхъ противъ его, возможности и признакахъ истиннаго откровенія—внѣшнихъ и внутреннихъ—о чудесахъ и пророчествахъ (111—150); въ третьей—о Священномъ Писаніи—ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгахъ и ихъ боговдохновенности, о св. Преданіи и о православной Церкви, какъ хранительницы истины Преданія и истолковательницы Писанія (151—192).

Нѣтъ конечно спора о томъ, что всѣ эти вопросы должны быть интересны для юношей» и логическая стройность ихъ распредѣленія въ книгѣ очевидна; но нельзя сказать того о нѣкоторыхъ частностяхъ. Говоря это, мы разумѣемъ то несомнѣмъ понятное и въ нѣкоторомъ отношеніи досадное повтореніе, которое допущено составителемъ книги въ отдѣлахъ о признакахъ истиннаго откровенія и о боговдохновенности книгъ св. писанія; и тамъ и

здѣсь составителю приходится говорить объ однихъ и тѣхъ же фактахъ, именно: о пророчествахъ и чудесахъ. Впрочемъ извиненіемъ для составителя должно служить то, что такъ именно поставлено дѣло въ программѣ по Закону Божию для VII и VIII классовъ и по ней въ тѣхъ самыхъ коротенькихъ учебникахъ, исполненіе которыхъ было одной изъ цѣлей автора. Нѣчто подобное и въ отдѣлахъ о религіи и о доказательствахъ бытія Божія, именно въ вопросѣ о значеніи того и другого для духовной жизни человѣка.

Тѣмъ же не въ собственномъ смыслѣ авторскимъ происхожденіемъ и характеромъ книги объясняется нѣкоторая неровность или неодинаковость изложенія и языка ея вообще; но, повторяемъ, и это такого рода недочеты, которые существа дѣла не касаются и въ дальнѣйшихъ выпускахъ точно также, какъ въ повторномъ изданіи и настоящаго, легко устранимы. Дать бы только Богъ составителю довести свой трудъ до конца! Тогда книга эта несомнѣнно должна будетъ имѣть важное практическое значеніе не для однихъ только учащихся въ старшихъ классахъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а и для давно уже окончившихъ свое образованіе свѣтскихъ людей. Какъ справочная книга, «Богословскія чтенія» о. Виноградова принесутъ пользу и о.о. законоучителямъ, особенно провинціальныхъ городовъ.

Отъ души желаемъ скорѣйшаго окончанія и широкаго распространенія названному новому труду о. Виноградова. Цѣна книги 1 р. 30 к.

Прот. І Соловьевъ.

Священникъ Михаилъ Ремезовъ. *Наставленіе въ законъ Божіемъ.* Изд. 2-е. Одесса. 263 стр. Цѣна 40 к.

Учебникъ о. М. Ремезова для начальныхъ училищъ отличается отъ множества другихъ изданій этого же рода двумя главными особенностями: миссіонерскимъ направленіемъ во 1-хъ и апологетическимъ характеромъ во 2-хъ. По первой своей отличительной особенности онъ очень хорошъ для школъ, гдѣ надо имѣть въ виду борьбу съ старообрядчествомъ (расколомъ), а по второй—для школъ, гдѣ надо имѣть въ борьбу съ сектантствомъ. Въ этихъ миссіонерско-апологе-

тических видахъ авторъ ввелъ въ свой учебникъ нѣсколько лишняго, сверхпрограмнаго матеріала (напр. исповѣданіе ап. Петра, бесѣда съ самарянкой и др.), а главное—при самомъ изложеніи священноисторическихъ событій и особенно дополнительныхъ, разъяснительныхъ, онъ отгѣняетъ спорные пункты въ надлежащемъ ихъ освѣщеніи, для каждаго несомнѣнномъ. Это сдѣлано очень умѣло и безъ всякаго обремененія разсказа подробными отвлеченными разсужденіями. Нигдѣ миссіонерско-аполлетическій характеръ учебника не смѣняется хотя бы то чѣмъ либо похожимъ на задорно-полемическій тонъ. Это несомнѣнно большая заслуга автора. Онъ даетъ въ руки тѣхъ законоучителей, которые нуждаются въ подобнаго рода учебникѣ (а кто изъ о.о. законоучителей не нуждается нынѣ въ такомъ учебникѣ?), очень хорошо и искусно отдѣланное оружіе.

Но учебникъ о. Ремезова хорошъ и не только съ этой чисто миссіонерской точки зрѣнія. Его можно назвать очень хорошимъ учебникомъ вообще, подходящимъ для школъ всякаго рода и вида, а особенно для старшаго (3) отдѣленія начальныхъ школъ и даже для школъ двухклассныхъ (церковно-приходскихъ). Для второго отдѣленія онъ несомнѣнно нѣсколько пространенъ и можетъ быть проходимъ съ значительными сокращеніями.

Хорошими чертами учебника о. Ремезова, какъ учебника вообще, надо признать во 1-хъ его полноту. Учебникъ имѣетъ и общія свѣдѣнія о Богѣ, о молитвѣ и разъясняетъ всѣ нужныя молитвы, приводя ихъ не только по славянски, но и въ полномъ русскомъ переводѣ. Учебникъ имѣетъ и необходимыя дополненія изъ русской исторіи, а также сообщаетъ всѣ нужныя свѣдѣнія изъ ученія о богослуженіи и катихизиса: особымъ отдѣломъ помѣщены всѣ тропари главныхъ праздниковъ и даже нѣкоторыя пѣнопѣнія изъ богослуженія (малая, великая и сугубая эктении, Блаженъ мужъ, Господи воззвахъ, Свѣте тихій, Хвалите имя Господне). Въ концѣ книги повторены (славянск. шрифтомъ) всѣ главныя молитвы, есть карта Палестины и даже программы школъ какъ церковныхъ, такъ и министерскихъ.

Вторымъ достоинствомъ учебника является хорошій языкъ его, простой, точный, безъ длинныхъ періодовъ и трудныхъ выраженій. Затѣмъ, въ учебникѣ очень много рисунковъ (почти для каждой исторіи); особенно хорошо, что есть они и въ отдѣлѣ о богослуженіи; жаль только, что нѣтъ хорошаго и нагляднаго плана скиніи, какъ нѣтъ этого плана и въ другихъ учебникахъ, а это очень важный недостатокъ. Но всетаки и скинія представлена (во внутр.

своей части) двумя хорошими рисунками. Наконецъ, новыми достоинствами книги является то, что въ концѣ каждой исторіи помѣщены всѣ главные вопросы, до нея относящіеся. Это помогаетъ какъ законоучителю, такъ и ученикамъ.

Принимая все вышеизложенное во вниманіе, можно высказать пожеланіе, чтобы учебникъ о. Ремезова встрѣтилъ то сочувствіе, какого онъ вполне заслуживаетъ, тѣмъ болѣе, что и цѣна его сравнительно дешевая (40 к. при 260 стр. текста и множествѣ рисунковъ).

Продается книга въ Одессѣ (Мало-Арнаутская ул., д. № 33 у автора) и въ магаз. Розова (Одесса) и Думнова (Москва).

Свящ. А. П—ъ.

Новости богословской литературы. *Библиографическій журналъ, издаваемый К. М. Поповымъ.* Годъ I. Вып. 1—3.

Первые два выпуска (въ одной книгѣ) вышли еще въ самомъ началѣ года, а третій—уже въ ноябрѣ. Этотъ-то долгій промежутокъ времени между выходомъ 1—2 и 3 выпусковъ, происшедшій отъ независимыхъ отъ редактора весьма тяжелыхъ обстоятельствъ и самого его приводившій было къ мысли о возможности прекращенія изданія, и только онъ исключительно былъ причиною того, что въ журналѣ «Вѣра и Церковь» доселѣ не было обращено на это новое періодическое изданіе сочувственнаго вниманія читателей, какъ сдѣлано было въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ и какъ по всей справедливости слѣдуетъ. Слава Богу, эти тяжелыя обстоятельства въ настоящее время, по словамъ редактора, устранены, и въ предисловіи къ только что вышедшему 3-му выпуску онъ заявляетъ, что за настоящимъ выпускомъ слѣдуетъ немедленно выпускъ 4-й. По этому мы и спѣшимъ освѣдомить читателей объ этомъ изданіи существенно важномъ для каждого любителя духовнаго просвѣщенія по самой задачѣ своей и вполне безукоризненному выполненію ея.

Потребность въ систематическихъ, библиографическихъ указателяхъ, обзорнѣяхъ и каталогахъ для каждого интересующагося и занимающагося тѣми или иными вопросами

всякаго, а въ томъ числѣ и богословскаго вѣдѣнія, такъ очевидна, что и не требуетъ особыхъ разъясненій или доказательствъ. Правда въ большинствѣ нашихъ духовныхъ журналовъ въ послѣднее время замѣтно большее сравнительно съ прежнимъ временемъ мѣсто отводится библиографіи: кромѣ болѣе или менѣе подробныхъ отзывовъ о тѣхъ или иныхъ книгахъ изъ вновь выходящихъ, въ нѣкоторыхъ изъ журналовъ помѣщаются списки новыхъ книгъ; но названные библиографическіе отзывы по большей части касаются очень не многихъ книгъ, а списки новыхъ книгъ и не всегда полны и всегда такъ кратки и общи, что по нимъ не опредѣлишь часто, что разумѣется подъ даннымъ заглавіемъ—научная ли книга, или просто брошюра. Что же касается журнальныхъ статей, то объ нихъ и совсѣмъ не дается отчетовъ въ нашихъ журналахъ. Нѣкоторые духовные журналы время отъ времени издають указатели помѣщенныхъ въ нихъ статей; но эти указатели обыкновенно выходятъ черезъ пять, десять, а то и пятнадцать лѣтъ одинъ послѣ другого и относятся поэтому къ временамъ сравнительно давно прошедшимъ, не давая отвѣта о статьяхъ настоящаго времени; да и не всѣ далеко журналы издають такіе указатели. Между гѣмъ за послѣднее время въ богословской литературѣ и духовной журналистикѣ замѣтно значительное оживленіе и усиленная сравнительно съ недавнимъ даже прошлымъ производительность: книги и брошюры по различнымъ отраслямъ богословскаго вѣдѣнія,—и научныя и общедоступныя, выходятъ можно сказать въ большомъ количествѣ; множатся и журналы съ строго опредѣленнымъ кругомъ идей.

Въ виду всего этого появленіе полного систематическаго указателя книгъ и журнальныхъ статей послѣдняго времени и при томъ такого, который выходитъ періодически—черезъ болѣе или менѣе краткіе промежутки времени, можетъ знакомить насъ съ самымъ, такъ сказать, движеніемъ и развитіемъ духовной, церковно-богословской мысли, по всей справедливости должно быть привѣтствуемо съ особенною радостію, какъ явленіе не только желательное, а и вполне и существенно необходимо; такое издание должно быть настольною книгою не только въ библиотекахъ, читальняхъ, имѣющихъ общественный характеръ, а и у частныхъ лицъ и при томъ не спеціалистовъ только богослововъ, а и каждаго образованнаго читателя, интересующагося духовными вопросами.

Конечно дѣло это, насколько существенно важно, настолько же и трудно выполнимо: для веденія его, помимо благопріятствующихъ ему внѣшнихъ условій—возможности имѣть подъ руками весь нужный матеріалъ своевременно,

нужна опытная библиотечарская не рука, а голова, способная быстро и толково разбираться въ массѣ этого матеріала, и любовь къ дѣлу. Все это въ полной мѣрѣ мы и встрѣчаемъ въ редакторѣ издателѣ названнаго въ заглавіи новаго духовнаго журнала, состоящемъ библиотечаремъ Московской духовной академіи; оттого и журналъ его въ первыхъ же выпускахъ удовлетворяетъ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, какія только можно предъявлять къ изданію подобнаго рода.

По мысли издателя, журналъ долженъ быть полнымъ систематическимъ указателемъ текущей русской книжной и журнальной литературы по всѣмъ входящимъ въ его программу научнымъ дисциплинамъ: богословскимъ, философскимъ, юридическимъ, литературно-филологическимъ и историческимъ. Правда въ вышедшихъ выпускахъ указаны статьи не по всѣмъ этимъ научнымъ дисциплинамъ, но и то, что дано редакторомъ, далеко превышаетъ общаемое нами названіемъ журнала. Журналъ даетъ больше того, что общаетъ, и потому еще, что въ составъ его введены не одни только научныя статьи и вообще статьи идейнаго характера и значенія а и самыя мелкія, имѣющія узкій практической мѣстный интересъ. Словомъ, чтобы судить о полнотѣ изданія, достаточно сказать, что въ вышедшихъ выпускахъ приведены ссылки на 200 слишкомъ періодическихъ духовныхъ и свѣтскихъ изданій, въ числѣ которыхъ имѣются буквально всѣ духовныя журналы и енархіальныя вѣдомости и большинство свѣтскихъ журналовъ и сборниковъ; статей изъ этихъ изданій и отдѣльныхъ книгъ, вышедшихъ въ 1903—1904 г., въ указателѣ зарегистрировано болѣе 10000 заглавій, размѣщенныхъ подъ 3744 номерами въ 1—2 выпускахъ и подъ 625—въ 3-мъ, слѣд. всего подъ 4269 номерами; между статьями есть даже и на иностранныхъ языкахъ. Редакція не отказываетъ подписчикамъ и въ частныхъ библиографическихъ справкахъ; въ послѣднемъ примѣрѣ выпускъ около 30 страницъ занятъ сторонними объявленіями о вновь вышедшихъ книгахъ и журналахъ. Правда нѣкоторые рецензенты и этимъ обиліемъ не удовольствовались и выразили недоумѣніе, почему въ журналѣ нѣтъ указаній на газетныя статьи и замѣтки церковно-общественнаго, историческаго и богословскаго содержанія; но это, по нашему мнѣнію, значить уже налагать на одного человѣка бремена совсѣмъ неудобноносимыя., особенно теперь.

Съ такою же, если еще не большею, добросовѣстностію выполнено въ журналѣ и другое существенно важное въ изданіи такого рода, требованіе, касающееся систематичности и обстоятельности указателя. Всѣ указанныя въ изда-

ніи статьи распределены по 20 отдѣламъ: сваящ, писаніе, патристика, основное, догматическое, сравнительное, нравственное и пастырское богословія, литургика, гомилетика, церковное право, философія, психологія, педагогика, литература иностранная и русская, библейская, церковная, и гражданская исторіи и справочныя книги; каждый изъ этихъ отдѣловъ подраздѣленъ на цѣлый рядъ рубрикъ, частице опредѣляющихъ предметы ихъ содержанія; въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ такихъ рубрикъ больше десяти. По этимъ-то отдѣламъ и рубрикамъ и распределены въ изданіи всѣ указанныя въ немъ книги и статьи. Если это отдѣльная книга, то послѣ заглавія ея указанъ; число страницъ и цѣна; если статья, то журналъ, въ которомъ статья помѣщена, №-ръ его и число страницъ; если о статьѣ есть уже и отзывъ, то указано, гдѣ онъ напечатанъ; если по вопросу затронутому въ статьѣ были или есть статьи и работы аналогичныя съ указанной, то и они тутъ же и точно обозначены. Благодаря всему этому, а также принятой редакторомъ издателемъ особой системѣ сокращеній, которыя обстоятельно разъяснены въ предисловіи къ первому выпуску, при печатаніи въ два столбца, также не мало помогающемъ компактности этого справочнаго изданія, читатель интересующійся тѣмъ или инымъ вопросомъ по тому или иному изъ означенныхъ отдѣловъ, легко и скоро можетъ отыскать нужную ему справку и при этомъ получаетъ справку самую точную и обстоятельную.

Журналъ выходитъ выпусками шесть разъ въ годъ; о размѣрахъ его можно судить по тому, что въ трехъ доселѣ вышедшихъ выпускахъ XLVII+208+XLIX страницъ, между тѣмъ цѣна его за годъ съ доставкой и пересылкой два рубля.

По всему сказанному можно не только желать, чтобы журналъ г. Попова нашелъ самое широкое распространеніе въ обществѣ, особенно среди городского духовенства, законоучителей и духовно-учебнаго міра, — а и вполне надѣяться что его будутъ выписывать наравнѣ не только съ самыми распространенными изъ духовныхъ журналовъ, а и со всѣми ими вмѣстѣ. Какъ полный и обстоятельный справочникъ о томъ, что есть въ каждомъ изъ этихъ журналовъ, онъ можетъ даже содѣйствовать и ихъ распространенію.

Адресъ редакціи журнала: Сергіевъ посадъ Московской губ. духовная академія, г. Библиотекарю К. М. Попову.

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

Журналь «Вѣра и Церковь», основанный нами съ разрѣшенія Св. Синода въ 1899-мъ году, имѣетъ своею задачею отстаивать непререкаемую истинность православной вѣры и жизненную силу ея церковности, завѣщанной отцами, въ противодѣйствіе рационализму нашего времени.

Въ исполненіе этой задачи, въ первомъ—**научно-богословскомъ** отдѣлѣ журнала помѣщаются статьи, служащія къ разъясненію тѣхъ богословскихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) вопросовъ, которые въ современной жизни и печати понимаются не согласно съ ученіемъ православной церкви, второй отдѣлъ—**церковно-общественный**, посвящается обзорѣнію и обсужденію съ точки зрѣнія православной церковности выдающихся явленій духовной жизни современнаго общества, а предметомъ третьяго—**библиографическаго**, служатъ книги и журнальныя статьи, преимущественно богословско-апологетическаго и учебнаго содержанія.

Поставляя себѣ такимъ образомъ задачею давать *отвѣтъ вопрошающимъ о нашемъ упованіи* (1 Петр. 3, 15), *како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. 3, 15), мы не можемъ, конечно, оставаться равнодушными къ тому безгранично-стремительному движенію послѣднихъ дней, которое, именуя себя духовно-освободительнымъ, проникаетъ даже за ограду Церкви и касается самой вѣры. Но, не отрицая нравственной обязательности для каждаго стремиться къ безконечному совершенствованію (Мѡ. 5, 48) и вѣря въ грядущее духовное обновленіе нашей жизни, мы глубоко убѣждены, что оно можетъ совершиться не путемъ порицанія и отрицанія всего стараго, а лишь вѣрностію Истинѣ (Іоан. 8, 31 и 32), которая есть Христось (14, 6) и пребываетъ въ Церкви Его, неизмѣнно вѣрной хринительницѣ преданій, отцами завѣщанныхъ. Посему, не отказываясь вовсе отъ обсуждения современныхъ реформаторскихъ идей въ области вѣры и Церкви самихъ въ себѣ, мы не менѣе того благопотребнымъ считаемъ указаніе тѣхъ основъ духовнаго обновленія жизни, какія даны намъ въ свящ. преданіи. Въ этихъ видахъ мы и думаемъ въ наступающемъ году, если Богъ благословитъ, между прочимъ предложить читателямъ

въ новомъ русскомъ переводѣ съ предисловіемъ и объяснительными примѣчаніями «*Посланіе патріарховъ православно-каѳолическія церкви о православной вѣрѣ*», составленное въ концѣ XVII столѣтія въ изъясненіе православной истины противъ рационалистически-реформаторскихъ идей кальвинизма. Принятое свят. Синодомъ Россійской Церкви, какъ «точное изложеніе вѣры», оно, по благословенію Синода, подъ приведеннымъ заглавіемъ въ 1838 году отпечатано было въ русскомъ переводѣ; но въ настоящее время вышло изъ обращенія и почти забыто. Между тѣмъ руководственное значеніе этой «символической» книги православной церкви для нашего особливо времени неоспоримо; ибо предлагаемое въ ней предстоятелями вселенской церкви ученіе касается преимущественно тѣхъ вопросовъ, которые именно и занимаютъ современное общество и понимаются въ наши дни превратно.

Учебнымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ журналъ **одобренъ** для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ **одобренъ** для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Многими епархіальными преосвященными онъ **рекомендованъ** для церковныхъ и благотворительскихъ бібліотекъ.

Журналъ выходитъ *десять разъ* въ годъ (за исключеніемъ іюня и іюля мѣсяцевъ) книжками не менѣе 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на годъ—*пять* рублей, съ доставкой и пересылкой—*шесть* рублей, на $\frac{1}{2}$ года—*три* рубля.

Подписка принимается у редактора-издателя, законоучителя Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая, протоіерея Іоанна Ильича Соловьева (Москва, Остоженка, зданіе лица) и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга.

Въ редакціи продаются оставшіеся экземпляры журнала за 1900, и 1905 годы по пяти рублей за годъ съ пересылкой.

Открыта подписка на 1906-й годъ.

Редакторъ-издатель, прот. **І. Соловьевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Новости Богословской Литературы“

Подписная цѣна за годъ съ пересылкой и доставкой 2 руб.

Адресъ редакціи: Сергіевъ Посадъ Москов. губ Редакція журнала „Новости Богословской Литературы“.

Редакторъ — Издатель

Библиотекаръ Московскій Духовной

Академіи К. Поповъ.

Годъ VІІ.—Книга 10.

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

ДУХОВНЫЙ

БОГОСЛОВСКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1905.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всеволожскій пер., д. военнаго штабства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	<i>Стран.</i>
Въ чемъ состоитъ свобода христіанина. Прот. о. Іоаннѣ Ильича Сергіева. (Кронштадскаго).	653
Объ основаніяхъ вѣненія первороднаго грѣха Адамова всѣму человѣчеству. П. Левитова.	657
Очеркъ философскихъ воззрѣній В. С. Соловьева. Архим. Виссаріона	673
Изъ исторіи религіозной мысли во времена революціи. В. К. Недзвецкаго	689

ОТДѢЛЪ II.

Къ вопросу о реформѣ духовной жизни. Прот. А. А. Бѣ- ляева	704
Труды и заслуги К. П. Побѣдоносцева на благо вѣры и Церкви православной въ Россіи. Прот. І. П. Соловьева.	723
Изъ исторіи духовнаго обновленія одной души. (Окончаніе). Л. Оль	755
Священные огни. Между старымъ и новымъ годомъ. В. Н.	787

БИБЛИОГРАФІА.

Противъ неправильно понимающихъ главнѣйшія истины Пра-
вославной Христіанской Религіи. Протоіерея М. Вишневецкаго.
М. Г. Веретенникова.—Замѣтки по теоріи религіознаго вос-
питанія. М. А. Куплетскаго.—Свящ. А. А. Полозова.

Оглавленіе.

Отъ редакціи журнала Вѣра и Церковь.

Объявленія.

ВЪ ЧЕМЪ СОСТОИТЬ СВОБОДА ХРИСТИАНИНА ¹⁾?

„Къ свободѣ призваны вы, братіе, только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти, но любовію служите другъ другу. Если же другъ друга угрызаете и снѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ“ (Галат. 5, 15—13).

Всѣми теперь овладѣла горячка и жажда свободы. Но свобода большинствомъ понимается крайне неправильно, не по Божію разуму, а по человѣческому, слѣпому, именно—понимается, какъ поводъ къ угожденію плоти, въ которой не живетъ доброе. *Ибо все, что въ мірѣ, есть похоть плоти, похоть очей и гордость житейская; она не отъ Отца Небеснаго, а отъ міра сего; она вражда противъ Бога* (I посл. Иоан. 2, 16).

Возьмемъ для примѣра свободу печати, представители которой, въ шутку или въ серьезъ, называютъ ее шестою великою державой. Всѣми силами они добивались отъ правительства этой свободы—добились. Но что же это у нихъ вышла за свобода?—Свобода иныхъ скорописцевъ писать и печатать все, что ни попало на глаза, что только пришло на умъ, или то, чѣмъ бы можно было повредить ненавидимому человѣку или обществу, и—прежде всего—свобода обливать литературною грязью свою же пишущую братію, братію добросовѣстную, вѣрующую, разумную, искреннюю, патріотическую, истинную соль, свѣтъ литературы. Что же

---

¹⁾ Слово о. протоіерея Иоанна Ильича Сергіева, произнесенное въ Андреевскомъ Кронштадскомъ Соборѣ.

это за свобода? Это возстаніе, чернильный походъ противъ истинной свободы, попытка уничтожить въ печати все, что есть истиннаго, разумнаго, идеальнаго, прекраснаго, твердаго въ вѣрѣ, въ политикѣ, въ общежитіи, въ семьѣ, въ воспитаніи, въ домашнихъ и общественныхъ работахъ, въ государственномъ управленіи. Отвратительно читать въ нѣкоторыхъ мелкихъ газетахъ, а иногда и въ крупныхъ, ругательныя выходки противъ газетъ серіозныхъ, въ которыхъ многое изъ напечатаннаго, какъ елей, какъ бальзамъ для сердца прямого, праваго, нелукаво мудрствующаго.

Возьмемъ еще свободу политическую. Печать дождалась отъ правительства этой свободы. Что же вышло? Всѣ газеты и журналы заговорили о политикѣ, на сотни ладовъ, кто во что гораздъ и кто чѣмъ—какимъ складомъ мысли богатъ. Всѣ вышія, даже иныя среднія учебныя заведенія кинулись въ политику, до понятія которой не доросли, и, задавшись политикой, забыли, что они воспитанники, забыли свои книги, свои специальности,—критикують и дразнятъ своихъ профессоровъ, и, пожалуй, ректоровъ, требовали себѣ автономіи, какъ мужи зрѣлаго возраста, устранили начальство, какъ и подобаетъ, будто бы, автономистамъ, и провозгласили безначаліе; а то и въ Государственную Думу они залѣзть не прочь.—А что, если и простой народъ отъ сохи и косы пойдетъ заниматься только политикой? Кто будетъ пахать и косить?

А что такое свобода въ вѣрѣ, которая тоже теперь допущена?—Свобода исповѣдывать вѣру, какую кто хочетъ; при этомъ даже православнымъ не возбраняется оставлять свою вѣру и идти хотя бы въ магометанство и идолопоклонство: свобода въ вѣрѣ допускаетъ, по нынѣшнему, хулить всячески, кто только захочетъ, и свою Вѣру Православную, потому что исповѣдники другихъ вѣръ уважають и хвалять свою вѣру или иновѣріе; и писатели неблагонамѣренныя, дѣйствительно, свободно, безъ зазрѣнія совѣсти, дурно отзываются о Православной Вѣрѣ и о Церкви Православной, и о пастырствѣ ея; въ особенности въ хуленіи Православной Вѣры превзошелъ всѣхъ графъ Левъ Толстой, совершенный отступникъ отъ Бога, поклонникъ своего я,

поклонникъ слѣпого разума человѣческаго. Онъ, въ силу ложно понимаемой свободы мысли и поклоненія человѣческому разуму, отвергъ и Бога, и твореніе міра, и паденіе человѣка, и возсозданіе его, и вообще всю священную исторію, всю вѣру, всякую надежду благу, праведную, Богомъ данную людямъ, отвергнувъ все святое, и оставилъ человѣчество ни съ чѣмъ, только съ его грѣхами, скорбями, бѣдами, болѣзнями, смертями, безъ всякаго просвѣта, безъ всякой надежды на лучшій, вѣчный міръ. Это ли еще не свобода нынѣшняго вѣка и нынѣшняго отступническаго человѣчества?

Это ли свобода, чтобы въ конецъ убить вѣру и надежду народа? Грѣшили наши предки, но грѣхъ грѣхомъ и называли, а нынѣшніе либералы, согрѣшая, стараются грѣхъ оправдать, какъ будто онъ—законное дѣло.

Возьмите вы грѣхи похоти плотской: все это, по ихъ ученію, не только простыя слабости человѣческой природы, но и законы природы, ея требованія. Находятся между ними такіе, которые боготворять и самую страсть плотскую, какъ въ древности поклонники Артемиды. И вся эта мерзость печатается, и ее читаютъ, и о ней разсуждаютъ безъ омерзенія, безъ отвращенія, какъ будто о достойномъ вниманія! Это ли свобода? Нѣтъ, это не свобода, а ужасное рабство грѣху и страстямъ, имѣющее послѣдствіемъ страшную казнь Божию, истребленіе рода и муку вѣчную. *Всякій, творящій грѣхъ, есть рабъ грѣха; рабъ не пребываетъ въ дому во вѣкъ. Сынъ (истинной свободы) пребываетъ во вѣкъ* (Іоан. 8, 34—35).

Истинные христіане должны распинать и искоренять страсти. *Тѣ, кои Христовы, распяли плоть со страстями и похотями* (Галат. 5, 24).

Къ свободѣ призваны вы братіе, писалъ апостоль Павелъ къ Галатамъ, только бы свобода ваша не была поводомъ къ угодженію плоти, но любовію служите другъ другу (христіанскою святою любовію).

Если же другъ друга угрызаете и снѣдаете, то берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ (Галат. 5, 13—15).

Нынѣшняя ложно понятая свобода не служить ли только поводомъ къ угожденію многострастной плоти, къ отступленію отъ Бога, къ разврату и погибели? Ей!

Александръ Леонидовичъ Сергеевъ

ОБЪ ОСНОВАНІЯХЪ ВМѢНЕНІЯ ПЕРВОРОДНАГО ГРѢХА АДАМОВА ВСЕМУ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ.

Однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ христіанской догматики является вопросъ объ основаніяхъ вмѣненія первороднаго грѣха Адамова всему человѣческому роду. Это вмѣненіе, повидимому, противорѣчитъ основнымъ требованіямъ нашего нравственнаго сознанія. Мы признаемъ справедливымъ, чтобы всякій отвѣчалъ только за себя. Если бы человѣческое правосудіе вздумало подвергнуть кого либо наказанію за преступленіе, совершенное много лѣтъ тому назадъ его отдаленнымъ предкомъ, то этотъ фактъ мы признали бы въ высшей степени ненормальнымъ. Всякому что либо можетъ быть вмѣнено вѣ вину или въ заслугу лишь въ томъ случаѣ, если это отъ него самаго зависитъ, если то или другое дѣйствіе явилось продуктомъ его свободнаго самоопредѣленія. А между тѣмъ, по ученію христіанской церкви, всѣ люди виновны въ грѣхѣ, совершенномъ нашимъ прародителемъ тогда, когда насъ вовсе еще не существовало, и не только виновны, но и отвѣтственны за него, т. е. должны подлежать наказанію. Отъ этого наказанія можетъ освободить насъ лишь крестная смерть Сына Божія, пострадавшаго ради нашего спасенія.

Однимъ изъ существенныхъ доказательствъ истинности и богооткровенности христіанства признается то, что догматическое и нравственное ученіе этой религіи возвышенно и совершенно, что оно гармонируетъ съ человѣческою природою, удовлетворяетъ умственнымъ и моральнымъ запросамъ нашего существа. А между тѣмъ основнымъ положеніемъ христіанской догматики, положеніемъ, являющимся ея краеугольнымъ камнемъ, является мысль о виновности всего

человѣчества въ томъ, что произошло помимо его сознанія и свободы.

Неудивительно поэтому, что догматъ о первородномъ грѣхѣ всегда былъ камнемъ преткновенія для богослововъ, всегда приводилъ въ смущеніе вѣрующихъ и въ тоже время желающихъ имѣть разумныя основанія своей вѣры, а невѣрующимъ рационалистамъ, враждебно настроеннымъ противъ христіанства, давалъ поводъ для насмѣшекъ и глумленій надъ нимъ.

Апологеты, какъ древніе, такъ и новѣйшіе, прилагали не мало усилій къ тому, чтобы доказать согласіе ученія о первородномъ грѣхѣ съ требованіями здраваго разума и нравственнаго сознанія. Но всѣ эти усилія, надобно сознаться, или не отличались достаточной глубиною, или же основывались на смѣшеніи между самымъ грѣхомъ и его слѣдствіями. Также самое надобно сказать и о системахъ догматическаго богословія. Разсматриваемый нами вопросъ или совсѣмъ въ нихъ обходится, или рѣшается такъ поверхностно, что, нисколько не удовлетворяя читателя, лишь возбуждаетъ въ немъ чувство досады. Изъ новѣйшихъ русскихъ догматистовъ сравнительно болѣе обстоятельно и подробно останавливается на основаніяхъ вмѣненія первороднаго грѣха протоіерей Малиновскій—авторъ самаго послѣдняго большого и систематическаго труда въ области догматической науки. Разсмотрѣнію этихъ основаній мы и посвятимъ нѣсколько строкъ.

Сказавши о томъ, что вмѣненіе потомкамъ Адама первороднаго грѣха, въ которомъ они не участвовали не только сознаніемъ, но и бытіемъ, заключаетъ въ себѣ много таинственнаго, почтенный авторъ далѣе продолжаетъ: «полное и отрадное разрѣшеніе этой тайны—въ тайнѣ, юже предустави Богъ прежде сложенія міра во славу нашу (1 Кор. 2, 7)—въ тайнѣ искупленія. Вмѣненіе благодати и заслугъ Искупителя—второго Адама—соотвѣтствуетъ вмѣняемости вины перваго Адама» (Правосл. догмат. богосл. ч. 2, Ставрополь, 1903 г.).

Однакожь, если быть безпристрастнымъ, то необходимо сознаться, что мысль объ искупленіи, хотя и является для сердца въ высшей степени отрадной, но нисколько не даетъ не только «полнаго», но и какого бы ни было разрѣшенія

вопроса объ основаніяхъ отвѣтственности людей за первородный грѣхъ. Пусть преступленіе Адамово въ общемъ послужило даже къ лучшему, пусть, согласно ученію о преизбыточествующихъ заслугахъ Испытателя, человѣчество во Христѣ приобрѣло несравнимо болѣе, чѣмъ сколько потеряло въ Адамѣ, все же вопросъ о томъ, какъ могутъ быть люди виновными въ томъ, чего они не дѣлали, остается вопросомъ. Вѣдь цѣль пришествія Спасителя въ томъ и заключалась, чтобы освободить людей отъ виновности въ грѣхѣ Адамовомъ и наказанія за него. Но спрашивается, откуда возникла самая виновность? Да и нужно ли самое искупленіе человѣка отъ того, къ чему онъ совершенно не причастенъ? Представимъ себѣ, что кто нибудь изъ власть имущихъ въ настоящее время подвергъ бы кого либо жестокому наказанію за чужую вину, а потомъ самъ наградилъ потерпѣвшаго. Если бы даже награда и превосходила наказаніе, то все же такой способъ дѣйствій мы едва ли признали бы справедливымъ. Наказанный за то преступленіе, въ которомъ онъ не участвовалъ, не сдѣлается въ немъ виновнымъ только потому, что это наказаніе какимъ либо образомъ заглажено. Искупленіе, совершенное Сыномъ Божиимъ, не разсѣиваетъ, а только еще болѣе увеличиваетъ недоумѣнія. Съ точки зрѣнія, требующей, чтобы каждый былъ отвѣтственнымъ только за себя, не можетъ быть допущено вмѣненіе не только чужой вины, но и чужой заслуги. Всякій долженъ терпѣть наказаніе, или получать награду только за то, что сдѣлалъ онъ самъ сознательно и свободно. Отсюда перенесеніе на человѣчество плодовъ Голговской жертвы представляется столь же неудобопріемлемымъ для разума, какъ и вмѣненіе прародительскаго грѣха.

Впрочемъ, протоіерей Малиновскій, недовольствуясь указаніемъ на отрадную для сердца идею искупленія, пытается привести въ оправданіе вмѣняемости первороднаго грѣха и нѣкоторыя положительныя основанія. «Въ природѣ падшаго, говоритъ онъ, нарушенъ богоустроенный порядокъ, что обнаруживается въ слабости разума, господствѣ злого начала, нечистотѣ, тлѣннн и пр. Такое разстройство въ твореніи Божіемъ, конечно, не можетъ быть предметомъ благоволенія Божія, а должно быть, по требованію правды Божіей,

предметомъ гнѣва Божія. Грѣхъ предъ Богомъ есть зло во всякомъ случаѣ, зависить ли онъ непосредственно отъ того, въ комъ онъ существуетъ, или не зависить. Отсюда слѣдуетъ, что, такъ какъ каждый изъ потомковъ Адама наследуетъ отъ Адама зараженную грѣхомъ природу, то на природѣ каждаго изъ нихъ должно тяготѣть и осужденіе или гнѣвъ Божій. Но, конечно, до проявленія сознанія и свободы въ человѣкѣ эта грѣховность остается только свойствомъ природы; посему на ней собственно и тяготѣетъ осужденіе Божіе, есть вмѣненіе *природы*, но не *личности*, ибо нѣтъ до этого личныхъ преступленій (Ibid стр. 252).

Итакъ, по мнѣнію почтеннаго догматиста, первородный грѣхъ есть не что иное, какъ испорченность нашей природы, являющаяся предметомъ гнѣва Божія. Но почему же человѣкъ виновенъ въ этой испорченности, разъ она не имъ самимъ приобрѣтена, а получена вмѣстѣ съ рожденіемъ? По словамъ о. Малиновскаго, зло одинаково является зломъ, зависить ли оно отъ самаго человѣка, или нѣтъ. Но если мы прислушаемся къ голосу нашего нравственнаго сознанія, то увидимъ, что это далеко не такъ. Грѣхъ, какъ фактъ, могущій подлежать этической оцѣнкѣ, возможенъ лишь при наличности сознанія и самоопредѣленія. При ихъ отсутствіи возможно несовершенство, но немыслимо *нравственное* зло, которое можно было бы вмѣнять личности и подвергать ее за него наказанію. Представимъ себѣ, что кто либо отъ рожденія обладаетъ большимъ, уродливымъ тѣломъ. Таковое, конечно, является несовершенствомъ по сравненію съ здоровьемъ и красотой, но не только Божественная, а и человѣческая правда не признала бы справедливымъ вмѣнить несчастному уроду въ вину его уродство и считать его за это достойнымъ наказанія. А между тѣмъ испорченность нашей природы, наследственно получаемая нами отъ нашихъ предковъ, такъ же мало зависить отъ насъ, какъ и наша тѣлесная оболочка. Наконецъ, извѣстно, что, по ученію православной церкви, слѣдствія грѣха остаются и въ христіанинѣ, возрожденномъ благодатію крещенія. Если зло всегда остается зломъ въ очахъ Божіихъ, независимо отъ источника своего происхожденія, то почему же Божественная правда не вмѣняетъ человѣку растлѣнія его природы, остающагося и по вступленіи его въ лоно церкви Христовой?

Очевидно, что и это объясненіе о. протоіерея Малиновскаго оказывается въ данномъ случаѣ непригоднымъ.

По мнѣнію почтеннаго догматиста, первородный грѣхъ есть принадлежность природы, а не личности. Такой взглядъ можетъ быть основанъ лишь на непониманіи христіанскаго ученія о паденіи и искупленіи человѣчества. Къ сожалѣнію, онъ весьма распространенъ между богословами и нашелъ себѣ мѣсто даже въ семинарскомъ учебникѣ по догматическому богословію. «Подъ именемъ прародительскаго грѣха, говоритъ митрополитъ Макарій, въ самихъ прародителяхъ разумѣется и грѣхъ ихъ, и вмѣстѣ то грѣховное состояніе ихъ природы, въ которое вошли они чрезъ этотъ грѣхъ; а въ насъ, ихъ потомкахъ, разумѣется собственно одно грѣховное состояніе нашей природы, съ которымъ и въ которомъ мы рождаемся». При такомъ понятіи о первородномъ грѣхѣ, конечно, очень легко объяснить его переходъ на весь родъ человѣческій. «Какъ отъ зараженаго источника, читаемъ мы въ катихизисѣ, течетъ зараженный потокъ, такъ и поврежденнаго грѣхомъ человѣка происходятъ такіе же грѣшныя люди». Подобныхъ аналогій можно отыскать безчисленное множество. Всѣ они въ сущности сводятся къ иллюстраціямъ твердо установленнаго закона наслѣдственности, по которому отъ здороваго рождается здоровое, отъ хилаго и болѣзненнаго—уродливое и немощное. Первый человѣкъ, вкусивши отъ плода запрещеннаго древа, заразилъ свою природу ядомъ грѣха, внесъ въ душу и тѣло начало разложенія. По естественному порядку вещей эта испорченность, это растлѣніе должны были передаться отъ родителей къ дѣтямъ. Послѣдніе, получивъ въ обладаніе уже загнившую родовую сущность, еще болѣе загадили ее личными грѣхами и въ свою очередь передали ее своимъ потомкамъ, тѣ—своимъ и т. д. Съ этой точки зрѣнія, переходъ первороднаго грѣха не только вполне понятенъ, но и безусловно необходимъ. Было бы чудомъ, если бы отъ грѣшниковъ родились праведники, отъ больныхъ здоровые, отъ испорченныхъ и растлѣнныхъ чистые и невинные. Но, какъ ни просто это объясненіе, оно не можетъ удовлетворить насъ, такъ какъ основывается на смѣшеніи грѣха съ его слѣдствіями, строго раздѣльными по ученію церкви.

Если первородный грѣхъ есть испорченное состояніе нашей природы, передаваемое по наслѣдственности отъ предковъ къ потомкамъ, то христіане, усвоившіе плоды искупительной жертвы Христовой, были бы совершенно чистыми, невинными и святыми. Они должны бы были возвратиться въ то первобытное состояніе, въ которомъ находились наши прародители до паденія. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. И слово Божіе и опытъ свидѣлствуютъ, что и въ возрожденныхъ есть удобопреклоненность ко злу, что и христіанинъ ощущаетъ въ себѣ «инъ законъ, противовоющъ закону ума его и плѣняющъ его закономъ грѣховнымъ» (Рим. 7, 18). Природа человѣка и послѣ крещенія остается испорченною и растлѣнною: возрожденіе ея и возведеніе къ первоначальной чистотѣ и невинности составляетъ уже дальнѣйшую нравственную задачу самаго человѣка, осуществляемую его личными усиліями, при помощи благодати Божіей, подаваемой въ таинствахъ. Но если, какъ мы знаемъ, первородный грѣхъ совершенно уничтожается въ таинствѣ крещенія, усвоившемъ каждому человѣку плоды искупительной жертвы Христовой, а грѣховное состояніе его природы остается и по вступленіи въ церковь, то, слѣдовательно, первородный грѣхъ не есть испорченность природы, а что-то совсѣмъ другое. Для того, чтобы выяснить, что же онъ такое, обратимся къ символическимъ книгамъ православной церкви,

«Первородный грѣхъ, читаемъ мы въ Православномъ Исповѣданіи, есть преступленіе закона Божія, даннаго въ раю прародителю Адаму. Сей прародительскій грѣхъ перешелъ отъ Адама во все человѣческое естество, поелику всѣ мы находились въ Адамѣ, и такимъ образомъ, чрезъ одного Адама грѣхъ распространился на всѣхъ насъ. Посему мы и зачинаемся и рождаемся во грѣхѣ» (ч. 3, отв. на вопр. 20). Какъ видимъ, въ приведенномъ членѣ не дѣлается никакого различія въ пониманіи первороднаго грѣха по отношенію къ намъ и нашему праотцу. Наоборотъ, указывая на то, что въ моментъ грѣхопаденія всѣ мы находились въ Адамѣ, какъ бы составляя съ нимъ едино, Православное Исповѣданіе ясно даетъ понять, что первородный грѣхъ въ насъ состоитъ въ томъ же самомъ, въ чемъ состоялъ онъ и въ нашихъ прародителяхъ. Нарушеніе запо-

вѣди, данной въ раю, было дѣломъ личности, а не природы; точно также свойствомъ личности является и въ настоящее время первородный грѣхъ. Затѣмъ, преступленіе, совершенное нашимъ праотцемъ, было виною предъ Богомъ и влекло за собою отвѣтственность; и мы рождаемся виновными предъ Богомъ и отвѣтственными, т. е. заслуживающими наказаніе за эту вину. Но понятія вины и отвѣтственности суть свойства личности, а не природы. Господь І, Христось, примирившій людей съ Богомъ, далъ возможность каждому очищаться отъ первороднаго грѣха въ таинствѣ крещенія. Это очищеніе состоитъ въ томъ, что человѣкъ дѣлается: во 1) невиновнымъ предъ Богомъ, дѣйствительно чистымъ и невиннымъ, во 2) не подлежащимъ наказанію. Но грѣховное состояніе человѣческой природы, ея растлѣніе, испорченность и болѣзненность, а равно и физическая смерть остаются и въ христіанахъ. Это потому, что всѣ перечисленные свойства не суть самый грѣхъ, а слѣдствія грѣха, слѣдствія, отъ которыхъ не освобождаетъ таинство крещенія и которыя составляютъ достояніе природы, а не личности. Они, конечно, являются несовершенствомъ въ очахъ Божіихъ, но сами по себѣ не вмѣняются въ вину человѣку, будучи для него несчастьемъ, а не преступленьемъ. Но они представляютъ изъ себя благоприятную почву для возникновенія личныхъ грѣховъ, которые, однакожь, не могутъ совершаться безъ участія свободной воли человѣка, а потому и признаются заслуживающими наказанія.

Такимъ образомъ, въ ученіи церкви различаются первородный грѣхъ и слѣдствія грѣха. Грѣхъ — это виновность каждаго человѣка въ паденіи Адамовомъ и отвѣтственность за него; слѣдствія — разстройство духовныхъ и физическихъ силъ человѣка. Послѣднія передаются по наследственности и суть свойства природы, первыя — достояніе личности. Въ таинствѣ крещенія мы лично освобождаемся отъ виновности въ грѣхѣ Адамовомъ и отвѣтственности за него, но природа наша по прежнему остается растлѣнною грѣхомъ и можетъ постепенно очищаться лишь усиліями, свободной воли человѣка, при помощи благодати Божіей подаваемой въ таинствахъ.

Такимъ образомъ, объясненіе виновности всѣхъ людей въ грѣхѣ Адамовомъ, исходящее изъ факта наслѣдственной передачи испорченной и растлѣнной природы, какъ основывающееся на смѣшеніи первороднаго грѣха и его слѣдствій, не можетъ быть признано сколько нибудь удовлетворительно рѣшающимъ разсматриваемое недоумѣніе.

Слѣдующимъ основаніемъ вмѣненія прародительскаго грѣха всему человѣчеству, по мнѣнію о. протоіерея Малиновскаго, является то обстоятельство, что люди своими личными грѣхами какъ бы даютъ согласіе на грѣховность своей природы и, такимъ образомъ, дѣлаются ея сознательными и свободными участниками. «Каждый изъ потомковъ Адама, разсуждаетъ онъ, свободнымъ дѣйствіемъ своей воли приобщаетъ себя къ его грѣху, и дѣлаетъ грѣховность природы своимъ *личнымъ грѣхомъ*, иначе—унаслѣдованное состояніе грѣховности превращаетъ какъ бы въ дѣло собственнаго сознанія и воли. Если же наслѣдственная грѣховность господствуетъ въ потомкахъ Адама не безъ зависимости отъ ихъ свободы, то, слѣдовательно, можетъ и вмѣняться, какъ грѣхъ въ собственномъ смыслѣ» (353).

Но здѣсь мы видимъ, что почтенный догматистъ уже уклоняется отъ рѣшенія вопроса объ основаніяхъ вмѣненія грѣха первороднаго и доказываетъ въ сущности лишь справедливость ответственности человѣка за грѣхи личные, какъ зависящіе отъ его свободной воли. Но въ этомъ и безъ него никто не сомнѣвается. Нельзя согласиться и съ тѣмъ положеніемъ, чтобы каждый изъ насъ, нарушая то или другое требованіе нравственнаго закона, тѣмъ самымъ изъявлялъ согласіе на унаслѣдованную отъ прародителей грѣховность своей природы. Скорѣе наоборотъ, частное и единичное проявленіе злой воли до нѣкоторой степени оправдывается этою грѣховностью, ограничивающею силу внутренняго самоопредѣленія личности. Представимъ себѣ, что кто нибудь родился отъ алкоголиковъ и затѣмъ самъ сталъ употреблять спиртные напитки. Неужели ему можно вмѣнить въ вину не только это употребленіе, но и самый алкоголизмъ, унаслѣдованный имъ отъ природы? Конечно нельзя. Точно также и каждый личный грѣхъ можетъ быть вмѣненъ человѣку именно, какъ личный, самъ по себѣ, но не можетъ сопровождаться вмѣненіемъ той независимой

отъ личности грѣховной испорченности, на почвѣ которой онъ зародился. Но если бы даже и дѣйствительно свободнымъ нарушеніемъ Божественной воли человѣкъ давалъ согласіе на грѣховное состояніе своей природы, то это объясняло бы лишь отвѣтственность человѣка за слѣдствія грѣха, но не за самый грѣхъ. Если и можно допустить, что, поступая безнравственно, мы становимся свободными участниками грѣховнаго состоянія своей природы, то ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя предполагать того, чтобы чрезъ это мы могли участвовать въ самомъ преступленіи Адамовомъ. Такое предположеніе было бы похоже на то, какъ если бы мы человѣку, совершившему убійство, вмѣнили не только это послѣднее, но и всѣ проступки, совершенные его дѣдами и прадѣдами. Наконецъ, если основаніемъ отвѣтственности всего человѣчества за прародительскій грѣхъ считать свободное согласіе на него, даваемое будто бы въ фактахъ личныхъ паденій, то необходимо признать чистыми отъ первороднаго грѣха младенцевъ, которые, не обладая еще ни самосознаніемъ, ни самоопредѣленіемъ, такого согласія дать не могли. А между тѣмъ, по ученію церкви, и они не чужды скверны грѣховной, отъ которой могутъ освободиться только чрезъ благодать крещенія. Отсюда это таинство съ апостольскихъ временъ совершается и надъ малолѣтними дѣтьми. Если Спаситель сказалъ о младенцахъ: «таковыхъ бо есть царство небесное», то въ данномъ случаѣ Онъ хотѣлъ указать лишь на свойственную имъ простоту вѣры, составляющую необходимое условіе для вступленія въ церковь Христову, но не на то, чтобы они были совершенно свободны отъ первороднаго грѣха. Причастность ихъ послѣднему имѣеть для себя многочисленныя основанія въ св. писаніи, напримѣръ въ словахъ Іова: «кто бо чистъ будетъ отъ скверны? Никтоже, аще и единъ день житія его на земли» (14, 4, 5), или въ 50 псалмѣ: «се бо въ беззаконіяхъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя» (ст. 7). (Ср. Римл. 5. 12; Іоанн. 3, 6; 1 Коринѣ. 15, 22; Быт. 17, 12).

Приступаая къ положительному рѣшенію разсматриваемаго вопроса, мы прежде всего должны сознаться, что догматъ о паденіи всѣхъ людей въ Адамѣ и искупленіи во Христѣ принадлежитъ къ числу непостижимѣйшихъ тайнъ

богословія и можетъ быть принять только человѣкомъ вѣрующимъ. Мы взвалили бы на свои плечи непосильную задачу, если бы вздумали, какъ это иногда дѣлають, доказывать, что ученіе церкви о виновности всѣхъ людей въ первородномъ грѣхѣ не только не противорѣчитъ разуму и нравственному сознанию, но даже необходимо требуется ими. Къ какимъ бы софизмамъ мы ни прибѣгли, для нашего ограниченнаго разсудка всегда останется не вполне понятнымъ, какъ это мы, еще не существуя, могли принять участие въ преступленіи нашего прародителя и почему мы должны терпѣть наказаніе за это преступленіе. Задача наша гораздо болѣе скромная. Мы попытаемся отыскать въ человѣческомъ сознаниіи хоть нѣкоторыя данныя, которыя могли бы пролить свѣтъ на эту сокровеннѣйшую тайну богословія. Если намъ удастся указать тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ догматъ о первородномъ грѣхѣ можетъ казаться соотвѣтствующимъ умственнымъ и моральнымъ постулатамъ нашей природы, если анализъ этой послѣдней откроетъ въ ея содержаніи такіе элементы, которые говорятъ въ пользу разсматриваемаго нами ученія, то мы будемъ считать цѣль свою достигнутой.

Главнѣйшимъ возраженіемъ противъ догмата о первородномъ грѣхѣ является то соображеніе, что всякій долженъ отвѣчать только за себя, что сознательность и свобода составляютъ необходимое условіе вмѣненія. Повидимому, это истина безспорная, не могущая возбуждать какія либо сомнѣнія или возраженія. Мы признаемъ несправедливымъ наказаніе одного за вину другого, возмущаемся явленіями протекціонизма, протестуемъ противъ наслѣдственныхъ и сословныхъ привилегій, требуемъ, чтобы всякій пользовался благосостояніемъ лишь по своимъ личнымъ заслугамъ. Но, однакожь, если мы присмотримся къ жизни и исторіи, то увидимъ, что на ряду съ этой точкой зрѣнія всегда существовала другая, ей противоположная. Правда, въ настоящее время она не пользуется сочувствіемъ, но были эпохи, когда она имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ тенденціями индивидуализма. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ признавалось возможнымъ и справедливымъ вмѣнять однимъ людямъ заслуги другихъ людей. Отсюда, на примѣръ, дѣти лицъ, оказавшихъ какія либо особыя услуги

государству, всегда пользовались преимуществами предъ всѣми прочими гражданами. Это наблюдается и теперь. Къ этой же категоріи явленій должны быть отнесены сословныя привилегіи и фактъ наслѣдственной собственности. Справедливость того и другого часто возбуждаетъ сомнѣнія, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать и того, что права дѣтей на пользованіе благами, прибрѣтенными ихъ отцами, находили и находятъ для себя защитниковъ, а слѣдовательно, имѣютъ въ свою пользу нѣкоторыя данныя въ человѣческомъ сознаніи. Идея перенесенія заслугъ съ одного лица на другое находитъ себѣ примѣненіе и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, по ходатайству одного лица, или во имя любви и уваженія къ нему, оказывается снисхожденіе или благодѣяніе другому лицу, стоящему съ нимъ въ какой либо связи. Такъ, на примѣръ, если горячо любимая нами женщина или уважаемый другъ просятъ насъ простить нашего обидчика, то мы изъ уваженія къ лицамъ ходатайствующимъ исполняемъ эту просьбу, хотя бы виновный самъ по себѣ и не заслуживалъ снисхожденія. Подобное бываетъ и тогда, когда что либо дѣлается въ память и во имя нашего умершаго родственника или благодѣтеля. Когда предъ человѣческимъ судилищемъ стоитъ преступникъ, заслуживающій суроваго наказанія, и здѣсь же судьи видятъ горячо любящихъ его отца, мать, жену и дѣтей, горько плачущихъ и молящихъ о пощадѣ, они смягчаются, изъ сожалѣнія къ старикамъ родителямъ и невиннымъ малюткамъ, уменьшаютъ виновному наказаніе и никто не видитъ въ этомъ ничего несправедливаго. Во всѣхъ религіяхъ существуетъ, далѣе, ученіе о молитвахъ однихъ людей за другихъ, живыхъ и умершихъ, а также о возможности предстательства за насъ предъ Богомъ или богами высшихъ существъ, могущихъ покровительствовать еще живущимъ на землѣ людямъ. Наконецъ, чрезъ всю исторію человѣчества проходитъ идея жертвы, т. е. удовлетворенія, приносимаго одними разумно свободными существами за другихъ. Всѣ эти и имъ подобныя факты свидѣтельствуютъ, что человѣческое сердце признаетъ возможнымъ вмѣненіе однимъ людямъ того, что принадлежитъ другимъ. Приведенные примѣры говорятъ болѣе о перенесеніи чужихъ заслугъ, чѣмъ объ отвѣтственности за чужую вину; но

тѣмъ не менѣе ими принципиально рѣшается вопросъ о справедливости и этой послѣдней. Если вмѣненіе независитъ безусловно отъ сознательности и свободы личности, то оно должно простирается какъ на заслуги, такъ и на преступленія. Если можно награждать человѣка за то, чего онъ не заслужилъ, во имя заслугъ другого лица, то послѣдовательность требуетъ признать справедливымъ и наказаніе его за то, въ чемъ онъ не виновенъ, но что совершенно какимъ либо близкимъ ему лицомъ. Дѣти злодѣевъ и государственныхъ преступниковъ въ глазахъ общества стоятъ ниже дѣтей непорочныхъ родителей, дурной членъ извѣстной общественной группы порочитъ всю эту группу, гнусное преступленіе, совершенное лицомъ какого либо сословія, налагаетъ пятно и на всѣхъ другихъ его представителей. Когда допускаютъ круговую поруку, когда говорятъ о семейной, профессиональной и національной чести, могущей пострадать отъ дурного поступка единичной личности, когда стыдятся за другихъ людей, какъ бы чувствуя себя причастными ихъ виновности, то во всѣхъ этихъ случаяхъ предполагаютъ возможнымъ перенесеніе отвѣтственности за извѣстное дѣйствіе съ одной личности на другую. Мы не утверждаемъ, что бы всѣ эти соображенія и факты дѣлали неоспоримой справедливость вмѣненія однимъ людямъ дѣйствій другихъ людей, мы только считаемъ необходимымъ констатировать тотъ фактъ, что это вмѣненіе имѣетъ для себя данныя въ человѣческомъ сознаніи, что во всякомъ случаѣ оно не есть безусловный абсурдъ для разума.

Мысль о возможности перенесенія отвѣтственности съ однихъ духовно-разумныхъ существъ на другія и въ частности съ Адама на все человѣчество можетъ находить для себя какъ эмпирическія, такъ и метафизическія основанія. Къ числу первыхъ принадлежалъ тѣ, которыя обычно приводитъ христіанская религія въ защиту своего ученія о всеобщемъ равенствѣ и братствѣ, основанія, часто повторяемыя, но вслѣдствіе своей внутренней содержательности и глубины никогда не могущія превратиться въ общія мѣста и избитыя фразы. Всѣ люди происходятъ отъ одного общаго родоначальника, всѣ они имѣютъ одинъ корень и суть его разнообразныя развѣтвленія. Всѣ они живутъ

среди однихъ и тѣхъ же условій и взаимно зависятъ другъ отъ друга. Счастье каждаго изъ членовъ челоѳчества зависитъ отъ блага всего цѣлага, свойства однихъ по закону наслѣдственности передаются другимъ, каждый зависитъ отъ окружающей его среды, каждый обязанъ и своею жизнью, и своимъ воспитаніемъ, и тѣми благами культуры, какими онъ пользуется, всему остальному челоѳчеству. Послѣднее есть какъ бы огромный организмъ, члены котораго отдѣльные индивидуумы. Состояніе всего организма постоянно зависитъ отъ состоянія каждаго изъ его членовъ и, наоборотъ, состояніе каждаго члена еще въ большей степени зависитъ отъ того или другаго состоянія всего организма. Неудивительно поэтому, что существовали такіа теоріи, которыя, отождествляя личное и общее благо, утверждали, что всякій служащій универсальному счастью тѣмъ самымъ наилучшимъ образомъ гарантируетъ себѣ личное благополучіе. И слово Божіе до нѣкоторой степени раздѣляетъ эту точку зрѣнія. Поэтому еще ветхозавѣтная мораль признавала справедливымъ наказаніе дѣтей за преступленія отцевъ. Этотъ взглядъ, представляющійся несправедливымъ для тѣхъ, кто признаетъ безусловную рознь между индивидуумами, вполне понятенъ для той точки зрѣнія, которая представляетъ челоѳчество единымъ тѣломъ, отдѣльные органы котораго тѣсно связаны между собою безчисленными нитями, вслѣдствіе чего боль одного члена ощущается всѣми другими, какъ своя собственная. Такое признаніе общечелоѳческой солидарности и взаимной зависимости въ противоположность абсолютному индивидуализму постоянно постулируется нашимъ сознаніемъ и можетъ быть отвергаемо только теоретически. На словахъ челоѳкъ сколько угодно можетъ утверждать, что онъ существуетъ самъ по себѣ, ни въ комъ не нуждается, ни отъ кого не хочетъ ничего принимать и ни съ кѣмъ не желаетъ чѣмъ нибудь дѣлиться, но на дѣлѣ онъ никогда не останется вполне послѣдовательнымъ, не освободится отъ общечелоѳческаго вліянія и общечелоѳческихъ интересовъ. Сознаніе этого давно проникло въ умы людей и нашло себѣ выраженіе между прочимъ у Достоевскаго въ его ученіи о виновности всякаго за грѣхи всѣхъ и о нравственной обязанности личности добровольно страдать за другихъ.

Однакожь слѣдуетъ сознаться, что всѣ приденныя соображенія во 1) свидѣтельствуютъ болѣе о тѣсной связи существующей между индивидуумами, живущими въ одно и тоже время, чѣмъ о взаимной солидарности различныхъ поколѣній, во 2) констатируютъ, такъ сказать, общность природы всего человѣчества, его родовой сущности, но не личнаго начала. А между тѣмъ вмѣненіе первороднаго грѣха, какъ мы старались доказать, есть именно вмѣненіе личности, а не природѣ. Для оправданія перваго слѣдуетъ искать иныхъ основаній уже въ чисто метафизической сферѣ.

Философская мысль человѣчества всегда пыталась установить болѣе глубокую и тѣсную связь между отдѣльными индивидуумами, чѣмъ какая доступна нашему непосредственному наблюденію. Припомнимъ хотя бы предположеніе Шопенгауэра о метафизическомъ единствѣ индивидуумовъ, раздѣляемыхъ лишь пространственными границами, которыя представляютъ изъ себя ничто иное, какъ чисто субъективный продуктъ духа. Можно, конечно, не соглашаться съ этимъ воззрѣніемъ, но уже самое его существованіе показываетъ, что возможны такія перепективы, съ которыхъ человѣческой родъ есть нѣчто гораздо болѣе цѣльное, чѣмъ какъ это представляется при поверхностномъ на него взглядѣ. А если мы допустимъ то, что и категория времени не имѣетъ безусловно объективной реальности, то предположеніе о тѣсной связи между отдѣльными поколѣніями и въ частности между нами и нашимъ прародителемъ Адамомъ представится намъ еще болѣе вѣроятнымъ.

Въ первохристіанской богословской литературѣ мы встречаемъ попытки доказать, что всѣ люди сознательно и свободно принимали участіе въ грѣхопаденіи нашего протца, что слѣдовательно, человѣчество было дѣйствительнымъ участникомъ первороднаго грѣха. Такую попытку находимъ мы, напримѣръ, у Оригена въ его ученіи о предсуществованіи душъ, принимавшихъ дѣйствительное участіе въ нарушеніи божественной заповѣди, данной въ раю. Съ точки зрѣнія этой теоріи, вмѣненіе первороднаго грѣха является вполне понятнымъ. Личность, въ извѣстный моментъ посылаемая Богомъ въ ту или иную родовую психическую монаду, представляющую изъ себя сумму различныхъ наслѣд-

ственныхъ вліяній, сама имѣеть довременное бытіе и виновна въ преступленіи Адамовомъ. Въ таинствѣ крещенія, усвояющемъ намъ плоды искупительной жертвы Христовой, эта виновность съ человѣка снимается, и онъ, становясь чистымъ и невиннымъ самъ по себѣ, получаетъ въ обладаніе грѣховную природу, очищеніе которой составляетъ задачу его земной жизни. Ученіе Оригена о предсуществованіи душъ въ той формѣ, въ какой оно было имъ высказано, подверглось осужденію на 5-мъ вселенскомъ соборѣ, попутно съ другими заблужденіями этого учителя и посколькѣ онъ дѣлалъ изъ нея нѣкоторые ложные догматическіе выводы. Но самая идея этой теоріи, мысль о томъ, что всѣ люди пали въ Адамѣ, что связь ихъ съ праотцемъ болѣе тѣсная и глубокая, чѣмъ это доступно для поверхностнаго взгляда, не была отвергнута церковью. Согласно ученію апостола Павла, что грѣхъ въ міръ вниде единѣмъ человѣкомъ, «въ немъже вси согрѣшиша» (Римл. 5, 12), Православное Исповѣданіе прямо выражается, что въ моментъ грѣхопаденія «всѣ мы находились въ Адамѣ».

Но если имѣть въ виду лишь эмпирическую сторону дѣйствительности, то эта мысль апостола и нашей символической книги окажется совершенно непонятной. Съ феноменальной точки зрѣнія мы не могли быть въ раю вмѣстѣ съ Адамомъ и принимать участие въ его преступленіи, такъ какъ насъ тогда, повидимому, вовсе еще не существовало. Очевидно значить, что и посланіе къ Римлянамъ и Православное Исповѣданіе имѣютъ въ виду не эмпирическую, а трансцендентную связь нашей личности съ личностью нашего родоначальника. А такая связь и съ чисто рачіональной точки зрѣнія должна быть признана весьма вѣроятною. Не слѣдуетъ забывать ограниченности доступныхъ человѣку умственныхъ горизонтовъ. Намъ видна лишь безконечно малая сторона сущаго, мы имѣемъ возможность судить о жизни лишь въ предѣлахъ ея безконечно малаго момента по сравненію съ вѣчностью. Что за этими предѣлами, вѣдомо одному только Богу. «На грани двухъ міровъ средь тьмы и свѣта мерцаетъ жизни тусклая звѣзда» (Байронъ). Откуда человѣкъъ приходитъ и куда онъ идетъ, что было съ нимъ до появленія на свѣтъ и что будетъ по смерти, все это составляетъ для насъ непроницаемую тай-

ну. Слово Божіе отчасти открываетъ намъ завѣсу грядущаго, но не даетъ никакихъ основаній для сужденія о прошломъ. Однакожъ, изъ этого было бы несправедливо заключать, что послѣдняго совсѣмъ не существуетъ. Напротивъ, и священному писанію и здравому разуму нисколько не противорѣчитъ то предположеніе, что люди, въ какой бы то ни было формѣ и какимъ бы то ни было неизвѣстнымъ намъ способомъ, принимали участіе въ грѣхопаденіи Адамовомъ, что съ высшей трансцендентной точки зрѣнія существуетъ тѣснѣйшая и при томъ не природная только, но и *личная* связь между нами и нашимъ родоначальникомъ, связь, которая даетъ дѣйствительныя основанія для вмѣненія намъ прародительскаго грѣха.

Павель Левитовъ.

ОЧЕРКЪ ФИЛОСОФСКИХЪ ВОЗЗРѢНІЙ В. С. СОЛОВЬЕВА.

Въ лицѣ Владиміра Сергѣевича Соловьева философская наука лишилась одного изъ лучшихъ и популярнѣйшихъ своихъ представителей. Возвышенный строй мысли въ соединеніи съ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ, умѣнье ставить и обнимать философскіе вопросы во всей ихъ широтѣ, обширныя и разнообразныя свѣдѣнія, наконецъ, блестящій талантъ изложенія,—все это дѣлало поборника философіи цѣльнаго знанія однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей современнаго поколѣнія русскихъ философовъ, достигшихъ полной зрѣлости.

Правда, философскія работы В. С. Соловьева нельзя назвать вполне самостоятельными, на нихъ весьма замѣтно отразились тѣ системы, которыя почившій такъ хорошо изучилъ, правда и то, что въ нихъ много мистики; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ лицѣ В. Соловьева погибъ огромный и оригинальный талантъ, который могъ еще развиваться и крѣпнуть. Многія недостатки философскихъ работъ покойнаго вполне объясняются и даже извиняются тѣмъ обстоятельствомъ, что у него ихъ постановка носитъ широкій характеръ, требующій, при современномъ состояніи знанія, почти недоступныхъ для одного человѣка свѣдѣній.

I.

Историко-философскіе взгляды В. С. Соловьева.

Цѣльность всякой философской системы зависитъ не только отъ того, что ея отдѣльныя части тѣсно связаны съ основной идеей и вытекаютъ изъ нея, но и отъ того, что міровоззрѣніе творца ея такъ или иначе предполагаетъ

и другіе философскіе взгляды, проще сказать—каждый философъ долженъ имѣть извѣстное воззрѣніе на исторію философіи. Исходной точкой для опредѣленія историко-философскихъ взглядовъ В. С. Соловьева необходимо, по нашему мнѣнію, взять его ученіе о законѣ историческаго развитія. Человѣчество, по нему, есть организмъ и, какъ таковой, оно подлежитъ тѣмъ же законамъ возрастанія, что и всякій организмъ, направляясь къ исполнѣнію опредѣленной цѣли—развить свои формы и элементы такъ, чтобы они свободно составили одно гармоническое цѣлое. Эти формы и эти элементы въ первомъ фазисѣ своего существованія подавляются элементомъ единства, напротивъ во второмъ послѣдній, такъ сказать, пассивенъ, а актуальность переходитъ къ частямъ его. Впрочемъ развитіе человѣчества не должно на этомъ остановиться—третьему и послѣднему фазису принадлежитъ роль свободнаго примиренія единства и элементовъ его. Этотъ законъ историческаго развитія простирается на всѣ сферы жизни и дѣятельности людей. Если разсматривать человѣчество съ тѣхъ же трехъ сторонъ, съ которыхъ разсматривается и каждый отдѣльный индивидуумъ, т. е. со стороны чувства, мышленія и воли, и если со вторымъ связывать происхожденіе положительной науки, философіи и теологіи, то окажется, что вышеизложенный законъ приложимъ и къ этимъ тремъ послѣднимъ. Исторія умственнаго развитія среднихъ вѣковъ оправдываетъ въ извѣстной степени первый фазисъ историческаго развитія человѣчества въ области знанія, ибо въ это время теологія, философія и эмпирическая наука представляли изъ себя нѣчто цѣлое, которому однако не хватало свободнаго соединенія частей: богословіе, какъ элементъ единства, подавляло философію и положительную науку. Впрочемъ послѣднія со времени возрожденія начинаютъ постепенно обособляться и такимъ образомъ западъ вступаетъ во второй фазисъ развитія. Этому времени, не самому по себѣ, а въ виду его отрицательнаго значенія въ дѣлѣ созданія истинной философіи, В. С. Соловьевъ посвящаетъ свою первую книгу—«Кризисъ западной философіи», а потомъ много говоритъ о немъ и въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ». Многія философскія знаменитости обязаны своею популярностью почти исключительно тому, что су-

мѣли понять и выразить духъ времени въ своихъ твореніяхъ, давши ему quasi научное оправданіе. Въ то время, когда выступалъ на философское поприще В. Соловьевъ, легко можно было завоевать симпатіи образованнаго общества; требовалось только одно—разрѣшать философскія проблемы въ духѣ тѣхъ кумировъ, которымъ оно поклонялось, а однимъ изъ нихъ былъ творецъ позитивизма. Сущность послѣдняго можно выразить въ слѣдующихъ словахъ самаго Конта: «въ положительномъ состояніи человѣческой умъ, признавая невозможность абсолютнаго знанія, перестаетъ искать начала и назначенія міра; отказывается познавать внутреннія причины явленій и исключительно занимается открытіемъ ихъ дѣйствительныхъ законовъ, т. е. ихъ неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и подобія, соединяя при этомъ наблюденіе съ разсужденіемъ»¹⁾. Если бы все то, что сказано здѣсь, было правдой, тогда рѣшеніе вѣчныхъ философскихъ вопросовъ отошло бы въ область преданій, но это не случилось,—не случилось потому, что философскія проблемы связаны съ самымъ существованіемъ человѣка²⁾, умъ котораго ищетъ разумнаго объясненія для всего существующаго.

«Я знать хочу, къ чему въ лазурѣ небосвода,
 «Льетъ солнце свѣтъ и жизнь въ волнахъ своихъ
 лучей,
 «Кѣмъ создана она,—могучая природа,—
 «Твердыни горъ ея и глубь морей:
 «Я знать хочу, къ чему я созданъ самъ въ при-
 родѣ,
 «Съ душой скучающей безцѣльнымъ бытіемъ,
 «Съ тепломъ любви въ душѣ, съ стремленіемъ къ
 свободѣ.
 «Съ сознаньемъ силъ своихъ и съ мыслящимъ
 умомъ!
 «Живя, я жить хочу не въ жалкомъ опьяненіи,
 «Боясь себя «зачѣмъ?» пытливо спросить
 «А такъ, чтобъ въ каждомъ днѣ, и часѣ, и мгно-
 веньи,

¹⁾ Курсъ полож. фил. стр. 4.

²⁾ Кризисъ зап. Фил. стр. 2.

«Таился бы вѣчный смыслъ, дающій право жить.
 «А если мой вопросъ замолкнетъ безъ отвѣта,
 «И если съ горечью сознаю я умомъ,
 «Что никогда лучомъ желаннаго разсвѣта
 «Не озарите вы мнѣ мглы, чернѣющей кругомъ,—
 «Къ чему мнѣ ваша жизнь безцѣльнаго значенья?
 «Мнѣ душно будетъ жить, мнѣ стыдно будетъ
 жить,—
 «И полный гордости и мощнаго презрѣнья,
 «Цѣпь блѣдныхъ дней моихъ безъ слезъ и сожа-
 лѣнья
 «Я разомъ оборву, какъ спутанную нить!»³⁾

Этотъ отрывокъ изъ стихотворенія нашего поэта каж-
 дый разумный человѣкъ смѣло можетъ прочитать пози-
 тивисту, наивно думающему свести всю философію только
 на открытіе дѣйствительныхъ законовъ бытія.

Правда, философія въ своихъ поискахъ за истиной ча-
 сто была очень далеко отъ послѣдней, переживая кризисъ,
 однако, не смотря на это, она пришла не къ отрицанію, а
 къ утверженію необходимости рѣшенія философскихъ про-
 блемъ и, конечно, уже не въ духѣ позитивизма.

Показать—какъ философская мысль послѣ долгихъ ски-
 таній нашла вѣрный путь для своего развитія, и имѣетъ
 своею задачею первая часть трудовъ В. Соловьева; такъ
 что она можетъ служить какъ бы *введеніемъ* къ цѣлому
 очерку его философскихъ воззрѣній, доказывая такимъ об-
 разомъ ихъ состоятельность самой исторіей философіи,
 тѣми результатами ея, къ которымъ она пришла въ самое
 послѣднее время. А эти результаты дались ей не даромъ:
 она долго переживала кризисъ.

Впрочемъ въ своихъ ошибкахъ западная философія была
 виновата сама, ставши въ гносеологическихъ изслѣдова-
 ніяхъ на совершенно невѣрную точку зрѣнія, которую
 можно опредѣлить, какъ господство «разсудочнаго» мыш-
 ленія въ ней⁴⁾. Это направленіе, начинаясь съ Канта чрезъ
 Фихте, Шеллинга, Гегеля и Шопенгауера доходитъ до
 Гартмана.

³⁾ Стихотв. Надсона стр. 64-5.

⁴⁾ Криз. зап. фил. стр. 64—76.

Наше познаніе можетъ правильно совершаться только тогда, когда будетъ соединять чистую логику съ эмпиріей,— это положеніе и оправдано исторіей западной философіи; ея алогизмы вполнѣ объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что она выводила все познаніе или изъ однихъ общихъ понятій, или изъ одного дѣйствительнаго опыта, разлагая конкретное воззрѣніе на его чувственные и логическіе элементы и полагая ихъ о себѣ, т. е. приписывая имъ дѣйствительное бытіе самимъ по себѣ, тогда какъ они имѣютъ все свое значеніе не въ отвлеченіи отъ цѣлаго, а въ полномъ гармоническомъ единствѣ его.

Очевидно, что философскіе вопросы—что есть? и что должно быть?—не могли быть правильно разрѣшены западной философіей, а законность существованія послѣдняго въ ней часто даже и совсѣмъ отрицалась.

Философія въ разбираемое время можетъ быть сведена къ двумъ направленіямъ: раціонализму и эмпиризму, но познаніе истины было одинаково далеко отъ нихъ. «Оба воззрѣнія, проводя свои принципы логически до конца, должны получить одинъ и тотъ же результатъ, должны прійти къ чистому ничто» ⁵⁾.

Если все бытіе сводится къ явленію, какъ утверждаетъ эмпиризмъ, что тогда можетъ служить критеріемъ объективности, истинности? Можно ли тогда говорить о внѣшнихъ предметахъ и о нашихъ психическихъ состояніяхъ, какъ о чемъ-то противоположномъ другъ другу, потому что и внѣшніе предметы, какъ оказывается, суть въ дѣйствительности наши психическія состоянія и ничего болѣе ⁶⁾. Если же все есть только понятіе, какъ утверждаетъ раціонализмъ, то какимъ образомъ возможенъ мыслящій субъектъ?

«Ясно, что ни явленіе, ни понятіе не могутъ быть допущены сами по себѣ, какъ отвлеченные принципы, т. е. отвлеченно отъ своего содержанія, отъ того, что существуетъ въ формѣ «явленія» и «понятія» ⁷⁾. Но это положеніе на-

5) Крит. отв. нач. стр. 302. изд. 1880 г.

6) Крит. отв. нач. стр. 302.

7) Крит. отв. нач. стр. 304.

стоящимъ образомъ было создано только уже Гартманомъ; только онъ, соединивши въ своей философіи безсознательнаго элементы логическаго и эмпирическаго познанія, правильно (впрочемъ и въ его системѣ есть недостатки, похожіе на тѣ алогизмы, о которыхъ мы говорили выше) разрѣшаетъ метафизическія и этические проблемы. Его метафизика въ качествѣ первоначала признаетъ конкретнаго всеединого духа, а этика ставитъ своею цѣлью уничтоженіе исключительнаго самоутвержденія частныхъ существъ и возстановленіе ихъ, какъ царства духовъ, объемлемыхъ всеобщностью духа абсолютнаго. Таковы результаты западной философіи въ Гартманѣ; опираясь на данныя положительной науки, она подаетъ руку религіи⁸⁾. Но, очевидно, что развитіе и оправданіе этой философіи, философіи цѣльнаго знанія будетъ дано только въ будущемъ.

Такимъ образомъ западная философія съ своимъ стремленіемъ уяснить философскія проблемы по общему характеру своему представляетъ только второй переходный фазисъ въ органическомъ процессѣ человѣчества, а для полноты этого процесса необходимъ третій⁹⁾, тѣмъ болѣе, что второй моментъ, взятый въ своей отдѣльности, разсматриваемый не какъ переходъ къ третьему, а самъ по себѣ, не только не выше, но въ извѣстномъ смыслѣ даже ниже перваго»¹⁰⁾.

Теперь спрашивается—въ чемъ же должна состоять задача третьяго фазиса въ развитіи человѣчества? Не въ возвращеніи ли къ первому? Очевидно, нѣтъ, потому что послѣдняя цѣль въ развитіи человѣчества состоитъ въ томъ, чтобы помирить отдѣльные враждующіе элементы его въ высшемъ началѣ, которое, какъ доказано исторіей западной философіи, не можетъ находиться ни въ человѣкѣ, какъ частномъ и относительномъ существѣ, ни въ природѣ, которая представляетъ только нисшія ступени въ томъ развитіи, на вершинѣ котораго находится самъ человѣкъ. Безусловное содержаніе знанія можетъ быть дано только въ истинно-сущемъ,—какъ познается и точнѣе опредѣляется оно.

⁸⁾ Криз. зап. фил. стр. 124.

⁹⁾ Прил. къ крит. отв. нач. стр. 426.

¹⁰⁾ Тамъ же стр. 428.

Это составляетъ содержаніе метафизики и гносеологіи В. С. Соловьева, къ изложенію которыхъ мы теперь и переходимъ.

II.

Метафизика и гносеологія В. С. Соловьева.

Западная философія въ формѣ эмпиризма и раціонализма потерпѣла кризисъ, но это, конечно, не значитъ, что познаніе истины совершенно невозможно, ибо весьма не основательно утверждать то положеніе, что если ея нѣтъ въ природѣ и человѣкѣ, то она не существуетъ совсѣмъ.

Истина, какъ таковая, должна опредѣляться признакомъ абсолютности, — слѣдовательно ей принадлежитъ свобода отъ видимаго, множественнаго бытія, — она выше его, она творитъ его. И мы видѣли, что уже Гартманъ въ общемъ смыслѣ такъ понимаетъ истинно-сущее. А если онъ дѣйствительно вѣрно опредѣлилъ искомое философіи, то очевидно, что и гносеологическіе взгляды его нужно признать состоятельными, дальнѣйшее раскрытіе ихъ принадлежитъ *теософіи*.

Если бы насъ спросили—можно ли послѣднюю отнести къ какому либо изъ существующихъ типовъ или направленій философіи, мы должны были бы отвѣтить отрицательно, ибо теософія представляетъ высшее состояніе всей философіи ¹¹⁾, заключая въ себѣ синтезъ теологіи, философіи и опытной науки, — только въ этомъ единствѣ эти три послѣднія могутъ познавать истину.

«Свободная теософія, говоритъ В. Соловьевъ, есть синтезъ теологіи, философіи и опытной науки и только такой синтезъ можетъ заключать цѣльную истину знанія: внѣ его и наука, и философія, и теологія суть только отдѣльныя части или стороны, оторванные органы знанія, и не могутъ быть такимъ образомъ ни въ какой степени адекватны цѣльной истинѣ ¹²⁾».

¹¹⁾ Жур. М. Н. Пр. Мартъ 251 стр. 1877 г.

¹²⁾ Жур. М. Н. П. Мар. 1877. стр. 235.

Такимъ образомъ философія въ томъ опредѣленіи, которое даетъ ей В. Соловьевъ, является предъ нами съ новымъ характеромъ сравнительно съ рационализмомъ и эмпиризмомъ,—впрочемъ, окончательно она не отрицаетъ ихъ значенія, она стремится только избѣгать недостатковъ ихъ, какъ въ своемъ предметѣ, такъ и цѣли и способъ познанія.

Итакъ, что служить предметомъ философскихъ изслѣдованій? Что должна считать она истиной?

Первымъ признакомъ истины мы необходимо должны считать объективное бытіе ея ¹³⁾, и бытіе единое ¹⁴⁾, ибо многихъ истинъ не можетъ быть; но такъ какъ бытіе принадлежитъ всему, слѣдовательно, истина есть все ¹⁵⁾. Но, очевидно, что послѣдній признакъ истины можетъ быть мыслимъ безъ противорѣчія ея единству только въ томъ случаѣ, если «все» будетъ относимо къ истинному бытію не какъ что-то внѣшнее, а какъ содержаніе его формы—единства. Если истина есть такимъ образомъ всеединое, то какимъ образомъ возможно ея познаніе? Ясно, что ни въ ощущеніяхъ, ни въ понятіяхъ истинно-сущее не дается намъ: первыя свидѣтельствуютъ только о наличной множественной дѣйствительности, а вторыя не идутъ далѣе признанія необходимости всеобщихъ законовъ ея. Такимъ образомъ тѣ и другія являются только способами или образами бытія, познаваемаго нами. В. Соловьевъ особенно сильно настаиваетъ на необходимости установить различіе между бытіемъ и сущимъ ¹⁶⁾. Первое есть только предикатъ второго, какъ мысль есть предикатъ челоуѣка. «Какъ мыслящій, говоритъ онъ, не тождественъ съ мышленіемъ, такъ и сущее не тождественно съ бытіемъ, но имѣетъ бытіе или обладаетъ бытіемъ ¹⁷⁾».

Бытіе есть начало множественности и, какъ таковое, оно не существуетъ само по себѣ,—

«Милый другъ, или ты не видишь,

«Что все видимое нами,

¹³⁾ Крит. отв. нач. стр. 207.

¹⁴⁾ Тамъ же стр. 221.

¹⁵⁾ Тамъ же стр. 314.

¹⁶⁾ Крит. отв. нач. стр. 320.

¹⁷⁾ Крит. отв. нач. стр. 325.

«Только отблескъ, только тѣни,
«Отъ незримаго очами»¹⁸⁾;

но истинно-сущее не исключаетъ его,—напротивъ, оно заключаетъ его въ себѣ, какъ противоположное. Если бы абсолютное начало было только единымъ и не обнимало противоположную себѣ множественность, оно не было всеединымъ.

Но какимъ же образомъ истинно-сущее есть все и «не все»? Нѣтъ-ли здѣсь противорѣчія? Нѣтъ, ибо первое, т. е. «все» принадлежитъ ему актуально, а второе, т. е. «не-все» въ потенціи, которая дѣйствительно осуществляется въ человѣкѣ, чрезъ что онъ, выражаясь языкомъ богослововъ, становится причастникомъ Божества.

Такимъ образомъ человѣкъ есть второе абсолютное, абсолютное не сущее, а становящееся таковымъ и заключающее въ себѣ то не божественное начало, которое отличаетъ его отъ всеединаго. Какъ становящееся абсолютное, человѣкъ владѣетъ этимъ даромъ только въ силу своей зависимости отъ перваго начала; онъ свободенъ и по отношенію къ Богу и по отношенію къ своей матеріальной природѣ, но онъ не имѣетъ въ себѣ источника жизни. Такимъ образомъ собственное бытіе принадлежитъ двумъ абсолютнымъ—Богу и человѣку, или синтезу ихъ—богочеловѣчеству,—это послѣднее всего лучше выражаетъ идею всеединства, которая только одна можетъ служить искомымъ для истинной философіи, ибо только цѣлое равняется истинно-сущему, отдѣльныя же части его не адекватны истинному бытію,—онѣ могутъ опредѣлять его только съ какой-нибудь одной стороны, хотя какъ части, онѣ предполагаютъ цѣлое или, выражаясь языкомъ В. Соловьева, какъ поэта, вздыхаютъ о немъ.

«Волна въ разлукѣ съ моремъ,
«Не вѣдаетъ покою,
«Ключемъ ли бьетъ кипучимъ,
«Или катится рѣкою,
«Все ропщетъ и вздыхаетъ

---

¹⁸⁾ Стих. В. Соловьева стр. 23.

«Въ цѣпяхъ и на просторѣ,
«Тоскуя по безбрежномъ
«Синемъ морѣ».

Эти метафизическія соображенія готовятъ насъ и къ окончательному разрѣшенію гносеологической проблемы.

Когда идетъ рѣчь о познаніи какого либо предмета, то говорится не только о его относительномъ бытіи, но утверждается и безотносительное существованіе его. Мы уже видѣли, что ни ощущеніе, ни понятіе не даютъ объективной истины.

Мы ощущаемъ извѣстное дѣйствіе предмета, мыслимъ его признаки, но мы кромѣ того увѣрены въ его безотносительномъ существованіи; эта увѣренность не дается ни въ ощущеніяхъ, ни въ понятіяхъ—напротивъ, сами они свое объективное значеніе получаютъ отъ первой. Такимъ образомъ является третій родъ познанія и познанія бытія объективнаго—*вера*.

Въ ощущеніяхъ и понятіяхъ выражаются только внѣшнія отношенія между познающимъ и познаваемымъ, но мы видѣли, что однимъ этимъ не разрѣшается гносеологическая проблема; необходимо, чтобы въ познаніи мы имѣли внутреннюю связь между субъектомъ и объектомъ, чтобы мы проникли до сущности послѣдняго. И вотъ, если гносеология рационализма и реализма не даетъ намъ права заключать о бытіи предмета, то этотъ недостатокъ восполняется въ вѣрѣ, которая, какъ внутренній актъ, независящій отъ фактовъ опыта и формъ чистаго мышленія, и выражающая безусловную сущность познающаго субъекта, открываетъ и предметъ безусловно сущій.

Во всякомъ познаніи мы преслѣдуемъ ту цѣль, чтобы получить цѣльный образъ познаваемаго предмета, но такой образъ не дается въ ощущеніяхъ,—они служатъ только матеріаломъ для него въ то время, когда онъ создается *воображеніемъ*, присущей нашему духу идсеи о предметѣ.

Такъ обыкновенно наше познаніе складывается изъ трехъ актовъ: «во первыхъ мы утверждаемъ съ непосредственною увѣренностью, что есть нѣкоторый самостоятельный предметъ, что есть нѣчто кромѣ субъективныхъ состояній нашего сознанія... Во-вторыхъ мы умственно созерцаемъ или воображаемъ въ себѣ идею предмета, единую

и неизмѣнную, отвѣчающую на вопросъ—что есть этотъ предметъ»¹⁹⁾. «Въ третьихъ, присущій уму нашему образъ предмета мы воплощаемъ въ данныхъ нашего опыта, въ нашихъ ощущеніяхъ, сообразно ихъ относительнымъ качествамъ, сообщая ему такимъ образомъ феноменальное бытіе, или обнаруживая его актуально въ природной сферѣ»²⁰⁾. Такимъ образомъ мы снова приходимъ къ тому убѣжденію, что для правильнаго разрѣшенія гносеологической проблемы необходимо соединеніе философіи съ теологіей и положительной наукой; вторая открываетъ намъ истину, послѣдняя даетъ матеріалъ для осуществленія этой истины, а философія приноситъ общія формы для развитія истиннаго знанія.

Мы опредѣлили истинное бытіе и показали, какой существуетъ путь для его познанія,—но ясна ли отсюда цѣль истинной философіи? Можно ли свести ее исключительно на познаніе само по себѣ, какъ дѣлаетъ раціонализмъ? Очевидно, что нѣтъ, ибо теоретическая потребность знанія «есть только частная, одна изъ многихъ, а у человѣка есть еще высшая потребность всецѣлой и абсолютной жизни»²¹⁾, которая достигается только чрезъ освобожденіе отъ внѣшнихъ условій жизни, а это въ свою очередь возможно только тогда, когда человѣкъ соединится съ высшимъ абсолютнымъ началомъ.

Итакъ, цѣль истинной философіи состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать въ своей сферѣ, т. е. въ сферѣ знанія перемѣщенію центра человѣческаго бытія изъ его данной природы въ абсолютный трансцендентный міръ»²²⁾.

Отсюда ясно, что истинно философская дѣятельность неразрывно связана съ нравственною дѣятельностью,—слѣдовательно, метафизика предполагаетъ этику.

¹⁹⁾ Крит. отв. нач. стр. 360.

²⁰⁾ Тамъ же стр. 361.

²¹⁾ Жур. М. Н. Пр. іюнь 1877 г. стр. 20.

²²⁾ Жур. М. Н. Пр. іюнь 1877 г. стр. 202.

III.

Этическіе взгляды В. С. Соловьева.

Намъ извѣстно нѣсколько попытокъ обосновать нравственность независимо отъ метафизики, но всѣ они представляютъ изъ себя не болѣе, какъ бесплодныя попытки человѣческаго духа, стремящагося къ самоутвержденію,—попытки, осужденныя самой исторіей, ибо люди, изслѣдуя область истинно-сущаго, въ тоже время ставили и такой вопросъ: что должно быть?

Нравственная философія дала на этотъ вопросъ нѣсколько отвѣтовъ,—поэтому всякій мыслитель намѣревающійся разрѣшить проблемы этики, необходимо долженъ разсмотрѣть, что прежде него считалось истинно нравственнымъ.

В. С. Соловьевъ такъ и дѣлаетъ, но вѣрный своему основному взгляду указывать несостоятельность частныхъ отвлеченныхъ идей въ ихъ самоутвержденіи, онъ совсѣмъ не отрицаетъ ихъ значенія, думая найти истину въ ихъ синтезѣ, въ которомъ основная идея относилась бы къ частнымъ идеямъ такъ же, какъ душа относится къ различнымъ членамъ организма, являясь въ нихъ, какъ все во всѣхъ ²³⁾. Очевидно, что такая постановка дѣла требуетъ, чтобы этическія ученія были разсмотрѣны скорѣе въ логической, чѣмъ исторической послѣдовательности,—вотъ почему нашъ авторъ сначала говоритъ напримѣръ, о морали Шопенгауэра, а потомъ уже переходитъ къ Канту. Но обратимся къ его «Критикѣ отвлеченныхъ началъ» и посмотримъ, что представляетъ она изъ себя въ своей этической части.

В. С. Соловьевъ начинаетъ разсматривать нравственныя ученія съ эмпирическаго обоснованія ихъ въ лицѣ идонизма, евдемонизма и утилитаризма, а потомъ переходитъ къ Шопенгауэру. Указанныя этическія системы не удовлетворяютъ нашего автора, ибо онѣ оставляютъ безъ отвѣта основную вопросъ всякой этики—почему однѣ человѣческія

²³⁾ Крит. отв. нач. стр. 8.

склонности я долженъ считать нравственными, а другія безнравственными?

Очевидно, что основанія этики нужно искать не въ эмпирической природѣ человѣка, а въ апіорныхъ понятіяхъ разума, общаго всѣмъ разумнымъ существамъ, — эти понятія являются болѣе объективными, чѣмъ наши природныя склонности, они обладаютъ признаками всеобщности и необходимости, на однихъ ихъ основывается дѣятельность, обязательная для всѣхъ, какъ дѣятельность нравственная. Таковъ общій взглядъ Канта на мораль, верховнымъ принципомъ которой должна служить слѣдующая формула: каждый человѣкъ долженъ дѣйствовать такъ, чтобы правило его дѣятельности могло быть всеобщимъ закономъ нравственной жизни; а это возможно только тогда, когда другія существа будутъ для насъ не средствомъ, а цѣлью, такимъ образомъ эти послѣднія должны составить «систематическое соединеніе посредствомъ общихъ законовъ». Очевидно, что этические возрѣнія Канта нельзя назвать совершенными, ибо сущность, нравственнаго начала не ограничивается его одной формулой, т. е. понятіемъ долга; это понятіе необходимо, какъ необходима вообще форма, но къ ней требуется еще содержаніе, которое по Шопенгауэру дается въ эмпирической природѣ человѣка.

Нравственное ученіе въ томъ видѣ, какъ оно понимается Кантомъ, необходимо требуетъ для себя, какъ своего основанія, признанія автономности и воли, т. е. ея свободы, которая эмпирически можетъ быть доказана только тогда, когда всѣ люди будутъ дѣйствовать по нравственному принципу, — но въ дѣйствительномъ опытѣ мы не видимъ этого, — напротивъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ наши дѣйствія вполнѣ зависятъ отъ нашего эмпирическаго характера, — слѣдовательно, они подлежатъ закону необходимости.

«Наши дѣйствія и наша воля, съ эмпирической точки зрѣнія, суть только явленія, и въ этомъ смыслѣ они подлежатъ безусловной власти закона причинности или достаточнаго основанія, т. е. они безусловно необходимы ²⁴⁾»).

²⁴⁾ Крит. отв. нач. стр. 96.

Но уже и для здраваго смысла ясно, что явленіе должно быть явленіемъ являющагося. Явленіе, какъ такое, конечно, подлежитъ закону причинности и слѣдовательно, исключаетъ въ своемъ бытіи понятіе свободы; но то, что производитъ его,—вещь сама въ себѣ, ея умопостигаемый характеръ по самому существу своему лежитъ внѣ эмпирическихъ условій.

Правда, умопостигаемый характеръ въ свою очередь можетъ опредѣляться высшимъ его, но для этики нѣтъ необходимости разрѣшать этотъ вопросъ; для нея достаточно, если она знаетъ, что такой то человѣкъ дѣйствуетъ по идеальному принципу ²⁵⁾.

Опредѣленіемъ начала нравственной дѣятельности и разрѣшеніемъ вопроса о свободѣ воли въ положительномъ смыслѣ еще не исчерпывается окончательно вся задача этики,—это только субъективная сторона ея, объективная же требуетъ разъясненія того, какъ нравственность осуществляется въ жизни людей, составляющихъ опредѣленное общество.

Намъ извѣстны три общественныхъ организаціи—экономическая, правовая и религіозная. Первые двѣ недостаточны для развитія въ людяхъ нравственной жизни, «ибо экономическія отношенія опредѣляются матеріальнымъ интересомъ, безразличнымъ къ нравственнымъ и безнравственнымъ мотивамъ; не можетъ онъ опредѣляться также и правомѣрностью или формальною справедливостью, осуществляемою правовымъ государствомъ, ибо право полагаетъ только границы, а не цѣли и содержаніе дѣятельности» ²⁶⁾.

Добро можетъ быть оправдано только въ религіозномъ обществѣ, т. е. Церкви, члены которой въ своей дѣятельности имѣютъ другъ друга не какъ средство, а какъ цѣль; эта дѣятельность основывается на любви; какъ такая, она, конечно, превосходитъ дѣятельность членовъ экономическихъ и правовыхъ организацій, но не исключаетъ совершенно послѣдней: человѣчество, какъ единое цѣлое, дол-

²⁵⁾ Квит. отв. ннч. стр. 124.

²⁶⁾ Введ. къ Крит. отв. нач. стр. X.

жно воплотить въ себѣ божественную идею,—это его религіозная цѣль, но она можетъ быть осуществлена только чрезъ посредство его рациональнаго (государство) и материальнаго (экономическая организація) началъ.

Такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству и экономической организаціи разрѣшается въ положительномъ смыслѣ. Здѣсь кончатся этическія воззрѣнія В. С. Соловьева, изложенныя въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ».

Мы пытались представить болѣе или менѣе полный очеркъ философскихъ воззрѣній В. С. Соловьева,—его философскую систему всего лучше можно охарактеризовать, назвавъ ее, со словъ автора ея, системой цѣльнаго знанія, такъ какъ она стремится представить синтезъ теологіи, философіи и положительной науки. Эти отрасли человѣческаго знанія до послѣдняго времени находятся въ открытой враждѣ, весьма губельно отзывающейся на ихъ развитіи; очевидно, что такое положеніе вещей весьма ненормально,—необходимо указать вѣрный путь къ органическому соединенію «отвлеченныхъ началъ»,—и вотъ онъ опредѣляется въ философскихъ твореніяхъ В. Соловьева,—въ этомъ ихъ достоинство и значеніе для философской науки.

Къ несчастію, авторъ «Критики отвлеченныхъ началъ» не успѣлъ написать третьей части своей философіи—отдѣла о творествѣ, которому онъ придаетъ большое значеніе; кромѣ того, и метафизическія и этическія воззрѣнія требуютъ еще развитія и уясненія. Вообще же нужно сказать, что Владиміръ Сергѣевичъ еще искалъ истину, еще видѣлъ ее, яко зерцаломъ въ гаданіи.

«Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами,
 «Я шель къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
 «Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
 «Еще летали сны—и схваченная снами,
 «Душа молилася невѣдомымъ богамъ.
 «Въ холодный бѣлый день дорогой одиноко,
 «Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
 «Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
 «Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,

«Далеко все, что грезилось мнѣ.
«И до полуночи неробкими шагами
«Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
«Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
«Весь пламенѣющій побѣдными огнями.
«Меня дождется мой завѣтный храмъ» ²⁷⁾).

Это стихотвореніе, по нашему мнѣнію, весьма хорошо характеризуетъ ту черту въ твореніяхъ В. С. Соловьева, которую мы только что отмѣтили, но все же мы должны отвести ему одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи философской мысли у насъ въ Россіи.

Вл. С. Соловьевъ не только блестящій умъ, но и иска-тель разума жизни,—это послѣднее качество дѣлаетъ его бессмертнымъ.

Архим. Виссаріонъ.

---

²⁷⁾ Стих. В. Солов. стр. 34.

ИЗЪ ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ ВО ВРЕМЕНА РЕВОЛЮЦІИ.

*„Только религія можетъ произве-
сти совершенную добродѣтель, очищая
наклонности также какъ и самое
дѣяніе“ (Роланъ. Письма стр. 71).*

То знаніе хорошо, которое всегда между будущимъ и прошедшимъ, таково именно и есть познаніе религіозныхъ истинъ, наиболѣе важныхъ для жизни.

Въ завѣтахъ и твореніяхъ церковныхъ учителей ищущіе найдутъ все что угодно: экстазъ, стремящійся въ небесную высоту, мысль, созерцающую бездны, и широкую, какъ море любовь. Колеблются гипотезы, казавшіяся какимъ-то катихизисомъ правовѣрнаго натуралиста, но вѣрующая, сильно чувствующая мысль пребываетъ необходимой и неизмѣнно-питательной. Для многихъ прошла пора дѣяній, устройства семьи, и осталось только время для жизни или доживанія; но во что превратилось бы послѣднее безъ грѣющаго свѣта вѣры? «Да не хвалится мудрый мудростію и сильный силою своею... Но желающій хвалиться да хвалится вѣденіемъ Господа» (1 Цар. 2, 10). Особенно поучительна высокая оцѣнка религіи изъ устъ людей просвѣщенныхъ, талантливыхъ, умныхъ, одно время бывшихъ маловѣрами, иногда подвергавшихся искушающему сомнѣнію и *все-таки* не смотря на этотъ скептицизмъ и даже предъ лицомъ его признавшихъ необходимость вѣры и спасительность религіи. Такіе люди не утратили любовь, такъ какъ въ ихъ душахъ вѣра въ вѣру пережила надежду на всемогущество разума.

Настоящая статья посвящена религіознымъ мыслямъ одного изъ такихъ людей, жившихъ къ тому же въ разгаръ скептицизма, невѣрія и волненій, въ самомъ концѣ XVIII столѣтія и въ началѣ французской революціи. Это Роланъ—

одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ не только Франціи, но и всего міра, имѣвшая огромное вліяніе на многихъ современниковъ, считавшихъ ее даже своей пророчицей.

Да! Роланъ — Кассандра революціи; она задолго почувствовала недоброе, предсказавъ гибель кровожадныхъ революціонеровъ и грядущій деспотизмъ Наполеона I-го. (см. ея Мемуары стр. 211 и 376 изд. Добака). Интересъ и цѣнность ея мнѣній обуславливаются: 1) ея общепризнаннымъ умомъ и литературнымъ талантомъ, доказательствомъ котораго послужатъ приводимыя ниже выдержки изъ ея сочиненій, относящіяся къ вѣрѣ и церкви. 2) Она, будучи женой министра внутреннихъ дѣлъ, близко знала эпоху революціи; и какъ измѣнились со временемъ ея взгляды! Начавъ республиканкой, она кончила проклятіемъ революціи и укоромъ свободѣ. «О свобода! сколько крови проливается во имя твое», — были ея послѣднія слова передъ гильотиной... 3) Искренна ли она, можно-ли ей вѣрить? Несомнѣнно; стоитъ прочесть ея письма и принять во вниманіе слѣдующій историческій фактъ. Одна ея подруга, съ которой онѣ вмѣстѣ воспитывались въ монастырѣ, посетила ее, уже заключенную революціонерами въ тюрьму, и предложила обмѣняться съ ней платьемъ и бѣжать, желая остаться вмѣсто нея. Но Роланъ отказалась, заявивъ: «лучше тысячу разъ умереть, чѣмъ быть повинной въ чужой смерти»!

Литературное наслѣдство Роланъ составляютъ ея «Письма» и «Мемуары» (изд. Добака, Парижъ. 1867 г.); въ послѣднихъ она между прочимъ проводитъ мысль, что противъ искушенія и соблазновъ необходимѣй и дѣйствительнѣй не чистыя поученія, какъ таковыя, а извѣстный разумный, подходящий образъ жизни, и онъ-то именно и царилъ въ ея отчемъ домѣ съ самага ея дѣтства. Ея мать была женщина религіозная, державшаяся церковныхъ установленій, постоянно находилась дома, избѣгая визитовъ, въ одной своей семьѣ *умѣла* находить покой и удовлетвореніе, чему могли позавидовать и «поучиться» многія матери нашихъ дней. (Мемуары р. 13). Среди родныхъ съ материнской стороны были священники, и вотъ Роланъ съ матерью выходили изъ дому только два раза въ недѣлю:

къ роднымъ и по воскреснымъ днямъ въ церковь, оставившую въ душѣ ребенка неизгладимое впечатлѣніе. Съ какой живостью описаны въ Мемуарахъ занятія дѣвицы въ *церковно-приходской* школѣ, (куда поступали 7-ми лѣтъ, что и даетъ нѣкоторое понятіе объ этомъ типѣ училищъ въ концѣ XVIII столѣтія). Священникъ—учитель заставлялъ заучивать мѣста изъ евангелія, посланій, катихизиса... Священника привѣтствовали стоя... Онъ задавалъ провѣрочные вопросы той или другой ученицѣ, къ великому удовольствію присутствующихъ здѣсь-же ихъ матерей. Роланъ приводитъ въ примѣръ заданный ей вопросъ о наименованіяхъ силъ безплотныхъ: ангелы, архангелы, престолы и пр. Какъ это старо, или, лучше сказать, вѣчно ново! Это была дѣйствительно *приходская* школа (существовалъ значить и приходъ), и въ ней было очень много ученицъ, такъ какъ одинъ священникъ иногда *не справлялся* (р. 8 Мемуар.)... Но и внѣ школьныхъ стѣнъ—дома Роланъ «увлекалась» Библіей и часто возвращалась къ ней» (р. 15). Быстрое развитіе талантливой дѣвушки въ связи съ массой прочтанныаго богатаго, но и *безпорядочнаго* матеріала посѣяло первые проблески сомнѣнія въ ея юной душѣ, но не могло помирить ее съ атеизмомъ и отторгнуть отъ вѣры въ Творца міра. «Атеисту не хватаетъ чувства», пишетъ она (Мемуар. р. 78); онъ холоденъ къ самому восхитительному зрѣлищу, *ищетъ еиллогизма*, гдѣ я усматриваю *дѣйствіе благодати*». Въ яркій періодъ сомнѣнія мы всетаки не видимъ въ ней утраты вѣры, а лишь нѣкоторое отдаленіе отъ богослуженія и церкви, какъ нерѣдко бываетъ и съ нашими современными скептиками, изъ которыхъ многіе готовы къ вѣрѣ, но не готовы къ литургіи. Послѣдняго, впрочемъ, даже нельзя сказать о Роланъ, посѣщавшей храмъ и восторгавшейся его возвышающими впечатлѣніями (см. ниже). Воспитываясь одно время въ монастырѣ, Роланъ по воскресеньямъ ходила къ родителямъ, но «съ удовольствіемъ возвращалась подъ эти молчаливые переходы, которые я пересѣкала маленькими шагами, дабы дольше насладиться ихъ тишиной; и останавливалась, вздыхая передъ гробницею благочестивой инокини, и размышляла передъ надписью надъ этой могилой... (р. 36).

Кстати. Описаніе тогдашней монастырской жизни занятій и самихъ инокинь можетъ быть весьма инте-

ресно для церковнаго историка: упомяну лишь объ одномъ, очень поучительномъ и оригинальномъ обычаѣ: *кромѣ* обѣденъ, за которыми присутствовали всѣ пенсіонерки, послѣ полудня *посвящалось* еще отдѣльные *полъ-часа* на религіозное *размышленіе*, къ которому впрочемъ допускались не всѣ, а лишь тѣ, которыя казались къ нему способными. Недурной обычай,—неправда-ли?

На стр. 34 Роланъ прямо заявляетъ, что, не смотря на «философію» она всетаки съ удовольствіемъ и *пользою* бывала въ церкви, гдѣ видѣла «собраніе людей слабыхъ, просящихъ помощи Высшаго Существа... Утѣшительныя надежды на могущественнаго Мздовоздаятеля занимали мою мысль... Страсти успокоиваются... подь звуки священной музыки я чувствую себя переносимой въ другой міръ»... Она очень любила псалмы, особенно «*На ткаль. Вавилонскіихъ*», который «никогда не могла слышать *безъ* умиленія. Впечатлѣнія этихъ стиховъ, кипящихъ чувствомъ и сіяющихъ мыслию, она дивно описала на стр. 467-й своихъ писемъ. Эта цитата интересна, доказывая, какое благотворное вліяніе оказываетъ церковная служба даже на лицъ сомнѣвающихся, угрожаемыхъ «философіей» и «энциклопедіей». Роланъ прекрасно и изящно объясняетъ ближайшую причину этихъ «сомнѣній» и «вопросовъ». «Умъ человѣчскій способенъ набросить облако, даже и на самыя свѣтоносныя истины», говоритъ она въ своихъ письмахъ (р. 93). «Но *атеизмъ* мнѣ кажется столь-же верхомъ нелѣпости (*absurdité*), сколько источникомъ безчисленныхъ золъ»... «И еслибы разумъ не указалъ мнѣ нелѣпости *материалистовъ*, то мое сердце дало-бы мнѣ почувствовать ихъ заблужденія» (р. 171 Письма). Ясно, что невѣріе не проникало глубоко въ душу, а смывалось первымъ сильнымъ чувствомъ, напр. при видѣ природы, являющей дѣла рукъ Творца... «Когда волнуется желтѣющая нива»... Неудобно и неприятно быть безбожникомъ. «Я—невѣрующая *только* въ своемъ кабинетѣ, но благочестива—въ храмѣ», говоритъ Роланъ; религію она считаетъ абсолютно *необходимой* для человѣчества, утѣшительницей въ печали и облагораживающей, умѣряющей наслажденіе. Подобно Достоевскому она проводитъ мысль, что «человѣкъ, не признающій ни Бога, ни души, *долженъ* покончить съ жизнью»..., «что если даже сомнѣваешься, то

жить надо такъ, *какъ еслибы открылъ*) (Lettres. 2 p. 85). «Христіанство исправляетъ и совершенствуетъ человѣка»... «Только въ христіанствѣ я почерпаю принципы моей философіи; всякій другой источникъ для меня подозрителенъ».. Такъ маловѣрная, находясь въ періодѣ боренія и сомнѣній, цѣнила и прославляла вѣру, торжествующую надъ сомнѣніемъ, кабинетнымъ, безжизненнымъ, теоретическимъ, которое разлетается отъ несчастій, часто учащихъ счастію вѣры. «Боже правый прійми меня»—была послѣдняя фраза Мемуаровъ Роланъ, несмотря на всѣ колебанія и недоумѣнія.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что въ смутное время революціи во Франціи были высокопросвѣщенные личности, понимавшія и открыто исповѣдывавшія всю необходимость религіи, и даже въ такую страшную эпоху.

Весь ужасъ послѣдней мастерски очерченъ въ разбираемыхъ мною произведеніяхъ. Революціонное *управленіе* она называетъ «во сто разъ болѣе жесткимъ, чѣмъ даже деспотическое» (Мемуар. 176) «Дни Тиверія вернулись къ намъ со своими ужасами, только еще увеличенными по числу нашихъ *тирановъ*, т. е. главарей революціи скорбитъ она, сравнивая тогдашній Парижъ съ Вавилономъ. «Беспорядокъ распространяется по всей странѣ и междуусобія вспыхиваютъ здѣсь и тамъ». Масса уличной *черни* была въ ужасномъ видѣ и состояніи; ея руководители—революціонеры всѣ были прекрасными резонерами, философами, *любящими говорить, но ничего не понимающими въ дѣлѣ* руководства и *управленія народомъ*» (Мем. 232). Ее ужасаль упадокъ нравственности среди *женщинъ*, терявшихъ семейныя добродѣтели и любящихъ веселую жизнь. Не то-ли отчасти и у насъ теперь, когда въ вечеръ, слѣдующій за тѣмъ страшнымъ днемъ, полны всѣ театры и притоны?! Она отмѣчаетъ еще одинъ *ужасно-интересный фактъ* тогдашней жизни: полное *отсутствіе выдающихся людей* въ какой-бы то ни было спеціальности. Да: поистинѣ тяжелья, кричація картины, наводяція на размышленія и историческія сопоставленія!

Можетъ быть когда нибудь церковный историкъ пожелаетъ узнать: 1) что дѣлали въ это страшное время католическіе, французскіе священники 2) *какъ*

боролись они съ надвигающеюся анархіею и 3) наконецъ *каковы* они сами были?? На всё эти важные — для всѣхъ временъ и странъ—вопросы мы находимъ частичный отвѣтъ въ разбираемыхъ сочиненіяхъ. Читатель припоминаетъ, что Роланъ (по матери, братъ коей былъ каноникъ) была сама изъ духовнаго званія, которое, конечно, хорошо знала также и въ качествѣ жены министра *внутреннихъ дѣлъ*; слѣдующій ея отзывъ достовѣренъ и поучителенъ. Нужно прямо и сразу отмѣтить, что въ общемъ онъ неблагопріятенъ для тогдашнихъ католическихъ парижскихъ священниковъ. Правда среди нихъ ей встрѣчались симпатичные люди; напримѣръ, одинъ прекрасный духовникъ, къ которому она ходила исповѣдываться ежегодно даже издалека, совсѣмъ съ другого конца огромнаго Парижа. Мы читаемъ еще про одного священника образованнаго, глубоко вдумчиваго, серьезнаго человѣка; но онъ какъ разъ былъ неизлѣчимо больной (слѣповатый, глуховатый, съ затрудненной рѣчью), слѣдовательно полезный въ качествѣ собесѣдника близкихъ знакомыхъ, но не какъ пастырь словеснаго стада. Остальные примѣры, какъ на грѣхъ, всё неблагопріятны и неутѣшительны: одинъ отличался отъ мірянъ только тяготившею его одеждою; у другого бібліотека находилась въ гораздо худшемъ видѣ, чѣмъ винный погребъ; третій былъ невозможный проповѣдникъ и исповѣдникъ, но хорошо умѣлъ устраивать мірскія дѣла и находить мѣста для своихъ свѣтскихъ родственниковъ...

Весьма обстоятельныя данныя находимъ о современныхъ *проповѣдникахъ*, которыхъ Роланъ слушала часто и внимательно изъ любви къ духовному краснорѣчію, считая его самымъ труднымъ и «рѣдкимъ» проявленіемъ ораторскаго искусства. Она какъ и многіе мыслящіе люди разныхъ временъ, приближалась къ церковной кафедрѣ, чтобы услышать оттуда ободряющее одобреніе... Однажды Роланъ обладавшая, какъ сказано, выдающимся литературнымъ талантомъ, сама попробовала написать разсужденіе о любви къ ближнему и показала его своему дядѣ—каноннику; тотъ пожалѣлъ, что она не занялась *этимъ* раньше, когда на его обязанности лежало произнесеніе проповѣдей, и что тогда онъ говорилъ-бы *проповѣди, написанныя ею!* (Sic!).. Въ мемуарахъ отмѣчается

характерное содержаніе тогдашнихъ проповѣдей—это исключительно, или чаще всего (*toujours*), догматическій матеріалъ, и гораздо рѣже приходилось слышать столь необходимые для тогдашняго общества моральныя религіозно-этическія поученія... Изъ замѣтныхъ, «громѣвшихъ», проповѣдниковъ того времени она упоминаетъ объ отцѣ Елисеѣ, отличавшемся прекрасной логикой и чистотой дикціи, но онъ былъ слишкомъ *метафизикъ*, чтобы имѣть продолжительное вліяніе на «простой» народъ, нуждающійся въ простотѣ, ясности и искренности. Это мнѣ напомнило слѣдующій случай Я среди большой толпы народа слушалъ рѣчь. Горячій ораторъ произнесъ фразу: они утопаютъ въ роскоши, подобно Сарданаламъ», а стоящая рядомъ со мной крестьянка перекрестясь, вздохнула: «батюшки! неужто опять наборъ?!». Издали непонятное слово Сарданалалъ вызвало въ ея памяти весьма понятное и созвучное «наборъ». (т. е. рекрутскій). Надо помнить, что простота тяготѣетъ къ простотѣ и наивность довѣряется безыскусственности. Весьма характерную иллюстрацію этого даютъ 140—141 страницы Мемуаровъ, описывающія проповѣдническіе приемы нѣкоего Борегара. «Это былъ маленькій человѣкъ съ могучимъ голосомъ, декламировавшій съ рѣдкой беззащитностью (*imprudence*) и чрезвычайнымъ неистовствомъ (*violence*)». Онъ говорилъ о простыхъ вещахъ съ видомъ «наптія»... И вотъ одинъ «простой» человѣкъ съ глазами, устремленными неподвижно на проповѣдника, съ открытымъ отъ удовольствія ртомъ, невольно произнесъ фразу: «Какъ онъ потѣетъ!» Вотъ и весь эффектъ искусственной взвинченной дикціи! А тѣмъ не менѣе давка была страшная; «герцогиня, много женщинъ—писательницъ и люди всякаго рода» очевидно стремились слушать проповѣдь, хотѣли и искали ее—вотъ что важно и несомнѣнно. «Въ большинствѣ случаевъ, говоритъ Роланъ, въ проповѣдникѣ вы видите доктора Сорбонны, ударившагося въ схоластику, идущаго въ слѣдъ антитезъ, изучающаго свои жесты и подражающаго актеру («Lettres p. 82 2») Еще одинъ глубокопоучительный примѣръ. Въ день св. Людовика въ церкви Академіи былъ праздникъ, и аббатъ Белль (*Besples*) говорилъ проповѣдь, пересыпанную не прямой сатирой, критикой тогдашняго правленія; однако всѣ эти «сатиры» онъ принужденъ былъ вычеркнуть передъ

напечатаніемъ проповѣди. Мало того, дѣло приняло для него, какъ *пенсіонера* столь непріятный оборотъ, что «онъ былъ очень *счастливъ* купить прощеніе жертвою вычеркнутыхъ критикующихъ строкъ. (Мем. р. 144)! Да! не всегда легко быть проповѣдникомъ, но и не все легкое цѣнно. Впрочемъ надо и то сказать: разбираемыя цитаты относятся (со всѣми содержащимися въ нихъ упреками по адресу духовенства) строго говоря исключительно къ Парижскимъ, столичнымъ священнослужителямъ, провинціальное духовенство несомнѣнно не потеряло связи съ народомъ и искусства вліять на него. Откуда это слѣдуетъ? А вотъ откуда: мужъ г-жи Роланъ—министръ внутреннихъ дѣлъ, видя надвигающуюся анархію, грозящую общимъ крушеніемъ, принялъ всѣ мѣры для успокоенія общества, особенно провинціального въ глуши губерній; для этого «онъ поддерживалъ переписку» между прочимъ съ провинціальными *приходскими священниками* (*cursé*)), которые въ достаточномъ количествѣ, съ *трогательной ревностію* посвятили себя распространенію вразумленія и наученія и привлеченію къ этому общему дѣлу людей трудящихся,—*работниковъ, но не просвѣщенныхъ, не готовыхъ къ поддержанію свободы и не понимающихъ ни размѣра ея, ни границъ, ни правъ, сопряженныхъ съ нею, ни обязанностей* (ею налагаемыхъ)» (Мемуар. р. 277 и 278). Не правда-ли какъ все это, такъ сказать... реально? Есть надъ чѣмъ призадуматься и чему поучиться!.. Какъ бы то ни было, но мы ясно видимъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ обращался и къ священникамъ—главамъ прихода, и что многіе изъ нихъ отвѣтили на его патриотическій призывъ съ достойной ревностію, которая не осталась безрезультатной, а принесла плодъ многъ. «Нельзя себѣ представить», читаемъ здѣсь-же, *превосходнаго эффекта, который отъ этого произошелъ; всякія смуты успокоились, присутственныя мѣста стали функціонировать правильно*» и пр.

Да! Но если такъ, то значить, было не мало священниковъ, способныхъ и желавшихъ успокоительно вліять на народъ. Священный законодатель древней Индіи, Ману говоритъ, что слова—это мечъ священнослужителя (см. мою работу о Законахъ Ману), и Іоаннъ Златоустъ считаетъ «невозможнымъ, чтобы *безъ плода* остался тотъ, кто постоянно съ усердіемъ за-

нимается чтеніемъ писаній», т. е. конечно прежде всего и главнымъ образомъ священникъ. Въ смутное время успокоить можетъ прежде всего религія, церковь, возвышающее и возвышенное слово добраго пастыря. Кто хочетъ отвлечь вниманіе отъ краснаго флага, долженъ указать на лазурь небесъ. Это можетъ служить противовѣсомъ для нѣкоторыхъ «красныхъ» недоразумѣній, «черныхъ» недоумѣній и всѣхъ вообще разноцвѣтныхъ и разношерстныхъ столкновеній. Пусть каждое воскресеніе и всякій праздникъ мятущейся человѣкъ слышитъ голосъ неба, напоминаніе молитвы и взаимной любви, восхваленіе «тихой» и безмолвной жизни» среди своей семьи! Это не можетъ пройти безслѣдно, разъ оно помогало въ то смутное время—въ самый разгаръ Французской революціи, среди уже начавшихся братоубійствъ.

Какъ высоко цѣнила Роланъ вліяніе религіи на всю массу націи, не только на накипъ міра, но и на его благоуханіе, это лучше всего доказываютъ слѣдующія ея слова, написанныя не задолго до казни, въ преддверіи смерти, какъ окончательное, глубокое убѣжденіе: «великія религіозныя идеи, *вѣра* въ Бога, надежда на безсмертіе прекрасно согласуются съ философіей и даютъ ей самую прочную базу и наиболѣе прекрасный вѣнецъ; горе законодателямъ, презирающимъ эти могучія средства для внушенія гражданскихъ добродѣтелей и сохраненія народныхъ нравовъ!» (Мем. р. 351). Таково завѣщаніе склонной къ скептицизму, высоко-образованной дочери XVIII вѣка, горячей поклонницы древнихъ греческихъ республикъ, въ которыхъ съ теченіемъ времени и охлажденіемъ юношескаго пыла она порядочно-таки разочаровалась. Прежде, признается она, она обращала вниманіе лишь на показную сторону, игнорируя тѣни и пятна, хотя и бросающіяся въ глаза, напримѣръ тѣ факты, что республиканцы изгнали Аристиды, погубили Сократа, преслѣдовали Факіона, убили Діана и пр. Эта правда, впрочемъ, пришла ей на умъ слишкомъ поздно, когда она сама должна была раздѣлить участь поименованныхъ великихъ людей.

Кстати, въ Мемуарахъ мы находимъ указаніе на то, что и когда сдѣлало Роланъ поклонницей древнегреческихъ республикъ? По ея собственному положительному

утвержденію—это раннее и упорное увлеченіе чтеніемъ Плутарха,—еще можетъ быть уже 1001-е доказательство крайней важности строгаго выбора матеріала для дѣтскаго чтенія; недаромъ мать Роланъ старательно прятала отъ нея сочиненія тогдашняго «провозвѣстника»—Руссо: онъ не чета старику Плутарху, значительно поопаснѣе.

Позволю себѣ остановить вниманіе читателя еще на одномъ обстоятельстве, интересномъ съ психической, точнѣе, этической точки зрѣнія. «Письма» Роланъ даютъ богатый матеріалъ для ученія объ одномъ видѣ любви, вѣроятно самомъ чистомъ и *безкорыстномъ* именно о *дружбѣ*. Упомянутыя «Письма», надо думать, представляютъ лучшее литературное произведеніе этого рода, благодаря: 1) богатству матеріала, 2) литературной формѣ «Писемъ», по которымъ читатель можетъ слѣдовать за состояніемъ этого чувства дружбы безкорыстной, чистой любви чуть ли не изо дня въ день, съ весьма небольшими перерывами. 3) Въ другихъ знаменитыхъ произведеніяхъ всемірной литературы, трактующихъ о дружбѣ (Энеида, Илиада, Декамеронъ, мифъ о Касторѣ и Поллуксѣ) мы видимъ и слышимъ дружбу двухъ мужчинъ, наоборотъ у Роланъ наблюдаемъ за аналогичнымъ и одноименнымъ чувствомъ у женщинъ, точнѣе и вѣрнѣе—у *дѣвушекъ*. (Послѣднее необходимо хорошенъко запомнить). Въ моихъ сочиненіяхъ «Библейская Гигіена», «Нервность и Аскетизмъ». (см. Вѣра и Церковь 1902 и 1903 г.) я говорилъ о библейской и современной дружбѣ и высказалъ убѣжденіе, что такого чувства въ строгомъ смыслѣ слова нѣтъ, не можетъ и не должно быть. Если міръ есть «воля и представленіе», (Шопенгауэръ), то дружба въ лучшемъ случаѣ и есть только «представленіе», часто самообманъ, иногда заблужденіе, нерѣдко оканчивающееся страшной житейской драмой, чему массу примѣровъ находимъ въ газетахъ и литературныхъ произведеніяхъ, не говоря о самой жизни. Замѣчательно, что Отцы и Учителя Церкви, иноки, пустынники, апостолы всѣ проповѣдывали любовь, учили кротости, восхваляли прощеніе и снисхожденіе, но не предписывали «дружбы», какъ таковой; не выдѣляли ее, не рекомендовали, какъ нѣчто особо хорошее, желательное, чистое, безкорыстное. Но, вѣроятно, они бы

сдѣлали это, еслибъ находили, что это чувство дѣйствительно, дѣйственно, достойно и достаточно для достиженія нравственной цѣли. Василиій Великій даже прямо запрещаетъ ее монахамъ, предостерегаетъ противъ такого увлеченія, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: «не должно двоимъ или троемъ заводить *особенныя дружескія связи*. Ибо это не любовь, а возмущеніе и раздѣленіе, и вмѣстѣ доказательство порочности *сдружившихся*; если бы они любили общее благочиніе, то имѣли бы общую *равно внимательную* любовь ко всѣмъ; а, когда отдѣляя себя, они становятся обществомъ въ обществѣ, то такой союзъ *дружбы* есть союзъ *злой*»... *Ненадобно* допускать въ обществахъ такихъ *дружескихъ* связей говорить Святитель подозрѣвая, что «такихъ людей сводить *что либо* отличающееся отъ *общаго дѣла*»,— что скажемъ отъ себя конечно, и есть въ томъ или иномъ видѣ у всякой пары друзей, и безъ чего не было бы причины, цѣли и повода дружитья. (См. Василиій Великій часть 5-я стр. 418 изд. 1892). Къ такимъ выводамъ приходитъ чистый, холодный, глубокій умъ Василия Великаго. Индійскимъ аскетамъ запрещалось даже ложиться подъ *одно* и *тоже* дерево, чтобъ не получить къ нему—*именно* особаго пристрастія. Правда Иисусъ Христосъ говорилъ ученикамъ: «не называю Васъ рабы, но други»; но само это противоположающее сопоставленіе доказываетъ прежде всего снисхожденіе, учащее снисходительности. И если Петра Церковь называетъ «искреннимъ другомъ Господа», то это, конечно, великая похвала, а не выясненіе сути ихъ отношеній, о Іовѣ и его друзьяхъ, осужденныхъ Господомъ, я ужъ и не говорю... Но можетъ быть чувство дружбы болѣе сильно, живо, реально у женщинъ, т. е. у дѣвственницъ? Въ послѣднемъ случаѣ оно, конечно, менѣе неожиданно и болѣе вѣроятно. Въ «Письмахъ» Роланъ къ Канэ—(ея подругѣ, съ которой она вмѣстѣ воспитывалась въ монастырѣ) мы видимъ самую нѣжную, кажется, идеальную дружбу, экземпляръ, лучше котораго нельзя и представить. Первая плачетъ, получа письмо второй (Канэ) и не можетъ докончить обѣды, не прочитавши присланной записки. «Какъ несчастны люди, мало знающіе цѣну дѣйствительной дружбы!» Читаемъ мы на второй страницѣ перваго письма... «Я увеличиваю свои удовольствія, сообщая ихъ тебѣ» и т. д.

все въ томъ же родѣ и даже «crescendo»... И, замѣтите, такое, несомнѣнно очень горячее, искреннее чувство продолжалось не день, не два, а нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, безъ малѣйшихъ акцидентовъ и инцидентовъ. Но есть предѣлъ, его-же не преидеши, и эта идеальная дружба длилась только до своего предѣла. Какого спросить читатели. Самого естественнаго и законнаго, отвѣчу я:—до выхода Роланъ замужъ. Въ письмахъ немного предшествующихъ этому событію читатель уже ясно видитъ появленіе нѣкоторой неискренности, дѣланности, чего-то натянутого... Письма урѣзаются и разрѣзаются; комедія надоѣдаетъ и Роланъ заявляетъ подругѣ: «присутствіе моего мужа не даетъ мнѣ чувствовать нужду въ комъ либо другомъ»... Такая прямота по французски «dans la lanque française» завется *franchise*. Знаменательное совпаденіе и глубокомысленное созвучіе. Русскій человѣкъ не былъ бы столь рѣзкорѣшителенъ, подготовилъ бы «друга» постепенно, давши дѣйствовать всеиспѣляющему времени, вообще *щадя*,—это огромное преимущество хорошаго русскаго человѣка! Но Роланъ поступила по рецепту Руссо, съ которымъ, кстати сказать, она имѣла много общаго въ психо-физической организаціи и даже въ лицѣ (на нѣкотор. портретахъ). Только въ женщинѣ недостатки Руссо не бросаются въ глаза. Однако это не мѣняетъ дѣла: дружба исчезла отъ дыханія жизни, недоживъ даже до испытанія, въ подтвержденіе моей выше высказанной мысли. Еслибы встрѣтился настоящій другой я, alter eg, то онъ былъ бы самымъ тяжелымъ собесѣдникомъ, и это можетъ быть еще болѣе справедливо относительно женщины, ибо homo homini Lupus, a mulier mulieri lupior.

Еще одно слово. Роланъ въ одномъ изъ Писемъ рѣшила вопросъ: *какъ* бороться съ горемъ, тоской и пр? Развлекаться, гнать его изъ памяти, или наоборотъ отдаться этому страшному чувству и, такъ сказать, дать перегорѣть? Она вѣрно отмѣтила, что въ таинствѣ скорби сгораетъ не только скорбный, но и сама скорбь, и такимъ образомъ излечивается, исчезаетъ... если она слабѣй данной человѣческой души. Въ противномъ случаѣ, во избѣжаніе гибели скорбящаго, ему надлежитъ «развлекаться» (въ обширномъ смыслѣ слова), вытѣснять грусть другими впечатлѣніями

1) и прежде всего молитвой. «Злостраждеть-ли кто въ васъ, да молится» (Іак. 5, 13)... Всѣ скорбящіе и унывающіе отъ лично знаютъ, какъ полезно учить наизусть псалмы и вообще тексты св. Писанія, какъ это помогаетъ въ тяжелой тѣмъ тоскливой ночи. Не псалмы ли спасли Давида, когда онъ «на всяку ночь слезами омачивахъ свою постелю» (Пс. 6, 1). 2) Послѣ молитвы на второмъ планѣ борьбы съ отчаяніемъ стоятъ другія впечатлѣнія, всего лучше возможно *безразличныя*, не радостныя или смѣшныя, которыя могутъ явиться не облегченіемъ, а противнымъ и оскорбительнымъ насиліемъ надъ собой. Потерявъ мать, можно ли веселиться? А если кто это можетъ, то не *все*—могущъ ли онъ, не на-все ли способенъ и не противно ли такое «всемогущество»? Для борьбы съ тьмой всего лучше «безразличный» солнечный свѣтъ, а не разноцвѣтный искусственный, и наболѣвшей груди хочется обыкновеннаго чистаго, а не надушеннаго воздуха. Оружіе противъ уныніа—молитва и *занятія* науками и искусствомъ, въ чемъ убѣдилась и Роланъ на себѣ самой, когда была брошена въ тюрьму. Въ виду неминуемой смерти, въ продолженіи мѣсяцевъ она боролась съ тоской, столь понятной въ такомъ ужасномъ положеніи. Чѣмъ и какъ боролась? Старалась не быть ни минуты безъ дѣла, праздною, какъ бы исполняя совѣтъ св. Антонія Великаго. Здѣсь кстати будетъ засвидѣтельствовать, что «республиканка» Роланъ, не взирая на скептицизмъ XVIII вѣка, была хорошо знакома съ твореніями св. отцовъ, чѣмъ, къ сожалѣнію, не могутъ похвалиться многіе монархисты, нисколько несомнѣвающіеся. Ей было противно, когда «льютъ воду въ вино св. отцевъ». Не правда-ли читатель, недурное выраженіе и не плохая мысль? Но всего лучше это воспоминаніе о твореніяхъ св. Иринея; «внѣшнее *безмолвіе, современное вѣчности, предшествовавшей всемъ вещамъ* способствуетъ моимъ занятіямъ и даетъ опору моему благополучію». Подчеркнутыя слова несомнѣнно взяты изъ сочиненія «Противъ ересей», описывающаго мистику гностицизма. Итакъ Роланъ боролась съ предсмертнымъ уныніемъ посредствомъ дѣятельности, но кромѣ того и при помощи *аскетизма*. Она сильно уменьшаетъ количество пищи и питья; немного спустя она вмѣсто обычнаго утрома шоколада, употребляетъ хлѣбъ съ водой, за обѣдомъ полу-

чаетъ одно блюдо мясное съ зеленью, ужинаетъ небольшимъ количествомъ овощей. Она совсѣмъ бросила вино и пиво и не ѣла сладкое (пирожное). Это не отразилось на ея великолѣпномъ здоровьѣ можетъ быть потому именно, что оно было таково, т. е. превосходно. И поэтому духовныя силы, вѣроятно, выиграли, такъ какъ, по словамъ того же св. Антонія Великаго, «душевныя силы тогда бываютъ крѣпки, когда ослабѣваютъ тѣлесныя удовольствія» (см. Аванасія Великаго, ч. 3. 1853 года стр. 212). И можетъ быть отчасти здѣсь причина необыкновенной живости, образности «Мемуаровъ», свидѣтельствующей о полной ясности памяти и ума. Въ древности многіе въ скорби—постились, тѣмъ не менѣе это нельзя возводить въ правило для нашихъ современниковъ: поститься въ горѣ можно лишь человѣку физическо сильному, слабому же надо усиленно питаться въ избѣжаніе полнѣйшаго непоправимаго двойного истощенія отъ горя и дѣтны.

8-го Ноября Роланъ была казнена, выказавъ необычайную твердость, спокойствіе и непоколебимую увѣренность въ загробной жизни. Ее сгубилъ вихрь политики. Не сбылась мечта ея юности, высказанная въ письмѣ къ подругѣ: «маленькій домикъ, чистый безъ элегантности, *расположенный совсѣмъ близко (auprès) къ церкви*» (Письма стр. 84)... Великія желанія рождаются не всегда для того, чтобы осуществляться, а хорошее исполнимое рѣдко исполняется хорошо... Она умерла 38 лѣтъ, но пережила чудовищно много... Вѣдь «старость не въ числѣ лѣтъ исчисляется», «скончався в малѣ исполни лѣта долга».

Роланъ можно помянуть добрымъ словомъ: она интересовалась Россіей, симпатизировала странѣ, обновленной Петромъ и прославленной Екатериной. Пусть не дивится читатель: около этого времени въ Парижѣ вышла исторія Россіи, написанная Вольтеромъ... Не пора-ли и намъ русскимъ вспомнить Роланъ и *ея время*? И это будетъ полезно для тѣхъ, которые малодѣятельны, рассчитываютъ на «авось» и ждуть *только* помощи свыше. Но, вѣдь, на Бога надѣйся, а самъ не плошай. *Helfe dir selbst und Gott wird dir helfen*» говорятъ нѣмцы. Да! Повторяются не только отдѣльныя лица—индивидуальности, но и цѣлыя оригинальныя

эпохи, и въ этомъ смыслѣ и польза исторіи, поучающей примѣрами для сравненія, и дающей матеріаль для практическихъ мѣропріятій. Помощь свыше *conditio sine jua* поп... Однако всегда надо помнить, что спасаетъ любящая, дѣятельная вѣра, но не надежда, одна и только какъ таковая.

В. Недзвецкій.

15-е Ноября 1905 года.

НЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ.

При рѣшеніи всякаго вопроса научнаго и жизненнаго изслѣдователь прежде всего опредѣляетъ, какія требованія нужно имѣть въ виду при рѣшеніи даннаго вопроса. Это называется постановкою вопроса. Постановка вопроса опредѣляетъ возможное для изслѣдователя поле изслѣдованія и основанія для выводовъ, къ которымъ приходитъ изслѣдователь. Эти выводы, выраженные въ общихъ положеніяхъ, могутъ быть поняты и найдутъ для себя оправданіе, когда извѣстны данныя, на которыхъ они построены. Особенно важное значеніе имѣетъ правильная постановка вопроса сложнаго и глубоко-жизненнаго, какимъ является вопросъ о реформѣ духовной школы. А время выставило этотъ вопросъ въ очень сложной и, нужно прибавить, очень грозной формѣ. Вопросъ идетъ о томъ, быть или не быть семинаріямъ въ томъ видѣ, въ какомъ они просуществовали, съ различными измѣненіями, двѣсти лѣтъ. Въ эти двѣсти лѣтъ духовныя семинаріи подвергались различнымъ реформамъ но сохранили свой основной типъ и въ теченіе этого времени выпускали воспитанниковъ, въ общемъ превосходящихъ своимъ развитіемъ учащихся въ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Настоящее время подвело итоги прошлой жизни духовной школы и привело къ сознанію необходимости коренной ея реформы. Нѣкоторые изъ недостатковъ въ жизни духовныхъ семинарій сознавались давно и могли бы быть устранены безъ измѣненія исторически сложившагося строя семинарій. Но не устраненные въ свое время, они получили особенную силу и интесивность въ общественномъ сознаніи, вызвали сознаніе и другихъ недостатковъ, на которые прежде мало обращали вниманія и все это объединилось въ сложномъ синтезѣ. Этотъ синтезъ общественной мысли, преломляясь въ пониманіи людей весьма различно, вызвалъ требованіе реформы духовной школы. Слож-

ность этого синтеза служить причиною того, что преобразовательная мысль является неясною и одностороннею, что и сказывается въ различныхъ мнѣніяхъ о реформѢ. МнѢ думается, что въ такое время нужно ревновать не объ обилии мнѣній, а ихъ основательности, опасаться не недостатка ихъ, а обилия, когда это обилие можетъ препятствовать установленію правильного взгляда на вопросъ, выставленный временемъ. Исторія показываетъ намъ, что общество часто не можетъ разобраться въ мнѣніяхъ, которыя выступаютъ на поверхность общественнаго сознанія. Еще задолго до извѣстной реформы графа Протасова въ обществѣ сложилось мнѣніе о несовершенствѣ устава 1814 года. Это несовершенство полагалось въ томъ, что семинарское образованіе было слишкомъ теоретично, отвлеченно и не достигало своей профессиональной цѣли. Отсюда являлась потребность оживить семинарское образованіе внесеніемъ наукъ практическаго характера, приуроченныхъ къ потребностямъ и цѣлямъ духовнаго образованія. Такъ появилась Протасовская реформа, по выраженію историка Знаменскаго, исковеркавшая всѣ старыя уставы духовныхъ школъ. Эта реформа не была произведеніемъ ума графа Протасова, не знавшаго совершенно духовныхъ семинарій, а была воспроизведеніемъ мысли общественной. Вопросъ о школьной реформѢ въ общественной мысли отразился не съ достаточною ясностью и опредѣленностью и съ склонностью къ одностороннему рѣшенію и въ этой односторонности съ поспѣшною неосмотрительностью рѣшенъ былъ волею графа Протасова. Если бы главный инициаторъ этой реформы задалъ себѣ вопросъ, какія общія требованія нужно имѣть въ виду при рѣшеніи важнаго и сложнаго вопроса о реформѢ духовнаго образованія, то онъ долженъ бы, по крайней мѣрѣ, относительно себя придти къ заключенію, что онъ не компетентенъ въ рѣшеніи вопросовъ богословскаго образованія, что для него одинаковую цѣнность имѣютъ мнѣнія, какъ предлагаемыя ему, такъ и противоположныя. Это соображеніе могло бы остановить его властную волю произвести спѣшную реформу безъ должной осмотрительности и вниманія къ указаніямъ опыта прошлой и современной жизни духовной школы, безъ руководства людей глубокаго опыта и великихъ дарованій, недостатка которыхъ въ то время не было.

Какія нужно имѣть въ виду требованія при рѣшеніи сложнаго вопроса о реформѢ духовныхъ семинарій—отвѣтомъ на это послужать слѣдующія соображенія.

1) Вопросъ о реформѣ духовной школы въ печати, обществѣ и распоряженіяхъ правительственной власти связывается съ реформою другихъ сторонъ церковной жизни. Поэтому съ точки зрѣнія требованій времени было бы односторонне разсматривать этотъ вопросъ, какъ вопросъ исключительно школьный... По тѣсной связи современной школы съ жизнью, причины нѣкоторыхъ явленій школьной жизни нужно искать внѣ школы. Укажу напримѣръ. Логика жизни ясно засвидѣтельствовала, что одна изъ главныхъ причинъ уклоненія воспитанниковъ духовныхъ семинарій отъ духовнаго званія заключается не въ условіяхъ ихъ школьнаго образованія, а въ условіяхъ соціального положенія духовенства. Поэтому никакой строй духовной школы не устранитъ этого печальнаго явленія въ ея жизни, если не будетъ измѣнено положеніе духовенства. Настоящее время достаточно ясно показало, что реформа духовной школы должна совершиться въ связи съ реформою другихъ сторонъ церковной жизни. Направленіе и характеръ будущей церковной реформы въ значительной степени должны опредѣлить и реформу духовной школы. Съ точки зрѣнія современной жизни было бы преждевременно начертывать какой-либо общій планъ реформы духовной школы, какъ нельзя начертать планъ отдѣльной комнаты въ зданіи, общій планъ котораго еще не опредѣлился. Полагать центръ тяжести школьнаго вопроса въ измѣненіи ея строя, не обращая вниманія на связь этого вопроса съ другими вопросами, значитъ вводить преобразовательную мысль въ узкія рамки, что можетъ повести къ односторонности взгляда, къ игнорированію фактовъ, не подходящихъ подъ намѣченную программу.

2) Сравнивая охватившее въ настоящее время русское общество преобразовательное движеніе съ таковымъ же движеніемъ въ 60-хъ годахъ, можно замѣтить ту особенность, что реформаторскія стремленія 60-хъ годовъ были направлены къ устраненію недостатковъ, накопившихся въ нашей жизни, а стремленія нынѣшняго времени къ пересмотру и измѣненію самыхъ основъ жизни, какъ говорятъ—къ переоцѣнкѣ цѣнностей. Это сказывается и въ отношеніи къ вопросу о реформѣ духовной школы. Во многихъ произведеніяхъ современной свѣтской печати духовныя семинаріи изображаются мертвыми, отжившими учрежденіями и должны быть замѣнены школами новаго типа, съ ученіемъ свободнымъ отъ мертвой схоластики,

проникнутымъ живительнымъ началомъ, съ замѣною устарѣлыхъ отжившихъ нормъ школьной жизни новыми, основанными на широкихъ началахъ свободы и живительной любви, сообразно съ требованіями современной жизни и науки. Въ этихъ крайнихъ, недостаточно ясныхъ реформаторскихъ стремленіяхъ ясно выступаетъ мысль, что нужна реформація ученія и жизни, которая создастъ у насъ и новую школу.

Не раздѣляя этихъ крайнихъ воззрѣній, нужно однако признать, что въ богословскомъ ученіи у насъ не все твердо и ясно установлено, что въ частности построеніе и методъ богословскихъ наукъ требуютъ существенныхъ измѣненій, что требуется ввести новые учебники взамѣнъ существующихъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на тотъ печальный фактъ, что при рѣшеніи вопроса о реформѣ духовной школы богословское образованіе является какимъ-то забытымъ дѣтищемъ. Много мнѣній о лучшей постановкѣ общаго образованія въ семинаріяхъ и очень мало о лучшей постановкѣ богословскаго образованія. Если и встрѣчаются мнѣнія о лучшей постановкѣ богословскихъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ, то при этомъ имѣютъ въ виду цѣли, исключительно научныя, а не образовательныя. Забыта традиція старой духовной школы сообщать воспитанникамъ истины вѣры не въ логическихъ только формахъ, но въ явленіи силы и духа. Вопросъ о томъ, возможно ли достиженіе такой образовательной цѣли и какими новыми средствами могла бы она быть достигнута, не занимаетъ преобразовательную мысль, исключительно направленную на устроеніе внѣшняго строя, а не на внутреннюю жизнь духовной школы согласно съ ея традиціями и назначеніемъ. При устройствѣ воспитательной части нужно принять во вниманіе указанія исторіи и жизни и нѣкоторые точные выводы современной педагогики.

Преобразовательная мысль со всѣмъ этимъ должна необходимо считаться, во всемъ разобратъ, опредѣлить реформы частныхъ и отношеніе частныхъ къ общей цѣли школы. А отсюда слѣдуетъ, что было бы поспѣшно возводить зданіе школьной реформы на почвѣ, недостаточно подготовленной ¹⁾.

---

¹⁾ Время призываетъ насъ къ неотложному и спѣшному возведенію школьнаго новаго зданія, но оно призвало давно и нельзя втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлать то, что возможно сдѣлать въ продолженіе года и болѣе.

Къ отрицательнымъ взглядамъ на современные семинаріи приходятъ не только люди крайнихъ реформаторскихъ стремленій, но люди строго охранительнаго направленія. Настоящее время выдвинуло проекты преобразования семинарій, въ которыхъ настойчиво проводится мысль, что современные семинаріи находятся въ состояніи полнаго разложенія, должны быть упразднены и замѣнены школами, вполне принаровленными къ цѣлямъ духовнаго образованія. Такія сужденія высказываются лицами, получившими образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ и не на основаніи стороннихъ наблюденій надъ ними, а на основаніи непосредственнаго знакомства съ ними (въ должности пачальниковъ и воспитателей) и поэтому, повидимому, должны быть признаны вполне компетентными.

Основаніями для такихъ сужденій о духовныхъ семинаріяхъ служатъ многіе печальные факты изъ ихъ современной жизни. Жизнь ихъ засвидѣтельствовала тотъ общій фактъ, что умственный и нравственный уровень воспитанниковъ духовныхъ семинарій сравнительно съ прежнимъ временемъ значительно понижается. Причины этого явленія мало извѣстны воспитателямъ—потому, что они въ дѣйствительности мало знакомы съ жизнью школы. Лица, стоящія близко къ школьной жизни, не должны увѣренно утверждать, что они хорошо знаютъ эту жизнь. Жизнь воспитанниковъ школы, ихъ мысли, чувства, интересы и стремленія закрыты бываютъ отъ взора такихъ воспитателей, довѣріе и уваженіе къ которымъ со стороны воспитанниковъ повидимому должны бы открывать двери въ ихъ внутренній міръ. Для этого нужно обладать особеннымъ чутьемъ, способностью понимать чуждый воззрѣніямъ взрослога школьный міръ, большая педагогическая опытность. Для правильнаго сужденія о фактахъ школьной жизни нужна особенная способность понимать фактъ въ его жизненномъ проявленіи (жизнепониманіе). Если скажутъ, что такая способность есть достояніе немногихъ, то отсюда слѣдуетъ выводъ только такой: вопросъ о школьной реформѣ не слѣдуетъ рѣшать всѣмъ. Рѣшеніе школьнаго вопроса требуетъ тщательнаго изслѣдованія школьной жизни. Такое изслѣдованіе должно имѣть въ виду слѣдующія требованія: 1) Достаточное знаніе прошлой жизни духовной школы въ ея наиболѣе характерныхъ проявленіяхъ. 2) Знаніе современной школьной жизни, вынесенное не изъ одного личнаго и случайнаго знакомства съ фактами этой жизни, но зна-

ніе, пріобрѣтенное внимательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ проявленіямъ этой жизни, провѣренное или сопоставленное съ опытомъ другихъ и дающее право на выводы и обобщенія. Безъ соблюденія этихъ требованій, нѣсколько вѣрныхъ мыслей, какія встрѣчаются въ уже явленыхъ проэктахъ реформы духовныхъ семинарій не исль. Ютъ ихъ органическаго недостатка. 3) Современная наука соединительствовала громадное вліяніе нервно-психической организаціи воспитанниковъ на жизнь школы. Съ точки зрѣнія науки, было бы ошибкой думать, что измѣненіе внѣшняго строя школы, воспитательнаго режима вполне достаточно для правильнаго теченія школьной жизни. Цѣнныя данныя относительно вліянія указаннаго наукою фактора въ жизни школы могутъ дать и наблюденія воспитателей и врачебный надзоръ. Съ этими данными нужно считаться при рѣшеніи вопроса о реформѣ школы.

3) Есть мнѣнія по вопросу о реформѣ духовныхъ семинарій, которыя, занимая средину между вышеуказанными, предлагаютъ проэктъ измѣненія существующаго строя семинарій на основаніи мнѣній, высказанныхъ педагогами въ печати и воспитанниками въ ихъ петиціяхъ и письмахъ въ редакцію періодическихъ изданій. Сущность желательнаго измѣненія строя духовныхъ семинарій формулирована въ статьѣ профессора В. Н. Мышцына, помѣщенной въ Богословскомъ Вѣстникѣ за текущей годъ. 1) «Прежде всего, по мнѣнію указаннаго автора, необходимо дать семинаріямъ такой строй, при которомъ пастырство и приготовленіе къ нему было бы для всѣхъ дѣломъ свободнаго и сознательнаго выбора. Это возможно лишь въ томъ случаѣ, если наши духовныя семинаріи, подобно гимназіямъ, будутъ носить общеобразовательный характеръ, дающій возможность воспитанникамъ, прошедшимъ курсъ ихъ, свободно избирать себѣ жизненный путь, сообразуясь лишь со своими дарованіями и склонностями. Чтобы возможность эта не была фиктивной, необходимо предоставить воспитанникамъ, кончившимъ семинарскій курсъ (общеобразовательныхъ наукъ) право поступленія въ университетъ на равныхъ условіяхъ съ воспитанниками гимназій. Подготовкѣ же къ пастырству, т. е. изученію богословскихъ наукъ, должны быть посвящены спеціальныя богословскіе курсы или классы, въ которые могли бы поступать какъ воспитанники, прошедшіе общеобразовательный курсъ семинарін, такъ и воспитанники другихъ среднихъ учебныхъ заведеній».

Высказывая такое мнѣніе, авторъ не обратилъ вниманія на слѣдующій фактъ. Просматривая списки окончившихъ курсъ семинарскій воспитанниковъ, мы видимъ, что весьма значительный процентъ ихъ избираетъ себѣ жизнеемий путь не тотъ, который указывается назначеніемъ школовреюобразно со своими способностями и, благодаря своимъ пржеіячымъ дарованіямъ и полученному въ семинаріи образованію, пріиаютъ себѣ путь къ болѣе или менѣе видному общественному деніюженію. И въ настоящее время духовное образованіе, даваемое семинаріей, не обяываетъ воспитанниковъ непременно наступать въ духовное званіе и они свободно избираютъ себѣ жизненной путь сообразно со своими дарованіями и склонностями, за исключеніемъ возможности поступать въ центральные университеты, что конечно не нормально, но что затрагиваетъ интересы очень немногихъ воспитанниковъ. Если семинарское образованіе не обусловливаетъ необходимости поступления непременно въ духовное званіе, то зло современной семинаріи состоитъ не въ ея, указанномъ авторомъ, строѣ, а только въ томъ, что семинаріямъ навязана вывѣска, которая не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и духовному образованію семинарій, необходимому и полезному для всякаго служенія — пастырскаго и не пастырскаго (благочестіе на все полезно), искусственно придано профессиональное назначеніе. Идея профессиональнаго назначенія духовныхъ семинарій всегда оставалась идеей и никогда не осуществлялась въ жизни семинарій ²⁾.

Другой недостатокъ духовныхъ семинарій, по мнѣнію профессора Мышцына, состоитъ въ томъ, что «наши семинаріи яв-

---

²⁾ Духовныя семинаріи устроены по образцу древнихъ академій. Древнія академіи были общеобразовательными учебными заведениями съ завершительнымъ вѣнцомъ общаго образованія въ богословіи. Семинаріи XVIII столѣтія не преслѣдовали профессиональную цѣль и во многихъ изъ нихъ курсъ наукъ ограничивался общеобразовательными предметами. Съ XIX столѣтія духовнымъ семинаріямъ стали придавать характеръ профессиональныхъ школъ и эта цѣль съ послѣдовательною настойчивостью проводилась въ семинарскихъ реформахъ. Но профессиональнаго своего назначенія семинаріи никогда не достигали въ дѣйствительности и чѣмъ болѣе оно навязывалось имъ, тѣмъ болѣе въ жизни своей онѣ отъ него уклонялись. Семинаріи настойчиво стремились сохранить свою первоначальную историчечкую основу: быть богословско-религіозными школами, но не профессиональными.

ляются анахронизмомъ въ учебномъ отношеніи. Едва ли не въ принципъ семинарскаго обученія (разумѣемъ общеобразовательные предметы) возводится знакомство лишь съ тѣми идеями и теченіями умственной и нравственно-общественной жизни, которыя стали уже достояніемъ исторіи и превратились въ мертвый матеріалъ. Напротивъ, все свѣжее, новое, чѣмъ живетъ и волнуется современное общество и человѣчество, все это старательно замалчивается и скрывается... Такая постановка учебнаго дѣла въ семинаріяхъ наноситъ громадный вредъ и образовательнымъ и воспитательнымъ цѣлямъ духовной школы. Прежде всего она вредно отзывается на самодѣятельности ученика. Надо имѣть необыкновенную любознательность, чтобы съ интересомъ изучать мертвый историческій матеріалъ, безъ всякой связи съ современной жизнью и современными идеями. Для обыкновеннаго же воспитанника онъ лишенъ интереса и изучается большею частью изъ-подъ палки. Такое ученіе не столько развиваетъ, сколько убиваетъ живую мысль. Тотъ же самый матеріалъ, освѣщенный идеями современной жизни, сразу оживилъ бы въ глазахъ ученика и пробудилъ бы въ немъ самостоятельную работу мысли».

Авторъ долженъ согласиться, что все сказанное имъ относительно постановки учебнаго дѣла въ семинаріи должно быть отнесено не къ однимъ общеобразовательнымъ предметамъ, но и къ богословскимъ и къ нимъ болѣе, чѣмъ къ общеобразовательнымъ ³⁾. Если это такъ, то понятно, что воспитанникъ, получившій жизненное общее образованіе, не пойдетъ изучать совершенно противоположную этому образованію безжизненную богословскую науку. Богословскіе классы, или курсы, пристегнутые къ общеобразовательному курсу, но отличные отъ него по своему характеру, методу и цѣли, являются какимъ-то архаическимъ придаткомъ. Болѣе радикальные изъ воспитанниковъ семинаріи склонны совершенно исключить богословскіе классы изъ семинарскаго курса. Нужно, наоборотъ, богословскому образованію придать общеобразовательный характеръ. Общее образованіе свой конецъ имѣетъ въ богословіи и безъ

---

³⁾ Освѣщеніе научнаго матеріала идеями современной жизни едва ли приложимо къ такимъ общеобразовательнымъ наукамъ, какъ математика, древніе и новыя языки, словесность, логика и психологія.

богословскаго образованія общее образованіе само по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности.

Исторія научаетъ, что семинарскіе науки давали основательное образованіе, когда болѣе разумная постановка богословскихъ наукъ въ соединеніи съ даровитымъ преподаваніемъ придавала имъ общеобразовательное значеніе и общеобразовательныя науки умѣло освѣщались элементомъ богословско-философскимъ. Въ старой духовной школѣ богословская наука стояла во внутренней связи съ общеобразовательными науками и этимъ послѣднимъ придавалось значеніе прислуги богословія. Съ развитіемъ самостоятельности общеобразовательныхъ наукъ, пріобрѣтенія ими независимости отъ богословія, постепенно утрачивалась внутренняя связь богословскаго образованія съ общимъ, а реформаторскія стремленія нынѣшняго времени направлены къ полному уничтоженію всякой связи богословской науки съ общеобразовательными науками (къ устройству особыхъ богословскихъ курсовъ или особой богословской школы). Замѣчательно, что реформаторскія стремленія нынѣшняго времени являются плодомъ общественной мысли, не принявшей во вниманіе направленія умственной русской жизни, какъ она отразилась въ произведеніяхъ лучшихъ русскихъ умовъ (напр., В. С. Соловьева). Господствующее направленіе умственной жизни нынѣшняго времени характеризуется стремленіемъ къ широкому синтезу. Синтезъ не мирится ни съ какими противоположностями и противорѣчіями и ищетъ единства. Школьная наука должна удовлетворять этому требованію единства. Научное образованіе должно стремиться къ установленію единства между науками, а не къ ихъ разъединенію и къ построенію такой научной системы, въ которой научныя положенія были бы связаны не внѣшнею логическою связью, а единствомъ мысли и даже чувства. Одна изъ главныхъ причинъ нерасположенія воспитанниковъ къ богословской наукѣ заключается въ томъ, что они въ наукѣ ищутъ единства и не находятъ его. Нынѣшнихъ воспитанниковъ, по ихъ собственнымъ словамъ, не удовлетворяетъ богословская наука, которая представляетъ сборъ положеній, не связанныхъ внутреннимъ единствомъ. Къ сожалѣнію, наша богословская наука, занятая рѣшеніемъ мелкихъ частныхъ вопросовъ, мало сдѣлала или почти ничего не сдѣлала для выясненія новой системы богословской науки и вопросъ о реформѣ духовнаго образованія засталъ ее врасплохъ. Нужно спѣшно

реформировать, а реформа не подготовлена и даже не выяснены основанія для реформы.

Третій недостатокъ современной семинаріи авторъ находитъ въ томъ, что «семинарія не знаетъ воспитанія въ собственномъ смыслѣ, а признаетъ только дисциплину. Ея воспитательныя задачи направлены не столько на нравственное развитіе воспитанника, сколько на установленіе внѣшняго порядка и благопристойности. При указанномъ характерѣ семинарской педагогіи, конечно, не можетъ быть нравственной связи между воспитателями и воспитанниками. Отношенія ихъ сухи и оффиціальны. Чтобы придать воспитанію нравственный, а не дисциplinарный характеръ, по мнѣнію автора, необходимо поставить въ болѣе близкія и интимныя отношенія воспитателей и воспитанниковъ. Но это возможно лишь при значительномъ количествѣ воспитателей. Одинъ инспекторъ съ двумя, четырьмя помощниками не можетъ войти въ душу нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Необходимо поэтому призвать къ дѣлу воспитанія и преподавателей, но не такъ, какъ дѣлалось до сихъ поръ, предоставляя имъ роль сыщика или доносчика, а снабжая ихъ извѣстными полномочіями и подчиняя ихъ отвѣтственности не предъ инспекціей и архіереємъ, а предъ педагогическимъ совѣтомъ и правленіемъ».

Относительно этихъ соображеній автора нужно замѣтить, что они основываются на не вполне достаточномъ знакомствѣ съ жизнью современныхъ семинарій, представляя ихъ какими-то архаическими учрежденіями, которыхъ не коснулась современная жизнь. Въ настоящее время въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ есть не малое число воспитателей, стремящихся искренне и не безъ педагогическаго такта войти въ близкія интимныя отношенія къ воспитанникамъ, не ограничиваясь ролью сыщика, но эти стремленія не встрѣчаютъ сочувствія со стороны воспитанниковъ и они уклоняются отъ нравственной опеки надъ ними. Бываютъ случаи, что чувства довѣрія и уваженія воспитанниковъ къ воспитателю сразу же утрачивались, когда воспитатель желалъ войти въ душу воспитанниковъ ⁴⁾.

---

⁴⁾ Замѣчательно, что сами воспитанники въ своихъ петиціяхъ высказываютъ желаніе автономіи духовной школы отъ всякаго воспитательнаго режима. Какъ это ни странно, но это фактъ, съ которымъ нужно считаться.

Причину такого уклоненія воспитанниковъ отъ нравственнаго вліянія нельзя жё искать въ несовершенствѣ внѣшняго воспитательнаго строя школы, когда она болѣе заключается въ несовершенствѣ психологическаго знанія и опыта ⁵⁾. Чужая душа потемки, особенно въ періодъ сформированія личности и наши воспитательныя воздѣйствія, исходящія изъ опредѣленныхъ воспитательныхъ намѣреній, часто не попадаютъ въ цѣль. Трудно войти въ душу одного человѣка, а тѣмъ болѣе двухъ, и это вхожденіе нужно производить искусною рукою и съ очень тонкимъ психологическимъ скальпелемъ, а не съ топоромъ. Нельзя полагаться на количественную силу воспитательнаго вліянія, когда сила этого вліянія слагается не изъ количественной суммы, а зависитъ отъ качества. Это качество зависитъ отъ искусства, которое является плодомъ и знанія и таланта. Такія педагогическія правила: воспитывай болѣе примѣромъ, но такъ, чтобы онъ не мозолилъ глаза, руководи наставленіями, но такими, которыя являлись бы какъ бы случайными для воспитанника, а не были бы навязываемы ему какъ система—требуютъ особеннаго воспитательнаго искусства. А такъ какъ искусство воспитанія есть достояніе очень немногихъ, то школьное воспитаніе по необходимости сводится къ дисциплинарному. Какая школа можетъ дать преобладаніе нравственнаго воспитанія надъ дисциплинарнымъ—это вопросъ, на который дать отвѣтъ трудно.

Намъ извѣстны бросающіяся въ глаза отрицательныя явленія школьной жизни и они опредѣляютъ нашу положительную мысль, но когда мы поглубже вникнемъ въ причины этихъ явленій, обратимъ вниманіе на другія явленія, которыя пропускали мимо, то въ нашей положительной мысли окажутся значительныя прорѣхи. Преобразовательная мысль должна считаться со всѣми фактами наличной дѣйствительности, если она имѣетъ въ виду излечить больной организмъ школы, а не произвести, имѣя нѣкоторыя противоположенія, сомнительный экспериментъ. Такой экспериментъ можно бы произвести въ предположеніи, что новыя лучшія условія

---

⁵⁾ Нужно замѣтить, что воспитательное вліяніе школы всегда очень ограниченно и заставляетъ воспитателей постоянно обращаться къ нравственному содѣйствію родителей.

создадутъ сами собою и лучшую дѣятельность людей. Но лучшія условія, устраняя преграды для лучшей дѣятельности, предполагаютъ эту дѣятельность и могутъ быть благотворными только при существованіи въ наличной дѣйствительности дѣятельности лучшихъ людей. Нужно еще имѣть въ виду, что школьная жизнь, какъ и всякая другая, создается не столько строемъ, сколько совокупностью многообразныхъ вліяній (сопокупность мелочей создаетъ жизнь). Одни изъ этихъ вліяній трудно уловимы, другія можно установить какъ факторъ, постоянно дѣйствующій въ жизни. Благотворнымъ факторомъ въ жизни духовной школы является ея сословность. Не столько строй духовной школы, опредѣляемая ея уставами и нарочитыя воспитательныя воздѣйствія, сколько духъ сословный сообщилъ школѣ духъ церковный связью воспитанниковъ съ духовными родителями, а чрезъ нихъ и съ церковью. Вторженіе въ духовную школу воспитанниковъ иносословныхъ и не изъ высшихъ классовъ общества разрушало церковный духъ духовной школы, что постоянно и вызывало ограничительныя распоряженія относительно пріема въ духовныя школы иносословныхъ дѣтей ⁶⁾.

4) Знаменитые іерархи русской церкви, митрополиты Платонъ и Филаретъ держались той мысли, что хорошее устройство школъ создается не учрежденіями и уставами, а дѣятельностью живыхъ силъ школы. Митрополитъ Платонъ былъ жаркимъ противникомъ преобразования 1808 года, держась мысли, что сила школы не въ уставѣ, а въ учителяхъ способныхъ. Митрополитъ Филаретъ пришелъ къ такому убѣжденію, что успѣхъ ученія зависитъ не столько отъ уставовъ, сколько отъ

---

⁶⁾ При рѣшеніи вопроса о всякой реформѣ приходится считаться съ двумя противоположными положеніями: лучшей порядокъ создаетъ и лучшую жизнь людей; лучшіе люди только и могутъ создать лучшей порядокъ. Эти два положенія, раздѣляемые въ отвлеченной мысли, въ дѣйствительности неотдѣлимы. Лучший порядокъ создается и можетъ быть созданъ только лучшими людьми. И водвореніе его среди людей не есть только призывъ къ жизни въ новыхъ условіяхъ, но и призывъ къ тѣмъ мыслямъ, чувствамъ дѣятельности, которыми жили лучшіе люди, создавшіе порядокъ. Поэтому всякая реформа внѣшняя должна быть и реформою внутреннею—усвоеніемъ новаго духа, а не одной новой формою. Если нѣтъ усвоенія этого духа, а только есть усвоеніе одной формы, то внѣшняя реформа будетъ мертвою, безжизненною,

исполнителей уставовъ. Ему казалось, что нужнѣе поощрять и наставлять людей, нежели переписывать уставы. Эта мысль, какъ мысль умовъ великихъ и какъ плодъ глубокаго жизненнаго опыта, не должна быть оставлена при рѣшеніи вопроса о преобразованіи духовной школы. Когда мы признаемъ, что недостатки современной духовной школы во многомъ зависятъ не отъ несовершенства ея строя, а отъ несовершенства дѣятельности наличныхъ силъ школы, то мы не можемъ не считаться съ этою причиною. Но уясненіе этой причины и ея вліянія на жизнь школы—дѣло очень трудное. Требуется со стороны наличныхъ силъ школы безпристрастная самооцѣнка своей дѣятельности ⁷⁾. Къ какимъ бы выводамъ ни привела эта самооцѣнка, она будетъ имѣть значеніе, способствуя правильному рѣшенію сложнаго вопроса о реформѣ духовной школы. Замѣчаемое въ жизни каждой школы несоотвѣтствіе между требованіями устава и дѣятельностью наличныхъ силъ школы особенно обращаетъ на себя вниманіе въ жизни школы духовной, потому что духовная школа болѣе, чѣмъ какая-либо другая, въ своей жизни должна воплощать нравственныя начала, выраженные въ юридическихъ формахъ закона. Наше общество

---

7) Такая самооцѣнка требуется и отъ воспитанниковъ, которые все болѣе и болѣе утрачиваютъ способность критически относиться къ внѣшнимъ явленіямъ и къ актамъ своей психической жизни и легко поддаются внушеніямъ случайнымъ. Въ настоящее время воспитанники духовной школы подчинились вліяніямъ случайнымъ, но не усмотрѣли опасныхъ для нихъ слѣдствій этихъ вліяній, безсознательно рѣшились отказаться отъ одного изъ драгоцѣнныхъ достояній своей школы, традиціонно въ ней хранимаго. Школа духовная болѣе, чѣмъ свѣтская, сохраняла какъ наслѣдіе отдаленныхъ временъ въ своей жизни свободу духа, которая находила себѣ выраженіе въ большей свободѣ научнаго образованія (чуждаго буквѣдства) и въ большей возможности самому воспитаннику свободно устроить свою индивидуальную жизнь (безъ ограниченія общими сходками, корпоративными союзами и проч.). Стремленіе нынѣшняго вѣка къ установленію равенства, къ нивелировкѣ людей во имя солидарности корпоративныхъ (а не духовныхъ) интересовъ ведетъ за собою утрату духовной свободы личности, къ подчиненію ея общественной стихійной силѣ. Припоминаются прекрасныя мысли изъ дневника А. В. Никитенко: „Охотники нивелировать челоѣчество готовы превратить его въ одну грубую безразличную массу, изъ которой не должно уже вырастать ни одно дарованіе, ни одна умственная или нравственная заслуга“.

привыкло строже относиться къ недостаткамъ школы духовной, чѣмъ свѣтской, и это болѣе строгое отношеніе всегда сказывалось и сказывается въ мнѣніяхъ о духовной школѣ людей различнаго общественнаго положенія ⁸⁾). Выступаютъ мнѣнія, въ которыхъ главное зло въ семинаріяхъ находятъ въ неправильной дѣятельности наличныхъ силъ школы. Спровергнуть эти мнѣнія можно только разборомъ того, что въ нихъ правда и что—неправда. Отнесеніе нѣкоторыхъ недостатковъ духовной школы къ дѣятельности наличныхъ силъ, выраженное въ опредѣленныхъ фактахъ, предохранить все зло современной школы видѣть въ ея строѣ и искать единственнаго врачевства въ измѣненіи этого строя.

5) Опытъ показалъ, что строй школы, опредѣляемый уставами, и при возможно согласной съ уставами дѣятельности наличныхъ силъ, не обезпечиваетъ еще правильнаго функціонирования школьной жизни. На жизнь школы имѣютъ разрушительное вліяніе факторы, заключающіеся частью въ школьной, а частью внѣ школьной жизни. Въ школьной жизни, напримѣръ, вредное вліяніе на ходъ учебнаго дѣла оказываетъ значительный процентъ малоуспѣвающихъ, которые при снисходительности педагогической корпораціи удерживаются въ школѣ со вредомъ для нея, при строгости несправедливо удаляются къ скорби родителей и со вредомъ для общества. Опытъ засвидѣтельствовалъ, что причина значительнаго процента малоуспѣвающихъ зависитъ не отъ недостатковъ нынѣшней системы образованія духовной школы, но и отъ постепенно прогрессирующей дегенераціи воспитанниковъ. Особенно вредное вліяніе оказываютъ факторы, дѣйствующіе на школу отъ внѣ, но находящіе для себя въ ея жизни воспримчивую почву. Въ жизни нашихъ семинарій обнаружались такіа характерныя явленія, которыя прежде въ исторической жизни семинарій не обнаруживались. Разумѣю здѣсь забастовки, волненія, которыя, по выраженію одного писателя, широкою волною разлились еще тогда, когда наше общество жило спокойно. Эти явленія будятъ общественную мысль и заставляютъ настоятельно заняться во-

---

⁸⁾ Такія мнѣнія идутъ и сверху и снизу—отъ воспитателей и воспитанниковъ. Въ настоящее время воспитанники склонны отрицательно относиться къ преподаванію, которое, сообщая истинны вѣры, не сообщаетъ имъ чувства вѣры.

просомъ о преобразованіи духовныхъ семинарій. Волненія и забастовки—характерное печальное явленіе въ жизни современныхъ семинарій. Имѣя роковое вліяніе на ходъ школьной жизни, это явленіе круто поворачиваетъ вопросъ о реформѣ въ извѣстную сторону. Преобразовательная мысль, направляемая фактомъ, необходимо должна тщательно изучить фактъ. Безъ такого изученія всякій проэктъ реформы будетъ беспочвеннымъ и составленіе такого проэкта будетъ реакціонернымъ явленіемъ мысли на фактъ, не считающагося надлежащимъ образомъ съ фактомъ.

Вышесказанное можно выразить въ такомъ резюме: Вопросъ о реформѣ духовныхъ семинарій связанъ съ рѣшеніемъ другихъ сложныхъ вопросовъ, требуетъ основательнаго знанія исторіи духовныхъ семинарій и широкаго, безпристрастнаго взгляда на современную школьную дѣйствительность, знанія не только фактовъ этой дѣйствительности, но ихъ причинъ и слѣдствій. Безъ соблюденія этихъ условій преобразовательная мысль явится узкою, одностороннею и едва ли будетъ полезною, а можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вредною. Не нужно забывать изреченія Тэна: *«нѣтъ ничего опаснѣе, какъ большая мысль въ малой головѣ»*.

Наша исторія имѣетъ печальную особенность ничему не научиться, хотя общество постоянно расплачивалось за то, что не внимало урокамъ исторіи. Извлекать уроки изъ исторіи — дѣло трудное, легче слѣдовать указаніямъ признанныхъ авторитетовъ. Передъ реформою духовныхъ семинарій М. Филаретъ писалъ: «полезно пожинать старое, чтобы осторожнѣе дѣлать новое». По нынѣшнему времени это наставленіе мудраго святителя должно быть расширено и формулировано такъ: нужно хорошо знать и старое и настоящее, чтобы основательно и осторожно вводить новое. Наши духовныя семинаріи въ продолженіе менѣе столѣтія пережили четыре реформы, причемъ каждая реформа существовала очень недолго, принимая во вниманіе, что вопросъ о реформѣ и потребность въ ней возникали ранѣе введенія реформы. Такая непродолжительность существованія реформы зависѣла не оттого, что жизнь у насъ идетъ очень быстро, а оттого, что реформаторская мысль создала новыя формы сообразно съ требованіями времени и слѣдуя теченію общественной мысли, но мало принимала во вниманіе выводы прошлаго и условія наличной дѣй-

ствительности. Какъ скоро новыя формы пускались въ оборотъ жизни, они начинали давать трещины, которыя усиленно заплачивались разъяснительными указами и циркулярами. Наличныя силы школы не скоро примѣнялись къ новымъ формамъ и разрушали ихъ своею дѣятельностью, а законодатель, всегда расчитывая на исполнителей, не указывалъ, да въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не могъ указать ограничительныхъ мѣръ противъ супостатовъ, кромѣ самыхъ общихъ: вразумленія и т. п. ⁹⁾).

Въ настоящее время преобразовательныя стремленія идутъ не сверху, а снизу, что обѣщаетъ болѣе жизненный исходъ ихъ. Но опытъ оправдываетъ изреченіе: рабъ не болій своего господина. Въ настоящее время появились уже нѣкоторые проэскты реформы духовныхъ семинарій. Существенный недостатокъ этихъ проэсктовъ въ томъ, что они являются плодомъ отвлеченной, достаточно беспочвенной мысли, которая родитъ во множествѣ проэскты, когда обществомъ овладѣваетъ преобразовательная лихорадка. Въ такое время, когда всѣ спѣшатъ съ своими проэсктами, наклоня преобразовательныя стремленія къ исходу въ извѣстномъ направленіи, нужно помнить положеніе, раздѣляемое авторитетами современной антропологической науки: *никакая реформа не создается коллективнымъ умомъ, а дарованіемъ одного или очень немногихъ людей.* Коллективный умъ, при свободѣ мысли, способенъ обнаруживать жизненность, энергію, но мало способенъ къ сознательной творческой дѣятельности и нуждается въ руководствѣ возвышающагося надъ нимъ разума личнаго. Чѣмъ сложнѣе вопросъ, тѣмъ труднѣе для коллективнаго ума опредѣлить его центральный пунктъ и найти объемлющее всѣ частности вопроса детальное рѣшеніе. Его задача возбуждать творческую мысль, доставить въ болѣе чистомъ, неповрежденномъ какою-либо предвзятою мыслию, видѣ матеріалъ для зданія, который создаетъ планъ талантливаго архитектора. *Всякая реформа должна быть плодомъ не только образованнаго и даровитаго ума, но и высокоразвитаго нравственнаго чувства.* Реформа должна проистекать изъ чистаго источника, а не мутнаго: быть актомъ творческой

---

⁹⁾ Жизнь школы, разрушая данныя ей формы, могла бы создать и болѣе соотвѣтствующія ея содержанію, если бы имѣлась возможность своевременно, по указаніямъ опыта, устранять недостатки школьной жизни.

мысли и нравственного чувства, возвышающагося надъ обычнымъ нравственнымъ уровнемъ. Значеніе нравственного чувства при рѣшеніи какого-либо вопроса трудно опредѣлить, но несомнѣнное участіе нравственного чувства въ умственныхъ актахъ требуетъ, чтобы всякій сложный вопросъ рѣшался при свѣтѣ образованнаго ума и развитаго чувства.

Въ отношеніи къ вопросу о преобразованіи духовной школы общественная преобразовательная мысль, обогащенная прежнимъ опытомъ, не должна спѣшить составленіемъ преобразовательной микстуры изъ сильныхъ разумнѣй, не имѣющихъ твердыхъ основъ. Прежде, чѣмъ лечить больной организмъ, нужно тщательно его изслѣдовать. Наши духовныя семинаріи—больной организмъ, но еще не мертвый. Педагогическій персоналъ семинарій показалъ бы себя на высотѣ своего призванія и оказалъ бы великую услугу духовной школѣ и обществу, если бы, по возможности, на основаніи фактическихъ данныхъ (хотя бы изъ жизни мѣстной школы) опредѣлилъ, что ненормальнаго и что жизненнаго въ больномъ организмѣ семинарій. Выясненіе недостатковъ укажетъ и надлежащій путь къ ихъ устраненію или ограниченію, выясненіе жизненныхъ сторонъ къ сохраненію и большему утвержденію ихъ въ жизни. Недостатокъ всѣхъ бывшихъ семинарскихъ реформъ состоялъ въ томъ, что преобразователи мало изучали логику фактовъ и болѣе слѣдовали соображеніямъ. Истинный прогрессъ основывается на умѣннѣ отличать живое отъ мертваго, главное отъ второстепеннаго.

Въ настоящее время прогрессивная мысль встрѣчаетъ для себя большія затрудненія. 1) Два теченія общественной мысли приняли крайнее направленіе. Либеральная мысль стремится уничтожить старое, не отличая въ немъ мертваго отъ живого. Консервативная—сохранить мертвое, умерщвляя этимъ и живое. 2) Вопросъ о всякой реформѣ и въ частности школьной представляетъ очень сложный синтезъ, въ которомъ мысли соединены съ психическими переживаніями и разложеніе этого сложнаго синтеза представляетъ большія трудности. 3) Свообразная логика жизни, несогласная съ логикою мысли. Выступаютъ на очередь вопросы о реформѣ того или другого учрежденія и для болѣе скорого рѣшенія этихъ вопросовъ прибѣгаютъ къ мѣрамъ давленія на власть, а въ то же время рѣшеніе этихъ вопросовъ устраняется предположеніемъ, что въ настоящее время никакая

частная реформа невозможна. Она будетъ невозможна, если будетъ исходить изъ общаго источника—отрицательнаго духа времени. Отрицательный духъ борется со старымъ зломъ во имя слишкомъ общихъ, неопредѣленныхъ началъ. Въ основу всякой реформы должны быть положены историческія данныя и твердыя нравственныя начала. Дореформенныя духовныя школы, устрояемыя по началу семейному, руководились въ своей жизни не столько положительными правилами, сколько разумѣніемъ и волею лицъ начальствующихъ и были учрежденіями мѣстными, не подчиненными центральному управленію. Реформа 1814 года подчинила духовныя школы центральному управленію, нормировала школьную жизнь, общимъ уставомъ оградивъ ее отъ личнаго произвола вдохновителей школы, но въ тоже время внесла въ школу элементы неблагоприятныя для правильнаго хода школьной жизни. Законъ предоставилъ школѣ гражданскія права и школьная жизнь, слѣдуя обычному теченію, направилась къ пріобрѣтенію правъ, безъ надлежащаго исполненія закона, забывая, что права пріобрѣтаются только исполненіемъ обязанностей. Законъ многочисленныя правила ставилъ средствами для достиженія вышнихъ цѣлей школы, для болѣе удобнаго выполненія духа закона въ жизни. Эта цѣль закона мало достигалась и нерѣдко замѣнялась однимъ формальнымъ исполненіемъ закона на бумагѣ¹⁰⁾. Школа, ставъ административнымъ учрежденіемъ,

---

¹⁰⁾ Законъ есть норма жизни, воплощающая мысли и чувства законодателя, и исполненіе закона есть осуществленіе въ жизни этихъ мыслей и чувствъ. Люди обычно мало способны къ жизни по закону. Обязательность закона основывается или на авторитетѣ законодателя или на сознаніи нравственной его необходимости—ограниченія личной свободы обязательною для всѣхъ нормою. Обязательность закона нарушается двоякимъ способомъ: умѣняемъ обходить законъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ, признаньемъ его только на бумагѣ (это дѣлается въ канцеляріяхъ), уничтоженіемъ общаго закона, признаніемъ правъ корпоративныхъ, которыя всегда нарушаютъ или несправедливо ограничиваютъ права другихъ (это дѣлается на сѣздахъ и въ корпоративныхъ союзахъ). Такое нарушение закона должно привести къ сознанію его необходимости. Но если прежнія основанія обязательности закона отвергнуты, то слѣдствіемъ является антиномизмъ, т. е. отрицаніе закона. Нужно подчиниться вышему принципу—признать, что свобода состоитъ въ подчиненіи Богу и Его святому закону. Безъ такого подчиненія

привлечена была на служеніе административнымъ цѣлямъ, сдѣлана была школою для воспитанія администраторовъ, что вело къ ослабленію ея педагогическихъ цѣлей. Школа должна созидаться исключительно на нравственныхъ началахъ, а не иныхъ какихъ. Къ школьному дѣлу должны быть призываемы лучшія силы, правильный выборъ которыхъ долженъ быть точно установленъ. Для правильнаго устройства школы нуженъ законъ, устраняющій ненормальности въ ея жизни, но не менѣе нужно присутствіе нравственнаго разума въ исполнительности закона. Этотъ нравственный разумъ восполняетъ законъ, вноситъ въ него жизнь, указуя лучшія средства для приведенія закона въ жизнь. Задача правительства, общества и школы привлечь къ дѣлу воспитанія и образованія людей лучшихъ, не щадя средствъ. Настоящее время недостатки духовной школы склонно объяснять исключительно недостатками существующаго строя духовныхъ школъ и замѣнить этотъ строй, какъ непригодный, устройствомъ новаго типа церковной школы, какихъ у насъ еще не было. Весьма осторожно нужно относиться къ идеямъ, не имѣющимъ основанія въ историческомъ прошломъ и достаточныхъ гарантій для будущаго въ настоящемъ. Въ настоящее время очень много и говорятъ и пишутъ о реформѣ духовной школы, но мало обращаютъ вниманія на то, что изъ всѣхъ вопросовъ общественныхъ школьный вопросъ — есть вопросъ самый сложный, самый трудный. Сложность вопроса требуетъ, чтобы къ рѣшенію его было приступлено съ достаточнымъ запасомъ тщательно изученныхъ фактическихъ основаній, со вниманіемъ къ тому, что школьный вопросъ есть вопросъ общественный, требующій согласнаго рѣшенія принципиальныхъ вопросовъ.

Прот. А. Бѣляевъ.

человѣкъ впадетъ въ самое тяжкое рабство—будетъ рабомъ права, основаннаго на человѣческомъ эгоизмѣ. И это замѣчается въ стремленіяхъ нынѣшняго времени.

ТРУДЫ И ЗАСЛУГИ К. П. ПОБѢДНОСЦЕВА НА БЛАГО ВѢРЫ И ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЪ РОССІИ.

19-го минувшаго октября Высочайшею волею Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, согласно прошенію, освобожденъ отъ должности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Должность эту Константинъ Петровичъ проходилъ съ 14-го апрѣля 1880-го года, слѣдовательно, болѣе четверти вѣка и, какъ человѣкъ исключительныхъ дарованій и выдающейся эрудиціи, глубоко убѣжденный представитель и непоколебимо стойкій защитникъ самобытности русскаго самосознанія, сильнаго своей безавѣтной преданности православнои Церкви и самодержавію, онъ—этотъ рыцарь безъ страха и упрека по своему нравственному характеру, всю душу свою вложилъ въ порученное ему святое дѣло служенія Церкви и на все въ немъ наложилъ неизгладимую печать своего вліянія. И это тѣмъ болѣе понятно, что глубокая, истая релігіозность проникала всю его церковно-государственную жизнедѣятельность, какъ душа проникаетъ тѣло. Можно смѣло сказать, что ни одно изъ мѣропріятій Св. Синода за послѣднія 25 лѣтъ въ дѣлѣ, такъ сказать, оцерковленія духовной жизни народа не прошло безъ его участія, нерѣдко являлось по его инициативѣ и творилось по его указаніямъ и совѣтамъ. Что же касается тѣхъ нуждъ и потребностей церкви, удовлетвореніе которыхъ зависитъ и можетъ исходить исключительно отъ Верховной государственной власти, въ этомъ отношеніи заслуги Константина Петровича, какъ оберъ-прокурора, безспорны и велики до безпримѣрности; по крайней мѣрѣ никѣмъ изъ его предшественниковъ не сдѣлано столько, сколько Константиномъ Петровичемъ; даже можно сказать больше: онъ одинъ изъ всѣхъ бывшихъ доселѣ оберъ-прокуроровъ былъ на высотѣ своего призванія.

Что въ исторіи русской Церкви имя его займетъ видное мѣсто и потомство не забудетъ его трудовъ на благо вѣры и Церкви православной, это не подлежитъ сомнѣнію для тѣхъ, кто вѣритъ въ будущее Россіи; но тѣмъ страннѣе молчаніе объ немъ тѣхъ, которые были живыми свидѣтелями этихъ трудовъ.

Журналь, имѣющій задачей своей защиту вѣры противъ невѣрія и церковности противъ раціонализма, прямой долгъ имѣеть поэтому записать на своихъ страницахъ труды и заслуги этого благаго дѣятеля вѣры и Церкви, и мы будемъ говорить, какъ бы ни была неумѣла рѣчь наша...

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ родился 21 мая 1827 года въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ университета. Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (т. XXIII) о Петрѣ Васильевичѣ Побѣдоносцевѣ—отцѣ Константина Петровича, говорится, что онъ окончилъ образованіе въ Московской Духовной Академіи, получилъ степень магистра философіи и словесныхъ наукъ и въ Московскомъ университетѣ былъ профессоромъ російской словесности. Между печатными трудами его, кромѣ нѣсколькихъ переводовъ съ нѣмецкаго, значатся: «Краткое руководство къ эстетикѣ», «Другъ юности» (М. 1824—25), «Направленіе ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели» (М. 1830) и журналы: «Дѣтскій Вѣстникъ» и «Новости русской литературы». По словамъ Шевырева (въ исторіи Московскаго университета), Петръ Васильевичъ при преподаваніи словесности главное вниманіе обращалъ на практическія занятія, на чистоту рѣчи и строгое соблюденіе правилъ грамматики. Свѣдѣнія эти въ біографіи Константина Петровича, думаемъ, должны имѣть большое значеніе для объясненія его духовнаго облика и даже нѣкоторыхъ особенностей его писательства; потому что подъ руководствомъ такого отца, у котораго Константинъ Петровичъ былъ младшимъ сыномъ, онъ и получилъ первоначальное свое образованіе. О нравственной же сторонѣ первоначальнаго семейнаго воспитанія Константина Петровича самое живое и наглядное представленіе можно составить по всѣмъ хорошо извѣстной книгѣ его «Праздники Господни», гдѣ въ живыхъ, поэтически-художественно написанныхъ картинкахъ дѣтскихъ воспоминаній и впечатлѣній изображается православно-русская церковная атмосфера, которой несомнѣнно именно онъ—самъ авторъ—дышалъ въ годы своего

дѣтства ¹⁾. Собственно научное образованіе Константинъ Петровичъ закончилъ въ С.-Петербургскомъ Императорскомъ Училищѣ Правовѣднія. Есть миниатюрная книжка Константина Петровича, посвященная школьнымъ воспоминаніямъ его жизни въ этомъ училищѣ; здѣсь между прочимъ разсказывается о томъ, какъ онъ, по собственному почину, частнымъ образомъ въ свободные междуурочные часы изучалъ греческій языкъ, котораго не было въ программѣ училища, но который несомнѣнно важнѣе латинскаго въ дѣлѣ выработки русскаго самосознанія. Фактъ едва замѣтный, но несомнѣнно опять не безъ значенія для будущаго оберъ-прокурора Свят. Синода и переводчика новаго завѣта.

По окончаніи образованія въ училищѣ Правовѣднія въ 1846 году, слѣд. 19 лѣтъ Константинъ Петровичъ началъ свою службу въ канцеляріи 8-го департамента Правительствующаго Сената, а затѣмъ вернулся въ Москву, гдѣ исправлялъ должность оберъ-секретаря при общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ Сената. Это пребываніе въ родной столицѣ Константинъ Петровичъ ознаменовалъ своими первыми учено-литературными трудами, большая часть которыхъ была помѣщена на страницахъ Русскаго Вѣстника. Крупныя достоинства этихъ первыхъ опытовъ скоро обратили на нихъ общее вниманіе и даровитому юристу было поручено чтеніе лекцій по гражданскому праву въ Московскомъ Университетѣ. Но здѣсь его педагогическая дѣятельность продолжалась очень недолго, съ 1859 до 1861 года. Въ 1861 году, Константину Петровичу, какъ уже извѣстному своею ученостію, Высочайше поручено было преподавать законовѣдніе въ Бозѣ почившему Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу; въ 1863 году онъ сопровождалъ Цесаревича въ его путешествіи по Россіи, которое вмѣстѣ съ Бабстомъ и описалъ въ книгѣ: «Письма о путешествіи Наслѣдника Цесаревича по Россіи отъ Петербурга до Крыма (СПБ. 1864 г.).

Эта чудная въ стилистическомъ отношеніи (не даромъ отрывки изъ нея помѣщаются въ хрестоматіяхъ, какъ лучшіе образцы рус-

---

¹⁾ Эта небольшая книжка, въ теченіе 12 лѣтъ выдержавшая шесть изданій, настоящая жемчужина по красотѣ слога, чувству и пониманію русской религіозной настроенности; можно сказать, что такую въ мнѣніи русскихъ людей она останется всегда.

ской изящной прозы), въ высоко-патріотическомъ духѣ и въ смыслѣ ознакомленія съ этнографіей и географіей Россіи, книга заслуживаетъ глубокаго вниманія для пониманія и оцѣнки будущей дѣятельности автора, какъ оберъ-прокурора Св. Синода, по замѣткамъ какъ бы случайно, мимоходомъ высказаннымъ въ ней о положеніи и значеніи духовенства, особенно сельскаго. Не можемъ поэтому отказать себѣ въ удовольствіи выписать одну изъ этихъ замѣтокъ, сдѣланную послѣ описанія посѣщенія Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Ярославскаго училища для дѣвиць духовнаго званія. Разказавъ объ основаніи училища и принятой въ немъ системѣ воспитанія и образованія, Константинъ Петровичъ пишетъ: «Въ основаніе учрежденія положена прекрасная мысль—воспитать для духовнаго сословія достойныхъ женъ и матерей и посредствомъ ихъ дѣйствовать на умственное и нравственное образованіе той среды, въ которой онѣ призваны жить; мысль эта принадлежитъ къ числу такихъ мыслей, которыя способны одушевить горячее сердце къ плодотворной дѣятельности,—и у насъ въ Россіи плодотворной болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Сколько бы ни устраивали мы системъ народнаго образованія, ни одна не будетъ вполне народною и практической, если не будетъ разсчитана на дѣятельность сельскаго духовенства. Если въ средѣ этого сословія не найдется готовыхъ народныхъ учителей, то едва ли можно надѣяться, что какое-либо другое сословіе въ состояніи будетъ выставить надежныхъ учителей, которые въ одинаковой мѣрѣ пользовались бы и довѣріемъ правительства и народнымъ довѣріемъ. Между тѣмъ таковы у насъ до сихъ поръ условія воспитанія и цѣлаго быта сельскихъ священниковъ, что рѣдкимъ изъ нихъ, даже при полномъ желаніи и способностяхъ, удастся стать дѣйствительными учителями въ средѣ крестьянскаго населенія; напротивъ во многихъ и многихъ случаяхъ, при настоятельности ежедневныхъ нуждъ и при невыгодной обстановкѣ домашняго быта отъ самой колыбели, сельскому священнику не трудно огрубѣть душою и утратить сознаніе своего высокаго призванія. Самые лучшіе дѣятели погибаютъ для дѣла, къ которому призваны, погибаютъ—отъ одиночества, потому что не въ состояніи вынести неровную борьбу съ обстоятельствами и условіями своего быта и своей дѣятельности. Объ этомъ не хотятъ у насъ подумать слѣпые порицатели нравовъ и дѣятельности духовнаго сословія. Отъ того и осуж-

деніе, съ которымъ такъ часто, особливо въ послѣднее время, обращаются у насъ къ этому сословію, оказывается слѣпымъ и несправедливымъ. Слабости, недостатки, примѣры паденія выставить не трудно—они сами собой бросаются въ глаза, и ихъ выискиваетъ жадно проснувшаяся гласность. А добрыя дѣла и подвиги, которые въ тоже время совершаются въ глуши, куда не достигаетъ никакая гласность,—гораздо труднѣе узнать и обнаружить. Мимо ихъ иной разъ пройдетъ, не замѣтивъ и не понявъ ихъ тотъ, кто привыкъ ко всему обращаться съ пытливою и критическою мыслью. Если сообразить и взвѣсить по справедливости всѣ затрудненія, съ которыми долженъ бороться, и всѣ враждебныя обстоятельства, которыми окруженъ нашъ сельскій священникъ, пришлось бы, можетъ быть, дивиться, какъ еще можетъ это сословіе, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, выставить изъ себя и то количество добрыхъ дѣятелей, которое въ немъ оказывается. Необходима особенная энергія души для того, чтобы, не смотря ни на что, безъ всякаго содѣйствія со стороны другихъ, почерпая въ себѣ одномъ всю свою силу, удержать въ себѣ бодрость духа и твердое сознаніе своего долга въ такомъ положеніи, въ которомъ находится нашъ сельскій священникъ. Но такіе люди принадлежатъ къ исключеніямъ. Обыкновенныя человѣческія натуры не выносятъ такой борьбы. Для того, чтобы нашъ сельскій священникъ могъ поддержать въ себѣ горячность чувства и сознаніе долга для той дѣятельности, къ которой онъ призванъ, необходимо по крайней мѣрѣ, чтобы онъ въ собственной семьѣ своей находилъ содѣйствіе этой возвышенной дѣятельности. Понятно, какъ облегчается эта дѣятельность, если въ семьѣ своей находитъ онъ добрую помощницу въ домашнемъ хозяйствѣ, въ воспитаніи дѣтей, въ поддержаніи нравственной связи съ прихожанами, и какъ невыносимо становится его положеніе, если у него нѣтъ такой жены, или нѣтъ между нимъ и женою согласія и сочувствія... Утвердить въ духовномъ сословіи прочныя основы семейнаго быта, приготовить, въ средѣ этой семьи, будущихъ дѣятелей народнаго образованія—вотъ въ чемъ состоитъ главная цѣль училищъ для дѣвицъ духовнаго званія» (стр. 89—92).

Кто не узнаетъ въ этихъ золотыхъ, проникнутыхъ глубокимъ пониманіемъ дѣла и горячею любовію къ дѣятелямъ, словахъ молодого ученаго юриста того радѣтели о благѣ Цер-

кви православной въ Россіи и защитника ея служителей предъ Царемъ и Его властями, какимъ сталъ потомъ Константинъ Петровичъ, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода? И чѣмъ, кромѣ почтенія и благодарности мы можемъ откликнуться на нихъ теперь, когда онъ уже сошелъ съ поприща своего служенія?..

Вѣроятно въ тѣсной внутренней связи съ этимъ направлениемъ мыслей, можетъ быть внушенныхъ и Цесаревичу, другимъ памятникомъ близкихъ отношеній къ нему Константина Петровича кромѣ названной книги явилось основанное имъ по кончинѣ Цесаревича, въ молитвенную память объ Немъ, въ Москвѣ, при Церкви Свят. Николая именуемаго Явленнымъ, что на Арбатѣ, Братство Святителя Николая для оказанія помощи нуждающимся воспитанникамъ духовно учебныхъ заведеній Московской епархіи. Братство это, имѣющее въ своемъ составѣ многихъ Высочайшихъ Особъ, существуетъ и доселѣ, ежегодно расходуя на помощь нуждающихся дѣтей духовенства около 1000, и болѣе рублей. (Братство имѣетъ свой приютъ—пансіонъ при Донскомъ духовномъ училищѣ въ Москвѣ).

Послѣ смерти Цесаревича Константинъ Петровичъ преподавалъ юриспруденцію Великому Князю Александру Александровичу, впослѣдствіи Императору Александру III, и Владиміру Александровичу. Въ 1865 г. онъ назначенъ былъ членомъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, въ 1868 году—сенаторомъ, въ 1872 г.—членомъ Государственнаго Совѣта, а 14 апрѣля 1880 года—оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, въ какой должности и состоялъ до 19 октября текущаго года. Одновременно съ удаленіемъ отъ должности оберъ-прокурора Константинъ Петровичъ пересталъ быть и членомъ Комитета министровъ, оставаясь лишь членомъ Государственнаго Совѣта въ званіи статсъ-секретаря и сенатора.

Такимъ образомъ оберъ-прокурорской при Св. Синодѣ дѣятельности Константина Петровича предшествовала учено-юридическая, то на профессорской кафедрѣ и въ роли преподавателя законовѣдѣнія августѣйшимъ ученикамъ, то въ качествѣ практическаго дѣятеля государственной администраціи. Мы не можемъ указать памятниковъ послѣдняго рода дѣятельности (напримѣръ въ комисіи для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра народнаго просвѣщенія, комисіи для разсмотрѣнія дѣла о преобразованіи тюремной части и о пересмотрѣ 2-й главы 1-го отдѣла Уложенія о наказаніяхъ, въ како-

выхъ комиссіяхъ Константинъ Петровичъ участвовалъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта); для сужденія же о дѣятельности его въ собственномъ смыслѣ научной,—кабинетной, мы имѣемъ цѣлый рядъ такихъ литературныхъ произведеній, которыя стяжали ему извѣстное и авторитетное имя не только у насъ въ Россіи, а и за границей. (Константинъ Петровичъ состоитъ почетнымъ членомъ Московскаго, Петербургскаго, Св. Владиміра, Казанскаго и Юрьевскаго Университетовъ, а также членомъ французской академіи наукъ). Не вдаваясь въ подробный перечень этихъ трудовъ, отмѣтимъ извѣстнѣйшіе и важнѣйшіе. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ явились на свѣтъ уже въ то время, когда Константинъ Петровичъ былъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, но и они, если не зародились раньше, то подготовлены или, такъ, сказать, обусловлены были предшествовавшей оберъ-прокурорству ученой дѣятельностью его. Такъ ему принадлежатъ: одна изъ первыхъ и серьезныхъ научныхъ монографій по исторіи крѣпостного права (въ «Историческихъ Изслѣдованіяхъ и статьяхъ»). СПб. 1876 г.), рядъ юридическихъ статей въ «Архивѣ» Калачева, «Журналѣ Министерства Юстиціи», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ», «Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII—XVIII вв» (въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей при Московскомъ университетѣ, 1886 г.), «Матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи (тамъ же за 1890 г.), и Ле-Пле (Русское Обзоріе 1893 г. кн. 9; отд. изд. 1897 г.).

Всѣ эти труды представляютъ собою научную разработку отдѣльныхъ вопросовъ и частныхъ сторонъ законовѣдѣнія и по большей части критико-историческаго характера; но уже вскорѣ по оставленіи Константиномъ Петровичемъ профессуры, имъ былъ изданъ «Курсъ гражданскаго права» (СПБ. 1868 г.; въ 1875 г. онъ выпущенъ былъ вторымъ дополненнымъ изданіемъ ²⁾); въ этомъ видѣ онъ переиздавался нѣсколько разъ и послѣ). Курсъ этотъ объединяетъ собою всѣ другіе труды Константина Петровича по этому предмету въ ихъ основоположеніяхъ и въ этомъ смыслѣ имѣетъ

---

²⁾ Тогда же К. П-чемъ составлено было „Судебное руководство“ (СПБ. 1872).

преимущественное предѣ всѣми ими значеніе; недаромъ его называютъ «классическимъ произведеніемъ русской юридической литературы». «Для своего курса Константинъ Петровичъ выбралъ, говорить авторъ статьи объ немъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, сравнительную методу изложенія; въ началѣ каждой статьи указывается основная идея учрежденія, потомъ оно объясняется въ отличительныхъ его чертахъ по римскому, французскому и германскому праву. Когда въ умѣ читателя готовъ, по возможности, полный и закругленный образъ учрежденія, оно излагается по русскому закону, съ предварительнымъ очеркомъ его происхожденія и историческаго развитія на нашей почвѣ... Въ такомъ видѣ курсъ Константина Петровича, явившись вмѣстѣ съ тѣмъ первой самостоятельной и детальной разработкой дѣйствующаго русскаго права въ его исторіи и въ связи съ практикой, получилъ въ русской литературѣ большую научную и практическую цѣну и сдѣлался противовѣсомъ романской романистической схоластикѣ, отрѣшившейся отъ исторіи и современнаго права въ его новѣйшихъ несхожихъ съ римскими образованіяхъ». Въ «Курсѣ» совсѣмъ отсутствуетъ такъ называемая, общая часть, излагающая общія понятія о правѣ, его отношеніи къ другимъ областямъ знанія, и отъ того, говорятъ, его взгляды на право, на процессы его образованія и особенно на факторы его прогресса отличаются неопредѣленностію; но съ этимъ заключительнымъ положеніемъ едва ли можно согласиться. Дѣло въ томъ, что Константинъ Петровичъ въ этихъ основныхъ вопросахъ кореннымъ образомъ расходится съ западными учеными рационалистическаго направленія и стоитъ на религіозно-этической точкѣ зрѣнія, составляющей коренную особенность православно-русскаго самосознанія, какъ оно выразилось въ исторіи; оттого проникающая его «Курсъ» «русская правда» и кажется непонятною сторонникамъ «римскаго права».

Съ полною ясностію и опредѣленностію эта основная точка зрѣнія Константина Петровича, какъ юриста, въ живой и общедоступной формѣ выражена въ его знаменитомъ «Московскомъ Сборникѣ». Эта замѣчательная книга, имѣющая въ нѣмецкомъ переводѣ Бурхарда и Кельхнера и французскомъ Жюля Лемэтра, на западѣ такъ прямо и называется русскимъ государственнымъ катихизисомъ. Мѣткими и рѣзкими чертами изображая мрачныя явленія западнаго парламентаризма или

народовластія, съ его нравственной распушенностію и ложью въ разныхъ сторонахъ государственно-общественной жизни, Константинъ Петровичъ главную причину этого видитъ въ рационализмѣ, не желающемъ считаться съ испорченностію природы человѣческой и не знающемъ Церкви. Такъ же ясно до художественной образности и опредѣленно до типичности излагаются въ «Московскомъ Сборникѣ» положительные идеалы православно-русскаго государственно-общественнаго строя, значеніе вѣры въ ея отношеніи къ знанію и Церкви къ государству характеризуется также ярко и рѣзко, какъ и «Новое христіанство безъ Христа», «великая ложь нашего времени» и т. п.

«Есть въ человѣчествѣ, говоритъ онъ, натуральная сила инерціи, имѣющая великое значеніе... Сила эта, которую близорукіе мыслители новой школы безразлично смѣшиваютъ съ невѣжествомъ и глупостію, безусловно необходима для благосостоянія общества. Въ пренебреженіи или забвеніи этой силы — вотъ въ чемъ главный порокъ новѣйшаго прогресса». Выясняя далѣе существо и значеніе этой силы съ психологической точки зрѣнія, онъ говоритъ: «Одинъ развѣ глупецъ можетъ имѣть обо всемъ ясныя мысли и представленія. Самыя драгоценныя понятія, какія вмѣщаетъ въ себѣ умъ человѣческой, находятся въ самой глубинѣ поля и полумракѣ; около этихъ-то смутныхъ идей, которыя мы не въ силахъ привести въ связь между собою, вращаются ясныя мысли, расширяются, развиваются, возвышаются». Въ политическомъ отношеніи эта сила безсознательныхъ ощущеній родитъ уваженіе къ старымъ учрежденіямъ, которыя тѣмъ драгоценны, потому незамѣнимы, что не придуманы, а созданы жизнью, вышли изъ жизни прошедшей, изъ исторіи и освящены въ народномъ мнѣніи тѣмъ авторитетомъ, который даетъ исторія и одна только исторія». Съ этой силой непосредственно связывается и главная опора общественной жизни — вѣра, стоящая выше всякихъ теоретическихъ формулъ и логическихъ выводовъ. «Народъ чувствуетъ душой, что абсолютную истину нельзя уловить матеріально, выставить осязательно, опредѣлить числомъ и мѣрою, но что въ нее можно и должно вѣровать; ибо абсолютная истина доступна только вѣрѣ. Вѣрой народъ угадываетъ истину въ духовной жизни своей, какъ она сказалась въ исторіи, въ церкви православной. Поэтому въ тѣсной и неразрывной связи съ тѣмъ, что говоритъ Константинъ Петровичъ о вѣрѣ, находится его ученіе о Цер-

кви, какъ божественной силѣ, ведущей насъ ко Христу, со всѣми ея уставами и учрежденіями, съ тѣмъ, что называется церковнымъ обрядомъ. Въ этомъ обрядѣ народъ непосредственно тѣмъ же чутѣемъ, а не логическимъ разсужденіемъ воспринимаетъ смыслъ церковнаго ученія. Слагаясь исторически, въ связи съ народной жизнью, обрядъ составляетъ неотъемлемую часть этой жизни». Константинъ Петровичъ не допускаетъ отрицанія членами одной Церкви членомъ другой за вѣру («каждый вѣруетъ, какъ ему сродно»), но вѣра въ безусловную истину своей религіи ведетъ къ тому, что человѣкъ, убѣжденный въ ней, «считаетъ своимъ долгомъ не только исповѣдывать открыто свое ученіе, но въ случаѣ нужды, и насильно навязывать его другимъ» Согласно съ этимъ Константинъ Петровичъ не допускаетъ равноправности церковей въ государствѣ, тѣмъ менѣе отдѣленіе Церкви отъ государства. Говоря о положеніи и значеніи православной Церкви въ Россіи, онъ, не отрицая потребности просвѣщенія для народа, главное значеніе придаетъ его церковности. «Для людей неграмотныхъ, говоритъ онъ, Библия не существуетъ; остается служба церковная и нѣсколько молитвъ, которыя, передаваясь отъ родителей къ дѣтямъ, служатъ единственнымъ соединительнымъ звеномъ между отдѣльнымъ лицомъ и Церковію». Отсюда поддержаніе православной Церкви, какъ основнаго устоя русской народной жизни, охрана самодержавія, покоящагося на религіозной вѣрѣ народной, неуклонное слѣдованіе завѣтамъ родной исторіи, русскимъ національнымъ учрежденіямъ и обычаямъ, тѣсно связаннымъ съ церковностію, и въ этихъ отношеніяхъ воспитаніе и развитіе русскаго сомознанія—вотъ тѣ начала, которыя лежатъ въ основѣ «гражданскаго права» Константина Петровича и которыми руководился онъ въ своей государственной дѣятельности.

Эти же начала лежали въ основѣ дѣятельности его и какъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода—этого ока Государева въ Церкви. Можно сказать поэтому, что за всѣ два столѣтія, въ которыхъ существуетъ въ православной русской церкви должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, не было ни одного, который бы такъ цѣлесообразно, такъ сказать, подготовленъ былъ къ своей оберъ-прокурорской дѣятельности, какъ Константинъ Петровичъ и такъ благотворно для церкви выполнялъ ее. Далекое не всесторонне охватилъ своей характеристикой оберъ-прокурорскую дѣятельность Константина Петровича и во мно-

гомъ представилъ ее даже лживо до превратности, но въ одномъ охарактеризовалъ ее несомнѣнно съ большею вѣрностію истинѣ, только едвали съ большей честью для себя, иронически обозвать его именно, какъ оберъ-прокурора «человѣкомъ съ душой дьячка», въ смыслѣ знатока и поклонника церковнаго обряда, тотъ служитель церкви, который стяжалъ себѣ славу безцерковностью своей писательской дѣятельности. Только дѣло въ томъ, что Константинъ Петровичъ, будучи выдающимся авторитетнымъ ученымъ въ области гражданскаго права и вообще обладая рѣдкою эрудиціей въ области такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ, не диллетантъ или любитель только и въ наукѣ богословской, а такой знатокъ духовной литературы и при томъ не одной лишь современной и общедоступной, а и научной и древней святоотеческой, первоисточной, что въ пору далеко не каждому и изъ патентованныхъ богослововъ.

Уже въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ то время, когда Константинъ Петровичъ обратилъ на себя вниманіе своими первыми научными юридическими изслѣдованіями и былъ профессоромъ гражданскаго права въ Московскомъ университетѣ, онъ перевелъ съ нѣмецкаго книжку Тирша «Христіанскія начала семейной жизни» (Москва, 1861 г. 195 стр.); затѣмъ въ 1863 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» имъ напечатана была статья «Тишендорфъ и Синайская Библія». Для многихъ не покажется дивнымъ, что въ послѣдніе годы Константинъ Петровичъ живо интересуется богословскими вопросами съ ихъ научной стороны, слѣдить за движеніемъ богословской науки, не только русской, а и иностранной (особенно англійской); но что такимъ онъ былъ и въ молодые годы своей жизни, какъ показываетъ только что названная статья его о Тишендорфѣ, это явленіе далеко не заурядное и въ духовномъ мірѣ. Въ 1869 году, слѣдовательно вслѣдъ почти за изданіемъ «Курса гражданскаго права», Константинъ Петровичъ напечаталъ свой замѣчательный переводъ съ латинскаго сочиненія Фомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу» (СПБ. 1869). Этотъ трудъ, вышедшій теперь (1898) уже седьмымъ изданіемъ, представляетъ не только лучшую передачу оригинала, но вмѣстѣ съ тѣмъ образцово составленную книгу «съ примѣчаніями и размышленіями изъ духовныхъ писателей», съ библиографическимъ указателемъ и прекраснымъ вступленіемъ отъ издателя—переводчика. «Книга эта, какъ онъ самъ справедливо замѣчаетъ, исполнена священ-

ной поэзіи. Каждая страница, въ ней дышетъ, если можно такъ выразиться, лирическимъ восторгомъ вѣрующей души. Всюду въ ней слышится торжественная мысль о Богѣ, о вѣчности и о судьбѣ человѣка».

Послѣ этого въ теченіе семидесятихъ годовъ Константинъ Петровичъ, занятый дѣлами гражданскаго вѣдомства, въ этой же области трудился и литературно и потому не издалъ ни одного духовно-богословскаго произведенія; за то съ 1881 г., слѣдовательно съ перваго же года по назначеніи его оберъ-прокуроромъ Св. Синода, и по настоящее время изъ подъ его пера произведеній послѣдняго рода вышло особенно много. Между ними есть конечно небольшія книжки и брошюры общедоступнаго и духовно-назидательнаго содержанія и характера; таковы разнаго рода воспоминанія ³⁾ и педагогическія произведенія ⁴⁾ Сюда же можно причислить и упомянутые выше «Праздники Господни» (СПБ. 1893 г. шесть изданій), «Исторію Православной церкви до раздѣленія церквей» (4 изд. 1891, 92, 96 и 98 гг.), «Побѣду, побѣдившую міръ» (СПБ. 1895 г. пять изд.), «Сборникъ мыслей и изреченій митрополита Филарета» (СПБ. 1897 г.). Впрочемъ при всей простотѣ и общедоступности всѣхъ этихъ небольшихъ книжекъ, и въ нихъ уже нельзя не замѣтить громадной духовнокнижной освѣдомленности автора (напр. «Побѣда побѣдившая міръ озаимствована авторомъ изъ сочиненія англійскаго писателя Лилли и изъ твореній блаж. Августина—его «Исповѣди»), глубо-

³⁾ „Для немногихъ. Воспоминанія объ Эдитѣ Ѳ. Раденъ“ (СПБ. 1893 г.) и „Вѣчная память“. (Воспоминанія о почившихъ Великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, Надеждѣ Павловнѣ Шульцъ, Баронессѣ Е. Д. Раденъ, Н. Вас. Калачевъ, Аксаковыхъ, Н. Ив. Ильминскомъ, Велик. Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ и Государѣ Императорѣ Александрѣ Александровичѣ; прощаніе Москвы съ Царемъ своимъ и рѣчь въ засѣданіи историческаго общества).

⁴⁾ „Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ семинарій и академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій“ (СПБ. 1881); „Исторія дѣтской души“. Повѣсть не для дѣтей. Переводъ съ Англійскаго. Книга замѣчательная въ смыслѣ характеристики безрелигіознаго воспитанія (СПБ. 1897 г. 3 изд.); „Новая школа“ (СПБ. 1899, два изд.); „Воспитаніе характера въ школахъ“. (СПБ. 1900); „Ученье и учитель“. Педагогическія замѣтки (М. 1900) и „Призваніе женщины въ школахъ и обществѣ“ (М. 1900). Объ этихъ послѣднихъ книгахъ см. въ ж. Вѣра и Церковь 1899, кн. 3; 1901, кн. 1 и 1902, кн. 7.

каго пониманія основоположительныхъ истинъ православія, (особенно въ Праздникахъ Господнихъ), рѣдкаго педагогическаго такта и духовной опытности (особенно это нужно сказать о «Добромъ словѣ воспитанникамъ»³⁾ и въ другихъ книжкахъ педагогическаго содержанія). Но не ими одними создалась духовно-богословская литературная извѣстность Константина Петровича; не въ нихъ центръ тяжести его научно-богословской авторитетности, а въ тѣхъ трудахъ его по библиологіи, которые могутъ быть названы въ собственномъ смыслѣ научно-богословскими. Говоря такъ, мы разумѣемъ труды его по изданію памятниковъ святоотеческой письменности и исправленію славянскаго перевода Библии, въ частности Псалтири, которые несомнѣнно имѣютъ громадное значеніе въ развитіи собственно русской богословской науки. Впрочемъ объ этомъ едва ли знаютъ многие; лучше поэтому сослаться на трудъ его, своимъ окончаніемъ относящійся къ самому послѣднему времени. Правда и онъ напечатанъ («не для обращенія въ публикѣ»), но все же онъ успѣлъ уже получить нѣкоторую извѣстность и въ книжномъ мірѣ (см. въ 8 книгѣ Вѣры и Церкви библиографич. замѣтку о книгѣ д. Кедрова). «Вы», такъ приблизительно говорилъ объ этомъ трудѣ Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій въ своей прощальной рѣчи Константину Петровичу, взяли на себя одного громадный трудъ новаго перевода священныхъ книгъ новаго завѣта на русскій языкъ и, послѣ цѣлаго десятка лѣтъ кропотливой работы, совершили его единолично и даете намъ русскій текстъ новаго завѣта, болѣе совершенный и ясный, чѣмъ существующій теперь». Не совѣмъ, можетъ быть, ясно и точно указано въ этихъ словахъ главное достоинство новаго перевода, отличающагося сравнительно съ обще-

---

³⁾ Больше двадцати лѣтъ тому назадъ написана эта небольшая (48 стр.) книжка, но какъ полезна она была бы семинаристамъ и академистамъ въ наши дни! Такого горячаго добраго чувства къ нимъ и вмѣстѣ глубокаго пониманія задачъ духовнаго просвѣщенія и гибельности либерализма исполнена она. Въ этихъ видахъ, можетъ быть, не лишне было бы новое изданіе ея и распространеніе среди «забывшихся» дѣтей нашихъ. О, если бы можно было надѣяться, что они внемлютъ этому доброму слову маститаго автора ихъ! Онъ конечно не отказался бы отъ этого изданія...

принятѣмъ большею близостью къ славянскому и въ лексическомъ и въ грамматическомъ отношеніяхъ и вообще болѣе чистаго и гармоничнаго по языку своему, чѣмъ существующій; но то, что говорилъ высокопреосвященный далѣе о значеніи этого труда въ качествѣ характеристики самаго труженника, безусловно вѣрно,—безусловно вѣрно именно то, что въ этомъ трудѣ Константинъ Петровичъ «оставляетъ себѣ. незыблемый историческій памятникъ, въ этомъ его великая заслуга, какъ преданнаго сына Церкви». Совершенно справедливо и очень мѣтко сказано объ этомъ трудѣ Константина Петровича, а равно и одругихъ богословскихъ произведеніяхъ его, въ статьѣ объ немъ въ томъ же №-рѣ Церковныхъ Вѣдомостей, гдѣ помѣщена и только что приведенная рѣчь митрополита Антонія, что въ литературномъ отношеніи Константинъ Петровичъ напоминаетъ Гладстона, котораго онъ переводилъ и издавалъ по русски ⁶⁾. А все это взятое вмѣстѣ—именно то, что человѣкъ, постоянно занятый важными общественными дѣлами, находитъ время постоянно же заниматься вопросами вѣры и науки,—вопросами самыми далекими отъ практической жизни,—развѣ мало говоритъ объ его церковной религіозности, объ ея глубокой сознательности и убѣжденности? Къ ней-то, думаемъ, вполне приложимо то, что говоритъ св. ап. Павелъ объ истинныхъ христіанахъ: *вторю разумъваемъ* (Евр. 11,3)...

И вотъ этотъ-то преданный сынъ церкви, самую ученость свою и свои недюжинныя дарованія сполна, такъ сказать, отдавшій на служеніе ей, какъ созидательной силѣ русской на-

---

⁶⁾ Константинъ Петровичъ въ 1876 г. перевелъ его книгу: „Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ“ (СПБ. 1876 г. XIII 48 стр.). Книжка эта есть своего рода откликъ на событія дня—бывшую тогда русско-турецкую войну. Такое же значеніе имѣетъ и другая переводная (съ чешскаго) книга Константина Петровича: „Приключенія дворянина Вратислава въ Константинополь, въ тяжкой неволѣ у турокъ, съ австрійскимъ посольствомъ“ (СПБ. 1877 г. XX 256 стр.). Эта книга вышла недавно вторымъ изданіемъ. Здѣсь же кстати отмѣтимъ, что Константинъ Петровичъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ не оставался безучастнымъ и къ художественно-литературнымъ теченіямъ жизни. Такъ въ 1888 г. имъ изданъ сборникъ стихотвореній А. С. Пушкина подъ заглавіемъ: „Сѣверные цвѣты“ (1886 г. 146 стр.).

родной жизни, болѣе двадцати пяти лѣтъ состоитъ у самаго кормила церкви и царскаго престола въ должности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Уже по одному этому можно гадать и о томъ, съ какой ревностію о св. церкви долженъ былъ исполнять онъ свои оберъ-прокурорскія обязанности и какъ много добра принести ей.

Въ краткой журнальной статьѣ трудно не только обстоятельно раскрыть, а и болѣе или менѣе подробно обозрѣть дѣятельность Константина Петровича, именно какъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода; такъ она была многостороння, разнообразна и переплетена съ разнаго рода осложненіями церковно-общественныхъ и государственныхъ отношеній. Чтобы имѣть объ ней, за весь двадцатипятилѣтній періодъ ея, болѣе или менѣе ясное и полное представленіе, нужно ознакомиться съ ежегодными всеподданнѣйшими оберъ-прокурорскими отчетами его о положеніи православной церкви въ Россіи,—виѣшнемъ по отношенію къ иновѣрію и инославію, и внутреннемъ, касающемся духовно-просвѣтительской и пастырской дѣятельности духовенства и его матеріальной обезпеченности, религіозно-нравственной стороны жизни православно—русскаго общества, сектанства, раскола и т. п. Большинство этихъ отчетовъ представляютъ собою цѣлыя монографіи, полныя сложныхъ статистическихъ и фактическихъ данныхъ, объединенныхъ одною общемою мыслью. Конечно для многихъ эти отчеты, одно составленіе которыхъ есть уже трудъ, могутъ представляться мертвою канцелярскою работою, мало или ничего не говорящею о духовно созидательности работника; но этого-то именно и нельзя сказать про Константина Петровича, потому что во всей этой докладываемой имъ церковной жизни онъ принималъ всегда самое живое участіе, то съ живымъ интересомъ наблюдая за ходомъ ея, то воздѣйствуя на нее своимъ мудрымъ совѣтомъ и указаніемъ, поощреніемъ или предостереженіемъ, а то и прямо являясь инициаторомъ, непосредственнымъ дѣятелемъ и руководителемъ. Само собою разумѣется, говоря объ этомъ активномъ участіи Константина Петровича въ строительствѣ церковной жизни Россіи во дни его оберъ-прокурорства, мы далеки отъ какой-бы то ни было солидарности съ тѣми, которые, чуть не радуясь удаленію Константина Петровича отъ своего служенія, какъ избавленію яко-бы отъ цезарепатистическаго гнета, обзывали и обзываютъ его оберъ-прокурорскую

дѣятельность противнымъ канонамъ церковнымъ порабощеніемъ іерархіи мірской власти, самочиннымъ вмѣщательствомъ въ дѣло священства и учительства церковнаго и т. п. Противъ такого обвиненія говоритъ та высота и чистота духовнаго облика Константина Петровича, та его «правдивость, искренность и честность», которыя отмѣчены, какъ характерныя черты его въ цитованной выше прощальной рѣчи митрополита Антонія. *Се во истину израильтянинъ, въ немже льсти нѣсть*, вотъ чего не посмѣютъ отрицать въ Константинѣ Петровичѣ даже его недруги. Это-то нравственное качество его вмѣстѣ съ исключительными дарованіями и выдающеюся ученостію съ одной стороны, съ глубокой и убѣжденной религіозностью съ другой, и не допускаютъ возможности усматривать въ оберъ-прокурорской дѣятельности его цесарепанистическія тенденціи, всегда неразрывныя съ іезуитизмомъ... Не хотѣлось бы даже и упоминать о такихъ лятеляхъ, но это упоминаніе важно, какъ непрерываемое свидѣтельство о томъ, что Константинъ Петровичъ въ своемъ оберъ-прокурорскомъ служеніи не былъ лишь безучастнымъ формалистомъ, влагалъ въ него всю душу свою, служилъ Церкви Божіей съ ревностію, отдавая этому служенію все свое знаніе и всѣ свои силы, и отъ того-то, благодаря своему высокому государственному положенію и духовной близости къ Самодержцамъ державы російской, такъ много добра сдѣлалъ онъ Церкви Божіей ⁷⁾.

Что же собственно сдѣлано Константиномъ Петровичемъ для Церкви Божіей въ двадцатипятилѣтній періодъ его оберъ-прокурорства?

Вѣра Христова не есть лишь богооткровенное ученіе, на подобіе философской системы, а вмѣстѣ и Божія сила, способствующая усвоенію этого ученія человѣкомъ и чрезъ то возраждающая его духовно; сокровищница и раздаятельница этой силы есть Церковь Христова со всѣми ея благодатными учреж-

---

⁷⁾ Достоинно удивленія, что тѣже самые люди, которые высказываютъ чуть не радость объ удаленіи Константина Петровича, яко бы, тармазившаго своимъ вмѣщательствомъ въ церковное управленіе обновленіе и оживленіе церкви, въ числѣ мѣръ, могущихъ содѣйствовать этому обновленію и оживленію, указываютъ и на активное участіе мірянъ не только въ устроеніи приходской жизни, а и въ всероссійскомъ соборѣ всѣми такъ желаемомъ.

деніями и уставами: душа этой церкви—св. храмъ съ его богослуженіемъ и обрядами, совершаемыми пастырями и учителями церкви—духовенствомъ. Оно-то, какъ облеченное благодатною силою св. Духа, и является проводникомъ этой силы, а съ нею и просвѣщающаго человѣка ученія Христова въ жизнь народную. Таковъ кругъ церковныхъ идей, служить которымъ съ ихъ внѣшней, такъ сказать, стороны, изыскивая и улучшая внѣшніе способы къ безпрепятственному проведенію ихъ въ жизнь народную и удаляя изъ этой послѣдней все то, что не согласно съ ученіемъ Христовымъ и противно установленіямъ церковнымъ, и составляетъ задачу оберъ-прокуратуры Св. Синода. Именно такъ; ибо Государь православнаго царства, какъ первый сынъ православной церкви, есть ея покровитель и защитникъ, или, какъ выражались отцы вселанскихъ соборовъ о византійскихъ императорахъ, епископъ внѣшнихъ дѣлъ: оберъ-прокуроръ же и есть представитель Его, исполнитель Его воли. Соотвѣтственной такой задачѣ, оберъ-прокуроръ доводитъ до свѣдѣнія Государя о нуждахъ и потребностяхъ церкви, испрашивая у Него соизволенія на ихъ удовлетвореніе и содѣйствія проведенію его въ жизнь народную. Это-то именно дѣло, которое въ своихъ исходныхъ точкахъ такъ соотвѣтствовало личнымъ религіознымъ симпатіямъ, убѣжденіямъ и государственнымъ воззрѣніямъ Константина Петровича, и дѣлалъ онъ, какъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода. Громадное значеніе въ этомъ дѣлѣ кромѣ личныхъ мнѣній и убѣжденій Константина Петровича имѣли конечно личныя расположенія и воззрѣнія и самого Государя; но и они несомнѣнно развились не безъ вліянія того-же Константина Петровича, какъ Его бывшаго учителя.

Не претендуя ни на полноту, ни на послѣдовательность, ни даже на систематичность своего обзорѣнія такихъ именно оберъ-прокурорскихъ трудовъ и заслугъ его, отмѣтимъ важнѣйшіе изъ нихъ.

Однимъ изъ видныхъ и послѣднихъ дѣлъ графа Дм. Андр. Толстого, какъ оберъ-прокурора Св. Синода, преемникомъ котораго на этой должности былъ Константинъ Петровичъ, было сдѣланное въ видахъ улучшенія матеріальнаго положенія православнаго духовенства, сокращеніе причтовъ этого духовенства путемъ соединенія приходоу; вслѣдствіе этого храмы тѣхъ селеній, которыя приписаны были въ церковномъ отношеніи къ сосѣднимъ приходамъ, остались безпричтными и богослуженіе въ нихъ,

которое обязаны были совершать причты сосѣднихъ оставшихся штатными приходовъ, по необходимости сократилось по меньшей мѣрѣ вдвое, а съ этимъ вмѣстѣ упало и благолѣпіе его, равно какъ и самыхъ храмовъ. Нѣтъ нужды разъяснять, какъ вредно должно было отразиться на религиозно-нравственномъ состояніи простого народа, котораго главнымъ образомъ и коснулась эта мѣра и который, составляя въ массѣ своей ядро православно-русской церкви, именно въ храмѣ и его богослуженіи имѣетъ главный если не исключительный источникъ своего духовнаго просвѣщенія. Все это нужно помнить, чтобы понять, почему первымъ по времени и по своему значенію дѣломъ Константина Петровича, какъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, была забота объ упраздненіи этой толстовской мѣры—возстановленіе упраздненныхъ приходовъ и слѣдовательно умноженіе причтовъ, а съ нимъ и усиленіе и возвышеніе богослужебно-культовой жизни церкви. Закрытые храмы вновь отворились и начавшее было въ 70-хъ годахъ притихать богослужебное пѣніе сильнѣе и радостнѣе стало оглашать русскую землю... Константинъ Петровичъ, очевидно, крѣпко помнилъ и глубоко понималъ значеніе того, что говорили послы Великаго князя Владиміра о видѣнномъ и слышанномъ ими въ св. Софіи и почему этотъ равноапостольный просвѣтитель Россіи началъ водвореніе въ ней Христовой вѣры именно храмоздательствомъ въ возможно широкихъ размѣрахъ, благоустроеніемъ духовнаго чина и заведеніемъ училищъ именно при храмахъ. Поэтому начатое имъ возстановленіе закрытыхъ приходовъ, развиваясь и разрастаясь все выше и шире, выразилось въ возстановленіи не однихъ лишь сельскихъ приходовъ, только что закрытыхъ, а и цѣлаго ряда древнихъ соборныхъ храмовъ и обителей иноческихъ, въ усиленіи храмоздательства,—въ созданіи новыхъ храмовъ и обителей не только частными лицами и обществами, а и самимъ правительствомъ.

Чтобы судить о томъ, какъ широко разрослось и глубоко-прочно укоренилось это, въ началѣ, быть можетъ, малое, какъ зерно горюшное, дѣло, назовемъ такъ, оцерковленія Россіи,—стоитъ припомнить, что въ продолженіе одного лишь царствованія Императора Александра III общее число церквей открытыхъ и вновь построенныхъ въ однихъ лишь сельскихъ приходахъ было больше 3000; особенно важнымъ въ этомъ дѣлѣ нужно считать тогда именно начавшееся то храмостроительство въ

Сибири, результатомъ котораго, по послѣднимъ подсчетамъ завѣдующихъ «фондомъ имени Императора Александра III», явилось въ этой заброшенной «кладовой» Россіи болѣе 200 церквей (см. Вѣра и Церковь кн. 7 за текущей годъ, стр. 325).

Другою особенностію начавшагося со времени обер-прокурорства Константина Петровича храмостроительства было возстановленіе церковныхъ памятниковъ древности, преимущественно такихъ, съ которыми соединялись священныя историческія воспоминанія, каковы на примѣръ древніе соборные храмы великокняжескаго періода, а также устройство разныхъ праздниковъ и торжествъ въ память важныхъ въ томъ или иномъ отношеніи событій. Таково на примѣръ торжество въ память 900-лѣтія крещенія Руси, на которомъ Константинъ Петровичъ произнесъ такъ характерную рѣчь о значеніи церкви-храма съ его богослуженіемъ по воззрѣніямъ русскаго народа, или другое—въ память 500 лѣтія со дня блаженной кончины преподобнаго Сергія. Съ увеличеніемъ храмовъ замѣтно стали увеличиваться въ числѣ и благоустройствѣ и иноческія обители, въ которыхъ православный русскій народъ всегда искалъ религіознато просвѣщенія и утѣшенія; къ 630 обителямъ, бывшимъ въ Россіи къ восьмидесятымъ годамъ, въ продолженіе 15 только слѣдующихъ лѣтъ присоединилось еще около 150.

Чтобы понять, какое большое участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ храмозательства принималъ Константинъ Петровичъ, нужно помнить, что для выполненія его нужны были прежде всего средства и средства; а ими-то и не владѣли и не владѣютъ духовные члены Св. Синода; ихъ-то изыскать и испросить у предержавшихъ властей и вообще въ міру и составляло великій трудъ и трудъ этотъ есть заслуга прежде всего конечно—Константина Петровича.

Съ увеличеніемъ храмовъ, какъ главныхъ центровъ оцеровленія Россіи, естественно должно было увеличиться и число лицъ, въ храмахъ и при храмахъ совершающихъ свое служеніе. Увеличеніе это охватило собой весь клиръ церковный, начиная съ высшихъ степеней: увеличилось число архіерейскихъ кафедръ и при нихъ викаріатствъ: вмѣсто бывшихъ въ 1881 г. 59 епархіальныхъ архіереевъ, ихъ къ настоящему году стало 70 и вмѣсто 29 викаріевъ—47. Не такъ велико въ процентномъ отношеніи было увеличеніе приходскаго духовенства: вмѣсто 95,000 лицъ бѣлаго духовенства теперь его около 105,000; но это зависело отъ

нѣсколько своеобразнаго видоизмѣненія состава причтовъ. Чтобы уяснить себѣ эту особенность, нужно припомнить, что въ 60-хъ годахъ, въ гѣхъ же видахъ улучшенія матеріальнаго быта духовенства, вмѣстѣ съ закрытіемъ приходовъ произведено было и сокращеніе причтовъ, путемъ закрытія діаконскихъ вакансій при большинствѣ даже и незакрытыхъ сельскихъ церквей; въ 80-хъ же годахъ это распоряженіе было отмѣнено и взамѣнъ того вмѣсто двухъ причетниковъ положено быть одному псаломщику при одномъ священникѣ, а тамъ, гдѣ по количеству душъ въ приходѣ признано нужнымъ оставить три члена причта, одинъ изъ псаломщиковъ могъ возводиться въ санъ діакона. Такъ какъ къ участию въ пѣніи и чтеніи въ сельскихъ церквахъ обязательно привлечены были воспитанники церковно-приходскихъ школъ, то указанное видоизмѣненіе, не уменьшивъ, а наоборотъ всетаки увеличивъ число дуювенства, въ то же время способствовало увеличенію благолѣпія самаго богослуженія. Въ этихъ-же видахъ Св. Синодомъ изданы были распоряженія о совершеніи праздничныхъ и воскресныхъ торжественныхъ вечерей съ общенароднымъ, по возможности, пѣніемъ.

Мы не знаемъ, зарегистрировано ли гдѣ участіе Константина Петровича въ этихъ мѣропріятіяхъ Св. Синода; но то неоспоримыми письменными документами можетъ быть подтверждено, что ему мы обязаны возрожденіемъ Московскаго синодальнаго хора, путемъ очищенія нашихъ церковныхъ напѣвовъ отъ несроднаго имъ западнаго пѣнія, возстановленіемъ древнихъ такъ называемыхъ обиходныхъ напѣвовъ, изданіемъ и распространеніемъ нотныхъ книгъ такихъ напѣвовъ, чрезъ что училище это сдѣлалось рассадникомъ правильнаго церковнаго пѣнія для всей Россіи. Все это указанное нами не меньше прямыхъ предписаній способствовало увеличенію благолѣпія богослуженій и привлеченію сочувствія къ нимъ со стороны народа. Москвичамъ памятно вѣроятно много поработавшее въ этомъ дѣлѣ общество любителей церковнаго пѣнія, которое несомнѣнно многимъ обязано было Константину Петровичу.

Такъ какъ по ученію Пастырначальника Господа Иисуса и Его св. апостоловъ, церковное учительство составляетъ такое же дѣло служенія пастырскаго, какъ и совершеніе богослуженія; то ясно, что на ряду съ заботами объ умноженіи храмовъ и благолѣпіи богослуженія должны были быть заботы и объ учи-

тельской дѣятельности духовенства. И мы знаемъ, что Св. Синодомъ за время оберъ прокурорства въ немъ Константина Петровича особенно усилены были сравнительно съ прежнимъ временемъ заботы и объ этомъ пастырскомъ дѣлѣ, понимаемомъ не въ узкомъ смыслѣ церковно-богослужебнаго проповѣдничества только, а въ болѣе широкомъ — въ смыслѣ духовно-просвѣтительской дѣятельности духовенства вообще... И едвали можно отрицать, что заботы эти не остались пустыми словами безъ отклика, что церковное въ собственномъ смыслѣ учительство духовенства не богослужебное только, а и внѣбогослужебное, въ формѣ разнаго рода духовныхъ собесѣдованій съ народомъ, публичныхъ богословскихъ чтеній и т. п., оживилось, развилось такъ, что среди недруговъ церкви православной признано было нужнымъ бороться противъ усилившагося клерикализма. Въ соотвѣтствіи съ этимъ усилилось и духовно-книжное дѣло въ Россіи; въ теченіе прошедшихъ двухъ трехъ десятковъ лѣтъ появилась не одна сотня ученыхъ богословскихъ сочиненій, нѣсколько новыхъ духовныхъ періодическихъ изданій (преимущественно проповѣдническаго характера) и ужъ не сотни, а тысячи духовныхъ книгъ общедоступнаго содержанія. Все это, разумѣется, стоитъ въ непосредственной связи съ поднятіемъ умственнаго ценза духовенства въ его цѣломъ; а это послѣднее свидѣтельствуетъ, если не о расширеніи и возвышеніи образованія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ духовное юношество готовится къ пастырскому служенію, то о большей сравнительно съ прежнимъ временемъ приспособленности этого образованія къ потребностямъ пастырской дѣятельности, и объ улучшеніи и облегченіи средствъ къ полученію его. Вотъ въ этихъ-то существенно-важныхъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ основоположительныхъ, сторонахъ дѣла и сказалось вліяніе и участіе Константина Петровича; ибо несомнѣнно, по его указаніямъ и подъ его вліяніемъ, выработана и проведена реформа духовно-учебныхъ заведеній въ 80-хъ годахъ, а она при всѣхъ ея недостаткахъ, противъ которыхъ такъ громко и такъ грубо, хотя и не во всемъ основательно вопіютъ въ послѣднее время, имѣла то великое преимущество предъ уставомъ 1867 г., что по ней въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ усилены были духовный богословскій элементъ въ образовательныхъ предметахъ (многіе изъ нихъ расширены въ программахъ, а иные, какъ расколовѣдніе, введены вновь), церковность въ воспи-

таніи и въ большей близости ихъ къ епархіальной власти. Еще несомнѣннѣе и не менѣе того существенно было участіе Константина Петровича и въ увеличеніи самаго числа духовно-учебныхъ заведеній (разумѣемъ мужскія духовныя и особенно женскія, такъ называемыя, епархіальныя училища, которыхъ открыто около 20) и въ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія. Большинство зданій духовныхъ семинарій перестроено и увеличено въ своихъ размѣрахъ; такъ что во многихъ напри- мѣръ городахъ зданія эти лучшія въ нихъ; увеличены оклады и пенсіи служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и улучшено содержаніе самихъ учащихся. Много конечно потрачено на это личныхъ средствъ духовенства, епархіальныхъ и синодальныхъ суммъ, но не мало испрошено ихъ и изъ казны. И этимъ-то послѣднимъ духовенство обязано исключительно Константину Петровичу—и не столько его, такъ сказать, высокому государственному положенію, сколько личному сочувствію дѣлу ⁸⁾ и вліянію на государей.

Самое же важное и непосредственно къ церковному учительству духовенства, особенно сельскаго, относящееся содѣйствіе Константина Петровича составляетъ его участіе въ судьбѣ нашихъ церковно-приходскихъ школъ. Школы эти по самой идеѣ своей суть не просто школы грамотности, вѣдомыя духовенствомъ, а религіозно-нравственныя въ духѣ строго-православной церковности учрежденія, какъ бы «огласительныя» училища при церквахъ, на подобіе бывшихъ въ древней Россіи отъ временъ св. князя Владиміра; для этого они и устроятся при церквахъ, въ церковныхъ зданіяхъ и иногда какъ бы въ притворѣ церковномъ (это такъ называемыя церкви-школы); въ программахъ ихъ Законъ Божій занимаетъ первенствующее мѣсто и въ количественномъ и въ качественномъ такъ сказать отношеніи; Псалтирь и Часословъ—эти церковныя книги, по которымъ учились грамотѣ въ старину, значатся въ числѣ учебныхъ книгъ и въ нихъ; церковное пѣніе и участіе воспитанниковъ въ богослуженіи пѣніемъ и чтеніемъ—обязательная нравственно-воспитательная мѣра; священно и церковнослужители, готовящіеся къ пастырству воспитанники духовныхъ семинарій и какъ будущія жены ихъ, воспитанницы женскихъ

---

⁸⁾ См. его „Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ семинарій“.

епархіальныхъ училищъ ⁹⁾—исключительные дѣятели въ этихъ школахъ. Таковы черты, которыми можно характеризовать эти школы въ ихъ отличіи отъ начальныхъ народныхъ училищъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ и въ ихъ значеніи религіозно-просвѣтительныхъ въ строго-церковномъ смыслѣ слова центровъ по отношенію къ «малымъ симъ», какъ «начаткамъ» церкви Христовой, надежды и опоры ея въ будущемъ. И это-то святое важное дѣло именно Константину Петровичу—и ему, можно сказать, всецѣло обязано и самымъ возрожденіемъ своимъ и развитіемъ и благоустроеніемъ въ его настоящемъ видѣ со всѣхъ и матеріально-хозяйственныхъ и учебно-воспитательныхъ сторонъ и въ отношеніи ихъ къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Живо припоминается мнѣ то горячее и дѣятельное, иниціаторское въ собственномъ смыслѣ слова, участіе, какое принималъ онъ въ составленіи самаго «Положенія о церковно-приходскихъ школахъ», до выработки программъ его и редактированія объяснительныхъ къ нимъ записокъ включительно. Интересныя и важныя въ этомъ отношеніи страницы представляютъ тѣ мѣста изъ оглащенной уже, кажется, въ печати переписки Константина Петровича съ покойнымъ теперь Н. И. Ильминскимъ по вопросу о церковно-славянскомъ языкѣ вообще и въ частности о составленіи и исправленіи «учебныхъ» Псалтири, Часослова и другихъ учебныхъ книгъ для церковно-приходскихъ школъ. А что сказать объ административно-хозяйственномъ положеніи ихъ—объ учрежденіи специально для церковно-приходскихъ школъ назначеннаго «Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, о тѣхъ сотняхъ тысячъ книгъ для этихъ школъ, которыя печатались въ синодальныхъ типографіяхъ и, разсылались и рассылаются бесплатно по этимъ школамъ во всѣхъ концахъ Россіи, объ учрежденіи епархіальныхъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и при нихъ наблюдателей церковно-приходскихъ школъ, попечителей и т. п.? Вѣдь все это требовало и требуетъ не столько громадныхъ средствъ, которыя нужно было изыскать, сколько трудовъ, заботъ и самаго глубокаго и постояннаго вниманія и вниканія въ дѣло; и все это, смѣло можно сказать, есть дѣло всецѣло

---

⁹⁾ Этими-то между прочимъ цѣлями и объясняется расширеніе педагогики и введеніе церковнаго пѣнія, какъ обязательнаго предмета, не только въ духовныхъ семинаріяхъ, а и въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ.

Константина Петровича. «Церковно-приходская школа, какъ совершенно справедливо говорится въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, есть въ полномъ смыслѣ дѣтище Константина Петровича. Онъ самъ неоднократно заявлялъ, что «устроению этихъ школъ онъ удѣлялъ наибольшее вниманія и считалъ самымъ важнымъ дѣломъ, такъ какъ оно дѣлалось для народа». «По его наконецъ просьбамъ и хлопотамъ даны въ распоряженіе духовнаго вѣдомства большія средства для развитія церковно-приходскихъ школъ и церковнаго просвѣщенія народа. Теперь, послѣ двадцатилѣтнихъ усилій духовныхъ дѣятелей дѣло это прочно развилось по всей Россіи». Правда и доселѣ въ матеріальномъ отношеніи (въ отношеніи къ школьнымъ зданіямъ и жалованью завѣдующимъ школами священникамъ и учителямъ) церковно-приходскія школы, по сравненію съ земскими и министерскими, далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, надъ чѣмъ такъ ядовито зло не рѣдко и посмѣиваются либералы, обзывая эти истинные свѣточы народнаго просвѣщенія „свѣчными огарками, нищенскими лачугами съ грошевыми окладами“; но это нисколько разумѣется не говоритъ противъ принципиально важнаго и фактически дѣйствительнаго громаднаго духовно-просвѣтительнаго значенія этихъ школъ. Къ сожалѣнію, мы не умѣемъ въ настоящее время точно указать въ цифрахъ и документальныхъ датахъ того прочнаго развитія дѣла этихъ школъ; но вотъ что писали мы между прочимъ объ этомъ два года тому назадъ въ статьѣ «Изъ итоговъ церковной жизни въ царствованіе императора Александра III», по поводу и на основаніи упоминавшейся уже выше книги „Обзоръ дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія за время царствованія императора Александра III“, главное достоинство которой и заключается именно въ ея документальной точности и обстоятельности: «Не вдаваясь въ подробности развитія этого дѣла (разумѣется церковно-школьнаго), приведемъ нѣкоторые цифровые итоги его за время царствованія императора Александра III. Въ 1881 году церковныя школы имѣли мѣстныхъ средствъ до 246,000 р., а казенныхъ всего лишь 17,000 руб., въ царствованіе же императора Александра III до второй половины 1894 г. на церковныя школы поступило изъ государственнаго казначейства 1,932,200 руб., изъ губернскаго земскаго сбора—3,966,440 р. и изъ мѣстныхъ средствъ—15,832,100 р., всего 19,798,540 р... Къ 1881 г. церковныхъ школъ было 4064, а въ

1894—95 учебномъ году ихъ было 31,835, т. е. число ихъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ 7 разъ; учащихся въ этихъ школахъ въ 1881 г. было 105,317 (92,106 мальчиковъ и 13, 211 дѣвочекъ), а въ 1894—05 учебныхъ годахъ—981,075 (808.001 мальч. 173,075 дѣв.) (см. Вѣра и Церковь 1902 г. кн. V, стр. 827). Если предположимъ, что въ слѣдующее десятилѣтіе число школъ увеличивалось въ ежегодномъ количествѣ наполовину меньшемъ сравнительно съ 13 лѣтнимъ періодомъ царствованія императора Александра III, и тогда общее число школъ въ настоящее время должно быть больше 40,000, какъ это, говорятъ, и есть въ дѣйствительности. Можно судить поэтому, какое великое благо въ религіозно-просвѣтительномъ отношеніи въ духѣ православной церкви представляютъ собою эти, назовемъ такъ, «дружкины Христовы!» Какую великую службу въ этомъ смыслѣ для церкви Божіей несутъ труженники этихъ школъ—пастыри православной церкви и ихъ дѣти не только мужскаго, а и женскаго пола! А они вѣдь созданы на эту службу и снабжены средствами трудами и заботами великаго радѣтеля о духовномъ благѣ народа—Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцевымъ!..

«Грошевыми окладами» обзываютъ ту плату, какую получаютъ за свои труды въ церковно-приходскихъ школахъ пастыри церкви и ихъ дѣти и это конечно грустно и больно, но не тѣмъ, разумѣется, которые съ такою развязностію кричатъ объ этомъ, а самимъ труженникамъ прежде всего и затѣмъ больше другихъ—тому, кто празвалъ ихъ къ этому труду и чье вліяніе больше всего, если не исключительно, сказалось въ царскомъ призывѣ духовенства къ этому дѣлу. И грусть свою объ этой скудости доказали они дѣломъ, подумавъ и позаботившись объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства.

„Помимо многихъ частныхъ мѣръ къ улучшенію положенія отдѣльныхъ приходовъ и причтовъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, или отдѣльныхъ мѣстностяхъ, писали мы въ той же статьѣ и на основаніи той же книги, въ царствованіе императора Александра III принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ общихъ и при томъ такихъ, которыя кореннымъ и существеннымъ образомъ измѣнили это дѣло къ лучшему. Таковы: сдѣланное еще въ 1882 г. предоставленіе въ распоряженіе Св. Синода остатковъ отъ кредита на содержаніе городского и сельскаго духовенства, которые въ средней стоимости до 80,000 р. ежегодно поступали въ ресурсы казны и которые съ этого года стали расходоваться на удовле-

твореніе различныхъ нуждъ духовенства,—принятіе съ 1887 г. пенсій священнослужителямъ и ихъ семействамъ, которыя дотолѣ не могли быть выплачиваемы Синодомъ сполна за недостаткомъ средствъ, на счетъ общаго пенсіоннаго кредита департамента Государственнаго казначейства, чѣмъ вполнѣ обезпечивалось правильное и аккуратное полученіе ихъ, и наконецъ постановленіе 1893 г. о назначеніи жалованья духовенству. Еще Императоромъ Николаемъ Павловичемъ повелѣно было ежегодно отпускались изъ государственнаго казначейства необходимыя для обезпеченія духовенства суммы, каковыя въ размѣрѣ не менѣе 100,000 р. въ годъ и отпускались съ 1842 по 1860 г.; съ этого года дальнѣйшій отпускъ этихъ суммъ былъ прекращенъ и такъ продолжалось дѣло до 1893 г., когда вслѣдствіе Всемилостивѣйшаго повелѣнія Государя Императора Александра III возстановлена была выдача изъ государственнаго казначейства ежегодно по 250,000 руб. дотолѣ, пока будетъ обезпечено казеннымъ жалованьемъ духовенство во всей имперіи въ размѣрѣ отъ 100 до 600 р. священнику, отъ 80 до 300 р. діакону, отъ 50 до 200 р. псаломщику, для чего потребуется въ концѣ концовъ отъ 5 до 6 милліоновъ руб. ежегодно. Какое важное значеніе имѣетъ эта мѣра, говорить объ этомъ нѣтъ, думаемъ, нужды» (см. тамже стр. 823); но нельзя умолчать, что «только чловѣкъ съ такимъ громаднымъ вліяніемъ, какъ Константинъ Петровичъ, какъ говорится въ названной выше статьѣ Церковныхъ Вѣдомостей, и съ такой, прибавимъ отъ себя, горячей любовію къ св. церкви и ея служителямъ, какая есть именно у него, могъ добиться тѣхъ большихъ ассигнованій, какія требовались и требуются на это дѣло. Другимъ актомъ заботливости Константина Петровича о нуждахъ духовенства было изданіе въ 1902 году того устава о пенсіяхъ духовенству, по которому размѣры этихъ пенсій увеличены втрое противъ прежнихъ. «Какое это благодѣяніе для бѣдныхъ сельскихъ священниковъ и псаломщиковъ, ихъ вдовъ и сиротъ,—объ этомъ не надо и распространяться», говоритъ авторъ той же статьи, а нужно, опять прибавимъ отъ себя, только молиться благодарною молитвою за чловѣка, содѣйствовавшаго этому дѣлу Государя.

Конечно эта общая картина мудрой, плодотворной и неустанной дѣятельности Константина Петровича, какъ оберъ-прокурора Свят. Синода, направленной къ возвышенію, усиленію и во-

обще развитію религіозно-нравственной жизни русскаго народа въ духѣ строго-православной церковности, должна быть еще и еще дополнена цѣлымъ рядомъ другихъ мѣропріятій, распоряженій и трудовъ его въ этомъ святомъ дѣлѣ; еще больше и теперь уже можно бы говорить о тѣхъ планахъ и предначертаніяхъ, совѣтахъ и указаніяхъ, какія высказывались Константиномъ Петровичемъ въ устныхъ бесѣдахъ и перепискѣ съ тѣми или иными церковно-общественными дѣятелями. Но все это, не только должствующее, а и несомнѣнно имѣющее быть сказаннымъ міру въ свое время, не можетъ быть охвачено въ настоящей статьѣ, которая хотя и пишется подъ живымъ и непосредственнымъ впечатлѣніемъ всего этого видѣннаго и слышаннаго, все же есть лишь журнальная статья; тѣмъ больше, что въ дѣятельности Константина Петровича, какъ оберъ-прокурора Св. Синода, есть еще стороны, о которыхъ нельзя не сказать...

Русское государство есть государство православное, какъ православію обязанное всѣмъ своимъ историческимъ могуществомъ и его исповѣдующее въ наибольшей и исконной части своего населенія; но въ нашемъ государствѣ наряду съ православнымъ населеніемъ есть не мало и раскольниковъ, и сектантовъ разнаго рода, и иновѣрцевъ, и инославныхъ, единомышленныхъ въ своихъ вѣрованіяхъ съ подданными другихъ сосѣднихъ съ нами государствъ. Не имѣя никакого отношенія ко всѣмъ этимъ неправославнымъ, вѣ подданства русскаго находящимся, и не допуская никакого насилія по отношенію къ находящимся въ русскомъ подданствѣ и потому дозволяя каждому изъ нихъ свободно исповѣдывать свою вѣру, православно-русское правительство, по самому положенію своему, призвано не только положительно покровительствовать православію, какъ зиждительной силѣ государства,—всячески способствуя его процвѣтанію въ православно-русскомъ населеніи, а и, такъ сказать, отрицательно—оберегая его отъ всяческихъ покушеній на его чистоту и цѣлость со стороны представителей чуждыхъ и враждебныхъ ему исповѣданій. Отсюда, и дѣятельность оберъ-прокурора Св. Синода, какъ представителя этой власти въ церкви, должна быть не только положительно-созидательною силою, какою мы и видѣли ее въ очерченной нами дѣятельности Константина Петровича, а и охранительною.

Будущіе историки Россіи вообще и въ частности положенія въ ней православной Церкви* въ концѣ XIX столѣтія подробно расскажутъ конечно о тѣхъ опасностяхъ, какія грозили чистотѣ и цѣлости православія отъ враждебной ему пропаганды не только со стороны иновѣрія, инославія и раскола, а и прямо невѣрія и раціонализма, возгнѣздившагося въ той части православнаго русскаго общества, которая въ своихъ религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ стоитъ подъ вліяніемъ крайняго раціонализма западнаго протестанства; расскажутъ они и о томъ, что предпринималось въ правящихъ сферахъ православной Россіи въ предупрежденіе этихъ опасностей и противодѣйствіе имъ; а рассказывая объ этомъ, не могутъ умолчать о тѣхъ трудахъ, какіе выпали въ этомъ дѣлѣ на долю Константина Петровича Побѣдоносцева, все время стоявшаго у самого кормила правленія — въ Свят. Синодѣ съ одной стороны, и у престола Царскаго съ другой, умѣвшаго находить во всѣхъ сферахъ церковно-общественной жизни полезныхъ дѣятелей къ выполнению нуждъ предпринимавшихся для сего разумныхъ мѣропріятій, находившаго время и силы входить съ ними въ живыя сношенія, вести переписку и т. п. и т. п. Они, будущіе историки, не смогутъ умолчать обо всемъ этомъ въ виду тѣхъ документальныхъ данныхъ, которыя хранятся пока въ архивахъ, канцеляріяхъ церковно-общественныхъ учреждений, вѣдавшихъ эти дѣла, въ шкафахъ и письменныхъ столахъ участвовавшихъ въ этихъ дѣлахъ дѣятелей, и еще больше въ хранилищѣ памяти этихъ дѣятелей. Не всѣ, конечно, эти историческіе матеріалы могутъ теперь же появиться на свѣтъ Божій уже по одному обилію ихъ и непосредственной прикосновенности къ живымъ лицамъ; но уже и теперь, если нельзя со всей документальной обстоятельностью и во всей полнотѣ и ясности представить себѣ живое, дѣятельное и часто инициаторское участіе Константина Петровича въ дѣлѣ охраны вѣры и Церкви православной отъ посягательствъ на нихъ—со стороны чужихъ православію и враговъ его, то утверждать подлинность этого участія и хотя въ общихъ чертахъ и гадательно рисовать его больше, чѣмъ позволительно.

Отмѣтимъ изъ этой области дѣлъ Константина Петровича хотя кратко то, что засвидѣтельствовано печатнымъ словомъ.

Свѣтъ съ востока—эта дорогая для cadaго православнаго русскаго истина, къ сожалѣнію, имѣетъ и обратную сторону;

востокъ, только не въ метафорическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ, испоконъ вѣка грозилъ и по сіе время не перестаетъ грозить православной Россіи самою безпросвѣтною тьмою въ лицѣ инородцевъ—язычниковъ, буддистовъ и магометанъ. И, что особенно грустно, сами же русскіе, именующіе себя православными, часто способствуютъ, если не прямой пропагандѣ этой тьмы въ православной Россіи, то ея усилению и укрѣпленію въ самихъ инородцахъ. По крайней мѣрѣ нельзя, напримѣръ, отрицать покровительственнаго отношенія нашихъ чиновниковъ къ сибирскимъ ламаитамъ и заволжско-уральскимъ магометанамъ; въ этомъ отношеніи любопытно почитать то, что говорятъ объ этомъ наши сибирскіе миссіонеры, или относительно магометанъ говорилъ теперь уже покойный Н. И. Ильминскій. Но то несомнѣнно, что главнымъ вдохновителемъ, пособникомъ и покровителемъ Н. И.—ча въ его противомогометанской миссіонерской дѣятельности среди татаръ былъ именно Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, какъ объ этомъ несумнительно можно заключать изъ напечатанной уже переписки ихъ...

Читатели помнятъ конечно печатавшуюся на страницахъ «Вѣры и Церкви» переписку двухъ великихъ дѣятелей въ борьбѣ съ расколомъ старообрядчества, Н. И. Субботина и о. архим. Павла (прусскаго); если да, то они знаютъ, какъ много содѣйствовалъ имъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ и не только своимъ влияніемъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, откуда исходили такія напр. мѣры, какъ введеніе въ кругъ семинарскихъ наукъ исторіи и обличенія раскола, устройство противораскольничьихъ соборовъ и собесѣдованій, или изданіе закона 1898 г. относительно оказательства раскола, а и личной, такъ сказать, поддержкой ихъ литературной дѣятельности...

Проходя пока молчаніемъ вопросъ о сектанствѣ разнаго рода, мы не можемъ не отмѣтить, что Константину Петровичу, какъ оберъ-прокурору Св. Синода, не меньше, чѣмъ министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, мы обязаны тѣмъ, что до послѣдняго времени мы избавлены были отъ такой явной и безнаказанной пропаганды разныхъ противорелигіозныхъ идей, которая подъ покровомъ свободы печати ведется напримѣръ теперь, когда самыя ярія противоположительныя и противорелигіозныя переодическія изданія и книги не только свободно печатаются, а и распространяются даже среди молодежи. Наряду съ этими репрессивными мѣрами имъ особен-

но была покровительствуема литературная дѣятельность служителей Церкви и представителей богословской науки въ противодѣйствіе рационализму и невѣрію; таковы разнаго рода богословскія апологетико-полемическія періодическія изданія и книги, особенно тѣ, которыя направлены противъ лжеученій гр. Льва Н. Толстого. Намъ положительно напимѣрь извѣстно, какъ поощрительно относился К. П-чъ къ такого рода дѣятельности покойнаго профессора А. Ѡ. Гусева; печатные отзывы К. П-ча всѣхъ такого рода трудахъ можно читать въ его всеподданнѣйшихъ отчетахъ.

Подвигаясь въ своемъ обзорѣніи охранительной дѣятельности Константина Петровича далѣе на западъ, мы невольно припоминаемъ, составленный имъ по Высочайшему повелѣнію, отвѣтъ президенту Швейцарскаго Комитета Евангелическаго союза, Э. Навилло на адресъ Комитета покойному Государю Александру III, въ которомъ члены Комитета жаловались на стѣсненіе религіозной свободы въ Балтійскомъ краѣ и просили объ отмѣнѣ запрещенія переходить изъ православія въ протестанство. Выяснивъ истинный смыслъ просьбы евангеликовъ (о свободѣ не исповѣданія, а пропаганды), Константинъ Петровичъ на твердыхъ историческихъ данныхъ обосновалъ свое заключеніе о несправедливости, неразумности и полнѣйшей невозможности для Россіи исполненія этой просьбы. Помнимъ, съ какой единодушной радостію встрѣчено было въ русской печати это правдивое и сильное слово въ защиту православныхъ русскихъ отъ притязаній нѣмецкихъ протестантовъ... Къ сожалѣнію, теперь настали инья времена и сами пастыри православной Церкви иногда радуются извѣстному закону 17 апрѣля, уже усиѣвшему принести свои горькіе для православной Церкви плоды!...

Что въ этой дѣятельности своей, какъ охранителя цѣлости родного православія, Константинъ Петровичъ не былъ нетерпимымъ фанатикомъ, въ унаслѣдованной нами отъ предковъ обрядности полагающимъ всю суть его, это всего лучше называется конечно тѣмъ сочувствіемъ, съ какимъ относился онъ къ представителямъ инославія, ищущимъ единенія съ православною Церковію. Говоря это, мы разумѣемъ тѣ добрыя отношенія, въ какихъ онъ стоитъ съ ищущими единенія съ православною Церковію представителями Англиканской церкви, какъ напимѣрь съ извѣстнымъ Биркбекомъ, или стоялъ съ первыми

старокатоликами. Но стоило только этимъ послѣднимъ въ своемъ поступательномъ движеніи отъ Рима перешагнуть границы, указываемыя преданіемъ, и вступить въ область протестанскаго рационализма, Константинъ Петровичъ чуткимъ ухомъ своей вѣры тонко распознавалъ несогласныя съ православіемъ рационалистическія тенденціи и, усиливая свою стражду, мудро предостерегалъ отъ увлеченія ихъ хвастливыми рѣчами даже присяжныхъ богослововъ и не напрасно; послѣднія вѣсти о старокатолическомъ движеніи, какъ нельзя больше, оправдываютъ эту предусмотрительную осторожность въ сношеніяхъ съ ними...

Но довольно... Въ день открытія въ Москвѣ памятника Императору Александру II (16 августа 1898 г.) Константинъ Петровичъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Въ данномъ ему по этому поводу Высочайшемъ Рескриптѣ находятся слѣдующія высоко-милостивыя слова: «По восшествіи Моемъ на Престоль, Я съ чувствомъ истинной отрады лично удостовѣрился въ значительности заслугъ, оказываемыхъ вами глубокочтимой Мною Православной Церкви, а равно вашихъ неусышныхъ заботъ о поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня духовенства, улучшенія хозяйственнаго его быта и усиленія религіозно-нравственнаго воздѣйствія его на паству и вашихъ попеченій объ умноженіи школъ и развитіи церковнаго просвѣщенія въ народѣ. Искренно желаю, чтобы Божественное Провидѣніе долгіе еще годы дало Мнѣ пользоваться вашимъ многоопытнымъ содѣйствіемъ.»

Въ этихъ Высочайшихъ словахъ дана совершенно справедливая по существу оцѣнка оберъ-прокурорской дѣятельности Константина Петровича. Мы всѣ помнимъ, такъ, какъ бы въ дополненіе этой оцѣнки, въ апрѣлѣ текущаго года, по поводу 25 лѣтія этой дѣятельности писали «Московскія Вѣдомости, мы всѣ помнимъ долгіе годы, когда при всякой нуждѣ, при всякой возникавшей несправедливости, при всякомъ усложненіи, православные съ довѣріемъ говорили, что «оберъ-прокуроръ не выдастъ». Сами Архипастыри, по «охотному согласію», готовы были подчиниться его рѣшенію, потому что всѣ признавали глубокую мудрость его и безусловно вѣрили, что этимъ рѣшеніемъ всегда руководятъ желаніе справедливости и стремле-

ніе къ охранѣ интересовъ православной Церкви. Не мало было недостатковъ *строю*, заложенныхъ двухсотлѣтней политикой, но православная Церковь знала, что въ лицѣ Константина Петровича Побѣдоносцева она всегда имѣетъ твердаго и неустрашимого ходатая передъ Царемъ Русскимъ и что Царь Русскій имѣетъ въ лицѣ Константина Петровича такого мудраго и нелицепріятнаго совѣтника по дѣламъ Церкви и государства, какого никогда до него не имѣли русскіе Государяи».

«Представлялось какъ бы несомнѣннымъ, читаемъ мы въ этой же газетѣ отъ 28 октября текущаго года, что духовное вѣдомство не останется лишеннымъ его многоопытной помощи до самой смерти его. Но Богъ судилъ иначе: Константинъ Петровичъ оставилъ свой постъ».

Исторія произнесетъ свой нелицепріятный судъ надъ всѣмъ, что было и совершилось; «дѣла его пойдутъ за нимъ»; намъ же, на благо которыхъ творились эти дѣла, при благодарномъ воспоминаніи объ нихъ, остается лишь благодарить Господа и просить Его продлить дни жизни Константина Петровича.

Да пошлетъ ему Господь мирный отдыхъ отъ неустанныхъ трудовъ его жизни...

Прот. І. Соловьевъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ ОДНОЙ ДУШИ ¹⁾.

(Во славу преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца).

Глава VI.

Приходящіе къ источнику пьютъ святую воду, черпая ее жестяными кружками, привѣшенными на цѣпочкахъ тутъ-же, къ жестяному желобу, покрывающему поверхность бассейна...

Я вся ушла въ наблюденіе и мнѣ почему-то не приходитъ въ голову «испить святой водицы»...

Въ углу, припавъ къ аналою съ евангеліемъ, плачетъ женщина. На секунду она поднимаетъ лицо — и я едва подавляю крикъ ужаса. Это въ полномъ смѣлѣ слова черепъ; благодаря глубоко провалившимся глазамъ, выдающимся скуламъ и изжелта черной кожѣ лица — это страшное сходство сразу бросается въ глаза...

Передъ вами мертвецъ... Но она жива, и судорожно бьется отъ рыданій.

— Что это съ ней? Недужная? Участливо освѣдомляется кто-то у полного мужчины, стоящаго невдалекѣ.

— Вѣстимо! Жена она мнѣ! Послѣ ребенка попритчилось, отвѣтилъ тотъ, вздыхая.—Изохла вся и почернѣла... долго лѣчилась, да все ни къ чему, — хоть бы исцѣленіе получить! Никто, какъ Богъ! И еще разъ глубоко вздохнувъ, онъ положилъ земной поклонъ.

Женщинѣ дали напитокъ и она стала спокойнѣе.

Два монаха—старикъ и молодой—проводили ее участливыми взглядами. Чего только они тутъ не посмотрятъ! Но тѣмъ

---

¹⁾ Окончаніе.

крѣпче ихъ вѣра, тѣмъ бодрѣе звучить ихъ слово утѣшенія страждущимъ, немощнымъ...

Я глядѣла на нихъ и думала: какъ они спокойны, привѣтливы, увѣрены! Неужели они *видѣли*, въ самомъ дѣлѣ видѣли *чудеса*?! Почему-же они такъ ясны, просты,—ни слѣда аффектированности, натяжки, позы?.. Никакой *таинственности*! Неужели они *привыкли* къ *чуду*? это нѣчто неоспоримое, осязательное,—фактъ не единичный, не рѣдкостный, а повторный, частый.. *ежедневный*! Сверхъестественное вдругъ стало *обычнымъ*! Какъ странно, непонятно! Нѣтъ, мой умъ вмѣститъ этого не можетъ! *Привыкнуть* къ *чуду*!

И я чувствую себя смятенной,—даже какъ будто подавленной...

Я выбита изъ колеи... Мнѣ казалось, что всѣ они должны быть здѣсь въ приподнятомъ настроеніи, въ экстазѣ,—въ умиленіи... Вѣдь чудо,—непонятная, великая тайна, и вотъ ихъ она уже не трогаеть, потому что...

Да потому что кто *разъ* допустилъ невозможное—тотъ допустилъ его *навсегда*!.. Душа расширилась, и можетъ, *имѣетъ* воспринимать его, какъ великій актъ милости Божіей, которая всемогуща и безконечна...

Но *тогда* мнѣ это было непонятно... Поставленная втупикъ, я вышла изъ часовни и машинально направилась къ купальнѣ. Тутъ шумно, людно—негдѣ повернуться. Въ воздухѣ мелькаютъ части одежды,—сорочки, юбки, кофты, въ которыя облекаются искупавшіяся.

Сразу ориентироваться не возможно, и мысль моя цѣпенѣтъ.

Я отдаюсь теченію...

— Что же это? Гдѣ тутъ купаются, гдѣ раздѣваются? Ничего не разберешь! Волна притиснула меня, наконецъ, въ уголь. Тутъ узенькая скамеечка вдоль стѣны; пожилая особа съ дочкой одѣваются

Лица ихъ горятъ радостью, одушевленіемъ.

— Мы вамъ сейчасъ уступимъ хорошее мѣстечко, улыбается младшая.

— Ахъ, какъ хорошо, Точно вновь на свѣтъ родилась!

— Нѣтъ, merci! отвѣчаю я—купаться здѣсь?! Нѣтъ я не стану!

Меня уже начинаетъ знобить... Вѣтеръ то и дѣло врывается въ окна (безъ стеколъ), дверь не перестаетъ открываться

и закрываться, и получается сквознякъ... Ноги коченѣютъ, и я съ ужасомъ убѣждаюсь, что въ этой „лѣтней“ купальнѣ—зимняя температура, ничуть не теплѣе, чѣмъ тамъ—за дверями, на открытомъ воздухѣ... Но тамъ согрѣваешься „быстротою аллюра“...

— Нѣтъ, это безуміе, это дикій, отчаянный рискъ, раздѣться здѣсь и итти подъ ледяную струю!

Теперь я вижу устройство купальни. Оно очень приминитивна. Часть пола (этой единственной комнаты) у стѣны вырублена (въ родѣ люка), и по лѣсенкѣ вы спускаетесь внизъ. Тамъ изъ „желобка“, проведеннаго въ стѣну изъ источника, непрерывной струей стекаетъ вода, подъ которую вы и становитесь. Понятно, внизу, на полу,—грязь... Полъ мѣстами заледенѣлъ а вода все бѣжитъ, да бѣжитъ... Надъ краномъ небольшообразъ Угодника ..

— Родименькія! Ухъ, батюшки! Духъ *заперло!* кричитъ, задыхаясь, съ большими интервалами полная особа, купчиха—должно быть, и отходить отъ «желобчика» въ сторону отдышаться.

На ея мѣсто тѣснится сразу нѣсколько человѣкъ...

Слышатся вздохи, молитвенные возгласы, иногда причитанья...

По счастью нѣтъ хоть криковъ; очевидно, всѣ недужныя уже выкупались, остался лишь здоровый народъ... Слава Богу!

Вотъ какая-то мать подставляетъ своего крошку — грудного ребенка, который отчаянно визжитъ и вдругъ умолкаетъ... паръ подымается отъ людскихъ тѣлъ...

— Слушайте—довольно! съ ужасомъ кричу я сверху бабѣ. Вы его уморите! Вонъ, онъ посинѣлъ, занесся!

— Ничаво, отойдетъ!—флегматично отвѣчаетъ она и звонко шлепаетъ его... Къ моему удивленію малышъ уже «отошелъ»; онъ больше не плачетъ и улыбается.

Мать съ гордостью любитъся имъ. —Ишь, разумникъ будетъ! 10-й мѣсяцъ ему—поясняетъ она, обращаясь ко мнѣ.

— Батюшка! Святитель! Снова положится кто-то внизу—исцѣли! Спаси, помилуй! Больно студена вода то, такъ и обжигаетъ тебя! Говоритъ купальщица, отходя въ сторону, чтобы отдышаться.

— Барыня! Чтой-то, милая, ты зябнешь? Обращается ко мнѣ какая-то баба. Инъ побѣлѣла вся! Ты ступай подъ желобчикъ-то, чѣмъ этакъ-то стоять. Замерзнешь!

А я все не двигаюсь, точно загнипнотизированная, безвольная, инертная.

Мои купчихи ушли, повторивъ на прощанье свой совѣтъ непремѣнно выкупаться.

— Что вы! Развѣ можно! Приѣхать сюда да такъ ни съ чѣмъ и уѣхать! Даже обидно! выговорила мать. По моему. быть тутъ и не купаться—это то же, что исповѣдываться и не причаститься! рѣшительно произнесла дочь... Вы попробуйте! Знаете, такъ пріятно; точно крылья выросли!

А я все стою, не въ силахъ сдѣлать усиліе, точно лунатикъ, который, ничего не сознавая, инстинктивно поддается одному только притяженію планеты...

Да, странная вещь, но это фактъ! Я ощущаю неясное стремленіе; меня также тянетъ *туда*, подъ желобокъ, мнѣ хочется испкупаться, «разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ»), и благоразумнымъ словомъ доктора...

— Тетка, подвинься, дай барынѣ дорогу! Продолжаетъ заботиться обо мнѣ таже баба. — Раздѣвайся туточка, да не бойсь! Не дрожи!

— Пошепчи молитву-то, да перекрестись, только и всего! А Святитель Батюшка и помилуетъ!

— А если я простужусь? Нерѣшительно выговариваю я, и добавляю тише: и умру?!

— Эхъ ты, невѣрная! да нешто отъ святого-то мѣста зло приключится?

Въ душѣ я начинаю къ ней чувствовать признательность и симпатію за эти попеченія обо мнѣ. Даже тонъ ея, добродушно ворчливый, «вразумительный»), дѣйствуетъ на меня успокаивающе. Самое лучшее, еслибъ она сейчасъ подошла, раздѣла меня, и за руку, какъ ребенка, свела туда, подъ таинственный, удивительно симпатичный желобчикъ...

Я чувствую, что уже сдалась, мнѣ самой такъ хочется этого. Но еще бы рада поговорить.

— А это не страшно? Спрашиваю я у молоденькаго подростка,—своей сосѣдки, ныряющей въ этотъ моментъ головой въ юбку, которую она высоко вскинула на воздухъ.

Любопытные, живые глаза на секунду съ интересомъ устремляются на меня, потомъ она вдругъ прыскаетъ со смѣху, и отходитъ подальше, не удаивая меня отвѣтомъ.

Подумайте, я имъ смѣшна! Они даже не понимаютъ, какъ

это можно колебаться, усомниться въ чудесномъ свойствѣ источника!

— Ну что жъ, барыня, аль ты еще не надумалась? Принимается вновь усовѣщевать меня «тетка». Вѣдь хуже будетъ, этакъ прокляжаться то; ишь ты замерзла, безпремѣнно застудилась!

— Ну-кось, *разберись*.

Я догадываюсь, что это значить, раздѣвайся, и послушно иду въ уголь; тутъ я сажусь, и начинаю разстегиваться...

— Таперь тебѣ нечего бояться, съ юморомъ продолжаетъ баба, потому все одно хворать! Хуже не будетъ! Это *по твоему*, а *по нашему*—исцѣлишься!

И вдругъ рѣзкое ощущение холода заставляетъ всю меня вздрогнуть.

— Что это я дѣлаю? Сумасшедшая! А докторъ-то? А бронхитъ мой? Нѣтъ, это невозможно!

Лихорадочнымъ движеніемъ я снова накидываю пелерину,— поживаясь и стараясь согрѣться, поджимаю подъ себя ноги...

Но видно мнѣ такъ ужъ суждено было, побывать подъ желобчикомъ. Вдругъ насталь моментъ, когда я почувствовала, что мнѣ несносна моя собственная нерѣшительность; она утомляетъ меня, тяготить...

Откуда-то побѣжали обрывки мыслей...

— Ба! Чего я медлю? Собственно *чего* я боюсь? Что мнѣ страшно? Ничего вѣдь «хуже смерти» не случится! Чѣмъ мнѣ особенно дорожить? Для чего я живу, кому и на что нужна? Не собиралась ли я сама недавно... Такъ ужъ лучше пусть это будетъ *само собой*, «отъ святого мѣста», если я простужусь (если я недостойна чуда по своему невѣрію)... по крайней мѣрѣ хоть грѣха на душу не возьму!

На минуту воспоминаніе о пережитыхъ тяжелыхъ разочарованіяхъ наполняетъ мнѣ душу горечью...

— Э! Будь, что будетъ! Да и баба права: я уже простужена! Хуже не будетъ!

И замирая отъ холода, я начала рѣшительно сбрасывать съ себя одежду,—скорѣе, скорѣе, точно торопясь сдѣлать то, отъ чего у меня не было силъ отказаться... Одно только было мнѣ непріятно (это я сознавала)—грязь внизу на полу, и потому я накинула калоши.

Ощущеніе холода было ужасно нестерпимо, когда я раздѣлась. Какъ я очутилась внизу—я не помню, знаю одно, что даже вода не показалась мнѣ такой холодной, какъ я ожидала...

Впослѣдствіи мнѣ бабы сказали, что это возможно:—вода бываетъ «разной», какая кому нужна: одному теплѣе, другому холоднѣе. Одинъ мужикъ, который крѣпко ругнулся, отскочилъ, какъ ошпаренный; ему она показалась кипяткомъ, и онъ цѣлыхъ 4 мѣсяца лѣчился отъ ожога. Мнѣ назвали его имя, званіе и село.

Но это отступление, возвращаюсь къ себѣ,

Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, до того, что мои зубы стучали, я повернулась кругомъ подъ неровной струйкой воды, которая брызнула на меня... Точно сквозь сонъ я слышала голоса («те-токъ») сверху.

— Ты черепу-то помочи! Кричали мнѣ оттуда.

— Да перекстись, перекстись скорѣй! Вотъ такъ!

— Ну, теперь все кончено, сказала я себѣ съ какимъ-то спокойствіемъ отчаянія.

— Святитель спаси, *если нужно, если хочешь*; если нѣтъ, пусть умру! Какъ хочетъ Богъ! Мнѣ все равно!

И я повернулась, чтобы итти наверхъ... Но тутъ вдругъ меня снова потянуло назадъ... Точно жаль чего-то было (странно! всѣ утверждаютъ тоже самое: многіе одѣвшись, снова ра-зоблачаются и идутъ купаться).

— Э, ужъ если простуживаться, такъ совсѣмъ! Говорю я себѣ мысленно, и скинувъ калоши, ступаю голыми ногами на обледенѣвшій полъ, снова подъ струйку воды... Даже больно стало! Вотъ когда холодно!

— Ты обкрутись до трехъ разъ, безпремѣнно до трехъ разъ! Наставительно поучаютъ меня бабы...

Но вотъ я и наверху; сосредоточенно, спокойно, точно ничего особеннаго не случилось, я отбираю статьи моего туалета и начинаю облачаться. Меня самое удивляетъ мое странное спокойствіе. Гдѣ же радостный подъемъ духа, гдѣ крылья? Ничего нѣтъ! За то нѣтъ и тоски, и тревоги за то, что я могу умереть отъ простуды...

Ни прилива радости, ни опасеній; все спокойно, все нормально; точно такъ и должно быть. Да, вотъ именно: точно случилось нѣчто законное, обязательное, что должно было случить-

ся. Что скажете потомъ моя душа объ этомъ—я не знаю, но пока я спокойна!

Въ большое затрудненіе повергъ меня вопросъ съ калошами. Я забыла сказать, что приготовляясь ѣхать съ ночнымъ поѣздомъ на Москву, я осталась въ туфляхъ—изъ привычки къ удобствамъ.

Перемѣнивъ сгоряча направленіе, я и думать забыла объ этомъ обстоятельстве.

Въ Арзамасѣ на базарѣ—(мы ѣхали мимо) мой возница надоумилъ меня купить пару теплыхъ чулокъ, которые я и падѣла поверхъ туфель.

— Какъ же это я надѣну теперь насквозь промокія калоши? Ихъ даже вытереть нечѣмъ!

— Тетки, нѣтъ-ли у кого лишней пары лаптей? Обратилась я къ своимъ сосѣдкамъ.—Я хорошо заплачу!

Увы! моей благодѣтельница не было,—и никто не захотѣлъ позаботиться обо мнѣ! Кругомъ виднѣлись все новыя, чужія лица; тутъ все такъ скоро мѣняется, точно въ калейдоскопѣ,—я одна такъ долго засидѣлась.

— Нѣту, милая! Мы, вишь, не на базаръ люда шли! Резанно отвѣтилъ чей-то голосъ послѣ паузы.

Я молча улыбнулась.—У нея есть юморъ, у бабенки!

Но почему мнѣ все это такъ безразлично? Точно дѣло идетъ о комъ-нибудь другомъ, а не о моей драгоценной особѣ.

Мысли мои ясны, но сама я точно оцѣпенѣла—нравственно...

— Гмъ! Чтожь дѣлать—отправлюсь безъ калошъ! По приѣздѣ пустимъ въ ходъ «сильно-дѣйствующія» средства...

— А интересно знать, что у меня разыграется: тифъ, горячка, воспаленіе легкихъ?

И снова я не ощутила никакого безпокойства, точно каменная! Ужъ теперь, кажется, я ничего не могу интенсивно почувствовать,—все точно скользитъ по мнѣ, не проникая глубже... Ужасно странно!

— Ужъ не простуда ли это начинается? Что-то слишкомъ скоро!

Но даже и на этомъ животрепещущемъ вопросѣ мнѣ не захотѣлось остановиться... *Ни о чемъ* думать не хочется!

Я одѣлась.

Теперь надо было сходить въ часовню за св. водой; тамъ я оставила 3 бутылки съ выведенной на стеклѣ надписью: «Вода

изъ источника св. Серафима Саровскаго». Ихъ продають не-
подалеку.

Монахи вручили мнѣ мои бутылочки, тяжелыя— претяжелыя,
точно ~~каменные~~—и ледяныя. Пока я была въ недоумѣніи, ка-
кимъ образомъ я донесу, ихъ взглядъ мой упалъ на пару
холщевыхъ полотенецъ, висѣвшихъ у ящика со свѣчами.

Внезапно мнѣ пришла мысль...

— Отче, можете вы мнѣ продать одно полотенце? Обрати-
лась я къ монаху.

— Тебѣ зачѣмъ?

Я наскоро передала инцидентъ съ калошами и свое затру-
дненіе.

Старикъ добродушно усмѣхнулся.

— Ишь, маловѣрная! Ну, да уже продамъ! Двугривенный
дашь, и ладно!

— Замотай ноги-то, по нашему, по крестьянски, — да въ ка-
лоши.

— Сама-то ты откуда будешь?

— Изъ Петербурга!

— Ишь, кака графиня Питерска поѣдешь! Шутить онъ,
разрывая пополамъ старыми, тупыми ножницами мое полотенце.

Но вы представляете мой ужасъ, когда, заглянувъ въ мой
кожаный сакъ, съ цѣлюю достать оттуда денегъ, я убѣдилась,
что въ немъ нѣтъ портмонэ. Тамъ было 60 руб., да еще зо-
лотой медальонъ... Конечно, маленькое, изящное—красное порт-
монэ очень легко могло выпасть изъ мѣшечка, который посто-
янно открывался...

Вскрикнувъ отъ ужаса, я бросилась бѣжать назадъ.

— Что съ тобой! Аль потеряла что? Удивились монахи.

— Деньги! На ходу бросила я,—и стремглавъ прибѣжавъ въ
купальню, стала проталкиваться къ своему мѣсту въ уголкѣ.

Но напрасны были мои поиски... Ни слѣда, ни воспоминанія...
На мои вопросы послѣдовалъ также лишь отрицательный от-
вѣтъ, нѣтъ, никто не видалъ, никто не нашелъ!

Что же теперь дѣлать? Вѣдь это ужасно! Такъ ужасно, что
трудно повѣрить въ несчастье; хочется, чтобъ его не было,—
пусть бы это оказалось тяжелымъ сномъ... Въ душу мнѣ за-
ползло отчаяніе... Я почувствовала что странное оцѣпененіе
начинаетъ проходить, слишкомъ рѣзко даетъ себя знать дѣйстви-
тельность, внезапно ставшая передъ глазами — грозная,

непріятная. Какъ выѣхать отсюда? Вездѣ надо платить: за гостиницу,—возницѣ (цѣлыхъ 12 р. ему)! Хоть-бы до Нижняго добраться!

— Боже мой! Что же мнѣ дѣлать?! повторила я мысленно, готовая заплакать и по привычкѣ «сама», нечаянно, сказалась фразой: Господи! За что Ты наказалъ меня!

Но тутъ вдругъ снова отозвался внутренней голосъ.

— За то, что пришла въ это святое мѣсто безъ смиренія, безъ вѣры, безъ молитвы... И купалась почти съ вызовомъ... За черствое твое сердце...

И я почувствовала справедливость этого упрека. Я дѣйствительно *одна* была здѣсь чужой, постороннимъ элементомъ: средивсѣхъ этихъ вѣрующихъ горячо, искренно вѣрующихъ я *одна* не помолилась въ часовнѣ, не захотѣла напиться св. водицы... Всѣ шли отважно, радостно, рисковали жизнью «въ Богѣ»,—а я вотъ до сихъ поръ, какъ деревянная... Только сейчасъ, когда меня пришибло, точно обухомъ по головѣ, я что-то такое начинаю ощущать, я сознаю свою вину и готова покаяться.

Кто мнѣ поможетъ, кромѣ Бгца? Ужъ теперь поневолѣ къ Нему обратишься, какъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, если неоткуда ждать спасенія!

— Господи! Прости меня, грѣшную, дерзкую. Ты, Угодникъ Божій, присутствующій здѣсь невидимо, услыши меня, укрѣпи мою вѣру пошли мнѣ Твою благодать!

Кругомъ тѣснился народъ. Меня оттерли къ двери; но и оттуда я постаралась бросить взглядъ на икону пр. Серафима, такую простую, обыкновенную, скромную,—которая однако даетъ водѣ чудодѣйственную силу... Незамѣтно, подъ пелериной, я перекрестилась...

— Боже! Еслибъ нашлось! Это было бы не только хорошо—въ смыслѣ пользы,—но *прекрасно* для души! Значитъ можно вѣрить въ силу молитвы,—значитъ правда,—она можетъ быть услышана! Вотъ я убѣждена: если только пр. Серафимъ захочетъ услышать меня, и деньги найдутся, и я не заболѣю послѣ ледяного купанья,—одно ужъ къ одному!

И уже идя къ часовнѣ, я еще разъ потихоньку перекрестилась про себя.

Вы ставите себя въ мое положеніе, не правда ли, мой дружокъ? Ну, слушайте дальше.

Едва я сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ меня окликнула старуха — крестьянка, сидѣвшая у купальни на скамеечкѣ.

— Барыня! Не ты ли обронила? Сказываютъ, ты деньги искала?

Она издали показывала мнѣ зажатое въ кулакъ что-то кра-сенькое...

Я боялась повѣрить себѣ... Да, это оно, мое портмонэ!...

Все цѣло!..

— Пусть это будетъ «случайность»,—дорогая моя,—но вы должны согласиться,—она была слишкомъ кстати... И мнѣ было слишкомъ отраднo повѣрить внутреннему убѣжденію, что по вѣрѣ моей послалось мнѣ. Мою робкую, пугливую, неувѣренную, но искреннюю молитву услышалъ святой старецъ и исполнилъ ее,—чтобы утвердить меня въ вѣрѣ. Теперь я останусь жива и здорова,—и кто знаетъ?—можетъ быть и жизнь моя измѣнится къ лучшему!

— Какъ хорошо, какъ радостно, какъ сладко на душѣ. Слава Тебѣ, Господи! Спасибо Тебѣ, добрый Батюшка Серафимъ!..

Глава VII.

Скептики увѣряютъ, что чудо совершается благодаря нервному подъему, который и вызываетъ спасительную реакцію.

— Какъ часто на сценѣ,—въ бальномъ платьѣ,—декольте!—вы все же не простуживаетесь! какъ бы ни было холодно! Оттого, что вы возбуждены, оживлены въ данный моментъ!—Прибавьте къ этому, что холодный душъ освѣжаетъ, дѣлаетъ встряску организму; вотъ вамъ и причина веселаго, бодрого настроенья послѣ купанья...

Вотъ что мнѣ говорили впоследствии, стараясь поколебать мою вѣру въ случившееся.

Но для того-то я такъ подробно и описала все бывшее со мной въ Саровѣ, до мелочей, до пережитыхъ мной минутныхъ настроеній, мимолетныхъ мыслей и чувствъ. Изъ всего этого думаю, что о спасительномъ подъемѣ духа (къ стыду моему!) не могло быть и рѣчи. Въ томъ-то и дѣло, что я шла не въ экстазѣ, готовая на рискъ, «въ Богѣ» и для Бога,—т. е. представляя себя—съ одной стороны—всецѣло волѣ Божіей,—была бы увѣрена тѣмъ не менѣе, что этотъ рискъ мнѣ можетъ принести только спасеніе, пользу счастье). Нѣтъ ничего подобнато

со мной не было. Примѣръ былъ на лицо: окружавшія меня простолюдинки. Вотъ эти вѣрили,—онѣ безъ колебанія, радостно затрачивали душу и получали благодать—въ зависимости отъ своего розмаха. А я все торговалась, боролась съ собой, хоть и бессознательно,—и брела ощупью, точно меня на веревочкѣ тащили...

Когда же я собралась, наконецъ, съ духомъ,—то не «съ легкимъ сердцемъ», а съ отчаянностью,—съ бравадой въ душѣ:

— Э! будь, что будетъ! Жизнь не сладка хотѣтъ ее нечего! Рѣшила я, махнувъ рукой.

Такъ робкій солдатъ идетъ впервые въ бой, подъ пули,—испробовавъ всѣ средства не идти. Другого выхода нѣтъ: скверно и тутъ и тамъ; э! пойду! И зажмурившись, почти съ озлобленіемъ—онѣ идетъ и стрѣляетъ... Это ли герой? Въ душѣ у него пусто, безотрадно: ни воодушевленія тутъ, ни сознанія своего долга,—ни увѣренности въ побѣдѣ... Надежды нѣтъ ни на что, да и желанія нѣтъ. Это—нравственное оконченіе, нирвана...

И мнѣ понятно, что я послѣ купанья не встряхнулась, не подбодрилась—никакихъ крыльевъ не выросло. Краски вокругъ не стали ярче; все осталось попрежнему...

На все это мнѣ возражали: не простудились вы потому, что послѣ холоднаго душа вамъ удалось согрѣться быстрой ходьбой.

Но это не правда. Послушайте, что я вамъ расскажу.

Чего добраго—вы посмѣетесь. Пусть; но всетаки вы должны будете согласиться со мной.

Право, можно подумать, что судьба нарочно поставила меня въ самое невыгодное положеніе, чтобы опровергнуть потомъ всѣ доводы скептиковъ.

Могла ли я согрѣться, когда ноги мои успѣли промокнуть отъ калошъ, а пелерину мнѣ все не удавалось запахнуть, благодаря тому, что я была навьючена, какъ мулъ?

Мнѣ до сихъ поръ смѣшно вспоминать этотъ обратный путь... Но тогда... О! тогда были моменты, что я готова была бросить все «на полъ», сѣсть рядомъ и заплакать слезами без- сильной ярости...

Судите сами.

Въра и Церковь. Кн. X.

Подъ мышкой я несла 2 образка, купленныхъ въ часовнѣ, три бутылки съ водой, да двѣ книжки. На рукахъ у меня былъ корсетъ и зонтикъ, и кромѣ того шлейфъ платья,—такъ какъ пажъ гдѣ-то затерялся въ дорогѣ.

На мое несчастье вѣтеръ дулъ прямо нѣ лицо; шляпа скривилась на бокъ, волосы растрепались и длинными прядями лѣзли мнѣ въ глаза.—Извольте-ка въ этихъ условіяхъ пройти почти 3 версты! Порой я останавливалась, чтобы перевести духъ, разгружала свой багажъ на возвышенномъ песчаномъ берегу источника—съ края дороги,—уговаривая себя быть кроткой.

Вотъ когда понадобился весь запасъ моего терпѣнія, — не слишкомъ-то значительный, къ слову сказать...

Главное препятствіе было въ пелеринѣ: застегнутая только у ворота, она надувалась, какъ парусъ... Напрасно я напрягала всю мою догадливость, какъ бы это устроиться поудобнѣе... Увы! два—три шага, и все по старому! Бутылки—помимо того, что онѣ оттягиваютъ и леденятъ мнѣ руку, имѣютъ [еще одно большое, присущее имъ неудобство: онѣ круглы! И вотъ онѣ катаются по согнутой рукѣ и хотятъ упасть; платье выскользаетъ и путается, шляпа съѣзжаетъ на бокъ; пряди волосъ если не залѣзаютъ въ глаза или въ ротъ, то все время «ласкаютъ» лицо, а вѣтеръ, точно насмѣхаясь, надуваетъ полы пелерины: точно онъ собирается сбить меня съ ногъ, или по меньшей мѣрѣ —заставить повернуть ему тылъ... Господи! да будетъ ли конецъ мученью?.. И какъ на зло, никто изъ возвращавшихся одновременно со мной отъ источника не хотѣлъ помочь мнѣ, даже за плату донести до гостинницы мое богатство.

— И радъ бы, барыня, да мнѣ, вишь, не совѣмъ по дорогѣ; крюкъ будетъ, ежели къ странной-то идти мимо гостинницы, сказалъ мнѣ одинъ мужичекъ, къ которому я обратилась было съ своей просьбой.

Руки и ноги мои были холодны, какъ ледъ; въ горлѣ пересохло, и коломъ стоялъ какой-то кусокъ; грудь порывисто дышала и сипѣла, когда я, наконецъ, поровнялась съ подъѣздомъ монастырской гостинницы.

Должно быть, у меня видъ былъ хорошъ,—если мальчикъ Егорушка, стоявшій на крыльцѣ, воззрися на меня своими большими, круглыми отъ удивленія; глазами... Но въ этотъ моментъ

мнѣ было все равно; хотя бы за нимъ стоялъ миллионъ народа, я бы не оглянулась, не остановилась, чтобы привести себя въ порядокъ..

Сваливъ ему на руки свой багажъ, въ томъ числѣ и надобную шляпу, я бѣгомъ побѣжала по лѣстницѣ...

— Скорѣе, скорѣй въ постель, отлежаться, согрѣться, отдохнуть, прійти въ себя!

Охъ, тяжсла ты, шапка Мономаха!..

Черезъ часъ, напившись чаю, я усаживалась въ свой экипажъ, торопясь засвѣтло доѣхать до Дивѣва.

Глава VIII.

Вечеръ оказался сырымъ и холоднымъ, и мнѣ пришлось, чтобы окончательно не замерзнуть, выходить по временамъ и бѣжать въ припрыжку за тарантасомъ... Впрочемъ, въ этомъ была своего рода пріятность. Дорога шла лѣсомъ, какъ разъ тамъ, гдѣ лошадямъ было трудно и онѣ плелись нога за ногу, я соскакивала и, отойдя нѣсколько въ сторону, находила тропинку...

Надо ли вамъ говорить, что о кокетствѣ я отложила попеченіе, и ноги мои остались закутанными въ бѣлыя тряпочки, сдѣланныя изъ завѣтнаго полотенца, купленнаго въ часовнѣ...

Мнѣ было бы трудно объяснить вамъ, почему на душѣ у меня становилось легче и веселѣе; но это было такъ.

— Гмъ! Думала я, пробираясь быстрымъ, увѣреннымъ шагомъ между пнями деревъ, какъ все странно и хорошо вышло!

Сначала пр. Серафимъ вошелъ подъ мой кровъ, и я обѣщала Ему чтить Его, если мнѣ будетъ легче... Теперь само собою все устроилось такъ, что я побывала у Него. Точно завѣтъ между нами...

— Ну, неужели же правда, что Онъ самъ замѣтилъ мою душу, и видя, какъ она томится, захотѣлъ спасти ее «улопить»? Ахъ, какъ бы хорошо, еслибъ я могла это знать навѣрное!

И сердце мое сладко замирало... Волна чего-то новаго, неизвѣданнаго прихлынула къ нему и захватила...

— Барыня! Садитесь пора. Теперь ужъ шибко поѣдемъ, сказалъ мнѣ мой возница. Потомъ ему захотѣлось вступить со мной въ разговоръ. Оказывается, что въ іюлѣ, въ самую пору торжествъ, онъ везъ на тройкѣ губернатора.

Наша коляска—четвертая была отъ Государевой, важно появилъ онъ...

Дѣйствительно, все напоминало собой недавнія событія. То и дѣло у вѣзда въ деревню красовались миниатюрныя ворота. «на манеръ» триумфальныхъ.

— Народъ ужъ больно радовался, повѣтствовалъ кучеръ, Все, что было въ избѣ, всякъ наружу все тащилъ: тканье, скатерти, ковры... Чтобы поприглядѣе, значить, было,—глазу царскому на чемъ отдохнуть...

Отчасти меня развлекала его болтовня, а отчасти онъ мѣшалъ.

Состояніе мое не было напряженнымъ:—думать мнѣ не хотѣлось; только время отъ времени я останавливалась на томъ или другомъ изъ пережитаго и мнѣ было пріятно отмѣтить, уловить то или другое ощущение.

Я чувствовала себя бодрой, свободной, помолодѣвшей, или нѣтъ, это не точно. Я чувствовала себя также, какъ тогда, когда была еще совсѣмъ маленькой, маленькой дѣвочкой: ни заботы, ни печали, все ясно, просто и такъ хорошо, какъ вотъ вѣроятно у тѣхъ моихъ сосѣдокъ,—бабъ что были со мной на источникѣ, и утверждади, что послѣ купанья точно вновь родилися.

— Да; но отчего же это со мной случилось не тогда, не сразу, а только теперь?

Въ сущности—это понятно: я пришла туда, къ мѣсту благодати, съ замкнутой душой,—я приготовилась глядѣть, наблюдать, отмѣчать; но сама еще не растрогалась, не смягчилась... И вотъ судьба (т. е. промыслъ Божій) заставила меня проснуться, прійти въ себя,—«попугавъ» меня пропажей кошелька...

Но стоило мнѣ помолиться, т. е. раскрыть свою душу для вѣры, отнесясь сознательно, съ должнымъ уваженіемъ къ мѣсту, къ факту—и благодать вошла въ нее (въ душу).

Это и сказывается теперь... И правда! Какъ я обновилась, возродилась,—точно и не я жила моею жизнью, страдала...

— Слѣзайте-ка, барыня—побѣгайте малость! Пески опять пошли,—а сбоку-то рощица, вамъ вальяжно пробѣжаться... Сказалъ мой кучеръ...

Это было, какъ разъ, кстати. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ захотѣлось побѣжать,—запѣть, закричать чтонибудь громко и весело,—сорвать нѣсколько вѣтокъ съ деревьевъ...

Я какъ ребенокъ даже громко заговорила съ собой.

— Дивѣевскій монастырь всѣ хвалятъ—монахинь больше тысячи и все благочестивыя! И по духу своему, говорятъ, въ родѣ Батюшки Серафима. Но вѣдь иначе и быть не можетъ; онѣ подѣ Его покровительствомъ всегда были...

— Надо будетъ тамъ исповѣдываться и причаститься! Вдругъ рѣшила я и даже остановилась... Это будетъ кстати; я очистилась въ источникѣ—физически, ну, и нравственно—отчасти,—но это безсознательно! Теперь слѣдуетъ покаяться, сознательно очистить свою душу отъ всей этой грязи міра сего,—нужно слѣзть ей «праздникъ»! Тогда все будетъ въ порядкѣ;—такъ совершится «всякая правда», и я нравственно стану чистенькой, чистенькой!

И я снова побѣжала въ припрыжку...

Что касается монастыря—онѣ оказался такимъ, какимъ я и мечтала его найти...

На этотъ разъ все шло гладко, безъ разочарованій, которыя, пожалуй, произвели бы перѣворотъ въ душѣ.

Да, въ Дивѣевѣ были одни положительныя, смягчающія впечатлѣнія...

— Все мнѣ у васъ нравится! Сказала я матушкѣ гостинной (завѣдующей гостинницей); а вотъ только поютъ у васъ какъ,—хорошо? Пѣніе для меня много значить... Отъ этого зависитъ молитвенное настроеніе... Мы, міряне, если ужъ ѣдемъ сюда, такъ хотимъ за всѣ времена отмолиться!

Она улыбнулась.—Да ничего! Всѣ хвалятъ! Какъ Государю сюда пріѣхать,—къ намъ регента Синодальнаго хора прислали,—цѣлыхъ двѣ недѣли пробылъ,—подучилъ пѣть-то!

Она была права.

Здѣсь ужъ никто и ничто мнѣ не мѣшало, хотя публики было полнымъ полно. И однако же все шло тихо и чинно,—ни криковъ, ни бормотаній...

И вотъ я стою поодаль, предъ иконой Спаса Нерукотвореннаго...

Темный, скорбный—въ терновомъ вѣнцѣ ликъ Спасителя смотритъ на меня, какъ будто съ укоромъ... Онѣ глядитъ мнѣ въ душу и читаетъ въ ней...

Но я слишкомъ бодро и радостно настроена,—и не могу сосредоточиться на своей грѣховности...

По ассоціаціи идей я начинаю представлять себѣ, какое выраженіе лица у Иисуса Христа больше всѣхъ меня привлекаетъ, удовлетворять.

Знаете, что,—по моему,—главнымъ образомъ сквозить въ Его взорѣ?

— Une douce résignation,—кроткая примиренность.

Это то, что съ одной стороны даетъ горечь,—безконечная горечь *человѣка*, отдающаго душу, «хлѣбъ жизни»,—и взаменъ получающаго камень,—человѣка, заранѣе увѣреннаго въ томъ, что его не оцѣнятъ, и все таки желающаго пожертвовать собой. (Ибо тутъ на землѣ—все на мигъ, большинство живетъ моментомъ, а радость и благодарность—самыя непрочныя, легко испаряющіяся чувства!).

Но это не все.

Эта горечь *человѣка* покрывается съ другой стороны—все прощениемъ, кроткой примиренностью «божественности».

Что можетъ быть таинственнѣе, святѣе этой двойственности въ Иисусѣ Христѣ,—этого сліянія *человѣка* съ *Богомъ*?

Жить на землѣ и никогда не жить *для себя*; вѣчно быть на готовѣ людской неблагодарности,—въ ожиданіи мучительной крестной смерти,—вотъ именно *вольной*—т. е. *желанной*!

Чувствовать себя вѣчно одинокимъ и почти всегда—непонятымъ! Потому что даже ученики, признававшіе Его Сыномъ Божіимъ,—слышавшіе Его ученіе лично изъ Его устъ, служившіе звеномъ соединенія между Нимъ и міромъ—и тѣ (Онъ зналъ это!)—оставяютъ Его въ самый тяжкій моментъ, когда нужнѣе всего поддержка, ласка близкаго человѣка... И Онъ понялъ, Онъ пережилъ, перечувствовалъ всю эту *безнадежность одинокаго* отчаянія, если Онъ сказалъ отцу:

— Душа Моя скорбитъ *смертельно*!

Это было страданіе, превосходящее мѣру скорби человѣческой, которую только можетъ вмѣстить сердце...

Вотъ эта-то печаль необходима во взорѣ Христа... Это фонъ. Но Онъ былъ не только *человѣкъ*, Онъ былъ *Богъ*. И Богъ *прощаль*, заранѣе разрѣшалъ намъ наше грѣховное невѣріе,—и, такъ сказать—толстокожесть, нравственную слѣпоту и дурныя инстинкты, неразрывныя съ нашей испорченной грѣховной

природой. И Онъ снисходилъ, *понималъ* все, и вотъ печаль Его смягчается улыбкой...

Задача искупленія, задача Христа, думается мнѣ, была бы *неисполнима* физически (т. е. Онъ отказался бы отъ *вольной* жертвы), — еслибы все время не удерживала равновѣсія Его божественность. Она, — съ одной стороны, отравляя всевидящее сердце Его горечью *непризнанія*, людского коварства, неблагодарности, — съ другой стороны поднимала въ Немъ духъ высотой жертвы. Она-то, смягчая Его грустный взоръ улыбкой доброты, любви, всепрощенія, безъ тѣни насмѣшки или сознанія собственного превосходства, давала Ему то выраженіе, предъ которымъ не могъ устоять *никто!*

Блудница, встрѣтившая улыбкой огненный взоръ Предтечи, — полный обличительнаго негодованія, — гнѣва, возмущенія, — падаетъ во прахъ предъ кротостью Христа...

И какъ это понятно! Психологически вѣрно!

Первый обличитель, — бичевалъ взглядомъ; онъ *наступалъ* и вызывалъ инстинктивный отпоръ, протестъ, — желаніе защититься, отпарировать нападеніе. Коса находила на камень. Но что вы противопоставите кротости и всепрощенію, имѣющему въ основѣ сожалѣніе, желаніе отдать Себя въ жертву и за вашу погибающую душу, на которую падалъ этотъ взоръ въ данный моментъ?

Тутъ не «натискъ» въ вашу сторону, — а *противоположеное* этому: вы чувствуете, что вы переступили черезъ что-то, и обидѣли — смертельно! вотъ эту скорбную душу, готовую вамъ простить это и отдать себя за ваше спасеніе... И стыдъ, и раскаяніе, и безграничное сожалѣніе вихремъ пронесется у васъ въ душѣ, — сердце ваше дрогнетъ, смягчится, «разоружится», — устремляясь во прахъ передъ этимъ святымъ превосходствомъ, полнымъ безмѣрнаго милосердія...

Знаете, какой моментъ я выбрала бы для картины? Христа — Младенца въ терновомъ вѣнцѣ, — по сюжету чуднаго стихотворенія съ англійскаго:

Былъ у Христа-Младенца садъ,

И много розъ взрастилъ Онъ въ немъ. (Какъ это просто и красиво)!

Онъ каждый день ихъ поливалъ,

Чтобъ сплестъ вѣнокъ Себѣ потомъ. И дальше:

Когда же розы разцвѣли, Дѣтей еврейскихъ позвалъ Онъ.

' Они сорвали по цвѣтку,
И садъ былъ вмигъ опустошень.

Вы представляете себѣ шумливую ватагу еврейскихъ ребятишекъ, распущенныхъ, дикихъ, безусловно-страстныхъ, которымъ позволено распоряжаться въ чужомъ саду? Какъ жадно они набросились на чудные цвѣты, любовно взлелѣянные кроткимъ хозяиномъ! И вы думаете—они цѣнять 'Его даръ'? Нисколько! Вѣдь они объ этомъ не просили, добро само имъ досталось! Вольно жъ Ему было отдавать свое любимое,—то, что Онъ берегъ, чѣмъ дорожилъ! Дикая ватага маленькихъ варваровъ набросилась на добычу, опустошила садъ, перемявъ, перепортивъ цвѣтники, и наконецъ опомнилась. Съ жестокостью молодого эгоизма они обращаются къ хозяину:

— Какъ Ты сплетишь Себѣ вѣнокъ?

Въ Твоемъ саду нѣтъ больше розъ!

Вотъ когда,—миѣ думается, въ *первый* разъ появилось у Христа выраженіе, о которомъ я говорила. Вначалѣ я рисую себѣ Его горестное недоумѣніе, даже смятеніе на мигъ, при видѣ опустошенныхъ клумбъ съ любимыми цвѣтками, грубо сорванными руками шалуновъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого. Но вслѣдъ за тѣмъ Онъ *понялъ* человѣческую природу—и *простилъ*. О, отнынѣ Ему часто придется сталкиваться съ людской неблагодарностью! Люди наступятъ и растопчутъ самое святое, въ моментъ безумія, ослѣпленія или гнѣва!

Но не потому ли Онъ и пришелъ спасти ихъ?! Въ этомъ-то и состоитъ Его задача!

И Онъ великодушно идетъ на встрѣчу,— Онъ хочетъ смягчить ихъ сердца, разоружить слѣпую жестокость...

Теперь взоръ Его исполненъ и снисхожденія, и экстаза...

И отвѣтъ Его звучитъ и кротко и трогательно, такъ кротко и трогательно, что только каменное сердце не дрогнетъ, не смягчится...

Вы позабыли, что шипы.

Остались миѣ, сказалъ Христось..

Но шалуны видятъ въ этомъ лишь новую забаву.. Имъ интересно, что это будетъ? Шутить Онъ или нѣтъ?

И изъ шиповъ они сплели,

Вѣнокъ терновый для Него;

И капли крови, вмѣсто розъ,

Чело украсили Его...

И впоследствии на Него возложенъ былъ другой терновый вѣнецъ, на этотъ разъ не вмѣсто цвѣтовъ, а вмѣсто короны... И снова капельки святой крови стекали съ короткаго чела,—а взоръ былъ такъ грустенъ!..

Увы! Не въ одной только дѣтской душѣ кроются инстинкты жестокости, звѣрства...

Уже послѣ мучительной смерти Спасителя, послѣ того, какъ крестъ восторжествовалъ, не приговождаемъ ли мы Его снова, не распинаемъ ли ежечасно, ежеминутно нашими «страстями» похотями)? Такъ вѣруеть церковь.—Тѣ — тогда — были хоть дикими, необузданными слѣпцами, а мы — разумные, культурные люди — признавшіе Его ученіе, оцѣнившіе Его свѣтлую личность,—мы христіане, исповѣдывающіе Его своимъ Спасителемъ Богомъ, грѣшимъ, грѣшимъ, *сознательно*, не желая слѣдовать Его примѣру отрицая его зачастую), отдаемся во власть мрачной силѣ тьмы — то гордой, злой, то скотской, чувственной...

— Огреченіе, жертва, безпримѣрная кротость и любовь къ ближнему, вотъ что заповѣдалъ намъ Спаситель. Онъ страдалъ всю жизнь,—сердце Его было отравлено вотъ этой горечью разочарованія сожалѣнія за весь родъ людской, не желающей принять Его спасительную жертву,—а мы какъ живемъ? Гдѣ любовь наша къ ближнему? Только и заботы, что о собственномъ счастьѣ, о земныхъ благахъ, и чуть что не по насъ,—сейчасъ и роптать: за что я страдаю, что я такого сдѣлалъ?!

А тѣмъ временемъ сколько вреда другимъ дѣлается нами.

Сколько разъ я произносила эту фразу,—я, такая грѣшная, сдѣлавшая столько зла даже своимъ близкимъ, любимымъ!.. А ликъ Христа все продолжалъ смотрѣть скорбно и укоризненно, и взоръ Его попрежнему читалъ въ моей душѣ...

Я опустила на колѣна... Господи! Ты—Единый безгрѣшный у Котораго нашлось милости для мытаря, разбойника, блудницы, Не осуди и меня, стоящую здѣсь предъ лицомъ Твоимъ,—съ раскрытой душой, такой бурной, мятежной, страждущей!..

Грѣхъ мой предо Мною и тяготитъ меня. Но я вижу и кровь Твою, проливаемую во оставленіе грѣховъ... Великая тайна искупленія совершилась — и неужели Ты исключишь меня изъ числа искупленныхъ Тобою? Прости и меня. Отпусти мои тяжкія вины! Избавь меня отъ той страшной тоски, отъ которой погибнетъ душа моя, если Ты не придешь ко мнѣ! Измучилось сердце мое, ноетъ оно не о суетныхъ желаніяхъ за погубленію

душу мою, которая была во власти зла... Когда-то и Ты скорбѣлъ «*смертельно*»,—пожалѣй меня! Для моихъ человѣческихъ силъ это было почти чрезмѣрно... Очисти же меня, дай мнѣ душу *живу* обновленную, ясную, любящую Тебя, и Твои завѣты, взамѣнъ моей мятежной, трепетной, суетной! Ты—Едине чистый, спаси, помилуй,—не оставь меня погибнуть во грѣхахъ моихъ!..

Вотъ, приблизительно, слова молитвы, которая сложилась у меня въ душѣ у образа Спаса Нерукотвореннаго...

Глава IX.

Если вы хотите исповѣдываться—батюшка вонъ тамъ, направо, сказала мнѣ одна изъ молодыхъ монахинь, когда я поднялась. И я пошла туда,—гдѣ въ эпитрахили стоялъ батюшка у аналоя съ крестомъ и евангеліемъ...

Вскорѣ я вернулась на свое мѣсто у иконы, къ которой почувствовала вдругъ что-то теплое, родственное въ душѣ. Она мнѣ стала дорога... Здѣсь начался актъ обновленія; тамъ, направо—онъ только былъ освященъ, оформленъ... Настроение мое перемѣнилось.

Это было тихое полное достоинства спокойствіе человѣка, почувствовавшаго подъ собой твердую почву,—на основаніи полной нравственной реабилитаціи... Волненіе, слезы восторга, умиленіе—все вдругъ улеглось, и уступило мѣсто глубокому внутреннему удовлетворенію,—благодаря сознанию—вѣрнѣе—*ощущенію* исполненнаго долга, или не такъ, лучше, не мной исполненнаго долга, а надо мной, во мнѣ кѣмъ-то другимъ властнымъ, всемогущимъ совершеннаго, какъ бы вамъ сказать, возрожденія, обновленія.

Вы чувствовали себя лишеннымъ своихъ человѣческихъ правъ на радости жизни,—лишеннымъ *справедливо*, въ силу того, что перешли законность, нарушили равновѣсіе вещей,—и это повлекло за собой кару,—возмездіе, выразившееся въ нарушеніи вашего собственнаго равновѣсія—нравственнаго. Теперь совершился актъ *примиренія*, и благодатно было это состояніе обновленности!

Я боялась еще сказать себѣ утвердительно: Да, примиреніе совершилось, (долго ли снова согрѣшить!); но на душѣ было

легко, хорошо—не бурно хорошо, не весело—а какъ-то *честно*, спокойно, увѣренно—хорошо...

И точно, какъ-бы въ откликъ на мое *настроение*, раздались начальныя слова такъ мной любимаго шестопсалмія, заключающаго въ себѣ цѣлый, полный циклъ душевныхъ движеній кающагося грѣшника...

И снова въ воображеніи воскресло милое время гимназичества—съ его иллюзіями, порывами, наивной экзальтаціей..! Но тогда всѣ эти мудрыя и звучныя слова шестопсалмія запомнились больше бессознательно,—именно за то, что красивы и легко укладываются въ памяти. Теперь (вѣдь я и теперь помню завѣтное шестопсалміе наизусть), теперь я, умудренная опытомъ (а сколько это мнѣ стоитъ,—какъ много бороздокъ въ сердцѣ отъ частыхъ пораненій!)—умѣю, если не умомъ понять, то сердцемъ почувствовать *смысль* пѣсенъ великаго Давида... Теперь его примѣръ мнѣ говоритъ многое.

— Не надо отчаиваться,—какъ бы великъ ни былъ грѣхъ, —милость Господня все превозможетъ, душа очищается въ горнилѣ страданія... закаляется...

Въ томъ и состоитъ совершенствованіе, что человѣкъ падаетъ и снова стремится воспрянуть духомъ, который безсмертенъ и могучъ... А Господь любить того, кого посѣщаетъ испытаніями... Въ горѣ душа наша ближе къ Богу; Онъ ей доступенѣе, понятнѣе...

Знакомыя фразы громко, четко раздаются подъ сводами большого бѣлаго храма.

Вотъ и пятый псаломъ: «Благослови душе моя Господа»... Какъ ни трудно кажется его начало, а я никогда не ошибусь. Только стоитъ вдуматься въ смыслъ: *очищающаго вся беззаконія твоя*,—это главное,—а тамъ и пойдетъ: *исцѣляющаго вся недуги твоя*... и т. д. и т. д.—и наконецъ: *вѣнчающаго тя милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желаніе твое: обновится, яко орля, юность твоя*...

Вотъ именно, такъ говорила я себѣ въ душѣ. Вотъ что, можетъ быть, и будетъ: могу *обновиться* совершенно, стать крѣпкой, полной силъ, надеждъ... и счастье еще, можетъ быть, ждетъ меня!.. Только бы жить въ страхѣ Божиємъ, исполнять—по возможности—завѣты Его! .

А вотъ и мой особенной еердцу милый шестой псаломъ,—такой грустный вначалѣ,—болѣе спокойный въ срединѣ,—когда въ

сердцѣ грѣшника вспыхиваютъ надежда на милость Божію,—и совсѣмъ увѣренный, звучный и красивый, какъ заключительный аккордъ богатой фуги—въ концѣ:

— *Имене Твоего ради, Господи, живиши мя, правдою Твоею изведеши изъ печали душу мою, и милостію Твоею потребиши (истребиши) враги моя и погубиши вся стужающія души моей, яко азъ рабъ Твой есмь.*

Не правда-ли, какъ это несомнѣнно истинно, какъ глубоко вѣрно! И въ тоже время какъ до художественности прекрасно! Нѣтъ, чтобы ни говорили, а красивъ нашъ славянскій языкъ! Нужно только вслушаться, ухомъ уловить музыку словъ его. И какъ онъ, именно онъ (а не русскій—слишкомъ такъ сказать, обмірщенный, вульгарный) согласуется съ этими святыми истинами нашей православной вѣры! Какъ я счастлива, что я именно православная, русская, что я могу наслаждаться всѣмъ этимъ!..

Съ полнымъ убѣжденіемъ, сознательно, искренно говорю это! И никто и ничто не заставитъ меня измѣнить ему, этому моему родному въ церкви нашей хранимому православію.

Не думайте, что я это сторяча!.. Нѣтъ, я имѣю маленькое право сказать, что смыслю кой что въ этомъ дѣлѣ,—j'en sais quelque chose...

Слушайте только!—У мачехи былъ племянникъ,—«клерикъ», т. е. воспитанникъ духовной семинаріи. Мечтательный юноша увѣрялъ, что ушелъ «изъ міра» отъ безнадежной любви ко мнѣ;—вы разсмѣтесь, если узнаете, что я имѣла несчастіе произвести на него впечатлѣніе съ первой же встрѣчи, когда мнѣ было... 10 лѣтъ, а ему—12. Почему то вся эта исторія мало меня трогала;—я не препятствовала ему спастись своєю душою... Скоро мы потеряли другъ друга изъ виду. Я вышла замужъ... И вдругъ, —однажды—помню какъ сейчасъ — это было на Пасху—мнѣ подали визитную карточку... Это Карлъ явился съ визитомъ—уже «ксендозомъ». Братья страшно обрадовались,—его приняли.—и съ тѣхъ поръ онъ у насъ сталъ частымъ гостемъ

Къ слову сказать, я не пожалѣла о томъ, что не осчастливила его своей рукой: онъ мало выросъ и подурнѣлъ, но сердцемъ. остался вѣренъ мнѣ и прежнимъ идеаламъ.

Почему-то съ нимъ мы вѣчно вели религіозные споры. Братья (главнымъ образомъ—старшій) были освѣдомлены чуть ли не больше меня, но и я не отставала!

— Различіе, различіе... Въ чемъ оно? *Filioque*—исхожденіе св. Духа... Отчего вы не придерживаетесь постановленія вселеннаго собора? Не «отъ Отца и Сына исходящаго»—а только отъ Отца! Потомъ безбрачіе духовенства? Но вѣдь папа Григорій VII имѣлъ въ виду исключительно политическія цѣли,—независимость отъ свѣтской власти... Что касается «непогрѣшимости папы»—то всякій знаетъ, что разъ онъ одинъ, то можетъ ошибиться скорѣе, чѣмъ *собраніе* нѣсколькихъ чловѣкъ...—Вѣдь говорится: *errare humanum est!* Это добавляетъ четвероклассникъ,—младшій братъ... Я считаю долгомъ присоединить и свой голосъ, причѣмъ стараюсь говорить погромче и быстрѣе... Вся суть въ томъ, что моя рѣчь отличается больше горячностью и убѣжденностью—въ ущербъ логичности... Я это знаю, — но «дерзаю»! Все же оно пріятно—покричать и душу отвести!

— Нѣтъ, а индульгенціи,—кричу я и машу руками, видя, что онъ собирается возразить.—Поищи-ка въ своей книгѣ объясненіе этой ловкой комбинаціи,—а я не соглашусь!—А инквизиція, а иезуитство?—«Цѣль оправдываетъ средство»,—да вѣдь это чудовищно! Я сразу выпускаю цѣлый фейерверкъ и довольна.

Карлъ отвѣчалъ уклончиво и политично,—перекричать насъ троихъ ему все равно не удалось-бы! Иногда мы приходили къ соглашенію, но не безъ ограниченій.—Зато у насъ *это* лучше!

— Пусть у васъ исповѣдь серьезнѣе, сложнѣе, что-ли,—а я вотъ что скажу, говорить братъ—это имѣетъ свою дурную сторону; если ужъ особенно приставать съ вопросами, углубляясь въ дебри психологіи и всякой такой тонкой матеріи,—чего добраго—физиологіи—такъ вѣдь можно изъ Харибды въ Сциллу попасть: только *наведешь* на грѣхъ, о которомъ кающийся и понятія—чего добраго—не имѣетъ!

— Да, да, это было, Маня говорила. Вмѣшиваюсь я,—и разбиваю Карла «на голову». Его 17-лѣтняя двоюродная сеестра въ самомъ дѣлѣ рассказывала мнѣ о своемъ смущеніи по поводу «цѣлой кучи» вопросовъ—непонятныхъ и «стыдныхъ», предложенныхъ ей на исповѣди красивымъ викаріемъ.

Не думайте однако, что мы—прямолинейны. Нисколько! Мы любимъ иногда заходить въ костель,—послушать пѣніе или музыку,—и молимся тамъ... Богъ вѣдь одинъ! Какъ-то лѣтомъ намъ пришлось жить въ деревнѣ на дачѣ. Единственная русская церковка ремонтировалась,—и отецъ разрѣшалъ намъ каждый праздникъ посѣщать костель. И странно! Кажется—я ли не люблю музыки,—а все же возвращаюсь я каждый разъ еще болѣе «православной»,—такъ сказать,—убѣжденной въ *нашемъ* превосходствѣ...

— Помилуй! А наши храмы—говорили мы Карлу въ другой разъ. Можно ли ихъ сравнить съ вашими костелами? Мрачно, уныло—чуть не страшно! Вашъ Богъ—грозный, карающій—точно у евреевъ Іегова, говорившій съ ними, подъ раскаты грома и блескъ молніи... Вдобавокъ—изволь съ Нимъ объясняться на непонятномъ языкѣ!—Какъ-то ужъ слишкомъ торжественно, не естественно себя чувствуешь, даже и если знаешь языкъ... А каково простому классу—неграмотнымъ? Вотъ это-то желаніе осгаться авгурами,—быть однимъ на высотѣ—какъ посредникамъ между людьми и Богомъ,—оно-то и несимпатично и предосудительно...

Съ тонкой улыбкой (іезуитской!) — прорвалась какъ-то я Карлъ начиналъ оспаривать насъ, приводя различные аргументы...; даже легенда «о великомъ инквизиторѣ» фигурировала здѣсь.— Это—геніальная вещь, но гдѣ въ основѣ ложь, тамъ уже нагрузка! Ложь есть орудіе антихриста, діавола, «отца (лжи—человѣкоубійцы)»,—а не кроткаго Христа... Ораторствовалъ Вячеславъ...

Споръ разростался и принималъ грандіозные размѣры.

Часто Карлъ уходилъ, не прощаясь...

Сейчасъ я чувствую себя легко и свободно... Мысли и воспоминанія само собою всплываютъ, проносятся,—часто отрывочныя, безсвязныя... Я думаю *душой*—безъ всякаго усилія съ моей стороны,—разсудокъ примирень, убѣжденъ и не пытается придиратся, критиковать, — «мѣшать» мнѣ, моему настроенію—примиренности съ Богомъ... Это уже небезотчетная радость—дѣтская—отъ благодатнаго мѣста... Нѣтъ, это прочно,—въ силу совершеннаго завѣта между грѣшникомъ и Всеблагимъ Отцомъ,—благодаря таинству покаянія...

Какъ вамъ пояснить это?

Душа моя увядала—какъ цвѣтокъ, подточенный въ корнѣ; (простите за старое, избитое сравненіе); но оно такъ вѣрно выражаетъ мою мысль!); его сбрызнули водой,—и онъ расправилъ лепестки... Но это ненадолго! Это—поверхностно, не-прочно! Унесите его обратно, поставьте въ прежнія условія—и онъ снова завянетъ...

Его надо *пересадить*! Выбросить червяка, присосавшагося къ корнямъ, очистить почву,—вотъ тогда онъ примется заново, и распустится пышно и красиво!

И въ моей душѣ были червь, были болячки,—затвердѣвшія отъ времени... Ихъ я больно разбередила себѣ—вотъ тогда, за время нравственнаго кризиса.. Теперь надо было ловкимъ движеніемъ сорвать всѣ эти корочки, наслоенія,—но чтобы они не стали кровоточить,—ихъ слѣдовало смягчить,—смазать какимъ нибудь бальзамомъ,—заставить болячки отпасть сами собой.

Это сдѣлала *благодать*, атмосфера св. мѣста,—купанье въ источникѣ, (какъ ни было безсознательно мое отношеніе къ этому акту); откуда-то явились новыя силы, и сердце мое оказалось подготовленнымъ къ операціи...

Потомъ было достаточно малѣйшаго усилія воли,—оно состояло только въ томъ, что я пожелала благодати,—открыла ей душу и она (операція) совершилась сама-собой, легко и безболѣзненно... пролились благодатныя, очистительныя, обильныя слезы, которыя облегчаютъ душу—въ противоположность другимъ, «горючимъ» слезамъ, падающимъ на сердце, какъ свинецъ Она—душа *сознала* и раскаялась въ своей неправотѣ,—«отметаясь»¹⁾ отъ прежняго, — а служитель Бога «властію ему данной»—отпустилъ, разрѣшилъ ей содѣянныя «беззаконія».

Это такая звучная и сильная фраза Евангелія,—въ дѣтствѣ у меня сердце замирало и слезы просились на глаза, когда я ее слушала. имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ,—и имже держите—держатся!

«Завтра остается причаститься здѣсь,—и я вернусь (въ мѣръ) —туда, по ту сторону вотъ этой каменной стѣны— другимъ новымъ, сильнымъ человѣкомъ, взгляну на все иначе,— и за-

¹⁾ Покаяніе—по гречески метаніе, движеніе въ сторону, перемѣна направленія.

живу по новому... сознательно, разумно,—уже не какъ луна-тикъ, а какъ взрослый человѣкъ, который—по мѣткому выраженію Сенкевича—не только былъ созданъ Богомъ Отцомъ, искупленъ Богомъ—Сыномъ,—но и Духомъ Святымъ просвѣщенъ... Теперь я знаю добро и зло... Грань эту душа ощущаетъ такъ сказать, осязательно она уже не дастся въ обманъ, не впадетъ въ прежнія заблужденія... Такъ и въ молитвѣ говорится: «Просвѣти мысленныя очи мои»

Все это являлось у меня въ душѣ само собой,—не какъ голосъ тщеславія, самодовольствія, («гордыни ослѣпленье»). Нѣтъ, это я просто разбиралась въ своихъ ощущеніяхъ, не анализируя себя, а какъ бы вамъ сказать? Отъ полноты чувствъ... меня всю переполняло новое благодатное чувство удовлетворенности такой достойной и благоразумной... Въ дѣтствѣ—когда особенно хорошо знаешь урокъ,—отличисься чѣмънибудь и получишь дорогую, давно желанную игрушку,—которую, вы чувствуете,—вы *заслужили*—вотъ также себя чувствуешь... хорошо и достойно, и ходишь, точно со стаканомъ воды на головѣ, боясь расплескать вотъ то самое чувство, что переполняетъ душу...

И мнѣ въ мои годы такъ отрадно было снова почувствовать себя ребенкомъ! Ребенкомъ не *мыслями*,—не сознаниемъ,—а чувствами, снова такими чистыми, яркими, безоблачными...

И въ самомъ дѣлѣ, я причащалась съ такимъ точно сердечнымъ трепетомъ, съ какимъ подходила къ св. Чашѣ, когда мнѣ было лѣтъ 9—10... Причастниковъ было всего трое: я да двое мужчинъ,—остальные богомольцы всѣ торопились кто домой, кто въ Сарово, и успѣли приобщиться за ранней обѣдней.

Побесѣдовавъ съ матушками, я попила чайку, и отправилась въ обратную дорогу—«въ міръ»..

Что-то меня тамъ ожидаетъ? Во всякомъ случаѣ—*теперь* мнѣ бояться нечего. Я сильна не только обновленіемъ своимъ,—но и заступничествомъ моего Святого Молитвенника,—благостнаго, безконечно милостиваго старца—Преподобнаго Серафима... Для меня Онъ живъ,—осязательно ощущеніе Его доброты, съ которой Онъ выслушалъ мою молитву!.. Кажется—точно я оставляю что-нибудь въ Саровѣ—лучшую часть меня, самой моей души,—такъ мнѣ стали милы, дороги эти мѣста.

Смѣю ли я теперь сомнѣваться, говорить, какъ прежде: стоитъ ли молиться? Услышать ли меня? Есть ли до меня какое дѣло... *тамъ?*

Нѣтъ, стоитъ мнѣ вспомнить все, что случилось со мною, какъ просвѣтилъ меня св. Отшельникъ—и мнѣ становится тепло на душѣ... сердце «растетъ»—и сладко замираетъ...

Да, я молясь чувствую духовное общеніе съ Нимъ,—не даромъ и простой народъ не только чтитъ Его, но и *любитъ*,—называя «Батюшкой Серафимомъ», просто, сердечно, дѣтски—довѣрчиво: «Онъ, нашъ Батюшка—Святитель—милостивъ, легокъ: только Его помяни съ молитвой, —Онъ уже тутъ; и слышитъ васъ, и жалѣетъ, и любитъ»!..

Съ чувствомъ глубокаго умиленія вспоминаю я все это... и вдругъ меня осянило. Да вѣдь главный бальзамъ воскресившей мою душу—была именно *любовь!* Она разлита здѣсь повсюду, ею все дышетъ, живетъ, движется! Отъ того-то всѣмъ и свѣтло, и благодатно, и радостно на душѣ, что вы чувствуете, здѣсь васъ *любятъ!* На васъ затрачена масса силъ,—благоволеніе, привѣтливая радость встрѣчаетъ васъ со всѣхъ сторонъ; вы не *первый* расходуете душу, нѣтъ, вамъ «пошли на встрѣчу», вы только отдаетесь этой волнѣ любви,—и не противитесь своей душой, желающей откликнуться на этотъ непонятный, но осязательный призывъ любви!..

Сердце смиреннаго монаха—«сирого старца» было настоящей сокровищницей любви... Только къ себѣ одному Онъ относился строго—въ противоположность тому, что бываетъ обыкновенно... Всю жизнь Онъ работалъ надъ собой, восходя «отъ силы въ силу», стремясь достигнуть все большаго совершенства; но ближніе видѣли огъ Него только мягкое и любовное отношеніе.

И до чего сильна, всемогуща Его любовь! Это она, подобно магниту—притянула меня изъ-за тысячи верстъ сюда, въ эту скромную пустыньку! Я была такъ далека отъ подобной мысли—я ничего и не предполагала! И вотъ—все сложилось такъ, что я очутилась у Него, у Батюшки Серафима—въ гостяхъ! Какъ солнце, проникая въ нѣдра земли, благодатно согрѣваетъ зернышко брошеннаго сѣмени, и выводитъ его на поверхность зеленымъ росткомъ, такъ и любовь св. Старца проникла въ сумракъ и холодъ моего очерствѣвшаго, заледенѣвшаго сердца, отогрѣла его, смягчила и оживила...

Послушайте, что сказала мнѣ одна монахиня, — умная «книжная», примѣрной жизни.

— Какъ вы это рѣшились пріѣхать, — одна въ такую даль? Видно ужъ очень вы чтите батюшку Серафима?

Я совершенно искренно рассказала ей, что до сихъ поръ сама недоумѣваю, какъ все это случилось... «просто-судьба»!

Она улыбнулась и проговорила серьезно и вдумчиво:

— Не судьба, — а такъ Богу угодно было! Святитель видѣлъ печаль, тоску вашей души, — и пожалѣлъ ее.., захотѣлъ спасти, призвать къ спасенію, къ себѣ! *Любитъ* Онъ васъ, какъ и всѣхъ страждущихъ, обиженныхъ, заблудшихъ! И вы Его любите! Молитесь Ему всегда! Съ такимъ заступникомъ не пропадете ни въ этой жизни, ни въ будущей! Много Онъ приведетъ Богу своихъ овецъ, «серафимовыхъ». Вѣдь кто Ему теперь не вѣруеть? А Господь Ему ни въ чемъ не откажетъ!

Она секунду помолчала и продолжала:

— Не разставайтесь съ Нимъ никогда въ душѣ своей! Поминайте Его имя во всякій трудный моментъ; Онъ ангельски добръ, Батюшка нашъ, и поможетъ вамъ всегда; благословитъ ваше начинаніе, смягчитъ сердце стоящаго противъ васъ, отвратитъ ударъ, даже десницу Господню, справедливо карающую насъ...

— Кого Онъ разъ возлюбилъ, того ужъ не оставитъ!

Какой музыкой звучала для меня это простая, искренняя, лишенная всякаго намека на пафосъ, рѣчь монахини! Важно, и вмѣстѣ съ тѣмъ просто, сердечно, но вѣско и вдумчиво произносила она каждое слово...

И тѣмъ глубже запало мнѣ все это въ душу, что казалось оно уже было *известно* мнѣ, — знакомо. . Сердце мое давно угадало истину, и если я боялась сказать себѣ это, то изъ боязни согрѣшить самовосхваленіемъ, гордыцей... Нужно было, чтобы кто нибудь знающій, опытный подтвердилъ мнѣ дорогую для меня истину...

Могла-ли, смѣла ли я думать, что св. старецъ отзовется на мои дерзновенныя, неразумныя слова, которыми я какъ бы испытывала Его, покупала, что Онъ найдетъ душу мою достойной вниманія, милости?

О, какъ Онъ великъ, какъ благоденъ!...

Итакъ теперь яшла путь... И если не ослабѣетъ благодать св. Источника, что зависитъ отъ меня, если она поможетъ

мнѣ противостоять искушеніямъ суетной, грѣховной жизни,—я постараюсь никогда не измѣнить ему, этому спасительному направленію..

А пока мнѣ хорошо; меня пригрѣли, приютили, приласкали и такъ сладко, сладко на душѣ! Чувствуешь, больше желать нечего! И память подсказываетъ выраженіе знакомаго писателя, я отношу его къ своей душѣ:—ее точно помазали масломъ, окутали ваточкой и положили въ теплую постельку. Быть любимой Творцомъ, чувствовать невидимую связь, единеніе съ Нимъ, Его отеческое попеченіе...

Вотъ оно—состояніе духовнаго восторга!..

Итакъ я вернулась въ міръ и снова вступила въ жизнь...

Вотъ ужъ два года, какъ все это совершилось. Много воды утекло съ той поры: много пришлось мнѣ пережить, переиспытать, передумать и перечувствовать за эти два года. Я говорю это не вообще, а именно по отношенію къ тому обновленію души, которое совершилось тогда благодатнымъ заступничествомъ Преп. Серафима.

Многое не только можно бы, а и даже, можетъ быть, нужно рассказать вамъ изъ этой дальнѣйшей исторіи того обновленія; потому что рассказанное-то мной можно назвать лишь начальнымъ моментомъ его, тѣмъ поворотнымъ пунктомъ, съ котораго началась иная сравнительно съ прежней жизнью,—иная не съ внѣшней опять стороны, а со стороны внутренней, духовной...

Знаете, какъ я представляю себѣ этотъ рассказанный мною начальный моментъ моего обновленія и то, что было и есть со мной потомъ?..

Отъ одного изъ моихъ знакомыхъ духовныхъ, по поводу словъ Спасителя о тѣсныхъ вратахъ, ведущихъ въ жизнь вѣчную, и широкихъ, ведущихъ въ пагубу, или лучше, въ объясненіе этихъ словъ я слышала такую святоотеческую, какъ говорилъ онъ, притчу.

Представьте себѣ широкую, полноводную и быстро текущую рѣку. Мутна и грязна вода этой рѣки, но вся отъ берега до берега и на всемъ видимомъ протяженіи покрыта пловцами и

и спующими между ними небольшими лодками. Сѣдящіе въ лодкахъ гребцы предлагаютъ пловцамъ спастись въ ихъ лодкахъ на берегъ и многіе изъ плывушихъ внимаютъ ихъ зову, хватаются за борта лодокъ. Одни изъ нихъ, при помощи тѣхъ же гребцовъ, успѣваютъ вкарабкаться въ лодки, но другіе, увлекаемые быстрымъ теченіемъ рѣки, не успѣваютъ въ этомъ и обрываются. Иные изъ этихъ послѣднихъ снова пытаются ухватиться за ту или другую лодку, и послѣ неоднократныхъ попытокъ и большихъ усилій попадають а иные, или обезсиленные борьбой съ теченіемъ, или просто отъ какой-то непонятной лѣни, послѣ первой же неудачной попытки, отказываются влѣзать въ лодки и продолжаютъ плыть по теченію на ряду съ тѣми, которые и не думаютъ о томъ, чтобы спастись на лодкахъ и даже, какъ будто, не довольны появленіемъ лодокъ, мѣшающимъ имъ плыть по теченію; благо, благодаря особымъ свойствамъ воды, плыть по этому теченію такъ легко и пріятно. Несчастные, они не видятъ, что устье многоводной рѣки, такъ издалека начавшейся, близко и они скоро попадутъ въ клокочущія бездны океана, въ который впадаетъ рѣка... Пловцы же, пожелавшіе спастись въ лодкахъ и успѣвшіе или сѣумѣвшіе попасть въ нихъ, отвозятся гребцами къ берегу и здѣсь высаживаются.

Берегъ этотъ представляетъ собою высокую и крутую гору, сплошь покрытую густымъ лѣсомъ. На вершинѣ этой горы дворецъ чудной красоты, сіяющій ярче солнца; но добраться до него сквозь лѣсную чащу не легко... Правда на горѣ между чащей деревьевъ очень много тропинокъ, но тропинки эти такъ перепутаны между собой, что безъ проводжатаго легко можно заблудиться и переходя съ одной тропинки на другую, не вверхъ къ дворцу можно подниматься, а топтаться на одномъ мѣстѣ до усталости, до изнеможенія. Такъ это и случается съ нѣкоторыми изъ вышедшихъ на берегъ и иные изъ нихъ послѣ долгихъ и напрасныхъ хожденій снова спускаются къ берегу и, нагнувшись къ водѣ, чтобы утомить жажду, не въ силахъ бывають удержаться и снова падають въ рѣку, которая и уноситъ ихъ въ бездну.

Но есть между вышедшими на берегъ и благоразумные, которые, не довѣряя себѣ, часто останавливаются у сторожевыхъ башенокъ, въ обилии разсѣянныхъ по горѣ, и прислушиваются къ указаніямъ стражей, находящихся въ

тѣхъ башенкахъ; эти стражи не только указываютъ тропинки, по которымъ нужно идти, чтобы добраться до вершины горы, а и снабжаютъ путниковъ облегчающими трудъ посохами и подкрѣпляютъ пищею.

Какъ это ни странно, но истина—то, что такихъ благоразумныхъ очень не много; за то, какъ счастливы и блаженны они, добравшись до дворца на вершинѣ горы!..

Нужно ли разъяснять вамъ значеніе этой притчи? Довольно сказать, что гора, усѣянная сторожевыми башенками—это Церковь православная съ ея храмами, въ которыхъ пастырями и учителями преподается ученіе вѣры, указующее путь въ царство небесное, и предлагаются св. таинства, укрѣпляющія вѣрующихъ въ этомъ пути. Многоводная рѣка—это жизнь міра сего безъ вѣры въ Бога и безъ заботъ о вѣчномъ спасеніи; кто эти гребцы на лодкахъ, которые высаживаютъ пловцевъ на берегъ, гадайте сами.

Я же скажу лишь, что содѣянное благодатнымъ заступничествомъ пр. Серафима обновленіе души моей есть не что иное, какъ извлеченіе меня изъ пагубной жизни по стихіямъ міра сего безъ думъ и заботъ о Богѣ и вѣчности и привлеченіе оъ ограду св. православной Церкви.

Само собою разумѣется, притча не есть точная копія того, что она изображаетъ. Она есть какъ бы контуръ обозначенной ею дѣйствительности, символъ ея, типъ. Какъ въ ней самой есть черты, несвойственныя обозначенной ею дѣйствительности, такъ и въ этой послѣдней есть много такого, что не обозначено притчей, или обозначено неясно, примрочно, не въ такомъ напримѣръ порядкѣ и т. п. Гребецъ, уловившій меня на своей лодкѣ на берегъ,—Батюшка Серафимъ, а берегъ—Церковь православная; но это не значить, что до своего обновленія, совершеннаго благодатною помощію Преподобнаго, я была внѣ Церкви, а теперь введенная Имъ, такъ сказать, въ ограду ея, я оставлена благодатнымъ гребцомъ своимъ. Онъ—небесный кормчій мой, и теперь бдитъ надо мной, руководствуетъ мной также, какъ и прежде. И прежде, какъ вы знаете, я была въ Церкви, но только внѣшнее, формально; а теперь,—я убѣждена и крѣпко, крѣпко вѣрую въ это, теперь обителѣй Отца небеснаго я могу достигнуть легче и скорѣе, чѣмъ прежде; потому что теперь я не внѣшне формально только, а и сознательно принадлежу къ св. православной церкви. Я не числюсь только православной, а и хочу, стремлюсь быть ей сознательно, свобод-

но. Я сердцемъ принадлежу Церкви, какъ своей матери. Я вѣрую учению православной церкви съ ея св. таинствами и обрядами и если не живу, то хочу жить ими, руководиться ими, просвѣщаться, оживляться, укрѣпляться...

Достигну ли я небесныхъ обителей, Богъ вѣсть; но я знаю, что несомнѣнно истинно это учение и на себѣ успѣла испытать спасительную силу этихъ таинствъ,—словомъ, вѣренъ, въ обиду Отца небеснаго ведетъ тотъ путь, на который направилъ меня Батюшка Серафимъ.

О, если бы Богъ, молитвами и заступничествомъ Пр. Серафима, помогъ мнѣ никогда не сойти съ этого пути, не забыть его какъ Онъ помогаль и помогаетъ мнѣ въ этомъ доселѣ!..

Это-то именно я и разумѣла, говоря что многое изъ жизни моей въ послѣдніе два года можно и нужно бы рассказать также, какъ я рассказала о томъ, что было раньше; но объ этомъ до другого раза...

Люси Оль.

СВЯЩЕННЫЕ ОГНИ.

МЕЖДУ СТАРЫМЪ И НОВЫМЪ ГОДОМЪ.

„Благословенъ Ты, видящій бездны,
презвальный и превозносимый во вѣки.
(Даніила 3, 54).

Въ древности новолѣтіе праздновали осенью (1-го Сентября), въ періодъ собиранія плодовъ, вознаграждающихъ трудъ земледѣльца, и это былъ дѣйствительно «вѣнецъ лѣта». Праздникъ 1-го Января, по смыслу, противоположенъ этому и, на мой взглядъ, болѣе внушительнъ, и лучше соотвѣтствуетъ духу христіанства. Наше новолѣтіе—не окончаніе, а начало, и впереди его не зима, а весна; оно приурочено не къ періоду сельскаго хозяйства, а къ новой эрѣ, слѣдуя за днемъ рожденія Обновителя, посланнаго Богомъ «проповѣдати лѣто Господне пріятное»...

Древніе не встрѣчали Новый Годъ, а скорѣй *проводжали* старый.

Ноябрь дорогъ, какъ все *пред*слѣднее: еще одна двѣнадцатая ступень и ужъ настанетъ иное, и жаль прежняго, которое не вернется никогда! Ноябрь предупреждаетъ, взываетъ ко вниманію, учитъ использовать остающееся время. . «Скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моихъ какое оно, да узнаю, какой вѣкъ мой» (Пс. 38). Я-бы не просилъ такъ, и не хотѣлъ это знать, но отъ души желалъ бы провести, какъ слѣдуетъ, хотя Ноябрь жизни.

Церковь мудро распредѣлила праздники, съ тонкой психологіей усилила ихъ установленіемъ *пред*празднествъ. Сами дни праздника всетаки какъ-то оффиціальны, общи, недолговѣчны: на вашихъ глазахъ таютъ веселья минуты, исчезаетъ роса радости, и близится долгій вечеръ короткаго дня; тогда какъ въ пред-

празднествѣ вы предвкушаете все нарастающее наслажденіе и еще много его впереди. И не случайно задолго до Святокъ мы имѣемъ Введеніе во храмъ, это глубочайшее предпразднество Рождества, прологъ Логоса, предисловіе Слова, праздникъ воспитанія въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова. Всякую великую мысль ради очищенія и пользы предварительно надо ввести во храмъ, и только черезъ храмъ можно подойти къ истинному новолѣтію. Отсюда понятно и дорого возстановленіе древняго обычая встрѣчать Новый годъ въ Церкви; только молебна здѣсь мало: онъ коротокъ и не оставляетъ достаточно сильнаго впечатлѣнія — необходима литургія. Разъ признана необходимость богослуженія; то почему же дается небольшое, а не самое главное? Глубоко правы тѣ священники, которые сейчасъ послѣ молебна служатъ обѣдню, — они начинаютъ новолѣтіе, принося большую пользу своей паствѣ. И какъ трогательна эта мистика священной ночи, и какъ любить ее простой русскій народъ!

Имя новаго года рождаетъ подъемъ духа, вызываетъ на размышленіе, «расширяетъ» даже узкое сердце. Хочешь много и не умѣешь сказать, именно чего? Мысли быстры, но неопредѣленны, и эта безпокойная шаткость понятна: новый годъ заставляетъ подуматъ о вѣчности, о той безднѣ, которая поглотила уже многихъ дорогихъ лицъ; и жаль ихъ, и самому жить хочется. Что возраститъ «Духъ, носящійся надъ бездною, что сотворитъ Отецъ, Который «всегда дѣлаетъ»? Мы часто встрѣчаемъ Новый годъ въ состояніи тяжелаго отравленія и нарочитато самообмана: мы «желаемъ» другъ другу чего угодно, но что останется отъ этого пьянаго вихря желаній?! «Ты просишь великаго: *не проси*; ибо вотъ я наведу бѣдствіе на всякую плоть, говоритъ Господь, а тебѣ вмѣсто добычи оставлю душу твою во всѣхъ мѣстахъ, куда ни пойдешь». Какъ полезно встрѣчающимъ Новый годъ припомнить эти слова Іереміи къ Варуху (Іер. 45, 5)!.. «Въ полночь раздался крикъ: вотъ женихъ идетъ»... Но какой? Не «женихъ-ли крови»? Кто знаетъ? Кто рѣшится сказать?! И вотъ вы жадно всматриваетесь въ загадочную денницу Новаго дня, албющую по краю рокошущей бездны, и въ эти минуты надо-бы думать о самосовершенствованіи, но о немъ думаешь меньше всего, и это понятно: вѣдь не знаешь, долго-ли, гдѣ и какъ проживешь?

Въ эти таинственныя минуты, трепещущія между старымъ и новымъ, въ эти живыя мгновенія, оторванныя у прошлаго будущимъ, всего лучше обратиться мыслию къ Богу, Отцу непостижимаго величества, «Единому видящему бездны, которыми Онъ какъ ризой облачилъ вселенную. Молитва—самая естественная встрѣча Новаго года. И какъ отрадно видѣть огромную толпу богомольцевъ, большую часть которой составляютъ люди средняго класса! Ко храму святому утреннюю духъ не одного простонародья.

Много въ эту ночь пирующихъ, но несомнѣнно гораздо больше молящихся,—не оскудѣла еще наша религіозность, и нѣтъ въ насъ никакого вырожденія.

Пора понять, что христіанство не только религія, но и лучшая, единая изъ философій; въ самыхъ простыхъ молитвахъ мы встрѣчаемъ такое глубокое міросозерцаніе, которое недоступно инымъ ученымъ и завидно другимъ мыслителямъ. Не все равно,—быть или не быть религіознымъ и гдѣ и какъ начинать Новый годъ.

В. Н.

**Противъ неправильно понимающихъ главнѣйшія истины
Православной христіанской религіи. Протоіеря М.
Вишневецкаго. Кіевъ, 1905 г. 188 стр. ц. 1 р. 20 к.**

Запросы времени все съ большей и большей настоятельностью выдвигаютъ необходимость появленія популярной апологетическо-полемической литературы, которая, съ одной стороны, должна разъяснять сущность основныхъ истинъ православной христіанской религіи, а съ другой—защищать тѣ положенія христіанства, которыя болѣе другихъ подвергаются отрицательной критикѣ, неправильному пониманію и ложному истолкованію. Настоящая книга, какъ нельзя болѣе, отвѣчаетъ этимъ запросамъ. Ея цѣль содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, уясненію и утвержденію въ умахъ и сердцахъ главнѣйшихъ истинъ православной христіанской религіи и показать несостоятельность высказываемыхъ противъ этихъ истинъ возраженій (стр. 4). Это намѣреніе выполнено авторомъ очень удачно и его книга представляетъ собою не маловажный вкладъ въ популярно-богословскую литературу.

Книга состоитъ изъ трехъ частей, заключающихъ въ себѣ подробное и обстоятельное раскрытіе главнѣйшихъ истинъ христіанскаго вѣроученія, изложенное очень сжатымъ, но простымъ и яснымъ языкомъ. Такова сущность книги; частіе всего содержаніе книги можно подраздѣлить слѣдующимъ образомъ. Первая часть (главы 1, 2, 3 и 4) относится къ основному богословію и заключаетъ въ себѣ первоначальныя свѣдѣнія о религіяхъ,—сущности ихъ, источникахъ христіанской религіи, далѣе доказательства бытія Божія и опроверженіе матеріализма, пантеизма, деизма и фатализма; заканчивается первая часть главою о Божественномъ откровеніи, о чудесахъ и пророчествахъ. Вторая часть посвящена догматическимъ вопросамъ и содержитъ въ себѣ понятія о тріединомъ Богѣ, ангелахъ, чловѣкѣ, безсмертіи души, объ искупленіи, объ Иисусѣ Христѣ

какъ Искушитель и наконецъ о богоустановленности христіанской религіи. Третья часть излагаетъ православное ученіе о церкви и ея непогрѣшимости и параллельно опровергаетъ протестантскій взглядъ на церковь, какъ наиболѣе неправильный въ ряду христіанскихъ религій, при чемъ это опроверженіе основано лишь исключительно на священномъ Писаніи и логически правильныхъ доводахъ разума. Наконецъ послѣднія главы книги восьмая, девятая и десятая, содержатъ въ себѣ ученіе о Божественной благодати, таинствахъ, будущей жизни, кончинѣ видимаго міра и всеобщемъ судѣ.

Изъ этого краткаго конспекта содержанія можно ясно видѣть, насколько книга о. Вишневецкаго полезна для ищущаго духовнаго просвѣщенія вѣрующаго, для пастырей, обязанныхъ разрѣшать касающіеся вѣры недоумѣнные вопросы своихъ пасомыхъ и между пастырями преимущественно для о.о. законоучителей свѣтской школы. Въ учебныхъ книгахъ, по закону Божію, къ слову сказать, не всегда удовлетворительныхъ и излагающихъ въ большинствѣ случаевъ, лишь положительное ученіе христіанства, да и то не всегда полно, нѣтъ отвѣта на многіе вопросы, которые могутъ возникать при изученіи ли догматовъ, нравственныхъ тезисовъ, или исторіи христіанской церкви, и, можетъ быть, здѣсь то кроется одна изъ причинъ того отрицательнаго отношенія къ предмету Закона Божія, которое за послѣднее время стало почти всеобщимъ. Теперь уже въ сознаніе общества стала проникать мысль о необходимости болѣе полнаго освѣщенія религіозныхъ вопросовъ для учащихся, да и въ средѣ наиболѣе мыслящей, образованной интеллигенціи начинается пробуждаться усиленный интересъ къ ознакомленію и изученію религіи и лучшая часть нашего пастырства идетъ на встрѣчу этимъ запросамъ общества. Устраиваются богословскія чтенія, популярныя лекціи и т. д. Вотъ книга о. Вишневецкаго и имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, помочь законоучителямъ и свѣтскимъ людямъ,—жаждущимъ познанія истинъ вѣры,—уяснить сущность православной религіи и дать возможность отнестись сознательно къ неправильному пониманію основныхъ ея положеній. Она написана не для ученыхъ богослововъ, питающихся твердой пищей, но для людей, которымъ нужно млеко познанія.

Свою задачу авторъ выполнилъ съ успѣхомъ. Все необходимое сказано, но нѣтъ ничего лишняго. Языкъ кратокъ, простъ и живъ; книга читается легко. Въ особую заслугу автору можно поставить, что въ своихъ разсужденіяхъ онъ пользуется лишь двумя способами: текстами священнаго Писанія и логической аргументовкой разуму и, такъ какъ книга назначается не для ученыхъ специалистовъ, то онъ

и не загромаждаетъ ее учеными цитатами и разнаго рода ссылками. Можетъ быть отъ этого, авторъ не вездѣ точно и строго опредѣленно выражалъ свои мысли, напримѣръ на стр. 27, говоритъ, что святой Духъ руководитъ священнослужителями христіанской церкви, охраняетъ ихъ отъ всякаго заблужденія при изложеніи Божественныхъ истинъ и содѣйствуетъ правильному пониманію ихъ, что Онъ помогаетъ имъ независимо отъ ихъ большей, или меньшей учености, отъ личной святости, или недостойности, но что такое руководство и помощь святого Духа не уничтожаетъ ихъ человѣческой дѣятельности и человѣческихъ недостатковъ неправильныхъ личныхъ мнѣній, при возвѣщеніи же Божественныхъ истинъ промыслъ Божій охраняетъ отъ заблужденій и направляетъ къ истинѣ. Это послѣднее мнѣніе сильно напоминаетъ католическое «ex cathedra» и авторъ напрасно не упомянулъ объ этомъ послѣднемъ римско-католическомъ догматѣ; тогда его мысль была бы яснѣе выражена и правильнѣе понята читателями. Или еще на страницѣ 178, защищая справедливость церковнаго ученія о вѣчности наказаній, авторъ говоритъ, что «какъ безконечно милосердіе Бога, безконечно и правосудіе, Его *отвращеніе и ненависть къ грѣху*». Выраженіе очень неудачное, которое иными читателями легко можетъ быть истолковано превратно. Все таки общее впечатлѣніе отъ книги о. Вишневецкаго въ высокой степени благопріятно. Мы прочли эту книгу съ большимъ удовольствіемъ и выражаемъ твердую увѣренность, что такого же мнѣнія будетъ держаться и всякій другой читатель, кому интересны и дороги религиозные вопросы и ихъ защита отъ нападковъ раціонализма, невѣрія и маловѣрія, особенно среди свѣтской учащейся молодежи.

М. Веретенниковъ.

Замѣтки по теоріи религиознаго воспитанія. М. А. Куплетскаго. СПБ. 1904 г. 116 стр. Цѣна 50 к.

Книжка г. Куплетскаго начинается разборомъ педагогическихъ воззрѣній г. Стоюнина и мнѣнія московскаго съѣзда дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію на религиозное воспитаніе и обученіе. Авторъ отмѣчаетъ существенные недочеты во взглядахъ г. Стоюнина, желающаго свести все религиозное воспитаніе въ школахъ къ однимъ «сердечнымъ бесѣдамъ» законоучителя съ дѣтьми

безъ всякихъ мѣръ къ укрѣпленію въ головѣ воспитанниковъ прочихъ знаній, хотя бы то по основнымъ пунктамъ нашей вѣры. Едва ли путемъ однихъ только «бесѣдъ» вырабатывается у воспитанниковъ даже та неопредѣленная религіозная («настрѣнность»), которая представляется г. Стаюнину единственной цѣлью религіознаго воспитанія. Въ мнѣніи дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію авторъ отмѣчаетъ то неправильное положеніе, будто кромѣ законоучителя ни на кого изъ прочихъ преподавателей не должно налагать обязанности содѣйствовать религіозно-нравственному воспитанію юношества. Таково содержаніе 1-й главы (1—14 стр). Во 2-й главѣ авторъ устанавливаетъ то положеніе, что кромѣ началъ христіанства въ основѣ религіознаго воспитанія должны лежать и данныя науки, особенно психологіи (15—23). Данныя психологіи можно свести для педагогики къ слѣдующимъ выводамъ: 1) въ основѣ религіозной дѣятельности лежитъ религіозное чувство. 2) Въ основѣ этого чувства лежитъ природная, органическая любовь человѣка къ Богу. 3) На развитіе религіозности вліяетъ вся психика человѣка и направленіе всей умственной дѣятельности человѣка (23—44). Глава 3-я (45—53) даетъ слѣдующіе выводы изъ наблюденій надъ русскою жизнью для русской педагогики: хотя въ религіозной жизни русскаго народа и наблюдается много ненормальнаго (обрядовѣріе массъ и холодность къ вѣрѣ образованныхъ слоевъ), тѣмъ не менѣе русскій народъ усваиваетъ важное значеніе теоретическимъ истинамъ и желаетъ сохранить связь между вѣрой и обрядовымъ ея выраженіемъ. Къ этимъ выводамъ надлежитъ присоединить еще слѣдующія указанія (гл. 5) изъ области богословско-христіанскаго знанія: развитіе христіанской религіозности въ чловѣкѣ совершается не только путемъ воздѣйствія на умъ чловѣка сообщеніемъ ему религіозныхъ знаній, но и путемъ благодатнаго воздѣйствія Божія на всѣ стороны чловѣческой природы. Всѣ эти данныя приводитъ авторъ къ слѣдующимъ практическимъ выводамъ:

1) религіозное воспитаніе должно начинаться приблизительно съ 7—8 возраста.

2) оно должно примыкать къ родственному для ребенка семейному міру и отъ него развиваться. Богъ—это Отецъ всѣхъ людей. Отъ Него, какъ въ семьѣ отъ отца, мы все получаемъ. Его надо благодарить, Его надо любить.

3) Въ виду этого и самое обученіе Закону Божию должно начинаться съ ветхаго завѣта, гдѣ дѣйствующими лицами являются опять таки отецъ, мать, дѣти, однимъ словомъ понятныя ребенку семейныя отношенія (61—72).

Заложивъ въ ребенкѣ такую основу вѣры въ Бога, какъ Отца всѣхъ, надо развивать эту вѣру путемъ раскрытія

свойствъ Божіихъ изъ наблюденія надъ міромъ видимымъ (величіе Божіе, Его всемогущество и благость), путемъ приученія ребенка къ выраженію своихъ чувствъ къ Богу въ домашней молитвѣ, и особенно въ участіи въ общецерковной жизни. Храмъ Божій даже самымъ видомъ своимъ благотворно дѣйствуетъ на религіозное развитіе ребенка (иконы, пѣніе, дѣйствія). Очень важно создавать у ребенка благочестивые навыки и привычки (подавать милостыню, утѣшать плачущихъ, жалѣть людей, любить Христа, благоговѣть передъ Нимъ) и ими закрѣплять вѣру въ Бога. Для этого очень важенъ собственный примѣръ воспитателей это—глава 7-я (73—96 стр.).

Послѣдняя, 8-я глава указываетъ самыя правила религіознаго обученія. Правила эти таковы: путемъ преподаванія Св. Исторіи надо создать въ ребенкѣ правильныя представленія о Богѣ и человѣкѣ и ихъ отношеніяхъ. Не надо начинать съ общихъ отвлеченныхъ истинъ, а надо идти отъ частнаго къ общему. Изъ священно-историческихъ рассказовъ надо выводить и всѣ теоретическія истины; тогда онѣ будутъ ясны для ребенка и это подготовить дѣтей къ изученію катихизиса (96—115 стр.).

Изложенныя «замѣтки по теоріи религіознаго воспитанія» г. Куплетскаго заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны педагоговъ и могутъ быть только одобрены. Главное достоинство не новыхъ по существу педагогическихъ выводовъ автора заключается въ ихъ твердомъ научномъ обоснованіи. Особенно хороши въ этомъ отношеніи главы 3, 6 и 7-я. Весьма характерно для нашего времени опредѣленное отношеніе автора къ ветхо-завѣтной священной исторіи, нынѣ по какому то удивительному недоразумѣнію изгоняемой изъ начальнаго курса школы. Языкъ книжки нѣсколько суховатъ и тяжеловѣсенъ, но всѣ мысли автора изложены всетаки съ достаточной ясностью.

Свящ. Авениръ Полозовъ.

Отдѣль I.

<i>Кн.</i>	<i>Стр.</i>
⊙ I. Привѣтъ отца Іоанна. <i>Прот. І. Соловьева</i> . . .	5— 7
Утѣшеніе вѣры обуреваемымъ своеволіемъ невѣрїя. Преосвященнаго Епископа Дмитровскаго <i>Трифона</i>	7— 9
Защитникъ христіанства по взгляду древнихъ апологетовъ и Свв. Отцевъ. <i>Анатолія Теодор. Гараина</i>	9— 30
Сужденіе Ренана объ источникахъ для жизнеописанія Господа нашего Іисуса Христа. Профессора Харьк. унив., <i>Прот. Т. И. Буткевича</i>	36— 64
II. То же.	167—181
III. То же.	327—345
IV. То же.	496—539
⚭. Думы о природѣ въ связи со взглядами на нее эволюціонистовъ, какъ на «главную квартиру врага этической природы». <i>А. Н. Чемоданова</i>	65— 76
Параллелизмъ религіозно-философской мысли. Доктора медицины <i>В. К. Недзвецкаго</i>	76—
⊙ II. Высочайшій Манифестъ	
Пророчество св. Благопріимца Свмеона о Христѣ Спасителѣ и Его Пречистой Матери и исполненіе его даже до сего дня. <i>Прот. о. Іоанна Ильича Сергіева. (Кронит)</i>	163—182
Правда и Милость Божіи въ домостроительствѣ спасенія человѣка. <i>Свящ. М. Н. Горскаго</i>	182—220
III. То же.	347—367

- II. Изъ ученія отца Иоанна Кронштадтскаго о священствѣ . . . . . 221—
- III. Слово въ мясопустную недѣлю о страшномъ судѣ.
Прот. о. Иоанна Ильича Сергіева. (Кронит). 323—
Происхожденіе человѣка съ точки зрѣнія органической эволюціи. *А. Н. Чемоданова* . . . . . 368—383
- 0 Конспектъ сравнительнаго чтенія четверо-Евангелія. *Прот. А. Гр. Полотебнова* . . . . . 383—
- IV. Слово въ недѣлю Ваий. *Прот. о. Иоанна Ильича Сергіева. (Кронит)* . . . . . 491—
На рѣкахъ вавилонскихъ. (Къ вопросу о духовномъ обновленіи нашихъ дней по пс. 136). *Прот. I И. Соловьева.* . . . . . 540—
Происхожденіе человѣка съ точки зрѣнія органической эволюціи. *А. Н. Чемоданова.* . . . . . 571—588
- V. То же . . . . . 683—724
- IV. Библия и еврейскій вопросъ. *В. К. Недзвецкаго.* 580—
- V. Необходимость царскаго самодержавія для государства, какъ необходимъ самодержецъ умъ для души. *Прот. о. Иоанна Ильича Сергіева. (Кронит).* . . . . . 679—
Буддизмъ и Европа. *Свящ. I. В. Арсеньева* . . . . . 725—
Счастіе человѣка, съ точки зрѣнія христіанства. (По поводу современныхъ движеній въ русскомъ обществѣ и литературѣ). *Свящ. I. А. Орфанитскаго* . . . . . 745—

Отдѣлъ II.

- I. Современный моментъ въ новогоднемъ привѣтствіи пастыря. *Прот. Н. В. Благоразумова* . . . . . 94— 96
Митрополитъ Филаретъ о господствующихъ въ современномъ нравственно-правовомъ сознаніи понятіяхъ. *I. А.* . . . . . , 96—117
- II. То же . . . . . 238—270
- III. То же . . . . . 400—433
- IV. То же . . . . . 604—610
- V. То же . . . . . 775—798
- I. Современная моральная безпринципность въ приложеніи къ вопросу о характерѣ христіанской

	жизни. Ректора Тамбовской духов. семинаріи. <i>Архимандрита Теодора.</i>	118—139
+	Новая святая ночь. <i>А. С—ва</i>	139—
II.	Послание Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Идеальное и реальное въ жизни Христіанина. <i>Г. Добрѣякова.</i>	234— 271—290
IV.	То же	611—627
† II.	Изъ церковной жизни и богословской науки <i>Пр. I. Соловьева</i>	291—
+	Колокола. <i>А. С—ва</i>	304—
III.	Еще о диспутѣ о. I. А. Орфанитскаго и по воду его. Письма въ редакцію отъ о. Орфанит- скаго и проф. А. Дм. Бѣляева.	434—446
	Кіевопечерскій подвижникъ іеросхимонахъ Парее- ній по бумагамъ П. А. Мухановой. <i>Свящ. Н. М. Миловскаго</i>	446—
— IV.	Интеллигенція и Церковь. <i>Свящ. А. А. Полозова.</i>	628—657
V.	То же	824—860
	Священной памяти Великаго Князя Сергія Алек- сандровича. <i>Прот. I. И. Соловьева.</i>	798—
+	Священные огни. Звѣзды. (Изъ дневника церков- наго человѣка въ недѣлю всѣхъ святыхъ). <i>В. К. Н.</i>	854—

БИБЛИОГРАФІЯ.

- I. Вопросы жизни. *р. I. С.*—Курсъ Основнаго Бого-
словія, или Апологетики. Ивана Николина. *М.
В—а.*—Выписка текстовъ изъ книгъ ветхаго
и новаго Завѣта, во 1-хъ тексты Св. Писанія,
на которыхъ сектанты пытаются обосновать
свое лжеученіе, и во 2-хъ—сводъ текстовъ Св.
Писанія, по главнѣйшимъ вопросамъ вѣры пре-
рекаемымъ сектантами. Составилъ свящ. В.
Левитскій. *I. С.*—Дѣтство, отрочество и юноше-
ство Пресвятой Дѣвы Маріи, Господа Иисуса
Христа и Предтечи Господня Іоанна. Сост. свящ.
I. Ярошевичъ. *С.*—Е. А. Воронова. Къ тихой
пристани. Сборникъ повѣстей, размышлений и
біографическихъ очерковъ, въ трехъ частяхъ.
М. В—ова. Новые книги . . . . . 145—162
- Вѣра и Церковь. Кн. X.* 10

- II. Святой Меѳодій, епископъ и мученикъ, отецъ Церкви III-го вѣка. Полное собраніе его твореній, переведенныхъ съ греческаго. *II. I. C.*—И. И. Соколовъ. Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. *II. H. K—цкій.*—И. Соколовъ. Афонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи.—*Л. И. Денисова.* Русскій миссіонеръ у инородцевъ. *C.* . . . . . 314—322
- III. Альфредъ Р. Уоллесъ. Мѣсто человѣка во вселенной. (Изученіе результатовъ научныхъ изслѣдованій въ связи съ единствомъ или множественностію міровъ). Переводъ съ англійскаго Л. Лакіера. *A. H. Чемоданова.*—М. Скабаллановичъ. Первая глава книги пророка Іезекіиля. *E. B.*—Миссіонерскій путеводитель по Св. Библии. Составилъ діаконъ Г. Смолинъ. *Пр. C.*—М. Н. Катковъ. О самодержавіи и конституціи. О церкви. О печати. *Пр. I. C.*—Изданія Коммисіи по устройству общеобразовательныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ г. Москвы. *M. B—a.* Новыя книги . . . . . 466—496
- IV. Нѣсколько замѣтокъ о русской философіи. По поводу статей А. Аскольдова. «Въ защиту чудснаго». *A. H. Чемоданова.*—И. Глѣбовъ. Историческая достовѣрность воскресенія Господа нашего Іисуса Христа (апологетическое изслѣдованіе). *A. II.*—Братья Господни. Обзоръ и разборъ древнихъ и новыхъ мнѣній по вопросу. Историко-критическое изслѣдованіе профессора А. П. Лебедева. *M. B—ова.* . . . . . 658—678
- V. Прот. І. И. Сергіевъ (Кронштадтскій). Созерцанія и чувства христіанской души. *Прот. I. И. Соловьева.*—Христіанство въ его отношеніи къ Государству по воззрѣнію графа Л. Н. Толстого. Полемико-апологетическое изслѣдованіе Н. Григорьева. *II. II. C.*—Епископъ Никаноръ. А) общедоступное объясненіе посланія святаго апостола Павла къ евреямъ. Б) экзегетико-критическое изслѣдованіе того-же посланія. *M. Веретенникова.* Новыя книги. . . . . 860—876

Оглавленіе II тома.

Отдѣль I.

<i>Кн.</i>		<i>Стр.</i>
VI.	Грѣхи разслабляютъ душу и тѣло. <i>Прот. о. Іоанна Ильича Сергіева. (Кронит.)</i>	— 5
	Къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости. Профессора Юрьевского Университета. <i>М. Е. Красножжена</i>	— 9
	Добродѣтель и религія въ ихъ взаимоотношеніяхъ между собою. <i>С. З. Ястребцова</i>	— 23
	Патріотизмъ и христіанство	— 58
VII.	Праведное возмездіе Божіе виновнымъ въ убіеніи Предтечи Господня. <i>Прот. о. Іоанна Ильича Сергіева (Кронит.)</i>	—179
	Гдѣ истинное счастье: въ вѣрѣ, или невѣріи. <i>М. В. Взглядъ В. А. Жуковского на задачу и цѣль воспитанія. Свящ. Д. И. Ромаинова</i>	—172
	Женщина и ея міровое назначеніе, предъ судомъ св. писанія и здраваго смысла. <i>Г. Н. Корсунъ.</i>	—209
	Цвѣты. <i>А. С.</i>	—237
VIII.	Въ покаяніи и молитвѣ спасеніе. <i>Прот. о. Іоанна Ильича Сергіева. (Кронит.)</i>	—329
	Уроки исторіи. <i>К. Первозникова</i>	—332
	Значеніе вѣры въ области научнаго знанія. <i>І. А.</i>	—341
	Приобрѣтеніе духовнаго совершенства, какъ задача и благо личной жизни по христіанской и обще-философской морали. <i>П. Борисовскаго</i>	376—384
IX.	То же.	492—528
VIII.	Жизнь во снѣ и ея нравственное значеніе. <i>В. К. Недзвецкаго.</i>	—395

- IX. Благодѣяніе для народа Богопоставленной власти и бѣдствія отъ безвластія. *Прот. о. Иоанна Ильича Сергіева. (Кроншт.)* . . . . . —489
- Участіе Церкви въ собираніи Руси въ XIV—XVII вѣкахъ. *К. Шебатинскаго* . . . . . —527
- Оцѣнка предпосылокъ матеріалистическаго и пантеистическаго эволюціонизма. *А. Н. Чемоданоса* . . . . . —538
- Ученіе православной Церкви о происхожденіи челоуѣка. *Прот. Г. С—ва* . . . . . —567
- X. Въ чемъ состоитъ свобода христіанина. *Прот. о. Иоанна Ильича Сергіева. (Кроншт.)* . . . . . —654
- Объ основаніяхъ вмѣненія первороднаго грѣха Адамова всему челоуѣчеству. *П. Левитова* . . . . . —657
- Очеркъ философскихъ воззрѣній В. С. Соловьева. *Гером. Виссаріона* . . . . . —673
- Изъ исторіи религіозной мысли во времена революціи. *К. В. Недзвецкаго* . . . . . —689

Отдѣлъ II.

- VI. На могилѣ М. Н. Каткова. *Прот. Г. И. Соловьева* . . . . . — 81
- + Идеальное и реальное въ жизни Христіанина. *Г. Добрякова* . . . . . — 89
- Изъ исторіи духовнаго обновленія одной души. *Л. Оль.* . . . . . 121—146
- VII. То же. . . . . 269—308
- VIII. То же. . . . . 423—448
- IX. То же. . . . . 578—606
- X. То же. . . . . 755—786
- VII. Къ вопросу о причинахъ упадка пастырскаго духа въ современномъ нашемъ духовенствѣ. *П. И. Козицкаго* . . . . . —255
- VIII. То же . . . . . 408—422
- VII. Михаилъ Никифоровичъ Катковъ по вопросу объ учебномъ строѣ духовно-учебныхъ заведеній . . . . . —309
- VIII. Памяти учителя о. Прот. Андрея Григорьевича Полотебнова. *Прот. Г. Соловьева* . . . . . —449
- IX. Моральныя впечатлѣнія художественнаго Запада. *В. К. Недзвецкаго* . . . . . —608
- X. Къ вопросу о реформѣ духовныхъ семинарій. *Рек-*

тора Виденской духовной семинаріи Прот. Андрея А. Бяллева	704—722
Труды и заслуги К. П. Побѣдоносцева, для вѣры и Церкви. Прот. І. И. Соловьева	723—754
Священные огни. Между старымъ и новымъ годомъ. В. К. Недзвецкаго	787—789

БИБЛИОГРАФІЯ.

- VI. Мнѣнія, отзывы и письма Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго по разнымъ вопросамъ.—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Вопросы Вѣры и Церкви.—Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. Арсеній, епископъ Псковскій. *И. С.*—Духовенство древней вселенской церкви. (Отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка). Историческіе очерки А. П. Лебедева профессора Московскаго Университета. *М. В.—ъ.*—Новыя книги . . . . . 148—178
- VII. Гдѣ истинное счастье, въ вѣрѣ или невѣрїи. *П. І. С.* Московскій Митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель.—I) Сибирскія Церкви и школы фонда имени Императора Александра III. II) Современное состояніе, задачи и нужды православнаго инородческаго миссіонерства въ Сибири. *М. В.*—Голосъ народа. *М. В.* . . . 315—328
- VIII. Фридрихъ Ницше Антихристъ въ новѣйшей философіи. *И. С.*—Учебно-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіевской духовной академіи. *Л. И. Денисова.*—Профессоръ Т. Буткевичъ. О вѣротерпимости въ Россіи. *Л. Д.*—И. В. Преображенскій. Церковная реформа. *Н. Е. Реформато—ръ.*—Протоіерей Н. Русановъ. Церковная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ, изложенная по жизнеописаніямъ великихъ свѣтильниковъ православія. *Л. Д.*—Слово плоть бысть. Священная исторія Новаго Завѣта. Текстъ иллюстрированный. Д-на Н. Кедрова. *П. І. С.*—Нравственно-христіанское ученіе. *П. І. С.*—Михаилъ Феодоровичъ Грачевъ,

- бывшій членъ общества хоругвеносцевъ Московскаго Большаго Успенскаго Собора и извѣстный народный дѣятель. *М. Веретенниковъ*.—Новыя книги . . . . . 372—388
- IX. Л. А. Тихомировъ. Монархическая государственность. *П. I. С.*—Протоіерей І. Слободской, Фридрихъ Ницше при свѣтѣ христіанскаго міровоззрѣнія. *Л. И. Денисова*.—Свящ. Виноградовъ. Богословскія чтенія для учащихся въ послѣднихъ (VII и VIII) классахъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. *П. I. С.*—Священникъ Михаилъ Ремезовъ. Наставленіе въ Законъ Божіемъ. *Свящ. А. П—ъ*. Новости богословской литературы. *П. С.* . . . . . 620—635
- X. Противъ неправильно понимающихъ главнѣйшія истины Православной христіанской религіи. Прот. М. Вишневецкаго. *М. Веретенниковъ* . 690—693
- Замѣтки по теоріи религіознаго воспитанія. М. А. Куплетскаго. *Свящ. Авениръ Полозовъ*.—Оглавленіе.—Отъ редакціи.—Объявленія . . . . . 694—696
-

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

Журналъ «Вѣра и Церковь», основанный нами съ разрѣшенія Св. Синода въ 1899-мъ году, имѣетъ своею задачею отстаивать непрерываемую истинность православной вѣры и жизненную силу ея церковности, завѣщанной отцами, въ противѣдствіе рационализму нашего времени.

Въ исполненіе этой задачи, въ первомъ—**научно-богословскомъ** отдѣлѣ журнала помѣщаются статьи, служащія къ разъясненію тѣхъ богословскихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) вопросовъ, которые въ современной жизни и печати понимаются не согласно съ ученіемъ православной церкви, второй отдѣлъ—**церковно-общественный**, посвящается обзорѣнію и обсужденію съ точки зрѣнія православной церковности выдающихся явленій духовной жизни современнаго общества, а предметомъ третьяго—**библіографическаго**, служатъ книги и журнальныя статьи, преимущественно богословско-апологетическаго и учебнаго содержанія.

Поставляя себѣ такимъ образомъ задачею давать *отвѣтъ вопрошающимъ о нашемъ упованіи* (1 Петр. 3, 15), *како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. 3, 15), мы не можемъ, конечно, оставаться равнодушными къ тому безгранично-стремительному движенію послѣднихъ дней, которое, именуя себя духовно-освободительнымъ, проникаетъ даже за ограду Церкви и касается самой вѣры. Но, не отрицая нравственной обязательности для каждаго стремиться къ безконечному совершенствованію (Мѡ. 5, 48) и вѣра въ грядущее духовное обновленіе нашей жизни, мы глубоко убѣждены, что оно можетъ совершиться не путемъ порицанія и отрицанія всего стараго, а лишь вѣрностію Истинѣ (Иван. 8, 31 и 32), которая есть Христосъ (14, 6) и пребываетъ въ Церкви Его, неизмѣнно вѣрной хранилищѣ преданій, отцами завѣщанныхъ. Посему, не отказываясь вовсе отъ обсуждения современныхъ реформаторскихъ идей въ области вѣры и Церкви самихъ въ себѣ, мы не менѣе того благопотребнымъ считаемъ указаніе тѣхъ основъ духовнаго обновленія жизни, какія даны намъ въ свящ. преданіи. Въ этихъ видахъ мы и думаемъ въ наступающемъ году, если Богъ благословитъ, между прочимъ предложить читателямъ

въ новомъ русскомъ переводѣ съ предисловіемъ и объяснительными примѣчаніями «*Посланіе патріарховъ православно-каѳолическія церкви о православной вѣрѣ*», составленное въ концѣ XVII столѣтія въ изъясненіе православной истины противъ рационалистически-реформаторскихъ идей кальвинизма. Принятое свят. Синодомъ Россійской Церкви, какъ «точное изложеніе вѣры», оно, по благословенію Синода, подъ приведеннымъ заглавіемъ въ 1838 году отпечатано было въ русскомъ переводѣ, но въ настоящее время вышло изъ обращенія и почти забыто. Между тѣмъ руководственное значеніе этой «символической» книги православной церкви для нашего особенно времени неоспоримо; ибо предлагаемое въ ней предстоятелями вселенской церкви ученіе касается преимущественно тѣхъ вопросовъ, которые именно и занимаютъ современное общество и понимаются въ наши дни превратно.

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ журналъ **одобренъ** для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ **одобренъ** для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Многими епархіальными преосвященными онъ **рекомендованъ** для церковныхъ и благотворительныхъ бібліотекъ.

Журналъ выходитъ *десять разъ* въ годъ (за исключеніемъ іюня и іюля мѣсяцевъ) книжками не менѣе 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на годъ—*пять* рублей, съ доставкой и пересылкой—*шесть* рублей, на $\frac{1}{2}$ года—*три* рубля.

Подписка принимается у редактора-издателя, законоучителя Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, протоіерея Іоанна Ильича Соловьева (Москва, Остоженка, зданіе лицея) и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга.

Въ редакціи продаются оставшіеся экземпляры журнала за 1900—1905 годы по *пяти* рублей за годъ съ пересылкой.

Открыта подписка на 1906-й годъ.

Редакторъ-издатель, прот. **І. Соловьевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1906 ГОДЪ.

НА ДУХОВНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу 8 р. Журналь выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 листовъ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блажен. Иеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ: «Библіотека твореній свв. отцевъ и учителей церкви Западныхъ».

Указомъ Св. Синода отъ $\frac{3}{29}$ февр. 1884 г. подписка какъ на «Труды», какъ и на «Библіотеку твореній свв. отцевъ и учителей церкви Западныхъ» рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей. Для ознакомленія съ прошлымъ журнала можетъ служить «Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ Труд. Кіев. Духов. Акад.» за 45 лѣтъ его существованія (1860—1904); какъ этотъ указатель, такъ и каталогъ книгъ, имѣющихся въ складѣ редакціи для продажи, высылаются по первому требованію.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Православный Собесѣдникъ“

Съ приложеніемъ: «Толкованій на Новый Завѣтъ» бл. Теофилакта Болгарскаго.

Вступая въ 51-й годъ изданія, «*Православный Собесѣдникъ*», по-прежнему будетъ служить органомъ научно-просвѣдительной дѣятельности профессоровъ академіи и всѣхъ лицъ, сочувствующихъ духовному просвѣщенію. Журналъ будетъ издаваться въ духѣ началъ православія и выходить, какъ и ранѣе, *ежемѣсячно*, книжками до 15 листовъ въ каждой.

Программа журнала: 1) Творенія св. отцевъ и церковныхъ писателей. Будетъ продолжаться изданіе знаменитаго апологетическаго произведенія Оригена «Противъ Цельса». 2) Статьи богословскаго, философскаго, церковно-историческаго и миссіонерскаго содержанія, примѣнительно главнымъ образомъ къ запросамъ современной жизни и мысли. 3) Очерки текущей церковно-общественной жизни въ Россіи, на Западѣ и на Православномъ Востокѣ.—4) Обзоръ миссіонерской (главнымъ образомъ—внѣшней, инородческой) дѣятельности въ Россіи въ связи съ изученіемъ жизни русскихъ инородцевъ.—5) Хроника академической жизни.—6) Критическія статьи и библиографическія сообщенія изъ области духовной литературы и журналистики, какъ русской такъ и заграничной.

По примѣру 1905 года и въ наступающемъ 1906 году редакція «Православнаго Собесѣдника» предлагаетъ подписчикамъ особенно льготныя условія по приобрѣтенію цѣннаго изданія «Толкованій на Новый Завѣтъ бл. Теофилакта Болгарскаго». Въ 1906 году будутъ изданы два тома—*первый* (Толкованія на Евангеліе Маттея) и *второй* (Толкованія на Евангеліе Луки), которые и уступаются по **50 коп.** за томъ (вмѣсто 2 рублей за томъ). Уже вышедшіе въ 1905 году *пятый* и *шестой* томы означенныхъ «Толкованій» всѣ новые подписчики могутъ приобрѣтать точно также на льготныхъ условіяхъ—именно по **75 коп.** за томъ (вмѣсто 2 рублей за томъ).

Журналъ «Православный Собесѣдникъ» рекомендованъ Св. Синодомъ для выписыванія въ церковныя бібліотеки, «какъ изданіе полезное для постырскаго служенія духовенства» (Синод. отр. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе «Православнаго Собесѣдника» съ доставкой и пересылкой: *безъ приложенія «Толкованій» — въ Россію семь рублей, за границу — десять рублей; съ приложеніемъ же двухъ томовъ «Толкованій» (перваго и втораго) — въ Россію восемь рублей, за границу одиннадцать рублей.* Отдѣльная книжка журнала 80 коп.

Редакторъ профессоръ. *Л. Писаревъ.*

„Церковно-Общественная Жизнь“

НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Казанской Духовной Академіи

въ составъ 52 №№ въ годъ (по 2 печ. листа въ каждомъ).

Отвѣчая насущнымъ потребностямъ и запросамъ современной церковно-общественной жизни, журналъ ставитъ своею задачею главнымъ образомъ проясненіе церковно-общественнаго самосознанія по вопросамъ церковной реформы и освѣщеніе фактовъ наличной церковно-общественной дѣйствительности. Специальною задачею журнала является также обсужденіе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ религіозно-бытовымъ положеніемъ русскихъ инородцевъ, населяющихъ восточныя окраины Россіи.

Программа журнала: 1) Оригинальныя статьи по текущимъ вопросамъ церковно-общественной жизни и мысли. 2) Вопросы русскаго инородчества. 3) Обзоръ печати по церковнымъ вопросамъ. 4) Хроника церковно-общественныхъ событій за недѣлю. 5) Библіографія. Краткія бібліографическія замѣтки о вновь выходящихъ книгахъ. 6) Отзвуки жизни. Корреспонденціи изъ области церковно-общественной практики. 7) Почтовый ящикъ редакціи. 8) Объявленія.

Подписная цѣна: а) *въ Россіи* съ доставкой и пересылкой на годъ пять рублей, полгода—три рубля, три мѣсяца — 1 р.

50 к., помѣсячно—50 коп. б) *заграницу*—на годъ 8 рублей. Допускается разсрочка для годовыхъ подписчиковъ: при подпискѣ 3 р. и къ июню 2 рубля. Всѣ годовые подписчики получаютъ бесплатно предполагаемые къ выпуску декабрьскіе номера журнала за 1905 годъ.

Адресъ редакціи: Казань, Первая Академическая улица, д. № 11. **Контора редакціи:** Первая Академическая улица, домъ Улитиной. Отдѣленіе Конторы: «Центральная типографія» Воскресенская улица, рядомъ съ циркомъ.

Редакторы: профессора { *Л. Писаревъ.*
М. Машановъ.
К. Григорьевъ.

„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ТВОРЕНІЙ БЛ. ТEOДOPИТА, ЕП. КИРРСКАГО.

Въ 1906 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе «Богословскаго Вѣстника» ежемѣсячно, книжками въ пятнадцать и болые печатныхъ листовъ, **на слѣдующей программѣ.**

1) Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ. 2) Изслѣдованія и статьи по наукамъ богослов. философ. и истор., составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи. 3) Изъ современной жизни: обзорѣнія важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи. 4) Обзоръ текущей русской журналистики, преимущественно духовной а также критика, рецензіи и библиографія по наукамъ богосл. философ. и историч. 5) Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься авторіографическія записки Саввы, Архіепископа Тверскаго, и протоколы Совѣта Академіи за истекающій 1905 г. (полностью).

По примѣру прошлаго года редакція будетъ посвящать преимущественное вниманіе тѣмъ живымъ вопросамъ, которые съ такой съ чисто стихійною силою овладѣваютъ со-

знаніемъ общества въ переживаемый нами критическій моментъ нашей исторіи.

Мы наканунѣ великихъ преобразованій и коренной реформы церковнаго управленія, духовной школы, всей вообще церковной жизни.

Для читателей «Бог. Вѣстника», надѣмся, ясно то положеніе, котовое занялъ журналъ въ вопросѣ о церковныхъ реформахъ. Для него дорогъ важнѣйшій жизненный принципъ православной церкви, такъ рѣзко отличающій ее отъ католичества и протестантства,—принципъ соборности, проведенной послѣдовательно, сверху до низу. Противъ протестанствующихъ тенденціи онъ стоитъ за *освобожденіе церкви отъ гнета мірской власти, но именно церкви, а не іерархіи телько*; противъ католичествующихъ теченій, стремящихся вознести іерархію на высоту никому необязаннаго отчетомъ владычества и тѣмъ окончатсльно прервать ту тонкую связь между высшимъ духовенствомъ о духовенствомъ низшимъ и мірянами, какая еще существуетъ,—за *самое широкое самоуправленіе церкви, при которомъ голосъ блага духовенства и мірянъ получилъ бы подобающее значеніе и вѣсъ*.

Въ сознаніи необходимости самой широкой гласности въ обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ церковной реформой, **редакція приглашаетъ принять въ немъ участіе и своихъ подписчиковъ**, особенно *священниковъ и преподавателей духовно-учебныхъ заведеній*. Съ благодарностью будутъ приняты сообщенія и замѣтки, отдѣльныя соображенія и корреспонденціи. Редакція въ видахъ безпристрастія и въ обезпеченіе всесторонняго освѣщенія вопросовъ охотно даетъ мѣсто и трудамъ, съ которыми несогласно по существу, оставляя за собою право оговорокъ и критическихъ замѣчаній при сохраненіи однако полной неприкосновенности текста рукописи.

Въ качествѣ **собственнаго приложенія** къ журналу «Богословскій Вѣстникъ» всѣмъ подписчикамъ его въ 1906 году будутъ высланы:

ТРЕТІЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЫ

ТВОРЕНІЙ БЛ. ТЕОДОРИТА ЕП. КИРРСКАГО

въ русскомъ переводѣ.

Подписная цѣна на «Богословскій Вѣстникъ» совмѣстно съ приложеніемъ двухъ томовъ твореній блаженнаго Θεодорита.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Прим. безъ пересылки **семь** рублей, за границу—**десять**, Допускается подписка на журналъ *безъ приложенія* (Цѣна *7 рублей*). Допускается *разсрочка* на два срока (при подпискѣ 4 руб. и къ 1 Поля 4 руб.), или на три срока (при подпискѣ 3 р., къ 1 іюля 3 р. и къ 1 октября 2 руб.). Подписавшіеся на журналъ *безъ приложенія* пользуются такой разсрочкой: (на два срока—при подпискѣ 4 руб., къ 1 іюля 3 р.); на три срока (при подпискѣ 3 руб. къ 1 іюля 2 р. и къ 1 октября 2 руб.).

За перемѣну адреса 20 коп.

Прим. **Новые подписчики**, желающіе получить I и II томы твор. бл. Θεодорита, должны заявить о семъ редакціи при чемъ обозначить, какое изданіе они желаютъ имѣть, новое ли—2 руб. за оба тома, или старое—1 руб. (Текстъ въ обоихъ изданіяхъ тождественный).

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію «Богословскаго Вѣстника».

Редакторъ *проф. И. Поповъ*.

Н О В Ы Й

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Новости Богословской Литературы“

Подписная цѣна на годъ съ пересылкой и доставкой 2 руб. за границу 3 руб. (6 Марокъ, 8 Франковъ, 8 Кронъ).

Адресъ редакціи: Сергіевъ Посадъ Москов. губ Редакція журнала „Новости Богословской Литературы“.

Редакторъ — Издатель

Библиотекаръ Московской Духовной

Академіи **К. Поповъ**.

„Церковный Вѣстникъ“

И

„Христіанское Чтеніе“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Полнаго Собранія твореній Св. Іоанна Златоуста

издаваежыѣ при С.-Петербургской духовной академіи.

Еженедѣльный журналъ «Церковный Вѣстникъ» вступаетъ въ 1906 году въ тридцать второй годъ изданія.

Программа изданія остается прежняя. Въ нее входятъ:

1) Передовыя статьи, посвященныя обсужденію выдвигаемыхъ временемъ вопросовъ церковной въ широкомъ смыслѣ (богословскихъ, ц.-историческихъ, ц.-практическихъ, духовно-учебныхъ) и церковно-общественной жизни.

2) Статьи и сообщенія церковно-общественнаго характера, въ которыхъ обсуждаются различныя церковныя и общественныя явленія текущей русской и иностранной жизни.

3) Въ отдѣлѣ «Мнѣнія и отзывы» приводятся и подвергаются оцѣнкѣ наиболѣе интересныя и заслуживающія вниманія сужденія свѣтской и духовной печати по вопросамъ, составляющимъ злобу дня,

4) По настойчивому желанію подписчиковъ, «Церковный Вѣстникъ» давно уже даетъ на своихъ страницахъ мѣсто ихъ вопросамъ изъ области церковно-приходской практики, поручая составленіе отвѣтовъ на эти вопросы вполнѣ компетентнымъ лицамъ.

5) Корреспонденціи изъ епархій и изъ за границы знакомятъ читателей съ выдающимися явленіями мѣстной церковной жизни.

6) Библиографическія замѣтки о новыхъ книгахъ.

7) Постановленія и распоряженія правительства, печатаемыя, смотря по обстоятельствамъ, полностью или въ извлеченіи.

8) Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи.

9) Лѣтопись церковной и общественной жизни за границей, особенно въ родственныхъ намъ по вѣрѣ странахъ.

10) Извѣстія и замѣтки, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныя отдѣлы.

Объявленія.

II.

„Христіанское Чтеніе“

Ежемесячный журналъ „Христіанское Чтеніе“, старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ духовныхъ журналовъ, вступая въ 1906 году въ восемьдесятъ шестой годъ изданія, по прежнему будетъ давать:

1) статьи богословскія, философскія, историческія и по другимъ академическимъ предметамъ, принадлежащія преимущественно профессорамъ академіи, занимательныя по предметамъ, научныя по разработкѣ, но доступныя по изложенію;

2) критическіе отзывы о новыхъ болѣе крупныхъ произведеніяхъ богословско-философской и исторической литературы, русской и иностранной, а также—обзоръ русскихъ духовныхъ (и отчасти свѣтскихъ) журналовъ, знакомящій съ содержаніемъ ихъ статей и изслѣдованій и съ ихъ общими достоинствами;

3) годичный отчетъ о состояніи С.-Петербургской Духовной Академіи и журналы собраній ея Совѣта за текущій учебный годъ, знакомящіе читателей съ тѣми мѣрами, какія Академія употребляетъ для приготовленія достойныхъ дѣятелей на духовно-педагогическомъ и пастырскомъ служеніяхъ и для развитія христіанскаго, въ православномъ духѣ, образованія въ Россіи.

Выходя въ количествѣ 12-ти книжекъ, каждая отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ, «Христіанское Чтеніе» даетъ въ годъ до 132 печатныхъ листовъ (болѣе 2000 стр.), составляющихъ два тома (по двѣ части въ каждомъ) научно-богословскихъ статей и очерковъ и одинъ томъ журналовъ академическаго Совѣта.

III.

Съ 1895 года редакція издаеть и въ 1906 г. заканчиваетъ изданіемъ

„Полное собраніе твореній Св. Іоанна Златоуста“

въ русскомъ переводѣ.

Въ 1906 году будетъ изданъ **двѣнадцатый томъ** въ трехъ книгахъ. Въ него войдутъ бесѣды Св. Іоанна Златоуста на посланія Св. Апостола Пакла къ Евреямъ, литургія Св. Іоанна Златоуста, болѣе 70 словъ на разныя темы, отрывки толкованій на кн. Іова, Притчи Соломоновы, прор. Іеремію и др. и «Указатель» къ 12 томамъ «Златоуста».

Тѣ изъ гг. подписчиковъ, которые при подпискѣ или въ теченіе 1906 года пожелали бы получить и первые одиннадцать томовъ всѣ вмѣстѣ или порознь, уплачиваютъ за каждый томъ по **два рубля** (вмѣсто **трехъ**), въ переплетѣ по **два руб. 50 коп.** съ пересылкой.

Примѣчаніе: По этой льготной цѣнѣ каждый подписчикъ имѣетъ право получить только по *одному* экземпляру первыхъ одиннадцати томовъ.

Условія подписки на 1906 годъ

въ Россіи.

а) за *оба журнала* **8** (восемь) руб., съ приложеніемъ 12 тома твореній Св. Іоанна Златоуста—**9** (девять) руб., въ изящномъ переплетѣ—**9 руб. 50 коп.**

б) *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» **5** (пять) руб., съ приложеніемъ 12-го тома твореній Іоанна Златоуста—**6 руб. 50 коп.**, въ изящномъ переплетѣ—**7 руб.** (на полугодіе **3 руб.**, съ приложеніемъ 12-го тома явореній Св. Іоанна Златоуста—**5 руб.**, въ переплетѣ—**5 руб. 50 коп.**); за „Христіанское Чтеніе“ **5 руб.**, съ приложеніемъ 12-го тома твореній Св. Іоанна Златоуста—**6 руб. 50 коп.**, въ изящномъ переплетѣ—**7 руб.**

За границей для всѣхъ мѣстъ:

за оба журнала 10 (десять) р., съ приложеніемъ 12-го тома твореній Св. Іоанна Златоуста—11 р. 50 к., въ переплетѣ—12 р.; за каждый журналъ *отдѣльно*—7 (семь) руб. съ приложеніемъ 12-го тома твореній Св. Іоанна Златоуста—9 руб., въ переплетѣ—9 р. 50 к.

• *Иногородніе подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., д. № 182, кв. 10), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Допускается подписка на журналы въ кредитъ и съ разсрочкою платежа подписныхъ денегъ, — **по усмотрѣнію самихъ подписчиковъ**; но выписка въ кредитъ прежде вышедшихъ (1—11) томовъ »Твореній Св. Іоанна Златоуста» не допускается.

Редакторъ „Церк. Вѣстника“ проф. Д. Мпртовъ.

Редакторъ „Христ. Чтенія“ проф. П. Смирновъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢра и Разумъ“

въ 1906 году.

Съ Божіею помощію журналъ «ВѢра и Разумъ» вступаетъ въ XXIII-ю годовщину своего существованія. Заявивъ себя литературнымъ органомъ Духовенства Харьковской Епархіи, онъ однако-же всегда былъ чуждъ сословной исключительности и всегда желалъ служить религіозно-просвѣтительнымъ цѣлямъ всѣхъ православныхъ читателей. Такое направленіе этому журналу дано славнымъ основателемъ его, въ Бозѣ почившимъ Архіепископомъ Амвросіемъ; оно же нашло одобреніе и просвѣщенное покрови-

тельство въ лицѣ преемниковъ его: Высокопреосвященнаго Флавіана, нынѣ Митрополита Кіевскаго и Голицкаго, и Высокопреосвященнаго Арсенія, нынѣ Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Это же направленіе въ послѣднее время нашло одобрителный отзывъ и въ «Церк. Вѣдом.», органѣ Св. Синода, гдѣ этому журналу, «по богатству и достоинству богословскихъ изслѣдованій, отведено первое мѣсто, послѣ академическихъ журналовъ», и гдѣ онъ названъ «солиднымъ, по преимуществу апологетическимъ журналомъ» («Церк. Вѣдом.» 1905 г. № 31, стр. 1299). Сохраняемъ убѣжденіе, что это же направленіе должно оствовать обязательнымъ для нашего журнала и на будущее время, и особенно теперь, при нынѣшнемъ, почти повсемѣстномъ у насъ, возбужденіи общественной мысли. Въ прежнее время, когда состояніе народной вѣры и развитіе народнаго самосознанія было почри у всѣхъ однообразно, нашимъ пастырямъ не приходилось бороться противъ такой массы разнообразныхъ идей, какъ это случается теперь,—и нашимъ интеллигентнымъ людямъ, желающимъ остаться вѣрными Св. Церкви, но уже встрѣчающимся со множествомъ превратныхъ сужденій или намѣренныхъ извращеній ложной науки, необходимо, какъ никогда прежде, предупрежденіе отъ губельныхъ ошибокъ и увлеченій и выясненіе высокихъ христіанскихъ пщеаловъ на строго научныхъ основаніяхъ. Теперь говорятъ даже, что самымъ низшимъ слоямъ нашего общества должны быть открыты понятія, оправдываемыя серьезною наукою. Поэтому и апологія христіанства въ наше время должна идти въ уровень съ развивающимся народнымъ самознаніемъ и перейти границы традиціонной или традиціонно-школьной апологіи и стать строго научной и критической. Къ этому побуждается теперь наша духовная литература запросами текущей жизни, какъ никогда прежде. Именно этому знамени хотѣлъ бы служить и нашъ журналъ, по мѣрѣ своихъ силъ. Согласно съ этими убѣжденіями журналъ нашъ по прежнему будетъ состоять изъ слѣдующихъ трехъ отдѣловъ.

1) Отдѣла церковнаго, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія

Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религиозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2) Отдѣла философскаго. Въ него входятъ: изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи; также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени; отдѣльные случаи изъ ихъ жизни; болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ; особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свѣдѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3) Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковскоѣ епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, съ особою нумераціею страницъ, будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ: «Извѣстія по Харьковскоѣ епархіи». Въ этотъ отдѣлъ войдутъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковскоѣ епархіи: статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годичное изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 202 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р., съ пересылкой.

Разрочка въ уплату денегъ не допускается

Подписка принимается: **въ Харьковѣ:** въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковскихъ конторахъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»: **въ Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магаз. И. Д. Сытина; **въ Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

„Душеполезное Чтеніе“

Изданіе журнала „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ въ 1906 году *сорокъ седьмомъ* съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ. Вѣрная завѣта въ Божѣ почившаго основателя журнала, преосвященнѣйшаго Виссаріона, епископа Костромскаго и Галичскаго, несшаго труды по редактированію „Душеполезнаго Чтенія“ ровно тридцать лѣтъ, редакція будетъ продолжать то же святое дѣло, какое предназначалъ журналъ и святитель **ФИЛАРЕТЪ**, митрополитъ Московскій: „И правительствомъ и частными людьми усиленно распространяемая грамотность и любовь къ чтенію, писалъ онъ Святѣйшему Синоду, требуютъ здравѣй пищи, и особенно тогда, когда свѣтская литература повсюду предлагаетъ чтеніе большею частію суетное и неблагоприятное для истиннаго назиданія народа. Посему предлагаемое повременное изданіе,—*Душеполезное Чтеніе* можетъ соответствовать современнымъ настоятельнымъ потребностямъ—служись духовоому и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности *назидательнаго и понятнаго* духовнаго чтенія“.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія, творенію св. отцевъ и православнаго Богослуженія. 2) Статьи

вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*. 3) «*Публичныя богословскія чтенія*». 4) Записки преосв. Леонида, покойнаго архіепископа Ярославскаго, одного изъ ближайшихъ сослужителей приснопамятнаго святителя Филарета. 5) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ. 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго Теофана-Затворника, іеросхимонаха о. Амросія Оптинскаго: слова, поученія и вѣбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе знаменитыхъ пастырей Церкви. 8) Общепонятное и духовно-поучительное ирложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 9) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ и «богоспасаемымъ градамъ». 10) Новыя данныя о расколѣ, дри содѣйствіи спеціалиста по расколу профессора Восковской Духовной Академіи И. М. Вромославова. 11) По возможности документальныя и въ то же время *понятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, многоразличныхъ сектахъ съ разборомъ вхъ ученій и обрядовъ. 12) Отклики на современность.

Во исполненіе желанія очень многихъ читателей *«Душеполезнаго Чтенія»*, въ приложеніи къ журналу печатается особымъ изданіемъ полное собраніе резолюцій Филарета, митрополита Московскаго, съ примѣчаніями Протопресвитера Московскаго Большаго Успенскаго собора В. С. Маркова.

При одной изъ первыхъ книжекъ (мартъ—апрѣль) въ предстоящемъ 1906 году подписчики *«Душеполезнаго Чтенія»* кромѣ книги (перваго выпуска третьяго тома) Резолюцій Митрополита Филарета, получаютъ еще другое безплатное приложеніе — сочиненіе графа Ал. де-Сэнъ-При: *Исторія паденія Іезуитовъ*.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1906 году въ *«Душеполезномъ Чтеніи»* нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соответственными рисунками.

Опреѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ *Душеполезное Чтеніе—одобрить*, въ настоящемъ его видѣ, для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Годовая цѣна журнала за 11 книгъ **четыре** рубля съ пересылкой. За границу—**пять** рублей.

Адресъ: **Москва**, Въ редакцію журнала: **Душеполезное Чтеніе** при церкви Св. Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Докторъ Богословія, профессоръ Московской Духовной Академіи, *Алексій Введенскій*.
Издательница *Ольга Касицына*.

МИССИОНЕРСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Православный Благовѣстникъ“.

«Православный Благовѣстникъ», какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, имѣетъ своею цѣлію—съ одной стороны выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой—возможно-полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), и тѣхъ условій, среди которыхъ она совершается въ настоящее время.

Программа журнала слѣдующая:

1) Отдѣлъ официальный. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества.

2) Руководящія статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи.

3) Современное положеніе отечественныхъ миссій. Географическіе очерки мѣстностей, населенныхъ инородцами и служащихъ поприщемъ дѣятельности для нашихъ вѣропроповѣдниковъ. Очерки этнографическіе, изображающіе религіозно-нравственныя воззрѣнія инородцевъ, ихъ бытъ, а также семейныя и общественныя отношенія въ связи съ религіозными вѣрованіями. Русскія вѣропроповѣдники—въ мѣстахъ ихъ постоянной дѣятельности, виѣшняя сторона ихъ жизни. Проповѣдь, условія благопріятствующія проповѣди или же останавливающія ея успѣхи. Мѣры, принимаемыя къ утвержденію православія между новообращенными инородцами и сближенію ихъ съ русскими. Просвѣтительно-благотворительныя учрежденія въ православно-русскихъ миссіяхъ.

4) Очерки и рассказы изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ.

5) Миссіонерская дѣятельность на западѣ. Свѣдѣнія о католическихъ протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ.

6) Извѣстія и замѣтки: краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и замѣтуемыя изъ газетъ, писемъ и пр.

7) Библіографія. Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству.

8) Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій.

9) Объявленія.

Журналъ выходитъ *два раза* въ мѣсяць (15 и 30) книжками, въ объемѣ около *четыре*хъ печатныхъ листовъ. Цѣна изданія 4 рубля 50 коп. безъ пересылки и 5 рублей съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи журнала «Православный Благовѣстникъ», а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Лиховъ пер. (близъ Каретнаго ряда), Епархіальный Еомъ.

Редакторъ *Н. Комаровъ*.

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О Е И З Д А Н И Е

„БОЖІЯ НИВА“

ТРОИЦКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

Въ 1906 году съ Божіей помощію будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде.

«Божія Нива» имѣеть цѣлію оказывать нравственную поддержку всѣмъ, кто трудится въ народныхъ школахъ въ великомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей народа въ духѣ христіанскаго благочестія и родныхъ преданій старины.

Исходя изъ желанія показать новымъ подписчикамъ, знакомымъ съ нашимъ журналомъ лишь по заголовку, что этотъ журналъ не отличается спеціальнымъ характеромъ, а имѣеть дѣло съ вопросами, которые могутъ интересовать не только школу, но и семью, редація «Божіей Нивы» измѣнила его подзаголовокъ изъ «Троицкій собесѣдникъ для церковно-приходскихъ школъ» въ «ТРОИЦКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ШКОЛЫ И СЕМЬИ».

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе *обобрено* для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.—Епархіальные Училищные Совѣты могутъ вносить «Божію Ниву» въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Посѣвы и всходы: лѣтопись церковныхъ школъ. VI. Переписка нашихъ читателей. VII. Приложенія: «Зернышки Божіей Нивы». Троицкое чтеніе для дѣтей. (12 №№ въ годъ.)

Объемъ изданія—отъ 1 до 3-хъ печатныхъ листовъ.

Сроки выхода—12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніями ОДИНЪ рубль съ пересылкой.

Подписка на текущій годъ продолжается. Новые подписки получаютъ всѣ вышедшіе номера съ приложеніями.

Первые четыре тома **Божіей Нивы** можно получать безъ переплета по 1 р. 10 к. каждый томъ, а въ календаровомъ переплетѣ по 1 р. 75 к. съ перес.

АДРЕСЪ: Сергіевъ Посадъ, Московской губ., въ Редакцію «Божіей Нивы».

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „Воскресный День“

И ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

„Современная Лѣтопись“

Допущенъ въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній.

За 4 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой въ 1906 г. будетъ дано:

52 №№ журнала иллюстр., въ объемѣ 1½ печатн. листовъ, больш. формата каждый, по слѣдующей программѣ:

1) Церковь Црстова въ ея прошломъ. 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. 3) Христіанское богослуженіе. 4) Христіанское искусство. 5) Церковная географія. 6) Евангельская проповѣдь. Подвиги проповѣдниковъ евангелія на окраинахъ русской земли. 7) Христіанская мысль. Вѣроученіе и нравоученіе. 8) Религіозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь. Разказы изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

52 №№ газеты „СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“

По слѣдующей программѣ:

1) Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Церковно-общественная жизнь въ Россіи. 3) Распоряженія

епархіалън. начальствъ. 4) Среди газетъ и журнал. 5) Церковно-обществен. жизнь за границ. 6) Корреспонденціи 7) Пользныя свѣдѣнія. 8) Разныя извѣстія. 9) Смѣсь. 60 №№ Воскресныхъ Листковъ. Въ Воскресныхъ Листкахъ будутъ помѣщаться простые назидательные рассказы изъ житій святыхъ съ нравств. приложен. для простаго народа.

12 книгъ поученій Пастырскіе завѣты на всѣ воскресные и праздничные дни. Книги «Прстырскіе Завѣты» будутъ разсылаться за нѣсколько мѣсяцевъ до пропзнесенія поученій въ Церквѣ.

12 книгъ внѣбогослужебныхъ «Воскресный Собесѣдникъ» съ нравоученіями и рассказами изъ жизни святыхъ и изъ обыденной жизни о томъ, какъ жить христіанину въ міру. Кромѣ этого, въ 1906 г. будутъ даны: 1) Книжкѣ назидательныхъ рассказовъ съ иллюстраціями, пригодныхъ для чтенія на бесѣдахъ съ народомъ и въ школѣ. 2) Иллюстрированные стѣнные листы по объясненію нрав. богослуженія и по уелигіозно-нравственнымъ вопросамъ современной жизни текстъ будетъ напечатанъ только съ одной стороны и потому эти листы могутъ быть развѣшываемы на наружныхъ стѣнахъ храмовъ и въ школахъ.

Подписная цѣна на «Воскресный День» со всѣми приложенія съ пересылкой и доставкой на годъ 4 р. на полгода 2 р. 50 коп. Благочинные выписывающіе журналъ не мене 10 экз., получаютъ еще одиннадцатый экз. Бесплатно.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи: Мясницкая, д. Николаевской церкви.

Редакторъ-издатель свящ. *С. Уваровъ*.

С О О Б Щ Е Н І Я

Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ВЫПУСКАХЪ.

«Сообщеніе ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества» — единственный въ Россіи журналъ,

посвященныи вопросамъ востоковѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ. Его задача — изученіе Востока Ближняго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и на протяженіи всей многовѣковой его исторіи вплоть до нашего времени. Палестина, Сирія, Византія, Греція, Египеть, Леонъ, Синай, Кипръ. Славянскія земли—вотъ страны и мѣстности, подлежащія изученію зъ журналѣ, причемъ преимущественное вниманіе будетъ удѣляться Святой Землѣ, съ ея многочисленными святыми мѣстами. Церковная и гражданская исторія этихъ странъ и мѣстностей, археологія, литература, географія, топографія, современный бытъ въ самыхъ разнообразныхъ развѣтвленіяхъ, отдѣлахъ и вопросахъ—вотъ центральные пункты журнальной программы. Въ частности, въ журналѣ будутъ помѣщаться—ислѣдованія по различнымъ вопросамъ, очерки дѣятельности восточныхъ іерарховъ, церковно-историческіе и иные матеріалы, описанія путешествій современныхъ и давнихъ, обзоры сношеній Востока съ Россіей и характеристики русскихъ дѣятелей, описаніе дѣятельности мнославной пропаганды на Востокѣ, свѣдѣнія о положеніи здѣсь русскаго дѣла, вѣсти и корреспонденціи о современной церковно-общественной жизни на Востокѣ, обзоръ иностранный литературы и переводы лучшихъ иностранныхъ сочиненій по востоковѣдѣнію, критика и библиографія русскихъ изданій, мелкія извѣстія и замѣтки, официальные отчеты и сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества и т. д. Статьи будутъ носить частью научный, частью популярный характеръ. Нѣкоторыя изъ нихъ будутъ иллюстрированы.

• Цѣль изданія — служить духовному единенію между Православнымъ Востокомъ и Россіей путемъ научнаго изученія и объективнаго исслѣдованія прошлаго и настоящаго состоянія Востока, а равно ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ теченіе 1906 г. «Сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества» будутъ изданы въ **четыре**хъ выпускахъ, до **десяти** печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Подписная цѣна на «Сообщенія» въ 1906 году—**три рубля съ пересылкою**.

Подписка принимается исключительно въ Канцеляріи ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Полестинскаго Общества: С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., д. № 36.

Редакторъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи *Ив. Ив. Соколовъ*.

Иллюстрированный духовно-народный журналъ

„КОРМЧИЙ“

издаваемый при участіи отца **ІОАННА КРОНШТАДСКАГО**.

За 4 рубля въ годъ съ пересылкой даетъ: 42 №№ иллюстрированнаго журнала разнообразнаго, интереснаго духовно-нравственнаго содержанія. Въ журналѣ, между прочимъ, будутъ продолжены печатаніемъ статьи, имѣвшія выдающійся успѣхъ въ прошлыхъ годахъ. Отвѣты на недоумѣнные вопросы, Свящ. Вас. Авв. Черкесова и его же «Краткіе отвѣты вопрошающимъ» на личные запросы каждаго. 52 №№ Еженедѣльнаго Вѣстника подъ заглавіемъ «Современное Обзорѣніе» событій текущей жизни, издаваемаго по программѣ: 1) руководящая передавая статья на современные темы; 2) церковная жизнь; 3) общественная жизнь; 4) заграничныя извѣстія; 5) добрыя люди нашего времени; 6) полезные совѣты и указанія; 7) разные замѣтки; 8) изъ газетъ и журналовъ. 52 №№ Иллюстрированныхъ Листковъ по житіямъ воскресныхъ святыхъ (для чтенія въ храмѣ и семьѣ въ праздничные дни, а также для бесплатной раздачи народу въ церквахъ). 12 книжекъ для народа подъ общимъ заглавіемъ: Народная бібліотека «Кормчаго», состоящая изъ ряда назидательныхъ разсказовъ на быта народнаго, школьнаго, миссіонерскаго, военнаго и проч. 24 православно-миссіонерскихъ листка, заключающихъ въ себѣ отвѣты на недоумѣнные вопросы расколо-сектаетства. 1 книга проповѣдей на всѣ воскресные и праздничные дни цѣлаго года, а также на разные случаи приходской жизни. Для удобства пользованія этимъ весьма цѣннымъ для Пастырей-Проповѣдниковъ приложеніемъ, редакція разошлетъ его при первомъ же № журнала за 1906 годъ.

Въ видѣ особаго приложенія на 1906 годъ: 1 книга подъ заглавіемъ: «Нравственные уроки изъ книги книгъ». Это новое бесплатное приложеніе имѣетъ двоякую цѣль: обильный и полезный матеріалъ для внѣбогослужебныхъ бесѣдъ и здоровое, доброе чтеніе дома. Разошкется оно при первыхъ же №№.

Подписку на журналъ «Кормчій» посылать по такому адресу: Москва, Большая Ордынка, въ редакцію журнала «Кормчій».

Редакторъ Протоіерей *І. Н. Бухаревъ*.
Издатель Священникъ *С. С. Ляпидевскій*.

„СТРАННИКЪ“

духовный журналъ съ прибавленіемъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ и прибавленіемъ къ ней.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1906 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служить въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. При журналѣ въ качествѣ бесплатнаго приложенія издается «Общедоступная Богословская Библіотека», имѣющая своею цѣлію сдѣлать вполне доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

Въ 1906 году подписчикамъ будутъ даны три капитальныхъ сочиненій: 1) „Православная Богословская Энциклопедія“, или Богословскій Энциклопедическій словарь, содержащій въ себѣ необходимыя для всякаго серьезно образованнаго человѣка свѣдѣнія по всѣмъ предметамъ богословскаго и философскаго знанія, т. VII, въ который войдутъ слова на І, К и м. б. Л (съ картами и иллюстраціями). 2) Течковоя Библия, съ иллюстраціями, или комментарий на всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго завѣта. Томъ *три ийй*, въ который входятъ не вошедшія во II. т. Исто-

рядъ книгъ 3) «Матерія и Духъ»—особый трактатъ изъ серіи «Христіанство, наука и невѣріе на зарѣ XX вѣка».

Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печ. листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ).

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ «Странникъ» съ приложеніемъ двухъ томовъ «Общедоступной Богословской Библіотеки» восемь (8) рублей съ пересылкой; б) за границей 11 руб. съ пересылкой.

Адресоваться: Въ редакцію журнала «СТРАННИКЪ»—С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 182.

Городскіе С.П.б. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи—Невскій проспектъ, д. № 182.

За редактора *С. Артемьевъ*.

„Православный Путеводитель“

Съ четырьмя бесплатными приложеніями

Первые три года своего существованія «*Православный Путеводитель*» былъ журналомъ ежемѣсячнымъ и преимущественно миссіонерскимъ; съ будущаго года будетъ выходить 20 разъ въ годъ и по новой значительно расширенной программѣ.

Программа журнала: Отдѣлъ I (оффиціальнй), Узаконенія и разпоряженія правительства. Отдѣлъ II. Статьи объ истинахъ вѣры и нравственности, по изьясненію Свящ. Пиванія, богослуженія и церковныхъ канонровъ и по церковно-общественнымъ вопросамъ. Отдѣлъ III. Статьи по исторіи Церкви (общей и русской); старообрядчество и сектантство въ его прошломъ и въ настоящемъ. Мысли и сужденія о текущихъ событіяхъ и явленіяхъ церковно-общественной жизни. Хроника. Отдѣлъ IV. Разборъ ученія старообрядцевъ и сектантовъ. Миссіонерскія бесѣды. Отдѣлъ V. Мысли и сужденія по вопросамъ внутренней миссіи. Обзорніе современной постановки миссіонерскаго дѣла въ Россіи. Отдѣлъ VI. Воспоминаніе обратившихся въ православіе о жизни въ старообрядчествѣ и сектантствѣ.

Очерки и рассказы изъ современной религіозно-бытовой жизни православныхъ, старообрядцевъ и сектантовъ. Отдѣлъ VII. Изъ епархіальной и свѣтской печати. Отдѣлъ VIII. Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ по всѣмъ отраслямъ богословія. Обзоръ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ со стороны статей, относящихся къ программѣ журнала. Отдѣлъ IX. Извѣстія и замѣтки. Корреспонденціи. Отвѣты редакціи. Отдѣлъ X. Объявленія.

Приложенія: 1) Поученія на воскресные, праздничные и высокаторжественные дни 2) Церковный календарь на 1906 г. съ указаніемъ особенностей богослуженія, краткимъ содержаніемъ апостольскихъ и евангельскихъ чтеній въ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни, указаніемъ значенія праздничныхъ событій, указателемъ общедоступныхъ, вполне пригодныхъ для произнесенія въ храмѣ проповѣдей и подходящихъ темъ для нихъ на воскресные, праздничные и высокаторжественные дни и разными справочными свѣдѣніями полезными для духовенства; 3) Вопросы жизни при свѣтѣ вѣчности (публичныя чтенія) извѣстнаго автора Писемъ о русскомъ богословіи П. В. Никольскаго (содержаніе: загробная жизнь и оя отношеній къ настоящей; значеніе вѣры въ льное безсмертіе для нравственной жизни; мристіанское ученіе о вѣчной жизни, какъ основа христіанскаго нравоученія; вѣчное совершенствованіе, люаовъ къ ближнимъ, духъ и плоть; средневѣковыя искаженія христіанскаго ученія о вѣчной жизни и ихъ вліяніе на основы нравственности); 4) Выписки изъ святоотеческихъ твореній (въ русскомъ переводѣ) по вопросамъ, пререкаемомъ старообрядцами — Самарскаго епархіальнаго миссіонера-священника Д. А. Александра.

Журналъ будетъ выходить книжками по 5—6 листовъ каждая, дважды съ мѣсяць, за исключеніемъ апрѣля, іюля, августа и декабря, въ которые будетъ выходить по одному разу, т. е. 20 книжекъ въ годъ.

Цѣна за журналъ со всѣми приложеніями прежняя, т. е. 5 руб. съ доставкой и пересылкой по Россіи, а за границу 6 р. 50 к.